От Древней Руси к России нового времени

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DIVISION OF HISTORIC AND PHILOLOGICAL SCIENCES

А Хорошкевич

From Old Russia *to* Modern Russia

Collection of articles

To the 70th birth anniversary
of Anna Leonidovna
KHOROSHKEVICH

MOSCOW NAUKA 2003

От Древней Руси *к* России нового времени

Сборник статей

К 70-летию
Анны Леонидовны
ХОРОШКЕВИЧ

МОСКВА «НАУКА» 2003

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
О-80

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 01-01-16170д

Составитель
А.В. Юрасов

Редакционная коллегия:
В.Л. Янин (ответственный редактор),
С.М. Каштанов, А.С. Мельникова, Е.А. Рыбина

От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич / Сост. А.В. Юрасов; отв. ред. В.Л. Янин. – М.: Наука, 2003. 518 с.: ил.

ISBN 5-02-008752-1 (в пер.)

Сборник статей посвящен 70-летнему юбилею известного российского историка Анны Леонидовны Хорошкевич. В первой части сборника содержатся научно-биографические материалы и список печатных трудов юбиляра. Вторая часть сборника – исследовательские статьи коллег, друзей и учеников А.Л. Хорошкевич по ключевым проблемам изучения истории России IX–XVIII вв. в области взаимоотношений власти и общества, истории русского и российского города, торговли и купечества, общественной мысли и культуры, международных отношений.

Для историков, археологов, искусствоведов, специалистов в области историографии, источниковедения и специальных исторических дисциплин.

ТП-2001-II-№ 27

ISBN 5-02-008752-1

© Российская академия наук, 2003
© Издательство "Наука",
художественное оформление, 2003

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей "От Древней Руси к России нового времени" посвящен 70-летию со дня рождения известного российского историка Анны Леонидовны Хорошкевич, признанного в нашей стране и за рубежом специалиста в области изучения экономической и социально-политической истории, международных отношений, общественной мысли и культуры средневековой Руси и новой России.

Юбилейный сборник объединил историков и источниковедов, археологов, нумизматов, искусствоведов из России, Белоруссии, Германии, Австрии, Польши и США. Среди авторов – коллеги, друзья и ученики Анны Леонидовны, круг которых, конечно же, гораздо шире состава участников сборника.

В первой части сборника представлены очерк научной деятельности и список печатных трудов А.Л. Хорошкевич, а также посвященная ей глава из неопубликованной рукописи воспоминаний А.А. Зимина "Храм науки: Размышления о пережитом".

В статьях, помещенных во второй части сборника, рассматривается широкий круг вопросов по ключевым проблемам изучения истории Руси и России IX–XVIII вв. В соответствии с основными направлениями научных интересов юбиляра статьи объединены в несколько разделов: "Власть и общество", "История русского и российского города", "Торговля и купечество", "Общественная мысль. Культура. Искусство", "Международные отношения. Иностранцы о Руси, России и русских".

Авторы сборника от всей души желают Анне Леонидовне доброго здоровья, благополучия и больших творческих успехов!

А.В. Юрасов

АННА ЛЕОНИДОВНА ХОРОШКЕВИЧ

Имя Анны Леонидовны Хорошкевич широко известно ученым в нашей стране и за рубежом. Ее перу принадлежат более 300 печатных научных трудов, в их числе – девять книг. За годы научной деятельности А.Л. стала признанным специалистом в области изучения социально-экономической и политической истории, международных отношений, общественной мысли и культуры России конца XII – начала XVII вв. Заметный вклад внесен ею в исследование проблем отечественной и зарубежной историографии, источниковедения и специальных исторических дисциплин.

А.Л. Хорошкевич родилась 28 марта 1931 г. в Москве. Ее родители – потомственный врач Анна Валентиновна Черная-Хорошкевич и художник Леонид Николаевич Хорошкевич. Отец оказал на А.Л. большое влияние, он привил дочери художественный вкус, способствовал развитию у нее широкого кругозора и открытости к новому, неизведанному – будь то искусство, литература, наука и просто жизнь... И первый интерес к истории у А.Л. возник при прочтении книги французского искусствоведа Эжена Фромантена "Старые мастера" – о голландских художниках эпохи Нидерландской революции середины XVII в. – из отцовской библиотеки.

Ее детство и отрочество прошли на Арбате, с родителями А.Л. жила в Малом Палашовском переулке, во время войны с бабушкой и дедушкой – в Мерзляковском переулке, а затем – в Скатерном и снова в Мерзляковском. Любовь к старой Москве, к ее истории А.Л. сохранила на всю жизнь.

С шестого по десятый класс она училась в московской школе № 100, что у Никитских ворот. С особой теплотой А.Л. вспоминает своих школьных учителей: по литературе – легендарного И.И. Зеленцова и географии – В.И. Федосову, преподававших свои предметы на высоком профессиональном уровне, приближенном скорее к институтскому, нежели к школьному; С.Е. Богатову, увлеченно обучавшую русскому языку и литературе с шестого по девятый класс, организовавшую школьный кружок по изучению древнерусских летописей; по математике – Н.Н. Таль, немецкому языку – О.Н. Трубецкую и химии – С.В. Агапова, отличавшихся необыкновенным уважением к учащимся и любовью к своему предмету; и конечно же, преподавателя истории – С.М. Голдберг, приобщавшую учеников к истории и культуре древнего мира и средних веков в залах Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Все они приучали школьниц к самостоятельному осмыслению не только учебного материала по своим предметам, но и окружающей действительности.

По окончании школы А.Л. предприняла неудачную попытку сдачи вступительных экзаменов во 2-й Московский медицинский институт, тем самым немало огорчив родителей, которые очень хотели, чтобы их дочь продолжила семейную традицию и стала врачом. Следующий, 1948/49 учебный год, А.Л. посвятила занятиям живописью в художественной студии под руководством отца и изучению иностранных языков (немецкого и английского), знание которых в дальнейшем сыграло большую роль в ее научном творчестве.

В 1949 г. А.Л. поступила на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Во время учебы она слушала лекции и посещала семинары известных ученых – А.В. Арциховского, К.В. Базилевича, А.А. Губера, К.Ф. Мизиано, Н.А. Сидоровой, С.Д. Сказкина, Л.В. Черепнина. Их занятия способствовали формированию у студентов прочного фундамента общеис-

Ася Хорошкевич с отцом. Октябрь 1939 г.

торических знаний и профессионального кругозора. Несмотря на сложную общественно-политическую обстановку в стране, кампанию по борьбе с космополитизмом основная часть преподавателей сохраняла университетские традиции дореволюционной поры, и прежде всего – человеческую порядочность и верность науке.

Область собственных научных интересов у А.Л. определилась не сразу. Так, на первом курсе она собиралась всерьез заняться археологией, посещала археологический кружок, которым руководил Д.А. Авдусин, и даже сделала на одном из его заседаний доклад о древностях скифов, который был подвергнут суровой критике ее однокурсником Г.А. Федоровым-Давыдовым, ставшим впоследствии известным археологом. Будучи третьекурсницей, А.Л. удачно написала курсовую работу на тему "Крестьянские повинности накануне Великой Французской революции" и получила предложение продолжить занятия новой историей Франции. Однако к четвертому курсу у А.Л. окончательно определился интерес к истории средневековой Руси, она стала специализироваться по кафедре истории СССР периода феодализма, на которой в то время работали такие крупные ученые, как Л.В. Черепнин, Г.А. Новицкий, А.М. Сахаров, П.А. Зайончковский.

Научным руководителем А.Л. стал академик М.Н. Тихомиров, горячо любивший свою страну и ее историю, ученый с широкой исследовательской тематикой, по возможности избегавший в своих конкретно-исторических исследованиях всякого рода схематических построений и социологизирования, необычайно целеустремленный и энергичный человек, со сложным и своенравным характером. От Учителя А.Л. удалось перенять интерес к истории русского города и древнерусской торговле, живое восприятие исторической действительности и человека в истории, стремление писать свои сочинения доходчивым языком, чтобы они могли быть доступны и полезны как специалистам, так и широкому кругу читателей.

М.Н. Тихомиров

В летние студенческие каникулы А.Л. принимала участие в археологических экспедициях Института истории материальной культуры АН СССР. В свой первый полевой сезон 1950 г. она работала на раскопках поселения мордвы в с. Муранки Куйбышевской области (рук. – А.Е. Алихова). Летом 1951 г., в то самое время, когда была найдена первая берестяная грамота, на раскопках произошло первое знакомство А.Л. с Великим Новгородом (рук. – А.В. Арциховский). В 1952 г. ей довелось участвовать в археологических исследованиях Вышгорода и Переяславля (рук. – М.К. Каргер). Раскопки в Великом Новгороде, Вышгороде и Переславле позволили начинающему историку реально представить древнерусский город, его повседневную жизнь, быт и культуру городских жителей.

После окончания университета в 1954 г. А.Л. поступила в аспирантуру Института истории АН СССР (с 1967 г. – Институт истории СССР АН СССР, а с 1992 г. – Институт российской истории РАН), с которым связана ее дальнейшая творческая судьба. В аспирантские годы, наряду с подготовкой к сдаче экзаменов кандидатского минимума и работой над диссертацией, А.Л. продолжила занятия иностранными языками, увлеченно изучала французский, итальянский, шведский, польский.

В 1957 г., когда курс обучения в аспирантуре был завершен, по ходатайству М.Н. Тихомирова и Л.В. Черепнина, А.Л. зачислили младшим научным сотрудником в сектор истории СССР периода феодализма Отдела докапиталистиче-

ских формаций. В ту пору сотрудниками сектора были Н.А. Бакланова, И.А. Голубцов, Е.И. Заозерская, А.А. Зимин, Е.Н. Кушева, Н.И. Павленко, В.Т. Пашуто, Е.П. Подъяпольская, Н.В. Устюгов, М.М. Штранге. Заведовал сектором Л.В. Черепнин, относившийся к А.Л. по отечески тепло и заботливо. Этот коллектив отличали высокий уровень профессионализма и научной требовательности, среди сотрудников царила атмосфера истинной интеллигентности, взаимного уважения и доброжелательности, сохраненная старшим поколением ученых с дореволюционных лет.

В 1958 г. А.Л. успешно защитила кандидатскую диссертацию. В 1961 г. ее перевели во временно созданный сектор по написанию многотомной "Истории СССР с древнейших времен". В 1964 г. в связи с окончанием работы над II томом этого издания А.Л. возвратилась в сектор истории СССР периода феодализма, в котором с мая 1967 г. работала в должности старшего научного сотрудника. В феврале 1976 г. А.Л. защитила докторскую диссертацию, а в феврале 1981 г. ей присвоили ученое звание старшего научного сотрудника. С октября 1986 г. А.Л. – ведущий научный сотрудник сектора истории СССР периода феодализма (с 1992 по июль 2000 г. – Центр истории России в средние века и раннее новое время). С июля 2000 по апрель 2001 г., после ликвидации Центра истории России в средние века и раннее новое время во главе с членом-корреспондентом РАН С.М. Каштановым как самостоятельного научного подразделения Института, А.Л. работала в новом Центре истории русского феодализма. С апреля 2001 г. и по настоящее время А.Л. Хорошкевич – ведущий научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН.

Поступив в аспирантуру, А.Л. по рекомендации своего научного руководителя М.Н. Тихомирова занялась изучением внешней торговли Новгорода XIV–XV вв., в определенной степени продолжив исследование социально-экономической истории древнерусского города, начатое в университете при написании дипломной работы "Ремесло и торговля Пскова в XVI веке". На основе использования широкого круга русских и преимущественно иностранных (ливонских и ганзейских) источников (это стало возможным благодаря знанию иностранных языков), опираясь на тщательно продуманную методику их анализа, А.Л. исследовала один из важнейших аспектов истории новгородской торговли – состав и структуру товарооборотов.

В отличие от своего непосредственного предшественника Л.К. Гетца, А.Л. изучала внешнюю торговлю Новгорода в связи с социально-экономическим развитием Руси. Сравнение ассортимента экспорта и импорта позволило молодому историку выявить относительную отсталость экономики Новгорода и Руси в целом от передовых западноевропейских городов и стран, но вместе с тем изучение динамики объема внешней торговли Новгорода привело к выводу о неуклонном подъеме русской экономики, особенно в XV в. Как установила А.Л., новгородская внешняя торговля оказывала противоречивое влияние на процесс образования Русского централизованного государства. С одной стороны, зависимость от ввоза некоторых важнейших товаров (благородные и цветные металлы, соль), а также укрепление экономических позиций и сепаратистских тенденций новгородских бояр за счет вывоза пушнины и экспорта серебра затрудняли процесс консолидации Руси, создавали внешнеполитические трудности (Ганза и Орден, державшие в своих руках торговлю с Новгородом, стремились подчинить его своему влиянию), но с другой – внутренняя торговля воском, серебром, солью способствовала установлению экономических связей Новгорода с другими русскими землями.

Этим сюжетам были посвящены кандидатская диссертация и написанная на ее основе первая книга А.Л. "Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках" (1963). Сразу же после выхода в свет монография получила широкий отклик в нашей стране и за рубежом (на нее было опубликовано 12 рецензий), а столь успешно начавший свой путь в науке автор практически сразу же вошел в когорту авторитетных специалистов в области социально-экономической истории. Эта книга по праву может считаться классическим трудом по истории средневековой торговли.

Занятия по истории новгородской торговли в ЦГИА Латвийской ССР (ныне – ЛГИА), где в фонде Рижского магистрата хранится уникальный комплекс полоцких материалов, подтолкнули А.Л. к следующей теме ее научных исследований – истории белорусских земель в XIV – начале XVI вв., когда в результате распада Древнерусского государства эти земли оказались под властью Великого княжества Литовского, а также к пониманию важности публикации выявленных документов.

В докторской диссертации "Очерки социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV веке" (1974) подробно изучена Полоцкая земля: эволюция хозяйственного освоения края (промыслы, земледелие, скотоводство, охота и рыболовство) и внешняя торговля (направления, ассортимент, условия торговли, объем и динамика), социальная структура населения и особенности развития различных видов феодального землевладения (княжеского, монастырского и церковного, боярского, великокняжеской бюрократии, княжеско-боярской аристократии западно-русских земель, мещанского, земянского и др.) Ею рассмотрено большое количество актовых (привлечено 300 полоцких грамот, включенных в приложение к диссертации), делопроизводственных, нарративных источников, материалов сфрагистики, топонимики, генеалогии, археологии. Конкретно-историческое исследование, в котором А.Л. стремилась использовать методические приемы С.Б. Веселовского, привело автора к общим наблюдениям об особенностях становления и развития феодальных отношений на территории Северной Белоруссии в XIV–XV вв.

По тематике диссертации А.Л. опубликовала статьи о влиянии государственной политики на развитие феодального землевладения в Полоцкой земле XV–XVI вв. (1972), внешней торговле Полоцка в связи с политическим и социально-экономическим развитием Полоцкой земли (1974), хозяйственном освоении Полоцкой земли в XIV–XV вв. (1975), генеалогии мещан и мещанском землевладении в Полоцкой земле конца XIV – начала XVI в. (1977), а также монографию "Полоцкие грамоты как исторический источник" (1985).

В 1977–1989 гг. вышли из печати подготовленные А.Л. "Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв." (Вып. 1–6). В издании представлен комплекс грамот, состоящий из 330 документов (треть из них опубликована впервые) на русском или белорусском, немецком, латинском и польском языках, выявленных в архивах Москвы, Риги, Вильнюса, Минска. В публикации тексты грамот приведены в соответствии с современными (в немалой части – "усложненными") правилами их передачи, сопровождаются авторскими заголовками и легендами, палеографическими примечаниями и подробными исследовательскими комментариями к каждому документу, в научно-справочном аппарате представлены описания печатей и водяных знаков (в шестом выпуске даны описания и изображения 57 филиграней), именной, географический и предметно-терминологический указатели. Несмотря на неудовлетворенность А.Л. результатами своей археографической работы, наличие некоторых недочетов и ошибок (в частности, указанных в последнем шестом выпуске), не вполне удачное полиграфическое исполнение и небольшой тираж, "Полоцкие грамоты..." получили высокую

оценку в историографии и прочно вошли в корпус фундаментальных публикаций источников по истории средневековой Руси.

Более трети документов, опубликованных в "Полоцких грамотах...", были выявлены в фонде Литовской метрики (ф. 389) в Центральном государственном архиве древних актов (ныне – РГАДА). Обращение А.Л. к документам из этого архивного фонда, с 1928 г. практически выпавшего из поля зрения советских историков, сыграло важную роль в его возвращении в научный оборот. С конца 1960-х годов Литовская метрика вошла в число основных научных тем А.Л. Она написала статьи о Литовской метрике как источнике по истории Прибалтики и некоторых особенностях методики ее изучения (1968), жалованных грамотах Литовской метрики конца XV в. и их классификации (1970), истории издания и изучения Литовской метрики (1973), посольской документации Великого княжества Литовского конца XV – начала XVI в. (1988), составе и путях формирования Литовской метрики (1989), подготовила библиографию основных публикаций и исследований Литовской метрики 1983–1989 гг. (1989).

Многое сделано А.Л. для подготовки издания Литовской метрики, горячим сторонником которого она всегда являлась. С 1980 г. А.Л. стала заместителем главного редактора в редколлегии Литовской метрики, созданной в соответствии с договором о международном сотрудничестве по изданию Литовской метрики на 1981–1985 гг., заключенным между Институтом истории СССР АН СССР и Институтом истории ПАН. Ею в соавторстве с С.М. Каштановым были подготовлены "Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики" (1986). Однако в 1980–1990-е годы практическое осуществление программы систематической публикации материалов Литовской метрики в СССР, а затем в России, Белоруссии и на Украине столкнулось с серьезными препятствиями, в основном научно-организационного характера. В настоящее время эта работа успешно ведется в Литве, отдельные тома Литовской метрики издаются в Белоруссии и на Украине (см. статьи В.С. Менжинского и А. Дубониса в настоящем сборнике).

В 1982 г. вышла в свет коллективная монография В.Т. Пашуто, Б.Н. Флори, А.Л. Хорошкевич "Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства". Для этой книги А.Л. подготовила большой раздел об исторических судьбах будущих украинских и белорусских земель в XIV – начале XVI вв. Объектом рассмотрения стали территория, язык, население, материальная культура, сословия и повинности, политический строй, духовная культура. В этой работе А.Л. проследила влияние древнерусского этапа истории будущих украинских и белорусских земель на их последующее развитие в составе Великого княжества Литовского и Короны Польской, выявила особенности социально-экономических, политических и культурных процессов, протекавших на этих территориях, а также взаимные связи между восточнославянскими землями.

Со временем интерес к изучению социально-экономической истории привел А.Л. к исследованию проблем политического развития Руси. Большой интерес представляет ее монография "Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в." (1980). Это первый в историографии труд, тематически продолжающий книгу К.В. Базилевича "Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в." (1952). В этой книге А.Л. на основе обширного круга разнообразных русских и иностранных источников удалось нарисовать яркую картину международного положения Руси в экономической, политической и культурной областях. Автор по-новому освещает обстоятельства заключения второго брака Ивана III и племянницы последнего византийского императора Софьи Палеолог, официальный повод и события похода на Новгород в 1471 г., русско-молдавские отношения 90-х годов

XV в. Особое внимание А.Л. уделила русско-литовским отношениям и борьбе Ивана III за возвращение себе статуса независимого "государя", а Руси – самостоятельного государства.

Созданию монографии сопутствовало написание статей, посвященных изучению места России в системе мировых торговых путей конца XV в. (1972), русско-славянских связей конца XV – начала XVI в. (1973), борьбы России за создание флота на Балтийском море в конце XIV – начале XVI в., династического кризиса в России в конце XV в. (1974), сведений об Аристотеле Фиораванти в русских летописях (1979). В статьях «Термины "Руссия" и "Московия" в 9–13 книгах "Анналов Польши" Яна Длугоша», "Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии" (1976) А.Л. делает первые попытки осмысления политических процессов, происходивших в средневековой Руси, на основе исследования эволюции политико-географической терминологии того времени.

Во второй половине 1980-х – 1990-е годы А.Л. исследует еще одно важное направление международной политики Русского государства – русско-крымские отношения. Монография "Русь и Крым: От союза к противостоянию: Конец XV – начало XVI в.", в основной части написанная еще в 1986 г., была опубликована лишь в 2001 г. В этой книге автор стремился показать русско-крымские отношения и борьбу Руси за освобождение от пережитков ордынской зависимости в экономической, демографической, политической и культурной сферах на фоне совместной борьбы княжества всея Руси и Крымского ханства с общим противником – Большой Ордой, а в начале XVI в. – в контексте противоречий Руси и Великого княжества Литовского.

Изучение проблем политической истории конца XV – начала XVI в. нашло продолжение в серии работ, посвященных эпохе Василия III и Ивана IV. В 1974 г. в соавторстве с А.А. Зиминым А.Л. написала научно-популярную книгу "Россия времени Ивана Грозного", увидевшую свет лишь в 1982 г. Этому периоду российской истории посвящены статьи: "История государственности в публицистике времени централизации" (1975), «Право "вывода" и власть государя» (1982), "Еще одна концепция происхождения опричнины Ивана Грозного" (1990), "Русско-литовские отношения накануне создания II Литовского статута 1566 г. (по материалам русских посольских книг)" (1993), «Царский титул Ивана IV и боярский "мятеж" 1553 г.», "Великий князь и его подданные в первой четверти XVI в." (1994), "Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного" (1996), "Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный" (1997), "Измена Пимена и поход Ивана Грозного на Новгород" (1999). В ряде названных работ А.Л. отстаивает свою концепцию происхождения опричнины, согласно которой опричнина была учреждена Грозным в целях продолжения непопулярной в России Ливонской войны. Страдавший сложным комплексом неполноценности, первый русский царь болезненно воспринял отказ великого князя литовского и короля польского признать его титул, а также нежелание боярства поддерживать его в борьбе "за государево имя", в воинственных устремлениях против единоверческого населения Великого княжества Литовского. По мнению А.Л., именно за это большинство воевод и всех участников переговоров с Великим княжеством Литовским и Короной Польской, объединившихся в 1569 г. в Речь Посполитую, вне зависимости от их принадлежности к опричнине или земщине, на протяжении 1567–1570 гг. и подверглось репрессиям.

Со студенческой скамьи в поле зрения А.Л. постоянно находится история русского средневекового города. По этой обширной теме написаны монография, посвященная внешней торговле Великого Новгорода в XIV–XV вв. (1963), статьи о ремесле, быте и культуре Пскова по немецко-русскому словарю нача-

ла XVII в. (1966, 1967), значении экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV – начале XVI в. (1968), внешней торговле Полоцка в XIV–XV вв. (1974, 2001), кредите в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV вв. (1977), некоторых категориях московских ремесленников XIV–XV вв. (1978), "брани" из-за смердов в Пскове в 80-х годах XV в. (1983), городских движениях на Руси второй половины XIII – конца XVI вв. (1986), московском посаде середины XVI в. по данным польско-литовских посольских книг (1996), повседневном быте москвичей в середине XVI в. по материалам Стоглава (2000), изображении Москвы в "Записках" Мартина Груневега (2001). Особое место среди городоведческих работ А.Л. занимают главы по истории Москвы XVI – начала XVII вв. в крупном обобщающем труде "История Москвы с древнейших времен до наших дней" (1997) и очерк по истории города Великие Луки с древнейших времен до конца XVII в. (1976).

Наряду с исследовательской работой над конкретно-историческими проблемами, А.Л. принимала участие в написании ряда обобщающих коллективных трудов. Ей принадлежат главы "Образование единого Российского государства" и "Культура русского народа в XIII – первой половине XVII в." в "Истории СССР с древнейших времен" (1966), а также "Русь и Восточная Европа в XIII–XV вв." в "Истории Европы с древнейших времен" (1992). А.Л. писала статьи для "Советской исторической энциклопедии" (1963, 1973), "Советской военной энциклопедии" (1978) и "Словаря средневековья / Lexikon des Mittelalters" (1994–1998).

Источниковедческие исследования А.Л. представлены в монографии "Полоцкие грамоты как исторический источник" и в комментариях к текстам полоцких грамот XIII–XVI вв. (1977–1989), в статьях о Литовской метрике (1968, 1970, 1973, 1988, 1989), договорах Полоцка 1405–1406 гг. (1963), псковских летописях как источнике по истории внешней торговли Пскова XIV – начала XVI вв. (1974), древнейших новгородско-готландско-немецких договорах конца XII – середины XIII в. (1993, 1996, 1997), некоторых источниках Устюжского летописного свода (1989), немецко-русских словарях-разговорниках XIII–XVII вв. (1999, 2000).

Широкий интерес А.Л. проявила к специальным историческим дисциплинам. Нумизматике посвящены статьи историка о русском денежном обращении конца XIV–XVI вв. по иностранным источникам (1961, 1962, 1999), генеалогии – исследования по генеалогии полоцких мещан в XIV – начале XVI вв. (1977), топонимике – специальная работа о топониме "Боровицкие ворота" (1985).

На волне общественного подъема конца 1980-х – начала 1990-х годов А.Л. обратилась к изучению государственной символики России. В научно-популярных книгах "Символы русской государственности" (1993) "Герб и флаг России (X–XX века)" (1997, в соавторстве с В.А. Артамоновым, Г.В. Вилинбаховым и С.Ф. Фаизовым) на основе использования письменных, нумизматических, сфрагистических и генеалогических источников прослеживается история становления и развития российской государственной символики в контексте византийских и западноевропейских традиций, международных отношений, особенностей развития русского и российского общества, эволюции его самосознания.

По сфрагистике средневековой Руси А.Л. подготовила доклады и написала статьи о печатях полоцких грамот XIV–XV вв. (1972), сфрагистических традициях в печати князя всея Руси (1989), знаковой системе русских средневековых княжеских печатей XV в. (1990), конных печатях Мстислава Мстиславича Удалого и Александра Невского (1989, 1995), о византийских и западноевропейских традициях в русской средневековой сфрагистике (1995).

В области археографии А.Л. проделала большую работу по публикации

"Полоцких грамот..." и подготовке издания Литовской метрики. По мере открытия новых материалов она вводит в научный оборот и другие интересные актовые и делопроизводственные источники по истории России XIV–XVII вв. А.Л. впервые опубликовала некоторые русские грамоты XIV–XV вв. из коллекции "Moscovitica-Rutenica" ЦГИА Латвийской ССР (1964, 1966), псковскую полную грамоту 1511 г. (1969), некоторые источники по истории полного холопства конца XV – начала XVI в. (1974), опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. (1984), "памяти" царя Василия Шуйского в Цывильск и Кузьмодемьянск 1609 г. (1994), грамоты великого князя литовского Витовта о русско-литовских отношениях начала XV в. (1998). Также А.Л. участвовала в подготовке к печати и комментировании документов из советских архивов для сборника "Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в." (1978).

Особое направление публикаторской деятельности А.Л. – издание сочинений иностранных авторов о России. Благодаря ее усилиям в 1980-х годах в издательстве МГУ была восстановлена прерванная в 1940-е годы серия "Народы СССР в записках иностранцев" и разработана программа издания записок иностранцев о России XVI-XVII вв. на перспективу до 2010 г. В этой серии по инициативе и при самом деятельном участии А.Л. вышли публикации "Записок о Московии" Сигизмунда Герберштейна (1988), трактат Михалона Литвина "О нравах татар, литовцев и москвитян" (1994), "История шведско-московитской войны начала XVII века" Юхана Видекинда (2000), а также изданы труды А. Поссевино "Исторические сочинения о России XVI в." (1983, составитель Л.Н. Годовикова), "Записки о России. XVI – начала XVII в." Джерома Горсея (1990, составитель А.А. Севастьянова) и "Великая хроника о народах Руси и Польши" (1993, составитель Н.И. Щавелева).

Среди публикаций, подготовленных при участии А.Л., немалое место занимают труды ученых-историков, ставшие памятниками научной мысли. Одна из ее первых работ в этой области – подготовка к печати и комментирование пятого тома "Истории России с древнейших времен" С.М. Соловьева (1960, 1988). Приобретенные навыки и опыт впоследствии позволили А.Л. совместно с А.И. Плигузовым издать на русском языке книгу крупного историка-слависта, профессора Оксфордского университета Джона Феннела "Кризис средневековой Руси: 1200–1305 гг." (1989), дополнив ее обширным научно-справочным аппаратом (хронологические и генеалогические таблицы, карты, указатели и т.д.). Сохраняя верность памяти своего наставника и друга А.А. Зимина (1960–1980), А.Л. совместно с В.Г. Зиминой, В.Б. Кобриным, Я.С. Лурье участвовала в подготовке посмертного издания рукописей пяти книг известного отечественного историка: "Россия на рубеже XV–XVI столетий. (Очерки социально-политической истории)" (1982), "В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России" (1986), "Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в." (1991), "Правда Русская" (1999), а также 2-го издания "Опричнины" (2001).

К историографии А.Л. обратилась в период первой "оттепели" конца 1950-х – 1960-х годов. В ту пору она активно писала в научной периодике о новых книгах и статьях по русской истории, публикуемых за рубежом. Среди первых печатных работ А.Л. – историографический обзор материалов по истории СССР в "Оксфордских славянских записках" за 1950–1957 гг., написанный совместно с В.Д. Кузьминой, и информация о зарубежных откликах на открытие новгородских берестяных грамот (1958). Интерес представляют обзор новых зарубежных изданий источников по истории феодальной России до XVIII в., подготовленный А.Л. в соавторстве с А.А. Зиминым (1965), а также отзывы об отдельных публикациях – сочинения чешского иезуита Георгия Давида "Современное

положение Великороссии или Московии" (1968), жалованной грамоты Бориса Годунова Любеку 1603 г. (1969), лубочного издания "Сказания о Мамаевом побоище" в Польше (1979). Опубликованы рецензии А.Л. на статьи зарубежных историков М. Богуцкой и С. Хошовского (о русском хлебе на амстердамском рынке в первой половине XVII в.), П. Йохансена (по русско-ганзейской торговле), И. Сорлин (о русско-византийских договорах X в.).

Многочисленные рецензии А.Л. на книги известных отечественных и зарубежных ученых – живой отклик заинтересованного исследователя на развитие исторической науки. В рецензиях на монографии Ф. Беннингховена (о возникновении Риги и раннеганзейском купечестве), Ю. Бардаха (по истории и праву Великого княжества Литовского XIV–XVII вв.), Г.-Ю. Грабмюллера (по истории псковского летописания XIII–XV вв.), В.В. Дорошенко (о торговле и купечестве Риги в XVII в.), Г.А. Енша (по истории архивного дела в Латвии), Н.А. Казаковой (о русско-ливонских и русско-ганзейских отношениях конца XIV – начала XVI в.), С.М. Каштанова (по истории русской дипломатики, о русских актах X–XVI вв.), А.И. Клибанова (о реформационных движениях в России в XIV – первой половине XVI вв.), В.Б. Кобрина (об Иване Грозном), Э.С. Смирновой (о живописи Великого Новгорода середины XIII – начала XV вв.), И. Грали (о карьере Ивана Михайловича Висковатого), как правило, присутствует не только оценка вклада автора книги в разработку избранной им для изучения проблемы, но и предложение новых подходов и идей, перспектив дальнейших исследований в этой области.

Интерес к новым источникам и методике археографической работы способствовал появлению рецензий на ряд важных изданий источников по истории средневековой Руси и Белоруссии: "Опись Новгорода 1617 года" (1987), сборник документов "Ярославский архив дворян Викентьевых XVII в." (1989), книгу записей Литовской метрики № 28 (2001), а также обзора новейших публикаций: "Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг.", "Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в.", "Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века" (2000).

В русле проблемной историографии А.Л. написала статьи об изучении в отечественной науке истории русского города X – первой половины XVII вв. (1966), проблемы формирования прибылей в торговле Прибалтики и Северо-Запада России XV–XVII вв. (1984), опричнины Ивана Грозного и характера Русского государства (1991), русско-крымских отношений конца XV – начала XVI в. (1998), региональных проблем российского средневековья (1999). Она интересовалась освещением в зарубежной историографии внешней торговли Руси XIV–XV вв. (1960) и истории русского города X–XVI вв. (1962, 1986).

Перу А.Л. принадлежат статьи и эссе о жизни и научном творчестве С.Ф. Платонова, А.А. Зимина, В.Т. Пашуто, В.Б. Кобрина, И.П. Русановой и Б.А. Тимощука, Н.А. Казаковой, И.Э. Клейненберга, Н.Н. Улащика, Г.А. Енша, Б. Зинтары, Дж. Феннела, М. Хелльмана, М.П. Лукичева. В них – дань уважения известным отечественным и зарубежным ученым, коллегам и друзьям, стремление по достоинству оценить их человеческие качества и верное служение науке.

Много времени и сил отдает А.Л. научно-организационнной работе. Она участвует в редколлегиях "Словаря русского языка XI–XVII вв." (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) и "Ежегодника по истории Восточной Европы / Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte" (Университет им. Гумбольдта в Берлине). А.Л. входила в состав ученых советов Института российской истории РАН и Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева, ныне является членом ученых советов Государственного Исторического музея и Российского государственного архива древних актов. Более 20 лет она – член

Международной комиссии историков СССР (ныне – России) и Польши. А.Л. была одним из инициаторов и организаторов крупных научных форумов: трех научных конференций, посвященных памяти А.А. Зимина (1990, 1995, 2000) и чтений памяти В.Б. Кобрина (1990), серии научных конференций "Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.)" (1996, 1999, 2000).

С конца 1960-х годов А.Л. неоднократно доводилось представлять отечественную историческую науку на международных конгрессах, симпозиумах, конференциях в Италии, Германии, Польше, Белоруссии. Ее статьи регулярно появляются в научных изданиях за пределами России. Постоянные контакты А.Л. с коллегами из других стран способствуют укреплению связей отечественной и зарубежной исторической науки. На протяжении нескольких десятилетий длится ее дружба с Н. Ангерманном (Гамбург), А. Поппэ (Варшава), Л.Я. Томас (Берлин), Д. Афферикой (США), А. Каппелером (Вена), Ю.М. Бардахом (Варшава), Т. Василевским (Варшава), Р. и Н. Рексхойзерами (Люнебург). Она хранит светлую память о покойных друзьях А.А. Гейшторе (Варшава) и Г.-Й. Торке (Берлин).

В силу постоянной загруженности научными и житейскими делами, А.Л. не пришлось заниматься преподавательской работой, поэтому число ее учеников невелико. Среди них – В.С. Менжинский, специалист по истории Белоруссии XV–XVI вв., один из современных белорусских исследователей и издателей Литовской метрики, Е.В. Синицына, написавшая интересное источниковедческое исследование на материале житий ярославских святых, и автор этих строк. В своем общении с учениками и просто молодыми начинающими исследователями А.Л. поддерживает их увлеченность научным поиском, передает свои знания, профессиональные традиции и навыки, проявляет заинтересованное участие в их научной и человеческой судьбе.

Высокая работоспособность, целеустремленность и живой интерес к истории всегда вызывают уважение к А.Л. у знающих ее людей, друзей, коллег и учеников привлекает в ней открытость и искренность, отзывчивость и стремление прийти на помощь. Несмотря на порой излишнюю эмоциональность, категоричность в суждениях и оценках, неизменным остается главное – неравнодушное отношение к окружающему миру, искреннее служение делу и людям.

Преодолевая многочисленные трудности и проблемы, А.Л. уверенно ведет по жизни свое большое семейство. Ее муж, Дмитрий Павлович Федорин, как и отец, художник. Выставки его работ проходили в Центральном доме художника, Институте искусствознания Министерства культуры Российской Федерации, Московской консерватории, Музее-заповеднике "Александровская слобода", Доме российской культуры и науки в Варшаве, галерее Ля Клош в Дижоне (Франция) и в других выставочных залах. Картины Д.П. Федорина находятся в музейных собраниях в России, а также в частных коллекциях в Германии, США, Польше, Франции и Японии. Подрастают внуки А.Л. – Арсений, Иван и Петр. Один из них успешно использует ее научные исследования в создании экспозиции школьного музея.

Юбилей – повод для подведения всего лишь промежуточных итогов. А.Л. Хорошкевич встретила свое 70-летие в расцвете творческих сил, она продолжает активно работать, в печати – ее новая монография "Россия в системе международных отношений середины XVI в.", публикация "Записок о России" Якоба Ульфельдта, новое издание "Записок о Московии" Сигизмунда Герберштейна, целый ряд статей. И, как всегда, А.Л. полна новых идей и замыслов. Остается от всего сердца пожелать этому удивительному человеку и яркому ученому крепкого здоровья, семейного благополучия, энергии и терпения, чтобы успешно воплотить в жизнь все ныне задуманные и будущие научные планы...

А.А. Зимин

МОЙ ИСТИННЫЙ ДРУГ*

В мире ликующих, праздно болтающих, в царстве умеренности и аккуратности всегда находится возмутитель спокойствия, принимающий на себя все удары крыльев ветряной мельницы. Дон-Кихотом, ведущим каждодневный бой за торжество справедливости со всей королевской ратью, была разбойница Ася.

Анна Леонидовна Хорошкевич (р. 1931) окончила Московский университет в 1954 г. Дипломную работу о Псковской земле в конце XVI в. по писцовым книгам она защищала у М.Н. Тихомирова[а]. Вольнолюбивый и вместе с тем покорный воле Москвы Псков на всю жизнь у Анны Леонидовны остался одной из любимых страниц истории. Ей она посвятила несколько любопытных работ, в частности ввела в научный обиход материалы псковского словаря Тонни Фенне 1607 г.[1]

Анна Леонидовна выросла в семье старинной русской интеллигенции. Хорошкевичи мне встречались в источниках во время занятий Каменскими уже Петровского времени. Молодость Аси прошла в кругу самостоятельных женщин, что придало ей дополнительные силы для Битвы Жизни. Три Анны – бабка[б], мать[в] и дочь – три волевые женщины. Мать Аси – Анна Валентиновна Черная, заслуженный врач республики со своим мужем[г], нервным, мечтательным художником, состояла в разводе. Ася боготворила своего отца, но жила с бабкой и матерью. Святое искусство сопровождает Анну Леонидовну всю жизнь. Ее супруг[д] тоже художник, абсолютно не приспособленный к жизни, что вызывает бурю протеста со стороны совершенно земной Анны Валентиновны и создает новые трудности для Аси.

После окончания Университета А.Л. Хорошкевич поступила в аспирантуру нашего сектора[е]. Руководителем ее остался М.Н. Тихомиров. Он дал ей "свою" (городскую) тему – "Торговля Новгорода с Прибалтикой и Западом в XIV–XV вв.". В 1958 г. Анна Леонидовна, защитив диссертацию, была зачислена в штат нашего сектора.

Выход в свет книги А.Л. Хорошкевич о торговле Новгорода стал событием в нашей феодальной науке[2]. Он был встречен благожелательными откликами как у нас, так и за рубежом. Это объяснялось и широким привлечением в ней разноязычных (в то время свежих) источников, в том числе и отечественных (актов и берестяных грамот). Но основное значение книги состояло в самой постановке вопроса. Ранее ввоз и вывоз товаров в Новгород рассматривался изолированно, вне исторического контекста. Теперь же А.Л. Хорошкевич изучила эту проблему на широком фоне состояния мануфактурного производства и ремесла как в странах Западной Европы, так и на Руси. Это позволило ей понять и сам состав экспортируемых и импортируемых Новгородом товаров и объяснить изменения в их номенклатуре на протяжении двух веков. Такую широкую постановку

---

* Печатается глава (авторское название – "Разбойница Аська") из неопубликованной рукописи воспоминаний известного отечественного историка Александра Александровича Зимина (1920–1980) "Храм науки. Размышления о пережитом". Первый вариант рукописи был написан в 1974 г., затем текст существенно редактировался в 1976 г., и работа над ним продолжалась почти до самой смерти автора в феврале 1980 г. В настоящее время авторский машинописный экземпляр рукописи хранится в личном архиве А.А. Зимина. Фрагмент рукописи для публикации любезно предоставлен В.Г. Зиминой. Подготовка текста к печати и комментарии А.В. Юрасова.

А.А. Зимин. 1970-е годы

вопроса впоследствии мы найдем и в книге Анны Леонидовны о международном положении России XV–XVI вв. Особенно пристально в книге рассматривались русско-ганзейско-орденские отношения, к которым автор позднее неоднократно возвращался[3].

Уже в первой книге проявились две характерные для творчества Анны Леонидовны черты: глубокий интерес к отечественной и зарубежной литературе и поиски новых источников (как русских, так и иноязычных). В секторе после защиты диссертации ей поручили работу по подготовке к изданию одного из томов "Истории России" С.М. Соловьева*, выпускавшейся тогда под редакцией Л.В. Черепнина[4]. Анна Леонидовна написала много рецензий и историографических обзоров на труды советских историков[5]. С 1961 по 1966 г. она состояла в секторе по подготовке многотомной "Истории СССР", где ею по поручению М.Н. Тихомирова написана яркая глава о России второй половины XV – первой трети XVI в.[6] Занятие этой главой было новым толчком к изучению международного положения России того времени[3].

Осведомленная о состоянии отечественной историографии А.Л. Хорошкевич охотно откликается на работы по истории России и публикации новых

источников, вышедшие за рубежом[7]. Этим циклом работ А.Л. Хорошкевич стремится ликвидировать глубокую пропасть, отделявшую долгие годы советскую литературу от зарубежной. Зная все основные европейские языки (в том числе шведский и итальянский), А.Л. Хорошкевич показывает читателю состояние изучения феодальной русистики за рубежом, в том числе влияние, которое имеют открытия советских ученых на ее развитие (в частности, находка берестяных грамот). Ее разборы отдельных книг (например, Грабмюллера) говорят о том, что в последние годы за рубежом усилился интерес к серьезной источниковедческой проблематике. Вместе с тем А. Л. Хорошкевич стремится восполнить имеющиеся в этой русистике пробелы, указывая на конкретные работы и пути, по которым идут ученые нашей страны.

Не все опыты в этом направлении у А.Л. Хорошкевич были удачными. В духе "разноса" была написана брошюра В.Т. Пашуто и В.И. Салова, в которой она принимала участие[8]. В одной из статей она сделала скороспелый вывод, что большинство буржуазных историков "искажает историческую действительность в угоду националистическим и шовинистическим представлениям, ничего общего с наукой не имеющим"[9]. После 1962 г. подобного рода безответственных сентенций (в угоду дурно понятой современности) у А.Л. Хорошкевич становится все меньше.

В конце 1960-х годов А.Л. Хорошкевич вместе с другими членами "группы по зарубежной информации" (под руководством С.М. Каштанова) вела работу по выверке и дополнению библиографического указателя зарубежной литературы по вопросам истории Руси IX – начала XVII вв. (за 1917–1970 гг.). Указатель пока не издан[и].

Наряду с пристальным вниманием к историографии, Анна Леонидовна предпринимает широкие поиски новых материалов в отечественных архивах (в том числе, прибалтийских)[10]. Она выявляет материалы по истории России XIV–XVI вв. в прибалтийских документах[11]. Особенно интересны найденные ею полные грамоты конца XV – начала XVI в. До сих пор известны были только выдержки из подобного рода актов. Найденные А.Л. Хорошкевич грамоты не только важны сами по себе, но и позволяют лучше понять принципы работы с аналогичными грамотами составителей записных книг в конце XVI в.

Докторская диссертация А.Л. Хорошкевич посвящена Полоцкой земле XV в.[12] Для того, чтобы написать эту работу Анна Леонидовна проделала тщательные архивные разыскания. К ним же обратилась уже в 1960 г. В результате был собран комплекс полоцких грамот, два выпуска которых уже издано с соблюдением норм публикации подобного рода уникальных документов[13]. Монография Анны Леонидовны пока еще не издана[л], но уже сейчас можно сказать о ее большом научном значении. Книга позволяет представить особый путь развития феодализма в Восточной Европе. В Полоцке сохранялись живые следы традиции Киевской Руси, которые в других землях Северо-Восточной Руси были стерты временем и монгольским нашествием. Эта земля является как бы промежуточным звеном между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и Москвою и Тверью, с другой. Те явления социальной и политической жизни, которые не столь отчетливо проступают в источниках Северо-Восточной Руси, проясняются благодаря обращению к полоцким материалам. Книга интересна и тем, что она позволяет лучше понять формирование белорусского народа. Анна Леонидовна достигла многого только в результате преодоления "барьера времени", когда она в своей работе над полоцкими актами смогла понять как бы душу той эпохи, наглядно представить себе те скудные, болотистые края, которые были населены и нищим крестьянством, и оборотистыми

купцами, ведшими торговлю с Западом по Двине, и горделивыми литовско-русскими князьями.

Книга о Полоцке – лучшая страница творчества А.Л. Хорошкевич[14].

В 1972 г. как бы на едином дыхании, чуть ли не за полгода Анна Леонидовна закончила свою книгу о международном положении России второй половины XV – первой трети XVI в.[15] Ася – человек стихийный. Конечно, после этого наступил период "доделок", "доработок", который не прекращался и во время прохождения книги в издательстве. Наиболее интересные страницы книги посвящены истории экономических связей России, политическим взаимоотношениям страны с другими державами. Если в книге К.В. Базилевича[м] дело сводилось к отношениям России с державами главным образом по данным посольских книг, то А.Л. Хорошкевич привлекла разнообразный и разноязычный комплекс источников, позволивший представить не столько сношения русского правительства с державами, сколько разнообразные формы сближения народов, место России в системе отношений конца XV в., когда изумленная Европа познакомилась с мощной державой на своих восточных рубежах.

В ходе работы над книгой А.Л. Хорошкевич написала ряд статей и этюдов по отдельным темам[16].

Интересны ее наблюдения об Аристотеле Фиораванти на страницах русских летописей[17], трактовка "династического кризиса" конца XV в. (в связи со спорами о государевом титуле)[18]. Начала работу А.Л. Хорошкевич и по исследованию Сказания о князьях Владимирских (памятнике официальных политических идей) в связи с международным положением России[19].

К 1973 г. относится наша эпопея с Анной Леонидовной по написанию популярной книги "Россия времени Ивана Грозного". Сдана она была в 1974 г., но до сих пор еще не вышла. Как будто будет издана в 1980 г.[н] За это время в популярной серии Р.Г. Скрынников сумел издать и своего "Ивана Грозного"[20], и "Бориса Годунова"[21]. Практически всю работу по книгам вела А.Л. Хорошкевич (я ей дал лишь материалы из своих книг). Ею написаны в ней содержательные разделы о культуре России XVI в., о внешней политике (казанские походы) и ряд других. Но в целом из-за редакторского произвола книга получилась неудачной.

В последние годы у Анны Леонидовны возникают весьма перспективные планы дальнейших работ. Это, в первую очередь, давно вынашивавшаяся ею мысль об издании (совместно с Вильнюсом) Литовской метрики, знатоком которой она является[22]. Думает она написать работу и по истории Москвы XV – начала XVI вв., продолжив тему, начатую ее учителем М.Н. Тихомировым[23].

Работоспособность А.Л. Хорошкевич просто потрясающая. Так, в 1979 г. она написала 10 п.л. (статьи о взаимоотношениях Руси с Украиной и Белоруссией в XIV–XV вв., о международном значении Куликовской битвы, о князе Владимире Серпуховском, о месте Куликовской битвы и др.). Она отредактировала 50 п.л. текста и сверх того закончила плановую работу – комментированный перевод "Записок" Ф. да Колло (в двух редакциях). Анна Леонидовна была одной из немногих, кто вывел нашу науку на широкие международные пути. Авторитет ее у нас (среди специалистов) и за рубежом велик. Она бывала дважды на симпозиумах в Италии (1969, 1977), в Польше (1970/71), в ГДР (1978). Несколько раз не смогла поехать по причинам, от нее независящим.

Ася – мой истинный друг, что не мешает нам браниться по разным поводам. Две стихии ее характера (отца и матери) противоборствуют в ее душе. Дон-Кихот вечно спорит с Санчо-Пансой. "Я должна стать ужасной негодяйкой", –

говорит она в слезах. Вечное стремление Аси сделать что-нибудь доброе для тех, кто ее окружает, часто наталкивается на полное непонимание этих ее "чудачеств". Ей так хочется, чтобы люди были хоть немножечко более счастливы, но так, как она представляет это их счастье. А люди не всегда этого хотят, предпочитая сами решать свою судьбу.

В Асином характере есть что-то от Скарлат о'Хара. Все время она ведет непрекращающийся бой за право на жизнь с жестоким Роком. Как рыба, бьющаяся об лед. И вечная мечта впереди. А кругом одни беды. И мать в хворобах. И сын° тоже болезненный. С ним надо и сочинения писать, и разыскивать для него особую школу. Да и о муже нужна забота. А она одна за всех в ответе. И машину нужно приобрести, чтобы самой возить все семейство на дачу и в Прибалтику. Для этого всего нужны силы, время, деньги. В тяжелейших условиях жизни она сохраняет и человечность, и увлеченность работой. И Бакланову[п] надо навестить, и помочь переехать на дачу родным и друзьям. Остаются жалкие крохи времени, когда она позволяет себе уйти в мир собственных видений.

Чтобы скрыть ранимость и беззащитность души, она с давних пор, как рыцарь в броне. Ее латы – обличье дерзкой девчонки – с годами приходят все более и более в негодность, а характер приобретает резкие очертания. Сказываются усталость и горький опыт разочарования. Обычная занозистость становится раздражающей для умеренных и аккуратных[24]. Но удержаться нет сил – так хочется им бросить в лицо все, что о них думаешь. Острое слово ранит, как иголка, хотя не всегда оно брошено с умыслом.

Темы работ Анны Леонидовны – зеркальное отражение ее характера. Вот вольнолюбивый и скопидомный Новгород, вечно в заботах о хлебе насущном и о пленительном воздухе свободы, вот Полоцкая земля – дань уважения пращурам и многострадальному народу Западной России. "Мне в этой книге не хватает теоретических рассуждений", – говорит она. Так ведь это хорошо, а не плохо. Именно поэтому она раскрыла мир реальной жизни в духе С.Б. Веселовского, а не создала миф. Омертвевшая словесность – это волчья шкура для безропотных овец современной науки.

Книга о международном положении утверждает горячую любовь Анны Леонидовны к Отечеству, но "одетому" в петровских камзолах. Она говорит о сопричастности автора и человечеству в целом. Наконец, в книге о Грозном Ася пыталась бросить проклятье тирану, залившему кровью многострадальную страну. Еще в своей главе в многотомной "Истории СССР" она начала поиски выхода из академического косноязычия, продолжала их и в книге "Россия времени Ивана Грозного", пытаясь найти не "присюсюкивающий" стиль повествования, а простой и взволнованный стиль человека, верящего своему читателю, стремящегося передать ему свое страстное слово.

Как мало мы задумываемся над тем, что наши книги даны нам как явление человеческой души. Порой условная научность книг нам застилает глаза на образ их творца, который говорит с нами сквозь дымку лет.

Так много сделано этой бьющейся об лед разбойной фантазеркой! Неизбежала она и дьявольских искушений... Времени для сосредоточенного труда становится все меньше и меньше. Силы убывают. А желаний становится все больше... Так заманчивы миражи недостроенных зданий... Дьявольский соблазн самоутверждения во что бы это ни стало одолевает... Горы книг, статей, публикаций растут у ученых всего мира... Погоня за этой иллюзией Синей Птицы может легко обернуться в обыкновенное женское модничание... Да вот еще – вечные бесенята, от которых нет возможности отбиться – сносочки, даты, цифры, имена... И возникает коварный соблазн небрежения...

Приспело время забыть хоть на какой-то блаженный миг о суете повседневности... Оглянуться на вечную красоту мира... Тебе так много нужно сил...

...Горные вершины
Спят во тьме ночной
Тихие долины
Полны свежей мглой.
Не шумит дорога.
Не дрожат листы.
Подожди немного,
Отдохнешь и ты...

[1] *Хорошкевич А.Л.* 1) Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII в. // Города феодальной России: Сб. статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 207–215; 2) Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII в. (к изданию словаря Тонни Фенне) // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика и культура): Сб. статей. М., 1966. С. 35–37; 3) Быт и культура русского города по словарю Тонни Фенне 1607 г. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 200–217; 4) Псковская полная грамота 1511 г. // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 68–72; 5) Псковские летописи как источник по истории внешней торговли Пскова XIV – начала XVI в. // Летописи и хроники, 1973 г.: Сб. статей, посвящ. памяти А.Н. Насонова. М., 1974. С. 187–201.

[2] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. Первая статья на эту тему опубликована автором еще в 1958 г. (*Она же.* Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV–XV вв. // ИЗ. М., 1958. Т. 63. С. 206–243).

[3] *Хорошкевич А.Л.* 1) Из истории русско-немецких отношений XIII в. // ИЗ. М., 1965. Т. 78. С. 219–232; 2) Борьба России за создание флота на Балтийском море в конце XIV – начале XVI века // Воен.-ист. журн. 1974. № 5. С. 82–86; 3) Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // История СССР. 1977. № 2. С. 125–140.

[4] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1960. Кн. 3, т. 5/6.

[5] *Хорошкевич А.Л.* 1) Обзор литературы по истории СССР периода феодализма, вышедшей в 1964 г. // История СССР. 1965. № 3. С. 168–190. Совм. с С.М. Троицким; 2) Основные итоги изучения городов XI – первой половины XVII в. // Города феодальной России. С. 34–50; 2) Рец. на кн.: Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960 // История СССР. 1961. № 4. С. 199–203; 3) Рец. на кн.: Крайнева Н.Я., Пронина П.В. Труды Института истории Академии наук СССР 1936–1965 гг.: Библиография. М., 1968. Т. I–IV // История СССР. 1970. № 1. С. 174; 4) Рец. на кн.: Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970 // Вопр. истории. 1971. № 6. С. 168–170; 5) Рец. на кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: Сб. статей. Л., 1970 // История СССР. 1971. № 6. С. 188–190. Совм. с А.С. Каном; 6) Рец. на кн.: Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975 // История СССР. 1976. № 4. С. 192–194. Кроме того, не опубликован наш совместный доклад, содержащий обзор литературы по истории Великого Новгорода за 1955–1965 гг. Он был прочитан на конференции, посвященной 100-летию Новгородского музея (осень 1965 г.).

[6] *Хорошкевич А.Л.* Образование единого Российского государства // История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 105–141.

[7] *Хорошкевич А.Л.* 1) Зарубежные отклики на открытие новгородских берестяных грамот // История СССР. 1958. № 5. С. 224–231; 2) Вопросы истории СССР в "Оксфордских славянских записках" (1950–1957. Т. 1–7) // История СССР. 1958. № 1. С. 202–213. Совм. с В.Д. Кузьминой; 3) Рец. на кн.: Benninghoven F. Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961 // История СССР. 1962. № 6. С. 193–199; 4) Рец. на кн.: Grabmüller H.-J. Pskover Chroniken. Untersuchungen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975 // История СССР. 1976. № 6. С. 215–217; 5) Интересный источник по истории России XVII в. // История СССР. 1968. № 1. С. 208–213; 6) Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до XVIII в. // История СССР. 1965. № 5.

С. 159–173. Совм. с А.А. Зиминым. См. также ее заметки о статьях: *Хорошкевич А.Л.* 1) О договорах русских с греками // ВВ. 1964. Т. 24. С. 251–252; 2) Новые материалы по истории русской внешней торговли XVII века // Вопр. истории. 1963. № 4. С. 188–189; 3) Еще раз о русском хлебе на амстердамском рынке // Вопр. истории. 1964. № 11. С. 204–205; 4) Новый источник по внешней политике Бориса Годунова // Вопр. истории. 1969. № 11. С. 198–199.

[8] *Пашуто В.Т., Салов В.И., Хорошкевич А.Л.* Против фальсификации истории нашей Родины немецкими реваншистами. М., 1961.

[9] *Хорошкевич А.Л.* 1) Русский город XI–XVI вв. в современной буржуазной науке // Критика буржуазных концепций России периода феодализма. М., 1962. С. 109–134; 2) Внешняя торговля Руси XIV–XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии // Вопр. истории. 1960. № 2. С. 104–117.

[10] *Хорошкевич А.Л.* 1) Источники по истории полного холопства конца XV – начала XVI в. // Сов. архивы. 1974. № 4. С. 82–84; 2) Изображения иностранных купцов в миниатюрах "Жития Сергия Радонежского" конца XVI в. // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 281–286; 3) Новые новгородские грамоты XIV–XV вв. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 264–276; 4) Интересный источник по истории России XVII в. // История СССР. 1968. № 1. С. 208–213; 5) Русские грамоты 60-х–70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 325–341.

[11] *Хорошкевич А.Л.* 1) Иностранное свидетельство 1399 г. о новгородской денежной системе // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 302–307; 2) Некоторые иностранные свидетельства о русском денежном обращении конца XV в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 223–228.

[12] *Хорошкевич А.Л.* Очерки социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1974.

[13] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1977. [Вып. 1]; М., 1978. [Вып. 2]. Издание еще не завершено[к].

[14] *Хорошкевич А.Л.* 1) Договоры Полоцка 1405–1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 79–87; 2) Die Polozker Urkunden aus dem ehemaligen Stadtarchiv Riga als Quelle zur Geschichte der russisch-hansischen Beziehungen am Ende des 15. Jahrhunderts // Neue Hansische Studien. Berlin, 1970. S. 29–57; 3) Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // ВИД. Л., 1972. [Т.] 4. С. 128–146; 4) Внешняя торговля Полоцка и ее влияние на политическое и социально-экономическое развитие Полоцкой земли // Społeczeństwo. Gospodarka. Kultura: Studia ofiarovane Marianowi Małowistowi w czterdsiestolecie pracy naukowej. Warszawa, 1974. С. 59–68; 5) Хозяйственное освоение Полоцкой земли в XIV–XV вв. // История географии и историческая география. М., 1975. [Вып.] 7. С. 19–21.

[15] *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.

[16] *Хорошкевич А.Л.* 1) Россия и мировые торговые пути конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвящ. Л.В. Черепнину. М., 1972. С. 32–40; 2) Русско-славянские связи конца XV – начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов (Варшава, август 1973 г.): Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 405–422; 3) Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-slavica. 1976. Т. 10. S. 47–57; 4) List Kallimacha do Zofii Paleolog? // Odrodzenie i reformacia w Połsce. 1978. Т. 23. S. 179–188. Совм. с И.С. Шарковой; 5) Domando e consumo di prodotti importati nella Russia del XIV – prima meta XVI secolo // Domando e consume: Livelli e strutture (nei secoli XIII–XVIII): Atti della "Sesta settimana di studio" (27 aprile – 3 maggio 1974)) Istituto Internazionale di Storia Economica "F. Datini" (Prato). Firenze, 1978. P. 31–37.

[17] *Хорошкевич А.Л.* 1) Данные русских летописей об Аристотеле Фиораванти // Вопр. истории. 1979. № 2. С. 201–204; 2) Alcuni nuovi dati delle cronache russe su Aristotele Fioravanti // Arte lombarda: Nuove serie. 1976. № 44/45. P. 234–236.

[18] *Хорошкевич А.Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV в. // История СССР. 1974. № 5. С. 129–139.

[19] *Хорошкевич А.Л.* История государственности в публицистике времени централизации // Общество и государство в феодальной России: Сб. статей, посвящ. 70-летию академика Л.В. Черепнина. М., 1975. С. 114–124.

[20] *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1975; 2-е изд. М., 1978.

[21] *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978.

[22] *Хорошкевич А.Л.* 1) Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV века и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 47–74; 2) К истории издания и изучения Литовской метрики // Acta Baltico-slavica. 1973. Т. 8. S. 69–94.

[23] *Хорошкевич А.Л.* 1) О некоторых категориях московских ремесленников XIV–XV вв. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 260–264; 2) К истории возникновения "Записи о душегубстве" // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 193–203. Занималась она и историей Великих Лук (*Хорошкевич А.Л.* На страже русских границ // Великие Луки: Ист. очерки. Л., 1976. С. 5–40).

[24] Этим, очевидно, объясняется и то, что А.Л. Хорошкевич до сих пор не имеет звания старшего научного сотрудника, а только должность[р].

КОММЕНТАРИИ

[а] *Хорошкевич А.Л.* Ремесло и торговля Пскова в XVI веке: Дипломная работа / Науч. рук. М.Н. Тихомиров. М., 1954. Машинопись.

[б] Черная Анна Епафрадитовна (1879–1961) – врач-фтизиатр, заслуженный врач РСФСР.

[в] Черная-Хорошкевич Анна Валентиновна (1899–1991) – врач-инфекционист и врач-педиатр, заслуженный врач РСФСР.

[г] Хорошкевич Леонид Николаевич (1902–1956) – художник, в 1930-х – середине 1950-х годов работавший в традициях русского реализма и импрессионизма, в 1951 г. был исключен из Московского отделения Союза советских художников по обвинению в формализме и эстетизме; талантливый преподаватель живописи и графики, благодарную память о нем до сих пор бережно хранят его бывшие ученики (см.: Леонид Николаевич Хорошкевич (1902–1956): Каталог выставки. М., 1993).

[д] Федорин Дмитрий Павлович (р. 1936).

[е] В 1954 г. А.Л. Хорошкевич поступила в аспирантуру Института истории АН СССР, в сектор истории СССР периода феодализма Отдела докапиталистических формаций.

[ж] А.Л. Хорошкевич совместно с В.С. Шульгиным подготовили к печати пятый том "Истории России с древнейших времен" С.М. Соловьева.

[з] В секторе по написанию многотомной истории СССР А.Л. Хорошкевич работала в 1961–1964 гг. Кроме названной А.А. Зиминым главы о России второй половины XV – начала XVI вв. ("Образование единого Российского государства" // История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 105–141), А.Л. участвовала в написании главы "Культура русского народа в XIII – первой половине XVII в." (Там же. С. 353–407. Совм. с А.А. Зиминым, В.И. Корецким, Ю.А. Тихоновым, Л.В. Черепниным).

[и] Указатель остается не изданным и в настоящее время, его рукопись хранится в личном архиве А.А. Зимина.

[к] Продолжение публикации см.: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1980. [Вып. 3]; М., 1982. [Вып.] 4; М., 1985. [Вып.] 5; М., 1989. [Вып. 6].

[л] *Хорошкевич А.Л.* Полоцкие грамоты как исторический источник // Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1985. [Вып.] 5. С. 40–195.

[м] *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952.

[н] *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.

[о] Федорин Кирилл Дмитриевич (р. 1963).

[п] Бакланова Наталья Аполлинариевна (1894–1977) – доктор исторических наук, специалист по истории России XVII – XVIII вв. В 1975–1977 гг. Н.А. Бакланова находилась в пансионате в г. Химки, где ее регулярно навещала А.Л. Хорошкевич.

[р] Звание старшего научного сотрудника было присвоено А.Л. Хорошкевич 2 апреля 1981 г.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А.Л. ХОРОШКЕВИЧ*

1958

1. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Ганзой в XIV–XV веках (состав ввоза и вывоза): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Научный руководитель академик М.Н. Тихомиров. М.: Ин-т истории АН СССР, 1958. 19 с.

2. Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV–XV вв. // ИЗ. М.: Наука, 1958. Т. 63. С. 206–243.

Рец.: *Johansen P.* // Hansische Geschichtsblätter. 1959. Jg. 77. S. 216–217.

3. Вопросы истории СССР в "Оксфордских славянских записках" (1950–1957, т. 1–7) // История СССР. 1958. № 1. С. 202–213. Совм. с В.Д. Кузьминой.

4. Зарубежные отклики на открытие новгородских берестяных грамот // История СССР. 1958. № 5. С. 224–231.

Рец.: *Johansen P.* // Hansische Geschichtsblätter. 1959. Jg. 77. S. 216.

1960

5. Внешняя торговля Руси XIV–XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии // Вопр. истории. 1960. № 2. С. 104–117.

6. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Соцэкгиз, 1960. Кн. 3, т. 5/6.

Т. 5 (с. 5–352 – текст; с. 353–388 – примеч.) подгот. к печати А.Л. Хорошкевич и В.С. Шульгин.

1961

7. Из истории ганзейской торговли: (Ввоз в Новгород благородных металлов в XIV–XV вв.) // Средние века. 1961. Вып. 20. С. 98–120.

8. Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV–XVI веках // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Редкол.: А.А. Зимин, В.Т. Пашуто. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 278–305.

9. Некоторые иностранные свидетельства о русском денежном обращении конца XV в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 223–228.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1964. Jg. 82. S. 193.

10. *Рец.*: Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. 410 с. // История СССР. 1961. № 4. С. 199–203.

11. Против фальсификации истории нашей Родины немецкими реваншистами. М.: Знание, 1961. 32 с. Совм. с В.Т. Пашуто и В.И. Саловым.

Подбор материала и пер. с нем. А.Л. Хорошкевич.

1962

12. Иностранное свидетельство 1399 г. о новгородской денежной системе // Историко-археологический сборник: [Сб. статей к 60-летию со дня рождения и

---

* Составитель *А.В. Юрасов*.

35-летию научной, педагогической и общественной деятельности А.В. Арциховского] / Под ред. Д.А. Авдусина и В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 302–307.

Рец.: *Angermann N.* // Hamburger Beiträge zur Numismatik. 1964-1965. Bd. VI, Hf. 18–19. S. 324.

13. Русский город XI–XVI вв. в современной буржуазной науке // Критика буржуазных концепций России периода феодализма / Редкол.: В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин, М.М. Штранге. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 109–134.

14. *Рец.*: Benninghoven F. Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961. 168 S., 9 Karten und Tabellen // История СССР. 1962. № 6. С. 193–199.

1963

15. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 367 с.: ил.

Рец.: *Копанев А.И., Носов Н.Е.* Советская литература по истории русского феодализма (до XIX в.) в 1963 году // История СССР. 1964. № 3. С. 159–160; *A.C.* // Studii: Revista de istorie. 1963. № 6. P. 1952–1955; *Johansen P.* // Hansische Geschichtsblätter. 1964. Jg. 82. S. 193–194; *Johansen P.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1964. Bd. 12, Hf. 1. S. 122–124; *Angermann N.* // Hamburger Beiträge zur Numismatik. Bd. VI, Hf. 18/19. 1964–65. S. 322–323; *Williams R.C.* // Kritica. 1964. Vol. 1, № 1. P. 1–6; *Bogucka M.* // Kwartalnik historyczny. 1964. R. 71, № 3. S. 789–792; *Geremek B.* Le commerce de Novgorod avec l'occident au moyen age // Annales: économies, sociétés, ćivilisations. 1964. № 6. P. 1157–1170; *Gorski K.* // Roczniki historyczne. 1965. T. 31. S. 210–211; *Widera Br.* // Deutsche Literaturzeitung. 1965. Jg. 86, № 12. S. 1101–1103; *Widera Br.* // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1966. Jg. 14, № 1. S. 147–149; *Samsonowicz H.* // Zapiski historyczne. 1966. № 1. S. 105–109.

16. Договоры Полоцка 1405–1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // АЕ за 1962 год. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 79–87.

Рец.: *Johansen P.* // Hansische Geschichtsblätter. 1964. Jg. 82. S. 193–194.

17. Orasul ruşesc din secolele XI–XVI văzut de ştiinţa burgheză contemporana // Probleme de istorie. 1963. № 4. S. 209–245.

18. [*Рец.*]: Новые материалы по истории русской внешней торговли XVII века // Вопр. истории. 1963. № 4. С. 188–189. Рец. на статью: Bogucka M. Zboże rosyjskie na rynku amsterdamskim w pierwszej połowie XVII wieku // Przegląd historyczny. 1962. T. 53, № 4. S. 611–628.

19. Ганза // Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1963. Т. 4 (Гаага–Двин). Стб. 96–99.

Рец.: *Weczerka H.* // Hansische Geschichtsblätter. 1965. Jg. 83. S. 119–120.

20. *Пер. с лат. и старонем. яз. в примеч.*: Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с.

1964

21. [*Рец.*]: О договорах русских с греками // ВВ. 1964. Т. 24. С. 251–252. Рец. на статью: Sorlin I. Leś traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1961. Vol. 2, № 3. P. 313–360; № 4. P. 447–475. Подпись: А.Х.

22. *Рец.*: Hansische Studien: Heinrich Sproemberg zum 70. Geburtstag. Berlin, 1961. 462 s. // Средние века. 1964. Т. 26. С. 144–154.

23. [*Рец.*]: Русско-ганзейская торговля в оценке западногерманского ученого // Вопр. истории. 1964. № 6. С. 204–205. Рец. на статью: Johansen P. // Arbeitsgemeinschaft für Forchung des Landes Nordzhein-Westfalen: Wissenschaftliche Abhandlung. 1963. Bd. 27. S. 39–57.

24. [*Рец.*]: Еще раз о русском хлебе на амстердамском рынке // Вопр. истории. 1964. № 11. С. 204–205. Рец. на статью: Hoszowski S. W sprawie konkurencji żboza rosyjskiego na rynku holenderskim w pierwszej polowie XVII wieku // Przegląd historyczny. 1963. Т. 54, № 4. S. 688–699; 1964. Т. 55, № 1. S. 118–131.

25. *Публ.*: Новые новгородские грамоты XIV–XV вв. // АЕ за 1963 год. М.: Наука, 1964. С. 264–276.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1965. Jg. 83. S. 251.

1965

26. Из истории русско-немецких отношений XIII в. // ИЗ. М.: Наука, 1965. Т. 78. С. 219–232.

27. Обзор литературы по истории СССР периода феодализма, вышедшей в 1964 г. // История СССР. 1965. № 3. С. 168–190. Совм. с С.М. Троицким.

28. Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до XVIII в. // История СССР. 1965. № 5. С. 159–173. Совм. с А.А. Зиминым.

29. *Пер. с нем. яз.*: Доннерт Э. Россия и балтийский вопрос в политике Германии 1558–1583 гг. // ИЗ. М.: Наука, 1965. Т. 76. С. 175–215.

1966

30. История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2-х сериях. В 12-ти томах / Гл. ред. совет: Б.Н. Пономарев и др. М.: Наука, 1966–1980. Первая серия: История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2: Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XVII вв. Образование единого Русского государства / Редкол.: М.Н. Тихомиров (отв. ред.), Л.Г. Бескровный, В.И. Буганов, А.А. Зимин. М.: Наука, 1966.

Гл. 4: Образование единого Российского государства. С. 105–141.

Гл. 11: Культура русского народа в XIII – первой половине XVII в. С. 353–407. Совм. с А.А. Зиминым, В.И. Корецким, Ю.А. Тихоновым, Л.В. Черепниным.

Подбор иллюстраций Г.П. Махновой и А.Л. Хорошкевич.

Рец.: *Манеев Я.И., Носов Н.Е., Шапиро А.Л. и др.* Многотомная "История СССР" // Вопр. истории. 1968. № 3. С. 133–158. Текст на с. 136–144 написан Н.Е. Носовым; *Сахаров А.М.* // История СССР. 1967. № 5. С. 184–186.

31. Страницы истории: [История города Великие Луки с древнейших времен до 1917 г.] // Великие Луки: 800 лет / Сост. Н.П. Кораблев. Совм. с П. Ивановой, Ю. Клокманом, И. Пушкаревой. Л.: Лениздат, 1966. С. 9–50.

32. Основные итоги изучения городов XI – первой половины XVII в. // Города феодальной России: Сб. статей памяти Н.В. Устюгова / Отв. ред. В.И. Шунков. М.: Наука, 1966. С. 34–50.

Рец.: *Harder-Gersdorff E.* // Hansische Geschichtsblätter. 1968. Jg. 86. S. 184.

33. Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII в. // Города феодальной России. С. 207–215.

Рец.: *Harder-Gersdorff E.* // Hansische Geschichtsblätter. 1968. Jg. 86. S. 185.

34. Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII в. (к изданию словаря Тонни Фенне) // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика и культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М.: Наука, 1966. С. 35–57.

35. Изображения иностранных купцов в миниатюрах "Жития Сергия Радонежского" конца XVI в. // Культура Древней Руси: Посвящ. 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1966. С. 281–286.

36. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV – начале XVI в. // Тез. докл. и сообщ. конференции по истории экономических связей Прибалтики с Россией. Рига, 1966. С. 6–9.

37. *Публ.*: Русские грамоты 60-х–70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // АЕ за 1965 год. М.: Наука, 1966. С. 325–341.

Рец.: *Harder-Gersdorff E.* // Hansische Geschichtsblätter. 1968. Jg. 86. S. 187.

1967

38. Быт и культура русского города по словарю Тонни Фенне 1607 г. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова / Редкол.: В.А. Александров, М.Т. Белявский, Ю.О. Бем, А.В. Муравьев, С.О. Шмидт. М.: Наука, 1967. С. 200–217.

Рец.: *Лимонов Ю.А.* // История СССР. 1964. № 2. С. 178.

1968

39. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV – начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией: Сб. статей / Отв. ред. А.К. Бирон. Рига: Зинатне, 1968. С. 13–31.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1969. Jg. 87. S. 205.

40. Литовская метрика как источник по истории Прибалтики и некоторые особенности методики ее изучения // Тез. докл. и сообщ. конференции по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. Рига, 1968. С. 56–58.

41. [*Рец.*]: Интересный источник по истории России XVII в. // История СССР. 1968. № 1. С. 208–213. Рец. на кн.: David Georgius. Status modernus Magnae Russiae seu Moscoviae (1690) / Ed. by A.V. Florovskij. L.; P., 1965.

1969

42. [*Рец.*]: Новый источник по внешней политике Бориса Годунова // Вопр. истории. 1969. № 11. С. 198–199. Рец. на статью: Neubauer H. Das Moskauer Privileg für Lübeck 1603 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1968. Bd. 16, Hf. 1. S. 70–84.

43. *Публ.*: Псковская полная грамота 1511 г. // АЕ за 1967 год. М.: Наука, 1969. С. 68–72.

1970

44. Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV века и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики / Редкол.:

Я.П. Крастынь, В.В. Дорошенко, А.К. Бирон, М.И. Козин. Рига: Зинатне, 1970. С. 47–74.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1971. Jg. 89. S. 244–245; *Kosman M.* // Archeion. 1972. T. 37. S. 240–241; *Neuman M.* // Studia zrodłoznawcze. 1972. T. 17. S. 246–247.

45. Die Polozker Urkunden aus dem ehemaligen Stadtarchiv Riga als Quelle zur Geschichte der russisch-hansischen Beziehungen am Ende des 15. Jahrhunderts // Neue Hansische Studien / Hrsg. von K. Fritze, E. Müller-Mertens, J. Schildhauer, E. Voigt. Berlin, 1970. S. 29–57.

Рец.: *Weczerka H.* // Hansische Geschichtsblätter. 1974. Jg. 92. S. 90; *Kirchner W.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1971. Bd. 19, Hf. 1. S. 70–84.

46. *Рец.*: Крайнева Н.Я., Пронина П.В. Труды Института истории Академии наук СССР 1936–1965 гг.: Библиография. М., 1968. Т. I–IV // История СССР. 1970. № 1. С. 174.

1971

47. Политические отношения России и Дании в конце XV – начале XVI в. // Тез. докл. V Всесоюз. конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. М., 1971. Ч. 1. С. 62–64.

48. *Рец.*: Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. 502 с. // Вопр. истории. 1971. № 6. С. 168–170.

49. *Рец.*: Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: Сб. статей. Л., 1970. 404 с. // История СССР. 1971. № 6. С. 188–190. Совм. с А.С. Каном.

1972

50. Россия и мировые торговые пути конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвящ. Льву Владимировичу Черепнину. М.: Наука, 1972. С. 32–40.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1974. Jg. 92. S. 195.

51. Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // ВИД. Л.: Наука, 1972. [Т.] 4. С. 128–146.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1974. Jg. 92. S. 194.

52. [*Рец.*]: Nowy radziecki zarys dyplomatyki // Studia zrodłoznawcze. 1972. T. 17. S. 194–199. Рец. на кн.: Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. 502 с.

53. Влияние государственной политики на развитие феодального землевладения в Полоцкой земле XV–XVI вв. // Тез. докл. и сообщ. XIV сессии межреспубл. симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Минск-Гродно, 25–29 сентября 1972 г.). М., 1972. Вып. 1. С. 92–95.

54. [Выступление в дискуссии по докладу Н.Е. Носова "Русский город в XVI столетии"] // Россия и Италия: Материалы IV Конференции советских и итальянских историков (Рим, 1969): Русский и итальянский средневековый город; Русско-итальянские отношения в 1900–1914 гг. / Отв. ред. А.А. Губер. М.: Наука, 1972. С. 340–347.

1973

55. К истории издания и изучения Литовской метрики // Acta Baltico-slavica. 1973. T. 8. S. 69–94.

56. Итальянская хроника XV в. о Казани // Из истории Татарии. Казань, 1973. Сб. 5. С. 114–117 (Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та. Вып. 116).

57. Русско-славянские связи конца XV – начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов (Варшава, август 1973 г.): Докл. сов. делегации / Редкол.: И.А. Хренов, А.И. Недорезов, В.И. Злыднев, Н.И. Кравцов. М.: Наука, 1973. С. 405–422.

58. Русско-славянские отношения конца XV – начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания // VII miedzynarodowy kongres slawistow w Warszawie, 1973. Warszawa, 1973. S. 992–994.

59. Русско-шведские отношения конца XV – начала XVI в. // Тез. докл. VI Всесоюз. конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Таллин, 1973. Ч. 1. С. 72–73.

60. *Рец.*: Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970. 402 s., 3 ark. il. // Вопр. истории. 1973. № 4. С. 169–171.

61. Торговля при феодализме // Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1973. Т. 14 (Таанах-Фелео). Стб. 320–322.

1974

62. Очерки социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1974. 58 с.

Рец.: *Bardach J.* Czasopismo prawno-historyczne. 1975. T. 27, № 1. S. 190; *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1976. Jg. 94. S. 203; *Kirchner W.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1975. Bd. 23, Hf. 1. S. 70–84.

63. Псковские летописи как источник по истории внешней торговли Пскова XIV – начала XVI в. // Летописи и хроники, 1973 г.: Сб. статей, посвящ. памяти Арсения Николаевича Насонова. М.: Наука, 1974. С. 187–201.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1975. Jg. 93. S. 208.

64. Внешняя торговля Полоцка и ее влияние на политическое и социально-экономическое развитие Полоцкой земли // Społeczeństwo. Gospodarka. Kultura: Studia ofiarovane Marianowi Małowistowi w czterdsiestolecie pracy naukowej / Red.: S. Herbst (przewodniczący), B. Geremek, A. Mączak, H. Samsonowicz, A. Wyrobisz, B. Zientara. Warszawa, 1974. C. 59–68.

Рец.: *Kirchner W.* // Hansische Geschichtsblätter. 1977. Jg. 95. S. 91.

65. Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV в. // История СССР. 1974. № 5. С. 129–139.

66. Полацкія пячаткі XV старогоддзя // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1974. № 1. С. 26–30.

67. Борьба России за создание флота на Балтийском море в конце XIV – начале XVI века // Воен.-ист. журн. 1974. № 5. С. 82–86.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1975. Jg. 93. S. 208; *Kirchner W.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1975. Bd. 23, Hf. 1. S. 70–84.

68. *Публ.*: Источники по истории полного холопства конца XV – начала XVI в. // Сов. архивы. 1974. № 4. С. 82–84.

1975

69. История государственности в публицистике времени централизации // Общество и государство в феодальной России: Сб. статей, посвящ. 70-летию

академика Льва Владимировича Черепнина / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1975. С. 114–124.

70. Хозяйственное освоение Полоцкой земли в XIV–XV вв. // История географии и историческая география. М., 1975. [Вып.] 7. С. 19–21.

1976

71. На страже русских границ: [История г. Великие Луки с древнейших времен до конца XVII в.] // Великие Луки: Исторические очерки / Сост. П.М. Давыденко. Л.: Лениздат, 1976. С. 5–40. Подпись: И.М. Пушкарева (ошибочно).

72. Термины "Руссия" и "Московия" в 9–13 книгах "Анналов Польши" Яна Длугоша // Cultus et cognitio: Studia z dziejów średniowiecznej kultury. Warszawa, 1976. S. 203–208.

73. Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-slavica. 1976. T. 10. S. 47–57.

74. Alcuni nuovi dati delle cronache russe su Aristotele Fioravanti // Arte lombarda: Nuove serie. 1976. № 44/45. P. 234–236.

75. *Рец.*: Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. 358 с. // История СССР. 1976. № 4. С. 192–194.

76. *Рец.*: Grabmüller H.-J. Pskover Chroniken. Untersuchungen Regionalchronistik im 13–15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975. 240 S. // История СССР. 1976. № 6. С. 215–217.

1977

77. *Чл. редкол.*: История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований / Редкол.: Б.А. Рыбаков, В.Л. Янин, А.М. Анфимов, В.И. Буганов, Н.Е. Носов, Н.И. Павленко (отв. ред.), А.Л. Хорошкевич, Ю.Я. Рыбаков. М.: Наука, 1977. 288 с.

Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV – начала XVI вв. С. 140–160.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1978. Jg. 96. S. 278.

78. Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // История СССР. 1977. № 2. С. 125–140.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1978. Jg. 96. S. 281.

79. *Публ.*: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич. Отв. ред. А.А. Зимин. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1977. [Вып. 1]. 228 с. Ротапринт.

От составителя. С. 3–4.

Введение. С. 6–24.

Правила публикации. С. 25–27.

Подготовка текстов грамот к публикации А.Л. Хорошкевич.

Рец.: *Шчарбакоў С.А.* // Весці Акадэміі навук БССР: Сер. грамадскіх навук. 1979. № 3. С. 129–130; *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1978. Jg. 96. S. 277–278; *Halaga O.* // Historický časopis. 1980. T. 28, № 3. S. 458–459.

1978

80. О некоторых категориях московских ремесленников XIV–XV вв. // Древняя Русь и славяне / Отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 260–264.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1980. Jg. 98. S. 229.

81. К истории возникновения "Записи о душегубстве" // Восточная Европа в древности и средневековье / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1978. С. 193–203.

82. Внешняя политика России XIV–XVII вв. // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1978. Вып. 2: Дооктябрьский период. С. 93–123. Совм. с Л.Г. Бескровным, В.А. Емец, Л.А. Никифоровым, В.Т. Пашуто, А.М. Станиславским.

А.Л. Хорошкевич написан текст на с. 98–101.

83. Некоторые социально-политические предпосылки формирования правовой культуры литовских городов конца XV – начала XVI в. // Studia maritima / Sous la rédaction M. Bogucka. Wroctaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. Vol. 1. S. 50–63.

Рец.: *Weczerka H.* // Hansische Geschichtsblätter. 1979. Jg. 97. S. 105.

84. Domando e consumo di prodotti importati nella Russia del XIV – prima metà XVI secolo // Domando e consume: Livelli e strutture (nei secoli XIII–XVIII): Atti della "Sesta settimana di studio" (27 aprile – 3 maggio 1974)) Istituto Internazionale di Storia Economica "F. Datini" (Prato). Firenze, 1978. P. 31–37.

85. Il credito nel commercio russo e russo-anseatico nel XIV–XV secolo // Studi in memoria di Federigo Melis / Hrsg. von L. de Rosa u.a. Napoli, 1978. Vol. 2. P. 529–548.

Рец.: *Irsigler F.* // Hansische Geschichtsblätter. 1980. Jg. 98. S. 87.

86. List Kallimacha do Zofii Paleolog? // Odrodzenie i reformacia w Połsce. 1978. T. 23. S. 179–188. Совм. с И.С. Шарковой.

87. *Рец.*: Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV века. М., 1976. 392 с.: ил. // История СССР. 1978. № 6. С. 211–215.

88. *Публ.*: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич. Отв. ред. А.А. Зимин. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1978. [Вып. 2]. 219 с. Ротапринт.

Предисловие ко второму выпуску. С. 3

Подготовка текстов грамот к публикации А.Л. Хорошкевич.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1980. Jg. 98. S. 226; *Halaga O.* // Historický časopis. 1980. T. 28, № 3. S. 458–459.

89. *Публ.*: Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.: Документы из советских архивов / Сост.: М.Б. Давыдова, Х.А. Пийримяэ, Н.В. Синицына, А.Л. Хорошкевич, И.П. Шаскольский, В.Н. Шумилов, А.И. Юхт. М.; Стокгольм: Наука, 1978. 296 с.

Комментарии. С. 182–202. Совм. с И.П. Шаскольским.

Рец.: *Давидсон К., Кан А.С.* // Вопр. истории. 1979. № 11. С. 165–168; *Коваленко Г.М.* // Сов. архивы. 1980. № 5. С. 74–76; *Рухманова Э.Д.* // История СССР. 1980. № 5. С. 202–205; *Kuujo E.A.* Swedish-soviet publication on seventeenth century sources // The Scandinavian economical history rewiew. 1979. Vol. 27, № 2. P. 185–187; *Peterson C.* // Historisk tidskift för Finland. 1983. Årg. 68, № 2. S. 185–190.

90. Новгородские походы Ивана III // Советская военная энциклопедия: [В 8 т.] / Пред. Главной ред. комиссии Н.В. Огарков. М.: Воениздат, 1978. Т. 5 (Линия-Объектовая). С. 608.

1979

91. Данные русских летописей об Аристотеле Фиораванти // Вопр. истории. 1979. № 2. С. 201–204.

92. [*Рец.*]: Лубочное издание "Сказания о Мамаевом побоище" в Польше // Вопр. истории. 1979. № 4. С. 204–206. Рец. на статью: Sielicki F. Rosyjska opowieść jarmarczna o bitwie na Kulikowym polu // Ze skarbca kultury. 1978. № 30. S. 53–76.

1980

93. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. / Отв. ред. А.А. Зимин. М.: Наука, 1980. 294 с.

Рец.: *Казакова Н.А.* // История СССР. 1981. № 1. С. 176–179; *Лурье Я.С.* // Вопр. истории. 1983. № 1. С. 125–128; *K.S.* // Zapiski historyczny. 1980. T. 71, № 2. S. 638–639; *Graham H.P.* // American Historical Review. 1982. Vol. 87, № 3. P. 820–821; *D.V.* // Slovanský prehled. 1983. № 1. S. 76–77; *Pnk J.* // Československi časopis historycki. 1983. R. 30, № 4. S. 617–618; *Pickhan G.* // Nordost-Archiv. 1986. Jg. 19, Hf. 83–84. S. 244–245; *Cazzola P.* Rassegna sovietica. 1986. № 4. P. 174–176.

94. О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4. С. 92–106.

95. К взаимоотношениям князей московского дома во второй половине XIV – начале XV века // Вопр. истории. 1980. № 6. С. 170–174.

96. Політичні наслідки Куликовськоі битви // Український історичний журнал. 1980. № 9. С. 49–58.

97. Из истории великокняжеской титулатуры в конце XIV – конце XV в. (на примере Московского княжества и Русского государства) // Русское централизованное государство: Образование и эволюция, XV–XVIII вв.: Чтения, посвящ. памяти академика Льва Владимировича Черепнина: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 26–28 ноября 1980 г.). М., 1980. С. 26–30.

98. *Публ.*: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Сост. А.Л. Хорошкевич. Отв. ред. А.А. Зимин. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1980. [Вып. 3]. 214 с. Ротапринт.

Комментарии. С. 109–213.

Подготовка текстов грамот к публикации А.Л. Хорошкевич.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1983. Jg. 101. S. 254–255.

99. [*Рец.*]: Страницы русской истории // Кн. обозрение. 1980. 5 сент. С. 3. Рец. на кн.: Буганов В.И. Куликовская битва: [Для сред. и ст. шк. возраста]. М., 1980. 110, [1] с.: ил.

1981

100. Preise und Profite im russischen Ostseehandel des Mittelalters in den sowjetischen Arbeiten der Nachkriegsperiode // Zins-Profit: Ursprüngliche Akkumulati / Hrsg. von K. Fritze, E. Müller-Mertens, S. Schildhauer. Weimar, 1981. S. 64–77 (Hansische Studien. Bd. 5).

Рец.: *Weczerka H.* // Hansische Geschichtsblätter. 1982. Jg. 100. S. 132.

101. Совместная публикация советских и польских историков: [О программе издания Литовской метрики] // Вопр. истории. 1981. № 2. С. 158–160. Совм. с В.Т. Пашуто.

102. *Сост.*: Список печатных трудов А.А. Зимина // АЕ за 1980 год. М.: Наука, 1981. С. 274–284.

103. Читателю // *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Древнерусское Поднестровье: Историко-археологические очерки. Ужгород: Карпати, 1981. С. 3–7.

1982

104. Россия времени Ивана Грозного / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1982. 184 с.: ил. (Сер.: Из истории нашей Родины). Совм. с А.А. Зиминым.

Рец.: *Balik S.* // Historycki czasopis. 1985. Vol. 33, № 4. S. 611–612; *Keenan E.L.* // Kritika. 1983. Vol. 19, № 1. P. 1–6; *Vodov W.* // Russia mediaevalis. 1991. T. 6, № 2. P. 278–279.

105. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М.: Наука, 1982. 264 с. Совм. с В.Т. Пашуто и Б.Н. Флорей.

Ч. 2: Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. С. 69–150.

Рец.: *Лихачев Д.С.* Глубокие традиции родства и дружбы // Коммунист. 1983. № 11. С. 118–121; *Щапов Я.Н.* // Наука и человечество. 1984. С. 370–371; *Prohaska J.* // Slovanský prehled. 1983. № 5. S. 408–409; *Wisner H.* // Zapiski historyczne. 1984. T. 49, № 2. S. 111–113.

106. *Чл. редкол.*: Россия на путях централизации: Сб. статей / Редкол.: Д.С. Лихачев, В.Т. Пашуто, В.Л. Янин, В.И. Буганов, С.М. Каштанов, А.И. Клибанов, А.А. Преображенский, А.Л. Хорошкевич, М.Е. Бычкова. М.: Наука, 1982. 296 с.

Право "вывода" и власть "государя". С. 36–41.

107. Сословное землевладение украинских и белорусских земель XIV – начала XVI в. и древнерусские традиции // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1982. С. 203–219.

108. О международных аспектах религиозной политики Великого княжества Литовского времени Первого статута 1529 года // Первый Литовский Статут 1529 года (Материалы республ. научной конференции, посвящ. 450-летию Первого Статута). Вильнюс, 1982. С. 28–37.

109. Исследования по истории внешней политики России (X – начало XX в.) // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС / Отв. ред. С.С. Хромов. М.: Наука, 1982. С. 422–472. Совм. с В.Т. Пашуто, Г.А. Саниным, Л.А. Никифоровым, О.В. Орлик, В.М. Хевролиной, А.В. Игнатьевым.

110. Problem importu srebra w zagranicznej polityce państwa Rosyjskiego w końcu XV i na początku XVI wieku // Zapiski historyczne. 1982. T. 47, № 1. S. 5–24.

111. Генеалогическая роспись шведских королей как источник по русско-шведским отношениям конца XVI в. // IX Всесоюз. конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Тарту, 1982. Ч. 1. С. 167–168.

112. *Рец.*: Енш Г.А. Из истории архивного дела в Латвии. Рига, 1981. 212 с. // Сов. архивы. 1982. № 2. С. 75–76.

113. *Рец.*: Klassenkampf und Revolutionäre Bewegung in der Geschichte Russlands: Von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution: Studien und Aufsätze. Berlin, 1977. XII+336 S. // Вопр. истории. 1982. № 5. С. 158–161. Совм. с М.Г. Вандалковской и И.М. Пушкаревой.

114. *Публ.*: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Сост. А.Л. Хорошкевич. Отв. ред. А.А. Зимин. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. [Вып.] 4. 217 с. Ротапринт.

Комментарии. С. 3–217.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1983. Jg. 101. S. 254–255.

115. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.

Послесловие: [О научном наследии А.А. Зимина]. С. 263–266, 318. Совм. с В.Б. Кобриным.

Рукопись подготовлена к изданию В.Г. Зиминой, В.Б. Кобриным и А.Л. Хорошкевич.

Рец.: *Андреева Л.Е.* // Преподавание истории в школе. 1983. № 6. С. 77–78; *Казакова Н.А.* // Вопр. истории. 1983. № 12. С. 130–133; *Котляр Н.Ф.* // Украин-

ский исторический журнал. 1983. № 11. С. 158–159; *Мельникова А.С.* // В мире книг. 1983. № 10. С. 76–77; *Носов Н.Е.* История СССР. 1984. № 4. С. 140–142; *Klug E.* Aleksander Zimin's Hinterlassenschaft // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1984. Jg. 32, Hf. 4. S. 562–570; *Kollmann N.S.* // Slavic review. 1984. Vol. 43, № 3. P. 469–471; *Ostrowski D.* // Kritika. 1983. Vol. 19, № 2. P. 63–70.

1983

116. "Брань" из-за смердов в Пскове в 80-х годах XV в. // Русский город (исследования и материалы). М.: Изд-во МГУ, 1983. Вып. 6. С. 37–52.

117. Памяти Александра Александровича Зимина // Историографический сборник: Проблемы политической и классовой борьбы: Межвуз. научный сб. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. Вып. 10. С. 107–122.

1984

118. Формирование прибылей в торговле Прибалтики и Северо-Запада России XV–XVII вв., отраженное в советской историографиии // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР С.В. Бахрушина / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1984. С. 204–209.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1986. Jg. 104. S. 285.

119. История Новгорода в трудах И.Э. Клейненберга // Новгородский исторический сборник. М.: Наука, 1984. Вып. 2 (12). С. 285–290. Совм. с Н.А. Казаковой

Сост.: Список научных работ И.Э. Клейненберга. С. 290–293. Совм. с Н.А. Казаковой.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1985. Jg. 103. S. 267.

120. *Рец.*: Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1975–1983. Вып. 1–10 // История СССР. 1984. № 5. С. 173–177.

121. [*Рец.*]: Об общности средневекового восточнославянского судопроизводства // Вопр. истории. 1984. № 6. С. 172–174. Рец. на статью: Kulisiewicz W. "Postawienie czapki" – Studium z dziejów litewskiego postępowania sądowego w XV i XVI wieku // Czasopismo prawno-historyczne. 1982. T. 34, № 1. S. 1–30.

122. [*Рец.*]: Из истории русско-итальянских связей // Вопр. истории. 1984. № 6. С. 174–175. Рец. на статью: Ризалити Р. Пистойцы и славяне // Bulletino storico pistoiece. A. LXXXIV. Terza ser. 1982. Vol. 17. Подпись: А.Л. Черная.

123. *Публ.*: Из истории дворцового делопроизводства конца XV в.: Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. // Сов. архивы. 1984. № 5. С. 29–34.

124. Не к тому интерес: [О работе отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина] // Правда. 1984. 3 апр. Совм. с М.О. Чудаковой.

125. Боровчане строят Кремль // За коммунизм. Боровск, 1984. 8 дек.

1985

126. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: [Публикация и исследование] / Сост. А.Л. Хорошкевич. Отв. ред. А.А. Зимин. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. [Вып.] 5. 195 с. Ротапринт.

Комментарии. С. 3–39.

Полоцкие грамоты как исторический источник. С. 40–195.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1989. Jg. 107. S. 219–220.

127. Проблемы внешней политики России в трудах советских историков // Изучение истории СССР дооктябрьского периода в советской историографии 1980–1984 гг.: Сб. статей / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. С. 90–125. Совм. с А.С. Аветян, А.В. Игнатьевым, Г.В. Мелеховым, А.В. Назаренко, О.В. Орлик, Г.А. Саниным, В.М. Хевролиной.

А.Л. Хорошкевич написан текст на с. 92–95.

128. Владимир Терентьевич Пашуто (1918–1983): [Некролог] // АЕ за 1983 год. М.: Наука, 1985. С. 343–345. Совм. с Е.А. Мельниковой, А.П. Новосельцевым.

129. К истории топонима "Боровицкие ворота" // Стенам и башням Московского Кремля 500 лет: Тез. докл. Всесоюз. научной конференции (12–14 ноября 1985 г.). М., 1985. С. 56–58.

130. Русское войско первой четверти XVI в. по сообщению С. Герберштейна // Феодализм в России: Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения академика Льва Владимировича Черепнина: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 30 октября – 1 ноября 1985 г.). М., 1985. С. 93–96.

Рец.: *Dircks B.* // Hansische Geschichtsblätter. 1987. Jg. 105. S. 220.

131. *Сост.*: Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Отв. ред. В.Т. Пашуто, Ю.М. Юргинис. Вильнюс, 1985. 135 с. Совм. с С.М. Каштановым.

План и основные принципы издания и описания Литовской метрики. С. 5–12.

1986

132. На страже русских границ: [История г. Великие Луки с древнейших времен до конца XVII в.] // Великие Луки: Очерки истории / Сост. П.М. Давыденко. Л.: Лениздат, 1986. С. 6–28.

133. Из ранней истории Москвы // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1985 г. М.: Наука, 1986. С. 80–88.

134. Городские движения на Руси второй половины XIII – конца XVI в. // Социально-экономическое развитие России: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Дружинина / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1986. С. 38–48.

135. Проблемы истории русского города X–XVI веков в новейшей историографии ФРГ // История СССР. 1986. № 4. С. 200–212.

136. Русская церковь в период борьбы с иноземными захватчиками в XIII–XV вв. // Проблемы марксистской оценки православия в историографии России: Тез. докл. конференции (Москва, 18–20 марта 1986 г.). М., 1986. С. 44–46.

137. Особенности Новгорода как торгового центра Северо-Запада Руси в XII – начале XVI в. // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в.: Тез. докл. и сообщ. научного симпозиума. Новгород, 1986. С. 5–7.

138. Роль скандинавского севера в русско-европейских экономических связях конца XVI – начала XVII в. // X Всесоюз. конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М., 1986. Ч. 1. С. 148–150.

139. *Рец.*: Кеннеди Гримстед П. при участии Сулковской-Курасевой И. "Литовская метрика" в Москве и Варшаве // Сов. архивы. 1986. № 2. С. 86–88. Совм. с А.С. Светенко.

140. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. 333 с.

Послесловие: [О научном наследии А.А. Зимина и его монографии "В канун грозных потрясений"]. С. 241–245. Совм. с В.Б. Кобриным.

Рукопись подготовлена к изданию В.Г. Зиминой, В.Б. Кобриным и А.Л. Хорошкевич при участии А.П. Павлова и А.И. Плигузова.

Рец.: *Панеях В.М.* // Вопр. истории. 1987. № 5. С. 132–134; *Севастьянова А.А.* // История СССР. 1988. № 2. С. 181–184; *Miller D.B.* // American historical review. 1991. Vol. 96, № 2. P. 561–562; *Neubauer H.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1991. Bd. 39, Hf. 4. S. 598–599.

141. Der Friede bereichert die Staaten // Sowjetunion. 1986. № 12. S. 34.

1987

142. "Незваный гость" на праздниках средневековой Руси // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти академика Л.В. Черепнина / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Наука, 1987. С. 184–192.

143. *Рец.*: Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. Ч. 1–2. 370 с. (Памятники отечественной истории. Вып. 3) // История СССР. 1987. № 1. С. 197–200.

144. *Рец.*: Дорошенко В.В. Торговля и купечество Риги в XVII веке. Рига, 1985. 350 с. // Вопр. истории. 1987. № 11. С. 112–115.

1988

145. *Зам. отв. ред.*: Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вступ. статья А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.: ил.

От составителей. С. 5–6. Без подписи.

Сигизмунд Герберштейн и его "Записки о Московии". С. 7–45.

Издания "Записок о Московии". С. 355–378. Без подписи.

Комментарии. С. 283–354. Совм. с С.В. Думиным, Б.М. Клоссом, А.В. Назаренко А.С. Мельниковой, Г.П. Мельниковым, А.И. Плигузовым, А.А. Севастьяновой, М.А. Усмановым и др.

Сост.: Карта Восточной Европы, Русского государства и Северо-Западной Сибири по данным Герберштейна. С. 158–159, рис. 18а. Совм. с А.И. Плигузовым; Карта Северо-Западной Сибири, составленная на основании легендарной части Югорского дорожника Герберштейна. С. 159, рис. 18б. Совм. с А.И. Плигузовым; Итинерарий С. Герберштейна. С. 379–380. Совм. с А.В. Назаренко. Без подписи; Генеалогические таблицы. С. 382–387. Совм. с А.В. Назаренко, С.В. Думиным, М.А. Усмановым; Список русских слов, транслитерированных Герберштейном. С. 388. Совм. с А.В. Назаренко. Без подписи; Библиография. С. 389–396.

Указатели личных имен и географических названий составлены А.В. Назаренко и А.Л. Хорошкевич.

Подбор иллюстраций А.Л. Хорошкевич.

Рец.: *Martens A.* // Hansische Geschichtsblätter. 1989. Jg. 107. S. 231; *Leitsch W.* Herbersteiniana // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38, Hf. 4. S. 548–564.

146. Отношение русской церкви к антиордынской борьбе в XIII–XV веках (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Православие в истории России / Отв. ред. В.И. Гараджа. М.: Мысль, 1988. С. 117–130 (Вопросы научного атеизма. Вып. 37). Совм. с А.И. Плигузовым.

147. Расстановка политических сил в правящем сословии во время восстания в Москве в 1584 г. и "Петров чертеж" столицы // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв.: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. С. 64–73.

148. Изменение форм государственной эксплуатации на Руси в середине XIII в. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм): Чтения, посвящ. памяти академика Л.В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ. (Кишинев, 5–7 апреля 1989 г.). М., 1988. [Ч.] 1. С. 152–163.

149. Посольская документация В[еликого] к[няжества] Л[итовского] в конце XV – начале XVI в. // Литовская метрика: Тез. докл. межреспубл. научной конференции (Апрель 1988 г.). Вильнюс, 1988. С. 36–38.

150. *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1989. Кн. 3, т. 5/6: История России с древнейших времен.

Т. 5 (с. 5–340 – текст; с. 341–380 – примеч.) подгот. к печати А.Л. Хорошкевич и В.С. Шульгин.

1989

151. *Ред.*: Феннелл Дж. Кризис средневековой Руси: 1200–1304 / Вступ. статья и общая ред. А.Л. Хорошкевич и А.И. Плигузова. М.: Прогресс, 1989. 296 с.: ил.

Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела. С. 5–32. Совм. с А.И. Плигузовым.

Сост.: Прил. 2: Западноевропейские, восточноевропейские и восточные хроники. С. 234–243; Прил. 3: Актовые материалы. С. 243–248; Прил. 4: Новгородские берестяные грамоты. С. 248–250; Прил. 5: Сфрагистические материалы. С. 250–253; Прил. 6: Эпиграфика. С. 253–255; Прил. 7: Археологические материалы. С. 255–260; Прил. 8: Историческая география. С. 260–261; Карты. С. 216–226. Совм. с А.И. Плигузовым.

152. *Чл. редкол.*: Исследования по истории Литовской метрики: Сб. научных трудов / Редкол.: В.Т. Пашуто, А.Л. Хорошкевич, Н.И. Щавелева. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1989. [Вып.] 1–2. 385 с.

Предисловие. С. 3–7.

Литовская метрика, состав и пути формирования. С. 11–31.

Сост.: Библиография основных публикаций и исследований Литовской метрики 1983–1989 гг. С. 375–380. При содействии Э. Баниниса и П. Кеннеди Гримстед.

Пер. с англ.: Кеннеди Гримстед П. Неизвестная подокументная опись Литовской метрики (1563–1673) из собрания ЦГАДА СССР. С. 118–137.

Пер. с пол.: Сулковска-Курасева И. Итинерарий Казимира Ягеллона (состояние подготовки). С. 264–335. Совм. с Н.И. Щавелевой.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1992. Jg. 110. S. 174.

153. О некоторых источниках Устюжского летописного свода // Древнерусское искусство: Художественные памятники Русского Севера / Отв. ред. Г.В. Попов. М.: Наука, 1989. С. 357–368.

154. "Крепостная" или "крепкая" грамота // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1987 г. М.: Наука, 1989. С. 77–84.

155. Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города: [Сб. статей к 60-летию В.Л. Янина]. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 69–73.

156. История Великого Новгорода в трудах Н.А. Казаковой // Новгородский исторический сборник Л.: Наука, 1989. [Вып.] 3 (13). С. 229–238.

Сост.: Список трудов Н.А. Казаковой. С. 239–244. При участии В.Ф. Андреева.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1990. Jg. 108. S. 223–224.

157. Die Quellen Herbersteins und die Moscovia als Quelle zur politischen, Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Ruś im ersten Viertel des 16. Jahrhunderts // Siegmund von Herberstein: Kaiserlicher Gesandter und Begründer der Russlandkunde und die europäische Diplomatie / Hrsg. von G. Pfersky. Graz, 1989. S. 179–243 (Veröffentlichunder des Steiermärkischen Landesarchives. Bd. 17).

Рец.: *Pelc O.* // Hansische Geschichtsblätter. 1992. Jg. 110. S. 183.

158. "Здрада" Статута Великого княжества Литовского 1588 г., "измена" Соборного уложения 1649 г. и демографическая политика восточно-европейских государств конца XVI – начала XVII в. // Третий Литовский статут 1588 года: Материалы Республ. научной конференции, посвящ. 400-летию Третьего Статута. Вильнюс, 1989. С. 50–62.

159. Печать князя всея Руси: сфрагистические и генеалогические традиции // Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования: Тез. докл. и сообщ. межвуз. научной конференции (Москва, 31 января – 3 февраля 1989 г.). М., 1989. С. 77–79.

160. Конные печати Мстислава Мстиславича Удалого – источник по истории международных отношений Руси начала XIII в. // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма: Сб. тез. М., 1989. С. 24–27.

161. *Публ.*: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: Указатели. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1989. [Вып. 6]. 208 с. Ротапринт.

Указатели – личный, географических наименований, предметно-терминологический, а также список водяных знаков составлены А.Л. Хорошкевич.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. Jg. 112, 1994. S. 397.

162. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1989. Вып. 15: (Перстъ-Подмышка). 288 с.

163. "Тащить и не пущать": Наука в издательстве с одноименным названием // Кн. обозрение. 1989. 10 марта. С. 2.

1990

164. *Чл. редкол*: Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина. (Москва, 13–18 мая 1990 г.) / Отв. ред. Ю.Н. Афанасьев, А.П. Новосельцев. Редкол.: В.Б. Кобрин, В.А. Муравьев, В.М. Панеях, А.А. Преображенский, Л.Н. Простоволосова, А.Л. Станиславский, А.Л. Хорошкевич. М., 1990. [Вып. 1–2]. 324 с.

Предисловие. С. 3–4. Совм. с В.Б. Кобриным.

Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного. С. 285–290.

Русь, Русия, Московия, Россия, Московское государство, Российское царство. С. 290–291.

Пер. с англ.: Афферика Д. Образ Ивана Грозного в трудах С.Б. Веселовского. С. 25–26; Крами Р. Истоки власти бояр в XVII в.: потомки верховских служи-

лых князей. С. 137–140; Уо Д.К. По поводу фальсификации письменных источников и представлений о ней в Древней Руси. С. 266–267.

Пер. с нем.: Ниче П. Москва–третий Рим? С. 203–205; Торке Г.Й. Так называемые "земские соборы": К вопросу о сословно-представительной монархии в России. С. 263–266; Хоффманн П. Россия и реформация: Заметки о немецко-русских культурных отношениях в первой половине XVI в. С. 292.

Пер. с пол.: Граля И. "Федор рос" византийского кодекса середины XIII в. С. 58–60.

Рец.: *Angermann N.* // Hansische Geschichtsblätter. 1994. Jg. 112. S. 383.

165. Церковь и государство в "Записках о Московии" Сигизмунда Герберштейна // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей / Отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 168–186.

Рец.: *Schubert B.* // Hansische Geschichtsblätter. 1993. Jg. 111. S. 266.

166. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство... С. 84–102. Совм. с А.И. Плигузовым.

167. Русский средневековый город XI–XV вв. в историографии ФРГ (1979–1983) // История СССР в современной западной немарксистской историографии: Критический анализ / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 1990. С. 135–157.

168. Роль церкви в истории Руси и Украины в XIV–XVII вв. // Проблемі українськоі історичної медіевістики. Київ, 1990. С. 58–60.

169. Знаковая система русских средневековых княжеских печатей XV века // Русская художественная культура XV–XVI веков: Тез. докл. Всесоюз. научной конференции (14–16 мая 1990 г.). М., 1990. С. 26–30.

170. *Рец.*: Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. 173 с. // Вопр. истории. 1990. № 8. С. 171–174.

171. [*Рец.*]: Приобщение к истории // Кн. обозрение. 1990. 16 марта. С. 7. Рец. на кн.: Ярославский архив дворян Викентьевых XVII в.: Сб. документов: К 100-летию Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1989.

172. Видгук на "Методичні рекомендації" // Передача текстів документів и памяток. Київ, 1990. С. 83.

173. *Чл. редкол.*: Горсей Джером. Записки о России: XVI – начало XVII в. / Редкол.: А.А. Севастьянова, А.Л. Хорошкевич, В.Л. Янин (отв. ред.); Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.

174. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1990. Вып. 16 (Поднавесъ-Поманути). 295 с.

1991

175. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середины 50-х годов // История СССР. 1991. № 6. С. 85–100.

176. За что боролись русские горожане второй половины XIII–XVI вв.? // Czas przestrzeń praca w dawnych miastach: Studia ofiarowane Henrykowi Samsonowiczowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin / Red.: A. Wyrobisz i M. Tymowski. Warszawa, 1991. S. 387–397.

177. "А молвит хомутовкою...": Поиск историка // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка / Ред.: Г.А. Богатова, З.М. Петрова. М., 1991. Ч. 1. С. 53–71.

178. Zimin A.A. // Great historians of the Modern age: An international dictionary / Ed.-in-chief L. Boia. N. Y.; L., 1991. P. 591–592. Совм. с В.Б. Кобриным.

179. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 288 с.

Послесловие: [О научном наследии А.А. Зимина и его монографии "Витязь на распутье"]. С. 212–218. Совм. с В.Б. Кобриным и Я.С. Лурье.

Рукопись подготовлена к изданию В.Г. Зиминой и Я.С. Лурье при участии В.Б. Кобрина и А.Л. Хорошкевич.

Рец.: *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В.* Феодальная война или демократические альтернативы? // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. 1992. № 3. С. 8–9; *Ковин В.Н.* Феодальная война 1425–1453 годов: Историографическая традиция и попытка нового подхода // Вестн. Челябинского ун-та. Сер. 1. 1994. № 1 (7). С. 57–62; *Козляков В.Н.* // Вопр. истории. 1992. № 10. С. 198–200; *Панеях В.М.* Панорама истории России XV–XVI веков А.А. Зимина // Отечеств. история. 1992. № 6. С. 70–81; *Смирнов И.* Хроника времен Василия Темного // Знание–сила. 1993. № 11. С. 79–83; *Kusber J.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. Bd. 42, Hf. 2. S. 257–259.

180. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1991. Вып. 17 (Помаранецъ-Потишати). 296 с.

1992

181. *Чл. редкол.*: Чтения памяти В.Б. Кобрина "Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма": Тез. докл. и сообщ. (Москва, 26–29 января 1992 г.) / Редкол.: В.А. Муравьев, С.М. Каштанов, М.П. Лукичев, Л.Н. Простоволосова, А.А. Севастьянова, А.Л. Хорошкевич, Ю.М. Эскин, А.Л. Юрганов. М., 1992. 221 с., 1 л. портр.

Единорог большой государственной печати Ивана Грозного. С. 188–192.

182. Русь и Восточная Европа в XIII–XV вв. // История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. / Гл. редкол.: А.О. Чубарьян и др. М.: Наука, 1992. Т. 2: Средневековая Европа / Отв. ред. Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова. С. 430–463.

183. Zagadkowe okoliczności powstania kopii najdawnejszych umów Nowogrodu z Gotlandią i Niemcami z końca XII i z połowy XIII wieku // Balticum: Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII–XVII wieku, ofiarowane Marianowi Biskupowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / Red. Z.N. Nowak. Torun, 1992. S. 105–111.

Рец.: *Czaja R.* // Hansische Geschichtsblätter. 1995. Jg. 113. S. 274; *Biskup M.* // Studia mediaevalis. 1995. S. 274.

184. Владимир Борисович Кобрин: [Некролог] // АЕ за 1990 год. М.: Наука, 1992. С. 327–328. Совм. с А.А. Севастьяновой.

185. Памяти Джона Феннелла: [Некролог] // Архив русской истории. 1992. Вып. 2. С. 228–231.

186. Поставление князей и символы государственности X – начала XIII века // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 13–15 апреля 1992 г.): Тез. докл. М., 1992. С. 70–72.

187. "Птицы" владимиро-суздальской скульптуры и "голубь" полушки: предыстория государственной эмблемы России // Краткие тез. докл. нумизматической конференции "Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г." (25–28 февраля 1992 г.). СПб., 1992. С. 51–52.

188. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1992. Вып. 18 (Потка-Преначальный). 288 с.

1993

189. Символы русской государственности. М.: Изд-во МГУ, 1993. 96 с.: ил.

Рец.: *Brüggemann K.* // Hansische Geschichtsblätter. 1995. Jg. 113. S. 284–285.

190. Юхан Видекинд как историограф русской Смуты // Архив русской истории. 1993. Вып. 3. С. 7–28. Совм. с А.И. Плигузовым.

191. Памяти Манфреда Хелльмана: [Некролог] // Там же. С. 279–281.

192. Der Ostseehandel und der deutsch-russisch-gotländischen Vertrag 1191/1192 // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse / Hrsg. von S. Jenks, M. Norton. Köln, 1993. S. 1–12 (Qullen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. Bd. 39).

Рец.: *Werlich R.-G.* // Hansische Geschichtsblätter. 1995. Jg. 113. S. 171.

193. Русско-литовские отношения накануне создания II Литовского статута 1566 г. (по материалам русских посольских книг) // 1566 metų antrasis Lietuvos statutas Respublikinės mokslinės konferencijos, skirtos Antrojo Lietuvos Statuto 425-osioms metinėms pažymėti medžiaga / Ats. red. S. Lazutka. Vilnius, 1993. L. 28–37.

194. Mit wem handelte die Hanse in Nowgorod? // Urbs-Provincia-Orbis: Contributiones ad historiam contactuum civitatum carpathicarum in honorem O.R. Halaga editae. Kosice, 1993. S. 111–115.

Рец.: *Weczerka H.* // Hansische Geschichtsblätter. 1996. Jg. 114. S. 298.

195. Претензійні печатка і герб (до історії російської державної символіки) // Третя наукова геральдична конференція: Збірник тез., повидомлень та доповідеї (Львів, 4–5 листопада 1993 року). Львів, 1993. С. 101–104.

196. Структура и история немецко-новгородско-готского договора 1191–1192 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 12–14 апреля 1993 г.): Тез. докл. М., 1993. С. 79–81.

197. Государственная символика России в контексте международных отношений со странами Европы // Российская государственность: Этапы становления и развития: Тез. и материалы научной конференции. Кострома, 1993. Ч. 1. С. 8–13.

198. *Публ.*: Графическое оформление комплекса "Сказания о князьях владимирских" в Медоварцевском сборнике // История и палеография: Сб. статей / Отв. ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т российской истории РАН, 1993. Ч. 1. С. 56–89.

199. *Ред.*: Спиридонов М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). Минск: Навука і тэхніка, 1993. 223 с.

200. [*Сост.*]: Леонид Николаевич Хорошкевич (1902–1956): Каталог выставки. М., 1993. 24 с.

[Предисловие]. С. 3.

1994

201. *Отв. ред.*: Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой. Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Изд-во МГУ, 1994. 151 с.: ил.

Предисловие. С. 5.

Михалон Литвин и его трактат. С. 6–56. Совм. с М.В. Дмитриевым, И.П. Старостиной.

Комментарии. С. 107–144. Совм. с С.В. Думиным, Ю.А. Мыцыком, И.П. Старостиной, М.А. Усмановым.

Сост.: Библиография. С. 145–147.

Подбор иллюстраций А.Л. Хорошкевич и И.П. Старостиной.

202. Царский титул Ивана IV и боярский "мятеж" 1553 года // Отечеств. история. 1994. № 3. С. 23–42.

203. *Публ.*: "Памяти" царя Василия Шуйского в Цывильск и Кузьмодемьянск 1609 г. // Архив русской истории. 1994. Вып. 5. С. 128–138.

204. Das Institut für Russische Geschichte im Jahre 1993 // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1994. Hb.1. S. 191–196.

205. Великий князь и его подданные в первой четверти XVI в. // Сословия и государственная власть в России: XV – середина XIX в.: Международная конференция – Чтения памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1994. С. 164–174.

206. Александрова слобода в середине XVI в. // Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развитии культуры народа. Кострома, 1994. Ч. 2. С. 82–85.

207. *Рец.*: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1992. Bd. 46 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. Bd. 42, Hf. 2. S. 253–255.

208. Polock // Lexikon des Mittelalters. München, 1994. Bd. 7, Lfg. 1. Sp. 72–73.

209. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1994. Вып. 19 (Пренебесный-Присведетельствовати). 272 с.

210. *Чл. редкол.*: Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1994. Hb. 1: Russland im 20. Jahrhundert. Berlin, 1994. 256 s.; Hb. 2: Südosteuropa im 19 und 20. Jahrhunderts: Fremde Wege – Eigene Wege. Berlin, 1994. 263 s.

211. Государство всея Руси: [Интервью А.Л. Хорошкевич об особенностях развития государственности на Руси XIV–XVI вв. Беседу вел Ю.А. Борисенок] // Родина. 1994. № 5. С. 20–26.

1995

212. *Чл. редкол.*: Россия XI–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина (Москва, 26–28 января 1995 г.) / Редкол.: Ю.Н. Афанасьев (отв. ред.), Р.Б. Казаков, С.М. Каштанов, Е.П. Маматова, В.А. Муравьев, М.Ф. Румянцева, А.Н. Сахаров, Л.В. Столярова, А.Л. Хорошкевич. М., 1995. Ч. 1–2. 690 с.

Смирение и высокоумие: (У истоков русского национального характера). С. 619–621.

213. "Конные печати" Александра Невского и традиции средневековой сфрагистики // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы / Под ред. Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб.: Дм. Буланин, 1995. С. 140–145.

214. Еще раз о символах русской государственности: византийские и западноевропейские традиции в русской средневековой сфрагистике // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика: IX Международный семинар исторических исследований "От Рима к Третьему Риму" (Москва, 29–31 мая 1989 г.). М, 1995. С. 202–212.

215. *Рец.*: Stände und Staat in Russland 15. bis Mitte des 19. Jahrhunderts. Čerepnin Lesungen 1994 // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1995. Hb. 1. S. 181–189. Совм. с Л. Томас.

216. Lexikon des Mittelalters. München, 1995. Bd. 7.

Rusa. Lfg. 6. Sp. 1128.

Salz: [Altrussland]. Lfg. 6. Sp. 1328.

Semen Ivanovič (Gordyj; Simeon der Stolze). Lfg. 8. Sp. 1739.

Serpuchov, Serpochov. Lfg. 8. Sp. 1791–1792.

Siegel: [Altrussland]. Lfg. 9. Sp.1860.

Stadt: [Rus']. Lfg. 10. Sp. 1890.

217. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1995. Вып. 20 (Присвоение-Прочнутися). 288 с.

218. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1995. Вып. 21 (Прочный-Раскидати). 282 с.

219. *Чл. редкол.*: Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1995. Hb. 1: Deutsch-russische Beziehungen. Berlin, 1995. 292 s.; Hb. 2: Elitenwandel und Modernisierung in Osteuropa. Berlin, 1995. 317 s.

220. Posłowie: [Воспоминания о польск. историке Б. Зинтаре] // Zientara B. Dawna Rosja: Despotyzm i demokracja. Warszawa, 1995. S. 139–146.

1996

221. *Чл. редкол.*: Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Тез. докл. научной конференции (Москва, 3–5 декабря 1996 г.) / Редкол.: А.Л. Хорошкевич, А.В. Юрасов. М.: Ин-т российской истории РАН, 1996. 236 с.: ил.

Новая схема Москвы Конрада Буссова 1611 г. С. 49–54. Совм. с М.В. Кукушкиной и А.В. Назаренко.

Московский посад середины XVI в. по данным польско-литовских посольских книг. С. 118–124.

Рец.: *Brüggemann K.* // Hansische Geschichtsblätter. 1997. Jg. 115. S. 325–327.

222. Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного // Реформы и реформаторы в истории России: Сб. статей / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Ин-т российской истории РАН, 1996. С. 23–34.

223. Москва XVI столетия // Отечеств. история. 1996. № 4. С. 3–15.

224. Die Opričnina und der Charakter des russischen Staates in der sowjetischen Historiographie von der 20er bis zu den 50er Jahren // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1996. Bd. 52. S. 69–92.

225. Der deutsche Hof in Novgorod und die deutsche Herberge (Fondaco dei Tedeschi) in Venedig im 13./14. Jahrhunderts: Eine vergleichende Vorstudie // Zwischen Lübeck und Novgorod: Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert: Norbert Angermann zum 60. Geburtstag / Hrsg. von O. Pelc und G. Pickhan. Lüneburg, 1996. S. 67–87.

Рец.: *Wernicke H.* // Hansische Geschichtsblätter. 1997. Jg. 115. S. 166.

226. Михалон Литвин и Иван Пересветов // Mappa mundi: Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 207–211.

227. Европейские традиции в оформлении русской государственной символики XV–XVII вв. // Древняя Русь и Запад: Научная конференция: Книга резюме. М., 1996. С. 127–129.

228. Lexikon des Mittelalters. München, 1996. Bd. 8.

Steuer, -wesen [Rus']. Lfg. 1. Sp. 156–157.

Strigolniki. Lfg. 2. Sp. 244–245.

229. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1996. Вып. 23 (Съ-сдымка). 253 с.

230. *Чл. редкол.*: Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1996. Hb. 1: Osteuropäische Geschichte in vergleichenden Sicht. Berlin, 1996. 424 s.

231. *Чл. ред. совета*: История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. / Под общей ред. А.Н. Сахарова. Ред. совет: Ю.М. Лужков (предс.), Ю.С. Борисов, В.Я. Гросул, В.П. Дмитренко, А.С. Киселев, И.Д. Ковальченко, В.А. Маныкин, А.Н. Сахаров, А.А. Преображенский, Л.Н. Селиверстова, А.Л. Хорошкевич. М., 1997–2000.

Отв. ред.: История Москвы с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. I: XII–XVIII века. 423 с.: ил.

Предисловие. С. V–VIII.

Мегалополис средневековья: [Москва в XVI столетии]. С. 102– 204.

Москва в начале XVII века. С. 199–218. При участии А.С. Мельниковой и Л.А. Беляева.

[Заключение]. С. 387–388.

Подбор иллюстраций А.Л. Хорошкевич.

Указатель имен составлен А.В. Ковальчуком, Л.Н. Пушкаревым, А.Г. Тюльпиным, А.Л. Хорошкевич, А.В. Юрасовым.

232. Герб и флаг России (X–XX века) / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов. М.: Юрид. лит., 1997. 560 с.: 32 с. цв. ил. Совм. с В.А. Артамоновым, Г.В. Вилинбаховым, С.Ф. Фаизовым.

Предисловие. С. 5–14.

Ч. 1: Герб. С. 16–376. Совм. с Г.В. Вилинбаховым и С.Ф. Фаизовым.

233. Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный // IN MEMORIAM: Сб. памяти Я.С. Лурье. СПб.: Atheneum-Феникс, 1997. С. 282–291.

234. Католики в представлениях русских летописцев XIV–XV вв. // Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.). Варшава, 1997. С. 34–50.

235. О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII и середины XIII в. // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дм. Буланин, 1997. Вып. 6 (16). С. 128–134.

Рец.: *Angermann H.* // Hansische Geschichtsblätter. 1997. Jg. 115. S. 327.

236. Кто поднимет упавшее знамя? (Размышления о судьбе издания Литовской метрики) // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Дніпропетровськ: Промінь, 1997. Вип. 1: На пошану професора Миколи Павловича Ковальського. С. 126–127.

237. К датировке новгородско-немецко-готландского договора середины XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси: IX Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто (Москва, 16–18 апреля 1997 г.): Материалы конференции. М., 1997. С. 83–85.

238. Lexikon des Mittelalters. München, 1997. Bd. 8.

Urkunde: [Altrussland]. Lfg. 6. Sp. 1319–1320.

Volokolamsk. Lfg. 9. Sp. 1843.

239. Почему Москва не называется Кучковом? // Родина. 1997. № 9. С. 28–30.

240. "Obcy" na Smolenskim trakcie // Mowia wieki. 1997. № 11/12. S. 50–53.

241. Der Angstgeist: Warum Ivan der Schreckliche in Russland wieder Konjuctur hat // Frankfurter Allgemeine. 1997. Donnerstag 16. № 13. S. 34.

242. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1997. Вып. 22 (Раскидатися-Рященко). 298 с.

243. *Чл. редкол.*: Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1996. Hb. 2: Sibirien: Kolonie-Region. Berlin, 1997. 315 s.

244. Казнил и жаловал... [450 лет назад в Успенском соборе Московского Кремля венчался на царство Иван Васильевич Грозный] // Моск. новости. 1997. 26 янв. – 2 февр. С. 23.

245. Трехтомная история столицы: Беседу за "круглым столом" ведет академик В.Л. Янин: [К выходу в свет трехтомной "Истории Москвы", подгот. Интом российской истории РАН. Участвовали: А.Л. Хорошкевич, В.Я. Гросул, Ю.С. Борисов] // Вестн. РАН. 1997. Т. 67, № 8. С. 691–700.

1998

246. Русь, Крым и Астрахань в начале XVI века // Центральна і Східна Європа в XV–XVIII століттях: питання соціально-економічної та політичної історії: До 100-річчя від дня народження професора Дмитра Похилевича / За ред. Л. Зашкільняка та М. Крикуна. Львів, 1998. С. 162–173.

247. Die Bojarenduma und der Zar in den fünfziger Jahren des 16. Jahrhunderts // Zwischen Christianisierung und Europäisierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropas im Mittelalter und früher Neuzeit: Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag / Hrsg. von E. Hübner. E. Klug, J. Kusber. Stuttgart, 1998. S. 129–136.

248. "Fremde" auf der Strasse nach Smolensk in der Mitte des 16. Jahrhunderts: (Die Kontrolle der Gesandten auf dem Weg zwischen Smolensk und Moskau) // "Der Fremde im Dorf": Überlegungen zum Eigenen und zum Fremden in der Geschichte: Rex Rexheuser zum 65. Geburtstag / Hrsg. von H.-J. Bomelburg, B. Eschment. Lüneburg. 1998. S. 367–377.

249. Russische Partner und Gegner der Hanse // Akteure und Gegner der Hanse: Zur Prosopographie der Hansezeit / Hrsg. von D. Kattinger, H. Wernicke unter Mitwirkung von R.-G. Werlich. Weimar, 1998. S. 307–315 (Hansische Studien. Bd. 9).

250. *Рец.*: Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. 265 с. // Russia mediaevalis. 1998. T. 9, № 1. P. 136–150.

251. Lexikon des Mittelalters. München, 1998. Bd. 9.

Zeremoniell: [Rus']. Sp. 574–575.

Žit'i ljudi. Sp. 657.

Zunft, -wesen, -recht: [Rus']. Sp. 707–708.

252. *Публ.*: Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 39–57.

253. *Отв. ред.*: Узденников В.В. Геральдическое оформление российских монет: 1700–1917 гг. М.: Аксалий-Информ, 1998. 144 с.: ил.

254. *Чл. редкол.*: Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1997. Hb.1: Unternehmertum in Russland. Berlin, 1998. 331 s.

1999

255. *Сост.*: Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения: [Сб. статей и тез. докл. Вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина (Москва, 26–28 января 1995 г.)] / Редкол.: Ю.Н. Афанасьев и др. *Сост.*: С.М. Каштанов, Л.В. Столярова, А.Л. Хорошкевич. М.: Русский мир, 1999. 559 с., 1 л. портр.

Смирение и высокоумие: (У истоков русского национального характера). С. 490–492.

256. "Измена" Пимена и поход Ивана Грозного на Новгород // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича

Янина / Редкол.: А.А. Гиппиус, Е.Н. Носов, А.С. Хорошев. М.: Русские словари, 1999. С. 225–231.

257. К истории создания немецко-русских словарей-разговорников "Томаса Шрове" и "Тенниса Фенне" // Древности Пскова: Археология, история, архитектура: К юбилею Инги Константиновны Лабутиной / Отв. ред. В.В. Седов. Псков: Псковский музей-заповедник, 1999. С. 218–230.

258. Феномен С.Ф. Платонова и судьба русской исторической науки // Платонов С.Ф. Москва и Запад. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. С. 5–15.

259. Последние публикаторские начинания В.Т. Пашуто и их судьба // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто / Под ред. Е.А. Мельниковой, Т.Н. Джаксон. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 294–298.

260. Nowgorod-wäragische Beziehungen der ersten Hälfte des 11. Jahrhunderts nach Angaben von russischen Urkunden // Stadtwerdung und städtische Typologie des Ostseegebietes bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts / Hrgs. von J.K. Büthe und Th. Riis (ed.). Odense, 1999. S. 26–33. (Studien zur Geschichte Ostseeraumes. Bd. 3).

261. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечеств. история. 1999. № 2. С. 69–79.

262. Згадкі пра Мікалая Улашчыка // Беларускі гістарычны агляд. 1999. Т. 6, № 1/2 (10/11). С. 244–247.

263. Были ли россияне психологически готовы к реформам Петра Великого? (в помощь учителю истории) // Дидакт. 1999. № 1/2 (28/29). С. 8–26.

264. Генрих Штаден и опричнина в Москве // Немцы в общественной и культурной жизни Москвы, XVI – начало XX века: Материалы Международной научной конференции (15–16 февраля 1999 г.). М., 1999. С. 16–25.

265. Иноземное население Москвы 1585 года в "Записках" Мартина Груневега // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV–XVIII веков: История, историография, источники и методы исторического исследования: Материалы научной конференции (Тверь, 18–21 февраля 1999 г.). Тверь, 1999. С. 273–277.

Рец.: *Dumschat S.* // Hansische Geschichtsblätter. 2000. Jg. 118. S. 285.

266. Сфера интернациональных языковых контактов Руси и России XV–XVI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны: XI Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 14–16 апреля 1999 г.): Материалы конференции. М., 1999. С. 98–101.

267. Мартин Груневег о русской денежной системе (1585 г.) // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.): Тез. докл. и сообщ. М., 1999. С. 123–125.

268. Региональные проблемы отечественного средневековья в советской историографии 30–50-х годов // Региональная история в российской и зарубежной историографии: Тез. докл. международной научной конференции (Рязань, 1–4 июня 1999 г.). Рязань, 1999. Ч. 1. С. 128–130.

269. [*Сост.*]: Список трудов И.П. Русановой / Сост. И.М. Тюрина, А.А. Юшко при участии А.Л. Хорошкевич // Рос. археология. 1999. № 2. С. 250–252.

270. Зимин А.А. Правда Русская / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Древлехранилище, 1999. 424 с., 1 л. портр.

Послесловие: [О книге А.А. Зимина "Правда Русская"]. С. 388–389.

Рукопись подготовлена к изданию В.Г. Зиминой и А.Л. Хорошкевич при участии А.С. Орешникова.

Рец.: *Котляр Н.Ф.* // Отечеств. история. 2001. № 3. С. 186–188.

271. *Отв. ред.*: Таможенные книги города Великие Луки 1669–1676 гг. / Подгот. к печати А.В. Юрасов. М.: Ин-т российской истории РАН, 1999. 280 с.: ил.

272. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1999. Вып. 24 (Се-Скорый). 254 с.

2000

273. *Отв. ред.*: Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова. Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 656 с.: ил.

От составителей. С. 507–508. Без подписи.

Апология Юхана Видекинда. С. 521–561. Совм. с А.И. Плигузовым и Г.М. Коваленко.

Комментарии. С. 562–632. Совм. с А.И. Васильевым, В.Г. Гейманом, С.В. Думиным, Г.М. Коваленко, И.П. Кулаковой, А.С. Мельниковой, А.И. Плигузовым, А.В. Юрасовым, С.Г. Яковенко, В.Л. Яниным.

Сост.: Библиография. С. 633–638. При участии И.П. Кулаковой и А.В. Юрасова.

Подбор иллюстраций А.Л. Хорошкевич и И.А. Тихонюка.

Рец.: *Павлов А.П., Петров К.В.* // Вестн. РГНФ. 2001. № 4. С. 184–187.

274. Сигизмунд Герберштейн – воин, государственный деятель, дипломат и миротворец / Сост. Ю. Ругел. М.: Белые альвы, 2000. 206 с.: ил.

Герберштейниана сегодня. С. 107–118, 177–179.

Русь и русские в "Записках о Московии". С. 127–160, 179–184.

Сост.: Список основных изданий и литературы. С. 185–187.

Подбор иллюстраций Ю. Ругеля, А. Ленарчича и А.Л. Хорошкевич.

275. Судебник 1497 г. в переводе и редакции Сигизмунда Герберштейна // Судебник 1497 г. в контексте российского и зарубежного права XI–XV вв. / Под общ. ред. А.Н. Сахарова. М.: Военный парад, 2000. С. 127–138.

276. "Дружба" и "ссора" в бытовом общении русского и иностранного купечества XVI – первой половины XVII в. // Россия и мировая цивилизация: К 70-летию чл.-кор. РАН А.Н. Сахарова. М.: Ин-т российской истории РАН, 2000. С. 141–151.

277. Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. статей в честь Натальи Федоровны Демидовой. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2000. С. 158–181.

278. Годунов и русский иконописец в записках Мартина Груневега // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М.: Изд-во РГГУ, 2000. Вып. 3. С. 273–282.

279. O misji Isajaza do Moskwy – raz jeszcze // Aetas media aetas moderna: Studia ofiarowane profesorowi Henrykowi Samsonowiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 2000. S. 403–424.

280. Повседневный быт москвичей в середине XVI в. (по материалам Стоглава) // Человек XVI столетия / Под ред. А.А. Сванидзе и В.А. Ведюшкина. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2000. С. 201–211.

281. Новое неизданное послание "Сигизмунда Герберштейна" // История и антиистория: Критика "Новой хронологии" академика А.Т. Фоменко. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 274–289.

282. Русь и Крым конца XV – начала XVI в. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 г.:

Памяти чл.-кор. РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М.: Восточная литература, 2000. С. 255–263.

283. К истории создания немецко-русских словарей-разговорников Томаса Шрове и Тенниса Фенне // Slavia orientalis. 2000. Т. 49, № 1. S. 77–91.

284. Судьба – археология: Исследователи раннего славянства – Ирина Петровна Русанова и Борис Анисимович Тимощук // Археологічні студії. [Вып.] 1. Київ; Чернівці: Прут, 2000. С. 4–17.

[*Сост.*]: Список трудов И.П. Русановой. С. 17–21.

285. Судьба – археология: Исследователи славянской истории – Ирина Петровна Русанова и Борис Анисимович Тимощук // Slavia Antiqua. 2000. Т. 41. S. 191–206.

Сост.: Список трудов И.П. Русановой. С. 206–210. При участии И.М. Тюриной, С.А. Плетневой, М.П. Абрамовой, А.А. Юшко.

286. Акты, акты и еще раз акты... Новые миры средневековой Руси, эдиционная техника и научная традиция // Отечеств. история. 2000. № 5. С. 127–139.

287. Водгук на рукапісь калектыўнай працы "Белоруссия в XIII – середине XVI в. (Очерки социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни)" // Беларускі гістарычны агляд. 2000. Т. 7, № 1 (12). С. 181–190.

288. Москва в творчестве А.С. Пушкина // Дидакт. 2000. № 3 (36). С. 30–42.

289. День защиты: Штрихи к портрету В.Б. Кобрина – исследователя и педагога // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. научной конференции М., 2000. С. 127–131.

290. Война и идеология русского самодержавия начала 60-х гг. XVI в. // Там же. С. 184.

291. А.С. Пушкин об опричнине Ивана Грозного // Там же. С. 184–185.

292. План Москвы и памятники московского церковного зодчества в "Записках" Мартина Груневега 1585 г. // Русское искусство позднего средневековья: XVI век: Тез. докл. международной конференции (Москва, 12–14 января 2000 г.). СПб., 2000. С. 16–21.

293. [*Рец.*]: Праблемы выдання Літоўскай метрыкі і першая беларуская публикацыя // Беларускі гістарычны агляд. 2000. Т. 7, № 2 (13). С. 509–524. Рец. на кн.: Метрыка Вялікага Княства Літоўскага: Кніга 28 (1522–1552 гг.): Кніга запісаў 28: (Копія канца XVI ст.) / Падрыхтоука тэкстаў да друку і навук. апарат В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. Менск, 2000. 312 с.: іл.

294. *Чл. редкол.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2000. Вып. 25 (Скорынья-снулый). 276 с.

2001

295. Русь и Крым: От союза к противостоянию: Конец XV – начало XVI в. / Отв. ред. А.М. Некрасов. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.

Рец.: *Санин Г.А.* // Москва–Крым. М., 2001. Вып. 3. С. 345.

296. *Чл. редкол.*: Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Доклады Второй научной конференции (Москва, 7–8 декабря 1999 г.) / Редкол.: А.И. Аксенов, Я.Е. Водарский (отв. ред.), Н.М. Рогожин, А.Л. Хорошкевич, А.В. Юрасов. М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. 315 с.: ил.

Предисловие. С. 3–4. Совм. с А.В. Юрасовым.

"Град" и "место" в "Истории о великом князе московском" А.М. Курбского. С. 288–296.

297. Мартин Груневег о Москве 1585 г. // Россия и Германия. М.: Наука, 2001. Вып. 2. С. 19–41.

298. Deutsche Färsen und ein Eichhörchenfell namens *podpal'* in den Dokumenten des Archivs des Grosskaufmanns I.D. Pankratsev // Kollektivität und Individualität: der Mensch im östlichen Europa: Festschrift für Prof. Dr. Norbert Angermann zum 65. Geburstag / Hrsg. von K. Brüggemann. Hamburg, 2001. S. 71–74 (Schriftenreihe Studien zur Geschichttsforchung der Neuzeit. Bd. 33).

299. Der Handel Rigas mit Polock im 14./15. Jahrhundert: Nach den Polocker Urkunden // Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hanzeit: Beiträge zur Erforschung mittelalterlicher und frühneuzeitlicher Handelsbeziehungen und -wege im europäischen Rahmen / Hrsg. von N. Angermann und P. Kaegbein. Lüneburg, 2001. S. 137–155.

300. Судьба христианина в царстве Ивана Грозного: Эпизод из жизни И.П. Федорова // Russische und Ukrainische Geschichte vom 16–18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2001. S. 163–174 (Forschungen zur ostenropäischen Geschichte. Bd. 58).

301. Михаил Петрович Лукичев (22.12.1950–14.06.2001): [Некролог] // Вестн. архивиста. 2001. № 4/5 (64/65). С. 447–451.

302. Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции: Тр. Юбилейной конференции "Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой" (Тула–Куликово поле, 12–14 октября 2000 г.). Тула, 2001. С. 63–78.

303. Книга в России по запискам Груневега 1585 года // 200 лет первого издания "Слова о полку Игореве": Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России (Ярославль–Рыбинск, 27–29 августа 2000 г.). Ярославль, 2001. С. 188–191.

304. Персонал и доходы таможни в России по реформе середины XVI в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: Сб. материалов международной научной конференции (С.-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб., 2001. С. 230–232.

305. [*Рец.*]: О Висковатом, его времени и безвременьи // Russia mediaevalis. 2001. Т. 10, № 1. Р. 273–302. Рец. на кн.: Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. 520 с.: ил.

306. Зимин А.А. Опричнина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Территория, 2001. 448 с.: ил.

Александр Александрович Зимин и его книга "Опричнина Ивана Грозного". С. 5–17.

Рукопись подготовлена к изданию А.Л. Хорошкевич при участии В.Г. Зиминой. Указатель имен составлен И.В. Ледовской при участии А.Л. Хорошкевич.

307. Зимин А.А. О книгах, театре, кино и прочем (из архивного наследия) / Подгот. публ. В.Г. Зимина. Вступ. статья А.Л. Хорошкевич // История России XIX–XX веков: новые источники понимания / Под ред. С.С. Секиринского. М.: Моск. обществ. научн. фонд, 2001. С. 10–33 (Научные доклады. № 137).

[Вступ. статья]. С. 10–13.

308. Кто занимается "кланированием" // Приложение к "Независимой газете" "НГ-Наука". 2001. 24 янв. С. 3. Полемика вокруг статей: Сахаров А.Н. Академические кланы делят собственность (НГ-Наука. 2000. 20 дек. С. 3); Каштанов С.М., Мельникова Е.А. Феодальный ресурс: "Либерализм как метод управления исторической наукой" (Там же. С. 2).

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

А.В. Назаренко

ЕЩЕ РАЗ О "РУССКОЙ МАРКЕ" (RUZARAMARCHA) ИЗ ГРАМОТЫ ЛЮДОВИКА НЕМЕЦКОГО 862/863 года

В ряде предыдущих работ нам уже приходилось обращать внимание отечественных историков на тот замечательный факт, что на территории раннесредневековой Баварской восточной марки фиксируется достаточно древняя топонимия, производная от имени "Русь"[1]. Наиболее ранним упоминанием такого рода является Ruzaramarcha из подтвердительной грамоты восточнофранкского короля Людовика Немецкого (840–876) Альтайхскому монастырю на земельные приобретения последнего, сделанные на территории Восточной марки еще во времена Карла Великого (ум. в 814 г.) – очевидно, в начале IX в., после разгрома Карлом Аварского каганата[2].

Лингвисты – eo ipso также историки – обошли вниманием этот любопытный топоним. Между тем, удается показать, что он стоит в ряду древнейших упоминаний имени "Русь": первая часть композита представляет собой д.-в.-н. *Rûzâri* – один из вариантов этнонима "русь" в верхненемецких диалектах. Название построено по топонимической модели, весьма распространенной в древневерхненемецком языке: топоним + суффикс *-âri* (образовывавший названия жителей местности от названия самой местности) + marcha – формант, часто встречающийся в немецкой топонимии и обозначавший территорию сельской общины или ее центр[3]. Тем самым Ruzaramarcha оказывается "Русской маркой". О чем говорит такое название?

Разумеется, оно не означает непременно, что то была местность с русским населением; отличительным признаком, достаточным для возникновения топонима, могла стать и какая-то иная ее специфическая связь с Русью – например, регулярное присутствие здесь древнерусских купцов. Для более или менее определенной исторической интерпретации названия многое могла бы дать локализация "Русской марки", которая сопряжена, однако, с трудностями. В свое время мы ограничились указанием на противоречивые предположения, высказывавшиеся на этот счет в историографии[4]; но, как нам теперь представляется, текст источника позволяет внести в дело больше определенности.

Ruzaramarcha упоминается в грамоте в следующем топонимическом окружении: "Так, к имению названного монастыря (в Альтайхе. – *А.Н.*) принадлежала некая местность под названием Scalcobah, а эта речка протекает на запад до Dagodeosmarcha и оттуда на восток до Ruzaramarcha, а также до места, которое зовется Cidalaribah в лесу [у] реки Энс, который простирается между Дунаем и [реками] Ибс и Урль на юг до самой вершины горы, и в [местности] Biugin пять дворов со всем, что относится к названным имениям, как-то: рабами, постройками, возделанными и невозделанными землями" и пр.[5] Ни одно из приведенных в этом отрывке названий (кроме гидронимов "Энс", "Ибс" и "Урль", суще-

ствующих и на современной карте) не имеет бесспорной идентификации[6]. Такие известные специалисты по древненемецкой топонимии, как Э. Фёрстеманн и вслед за ним А. Бах отождествляли Ruzaramarcha с современным Rietz близ города Штайр (Steyr) в среднем течении Энса[7]. Л. Гавлик искал Scalcobah на месте нынешнего Salaberg у города Хаг (Haag), несколько юго-восточнее устья Энса[8]. В компендиуме по нижнеавстрийской исторической топонимии Х. Вайгля название "Scalcobah" не учтено вообще, "Dagodeosmarcha" снабжено знаком вопроса, Ruzaramarcha помещена близ современного Нойштадля (Neustadl) на южном берегу Дуная, а Cidalaribah отождествлен с современным Zeitlbach близ Амштеттена (Amstetten), на левом берегу Ибса при впадении в него Урля[9].

Эти две последние локализации представляются убедительными. Из документа ясно, что речь идет о каком-то достаточно компактном земельном владении, ограниченном с запада населенным пунктом Dagodeosmarcha, а с востока – такой же территорией Ruzaramarcha и местностью Cidalaribah, лежащей уже в Энсском лесу (что согласуется, заметим, с этимологией топонима: < д.-в.н. *zîdalâri* "бортник"). Таким образом, описываемая местность Scalcobah должна была располагаться где-то на освоенных землях либо близ западной или северо-западной кромки Энсского леса, т.е. скорее всего – на правом берегу Нижнего Энса (чему соответствовали бы локализации Л. Гавлика и, в меньшей степени, Э. Фёрстеманна – А. Баха), либо где-то на правом берегу Дуная в междуречье Энса и Урля, в южной своей части углубляясь в Энсский лес. Однако если внимательнее вникнуть в текст грамоты, то от первой из названных возможностей придется отказаться.

В самом деле, слова "на юг до самой вершины горы", согласно принятой в издании П. Кера пунктуации, которой следует и наш перевод, относятся к описанию границ Энсского леса. Но такое прочтение нельзя признать удачным, так как Энсский лес "простирается... на юг" не "до самой вершины" какой-то непонятной "горы", а до берегов Ибса и Урля, текущих здесь почти параллельно Дунаю. Поэтому в словах "на юг до самой вершины горы" следует видеть указание на южную границу владения Scalcobah, вполне уместное после того, как были очерчены его западная и восточная границы, и пунктуация П. Кера требует исправления: после "atque Hurulam" должна стоять запятая. Тем самым получает естественное объяснение и анонимная "гора": владения Альтайхского монастыря от берега Дуная простирались вдоль речки Scalcobah между Dagodeosmarcha и Ruzaramarcha, доходя на юге "до вершины горы", т.е. до водораздела Дуная и Ибса в глубине Энсского леса, где восточным пределом им служила местность Cidalaribah.

И еще одно наблюдение в том же направлении. Слова "который простирается между Дунаем и [реками] Ибс и Урль" выглядят как характеристика Энсского леса в целом: он действительно тянется сужающимся клином между указанными реками от Энса на западе до устья Ибса на востоке. Но зачем при описании столь локальной территории, как Scalcobah, совсем некстати уточнять общую протяженность Энсского леса, не играющую в этом описании никакой роли? Ясно, что Ибс и его приток Урль упомянуты отнюдь не для указания на южную границу Энсского леса на всем его протяжении, а в более узком смысле – давая понять, что альтайхские владения располагались в той части леса, где Урль впадает в Ибс. Локализации, предложенные Х. Вайглем, вполне соответствуют этим заключениям.

В свете сказанного обозначается еще одно обстоятельство, немаловажное для понимания сути разбираемого вопроса: участок Дуная примерно от начала Энсского леса на западе и до Нойштадля на востоке был опасен для судоходства,

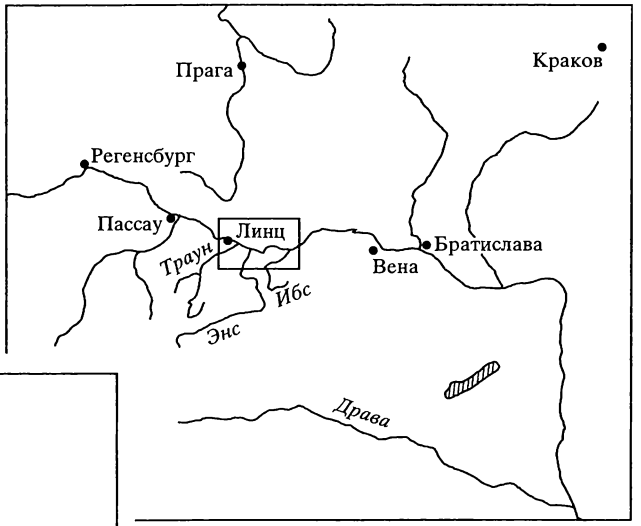
так как здесь находилась так называемая Грайнская быстрина (der Grainer Strudel). Следовательно, прибывавшие кораблями по Дунаю товары в каких-то удобных местах выше и ниже Грайнской быстрины должны были перегружаться на возы, чтобы обойти опасное место посуху. Независимо от проблемы местоположения "Русской марки", аналогичная мысль уже высказывалась[10]. Подтверждение ей находим и в Раффельштеттенском таможенном уставе начала X в.

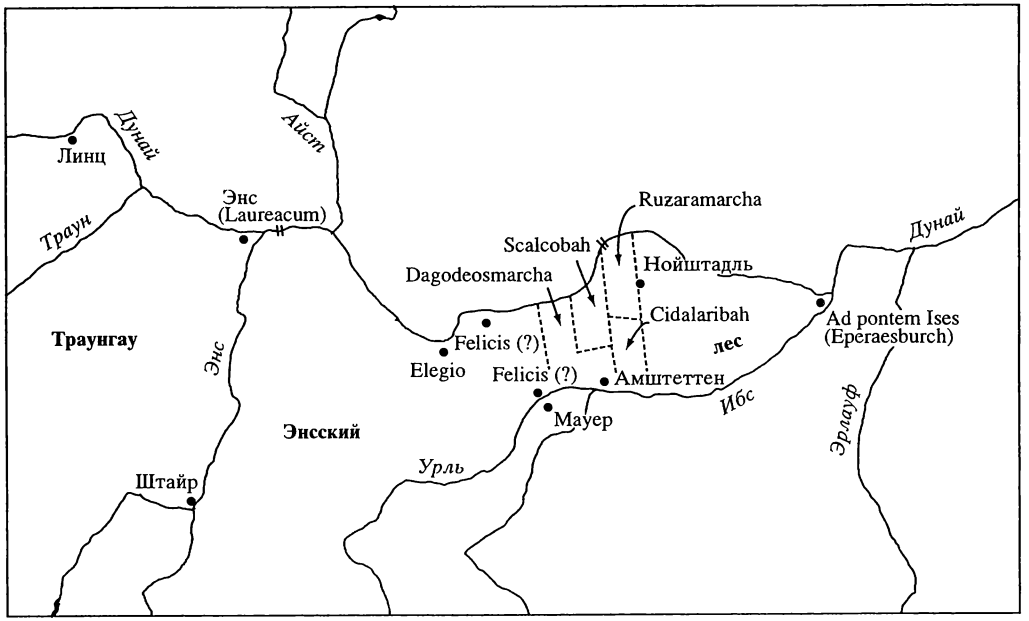
О пошлинах, взимаемых на таможне близ устья Энса, в главе V Устава сообщается следующее: "Возы с солью, переправляющиеся законной дорогой через реку Энс в сторону [реки] Урль, платят только один полный скафиль (т.е. соли; скафиль, соврем. нем. *Scheffel* – мера сыпучих тел, соответствующая римскому полумодию; в данном случае, вероятно, ок. 6,5 л – *А.Н.*), а более ничего им платить не требуется. Но корабли из Трангау (область между реками Траун и Энс. – *А.Н.*) там не платят ничего, а минуют [таможню] беспошлинно"[11]. "Корабли с запада" ("naves... de occidentalibus partibus"), которые в главе I Устава платили пошлину в три скафиля соли на таможне в Линце, здесь, достигнув Энса, почему-то превращаются в "возы", переправляющиеся через Энс по мосту. Более того, они двигаются далее не вдоль южного берега Дуная, а заметно отклоняясь на юг, "в сторону [реки] Урль". Зачем? Это имело бы смысл только в предположении, что у энсской таможни соль с кораблей действительно перегружалась на возы, которые шли к Урлю именно потому, что до него было несколько ближе, чем до соответствующего места на дунайском берегу, где можно было бы снова вернуться к движению по реке; достигнув Урля, товары (главным образом соль) с возов снова перегружались на корабли, которые вниз по Урлю и Ибсу возвращались в Дунай уже ниже Грайнской быстрины. Та же судьба ждала и "корабли из Траунгау", прибывшие к энсской таможне как с запада, по Трауну, а затем – Дунаю, так и с юга, по Энсу.

Дорога от Энса до Урля, упоминаемая в Раффельштеттенском уставе, огибала Энсский лес с юга, т.е. проходила подобно современным шоссейной и железной дорогам. Так как в каролингское время позднеримские дороги находились еще в относительно хорошей сохранности, то позволительно думать, что римская дорога Boiodurum (Пассау) – Carnuntum (между Веной и Братиславой) на интересующем нас участке Laureacum (современный Lorch близ устья Энса) – Elegio (нынешний Strengberg или Wallsee) – Ad pontem Ises (современный Ybbs при впадении Ибса в Дунай)[12] шла так же, и упоминаемый в Итинерарии Антонина между Elegio и Ad pontem Ises пункт (Loco) Felicis располагался в районе современного Mauer, неподалеку от места впадения Урля в Ибс[13].

Однако однозначному решению вопрос не поддается, и, например, К. Миллер предпочитал помещать Felicis на южном берегу Дуная, т.е. при северной кромке Энсского леса[14]. О том, что такая точка зрения имеет под собой основания, показывает дарственная Людовика Немецкого зальцбургскому монастырю св. Петра от 837 г. на земли "в Славинии... близ реки Ибс" ("in Sclavinia... iuxta Ipusa flumen"), *к югу* от "известной публичной дороги" ("illa publica strata")[15]. Это выражение имеет смысл только в том случае, если "публичная дорога" вела именно вдоль дунайского берега, а не вдоль северного берега Ибса. Поскольку под "публичной дорогой" здесь, несомненно, имеется в виду та, что уже встретилась нам в Раффельштеттенском уставе как "законная дорога" ("strata legittima"), то остается думать, что наряду с путем, указанным в Уставе и предполагавшим перегрузку с возов на корабли на Урле, в первой половине–середине IX в. действовал также путь между берегом Дуная и северной границей Энсского леса, на котором (пути) перегрузка производилась у восточной оконечности Грайнской быстрины.

“Русская” топонимия на территории Баварской восточной марки





пределы Грайнской быстрины

приблизительные границы владений, упоминаемых в грамоте Людовика Немецкого от 862/863 г.

Именно в этом районе, насколько можно понять в результате проведенного выше анализа топографических указаний грамоты 862/863 г., как раз и располагалась "Русская марка". Такое местоположение, думается, дает ключ к разгадке ее названия: систематическое сезонное присутствие купцов из далекой Руси с их специфическими товарами – достаточно яркий признак, который мог способствовать закреплению этникона в названии местности.

В этой связи нельзя не отметить одной красноречивой детали. В разбираемой грамоте Людовика Немецкого среди подтверждаемых королем владений Альтайха, помимо Scalcobah, поименовано еще одно имение – "ad Biugin". В отличие от первого, его должно достаточно уверенно идентифицировать с нынешним Persenbeug близ устья Ибса[16], т.е. неподалеку от Eperaesburch – следующей за Энсом вниз по Дунаю таможни Раффельштеттенского устава[17]. Естественно, что влиятельный и богатый монастырь стремится владельчески утвердиться поблизости от экономических важных центров – таможен, рынков, перевалочных пунктов и т.п., к числу которых, по приведенным наблюдениям, относилась и "Русская марка"[18].

Если наша гипотеза верна, то месторасположение "Русской марки" дает повод для суждений о том, каким именно путем в середине IX в. прибывали в Восточную марку и возвращались из нее на Русь древнерусские купцы. Это не мог быть путь через Прагу, который выходил на Дунай существенно западнее; скорее всего он пролегал через территорию Великоморавского государства: по Мораве корабли с товарами из Руси спускались в Дунай, вверх по которому, по описанному выше маршруту, они достигали Баварской восточной марки. Путь через Прагу складывается, очевидно, только с рубежа IX–X вв. вследствие появления в Паннонии венгров. Именно с таким перемещением международных торговых коммуникаций, несомненно, связан быстрый экономический и политический подъем Праги в течение X столетия[19].

Полученный результат иллюстрирует итоговая карта (см. с. 54).

[1] *Назаренко А.В.* Об имени "Русь" в немецких источниках IX–XI вв. // Вопр. языкознания. 1980. № 5. С. 47–50; *Он же.* Имя "Русь" и его производные в немецких средневековых актах IX–XIV вв.: Бавария–Австрия // ДГ, 1982 г. М., 1984. С. 84–129; и др.

[2] MGH DD. Die Urkunden der deutschen Karolinger. Hannover, 1934. T. 1: Die Urkunden Ludwigs des Deutschen, Karlmanns und Ludwigs des Jüngeren / Hrsg. P. Kehr. № 109; латинский оригинал с русским переводом и комментарием см.: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 52–58 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

[3] Подробнее о лингвистической стороне вопроса см.: *Назаренко А.В.* Об имени "Русь"... С. 47–50; *Он же.* Имя "Русь" и его производные... С. 104–105; *Он же.* Немецкие латиноязычные источники... С. 55–57. Коммент. 7; *Он же.* Русь и Германия в IX–X вв. // ДГ, 1991 г. М., 1994. С. 50. Примеч. 94; *Он же.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки этнокультурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 14–21.

[4] *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 55. Коммент. 7.

[5] "Fuerunt namque in vestitura praedicti monasterii quaedam loca nomine Scalcobah, sicut ipse rivulus fluit in occidentalem partem usque in Dagodeosmarcha et inde in ori[en]talem plagam usque in Ruzaramarcha, atque in locum quem vocant Cidalaribah in saltu Enisae fluvii, qui coniacet inter Danubium et Ibisam atque Hurulam in meridianam partem usque in verticem montis, et ad Biugin mansos V, et quidquid ad praedictas villas pertinet, hoc est in mancipiis edificiis terris cultis et incultis" etc.

[6] *Herzberg-Fränkel H.* Die Wirtschaftsgeschichte des Stiftes Nieder-Altaich // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Wien. Ergänzungsband 10, 1928. S. 92–93.

[7] *Förstemann E.E.* Die deutschen Ortsnamen. Nordhausen, 1963. S. 184; *Bach A.* Deutsche Namenkunde. Heidelberg, 1954. 2. Aufl. Bd. 2/1. S. 189–190.

[8] Magnae Moraviae Fontes Historici. Brno, 1969. T. 3. P. 62. Not. 6.

[9] *Weigl H.* Historisches Ortsnamenbuch von Nieder-Österreich. Wien, 1966. Bd. 2, № D8a; 1973. Bd. 5, № R404; 1975. Bd. 7, № S9, Z28.

[10] *Lampel J.* Untersuchungen und Beiträge zum historischen Atlas von Niederösterreich // Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. Neue Folge. Wien. 1902. Bd. 1. S. 24–25 и Anm. 1; *Mitterauer M.* Wirtschaft und Verfassung in der "Zollordnung von Raffelstetten" // Mitteilungen des Oberösterreichischen Landesarchivs. Linz; Köln; Graz. 1964. Bd. 8. S. 347; *Kollen H.* Die Raffelstetter Zollordnung und die mährischen Zentren // Burg – Burgstadt – Stadt: Zur Genese mitteleuropäischer nichragrarischer Zentren in Ostmitteleuropa // Hrsg. H. Brachmann. Berlin, 1995. S. 285.

[11] "Carre autem salinarie, que per stratam legittumam Anesim fluvium transeunt ad Urulam, tantum unum scafil plenum exsolvant et nichil amplius exsolvere cogantur. Sed ibi naves, que de Trungowe sunt, nichil reddant, sed sine censu transeant" (MGH LL sectio II: Capitularia regum Francorum). T. 2 / Ed. A. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. № 253. P. 251; *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 63, 65 (латинский оригинал и русский перевод); о пунктуации, принятой в данном месте в нашем издании и отличающейся от пунктуации издания А. Борециуса – В. Краузе, см.: Там же. С. 81–82. Коммент. 35).

[12] Эти пункты названы в Певтингеровых таблицах: *Miller K.* Itineraria Romana. Stuttgart, 1916. Col. 419–420 и карта 119.

[13] *Ertl F.* Topographia Norici. Bd. 1: Die römischen Siedlungen, Strassen und Kastlelle im Ostalpenraum. 2. Aufl. Kremsmünster, 1971. S. 52–58 и карта.

[14] См. примеч. 12.

[15] MGH DD. Die Urkunden der deutschen Karolinger. T. 1. № 25.

[16] MGH DD. Die Urkunden der deutschen Karolinger. T. 1. P. 157 (коммент. П. Кера); Magnae Moraviae Fontes Historici. T. 3. P. 69. Not. 9 (Л. Гавлик); *Weigl H.* Historisches Ortsnamenbuch... Wien, 1963. Bd. 1. № B159.

[17] MGH LL. Capitularia. T. 2. P. 251 (глава VII); *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 64, 66, 96–97. Коммент. 50.

[18] Идя по следам наших изысканий, О. Прицак высказался и по поводу Ruzaramarcha из документа 862/863 г. (*Pritsak O.* The Origin of the Name *Rūs/Rūs'* // Passé turco-tatar, présent soviétique: Etudes offertes à Alexandre Bennigsen. Louvain; Paris, 1986. P. 50–51; русский перевод этой крайне спорной работы см.: *Прицак О.* Происхождение имени *Rūs/Rūs'* // Вопр. языкознания. 1991. № 6). Со свойственной ему размашистостью, гарвардский (тогда еще) историк просто отождествил ее с "Русской маркой" из совсем другой эпохи и совсем другой области – "marchia Ruthenorum", административной единицей Венгерского королевства, упоминаемой тремя веками позднее в Житии зальцбургского архиепископа Конрада (Vita Chuonradi archiepiscopi Salisburgensis / Ed. W. Wattenbach // MGH SS. Hannover, 1854. T. 11. P. 74). Эту идею никак нельзя признать удачной. Мы далеки от того, чтобы настаивать на предложенной нами в свое время локализации "Русской марки" из Жития архиепископа Конрада (в междуречье Дравы и Савы: *Назаренко А.В.* О Русской марке в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей: [К 60-летию В.Т. Пашуто]. М., 1978. С. 302–306), хотя употребление применительно именно к этому району термина "marchia" в XII–XIII вв. удостоверено и другими источниками (см. примеры, приведенные в работе *Györffy Gy.* Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávaszentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jahrhundert // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. 1959. T. 5/1–2. S. 22–24). Но даже если допустить, что "marchia Ruthenorum" располагалась на австрийско-венгерском пограничье, то дистанция от венгерской границы в районе Пожони–Братиславы до междуречья Дуная и Ибса, где находилась Ruzaramarcha IX в., все равно непреодолимо велика.

[19] *Třeštik D.* Počátky Prahy a českého státu // Folia Historica Bohemica. Praha, 1983. T. 5. S. 7–37; *Idem.* Die Gründung Prags // Burg – Burgstadt – Stadt... S. 229–240.

С.М. Каштанов

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДАНИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Дань была древнейшей формой обложения в восточноевропейском регионе. Наиболее раннее датированное известие о взимании дани на Руси приводится в летописях под 6367 (859) г. Эту дату указывает большинство летописей: Ипатьевская[1], Лаврентьевская[2], Новгородская IV[3], Софийская I[4], Псковская III[5], Троицкая[6], Тверская[7], Никаноровская[8], Вологодско-Пермская[9], Типографская[10], Воскресенская[11], Авраамки[12], Холмогорская[13], Супрасльская[14] и Никифоровская[15] (две последние содержат очевидную ошибку в дате – 6067), Владимирский[16], Рогожский[17] и Пискаревский[18] летописцы. В своде 1497 г.[19], Ермолинской[20] и Львовской[21] летописях данное сообщение не выделено из статьи 6366 (858) г. В своде 1518 г. оно помещено под 6360 (852) г.[22] В Новгородской I младшего извода[23], Устюжском летописном своде[24] (Архангелогородском летописце[25]), Устюжской[26] и Никоновской[27] летописях интересующее нас свидетельство лишено самостоятельной даты, однако в НПЛ оно стоит в конце статьи 6362 (854) г., в УЛС и Устюжской летописи – в конце статьи 6360 (852) г., а само событие отнесено ко временам Кия, Щека и Хорива.

Суть сообщения сводится к указанию того, что варяги брали дань на словенах, кривичах, чуди, мери (и веси?), а хазары – на полянах, северянах и вятичах. В перечне народов, плативших дань варягам, летописи несколько расходятся, и эти расхождения касаются прежде всего веси. Совершенно определенно весь фигурирует в Ермолинской летописи (“имаху дань на Чюди, на Словенех, на Веси, на Кривичех”) и в сводах 1497 и 1518 гг. (“...на Чюди, и на Словенех, и на Веси, и на Кривичех”). Однако эти три свода, упоминая весь, не называют мерю, что противоречит большинству других летописей. В Ипатьевской, Лаврентьевской, Новгородской IV, Софийской I, Троицкой, Тверской, Никаноровской, Вологодско-Пермской, Типографской, Воскресенской, Авраамки, Холмогорской, Супрасльской, Никифоровской, Львовской летописях, Рогожском и Пискаревском летописцах говорится о взимании дани варягами на: 1) Чюди, 2) Словенех, 3) Мерях (Мери), 4–5) всех Кривичах [=4) Всех; 5) Кривичах?]. А.Ф. Бычков, издавая Лаврентьевскую летопись, ввел слова “и на” между “всех” и “Кривичех”: “... и на Всех, [и на] Кривичех”[28].

Аналогичным образом поступает А.А. Шахматов в своей реконструкции Повести временных лет: “... и на Вьси, и на Кривичих”[29]. В Псковской III летописи словени указаны раньше чуди, а во Владимирском летописце и Никоновской летописи не названы чудь и весь. Во Владимирском летописце читаем: “...на Словенех, и на Кривициих, и на Мере”. В Никоновской летописи, как и в большинстве сводов, кривичи – последние в перечне, но название мери искажено (“Мещере”), а для “Словен” введено указание их тождества с “новогородцами”: “...на Словенех, рекше на новогородцех, и на Мещере, и на Кривичех”. В НПЛ младшего извода, Устюжской летописи и УЛС, где построение этого известия другое, чем в остальных сводах, упомянуты только словени, кривичи, меря и чудь.

За включение веси в число народов, плативших в середине IX в. дань варягам, говорят: 1) прямое упоминание веси в трех летописных сводах; 2) необычность для летописи выражения “всех Кривичех”, наводящая на мысль об ошибочном превращении дополнения “Вьси” или “Всех” в определение “всех”; 3) географическое положение веси между словенами на западе и мерей на юго-востоке[30].

Против этого допущения могут быть приведены следующие аргументы: 1) туманный характер упоминания веси в большинстве летописных сводов; 2) летописные данные о наличии как бы трех, хотя и смежных районов расселения кривичей ("Кривичи, иже седять на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра..."[31]), что, возможно, давало основания для определения их как "всех"[32]; 3) отсутствие сведений о веси в НПЛ младшего извода, Устюжской летописи и УЛС (особенности текста Владимирского летописца и Никоновской летописи в данном случае не показательны, ибо там не названа и чудь); 4) неупоминание веси в числе восставших против подданства варягам в рассказе ряда летописей, говорящих только о кривичах, словенах, мери и чуди; 5) альтернативность известия Ермолинской летописи и сводов 1497 и 1518 гг. по отношению к другим летописям – упоминание веси за счет исключения мери; 6) в перечнях Ипатьевской летописи и подобных, если не толковать "всех" как "Вьси", порядок упоминания племенных групп строго соответствует их расположению по кругу – с северо-запада (чудь–эсты) на восток (словени), юго-восток (меря), юг и юго-запад (кривичи); тому же принципу следуют Ермолинская летопись и подобные, пропуская мерю[33], но когда весь упоминается после мери перед кривичами, эта система нарушается, ибо от мери к веси – возврат с юго-востока на северо-запад, а затем снова на юг – к кривичам.

Что касается народов, плативших дань хазарам, то летописи перечисляют их в такой последовательности: 1) поляне, 2) север (или северяне), 3) вятичи. В Псковской III летописи сами хазары попали по ошибке в число платящих дань (по мысли летописца, очевидно, варягам, фигурирующим в первой части статьи): "...а на Козарех[34], и на Полянех, и на Севирянех, и на Вятичах..." В летописи Авраамки и Рогожском летописце упомянуты только поляне, а в НПЛ младшего извода, Устюжской летописи и УЛС этой части статьи вообще нет. Порядок, в котором указаны данные союзы племен в летописях, строго соответствует их расположению с юга на север и северо-восток.

Итак, дань иноплеменникам в середине IX в. платили восточнославянские объединения, находившиеся на окраинах славянского мира – на северо-восточной границе славянства (словени, кривичи), на юго-восточной и восточной границе его (поляне, северяне, вятичи). Почти вся восточная полоса славянских племенных союзов оказалась под ярмом чужеземной дани. Только самые южные племенные союзы на востоке – уличи и тиверцы, – кажется, ничего не платили соседям. К востоку от них находились угры (мадьяры), очевидно, не сумевшие наложить дань на эти племена. Хазары и варяги как бы поделили сферы влияния, обложив данью ближайшие к ним славянские племенные союзы. Сфера влияния хазар на севере (вятичи) прямо соприкасалась с южным ареалом влияния варягов (кривичи). Варяги подчинили своей дани и неславянские народы, окружавшие словен и кривичей с запада (чудь) и востока (меря и, возможно, весь).

Славянские союзы племен, расположенные западнее и прикрытые от варягов и хазар кривичами, вятичами, северянами и полянами, скорее всего, не платили в это время никакой дани. Во всяком случае, мы не нашли известий о том, чтобы в середине IX в. дреговичи, радимичи[35], древляне, волыняне давали дань хазарам или варягам.

Когда же была установлена варяжская дань для словен, кривичей, чуди, мери (и веси), а хазарская – для полян, северян и вятичей? Приводимые в летописях даты – 852, 854, 858, 859 гг. – относятся как будто к варяжской дани, но ни одна из этих дат не может считаться надежной[36]. НПЛ младшего извода, УЛС и Устюжская летопись говорят об установлении варяжской дани во времена Кия,

Щека и Хорива. Согласно большинству летописей, через несколько лет после 6370 (862) г. Аскольд и Дир отправились в Царьград и по дороге открыли "град мал" Киев, жители которого сказали им, что он основан Кием, Щеком и Хоривом и что те "изгибоша", а они платят дань "родом их Козаром".

Таким образом, известие о начале взимания варяжской дани во времена Кия, Щека и Хорива не противоречит летописным сведениям об установлении хазарской дани в тот же период. Если учесть, что наиболее ранняя дата русских летописей – 6360 (852) г. – ошибочна и должна быть уменьшена на 10 лет (842) г.[37], то можно отнести деятельность Кия, Щека и Хорива приблизительно к 30–40-м годам IX в.[38], хотя по другим данным и соображениям их жизнь приурочивается к более раннему времени – VII–VIII вв. и даже VI в.[39] Зависит ли от этой более ранней датировки хронология взимания варяжской дани? Кажется маловероятным, чтобы варяги установили дань на словенах и соседних с ними племенах уже в VI в. Столь же трудно допустить, что хазарская дань на полянах существовала в VI в., ибо сам каганат возник только в VII в. Правда, хазары, видимо, ранее, чем варяги, предприняли попытку обложить восточных славян данью. Об этой попытке свидетельствует содержащаяся в летописях легенда, согласно которой поляне в ответ на требование хазар платить дань, дали дань мечами – по мечу "от дыма"[40]. Как и в рассказе о приходе Аскольда и Дира, в данной легенде уплата дани хазарам отнесена к периоду после смерти Кия, Щека и Хорива ("по смерти братье").

Что представляла собой единица обложения, с которой взималась дань? Летописные сведения на этот счет разделяются на *четыре* группы.

В первой из них размер дани и окладная единица указаны в конце всей статьи таким образом, что их можно считать относящимися как к варяжской, так и к хазарской дани. Этот эффект достигается употреблением слова "имаху" в заключительном предложении, лишенном подлежащего, – имеем в виду третий случай использования глагола "имаху" в рассматриваемой статье: "Имаху дань Варязи... а Козаре имахуть... имаху по..." (цит. по Ипатьевской; то же по существу в Лаврентьевской, Троицкой летописях и в реконструкции А.А. Шахматова). Последнее употребление слова "имаху" позволяет отнести его либо только к хазарам, либо к хазарам и варягам в равной мере. К одним варягам отнести его нельзя. В качестве окладной единицы фигурирует здесь "дым": "... от дыма".

В известиях *второго* типа отсутствует третье употребление слова "имаху", вследствие чего взимание дани "от дыма" (Ермолинская, своды 1497 и 1518 гг.) или "с дыма" (летопись Авраамки, Рогожский и Владимирский летописцы) более определенно связывается с хазарами.

Третью группу сведений составляют сообщения НПЛ младшего извода, УЛС и Устюжской летописи, где говорится лишь о варяжской дани, которая взималась "от мужа" (НПЛ) или "от человека" (УЛС, Устюжская летопись).

Прямое противопоставление окладных единиц, принятых в области варяжского влияния, с одной стороны, и хазарского – с другой, наблюдается в *четвертой* группе текстов, содержащихся в большинстве летописей, – варяги берут дань "от мужа", а хазары – "от дыма" (Новгородская IV, Софийская I, Тверская, Никаноровская, Вологодско-Пермская, Типографская, Воскресенская, Холмогорская, Супрасльская, Никифоровская, Пискаревский летописец), "с дыма" (Никоновская), "з дыму" (Псковская III).

Только в Львовской летописи в обоих случаях говорится "от мужа". Вероятно, слово "мужа" во втором случае употреблено здесь по ошибке, ибо тексты всех остальных летописей, дающих ту же редакцию определения хазарской дани, указывают на взимание ее с "дыма".

Сообщения всех четырех типов не противоречат друг другу, только последние две группы определенно раскрывают те различия, о существовании которых можно было бы строить догадки на основании известий двух первых групп.

По-видимому, различие окладных единиц на севере и юге стоит в связи с различиями в типах жилищ и социальных отношений. В VIII–первой половине X в. в лесостепной полосе и некоторых примыкавших к ней частях лесной полосы на севере и степной на юге, а в целом – в Поднестровье и среднем Поднепровье, все жилища представляли собой полуземлянки с печью в заднем от входа углу. Напротив, в новгородско-псковском районе жилища в то время были наземными. Жилища наземного типа, относящиеся к X в., обнаружены также в районе Смоленска. Тип жилища в области, расположенной между новгородским и южным регионами, т.е. в средней части лесной зоны, неизвестен[41].

Таким образом, совершенно очевидно распространение полуземляночных жилищ у полян, северян, а наземных – в области словен и частично смоленских кривичей. Поэтому "дым" уверенно отождествляется с полуземлянкой, неотъемлемым признаком которой являлась печь, топившаяся "по-черному" (дым выходил из печи через топку[42]). Уже первая, трудно хронологизируемая попытка хазар взимать дань с полян обнаружила у них систему подымного обложения – "вдаша от дыма мечь". Полуземлянки с печью существовали на правобережье Днепра, в районе Киева, еще в VI–VII вв.[43] Правда, в группу народов, плативших дань "от дыма", включены, кроме полян и северян, также вятичи. Как это соответствует типу жилища, распространенного у них, неясно. Вятичи обитали в лесной полосе, о которой нет необходимого материала по истории жилища VIII–IX вв. Согласно В.В. Седову, вятичи издавна сооружали жилые наземные постройки, хотя в конце I тыс. н.э. у них появляются и полуземлянки[44]. Во всяком случае, вятичи не отделены от полян и северян в известии о взимании дани "от дыма". Это может объясняться тем, что данное выражение относилось прежде всего к полянам и северянам. Однако такая недифференцированность, по-видимому, связана еще и с социальным содержанием термина "дым".

Обложение по "мужу" отражает, вероятно, более высокую ступень социальной организации, чем обложение по "дыму". За "дымом" еще не видно выделившегося из общины индивидуума, хотя само сообщение о дани "мечами", каким бы малодостоверным оно ни было, вполне раскрывает роль хозяина "дыма", имеющего оружие и являющегося, таким образом, свободным членом общества, переживающего стадию военной демократии. Один мечь "от дыма" характеризует единоначалие внутри "дыма", власть мужа и отца.

Вместе с тем реальная картина группировки жилищ-"дымов" в лесостепной полосе в VIII–IX вв., воссоздаваемая на основании археологических данных, не позволяет уверенно говорить о торжестве здесь сельской или чисто соседской общины, в которой личность главы семьи была бы вполне выделена из коллектива. Фиксируется только разложение к этому времени родовой общины. Взамен маленьких родовых поселков в лесостепной полосе в VIII–IX вв., начинают преобладать большие селища, состоявшие из 60–70 жилищ площадью в 8–20 кв. м каждое. Жилище вмещало не более 4–5 человек и предназначалось для малой семьи. Совокупность малых семей, объединенных в одном поселении, предствляла собой территориально-родственную группу, которую можно считать большой семьей или патронимией. Установлен факт группировки "гнездами" трех–четырех поселений на расстоянии примерно 5 км друг от друга. "Гнезда", в свою очередь, разделяются незаселенными пространствами в 20–40 км и более. Допустимо отождествление "гнезда" поселений с фратрией, нескольких фратрий – с племенем, а нескольких племен – с теми союзами племен, которые

фигурируют в летописях как особые этнические единицы (поляне, северяне и др.)[45].

Если обложение по "дыму" означало признание юридическим лицом малой семьи[46], первичной хозяйственной ячейки, то обложение по "мужу" свидетельствует о превращении в юридическое лицо главы малой семьи, свободного "мужа". В любом случае обложение не было поголовным или подушным в буквальном смысле слова. Поэтому выражение УЛС и Устюжской летописи "от человека" следует признать известной модернизацией.

Вероятно, у словен и части кривичей процесс складывания территориальной общины шел быстрее, чем на юге. "Муж" мог быть и главой крестьянской семьи в рамках сельской общины, и выделившимся из общины представителем какого-либо другого сословия. Не случайно в IX в. городская жизнь в Новгородской и Смоленской землях была более развитой, чем на юге. Так, согласно летописному рассказу, Аскольд и Дир, проходя мимо Смоленска, не решились там остановиться и не пытались завладеть этим городом, "зане град велик, и мног людьми"[47], но зато обосновались в маленьком тогда Киеве (летописи характеризуют его как "градок", "град мал"), открытие которого явилось для Аскольда и Дира полной неожиданностью, из чего следует, что на севере о нем в третьей четверти IX в. почти ничего не знали[48].

Возникновение Новгорода на базе объединения в городские районы отдельных деревенских усадьб[49] было возможно вследствие существования самостоятельных хозяйственных комплексов, возглавлявшихся тем или иным свободным "мужем", не утратившим полностью связи с общинной организацией. Это деревенское наследие, по-видимому, и обусловливало первоначальное отставание Новгорода от Смоленска в смысле развития ремесла[50].

Рассмотрим летописные сведения о размерах варяжской и хазарской дани, исходя из учета предложенного выше разделения текстов на четыре группы. В первой группе (Ипатьевская, Лаврентьевская, Троицкая летописи) характеристика окладной единицы относится, как показано, в большей мере к хазарской, чем к варяжской дани, хотя может считаться и общей для них. В Ипатьевской летописи сказано: "...имаху по беле и веверици тако от дыма"; в Лаврентьевской: "...имаху по белеи веверице от дыма", причем в Радзивилловском списке "девеци" вместо "веверице"; в Троицкой: "...имаху по белеи веверице от дыма".

В изданиях наблюдается разнобой в интерпретации текста "белеи". Иногда он разделяется на два слова – "беле и"[51], иногда дается как одно слово – "белей"[52]. В реконструкции А.А. Шахматова – "беле": "...имаху по беле веверици от дыма"[53].

Во второй группе летописей, где указание окладной единицы в большей степени, чем в первой группе, относится к хазарской дани, различаются четыре варианта определения подымной величины дани: 1) "по беле вереце от дыма" (свод 1497 г.; так же в своде 1518 г. с разночтением "верице"); 2) "по беле с дыма" (летопись Авраамки, Рогожский летописец); 3) "по беле векшице от дыма" (Ермолинская летопись); 4) "по белки с дыма и по веверици" (Владимирский летописец).

В третьей группе летописей, описывающих только варяжскую дань, обнаруживаются три варианта интересующего нас известия: 1) "от мужа по белеи веверици" (НПЛ младшего извода, основная редакция); 2) "от мужа по белки и веверици" (НПЛ младшего извода, Троицкий список); 3) "от человека по беле векшице на год" (УЛС, Устюжская летопись).

В четвертой группе летописей – говорящих о размерах варяжской и хазарской дани раздельно, мы находим по три варианта характеристики той и другой.

Первый вариант определения варяжской дани делится на два подварианта. Один из них дает недвусмысленное указание на белую веверицу: "от мужа по беле веверице" (Софийская I, Типографская, Тверская; то же в Вологодско-Пермской с разночтением – "веверицы"). В другом подварианте после "беле" или "бели" идет "и" (Новгородская IV, Псковская III, Никоновская), в связи с чем текст интерпретируется в изданиях по-разному – либо как "белеи вевериче"[54], либо как "бели и веверици"[55], "беле и веверици"[56].

Второй вариант характеристики варяжской дани в принципе совпадает с первым подвариантом первого варианта, но только в слове "веверице" отсутствует первый слог: "беле вереце" (Никаноровская), "беле верицы" (Львовская), "били велыце" (Супрасльская), "беле верици" (Никифоровская).

В третьем варианте начало общее для всей группы ("от мужа по беле"), но дальше речь идет не о веверице, а о векше: "векше" (Воскресенская), "векшици" (Холмогорская), "векшице" (Пискаревский летописец).

Определение размера хазарской дани в большинстве летописей рассматриваемой группы однозначно – по белой векшице с дыма. Эта однозначная характеристика составляет первый вариант известий, который делится на три подварианта. Первый подвариант: "по беле векшице от дыма" (Софийская I, Тверская, Типографская, Воскресенская, Холмогорская, Пискаревский летописец; разночтения: в Новгородской IV – "били векшици", в Вологодско-Пермской – "беле векшицы", в Никаноровской – "беле векьшици"). Второй подвариант: "по беле векшице от мужа" (Львовская). Третий подвариант: "по беле векше от дыма" (Супрасльская; в Никифоровской – "векши").

Второй вариант (в Псковской III летописи) дает основания для двоякой интерпретации: "по белеи векшице з дыму" (так в издании ПЛ) или "по беле и векшице з дыму".

Третий вариант – в Никоновской летописи: "по беле, рекше по векше, с дыма".

Итак, летописные тексты позволяют сделать следующие допущения.

А. Данью, бравшейся с одной окладной единицы на севере (словени, кривичи и др.), могла быть: 1) белая "веверица" (Софийская I, Типографская, Тверская, Вологодско-Пермская); 2) белая "верица" или "велыца" (Никаноровская, Львовская, Супрасльская, Никифоровская; а также своды 1497 и 1518 гг., если считать указанный в них размер платежа относящимся и к варяжской дани); 3) белая "девеца" или бела и "девеца" (Радзивилловский спиок Лаврентьевской летописи, если считать указанный в нем размер платежа относящимся и к варяжской дани); 4) белая веверица или бела и веверица (НПЛ младшего извода, Новгородская IV, Псковская III, Никоновская; а также Лаврентьевская, Ипатьевская и Троицкая, если считать указанный в них размер платежа относящимся и к варяжской дани); 5) белка и веверица (Троицкий список НПЛ младшего извода, а также Владимирский летописец, если считать указанный в нем размер платежа относящимся и к варяжской дани); 6) бела (летопись Авраамки, Рогожский летописец, если считать указанный в них размер платежа относящимся и к варяжской дани); 7) белая векшица (УЛС, Устюжская летопись; а также Ермолинская, если считать указанный в ней размер платежа относящимся и к варяжской дани); белая векша (Воскресенская) или белая векшица (Холмогорская, Пискаревский летописец).

Б. Данью, бравшейся на юге и востоке (поляне, северяне, вятичи), могла быть: 1) белая векшица (Новгородская IV, Софийская I, Тверская, Ермолинская, Типографская, Вологодско-Пермская, Никаноровская, Холмогорская, Воскресенская, Львовская, Пискаревский летописец) или белая векша (Супрасль-

ская, Никифоровская); 2) бела (летопись Авраамки, Рогожский летописец); 3) бела, равная векше (Никоновская); 4) белая веверица или бела и веверица (Ипатьевская, Лаврентьевская, Троицкая); 5) бела и веверица (Владимирский летописец); 6) белая "верица" (своды 1497 и 1518 гг.); 7) белая "девеца" или бела и "девеца" (Радзивилловский список Лаврентьевской летописи).

Варианты с "верицей", "велыцей" и "девецей" являются, скорее всего, только текстуальными, а не смысловыми. Кажется очевидным, что цитированные слова представляют собой разновидность чтения "веверица", и поэтому данные варианты надо рассматривать вместе с аналогичными, где речь идет о веверице. Таким образом, в группе *А* вариант 2 объединяется с вариантом 1, вариант 3 – с вариантом 4, в группе *Б* вариант 6 приобретает значение "белая веверица", а вариант 7 объединяется с вариантом 4.

Большинство смысловых вариантов имеет дело с одной платежной единицей. В группе *А* это белая веверица (10 летописей), бела (две летописи); белая векшица (три летописи), белая векша (три летописи); в группе *Б* – белая векшица (11 летописей), белая векша (две летописи), бела (две летописи) и бела, равная векше (одна летопись), белая веверица (две летописи). Весьма редки случаи, когда с полной определенностью выступают две разные единицы: в группе *А* – белка и веверица (две летописи), в группе *Б* – то же (одна летопись). Чаще встречается двусмысленное указание, из которого неясно, одна или две единицы имеются в виду: в группе *А* – белая веверица или бела и веверица (семь летописей), в группе *Б* – то же (три летописи).

Если отвлечься от тех случаев, когда определение единицы сбора может быть отнесено и к варяжской, и к хазарской дани, то станет вполне очевидным, что при характеристике первой летописные своды предпочитают выражения, включающие в себя термин "веверица" или его вариант "верица", а при характеристике второй – выражения, содержащие термин "векшица" или "векша". Так, из 17 сводов, где варяжская дань описывается отдельно от хазарской или вообще без упоминания последней, 12 называют веверицу и только пять говорят о векше: "бела(я) веверица" – четыре летописи (Софийская I, Типографская, Тверская, Вологодско-Пермская); "бела(я) верица" – четыре летописи (Никаноровская, Львовская, Супрасльская, Никифоровская); "бела(я) веверица" или "бела и веверица" – четыре летописи (НПЛ младшего извода, Новгородская IV, Псковская III, Никоновская; "белка и веверица" – Троицкий список НПЛ младшего извода); "бела(я) векшица" – четыре летописи (УЛС, Устюжская летопись, Холмогорская, Пискаревский летописец); "бела(я) векша" (Воскресенская).

Из 14 сводов, дающих отдельное описание хазарской дани, ни один не упоминает веверицу, но во всех фигурирует векшица или векша: "бела(я) векшица" – 10 летописей (Новгородская IV, Софийская I, Тверская, Типографская, Вологодско-Пермская, Никаноровская, Холмогорская, Воскресенская, Львовская, Пискаревский летописец); "бела(я) векшица" или "бела и векшица" (Псковская III); "белая векша" – две летописи (Супрасльская, Никифоровская); "бела", равная "векше" (Никоновская).

Такое распределение терминов наводит на мысль, что платежные единицы варяжской и хазарской дани могли быть разными по названию – то, что собирали варяги, называлось веверицей или верицей, а то, что взимали хазары, – векшицей или векшей. Однако, учитывая отсутствие термина "векша" в известии 6367 г. в наиболее ранних сводах – Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, от этого вывода следует воздержаться, по крайней мере, до исследования хронологии упоминания "веверицы" и "векши" в других источниках, а также до система-

тического сопоставления терминологии интересующей нас статьи с хронологией и генеалогией соответствующих летописных сводов.

В.И. Даль не дал однозначного определения "веверицы". По его мнению, это – "ласочка, горностай или белка"; "всячески некоторые иные ученые сурка прозвали веверицей", – указывает он с неодобрением[57]. "Векша" по Далю – "sciurus vulgaris", бела, белка; мысь? пск. урма?"[58]. «Виру платили по "белей веверице или по белей векше"; но это "или" не доказывает, чтобы "веверица" и "векша..." было одно и то же, а только что они были в одной цене»[59].

И.И. Срезневский ставит знак равенства между "векшей" и "веверицей" и переводит оба термина словом "белка", "sciurus"[60]. В новом словаре древнерусского языка в полном соответствии с Далем "векша" переводится как "белка", а "веверица" – как "пушной зверек (белка, ласка, горностай)"[61]. Кроме того, под тем и другим термином подразумевается "податная (натуральная и денежная) единица"[62], а "векша" расшифровывается еще и как "мех белки" и "мелкая монета, копейка"[63]. Срезневский приводит случаи использования слова "веверица" в качестве эквивалента терминов "медница", "нумия" и "фолея" в памятниках XIV–XV вв.[64] "Векша" приравнивается к "меднице" в памятниках XII и XIV–XV вв., в последних также к "нумии"[65]. Под "фолеей" в связи с этим Срезневский понимает медную монету, а от "нумии" дает лишь отсылку к "веверице" и "векше"[66]. В русском языке XIX–XX вв. слова "веверица" и "векша", сохранившиеся в различных областях, обозначали и обозначают белку (зверька)[67]. Следов употребления этих слов в роли терминов, определявших денежные единицы, в современном русском языке как будто нет.

Ряд параллелей к русской "веверице" дал Й. Зубатый, указавший на близкие по звучанию и совпадающие по смыслу ("белка") слова в белорусском, болгарском, чешском, литовском, латышском, прусском, новоперсидском и новогреческом[68].

В этимологическом словаре Фасмера "веверица" переводится как "белка" и "горностай". Здесь же показано употребление тождественных и аналогичных терминов в украинском, белорусском, болгарском, сербско-хорватском, словенском, чешском, словацком и польском языках, приведены родственные по звучанию и тождественные по значению слова, встречающиеся в литовском, латышском, древнепрусском, кимрском, новоперсидском, англосаксонском, древнешведском. Слово сравнивается с латинским viverra (хорек)[69]. Срезневский предлагал следующие параллели: "ср. лат. (мн.) vares; vair-viverre – ласочка; новогреч. βερβερίτζα"[70].

Менее богата аналогиями "векша". Этот термин сравнивали с древнеиндийским vakuças ("какое-то животное, живущее на деревьях"), новоперсидским vešak (рыжая лисица), однако указанные сопоставления были признаны необоснованными или спорными[71]. Финский филолог М. Рясянен связывает русские слова "вашка" (архангельское областное), "вокша" (нижегородское областное) и "векша", "векъша" с чувашским "вакша", "пакша" (белка)[72]. Эту параллель поддержал российский лингвист О.Н. Трубачев[73]. Вместе с тем, Рясянен считает слова "векша", "вакша" и т.п. – финно-угорского происхождения[74]. Такой же точки зрения придерживается Махек[75]. О.Н. Трубачев говорит вслед за Махеком, что слово "вашка" (и чувашское "вакша"?) – финно-угорского происхождения[76]. О "векше" он высказывается менее определенно: "могло быть заимств. из финно-уг. или чув."[77] Были также попытки видеть в "векше" уменьшительное от "вѣверица" или от "вѣко", "веко"[78].

При обращении к лингвистическому материалу прежде всего бросается в глаза повсеместное распространение термина "веверица" (в различной транс-

крипции) в современных западно- и юго-славянских языках[79]. По существу, в них нет другого слова для обозначения белки. То же касается двух языков восточно-славянской подгруппы – белорусского и украинского. Лишь в русском языке этот термин утратился повсюду, кроме Архангельской и Новгородской областей, где его существование было зафиксировано еще в 1954 и 1959 гг.[80] Термины, близкие к "веверице", обозначают белку в балтийских языках – латышском (vāvere) и литовском (voverė, vėverìs, vaiverė). Слово "вевёрка" Даль приводит с пояснением "зап."[81], имея в виду, что оно встречается в западных губерниях России; сходное с ним "вавёрка" зафиксировано в современном русском языке Латвии (1963 г.)[82]. Последний термин прямо совпадает с белорусским "вавёрка"[83]. Наличие указанных терминов в русском языке данного района – очевидно, результат белорусско-прибалтийского влияния.

Иначе обстоит дело с термином "векша". В белорусском, украинском, западно- и юго-славянских, а также в балтийских языках это слово не встречается. В русском же языке оно еще до недавнего времени имело широкое хождение и было распространено практически повсеместно, являясь синонимом слова "белка". "Словарь русских народных говоров" фиксирует употребление термина "векша" в губерниях и областях различных регионов России XIX–XX вв.: на западе (Петербургская, Смоленская, Калужская), в центре (Московская, Владимирская, Костромская, Тверская–Калининская, Рязанская, Тульская), на севере (Новгородская, Псковская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Ярославская), на востоке (Горьковская, Казанская, Вятская–Кировская) и юге (Воронежская) центральной территории, на Урале и в Сибири (Пермская, Тобольская, Свердловская, Томская, Иркутская). Бытование слова наблюдалось также в русских говорах Литвы и Латвии[84]. Варианты термина отмечены в губерниях Новгородской и Енисейской (вёкша)[85], Нижегородской ("вокша")[86] и Архангельской ("вашка")[87].

Существование слова "веверица" в Новгородской и Архангельской областях при полном отсутствии его следов в других великорусских областях поразительно согласуется с фактом взимания дани "веверицами" именно со словен – Новгородской земли. Наличие сходных терминов в прибалтийско-белорусском регионе перекликается с летописными данными о том, что кривичи и чудь тоже платили дань "веверицами". Правда, здесь ряд моментов нуждается в объяснении: во-первых, чудь – это эсты, а в эстонском языке как будто нет термина, прямо напоминающего слово "веверица"; во-вторых, в одной из кривичских областей – Смоленске – в XIII в. употреблялся термин "векша"[88], а не "веверица". "Векшами" дань бралась с полян, северян и вятичей, между тем, если слово "векша" впоследствии употреблялось в тех великорусских областях, где прежде жили вятичи, то на Украине, и в частности в районе бывшего расселения полян, распространился термин "вевірка" (или "вевюрка")[89], родственный "веверице".

Устойчивость термина "веверица" в Новгороде доказывается не только современными данными языка. Слово "векша" появилось здесь не раньше XIII в. Частое употребление его наблюдается в XVII в.[90] В средневековых немецких источниках (XIV–XV вв.) для обозначения шкурок белки, вывозившихся из Новгорода, употреблялся термин "werk" и его производные[91]. Нам представляется, что этот термин генетически связан со словом "веверица". По наблюдениям лингвистов, "веверица" восходит к корню "ver-" или "u̯er-". Зубатый объяснял происхождение термина древней редупликацией слова "ver-", означавшего "висеть", "плавать" (по парящему положению зверька во время прыжков)[92]. Эндзелин указывает на возможность основы "u̯er" "вертеть", "гнуть" (по изогнутому положению хвоста и всего тела белки)[93].

К сожалению, гипотеза о предполагаемом корне слова у обоих авторов высказана в довольно глухой форме. Авторы не поясняют, откуда они производят тот или иной корень, какова его первоначальная языковая принадлежность и сфера распространения. Со своей стороны отметим, что в финском языке "väärä" означает "кривой", "согнутый", "vääristää" – "кривить", "скривить"[94]; возможные аналогии этому в эстонском: "veerema" – "вертеться", "крутиться", "катиться", "veere, veerev" – "вращение", "вращающийся", "катящийся"[95]. В терском наречии кольской ветви саамского (лопарского) языка, относящегося тоже к финской группе финно-угорских языков, есть слово "vi̯ərrew̯" (в транскрипции Рясянена)[96] или vîθ$_{i}$rrev (в транскрипции Беке)[97]. Оно имеет два значения: 1) белка, 2) копейка (или самая мелкая денежная единица). У нерусских народов Российской империи, сохранивших в XIX–XX вв. счет на белки, было две системы беличьей валюты: старая, по которой белка приравнивалась к 1 копейке серебром, и новая, возникшая в начале XIX в., по которой 1 копейку составляли 3, 5 белки[98]. Рясянен и Беке, приведшие указанный саамский термин в связи с рассмотрением вопроса о беличьем денежном счете, не сопоставили его ни со словом "веверица", ни с эстонским veering, обозначающим полушку (или фартинг – 1/4 пении)[99]. Не изучено также соотношение терского "vi̯ərrew̯" с эстонским "veerev".

Итак, наиболее раннее известие о взимании дани со славянских и финно-угорских племен варягами помещено в большинстве летописных сводов под 859 г. Древнейшие летописи (Лаврентьевская и Ипатьевская) указывают в качестве платежной единицы белую веверицу (или белку и веверицу) от "дыма". Толкованию и этимологии терминов "веверица" и "бела" посвящена значительная литература[100]. Изучались они и в сравнительно-историческом плане, в связи с терминологией латинских, польских, чешских, немецких, французских и других источников[101]. Для исследования аналогов большой материал дают словари средневековых терминов[102].

А.А. Шахматов в своей реконструкции текста "Повести временных лет" избрал чтение "по беле веверице"[103]. В издании "Повести", осуществленном в 1950 г., предпочтительным было признано чтение "по беле и веверице". При этом Д.С. Лихачев и Б.А. Романов, следуя концепции Б.Д. Грекова, рассматривали "белу" как металлические деньги, а "веверицу" – как "белку". В их переводе "Повести" говорится так: "брали по серебряной монете и по белке от дыма". Точно те же интерпретация и перевод сохранились во втором издании "Повести"[104].

В.К. Трутовский, специально изучавший историю употребления в источниках терминов "веверица", "векша", "бела" и "белка", доказывал невозможность превращения прилагательного "белеи" в "белу" в известии летописи под 859 г. и отрицал вероятность понимания полученной таким образом "белы" как серебряной монеты[105]. В.Л. Янин убедительно показал, что термин "бела" в значении денежной единицы появляется не раньше 1268–1281 гг.[106] Встречающееся в "Слове о полку Игореве" выражение "по беле от двора" не соответствует терминологии источников XII в., когда не существовало денежной единицы под названием "бела" и не было представления о подворном обложении, введенном лишь в 1679 г.[107]

Летописные своды, более поздние по сравнению с Лаврентьевской и Ипатьевской летописями, вводят в известие о взимании дани варягами и хазарами некоторые новые нюансы, требующие особого рассмотрения. Наряду с термином "веверица" в них появляется термин "векша". Создается впечатление, что "веверицей" называлась дань, взимавшаяся варягами, а дань, бравшаяся хазарами,

могла именоваться "векшей". Поскольку в обоих случаях имеется в виду беличья шкурка, встает вопрос, являлось ли такое терминологическое различие изначальным, т.е. существовало ли оно уже в IX в.

В.К. Трутовский считал известие 859 г. в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях новгородским по своему происхождению[108]. Термин "веверица" был распространен именно в севернорусском регионе и в Прибалтике. Ареал его бытования и сейчас ограничивается этой территорией, в то время как позднее появляющийся в источниках термин "векша" имеет, судя по "Словарю русских народных говоров", общерусское хождение. Этот термин уже в XIII в. вытесняет даже из новгородских источников более древний для них термин "веверица"[109]. Вместе с тем "векши" нет в современном украинском языке, а есть "вівериця".

Это может косвенно свидетельствовать о том, что термин "векша" зародился не у полян, с которых брали дань хазары. Он мог быть более типичен для языка вятичей, тоже обложенных хазарской данью. Этимология слова "векша" неясна. Иногда его сближают с чувашским "пакша" (= "вакша"), хотя нет определенного мнения о том, какое влияние было первичным: то ли "пакша" возникла под влиянием "векши", то ли наоборот. В этимологическом словаре В.Г. Егорова проводится мысль, что слова "пакша", "вакша" были заимствованы из русского языка "в древнее время"[110]. Однако "в древнее время" влияние могло быть и обратным. Учитывая, что чувашский язык принадлежит к одной группе с несохранившимся хазарским языком, можно высказать предположение о хазарском происхождении термина "векша"[111], который получил затем распространение у племен бассейна Волги и Оки, плативших хазарам дань беличьими шкурками. Интересно, что в чувашском языке, в отличие от финно-угорских, слово, обозначавшее белку ("вакша" или "пакша"), не служило одновременно обозначением копейки[112]. Хазары, как известно, не только не чеканили собственную монету, но не пользовались и куфическими монетами[113]. Мы считаем это лишним аргументом в пользу того, что хазары брали дань не "белами и веверицами", а "белыми веверицами". Скорее всего, так же поступали в середине IX в. и варяги, которые принимали активное участие в международной торговле мехами, получившей в северном и восточноевропейском регионах широкий размах начиная с 70–80-х годов VIII в.[114]

[1] ПСРЛ. СПБ., 1908. Т. 2. Стб. 13–14.
[2] Там же. Л., 1926. Т. 1. С. 19.
[3] Там же. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 10.
[4] Там же. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 10.
[5] ПЛ. М., 1955. Вып. II. С. 73.
[6] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 6–8. Ср.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 57.
[7] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 29.
[8] Там же. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 18.
[9] Там же. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 15.
[10] Там же. Пг., 1921. Т. 24. С. 6.
[11] Там же. СПб., 1856. Т. 7. С. 267.
[12] Там же. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 35.
[13] Там же. Л., 1977. Т. 33. С. 13.
[14] Там же. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 3; М., 1980. Т. 35. С. 36.
[15] Там же. Т. 35. С. 19.
[16] Там же. М., 1965. Т. 30. С. 14.
[17] Там же. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 11.
[18] Там же. М., 1978. Т. 34. С. 34.

[19] Там же. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 13.
[20] Там же. СПб., 1910. Т. 23. С. 2.
[21] Там же. СПб., 1910. Т. 20 (1-я пол.). С. 43.
[22] Там же. Т. 28. С. 167.
[23] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 106. См. также: С. 433, 513–514.
[24] УЛС. М.; Л., 1950. С. 20.
[25] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 56.
[26] Там же. С. 17.
[27] Там же. СПб., 1862. Т. 9. С. 8.
[28] ЛЛС. 3-е изд. СПб., 1897. С. 18.
[29] *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. 19.
[30] Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. М., 1953. Ч. 1. Карта № 1.
[31] ЛЛС. С. 10.
[32] В.В. Седов устанавливает существование трех групп кривичей – смоленских, полоцких и псковских, занимавших в целом более обширную территорию, чем указанное в летописи междуречье Волги, Днепра и Западной Двины. См.: *Седов В.В.* Кривичи // СА. 1960. № 1. С. 47–62. В новой монографии автор, правда, объединяет смоленских и полоцких кривичей в одну группу и называет ее "кривичи смоленско-полоцкие". См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 158–166.
[33] Имеются и иные порядки перечисления: 1) в Псковской III летописи – с востока (словени) на запад (чудь), затем прыжок (в обход кривичей) на юго-восток (меря) и поворот на юго-запад ("все кривичи"); 2) во Владимирском летописце – с севера (словене) на юг (кривичи) и восток (меря). Если во Владимирском летописце правильное движение по кругу – с севера на юг и восток, то в Псковской III летописи движение неупорядоченное, скачкообразное. Не исключено, что летописец имел в виду Заволочскую чудь, а не эстов. При таком допущении последовательность восстанавливается: с запада (словене) на восток (Заволочская чудь), юго-запад (меря) и юго-юго-запад (кривичи).
[34] В одном из списков Владимирского летописца тоже "Козарех", но без предлога "на".
[35] Как отмечает Б.А. Рыбаков, "применительно к северянам хазарские источники тоже говорят о дани, а о радимичах, живших в левобережном Полесье, они умалчивают" (*Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 257).
[36] По мнению А.А. Шахматова, известие о взимании дани варягами находилось в первой редакции Повести временных лет и в Начальном своде под 6362 (854) г., а во второй редакции Повести временных лет – под 6367 (859) г. Шахматов писал: "Мне совершенно неясно, почему событие это отнесено вторым редактором к 6367 году" (*Шахматов А.А.* Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Апр. С. 478). Вообще говоря, все летописные даты до 907 г. исследователь считал недостоверными (Там же. С. 482). Б.А. Рыбаков переводит 6367 г. как 867 г., полагая, что летописная дата дана по александрийской, а не византийской эре, т.е. вычитать из нее надо не 5508, а 5500. См.: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. [М., 1963]. С. 170.
[37] *Шахматов А.А.* Исходная точка летосчисления "Повести временных лет" // ЖМНП. 1897. Март. С. 217–222. Автор показал, что ошибка сводчика в определении начала царствования византийского императора Михаила III ("В лѣто 6360, индикта 15 день. Наченшю Михаилу царствовати...") объясняется использованием хронологических выкладок Летописца патриарха Никифора, на основании которых получился следующий расчет: от рождения Христа до Константина – 318 лет, от Константина до Михаила – 542 года, всего 860 лет, плюс к этому 5500 лет (разница эр по Летописцу Никифора), в итоге – 6360 г. (Там же. С. 220). В летописной статье 6360 г. действительно фигурируют и 318 лет, и 542 года (см., например: ЛЛС. С. 17). По мнению Б.А. Рыбакова, летописец, проставляя 6360 г., имел в виду не начало царствования Михаила, а наиболее важное для Руси событие этого царствования – поход русских на Константинополь в 860 г.: по александрийской эре 860 + 5500 = = 6360 (*Рыбаков Б.А.* Древняя Русь... С. 164–165).
[38] На такой хронологии останавливался А.В. Лонгинов, использовавший данные Бертинских анналов под 839 г. См.: *Лонгинов А.В.* Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, 1904. С. 44. О точке зрения А.В. Лонгинова напомнил в свое время А.Н. Сахаров, хотя он и не разделял ее. См.: *Сахаров А.Н.* Кий: легенда и реальность // Вопр. истории. 1975. № 10. С. 137.

[39] См. об этом: *Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 66; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь... С. 22–38; *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 138; Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7. Стб. 235.

[40] ЛЛС. С. 16.

[41] *Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 117–118.

[42] Там же. С. 120.

[43] Там же. С. 113.

[44] *Седов В.В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960. С. 99. По наблюдениям Т.Н. Никольской, в XI–XIII вв. в земле вятичей преобладали наземные жилища; "значительно меньше открыто жилищ типа землянок или полуземлянок, существовавших одновременно с наземными"; однако в некоторых местах, как, например, в Перемышле Московском, "полуземлянки составляли единственный тип жилых строений" (*Никольская Т.Н.* Земля вятичей. М., 1981. С. 210–212).

[45] Подробнее об этом см.: *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): Ист.-археол. очерки. Л., 1968. С. 128, 166, 172 (МИА. № 152); *Ширинский С.С.* Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 191–193; *Черепнин Л.В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 147; *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социал. - экон. истории. Л., 1974. С. 30–33. Ср. также: *Седов В.В.* Сельские поселения... С. 23–24, 126; *Русанова И.П.* Археологические памятники древлян: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960. С. 12; *Она же.* Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973. С. 31.

[46] М.Б. Свердлов уверенно отождествляет "дым" с малой семьей (*Свердлов М.Б.* Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей. М., 1978. С. 146–147; *Он же.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 57, 90–96, 100), в то время как Б.А. Рыбаков считает возможным приравнять"дым" к "огнищу" = к большой семье (*Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 255).

[47] УЛС. С. 20; ПСРЛ. Т. 37. С. 56.

[48] При оценке летописных известий о раннем Киеве надо иметь в виду тенденциозность новгородского летописания и возможные попытки уменьшить значение и древность южного центра Руси. См.: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь... С. 29.

[49] *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода: К постановке проблемы // История СССР. 1971. № 2. С. 33, 55, 61.

[50] О факте отставания Новгорода от Смоленска в IX–X вв. см.: *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. [М.; Л.]. 1948. С. 432.

[51] ПСРЛ. 2-е изд. Т. 2. Стб. 14.

[52] ЛЛС. С. 18; ПСРЛ. Т. 23. С. 2; *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 57.

[53] *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 19.

[54] ПЛ. Вып. II. С. 73.

[55] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 10.

[56] Там же. Т. 9. С. 8.

[57] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 174. (Далее: Даль).

[58] Там же. С. 175.

[59] Там же. С. 174.

[60] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I. Стб. 477, 485. (Далее: Срезневский).

[61] Сл РЯ XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 42, 55.

[62] Там же.

[63] Там же. С. 55.

[64] Срезневский. Т. I. Стб. 477. Ср.: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 2. С. 42.

[65] Срезневский. Т. I. Стб. 486.

[66] Срезневский. СПб., 1895. Т. II. Стб. 476; СПб., 1903. Т. III. Стб. 1356–1357. Оба термина известны еще римской метрологии. По-латыни nummus – монета, follis – мех, денежный мешок. В Западной Римской империи nummus aureus равнялся 100 сестерциям, а follis – 72 золотым солидам (1 либра = 327,45 г) или 125 серебряным милиаренсам (1,74 либры = = 568,75 г). См., например: *Машкин Н.А.* История древнего Рима. М., 1948. С. 666.

[67] Словарь русских народных говоров. Л., 1969. Вып. 4. С. 89, 104. (Далее: СРНГ).

[68] *Zubatý J.* Slavische Etymologien // Archiv für Slavische Philologie. Berlin, 1894. Bd. 16, Hf. 3–4. S. 418–419.

[69] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964. Т. I. С. 282. (Далее: Фасмер).

[70] Срезневский. Т. I. Стб. 478.

[71] Фасмер. Т. I. С. 287.

[72] *Räsänen M.* Altaisch und Uralisch im "Russischen Etymologischen Wörterbuch" von Max Vasmer // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1956. S. 421.

[73] Фасмер. Т. I. С. 281, 287.

[74] *Räsänen M.* Op. cit. S. 421.

[75] Machek V. [Рец. на:] Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Erster Band (A-K) // Slavia. Praha, 1954. R. 23. Seš. 1. S. 66.

[76] Фасмер. Т. I. С. 281.

[77] Там же. С. 287.

[78] См.: Там же.

[79] Кроме указанных Фасмером, отметим еще македонский (Македонско-русский словарь / Сост. Д. Толовски, В.М. Иллич-Свитыч. М., 1963. С. 48–49).

[80] СРНГ. Вып. 4. С. 89.

[81] Даль. Т. I. С. 174; СРНГ. Вып. 4. С. 89.

[82] СРНГ. Вып. 4. С. 8.

[83] *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. С. 41.

[84] СРНГ. Вып. 4. С. 104.

[85] Там же. С. 105.

[86] Там же. Л., 1970. Вып. 5. С. 36.

[87] Там же. Вып. 4. С. 79.

[88] Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 24, 29, 34, 38, 43, 49, 50.

[89] *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1907. Т. I. С. 130.

[90] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 73.

[91] Там же. Ср.: *Delort R.* Vorabulaire et grand commerce: Mots russes en Occident aux XIVe et XVe siècles // Économie et société au Moyen Âge: Mélanges offerts à Edouard Perroy. P., 1973. P. 700–707.

[92] *Zubatý J.* Op. cit. S. 419–420.

[93] *Endzelin J.* Etymologische Beitrage // Donum Natalicium Schrijnen. Verzameling van Opstellen door Oud-Leerlingen en Bevriende Vakgenooten. Nijmengen; Utrecht, [1929]. P. 402. Aanm. 1; Фасмер, Т. I. С. 282.

[94] Финско-русский словарь / Под ред. О.В. Кукконен, Х.И. Лехмус, И.А. Линдрос. М., 1955. С. 586.

[95] Eesti-inglise sõnaraamat (Estonian-Englisch Dictionary) / Koostanud J. Silvet. Tallinn, 1970. Lk. 447; *Tamm I.* Eesti-vene sõnaraamat. Tallinn, 1981. Viies trükk. Lk. 651.

[96] *Räsänen M.* Tscheremissische Zeit- und Mass-Bestimmungen // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia (Mémoires de la Société finno-ougrienne). Helsinki, 1924. [Vihko]. 52. S. 255.

[97] *Беке Э.* Беличья система валюты у мари // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1951. T. 1. Fasc. 1. P. 72.

[98] Ibid. P. 65.

[99] Eesti-inglisi sõnaraamat. Lk. 447. Ср.: *Tamm J.* Eesti-vene sõnaraamat. Lk. 651: "копейка, монета, грош".

[100] См., например: *Трутовский В.[К.]* Векша, веверица, бела // Тр. этнографо-археологического музея I МГУ / Под ред. А.И. Некрасова. М., 1926. С. 3–10; *Лукина Г.Н.* Название мехов в памятниках древнерусской письменности XI–XIV вв. // Древнерусский язык: Лек-

сикология и словообразование. М., 1975. С. 56–68; *Львов А.С.* Лексика "Повести временных лет". М., 1975. С. 262–270, 352–367.

[101] *Sztetyłło J.* Asperioles i marca cunarum // Wiadomości numizmatyczne. Warszawa, 1968. R. XII, № 2 (44). S. 87–104; *Idem.* Problematyka pieniądza pozakruszcowego w Czechach, na Rusi i w Polske w średniowieczu // I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. [T.] VI. S. 189–223; *Delort R.* Op. cit. P. 700–707; *Idem.* Le commerce des forrures en Occident à la fin du Moyen Âge (vers 1300 – vers 1450). Rome, 1978. Ср.: *Kretzschmar Ch.* Les animaux à fourrures. 2-ème éd. Chalon-sur-Saone, 1923. P. 38–42; *Voionmaa V.* Suomalaisia keskijan tutkimuksia: Veroja, Laitoksia, Virkamiehiä. Porvoosa, [1912]. S. 50/51–88/89.

[102] См., например: *Du Cange Ch.D.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. P., 1844. T. III. P. 98; 1846. T. VI. P. 118, 139, 340, 735, 737; 1850. T. VII. P. 328; Słownik łaciny średiowiecznej w Polske / Wydany pod redakcją Mariana Plezi. Warszawa, 1957. Fasc. 6. Ars-Audio. Col. 824 и др.

[103] *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I. С. 19.

[104] Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 12, 149, 397.

[105] *Трутовский В.[К.]* Указ. соч. С. 7.

[106] *Янин В.Л.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // ВИД. Л., 1970. [Т.] 3. С. 168.

[107] Ср.: *Устюгов Н.В.* К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в. // Академику Б.Д. Грекову ко дню 70-летия: Сб. статей. М., 1952.

[108] *Трутовский В.[К.].* Указ. соч. С. 7–8.

[109] В.К. Трутовский полагал, что термин "векша" стал употребляться в Новгороде уже со второй четверти XII в. При этом он опирался на текст так называемого устава Всеволода-Гавриила Мстиславича (*Трутовский В.[К.]* Указ. соч. С. 6). Действительно, Устав о церковных судах, написанный от имени великого князя Всеволода, упоминает "десятую векшу" (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 154). Но данный источник был создан не в XII в., а позднее. Одни исследователи относят его к XIII в. (В.Л. Янин), другие – к XIV в. (А.А. Зимин).

[110] *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 142. Ср.: *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1930. Вып. 5 (Й–В). С. 158–159; 1935. Вып. IX. С. 80.

[111] Возможно, хазарский язык оказал в древности некоторое влияние и на лексику грузинского языка, где находим, например, слово "вашкарани" в значении "сума", "мех" (этот термин см.: *Чубинашвили Н.* Словарь грузинского языка с русским переводом. Тбилиси, 1961. С. 215).

[112] *Беке Э.* Указ. соч. С. 73.

[113] *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 116.

[114] *Ширинский С.С.* Указ. соч. С. 200; *Калинина Т.[Н.]* Меховая торговля в приволжском бассейне по данным арабских ученых IX–X в. // Великий Волжский путь: Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 194–198; *Düwel K.* Zeugnisse zum Handel in der Wikingerzeit nach den Runeninschriften // Норна у источника Судьбы: Сб. статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 119 и др.; Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor-und frügeschichtlichen Zeit in Mittel-und Nordeuropa. Göttingen, 1987. T. IV: Der Handel der Karolinger-und Wikingerzeit / K. Düwel u.a. S. 313–357.

А.В. Поппэ

"А ОТ БОЛГАРЫНЕ БОРИСА И ГЛЕБА"

Анонимный автор "Сказания страсти и похвалы святых мучеников Бориса и Глеба", следуя агиографическому трафарету, решил уделить внимание и их родителям. Повествуя об отце Владимире и его двенадцати сыновьях, но назвав лишь одиннадцать из них "от разных матерей", он дважды подчеркивает единоутробность Бориса и Глеба однозначным "от болгарыне" и иносказательным пояснением взаимоотношений братьев путем сравнения их с библейскими Иосифом и Веньямином, любимыми отпрысками праотца Иакова от Рахили[1]. Аноним не называет родителей Иосифа и Веньямина, но прав исследователь, что на рассказ о семье Владимира влияние возымел библейский образ из книги Бытия[2]. Данные о Владимировом потомстве и его матерях в летописных статьях 980 и 988 гг. в "Повести временных лет" основываются с некими добавлениями и упущениями, на составленном около 1072 г. анонимном "Сказании"[3].

Его автор не случайно затрагивает происхождение святых князей: сыновьям просветителя "земли русьской" подобает иметь мать христианку, и это достигнуто без нарушения ее анонимности: "болгарыня" не могла ею не быть. Следовало также назвать Святополка, "иже и убииство се зълое изъобрет", объясняя корень его злодеяния порочностью самого зачатия от расстриженки и "от дъвою отцю", что в христианском восприятии куда хуже языческой родословной.

Нестор-агиограф, писавший менее чем десять лет спустя (ок. 1080 г.) свое "Чтение о житии и погублении блаженую страстотерпца Бориса и Глеба", отошел от этого изложения, пожалуй, не случайно. Он усиливает иносказательность данных о происхождении братьев, вводя на сцену добавочно праотца Иакова как прообраз Владимира, но не называет ни Рахили, ни матери святых князей. Если верно, что, следуя метафрастовскому образцу житийного произведения, Нестор отдает предпочтение отвлеченности и безличности изложения (печенеги у него просто "ратнии", названные поименно в "Сказании" убийцы, в "Чтении" названы "безаконьниками", "губителями"), то отказ Нестора от "болгарыни" следует признать значащим, учитывая расширение иносказательности библейского образа, к которому он и отсылал осведомленного, т.е. не всякого, читателя. Он отказался также от упоминания греховного зачатия Святополка, однозначно признавая в нем старейшего сына Владимира, а вместо двенадцати сыновей упомянуты "сынове мнози"[4].

Аргументы, изложенные в пользу издавна бытующего предположения, что матерью Бориса и Глеба была багрянородная Анна, законная супруга Владимира, позволяют понять, почему эта самая завидная родословная святых князей была табуирована и осталась навсегда под могильным спудом[5]. Лишь намеки позволяют догадываться, что происхождение новоявленных святых по матери было окутано умышленной тайной.

Отсюда недоумение, как понять "подмену цесарицы Анны безымянной болгарыней", «что-то неладно с известиями о ней: монах-летописец... к ее имени не приставил даже эпитета "благочестивая", не то что какого-нибудь похвального слова, а поминает ее кончину так же, как какой-нибудь Малфреди или Рогнеды»[6]. Созвучно с этим – предположение, что в сокрытии происхождения Бориса и Глеба от Анны был заинтересован Ярослав, так как он "не был царственной крови, как и не был сыном от христианского брака"[7]. Тогда как В.Н. Тати-

щев угадывал в Анне болгарскую царевну, "сестру внучатую" византийских императоров, Пейо Димитров превращает эту ученую гипотезу в положение о том, что Анна была дочерью болгарского царя Бориса II и лишь двоюродной сестрой византийских императоров Василия (II) и Константина (VIII), имея общего с ними прадеда Романа Лакапина. Наперекор показаниям разных источников Димитров утверждает, что в определении степени родства они не грешили точностью, называя сестрой императоров их двоюродную родственницу. Главное же сообщение, переданное хроникой Иоанна Скилицы, что за два дня до смерти императора Романа II, умершего 15 марта 963 г., у него родилась дочь и была названа Анной[8], Димитров пытается отвести на том основании, что "никъде не се говори", об императрице Феофано как о родильнице[9]. К тому же, даже если исходить из положения, что Анна была дочерью болгарского царя Бориса II, то она никак не могла бы быть двоюродной сестрой византийских императоров, а лишь их двоюродной племянницей, ибо Роман I Лакапин был прадедом Василия и Константина и болгарского Бориса II (сына Марии-Ирины, внука Романа I), но для предполагаемых детей последнего он был бы прапрадедом. Иначе говоря, предположение, что источники спутали якобы сестру с двоюродной сестрой, лишается малейшего основания, раз императоры Василий II и Константин VIII могли быть лишь двоюродными дядьями предполагаемой "болгарской Анны".

* * *

Изложенная тут попытка объяснить появление "Болгарыни" как матери Бориса и Глеба слагалась годами: автор исходил из убеждения, что это – навязанный Анне "псевдоним", имевший свою подоплеку. Желательно предупредить читателя, что высказанные ниже соображения, базирующиеся на данных разной степени достоверности, хотя и избегают умозрительности в заключениях, но все же в своей основе гипотетичны, так как между устанавливаемыми и известными нам фактами связь лишь предположительная, вероятность, если она даже и будет признана весьма значительной, остается своего рода "ретроспективным прогнозом".

Обстоятельства, сопутствующие детству и девичьим годам Анны, проведенным в императорских дворцах Константинополя, т.е. с 963 по 988 г., указывают на то, что "Болгарыня" могло стать обиходным прозвищем Анны и пристать к ней уже в Константинополе.

В те годы болгары весьма часто появлялись в Цесареграде и в самом императорском дворце. Ничто так хорошо это не иллюстрирует, как возмущение епископа Кремоны Лиутпранда, полномочного посла императора Оттона I, тем, что на дворцовом приеме (лето 968 г.) болгарским послам было оказано особенное предпочтение[10]. Приблизительно с 963 г., после смерти своей матери Марии-Ирины Лакапины, во дворце несколько лет (до 969 г. ?) проживали в качестве заложников приходившиеся родственниками императорскому дому сыновья болгарского царя Петра (ум. 969 г.), Роман и Борис. Последний царь Болгарии Борис II (969–971) после взятия Преславы попал с семьей (ненадолго) в цареградский дворец, и лишь потом был низложен и числился в высших имперских чинах[11]. Одним из царедворцев, со времен Константина Багрянородного заправлявшим дворцовыми делами, долгие годы (944–985) был паракимомен (спальник-стольник) Василий Ноф, незаконорожденный сын императора Романа I от болгарской матери, образованнейший придворный и талантливый администратор[12]. По матери, а также из-за дипломатических нужд, он, вероятно, владел болгарским. Анне же он приходился двоюродным дедом и мог иметь влияние на ее воспитание и образование.

Осенью 969 г. в Царьград прибыли болгарские невесты, "девицы царской крови", суженые в жены несовершеннолетним тогда сыновьям покойного императора Романа II Василию (12 лет) и Константину (9 лет). Их приезд был результатом соглашения Никофора Фоки с болгарами[13]. Раз Никифор Фока, вопреки династическим принципам, прижатый политическими обстоятельствами, решается сватать малолетних василевсов, тем паче он мог пообещать выдать за болгарского княжича их сестру Анну. Какой-то след подобного рода "сделки" отразился у армянского историка Асохика в записанном около 1003 г. полулегендарном рассказе о посылке императором болгарскому правителю вместо обещанной цесаревны подставной девицы, что трагически завершилось сожжением сопровождавшего суженую митрополита: это сватовство было отмечено, дабы сообщить о справедливом возмездии ненавидимому армянами анонимному митрополиту Севастии, преследовавшему армянских священников[14]. Тот факт, что в центре внимания стояли севастийские события, а не византино-болгарские отношения, придает обезличенному матримониальному сюжету некую правдивость; несомненно, в Константинополе не раз болгарам больше обещали, нежели выполняли, и толки об этом странствовали по империи. Нет оснований усматривать в рассказе Асохика след сватовства в Болгарию именно Анны, тем более, что такие не имевшие последствия сватовства случались не раз. Для поставленной задачи важно то, что вероятность такой помолвки Анны с болгарским княжичем нельзя исключить. Помолвка же ее братьев с болгарскими "девицами царской крови" в 969 г. придает такому сватовству черты реальности. Попав под пересуды столичных жителей, такая помолвка и могла оставить за Анной прозвище "Болгарыни".

Это одна, но не единственная возможность. Болгарским невестам, присланным в Царьград осенью 969 г., судя по возрасту женихов, было не более 7–10 лет и они были почти ровесницами Анны (6,5 лет). Проживая во дворце, болгарские девочки, находящиеся в отдаленных, но все же родственных отношениях с Анной, были постоянными спутницами в ее играх и времяпрепровождении, и хотя, несомненно, их обучали греческому, между собой они "щебетали" на славянском. Итак, в императорском дворце, в его детской (девичьей) часто звучало также южнославянское наречие, и общающаяся со своими подругами Анна в той или иной степени могла освоить славянский язык. Когда она попала в Киев, именно ее болгарское произношение могло дать повод прозвищу данному цесарице Анне.

Случаи, когда прозвище не имеет отношения к этническому происхождению, известны. Грузинская княжна Мария, супруга поочередно двух императоров Никифора III и Михаила VII (1071–1081), современниками-византийцами звалась просто Аланкой. Основателя Македонской династии, императора Василия I, недоброжелатели, правда, с опаской, прозвали Славянином[15]. Один из его приближенных, Петр, носил прозвище Болгарина, хотя им по происхождению не был. Как появлялись этнического рода прозвища, неплохо иллюстрирует эпиграмма, приписывавшая "хитростную славянскую харю" тестю одного из сыновей Романа Лакапина[16].

Прозвище Анны могло найти над Днепром дополнительную основу вследствие того внимания, какое цесарица уделяла ходу болгарских дел. Предметом постоянных забот Анны в деле христианизации страны своего супруга были доставка церковных рукописей и переселение лиц духовного звания, с участием которых осуществлялось преображение центров огромной страны. Интерес к Болгарии имел в Киеве и явно политические аспекты, а присутствие "дщери Священной империи" придавало им новое качество. Такой же интерес, проявв-

ленный к Болгарии в свое время Святославом, вплоть до желания обосноваться над Дунаем, "яко тут вся благая сходяться", не был лишь грезами воинственного отца Владимира. Зная о стремлении шурина и брата укротить болгарскую независимость и смыть с себя позор августовского поражения 986 г., Владимир и Анна внимательно следили за ходом наступательных военных действий 991–996 гг., особенно с последовательного покорения Болгарии (1001 г.). Участие в боевых действиях русского корпуса сулило не только трофеи, но и дальнейшие политические перспективы. На первых порах возникал главный вопрос и в Константинополе, и в Киеве – кого возвести на болгарский трон? Василий II был без жены и без детей, его слабовольный брат Константин – отец трех дочерей, волевой же Анне мог видеться на болгарском троне только ее собственный сын. Тем более, что своему, родившемуся в начале 990-х годов первенцу киевская царственная чета наряду с крестным именем Романа дала княжеское имя Бориса[17]. Дать сыну имя деда по матери, учитывая, что ситуация виделась Анне из цареградской перспективы, не было лишено и политической подоплеки. Княжеское же имя Борис, своими корнями уходящее в болгарскую династическую традицию, было в те годы явной политической программой – заявлением прав и претензий на болгарский престол. Имелись в виду два болгарских правителя: просветитель Болгарии хан Борис I (852–889) и царь Борис II, низложенный в 971 г. после победы Цимисхия над Святославом. После 1001 г., когда Василий II решил уничтожить Болгарию как самостоятельное государство, а ее жителей эллинизировать, т.е. сделать ромеями – лояльными подданными империи, эта программа ушла в небытие. Остро назрел вопрос киевского наследия. Но в 990-е годы этот план мог быть весьма злободневен.

Если в воссозданном портрете Анны, которую среди киевлян звали Болгарыней, содержится доля истины, то получается, что в Киев прибыла не причитающе-слезливая, чуть ли не старая дева, как следует из Корсунской легенды, а полная царственности и энергии дщерь Священной империи, стремящаяся проявить свое государственное мышление и сыграть вместе со своим властительным супругом далеко не последнюю роль в имперских судьбах христианской Вселенной. Во многом она преуспела, но ей не повезло.

Приходит на мысль и судьба другой гречанки из аристократического рода Фок и Склиров, немецкой императрицы Феофану. Старше Анны (лет на 7–8), она проявила свои незаурядные государственные способности как соправительница и регентша. Обе получили в цареградском дворце должное образование и впитали одни и те же имперские идеи. Но со вспышкой гражданской войны в Византии (986 г.) их политические ориентации резко разошлись. По сравнению с Анной, о деятельности и успехах Феофану (ум. 991 г.) нам известно гораздо больше. Но имперские планы Феофану также рухнули, когда на 22-м году жизни сошел в могилу ее многообещавший сын, император Оттон III (ум. 23 января 1002 г.).

[1] Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. Д. Абрамовича. Пг., 1916. С. 27, 28, 30; УС. № 12. С. 43, 45 (Л. 8в, г; 9г).

[2] См.: *Данилевский И.Н.* В часы свободные от подвигов духовных // Знание – сила. 1995. № 12. С. 101–103. Не разделяя всех взглядов автора, нельзя не отметить пытливость его наблюдений.

[3] Доказательства в пользу первоначальности списка сыновей в "Сказании", явно составленного для нужд агиографа, см.: *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. Москва, 1957. С. 194–198; *Kralik O.* Vztah Povesti Vremennych let k Legende o Borisu i Glebovi // Československa Rusistika. 1967. № 12. S. 99–102. Л. Мюллер не учитывает аргументации этих авторов (см.: Russia Mediaevalis. 2001. Т. 10, № 1. С. 21–31).

[4] Жития. С. 5, 6. То, что Нестор-агиограф игнорирует "болгарыню", созвучно с выводом исследователя, который, рассмотрев летописный перечень сыновей Владимира, заметил: "нельзя придавать никакой цены указанию на то, что Борис и Глеб рождены от болгарыни" (*Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 138).

[5] *Поппэ А.В.* Завещание Владимира Великого. Борьба за киевский стол: 1015–1024 гг. (в печати).

[6] *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1938; 2-е изд. М., 1993. С. 356, 364–365.

[7] *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 72.

[8] Ioannis Scylitzae synopsis historiarum / Ed. J. Thurn, Berlin; N.Y., 1973. P. 248. Русский перевод отрывка М.Я. Сюзюмовым см.: *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 114.

[9] См.: *Димитров П.* Владимир Покръстител и княгиня Ана // Годишник на Софийския Университет "Св. Климент Охридски", 1989. София, 1993. Т. 83 (3). С. 49–83 (особенно с. 59–63). Внимания заслуживает попытка отождествления матери Бориса и Глеба с Анной и некоторые наблюдения о родственных византийско-болгарских связях, но некритическое отношение автора к поздним легендам, многочисленные необоснованные конъектуры и отказ от источниковедческих приемов исследования отрицательно отягощают статью. Но автор прав, высоко оценивая роль Анны в христианизации Руси – роль, о которой умалчивают древнерусские источники. См.: Там же. С. 76–78.

[10] Liutprandi ep. Cremonensis Relatio de legatione Constantopolitana, гл. 19 // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. 8 / Hrsg. R. Rau. Darmstadt, 1971. P. 540–541. Подробно о византийско-болгарских отношениях в то время см.: *Златарски В.* История на българската държава. София, 1971. Т. 1–2. С. 543–573.

[11] *Лев Диакон.* История. С. 72, 83.

[12] *Kazhdan A.* Basil the Nothos // The Oxford Dictionary of Byzantium. 1991. Vol. I. P. 270.

[13] *Лев Диакон.* История. С. 45. Говоря о "царской крови", историк имел в виду титул Симеона, либо, что вероятнее, их родственную связь с Марией Лакапиной. Ср.: *Shepard J.* A marriage too far? Maria Lakapina and Peter of Bulgaria // The empress Theophano, Bizantium and the West at the turn of the first Millenium. Cambridge, 1995. P. 121–149.

[14] Всеобщая история Степана Таронского по прозванию Асохика в русском переводе Н. Эмина. М., 1864. С. 198–201. Митрополитом, который так досадил армянскому населению, был Феофилакт, спасшийся из Севастии в начале 987 г. бегством в Константинополь и ставший затем первым митрополитом киевским. Понятно, "пришитое" ему болгарское сватовство и гибель недостоверны, но накал ненависти к нему был истинный. О нем см.: *Поппэ А.В.* Политический фон крещения Руси // Как была крещена Русь. 2-е изд. М., 1990. С. 206–207; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). 2-е изд., доп. СПб., 1996. С. 447–448.

[15] Ср.: *Хогус У.М.* Грузинские материалы о византийской императрице "Аланке" Марии // Actes du XVt Congrés International d'Etudes byzantines. Athenes, 1980. Т. 4. С. 138–143; The Oxford Dictionary of Byzantium. 1991. Vol. 2. P. 1298. Весьма сомнительно приписывать происходившему из Македонии Василию I славянское происхождение. Этим прозвищем византийцы желали подчеркнуть его происхождение из низов и варварский обычай, но не осмеливались записать, что сделал за них арабский наблюдатель. См.: *Tobias N.* Basil I (867–886). The founder of the Macedonian Dynasty. New Brunswick, 1969. P. 2–18; *Shboul A.M.* N. Al-Mas'udi and his World. L., 1979. P. 251, 277 (al-Saqlabi).

[16] *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 2. S. 105; Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte. Beiheft 5: Das Ethnikon Sklabenoi, Sklaboi in den griechischen Quellen bis 1025 / Сост. Г. Вайс. Stuttgart, 1988. № 117 (ср. также: № 143, 147, 151, 172, 173).

[17] Приселков, исходя из своей гипотезы о подведомственности Киева в церковном отношении Болгарии, предполагал, что Владимир дал имя сыну в честь болгарского царя Романа (ок. 980 – до ок. 996 гг.), брата Бориса. Не говоря о других обстоятельствах, это малоправдоподобно еще и потому, что оскопленный в Константинополе царевич Роман, вопреки домыслам некоторых исследователей, царем, пожалуй, никогда не был. См.: *Swoboda W.* Roman // Słownik Starożytności Słowiańskich. Т. 4. S. 536. Более обоснованно было предположение, связывающее с болгарской династией княжее имя Владимирова, сына Бориса.

В.Л. Янин

К ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Присоединение Новгорода к Москве в 1478 г. привело к существенному административному расчленению Новгородской земли. Ее центральная часть, превращенная в Новгородское наместничество, была поделена на пятины. Внешняя зона, примыкавшая к наместничеству с востока и юга, перешла в прямое московское управление, чему способствовало внедрение московского суверенитета на часть этих территорий в предшествующее присоединению Новгорода время. Еще при великом князе Василии Дмитриевиче Москва захватила Бежецкий Верх, который новгородцы, сохраняя неизменным формуляр своих докончаний с князьями, до конца продолжали именовать "новгородской волостью"[1]. В 1475 г. московской стала Двинская земля[2], наличие великокняжеских льгот в которой, а также на Печере фиксируется рядом грамот уже на рубеже XIII–XIV вв., а также во времена Ивана Калиты и Дмитрия Донского[3].

Зона волостей, навсегда отторгнутых от Новгорода в 1478 г., очерчена традиционной формулой докончаний, самое раннее из которых датируется 1264 г.: "А волостии ти, княже, новгородьскыхъ своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородьскыми; а даръ от техъ волостии имати. А се волости новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми... а в Торожку... А се волости новгородьскые: Бежиче, Городець, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера"[4].

Парадоксальным, на первый взгляд, кажется ограничение перечня "новгородских волостей" территорией внешней зоны, что способно породить мысль о том, что княжеским мужам запрещалось "держать волости" только в этой зоне, тогда как на основной территории новгородских владений таких запретов не существовало. Подобный вывод был бы весьма поспешным, так как весь комплекс существующих источников свидетельствует об изначальном и ненарушимом контроле "мужей новгородских" над всей территорией новгородского фиска.

Перечень "новгородских волостей" внутренней зоны хорошо известен из документа, синхронного древнейшему докончанию, зафиксировавшему список "новгородских волостей" внешней зоны. Имеется в виду перечень административных членений Новгородской земли в интерполяции к "Уставу о мостех", которая, как и весь этот документ, датируется 60-ми годами XIII в., предпочтительно временем между 1265 и 1267 гг.[5] В интерполяции, трактующей о разверстке повинностей по содержанию Великого моста через Волхов, сначала идет перечисление десяти городских сотен Новгорода, а далее следует список периферийных земель: "11 Княжа, 12 Ржевская, 13 Бежицская, 14 Водская, 15 Обонезьская, 16 Лузьская, 17 Лопьская, 18 Волховская, 19 Яжелбичьская двои рили".

Существующие толкования этого списка исходят из заданной мысли о том, что, подобно городским, "провинциальных сотен" также должно быть десять, и, следовательно, одна из них в этом перечислении оказалась пропущенной. Б.А. Рыбаков полагал, что такой десятой "сотней" должно быть Помостье[6]. Было время, когда автор настоящих строк присоединился к такому мнению, предложив даже конъектуру: в списках Археографического вида "Устава о

мостех" Волховская "сотня" называется "Поволховской", что показалось мне стяжением текста "По[мостская,] Волховская"[7].

Б.А. Рыбаков привязал десять "провинциальных сотен" к пятинам – по две на пятину. К Шелонской пятине он отнес Лужскую и Княжую "сотни", к Водской – Водскую и Лопьскую, к Обонежской – Волховскую и Обонежскую, к Деревской – Ржевскую и Яжелбицкую, к Бежецкой – Бежецкую и Помостье. Такая привязка имела целью показать, что пятинное деление якобы имеет глубокие корни, опираясь на древнюю "сотенную" систему[8]. Отрицая генетическую связь с древними "сотнями" пятин, фиксированных источниками только в московское время, автор настоящей статьи присоединился к Б.А. Рыбакову в локализации "провинциальных сотен", возразив только по поводу Княжой и Ржевской "сотен". Княжая явно тяготела не к Шелонской, а к Деревской пятине, в южной части которой сосредоточены княжеские домениальные земли, а Ржевская, которая, по мнению Б.А. Рыбакова, называлась так из-за ее противолежания Ржеве Володимеровой, органически идентифицировалась с южной частью Шелонской пятины, противолежащей Ржеве Пустой[9]. Следует, однако, высказать возникшие сомнения по поводу всей этой конструкции с якобы обязательными десятью провинциальными "сотнями" и по поводу самой правомерности использования термина "сотня" для обозначения провинциальных земель ("волостей") Новгорода.

Структура писцовых описаний конца XV в. представляется, на первый взгляд, не вполне логичной. В Обонежскую пятину московские писцы включили обширную территорию заонежских погостов вплоть до Белого моря, а в Водскую пятину – не менее обширные территории северной Карелии, населенные лопарями, т.е. в обоих случаях земли, очевидно не принадлежащие к метрополии Новгорода. В то же время в пятинное деление не включены Пусторжевская и Великолукская земли, принадлежность которых Новгороду вплоть до самого конца его независимости, не подлежит сомнению. Когда начался торг новгородцев с Иваном III во время последних переговоров еще независимого Новгорода с великим князем, то 1 января 1478 г. новгородцы "явили ему волостей Луки Великие да Ржеву Пустую; он же не взя того"[10]. Взял он эти волости вместе со всей Новгородской землей и, как свидетельствует "Запись о Ржевской дани" 1479 г., тут же посадил в них отдельных, административно не связанных с новгородскими наместниками воевод[11].

Учет этих обстоятельств позволяет предложить иное толкование списку новгородских земель XIII в.: ***Княжая*** – княжеские домениальные земли в южной части Деревской пятины (Молвотицы, Кунск, Морева, Стерж, Жабна, Лопастицы, Буец)[12]; ***Ржевская*** – Пусторжевская и Великолукская земли; ***Бежицкая*** – Бежицкая пятина; ***Воцкая*** – Водская пятина без ее северной части; ***Лопьская*** – лопские погосты в северной части Водской пятины; ***Обониская*** – северная часть Обонежской пятины (обонежская и заонежская ее части); ***Луская*** – Шелонская пятина (с р. Лугой в ней); ***Волховская*** – южная часть Обонежской пятины, соответствующая объему в ней земель метрополии; ***Яжелбицкая*** – Деревская пятина за вычетом княжеских домениальных земель. Если такое предположение правильно, то возможно говорить и о принципильной ориентации московского кадастра с его пятинным делением на древнее административное членение Новгородской земли XIII в. Границы между пятинами проложены московскими писцами, на что указывает давно замеченное исследователями разделение некоторых погостов "по-живому", когда они оказались разрезанными надвое границей пятин, но общий объем охваченных пятинным делением территорий абсолютно адекватен показанному в интерпо-

ляции к "Уставу о мостех" (естественно, за вычетом Пусторжевской и Великолукской земель).

Таким образом, в 60-е годы XIII в. в Новгороде признавалась определенная разница между волостями внутренней и внешней зон, находящихся под безусловным новгородским суверенитетом. В чем же эта разница состояла? Можно было бы высказать предположение о том, что особая забота о волостях внешней зоны, продемонстрированная традиционной формулой докончаний, определялась их пограничным с великокняжескими землями положением, отдаленностью от Новгорода и в силу такого положения их уязвимостью. Но подобное предположение не объясняет того обстоятельства, что земли внешнего пояса никак не участвуют в тех заботах, каким посвящена интерполяция "Устава о мостех", хотя участвующие в этих заботах лопьские погосты не менее удалены от Новгорода и весьма уязвимы со стороны их западных соседей, а деревские и великолукские земли расположены на опасном пограничье с Литвой. Если бы внешнюю зону формировали предположенные причины, объем внутренней зоны был бы менее обширным.

Можно высказать иное предположение. Не влияли ли на формирование этих двух зон способы их хозяйственной эксплуатации и, следовательно, разные способы организации на них фиска? Например, внутренняя зона представляла собой систему погостов, а внешняя эксплуатировалась взятием дани способом эпизодических военных походов. Во всяком случае проблема существует и нуждается в посильном рассмотрении. Не менее интересен вопрос о времени формирования двух зон. Мне представляется, что некоторые возможности для изучения вопроса дают материалы, касающиеся двух территорий внешней зоны – Бежецкого Верха и Заволочья.

К 1137 г. относится известный Устав новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине. Существо этого документа состоит в упорядочении отчислений от даней десятины в пользу епископа. Епископу назначено 100 гривен "новых кун", собираемых с территории Заволочья, уже охваченной к тому времени погостской системой[13]. Наличие там в древности такой системы прослеживается даже на современной карте, где наиболее значительные пункты носят наименование погостов.

Между тем установленный этим документом порядок оказался недолговечным. Как это следует из уже цитированных докончаний Новгорода с князьями, уже к 60-м годам XIII в. контроль князя над заволочскими данями не существовал. В дошедшем до нас тексте Устава 1137 г., который сохранился в Новгородской минее 80-х годов XIII в. из Синодального собрания, к нему добавлены приписки "А се Обонезьскыи рядъ" и "А се Бежичьскыи рядъ", обеспечивающие сбор церковной десятины выделением двух других податных округов. Один из них находился в Обонежье, в пределах "внутренней зоны"; его топонимы были локализованы Б.А. Рыбаковым[14]. Другой – во "внешней зоне", где были упомянутые среди топонимов "Бежицкого ряда" Бежицы и Городецк. Продолжительная действенность приписок, в отличие от самого Устава 1137 г., подтверждается, в частности, Откупной грамотой Якима Гуреева и Матвея Петрова у наместника Григория Васильевича на княжеский суд в Обонежье, выданной в 1460 г.[15] Территориальные пределы этого суда детально совпадают с границами податного округа, учрежденного "Обонежским рядом".

Вопрос о времени заключения "Обонежского" и "Бежецкого" договоров – иными словами, о времени преобразования декларированных в Уставе 1137 г. княжеских прав – достаточно сложен. Но он весьма значителен, поскольку западная граница Бежецкого податного округа практически идентична границе

между Бежецкой пятиной и Бежецким Верхом, т.е. между "внутренней" и "внешней" зонами. Не с этим ли преобразованием княжеских прав связано само формирование этих зон?

Для дальнейших наблюдений следует воспроизвести текст "Бежецкого ряда": "Въ Бежичихъ 6 гривен и 8 коунъ. Городецьке полпяты гривны. Въ Змени 5 гривен. Езьске 4 гривны и 8 кунъ. Рыбаньске гривна волжьская. Вы Изьске полъ гривны волжьская".

Названные в этом тексте пункты локализованы А.Н. Насоновым в верховьях р. Молога, которая в районе современного города Бежецка протекает через оз. Верестово. Городу Бежецку соответствует древний топоним Городецк (иначе Городец Палиц). Бежецк еще в XVII в. оставался административным центром Городецкого стана в Бежецком Верхе[16]. Остальные пункты (кроме неустановленного Изьска) располагаются ниже Городецка в такой последовательности: погост Бежицы в 10 км от Городецка, при оз. Верестово; погост Узмень (Възмень) – в 18 км ниже Городецка; с. Еськи на Мологе (Езьскъ) – в 25 км от Городецка; с. Рыбинское на Мологе (Рыбаньскъ) – в 42 км от Городецка[17].

В момент заключения "Бежецкого ряда" территория, указанная в нем, составляла единый податной округ, который, однако, распался в начале 60-х годов XIII в. Согласно "Бежецкому ряду", князь, как и в Обонежье, имел в Бежецке и Городецке право суда, но оно при князе Дмитрии Александровиче, т.е. в конце 1263 г. или в 1264 г., было прервано на три года: "А судъ, княже,отдалъ Дмитрии съ новгородци бежичяномъ и обонижаномъ на 3 лета, судье не слати"[18]. Тогда же Городецк перешел в кормление к некоему Ивану, о чем специально был информирован в докончаниях преемник Дмитрия Александровича на новгородском столе, князь Ярослав Ярославич: "а Городець, княже, далъ Дмитрии с новгородци Иванку; а того ти, княже, не отъяти"[19]; "Городьць Палиць а то есме дали Иванкови"[20]. Сколько времени Иванко был на этом кормлении, неизвестно, что, однако, и не столь существенно, поскольку Бежецкий Верх был тогда необратимо разделен на Бежецк и Городецк: во всех последующих докончаниях между Новгородом и князьями названные волости обозначены уже не как административно-территориальное единство, а как особые территориальные и податные образования: "А се волости новгородьскые: Бежиче, Городець Палиць, Мелечя, Шипино, Егна" и т.д.

Изложенное обстоятельство важно для датирования берестяной грамоты № 718, имеющей прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Этот документ был найден в 1990 г. при раскопках на Прусской улице Новгорода в слое XIII в. и содержит следующий текст: "На Городьцькемъ погород(ье): дани 30 гр(и)вьнь бежи(ц)кая, цьрныхъ кунъ 40, меду 3 берковьске, яловице 3, дару 2 гривьне; децькы(мъ) [...] (гри)вьне, полъти 2, г(ърнь)ць масла, сани, 2 попон(е), 2 меха, 2 клетища"[21].

Слово "погородье" известно из уставной смоленской записи о размерах поступления доходов, где оно означает государственный доход с городов[22]. Как это очевидно, грамота № 718 является записью сумм в деньгах и натуральном продукте (мед, яловицы, масло, сани, попоны, мешки, грубая ткань – "клетище"), следующих главному получателю дани и "детским". Коль скоро "детскими" назывались должностные лица княжеского двора, под главным получателем дани следует понимать князя, чему соответствует и упоминание предназначаемых именно князю "черных кун".

Между тем Русская Правда содержит положение, согласно которому сумма, следующая сборщикам государственных податей (в данном случае – детским), является производной от суммы, причитающейся князю: "А от 12 гривну – емцю 70 кунъ" (Краткая Правда); "А се наклады: 12 гривенъ – отроку 2 гривны

и 20 кунъ" (Пространная Правда), что отражает один и тот же процент сборщику от исходной суммы: 70 кун (при равенстве гривны 25 кунам) тождественны 2 гривнам 20 кунам[23]. В комментируемом тексте сумма, причитающаяся князю в деньгах, равна 70 гривнам (30 гривен дани и 40 гривен черных кун; дар, естественно, в общий подсчет не входит, равно как и натуральный доход). Расчет по указанной Русской Правдой пропорции устанавливает, что детским причитается 16,33 гривны; поэтому можно было бы предложить для дефектного места текста конъектуру: "децькы[*мъ полъ 17 гри*]вьне". Однако уцелевшая верхушка титла при утраченной цифре расположена в позиции, не позволяющей уместиться слову "полъ". Вероятнее конъектура "децькы[*мъ по 4 гри*]вьне", предполагающая, что в сборе податей принимали участие четверо детских, получивших, таким образом, в общей сложности 16 гривен.

До разделения волостей в 1263–1264 гг. с Бежецкого Верха ежегодно собиралась сумма в 21 гривну и 16 кун, т.е. 21,64 гривны (6 гривен 8 кун с Бежиц + + 4,5 гривны с Городецка + 5 гривен с Узмени + 4 гривны 8 кун с Езьска + 1 гривна с Рыбаньска + 0,5 гривны с Изьска). Грамота № 718 оперирует суммой в 86 гривен (70 гривен князю + 16 гривен детским). Но эта сумма практически ровно в четыре раза превышает годовую норму податей, следующих с Бежецкого Верха по "Бежецкому ряду" ($21{,}64 \times 4 = 86{,}56$). Следовательно, речь в грамоте идет о получении четырехлетней недоимки с единой территории Бежецкого Верха, а сама грамота, таким образом, не может быть датирована временем более поздним, нежели начало 60-х годов XIII в.

Между тем само наличие этой четырехлетней недоимки является еще одним датирующим элементом грамоты, резко углубляющим ее дату. В зиму 1224/25 г. новгородцы вступили в жестокий конфликт со своим князем Всеволодом Юрьевичем (внуком Всеволода Большое Гнездо) и его отцом Юрием, которые захватили Торжок. Разрыв с Всеволодом Юрьевичем привел к перемене на новгородском столе, на который был приглашен черниговский князь Михаил Всеволодович, "и бысть льгъко по волости Новугороду". Добившись возвращения захваченных в Торжке товаров, Михаил, однако, заявил новгородцам: "не хочю у васъ княжити, иду Цьрнигову; гость ко мне пускаите, а яко земля ваша, тако земля моя". Новгородцы же "много уимаша и, молячеся, и не могоша его умолити, и тако проводиша и съ цьстью"[24]. В результате новгородцы вынуждены были послать за князем в Переяславль и взять на стол Ярослава Всеволодовича, четырехлетнее правление которого вызвало в Новгороде недовольство, приведшее к тому, что в зиму 1228/29 г. князь Ярослав получил ультиматум: "забожницье отложи, судье по волости не слати; на всеи воли нашеи и на вьсехъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашь князь; или ты собе, а мы собе"[25]. Последовавший разрыв с Ярославом вернул на новгородский стол Михаила Всеволодовича, который к концу апреля 1229 г. пришел в Новгород "и целова крестъ на всеи воли новгородьстеи и на всехъ грамотахъ Ярославлихъ; и вда свободу смьрдомъ на 5 лет дании не платити, кто сбежал на чюжю землю, а сим повеле, къто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань"[26]. Очевидно, что имеется в виду льгота тем смердам, которые бежали из Новгородской земли от князя Ярослава, т.е. четыре года тому назад, и решение о сборе четырехлетней недоимки за тот же срок с податных новгородских территорий. К 1229 г., таким образом, логично относить и комментируемую берестяную грамоту, фиксирующую сбор четырехлетней недоимки с одной из таких территорий. Но, если это так, значит "Бежецкий ряд" с фиксированными в нем нормами существовал уже к 1225 г.

Имея в виду этот вывод, автор статьи решительно расходится с А.В. Кузой, предположившим, что "Бежецкий ряд" был заключен в декабре 1230 г., когда

Ярослав Всеволодович "целова святую Богородицю на всехъ грамотахъ Ярославлих и на всеи воле новгородчкои"[27]. А.В. Куза отметил, что упоминание именно об этом крестоцеловании как о первом прецеденте вошло в формуляр всех докончаний Новгорода с Ярославом Ярославичем: "На семь ти, княже, крест целовати, на цемь то целовалъ хрьстъ отець твои Ярослав"[28]. Но ведь крестоцелование 1230 г. отнюдь не было прецедентным. Выше цитировалось сообщение о таком же крестоцеловании "на всех грамотах Ярославлих и на всей воле новгородской" князя Михаила Всеволодовича в апреле 1229 г., а также сообщение о требовании новгородцами клятвы по той же формуле для Ярослава в 1228 г.

Изложенные наблюдения позволяют пока называть лишь очень широкий отрезок времени, внутри которого произошел отказ от установлений 1137 г. и был принят новый порядок, отраженный Обонежским и Бежецким договорами, а именно – после 1137 г., но раньше 1225 г.

Уместен, правда, вопрос: а не восходит ли деление территории Новгородского государства к древнейшей поре? Может быть, возникновение Обонежского и Бежецкого договоров отражает лишь частный акт изменения статуса Заволочья, на которое сначала была распространена погостская система, а затем ее сменил традиционный для внешнего пояса сбор дани вооруженными отрядами "данников"?

Существуют, однако, новые материалы, свидетельствующие о сравнительно позднем формировании Бежецкого Верха как особой податной единицы. До ее формирования той границы, которая позднее отделяла Бежецкий Верх от районов, примыкавших к нему с запада, не существовало.

К 80–90-м годам XI в. относится берестяная грамота № 789, найденная в 1997 г. на Федоровском раскопе (Торговая сторона): "Шидовицихъ на Негосеме на Рьжькове зяти гривна. Шидовицихъ у Домана у Тоудорова изгоя 10 коунъ. Городьцьске Вълъцине на Рокыши 6 коунъ въ Ламе"[29]. Здесь, в списке недоимок, фигурируют Шидовичи[30] (совр. Шитовичи) – село в Вышневолоцком районе Тверской области, в 23 км к югу от Вышнего Волочка на р. Шегра (при раскопках этого селища были, в частности, найдены две новгородские княжеские печати XII в.[31]), а также р. Волчина, берущая исток неподалеку от Вышнего Волочка, текущая на восток и впадающая в Мологу. Эти пункты расположены на территории "внутренней зоны" (будущих Деревской и Бежецкой пятин). Но в том же списке назван и Городецк в Бежецком Верху, т.е. на территории "внешней зоны". Упоминаемая в грамоте "Лама" скорее всего идентифицируется с с. Ломы у правого берега Мологи напротив впадения в нее Волчины, т.е. в том же Бежецком Верху. Заметим, что приведенный текст относится к довотчинному времени и, следовательно, содержит сведения либо о недоимках фиска, либо о ростовщических недоимках сборщиков государственных податей.

Еще более значительной в рассматриваемой связи оказывается найденная в 1999 г. в слоях рубежа XI/XII вв. Троицкого раскопа (Софийская сторона) берестяная грамота № 902: "От Домагости къ Хотеноу. Езьске роздроубили полъ пята десяте гривьнъ . Да язъ ти тоу сежоу, а Вълъчиноу си посъли моужь инъ". Должность Хотена, бывшего сборщиком государственных податей, зафиксирована двумя "цилиндрами" с его именем, найденными в том же комплексе. Такими "цилиндрами" опечатывались мешки с собранными сборщиками и их "отроками" ценностями[32]. В приведенном тексте "отрок" Хотена Домагость сообщает, что, разверстав между плательщиками в Езьске обязанность уплатить 45 гривен, он застрял там (для сбора разверстанного). Поэтому на Волчину надо послать другого сборщика. Снова в одном податном округе фигурируют территории и "внешней" (Езьск в Бежецком Верху), и "внутренней" (Волчина) зон.

Таким образом, на рубеже XI–XII вв. мы наблюдаем отсутствие границы между этими зонами, а в 1137 г. наличие подконтрольной князю погостской системы в Заволочье, где позднее существовал совершенно иной порядок сбора доходов в новгородскую казну. Между тем имеется еще один хорошо датированный текст, отразивший этот новый для Заволочья порядок.

Имеется в виду берестяная грамота № 724, найденная в 1990 г. при раскопках на Прусской улице и относящаяся к 1161–1167 гг, предпочтительно – к зимним месяцам 1166/67 г. Поскольку она неоднократно публиковалась в оригинале[33], здесь она приведена в переводе А.А. Зализняка: «От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: "Не давайте Савве ни единого песца с них собрать. [Я] сам за это отвечаю". А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и [его] люди отняли дань. А восемь [человек], что под началом Тудора, вырвались. Отнеситесь же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его».

Если данник Савва в других источниках не известен, то имена двух персонажей этого письма легко отыскиваются в летописи: Захария, бывший посадником с 1161 г. и убитый во время направленного против него восстания в 1167 г., и Андрей – суздальский князь Андрей Боголюбский, чьи люди забрали причитающуюся Новгороду дань. Лаврентьевская летопись сообщает, что за Волок зимой 1166/67 г. ходил сын Андрея Боголюбского, Мстислав[34]. Следует обратить внимание на то, что отраженные грамотой № 724 события послужили возможным прологом к знаменитой битве новгородцев с суздальцами, вызванной, как известно непрекращающимися столкновениями из-за даней за Волоком.

Описанная в письме Саввы ситуация типична для середины XII – начала XIII вв., когда северные дани были предметом острого спора между Новгородом и Суздалем. В 1149 г. новгородские данники отправились в поход "в мале"; узнав об их малочисленности, Юрий Долгорукий отправил против них князя Берладского с воинами[35]. В 1169 г., когда Даньслав Лазутинич с новгородской дружиной пошел за Волок собирать дани, "присла Андреи пълкъ свои на нь, и бишася с ними, и беше новгородьць 400, а суждальць 7000; и пособи Богъ новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а новгородьць 15 муж; и отступиша новгородьци, и опять воротивъшеся, възяшя всю дань, а на суждальскыхъ смьрдехъ другую"[36]. В 1219 г. "поиде тоя зимы Сьмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стехъ на Тоимокары, и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярослав сквозе свою землю"[37]. Грамота № 724 повествует о сходном конфликте.

Не возникновение ли в Заволочье этой перманентно опасной для нормального функционирования фискальной системы обстановки побудило ликвидировать там погостскую систему и перейти к использованию для сбора дани вооруженных дружин?

Между прочим грамота № 724 имеет текст и на обороте, который начинается словами: "А сельчанам своим князь сам [по внешнюю сторону] от Волока и от Мсты участки дал" и, следовательно, свидетельствует о некоторых мероприятиях по реорганизации системы эксплуатации окраинных территорий Новгородской земли при князе Святославе Ростиславиче (1158–1160, 1161–1167 гг.). Коль скоро грамота № 724 отражает существование нового порядка, отличного от декларированного в уставе 1137 г., возможно предположить, что реорганизация административной системы Новгорода, принявшей тот вид, который фиксирован документами XIII в., совершилась в хронологических рамках середины XII в.

[1] *Янин В.Л.* Из истории новгородско-московских отношений в XV в. // Отечеств. история. 1995. № 3. С. 150–157.
[2] *Янин В.Л.* Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50-х – 70-х гг. XV в. // ИЗ. М., 1982. Т. 108. С. 189–214.
[3] ГВНП. М.; Л., 1949. № 83–87. С. 141–144.
[4] ГВНП. № 1 (1264 г.) С. 9; № 2 (1264 г.) С. 11; № 3 (1268 г.) С. 12; № 6 (1305–1307 гг.) С. 15; № 7 (1305–1307 гг.) С. 17; № 9 (1307 г.) С. 20; № 10 (1307 г.) С. 22; № 14 (1327 г.) С. 27; № 15 (1371 г.) С. 29; № 19 (1424 г.) С. 35; № 22 (1456 г.) С. 40; № 26 (1471 г.) С. 47. Обоснование датировок, в ряде случаев отличных от указанных в этой публикации, см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронол. комментарий. М., 1991.
[5] Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 233–248.
[6] *Рыбаков Б.А.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке // ИЗ. М., 1938. Т. 2. С. 144.
[7] *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 109; Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 246.
[8] *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 132–152.
[9] *Янин В.Л.* Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. М., 1987. С. 119–134.
[10] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 188.
[11] АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 71. О дате документа см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 200–202.
[12] Подробнее см.: *Янин В.Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
[13] *Тихомиров М.Н., Щепкина М.В.* Два памятника новгородской письменности // Памятники культуры. М., 1952. С. 18–24 (Тр. ГИМ. Вып. VIII).
[14] *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 141–142.
[15] ГВНП. № 93. С. 149. Обоснование даты см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 184.
[16] *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 372–373.
[17] *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 91.
[18] ГВНП. № 2. С. 11.
[19] Там же. № 1. С. 9.
[20] Там же. № 2. С. 11.
[21] *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // Вопр. языкознания. 1994. № 3. С. 6.
[22] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 146.
[23] *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 144.
[24] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 64, 268–269.
[25] Там же. С. 67, 273.
[26] Там же. С. 68, 274.
[27] Там же. С. 70, 278.
[28] *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 160–161.
[29] *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопр. языкознания. 1998. № 3. С. 35.
[30] НПК. СПб, 1859. Т. 1. Стб. 845–846.
[31] *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси. М., 1998. Т. 3. С. 131–132, № 145–9, 150–12; *Олейников О.М.* Археологические экспедиции Тверского государственного объединенного музея в 1989 г. // Обзор памятников истории и культуры Тверской области. Информ. письмо. Тверь, 1990. С. 90.
[32] См.: *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде... С. 138–155.
[33] *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. С. 9–11; *Янин В.Л.* Новгородские берестяные грамоты Михаило-архангельского раскопа: 1990 г. // Археологические вести. СПб., 1993. № 2. С. 114–121; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 295–300; *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998. С. 397–402.
[34] ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 353.
[35] НПЛ. С. 28, 215.
[36] Там же. С. 33, 221.
[37] Там же. С. 59, 260.

А.Н. Кирпичников

О ЛЕТОПИСНОМ ТЕРМИНЕ "КЛИН"

Обозначение отряда, построенного в боевой порядок, в русских средневековых источниках большая редкость. Лишь в Новгородской I летописи и Лаврентьевской летописи (по Академическому списку) в трех случаях и только при описании военных действий встречается термин "клин", который, по моему мнению, можно идентифицировать как построение воинского подразделения в виде треугольника, иначе, клина[1]. Приведу интересующие летописные сообщения.

В 1132 (под 6639) г. "иде Всеволод на чюдь; и створися пакость велика: много добрых мужь избиша в клине новьгородьць"[2]. В 1200/01 (под 6708) г. во время нападения литовцев на район р. Ловати "и нагнашеся новгородци по нихъ... и бишася с ними и убиша у них (литовцев) мужь в клине 80, а новгородець 15"[3]. Наконец, во время набега литовцев в 1234/35 (под 6742) г. на Русу рушане вытеснили неприятеля из посада "бьющеся в поле... и (литовцы) отступиша на клин"[4]. Военную операцию успешно завершили конные новгородцы, пришедшие на помощь рушанам и одолевшие нападавших.

В изложенных эпизодах речь, по-видимому, идет о клиновидно построенных конных отрядах новгородцев и их противниках, при этом (что подкрепило мое мнение), сообщается о потерях в боевых порядках во время схватки и отступлении литовцев, сумевших сохранить воинский строй (ибо последовало их преследование). Здесь вновь хотелось бы вернуться к комментированию летописного "клина", вызывающего разноречивые толкования.

Против предложенного мной понимания термина "клин" решительно высказался В.Л. Янин, настаивающий на том, что все три случая летописного упоминания "клина" не связаны с военной лексикой, а "имеют в виду одну и ту же местность (или один и тот же пункт)"[5]. Для обоснования своей позиции исследователь стремится отыскать Клин в районе р. Ловать, где действительно, судя по летописным сообщениям 6708 и 6742 гг., происходили русско-литовские столкновения. В этот ряд не укладывается упомянутое выше известие под 6639 г., повествующее о походе князя Всеволода Мстиславича на чюдь. По этому поводу В.Л. Янин справедливо пишет, что это сообщение "способно породить закономерное сомнение: р. Ловать протекает вдали от любых мыслимых маршрутов движения на Чудские земли"[6]. Сравнивая показания Новгородской I и Ипатьевской летописей, касающиеся данного эпизода, исследователь считает, что в связи с разными системами летосчисления, тексты источников синхронны, и речь на самом деле идет о походе не на чюдь, а на Литву. Следовательно, Клин сообщения 6639 г. также мог быть в районе Ловати. С таким утверждением вряд ли можно согласиться. В упомянутых источниках совершенно отчетливо рассказывается о разных по информации, не совпадающих по обстоятельствам и маршрутам, но близких по времени, походах великого князя Мстислава с киевлянами на Литву и князя Всеволода Мстиславича с новгородцами на чюдь. Таким образом, Клин из летописной статьи 6639 г. не может быть помещен на литовском направлении, а его "приловатское" местоположение судя по всему, не подтверждается.

Итак, убедительно определив местоположение населенных пунктов, упомянутых при набеге литовцев в 1200/01 г., В.Л. Янин рассматривает названный в данном эпизоде Клин, как место встречного боя враждующих ратей и помещает его примерно в районе среднего течения р. Ловать, на территории, которая, по его мнению, уточняется обстоятельствами следующего военного эпизода.

Переходя к заключительному летописному сюжету с упоминанием рассматриваемого термина, В.Л. Янин пишет, что литовцы, после неудачи под Русой, отступили "на Клин", находящийся в зоне селения Муравейка на Ловати в 12 км ниже г. Холм. Здесь следует заметить следующее. Если Клин в намеченной местности существовал, то был бы достаточно приметным ориентиром и, возможно, даже "городком", что, однако, неизвестно.

Слово "клин" зачастую обозначает термин землеведческий, им называли участок земли, надел, полосу. Возникшие в таких местах поселения наследовали это наименование, но, в силу его определенной обезличенности, требовали пояснения. Перечень таких наименований с дополнениями приводит и В.Л. Янин, обнаруживший их концентрацию именно в том месте, где, по его мнению, располагался летописный Клин. Таковы деревни Княжий Клин, Передние Клины, Задние Клины, Малый и Большой Клины. Когда они возникли, еще предстоит установить. Обращает внимание, что во всех рассматриваемых летописных примерах "Клин" никак не пояснен, что было бы обычным, если разумелось поселенческое образование.

Относительно формулировки "на Клин", В.Л. Янин пишет, что «предлог "на" в любом древнерусском тексте при всех нюансах его употребления обозначает направление действия. "Отступать в направлении клина" (!) – такая конструкция возможна лишь тогда, когда под Клином подразумевается населенный пункт или местность с подобным названием»[8]. Наш оппонент проявил здесь излишнюю категоричность. Предлог "на" мог употребляться и при указании, характеризующем вид, форму предмета или фигуры[9]. Таким образом, в данном случае отступление "на Клин" может подразумевать и населенный пункт или местность, и отряд, передвигающийся клином (или в виде клина). Чаша весов в пользу заключения В.Л. Янина перевесит тогда, когда Клин, если он реально существовал, будет обнаружен археологически.

По суждению В.Л. Янина, «отряд, построенный в боевой порядок треугольной формы имел в русских средневековых источниках наименование "свинья"»[10]. Между тем, это слово применялось только в отношении особого немецкого построения в виде глубокой колонны с треугольным увенчанием, что отмечено при описании битв на льду Чудского озера в 1242 г. и при Раковоре в 1268 г. (Этот русский термин был образным переводом немецкого Schweinskopf.)[11] Подобное построение войска, включавшее рыцарей в головной части строя и кнехтов в тыловой, на Руси, сколько известно, не использовалось. Напротив, иные по устройству и социальной системе подвижные клиновидные отряды были известны на Руси с XI в. и, естественно, получили свое наименование "клин". В армиях других европейских стран, в том числе и Литве, им соответствовали сходные подразделения, называвшиеся cuneus, acies, т.е. клин.

[1] *Кирпичников А.Н.* Древнерусский воинский отряд "клин" // Arme et Ollae. Łódź, 1992. P. 97–100; *Он же.* Ледовое побоище 1242 года и его тактические особенности // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 113–115.

[2] НПЛ. М.; Л. 1950. С. 22.

[3] Там же. С. 239.

[4] Там же. С. 283.

[5] *Янин В.Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1988. С. 72.

[6] Там же. С. 72.

[7] Там же. С. 76; ср.: Спасов Клин (Там же. С. 78).

[8] Там же. С. 77.

[9] Сл РЯ. XI–XVII вв. М., 1983. Вып. 10. С. 13.

[10] *Янин В.Л.* Новгород и Литва. С. 77.

[11] *Кирпичников А.Н.* Ледовое побоище 1242 г. ... С. 111. После написания статьи автор познакомился с работой Е.Л. Назаровой о термине "клин" в Новгородской первой летописи (ДГ, 1998 г. М., 2001. С. 207–212). Согласен с мнением Назаровой о том, что все три упоминания слова "клин" в летописи связаны с тремя различными военными эпизодами. Вместе с тем, думаю, что ее определение слова "клин" в сообщении под 6639 г., как названия области Вайга, дискуссионно. Если бы упомянутый термин обозначал в летописном контексте понятную современнику конкретную эстонскую местность, то он не был бы представлен столь обезличенным. Летописное употребление слова "клин", как обязательного географического понятия, вызывает сомнение. Скорее, речь идет о принятом в средневековой практике военном термине, который не требовал в описаниях пояснения, обозначающего ту или иную территорию или населенный пункт.

Л.И. Ивина

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ В КНЯЖЕСТВАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ И РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ (конец XIV – первая половина XVI века)

Социальный строй княжеств Северо-Восточной Руси в конце XIV – начале XVI в. имел в своем составе своих государей (князей), опиравшихся на силы, поддерживавшие их. Термин "князь" был титулом и должностью, означал владетеля самостоятельного или полусамостоятельного княжества. В XIII–XV вв. немаловажное значение имели отношения русских княжеств с Ордой. Власть Орды над русским "улусом" делала положение русских князей близким к вассальному, они именовались "служебниками" монгольских ханов[1]. Княжества, признаваемые Ордой, возглавлялись князьями, получившими титул "великого князя". Этот титул характерен в XIV в. для грамот Новгородской и Псковской республик, Тверского, Московского, Ярославского, Рязанского княжеств[2]. Княжеская власть, ее формы и характер наиболее полно изучены для Московского княжества. Эти же вопросы в отношении Тверского княжества решаются благодаря памятникам тверской публицистики XIV–XV вв. Тверские книжники указанного времени интересовались проблемами отношения власти Орды ко всем русским князьям, но особенно к власти тверского великого князя и его взаимоотношениями со своими князьями, церковью, боярами и зависимым населением. Нормы русского княжого права тверские книжники соотносили с реальностями времени и с утратой тверскими князьями главенствующей роли в борьбе с московскими князьями[3].

Политическая система Московского великого княжения с системой уделов князей Московского дома (потомки Ивана Калиты) была связана договорными отношениями с другими северорусскими княжествами и республиками: Тверью, Рязанью, Новгородом и Псковом. Московский великий князь выступал то как государь-суверен с максимальным объемом политических прав, то как глава Московского дома, то как "старший брат" другого великого князя, то как "брат", сторона равноправная со своим контрагентом[4].

Каждое из великих княжеств имело свою систему уделов, определявшихся духовной грамотой великого князя. Удельный князь, являясь господином своего удела, опирался на своих бояр и вольных слуг, находившихся от него в вассальной зависимости. Внутри каждого великого князя продолжала сохраняться иерархия личной зависимости, господства и подчинения, определявшаяся формулами родства ("брат старейший" – "брат молодший", просто "братья" и "братья меньшие", "дети меньшие" и "меньшая братия"). Эти отношения регулировались докончаниями не только внутри великого княжества, но и между великими княжествами, определяя степень их суверенитета.

Наиболее полно по сохранившимся источникам во второй половине XIV – первой половине XVI в. представляется социальная структура Великого княжества Московского. По другим княжествам материалы единичны или вовсе отсутствуют. Однако и эти немногие данные подтверждают сходную картину. Возглавлял социальную структуру великий князь – вершина всей феодальной иерархии. Далее следовали его ближайшие родичи – удельные князья, принимавшие определенное участие в управлении княжеством, а за ними –

служилые князья, представлявшие часто иную ветвь Рюриковичей, сохранявшие остатки суверенных прав. Следующая, более многочисленная группа – княжеско-боярская знать, составлявшая высший слой великокняжеского (государева) двора: князья, попавшие на московскую службу с XIV в., и бояре, издавна связанные с Москвой.

В состав великокняжеского (государева) двора входила и рядовая масса служилых людей (дети боярские). Дети боярские служили "с города" – центра земли (уезда), где располагались их владения. Дьяки, являясь прослойкой администраторов, получив вотчины и поместья, вливались в состав дворовых детей боярских. Существенное место в социальной структуре занимала церковь, особенно высшее духовенство – митрополит и епископат, близкие к великому князю и представителям светской аристократии. Важную роль играли архимандриты и игумены некоторых монастырей, особенно крупных, имевших тесную связь с великокняжеской властью, с удельными князьями и боярской средой.

К 80-м годам XIV в. (времени второй духовной Дмитрия Донского)[5] Северо-Восточная Русь, разделенная на несколько княжеств, переживала важный этап в объединительном процессе. Утвердилось политическое главенство Великого Московского княжества, которое слилось с территорией Владимирского великого княжения. Владимирский стол был признан наследственным владением московских князей, которые одновременно занимали и княжеский стол в Великом Новгороде. Произошло фактическое превращение главы Московского дома в великого князя Московско-Владимирской земли. Судьба княжения в духовной Дмитрия Донского уже не передавалась на усмотрение ордынского царя. Структура Московско-Владимирского великого княжества определялась союзом московских князей во главе со старшим.

Московские князья понимали, что устоять и победить многочисленных противников можно было только сообща со своими родичами – братьями, среди которых великий князь – "старейший" брат, остальные – "молодшие". Права и обязанности "молодших" братьев освещались "стариной" и закреплялись в докончаниях с великим князем, от которого зависела прочность позиции удельного князя в его уделе. Важную роль в судьбе удельного князя играл его двор, состоявший из членов боярских родов, служивших, соблюдая старшинство; старшие члены боярских семей служили великому князю, более младшие – удельным князьям с учетом их старшинства[6].

* * *

Наиболее ранняя разновидность княжеских актов Московского княжества (известны с XIV в.), касающихся внутреннего управления и социальных отношений, представлена духовными и договорными грамотами. Междукняжеские договорные грамоты известны с 50-х годов XIV в. (до конца XVI в. их не более 10 грамот). Духовные грамоты великих и удельных князей Северо-Восточной Руси (XIV–XVI вв.) представлены только грамотами князей Московского дома. Духовные князей других северорусских княжеств неизвестны. Возможно предположить, что они были уничтожены при сосредоточении документов в Московском великокняжеском архиве по мере присоединения княжеств к Москве. Договорные и духовные грамоты представляли собой сделочную форму актов, в основе которых лежало договорное начало, "ряд"[7]. Вместе с тем, в формуляр этих внутриполитических актов, пронизанных договорным сознанием, уже проникает религиозное сознание в виде упоминаний главы церкви, выражавшихся в "явлении" духовных митрополиту, его благословении и привешивании печати[8]. Создается правовая основа для взаимоотношений церкви и великокняжеской власти.

Княжеский титул в конце XIV – начале XV в. был высшим на иерархической лестнице. Он состоял из наименования носителя титула и перечисления подвластных ему земель. В договорах средневековой Руси качественное отличие института княжеской власти подчеркивалось только тем, что для имени князя отводилось первое место. Выше этого титула был только титул "великого князя". В 30-е годы XV в. наряду с этим титулом появился новый термин "осподарь", который использовался в титулатуре рязанских и пронских князей под влиянием литовско-польской документации. В 50-е годы XV в. он начал вытесняться модификацией в виде "господарь", с 70-х годов XV в. – "государь". Договорные (докончальные) грамоты формулировались от лица великого князя и в сочетании с именами удельных князей, которые характеризовались именем с княжеским титулом[9]. Определение "удельный князь" в изучаемый период – термин историографический.

Процесс присоединения к Москве княжеств и создание единого Русского государства отражался в титулатуре великого князя. Титул великого князя "всея Руси" возник в отношениях с Новгородом в XIV в. и только там употреблялся долгое время[10]. В 1425 г. титул великого князя состоял из компонентов: "князь великии Владимерьскыи, Новугороду Великому и всеа Руси". В докончании 1449 г. с Казимиром IV в титул великого князя включаются названия новых земель: "московьскии, и новгородскии, и ростовъскии, и пермъскии, и иных". После падения ордынского ига (1480) из титула исчезает упоминание Владимирского княжества, а накануне присоединения Тверского великого княжества (1486) под влиянием титула митрополитов московский великий князь начинает именоваться "великим князем всея Руси". Употребление этого титула санкционировало создание единого Русского государства. В процессе объединения Руси вся верховная власть сосредоточилась в руках московского государя, он становился единственным "христианским князем". В титул Василия III была включена формула "един правый государь всеа Русии". (Грамоты 1515 г., посланные на Афон.)[11] В это время в памятниках общественно-политической мысли (особенно Иосифа Волоцкого и Максима Грека) обосновывается (не без рецепции политико-правовой теории дьяка Агапита, жившего в Византии в VI в.) принцип богоустановленности власти, ее преемственности и наследственности[12].

Со времен Дмитрия Донского великие князья воспринимали великое княжение как свою вотчину (отчину), родовую собственность великокняжеской семьи, территорию государства. Передавая ее по наследству отцовским "благословением", они тем самым передавали государственную власть над всем великим княжением. Политическая власть таким образом связывалась с семейной традицией. Специфика великокняжеской семейной собственности, являвшейся коллективной собственностью, находившейся во владении у членов великокняжеской семьи, порождала уделы и удельных князей. Пока она существовала, существовали и уделы. Для верховной власти удел – часть семейного достояния, передававшегося по наследству (путем благословения) самым близким родственникам (дети, жена великого князя).

Владение, передававшееся на основе пожалования, уже не было уделом (благословением), а являлось пожалованной вотчиной, на которую распространялось верховное право распоряжения собственностью как великокняжеской семьи, так и великого князя. Подобные удельно-вотчинные отношения в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. отражаются в духовных грамотах великих князей как система разделенной семейной собственности с правом верховной власти в распоряжении всей территорией государства[13].

Политическое главенство, таким образом, принадлежало не только великому князю, но и его роду (семье). Удельный князь, являясь главой власти в своем уделе, был обязан, как член княжеской семьи, подчиняться семейной традиции. Важной традицией было осуществление каждым удельным князем до конца XV в. части политической власти, которой обладала княжеская семья. Эта власть проявлялась в совместном управлении Москвой и в получении соответствующей части доходов с ее населения[14]. Удельными правами обладали жены великих князей. Объем прав и назначаемые уделы определялись вдовствующим великим княгиням в духовных грамотах. В своем уделе великая княгиня пожизненно имела полное право управления, суда и дани. После смерти великой княгини удел возвращался в великое княжение.

Раздел территории Московского княжества на уделы начинает практиковаться с Ивана Калиты и обозначается термином "розделъ". Термин "удел" в междукняжеских договорных грамотах появляется с середины XIV в. В духовных московских князей ранее употребление слова "удел" встречается во второй духовной Дмитрия Донского (1389)[15].

Важным моментом в деле усиления публичноправового значения духовных грамот великих князей как актов было привлечение митрополита – главы церкви. Впервые в первой духовной Дмитрия Донского отмечено, что князь "явил" духовную митрополиту, а тот привесил к ней свою печать. В договорных грамотах Дмитрия Донского появляется ссылка на благословение митрополита, что позволило московским князьям освободиться от обязательного привлечения свидетелей. В духовных грамотах благословение митрополита начинает помещаться со второй духовной Василия I Дмитриевича[16]. Привлечение митрополита к скреплению духовных и договорных грамот великих князей расширяло правовую сферу церкви в Московско-Владимирском великом княжении.

Основы духовной грамоты после смерти великого князя подтверждались и дополнялись докончаниями (договорами) его сыновей, которые определяли политический статус княжения. Основное положение докончания – признание великого князя "братом старейшим". Обычно новый великий князь начинал свою деятельность с переоформления на свое имя договоров с великими князьями других княжеств Русской земли, а также с удельными князьями Московского великого княжения. Докончания великих князей заключались не только в момент вступления на княжение, но и в связи с важными внутри и внешнеполитическими событиями. Все удельные князья Московского дома, как правило, были связаны договорными отношениями с великим князем, который, в отличие от удельных князей, имел права ведения самостоятельной внешней политики.

В договорных грамотах формулировались принципы отношений между князьями Московского дома, их права и обязанности, которые строились на основе феодальной иерархии – "старшинства" великого князя по отношению к "братье молодшей" (удельным князьям) и союза ("быти ны заодин до живота"). Единство князей должно было проявляться в области внешней политики, в совместном заключении союзов ("А кто будет брату нашему старейшему недруг, то и нам недруг, а кто... друг, то и нам друг..."), в военном деле ("А где ми будет всести на конь, всести вы со мною, а где ми будет самому не всести, а будет ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья").

Статьи договорных грамот отражают и принципы удельной системы: подтверждаются разделы земель между князьями и право их наследственного владения. Самостоятельность князей в области управления, "вольность" боярской службы и право боярского отъезда, а также запрет князьям, их боярам и слугам покупать в чужих уделах земли. В договорах конца правления Дмитрия Донского

дополнительное внимание уделялось боярской службе (применение третейского суда в разборе претензий, обязанности кормленщиков перед отъездом от своих князей отслужить сроки, необходимость участия бояр в походах вместе с князьями)[17]. Договорные грамоты, таким образом, гарантировали юридические права удельного князя, его бояр и слуг. Бояре и слуги были связаны со своим князем прежде всего службой, а не местожительством. Они имели право покинуть своего князя и перейти на службу к другому. Все это создавало не подданство по земле, а вассалитет по службе[18]. Договорные грамоты, по существу, оформляли удельную систему, несмотря на постепенное изменение их формуляра в течение XV – первой трети XVI вв., приводившего к ущемлению этой системы. Как и в других актах правительства, в них проявлялась законодательная инициатива[19].

* * *

Власть князя и его успехи в борьбе за нее, сила княжества зависели в XIV – первой половине XVI в., как и в предшествующее время, от непосредственного окружения князя. Оно составляло княжеский двор, представлявший собой социальную элиту, близкую к князю, без которой княжеская власть теряла опору[20]. Предыстория княжеского двора связана со старшей и младшей дружиной князя. "Княжеские мужи" – старшие дружинники (с течением времени стали называться боярами) выступали в роли советников князя, организаторов его военных сил, помощников в управлении княжеством. Непосредственными слугами и телохранителями князя были члены младшей дружины княжеского двора (древние понятия "отроков", "детских" сменили с 30-х годов XV в. на "дети боярские" – представители тех же боярских родов или их боковых ветвей, а также выходцы из других княжеств и из-за рубежа, представители других социальных слоев, связавших свою службу со службой князю).

Княжеский двор постепенно становится основной социальной и военной силой, на которую опиралась власть князя. Анализ летописных свидетельств позволил В.Д. Назарову проследить для XII–XIV вв. распространение института двора владимиро-суздальских, торопецких, рязанских, брянских (из черниговских Рюриковичей) князей. Указания на термин "двор" в источниках Северо-Восточной Руси до XV в. единичны. По наблюдениям В.Д. Назарова, двор структурно был неоднороден и включал в себя бояр, составлявших высшую часть княжеского двора, и дворян – низшую. Часть "дворян" не позднее 80-х годов XIII в. превратилась в "слуг вольных". Во второй половине XIII – до 70-х годов XV в. термин "дворянин" встречался в новгородских и псковских источниках применительно к княжеским судебно-административным агентам[21]. Дворяне как судебные агенты упоминаются в формуле жалованных грамот Северо-Восточной Руси XV в. ("ни наместници... и волостели... и их тиуны... дворян своих не высылают...")[22]. К 30-м годам XVI в. этот термин приобретает новое значение. Дворянами стали называться люди, входившие в состав двора князя. Летом 1532 г. Василий III послал на украины "княжат и дворян двора своего и детей боярских из многих городов безчислено много"[23]. В сообщении летописи 1534 г. не делается различия между детьми боярскими и дворянами: "дети боярские великого князя дворяне"[24].

Состав двора складывается постепенно. Если в конце XIII в. о поездке или походе князя говорится, что "князь... поиде и с двором своим", то в XV в. упоминания о дворе учащаются, содержат некоторые данные о его составе. Двор Василия II был послан в Кострому – "двор свои, многие люди" (1433). Под 1436 г. упоминается двор князя Дмитрия Шемяки. Под 1445 г. отмечается встреча

Василия II в Переславле, где кроме его матери, бабки и сыновей были "вси князи, и боаря его, и дети боарьские, и множество двора его от всех "градов". В 1449 г. с Шемякой бились воеводы Василия II, "а с ними многие дети боарьские, двор великого князя". В 1468 г. Иван III послал на Черемису "многих детеи боарьских, дворъ свои"[25]. Участие двора в походах упоминается и далее, включая XVI в. Это была наиболее боеспособная и преданная интересам княжеской власти сила. В исторической литературе великокняжеский (государев) двор XIV – первой половины XVI вв. рассматривается как военно-административная корпорация, в которую входили князья, бояре, дети боярские (по Москве) и наиболее выдающиеся служилые люди по городам. Двор сосредоточивал в себе правящую элиту, на которую опирался московский великий князь, борясь за единое государство[26].

Обобщающие данные о термине "бояре", извлеченные из источников и литературы, находим в трудах А.А. Зимина. Историк полагал, что наиболее реально это определение сформулировано В.Д. Назаровым: к боярам относились лица, имевшие право боярского суда и выполнявшие "иные боярские службы". Термин "боярин" имел и расширительное значение. В переводной литературе XI–начала XIII в. термин "боляре" в значении "сановники", "вельможи" применялся к неслужилой знати[27]. В XIV–XVI вв. термином "боярин" обозначали светских землевладельцев. В летописях и публицистических памятниках этот термин часто употреблялся для обозначения лиц, приближенных к великому князю. Так, в 1366 г., когда великий князь Дмитрий Иванович решил после пожара "ставити городъ каменъ Москву", он советовался "и съ всеми бояры стареишими", чтобы получить от них, как полагает В.А. Кучкин, финансовую поддержку. В начале XV в. некоторые ворота в стенах Кремля и башни были названы именами бояр (боярина Даниила Чешко, Ф.А. Свибло, Ф.Е. Беклемиша)[28].

С начала 30-х годов XV в. в междукняжеских докончаниях и жалованных грамотах, кроме термина "боярин" в узком значении – высокопоставленный служилый человек, получивший чин боярина ("боярин большой"), появляются сведения о "боярах введенных", которым, как полагал А.А. Зимин, доверено исполнение какого-либо поручения или должности (наместника, судьи и др.)[29]. Представляется, что понимание термина "боярин введенный", предложенное А.А. Зиминым, во многом совпадает с мнением В.Б. Кобрина: термин этот подразумевает не должность и не звание, а скорее определение функций, исполняемых служилым человеком. "Бояре введенные" вводятся на время разбора определенного судебного дела, боярский чин для них обязателен (в жалованных грамотах – "сужу яз сам, князь великий или мои боярин введеныи") – это кормленщики с судом боярским. (В.Б. Кобрину для второй половины XV в. удалось описать фигуры семи введенных бояр[30].) Введенные бояре составляли верхушку как великокняжеского, так и удельнокняжеских дворов.

В междукняжеских докончаниях с конца XIV и весь XV в. встречаются термины "путные бояре" и "путники". Служилые люди, обозначаемые этими терминами, ведали отдельными отраслями дворцового управления. Чаще всего они упоминаются в формулах: "А коли мы взяти дань на своих боярех на больших и на путных...", "А коли нам взяти на своих боярех на путных...", "...опроче бояр въведенных и путников". Причем, "путные бояре" в противоположность "боярам большим", теряя свое боярство, превращаются в "путников"[31].

Роль бояр, с которыми великий князь имел тесную связь в течение своей жизни, их права и привилегии отражены в литературно-публицистическом произведении "Слово о Дмитрии Донском". С.Б. Веселовский и Л.В. Черепнин счи-

тали, что этот памятник появился вскоре после смерти московского великого князя Дмитрия Ивановича, поэтому все сказанное о боярстве относится к 80-м годам XIV в. В источниковедческих исследованиях 70-х годов XX в. возникновение "Слова" приурочивается к концу 40-х годов XV в. М.А. Салмина связывает составителя "Слова" со средой, близкой к Василию II, а А.А. Зимин – со сторонниками Дмитрия Шемяки. Поэтому слова о боярстве, вложенные в уста Дмитрия Донского, по мнению А.А. Зимина, характеризуют больше положение боярства во второй четверти XV в., чем при Дмитрии Донском[32]. По "Слову", бояре занимали ведущее положение при князе, пользуясь его авторитетом и доверием, являясь советниками князя и управителями городов и волостей ("бояре свои любите и честь им достоину воздаите противу служениа их, без воля их ничто же створите", "вам честь и любовь даровах, под вами городы держах и власти великиа", "вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моеи"). Отмечался наследственный характер боярских привилегий ("и чада ваши любих"), а их права, при условии верности князю, выражались в личной неприкосновенности и охране их собственности ("никому же зла створих, ни силою что отъях, ни досадих, ни укорих, ни разграбих, ни избесчествовах"). Со своей стороны бояре обязаны великому князю и его детям службою и верностью ("должни есмя, тебе служа и детем твоим, главы своя положити")[33].

Термин "окольничий" – второй после боярина думный чин – постоянно начинает употребляться в конце XV в. В разрядах во время похода Ивана III в Новгород (1475) названо два окольничих, в походе 1495 г. – три окольничих. Они принадлежали к ближайшему окружению великого князя и участвовали в судопроизводстве[34]. Более ранние упоминания термина "окольничий" встречаются эпизодически в смоленских и рязанских источниках. В грамотах Северо-Восточной Руси окольничий впервые упоминается в середине XIV в. (докончание великого князя Семена Ивановича). Среди послухов первой духовной Дмитрия Донского (ок. 1373 г.) также упоминается окольничий Тимофей (из рода московских тысяцких Протасьевичей). Всего в правление Ивана III упомянуто около 20 окольничих[35].

Большое распространение в источниках XIV–XV вв. имеет термин "слуги вольные", по-видимому, это зависимые землевладельцы, не имевшие боярского чина, получившие дворцовую землю от князя в личное или наследственное владение при условии службы этому князю. В конце XIV и на протяжении всего XV в., вплоть до 1531 г., встречается и термин "слуги", особенно в таких устойчивых формулах: "А бояром и слугам вольным воля" или "А бояром и слугам межи нас вольным воля". С 30-х годов XV в. начинает употребляться термин "дети боярские": "А бояром и детем боярским межи нас вольным воля", "А бояром и детем боярским, и слугам межи нас вольным воля". Только в одной докончальной грамоте начала 70-х годов XV в. все названные термины заменены одним – "люди": "А людем нашим меж нас вольным воля"[36].

Все эти категории правящей элиты объединялись обязанностью служить своему князю, получая право на кормления и приобретение земельных владений. Их честь и достоинство защищал повышенный, по сравнению с другими категориями свободных людей, штраф, а комплекс прав-привилегий отражен в законодательных памятниках и в практике повседневной жизни, опиравшейся на "старину".

Наиболее существенный вклад в изучение истории боярства сделал С.Б. Веселовский. Его изыскания показали, что дошедшие до нас источники позволяют изучать историю боярства и служилого класса только с XIV в. За предшествующее время сохранились случайные показания летописей и недостоверные родо-

словные легенды. С начала XIV в. источников становится больше, а с конца XV в. появляются разрядные книги. Вместе с тем все эти источники отражают только историю московского боярства, которое служило великим и удельным князьям Московского дома. Сведения о тверских и рязанских боярских родах наиболее полно представлены только после их перехода на службу в Москву. Нет данных о боярских родах других княжений для XIV–XV вв. Сохранились только единичные упоминания о боярах еще не присоединенных к Москве княжеств[37]. За XIV–первую половину XV в. С.Б. Веселовский насчитывает более 20 боярских родов, служба которых отражена в источниках. Среди представителей этих родов он выделяет три слоя. Древнейшие московские боярские роды. Размножившись, эти роды в конце XV в. разветвились на особые фамилии. Их представители образовали второй слой, из которого выходили полковые воеводы и головы, писцы, дипломатические представители. Третий слой составляла многочисленная масса городовых служилых людей[38]. Исследования С.Б. Веселовского показали, что уже в XIV в. бояре и слуги вольные служили своим князьям наследственно, их отъезды от князя были редкими[39]. В конце 20-х – 30-е годы XIV в. начинается процесс сосредоточения крупных бояр общерусского масштаба в Москве. Она становится важным политическим центром Руси. Одновременно происходит консолидация боярства в Тверском и Рязанском княжествах.

Во второй половине XIV в. наблюдается обособление бояр по уделам князей Московского дома, Тверского и Рязанского великих княжений. Дворы князей и особенно дворы великих князей приобретают все большее значение, становясь носителем власти и военной силы. Наиболее детально, в силу сохранившихся источников, представляется история московского боярства, являвшегося ядром складывавшегося двора московского великого князя. Важную роль в судьбе каждого члена двора играл служебный стаж, боевая репутация, личные заслуги. Это создавало местнический распорядок боярства. Исследование боярских родов приводит С.Б. Веселовского к выводу, что служебная родовитость была недостаточна для обеспечения выгодного служебного положения. Местнический распорядок вовсе не мешал князю выбирать нужных и пригодных ему людей. Такой строй великокняжеского двора и наследственность службы делали, по убеждению С.Б. Веселовского, московское боярство сторонником великокняжеской власти и объединения раздробленной Руси. Существенным в этой поддержке было социально-экономическое положение боярства, в котором на первое место начали выходить земледельческие интересы[40]. Московские князья, чтобы привлечь к себе людей (в первую очередь бояр и слуг вольных), щедро раздавали им земли и поощряли льготами заселение пустых земель. Кроме княжеских пожалований, земли покупались на собственные средства. Боярские роды становились обладателями многих вотчин. Как писал С.Б. Веселовский, "воин прочно садится на землю, заводит на ней хозяйство, тесно связывает свои интересы с владением землей и становится сельским хозяином"[41]. С.Б. Веселовский показал, как складывается новая социальная сила, вотчинное боярство. Оно служило тому великому князю, в уделе которого обладало землями. Великокняжеское боярство, владевшее землями в разных княжествах, было противником сепаратизма князей и поддерживало единовластие великого князя, стараясь низвести удельных князей на положение служебных князей[42].

К сходным выводам пришел и А.А. Зимин, изучив на новом этапе развития историографии всю совокупность известных источников XV–XVI вв. Причины победы Московского княжества он видел в создании сильного военно-служилого войска (двора) и в особенностях колонизационного процесса[43].

Разрабатывая историю служилых землевладельцев в XIV–XVI вв., этого важнейшего вопроса социальной истории, и особенно его основы – правящей верхушки (боярства), С.Б. Веселовский не употреблял таких определений и терминов, как "привилегированное сословие" – "аристократия", "корпоративное сословие"[44], считая, видимо, их подходящими для изучаемого им времени. С.Б. Веселовский писал о "классе" бояр, "классе служилых землевладельцев", "правящем классе", "верхушке служилого класса", не вкладывая в термин "класс" производственного признака. Подобная терминология представлялась, видимо, ему наиболее подходящей для адекватного отображения изучаемого явления. Не употребляя термина "сословие", С.Б. Веселовский в то же время рассматривал "служилый класс" как социальную группу, обладающую определенными правами и обязанностями, суть которых в родовом строении служилого класса, особенно в его верхах, в боярстве, с их родовыми традициями, иерархией и укладом жизни[45].

В историографии уже для XIV в. на Руси вводится понятие "дума" как институт власти – совет при великом князе, выросший из верхушки великокняжеского двора, хотя раннее употребление термина "дума" известно только под 1517 г., позднее, в 1553 г. – "у государя в думе"[46]. Термин "дума" применительно к XIV в. употреблял и С.Б. Веселовский, глубокий знаток источников и русского права. Он писал, что «из всей массы княжеских бояр выделяется небольшая группа особо приближенных к князю лиц, которые называются "введенными боярами", т.е. допущенными в княжескую думу – совет»[47]. О думе, возглавлявшейся Патрикеевыми с начала 60-х годов XV в. и ее небольшом составе, в который входили бояре – послухи духовной великого князя, писал А.А. Зимин. Он же подчеркивал, что для второй половины XV–первой трети XVI в. характерно употребление в источниках термина не "боярская дума", а "бояре", среди которых были как думские чины, так и лица дворцовой администрации[48]. Этим высказываниям противостоит мнение В.М. Панеяха, который считает, что "бояре введенные" еще не проявили себя в качестве коллективного органа власти или совета при великом князе, а Дума как институт власти еще не сложилась[49]. По мнению М.М. Крома, в годы боярского правления Дума становится реальным правительством, не пытающимся, однако, ограничить власть (самодержавие) малолетнего государя. Изменение статуса Думы возможно рассматривать, полагает М.М. Кром, в плане усложнения государственного аппарата[50].

Выделение дворцовых земель из состава великокняжеских произошло в последней четверти XV в. Тогда же возник и институт дворецких. Они назначались из состава старомосковского боярства (учитывалась служба при великокняжеском дворе, родственные связи, близость к великому князю). В разрядах 1475 и 1495 гг. дворецкий сопровождает Ивана III в походе на Новгород. В разрядах похода 1495 г. кроме дворецкого упомянуты и другие дворцовые чины: 2 ясельничих, 2 постельничих, а также лица, следующие "за государевою постелью с постельничими"[51]. На более высокой ступени иерархической лестницы, вслед за дворецким, стоял казначей. Другие дворцовые должности и их "пути" (определенные территории) – сокольничий, конюший, ловчий упоминаются с середины XIV в., в середине XV в. – "чашнич путь". В результате ликвидации княжеств в конце XV–начале XVI в. создаются областные дворцы во главе с дворецкими (областными)[52].

Все большее значение приобретает великокняжеская казна не только как хранилище денег, драгоценных вещей, предметов культа, дорогой одежды, расшитой золотом и камнями, но и как личной великокняжеской канцелярии. Уже в середине XIV в. находим упоминание о великокняжеских казначеях и дьяках,

которые отпускались на волю в великокняжеских духовных грамотах. С начала XV в. учащаются упоминания о казначеях и дьяках, которые выполняли не только роль писцов, но и советников великого князя, принимавших участие в государственном управлении. Деятельность дьяков была разнообразна, хотя со второй половины XV в. начинает прослеживаться некоторое распределение функций (конюшенные дьяки, ямские). Несмотря на то что дьяки были в основном выходцами из незнатных фамилий, и даже из верхнего слоя служилых холопов, они со временем вошли в состав правящей элиты. Видными политическими деятелями стали такие дьяки, как Алексей Полуектов, Степан Бородатый, Федор Курицын, Василий Долматов, Данило Мамырев и др.[53]

Структура господствующего класса на протяжении XIV–первой половины XVI вв. в процессе объединения русских земель в единое государство, как показал А.А. Зимин, критически пересмотрев весь комплекс сохранившихся источников, претерпела существенные изменения. Образование правящей аристократии (элиты) происходило путем постепенного слияния потомков великих и удельных князей Северо-Восточной и Юго-Западной Руси; потомков князей Гедиминовичей, Стародубских, Оболенских, Звенигородских (старомосковские княжата); княжат Северо-Восточной Руси суздальских, ярославских, ростовских; тверских и рязанских удельных княжат, служилых князей Юго-Западной Руси и нетитулованного старомосковского боярства[54]. Удельные княжата, постепенно утрачивая суверенные права в своих уделах и приобретая на вотчинном и поместном права земли в других районах Руси, срастались с феодалами-землевладельцами.

[1] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 87 и др.; *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 5; *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // История СССР. 1991. № 4. С. 57.

[2] *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 72.

[3] *Кучкин В.А., Флоря Б.Н.* Княжеская власть в представлениях тверских книжников XIV–XV вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 186–201.

[4] *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. М., 1992. С. 41–42.

[5] ДДГ. М.; Л., 1950. № 12. С. 33–37.

[6] Подробнее см.: *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 206 и др.

[7] *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. С. 77–82.

[8] Необходимость понимания договорного сознания на Руси, которое воспринималось как чисто "человеческое" в противоположность "божественному", подчеркнул В.М. Панеях, основываясь на исследованиях Ю.М. Лотмана. См.: Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 15.

[9] *Хорошкевич А.Л.* Из истории великоняжеской титулатуры в конце XIV – конце XV в. (На примере Московского княжества и Русского государства) // Русское централизованное государство: Образование и эволюция, XV–XVIII вв.: Чтения, посвящ. памяти академика Л.В. Черепнина: Тезисы докл. и сообщ. М., 1980. С. 26–30; *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. С. 58–82.

[10] *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI вв. М., 1967. С. 123; *Он же.* Из истории русского средневекового источника. С. 73.

[11] ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 184; ДДГ. № 53. С. 160–163; АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 266. С. 178–179; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 64, 281–282, примеч. 29 (дан обзор источников и литературы); *Он же.* Витязь на распутье. С. 190; *Каштанов С.М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // In memoriam: Сб. памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 220–221; *Он же.* О титуле московских государей в XV–XVIII вв. // Россия в IX–XX веках. М., 1999. С. 181–184.

[12] *Каравашкин А.В.* Идея преемственности власти в России XVI – первой трети XVII в. // Российская монархия: Вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 24–25, 31.

[13] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 60–61; *Он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 651; *Зимин А.А.* Витязь на распутье. С. 7–8; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.) М., 1985. С. 77–78; *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. С. 10–11, 20; *Юрганов А.Л.* Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // Отечеств. история. 1996. № 3. С. 93–95, 106–114. Историография вопроса отражена в вышеуказанных работах Л.В. Черепнина и А.Л. Юрганова.

[14] Князья Московского дома, как владельцы доли, получали соответствующую часть доходов (Л.В. Черепнин, М.Н. Тихомиров, А.Л. Хорошкевич, Ю.Г. Алексеев) или, как полагал Г.В. Семенченко, определенную территорию "в городе и в станех..." (*Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. Ч. I. С. 41–42; *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. С. 195–204; *Хорошкевич А.Л.* К взаимоотношениям князей московского дома во второй половине XIV – начале XV вв. // Вопр. истории. 1980. № 6. С. 172–173; *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. С. 11–12, 19; *Семенченко Г.В.* Управление Москвой в XIV–XV вв. // ИЗ. М., 1980. Т. 105. С. 196–205).

[15] ДДГ. № 2. С. 12; № 11. С. 34–36; *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. С. 105–106.

[16] ДДГ. № 8–11, 21; *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. С. 79–80; *Он же.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // ВИД. Л., 1979. [Т. XI]. С. 238–251.

[17] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. Ч. I. С. 23–45 и др.

[18] *Каштанов С.М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XV вв. С. 221–223.

[19] *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI вв. С. 122; *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. С. 23.

[20] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 46–47, 469–474; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 20–23; Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 24–25.

[21] *Назаров В.Д.* "Двор" и "дворяне" по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–123.

[22] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 30, 31, 47, 57, 101, 165, 170, 179, 189, 278; Т. 2. № 96, 121; М., 1964. Т. 3. № 116, 117, 194.

[23] Цит. по: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии. С. 21; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 29–30.

[24] ПСРЛ. Т. 26. С. 315, 321.

[25] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 251–252, 264, 270, 279. Актовый материал XV в. сохранил данные о расположении дворов в Московском Кремле и составе их владельцев. Дворы в основном принадлежали семье великого князя и наиболее влиятельным княжеским и боярским семьям, члены которых жили вблизи великокняжеского двора и были связаны службой великому князю. Компактное расселение членов двора (не без помощи великого князя) способствовало более тесным контактам как с самим великим князем, так и членов его двора между собой. Потеря Кремлевского двора означала отход его владельца от активной деятельности при великокняжеском дворе, опалу или даже казнь. См.: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 96–100; История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. М., 1997. Т. 1: История Москвы XII–XVIII веков. С. 112–114 и др.

[26] *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии. С. 20–21; *Он же.* Витязь на распутье. С. 167; Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 24–25. См также: *Бенционов М.М.* Великокняжеский двор в конце XV – начале XVI в. // Россия в IX–XX веках. С. 70–75.

[27] *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии. С. 17–18; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 28; *Завадская С.В.* Термин "болярин" в переводных памятниках древнерусского периода // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства: VIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто: Тез. докл. М., 1996. С. 28–30.

[28] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15, вып. 1. Стб. 83; История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 52–53.

[29] *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии. С. 308; *Он же.* Витязь на распутье. С. 165–166.

[30] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 28–30, 168–174.

[31] ДДГ. № 11. С. 32; № 13. С. 39; № 31–32. С. 82–83; № 35. С. 97, 99; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 169–170; *Каштанов С.М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. С. 225.

[32] *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства. С. 655–659; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 503–504; *Салмина М.А.* "Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского" // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 90–98; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 65–66; *Зимин А.А.* Витязь на распутье. С. 137–139.

[33] ПСРЛ. Т. 26. С. 159.

[34] РК 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1, ч. 1. С. 19–20, 43–44; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии. С. 20.

[35] ДДГ. № 2. С. 13; № 8. С. 25; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии. С. 19–20, 288. В книге находим сводку данных о происхождении термина "окольничий" и его бытовании в XIII–XV вв.

[36] ДДГ. № 2. С. 12–13; № 34. С. 88; № 35. С. 91; № 66. С. 216; № 101. С. 417; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 29. Более подробно о термине "дети боярские" и значении этой категории служилых людей на лестнице чинов см.: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии. С. 22. Р.Г. Скрынников в термине "дети боярские" подчеркивает его первоначальное значение – зависимое положение младших членов, особенно многодетных боярских семей, в которых разделы вотчин приводили к недостаточной обеспеченности землей этой новой социальной группы. См.: *Скрынников Р.Г.* Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. 1. С. 97. О праве отъезда "слуг" см.: *Каштанов С.М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. С. 221–223.

[37] Памятники тверских книжников XIV–XV вв. рисуют взаимоотношения боярства с тверским великим князем. Выясняется, что традиционной обязанностью великого князя, в том числе тверского, была необходимость советоваться с боярами, заботиться о них и их потомстве. Более четко отношения великого князя с князьями и боярами выражены в рассказе о смерти тверского великого князя Михаила Александровича (1399), приведенном в Рогожском летописце, составленном в конце XIV – 40-х годах XV в. См.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 469. Власти великого князя обязаны были подчиняться все, в том числе князья и бояре, которым великим князем давались различные приказы и поручения. В "Слове похвальном" инока Фомы, содержащем оценку правления тверского великого князя Бориса Александровича (княжил в 1425–1461 гг.), обращается внимание на необходимость послушания князей и бояр, составлявших опору великокняжеской власти. Подробнее см.: *Кучкин В.А., Флоря Б.Н.* Княжеская власть в представлениях тверских книжников XIV–XV вв. С. 189–196.

[38] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 32–35 и др.

[39] Вместе с тем в договорные грамоты XIV – 30-х годов XVI вв. постоянно включались статьи, фиксирующие категории лиц, которые пользовались правом свободного отъезда, с середины XIV в. – бояре и слуги, с 30-х годов XV в. – дети боярские. Формулировались и принципы отношений по службе и по земле между отъехавшими к новому князю и их прежним сюзереном. Подробно см.: *Каштанов С.М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. С. 221–225.

[40] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 474, 465–469, 500–505.

[41] Там же. С. 60.

[42] Там же. С. 68.

[43] *Зимин А.А.* Витязь на распутье. С. 165–168 и др. О концепции А.А. Зимина см.: Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 19–21.

[44] См.: *Kollmann N.* Kinship and Politics: The Making of Muscovite Political System. 1345–1547. Stanford, 1987. P. 32 и др.; *Скрынников Р.Г.* Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. С. 103–104. Ср. с точкой зрения, высказанной В.М. Панеяхом. Он полагает, что в XV–XVI вв. сословия в Русском государстве еще не сложились. См. об этом: Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 40–41.

[45] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 10, 500 и др.

[46] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 53. С. 40; ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 523; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии. С. 21; Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 24.

[47] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 478.

[48] *Зимин А.А.* Витязь на распутье. С. 166; *Он же.* Формирование боярской аристократии. С. 283.

[49] Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 24.

[50] *Кром М.М.* Кризис власти и механизм принятия решений в период боярского правления (30–40-е годы XVI в.) // Российская монархия: Вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 46–48.

[51] РК 1475–1605. Т. 1, ч. 1. С. 19–20, 45–47.

[52] *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. М., 1963. Т. 63. С. 180–186.

[53] ДДГ. № 4. С. 17 и др.; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1976; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 250–253; *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. С. 55–56; *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 73, 164 и др.

[54] *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в.

А.А. Турилов

"ПРАВИЛО И НАКАЗАНИЕ О ДУШЕГУБСТВЕ" И ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА ИОНЫ ГЛЕЗНЫ ВЯЗЕМСКОМУ ПОПУ ДАВЫДУ

В 1976 г. Я.Н. Щапов опубликовал в одном из приложений к описанию кириллических рукописей в хранилищах ПНР весьма любопытный текст под заглавием "Правило и наказание о душегубстве", содержащийся в известной Кормчей из собрания Ягеллонской библиотеки в Кракове (Акс. 71/1952)[1]. Памятник столь детально рассматривает и регламентирует условия многолетнего покаяния, налагаемого на убийцу, что бесспорно заслужил того, чтобы быть использованным в фундаментальном труде С. Смирнова "Древнерусский духовник" (М., 1912) и опубликованным в сопровождающем его своде "Материалы для истории покаянной дисциплины". Отсутствие текста в публикации и упоминаний о нем в исследовании (о чем можно лишь пожалеть), безусловно, свидетельствует о его редкости в рукописной традиции.

Хотя памятник озаглавлен в дошедшем списке "Правило и наказание...", из начальной части, содержащей обращение к "боголюбивому епископу града имярек", несомненно, явствует, что речь идет о формулярной редакции послания митрополита к одному из его епархиальных архиереев. Ясно и то, что послание не является ответом на письмо этого непоименованного епископа, обратившегося к главе поместной церкви с вопросом по поводу наложения подобной епитимьи. Можно предполагать также, что речь идет о покаянии какой-то весьма высокопоставленной персоны (князя?), духовником которой был епископ, к которому адресовано послание, превращенное в "Правило и наказание". Вообще в этом послании митрополита без предшествующего вопрошания епископа присутствует какое-то изначальное противоречие или, по меньшей мере, неясность. В принципе, адресат вправе был сам определять детали покаяния (не выходя, естественно, за канонические нормы), не прибегая к указаниям вышестоящего архиерея.

Надежная (в пределах менее трех четвертей столетия) датировка памятника представляется затруднительной. Текст написан особым почерком на дополнительных листах в конце кодекса, с водяным знаком, более в рукописи не встречающимся[2]. Его можно было бы датировать не ранее последней четверти XV в. в том случае, если бы существовала уверенность, что кодекс обязательно дополнен новыми статьями, возникшими после написания основной части, однако для подобного заключения нет достаточных оснований. Митрополичий титул ("Киевский и всея Руси")[3] не позволяет датировать первоначальный текст временем ранее пребывания на общерусской кафедре Киприана (1391–1406). Дополнительное ограничение датировки "снизу" составляют многочисленные примеры западнорусской лексики, которые никак нельзя объяснить позднейшим редактированием. Они определенно указывают на украинско-белорусское происхождение митрополичьего писца и сдвигают тем самым нижний предел датировки, по крайней мере, к непродолжительному периоду архипастырства Григория Цамблака (1415–1419), либо к еще более позднему времени.

Все вопросы и недоумения по поводу "Правила и наказания" разрешаются при обращении к рукописи, научное описание которой было опубликовано 10 лет спустя после краковской. Речь идет об Уставе церковном Иерусалимском

и Великом миротворном круге с дополнительными статьями: ГИМ. Собр. А.Д. Черткова. № 9-F[4]. Кодекс датируется серединой (не ранее 1541 г.) – третьей четвертью XVI в.[5], среди статей, помещенных в нем между Уставом и Миротворным кругом, на листах 590–591 находится список послания ("грамоты") западнорусского ("Киевского и всея Руси") митрополита Ионы (Глезны) священнику церкви в с. Новом под Вязьмой Давыду по поводу епитимьи, наложенной владыкой на служителя кн. Михаила Вяземского за убийство человека.

Сопоставление текстов "Правила и наказания" и грамоты (публикуются в Приложении в конце статьи – грамота в качестве основного текста", правило в разночтениях) не оставляет сомнений в том, что первый является формулярной редакцией второго с некоторыми изменениями, имеющими цель придать нормам покаяния более общий характер. Первое из них ("повышение" сана адресата от священника до епископа) явно неудачно, поскольку (как уже отмечалось выше) "формулярный" адресат, в отличие от реального, едва ли нуждался в указаниях митрополита для определения норм покаяния, пусть и по экстраординарному – как в данном случае – поводу. И в значительной мере именно эта неудачность замены служит гарантией первичности текста грамоты по отношению к Правилу. Второе изменение относится к продолжительности покаяния. Грамота написана по случаю покаяния за невольное убийство и предусматривает поэтому сокращенные сроки ("А по правилом святых отець ино ему сем лет опитемьи. И мы для того ему три годы отложили, штож неволное убийство учинил" – ГИМ. Собр. А.Д. Черткова. № 9-F. Л. 590–590 об.). В формулярном же "Правиле" рассматривается лишь порядок покаяния за преднамеренное убийство, более мягкий вариант, фигурирующий в послании митрополита Ионы, здесь не оговорен. Дата выдачи грамоты (27 января 1493 г.) определяет нижнюю временную границу создания правила и его включения в Кормчую, принадлежавшую по всей видимости Киевскому Софийскому собору[6].

Некоторые детали митрополичьей грамоты (личность кающегося, дата и место ее выдачи) позволяют хотя бы предположительно уяснить обстоятельства ее появления. Очевидно, "служебник" вяземского князя совершил невольное убийство неподалеку от Новгорудка ("Нова городка Литовского") или на пути к нему (или в расположенную неподалеку Вильну) из Вязьмы и при этом не имел возможности обратиться к смоленскому епископу (которым тогда был будущий митрополит Иосиф Болгаринович). Пребывание Петра во второй церковной столице Великого княжества Литовского приходится на время, когда вяземское княжество оказалось ареной военных действий между Москвой и Литвой (вполне вероятно, что к моменту написания митрополичьей грамоты Вязьма уже была занята москвичами, хотя до Новогрудка эта весть еще не дошла)[7]. Убийство не было напрямую связано с участием Петра в боевых действиях против московских войск (за убийство на рати епитимии не полагалось[8]), но, вполне вероятно, сама его поездка на запад Великого княжества Литовского связана с началом этой войны. Вяземский князь Михаил Дмитриевич, старший в этой ветви смоленских князей (именуемый в посольской книге "королевским слугой"[9]), чьим "служителем" являлся невольный убийца Петр, явно не придерживался промосковской ориентации (за что поплатился арестом и ссылкой "в железах" на Северную Двину, где и умер[10]), и при подходе московской рати вполне мог направить в Вильну гонца с известием (это, разумеется, не более чем догадка). Мы не знаем, разделил ли Петр участь своего князя, и где ему в конечном итоге пришлось приносить покаяние, наложенное ставшим для него чужим ("зарубежным") митрополитом, но, по всей видимости, он не остался в Новогрудке и вообще на территории Великого княжества Литовского, а вернулся в родные

места. Предполагать такой вариант заставляет сам факт существования великорусского списка (при этом едва ли официального происхождения) грамоты митрополита Ионы Глезны в литературном конвое московской разновидности (1541 г.) Великого миротворного круга, при том что в формулярнике смоленской епископской кафедры первой трети XVI в. (Смоленский областной краеведческий музей. № 9907) она не присутствует ни в полном виде, ни в редакции "Правила"[11].

И в западнорусской и в великорусской книжной традиции грамота явно сохранилась в единичных списках (хотя возможность находки новых – особенно формулярной редакции – в будущем отнюдь не исключена). В западнорусской митрополии памятник, очевидно, сразу же был превращен в церковное правило, хотя и не получил в этом виде широкого распространения, в московских пределах он сохранился в первоначальном виде[12], вероятно, тоже как некое пособие, регламентирующее достаточно актуальный прецедент. При этом имя митрополита отнюдь не мешало авторитетности текста, поскольку в XVI в. едва ли ассоциировалось у великорусских книгописцев с западнорусским архиереем, напоминая скорее о соименном ему первом автокефальном московском святителе[13].

Небольшая конкретная информация об адресате грамоты (поп Давыд именуется Троицким (т.е. он относится к клиру вяземского Троицкого собора) и служащим "в предѣле Христова Рождества в селе Новом") содержит сведения, небезынтересные для истории церковной организации в Вяземском княжестве литовского периода его полунезависимого существования. При этом не исключено, что эти наблюдения могут быть экстраполированы в более широких географических масштабах. Село Новое, расположенное близ Вязьмы, несомненно, было княжеским, в противном случае трудно объяснить, почему "служебник" местного князя должен был исполнять многолетний обет покаяния у сельского священника, а не в городском соборе. Это предположение подтверждается косвенно источниками уже московского времени, первой трети XVI в. В записи книгописца Сидора, работавшего в 1519 г. в Новом, село названо "подклетным" великого князя, т.е. дворцовым[14]. Таким образом, с присоединением Вяземского княжества к Москве это владение местных князей (точнее – арестованного и сосланного на Двину Михаила Дмитриевича) перешло в собственность нового сюзерена. Как бы ни трактовать определение "предѣл" по отношению к храму Рождества Христова в грамоте митрополита Ионы (как "приход" или как искаженное "придел"), наименование его священника "троицким" может означать только одно. Рождественская церковь в с. Новом была составной частью корпорации городского Троицкого собора, включавшей, возможно, и клир других пригородных княжеских сел. Учитывая сравнительно небольшие размеры города, подобное включение в соборный клир не только городских, но и окрестных сельских священников, не представляет ничего невероятного.

С достаточной степенью уверенности можно предполагать, что между 1493 и 1519 г. в статусе храма Рождества Христова в Новом изменилась лишь одна деталь. В записях Сидора церковь названа ружной, т.е. получающей из великокняжеской казны ругу – жалование для обеспечения клира. Это, несомненно, новшество уже московского времени, возможное лишь в условиях крупного централизованного государства, поскольку в удельный период храм, по всей вероятности, обеспечивался княжеским пожалованием в форме земельной собственности и/или специально оговоренной частью доходов ("десятиной"), либо податей.

Этот "предельный" (и в то же время "соборный" статус) Христорождественской церкви с. Нового, восходящий еще к удельным "литовским" временам,

объясняет и культурную роль храма в первой трети XVI в., в частности, уже упоминавшуюся книгописную деятельность при нем писца Сидора. Исследователи, занимавшиеся (начиная с А.И. Соболевского) рукописями этого писца (точнее, одной из них)[15], отмечали этот факт как показатель того, что в то время книги писались не только в городах и монастырях, но и по селам и деревням[16]. Феномен деятельности Сидора можно было бы подчеркнуть особо, поскольку он работал не на Севере, где погосты, в силу редкости и большой разбросанности городов, являлись естественными культурными центрами, а в западной части Московского государства. Однако выяснение статуса храма, при котором работал книгописец, "филиального" по отношению к городскому собору, несколько снижает пафос тезиса Соболевского, несмотря на то, что с введением в научный оборот рукописи 1519 г. и удвоением тем самым творческого наследия Сидора, его профессиональные занятия книгописанием получили новое подтверждение.

Следует заметить, что Сидор тесно связан с предшествующей (так сказать, вяземско-литовской или смоленско-литовской) книгописной традицией в значительно большей мере, чем с современной ему московской, не только местом деятельности, но и большинством писцовых приемов. В этом нет ничего удивительного, поскольку даже если он не обучался письму в период территориальной принадлежности Вязьмы Великому княжеству Литовскому, то делал это под руководством людей, являвшихся носителями западнорусской письменной культуры. По всей видимости, перемены в составе землевладельцев Вяземского уезда после его присоединения к Москве ("вывод" значительной части старых "панов" и испомещение на их место московских служилых людей), отмечаемые исследователями[17], не коснулись священно- и церковнослужителей, либо затронули их в значительно меньшей степени. Напомню, что А.И. Соболевский относил известную ему рукопись Сидора (Евангелие 1527 г.) к исключительному числу книг XV–XVII вв., в орфографии которых наблюдаются "местные московские особенности": написание "там, где нет ударения – *а* вместо *о* и наоборот, *е* вместо *я, а, и* и наоборот"[18].

Позднейшими исследователями это мнение оспорено не было, Ю.Д. Рыков (с помощью Н.Б. Тихомирова) привел аналогичные примеры и для Трефология 1519 г.[19] Однако все перечисленные особенности характерны и для других "акающих" говоров, в том числе восточнобелорусских и западновеликорусских, к которым относится и территория Вяземского княжества. В то же время и почерк, и иллюминация рукописей (последняя считается выполненной самим книгописцем[20]) находят достаточно близкие аналогии в украинско-белорусских рукописях конца XV–раннего XVI вв., например, в комплекте Миней служебных, переписанных в 1487–1488 г. в Вильне для Жировицкого монастыря по заказу подскарбьего Великого княжества Литовского А.А. Солтана, вероятно, его подчиненными – дьяками Занком из Турова (РГАДА. Ф. 181. № 442) и Сеньком из Смоленска (БАН Литвы. Ф. 19. № 156 и 161)[21]. Уместно напомнить также, что в книгописной практике Украины и Белоруссии XV–XVI вв. широко распространена работа писцов из мирян и белого духовенства при храмах (независимо – городских или сельских), а не в монастырях. Возможно поэтому, что Сидор в данном случае следует западнорусской (в широком смысле) традиции XV в.[22] Так или иначе, переписанные Сидором книги имеют немаловажное значение для изучения культурного своеобразия смоленских земель (по крайней мере, в первой половине XVI в.) в составе Московского государства.

[1] *Щапов Я.Н.* Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Ч. 1. С. 136–154. № 89 (описание рукописи); Ч. 2. С. 148–150. Прил. 54 (публикация текста).

[2] Там же. Ч. 1. С. 136, 137, 149.

[3] О титуле митрополита "Киевского и всея Руси" см.: *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском: Ист.-текстол. исследование. М., 1974. С. 81–82; *Он же.* Сергий Радонежский и "филофеевский крест" // Древнерусское искусство: Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. М., 1998. С. 20–22. Примеч. 28. Ср.: *Плигузов А.И.* О титуле "митрополит Киевский и всея Руси" // РФА. М., 1992. Вып. 5. С. 1034–1038, 1042.

[4] [*Черниловская М.М., Шульгина Э.В.*]. Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986. С. 10–11; рис. [1] – образец почерка.

[5] В описании (С. 10) рукопись датирована 1541 г. и XVI в. без уточнения. Это, однако, недоразумение, поскольку пространная запись на л. 705–712, сообщающая о написании Великого миротворного круга в 1539–1541 гг. новгородским священником Агафонищем (об авторе и памятнике см.: СККДР. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 6; СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 198–201; *Романова А.А.* Древнерусские календарно-астрономические источники XV–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 10–11), относится не к данному списку, а к его оригиналу, и представляет в данном случае terminus ante quem non. По водяным знакам, приведенным описателями, кодекс следует датировать серединой–третьей четвертью столетия.

[6] На это с большой степенью вероятности указывает наличие в списке Кормчей рядом с Правилом (с. 785–787) записи о "размерех даней софийских людей" собору (текст опубликован: АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 26. С. 37–38). Установление датировки Правила определяет в свою очередь и время включения в кодекс Записи.

[7] "И в то же время (не ранее ноября 1492 г. и не позднее 11 января 1493 г. – *А.Т.*) посылал князь великий Иван Васильевич воевод своих под город в Вязьму ратью... Они же, шедше, Вязьму город взяша и к целованью приведоша, а вяземских князей и панов приведоша на Москву; и князь великий их пожаловал своею же вотчиною Вязьмою и повелел им себе служити" (Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 293).

[8] Епитимийные "Правила о верующих в гады", известные на Руси с XV в. предполагают покаяние лишь за убийство сдавшегося в плен (*Смирнов С.* Материалы для истории покаянной дисциплины. М., 1912. № 25. С. 149. Правило 50).

[9] См.: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XVI – первой трети XVII в. М., 1995. С. 54.

[10] Устюжский летописный свод (в ред. Архангелогородского летописца) под 1493 (7001) г. (ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 98). См. также: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 84, 89–91.

[11] О составе этого формулярника см.: *Семенченко Г.В.* Неопубликованные грамоты сборника СОКМ 9907 // РФА. М., 1988. Вып. 3. С. 626–630.

[12] Это не единственный случай, когда позднейшая великорусская традиция лучше сохраняет западнорусские эпистолярные тексты, чем более ранняя "литовская". Так, с находкой корпуса посланий, связанных с учреждением западнорусской митрополии при великом князе Витовте и Григории Цамблаке в 1415 г. в списке последней четверти XVII в. (ГИМ. Музейское собр. № 1209) выяснилось, что известный ранее список XV в. окружного послания Витовта в составе Кормчей подвергся частичной формулярной обработке. См.: *Макарий, митр. (Булгаков).* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 525–526. Примеч. [40].

[13] Разделение единой Киевской митрополии в середине XV в. не служило непреодолимым препятствием в распространении как великорусских текстов в Западной Руси, так и украинско-белорусских в Московской. В последней в XVI в. известностью пользовалась, к примеру, духовная ("прощальная") грамота митрополита Иосифа I (Болгариновича) 1501 г. (*Алмазов А.И.* Тайная исповедь в Православной восточной церкви. Одесса, 1894; Репринт. М., 1995. Т. 2. С. 271; Т. 3. С. 77–78), его же исповедание веры, а также одна из редакций послания митрополита Мисаила папе Сиксту IV (РФА. М., 1992. Т. 5. Прил. С. 1070–1074, № 58–59).

[14] См.: *Рыков Ю.Д.* Новые данные о деятельности книгописца Сидора под Вязьмой в первой трети XVI в. // Зап. Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1977. Вып. 38. С. 143. Судя по данным словарей, это весьма раннее употребление термина (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902; Репринт. М., 1989. Т. 2. Стб. 1058 (1558 и 1563 гг.); Сл РЯ XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 267 (1547 г.)

[15] До появления в печати (*Рыков Ю.Д.* Новые данные... С. 139–149) сведений о Минее праздничной (Трефологии) 1519 г. (РГБ. Собр. Е.Е. Егорова (Ф. 98) № 1740) была известна лишь одна, более поздняя рукопись этого книгописца – Евангелие тетр (РНБ. Q. I. 21), написанное в 1527 г.

[16] *Соболевский А.И.* Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1892. С. 4. Примеч. 1; 2-е изд. СПб., 1894. С. 4. Примеч. 2; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 189; *Рыков Ю.Д.* Новые данные... С. 139–141, 147–148.

[17] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 123–127; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 221–222.

[18] *Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография: Курс второй. СПб., 1902. С. 32; 2-е изд. СПб., 1908. С. 89.

[19] *Рыков Ю.Д.* Новые данные... С. 146.

[20] Там же. С. 146–147.

[21] Образцы почерка Сидора см.: Палеографические снимки с русских рукописей XII–XVII вв. / Под ред. А.И. Соболевского. СПб., 1901. Табл. 25 (Евангелие); *Рыков Ю.Д.* Новые данные... С. 144. Снимки почерка Занка см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА. М., 2000. Ил. к № 51.

[22] См.: *Владимиров П.В.* Обзор южно-русских и западно-русских памятников письменности от XI до XVII ст. // Чтения в Историческом об-ве Нестора-летописца. Киев, 1890. Кн. 4, отд. 2. С. 101–139; а также перечень белорусских книгописцев XV–XVI вв.: *Нікалаеў М.* Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Белрусі у X–XVIII ст. Мінск, 1993. С. 224–225.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст грамоты митрополита Ионы Глезны публикуется по чертковскому списку. В квадратных скобках приводятся разночтения формулярного извода ("Правило и наказание о душегубстве") по публикации Я.Н. Щапова. Текст публикуется в упрощенной орфографии: сохраняются "ять", "ъ" в середине слов. Титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку с обозначением мягкости по современным правилам. Пунктуация приближена к современной.

ГИМ. Собр. А.Д. Черткова. № 9-F. Л. 590. [Правило и наказание о душегубьствѣ]

Благословение архиепископа Ионы [имярек], митрополита Киевъского и всея Руси, о Святом Дусе [сыну и] сослужебнику и богомолцу [*нет двух слов*] нашего смирениа, попу Давыду Троецкому, в предѣле Христова Рождества в Новом сѣле [боголюбивому епископу града имярек].

Здесе [нашого смирениа] приходил[1*] к нам князя Михаила Вяземъскаго служебник, на имя Петръ [*нет слов от* "приходил" *до*"Петръ"]. Просил и бил нам челом [тот человекъ имярек], штож упал у великыи грѣх убииственыи [*нет слова*], ино што быхъ[2*] в том мы [быхмо мы] благословили его, а за то быхмо ему опитемью дали, чим бы ему своя душа избавити [душа своя спасти] от [того] грѣха. И мы ему дали опитемьи на четыри годы [семъ лѣт]. Год [три лѣта] ему стояти пред [перед] церковными дверьми, а хто поидет у цръков, или из церкви выидет вон, ино ему бити челом до земли пред кажным [перед кажым] человеком. А молвити ему так: "Простите мя, грѣшнаго убиицу [душегубца]". А по пра(л. 590 об.) вилам святых отець ино ему сем лѣт опитемьи. И мы для того ему три годы отложили, штож неволное убииство учинил [*нет*: "А... учинил"]. А на тот первыи год [тыи три лѣта] мяса ему не ести, развеѣ [развѣи] на Велик день, да вся таи Святая неделя, да [и] тую неделю [што]по Сшествии [о пришествии] Святаго Духа. Да от Божья Нароженья до Богоявленья, да всеедная [все еди-

ная!] неделя. А в среду [середу] да в [у] пятницу не ясти ему [ни] рыбы, ни [ани] варива [толко хлѣб да вода]. А на кажныи [каждыи] день, опроче суботы да недели и праздников господьских [*нет трех слов*] положити ему триста поклонов. А внутрь церкви не смѣть ему поити, ани тѣла Божья брати, ни доры, ни Пречистои хлѣба. А как тот год минет[коли тыи три годы минутся], а он тое исполнит, ино ему два годы стояти внутри [унутри] церкви, подле самых двереи, слухати божественыа службы и всего правила [правлѣниа] церковнаго. А вжо [уже] ему на тыи двѣ лѣте [три лѣты] ни [не] бити челом пред кажным [чолом перед каждым], ани прощения просити. А мясо ему есть [ѣсти], а в [у] середу и в [у] пятницу сухо ясти, [а] на кажныи [каждыи] день класти ему по двѣсте поклонов опроче суботы и недели и празников [*нет двух слов*]. А тѣла Божья не взяти, ни доры, и Апостола не чести [*нет*: "и... чести"], лише Пречистое хлѣбы, чаюче [хлѣба, чающе] святое ея милосердие [милосердиа]. А лѣто одно [другыи двѣ лѣтѣ] стояти ему внутри [унутри] церкви [за амбоном], слухати божественыя службы и всего правления церковнаго. А тѣла Божия не брати, лише доры[3*] да Пречистые хлѣба. А поклонов класти на кажный [каждыи] день по сту, опроче суботы, и [да] недели, и праздников [*нет двух слов*]. А в среду и в пяток [у середу и у пятницу] сухо ясти, а в другия [у другии] дни мясо ясти. А [у] во вси (л. 591) тые [тыи] лѣта милостыни [милостиню] творити по силѣ. А коли он усхочет болшее [болши] того Богу послужити, и мы ему не бороним. А коли тых[4*] четыре лѣта минутся [сем лѣт минется], и [а] он тое исполнит, и мы благославляим [благословляем] тебѣ, штобы еси ему [вѣлел] тѣло Божья довал[5*] [Божие давати]. А коли промѣжи тыми роки прилучится ему болѣсть великая при конци живота, и мы також благословляем, штобы [тебе, чтобы] ему тѣло[6*] Божья дал [еси вѣлел тѣло Божие дати ему]. А коли здоров будет, а колко буде лѣт не исполнил, ино ему исполняти [исполнити] как выше писано. А как он тые четыре годы исполна выдержит опитемью, ино мы его разрешили и простили, и ты бы ему разрешалныя молитвы проговорил. И ты его в том також прости и благослови [*нет*: "А как... благослови"]. [А Божиа благодать и милость, и нашего смирѣния благословение и молитва да есть и с твоим благолюбием].

Дан [*далее нет*] в Новѣ городку Литовъском. В лѣто 7001, месяца ген. 27 дня, индикта 11.

Примечания

[1*] В рукописи – "приходит", испр. по смыслу.
[2*] Так в рукописи.
[3*] Испр., в рукописи: "дары".
[4*] Так в рукописи.
[5*] То же.
[6*] То же.

Ю.Г. Алексеев

МОРСКАЯ ПОЛИТИКА ИВАНА III
(к постановке вопроса)

Под "морской политикой" в самом элементарном, первичном ее значении можно понимать всю совокупность замыслов и действий руководства страны, связанных с использованием моря и морской силы, т.е. мореходных судов и необходимой для них инфраструктуры – соответствующих береговых сооружений, обеспечивающих деятельность этих судов, а также подготовку и комплектование личного состава. Необходимо отметить, что хотя вопрос о морской политике Ивана III в целом не ставился, отдельные аспекты ее в какой-то мере привлекали внимание исследователей – главным образом в связи с мореплаванием на Балтике, отношениями с Ганзой, Ливонией и Швецией[1].

Источники для изучения "морской политики" Ивана III небогаты. Это отдельные летописные записи, отдельные упоминания в русских дипломатических актах, отдельные свидетельства иностранцев, прежде всего ганзейцев и ливонцев. Однако бедность источников в данном случае – не свидетельство незначительности явления. Для его оценки необходимо исследование фактической стороны дела.

Включение Новгородской земли в состав Русского государства в 70-е годы XV в. поставило Ивана III перед проблемами, до тех пор находившимися в компетенции новгородских властей. Это проблемы морской торговли на Балтике, тесно связанные с отношениями с Ганзой, Ливонией и Швецией. Почти безраздельное господство Ганзы на Балтике, с чем было вынуждено мириться новгородское боярское правительство, не отвечало интересам Российского государства. Сложившаяся веками практика отношений с Ганзой и Ливонией требовала пересмотра.

До конца 80-х годов XV в. главное внимание Ивана III было привлечено к обеспечению безопасности восточной и южной границ Русского государства[2]. Но уже договор 1487 г. с Ганзой отражал новые тенденции русской политики в балтийских делах. На переговорах с ганзейскими послами русская сторона выдвинула ряд новых положений, существенно менявших старую новгородско-ганзейскую традицию. В заключенном договоре эти требования были удовлетворены лишь частично, но начало пересмотру отношений было положено. Особое значение имеет ст. 3 договора, провозглашавшая гарантии безопасности русских купцов во время морских путешествий (в прежних договорах такой статьи не было)[3]. Статья отражала интерес русского правительства к вопросам морской торговли. Но для реализации этого интереса необходима была морская сила – вопрос о создании собственного флота стал фактически на повестку дня.

Внимание московского правительства к балтийским проблемам отразилось и в договорах с Ливонией[4]. Договор о перемирии на 10 лет Пскова с Дерптом, заключенный в 1463 г. и сохранившийся в летописном изложении, содержит черты, принципиально новые для русско-прибалтийских отношений. Во-первых, главным действующим лицом на переговорах (судя по сообщению псковских летописей) являются не псковские власти, а князь Федор Юрьевич Шуйский, посланный великим князем Иваном III на помощь псковичам против немцев, именно этому воеводе "бьют челом" о мире немецкие послы (формула о "челобитье" тоже встречается впервые). Во-вторых, в этом договоре впервые

упоминаются "Русский конец и святые церкви" в Юрьеве (Дерпте) и "пошлина... великих князей, что в Юрьеве" – какие-то особые платежи, которые епископ должен "великому князю давати по старине" (т.е. по справедливости).

Русские церкви в Юрьеве были известны и раньше, о них упоминает автор анонимного "Хождения на Флорентийский собор" 1438–1439 гг., это церкви св. Николая и св. Георгия. Они, очевидно, были патрональными храмами русских купцов, проживавших в Юрьеве или приезжавших туда по торговым делам. Известна и "печать юрьевская", принадлежавшая церкви св. Георгия. Однако до 1463 г. ни в одном договоре ни эти церкви, ни "Русский конец" (очевидно, русский квартал) не упоминаются. Русские люди, жившие в немецком Дерпте, либо не попадали в поле зрения псковских и новгородских властей, либо (что вероятнее) эти власти не имели возможности оказать им реальную помощь. Но в 1460 г. "Господин Псков" перешел под покровительство великого князя Московского, и с этой поры отношения с прибалтийскими немцами перестают быть делом псковских властей, а становятся частью внешней политики формирующегося Русского государства. Эта новая политическая реальность и проявилась впервые в псковско-дерптском договоре 1463 г.[5]

Начало 70-х годов XV в. ознаменовалось крупными изменениями в политической ситуации на северо-востоке Европы. В 1471 г. была ликвидирована независимость Новгородской боярской республики – она признала себя "отчиной" государя всея Руси, т.е. интегральной частью Русского государства. Это привело к резкому обострению отношений Русского государства с Литвой, Ливонией и Ордой. Борьба за становление России вступила в решающую фазу.

Переговоры псковских властей с ливонскими послами в 1472 и 1473 гг. (по вопросу о продлении перемирия 1463 г.) не привели ни к какому результату: магистр Бернд фон дер Борх отказался заключить мир. Над псковской землей нависла угроза немецкого вторжения. Встревоженные псковичи обратились за помощью к великому князю. И помощь пришла. 30 ноября 1473 г. в город вступили передовые отряды русского войска, собранного из 22 городов страны. Во главе этой общерусской рати стоял воевода князь Даниил Дмитриевич Холмский, прославившийся победой на Шелони над новгородским ополчением.

До похода в Ливонию дело не дошло – появления русских войск и победителя битвы на Шелони в Пскове оказалось достаточно. Уже в начале января 1474 г. после нескольких дней переговоров ливонские послы, прибывшие в Псков с просьбой магистра о мире, целовали крест на договорной грамоте. Был заключен Данильев мир, названный так по имени князя Холмского.

Фактически в январе 1474 г. заключена целая серия соглашений: между Псковом и Ливонским орденом был заключен мир на 20 лет; между Псковом и Новгородом, с одной стороны, и Дерптским епископством, с другой – на 30 лет. Текст этого договора полностью сохранился. Во вводной части (преамбуле) Иван III и его сын (Иван Молодой) впервые в международном договоре именуются "царями всея Руси". "Государи благоверные великие князи русские и цари" прислали воеводу своего "боронити свои отчины Новгорода и Пскова, обид своих поискати на немцах на юрьевцах, своих даней..." Официально провозглашается, что Псков и Новгород находятся под защитой Русского государства и что оно имеет в Прибалтике свои собственные интересы.

Сам договор состоял из 28 основных положений (статей, не пронумерованных в тексте). Первое из них воспроизводит статью договора 1463 г. об обязательстве епископа гарантировать неприкосновенность русских церквей и Русского конца в Дерпте – "держати чисто, по старине и по крестному целованию"; повторяется и формула о дани, которую епископ должен платить великому князю

"по крестному целованию". Размещение этих статей в начале договора свидетельствует, что именно они содержали положения, особенно важные с точки зрения Ивана III – охрана веры и имущества русских людей, проживающих за границей.

Ряд статей договора посвящен пограничным и судебно-правовым вопросам и не содержит принципиально новых положений, зато такие положения отразились в статьях о торговле. Псковские купцы получают по договору большие права – гарантии "чистого" (беспрепятственного) пути, освобождение от таможенных пошлин. Теми правами пользовались и немецкие купцы. Но, сверх того, псковские купцы получают очень редкое в средние века право розничной торговли, обычно не предоставляемое иностранцам. Немецкие купцы в Псковской земле такого права не имеют, по крайней мере, договор молчит об этом. Кроме того, немецким купцам запрещалось во Пскове держать корчмы и торговать пивом.

Итак, договор 1474 г. не только уравнивает псковских купцов с немецкими, но и дает им определенные торговые преимущества. Содержание Данильева мира отражает основной факт – создание Российского государства, способного защитить своих подданных и их интересы. Но отстаивая свои законные интересы, Русское государство не предъявляет каких-либо территориальных претензий соседям – оно стремится прежде всего к мирным торговым отношениям. Данильев мир стал новым шагом в балтийской политике Ивана III[6].

Новое обострение ситуации на северо-западных рубежах Русского государства произошло в 1480 г., на последнем этапе борьбы против ордынского ига. Нападение войск магистра фон дер Борха на псковские земли зимой-летом 1480 г. вызвало ответные меры.

В феврале 1481 г. русские войска под руководством воевод князей Ивана Васильевича Булгака и Ярослава Васильевича Оболенского совершили поход в глубь Ливонии. Зимний поход 1481 г. носил общерусский характер: "посылал князь великий в Немецкие земли воевати и на князя местера, за их неисправление, что они приходиша ратью на его отчину на Псков...", – так объясняет причину похода официальный московский летописец.

Зимний поход 1481 г. – важная веха в военной истории России. Впервые вместе с полевыми войсками двигалась тяжелая артиллерия, впервые войска не только опустошали местность (как принято было в то время во всех войнах Европы), а сосредоточенными массами действовали против крупных укрепленных городов – столицы магистра Феллина, Каркуса и Тарваста[7]. Результатом зимнего похода была новая серия договоров. Полностью сохранился только договор между Новгородом и Ливонией, заключенный 1 сентября 1481 г. (договоры Пскова с Дерптом и Пскова с Ливонией известны по литературе). Вводная часть договора соответствует формуле Данильева мира. Он заключается "по Божьей воле и по великих государей веленью царей русских", наместникам которых в Новгороде – князю Василию Федоровичу Шуйскому и Григорию Васильевичу Морозову – "добиша челом" ливонские послы. Как и в 1474 г., ливонцы выступают в качестве стороны, просящей мира и получающей его в качестве милости со стороны русских государей. Перемирие заключается на 10 лет. Договором предусматривался съезд представителей обеих сторон "на Рождество Христово, на Нарове реце, на пошлом месте, по старине". Съезд должен был рассмотреть и решить конкретные спорные вопросы – "дати исправа всем обидным делам". За два года должно было состояться три таких съезда: если все три съезда не смогут дать "на обе половины управы", то договор о перемирии теряет свою силу. По-видимому, такой съезд – традиционный инструмент для решения новгородско-ливонских споров.

Сам же договор о перемирии содержал 24 основных положения, которые можно назвать статьями. Многие из них традиционны: это статьи о границе и ее неприкосновенности, о беспрепятственном проезде купцов и послов, о беспрепятственной "без вывета" торговле, об общих основах отношений к подданным другой стороны, о непричастности послов и гостей, к порубежным спорам и др. Видимо, все это – "старина и пошлина", устоявшаяся в новгородско-ливонских отношениях. По аналогии с соответствующей статьей Данильева мира устанавливается, что "пива и корчмы немцом не продавати в Новгороде, а ни по пригородом".

Наибольший интерес представляют статьи, содержащие новые положения. В них обеспечиваются торговые интересы русских купцов в Нарве (они освобождаются от некоторых пошлин), весы и весовые единицы в Нарве приводятся в соответствие с новгородскими. По новому положению новгородцы получают право беспошлинно покупать коней в Ливонии: "судьи того коня у новгородского купца сильно не отнимати, а денег не наметывати". По старому же договору 1448 г., заключенному еще зятем Шемяки, князем Александром Васильевичем Чарторыйским, с каждой лошади шли особые платежи фогту (правителю Нарвы), а "крупных" лошадей фогт Нарвы мог не пропустить вообще.

Есть статья, требующая от епископа Дерптского "церкви Божии св. Николы и св. Георгия очистити, а Русский конец и села тых церквей очистити, по крестному целованию, по старине". Значит, в ходе конфликта 1480–1481 гг. церкви и Русский конец, видимо, были захвачены или ограблены немцами в нарушение прежних договоров. Справедливость, "старина", теперь восстанавливаются.

Впервые в новгородско-ливонский договор включается статья об особой защите чести и достоинства русского человека в Ливонии. Она отражает одно из основных направлений зарубежной политики Ивана III.

Договор 1481 г., завершивший победоносную войну России с Ливонией, можно охарактеризовать как весьма мягкий для проигравшей стороны. Ей не предъявляется территориальных претензий, ее подданные не подвергаются дискриминации. В то же время договор твердо и последовательно отстаивает интересы русских людей: оказавшись за рубежом, они остаются под покровительством и защитой своего государства[8].

Итак, первые шаги балтийской политики Ивана III отличаются принципиальностью и твердостью, но в то же время миролюбием и умеренностью. На них лежит печать политического реализма, характерного для первого государя всея Руси. Его политика проникнута заботой и вниманием к насущным интересам русской торговли и русских людей за рубежом, прежде всего к ликвидации того неравноправного положения, в котором русские купцы находились веками вследствие ганзейско-ливонской торговой монополии, могущества Ливонского ордена и слабости новгородско-псковских политических институтов.

Крупнейшими событиями в балтийской политике Ивана III стали постройка Ивангорода, договор с Данией и закрытие Ганзейского двора в Новгороде.

В 1489 г. Иван III категорически отверг попытку орденских властей добиться через посла императора Фридриха III пересмотра русско-ливонской границы. На переговорах с ливонским послом в феврале 1491 г. по поводу продления мирного договора, десятилетний срок которого истекал, Иван III выдвинул два новых условия: об обязательстве ливонских властей оказывать защиту на море русским послам и торговым людям и об улучшении положения Русской церкви в Ревеле и Дерпте[9]. Оба требования отражали основные направления балтийской политики – заботу о развитии русского торгового мореплавания и об инте-

ресах русских людей, проживающих в Ливонии. Ливонские власти не пошли на эти условия. Переговоры затянулись.

Орден вновь пытался обратиться к посредничеству императорского посла. На переговорах посла Георга фон Турна (Юрия Делятора – русских источников) с дьяком Федором Курицыным зимою 1491/92 г. выяснилось, в частности, что ливонцы не берут на себя защиту русских людей на море: магистру "на море воли нет"[10]. Отказ магистра от защиты русских на море фактически заставлял русское правительство самому взять на себя непосредственное решение этой назревшей проблемы.

В текст договора 1493 г. была включена статья об обязанности ливонских немцев "блюсти... великого князя послов и наместников великого князя новгородских послов и новгородцев на своих городех и на землях и *на море* (курсив мой. – *Ю.А.*)"[11]. Таким образом, требование Ивана III было, по крайней мере, формально удовлетворено, что было несомненным успехом русской политики. По предположению Н.А. Казаковой, на изменение позиции орденских властей оказало строительство Ивангорода, начатое весной 1492 г. Первая русская крепость и первый морской порт на Балтике меняли соотношение сил и открывали перед морской политикой Ивана III новые перспективы. "Строительство Ивангорода несколько напоминает... строительство Петербурга"[12], – справедливо отмечает А.Л. Хорошкевич. Схожесть прежде всего в том, что постройка обоих городов-крепостей была вызвана государственными потребностями, происходила по инициативе государственной власти и преследовала не только экономические, но и стратегические цели. Постройка Ивангорода может рассматриваться как важнейший акт морской политики Ивана III.

Нападения на русские торговые суда были обычным делом. Так, в июне 1494 г. пять шведов из Выборга захватили маленькое русское судно с товаром, выбросили команду за борт и пригнали свой приз в ганзейский город Данциг[13]. О нападении шведов на два русских купеческих судна сообщается и в феврале 1494 г.[14]

Постройка Ивангорода означала фактически переход к активной морской политике на Балтике, что требовало создания своего собственного флота.

25 мая 1494 г. Иоганн фон Ункель, ливонский агент в Новгороде, сообщил магистрату г. Ревель, что посол великого князя Мануил Грек, только что пребывавший проездом в Ревеле, имел задание нанять венецианцев – корабельных мастеров, "которые могут галеры делать". Ливонский агент с тревогой писал, что с помощью этих галер, которые могут ходить как по ветру, так и против ветра, русские смогут завоевать господство на Балтийском море. По словам Ункеля, русский посол должен был также нанять некого человека, который может днем и ночью плавать в море на много миль и поджигать ночью суда в море[15].

Сообщение Ункеля – первое свидетельство о планах создания русского флота с учетом новейших достижений европейской техники. Рассказ о таинственном человеке, который может "днем и ночью плавать в море" и поджигать ночью суда относится, видимо, к области фантазии малосведущего человека, но известие о галерах заслуживает внимания. Галера – наиболее совершенный тип парусно-гребного судна, наилучшим образом приспособленного для боевых действий в шхерах и узкостях Финского залива, т.е. на морских подступах к русским берегам, в частности, к Ивангороду. Лучшими мастерами – строителями галер были именно венецианцы, поэтому обращение к ним было наиболее целесообразным. Два века спустя Петр Великий, создавая флот на Балтике, уделял особое внимание галерам, которые принесли победы при Гангуте и Гренгаме.

Мануил Грек – известный русский дипломат конца XV в. В мае 1493 г. вместе с дьяком Данилой Мамыревым он был послан в Венецию и Милан[16]. На обратном пути он посетил Ревель: в расходной книге ревельского магистрата сохранилась запись от 17 мая 1494 г. об отпуске угощения "греку по имени Мануил, послу великого князя Московского", двух бочонков пива, двух бутылок "романа", двух бутылок "бастарда" и двух бутылок "мальвазии", что обошлось ревельским бюргерам в 6 марок 2 шиллинга[17]. Летом 1494 г. посольство Мануила вернулось в Москву[18].

Таким образом, мысль о приглашении мастеров для постройки галер могла возникнуть не позднее весны 1493 г. – вскоре после начала строительства Ивангорода. Переговоры о приглашении мастеров могли иметь место в 1493–1494 гг. Никаких следов об этих переговорах в русских материалах нет, нет и известий о прибытии мастеров и их деятельности в России.

В начале 1495 г. русские послы в Литву князь Семен Иванович Ряполовский, Михаил Яковлевич Морозов Русалка и дьяк Василий Григорьевич Кулешин получают специальное задание Ивана III выведать у тамошних купцов "есть ли пристанище в Жамоитской земле с моря, приставают ли корабли ли бусы"[19]. В этом контексте известие о найме венецианских мастеров-кораблестроителей для строительства русских галер выглядит вполне естественным и правдоподобным[20]. Но поиск мастеров-иностранцев был только частью мероприятий Ивана III по закреплению на берегах Балтики. Другой частью было укрепление Ивангорода – морских ворот России. Между Ивангородом и ближайшей к нему крепостью Ямой прокладывается широкая дорога, пригодная для движения не только пехоты и конницы, но и артиллерии. Маневр войсками между этими крепостями (расстояние 22 км) мог быть осуществлен за одни сутки, что позволяет рассматривать Ивангород–Яму как своего рода укрепленный район на приморском участке северо-западной границы Русского государства[21].

Оригинальной конструкцией были разборные наплавные мосты, состоящие из секций, соединенных между собой крюками[22]. Эта конструкция позволяла в случае необходимости быстро переправлять войска и грузы на другой берег реки, что увеличивало как оборонительные, так и наступательные возможности крепости. Отсутствие у ливонцев таких переправочных средств послужило одной из причин их неудачи под Псковом в тревожном для русских августе 1480 г., когда магистр Бернд фон дер Борх с огромным войском подошел к городу, в то время как главные силы Русского государства отражали грозное нашествие хана Ахмата.

Весьма важное значение для обороны Ивангорода с моря должна была иметь особая система заграждений-ряжей, которые давали возможность прохода только русским ладьям, закрывая путь к Ивангороду более крупным судам. Об этом проекте фогт (комендант) Нарвского замка писал магистру Ливонского ордена Вальтеру Плеттенбергу в апреле 1496 г. Проект заграждения р. Наровы находился, очевидно, в тесной связи с шедшей в то время русско-шведской войной и с намерением шведов совершить нападение на Ивангород (об этом намерении фогт сообщает в том же письме)[23].

Первым равноправным договором о морской торговле на Балтике стал для молодого Русского государства договор с Данией, заключенный в 1493 г. и послуживший основой русско-датского союза, направленного на защиту обоюдных интересов на море[24]. Датское королевство, располагавшее хорошим флотом и давними морскими традициями, пошло на заключение договора с нарождающейся морской державой, учитывая ее международный авторитет и значение русской торговли на Балтике. Особое значение имели статьи, гарантирую-

щие свободную и равноправную для обеих сторон деятельность рыбаков, охотников и иных людей в землях и водах, издревле тянущих к каждой из договаривающихся сторон, статьи о свободном передвижении посланцев и гонцов, а также торговых людей "по всей земле и воде" обеих договаривающихся сторон[25]. Датские купцы, везущие такие необходимые для русских товары, как сельдь и соль, стали частыми гостями в новом морском порту, к немалой досаде ганзейцев, объявивших морскую блокаду России[26].

Одной из главных причин войны между Швецией и Русским государством, вспыхнувшей летом 1495 г., явилось, несомненно, стремление шведов не допустить выхода России на Балтику: именно молодой русский порт послужил главным объектом враждебных действий с их стороны. По шведским данным, к весне 1496 г. в Ивангороде были сосредоточены тысячи русских лодей для морской экспедиции через Финский залив к шведскому Выборгу[27]. Хотя число русских судов, несомненно, преувеличено шведами, известие свидетельствует о важном значении Ивангорода как морской базы.

Уже в апреле 1496 г. нарвский фогт пишет магистру о слухах о готовящемся нападении на Ивангород. Само нападение произошло в августе. Русские летописи сообщают об этом событии кратко, но выразительно. Шведы прошли со стороны моря на судах (*бусах*), оснащенных артиллерией, и застали русских врасплох. Система заграждений, которая планировалась в устье Наровы, не была, по-видимому, завершена. Воевода князь Семен Бабич не сумел организовать обороны крепости и проявил позорное малодушие[28]. Брошенный своим воеводой на произвол судьбы город несколько дней оказывал мужественное сопротивление, но все же был взят и дотла разорен, о чем с удовлетворением сообщали друг другу ганзейцы[29].

Однако торжество врагов России было преждевременным. Судя по всем известиям, и русским, и ливонским, к этому времени Ивангород был уже достаточно большим портом, он выполнял уже роль морских ворот Русского государства. В считанные годы он превратился в грозного соперника ливонской Нарвы. Именно в этом появилось закономерное следствие создания нового государства, потребности которого требовали выхода к морю. Напротив, успех шведов в августе 1496 г. носил случайный характер и не мог изменить общего хода событий. Разграбив русский город, шведы, сознавая непрочность своего успеха, стремились как можно скорее уйти к своим берегам. В официальном сообщении Нарвы Ревелю, написанном через пять дней после захвата Ивангорода, подчеркивается, что шведы только ждут попутного ветра, чтобы уйти[30]. Для этой поспешности были основания. В том же письме приводится "верное известие", что гребные суда русских, идущие из Пскова, должны через два или три дня появиться у Ивангорода и у устья Наровы, где стоят шведские суда. Сюда же стягиваются и сухопутные войска русских.

Нападение на Ивангород ни в малейшей мере не повлияло на решимость Ивана III прочно закрепиться на берегах Балтики, опираясь на свой новый порт. Сразу после бегства шведов из разграбленного ими города в нем закипели восстановительные и строительные работы.

Описание Ивангорода, сделанное в 1498 г. писцом Матвеем Валуевым[31], рисует картину процветающего города. В самом городе (т.е. внутри крепостных стен) стоит церковь святого Николы и пять дворов, в том числе четыре купеческих. Любопытно, что внутри крепости стоят именно дворы купцов – купцы играли основную роль в новом городе, представляя торговые интересы Русского государства. Интересно также, что из четырех купцов – два "москвитина" и один новгородец – на первый план выдвигаются столичные торговые люди,

наиболее тесно связанные с московским правительством. За городом на посаде, "на горе", стоят дворы воротников, обслуживающих городские ворота, а также торговых людей. Всего таких дворов 27. Наконец, внизу, "на Подоле", т.е. под горой, у самой реки, живут опять же торговые люди и "казаки" – (наемные работники). Таких дворов 133. В них сосредоточена основная масса жителей Ивангорода. Перечисляются также дворы ремесленников 14 специальностей, больше всего плотников (5 дворов), кузнецов (4 двора), продавцов съестных припасов (квасники, хлебники, калачники – всего 10 дворов). В числе дворовладельцев упомянуты "перевозник" и "извозники" – владельцы транспортных средств, овчинники, учанник (изготовитель сосудов – учанов), банник. Перед нами – довольно крупный город, насчитывающий до 1 тыс. жителей (в среднем на двор – 5–7 человек), основную массу которых составляют торговые люди и ремесленники, обслуживающие гарнизон крепости. Таким образом, разорение города шведами отнюдь не приостановило рост и развитие молодой русской крепости на Балтике. Быстрый рост нового города обусловливался его необходимостью для Русского государства, тесной связью с экономическими, политическими, военно-образовательными интересами страны. Когда в сентябре 1502 г. во время войны Ливонии против Русского государства войска ливонцев попытались штурмовать Ивангород, они потерпели полное поражение[32] – усиление укреплений Ивангорода после 1496 г. принесло свои плоды.

И в последующие десятилетия Ивангород сохранил значение основного русского морского порта – "окна в Европу" для России того времени. Русское правительство заботилось о том, чтобы морская торговля шла именно через Ивангород[33] – этим стимулировалось экономическое развитие нового города. Когда в 1517 г., в силу нового русско-датского торгового договора, датские купцы получили право построить дворы в русских городах (соответственно русские купцы в Дании), этими городами стали Ивангород и Новгород[34]. Самый молодой русский торговый город был приравнен к самому старому. Этим подчеркивалось значение первого русского порта на Балтике. Ивангород становится главным центром русской торговли на Балтике, обогнав Новгород и Псков[35]. Основное преимущество Ивангорода перед старыми торговыми городами – приморское положение, создающее благоприятные условия для развития собственного русского мореплавания. В 1517 г. отмечено прибытие в Копенгаген первого русского мореходного судна – в этом нельзя не увидеть результата мер, предпринимавшихся для создания русского флота. Первые десятилетия XVI в. – время процветания Ивангорода и время появления русского мореходства на Балтике.

Таким образом, морская политика Ивана III на Балтике была вызвана и стимулировалась главным образом задачами развития русской морской торговли. Она была тесно связана с вопросами обороны против Ливонии, Швеции и Ганзы. Материальным воплощением этой политики было строительство крепости-порта Ивангорода и мероприятия по приобретению мореходных судов (эта последняя черта морской политики просматривается в источниках в самых общих контурах).

О боевых действиях наших кораблей на Балтике во время Свейской войны 1495–1497 гг. нет никаких известий, что, скорее всего, свидетельствует об отсутствии таковых действий. Русские корабли на Балтике, если они и существовали, еще не представляли собой боевой силы. Создание настоящего флота на Балтике было делом будущего. Морская политики Ивана III – первый шаг в этом направлении.

Однако морская политика Ивана III не ограничивалась Балтикой. В сфере его внимания был и Северный морской театр. Об этом свидетельствует поход,

предпринятый в разгар Свейской войны. Морской поход лета 1496 г. мало привлекает внимание историков. В новейших работах ему посвящено всего несколько строк[36]. Тем не менее этот поход представляет определенный интерес и не может игнорироваться ни при изучении социально-политической истории России, ни при изучении истории русского флота.

Под 7004 (1495/96) годом великокняжеская летопись сообщает: "Тое же весны посылал князь великий князя Ивана Федоровича да брата его князя Петра Ушатых на Каянскую землю, на 10 рек[37]. А с ними рать – Устюжане, Двиняне, Онежане, Важане. А рекам имена коих воеваша: Икем, Торма, Колокол, Овлуй, Сиговая, Снежна, Гавла, Поутам. А кои живут на Илименгы-реки, а те биша челом за великого князя, и с воеводами приехаша на Москву. И князь великий их пожаловал, отпустил"[38]. Тот же текст встречаем и в Софийско-Львовской летописи, и в Холмогорской, и в Никоновской[39].

В Вологодско-Пермской летописи читаем: "Того же лета (7004 = 1496. – *Ю.А.*). Июня посылал князь великий Иван Васильевич воевод своих князей Ушатых, Ивана Бородатого да Петра, за море, немец воевати Каян. А с ними силы: Устюжане, Пермячи, Двиняне, Важене. И повоеваша землю ту, и взяша три бусы со всем на море, и полону приведоша. И приидоша воеводы великого князя поздорову со всеми силами Октября"[40].

В Архангелогородском списке Устюжской летописи читаем: "В лето 7004 князь великий Иван Васильевич послал на Каяны воевод своих, князя Ивана Ляпуна да брата его князя Петра Ушатых. Да с ними Устюжане да Двиняне. И ходившие извоевали Полну реку да Торнаву, да Снежну, добра поимали много, а полону бесчислено. А ходили з Двины морем-акияном да через Мурманский Нос"[41].

Разрядная запись о походе князей Ушатых читается только в неофициальной редакции и крайне лапидарна: "Тово же году послал государь на Каянские немцы князя Ивана Федоровича да князя Петра Федоровича Ушатых"[42].

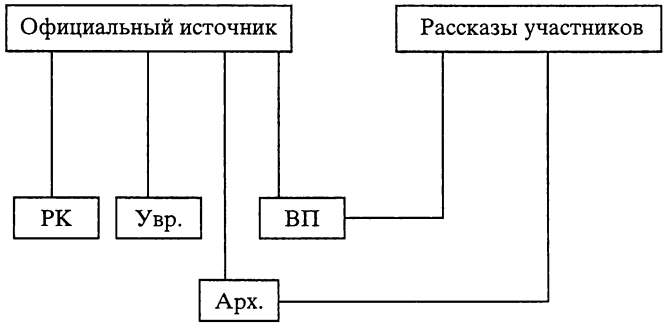
Таким образом, существуют три летописных рассказа о походе. Не противореча друг другу по существу, они, тем не менее, настолько отличаются друг от друга своими реалиями, что не могут рассматриваться как разные редакции одного и того же первоначального текста.

Рассказ Уваровской летописи, вошедший без изменения в позднейшую официальную Никоновскую летопись, содержит следующие элементы: 1) указание времени начала похода (весна) и его направления (на Каянскую землю); 2) имена воевод; 3) перечисление территорий, с которых ратники шли в поход, перечисление рек Каянской земли; 4) сообщение о конечном политическом результате похода (челобитье жителей части Каянской земли о подданстве).

В рассказе Вологодско-Пермской летописи содержатся те же элементы, кроме сообщения о челобитье жителей Лименги. В этом рассказе уточняется имя первого воеводы – князь Иван *Бородатый* (курсив мой. – *Ю.А.*); прямо говорится, что великий князь послал "воевод своих... за море"; с точностью до месяца указывается начало (июнь) и конец (октябрь) похода; сообщается о взятии трех бусов "со всем на море"[43].

Рассказ Архангелогородского летописца не указывает времени начала и конца похода, перечень территориальных отрядов он дает в сокращенном виде, князя Ивана Ушатого называет Ляпуном (а не Бородатым, как в Вологодско-Пермской); из десяти рек, упоминаемых в Уваровской летописи, называет только две, но добавляет к ним Полну, которой нет в других известиях о походе; ничего не говорит ни о челобитье лименжан, ни о захвате бусов, зато указывает маршрут похода: "ходили з Двины морем-акияном да через Мурманский Нос".

Летописные известия о походе 1496 г. не исключают, а дополняют друг друга. Можно предположить, что на них повлиял источник более или менее официального происхождения. Этот источник наиболее полно отразился в Уваровской летописи. Другим источником послужили рассказы (или записи) участников похода. На их основе в Вологодско-Пермской летописи были добавлены подробности, хорошо известные участникам похода, но не интересовавшие официозную летопись. Архангелогородский летописец сократил официальный источник, но добавил новые подробности о походе, также, вероятно, со слов его участников (см. схему).



РК – Разрядная книга; Увр. – Уваровская лепопись; ВП – Вологодско-Пермская летопись; Арх. – Архангелогородская летопись

Итак, основное отличие известий Вологодско-Пермской летописи и Архангелогородского летописца от официальной версии в том, что в них в той или иной форме говорится о морском характере похода. Русские совершали переход "морем-акияном" и имели бой со шведами, захватив три буса[44]. Насколько правдоподобны эти сведения, не содержащиеся в официозном тексте?

Самое раннее известие о походе русских по Северному океану – в скандинавском источнике. В 1349 г. русские суда прошли вдоль северного побережья норвежской провинции Халоголанд и напали на крупное селение и замок Бьяркей. Прокомментировавший это известие И.П. Шаскольский, справедливо связывает поход 1349 г. с войной, начатой королем Магнусом против Новгородской земли[45].

В 1411 г. "ходиша изь Заволочья воуною на Мурманѣ (норвежцев. – *Ю.А.*) новгородчкымъ повелѣниемъ, а воевода Яков Степанович, посадникъ двиньскыи, и повоеваша их"[46]. Поход Якова Степановича был предпринят в разгар шведско-норвежской войны, когда главные силы новгородцев ходили на Выборг. Новгородское руководство верно оценивало ситуацию и нанесло противнику удары на разных направлениях. Однако в летописи нет прямого указания на то, что заволочане со своим воеводой совершили именно морской поход; об этом можно только догадываться, так как кратчайший путь из Заволочья к Мурману лежит через море.

Нападения шведов и норвежцев на Северную Русь совершались также по необходимости через море. В 1419 г. "пришед Мурмане, воиню в 500 человек, в бусах и шнеках, и повоеваша" ряд северных русских погостов, подробно перечисляемых в летописи. Заволочане (т.е. жители Двинской земли) дали отпор: "две шнеки Мурман избиша, а инии избегоша на море"[47]. В 1445 г. "приидоша свее Мурмане безвестно на Волок и Двину ратью, на Неноксу, повоевав и пожгоша, и людей пересекоша, а иных в полон поведоша". Застигнутые врасплох

двиняне, однако, быстро оправились: они "приидоша вборзе, иных (мурман. – *Ю.А.*) иссекоша, а иных прислаша в Новгород... а воеводы их, Ивора, Петра и третьего, убиша". Остатки неприятельского войска отступили: "вметавшеся в корабли, отбегоша"[48].

Отражая набеги воинственных северных соседей, входивших на шнеках в русские реки, заволочане и двиняне двигались, очевидно, на своих речных судах. Но русские суда ходили не только по рекам. В июне 1493 г. к Иоганну (Юхану), королю Датскому, были отправлены русские послы Дмитрий Ларев Палеолог и Дмитрий Зайцев. Летом 1494 г. послы вернулись[49]. Великокняжеская летопись не приводит никаких подробностей их путешествия, но Архангелогородский летописец сообщает, что, выехав из Москвы, послы "шли на Колывань" (т.е. Ревель, Таллин) обычным для русских послов путем, через Балтийское море. Однако "назад туда не смели пройти. И они прошли на Двину около Свейского королевства и около Мурманского Носу морем-акияном мимо Соловецкий монастырь на Двину... Да с ними пришел датского короля посол именем Давид"[50]. Архангелогородский летописец помещает это известие под 7005 = 1496/97 г. Тут же приводится сообщение, что "того же лета князь великий Иван Васильевич смирился с великим князем Александром Литовским и дал за него дщерь свою". Хорошо известно, что мир с Литвой был заключен 5 февраля 1494 г., а отправка великой княжны Елены в Вильно – в январе 1495 г. Следовательно поездка Зайцева и Ларева "морем-акияном" состоялась, скорее всего, в 1494 г., что соответствует сообщению великокняжеской летописи о времени их возвращения[51]. Известие о путешествии Ларева и Зайцева – первое летописное упоминание об океанском путешествии русских людей.

В 1496 г. датский посол Давид Кохран возвращался домой по морю. Подробности его путешествия известны из рассказа толмача Григория Истомы Малого, записанного Сигизмундом Герберштейном: «Они сели в устье Двины на четыре суденышка и, держась в плавании правого (восточного. – *Ю.А.*) берега океана, видели там высокие и неприступные горы... проплыв шестнадцать миль (примерно 80 верст. – *Ю.А.*)... прибыли к левому берегу. Оставив справа (к северу. – *Ю.А.*) обширное море... они достигли земли Норботтен, подвластной королю шведскому; русские называют ее Каянской землей... обогнув с трудом излучистый берег, который тянулся вправо (к северу. – *Ю.А.*), они прибыли к одному мысу, который назывался Святым Носом... когда водоворот стал вдруг сильно засасывать корабль, на котором они плыли, то они едва спаслись, изо всех сил налегая на весла. Пройдя мимо Святого Носа, они прибыли к какой-то скалистой горе, которую надлежало обогнуть... несколько дней их задерживали там противные ветры... Корабельщик сказал им: "Эта скала... зовется Семес, и если мы не умилостивим ее каким-нибудь даром, то нам нелегко будет пройти мимо нее..." затем ветры улеглись, и они отплыли... они плыли уже при попутном ветре... им попался навстречу огромный мыс в виде полуострова по имени Мотка, на оконечности которого находится крепость Вардехуз... этот мыс настолько вдается в море, что его едва можно обогнуть в восемь дней... они с великим трудом перетащили на плечах через перешеек в полмили шириной и свои суденышки и поклажу... Затем приплыли... к месту по имени Дронг... там они оставили свои лодки и остальную часть пути проехали по суше на санях»[52].

Рассказ Истомы неоднократно и содержательно комментировался главным образом с точки зрения географических реалий. Удалось установить, что русские суда дошли до Варангер-фьорда, а затем до Тромсе, в котором можно видеть загадочный "Дронт"[53]. Но не меньший интерес представляют и морские реалии рассказа Истомы.

Суда, на которых шло посольство, были небольшими ("суденышки", "лодки"), однако, судя по тому, что они обогнули северную оконечность Европы, довольно мореходными. "Суденышки" могли ходить как на веслах, так и, очевидно, под парусом – им важен попутный ветер. "Суденышки" можно было перетаскивать волоком на плечах – отсюда видно, что они, во-первых, были достаточно легкими, во-вторых, располагали достаточным экипажем для переноса волоком. "Корабельник" был бывалый моряк, достаточно хорошо знавший лоцию и морские предания. Наконец, путешествие совершалось в конце лета или осенью, когда уже в Северной Норвегии пользовались санным путем. "Суденышки" были настолько мореходны, а их экипажи настолько опытны, что могли выйти в море в такое крайне неблагоприятное и опасное время года. В тоже время "суденышки" далеко от берега не удалялись.

Рассказ Григория Истомы – первое описание путешествия русских судов по "морю-акияну". Из этого рассказа можно заключить, что известия Вологодско-Пермской летописи и Архангелогородского летописца о морском походе 1496 г. вполне правдоподобны. Путешествие Григория Истомы совершалось в то же самое время (летом – осенью 1496 г.), что и морской поход князей Уштых в Каянскую землю. Судовая рать шла тем же путем (другого не было), что и "суденышки" посла, – через Белое море, вдоль Кольского полуострова, может быть, волоком через перешеек п-ова Рыбачий, затем вверх по рекам Каянской земли, затем волоком в реки, впадающие в Ботнический залив.

Такова наиболее правдоподобная версия о походе лета 1496 г.[54]

Легкие парусно-гребные "суденышки", аналогичные тем, на которых шли Григорий Истома и его спутники, вполне позволяли совершить дальний комбинированный морской–речной поход. Такие "суденышки" (вероятно, прибрежные) лучше всего соответствовали как условиям плавания "по морю-акияну", так и особенностям сухопутного театра с его реками и переволоками[55].

Опыт подобных комбинированных походов на Севере Руси существовал с давних времен. В 1311 г. "ходиша Новгородцы войною на Немецкую землю за море на Емь... и переехавше море, взяша первое Купецкую реку... потом взяша Черную реку... придоше к городу Ваною... и потом и душе взяша Кавгалу реку и Перну реку, и выидоша на море"[56]. По мнению большинства исследователей, поход был направлен на внутреннюю часть осваиваемой шведами Финляндии и дошел до политического и стратегического центра края – шведской крепости Тавастборг (Тавастхус)[57].

В 1318 г. "ходиша Новгородцы войною за море, в Полную реку, и много воеваша, и взяша Людерев город сумьского князя..."[58] И.П. Шаскольский, комментируя это известие, устанавливает, что "Людерев город" – это Або, резиденция шведского наместника Людера фон Кюрена, а Полная – это р. Аура-Йоки, впадающая в Ботнический залив около Або[59].

Но походы 1311 и 1318 гг. шли через Балтийское море, точнее, его заливы. Известия Вологодско-Пермской летописи и Архангелогородского летописца о походе 1496 г. – первое свидетельство о дальнем морском походе русской судовой рати во главе с воеводами великого князя. В стратегическом отношении поход должен рассматриваться в контексте Свейской войны 1495–1497 гг., вызванной борьбой России и Дании за свободу мореплавания на Балтике против монополии Ганзы, на стороне которой стояла Швеция[60]. В политическом отношении целью похода было возвращение в русское подданство племен "Каянской земли", лежавшей к северу от Ботнического залива[61].

Терминология русских судов нуждается в специальном исследовании, однако можно заметить, что раньше и чаще других встречается название "лодья".

По данным Повести временных лет, именно в лодьях в 882 г. совершал свой поход князь Олег во главе северного русского ополчения: подойдя к Киеву, он "похорони (спрятал) вои в лодьях"[62]. Как типично русское судно, лодья названа в договорах Олега и Игоря с Византией[63]. Упоминания о лодьях в летописях и других источниках настолько обычны, что не нуждаются в цитировании. Лодья, судя по всему, парусно-гребное судно со сравнительно небольшой осадкой. По летописным данным, лодьи ходили как по рекам, так и по морю. По Русской Правде различались набойные лодьи и морские лодьи. "Продажа" (денежный штраф) за их кражу составляла соответственно 60 кун, 2 гривны (= 100 кун) и 3 гривны (= 150 кун), из чего можно заключить, что они незначительно отличались по размерам[64]. По-видимому, летописец не улавливал это различие[65]. Были известны также насад, струг, учан, ушкуй, челн[66]. Чем отличались, кроме размеров, эти типы речных судов, сказать трудно. Но можно более или менее достоверно установить основной факт – это были суда сравнительно небольшие, по преимуществу гребные, которые можно было перетаскивать волоком. Как тип речного судна оставалась и лодья: в 1471 г. в бою на Двине разбитый великокняжескими войсками новгородский воевода князь Василий Васильевич Шуйский "вкинувся в лодию, убеже на Колмогоры"[67]. Однако чаще всего летописец XV в. не называет конкретных типов речных судов, а дает им обобщенное определение "суда"[68], чем косвенно подтверждает отсутствие принципиальных различий между ними[69].

Реки и речные суда имели особенно важное значение на Севере России. В крае, покрытом дремучими лесами и непроходимыми болотами, лучшей, а, по существу, единственной в летнее время транспортной артерией, являлась река, а единственным средством передвижения – легкое речное судно. Именно по рекам "в судех" совершались дальние походы. Походы ушкуйников были частным предприятием новгородским бояр, снаряжавших за свой счет грабительские ватаги из многих десятков речных судов и сотен, а иногда и тысяч вооруженных "молодцов" (по московской терминологии – "разбойников")[70].

Удалые речные походы совершали не только новгородские ушкуйники. В 1471 г. "ходили Вятчане ратью на Волгу. Воевода у них был Костя Юрьев. Да взяли Сарай и полону бесчисленное множество"[71] – отмечает Архангелогородский летописец. Великокняжеская летопись имени вятского воеводы не называет, но приводит некоторые подробности похода: татары Большой Орды, которые "ту близ кочевали за один день", пытались перенять вятчан на обратном пути "и всю Волгу заступиша суды своими..." вятчане же "пробишася". Под Казанью "тако же хотеша переняти их", но они "и тамо проидоша мимо тех... в землю свою"[72]. Набег на Сарай в канун похода Ивана III на Новгород едва ли может рассматриваться как грабительская экспедиция в ушкуйническом стиле. Но нет данных, что поход Кости Юрьева был совершен по повелению великого князя. Можно думать, что инициатором похода были местные вятские власти – руководство вечевой общины Вятской земли, сохранившей до конца 80-х годов XV в. черты своей самостоятельности. Костя Юрьев – один из руководителей этой общины. В 1486 г. он возглавил поход вятчан на Устюг, на этот раз против русского города[73]. Этот поход также не был грабительским – вятские верхи выступали против великого князя в разгар борьбы с Казанским ханством.

Судовые речные рати снаряжала и великокняжеская власть. Под 1469 г. летопись сообщает о большом походе великокняжеских войск в судовой рати по Волге на Казань. Походы судовой рати во главе с великокняжескими воеводами совершались из Вологды и Устюга волоком в притоки Камы и далее на Казань[74].

При встрече с противником, также идущим в судах, ратники либо выходили на берег и вели бой на берегу (как на Двине в 1471 г.), либо вступали в бой на своих судах (как под Казанью и под Звеничем Бором в 1469 г.). По внутренним водным путям совершались походы в Северное Приуралье.

Об одном из самых замечательных речных походов рассказывает Вологодско-Пермская летопись. 25 апреля 1483 г. воевода Иван Иванович Салтык Травин с детьми боярскими великого князя и с вологжанами вышел в поход на вогуличей. Другой воевода, князь Федор Курбский, шел в поход из Устюга с устюжанами, вычегжанами, вымичами и великопермцами. Сражение с вогуличами произошло 29 июля. Князь Асыка был разбит, и со своим сыном Юшманом бежал с поля боя. "И поидоше оттоле воеводы великого князя в Сибирь, и повоеваша Сибирскую землю. И поидоша оттуда на великую реку Обь, ширина ее 60 верст... И прииде Иван Иванович Салтык на Вологду ноября в 9"[75].

Устюжская летопись сообщает другие подробности этого похода. Она называет сысоличей, указывает место боя с вогуличами – устье р. Пелыни, рассказывает о потерях устюжан в этом бою (7 человек), уточняет маршрут похода. После боя на Пелыни (левый приток Тавды. – *Ю.А.*) воеводы великого князя "пошли по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь... А от Сибири шли по Иртышку реце вниз... да на Обь, реку великую, в Югорскую землю". Из Устюга "пошла рать... Мая в 9 день, а на Устюг пришла на Покров Пресвятые Богородицы"[76], т.е. 1 октября.

Текст Устюжской летописи не оставляет сомнения в том, что поход совершался по рекам – в речных судах, перетаскиваемых в случае необходимости волоком. За полгода навигации русские воины прошли более 3,5 тыс. км. Русское войско шло, по-видимому, вверх по Вычегде, затем волоком в Печору, из нее волоком в Лозьву. На этом участке надо было преодолеть северную часть Уральского хребта. Далее вниз по Лозьве до Тавды, мимо устья Пелыни, затем Тавдой до Тобола, Тоболом – в Иртыш, Иртышом – в Обь.

Кто же участвовал в этом многомесячном походе? Летопись различает детей боярских великого князя и местных жителей. Дети боярские присылаются, видимо, из Москвы. Местные жители, населяющие берега рек, составляют судовую (пешую) рать, набираемую по мобилизации. Они же, очевидно, содержат и готовят для похода речные суда. Если конное ополчение детей боярских составляет главную ударную силу русских войск в борьбе на южном и западном стратегических направлениях, то здесь, на севере и северо-востоке, где нет феодальных вотчин и поместий, основную силу составляет пешее судовое ополчение.

После включения северных земель в состав Русского государства судовые рати, набранные из их жителей, упоминаются постоянно. Характерно, что эти ополчения называются чаще всего по имени рек. Так, в 1489 г. важане (от р. Вага, левый приток Двины) "идут в судех" на Вятку во главе с великокняжеским воеводой Юрием Ивановичем Шестаком. В том же походе участвуют "в судех" и вологжане, и вымичи, и вычегжане, и двиняне, и каргопольцы, и сысоличи, и устюжане (во главе с великокняжеским воеводой князем Иваном Ивановичем Звенцом Звенигородским). Подобного рода судовое ополчение шло и в морской поход 1496 г. с воеводами князьями Иваном и Петром Федоровичами Ушатыми.

В источниках нет сведений об организации судового ополчения. Можно, однако, предположить, что основу его составляло черносошное свободное крестьянство (хорошо известно, что в конце XV в. феодальное землевладение на Севере практически отсутствовало). Как и в соседней Норвегии, на Русском

Севере решительно преобладает свободное крестьянство, непосредственно подчиненное государственной власти.

Физико-географические условия театра военных действий, как уже говорилось, делают реки важнейшей (почти единственной) коммуникацией, тем самым основным родом войск становится пехота, посаженная на суда.

"В природных условиях Норвегии конное войско не находило простора для своих действий, и флот и пехота неизбежно должны были играть большую роль"[77], – отмечал А.Я. Гуревич. Тоже самое можно сказать и о Русском Севере.

В сходных социальных и природных условиях должны были сложиться аналогичные формы военной организации. Организация норвежского судового ополчения (лейданга) известна из нарративных источников (саги) и законодательных памятников XII–XIII вв. (Законы Гулатинга, Ландслов). В основе этой организации лежало деление побережья на округа, каждый из которых должен был выставить определенное число парусно-гребных судов, снабженных всем необходимым и укомплектованных боевым экипажем. Судовая морская повинность распространялась на все свободное население (в случае необходимости привлекались и зависимые). Сага об Олафе Трюгквассоне (XI в.) утверждает, что каждый округ (фюльк) должен был выставить 12 кораблей (на каждом корабле 60–70 воинов). По Законам Гулатинга (XII–XIII вв.) с каждых трех дворов на корабль выставлялся один воин. Созыв судового ополчения первоначально происходил по инициативе местных властей и носил локальный характер. После объединения Норвегии под королевской властью право созыва судового ополчения стало прерогативой короля. Судовое ополчение превратилось в королевскую (государственную) повинность[78].

Отрывочные и случайные данные наших источников позволяют уловить некоторые аналогичные черты. Новгородская летопись говорит о судовых походах двинян, заволочан и т.п., почти никогда не называя воевод, стоявших во главе судовых ратей. Летопись рассказывает о речных походах вятчан по их собственной инициативе. Создается впечатление, что организация таких походов была делом местных властей.

С 70–80-х годов XV в. характер известий о речных походах меняется. Они совершаются в интересах Русского государства, по распоряжению великого князя и во главе с назначенными им воеводами. Надо полагать, что с этого времени судовое ополчение в северных землях России, как и в Норвегии, стало обязательным видом военной службы. Только в таких условиях и стал возможным большой поход через "море-акиян" в ходе Свейской войны.

Несмотря на крайнюю скудость источников и неполноту сведений, летний морской поход 1496 г. может рассматриваться как выдающееся событие в истории военного мореходства. Судовое ополчение успешно совершило трудный, опасный поход и решило важную стратегическую и политическую задачу. Впервые по волнам Северного океана прошли военные суда Российского государства, впервые они получили боевое крещение в схватке со шведскими бусами. Судовое ополчение Русского Севера показало свою практическую боевую ценность как составная часть вооруженных сил возрожденного Российского государства. Судовое ополчение продолжало существовать до коренных реформ Петра Великого, положивших начало регулярному военному флоту России, оно может считаться одним из источников будущей морской силы нашего Отечества.

Если на Балтийском театре морская политика Ивана III делала только первые шаги, то на Северном театре она имела возможность опереться на давнюю и прочную традицию – на выработанные веками навыки судостроения, море-

ходства и организацию морской силы. Новым здесь было использование этих традиций в интересах государственной политики – для решения насущных задач Свейской войны. В походе 1496 г. северное ополчение шло под командой воевод великого князя, что дает возможность предположить участие в походе и других служилых людей. В ходе всей Свейской войны поход "морем-акияном" был одним из наиболее удачных предприятий, организация и осуществление которого свидетельствуют о зрелости стратегического мышления русского верховного командования (т.е., в сущности, самого Ивана III и его ближайших советников) и о характерном "почерке" этого командования – удары по противнику наносят с разных направлений для решения общей стратегической задачи. Так было в 1469 г. во время "Первой Казани", в 1471 г. – в походе на Новгород, а также в первой Литовской войне 1492–1493 гг., и позднее во второй – 1500–1503 гг. Во время Свейской войны в решении стратегической задачи впервые приняли участие морские силы, вполне успешно сыгравшие свою роль.

Есть основания видеть в морской политике Ивана III первый шаг к осознанию значения моря и морской силы для Российского государства. Дальнейшие шаги в этом направлении – постройка морского порта в Архангельске, развитие мореходства на Русском Севере в XVII в., чем была непосредственно подготовлена коренная реформа Петра Великого – создание регулярного военно-морского флота.

[1] *Клейненберг И.Э.* Мероприятия Русского государства по укреплению нарвской границы в конце XV в. // Воен.-ист. журн. 1960. № 6; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XV в. Л., 1975; *Она же.* Русско-датские торговые отношения в конце XV – начале XVI в. // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 89–104; *Хорошкевич А.Л.* Борьба России за создание флота в конце XIV – начале XVI в. // Воен.-ист. журн. 1974. № 5. С. 82–86; *Она же.* Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV – начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией: Сб. статей. Рига, 1968. С. 13–31; *Она же.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980; *Алексеев Ю.Г.* На пути к морю: Первые шаги балтийской политики Ивана III // Петербургские чтения-95: Материалы науч. конф. 22–26 мая 1995 г.; *Он же.* "Ходили з Двины морем-акияном" // Вестн. СПб. гос. ун-та. 1997. Сер. 2. Вып. 1.

[2] *Казакова Н.А.* Русско-ливонские... С. 194.

[3] Там же. С. 191.

[4] Там же. С. 163–170.

[5] ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 67; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские... С. 134–143.

[6] ГВНП. М.; Л. 1949. № 78. С. 133–136; ПЛ. Вып. 1. С. 193–196; М., 1955. Вып. 2. С. 55–59; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские... С. 148–154.

[7] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 329.

[8] АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 75. С. 95–97; ГВНП. № 73. С. 122–123; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские... С. 163–170.

[9] *Казакова Н.А.* Русско-ливонские... С. 172–173.

[10] Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. СПб., 1851. Стб. 81–82.

[11] АЗР. Т. 1. № 112; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские... С. 177–178.

[12] *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 139.

[13] LUB. Riga; Moskau, 1900. Abt. 2. Bd. 1. № 7.

[14] Там же. № 144.

[15] Там же. № 2.

[16] ПСРЛ. Т. 28. С. 158.

[17] LUB. Abt. 2. Bd. 1. № 2.

[18] ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 158.

[19] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1882. Т. 1. С. 176.

[20] По шведским источникам 1520-х годов, король Густав Ваза, обеспокоенный появлением русских судов на Балтике, решил также "приступить к строительству флота" по венецианскому образцу. См.: *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 163 и примеч. 537.

[21] LUB. Abt. 2. Bd. 1. № 290. См.: *Клейненберг И.Э.* Мероприятия Русского государства... С. 125–127.

[22] LUB. Abt. 2. Bd. 1. № 550. См.: *Клейненберг И.Э.* Мероприятия Русского государства.

[23] LUB. Abt. 2. Bd. 1. № 334.

[24] СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 110. См.: *Казакова Н.А.* Русско-датские торговые отношения в конце XV – начале XVI в.

[25] *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884. С. 597–599.

[26] LUB. Abt. 2. Bd. 1. № 143. С. 111–112. См.: *Казакова Н.А.* Русско-датские торговые отношения. С. 92.

[27] См.: *Хорошкевич А.Л.* Борьба России за создание флота... С. 84.

[28] ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 290.

[29] LUB. Abt. 2. Bd. 1. № 400, 406.

[30] Там же. № 400.

[31] НПК. СПб., 1889. Т. IV. Стб. 227.

[32] ПЛ. Вып. 1. С. 87–88.

[33] *Хорошкевич А.Л.* Значение экономических связей... С. 27.

[34] РИБ. СПб., 1897. Т. 16. № 9. Стб. 22.

[35] *Хорошкевич А.Л.* Значение экономических связей... С. 28.

[36] *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 391; *Шаскольский И.П.* Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истомы) // Путешествия и географические открытия в XV – XVII вв. М.; Л., 1965. С. 25–26.

[37] Каянская земля – область к востоку от северной части Ботнического залива. См.: *Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XVI в. Л., 1987. С. 133. Из приведенных в летописи названий рек три легко обнаруживаются на современной карте – Кеми, Лименга и Торнео, впадающие в Ботнический залив с севера и северо-востока.

[38] ПСРЛ. Т. 28. С. 327.

[39] Там же. СПб. 1910. Т. 20 (1-я пол.). С. 363; Л., 1977. Т. 33. С. 132 (без упоминания двинян и важан); СПб., 1901. Т. 12. С. 242 (с небольшими разночтениями в названиях рек).

[40] Там же. Т. 26.

[41] Там же. Л., 1982. Т. 37. С. 98. Список Мацеевича приводит тот же текст в дефектном виде: вместо "на Каяны" – "на казанских татар". Названия рек опущены. С. 51.

[42] РК 1475–1605 гг. М., 1977. С. 50.

[43] По Родословцам два сына князя Федора Ивановича Ушатого (из рода ярославских князей) носили имя Иван – Ляпун и Бородатый. См.: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 89.

[44] Бус – мореходное судно Западной Европы, впервые упоминаемое в русской летописи под 1204 г. (в связи с нападением латинян на Царьград). См.: НПЛ. М.; Л., 1950. С. 246. Более раннее чтение дает название "корабль" (Там же. С. 26). На севере Европы летопись впервые упоминает бусы под 1419 г. (Там же. С. 411).

[45] Jslandska annaler / Ed. G. Storm. Christiania, 1888. S. 354; *Шаскольский И.П.* Борьба Руси... С. 162.

[46] НПЛ. С. 403.

[47] Там же. С. 411–412.

[48] Там же. С. 426.

[49] ПСРЛ. Т. 28. С. 158, 160.

[50] Там же. Т. 37. С. 98.

[51] *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 141.

[52] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 201–202.

[53] *Замысловский Е.Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884; *Шаскольский И.П.* Об одном плавании... С. 7–29.

[54] *Шаскольский И.П.* Борьба Руси... С. 25–26. Другой маршрут похода рисует К.В. Базилевич: "Войско... обогнув р. Полною Мурманский нос, вступило... в Лапландию" (Указ. соч.

С. 391). На карте И.А. Голубцова, приложенной к указанной книге Базилевича, показан маршрут похода по р. Полной вдоль Кольского полуострова с востока на запад. Версию эту, однако, трудно принять. О плавании по р. Полной нет никаких известий. Вряд ли плавание через Белое море можно назвать походом через "море-акиян". А ведь именно о таком походе единодушно говорят северные летописцы. Возможность же (техническая) такого похода может считаться доказанной рассказом Истомы.

55 Русским парусно-гребным судам были хорошо известны воды Северного океана и его морей. Европейские путешественники XVI в., открывавшие для себя северные моря, встречают в море десятки русских лодей. См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю.В. Готье. М., 1936. С. 81, 101, 103 и др.; *Геррит де Фер.* Плавание Баренца. Л., 1936. С. 272–297.

56 НПЛ. С. 93, 333–334.

57 *Шаскольский И.П.* Борьба Руси... С. 72–79.

58 НПЛ. С. 95, 337.

59 *Шаскольский И.П.* Борьба Руси... С. 79.

60 *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 388–393; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 144–147.

61 *Шаскольский И.П.* Борьба Руси... С. 139–141.

62 ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 23.

63 Памятники русского права. М., 1952. Т. 1. С. 8, 32.

64 Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 113. Описание морской лодьи (правда, XVII в.) см.: *Нефедов А.С.* Северное русское судостроение и мореходство в XIV–XVII вв. и его вклад в строительство и становление Российского флота в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 18–19. См. также летописные статьи 1043 г.: "начаша лодьи разбивати и корабли розби" (ПСРЛ. Т. 25. С. 376) и 1272 г.: "местер... поиде к Пскову в кораблях и лодиях" (Там же. Т. 28. С. 60).

65 Аскольд, Олег и Игорь ходили к Царьграду на "кораблях", но в договорах с греками типичным русским судном названа "лодья", а греческим – "кубара".

66 1159 г.: Ростислав Мстиславович послал "в насаде на Берладники" (ПСРЛ. Т. 25. С. 67); по Пространному Правде "за струг гривна" (= 50 кун), т.е. немного меньше, чем за простую ладью; 1183 г.: "волжские болгары прибегоша к учаном и начаша метанья в них" (ПСРЛ. Т. 25. С. 90); 1229 г.: "у кого ся избиеть учан... или у Русина, или у Латинского..." – Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом. В 1471 г. из Новгорода по озеру или беженцы из осады "в великих учанах... а 50 человек в судне, и поболе" (Там же. С. 292); 1366 г. "поидоша... полтораста ушкуев с разбоники..."; 1375 г.: "идоша разбойницы в 70 ушкуях... и приидоша к Костроме... а их только 2 тысячи" (Там же. С. 183, 191). По Пространной Правде "за челн 20 кун", т.е. втрое меньше, чем за простую ладью.

67 ПСРЛ. Т. 28. С. 127. Другое же чтение дает Московская летопись по Уваровскому списку: "вкинувся в ***лодку***..." (Там же. Т. 25. С. 290).

68 "И сретоша на Двине в судех, и выидоша обои из судов на брег..." (Там же).

69 Можно только отметить, что ушкуи, по-видимому, были более легкими судами, а насады – более прочными; в 1375 г. ушкуйники для похода вниз по Волге от Булгар заменили свои ушкуи насадами (Там же. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 102).

70 *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 36–51.

71 ПСРЛ. Т. 37. С. 93.

72 Там же. Т. 25. С. 291.

73 Там же. Т. 37 С. 49. В известии Софийско-Львовской летописи Константин Юрьев назван "воеводой Вятским" (Там же. Т. 20 (1-я пол.) С. 352).

74 Там же. Т. 25. С. 281–283.

75 Там же. Т. 26. С. 275–276.

76 Там же. Т. 37. С. 49.

77 *Гуревич А.Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 195.

78 Там же. С. 166–195.

И.П. Старостина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИММУНИТЕТА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XV веке

В Великом княжестве Литовском с конца XIV в. происходило интенсивное перераспределение земельной собственности. Верховные правители Литвы последовательно осуществляли массовую раздачу феодалам земель, ранее находившихся в их непосредственном подчинении. Этот процесс сопровождался расширением политических прав и свобод литовского боярства, что в конечном счете вызвало изменение соотношения судебно-административных прав феодалов и монарха[1].

Развитие иммунитета в Великом княжестве Литовском имело свою специфику, обусловленную особенностями исторического развития. В Литовском государстве на протяжении столетий происходило взаимодействие западноевропейской (через Польшу) и восточнославянской (со стороны бывших древнерусских земель) культур[2]. Великое княжество Литовское в XV в. достигло своего расцвета, распростершись "от моря до моря". Но только 10% этой территории занимали этнические литовцы. Большинство населения составляли жители бывших древнерусских областей, отторгнутых после монголо-татарского завоевания в XШ в. В конце XIV в. явно обозначилась тенденция сближения с Польшей. К этому подталкивали Орденская угроза и конфронтация на востоке с Москвой, усилившейся после победы на Куликовом поле. До конца XIV в. Литва оставалась последним языческим государством Европы. Объединение с Польшей способствовало успешной борьбе с крестоносной агрессией и закреплению успехов восточной политики. Брак великого князя литовского Ягайлы с польской королевой Ядвигой, принятие христианства по католическому образцу стали поворотным пунктом в отношениях с восточным соседом и надолго определили исторические судьбы народов Восточной Европы. Уния не только служила задачам внешней политики, но и способствовала обогащению Литвы политическим и культурным опытом Польши, связанной с западным миром.

В то время прошел интенсивный процесс включения Польши в общеевропейское политическое и правовое пространство[3]. В ходе дальнейшего развития польско-литовского союза, проявлявшегося не только в единении, но и в жестком противостоянии, отстаивании собственных национальных интересов, происходило формирование особого государственно-политического организма, приведшего Литву и Польшу в конце XVI в. к их более тесному сплочению в общее государство – Речь Посполитую.

В результате унии литовское правящее сословие получило привилегии, гербы польских фамилий, которые уже имела польская шляхта. Принятие католичества привело к новым отношениям с православным миром Великого княжества Литовского. Постепенно на новые принципы стала ориентироваться не только литовская, но и "русская" среда. Со временем привилегии, полученные литовскими феодалами, были распространены и на феодалов "русских" земель Великого княжества Литовского. Историографией (также и современной) эта тема, разумеется, не обойдена. Но неудовлетворительной остается состояние изученности источниковой базы. Нет современных публикаций земских и обла-

стных привилеев, зафиксировавших важнейшие политические и экономические права феодалов, что не позволяет плодотворно на современном уровне использовать эти важнейшие источники.

Перед историком, изучающим Великое княжество Литовское, встает вопрос более внимательного (по сравнению с великими предшественниками) изучения источников, уже бывших предметом исследования. Новые отрасли источниковедения, накопленный историографический опыт требуют нового уровня исторических обобщений, невозможных без скрупулезного изучения конкретного памятника, явления, института. Необходима также работа по подготовке новых публикаций источников, разбросанных в изданиях, давно ставших библиографической редкостью, часто безнадежно устаревших.

Характерной чертой иммунитета в Великом княжестве Литовском было ускоренное оформление сословных прав литовского боярства по польскому образцу, в свою очередь ориентированному на западноевропейские модели. Иммунитетные права и сословные привилегии литовской знати были оформлены в общеземских привилеях, изданных на латинском языке. На латинском же языке издавались и привилеи для католической церкви, как и многие привилеи для отдельных лиц. Распространение латинского языка в литовской среде[4], помимо просвещения опытом античности, активно включало Литву в круг европейских народов, где латынь была объединяющим фактором. В Литве она была ориентирована на узкий круг интеллектуалов и потому не имела исторической перспективы. Будущее было за национальным языком. Но вплоть до конца XVI в., государственным языком оставался "русский" язык, на котором в Великом княжестве Литовском издавались законы, знаменитые памятники эпохи Возрождения – Литовские статуты[5], велось делопроизводство, писались летописи, вершился суд. Литовское правотворчество, заимствуя в области иммунитетной политики западные образцы, искусно приспосабливало их к реальным условиям, умело используя в деловой и юридической письменности традиции, восходящие к древнерусскому опыту.

В современной историографии нет фундаментальных исследований иммунитета в Великом княжестве Литовском, хотя отдельные аспекты этой проблемы нашли отражение и в общих работах по истории этого государства[6], и в специальных исследованиях его социальной структуры[7]. В настоящей статье сделана попытка отметить некоторые общие вопросы развития иммунитета и более подробно рассмотрена мостовая повинность.

Иммунитетные права литовских и русских феодалов получили свое развитие в целом ряде привилеев, изданных великими литовскими князьями с 1387 по 1568 г. Исследовав глубокий перелом в хозяйственной и политической жизни Литовского государства конца XIV–XV вв., Х. Ловмяньский пришел к выводу, что "общественные перемены, жертвой которых стало подданное население", "были обусловлены не земскими привилеями, а развитием крупной собственности и иммунитета"[8].

Взаимоотношения феодалов и их подданных регулировались, конечно, не только нормами общеземских привилеев, но и привилеями, выданными отдельным феодалам, а также обычным правом, "стариной". При этом возникала пестрая картина структуры зависимого населения, складывающаяся из подданных, обремененных повинностями и податями разного уровня. Степень зависимости подданных от феодалов значительно различалась. Такая пестрота нашла выражение и в терминологии: в актах мелькают люди "похожие", "непохожие". "люзные", "отчинные", "велдомые", "комминцы", "паробки" и пр. Статус давних зависимых людей отличался от статуса только что переданных во владение

феодалам. Разобраться в сложных взаимоотношениях между владельцами, подданными и государством, отказывающимся от части повинностей в пользу феодалов, иногда сложно. Многочисленные судебные разбирательства по выяснению подобных вопросов заполняют Судебные книги Литовской метрики. Нет единообразия и среди исследователей, толкующих нормы общеземских привилеев.

Исследуя складывание вотчины в Великом княжестве Литовском, М.В. Довнар-Запольский отмечал и различия в положении населения старой вотчины и новых "данин" великих князей. По его мнению, великий князь в общеземских привилеях освобождал от некоторых общегосударственных повинностей, в том числе мостовой, только население "старых вотчин", а не земель, пожалованных им самим. Следующий великий князь освобождал от этих повинностей пожалования своего предшественника, но не свои пожалования. Такое положение сохранялось до конца XV в., а окончательно было отменено уже в середине XVI в., когда вотчины и пожалования были уравнены в своем статусе[9]. Но в этом же исследовании, в другой главе, Довнар-Запольский писал о том, что мостовая повинность сохранялась и в вотчинных, и в пожалованных владениях[10]. На это противоречие указал в своей рецензии М.К. Любавский, отметивший нечеткость в определении повинностей вотчин и выслуг[11]. Последующая историография парадоксальным образом усвоила оба взаимоисключающие положения из работы М.В. Довнар-Запольского. В развитие первого тезиса возник вопрос об особом положении "велдамасов", волостных людей, переданных великим князем в подданство феодалов[12]. Вместе с тем достаточно устойчивым оставался тезис о сохранении мостовой повинности как в вотчинных, так и в пожалованных имениях.

Разногласия по поводу разного статуса старых вотчинных людей и вновь пожалованных подданных основываются на различных толкованиях статьи привилея 1447 г. об освобождении подданных от разных повинностей. Подлинник привилея издан (как и все общеземские привилеи) на латинском языке, однако в Литовской метрике сохранился также "русский" перевод, сделанный несколько позже:

Item omnes et singuli cmetones	А теж вси, а кажды осо-
et subditi principum, baronum,	бне, селяне и подданные,
nobilium, boiarorum et ciuium	княжатом, рытерем, шлях-
ipsarum, terrarum magni ducatus	тичом, бояром и местичом
Lituaniae ab omni datione et	наших земль Великого
solutione collectae siue	князьства Литовского,
sierepczyzne dictae atque	от всего дания и заплаты
mensurarum, que dziakla nuncu-	собранья, вытягнениа се-
pantur, ab omnique onere vec-	ребщизны и теж мер, ко-
tigalium, que podwodi dicuntur,	торыи же дякла реченыи
a ductione lapidum, roborum,	суть, / ото всякого бере-
siue lignorum pro exustione	мени повозов, которые
laterum siue cementi pro cast-	словуть подводы/, от во-
ris, foeni falcastrationis et	женниа камениа, протесов,
aliis minis iustis laboribus	бревен и дерева на жже-
soluti sint, liberi omnino	ниа плит, а любо мелу на
et exempti, laboribus tamen	городы, сенокошения и
pro aedificatione castrorum	иных несправедливых ро-
denuo oportunorum et anti-	бот выпущены и будуть
quorum reformatione exceptis,	вольни овшейкы и выняты,
principum, baronum, nobilium,	выменуючи роботы на
boiarorum cmetonibus et sub-	будованье городов наших

ditis, per nos eis datis et donatis, similiter exceptis. Antiquas tamen et dudum consuetas pro nobis et successoribus nostris procurationes, collectas, stationes, pontium nuorum erectiones, veterum refectiones et viarum reparationes illaesas reseruamus et eas volumus esse semper saluas[13]

новых потребных, а старых поправлениа; теж княжатом, рытерем, шляхтичом селян данных и подданных и через нас им дарованных а також выимаюче.
А теж из стародавна зыченые на нас и на наши будущии уряды, поборы, стацыи, мостов новых чиниениа, старых поправлениа, а городов оправлениа, непорушне заховаем, а и хочем всегды имети неслободных[14].

Сложности возникли из-за употребленного дважды термина "exceptibus". Статья толковалась таким образом, что все подданные землевладельцев освобождались от перечисленных повинностей, за исключением ("exceptibus") работ по строительству новых и ремонту старых "городов". Подданные же, пожалованные нынешним великим князем "через нас им дарованных", "per nos eis datis et donatis", исключались из сферы действия данного установления, "а також выимаюче", "similiter exceptis". Эти подданные продолжают и впредь выполнять перечисленные далее повинности. Привилеи, выданные затем Александром и Сигизмундом, почти дословно повторяли эти положения. Поэтому считалось, что каждый следующий великий князь освобождает от повинностей всех подданных, за исключением тех, кого пожаловал он сам.

Однако такое толкование представляется искусственным. Это подтверждают как предшествующие, так и последующие правовые нормы, а также судебная практика. Хотя в привилегии 1434 г. мосты не упомянуты, но предусмотренные в ней обязанности содержать в исправности крепости и дороги, подразумевают и мостовую повинность. Характерно, что сохранение такой повинности объясняется тем, что без выполнения подобных работ подданными государство не сможет существовать – "...sine quibus eciam terrae nostrae bene stare non possunt"[15]. О мостовой повинности упоминает статья 25 Судебника Казимира 1468 г.: "А також и где которыи мосты мощивали за дядю нашего, за великого князя Витовта и за великого князя Жидимонта, тот бы и ныне каждый свою делницю замостил и заделали как надобе; а то бы не мешкая заделали сего ж лета. А на чией делници щкода ся станет, конь ся образить, ногу изломит, тому платит; а которыи не заделают своих делниц сего лета, а оплашатся, тот ис права выступил, на том нам вины 10 рублев гроши"[16].

Из содержания статьи следует, что никаких исключений относительно выполнения обязанности мощения "старыми" подданными великий князь Казимир в 1468 г. не делает[17]. Ссылка на времена Витовта вовсе не означает, что до Витовта такой обязанности не было. Время правления Витовта было определенным этапом при Казимире, на него ссылались и доказывали свои права на владение землей, людьми и т.д. Если какие-то обязанности выполнялись при Витовте, как "старина" они должны были сохраняться и при Казимире. Помимо общего значения определенной грани, рубежа в фиксации повинностей, Витовта помнили во времена Казимира, когда зачастую письменно оформлялись показания "старцев", "людей добрых", к помощи которых прибегала власть для установления и сохранения повинностей. Например, в записи о Смоленской

посощине "то старина *за Витовта* была, поведають стары старцы и путники старыи"[18]. Отчетливо это видно из показаний витебского жителя Василия Микулича, данных им Казимиру и сохранившихся в копии среди более поздних документов витебского воеводы – "што твоя милость пишешь, господаръ мой, до мене о тых людех о Брушанех, о пошлинах, ино я, господару, Олькирда не помню, помню князя великого Витовъта, дядю твоего"[19].

Жалованная грамота великого князя московского Василия Ивановича Смоленску от 10 июля 1514 г. содержит обещания сохранить установления для Смоленска, изданные прежними князьями и Витовтом: "Дали есмя им свою грамоту жаловальную, что нам их держати во всем по тому, как их держал Князь Великий Витофт и иные Государеве... по их утвержденным грамотам и по сей нашей жаловальной грамоте... А который суд у них был при Витофте, и суду у них быти во всем по тому... что нам их пожаловати, держати в их старине, как их держал князь великий Витофт..."[20] Судебник Казимира, таким образом, подтверждает старую норму.

Надзором за постройкой и сохранением в исправности мостов заведовали "мостовничие"[21]. Мосты "мостили" "по улицам и рекам... кождый свои делници"[22]. Если власти обращались с просьбой к жителям замостить какой-либо участок, а это не входило в их обязанности, то они просили, чтобы это было "им... напотом не в пошлину". Когда в 1495 г. виленские мещане "замостили мост" перед виленским замком "для спешности", великий князь Александр выдал специальную грамоту с обещанием не обращать это в постоянную повинность, "штож мещане виленские перво сего николи мосту перед городом немощивали, им тое откладаем, што вжо они напотом не мають того мосту перед городом местом мостити, нижли маеть волость наша тот мост мостити по давному"[23]. Власти следили за тем, чтобы мосты содержались в порядке. В Смоленском привилее 1505 г. приведено содержание "листа" Казимира, выданного им смоленским жителям в ответ на их жалобы на смоленского воеводу Миколая Радивиловича: "А хто коли помостное заведаеть на городе, тот бы с тых людей, которых дельница сказиться, а за ся замостить, по грошу брал. А чия дельница на мосту будеть цела, на том бы ничего не брал"[24].

Сведения о мостовой повинности содержатся также в листе, направленном 11 апреля 1495 г. великим князем Александром витебскому наместнику князю Михаилу Ивановичу Жеславскому в ответ на жалобы витеблян: "Штож здавна мост мощывали каждый чоловек перед своим двором пяти топорищ, ино, хотя ач дей мост нов, и слуги дей, твои, ходячы в ночы, мостници вздирають, и за то дей в них с каждого двора по грошу беруть"[25]. Следовательно, в Витебске, как и в Смоленске, не замостивший свой участок платил грош. В "выроке" короля Сигизмунда I от 12 июля 1524 г. говорилось: "...ино ведже у великом князстве везде мостовничое на людех берут от секеры по грошу"[26]. Такова была общая норма штрафа за невыполнение мостовой повинности. Эта повинность служила источником доходов урядников воеводы, а недобросовестные слуги пытались получить их незаконно. В собственно Литовской земле урядники также следили за тем, чтобы каждый выполнял свою повинность по мощению. Те, кто отказывался ее выполнять, подвергались "грабежу" – принудительному возмещению стоимости невыполненной работы за счет домашнего имущества. Таким образом, ссылка в Судебнике Казимира на времена Витовта подтверждала "старину" существования повинности, следовательно, ее законность и правомерность. Вторая же часть предусматривала карательные постановления. Владелец участка, на котором произошел несчастный случай (например, конь сломал ногу) оплачивает пострадавшему все убытки и большой штраф в пользу государства –

10 рублей, так как является нарушителем государственного закона "земского права".

О выполнении мостовой повинности всеми частновладельческими подданными свидетельствует целый ряд судебных решений. В 1499 г. великий князь Александр в постановлении по поводу спора между волостными людьми и частновладельческими подданными определил, что люди бояр Котовичей вместе с людьми Свислоцкой волости должны выполнять все повинности, в том числе "и мосты мають с ними мостити"[27]. В 1524 г. по жалобе людей Браславской волости на державцу Павла Ивановича Сопегу король Сигизмунд I постановил: "Ино ачъ есмо там подданным нашим люди поотдавали, а роботы городовое и мостовое никому есмо не отпускали, а так аж бы еси и город и мосты всими людми, как нашими, так и подданных наших, робил потому, как и перед тым бывало"[28]. В решении короля Сигизмунда от 1529 г. частновладельческим подданным также предписано выполнять вместе с волостными людьми мостовую повинность: "Тые люди... мають посполу з ними (волостными людьми. – *И.С.*) ...и городы и мосты с ними робити... потому, как з давных часов за отца нашого Казимира короля его милости бывало"[29]. Можно привести еще множество примеров.

Итак, можно сделать вывод, что статья 10 (11) общеземского привилея 1447 г. не освобождала "старых" частновладельческих подданных от мостовой, а также и некоторых других повинностей (здесь они не рассмотрены). Выражение "селян данных и подданных и через нас им дарованным а тако ж выимаче" означает, что вновь пожалованные подданные также освобождаются от тех повинностей, от которых освобождены и "старые" подданные. Конец же статьи подтверждает, что все частновладельческие подданные обязаны и впредь выполнять "поборы стацыи, мостов новых чинениа, старых поправлениа, а городов оправлениа". Казимир объявлял, что эти повинности "непорушно заховаем, а хочем всегды имети неслободных". Эти нормы продолжали действовать более столетия. В 1569 г. Сигизмунд Август ответил отказом на просьбу послов Великого княжества Литовского освободить шляхетских подданных от "робенья мостов и замков": "Того господарь его милость, яко речи земское, ни с кого складати не может, кгды ж то есть повинность земская, а замки шляхте для обороны и мосты для беспечнейшего переезду суть потребные"[30]. Мостовая повинность относилась к службам публичного характера, которую были обязаны выполнять и частновладельческие подданные, и волостные люди Великого княжества Литовского. Привилей 1447 г. закрепил это положение.

[1] *Łowmiański H.* Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii jagiellońskiej // Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 365–454; *Idem.* Z zagadnień spornych społeczeństwa litewskiego w wiekach średnich // Przegląd historyczny. 1950. T. XL (za rok 1949). S. 112–115, 127. См. также: *Старостина И.П.* Судебный иммунитет в законах Казимира 1468 г. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 262–271.

[2] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства М., 1959; *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1987.

[3] *Samsonowicz H.* Złota jesień polskiego średniowiecza. Warszawa, 1977.

[4] *Bardach J.* Statuty litewskie w ich kręgu prawno-kulturowym // Bardach J. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 69.

[5] Первый Литовский статут. Вильнюс, 1982; *Bardach J.* Op. cit.

[6] *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-русского государства. М., 1915; *Пичета В.И.* Белоруссия и Литва. XV–XVI вв. М., 1961; *Jablonskis K.* Lietuvos valstybės ir teisės istorija. Vilnius, 1971. *Łowmiański H.* Op. cit; *Ochmański J.* Historia Litwy. Warszawa, 1982; *Gudavičius E.* Lietuvos istorija. Vilnius, 1999.

[7] K*rasauskaite M.* Die Litauische Adelsprivilegien bis zum Ende des 15. Jahrhunderts. Leipzig, 1927; *Jurginis J.* Baudžiavos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962.

[8] *Łowmiański H.* Z zagadnień. S. 115, 122–123; *Idem.* Zagadnienie feodalizmu w W. Księstwie Litewskim // Pamiętnik VI Powszechnego zjazdu historyków polskich. Lwów, 1935. S. 213–214.

[9] *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. I. с. 618–624; ср. с. 622.

[10] Там же. С. 663.

[11] *Любавский М.К.* Отзыв на сочинение М.В. Довнар-Запольского "Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах" (Киев, 1901. Т. 1). М., 1901. С. 54.

[12] История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 69; и др.

[13] *Любавский М.К.* Очерк... С. 327.

[14] АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 61. С. 75–76 (дано в примеч. 2.); *Владимирский-Буданов М.Ф.* Хрестоматия по истории русского права. 4-е изд. Киев; СПб., 1901. Вып. II. С. 27. См. примеч. 15: "Это почти буквальный перевод польской привилегии Людовика Венгерского..."

[15] *Любавский М.К.* Очерк... С. 320.

[16] *Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 г. // ДГ, 1988–1989 гг. М., 1991. С. 340.

[17] И.Н. Данилович, комментируя эту статью, полагал, что первым позаботился о строительстве дорог в Литве Витовт, приглашая в Вильну и Троки знаменитых купцов, и потому он должен был упростить для них переправы. Причину появления статьи в Судебнике он видел в том, что старая повинность стала забываться (Statut Kazimierza Jagiellończyka, pomnik naydawnieyszych uchwał litewskich z XY w. Wilnie, 1826. S. 52).

[18] АЗР. Т. 1. № 55. С. 69.

[19] Беларускі архіў. Менск, 1928. Т. II. С. 41.

[20] СГГД. М., 1813. Ч. I. № 148. С. 412; и др.

[21] *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892. С. 795, 834, 842.

[22] *Довнар-Запольский М.В.* Акты Литовско-Русского государства. М., 1899. Вып. I (1390–1529). С. 200.

[23] Там же. № 36 (13 февраля 1495 г.). С. 66.

[24] *Ясинский М.К.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889. С. 123.

[25] РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 594.

[26] *Довнар-Запольский М.В.* Акты Литовско-Русского государства. С. 198.

[27] Там же. № 61. С. 87; РИБ. Т. 27. С. 729.

[28] *Довнар-Запольский М.В.* Акты Литовско-Русского государства. № 174. С. 197.

[29] Там же. № 196. С. 229.

[30] Документы Московского архива Министерства юстиции. М., 1897. Т. I. С. 500.

М.М. Кром

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРИВИЛЕЙ СИГИЗМУНДА I СМОЛЕНСКУ (1513 год)

Традиция изучения жалованных грамот (в Польше и Литве их принято называть *привилеями*) отдельным землям и городам Великого княжества Литовского насчитывает уже больше столетия[1]. До недавнего времени считалось, что все подобные документы за ранний период (по начало XVI в. включительно) выявлены и опубликованы; все они дошли до нашего времени в копиях, как правило, в составе книг Литовской метрики. Но вот несколько лет назад С.Г. Жемайтис обнаружил среди неописанных документов фонда "Западнорусские акты" Отдела рукописей РНБ подлинный *привилей* великого князя Казимира Новогрудской земле от 22 июля 1440 г.[2] Эта находка очень важна для изучения становления и эволюции полиэтничной Литовской державы.

По сравнению с этим сенсационным открытием публикуемый ниже смоленский привилей может показаться вполне заурядным документом: его содержание сводится к предоставлению горожанам нескольких финансовых и судебных льгот, а по времени издания он более поздний, чем уже известные исследователям смоленские грамоты. И тем не менее, не говоря уже о том, что привилей сохранился в подлиннике, он представляет значительный интерес – и как источник по истории внутригородской жизни Смоленска начала XVI в., и как памятник эпохи русско-литовских войн, "призом" в которых являлся этот старинный русский город.

О существовании этого документа автору стало известно благодаря новому путеводителю по РГАДА: здесь в аннотации к фонду 79 (Сношения России с Польшей) упомянут среди "привилегий и жалованных грамот польских королей" и привилей Смоленску 1513 г.[3]

Архивное дело, в котором ныне находится интересующий нас документ[4], состоит из четырех сшитых вместе бумажных листов (последний из них оставлен чистым и не пронумерован) и большого листа пергамена (59 × 51,5 см), на котором написан подлинник привилея. На первом листе рукой копииста написан заголовок дела; далее листы 2–3 занимает копия документа, выполненная (согласно помете на л. 3 об.) переводчиком Мартыном Соколовским – вероятно, в конце XVIII или начале XIX в.[5] Тогда же, очевидно, было сформировано и данное архивное дело. Уже к тому времени, по свидетельству М.Н. Соколовского, подлинник документа дошел в несколько обветшавшем виде: "Подлинная привилегия писана на пергамине и во многих местах, а особливо на сгибах, пробилась и несколько погнила..."[6] Позднее документ был реставрирован: там, где пергамен прорван (на сгибах), подклеены полоски бумаги. Из-за этого имеются незначительные утраты текста. В некоторых случаях на помощь приходит копия Соколовского, однако пользоваться ею приходится очень осторожно: в целом ряде мест копиист неправильно понял и реконструировал поврежденные фрагменты текста.

Итак, перед нами подлинник привилея, который Сигизмунд I выдал по челобитью смольнян 16 апреля 1513 г. в Познани; документ скреплен большой красновосковой государственной печатью (она скрыта под кустодией и поэтому изображение не видно), рядом с которой читается подпись писаря Богуша Боговитиновича. Каким же образом привилей оказался в Москве и почему, вопреки

обыкновению, копия его не занесена в одну из книг Литовской метрики? На оба вопроса кратко можно ответить так: королевская грамота стала одним из военных "трофеев" Василия III, овладевшего летом 1514 г., после очередной осады, Смоленском.

Одним из условий капитуляции жителей Смоленска явилось подтверждение московским государем их прав и привилегий, которыми они пользовались под властью Литвы. 10 июля 1514 г. Василий III выдал своим новым подданным жалованную грамоту (она сохранилась до нашего времени[7]), повторявшую основные положения привилеев литовских господарей Смоленску[8]. Помимо "большой" жалованной грамоты всей Смоленской земле, Василий III выдал тогда особую жалованную грамоту смоленским мещанам: во второй половине XVI в. обе грамоты, согласно дошедшей до нас описи, хранились вместе в Царском архиве[9].

Естественно, для составления этих документов требовались тексты литовских привилеев, и они были предоставлены смольнянами московскому государю: в том же ящике Царского архива (74-м), где хранились упомянутые выше две жалованные грамоты Василия III, находились, судя по описи, "три грамоты старые Жигимонта короля жаловальные, да две грамоты мещанских, а принес Логин, староста смоленской"[10]. Кроме того, согласно той же описи, в другом ящике Царского архива хранилась "тетрать – писаны грамоты королевские, коли выдал смольнянам"[11]: очевидно, речь шла о своего рода копийной книге, в которую были записаны привилеи, выданные господарями Смоленску. После 1514 г. все это "правовое наследство" было перевезено в Москву и, по крайней мере, во времена Ивана Грозного продолжало храниться в царском архиве (кстати, царь проявил интерес к упомянутым выше документам: в августе 1566 г. он затребовал часть из них к себе[12]).

В начале XVII в. некоторые из господарских привилеев Смоленску хранились в архиве Посольского приказа. Согласно составленной в 1614 г. описи, там находились: 1) "Грамота жаловальная Жигимонта, короля полсково, по челобитью смоленского владыки Варсонофья и околничих, и князей, и детей боярских, и всех посадцких людей"; 2) "грамота литовского Жигимонта короля, лготная, по челобитью смольнян посадцких людей, а писана лета от Рожества Христова 1523-го году"; и, наконец, 3) "грамота Жигимонта Августа, короля полсково, по челобитью смольнян посадцких людей, с королевскою печатью, лета от Рожества 1503-го"[13].

Дата второго документа явно указана неверно: в 1523 г. Смоленск уже давно принадлежал Московскому государству. Дата третьего документа выглядит более правдоподобно, но никак не согласуется с именем короля Сигизмунда Августа (1548–1572). Если все же попытаться найти возможное соответствие этой грамоте среди известных нам смоленских привилеев, то ближе всего по времени к упомянутому в описи акту подходит льготная грамота короля Александра, выданная действительно по челобитью старосты "места Смоленского" и всех мещан 16 августа 1502 г. (т.е. в разгар первой осады города московским войском), об освобождении их от серебщины, ордынщины и других налогов сроком на 6 лет (копия этого документа сохранилась в составе Литовской метрики)[14].

Однако наибольший интерес для нашей темы представляет первая из упомянутых грамот в описи 1614 г. В опубликованной ранее работе автор высказал предположение, что хранившаяся еще в начале XVII в. в Посольском приказе в Москве "грамота жаловальная Жигимонта", выданная по челобитью владыки и всех слоев населения города, представляла собой подтвердительный привилей Сигизмунда I Смоленской земле – того же типа, что и дошедший до нас приви-

лей Александра 1505 г.[15] Теперь же, после обнаружения публикуемого ниже документа, склоняюсь к мнению, что в описи была упомянута именно грамота 1513 г.: действительно, челобитчики (и получатели пожалования) во главе с владыкой Варсонофием перечислены в грамоте и в описи архива в том же порядке, с той лишь разницей, что составитель описи заменил на московский лад бояр, мещан и черных людей на "детей боярских и всех посадцких людей". Что же касается подтвердительного привилея Смоленской земле, то, возможно, Сигизмунд I так и не успел его пожаловать до перехода Смоленска с округой под власть московского государя. Основания для такого предположения содержатся в самом анализируемом документе.

В своем привилее от 16 апреля 1513 г. Сигизмунд неоднократно упоминает "листы" своего покойного брата, короля Александра: смольняне жаловались на нарушения этих установлений предыдущего господаря со стороны воеводы и других урядников и просили подтвердить "листы" Александра; Сигизмунд удовлетворил их просьбу и восстановил нарушенные нормы, заявив в заключение: "И што колве в листех брата нашого им выписано, то им отпускаем и при тых листех их зоставляем и во впокои заховываем"[16]. Но, что характерно, ни разу не упоминаются грамоты, выданные смольнянам самим Сигизмундом. Отсюда, разумеется, нельзя сделать вывод, что между 1506 (год занятия Жигимонтом Казимировичем литовского престола) и 1513 г. жители Смоленска не получили от господаря ни одной грамоты. Но если таковые и были, они касались каких-то частных вопросов и не затрагивали такие важные сферы, как судопроизводство (в частности, размер судебных пошлин) или поборы с местного населения в пользу воеводской администрации, поскольку в привилее 1513 г. при обсуждении этих сюжетов упоминаются только "листы" Александра. Среди этих "листов", несомненно, был и подтвердительный привилей Смоленской земле от 1 марта 1505 г. Сопоставление его текста (он сохранился в составе 6-й книги Литовской метрики)[17] с текстом "нашей" грамоты поможет лучше понять смысл анализируемого документа и смоленскую правовую традицию в целом.

Привилей Сигизмунда I от 16 апреля 1513 г. начинается с запрета – по жалобе горожан – держания корчем в Смоленске. Оказывается, брат господаря, "славное памяти Александр король его милость и великий князь, встановил в месте Смоленском корчмы на себе, а иншии князем и бояром подавал…" – к великому ущербу для горожан. Интересно, что в привилее самого Александра Смоленской земле (1505) имелся специальный пункт о корчмах, восходивший еще к грамотам Казимира: "А корчмы в городе Смоленску не держати"[18]. Из процитированной выше грамоты Сигизмунда становится ясно, что при Александре эта старинная норма на практике не действовала или толковалась верховной властью в свою пользу, т.е. как запрет держать корчмы только горожанам, но не самому господарю и его доверенным лицам.

В вышеприведенном случае горожане не апеллировали к грамотам Александра (не потому ли, что его реальная политика в отношении корчем не очень-то соответствовала установлениям его отца, да и его самого?). Зато в вопросе о злоупотреблениях воеводы смоленские мещане, жаловавшиеся на него в 1513 г., ссылались как раз на нарушение "листов" короля Александра. Речь, в частности, шла о завышении воеводой размера судебных пошлин (*децкованья* и *змирской куницы*[19]); Сигизмунд по требованию горожан восстановил норму, установленную его братом: "а децкованья мають они давати от рубля по чотыри гроши, а за змирскую куницу мають они воеводе смоленскому и тивуну з обу сторон, коли ся змирять за децким, шесть грошей платити…" Важно отметить, что именно эти размеры децкованья и змирской куницы были приведены в качестве

традиционной, узаконенной нормы в подтвердительном привилее Александра Смоленской земле 1505 г.[20]

Другим поводом для жалобы смольнян Сигизмунду со ссылкой на установления прежнего господаря явились требуемые воеводой с населения, в нарушение указанных распоряжений, поборы. В привилее 1513 г. жалоба смольнян изложена следующим образом: "деи воевода смоленский и ныне черес лист же брата нашого (короля Александра. – *М.К.*) его милости берет на них великоденщину и рожественщину и глушичщину и иншие платы и службы городовыи, которыи брат нашь им отпустил, хочеть с них мети..." Итак, воевода требовал с мещан дополнительных "взносов" на Пасху и Рождество и еще какую-то загадочную "глушичщину", несмотря на то, что господарь освободил горожан от уплаты этих поборов. "Лист" Александра с отменой пасхального и рождественского "кормов" (если употребить термин, принятый в Московском государстве) до нас не дошел, но "глушичщина" упомянута в областном смоленском привилее 1505 г., что позволяет понять соответствующее место в грамоте 1513 г. Оказывается, еще при короле Казимире смольняне жаловались на введенные их воеводой Миколаем Радзивиллом "новины", в том числе и на такое новшество: "коли на Глушицы пан Миколай мешкивал (жил. – *М.К.*), ино слуги его много в них з места (города. – *М.К.*) чолнков з людми бирали под его речи (вещи. – *М.К.*), которые коли до него к Глушицы проваживали"; в числе прочих эта "новина" была Казимиром отменена, что и подтвердил его сын и наследник Александр в привилее 1505 г.[21]

Таким образом, первоначально "глушичщина" представляла собой повинность, связанную с периодическим выездом смоленского воеводы в его загородную резиденцию на Глушице; со временем, можно предположить, эта повинность трансформировалась в некий денежный или натуральный сбор.

Анализ грамоты Сигизмунда 1513 г. показывает, что "листы" короля Александра, и прежде всего привилей Смоленской земле 1505 г., оставались правовой основой, определявшей судебно-административную, религиозную, торговую и иные сферы жизни города и земли, вплоть до того момента, когда Смоленск перешел под власть московского государя. Доказательство этому можно найти и в жалованной грамоте Василия III от 10 июля 1514 г., в которой была зафиксирована и подтверждена литовская "старина" Смоленска: здесь изложена просьба владыки Варсонофия и всех горожан к победителю о том, чтобы их "держати вь их старине, как их держал князь великий Витофт и иные прежние государеве их, *по той утвержденной грамоте, какову им дал свою утвержденную грамоту Александр король*"[22]. Сигизмунд же или его грамота ни разу в тексте не вспоминаются специально и отдельно; его имя упоминается только в ряду "прежних государей", первым из которых называется всегда Витовт[23].

Тот факт, что за почти восемь лет, когда сюзереном Смоленска был король и великий князь Сигизмунд (т.е. с 1506 по 1514 г.), этот город и его округа не получили нового подтвердительного областного привилея, следует связать, вероятно, с обстановкой почти не прекращавшихся военных действий между Московским государством и Великим княжеством Литовским. Смоленск оказался в эпицентре этой войны, что, конечно, никак не способствовало кодификаторской работе. Между тем, судя по подтвердительным привилеям Витебской земле 1503 г., Смоленской 1505 г., Полоцкой 1511 г., инициатива выдачи новой уставной грамоты исходила от самих жителей; они же предоставляли господарю необходимые документы[24].

Смольняне воспользовались короткой передышкой, наступившей после снятия в марте 1513 г. осады, которой в течение нескольких месяцев подверга-

ли их город московские войска для того, чтобы добиться от короля Сигизмунда решения ряда накопившихся внутригородских проблем; ответом на их челобитье и стала публикуемая ниже грамота от 16 апреля 1513 г. Передышка оказалась короткой: уже летом того же года началась новая осада Смоленска[25]. Дыхание войны чувствуется и в самой королевской грамоте 1513 г.: вспоминая недавнюю зимнюю осаду, Сигизмунд воздает должное верности и стойкости смольнян, которые длительное время вместе с воеводой упорно обороняли город.

Итак, привилей от 16 апреля 1513 г. оказался последним документом в ряду жалованных грамот, полученных Смоленском от литовских властей. В сопоставлении с другими сохранившимися юридическими памятниками той поры он способен пролить свет на правовую традицию Смоленской земли и шире – на особенности кодификации правовых норм на славянских землях Великого княжества Литовского.

Текст грамоты 1513 г. публикуется по правилам издания документов XVI – XVII вв. Реконструкция утраченных фрагментов текста дается в квадратных скобках. Для удобства чтения текст разделен на абзацы в соответствии с основными смысловыми частями. Инициалы выделены жирным шрифтом. Курсивом переданы выносные буквы, которые могли обозначать как мягкие, так и твердые звуки (*т/ть, л/ль* и т.д.), в тех случаях, когда выбор не очевиден.

[1] *Ясинский М.Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889; *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского Статута. М., 1892; *Якубовский И.В.* Земские привилеи Великого княжества Литовского. Ч. 2: Критический разбор текстов областных привилеев // ЖМНП. 1903. Май – июнь. С. 245–303; *Kutrzeba S.* Historja zródeł dawnego prawa polskiego. Lwów; Warszawa; Kraków, 1926. T. II. S. 54–57; *Хорошкевич А.Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 74–75, 79–80; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 152–157, 162–165.

[2] *Жемайтис С.Г.* Привилей Новогрудской земле 1440 г. // Рукописные памятники: Публикации и исследования. СПб., 1997. Вып. 4. С. 215–225.

[3] Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 298.

[4] РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 8.

[5] Более вероятной представляется датировка копии (и всего дела) началом XIX в.: именно к этому времени относится составление М.Н. Соколовским обзоров и подборок документальных материалов из собраний МГАМИД по сношениям России с зарубежными странами (в частности, со Швецией). См.: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель: В 4 т. / Сост. Ю.М. Эскин. М., 1999. Т. 4. С. 88, 111, 131.

[6] РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Д. 8. Л. 3 об.

[7] РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 21. Л. 1; СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 148. С. 411–413.

[8] Подробнее см.: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 162, 163; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 165, 192, 216–218.

[9] Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 26 (ящик 74).

[10] Там же.

[11] Там же. С. 25 (ящик 63).

[12] Там же. С. 25, 26.

[13] Там же. С. 47, 50, 62.

[14] АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 199. С. 347.

[15] *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 165.

[16] Здесь и далее привилей от 16 апреля 1513 г. цитируется по тексту, опубликованному в Приложении к данной статье.

[17] Текст издан: АЗР. Т. 1. № 213. С. 359–363.
[18] Там же. С. 360.
[19] *Децкованье* – пошлина в пользу судебного агента (*децкого*), который, в частности, мог исполнять следственные действия, присутствовать при примирении сторон и т.п. *Змирская куница* – пошлина с примирившихся в суде (в присутствии *децкого*) сторон.
[20] АЗР. Т. 1. № 213. С. 361, 362.
[21] Там же. С. 361.
[22] СГГД. Ч. 1. № 148. С. 411–412 (курсив мой. – *М.К.*).
[23] Там же. С. 412.
[24] АЗР. Т. 1. № 204. С. 351; № 213. С. 360–362; СПб., 1848. Т. 2. № 70. С. 86–87.
[25] См.: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 189.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1513 г., апреля 16. Привилей Сигизмунда I, короля польского и великого князя литовского, Смоленску о запрете держания в городе корчем, отмене незаконных воеводских поборов и установлении размера судебных пошлин в соответствии с грамотами короля Александра.

Жикгимонт, Бо*ж*(е)ю милостью король польский, великий князь литовский, руский, княжа пруское, жомоитский и иных.

Чиним знаменито сим нашим листом, хто на него посмотрить або чтучи вслышить, нынешним и напотом будучим, кому [будет] потреб [т]ого ведати. Били нам чолом владыка смоле*н*ский Варсонофей, и окол*н*ичии, и казначеи, и князи, и бояре земли Смоле*н*ское и мещане и все поспольство чорныи люди места Смоле*н*ского о том, што брат [наш славное][1] памяти Александр король его милость и великий князь встановил в месте Смоле*н*ском корчмы на себе, а иншии князем и бояром подавал. Для которых жо корчом по вси тыи лета многии ся вб[ивств]а[2] межи поддаными нашими делали, а мещане богатыи люди вбогими зостали, а поспольство чорныи люди для опойства у великий недостаток пришли. А в нынешнии валечныи часы дл[я мн]огих корчом пивных живности собе, хлеба достатку не могуть мети, для чого ж ся многии люди з места рос[хо]дять прочь. И били нам чолом, абыхмо для тых-то причин тую корчму в месте Смоле*н*ском выстановили и заховали их водле давности. А к тому теж мещане смоле*н*скии и все поспольство [ч]ерныи люди били нам чолом, абыхмо им мыто нашо соляное отпустили, которое есмо были ново встановили в Полоцку для посполитого доброго и земского: от меха по чотыри гр[о]ши.

И[н]о мы, впамятавши верность предков их ку предком нашим и ку отцу и брату нашому, королем и великим князем, их милости, и теж вбачивши их нынешнюю к нам верность и послугу и нелютованье розлитья крови напротивку неприятеля нашого, которую ж они нам, пану своему, оказали и верне ся заховали в тот час, как неприятель нашь, великий князь московский, черес несправедливую свою присягу и докончанье неотповедно безвестно у отчизну па*н*ства нашого вторъгнул, и сам своею головою, и з братьею, и зо всими моцами своими немалыи час стоял под замком нашим Смоле*н*ском, наголову его добываючи, и наперед церквам Бо*ж*им, а потом князем и бояром, и мещаном шкоды великии починил и кровь розлил; а они, яко верныи подданыи наши, Бога [вз]ем[ш]и на помочь, посполу з воеводою нашим смоле*н*ским, паном Юрьем Глебовичем, моцне ся ему оборонили и замок на нас, на господаря своего при-

[1] *Восстановлено по копии Соколовского.*
[2] *Восстановлено по копии Соколовского.*

рожоного, одержали, – мы, бачачи их цноты и ве[рно]сть и нелютованье розлитья крови, на их покорное жаданье тым есмо их пожаловали. Наперед корчмы з места нашого Смоленского им есмо выставили: не маем мы, господарь, вжо там корчмы нашое мети, а ни пан воевода смоленский и владыка, и околничии, и вси князи и бояре земли Смоленское, и мещане, и жолнери наши, и нихто вжо черес то там в месте нашом Смоленском корчом своих не маеть держати, нижли мещане смоленскии мають врочистыи звечныи склады сытити подле давности и свечи тых складов по церквам ставити, и тых складов не мають шинковати, а ни з домов корчомным обычаем продавати. А естьли хто хотел бы тыи склады шинковати, а было ль бы то на него доведено або вынято, тот маеть нам платити з дому вины дванадцать рублев грошей. А которыи будуть тыи склады корчмою купуючи пити, тыи вси мають нам платити с каждое головы вины по два рубли грошей по тому, как и перед тым было. И теж пожаловали есмо мещан смоленских и все поспольство: мыто нашо соляное им есмо отпустили, которое они в Полоцку даивали, от меха соли по чотыри гроши.

Также били нам чолом мещане и все поспольство, иж воевода смоленский и околничии, и иншии врядники смоленскии кривды им великии делають и новины уводять черес листы брата нашого Александра короля, его милости: вины и децкованья и куници змирскии великии на них беруть; теж деи воевода смоленский и ныне черес лист же брата нашого, его милости, береть на них ве[л]икоденщину и рожественщину, и глушичщину, и иншии платы и службы городовыи, которыи брат нашь им отпустил, хочеть с них мети. И били нам чолом, абыхмо их при листех брата наш[о]го зоставили и заховали. И мы для их верности в том мещан и чорных людей п[о]жаловали: которого мещанина вина обойдеть, ино воеводе смоленскому брати з них вины от рубля по десяти грошей, а децкованья мають они давати от рубля по чотыри гроши, а за змирскую куницу мають они воеводе смоленскому и тивуну з обу сторон, коли ся змирять за децким, шесть грошей платити. А коли без децкого ся змирять, ино воеводе и тивуну не брати с них ничого. А великоденщины и рожественщины, и глушичщины, и иных поплатов пану воеводе смоленском[у] с них не брати и в службы город[ов]ыи их не вернути. И што колве в листех брата нашого им выписано, то им отпускаем и при тых листех их зоставляем и во впокои заховываем.

А на твердость того и печать нашу казали есмо приложити к сему нашому листу. А при том были староста бельский пан Ольбрахт Мартинович Кгаштовтовича, а пан Миколай Станиславович, старостич жомоитский, а маршалок и писарь нашь, наместник жижморский пан Копоть Васильевич.

Писан в Познани лета Божьего тисяча пятьсот третегонадцать, месяца априля 16 день, индикта первый.

Ниже – большая красновосковая печать под кустодией (надпись не видна). Справа от нее – подпись: Богуш Боговитинович мар(шалок) и писарь.

РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 4.

Подлинник. Пергамен. Размеры: 59 × 51,5 см. Западнорусская скоропись. Текст писан одним почерком темно-коричневыми чернилами.

На обороте: надпись московской скорописью (XVI в.?) выцветшими бледно-коричневыми чернилами, почти не читающаяся: ...дети боярскии и все.... *На другой строчке*: ...отпись в однои известь и пош....

А.П. Павлов

НОВГОРОДСКОЕ ДВОРЯНСТВО И ГОСУДАРЕВ ДВОР XVI–XVII веков

Присоединение Новгорода к Московскому государству сопровождалось ликвидацией новгородского боярства и его землевладения. На конфискованных землях были "испомещены" служилые люди "московских городов". Они стали составной частью единого общерусского служилого сословия. Новгородское поместное дворянство оформилось в крупнейшую по численности дворянскую организацию, в состав которой входили многие сотни детей боярских. "Лучшие" (наиболее родовитые и материально обеспеченные) новгородские дворяне – дворовые дети боярские – выделялись из массы городовых детей боярских и входили в состав государева двора. Во время крупных военных походов они несли службу в "государевом полку". Со временем численность дворовых детей боярских значительно увеличилась и количество дворовых превысило потребности государственного управления. Только из Новгорода, по данным 1550–1560-х годов, служило несколько сотен дворовых детей боярских. Многие из дворовых детей боярских успели к середине XVI в. прочно осесть в своих "городах" и практически перестали призываться в столицу для несения службы при дворе. Значительная часть дворовых (особенно – из уездов, сравнительно недавно присоединенных тогда к Москве, таких, как Новгород) не имела поместий и вотчин вблизи от столицы, что препятствовало несению ими службы при дворе.

С целью создания более эффективной системы организации службы членов двора, приведения его состава в соответствие с реальными нуждами государства в середине XVI в. была проведена реформа государева двора (так называемая Тысячная реформа). В 1550 г. был издан указ, согласно которому из числа дворовых (и отчасти городовых) детей боярских отбиралась тысяча "лучших слуг". Их надлежало наделить поместьями в Московском и некоторых других близлежащих к столице уездах с тем, чтобы они всегда могли быть готовыми для выполнения правительственных поручений[1].

Среди тысячи "лучших слуг" – лиц, упомянутых в Тысячной книге 1550 г. (ТК), почти треть составляли новгородские и псковские землевладельцы. Правительство явно считалось с возросшим значением дворянства северо-западного края. Список новгородских, псковских, торопецких, пусторжевских и великолукских помещиков составляет особую часть ТК. Перечень помещиков этих уездов в тексте ТК отделен от предшествующих разделов особым заголовком и имеет свое деление на статьи, не совпадающее с делением остального текста[2]. Если тысячники из "московских городов" поделены на три статьи соответственно размерам подмосковных поместных окладов (200, 150 и 100 четвертей земли), то представители "городов" Северо-Запада делились только на две статьи; при этом тысячники-новгородцы и псковичи 1-й и 2-й статей фактически приравнивались к тысячникам 2-й и 3-й статей из центральных уездов, так как получали поместные оклады в 150 и 100 четвертей. Обращает на себя внимание и весьма значительная численность тысячников – представителей северо-западных уездов, которые составляли почти треть всех записанных в ТК лиц (324 человека). При этом около 200 тысячников дали только новгородцы (различных пятин).

Это число значительно превышает количество тысячников из любого другого города, взятого в отдельности. Впрочем, если принять во внимание данные

об общей численности служилых людей (в том числе численности дворовых детей боярских) различных уездов, то количество новгородцев-тысячников не покажется столь уж большим. В Полоцком походе 1563 г. участвовало 848 одних только детей боярских Водской пятины (из них 193 дворовых детей боярских и 655 городовых)[3]. В ТК по Водской пятине записано 55 человек, что составляет примерно 28,5% от численности дворовых детей боярских этой пятины. Можно привести для сравнения данные о соотношении численности групп дворовых детей боярских (по материалам Полоцкого похода 1563 г., которые могут дать приблизительные представления о количестве дворовых в 1550-е годы) и численности тысячников по городам "Московской земли": по Вязьме на 110 дворовых детей боярских приходилось 55 тысячников (т.е. половина от числа дворовых), по Дмитрову – 110 дворовых и 37 тысячников (тысячники составляли 33,6% от числа дворовых), Дорогобужу – соответственно 40 и 9 человек (22%), Кашину – 80 и 21 (25,5%), Кашире – 55 (57% в десятне 1556 г.) и 5 (9%), Мурому – 40 и 12 (30%), Переяславлю – 56 и 48 (85,7%), Ростову – 25 и 12 (тысячников без князей) (48%), Рязани – 80 и 7 (8,7%), Торжку – 103 и 25 (24,3%), Туле – 20 и 6 (30%), Угличу – 40 и 4 (10%), Юрьеву – 41 и 15 (36,6%).

Из этих данных видно, что по соотношению числа тысячников и дворовых детей боярских Новгород не слишком выделялся из прочих "городов". Если предположить (а, по-видимому, так и было), что при наборе тысячников правительство учитывало и общую численность детей боярских (в первую очередь количество дворовых) того или иного "города", то столь значительное число новгородцев-тысячников не будет казаться необычным. Особенностью второй части ТК является отдельное перечисление лиц, избранных из дворовых и городовых детей боярских. Всего по новгородским пятинам тысячников из "городовых" насчитывалось 74, или свыше трети (37%) всех упомянутых в документе новгородцев. Очевидно, и в "московских городах" состав тысячников отчасти комплектовался также из городовых детей боярских. Но подобная практика здесь в отличие от Новгорода была, по всей видимости, нечастой. Свыше 85% тысячников "Московской земли" встречается и в Дворовой тетради, а этот документ учитывал лишь дворовых детей боярских и не включал в свой состав детей боярских городовых.

Нет оснований считать, что в отношении помещиков северо-западных уездов Тысячная реформа осталась только проектом. В разрядных книгах на должностях воевод и голов встречаем десятки имен тысячников – представителей этого региона, причем видим здесь и ряд имен тысячников из "городовых" (М.К. Адодуров, М.К. Бровцын, Асан Гурьев, П.П. Заболоцкий, И.Я. Нороватый, Я.М. Сназин, В.И. Щербинин). Тысячники-новгородцы значатся среди выборных дворян в росписи Полоцкого похода 1563 г. Основную часть выборных дворян из Новгорода, несших службу в государевом полку во время Серпуховского похода 1556 г., составляли лица, записанные в ТК[4], т.е. зачисленные в "избранную тысячу" новгородские и псковские помещики, несомненно, входили в состав государева двора. Интересно, что из многочисленного отряда новгородцев и псковичей-тысячников лишь считанные единицы (5 человек) упоминаются в разрядах до 1550 г.

Под влиянием Тысячной реформы произошло оформление новой чиновной группы государева двора – так называемых выборных дворян, которые были поставлены над массой не только городовых, но и дворовых детей боярских. Последние перестали быть чином государева двора и являлись теперь лишь одним из чинов уездного дворянства. Особая группа выборных дворян оформилась и по Новгороду. Н.В. Мятлевым были извлечены из поколенных дворян-

ских росписей конца XVII в. довольно многочисленные выписки из "смотреных списков" 1556 г., содержащих имена выборных дворян – новгородских помещиков[5]. С Серпуховским походом было связано составление новгородско-псковской десятни 1556 г., сведения о которой содержатся в книгах справок Разрядного архива. М.Г. Кротов отметил характерную особенность десятни по Новгороду и Пскову 1556 г. – она фиксировала лишь имена выборных дворян, призванных для несения службы в государевом полку[6]. При этом, как показывает анализ материалов из книг справок, состав новгородских дворян десятни 1556 г. в целом совпадает с составом лиц, записанных в ТК[7].

Но в то же время в силу традиционной обособленности Новгорода и Пскова, худородства основной массы дворян этих "городов" помещики Северо-Запада по сравнению с дворянами "московских городов" значительно реже привлекались к несению службы при дворе. Из 324 тысячников северо-западных уездов лишь около 70 человек (22%) упоминается в разрядах за 50–60-е годы, тогда как из тысячников "Московской земли" в разрядах встречается большая часть. Лишь немногие, наиболее видные лица из новгородцев и псковичей, назначались (судя по разрядам) воеводами в полки (князья И.И. Буйносов и Д.Б. Приимков-Ростовские, кн. Ф.Ю. Глазатый-Оболенский, В.Ю. и В.Б. Сабуровы, Б.С. Колычев, Г.И. и П.П. Заболоцкие, И.В. и Н.З. Чеглоковы, Г.А. Неплюев, кн. Г.В. Путятин, Ф.Л. Соловцов, В.В. Розладин и П.Ф. Вышеславцев)[8].

Основная же часть дворян северо-западных уездов фигурирует в разрядах в качестве полковых голов. При этом особенно активно новгородцы стали привлекаться для несения службы воеводами и головами в полках с 1558 г., в связи с началом военных действий в Ливонии. В составе полковых голов новгородские помещики выделялись иногда отдельной группой, обособляясь от дворянства прочих городов. Нередко тысячники-новгородцы и псковичи назначались на должности воевод и голов в города. Но заметим (по данным разрядов за 50–60-е годы), что они несли службу почти исключительно в городах Новгородской и Псковской земель, либо в ливонских городах. Лишь изредка можно их встретить в качестве наместников в иных городах, но в подавляющем большинстве они (согласно данным боярской книги 1556 г.) получали кормления в городах и волостях Северо-Запада[9]. Мы не располагаем определенными данными об испомещении под Москвой тысячников-новгородцев – все упомянутые в писцовых книгах московского уезда тысячники – дворяне "московских городов". По-видимому, в силу отмеченных выше особенностей службы новгородского дворянства, большой нужды в массовом испомещении этой группы дворян вблизи от столицы не возникало. Можно предположить, что по отношению к помещикам северо-западных уездов приговор 1550 г. (в той части, которая предусматривала раздачу подмосковных поместий) не был осуществлен на практике.

Таким образом, несмотря на зачисление в 1550 г. в состав "лучших слуг" многочисленной группы служилых людей северо-западных уездов, известная обособленность новгородского и псковского дворянства продолжала сохраняться и в 50–60-е годы. Эта часть дворянства была довольно слабо связана со столичной дворовой службой, и их служебная деятельность протекала преимущественно в пределах Северо-Западного края. Все это способствовало в дальнейшем постепенному отделению дворян Новгорода и Пскова от государева двора и в конечном счете полному прекращению в конце XVI в. призыва их на дворовую службу.

Дворяне северо-западных уездов фигурируют в качестве выборных дворян в земском боярском списке 1577 г.[10] Но здесь перечислено всего лишь 27 пред-

ставителей служилых корпораций Новгорода, Пскова, Торопца и Ржевы Пустой. Определенная часть "лучших" дворян из севернорусских регионов, правда, служила в составе особого "двора" Ивана IV. Специфичен порядок расположения имен новгородцев в списке 1577 г. Сначала идет рубрика: "Ноугородцкие помещики служат из выбору", а затем перечисляются отдельно дворяне по Водской, Шелонской, Деревской и Бежецкой пятинам, которые предназначались, очевидно, для участия в государевом походе в Ливонию (перед списками дворян этих пятин стоят пометы: "Все с государем"). Список 1577 г., однако, неполно отражает состав новгородских дворян, несших дворовую службу. Так, в росписи Ливонского похода 1577/78 г. в числе голов у детей боярских наряду с новгородцами, упомянутыми в боярском списке, фигурирует также новгородец (из Водской пятины) В.И. Волков-Курицын[11]. В конце 70-х – начале 80-х годов он служил воеводой в ливонских городах, а в 1585/86 г. упоминается как голова из новгородских помещиков в Новгороде[12]. В боярском списке отсутствует торопчанин тысячник Лесута Хрипунов, который в 1577/78 г. служил воеводой в Невгине (в Ливонии)[13]. В список 1577 г. не попали и другие дворяне северо-западных уездов, которые упоминаются в разрядах в 70–80-е годы. Можно предположить, что земский боярский список 1577 г. неполно отражает состав выбора из Новгорода и Пскова или же значительная часть "лучших слуг" из этих городов уже в 1570-е годы утратила все связи с государевым двором и только их верхушка зачислялась в дворяны выборного чина и призывалась к несению московской службы.

Новгородцев (лиц, записанных под рубрикой "Новгород") встречаем среди выборных дворян в опубликованном А.Л. Станиславским (по копии XVII в.) списке членов двора, оставленных в Москве в августе 1585 г. на время похода царя Федора в Троице-Сергиев монастырь[14]. Мы не можем, правда, с полной уверенностью считать их выборными дворянами – никто из них не значится среди новгородцев в боярском списке 1577 г., ни они, ни их близкие родственники не упоминаются в ТК. Характерно, что в обнаруженном недавно Ю.В. Анхимюком подлиннике этого Списка перечни новгородских дворян вовсе отсутствуют, хотя, как показывает исследователь, следов утраты склеек, которые могли бы содержать перечни новгородцев, нет[15]. Впрочем, в начале царствования Федора Ивановича дворяне северо-западных уездов, вероятно, еще призывались в качестве выборных на службу при московском дворе. Так, в мае 1585 г. в Новгород к городовому делу были назначены письменные головы с Москвы, в том числе и пусторжевец И.Н. Карамышев (он упомянут по Ржеве Пустой в боярском списке 1577 г.)[16].

С конца 80-х годов XVI в. выбор из городов северо-западной части России окончательно расформировывается. Ни в списке двора 1588/89 г., ни в позднейших боярских списках конца XVI – первой трети XVII в. уже нет выборных из Новгорода и Пскова. В конце списка 1588/89 г. содержится рубрика "Из Новгорода выведены", под которой записаны Богдан и Воин Афанасьевы, дети Новокщеновы. Эти лица не были, однако, зачислены в состав корпораций "московских" городов, где имелся институт выбора; в списке дворян начала XVII в. они числятся под рубрикой "Без городов". Оставшись в Новгороде на своих поместьях, они утратили в конце концов связь с государевым двором (статус выборных дворян), и в десятне 1605 г. Водской пятины В.А. Новокщенов значится уже в дворовых детях боярских[17]. Можно привести и другие примеры оседания новгородских и псковских дворян по своим "городам". Выборный по Водской пятине 1577 г. Г.Ф. Колычев продолжал служить в конце XVI – начале XVII в. на воеводских должностях (был воеводой и головой в Новгороде, воеводой

в Орешке, местничался с такими родовитыми дворянами, как М.Г. и П.Я. Салтыковы, И.Д. Плещеев, Б.В. Головин, кн. Г.П. Ромодановский). Но он не был включен в списки государева двора 1588/89 и 1602/03 гг. В десятне Водской пятины 1605 г. он значится среди дворовых детей боярских[18].

Из выборных дворян по Новгороду и Пскову 1577 г. продолжали службу после 1588/89 г. И.Г. Бороздин, М. Бурцев, И.Н. Большой и И.Н. Меньшой Карамышевы, кн. Ф.Ф. Мещерский, Ф.Л. Осинин, З.И. Пушкин, И.М. Чихачев, но никто из них не упоминается в боярских списках конца XVI – начала XVII в., т.е. они не рассматривались непосредственно как члены государева двора. Некоторые из выборных по Новгороду 1577 г. были переведены на службу в выборные по другим городам и в другие чины двора и тем самым они сохранили свою связь с государевым двором. Это кн. И.М. Селезнев-Елецкой (в 1588/89 г. выборный по Бежецкому Верху), В.А. Квашнин (в 1588/89 г. выборный по Ржеву), кн. П.С. Лобанов-Ростовский (в 80-е годы стал окольничим). Сыновья выборного по Новгороду 1577 г. кн. Н.Б. Приимкова-Ростовского получили в 1580-е годы жилецкий чин, а затем стали московскими дворянами; дети П.Н. Хрипунова служили в начале XVII в. в выборе по Зубцову. Новгородец кн. В.И. Почюй Белоголов-Ростовский в конце XVI в. стал думным дворянином.

Переведенные в "московские города" и на службу в состав государева двора новгородцы лишались в Новгороде поместий, которые шли в раздачу местным детям боярским[19]. При царе Федоре Ивановиче были отписаны "на государя" обширные поместья бывших "дворовых" Ивана IV в Порховском уезде Шелонской пятины – Б.Я. и Н.Я. Бельского, И.Б. Воейкова и др.[20] В конце XVI в. свои владения в Новгороде утрачивают многие представители знати. Можно предположить, что уже в конце XVI – начале XVII в. действовало правило (или был издан указ), зафиксированное в Уложении 1649 г., по которому запрещалось иметь поместья в Новгороде и Пскове дворянам, записанным "по московскому списку" и испомещенным в "Замосковных городах"[21]. Отстраняя дворян северо-западных уездов от службы при московском дворе, переселяя виднейших из них (годных к несению дворовой службы) в "Замосковные города", правительство в то же время пыталось оградить новгородских помещиков от засилья со стороны столичного дворянства с целью поддержания их боеспособности.

В конце XVI и в XVII вв. члены служилых корпораций северо-западных уездов делились уже не на три разряда (выборных, дворовых и городовых), а только на два – дворовых и городовых. Тем не менее наиболее видные представители новгородского и псковского дворянства получали "именные" назначения, их имена встречаются в разрядных книгах, причем они служили не только в головах, но даже и в воеводах. Они именовались "дворянами" в отличие от рядовых детей боярских[22]. В конце XVI – начале XVII в. на государевой службе в воеводах и головах служили десятки новгородцев и псковичей. Но в отличие от выборных дворян из "московских городов" география их службы была, как правило, ограничена территорией Северо-Западного региона. Хотя и прежде существовала практика назначений новгородских и псковских дворян преимущественно в города Северо-Запада (в годы Ливонской войны их часто определяли также воеводами и головами в "немецкие" города), такой полной замкнутости службы севернорусских помещиков не было, и они могли получать назначения в самые различные места. Обособленность новгородских и псковских дворян в конце XVI – начале XVII в. проявилась в выделении к 1604 г. из Разрядного приказа особого Новгородского Разрядного приказа, к которому перешли функции руководства их служебными назначениями.

Исключение в конце XVI в. новгородского и псковского дворянства из состава государева двора было обусловлено рядом причин. К 1580-м годам правительство не испытывало уже нужды в привлечении на столичную дворовую службу значительного числа дворян Северо-Западного региона. В результате Ливонской войны, опричных погромов значительная их часть оказалась разоренной и малопригодной для несения службы при дворе. Важными факторами были сравнительная отдаленность Новгородской и Псковской земель, а также традиционные особенности служебной организации дворянства этих регионов. Отстраняя верхушку новгородского дворянства от двора, правительство, видимо, пыталось также оградить московскую служилую знать (интересами которой оно руководствовалось в первую очередь) от местнических притязаний родовитых представителей новгородской корпорации, стремилось избежать путаницы в служебно-местнических отношениях[23].

Прекращение призыва новгородского дворянства на московскую службу ярко свидетельствует о том, что правительство Бориса Годунова, вопреки распространенному в литературе мнению, отнюдь не стремилось открыть широкий доступ ко двору и управлению страной представителям уездного дворянства (особенно дворянству окраинных областей государства). Не получило адекватного представительства при московском дворе также и дворянство южных окраин. Противоречия между привилегированным московским дворянством и уездным дворянством, с одной стороны, и дворянством центральных уездов и окраин, с другой, явилось одной из важных причин происхождения Смуты в начале XVII в.

В Смутное время наблюдается всплеск политической активности провинциального дворянства. Активно проявили себя в событиях Смуты дворяне Северо-Западного края. Согласно свидетельству некоторых источников (например, Иного сказания), новгородские дворяне примкнули к антигодуновскому заговору под Кромами в мае 1605 г. В недавно вышедшей монографии И.О. Тюменцева о движении Лжедмитрия II показано активное участие новгородского и псковского дворянства в антиправительственных выступлениях на стороне Второго самозванца[24].

В событиях Смуты ярко проявились возросшие сила и влияние уездного дворянства. Однако едва ли можно вслед за С.Ф. Платоновым говорить о победе "средних классов", и прежде всего дворянства, в Смуту. В годы Смуты и после нее мы наблюдаем, правда, выдвижение многих представителей провинциального дворянства (в том числе и новгородцев) при дворе. Они щедро жалуются в московские чины. Всего за период с 1613 по 1627 г. в состав только дворян московских, по имеющимся данным, было пожаловано 16 новгородцев (А.Н. Аничков, И.И. Баклановский, Н.В. Вышеславцев, Б.Н. Дубровский, кн. А.С. Елецкой, А.П. Загоскин, А.И. Загряжский, Г.Л. Квашнин, И.П. Колычов, Н.А. Колычов, кн. В.М. Кропоткин, С.Я. Лодыгин, В.А. Новокщенов, Ф.И. Самарин, Б.П. Тушин, И.Ж. Харламов). Целый ряд новгородских дворян в первой четверти XVII в. был пожалован в жильцы, стряпчие, патриаршие стольники. По числу пожалованных в московские чины новгородцы уступали только смоленским дворянам. И в дальнейшем, на протяжении XVII в., ряды московского дворянства активно пополнялись за счет новгородских дворян.

Щедрые пожалования новгородцев в состав столичного дворянства свидетельствуют о признании правительством их заслуг перед Российским государством. Но, с другой стороны, зачисление в московские чины наиболее видных представителей новгородского дворянства на деле означало их отрыв от своей уездной организации и обретение ими нового социального статуса. Выход из

состава новгородской корпорации этих "лучших" дворян на практике приводил не к ее усилению, а к ослаблению, так как лишал ее влиятельной и авторитетной верхушки.

И после Смуты в Новгороде не была восстановлена особая группа выборных дворян. Выборная группа оформляется здесь лишь после Смоленской войны. В новгородской десятне 7142 (1633/34) г. еще нет выделения выбора[25]. Впервые он зафиксирован в десятне по Новгороду 7146 (1637/38) г., где перечислены имена 7 выборных дворян (1 человек по Водской пятине, 1 – по Шелонской, 1 – по Деревской, 3 – по Бежецкой и 1 – по Обонежской пятинам)[26]. Однако к тому времени выборные дворяне уже перестали быть чином государева двора – с начала 1630-х годов рубрика "Выбор из городов" окончательно исчезает из боярских списков.

В дальнейшем наблюдается значительный рост численности выборного дворянства в Новгороде. По данным сметы русского войска 1650/51 г., выборная группа по всем новгородским пятинам насчитывала 52 человека (12 человек по Водской, 13 – по Шелонской, 10 – по Деревской, 10 – по Бежецкой и 7 – по Обонежской пятинам)[27]. Новгородская дворянская корпорация в середине XVII в. остается одной из крупнейших в России (по численности уступала лишь рязанской корпорации). Одной из наиболее значительных являлась и выборная группа в Новгороде, несмотря на то, что она сформировалась сравнительно поздно.

Выборные дворяне составляли верхнюю, правящую группу новгородского "служилого города", пользовались авторитетом и влиянием среди местного дворянства. Из их среды выбирались окладчики, головы дворянских сотен, представители на земские соборы и т.д. Все это свидетельствует о консолидации новгородского дворянства, а не отнюдь не о распаде служилой организации в Новгороде (по крайней мере, в первой половине XVII в.). Само правительство принимало меры к сохранению новгородской служилой корпорации. В главе XVI Соборного уложения 1649 г. имеется специальная 68-я статья, которая запрещала московским дворянам владеть поместьями в Новгородском уезде. Подобная практика, как отмечалось выше, действовала и ранее, в конце XVI в.

Однако новгородское, как и уездное дворянство России в целом, оказалось отстраненным от реальной политической власти в стране и было лишено своего непосредственного представительства при московском дворе. Разобщенное по "городам", замкнутое на своих местных интересах провинциальное дворянство не могло составить серьезного политического противовеса московской служилой знати и приказной бюрократии. Это в значительной мере обусловливало особенности политического строя Русского государства XVI–XVII вв., главной из которых было то, что в России не сложились развитые формы сословного представительства, и русская монархия смогла существенно возвыситься над сословиями и встать на самодержавный путь развития.

[1] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 78–79.

[2] *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о "Дворовой тетради" как историческом источнике // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 52.

[3] Витебская старина / Сост. А. Сапунов. Витебск, 1885. Т. IV. С. 33.

[4] *Кротов М.Г.* Провинциальное дворянство и "государев двор" в середине XVI века // Феодализм в России: Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина: Тез. докл. М., 1985. С. 97.

[5] *Мятлев Н.В.* Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912. С. 64–65.

[6] *Кротов М.Г.* Указ. соч. С. 97.

[7] РГАДА. Ф. 388. № 837. Л. 22; № 846. Л. 558; № 849. Л. 492–493; № 871. Л. 171 об.–172; № 877. Л. 269, 295 и др.

[8] РК 1475–1598 гг. М., 1966. С. 147, 148, 173, 175, 188, 191, 193, 196, 197.

[9] И.Ш. Замыцкий и П.П. Заболоцкий были наместниками в Почепе и Путивле (РК 1475–1598 гг. С. 139, 179). Из 75 тысячников-новгородцев, названных в боярской книге 1556 г., только двое – кн. И.Д. Щепин-Ростовский и Н.З. Чоглоков – упомянуты на кормлениях в Замосковных городах, основная же их часть "кормилась" в городах и волостях Северо-Запада.

[10] Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. I. С. 99–101.

[11] РК 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. С. 477.

[12] РК 1475–1598 гг. С. 289, 322, 375.

[13] РК 1475–1605 гг. Т. II. С. 513.

[14] Боярские списки. Ч. I. С. 271.

[15] *Анхимюк Ю.В.* Список членов двора царя Федора Ивановича, оставшихся в Москве на время поездки его в Троице-Сергиев монастырь в августе 1585 года // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1990. С. 57.

[16] РК 1475–1598 гг. С. 357.

[17] Боярские списки. Ч. I. С. 176, 340; Изв. Русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. IV. С. 469.

[18] Изв. Русского генеалогического общества. Вып. IV. С. 469.

[19] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 174. Оп. 1. № 479.

[20] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 967. Л. 177, 215, 245 об., 280 и др.

[21] Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 83 (гл. XVI, ст. 68).

[22] Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 289.

[23] См., например: *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 39.

[24] *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

[25] РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. № 139.

[26] Там же. № 140. Л. 6, 75, 170 об., 174 об., 175, 276 об.

[27] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 327. Материалы любезно предоставлены В.Н. Козляковым.

Иероним Граля

ДЬЯКИ И ПИСАРИ: АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (XVI – начало XVIII века)*

Целью настоящей публикации является попытка сравнения двух групп чиновников, указанных в заглавии, игравших важную роль в управлении как Московского, так и Литовского государств, причем сходство между этими группами отмечалось уже их современниками[1].

В связи с фактами многократного использования понятия "бюрократия" в современном значении, следует уточнить терминологию. Дело в том, что поскольку для последующих столетий – начиная с XVIII в. – современная историография с готовностью использует этот термин применительно к России (более того, подчеркивает особый рост "чиновничества" в империи Романовых и т.д.), постольку как раз для эпохи раннего нового времени высказываются разного рода сомнения относительно целесообразности употребления этого термина. Здесь имеется в виду явное расхождение позиций Х.-Й. Торке, чей скептицизм в большей или меньшей степени разделяет ряд англосаксонских исследователей, и Н.Ф. Демидовой – автора важных работ о служилой бюрократии в России в XVII в.[2] Напомним, что Торке ставит под сомнение целесообразность применения этого термина даже применительно к монархии первых Романовых, и последовательно использует термин "гражданская служба" (*zivildienst*). Несмотря на ряд сомнений, который вызывает использование столь обобщенного термина применительно к проблематике истории чиновничества в целом, вывод Торке несет в себе органический порок: ограничиваясь при определении этого понятия опытом Европы XVI–XVIII столетий, в основном только Западной Европы, немецкий исследователь почти полностью упускает из виду существование иных бюрократических стандартов, особенно характерных для империй, а именно Византии, Османской империи, Китая и т.д. (не говоря уже об опыте Древнего Рима и эллинистических государств). Совершенно очевидно, что в государствах такого типа, как и в Московском государстве, не последнюю роль должен был играть географический фактор; уже сам масштаб расстояний между центром и периферией оказывал огромное влияние на процесс формирования служилой бюрократии, а позже и на ее количественный рост[3].

Представляется, что в немалой степени скепсис упомянутых исследователей является, во-первых, следствием их несколько догматического подхода к веберовской модели формирования современной бюрократии (построенной прежде всего на базе французского и прусского исторического опыта); во-вторых, слегка снисходительным отношением к возможности существования подобных тенденций развития – и почти в то же самое время – и в "прогрессивном" мире Запада и в "консервативном" Московском государстве. (Попутно заметим, что недавно опубликованное исследование Б.Н. Флори убедительно доказывает, что в этой действительно консервативной структуре таился большой потенциал и существовали реальные возможности для

---

* В статье представлены предварительные результаты исследования данной проблемы.

модернизации государства за счет использования собственных традиций и адаптации старых структур для новых нужд и т.д., что позволяло успешно конкурировать с более развитыми соседями, причем не только с Речью Посполитой, но и со значительно более приближенной к европейским бюрократическим стандартам Швецией.[4])

Конечно же, трудности, мешающие признать факт существования в Московском государстве, хотя и отставшем в своем развитии от Западной Европы, структур и решений, близких к европейским стандартам, носят иногда психологический характер (априорное убеждение в худшем, по сравнению с Европой, качестве государственного устройства России) и не связаны с глубоким обоснованием или каким-либо анализом явления. В результате все это ведет к искажению картины государственного управления России и к бесплодной словесной игре, примером которой может служить утверждение, что применительно ко времени правления первых Романовых более правильным будет использовать термин "паперизация" (*paperization*), а не "бюрократизация"[5]. Характерно, что эту точку зрения разделяет П.Б. Броун, автор исследования, представляющего собой *sui generis* сводку сведений о московских министерствах – приказах, численность которых, по его собственным подсчетам, равнялась 153![6]

Такого рода семантические игры эффектны с филологической точки зрения, но проясняют немногое, особенно если учесть, что выводы часто базируются на экзотических сведениях (зачастую, очень отрывочных) о самих московских государственных институтах и тогдашнем московском обществе.

Отметим, что скептики, как правило, не замечают того очевидного факта, что естественной точкой отсчета при сравнении с Россией должны быть не Франция или Пруссия, а соседнее с ней государство – Речь Посполитая, еще точнее – Великое княжество Литовское, являющее собой, как бы то ни было, пример развития древнерусской традиции в ином направлении, под влиянием иных образцов и иного опыта (инспирированного влиянием внешних образцов, в том числе исходящих от крестоносцев реформ Витовта[7]).

Наконец, мы не считаем, что картина московской администрации (по крайней мере, времен правления Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Годунова) была лишена характерных черт веберовской модели бюрократии нового времени: ведь мы имеем здесь дело с соответствующим разделением компетенций, иерархической структурой, постоянством административных действий (закрепленных специальными правовыми процедурами), и конечно, с подчинением чиновников нормам права. Напомним, что веберовская модель бюрократии – идеальная схема. В работе о шведской бюрократии XVII в. М. Копчиньский справедливо отмечал, что "веберовская идеальная модель не является ни дефиницией, ни каталогом необходимых черт"; скептикам, a priori сомневающимся в существовании бюрократии в России раннего нового времени, следует предложить еще одно ценное наблюдение этого автора. М. Копчиньский напомнил о том, что Вебер делал акцент на переходные формы, а это "часто оказывалось трудным для восприятия критиками и толкователями немецкого социолога"[8].

Не менее ошибочными представляются нам и все попытки "втискивания" структуры российского чиновничества в рамки модели развитой западноевропейской бюрократии, предпринимаемые для обоснования до сих пор дискуссионного тезиса об эквивалентности европейских и российских бюрократических стандартов в один и тот же период раннего нового времени. И если еще можно дискутировать относительно черт близости московских дьяков и испанских *letrados*, и об обоснованности применения в отношении первых достаточно емкой формы *le fonctionnaire* (здесь уместно отметить, что Ф. Бродель обозначал этим терми-

ном не только западноевропейских чиновников, но и османских), то совершенно ошибочным представляется механическое перенесение на московскую почву явлений, имевших место во Франции XVII в., с ее "noblesse de robe" и конфликтом с "noblesse d'épée". Подобное сравнение, по нашему мнению, является проявлением, по-существу, необоснованной – и вместе с тем совершенно не базирующейся на источниках – модернизацией российской действительности XVI–XVII вв.[9]

Резюмируя состояние упомянутой дискуссии, считаем необходимым определить свою позицию в этом вопросе: опираясь на собственные исследования истории дьячества в XVI столетии, присоединяемся к мнению Н.Ф. Демидовой. Факт существования в Московском государстве раннего нового времени бюрократии не вызывает сомнений: это была довольно многочисленная группа профессиональных чиновников – дьяков и подьячих – с весьма специфическим кругом обязанностей, собственной этикой, характерными для данной касты правилами поведения и т.д.

После изрядно затянувшегося вступления сошлемся на хорошо известный фрагмент из "Истории о великом князе Московском" князя-беглеца Андрея Михайловича Курбского: "*Писари наши русские, им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, не от благородного, но паче от поповичей или от простого всенародства, а что ненавидячи творит вельмож своих*"[10]. К этому свидетельству нам придется обратиться еще раз в той части статьи, где будет рассматриваться социальный статус московских "бюрократов", здесь же мы хотели применить его для того, чтобы коснуться другого вопроса: московский эмигрант, пишущий о дьяках, использует – под влиянием собственного опыта пребывания в государстве Ягеллонов – местный термин "писари". Это свидетельствует о том, что для Курбского сходство между этими двумя группами было совершенно очевидно: "писари" – это не чиновники местной земской администрации, а "писари" Рады Господарской (точно так же, как в приведенном фрагменте, речь идет не о какой-то провинциальной администрации Московского государства, или хотя бы о представителях центральной администрации, занятых сбором налогов – кормленных дьяках, а о царских "министрах" и "заушниках" – о дьяках, управляющих центральными *приказами*, думных дьяках)[11]. Обращаясь к этому свидетельству, все же не следует терять из виду его особый политический контекст: ведь московский аристократ сознательно употребил в тексте, представляющем собой острейший политический памфлет (существует гипотеза, что он был даже написан с намерением дискредитировать относительно популярную в 70-е годы XVI в. в среде литовской шляхты кандидатуру Ивана IV на трон Речи Посполитой!), литовский термин, понятный литовскому читателю. Используя внешнее сходство положения и обязанностей думных дьяков и писарей Рады Господарской, он изобразил царя как ниспровергателя существующего сословного деления общества, покровительствовавшего худородным, а это, естественно, не могло понравиться литовским чиновникам, выходцам из шляхетской среды, тем более, что служба в господарской канцелярии могла стать прелюдией успешной государственной карьеры (например, Иван Семенович Сапега, Иван Горностай, Михал Гарабурда и Остафий Волович)[12]. Как бы там ни было, Курбский в данном случае поступил правильно, использовав литовский термин, иначе читатель мог его не понять: по литовским реалиям понятие "дьяк" могло быть отнесено, скорее всего, к чиновнику низшего ранга в господарской канцелярии – писарю (skryba)[13].

Попытаемся все-таки разобраться, применимо ли это эффектное сравнение Курбского для рассматриваемого исторического периода как в широком социально-политическом плане, так и в литературном отношении.

1. Несомненно, что зарождение и формирование обеих групп во временном отношении очень близки: усиливавшаяся в XV в. централизация (в Литве началом этого процесса стали уже упомянутые реформы Витовта; в Московском государстве – царствование Ивана III) повлекла за собой переустройство существовавшей до того времени системы управления государством, что, в свою очередь, вызвало потребность в чиновниках нового типа – многочисленной группе профессиональных бюрократов, грамотных, хорошо обученных, имеющих хорошую правовую подготовку, компетентных как в вопросах внутренней жизни государства (в том числе законодательства и финансов), так и в проблемах дипломатии.

Центрами, из которых исходил этот процесс, были в обоих случаях соответствующие учреждения монарших дворов: в Литве – господарская канцелярия, в Московском государстве – по-видимому, так называемый *Дворец*, в состав которого входил наиболее бюрократизированный институт старого аппарата управления – великокняжеское казначейство (*Казна*). Это означало усиление роли и численности чиновничества: писарей господарских в Литве и дьяков в Московском государстве[14].

2. Процесс проходил в обоих государствах с разной степенью интенсивности, и достиг несравнимо большего размаха в Московском государстве. Этому способствовало быстрое формирование квази-министерств – *приказов*, бурный рост их численности и быстро развивающаяся специализация – уже в эпоху Бориса Годунова их насчитывалось 30![15]

Своеобразие политического строя Литвы привело к тому, что несмотря на во многом аналогичные московским государственные потребности, здесь подобная система не сформировалась. Правовой и социальный статус двух рассматриваемых групп также имеет много отличий.

Ускорившееся с конца XV в. возвышение дьяков нашло отражение в соответствующих статьях кодексов московского права: если по Судебнику 1497 г. (ст. 1) их участие в судопроизводстве было незначительным (“*Судите суд боярóм и окольничим, а на суде быти у бояр и окольничих дьяком*”), то Судебник 1550 г. обеспечивал им активное участие в составе судебной коллегии, наряду с боярами, окольничими, дворецкими и казначеями (ст. 1), хотя, например, положенное им в связи с этим жалованье было гораздо более скромным, чем жалованье высших “чинов”. Но, по статье 26 Судебника 1550 г. размер денежного вознаграждения дьяка за *безчестие* зависел от решения самого царя[16].

3. Принципиальны различия и в количественной стороне явления. Подсчет численности чиновников в Московском государстве весьма затруднителен, даже если его ограничить только центральными учреждениями. По подсчетам же А. Рахубы и Г. Люлевича, в Великом княжестве Литовском в интересующий нас период времени эта группа состояла всего лишь из 64 чиновников с титулом пйсаря и затем 14 великих писарей (до начала XVII в.); зачисление в эту группу всех великих подскарбиев со времени Миколая Нарушевича (с 1566 г. после реорганизации литовской канцелярии великий подскарбий в обязательном порядке руководил ведомством писарей) незначительно расширит этот круг[17].

Очевидно численность изучаемой группы можно было бы немного увеличить за счет писарей польных (6), казначейских (4), приходных (7) и расходных (3)[18], но, с точки зрения методической, такая попытка просто сомнительна – по своим прерогативам и функциям к дьякам московских центральных ведомств наиболее близки именно великие писари[19].

Отметим, что в литовской канцелярии своеобразную проблему представляет группа дьяков господарских. Правда, этот термин фактически означает чиновника более низшего, чем писарь, ранга, тем не менее, известны случаи, когда писарей титуловали дьяками (и поэтому – из-за все еще недостаточной изученности источников – трудно признать окончательными какие бы то ни было перечни чиновников литовской канцелярии[20]). Зато заметна совершенно определенная тенденция – опытные и заслуженные господарские дьяки нередко со временем продвигаются на должность писарей господарских, что, в конечном итоге, влекло за собой и улучшение их экономического положения: писарь кормился с отданного ему в пользование монаршего имения (и поэтому писарь обычно выступает с титулом "державцы"), дьяк же служил за плату[21]. Эти различия не были порой понятны даже ближайшим соседям. Например, в случае переговоров о выкупе Лукаша Гарабурды, который оказался в московском плену после капитуляции Полоцка (1563). Переговоры чрезвычайно затянулись из-за требования огромного выкупа (50 тыс. злотых!) и внесенного царскими дипломатами предложения обменять названного "дьяка" на князя Василия Темкина-Ростовского, которого в конечном счете обменяли на полоцкого воеводу Станислава Довойну. Этот случай указывает на то, что господарских дьяков в Кремле считали сановниками высокого ранга[22].

Существенные различия между писарями и дьяками можно проследить, наблюдая процесс их трансформации: если в Литве апогей развития института писарей был достигнут в период между концом XV в. и Люблинской унией (и здесь совершенно отчетливо прослеживается зависимость между эволюцией господарской канцелярии и ее тогдашней усиливающейся рутенизацией), а затем после 1569 г. начался его окончательный упадок, то в Московском государстве этот процесс будет продолжаться вплоть до конца XVII столетия.

4. Важным аспектом сравнительного анализа является вопрос о том, из каких слоев общества формировалось чиновничество: в литовской администрации с самого начала преобладает шляхта (бояре), в Москве же, вопреки практике эпохи феодальной раздробленности, на смену дьякам, до этого нередко выходцам из среды людей несвободных, приходят с середины XV в. представители класса мелких и средних феодалов, в том числе потомки боярских родов из ликвидированных удельных княжеств, реже – богатого купечества[23]. Симптоматично, что в отличие от Литвы в этой группе, появляются даже отпрыски захудалых княжеских родов (Цыплятевы, Яновы). Такая практика имела место уже в удельных канцеляриях – дьяком у вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого был князь Василий Ухтомский[24].

Таким образом, приведенное в начале статьи суждение Курбского, также как и обсуждаемые в историографии антидьяческие выпады других недовольных – Тимофея Пухова-Тетерина и Михаила Татищева (см. ниже), если их анализировать в широком социальном контексте, окажутся не имеющими никакой доказательной силы[25].

Между писарями и дьяками не наблюдается также большого сходства в плане профессиональной преемственности: если в Москве мы нередко имели дело с настоящими династиями дьяков (в частности, Курицыны, Цыплятевы, Карачаровы, Моклоковы, Щелкаловы, Клобуковы[26]), то в Литве заинтересованность в карьере чиновника представителей одного рода не превышала, как правило, двух-трех лиц (чаще всего на протяжении одного–двух поколений)[27].

Абсолютным недоразумением, к сожалению, все еще имеющим место в польской историографии, является отождествление дьяческой службы с духовенством. Эта ошибка, выросшая, в сущности, на лишенном оснований внешнем

сходстве слов "дьяк" и "дьякон", – совсем недавно направила по ложному пути одного из исследователей "Стокгольмского свитка", который проанализировал изображение посла Лжедимитрия I – думного дьяка и казначея Афанасия Власьева – исходя из того, что на последнем были, якобы, литургические одеяния[28]. Между тем, присутствие среди сановников московской администрации представителей духовенства – в отличие от того, что имело место в Великом княжестве Литовском (vide: виленский декан Валериан Протасьевич Сушковский, будущий примас Литвы) – было абсолютно исключено.

Более того, само утверждение о происхождении из кругов белого духовенства рассматривалось у русских дворян как тяжкое оскорбление и доказательство худородности, что хорошо иллюстрирует фрагмент из челобитной окольничего М.И. Татищева: "*дьяки и дьячьи дети на нас глядеть не смели, знали свою братию поповых детей*", адресованный в ходе местнического спора дьяку Василию Щелкалову, прадедом которого был, якобы, "*православный поп*"[29].

Представителям обеих групп служебная карьера давала возможность значительного продвижения по сословной лестнице. При этом относительно более открытый характер литовской элиты обеспечивал самое высокое положение – должность сенатора – уже в первом или во втором поколении (Михаил Гарабурда, Иван Семенович Сапега, Остафий Волович; особо следует отметить беспрецедентную карьеру Ивана Горностая – этого "бога Русинов", как его называли жители Короны, канцлера и воеводы новогродского). В Москве продвижений по службе такого масштаба не было, во второй половине XVI в. среди думных чинов – выходцы из среды дьяков были редкостью; и, как правило, это были потомки выдающихся дьяков – Сукиных, Щелкаловых и Стрешневых (последние, сделавшись родственниками Романовых и желая соответствующим образом обосновать свои аристократические амбиции, вели свою родословную от мазовецкой шляхты – Стрешевских[30]).

5. Дьяки и писари пользовались большим политическим влиянием. Но насколько в Литве это влияние имело исключительно индивидуальный характер, настолько по мере разрастания московской бюрократии на протяжении XVI–XVII вв. можно говорить уже о ее серьезном влиянии как коллективного объединения (касты), и, что выше уже отмечалось, о формировании корпоративных структур и стиля поведения. Здесь стоит напомнить хотя бы факт использования этой группой в своих интересах такого классического для Московского государства института, как местничество; впрочем, это обстоятельство одновременно указывает на органическую связь тогдашнего чиновничества со шляхетским (дворянским) сословием[31]. Самые первые, известные местнические споры, проходившие с участием дьяков, относятся к рубежу XVI–XVII вв. (Татищева с Щелкаловым – 1598 г., Неелова с Клобуковым – 1600/01 г.). Если в первом из выше названных случаев имели место нападки вспыльчивого вельможи – окольничего Михаила Игнатьевича Татищева на наиболее влиятельного тогда в Боярской думе и при царском дворе представителя "бюрократов" – думного дьяка и казначея Василия Яковлевича Щелкалова, то во втором случае мы уже имеем дело с тяжбой двух представителей дьяческой касты[32]. Впрочем, местничеством пользовались и для "внешних" нужд. Вспомним хотя бы известное дело о тяжбе корпорации высшего ранга купцов – гостей с корпорацией дьяков в 1659 г., завершившееся приговором Боярской думы: "*дьячю чину быти честью выше их гостинного имени*" с таким красноречивым обоснованием, как "*дьяки же бывают вели-*

кого государя у дел с бояры, а гости ни у какого государева дела с бояры не бывают"[33].

Вернемся все же к проблеме применения местничества внутри дьяческой касты (естественно, это прежде всего касается выходцев из дворянской среды). Недавняя публикация документов о дьяческих тяжбах 60-х годов XVII в. превосходно иллюстрирует и качество применяемой аргументации, и психологическую атмосферу самого спора в социальной структуре служилой бюрократии[34]. Обратим внимание на то, что, наряду с аргументацией (назовем ее условно генеалогической – *родовитый, бывал на службе* и т. д.), появился аргумент о выслуге лет, старшинстве назначения и, наконец, – чиновничьих заслугах. Известен, носивший характер прецедента, царский указ 1693 г. (дело дьяка Виниуса), разрешивший спор о местничестве в его пользу за "*свои службы*" и за "*приказные многие работы*"[35]. Очевидно, что формирование такого типа поведения было обусловлено ростом численности дьяческой касты, потребностью создания внутренних правил, все еще весьма необходимых в обществе с иерархической структурой. Ничего подобного мы, конечно, не найдем в Литве – писарь или дьяк господарский – прежде всего шляхтич и это полностью определяло его социальный статус в общественном устройстве Великого княжества Литовского и шире – Речи Посполитой[36]; нужды в каких-либо дополнительных категориях здесь не было. Кроме того, не принуждал к этому – в отличие от России – не совсем внушительный в количественном отношении масштаб самого явления.

Модель идеальной чиновничьей карьеры в Литве можно представить в виде следующей схемы: дьяк или секретарь–писарь–державца–маршалок–подскарбий, а дальше, возможно, воевода. Воеводского стола достигли, в частности, Иван Семенович Сапега и Иван Горностай. В историографии обоснованно отмечалось, что должность писаря становилась трамплином к достижению высоких сановных позиций (напомним, что Остафий Волович и Лев Сапега добились даже поста канцлера), которые старались совмещать с должностью писаря; первой и одновременно весьма желаемой с финансовой (обеспечение за счет налогов) точки зрения должностью, занимаемой стремившимися делать карьеру писарями, была должность державца. Об относительно высоком ранге должности писаря лучше всего свидетельствует ее очередность, т.е. место в официальном перечислении титулов чиновника, занимающего одновременно и другие должности: ее помещали в таком перечне после воеводы, подскарбия и маршалка, но перед старостой, наместником и державцом. Более того, писари, одновременно занимающие должность маршалка (или выше), уже имели право заседать в полной (*зуполной*) Раде Господарской с правом голоса[37]. Отсюда следует, что двери для сановной карьеры, включая высокие посты в Раде Господарской, а позднее также и в Сенате Речи Посполитой, для выдающихся представителей группы господарских писарей были открыты.

Модель карьеры в Москве выглядела несколько иначе: подьячий–дьяк–думный дьяк; вершиной служебной карьеры могло быть, и это самое большее, "думные" должности печатника и казначея[38]. Элита дьяческого сословия – думные дьяки – также имела право голоса на земских соборах; в структуре этого высшего представительного органа думные дьяки занимали относительно высокое место: например, в документах собора 1566 г. они названы после бояр и окольничих, фактически представляя собой как бы одну категорию вместе с печатниками и казначеями (впрочем, они были помещены в начале этой группы). Отметим на самом соборе значительное представительство дьяков (33) и "*приказных людей*". В официальных документах они следуют после дворян и детей боярских, но все-таки перед делегациями низших сословий[39].

Тем не менее в тот период даже самая блистательная дьяческая карьера не становилась трамплином для такого продвижения в социальной структуре общества того времени, которое можно было бы сравнить с возможностями писарей господарских; немногие известные случаи продвижения представителей московской бюрократии в высшие "чины" в Думе (дворян и окольничих, однако не бояр) связаны с периодом Смутного времени, именно тогда иерархическая структура московского общества – и особенно двора – подверглась временным, но все-таки глубоким изменениям[40]. В то же время потомкам дьяков удавалось добиваться некоторых успехов в придворной иерархии. Это подтверждают примеры И.М. Вешнякова – думного дворянина и царского постельничего, а также В.Б. Сукина – также думного дворянина[41].

Результативным способом удовлетворения амбиций наиболее выдающихся представителей дьячества и проникновения в ряды московской элиты было установление родственных связей с ведущими семейными кланами монархии. Стоит отметить, что именно на этом поприще бюрократы достигли впечатляющих результатов: Цыплятевы породнились с кн. Пронскими; Долматовы – с кн. Ромодановскими; Сукины – с кн. Приимковыми-Ростовскими и Хилковыми, Захарьиными, Пушкиными; Щелкаловы – с кн. Долгорукими, Буйносовыми-Ростовскими и могущественным кланом Шуйских; Михалковы – с Морозовыми; Клобуковы – с Годуновыми, а Фуниковы – с кн. Вяземскими. Этот список показывает достоверность мнения хорошо ориентировавшегося в московских реалиях немецкого авантюриста Генриха Штадена, который, приравнивая дьяков к "боярам высокого ранга", одновременно подчеркивал тесную связь между этими группами[42].

6. Представители дьяческой элиты – наряду с выполнением административных и финансовых функций – активно участвовали в проведении внешней политики государства (в начале 1549 г. было создано специальное учреждение – Посольский приказ, которым руководил посольский дьяк); при осуществлении этих обязанностей они одновременно несли целый ряд ответственных дипломатических функций и принимали участие в многочисленных миссиях за границей (хотя вместе с тем должность "великого посла" в принципе была для них недостижима)[43]. Еще реже им доверялось выполнение руководящих военных функций[44].

Подобной была роль писарей в дипломатических контактах Литвы с соседними государствами: обычно они сопровождали панов Рады, реже выполняли самостоятельные миссии (но если это случалось, то выступали в качестве посланников низшего ранга – гонцов[45]; но, как правило, они не выполняли военных функций, хотя были исключения: Михаил Гарабурда, встав во главе татарских отрядов, принял участие в известном кавалерийском рейде Кшиштофа Радзивилла Перуна (1581)[46].

7. Совершенно по-разному складывалось материальное положение обеих групп: писари господарские получали большие доходы с передаваемых им в держание земель и наместничеств (нередко собирали их по несколько), а кроме того, специфика государственного устройства польско-литовского государства позволяла им также собирать земельные владения за счет господарских пожалований, покупок и т.д., а занимаемая должность приносила материальную выгоду от выполнения служебных обязанностей[47]. Московские дьяки, несмотря на то, что *ex officio* были обеспечены земельными наделами (получали, как и окольничие, до 1000 четвертей) и часто имели к тому же собственность, полученную в наследство (вотчины), а также постоянный доход от службы (здесь уместно отметить, что нередко присутствующие в сообщениях иностранцев рассказы о

коррупции и финансовых злоупотреблениях литовских и московских чиновников обнаруживают удивительное сходство)[48], не сумели собрать состояний, сравнимых с владениями главных должностных лиц господарской канцелярии. По сравнению с владениями, накопленными Сапегами или Остафием Воловичем, состояния самых богатых дьяков конца XVI в. – Василия Щелкалова, Сапуна Аврамова, Шерефединовых, не говоря уже о втором из братьев Щелкаловых, Андрее, а также Иване Висковатом, – выглядят весьма бледно[49].

И еще добавим, что в Московском государстве мы сталкиваемся с симптомами существования клиентелы у влиятельных дьяков, например, для второй половины XVI в. известны, по крайней мере, два таких примера. "Сильные люди" московской бюрократии – Андрей Щелкалов и Иван Висковатый – титуловались присылавшими им из-за границы информацию клиентами (в первом случае это был подчиненный, занимающий должность дьяка) почтительным термином "государь". О существовании такого отношения свидетельствует не только титулатура и "битие челом" адресату, но и сам факт передачи ему важной дипломатической документации, как бы минуя официальные каналы[50].

8. В заключение следует остановиться на культурной, а точнее способствующей развитию культуры, роли обеих групп. В рассматриваемый период дьяческая среда могла похвастаться личностями такого масштаба, как Федор и Иван Курицыны или Мисюрь Мунехин, и наконец, Иван Висковатый[51]. Принимая во внимание, что в течение относительно продолжительного времени возможности получения солидного образования в России были относительно скромными (причина этого явления – политическая и религиозная изоляция), то ничего удивительного, что именно в среде профессиональных чиновников, особенно в кругу наиболее открытого на контакты с миром и предъявляющего своим сотрудникам высокие требования Посольского приказа[52], действовали московские "образованные люди". Совершенно очевидно, что в тогдашней Москве это была не единственная среда с интеллектуальными амбициями (они имелись и у довольно значительной группы знати – достаточно указать на круг молодых аристократов, образовавшийся вокруг Максима Грека), но, тем не менее, именно здесь широко распространялось знание письма (в отличие от помещичьей среды, где грамотность была низкой, что иллюстрирует, например, казус опричного печатника Романа Алферьева-Нащокина, который не был выходцем из дьяческой среды)[53]. В условиях постоянного контроля властей за поступлением книг, доступность для дьяков Посольского приказа его сравнительно богатой библиотеки предоставляла им дополнительную возможность для самообразования[54]. Вне всякого сомнения дьяческое сословие внесло существенный вклад в развитие русской политической мысли и образованности. В этой сфере достижения литовских писарей выглядят несколько внушительней, хотя в то же время их следует признать относительно скромными на фоне очевидных достижений персонала коронной канцелярии; немногочисленные исключения в лице Михалона Литвина (Венцлава Миколаевича) и Элиаша Пелгржимовского не могут изменить эту картину[55].

* * *

Итак, при сопоставлении с господарскими писарями московская дьяческая среда выглядит как родоначальник настоящей бюрократии; неуклонно развиваясь на протяжении двух с половиной веков, отделяющих эпоху Ивана III от времени правления Петра I, несмотря на катастрофы, которые в период Смуты пережили все подразделения как центральной, так и провинциальной администраций, эта среда выработала почти все атрибуты гомогенного управленческого

класса. Особенности государственного устройства Речи Посполитой, а еще ранее государства Ягеллонов, способствовали тому, что аналогичного процесса, несмотря на чисто внешнее сходство между дьяками и писарями, там не происходило. В качестве примера отметим, что иной уровень централизации государства привел к тому, что в Литве фактически отсутствовала какая бы то ни было корпоративная или "профессиональная" связь между провинциальной администрацией и писарями центральных учреждений, а в России, напротив, наличие подобной связи очевидно[56].

Высшей точки развития – или, по крайней мере, периода наибольшего сближения с бюрократической традицией своего восточного соседа – группа господарских писарей достигла в конце эпохи Ягеллонов, в период между реформой Гаштольда в Литовской канцелярии (Ольбрахт Марцинович владел печатью в 1522–1539 гг.), кончиной Сигизмунда II Августа и метаморфозами, а точнее полонизацией канцелярии Великого княжества Литовского после унии. Спустя всего лишь век, когда готовился привилей об утверждении иезуитской коллегии в Смоленске (1622), канцелярист, обращаясь к лучшему бюрократу из среды московских эмигрантов – бывшему думному дьяку Василию Осиповичу Янову, уже не знал как обойтись с его титулом: последний назван там *думны дьяк горски* (*dumny diak horski*) (sic!)[57]. И хотя сам документ готовили в Варшаве, он, вне всякого сомнения, является продуктом литовской канцелярии (его удостоверил своей подписью великий писарь литовский Стефан Пац). Это звучит эпитафией всей категории господарских писарей.

Настоящее исследование, будучи всего лишь подступом к проблеме, позволяет констатировать, по крайнем мере, одно: наши знания об аппарате управления Великого княжества Литовского все еще недостаточны. Наряду с попытками частичного анализа этой темы (раздел о канцелярии Александра Ягеллончика в монографии К. Петкевича, посвященной правлению этого монарха; неизданная диссертация Вл. Ярмолика об организации литовской дипломатической службы в период правления Казимира Ягеллончика и Александра, и исследования Э. Баниониса, посвященные этой же проблематике[58]) почти всем, что знаем на сегодняшний день, мы обязаны нескольким (ставшими уже классическими) работам, написанным М.К. Любавским, И. Малиновским и Ю. Бардахом. До сего времени в историографии Великого княжества Литовского отсутствуют исследования, по уровню соответствующие монографиям А. Вычаньского и М. Королько, посвященным Коронной канцелярии, и работе Л. Кеневича о секретариате Стефана Батория[59]. Литовская канцелярия и ее костяк – господарские писари, в отличие от московских дьяков, все еще ждут своего открывателя масштаба Н.П. Лихачева, С.Б. Веселовского и В.И. Саввы.

[1] Попытку сопоставления обеих групп предприняла недавно в своем компаративном очерке М.Е. Бычкова (Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнит.-ист. изучения политического строя. М., 1996. С. 20–22, 28–30). Однако ее рассуждения – возможно, в силу малого объема самой работы – столь же лаконичны, сколь поверхностны, и скорее представляют собой перечень отдельных, не связанных между собой выводов, нежели попытку целостного анализа.

[2] См.: *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII в.). М., 1964. С. 207 и сл.; *Она же.* Приказные люди XVII в. (социальный состав и источники формирования) // ИЗ. М., 1972. Т. 90. С. 332–354; *Она же.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 23, 76–77; *Torke H.-J.* Gab es im Moskauer Reich des 17. Jahrhunderts eine Bürokratie? // FOC. 1986. Bd. 38. S. 276–298; *Clarckson J.D.* Some Notes on Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy in Russia // Enstehung und Wandel der Modernen Gesellschaft.

Festschrift für H. Rosenberg zum 65. Geburstag. Berlin, 1970. S. 193–194; *Plavsic B.* Seventeenth-century Chanceleries and Their Staffs // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century / Ed. W.M. Pintner, D.K. Rowney. Chapel Hill, 1980. P. 19–23; *Brown P.B.* Muscovite Goverment Bureaus // Russian History. 1983. № 10, P. 269–272; *Weickhardt G.G.* Bureaucrats and Boiars in the Muscovite Tsardom // *Ibidem.* P. 331–334. Ср. также: *Šmidt S.O.* Der Geschäftsgang in der russischen Zentralämtern der zweite Hälfte des 16. Jahrhunderts // FOG. 1992. Bd. 46. P. 74–75.

[3] Ср.: *Torke H.* – J. Gabes in Mostaner Reich. P. 276–277, 296–297. Об османской бюрократии см.: *Ínalçik H.* The Ottoman Empire: The Classical Age, 1300–1600. N. Y.; L., 1973; *Matuz J.* Das Kanzleiwesen Sultan Süleymans des Prächtigen. Wiesbaden, 1974; *Findley C.* Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. The Sublime Porte, 1789–1922. Princeton, 1980.

[4] *Флоря Б.Н.* Централизация и модернизация Русского государства во второй половине XV – первой половине XVI в. // Modernizacja władzy w warunkach opóznienia. Warszawa, 1999. S. 59–72. Ряд ценных наблюдений о различиях в характере администрации обоих вышеназванных государств-антагонистов Москвы см.: *Kopczyński M.*, Prawo czy obowiązek? Funkcje urzędów w Rzeczypospolitej i Szwecji w XVII w. // Przegląd Historyczny. 1991. T. 82; *Idem.* Service or Benefice? Officeholder in Poland and Sweden of the seventeenth century // European Review of History. 1994. Vol. I. № 1. P. 19–28. См. также наблюдения этого же автора относительно шведской модели: *Idem.* Axel Oxenstierna i szwedzcy biurokraci XVII wieku. Kilka uwag o zastosowaniu weberowskich typów idealnych w badaniach historycznych // Urzędy dworu monarszego dawnej rzeczypospolitej i państw ościennych: Materiały sesji zorganizowanej przez Zamek Królewski na Wawelu. Listopad 1993 / Red A. Gąsiorowski, R. Skowron. Kraków, 1996. S. 85–100.

Вопрос о разных бюрократических стандартах оказался вне поля зрения автора большого сравнительного исследования о Речи Посполитой и Московском государстве. См.: *Pelensky J.* Muscovite Russia and Polish-Lithuania, 1450–1600: State and Society–Some Comparisons in Socio-Political Developments // State and Society in Europe from the Fifteenth to the Eighteenth Century / Ed. J. Pelensky. Warsawa, 1985. S. 93–120. О функционировании московской модели см.: *O'Brien B.* Muscovite Prikaz Administration of the Seventeenth Century: The Quality of Leadership // FOG. 1976. Bd. 24. S. 223–235.

[5] *Plavsic B.* Seventeenth-century Chanceries. S. 22.

[6] См.: *Brown P.B.* Muscovite Goverment Bureaus. S. 269.

[7] Ср.: *Kamieniecki W.* Wpływy zakonne na ustrój litewski. Przegląd Historyczny. 1925. T. 25. S. 160–185; *Idem.* Społeczeństwo litewskie w XV w. Warszawa, 1947; *Kosman M.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda // Studia Źródłoznawcze. 1969. T. 14. S. 91–117. Ср.: *Szybkowski S.* Krzyżacki szpieg, lubelski mieszczanin i sandomierski chorąży: Kilka uwag w sprawie personelu kancelarii wielkiego księcia Witolda // Krzyżowcy, kronikarze, dyplomaci / Pod red. B. Śliwińskiego. Gdańsk-Koszalin, 1997 S. 278 (Gdańskie studia z dziejów średniowiecza, № 4).

[8] Ср.: *Kopczynski M., Axel.* Oxenstierna i szwedzcy biurokraci XVII wieku. S. 85–87.

[9] О мнимой аналогии между реалиями московскими и французскими см.: *Шмидт С.О.* О дьячестве в России середины XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 185; *Он же.* Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 248–249; *Idem.* Les diaks dans la Russie de la seconde moitié de la XVI siecle // Histoire sociale, sensibilités collectives et mentalités. Mélanges R. Mandrou. P., 1985. S. 551–560; *Idem.* Der Geschäftsgang. S. 70; *Он же.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 306, 309. Ср.: *Grala H.* Parweniusze czy synowie bojarscy? (Przyczynek do dyskusji nad społeczną kondycją diaków moskiewskich w XVI wieku) // Prace Naukowe WSP w Częstochowie: Zeszyty Historyczne. 1994. T. II. S. 203. См также: *Braudel F.* La Mediteranée et la Monde Mediteranéen a l'epoque de Philippe II. P., 1966. Vol. 2. P. 29n. Более обосновано – с точки зрения круга обязанностей – как нам представляется, сравнение думных дьяков с *secretaires d'Etat* монархической Франции XVI в. См.: *Michaud H.* La Grande Chancellerie et les écritures royales au XVIe siecle. P., 1967. Ср.: *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование соц.-полит. истории времени Ивана Грозного. М., 1996 (Гл. "Писари русские"). С. 309. С.О. Шмидт предпринял также попытку практического разрешения спора об адекватности применения термина "бюрократия" к московским реалиям. Признавая обоснованность сомнений Торке в социальном плане для XVI–XVII вв., Шмидт вместе с тем

указал на возможность использования этого термина в его буквальном значении – в качестве синонима власти чиновников. См.: *Idem.* Der Geschäftsgang. S. 74–75.

[10] *Курбский А.М.* История о великом князе Московском // РИБ. Пг., 1914. Т. 31. С. 221.

[11] См.: *Шмидт С.О.* О дьячестве. С. 183, 185; *Он же.* У истоков... С. 307. Ср.: *Grala H.*, Parweniusze czy synowie bojarscy. S. 191–192. О титулах дьяческой элиты см.: *Платонов С.Ф.* О титуле "думный дьяк" // *Он же.* Статьи по русской истории (1883–1912). 2-е изд. СПб., 1912. С. 194–200.

[12] О политическом и сословном контексте высказываний Курбского см.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 23–24; *Idem.* Parweniusze czy synowie bojarscy? S. 191–192. Добавим, что князь-эмигрант поддерживал тесные контакты, по крайней мере, с двумя "светилами" канцелярии господарской – вышеупомянутыми Гарабурдой и Воловичем. См.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985 (см. по указателю).

[13] *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970. S. 363; *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellonczyka: Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań, 1995. S. 15, 28.

[14] О становлении административной системы в Московском государстве раннего нового времени см.: *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного аппарата в конце XV– первой половине XVI в. М., 1961; *Зимин А.А.* О сложении приказной системы на Руси // Тр. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. М., 1955. Т. 3. С. 164–176; *Он же.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 180–181; *Он же.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С. 219–286. См. также: *Brown P.B.* Op. cit. S. 269–272; *Weickhardt G.G.* Op. cit. S. 331–334. Автор недавно изданного труда о кадровом составе великокняжеской администрации эпохи Василия II и Ивана III склонен – под влиянием Зимина – видеть именно в Казне "колыбель", в которой "подрастала" московская бюрократия. См.: *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 276.

О роли господарской канцелярии в формировании центральной литовской администрации см.: *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie. S. 13–30.

[15] *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1695) // ИЗ. М., 1988. Т. 116. С. 201.

[16] См.: *Шмидт С.О.* О дьячестве. С. 185, 189; *Idem.* Der Geschäftsgang. S. 78–79; *Он же.* У истоков... С. 311–314, 320–321.

[17] Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku: Spisy / Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba. Kórnik, 1994. S. 123–129, 131–132, 134, 136, 138. Ср.: *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego, 1386–1795. Kraków, 1885. S. 259–271; *Boniecki A.* Poczet ródow w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. S. XVIII–XIX.

[18] Urzędnicy. S. 108–109, 112–114, 116.

[19] См.: *Любавский М.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 390–394. Ср.: *Малиновский И.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой Древней России. Томск, 1912. Ч. II: Рада Великого княжества Литовского, вып. 2 (1492–1569). С. 14–16. Добавим, что четыре великих писаря в Литовской канцелярии (после уже упоминавшейся реорганизации 1566 г.) хорошо соотносится со штатом в три–четыре дьяка в Боярской думе, отмеченным в начале 1630-х годов Григорием Котошихиным. См.: *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 23–25. Правда, Жак Маржерет упоминает для начала XVII в. только двух – "domnei diac". Но он справедливо отмечает, что к исполнявшим эти функции более подходит термин "секретарь", нежели "chancellier". См.: Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета / Изд. Ю.А. Лимонов. М., 1982. С. 160. Источники же подтверждают факт одновременного появления нескольких чиновников с титулом думного дьяка. Например, на Земском соборе 1566 г. их было шесть (*Grala H.* Parweniusze czy synowie bojarscy? S. 200–201).

[20] Чтобы проиллюстрировать это, достаточно сослаться на список писарей Сигизмунда II Августа. См.: *Wolff J.* Senatorowie. S. 266n. По вопросу о пределах заменяемости понятий "дьяк" и "писарь" см.: Ibidem. S. 251; Urzędnicy. S. 118. Только применительно к канцелярии Александра Ягеллончика, благодаря исследованиям К. Петкевича, возможно сопоста-

вление поименных списков представителей обоих выше названных категорий господарских чиновников. См.: *Idem.* Wielkie Księstwo Litewskie. S. 15, 18–28.

[21] Из господарских дьяков дослужились до писарей (во время правления Александра Ягеллончика) Богуш Боховитинович, Грехоры Исаевич Громыка, Васил Никольский, Захар Иванович. См.: *Pietkiewicz K.* Op. cit. S. 19, 21, 23, 26. При Сигизмунде I – Богдан и Анджей Мацковичи (оба до писарей господарских), Сигизмунде II Августе – Михал Гарабурда, Базилий Древинский и Анджей Харытонович Обрынский. См.: *Wolff J.* Senatorowie. S. 266–267; Urzędnicy. S. 127, 129, 131–132, 136.

[22] См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством / Изд. Г.Ф. Карпов. СПб., 1892. См. также: Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 259, 281, 297–298, 414, 420. Серьезное влияние на размер московских притязаний имело то положение, которое занимал в Раде Господарской брат Лукаша – Михал. Ср.: Ibidem. S. 298–299 (*"И боярин Иван Петрович с товарищи говорили Михайлу Гарабурде: положен за брата твоего окуп таков, потому ты Михайло у государя своего человек имянной, писарь, а брат твой Лукаш имянной же человек у государства вашего писарь же, и на таких людей емают окупы великие"* – заявление московских комиссаров во время переговоров 5 января 1564 г.).

[23] Итоги дискуссии о сословном происхождении московских дьяков в XVI в. см.: *Grala H.* Parweniusze czy synowie bojarscy? S. 185–206. См. также: *Он же.* Иван Михайлов Висковатый. С. 22–34; *Rüß H.* Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels. 9–17 Jahrhundert. Köln, 1994. S. 339–340 (Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Bd. 17). Ряд ценных наблюдений о сословном положении великокняжеских дьяков и дьяков удельных князей в XV в. см.: *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. С. 176–177, 180–181, 275–276.

[24] Предок первого из вышеназванных родов – Иван Дмитриевич Цыпля – происходил из белозерских бояр Монастыревых, имевших корни по смоленской линии Рюриковичей, в случае же Яновых есть существенные причины считать их отпрысками ростовских князей. См.: *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт ист. исследования. СПб., 1888. С. 82–86, 423, 529; *Он же.* О происхождении Яновых // Изв. Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. I. С. 150–154; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб., 1992. С. 235, 237. Об Ухтомском см.: *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. С. 180.

[25] *Grala H.* Parweniusze czy synowie bojarscy? S. 191–193.

[26] *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 226–227, 238–240, 278–280, 343–346, 559–560. Перечень этих династий можно дополнить фамилиями Раковых, Айгустовых, Лодыгиных, Скрипицыных. См.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. С. 34.

[27] Например, Богуш Михал и Лев Боговитыновичи (*Pietkiewicz K.* Op. cit. S. 19–20), Гермоген, Иван и Оникей Горностаи (Urzędnicy. № 747, 929, 949; *Wolff J.* Senatorowie. S. 262, 266, 268), Михал и Лукаш Гарабурды (Urzędnicy. № 941; *Wolff J.* Op. cit. S. 266, 270), Венцлав Миколаевич и Венслав Агрыппа (Urzędnicy. № 941, 1046), Иероним, Иван, Остафий Воловичи (см.: Urzędnicy. № 749, 950, 956; *Wolff J.* Op. cit. S. 268, 270), а также три брата Войны – Габриэль, Лаврин и Матей (Urzędnicy. № 1005–1006, 1045). В таком случае единственной "династией" писарей в Великом княжестве Литовском (до конца XVI в.) будут Сапеги: служебные карьеры Семена, Богдана, Иванов – Богдановича и Семеновича, а также Льва принесли им множество высоких должностей (Богдан – наместник мценский и любуцкий, окольничий смоленский; Иван Богданович – маршалек господарский, воевода витебский, а затем подляский; Иван Семенович – маршалок господарский, воевода витебский, воевода подляский; Лев – канцлер, воевода виленский и великий гетман) и заметно способствовали продвижению рода на главенствующие позиции в среде литовских магнатов. См.: Urzędnicy (по указателю).

[28] *Bocheński Z.* Opis "Rolki Sztokholmskiej" // Studia do dziejów dawnego uzbrojenia i ubioru wojskowego. Kraków, 1988. № IX–X. S. 58. Исчерпывающие критические замечания см.: *Ławrientiew A.* Poselstwo rosyjskie 1605/1606 na Rolce Sztokholmskiej // Kronika Zamku Królewskiego w Warszawie (Warszawa, 1998. № 1 (36). S. 28–37). Справедливости ради отметим, что термин "дьяк" вместо "дьякон" или "дьячок" применялся в русском просторечии до начала XX в. именно для обозначения низших православных духовных чинов, что отчасти объясняет анекдотическую ошибку польского искусствоведа.

[29] См.: *Мятлев Н.В.* Челобитная Михаила Татищева // Летопись Историко-родословного общества. М., 1907. Т. III, № 1 (9). С. 5–7. Ср.: *Grala H.* Parweniusze czy synowie bojarscy? S. 192–193. Приведенные С.О. Шмидтом доказательства связей ряда известных дьяков с кругами белого духовенства (*Он же.* О дьячестве. С. 186–187) представляются недостаточно убедительными. См.: *Grala H.* Parweniusze czy synowie bojarscy? S. 194–195, 198–199.

[30] О мифической генеалогии Стрешневых см.: Общий гербовник. Ч. 2. С. 61; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки. С. 218–220. Обширную генеалогическую родословную см.: РГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера. № 284. Ч. 3. № 40а (Родословная Стрешневых). Л. 1–3. По вопросу о влиянии польской геральдической литературы на формирование фальсифицированных родословных московского дворянства см.: *Лихачев Н.П.* По поводу статьи А.А. Введенского "Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв." // Исторический сборник. М., 1934. Т. 2. С. 297. См. также: *Русина О.Н.* Последние Стрешневы и их герб // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественная организация. М., 1994. С. 131–132.

[31] *Павлов А.П.* Государев двор. С. 236–237.

[32] *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронол. реестр. М., 1994. С. 117 (№ 767), 120 (№ 796). О роли местничества см.: *Он же.* Местничество в социальной структуре феодального общества // Отечеств. история. 1993. № 5. С. 39–53 (там же полная историография проблемы); *Он же.* Местническое законодательство: Опыт реконструкции // Modernizacja władzy w warunkach opóźnienia. Warszawa, 1999. S. 119–154.

[33] *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия. С. 85.

[34] *Эскин Ю.М.* "*И Василей сказал, то де Артемий замыслил воровски...*": Документы о местничестве в среде приказной бюрократии XVII века // Ист. архив. 1993. № 2. С. 189–209.

[35] *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия. С. 85–87.

[36] Симптоматично, что в челобитной московских подьячих – братьев Лисовских, представителей шляхетского сословия Речи Посполитой, которые, оказавшись в московском плену, поступили на царскую службу, – есть замечание о том, что потомкам "в Коруне польской и в Великом княжестве Литовском людей породных в приказах в подьячих сидеть непристойно" (1668). См.: *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия. С. 84.

[37] См.: *Малиновский И.* Рада. С. 12–16. Ср.: *Bardach J.* Studia. S. 362–363.

[38] Должности печатников занимали Никита Фуников-Курцев, Иван Висковатый, Борис Сукин, Василий Щелкалов и Богдан Сутупов. См.: *Веселовский С.Б.* Дьяки. С. 93, 282, 499–500, 503, 588. Ср.: *Grala H.* Parweniusze czy synowie bojarscy. S. 197–198, 200. В должности казначея был уже упоминавшийся Фуников и Афанасий Власьев. См.: *Веселовский С.Б.* Дьяки. С. 98.

[39] См.: СГГД. М., 1813. Т. I. С. 545–546. Ср.: *Зимин А.А.* Земский собор 1566 г. // ИЗ. М., 1962. Т. 71. С. 212–214; *Он же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 178–181; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. С. 27–29; Idem. Parweniusze czy synowie bojarscy? S. 200–202. См. также: *Floria B.N.* Skład społeczny soborów ziemskich w państwie moskiewskim w XVI wieku // Czaspoismo Prawno-Historyczne, 1974. T. 26, № 1. S. 35–58.

[40] Так, Василий Щелкалов был пожалован в окольничии Лжедмитрием I (в 1605 г. эту должность экс-дьяк сохранил и при правлении Василия IV Шуйского). См.: *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты: очерки политической истории и источниковедения. Киев, 1993. Ч. I. С. 237. Богдан Сутупов получил аналогичную должность от Лжедмитрия II в 1610 г. (*Веселовский.* Дьяки. С. 503). Ср.: *Тюменцев И.О.* Органы государственного управления в Тушине в 1608–1610 гг. // Средневековая и новая Россия: Сб. научн. статей: К 60-летию проф. И.Ю. Фроянова. СПб., 1996. А Афанасий Власьев стал думным дворянином по назначению Сигизмунда III в 1611 г. (*Веселовский С.Б.* Дьяки. С. 98).

[41] *Шмидт С.О.* О дьячестве... С. 188. Ср.: *Grala H.* Parweniusze czy synowie bojarscy? S. 203. Стоит также привести пример дяди второго из выше указанных персонажей – Федора И. Сукина, которому дьяческая карьера брата не помешала получить должность казначея и чин боярина. Тем не менее едва ли не наиболее часто встречаемым (и в случаях с потомками известных дьяков) сценарием была приказная служба, нежели карьера среди низших рангов государева двора. См. также: *Павлов А.П.* Государев двор. С. 234–237.

[42] См.: *Heinrich von Staden.* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / Hrsg. von F.T. Epstein. Hamburg, 1964. S. 19.

О родственных связях дьяков с аристократическими родами см.: *Лихачев Н.П.* Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков // Изв. русского генеалогического общества. 1900. № 1. С. 114–119; *Он же.* Разрядные дьяки. С. 184–185, 191, 241; *Кобеко Д.Ф.* Щелкаловы и Чепчуговы // Русская старина. 1901. Т. 32, № 3. С. 711–717; *Он же.* Дьяки Щелкаловы. СПб., 1908. С. 3–8; *Шмидт С.О.* О дьячестве... С. 188–189; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 144; *Граля И.* Иван Михайлович Висковатый. С. 375–377; Idem. Parweniusze czy synowie bojarscy? S. 202.

[43] О роли Посольского приказа и его персонала в формировании внешней политики Москвы см.: *Белокуров С.С.* О Посольском приказе // ЧОИДР. М., 1906. Кн. III. Отд. IV. С. 1–170; *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1; *Он же.* Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник. М., 1983. Вып. 1–2. Об обстоятельствах создания самого Приказа см.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. С. 63–72. Об участии дьяков в дипломатической работе до создания Посольского приказа см.: *Rasmussen K.* The Muscovite Foreign Policy Administration during the Reign of Vasilij III. 1515–1525 // FOG. 1986. Bd. 38. S. 153–167.

[44] См.: РК 1475–1598 гг. / Подгот. В.И. Буганов. М., 1966. С. 286 (*"да под Кесь же послал государь диака Андрея Щелкалова, а велел государь князь Ивана Булгакова с товарыщи и с нарядом отвести под Кесь, и промышляти велел государь Ондрею с воеводами заодин"*). Наряду с Щелкаловым, который, как видим, получил прерогативы, равные воеводам (были среди них, в частности, князья Василий Сицкий, Петр Татев, Петр Хворостинин, Андрей Палецкий и Михаил Тюфякин, а также представители старомосковского боярства – Федор Шереметев и Василий Воронцов) в походе, завершившимся разгромом царской армии под Венденом (1578), принял также участие – как "старший у наряда" – другой известный дьяк – Андрей Клобуков (Там же). Портрет последнего украсил один из тогдашних летучих листков, воспевавших победу польско-шведских отрядов. См.: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit: Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt/M, 1972. S. 50–51, 287 (il. 7). Отметим, что для этого была использована гравюра с изображением другого московского дьяка – Афанасия Монастырева.

[45] См.: *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie. S. 29. В качестве примера можно привести целый ряд миссий подобного ранга в отношениях с Крымом (Юхно –1509; Михайло Свинушки – 1513, 1519; Григорий Громыка – 1513, Иван Горностай – 1516, Оникей Горностай, Венцлав Миколаевич – ок. 1540 г.) а также Молдавией (Богуш Боховитынович – 1506). Ср.: *Banionis E.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystes pasiunti nybiu tarnuba XV–XVI amižiais. Vilnius, 1998. S. 182, 193, 194, 196, 199. В дипломатических сношениях с Москвой, поглощавших внимание значительной части господарской канцелярии и требовавших особо бережного соблюдения рангов посланников, писари не выполняли самостоятельных функций до 1569 г., однако они всегда сопровождали очередных "великих послов" (в более поздний период такие случаи имели место неоднократно – например, миссия Михаила Гарабурды в 1573 г. и Льва Сапеги в 1584 г.); но зато известную роль здесь играли дьяки господарские, которых использовали в качестве посланцев низшего ранга – "гонцов". См.: Там же. S. 226.

[46] См.: *Kotarski H.* Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576–1582: Sprawy organizacyjne. Cz. IV // Studia i materiały do historii wojskowości. 1972. T. 18, № 1. S. 19.

[47] См.: *Bardach J.* Studia. S. 362–363; 371–375. Образцовый пример накопления богатейшего состояния, благодаря занимаемой должности, – Иван Семенович Сапега. См.: *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie. S. 25. Огромную предусмотрительность проявил также и другой писарь Александра Ягеллончика – Богуш Боховитынович (Там же. С. 19).

[48] См.: *Rüß H.* Herren und Diener. S. 342–343. О коррупции в Москве см.: *Staden H.* Aufzeichnungen. S. 13. Аналогичные наблюдения, касающиеся Литвы, см.: *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. А.И. Малеин, А.В. Назаренко. Вступ. статья А.Л. Хорошкевич. М., 1998. С. 192. Ср.: *Bardach J.* Studia. S. 373.

[49] О размерах состояний дьяков см.: *Граля И.* Иван Михайлович Висковатый. С. 396–409 (особенно с. 407–409).

[50] Письмо дьяка Захара Свиязева Щелкалову, направленное 12 апреля 1587 г. из Варшавы с гонцом Семеном Шориным, не прибыло к адресату, оно было конфисковано в Борисове (вместе со всем багажом гонца) по приказанию виленского воеводы Кшиштофа Радзивилла; письмо сохранилось в виде двух копий в архиве Радзивиллов. См.: Archiwum Główne Akt

Dawnych w Warszawie. AR II, Sygn. 208. K. 4–5; AR II Suppl., sygn, tymczasowa 68a; названный документ недавно был опубликован (первая из вышеназванных копий). См.: *Флоря Б.Н.* Частные письма русских дипломатов XVI в. // Ист. архив. 1992. № 2. С. 163. Об обстоятельствах дела в целом см.: *Grala H.* Kupcy, szpiedzy i kurierzy (na marginesie afery Siemiona Szorina A.D. 1587) // Gospodarka – Ludzie – Władza: Studia historyczne ofiarowane Juliuszowi Łukasiewiczowi w 75. rocznicę urodzin. Warszawa, 1998. S. 95–104. Об авторе письма см.: *Веселовский С.Б.* Дьяки. С. 465–466. Ср.: *Савва В.И.* Дьяки. С. 325–326.

Автором письма к Висковатому (ноябрь 1551 г.) был его астраханский информатор – некий Савостьян, вероятно, московский купец. См.: РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с Ногайской Ордой). Оп. 1. Кн. 4. Л. 99 и сл. За указание на этот документ выражаю признательность Б.Н. Флоре.

Проявления патроната и клиентелы в России относятся к числу слабо исследованных, при этом в историографии относительно редко обращают внимание на их существование до середины XVII в. Ср.: *Ransel D.L.* Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit / Hrsg. von A. Mączak. München, 1988. S. 211–214. Впрочем, это легко объяснить скупостью сведений, содержащихся в источниках предыдущих столетий. См.: *Флоря В.Н.* Частные письма. С. 162.

[51] См.: *Лурье Я.С.* Висковатый Иван Михайлович // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 138–140; *Лурье Ю.С.* Курицын Иван-Волк // Там же. С. 503–504; *Лурье Я.С., Григоренко А.Я.* Курицын Федор Васильевич // Там же. С. 504–510; *Дмитриева Р.П.* Мунехин Михаил Григорьевич // Там же. Л., 1989. Ч. 2. С. 120–122; добавим, что на окраинах дьяческой среды действовали также другие представители московской интеллектуальной элиты, как, например, переводчик Дмитрий Герасимов. См.: *Казакова Н.А.* Дмитрий Герасимов (Митя Малый) // Там же. Ч. 1. С. 195–196; о Федоре Курицыне см.: *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 89–143; *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. С. 218–222; об интеллектуальном кругозоре Висковатого см.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. С. 417–443. Нам представляется, что точку зрения М.Е. Бычковой (Русское государство. С. 30) о низком интеллектуальном уровне дьяческой среды и ничтожном вкладе дьяков в развитие московской литературы первой половины XVI в. следует признать гиперкритической.

[52] Заметим, что сбор сведений о потенциальных соперниках и партнерах Московского государства относился к числу основных обязанностей персонала Посольского приказа. См.: *Rasmussen K.* On the Information Level of the Muscovite Posolskij Prikaz in the Sixteenth Century // FOG. 1976. Bd. 24. S. 87–99.

[53] Во время спора о местничестве с казначеем П.И. Головиным (1583) печатник откровенно признался: *"а аз грамот не прочитаю, потому что яз грамоте не умею"* (sic!). См.: *Мельников Ю.Н.* Местнические дела в разрядном судопроизводстве 80-х годов XV в. // ВИД. Л., 1978. [Т. 9]. С. 233. Ср.: *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 163. Документы по этому процессу см.: Местнические дела 1563–1605 г. / Изд. Н.П. Лихачев. СПб., 1894. С. 3–15. Здесь стоит напомнить о том, что из-за незнания латыни Остафий Волович – один из самых известных выходцев из среды господарских писарей – едва не лишился должности канцлера.

[54] Стоит отметить, что между московскими и литовскими чиновниками случались и тесные контакты в сфере культуры (Висковатый–Волович). См.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. С. 256–257.

[55] О Михалоне Литвине см.: *Ochmański J.* Michalon Litwin i jego traktat o zwyczajach Tatarów, Litwinów i Moskwicinów z połowy XVI w. // Kwartalnik historyczny. 1976. S. 765–783; *Дмитриев М.В., Старостина И.П., Хорошкевич А.Л.* Михалон Литвин и его трактат // Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и московитян. М., 1994. С. 6–56; о Пелгржимовском см.: Polski Stownik Biografiozny. T. XXVI. S. 85–86. Ср.: Urzędnicy. № 982. S. 132. О литературной деятельности Пелгржимовского, который написал, в частности, "Panegyrica apostrophe" (издана в Кракове в 1583 г.), воспевающую кавалерийский рейд Кшиштофа Радзивилла Перуна и стихотворный дневник посольства Льва Сапеги в Москве, см.: *Brückner A.*, Zrodła do dziejów literatury i oświaty polskiej. IX. Wiersze historyczne // Biblioteka Warszawska. 1896. T. 1. S. 78; *Tyszkowski K.* Poselstwo Lwa Sapiehy do Moskwy 1600 r. Lwów, 1927. S. 1–6; *Nowak-Dłuzewski J.* Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce: Pierwski królowie elekcyjni, Warszawa,

1969. S. 137–138; *Kawaleu S.W.* Njazdiejsnienaja unija (pawodle dyjaryusza Haljasza Pelgrymouskaha) // Unia brzeska. Geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich / Red. A. Łużny, Fr. Ziejka, A. Kępiński. Kraków, 1994. S. 66–75.

Э. Банионисом был поднят вопрос об истинной роли господарских писарей в деле идеологического противостояния Москвы и Литвы. См. об этом: *Банионис Э.* Писари канцелярии Великого княжества Литовского и идеологическая борьба в Русском государстве в начале XVI века // Славяне и их соседи: Католицизм и православие в средние века: Сб. тез. науч. конф. М., 1991. С. 32–34. Ср.: *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie. S. 17–18.

[56] Здесь уместно напомнить замечание М.К. Любавского о том, что в Литве господарь в меньшей степени был зависим от услуг своих "бюрократов", нежели это имело место при московском дворе. См.: *Он же.* Литовско-русский сейм. С. 391 и сл. Ср.: *Шмидт С.О.* У истоков... С. 307.

[57] РГАДА. Ф. 154. Оп. 3. Д. 2007. Л. 1 (*"...co Archiepiscop Smolenski także Dumny Diak Horski Pan Wasili Osipowicz Janow' ustnie przyznali.."* – писан в Варшаве 19 июня 1622 г.).

[58] *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie. S. 13–35; *Idem.* Dwór litewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka (1492–1506) // Lietuvos valstybe XII–XVIII a. Vilnius, 1997. S. 88; *Jarmolik W.* Organizacja litewskiej służby dyplomatycznej za Kazimierza i Aleksandra Jagiellończyków. Białystok, 1990 (рукопись диссертации хранится в Библиотеке Института истории им. Адама Мицкевича в Познани); *Banionis E.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystes pasiuntinybiu tarnyba XV–XVI amižiais, passim.

[59] *Wyczański A.* Między kulturą a polityką. Sekretarze królewscy Zygmunta Starego (1506–1548). Warszawa, 1990; *Korolko M.* Seminarium Rzeczypospolitej Królestwa Polskiego. Humaniści w kancelarii królewskiej Zygmunta Augusta. Warszawa, 1991; *Kieniewicz L.* Sekretariat Stefana Batorego. Zbiorowość i kariery sekretarzy królewskich // Społeczeństwo staropolskie. Warszawa, 1986. T. 4. S. 33–69 (там же есть ряд весьма существенных наблюдений относительно литовского секретариата и его членов. – S. 43, 59, 62–67).

Ю.М. Эскин

МЕСТНИЧЕСТВО, РОДОСЛОВЦЫ И "РОДОСЛОВНЫЕ ПАСКВИЛИ"

Местнические дела по своей сути являются, с одной стороны, источником, а с другой – результатом генеалогических исследований. Смысл местничества состоит, как правило, в генеалогическом разбирательстве прав сторон в связи с претензиями на определенное служебное старшинство. Генеалогические справочники – от Государева родословца до Бархатной книги – преследовали цель необходимого упорядочения феодальных служб и прав высших категорий служилых землевладельцев России при верстании в оклады, повышении чинов, назначении на военные и административные посты и разрешении местнических конфликтов, в какой-то мере регулировавших все эти взаимоотношения. Историография вопроса о природе и роли местничества была освещена в работах А.А. Зимина, Ю.Н. Мельникова, П.В. Седова, В.Ф. Тиханкиной, С.О. Шмидта, Н. Шилдс Коллмен и автора данной работы[1], капитальное же источниковедческое исследование местнических дел проводилось в XIX в. А.И. Маркевичем (всего известного ему корпуса), в XX в. – Ю.Н. Мельниковым (дел конца XVI – начала XVII в.). Генеалогические сюжеты в делах рассматривались М.Е. Бычковой.

Наша задача состоит в том, чтобы показать широту бытования чисто генеалогических сведений в служилой среде XVI–XVII вв. на примере местнических дел. Основную информацию стороны черпали в источнике иного типа – разрядных книгах разных редакций. Главным для истца и ответчика было определить служебное соотношение предков, а уже потом, если возникали сомнения, – степень родственной близости к высокопоставленному или "захудавшему" предку.

В первой части статьи рассматривается применение родословцев в местническом судебном разбирательстве – случаи составления синхронных таблиц на основе поданных сторонами "лествиц"; подачи сторонами поколенных росписей и проверки их с помощью имеющегося в приказе родословца; методы проверки в случае отсутствия родословных того или иного рода в приказе; борьба с подтасовками в "лествицах"; далее анализируется осведомленность сторон в истории рода – соперника , способы "утягивания" противной стороны; во второй части рассматриваются случаи, характеризующиеся как "хула" на род соперников, некоторые из которых, по словам Н.П. Лихачева, имеют характер "генеалогического пасквиля". Это обвинение в незаконности происхождения рода, информация о предосудительном (политическом или бытовом) поведении предков или родственников, о "холопстве" одного из местников или холопском происхождении целых родов.

Все служилые роды, причислявшие себя к "людям родословным" обладали каким-то документальным корпусом – архивом, необходимым как для землевладельческих, так и для местнических тяжб. Значительное количество таких архивов выявлено в работах Б.Н. Морозова[2]. Документы по родословной и по служебной истории рода, в отличие от землевладельческих, часто возились с собой на службу. В ноябре 1663 г. Л.Н. Кобяков, будучи на службе в Севске, "подал роспись, что напамятовал, розрядные письма и чести старые родителей наших и жалованные великих князей грамоты у нас на Москве, и ныне на службе... тех писем с нами нет... и великий государь пожаловал, велел бы те письма у нас принять, как мы будем на Москве"[3]. Родословец, безусловно, был важной

частью архива, о чем свидетельствуют многочисленные списки разных редакций[4], в которых встречаются более подробные росписи "своего" рода, разрядные книги с аналогичными дополнениями, а также специфически местнические справочники – реестры родов возможных соперников "своего" рода с записями их "потерек" по службе[5], или просто общие справочники-выборки из разрядного делопроизводства и других источников "худых" служб, понижений, местнических поражений разных родов, составлявшиеся, возможно, "на рынок" или на заказ разрядными подьячими[6].

К ним, по нашему мнению, относятся "списки для приискания потерек", таково же происхождение "Списка стрелецких голов и сотников" и "Списка 100 года", опубликованных А.А. Зиминым, и "Списка новгородских губных старост, казацких стрелецких голов и сотников, городовых приказчиков, рассыльщиков и недельщиков XVI–XVII вв.", изданного Н.Е. Носовым; обнародование сведений обо всех не "разрядных" службах препятствовало карьере их родни и потомков[7]. Наиболее "неприятными" являлись сведения, собранные в "Поганой книге", где перечислялись холопы-полужильцы московской аристократии, испомещенные в новгородских пятинах после присоединения Новгорода и вывода местных землевладельцев[8]. Широкое бытование ее с середины XVII в. преследовало, по мнению современного исследователя, цель обнародования холопского происхождения ряда возвысившихся к этому времени родов[9].

Н.П. Лихачев с целью определения времени создания и состава Государева родословца, собрал в местнической документации XVI–XVII вв. много свидетельств его существования[10]. Например, в 1589 г. кн. Д.И. Хворостинин писал: "В том, государь, шлюся на вашу государеву книгу нашего родословия"[11]; в том же году кн. Г.О. Засекин подавал данные о своих предках: "а роду нашему родословец у государя", что было удостоверено в Разряде[12]. Примерно такой же оставалась формула и в дальнейшем, например, в деле "В.Н. Пушкин – А.Ф. Плещеев" 1627 г.[13]

Обычно представители тяжущихся родов подавали "лествицы" или "поколенные росписи" своих родов – своеобразные выборки "своей" ветви (если род бывал сильно разветвлен), которые разрядные подьячие сверяли с имеющимся у них официальным материалом и составляли синхронные таблицы для выявления старшинства. Одним из наиболее ранних примеров может служить дело окольничего Д.И. Годунова с боярином В.И. Умным Колычовым[14]. Оба они подали "лествицы" своих родов; очная ставка сопровождалась спорами типа: "Дмитрей Годунов написал в своей росписи негораздо. Ондрей Колычов Семену... большой брат: а у Ондрея был сын Иван; а Пупок Колычов – меньшово брат Семенова сын... а ты, Дмитрей, у отца своего третей сын", на что Годунов отвечал: "Осанов отец Годунова Дмитрей у своево отца другой... а отец мой Иван у Григорья третей"[15]. Родословия обоих проверялись по Государеву родословцу, были составлены синхронные таблицы[16].

В результате подсчетов Д.И. Годунов оказался примерно равен по "лествице" Ф.С. Колычову (митрополиту Филиппу), а его племянник Б.Ф. Годунов – Ф.И. Умному, старшему брату истца. Насколько эти расчеты соответствовали действительности? Если считать от родоначальников, И.Д. Годуна и Ф.А. Колыча, то Д.И. и Б.Ф. Годуновы в своем роду 18 и 29-й, а В.И. Умный в своем – 66-й. Правда этот расчет обычно нивелировался весьма сложным подсчетом – "дяди" приравнивались к "старшим" племянникам и т.д. Во всяком случае здесь существовало вполне свободное поле для деятельности суда, а дьяки, понимавшие, на чьей стороне сейчас сила, представляли требуемый расчет. Судя по всему, победили Годуновы, что было знаменательно в пред-

дверии падения первого послеопричного правительства, возглавлявшегося В.И. Умным-Колычовым[17].

Составление синхронных таблиц было, видимо, обычным методом проверки. В деле кн. Л.О. Щербатова – кн. В.И. Бахтеярова 1593 г. сохранилось пять таблиц Оболенских и одна – Ростовских княжат[18]. В примечании к своей публикации Н.П. Лихачев отметил пропуск в родословии Трубниных, а М.Е. Бычкова, проанализировав одну из росписей Ростовских, показала, что она более ранняя, чем запись Оболенских[19]. Метод не менялся и в дальнейшем. Таблица родов Шереметевых и кн. Хилковых отложилась в деле 1648 г.[20] Она проще объясняет технику местнического подсчета: по разделам было неоспоримо доказано, что кн. А.В. Хилков одним местом больше боярина И.П. Шереметева; его двоюродный брат кн. И.А. Хилков меньше его шестью местами (как 5-й сын); В.Б. Шереметев, племянник И.П. Шереметева, меньше его пятью местами. Значит, разница – одно место в пользу В.Б. Шереметева. Кн. Д.И. Хворостинин в 1589 г. в споре с кн. Ф.Д. Шестуновым заранее подал родословия не только свои, но и ярославских княжат – Троекуровых и Шестуновых: "Троекуровы в родстве больше Шестуновых, а князь Федор Троекуров был с отцом моим"[21], – пояснил он судьям. По этим сохранившимся в деле росписям Шестуновы – потомки третьего, а Троекуровы – первого сына ярославского князя Ивана Васильевича, что совпадает с разными редакциями родословцев[22]. На подобные случаи применения различных редакций родословцев указывает М.Е. Бычкова[23]. Иногда одна из сторон даже требовала представления родословия другой стороны, как Л.Н. Кобяков в 1677 г.: "да я ж... в записи написал, чтоб... государь указал, велел взять у него Михайла поколенную роспись, от ково он родству своему степень скажет, которых он Дмитреевых, а он... росписи не подавал, и суда у нас с ним не бывало"[24]. Подтверждена проверкой была и роспись, поданная в 1648 г. Т.Ф. Бутурлиным в связи с его делом с кн. А.И. Буйносовым[25]; роспись кн. Оболенских, "являющаяся цитатой из Государева родословца"[26], в Разряде сыскали в связи со взаимным "утягиванием" Пушкиных и кн. Долгоруких друг друга службой у духовных феодалов: "Это писано во всех родословцах; в иных родословцах писано, что они служат у Ростовского архиепископа..."[27]. Видимо, "Государев родословец", использовавшийся в приказе, не пополнялся. В 1627 г. В.Н. Пушкин подал "роду своему роспись"[28], которая схожа с официальной редакцией, однако отсутствуют последние шесть поколений, тот же результат дала проверка поданной родословной местничавших с ним Плещеевых[29]. Текст, использовавшийся в Разряде еще через 20 лет, виден по цитате о роде Ратши, выписанной с связи с делом "Н.А. Зюзина – Б.И. Пушкина" 1648 г.[30]

Проверка претензий представителей родов, не вошедших в Государев родословец, проходила по-иному. В качестве примера отсутствия родословной М.Е. Бычкова комментирует дело "В.Г. Зюзина и Ф.Ф. Нагим" 1576 г.[31]: "Василей сказал, что он родился в Литве и летописца у него нет". Обратились к представителю ветви Зюзиных, оставшейся в свое время на родине, который уточнил родословную родственника[32]. Несмотря на эту консультацию, сведения о роде Зюзиных в Разряде и спустя 72 года оставались прежними: когда в 1648 г. Н.А. Зюзин получил от Б.И. Пушкина отповедь – "Зюзины – люди не родословные", справка из приказа констатировала (после выписи о Пушкиных): "а Зюзиных и Шетневых род в государевой родословной книге не написан"[33]. И.К. Бегичеву, отцу известного публициста середины XVII в. И.И. Бегичева, ввиду отсутствия его рода в официальном родословце, пришлось подавать в 1623 г. подробнейшую роспись, возводившую род к татарскому князю, участнику битвы на Воже[34]. Уже А.И. Маркевичем была отмечена его ссылка на неиз-

вестную до сих пор "приезжих родов на государскую книгу"[35]. Росписи Бегичевых нет ни среди поданных для составления Бархатной книги в Палату родословных дел, ни среди выявленных М.Е. Бычковой родословцев разных редакций[36].

М.Г. Кротов указал нам, что поданная И.К. Бегичевым родословная совершенно не сходится с опубликованной Л.М. Савеловым[37], однако подтверждается (в ближайших поколениях) документами Поместного приказа[38]. Оправдывая отсутствие своей росписи, кн. Г.К. Волконский писал: "И многие роды в родословце не написаны, которые при прежних государях бывали... во всяких государевых больших чинах: тверские роды – Борисовы, Бороздины, Колединские, Кафтыревы, Ендогуровы, Лыковы; а рязанские роды все в государеве родословце не написаны"[39]; отрицали в Разряде существование и родоначальника его соперников, Колтовских, в деле 1627 г., а в 1631 г. – и родоначальника кн. Вяземских[40]. В XVII в. также обращались к членам рода, которые подавали подписанную "скаску", целью которой было, во-первых, уточнить родословную, а во-вторых, – определить положение местника в роду. 15 марта 1627 г. 16 членов рода Колтовских подали сказку: "начался мы от... пророднтеля Михаила Ивановича, который служил у Шемячича на Севере в Стародубе и отъехал на Рязань в великому князю... и начал по вотчине слыть Колтовской.... И мы то промеж себя выложили от своих предков... хто у нас в роду каков по лествице в местех"; 20 князей Волконских также подали сказку[41].

Распространенным явлением были вольные и невольные подтасовки в родословцах. В 1614 г. бояре, судившие И.С. Погожего с Ф.С. Плещеевым, велели обоим принести "лествицы родов"; по сверке оказалось что Плещеев вывел себя от М.И. Колотки-Плещеева, по Государеву родословцу – бездетного. Ответчик бил челом, что это описка дьячка; его допрашивали и о соотношении с другими членами рода, что особо заинтересовало одного из судей, кн. Б.М. Лыкова: он, "встав из-за стола, бил челом боярам", прося зафиксировать, что Дмитрий Плещеев больше Федора[42]. Случай не заставил себя ждать. В 1616 г. Ф.К. Смердову-Плещееву на суде с кн. Ф.И. Лыковым велено было принести "память своему родству". Думный дьяк Сыдавной Васильев выяснил, что в Государевой родословной книге написано, "к которому прадеду Федор Плещеев причитался, и тот... написан... бездетен... И государь велел ему отказать, что он бьет челом не делом"[43]. Позднее, в 1649 г., кн. Д.С. Мышецкий упрекал Плещеевых, что они в поданной лествице не ставят тех, кто служил в Новгороде, "в бесчестных чинах... от себя отчищая и в лествице не указывая"[44]. 22 февраля 1639 г. писателю и публицисту кн. С.И. Харе-Шаховскому пришлось выслушать строгий приговор: "ты бил челом на кн. Степана Гагина воровством своим... по лествице роду своево написал кн. Степана себе внуком. И ты Государева указу не послушал, что велено быть без мест... а мочно быть и отцу твоему менши кн. Степана Гагина сына"[45]. Нарушения указов о безместии порою карались строго, но "воровство" в родословцах – никогда. Поэтому странным выглядит добавление к этому приговору по делу с кн. С.И. Велико-Галиным в одной из редакций: "И государь велел тебя за то послать в Сибирь"[46]. Нам не известна опала на кн. С.И. Шаховского в этот период; скорее всего, переписчик одной из разрядных книг, как-то наслышанный о многочисленных опалах в бурной и несчастной жизни писателя, решил "привязать" одну из них к местническому случаю.

В 1618 г. В.А. Третьяков на суде с кн. Ю.П. Буйносовым доказал, что часть ростовских княжат – Бахтеяровы, Гвоздевы и Приимковы – исторически "меньше" Третьяковых-Головиных. Тогда вступились представители старейших

ветвей – кн. И.М. Катырев-Ростовский и боярин кн. А.В. Лобанов-Ростовский, заявившие, что "у них по роду Буйносовы – большие". Эта высокопоставленная родня и подтасовки дьяка Сыдавного-Васильева инициировали спор, приведший Третьякова к поражению, опале и тюрьме. Однако более всего проигравшего возмутило вольное обращение кн. Катырева со своей собственной родословной: "мне с тобою, князь Иван Михайлович, – в сердцах бросил Третьяков, – не сошлось, готов хоть с внуком твоим быть, но отец твой, князь Михайло Петрович... за Буйносовых никогда не вступался, и ты, вступаясь, себя позоришь"[47]. В.Б. Шереметев, жалуясь на своего подчиненного, оскольского воеводу Д.И. Репея-Плещеева, писал: "А преж сего их род – Бяконтовы, Басмановы, Очины и другие с Шереметевыми бывали бесловно; а Туровкины-Плещеевы были в детях боярских и из городов, и у митрополитов... и на Москве в стрельцах... и в пирожниках"[48].

Так же неплохо разбирался кн. Г.К. Волконский в генеалогии Колтовских: "сказывают Колтовские, что они Редегины, а Колтовских в Редегиных нет, а от Редеги роды – Зайцовы, Хабаровы, Елизаровы, Бирдюковы, Векентьевы, Белеутовы, Клушины, Сорокоумовы"[49]. В 1646 г. кн. И.Ф. Лыков "у скаски бил челом, что ему с кн. М.П. Рыбиным-Пронским не бывать, потому что он Рыбин, а не Пронский"[50]. Удивительный резон в 1663 г. привел Н.И. Шереметев: он заявил, что "указу не противен", и смотреть в столы на именинах царевича Федора Алексеевича совместно с кн. Ю.П. Трубецким готов, только князь – иноземец (!). За отсутствием разрядно-родословных доказательств превосходства стольник вспомнил вычитанное в родословцах "выезжее" происхождение Гедиминовича. Неуместный исторический экскурс в приказе восприняли как попытку личного оскорбления Трубецкого: "...Трубецкие не иноземцы: старый род, честной", челобитчик и его старший родственник боярин П.В. Шереметев за "непристойное челобитье" поплатились солидно – на них "велено было доправить ему Юрью окладу в полы"[51]. Так неожиданно в середине XVII столетия прозвучал отзвук давних столкновений выезжих княжат и старомосковского боярства. После отмены местничества, в 1693 г. известен близкий по типу случай – в гостях у того же П.В. Шереметева поссорились бояре кн. М.Г. Ромодановский и А.С. Шеин. Первый обозвал род Шеиных "изменническим" (вспомнив, видимо, казненного деда, М.Б. Шеина) и "величался московским князем"; А.С. Шеин ругал его "худым князем". Известный петровский вельможа кн. Б.А. Голицын присудил к штрафу за бесчестье обоих, а Ромодановского – еще и к тюрьме, причем с чисто местнической формулировкой – "честь Шеиных перед ними во многом знатна, и люди они перед ним честные"[52].

Обвинение в происхождении от захудавшей, незнатной ветви рода, так же было методом "утягивания". Так, в 1643 г. А.Г. Желябужский, местничаясь с И.С. Чевкиным, утверждал, что последний "не прямых Чевкиных"; в том же году К.А.Трусов в деле с кн. Ф.Ф. Волконским оправдывался – "а тем, государь, прозвищем опричь Великого Новгорода есть и иные Трусовы, и те Трусовы не нашево роду"[53]. Необходимостью отделиться от захудавшей родни были вызваны местнические конфликты внутри таких родов, как Хитрово (1642), Аничковы (1643), Квашнины-Самарины (1661), Языковы, Бутурлины (1662)[54].

Хорошая ориентация в чужих родословных была, как уже отмечалось, необходимым условием для "утягивания" рода соперника, т.е. оглашения его незнатного происхождения или заведомо низких, не разрядных служб. В 1631 г. М.А. Вельяминов отвечал на суде с кн. В.Г. Вяземским: "А упрекают, государь, меня кн. Василий Вяземский с братьею, будто родители мои бывали в головах и в сотниках стрелецких и в губных старостах, и тем род мой бесчестят"[55]. Выше

уже упоминалось об "утягивании" Пушкиными кн. Долгоруких службой у духовных феодалов[56]: подобный факт бывал для соперника лакомым куском, как служба у какого-нибудь светского феодала, например, служба Тарха Плещеева у П.Ф. Челяднина, которой кн. Д.Е. Мышецкий "утягивал" Плещеевых в 1649 г.[57] Обвиняемый либо опровергал эти факты, либо доказывал, что в то время эта служба была вполне почетной. Тот же М.А. Вельяминов объяснял, что "в городничих де изо многих родов бывали, а в бесчестье тем родам тово по се места не ставят, потому что городничие бывают по своему наказу, а ведают их одни большие воеводы, а товарищем до них и дела нет"[58].

Несомненным "утягиванием" было, конечно, оглашение службы предков или самого местника в приказной администрации. В деле М.А. Демьянов – И.П. Писемский 1620 г.[59] стороны, предъявив ряд актов из семейных архивов, обвинили друг друга в "низком" происхождении (предки обоих были дьяки); тогда Демьянов заявил, что отец Писемского был подьячим, а его – дьяком, и даже "выше" В.Я. Щелкалова[60]. При проверке боярских списков в Разряде оказалось, что в 1582 г. действительно он был записан, правда, между братьями А.Я. и В.Я. Щелкаловыми, но уже в следующем списке 1589/90 г. был понижен и записан среди дьяков седьмым[61]. Писемский "утягивал" Демьянова службами дяди и братьев, которые были решеточными приказчиками, стрелецкими сотниками, "а иные были на Москве в судных приказах в неделях", а затем нанес последний удар: "да у Якова Демьянова брат родной Дмитрей Афанасьев сын Демьянов ныне в попах в Курмышском уезде на Лыскове горе", на что Демьянов не без иронии ответил: "...брата в попах нет, а будет Ивану Писемскому тот поп, про которого он сказывает надобен, и он бы по него посылал"[62].

С целью "утягивания" поповским происхождением была создана и хулительная легенда о роде Нееловых и Гурьевых, согласно которой они произошли от протопопа Черниговского собора Неела и его пономаря Гурия, сопровождавших чудотворную икону Св. Николы в свите черниговских князей, которые почему-то оставили их с иконой в Тарусе, где их потомки стали послужильцами, а впоследствии были испомещены в новгородских пятинах[63]. Таким образом, даже происхождение от соборного протопопа, да еще связанного с чудотворной иконой, могло казаться "недостойным". Не помогала порою и "личная" связь со службой царскому дому. В.Н. Пушкин в деле с А.О. Плещеевым 1627 г. отрицал свое родство с Никифором и Докучаем Пушкиными, которые "прозвищем Пушка, а взяты с Твери с посаду", причем их мать, якобы, была кормилицей царевича Федора Ивановича[64]. Таким образом, даже молочные братья царя были не "в версту" родословному человеку. Наилучшим же методом было отрицание дворянства предков вовсе. Так, род Петрово-Соловово в некоторых родословцах выводят от "конского мастера" (коновала), не без иронии обыгрывая, видимо, "лошадиную фамилию". "Утягивание" полным отрицанием дворянства соперника было характерно для местничеств дьяков. Среди немногочисленных дел этого типа уникален комплекс, связанный с именем дьяка А.В. Козлова, которому за шесть лет пришлось выдержать три тяжелые тяжбы с дьяками А. Кощеевым (1660/01), В.В. Ушаковым (1662) и В.В. Бреховым (1664/65)[65].

В 1662 г. дьяк Челобитенного приказа В.В. Ушаков поругался (в присутствии окольничего И.М. Милославского и чинов шведского посольства) с дьяком Сыскного полоняничного приказа А.В. Козловым. Затем Козлов бил челом, что Ушаков – духовного происхождения, и брался это доказать. Ответчик сделал аналогичное контрразоблачение. На очных ставках и в поданных челобитных стороны обвиняли друг друга в фальсификации своего происхождения и в

самозванном приписывании себя к служилым родам Козловых и Ушаковых, причем последний подчеркивал "незаконное", а первый – "поповское" происхождение соперника, представив в доказательство неведомо как попавшую в его руки родословную роспись Ушаковых, уникальность которой заключается в том, что это роспись не дворянского, а провинциального поповского рода: "Роспись дьяка Василья Попова, что назвался воровски Ушаковым, пономареву и попову его роду, а воровству его Васильеву... Прадед его... был церковный бобыль в Ярославском уезде, в селе Березниках, прозвищем Срака, а имя ево прямое сродники ево скажут, которые в сей росписи написаны. А дед ево Киприян... служил в понамарях, а ис пономарей был в попах, пострижен и умер в Олександрове пустыне. А отец ево Васильев Василей же, из церковных дьяков, был в попах же в селе Березниках..."[66]. Далее идет перечисление не менее 20 родственников – попов, пономарей, теток – просвирниц и т.д., заключающееся эпизодами из бурной молодости самого Ушакова: "А как за свое Васильево воровство отец его поп Василей от церкви отослал и з двора ево збил, и он, Василей, в Ярославле и на Костроме кормился всякою работой, и в торговых банях воду лил, и на судах на Низ хаживал"[67].

Документ представляет огромный интерес, это отметил еще С.К. Богоявленский, говоря о "духовном" происхождении дьяков[68], но с одной поправкой: если вся эта родословная Козловым вымышлена (а Ушаков, как он доказывал, принадлежит к городовому дворянству), то она обретает, скорее, литературный интерес и должна была бы быть рассмотрена ниже, среди "хулительных" легенд. Подобное же обвинение послужило началом делу об "отеческом бесчестье" городовых дворян семейства Огалиных и И.Ф. Кучюкова. Последний 12 мая 1636 г. на службе в Переславле-Рязанском обругал их "поповою природою" (а по их словам – "поповичи")[69]. Кучюков сказал, что Влас Огала, их предок, "был в Ярославле поп и от того де они пошли Огалины". Истец, И.М. Огалин, ответил целым вопросником: "тот поп Влас которой церкви в Ярославле, городе или уезде был, и сколько тому лет, и при котором государе?"[70]. Ответчик отказался представить доказательства: "про то ведает город Ярославль, где у которой церкви тот Влас был поп, он ему де не все церкви приходить". Опровергая его, Огалины представили выписки из десятен XVI в. и заявили: "они Огалины лет со двести и больши, служили по Ярославлю, и на Ярославле переведены на Коломну до опришнины, лет болши осмидесяти"[71].

Легенды о выезде и происхождении родов изучены еще недостаточно, причем здесь необходимо не только источниковедческое, но и культурологическое и литературоведческое исследование, в качестве примера которого можно привести работы А.П. Богданова о "Генеалогии" Игнатия Римского-Корсакова[72]. Однако наряду с панегирической традицией, вершиной которой для XVII столетия бесспорно стало упомянутое сочинение архиепископа Игнатия, с рубежа XVI–XVII вв. возникает и традиция критическая или сатирическая, образцы которой определены были в свое время Н.П. Лихачевым как "генеалогический пасквиль". Возникавшие в среде соперничавших родов в ходе местнических, землевладельческих и иных столкновений, зарождавшиеся из реального факта, сплетни или анекдота, пасквили иногда превращались в развернутые обстоятельные повествования, тайно хранившиеся в родовом архиве или наоборот, получавшие хождение среди заинтересованных в "хуле" родов. Наиболее известный памятник этого типа – легенда о незаконном происхождении кн. Волконских, неоднократно использованная их соперниками. Один из ранних списков ее находился в уже рассмотренном нами деле "С.В. Колтовского – кн. Г.К. Волконского". Конспективно изложенная история скандальной любви тарусского князя

Юрия Михайловича и "проскурницыной дочери" Апы, которую ему пришлось оставить по настоянию смоленского архиепископа Фотия, чрезвычайно интересна[73]. Похоже, что к этому времени кн. Волконские уже с ней сталкивались, почему и потребовали сведений об источнике. С.В. Колтовский, оказалось, списал ее у Ляпуновых (которые местничали с Волконскими в 1625 г.)[74]. Легенда бытовала, видимо, широко, к Ляпуновым попала тоже "от друзей". Интересно, что Колтовские также "уличались" в незаконном происхождении, как бастарды от связи кн. В.Ю. Шемяки и кн. Феодоры, дочери кн. И.Ф. Голенина-Ростовского и жены кн. С.Ю. Вороны-Ростовского; якобы их сыном был боярин В. Колтовский, отец одной из жен Ивана IV, Анны[75].

Еще более широко (с записью в местнические справочники) была распространена легенда о Сукиных. Н.П. Лихачев, опубликовав ее в качестве иллюстрации к очерку о дьяках братьях Щелкаловых, относит ее оформление к 1663 г., времени местнического столкновения думного дьяка С.И. Заборовского с окольничим О.И. Сукиным[76]. Лихачев отмечал, что этот пасквиль, "как и легенды о происхождении кн. Волконских и Петрово-Соловых", любопытен характеристикой того впечатления, которое оставили после себя Щелкаловы[77]. Любопытно сравнить критику легенды о Сукиных Лихачевым (Сукины не могли быть потомками дьячка середины XVI в., поскольку занимали видное положение уже в начале века, и т.д.)[78], с системой опровержений, примененной в XVII в. кн. Г.К. Волконским: "Князь Юрий Михайлович был на своих удельных вотчинах 6740 г., а Смоленск в те лета за русскими государи не был, а был за литовскими... Смоленскому владыке из Литвы ко кн. Юрью Михайловичу писать было не мошно – в те поры в Смоленску владыки не было" и т.д.[79] При всех несообразностях, объясняемых уровнем исторических знаний того времени (еще Г.Ф. Миллер заметил, что тарусский князь жил в XIII в. и никак не мог погибнуть в "Мамаевом побоище", как считали Волконские[80]), путь, выбранный Волконским, был принципиально верен; с критики легенд и актовых подделок начиналось и западноевропейское источниковедение.

Завершающим актом преследования Волконских этой легендой стал протест представителей старших ветвей рода – кн. Оболенских-Репниных, Турениных и Лыковых при записи Волконских в Бархатную книгу. Правда, позиция этих трех княжеских родов оставалась шаткой – не решаясь бросить тень на нравственность общего предка, они просто отрицали существование у него сына – предка Волконских[81]. Обвинение в незаконном происхождении прозвучало и в устах кн. И.Г. Звенигородского в 1603 г. в ответе на челобитье кн. Д.Г. Аксака-Бельского: "... вели... сыскати, почему ему с ним невместно, сыскати родство ево, от которово он корени пошол, и почему оне князи пошли; а у князя Дмитрея дед был не князь, Григорей слыл Горчак, а Григорей Иванов сын Горчаков, а Иван... сын кн. Ивана Морткина, добыл ево у девки у Крися (sic!) а та девка Козлова дочь, а оне... по матери слыли Козловы, то их родство..."[82] Подобный анекдот показывает, из каких "зародышей" возникали при случае "пасквильные" легенды.

Оглашение фактов предосудительного поведения предков также входило в арсенал местников. Многие факты политической жизни, даже фамильной истории, указывает С.О. Шмидт, "сохранились в семейных преданиях, наряду с записями о службах предков и местнических спорах"[83], приводя в пример "Памфлет на род Сухотиных", практическое применение которого, правда, не известно. Этот памятник был составлен, по предположению опубликовавшего его В.А. Александрова, кем-то из рода Хрущевых ок. 1668/69 г., и остался "памятником соперничества служилых фамилий"[84]. Большую часть сочинения занимают

приключения в период Смуты Ф.В. Сухотина, впечатляющие вереницей клятвопреступлений и зверств, совершенных им на службе тушинского и псковского самозванцев, И.И. Болотникова, царя Василия Шуйского, в числе которых – убийства кн. В.К. Черкасского, жены и детей С.П. Ляпунова и т.д.[85] Подобный рассказ мог бы вырасти и из слов М.А. Вельяминова: "Вяземские князи... объявились только в опришные годы, в кою пору дед ево, князь Васильев, Офонасей Долгой Вяземской посягал на крестьянскую кровь"[86], или из слов Ю.И. Татищева, в деле с С.В. Головиным, в 1622 г. уверявшего, что "по ево наносу зят ево, боярин кн. М.В. Скопин-Шуйский, убил с ним Семеном вместе на дворе у себя без вины... брата моего роднова Михайла Игнатьева Татищева"[87]. Обвинение это, заметим, не выдерживает критики, поскольку убийство видного деятеля Смуты произошло осенью 1608 г., когда С.В. Головин находился на переговорах со шведами в Выборге[88]. В 1634 г. Л.Г. Сумин-Курдюков в запальчивости бросил кн. В.Г. Ромодановскому, что де его родственник кн. Д.М. Пожарский в 1613 г. "подкупался" на Московское царство, истратив какую-то фантастическую сумму в 20 тыс. рублей, чтобы "воцариться". Не осознав, видимо, вначале всей опасности для себя такого политического обвинения, повлекшего за собой разбирательство на самом высоком уровне (Пожарский был еще жив и занимал важные посты), Л.Г. Сумин при расследовании испугался и стал отрицать факт того, что он сказал[89]. Теперь не поддаются проверке и известные обвинения кн. Б.М. Лыковым кн. Д.М. Пожарского и его матери в политических интригах[90], и факты интимной близости девиц из рода Сукиных с дьяками А.Я. и В.Я. Щелкаловыми[91], и обвинение дьяком А.И. Козловым дьяка В.В. Ушакова в чернокнижии; на решение же местнического суда подобные сведения обычно не влияли.

Обвинения дьяка В.В. Брехова в уже рассмотренном нами деле с дьяком А.И. Козловым интересны бытовыми реалиями: "Дьяк Ортемей пишет ложно, причисляясь к звенигородцам Козловым... мать ево была девкою в холопах у кн. Михайла Кайбулина и бежала в девках с человеком ево Ивашкой Фоминым сыном Козиным, и объявилась замужем в Касимовском уезде... за попом Иваном Козлом... и после тово попа мать ево, Ортемья, свезла на Болахну к тетке..."[92] и т.д. Злоключения ее кончились с выходом замуж за балахнинского подьячего В. Спискова, человека, видимо, состоятельного, родной брат которого, Кондратий, был протопопом Московского Архангельского собора, а другие родственники служили в приказах. Отчиму и его родне, видимо, и был отчасти обязан Козлов карьерой. Козлов отрицал не все, "разночинный" же брак матери объяснял просто – "от бедности": отец, небогатый звенигородский служилый человек, вернулся из плена и вскоре умер, поместье "лежало в пустоте". Вдобавок друзья дьяка В.В. Брехова в Разрядном приказе сфальсифицировали справку о службах рода Козловых – одних не написали, другим снизили чины. Эти происки Козлов парировал, огласив сведения о том, что мать Брехова вообще "торговала молоком на Москве за Москвою рекою, где бабы ставятца с молоком... в том слался на стрелецких жон, которые в то время молоком торговали..."[93] В конце концов обширный клан городовых дворян Козловых решил положить конец скандалу, бившему по их репутации. "Сродник наш, по роду брат, а иным дядя, Артемей Иванов сын Козлов, служит в дьяцех...", – возмущенно писали они в челобитной; "...а он Василей, молодого отца сын и сам исконный подъячей". Н.Ф. Демидова замечала, что Брехов пытался отрицать явно дворянское происхождение Козлова[94]. Вне зависимости от того, насколько истинны были родственные взаимоотношения Козловых, они были взаимовыгодны. Влиятельный столичный родственник-дьяк был находкой для белозерских, звенигородских, можайских и суздальских служилых людей. Недаром его обвиняли

в устройстве родни (о белозерце В. Козлове "бил челом... в стремянные конюхи и ставил перед государем")[95] в дворцовую службу. В свою очередь, многочисленная провинциальная родня в "служилых городах" была крепким тылом для приказного дельца сомнительного происхождения[96].

"Хулительные" подробности не могли, повторяем, повлиять на решение местнического суда, но по гражданскому законодательству квалифицировались как "бесчестье", за которое взимался штраф обычным порядком. Обвинения же в "холопском" происхождении родоначальников, так же весьма частые[97], влекли за собой особое разбирательство. Родословный пасквиль, стилизованный под "судный список", связан с упоминавшейся выше Поганой книгой. Он возник на базе реально имевшего место дела об "отеческом бесчестье" двух видных представителей верхушки новгородского "служилого города" – С.И. Кашкарова и С.Ф. Муравьева. Подлинное дело сохранилось лишь во фрагментах (обнаруженных М.Е. Бычковой и К.В. Барановым)[98], причины же возникновения на его основе легендарно-хулительного варианта проблематичны. Согласно последнему, оба рода, обвинявшие друг друга в холопском происхождении, по проверке оказались записаны в пресловутую Поганую книгу (что, впрочем, не соответствует действительности). Заметим, что фальшивые записи о местничествах в разрядах обычно фиксируют победу или иное преимущество какого-либо рода, чем определяется иногда происхождение редакции (например, "бутурлинские" подделки). По мнению К.В. Баранова, доказавшего пасквильный характер "судного списка", возможно он является памфлетом против новгородской дворянской корпорации в целом[99].

Принадлежность предка ко двору крупного феодала, о которой уже упоминалось (служба митрополитам и т.д.), "унижала" род; Г.Г. Пушкин отрицал службу предков у патриарха, ростовского и крутицкого митрополитов, заявляя, что они не служили даже у удельных князей, в то время как у ростовского архиепископа служили предки его соперников – кн. Долгоруких[100] (о чем мы уже упоминали, как и о службе Тарха Плещеева П.Ф. Челяднину, по свидетельству кн. Д.Е. Мышецкого)[101]. Таким же холопом-послужильцем был, вероятно, И.А. Дурной, "который дан в Литву в приданое"; от его сына, оставшегося и служившего Шемячичу, производили себя Колтовские. Проверка в Государевом родословце подтвердила данные об отце, но не о сыне[102]. Волконские не заинтересовались этим сведением; возможно, холопство-вассалитет у великих князей не считалось "подлым" по сравнению, например, с таким: "да тот же Григорей Горчак, князь Дмитреев, отец, – писал кн. И.Г. Звенигородский, – служил по кабале у Василья Бороздина, и князь Владимир Андреевич Старицкий у Василья кабалу и ево к себе взял, и он был у нево прикащик в селе Порудце"[103]; Р.В. Алферьев в 1572 г. в деле с кн. В.В. Литвиновым-Масальским вспомнил его родственника, который, видимо, начальствовал над псарней своего суверена кн. И.М. Воротынского[104].

О холопстве матери дьяка А.И. Козлова уже упоминалось; пасквиль ли это, или реалии жизни оставшейся без средств вдовы мелкого служилого человека – определить невозможно. Анализируя "Памфлет на род Сухотиных", В.А. Александров сравнивал его героя с "несравненно более крупной фигурой Истомы Пашкова, о биографии которого известно очень немного"[105]; о том, как приключениями последнего объяснялось захудание одной из ветвей его рода, поведало местническое дело, начавшееся перебранкой двух жильцов – К.Ф. Пашкова и Г.Б. Врасского (кстати говоря, представителя рода, известного по событиям Смуты в Астрахани)[106]. Последний обругал Пашковых "холопами боярскими"; по жалобе К.Ф. Пашкова бояре его допросили; Врасский подал

своеручную сказку о некоем Иване Петрове, холопе Хиринских, рассказывавшем ему, что он – "каширян Пашковых, а Истома де Пашков был мне двоюродный дядя... как де изменил Истома Пашков царю Василью Ивановичу, и сидел с вором Петрушкою на Туле, и мы... с тое поры стали в рассеянье и закосненье, и служить начали у Хиринских и в иных дворах". Интересно, что эти сведения, по крайней мере, применительно к известному И. Пашкову и его ближайшей родне – ложны; за переход на сторону Василия Шуйского они были награждены солидными поместьями, а некоторые впоследствии вошли в состав Государева двора, как, например, их потомок К.Ф. Пашков[107].

В одном из "родословных пасквилей" подвергается шаржированию и такой популярный сюжет родословных легенд, как "выезжее иноземство": в "хулительной" родословной Апрелевых, стилизованной под выпись из верстальных книг, рассказывается об их предках, действительно "выезжих", но... всего лишь как взятые в плен в Смоленске "даточные люди литовского короля", т.е. не дворяне, испомещенные, конечно же, в числе "холопов" по Новгороду[108].

Итак, генеалогические познания были естественны для служилых людей практически всех рангов. Психологическое восприятие себя не как независимой личности, а как частицы своей родовой корпорации в служилом "пространстве" или "степени" своей родословной "лествицы" во времени – было характерно для любого служилого человека. Пока еще не достаточно изучены и представления о критериях сословной чести и гордости в разных социальных группах. Например, городовые служилые корпорации местничали обычно со вторым воеводой города, но отдельные роды из этих же корпораций могли гордиться своим родством со столичным дьяком. Заслуживает внимания и общепринятость сословного презрения к белому духовенству, происхождение от которого даже для мелких дворян XVI–XVII вв. – несмываемый позор, равный происхождению от незаконной связи или от холопов. Бытование и развитие легенд-пасквилей о родах соперников также можно считать своеобразным элементом общественного сознания. Из приведенных примеров видно, что в незаконном происхождении род обвиняли довольно редко (кн. Волконские, кн. Д.Г. Аксак-Бельский, Колтовские), значительно чаще – в холопстве (кн. Аксак-Бельский, Кашкаровы, Козловы, Колтовские, кн. Литвиновы-Масальские, Пашковы, Плещеевы) и в "поповском" происхождении (Гурьевы, Козловы, Нееловы, Огалины, Сукины, Ушаковы), распространены были обвинения в службе у духовных и светских феодалов, и в плохом, с политической или моральной точки зрения, поведении соперника или его предков (Бреховы, кн. Вяземские, Головины, кн. Пожарские, Сукины, Сухотины, кн. Трубецкие и др.). Зачастую трудно решить, что важнее – подлинность событий, отраженных в легендах-пасквилях, или их интерпретация, что ценнее – новые исторические факты, или сам факт их вымышленности, создающий новую культурную реальность. Таким образом, местничество, – уникальный социальный институт русского феодального общества, – было основным полем для применения критики и проверки генеалогических материалов, став провозвестником их дальнейшего изучения как исторического источника.

[1] *Зимин А.А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // АЕ за 1968 год. М., 1970; *Мельников Ю.Н.* Местничество и политическая борьба в России в 80-е годы XVI в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; *Тиханкина В.Ф.* Источники по истории местничества времени правления Ивана IV: Дипл. работа. М., 1972; *Седов П.В.* Социально-политическая борьба в России в 70-х – 80-х гг. XVII в. и отмена местничества: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985; *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. М., 1973; *Shields Kollmann N.* By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia. Ithaca; L., 1999; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронол. реестр. М., 1994.

[2] *Морозов Б.Н.* Частные архивы XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 1032. Л. 2, 34, 25–42 (Дело Л.Н. Кобяков – М.М. Дмитриев, 1668, 1676–1677 гг.).
[4] *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975.
[5] *Шмидт С.О.* Указ соч. С. 299.
[6] *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки. СПб., 1888. С. 349; *Татищев Ю.В.* Местнический справочник XVII в. Вильна, 1910 (публикация одной из определенных Н.П. Лихачевым двух редакций памятника).
[7] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот. к печ. А.А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 215–220; *Носов Н.Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства XVI в. М.; Л., 1957. Прил. II. С. 349–367.
[8] *Абрамович Г.В.* Поганая писцовая книга // ВИД. Л., 1978 [Т. 9]; *Базилевич К.В.* Новгородские помещики из послужильцев в к. XV в. // ИЗ. М., 1945. Т. 14.
[9] *Баранов К.В.* Историография Поганой книги // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвящ. памяти А.Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщ. М., 1991. С. 32–33.
[10] *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 349–440; *Бычкова М.Е.* Родословные книги... С. 32.
[11] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 260. Стп. 4. Л. 316, 317.
[12] *Бычкова М.Е.* Родословные книги... С. 129, 130; Местнические дела 1563–1605 г. СПб., 1894. С. 39.
[13] *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 350.
[14] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 335. Стп. 2. Л. 1–73.
[15] Там же. Л. 12, 31.
[16] Там же. Л. 37–38. Данные обоих источников близки к родословцам Летописной и Румянцевской редакций (РИИР. М., 1977. Т. 2. С. 46, 50, 152).
[17] Д.И. Годунов, постельничий, отвечавший за охрану царской семьи и обеспечение ее комфортом, обладал огромным влиянием, в то время как глава "Дворовой" думы В.И. Колычов уже находился в полуопале и был вскоре казнен. См.: *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1979. С. 9–12; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 17.
[18] Местнические дела... С. 52–67: Оболенские – Щербатые – Тростенские (Туренины) Тюфякины – Лыковы (С. 65); Оболенские – Долгорукие – Щербатые (С. 66); Ростовские – Голенины – Приимковы – Гвоздевы – Бахтеяровы (С. 66).
[19] Местнические дела. С. 65; *Бычкова М.Е.* Родословные книги... С. 131.
[20] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 224. Л. 334. Опубл.: *Маркевич А.И.* О местничестве. Киев, 1879. С. 502.
[21] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 260. Стп. 4. Л. 278–318.
[22] Там же. Л. 313; РИИР. Т. 2. С. 102.
[23] *Бычкова М.Е.* Родословные книги... С. 132.
[24] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 1032. Л. 42.
[25] Там же. Оп. 9. Стб. 217. Л. 235; *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 499–501.
[26] *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 352.
[27] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 245. Стп. 3. Л. 246.
[28] Там же. Стб. 35. Стп. 2. Л. 1–426. Опубл.: ВМОИДР. М., 1852. Кн. 14. С. 19–192.
[29] Там же. Л. 173, 175. Ср.: РИИР. Т. 2. С. 123–124, 126–131; ВМОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 131, 173.
[30] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 218. Л. 138; *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 496. Ср.: РИИР. Т. 2. С. 126.
[31] *Бычкова М.Е.* Родословные книги... С. 131–132; РИС. М., 1842. Т. 5. С. 6–7; *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 295–301.
[32] РИС. Т. 5. С. 33.
[33] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 218. Л. 138; *Маркевич А.И.* История местничества. Одесса, 1888. С. 458.
[34] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 16. Стп. 1. Л. 7, 8.
[35] *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 437.
[36] *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 425; *Бычкова М.Е.* Родословные книги...
[37] *Савелов Л.М.* Родословные записки. М., 1906. С. 255.

[38] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 11606. Л. 313–325, 403, 658–662. Выражаю благодарность М.Г. Кротову за предоставленную информацию.
[39] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 559. Л. 311.
[40] Там же. Л. 188–195 ("...что Михайло отъехал на Рязань и начал слыть Колтовским... тово в родословной книге не написано"). Кн. Вяземскому, подавшему роспись от смоленских князей, ответили, что кн. Андрея Владимировича Долгорука, первого удельного Вязьмы, не нашли, "а от ково Вяземские пошли, тово в родословной книге не написано" (в деле с М.А. Вельяминовым – РИС. Т. 5. С. 93, 145–146, 196–198); *Маркевич А.И.* История местничества. С. 458–459.
[41] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 559. Л. 33, 35.
[42] ДР. СПб., 1850. Т. I. С. 118–119.
[43] Там же. С. 229–232; КР. СПб., 1853, Т. 1. С. 208–210.
[44] РГАДА. Ф. 210. Оп. 19. Стб. 64. Л. 1–4.
[45] ДР. СПб., 1853. Т. II. С. 590–591, 599–600.
[46] Там же.
[47] ДР. Т. I. С. 325–327, 514–517; КР. Т. I. С. 555. Младшие Ростовские с помощью Сыдавного-Васильева добавили в приговор слова: "и всех Ростовских быть меньше мочно". Пересмотра дела Третьяков добился только в 1622 г., когда выяснили, что "своровал дьяк ... велел написать без государева указу, а то дело не всхожее, и велик и мал в Ростовских князьях, не ровны Ростовские ... а ныне государь ... тое записки и скаски не вели поставить в дело".
[48] ДР. СПб., 1855. Т. III. С. 42–44; *Маркевич А.И.* История местничества. С. 419, 515–516.
[49] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 559. Л. 195.
[50] ДР. Т. III. С. 52.
[51] ДДР. СПб., 1854. С. 378–380, 383–384.
[52] ПСЗ–1. СПб., 1830. Т. III. № 1410; *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 86–87.
[53] ДР. Т. II. С. 713, примеч.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 181. Стп. 3. Л. 38.
[54] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1118. Л. 437–440, 445–447; ДДР. С. 259, 324; *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 387–388.
[55] РИС. Т. 5. С. 117.
[56] См. сноску 27.
[57] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.
[58] РИС. Т. 5. С. 279–280.
[59] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 17. Стп. 3. Л. 1–41.
[60] Там же. Л. 1.
[61] Там же. Л. 35.
[62] Там же. Л. 11, 12, 38.
[63] *Баранов К.В.* Легенда о родопроисхождении новгородцев Апрелевых, Нееловых и Гурьевых // Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения памяти В.Б. Кобрина. М., 1992. С. 34–36.
[64] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 35. Стп. 2. Л. 128–130.
[65] *Эскин Ю.М.* "А Василей сказал ... то де Артемий замыслил воровски" // Ист. архив. 1993. № 2. С. 189–209.
[66] Там же. С. 207–208.
[67] Там же. С. 208.
[68] *Богоявленский С.К.* Приказные дьяки // ИЗ. М., 1937. Т. 1. С. 223.
[69] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 284. Л. 21–22, 59–69.
[70] Там же. Л. 64.
[71] Там же. Л. 63, 67. Эта фраза может служить еще одним косвенным подтверждением взятия Ярославля в опричнину.
[72] Игнатий Римский-Корсаков: Генеалогия / Сост. А.П. Богданов. М., 1995.
[73] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 559. Л. 177–178.
[74] ДР. Т. 1. С. 668, 678–679, 711–714; КР. Т. 1. С. 1052 (местничали с Волконскими У.С. и В.П. Ляпуновы).
[75] *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 484.
[76] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 559. Л. 179–180.
[77] ДДР. С. 374–375; *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 227–228; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. М., 1987. С. 85.

[78] *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 217.
[79] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 559. Л. 186; *Маркевич А.И.* История местничества. С. 450–459. Епархия в Смоленске тогда существовала, но о епископе в 30–90-е годы XIII в. действительно ничего не известно. См.: *Строев П.* Списки иерархов. СПб., 1888. С. 589.
[80] РГАДА. Ф. 199. Портф. 284. Ч. II. Д. 7.
[81] К тому же, этот сын, хотя и "бастард", но был бы старшим в роду; Ивашка Толстая Голова, получивший удел на р. Волхоне, родился до законного брака отца.
[82] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Стб. 5. Л. 4.
[83] *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 175.
[84] *Александров В.А.* Памфлет на род Сухотиных // История СССР. 1971. № 5. С. 119.
[85] Там же. С. 119–120.
[86] РИС. Т. 5. С. 67.
[87] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Стб. 27. Л. 60.
[88] *Платонов С.Ф.* Очерки истории Смуты. М., 1937. С. 292.
[89] ЧОИДР. М., 1848. Кн. 7. С. 122.
[90] РИС. Т. 5. С. 268.
[91] *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 213–215; Местнический справочник. Вильна, 1910. С. 66–67.
[92] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Стб. 25. Л. 92, 96.
[93] Там же. Л. 90.
[94] *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 86.
[95] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Стб. 25. Л. 68.
[96] Н.И. Павленко был рассмотрен процесс "восстановления" своего дворянского достоинства тульскими заводчиками (Баташовым, Мосоловым и др.), заручившимися поддержкой однофамильцев – тульских дворян. См.: *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII в. М., 1962. С. 506–510.
[97] *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 299.
[98] *Абрамович Г.В.* Указ. соч.; *Базилевич К.В.* Указ. соч.; *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.
[99] *Баранов К.В.* Историография Поганой книги... С. 32–33; *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов. С. 158–159. Обнаруженные ею фрагменты дела см.: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1648 г. Д. 145. Л. 1–8.
[100] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 245. Стп. 3. Л. 244, 246, 251.
[101] Там же. Ф. 27. Д. 65. Л. 2.
[102] Там же. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 559. Л. 189–191. В Румянцевской редакции часть этих сведений есть: "сын Михайло служил у Шемячича, а в Стародубе на поместье" (РИИР. Т. 2. С. 164).
[103] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Стб. 5. Л. 4.
[104] *Колычева С.А.* Холопство и крепостничество. М., 1971. С. 64.
[105] *Александров В.А.* Указ. соч. С. 119.
[106] *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. М., 1951. С. 223–250, 485–487.
[107] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 209. Л. 11–18; *Князьков С.Е.* Материалы к биографии Истомы Пашкова и истории его рода // АЕ за 1985 год. М., 1986.
[108] *Баранов К.В.* Легенда о родопроисхождении новгородцев... С. 34–36.

Н.Ф. Демидова

БАШКИРСКИЕ "ПОСОЛЬСТВА" В МОСКВУ В XVII веке

Взятие Казани и резкое расширение во второй половине XVI в. пределов Русского государства на Восток и Юго-Восток повлекли за собой включение в состав русских подданных больших групп нерусского населения, которое находилось на ином уровне социального и экономического развития, в отличие от жителей центра страны и ее западных окраин. Это создавало известную трудность для полного вхождения населения новых земель в общую массу населения государства. Сказывалась разница общественного строя, правовых норм, культуры и религии оседлых земледельческих, кочевых и полукочевых скотоводческих обществ. Различным был и характер самого включения для отдельных районов – от прямого завоевания их русскими войсками до добровольного присоединения, причем последнее бывало полным и безоговорочным или носило характер, приближающийся к вассальной зависимости, в известной мере основанный на договорных началах. Создаваемые при этом отношения требовали от центральной власти большой гибкости, учета местных особенностей присоединенных обществ.

Одновременно с этим внутренняя политика московской администрации была последовательно направлена на возможную унификацию системы управления многонациональными восточными окраинами, на стремление приблизить ее к структуре аппарата центральных районов. Эта политика по-разному осуществлялась в отношении отдельных групп народностей. Резче была выражена линия унификации и вмешательства во внутренние отношения местных объединений (волостей, общин и др.) в давно присоединенных и удаленных от границ государства районах, особенно не связанных с центром никакими договорными обязательствами, мягче и замедленнее – для вновь присоединяемых народов (например, для Калмыцкого ханства во второй половине XVII в.).

Для того чтобы понять особенности и разные этапы сложного процесса внутренней колонизации окраинных земель, необходимо детально рассмотреть его применительно к отдельным районам и народам, выявить в нем частное и общее.

Характерной в этом отношении являлась Башкирия, в XVII столетии переживавшая как бы переходный этап своей истории после добровольного принятия в середине 50-х годов XVI в. русского подданства значительной частью башкирского населения западной и центральной областей края. Присоединение было оформлено обращением башкирской родовой знати к казанскому наместнику, выступавшему при этом не в качестве местного администратора, а в роли полномочного представителя царя. Именно от имени царя башкирам были вручены в Казани жалованные грамоты, которые подтверждали их прежние права и привилегии[1]. Это первоначальное представительство башкирских старейшин при командовании русскими войсками в Казани как бы соответствовало добровольной договоренности сторон, закрепляло соблюдение взаимно взятых обязательств.

В дальнейшем общие положения жалованных грамот требовали подтверждения и уточнения. Поэтому обращение башкир к правительству продолжались, постепенно перерастая в более или менее систематические посольства. Первоначально такие посольства по традиции направлялись в Казань – центр управления всем Поволжьем. После постройки в конце XVI в. г. Уфа внутри

самой Башкирии, включившей основную часть башкирских земель, "Посольства", казалось бы, должны были переместиться в новый административный центр. Однако этого не произошло. Некоторое время Казань продолжала играть роль представителя центральной власти не только для населения Казанского уезда, но и для башкир. Постепенно Казань как промежуточная инстанция теряет свое значение, но Уфа, выполняя ряд управленческих и военных функций, отнюдь не приобретает той полноты власти, которую имела Казань. Для башкир это выразилось в непосредственном обращении по наиболее важным вопросам и спорам, которые не смогли решить третейские суды, не к уфимскому воеводе, а непосредственно в Москву в приказ Казанского дворца, а также в перемещении места приездов башкирских посольств из Казани в Москву. О точном времени перемещения мы не имеем сведений, но с уверенностью можно сказать, что московские приезды имели место уже в начале 20-х годов XVII в., так как именно для этого времени мы располагаем точными данными о присутствии башкир в столице[2].

Вопрос о посольствах башкир и содержании получаемых ими в то время грамот представляется чрезвычайно важным для выяснения сущности внутренней политики русского правительства, характера и восприятия сторонами башкирского подданства, взаимодействия башкирской родо-племенной верхушки с центральной властью. Именно этому кругу вопросов и посвящена данная статья.

Неизученность темы объясняется крайней скудостью дошедших до нас документов как центрального, так и местного звеньев управления. Невосполнимой потерей является гибель в 1701 г. материалов фонда приказа Казанского дворца. Хранящийся в РГАДА фонд Уфимской приказной избы (№ 1173), местного учреждения, ведавшего Башкирией, дошел до нас далеко не полностью и представлен в известной мере разрозненными документами. Обнаружить в них прямых указаний на "посольства" башкир в Москву, не удалось. Некоторое количество привезенных из Москвы грамот должно было храниться на руках у башкир. Подлинники их фактически не сохранились, но нашли отражение в списках и копиях, представлявшихся позднее в ходе решения спорных дел и при проведении Генерального межевания.

Поэтому введение в научный оборот нового комплекса архивных материалов представляется достаточно продуктивным. Речь идет о таком своеобразном виде источников (так сказать, источников вторичного порядка), каким являются записные книги Печатного приказа (РГАДА. Ф. 233). Назначением приказа был сбор печатных пошлин с разного рода грамот, которые выдавались частным лицам и скреплялись государственной печатью[3]. Их краткое содержание и размер взимаемых пошлин фиксировался в специальных записных книгах "явленных документов". Записи в них размещались в хронологической последовательности поступления грамот в приказ. Книги делились на пошлинные и беспошлинные. Последние фиксировали грамоты, адресаты которых по той или иной причине освобождались от уплаты печатных пошлин. Грамоты башкирам в подавляющем большинстве случаев заносились в пошлинные книги, хотя нередко по памяти из приказа Казанского дворца от уплат освобождались.

Текст записей грамот, выдававшихся башкирам, предельно лаконичен. Они содержат следующие составные части: дату грамоты, адрес, куда грамота направлялась (не тому, кому она предназначалась, а должностному лицу, через которое передавалась – воеводе, губному старосте и др.), имя челобитчика; если она давалась по жалобе, то и имя обвиняемого. Существенной частью записи является изложение дела и решение по нему. Завершается запись суммой сборов или указанием причин невзятия их.

Книги Печатного приказа сохранились полностью, что крайне повышает их ценность. Вместе с тем, работа с ними представляет значительную сложность, так как для выявления всех связанных с результатом башкирских посольств документов необходимо прочтение или просмотр всех текстов записных книг. Если вспомнить, что мы имеем дело с полным комплексом записей, сделанных почти за столетие, то становится понятным трудоемкость необходимой работы, которую следовало бы производить коллективно. Автору не удалось выявить все необходимые записи. Поэтому статья отнюдь не претендует на полное раскрытие темы во времени. Ее задача привлечь внимание историков Башкирии к этому ценнейшему комплексу материалов, а также наметить пути его разработки.

Что же можно извлечь из записей Печатного приказа по истории башкирских посольств в Москву?

Прежде всего следует выяснить, являются ли зафиксированные в Печатном приказе грамоты действительно результатом пребывания в Москве специальных башкирских посольств или они были пересланы уфимскими воеводами? Прямого ответа в записных книгах мы не находим. В пользу первого предположения говорит сам характер книг, которые фиксировали только частные пожалования. То есть, заинтересованное лицо должно было лично присутствовать в Москве и проследить весь ход оформления нужного ему документа. Кроме того, челобитчик обязан был внести в казну причитающиеся с него печатные пошлины или ходатайствовать об освобождении от них. Практика оплаты сборов воеводами или приказом Казанского дворца явно не имела места. Другим косвенным доводом является большое количество оформлявшихся единовременно (на протяжении одного–двух месяцев) грамот по башкирским челобитным, явно привезенных одновременно. Число их колебалось от 35 в 1667 г. до 92 в 1645 г.[4] Следы "посольства" башкир находим в финансовой документации Казенного приказа, по распоряжению которого в 1662 г. для башкирских представителей была изготовлена парадная одежда[5]. Характерно, что в это же время была сделана подобная одежда для кабардинских послов, принимаемых Посольским приказом[6]. О пребывании башкир в Москве свидетельствует запись 1645 г., в которой приведена жалоба башкира Базана Бекчурина "на московские проести и убытки"[7]. Таким образом, утверждение о пребывании в разное время в Москве значительных групп башкирских представителей, подававших челобитные в приказ Казанского дворца, кажется достаточно убедительным.

Более сложным является вопрос о размерах посольств. Вряд ли можно считать, что в состав посольств входили все челобитчики, зафиксированные в записных книгах. Скорее всего речь могла идти о доверенных лицах, уполномоченных ходатайствовать по делам большой группы башкирского населения. Единственное косвенное указание на количество послов находим в упомянутом выше деле об изготовлении шести башкирам (во главе с Косеем Жигановым) кафтанов и шапок. С известным допущением можно сделать попытку выделить послов из состава челобитчиков 1645 г. В их число, на наш взгляд, следует включить людей, которые подали не одну, а несколько челобитных в разное время. Причиной повторного челобитья могли быть какие-то события или сведения, связанные с пребыванием просителя в Москве. Как правило, повторные челобитные содержали жалобы на личные обиды, стандартным решением по ним было следующие: "велеть оберегать". Разрыв между подачей челобитных составлял несколько дней, иногда до 10. Так, например, Тойгильда Черемышев получил ответные грамоты 9 и 20 февраля, Буган Костяков – 7 и 14 февраля 1645 г. Если выделить из их числа тех, кто обращался с челобитными трижды,

получим 7 наиболее вероятных участников посольства, что вполне согласуется с количеством послов 60-х годов XVII в.

Проще проследить время пребывания посольств в столице. Наиболее характерна была выдача грамот башкирам в феврале–марте. Так как изготовлению грамот должен был предшествовать подготовительный период, прибытие посольства в Москву могло произойти в конце предыдущего года.

Хотя мы не имеем описаний приемов башкирских посольств, но их ход легко восстановить по аналогии подобных приемов в Посольском приказе, в ведении которого находился ряд подведомственных ему народов (уже упоминавшихся кабардинцев, калмыков и др.). Послы получали от приказа Казанского дворца помещение для постоя и кормовые деньги за все время пребывания в Москве. К ним должны были быть прикреплены приставы и толмачи с башкирского и татарского языков из числа татарских переводчиков, входивших в штат приказа. Посольства принимались судьями и дьяками приказа, которые разбирали поступавшие к ним просьбы.

Подготовленные в приказе черновые тексты грамот по делам судья или дьяк докладывал на заседании Боярской думы. После этого изготовлялся чистовик, который и посылался в Печатный приказ для скрепления государственной печатью. Грамота выдавалась на руки челобитчику, но обязательно представлялась им в Уфимской приказной избе, а затем увозилась владельцем. Снятие в приказной избе списков с подобных грамот, насколько позволяет судить ознакомление с материалами Уфимской приказной избы, не было обязательным и составляло скорее исключение.

Следует еще раз подчеркнуть, что сами записи в книгах Печатного приказа обладали ограниченной информативностью при передаче содержания фиксируемых грамот. Для того чтобы оценить разную наполненность текстов подлинной грамоты и ее записи, достаточно привести один пример. Приведем полный текст записи грамоты 9 февраля 1645 г., данной башкиру Айгильде (Тойгильде) Байсарову с товарищами: "Грамота по челобитью башкирцев Айгильдейка Байсарова да Асылка Кожбахтеева с товарыщи. Велено про озеро Сауз и про исток Кишкельдею сыскать и сыск прислать к Москве"[9]. В фонде Уфимской приказной избы удалось обнаружить список с самой грамоты. Разница наглядна. Прежде всего в грамоте несравненно полнее даны сведения о самих просителях. В ней определен статус челобитчиков, принадлежавших к ясачным башкирам Енейской волости, указано их количество (четыре человека), сообщаются данные о размерах ясака. Очень интересна ссылка на службу челобитчиков: "Были де на вашей службе против калмыков, и с калмыцкими людьми бились, не щадя голов своих"[10]. Более или менее сближаются тексты грамоты и ее записи при изложении самой просьбы – оформления владения рыбными угодьями. Немного по-другому звучит распорядительное заключение. В записи речь идет о проведении сыска, в грамоте – об удовлетворении ходатайства башкир в случае подтверждения их прав.

Несмотря на недостатки записей Печатного приказа, их краткость и ограниченность, взятые вместе они позволяют сделать важные наблюдения, вскрыть основную направленность важнейших проблем внутренней жизни Башкирии, которые передавались на решение центра.

Ограничившись этими общими соображениями, обратимся к текстам выявленных записей.

Самая ранняя из них относится к 1622 г. и является первой из записей Печатного приказа, фиксирующих жалованные грамоты башкирам. Она обращена в два адреса (Уфу и Казань) и свидетельствует о подаче в Москве коллективной

челобитной представителей 11 башкирских волостей – Аки Комбакеева с товарищами с жалобой на "казанскую чувашу... в обидах и насильстве". То есть, подразумеваются типичные пограничные распри, скорее всего, на почве землевладения. Заключение записи очень краткое: "Дать им суд"[11]. При этом суд должен был состояться в Казани. Уфимскому воеводе было предложено "человек пять или шесть пустить в Казань того дела к суду искать". С грамоты были взяты высокие пошлины: "с 11 волостей по полтине, а с челобитчиков по три полтины". Так как в книге нет общего итога, то количество челобитчиков остается неясным. Задачей приезда в Москву была, по-видимому, подача одной челобитной.

Более поздние данные о посольствах приходятся на 1638/39, 1644/45 и на 1667/68 гг. Наиболее насыщенным по количеству поднятых вопросов и объему информации являлось посольство 1644/45 г. По времени оно почти совпало с очередным посольством из Кабарды, которое привезло челобитные кн. Каспулата Черкасского и его узденей. Удивительно, что содержание требований кабардинского посольства близко к челобитьям башкир[12].

Остановимся подробнее на посольстве 1644/45 г., так как в нем наиболее полно отразились все стороны требований башкирского населения. В приказе Казанского дворца его принимал судья приказа Н.И. Одоевский и дьяки Н.И. Шипулин и П.П. Спиридов[13]. Всего послы представили на их рассмотрение 92 челобитных. Из них 44 коллективных, 48 – от отдельных лиц. Кроме челобитен башкир, пять челобитных было подано представителями других небашкирских народностей – четырех татар и одного чуваша. Встает вопрос – входили ли они в состав посольства или их челобитные были пересланы вместе с башкирскими. Ответить на него пока невозможно.

Как уже говорилось выше, условно можно назвать имена послов. Это башкиры Тетюкей Явгушев, Юлай Танбулаев, Тойгильда Черемышев, Таюш Байбахтин, Тайгильда Басарин, Бакчура Шугуров и Буган Костаков[14]. Вместе с тем, записи не представляют сведений о том, к какой родо-племенной группе и территориальному району принадлежали послы. В записях вообще не встречается упоминание дорог, указания на волости очень скудны (один раз названа Байлярская, один – Минская, дважды – Кудейская, см. далее)[15]. Очень скупы сообщения о социальных группах, к которым челобитчики принадлежали. Наиболее характерные, но не частые, отнесения их к разряду ясачных. Тщательно выделяются данные о принадлежности к привилегированному тарханскому званию. В том числе названы тарханы Танабай Аксакалов, Бильбудай Колебаев, Агыш Карабанов, "уфимский жилой тархан" Иленбет Маметкулов[16]. Очень интересно, но не совсем понятно наличие в тарханской группе "Турмамета княж Янакова"[17]. Идет ли речь о сыне князя или о самом князе?

Наибольшей содержательностью обладают части записей, излагавших обстоятельства дела и решения по нему. Некоторые из них кратки и трафаретны. Среди них наиболее распространена формулировка: "велено их оберегать" (без указания от кого и от чего) или ее более развернутый вариант: "велено от всяких сторонних людей оберегать". По-видимому, это ответы на конкретные жалобы, но сущность жалоб не ясна. Таких записей десять. Остальные более содержательны и разнообразны. Именно они в совокупности представляют для нас главный интерес.

Если разделить их по тематике, то выяснится явное преобладание среди них записей, связанных с земельными делами. Вопросы землевладения действительно были существенно важны для всего населения Уфимского уезда. При присоединении русское правительство не только признало за башкирами право на владение их старыми землями, но и передало им бывшие вотчины ногайских

феодалов, ушедших из Башкирии после падения Казани. Все эти земли были закреплены за башкирами в вотчинную собственность без права приобретения их небашкирским населением края, что позднее было подтверждено Уложением 1649 г.[18] Создался феномен башкирского вотчинного общинного землевладения, явившегося препятствием для упрочения в Башкирии выходцев из соседних районов Поволжья. Вместе с тем, особенности землепользования, распределение земель между волостями, дробление родо-племенных объединений – все это вызывало потребность в уточнении земельных прав и границ.

В 1645 г. приказ Казанского дворца рассмотрел 35 земельных дел. Возможно, что их было еще больше и часть их скрывается за неопределенными записями типа – "велено судить". Часть выданных грамот должна была подтвердить старые права челобитчиков на их владения, причиной являлась утрата ранее полученных грамот. Так, в грамоте 7 февраля, выданной Буганаю Костанову, предписывалось "за ним, досмотря в книгах, вотчину справить"[19]. Подобная грамота была выдана Темгену Акушеву с товарищами[20]. Кекбочаю Исенгулову было "велено вотчину ево в ясашных книгах написать и оброк платить по-прежнему"[21]. Очень характерна запись грамоты, данной по коллективному челобитию группы башкир во главе с тарханом Исембетем Маметкуловым, на основании которой Уфимская приказная изба должна была "отписать в Москву" владеют ли они "прежними своими башкирскими вотчинами и всякими угодьями?"[22] Положительный ответ уфимского воеводы должен был утвердить права башкир.

Однако большая часть грамот по земельным вопросам была выдана в связи со спорными делами. Некоторые записи по этому поводу не конкретизируют содержания спора и не указывают его вторую сторону. Например, на жалобу Тойгильдея Черемышева с товарищами последовало краткое решение: "велено им дать суд которые в их вотчинные угодья ходят насильством"[23]. Но преобладают и записи, в которых констатируются обе тяжущиеся стороны. Можно установить, к какому разряду населения принадлежат и те и другие. В десяти случаях имели место споры башкирских владельцев друг с другом, иногда между родственниками. Таков спор тарханов Агыша Карабаева и Найдена в праве наследования земли родителей[24]. В отдельных случаях можно заключить, что в споре речь идет о столкновении интересов башкир различных волостей. Так, Муитмас Цагоралеев с товарищами жалуется на нарушение своих вотчинных прав, обвиняя в этом "кудейских и куяканских ясашных башкирцов"[25]. Башкиры Калнинской волости Тотлыбай Девлеянов с товарищами выступали против башкира Итея Белякова, который нарушил границы их владений и принадлежал, видимо, к другой волости[26].

Примерно столько же записей отражают земельные столкновения башкир-вотчинников с представителями другого небашкирского населения Уфимского уезда. В известной мере это связано с русскими служилыми людьми Уфы и уездными крестьянами. Здесь башкиры чаще выступают всей волостью. Так, от имени всех башкир Минской и Кудейской волостей били челом Исеней Бейтуганов и Толубей Токубаев, обвинявшие уфимских детей боярских и крестьян с. Богородское в незаконном пользовании их землями и рыбными ловлями. Так же "всей Минской волости башкирцы" жаловались на уфимца Кирилла Нармацкого и тех же богородских крестьян. Любопытна жалоба на стрельца Б.К. Шанчурина, поставившего "на башкирской земле свой юрт"[27].

Среди записей встречаются жалобы не на конкретных нарушителей, а на определенные народности. Например, по челобитью Колбахты Кудайбахтина с

братом было предписано: "не велено в старинную отца их вотчину никаким людям – чувашам и черемисам – насильством ходить"[28].

Несколько условно к вопросу о землевладении, вернее к обеспокоенности возможной потерей земли, может быть отнесена коллективная челобитная икских башкир Бучея Бизерганова с товарищами по поводу постройки острога вблизи границы между Казанским и Уфимским уездами. По этому поводу был сделан запрос в Казань о присылке сведений, "на которую землю острог хотят перенесть и сколь далече от Казанского уезда"[29]. Как правило, постройка городов и крепостей на территории Башкирии всегда вызывала протесты башкирского населения, так как рассматривалась им не только как ущерб землевладению (к крепостям отчуждались немалые земельные площади), но и как известное укрепление государственных, и в первую очередь военных, позиций в крае. В данном случае речь шла о постройке в 1645 г. Мензелинского городка, недалеко от впадения р. Мензела в р. Ик. Протест башкир не был учтен, так как новая крепость имела важное стратегическое значение. Ее строительство вызвало в том же году волнения среди закамских башкир, безуспешно пытавшихся разрушить крепость[30].

Несколько записей отражают положение привилегированной части башкир, так называемой тарханской группы, которая освобождалась от уплаты ясака и взамен обязана была личной военной службой. Таких записей две. 13 февраля были скреплены две грамоты, связанные с подтверждением тарханского звания Рысая Тлякбердеева и Кутыка Токаева. Решение по обоим было условным: для Рысая – "велено сыскать – тарханской или ясачной он башкир?", для Кутыка – примерно то же – "тарханской ли он башкир"?[31]

Не менее важными представляются записи, связанные с обязанностями башкирского населения по отношению к государству. Среди них для всего XVII в. наиболее важным оставался ясачный сбор, его размеры и характер. Так как ясак собирался с земельных владений и как бы служил гарантией их неприкосновенности, башкиры-вотчинники внимательно следили за его оформлением. В двух коллективных челобитных Курманая Байбахтина и Ишпюра Садыкова с товарищами находим одну и ту же просьбу о записи челобитчиков в ясак, что и было удовлетворено соответствующими грамотами[32]. Подобным же образом было удовлетворено ходатайство башкир Турмамета Яндалеева и Таймамета Колегуралеева, просивших о понижении размеров неправильно наложенного ясака[33]. В другой записи по поводу изменения размеров ясачного платежа специально оговаривается: "на них ясак положить против братьи, кому они в версту"[34].

Находим и следы протеста башкирского населения против изменения платежных единиц. Так, Бузан Бакширин "вместо всего Уфинского уезду башкирцев" выступал против замены соляного ясака медовым. В грамоте по этому поводу уфимскому воеводе предписывалось: "в съезжей избе выписать и сыскать – с которого году с них на Уфе учали збирать мед за соль, и по государеву указу или по воевоцкому высмотру"[35].

Ряд записей свидетельствует о сопротивлении башкир введению новых сборов. На жалобу башкир относительно требования с них уфимским воеводой подвод приказ опять распорядился уточнить "про подводы – сколь давно почали с них имать?"[36] По-видимому, правительство старалось удовлетворять подобные требования из боязни вооруженных столкновений. Так, по настоянию башкир всей Байлярской волости был уничтожен устроенный в ее владениях казенный кабак. Указ звучит очень решительно: "Не велено у них в Байлярской волости кабаку быть, и подвод, и никаких запасов, и дров на кабак не имать, и продаж не чинить"[37].

Только небольшая часть записей отражает пограничную службу башкирских отрядов, которая выражалась в военных походах против калмыков. В основном они связаны со спорами при разделе взятой в это время "колмыцкой добычи". Наиболее существенная из них посвящена претензиям ясачных башкир Табаная Аксаканова и ряда других к тарханам Бильбудею Колебаеву с товарищами, по-видимому, руководившим дележкой[38]. В других записях речь идет об индивидуальных спорах по поводу прав на коней или "жонок калмыцких"[39]. Интересна в этом роль местной администрации. Так, например, Окману Байчурину было разрешено купить из числа пленниц "калмыцкую женку... для обмену жены своей"[40]. Очевидно подразумевались пленные, находившиеся при Уфимской приказной избе. Арикею Ахмаменеву напротив, выдаются из казны деньги за калмычку Нагасу[41].

Заметную группу записей (16) можно отнести к делам чисто уголовным. В основном это дела частного порядка – об убийствах и кражах – решения по которым сводились к распоряжению произвести суд в Уфе.

В заключение следует остановиться на важной части записей, которые были связаны с недовольством и жалобами башкир на действия местной администрации. В их составе находим наибольшее число ссылок на коллективные челобитные как инициативные документы. В них просители выступают от лица башкир всего Уфимского уезда, в других же случаях – от какой-либо волости. Так, от всего уезда была подана жалоба на уфимских подъячих Семена Иванова с товарищами[42]. Несколько жалоб поступило на приставов, особенно на толмачей, которые являлись посредниками между нерусским населением и русскоязычной администрацией. Жаловались на злоупотребления при сборах, обманах и ограблениях. С этими челобитными полностью солидаризируются в аналогичных жалобах и уфимские татары. По-видимому, недовольство подобного рода беспокоило руководство приказа Казанского дворца, пытавшегося выяснить его массовость. По челобитью Илмамета Искакова по этому поводу было принято решение уточнить у него: "все ли они о толмаче бьют челом?"[43]

Итак, рассмотрев большой комплекс записей в книге Печатного приказа 1645 г., можно сделать вывод о содержании основных просьб и требований, предъявляемых в середине XVII в. верхушкой башкирского населения к центральной власти. Это, прежде всего, охрана вотчинных прав на землю и укрепление самих вотчин в старых границах, решение земельных споров между волостями и внутри волостей, в тех случаях, когда они не были урегулированы третейскими судами. Определенное место занимает стремление башкир отстоять свои земли от вторжения русского и другого небашкирского населения края, еще не достигшее в этот момент того размаха, которого оно приобрело в следующем столетии. Вопросы ясачного и других сборов, а также военной службы башкир отходят на задний план по сравнению с земельными проблемами. Уже в это время следует отметить (отразившееся в записях) нарастающее недовольство башкирского и другого населения Уфимского уезда деятельностью нижнего звена местной администрации, злоупотребления которого постепенно нагнетали напряженность в крае, объединяя его многонациональное население.

Вместе с тем, основная тематика башкирских челобитных находилась в кругу установленных еще в XVI в. прав и привилегий башкирского населения, получение подтверждений которых и являлось главной целью башкирских "посольств" в Москву. Сама продолжительность посольств, происходивших вплоть до начала XVIII в., как бы гарантировала незыблемость сложившихся отношений, их известное равновесие. Только события 30-х годов XVIII в. нарушили это равновесие и привели к крупным потрясениям во всех областях жизни

башкирского общества. Назревание новых явлений во внутренней политике русского правительства второй половины XVII в. и реакцию на них всех слоев башкирского общества можно проследить при дальнейшей работе по выявлению материалов о всех последующих посольствах башкир, отраженных в записных книгах Печатного приказа.

[1] История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1966. С. 140.
[2] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 572 об.
[3] Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 5.
[4] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 35. Л. 231–375; Кн. 671. Л. 103 об. – 142, 492–540.
[5] Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 354. Л. 10–10 об.
[6] Там же. Л. 1–3.
[7] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 671. Л. 492.
[8] Там же. Л. 494, 507 об., 516 об.
[9] Там же. Л. 499.
[10] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 382. Л. 6.
[11] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 572 об.
[12] Там же. Кн. 671. Л. 714 об., 715.
[13] *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII в. М., 1946. С. 62.
[14] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 671. Л. 97, 492, 494, 497, 507 об., 513 об., 514, 516.
[15] Там же. Л. 104, 493, 498, 504.
[16] Там же. Л. 492, 493 об., 499, 507, 510.
[17] Там же. Л. 499.
[18] Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 78.
[19] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 671. Л. 494.
[20] Там же. Л. 105.
[21] Там же. Л. 103 об.
[22] Там же. Л. 507 об.
[23] Там же. Л. 497.
[24] Там же. Л. 494.
[25] Там же. Л. 104.
[26] Там же.
[27] Там же. Л. 498.
[28] Там же. Л. 503.
[29] Там же. Л. 494 об.
[30] *Буканова Р.Г.* Города-крепости Юго-Востока России в XVIII в. Уфа, 1997. С. 62.
[31] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 671. Л. 103 об., 104.
[32] Там же. Л. 103 об., 494.
[33] Там же. Л. 183 об., 494.
[34] Там же. Л. 499.
[35] Там же. Л. 497 об.
[36] Там же. Л. 105.
[37] Там же. Л. 504.
[38] Там же. Л. 492 об.
[39] Там же. Л. 492, 492 об., 493, 507.
[40] Там же. Л. 521.
[41] Там же. Л. 507.
[42] Там же. Л. 104.
[43] Там же. Л. 526.

В.Н. Козляков

СЛУЖИЛЫЙ "ГОРОД" В СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЕ 1632–1634 годов

Московское государство слишком быстро почувствовало "выздоровление" после Смуты и на рубеже 1620–1630-х годов начало новую войну с Речью Посполитой[1]. В июне 1632 г. состоялось решение Земского собора о посылке войска под Дорогобуж и Смоленск для войны с польским и литовским королем. Приготовления к походу начались задолго до истечения срока перемирия с Речью Посполитой в 14,5 лет (считая от 127 (1618/19) г.). Сама война была отложенным продолжением Смуты. Цель войны с Речью Посполитой, официально сформулированная на страницах разрядных книг, состояла в том, чтобы "над городы, которые ныне за Литвою, а отданы были на время, а наперед того были Московского государства, промышлять, и те городы государь и великий государь святейший патриарх указали очищать к Московскому государству по прежнему"[2].

Война потребовала мобилизации всего дворянства, назначенного "по наряду" служить в три полка: главный – "большой полк" боярина М.Б. Шеина и окольничего А.В. Измайлова под Дорогобуж и Смоленск, передовой полк окольничего кн. С.В. Прозоровского и кн. М.В. Белосельского – в Ржеву Владимирову и Белую, сторожевой полк стольника Б.М. Нагово – в Калугу[3]. Передовой и сторожевой полк, захватив Белую, должны были соединиться с главным войском под Смоленском[4]. Отдельно был организован полк воевод Ф.К. Плещеева (в ноябре 1632 г. он умер на службе и его сменил И.Ф. Еропкин) и Б.Ф. Болтина, отправленных в Северский поход[5]. Все эти силы вступили в войну 10 августа 1632 г.

Основу русского войска составляли городовые дворяне и дети боярские, в полках – это поместная конница, расписанная на сотни. Командовали сотнями головы – наиболее опытные воины, в том числе выборные дворяне из "городов". Наряд на службу, обычно связанный с иерархией полковых воевод, отражает в этом случае и степень значимости "городов". Владимирцы, традиционно служившие в большом полку Украинского разряда, попали под непосредственное командование главного воеводы боярина М.Б. Шеина, в полку которого их насчитывалось 151 человек. Кроме них, такой же чести удостоилось 356 смолян, 207 суздальцев, 102 юрьевца, 115 муромцев, 1013 рязанцев "всех станов", 359 тулян, 265 каширян, 206 нижегородцев, 364 арзамасца, 52 дорогобужанина, 122 вязмича, 36 лушан[6]. Сравнение этих цифр со сведениями Сметы русского войска 1631/32 г. показывает, что большинство дворян и детей боярских, служивших по замосковным и смоленским уездам, было мобилизовано на полковую службу всем "городам". Рязанские и другие "украинные города", назначенные на службу с боярином М.Б. Шеиным, частично оставались в резерве, но эта была "третья", наименее боеспособная статья городовой корпорации[7].

Грамоты "городам" о готовности к высылке на службу в полк боярина М.Б. Шеина стали рассылаться из Разрядного приказа начиная с 25 июня 1632 г. Сохранилась грамота тульскому воеводе Ф.И. Философову об объяслении тулянам – дворянам и детям боярским, "которым по розбору для службы наше денежное жалованье дано" готовности к выходу на службу в Вязьму. Отдельная грамота была непосредственно послана тульскому "городу" с обращением "дво-

ряном выборным и детем боярским дворовым и городовым туляном, которым по розбору для службы наше денежное жалованье дано". От них требовалось быть готовыми к походу с боярином М.Б. Шеиным и окольничим А.В. Измайловым: "а однолишно бы вам дворяном и детем боярским на нашу службу в Вязьму быть готовым тотчас со всею службою против розбору, а сю нашу грамоту прочитая посылали б есте меж себя, чтоб вам всем ваша служба была ведома"[8]. Такие же грамоты рассылались и в другие "города", назначенные на службу под Смоленск[9].

Часть уездного дворянства, хотя и была назначена на службу в основной полк русского войска, но их начальником был второй воевода, окольничий А.В. Измайлов. С ним были назначены служилые люди из Галича (496 человек), Мещеры (324), Вологды (135), Звенигорода (43), Гороховца (16), Алатыря (126), Курмыша (72), Соловы (53), Ряжска (224). Всего же с обоими воеводами главного полка на службе находилось около 5 тыс. уездных дворян и детей боярских. К этой цифре надо добавить 2700 "райтар", солдат "нового строя", вербовавшихся из беднейших детей боярских и бывших "в наученье" у немецких полковников, 323 белозерца (бывших атаманов и казаков, почти сравнявшихся по своему социальному статусу с детьми боярскими) и 289 дворян и детей боярских из "Понизовых городов". Детей боярских в войске под Смоленском насчитывалось примерно 8300, их доля приближалась к трети от общей численности полков боярина М.Б. Шеина и окольничего А.В. Измайлова, в которых служило 26 331 человек[10].

В полки с окольничим кн. С.В. Прозоровским и кн. М.В. Белосельским было назначено почти 4 тыс. дворян и детей боярских из "городов" Ржевы, Зубцова, Ярославля, Белой, Костромы, Новгорода, Кашина, Бежецкого Верха, Углича, Твери, Торжка, Старицы, Пошехонья, Переславля-Залесского, Ростова, Волока, Рузы, Дмитрова, Клина[11]. Городовые дворяне, практически, полностью составляли этот отряд русского войска, доля новокрещенов – служилых татар и казаков – в полку кн. С.В. Прозоровского была незначительной. Также из уездных дворян и детей боярских, но калужских и "украинных" "городов" состоял полк стольника Б.М. Нагово. Грамоты о готовности к службе калужан и служилых людей "украинных городов" были отосланы 26 июня 1632 г., срок их приезда на службу был назначен на 1 августа 1632 г. "опричь третьей статьи, которые ныне на нашей службе по полком". Всего их было назначено на службу с воеводою Б.М. Нагим 1620 человек[12]. Тяжесть похода "на Сиверу" воевод Ф.К. Плещеева и Б.Ф. Болтина легла, соответственно, на 1056 детей боярских, атаманов и казаков из Северских "городов"[13].

Согласно наказам, выданным полковым воеводам 9 августа 1632 г., они должны были проделать обычную для русского войска процедуру: записать приехавших на службу дворян и детей боярских в книги приездов ("писать в приезды, кто которого числа на государеву службу приедет"), а затем устроить смотр ("пересмотрети всех налицо") и отослать смотренные списки и списки нетчиков ("еси и неты") в Москву. Особенность смотра состояла в том, что его следовало проводить по недавно составленным разборным спискам и сверять, чтобы запись в нем соответствовала реальной годности служилого человека к полковой службе: "а дворян и детей боярских смотреть по розборным списком, каков кто на государеву службу приедет, конецы, и люден и оружен"[14].

Получив наказы, воеводы М.Б. Шеин и А.В. Измайлов прибыли с войском в Можайск 18 августа 1632 г. и стали ожидать служилых людей, назначенных с ними на службу в полки. Первыми в поход явились рязанцы, каширяне и туляне, остальные же долго не приезжали, но у воевод не было даже списков, по

которым они должны проверить явку на службу ("смотрити и росписывати дворян и детей боярских не по чему")[15]. Только 19 августа 1632 г. из Разрядного приказа были отосланы списки, по которым надо было провести смотр, и "роспись замосковных и украинных городов"[16].

Аналогичная ситуация с отсутствием списков была и у воевод в Ржеве Владимировой, которые писали 23 августа 1632 г. о том, что к ним на службу пришли "немногие люди", они их писали "в приезды", а смотреть их "не почему", так как к ним еще не было прислано "наказу и десятен и списков"[17]. Грамота о смотре и, видимо, списки служилых людей были отосланы воеводам кн. С.В. Прозоровскому и И.Г. Кондыреву только 31 августа 1632 г.: "и ныне указали есмя вам сбираться во Ржеве со всеми ратными людьми, а собрався со всеми ратными людьми и пересмотря ратных людей, отписали и ести и неты к нам прислали"[18].

Также без "наказов и именных списков" уехали из Москвы в северский поход 15 августа 1632 г. воеводы Ф.К. Плещеев и Б.Ф. Болтин. Добравшись до Калуги 23 августа и выйдя на следующий день к пункту назначения в Севск, воеводы все еще не имели документов для проведения смотра[19].

Во второй половине августа и начале сентября дворяне и дети боярские продолжали подъезжать на службу. Боярин М.Б. Шеин вынужден был отослать целую роспись городов, не приехавших на службу до 21 августа. Это были: Владимир, Смоленск, Муром, Нижний Новгород. 32 августа 1632 г. в отписке воевод М.Б. Шеина с товарищами говорилось о том, что к ним в полки в Можайск приехали "немногие люди" дворяне и дети боярские замосковных городов: "а иные государь городы арзамасцы, дорогобужаня, лушане, галичане, мещерене, вологжане, звенигородцы, гороховляне, алатарцы, курмышские и казанские и всех понизовых и мещерских городов дворяне и дети боярские и князи и мурзы и новокрещены и тотарове и атаманы и казаки на твою государеву службу к нам, холопем твоим, в Можаеск августа по 23-е число не бывали"[20]. Дольше всех задерживались служилые люди Понизовых "городов", еще 8 сентября 1632 г. отсутствовавшие в Можайске. Причины такого промедления были обусловлены крайне неудобными для служилых людей сроками вызова на службу. Обычно служба начиналась весной, а в середине сентября их, наоборот, распускали из полков Украинного разряда. Чтобы приготовиться как следует к зимнему походу, дворяне и дети боярские, должны были выезжать с запасами и многие явно дожидались нового урожая, чтобы их пополнить.

Первый смотр был проведен воеводою М.Б. Шеиным в Можайске 27 августа 1632 г., а 16 сентября войско выступило в поход из Можайска к Вязьме[21]. Те, кто не явился на службу или уехал из полков, "отметившись" во время смотра, попадал в разряд нетчиков. Согласно грамоте, отправленной из Разрядного приказа 27 сентября 1632 г., нетчиков предлагалось подвергнуть самым тяжелым репрессиям. Их должны были выслать в Москву и бить кнутом "без всякие пощады" "за их воровство, что они быв у розбору и взяв наше денежное жалованье, на нашу службу не пошли". Не приехавших в полки и беглых со службы ожидало еще одно наказание – понижение в ранге, причем не временное, а до конца их служилой карьеры: "которые служили по выбору, тех написать по дворовому списку, а которые служили по дворовому списку, и тех написать с городом по прежнему и вперед их в выбор и в дворовый список не писати"[22].

На начальном этапе Смоленской войны, в августе–декабре 1632 г. русское войско достигло больших успехов на всех направлениях действий и овладело Серпейском (12 октября), Дорогобужем (18 октября), Белой (10 ноября), Себежем, Красной, Невелем, Рославлем, Почепом, Стародубом, Новгород-Север-

ским, Трубчевском, а также совершило поход "в литовскую землю", где воевало под Полоцком, Велижем и другими городами[23]. Нужно выделить "голов" – городовых дворян, отличившихся в этих боях. Это были тулянин Ф.В. Сухотин[24] и ярославец М.Ф. Мотовилов[25].

Следующий этап начался с 5 декабря 1632 г., когда войско М.Б. Шеина двинулось к Смоленску и осадило его. Позднее туда же подошли основные силы полка кн. С.В. Прозоровского, оставив небольшой гарнизон во взятой ими Белой. С этого момента служилые "города" участвовали во всех боевых действиях и многочисленных штурмах укреплений Смоленска. Служилые люди, приезжавшие в Москву с отписками рассказывали об устройстве войска М.Б. Шеина, которое располагалось "у Духа святого на прежнем табаре, где стоял боярин князь Дмитрей Мамстрюкович Черкасской и острог поставлен и ров выкопан и во всем укреплен, а в остроге стоят дворяне и дети боярские и казаки и всякие люди"[26]. Из этого острога дворяне и дети боярские ходили на приступ к Смоленску и в другие походы.

Организованная М.Б. Шеиным по правилам военного искусства того времени осада растянулась на долгие месяцы. Служившие в поместной коннице дворяне и дети боярские, как и всегда во время войны, получили возможность отличиться и быстрее, чем в мирное время, получить прибавку к поместным и денежным окладам, жалованье за "головство", ранение, сеунч, пойманных "языков" и убитых в бою врагов[27]. Специальным указом были установлены размеры придач за убитых литовских людей: "на котором написано в послужном списку побитых 10 человек или болше, тем всем придачи по 50 чети, денег за семь мужиков за убитых по рублю; а на которых убитых семь мужиков, и тем семь рублев, помесной придачи 50 чети; а будет на котором написан один, помесной придачи нет, придать один рубль за один мужик"[28]. Таким образом, храбрость и доблесть городовых дворян помогала им увеличить оклады и перейти на службу по дворовому списку и в выбор.

Вот как, например, выглядело рядовое дело о пожаловании отличившегося служилого человека. 10 июля 1633 г. галичанин Н.М. Цыгорев подал челобитную о награждении его за смоленскую службу и ранение. Его имя упоминалось в отписке М.Б. Шеина о приступе к Смоленску 10 июня 1633 г.: "Июня в 10 день, как был к городу к Смоленску приступ, и подкопом взорвало городовую стену, и Федоровы сотни Сарафанова галиченина Микиту Цыгорева у наряду зашибло каменем по правой руке по мышке и кость роздробило". В Разрядном приказе справились с послужными списками о его службе под Смоленском и оказалось, что он отличился в бою 21 февраля 1633 г., при посылке на Покровскую гору, "как шли литовские люди на проход в Смоленеск". Была сделана выписка из галицкого подлинного списка "нынешнего 141 году" о поместном окладе Н.М. Цыгорева в 250 чети, и денежном – 8 рублей с "городом". На деле содержатся пометы о придаче жалованья, подготовке и исполнении этого распоряжения: "учинить придача жалованья, да на лечбу дати", "в списку справлен", "памяти в Большой приход даны"[29].

Больше всех жаловали сеунщиков, приносивших радостные вести о победах отрядов рати М.Б. Шеина. Как правило, ими становились сотенные головы, отличившиеся в этих боях. Когда после боя с А. Гонсевским, пытавшимся 30 июля 1633 г. провести в Смоленск новых людей с запасами, в сеунщиках был прислан рядовой галичанин Б.И. Шипов, то Разрядному приказу понадобилось наводить справки, как его пожаловать, "а наперед сево ко государю с сеунчом боярин и воеводы Михайло Борисович Шеин с товарыщи из сотен дворян опричь голов не присылылвали". Из документов был выписан "пример" с пожалованием,

присланного "с службою и с сеунчом" ярославца М. Мотовилова. Он получил за бой 12 июля 1633 г., на котором взяли 36 "языков" и двух изменников казаков "камку сорок соболей в 20 рублев, чарку в 3 рубля, поместные придачи к 400 четям 100 чети, денег из чети 8 рублей и из придаточных денег по государеву указу 4 рубли"[30]. Обычным пожалованьем за "головство" было 5 руб. "в приказ" "да по камке"[31], "на лечбу ран, на зелье" выделялось 4 рубля, поместная придача устанавливалась в 100 четвертей, а денег из чети вновь – 9 или 10 руб., в зависимости от службы[32].

В августе 1633 г. период благоприятного развития войны для Московского государства закончился. На помощь осажденным смолянам пришло войско короля Владислава. Оно провело несколько сражений с полками М.Б. Шеина и кн. С.В. Прозоровского 28 августа, 11 сентября и, наконец, 18 сентября 1633 г. и заставило отойти со своих позиций полк кн. С.В. Прозоровского[33]. Одновременно татары вторглись в "украинные города" и, узнав об этом, дворяне и дети боярские южных уездов стали самовольно разъезжаться из войска под Смоленском для защиты своих поместий[34]. Все эти неудачи изменили развитие военных действий в пользу Речи Посполитой. К тому же, 1 октября 1633 г. умер патриарх Филарет, во многом влиявший на организацию военных действий.

Получив известия о смоленском "отходе" 18 сентября 1633 г., в Москве приняли ряд мер, призванных укрепить войско под Смоленском. "По литовским вестем" в октябре 1633 г. были направлены "збиратца с ратными людми в городех": в Можайск – бояре и воеводы кн. Д.М. Черкасский и кн. Д.М. Пожарский[35], в Ржеву Владимирову – стольник кн. Н.И. Одоевский и кн. И.Ф. Шаховской[36], в Калугу – стольник кн. Ф.С. Куракин и Ф.Ф. Волконский. Главными воеводами новой рати были назначены кн. Д.М. Черкасский и кн. Д.М. Пожарский, к которым должны были идти "в сход" остальные воеводы и служилые люди. Дополнительно "с Северы" было указано идти под Смоленск стольнику Ф. Бутурлину. Туда же были направлены служилые люди, находившиеся с начала военной кампании под руководством Б.М. Нагово в Калуге. В сентябре 1633 г. они были записаны на службу в полк воевод стольника кн. В.П. Ахамашукова-Черкасского и кн. Е. Мышецкого[37]. Как видим, все эти распоряжения, в основном, повторяли расстановку полков, принятую на начальном этапе Смоленской войны.

Сбор войска затронул большее количество служилых людей по сравнению с 1632 г. Были мобилизованы даже дворяне и дети боярские Новгорода, Пскова, Торопца, Великих Лук, из которых велено было, выбрав "лутчих людей", отослать под Смоленск[38]. По всему государству искали "нетчиков и отсылали в полки собранных даточных людей"[39]. Сбор даточных людей коснулся и городового дворянства, не служившего полковую службу, находившихся "у дел" или "на приказах", отставных, вдов и недорослей. Согласно указу 19 июня 1633 г., велено было собрать даточных, в том числе, "с губных старост, и с городовых приказщиков, и с дворян и с детей боярских с городовых, которые дворяне и дети боярские за старость и за увечье от службы отставлены, и которые дворяне и дети боярские в городех у дел, в головах, и в сотниках у стрельцов и казаков и у татар... а поместья и вотчины за ними есть, и со вдов, и с недорослей, за которыми есть поместья и вотчины"[40]. С них же собирались хлебные запасы по указу 29 декабря 1633 г.[41]

Согласно наказам, выданным воеводам рати кн. Д.М. Черкасского и кн. Д.М. Пожарского, с ними на службу назначались нетчики, "которые збежали из полков боярина Михайла Борисовича Шеина" и дворяне и дети боярские, присланные из-под Смоленска "с отписками и в челобитчиках". Таких служи-

лых людей, по подсчетам Разрядного приказа, было: 57 владимирцев, 57 смольнян, 32 суздальца, 33 юрьевца, 21 муромец, 456 рязанцев, 139 тулян, 81 каширец, 56 нижегородцев, 153 арзамасца, 9 дорогобужан, 34 вязмича, 3 лушанина. Всего таких было 1145 дворян и детей боярских, назначенных на службу в полк одного кн. Д.М. Черкасского. Эти цифры подтверждают, что наибольшее число нетчиков было среди служилых людей южных уездов. К ним следует добавить еще остававшуюся до того времени третью статью украинных городов (1153 человека). Общее число городовых дворян и детей боярских в полку кн. Д.М. Черкасского должно было составить 2298. Из тех же категорий служилых людей формировался и полк кн. Д.М. Пожарского, с той лишь разницей, что под его начало должны были попасть нетчики из полка А.В. Измайлова. Общее число дворян и детей боярских из "городов", нетчиков и раненых в полку кн. Д.М. Пожарского должно было составить 692, а всего (вместе с третьей статьей) 1237 человек[42].

Дворянам и детям боярским, находившимся под Смоленском, и тем, кто только собирался в полки кн. Д.М. Черкасского и кн. Д.М. Пожарского было обещано денежное жалованье и верстание новиков поместными и денежными окладами[43]. Может показаться странной "реабилитация" нетчиков, которых возвращали на службу под Смоленск и даже обещали жалованье. На самом деле послабления коснулись только тех, кого затронула "татарская война", им предлагалось "вина своя покрыти... ехать на государеву службу под Смоленск тотчас безсрочно". В отношении других, кто уехал из-под Смоленска (независимо от срока отъезда) действовало правило "имать ис дачи из поместей их по чети доли" и отдавать в раздачу тем городовым дворянам и детям боярским, которые жили на службе "без съезду". И, наконец, те, кто не был на службе под Смоленском, полностью лишались своих поместий, которые шли также в раздачу. Чтобы высвобождавшиеся земли не ушли мимо "городов", было указано "поместья их отдавать под Смоленском, а на Москве поместей их никому не отдавать"[44].

В наказах воеводам нового войска, собиравшегося в трех центрах – Можайске, Ржеве Владимировой и Калуге, – были подробно описаны принципы проводимой денежной раздачи. Те, кто направлялся на службу непосредственно с кн. Д.М. Черкасским и кн. Д.М. Пожарским, должны были получить жалованье в Москве: "а из городов дворяном и детем боярским, которым с ними бояры и воеводы, велено быти на государеве службе, и тем дворяном и детем боярским велено государево денежное жалованье давати на Москве бояром и дьяком"[45]. В Ржеве Владимировой воеводы кн. Н.И. Одоевский и кн. И.Ф. Шаховской должны были собрать дворян и детей боярских Новгорода, Ржевы, Зубцова, Ярославля, Белой, Костромы, Кашина, Бежецкого Верха, Твери, Торжка, Старицы, Пошехонья, Переславля, Ростова, Волока, Рузы, Клина – полк первого воеводы, Углича, Клина, Пошехонья, Переславля, Ростова, Старицы, Костромы "с меньших статей", Волока, Рузы – полк второго воеводы. На жалованье служилым людям выделялось 50 тыс. руб.

Наказ подробно регламентирует проведение раздачи денежного жалованья и верстанья новиков. Служилые люди были разделены на несколько групп: тех, кто служил под Смоленском до отхода "из своего табора" "в большой обоз" кн. С.В. Прозоровского 18 сентября 1633 г.; и тех, кто уехал со службы до этого "отхода"; тех, кто не был под Смоленском и новиков. Проводившим раздачу денежного жалованья воеводам предлагалось выбрать окладчиков для замены находившихся под Смоленском или убитых там на службе, и вместе с ними выдать деньги по двум статьям 25 и 20 руб. При этом предлагалось "давать государево

жалованье... примерясь для службы к прежним к розборным и денежные роздачи к десятням 139 и 140 году". Однако тем, кто еще не был на службе под Смоленском или был "на приказех" жалованья не полагалось. Изъятия были сделаны и для детей боярских, служивших солдатскую и рейтарскую службу под Смоленском, а также оставленных на службе в Белой[46]. По наказу полковым воеводам было велено: "тем государева денежного жалованья ныне с городы не давати, и на государеве службе им в полкех быти не велети, а в десятню денежные роздачи написати тех себе статьею". Жестко были определены принципы верстания новиков, чтобы условия военного времени не были использованы для злоупотреблений: "а выше указных статей новиков ни которых городов, и не служилых отцов детей не верстати, и в выбор, и в дворовой список без государева указу новиков не писати". Жалованье же предлагалось давать "для нынешние службы наспех днем и ночью безо всякого мотчанья"[47].

Аналогичный наказ был выдан воеводам кн. Ф.С. Куракину и кн. Ф.Ф. Волконскому, с той лишь разницей, что к ним в Калугу должны были собираться дворяне дети боярские из Коломны, Калуги, Воротынска, Мещовска, Серпейска, Козельска, Белева, Лихвина, Боровска, Медыни, Ярославца Малого, Вереи, Алексина, Тарусы, Серпухова, Болхова, Карачева, Мценска – полк первого воеводы; Одоева, Орла, Новосили – полк второго воеводы[48].

Как и в начале войны, войско собиралось медленно. Так, например, воевода кн. Н.И. Одоевский провел первый смотр своих полков во Ржеве Владимировой только 29 января 1634 г., а новгородцы приехали еще позднее, и их "ести и неты" были посланы отдельно. Боеспособность войска была невысокой. В отписке, полученной в Москве 18 февраля 1634 г., кн. Н.И. Одоевский писал: "А которые, государь, дворяне и дети боярские на твою государеву службу к нам холопем твоим приехали и с теми мы холопи твои по твоему государеву указу в сход пойдем тотчас, а изо всево государь полку собралося с нами холопи твоими в полку всех городов треть на конех, а две доли бредут сами за своими возишками"[49].

Новые полки так и не смогли помочь войску боярина М.Б. Шеина под Смоленском. 16 февраля 1634 г. главный воевода принял решение о сдаче своих позиций и артиллерии королевичу Владиславу ценой сохранения самой рати, которой разрешено было отойти к Москве[50]. 19 февраля войско М.Б. Шеина вышло из-под Смоленска, а 1 марта прибыло в Можайск, где стояли собранные с трудом резервные силы во главе с воеводами кн. Д.М. Черкасским и кн. Д.М. Пожарским. Бои с королем Владиславом еще продолжались под Белой, но сидевшие там в осаде служилые люди не позволили развить смоленский успех польско-литовских войск[51]. 3 июня 1634 г. был заключен Поляновский мирный договор с Речью Посполитой, по которому из всех территориальных приобретений начала войны Россия получила Серпейск с уездом.

Война, длившаяся полтора года, закончилась, но ее последствия еще долго ощущались в московском обществе, определив его развитие, по крайней мере, на последующие 15 лет. Главным следствием Смоленской войны 1632–1634 гг. стал глубокий внутриполитический кризис, затронувший служилые "города". Военные поражения и ставшие роковыми промедления со собором сначала войска М.Б. Шеина, а потом кн. Д.М. Черкасского, неудачи с экспериментом по набору в солдатскую службу беднейших детей боярских, ненадежность иноземных наемников показали необходимость реформирования войск сотенного строя. Их боеспособность была подорвана разорением служилых людей на службе под Смоленском, а также запутанностью земельных отношений в уездах из-за конфискаций поместий нетчиков и раздачи выморочных владений[52].

[1] См.: *Сташевский Е.Д.* Смоленская война 1632–1634 гг.: Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919; *Прокофьев В.А., Новосельский А.А.* Международное положение Русского государства в 20–30-х годах и Смоленская война 1632–1634 гг. // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. / Под ред. А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова. М., 1955. С. 462–475; *Поршнев Б.Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5. С. 112–140; *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 244–254; *Жемайтис С.Г.* Источники по истории Смоленской войны (1632–1934 гг.) в собрании П.П. Дубровского // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг: Сб. научн. трудов. Л., 1988. С. 41–50. См. также публикацию "Плана осады Смоленска" Виллема Хондиуса: *Борисовская Н.* Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. М., 1992. С. 126–141.

[2] КР. СПб., 1853. Т. 2. Стб. 380. Рукопись разрядных книг периода Смоленской войны см.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Новгородский стол. Столбцы. Д. 24. Л. 585. См. также: Записные книги московского стола Разрядного приказа 7142 г. // РИБ. СПб., 1884. Т. 9.

[3] Сохранилась обширная переписка Разрядного приказа с воеводами о полковых делах и военных действиях, документы о присылке расспросных речей выходцев из Речи Посполитой и пойманных "языков", дела о приезде в Москву сеунщиков, а также полковая документация, состоящая из книг приездов, смотренных списков, послужных списков, росписей нетчиков, раненых и убитых. Огромное число архивных дел касается выдачи жалованья за службу под Смоленском. См.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76, 79, 80, 85, 86, 90–96; Новгородский стол. Столбцы. Д. 24–27, 29–35; Владимирский стол. Столбцы. Д. 55, 56; Белгородский стол. Столбцы. Д. 40–49, 53; Севский стол. Столбцы. Д. 95, 117. Часть этих столбцов была просмотрена de visu, цитаты из хранящихся в них документов включены в текст работы. Сведения об остальных материалах почерпнуты из описей архива Разрядного приказа, см.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1899, 1901, 1913. Кн. 11, 12, 18; Разрядный приказ (начало XVI в. – 1711 г.): Описи столбцов дополнительного отдела архивного фонда № 210 / Под ред. А.А. Новосельского. М., 1950.

[4] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографического экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 3. № 206. С. 292–300. Документы о приготовлении к войне, в том числе доклад и приговор Боярской думы, отражающий процесс принятия решения о направлениях походов и наказов воеводам, см.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 536. Там же, в записи о начале войны и посылке бояр и воевод "с многой ратью" под Смоленск, на Ржеву, в Калугу и на Северу, цель похода формулируется более прямо, как возмездие польскому королю и, особенно, королевичу Владиславу, даже в упоминании которого содержалось оскорбление пропуском титула: "чтоб польскому и литовскому королю и сыну его Владиславу и польским и литовским людем их неправды отомстить и городы Смоленск и иные городы, которые они взяли неправдою поворотить по прежнему к Московскому государству" (Л. 51). Доклад и указы о наказах воеводам опубликованы: АМГ. СПб., 1890. Т. 1. № 367. С. 368–369.

[5] См. документы этого подхода: РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Столбцы. Д. 95. Л. 729.

[6] КР. Т. 2. С. 385.

[7] См.: Там же. Стб. 396.

[8] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 1–4.

[9] См. грамоту в Каширу, опубликованную по отпуску, находящемуся в том же столбце, что и цитировавшаяся выше тульская грамота: АМГ. Т. 1. № 363. С. 366.

[10] КР. Т. 2. Стб. 386–388. В архивной "Росписи" людей, посланных с воеводами М.Б. Шеиным и А.В. Измайловым сообщаются несколько иные цифры, хотя и близкие к указанным в разрядных книгах: Владимир 159 (в разрядных книгах – 151), Смоленск 363 (356), Суздаль 240 (207), Юрьев Польской 124 (102), Муром 117 (115), Рязань 1078 (1013), Тула 410 (359), Кашира 307 (265), Нижний Новгород 298 (206), Арзамас 534 (364), Дорогобуж 55 (52), Вязьма 134 (122) и 11 казаков, Можайск 88 (нет в разрядных книгах), Лух 31 (36), всего дворян и детей боярских, назначенных с М.Б. Шеиным, – 3946 (3348), с А.В. Измайловым – 1837 (1539), вместе – 5782 (4886). Всего служилых людей: 21 579 (26 331). См.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 53–55, 60, 64.

[11] КР. Т. 2. Стб. 388–389. См. смотренный список полка кн. М.В. Белосельского в Белой: РГАДА. Ф. 210. Дополнительный отдел. Столбцы. Д. 4. Стп. 2. Л. 115.
[12] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 6–9, 20–24; КР. Т. 2. Стб. 389–390.
[13] КР. Т. 2. Стб. 390.
[14] Там же. Стб. 398–399.
[15] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 165.
[16] АМГ. Т. 1. № 374. С. 375–376.
[17] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 172.
[18] АМГ. Т. 1. № 389. С. 384.
[19] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 190.
[20] Там же. Л. 158–161. По получении отписки М.Б. Шеина на ней была сделана помета: "Отписать, что писали, то ведомо, а ратных людей высылаем" (Там же. Л. 159 об.).
[21] Там же. Л. 289–292, 338.
[22] АМГ. Т. 1. № 413. С. 395–396. Как показывает редакторская правка в черновике этой грамоты, слова "из выбора и из дворового списка выметать вон" были добавлены позднее, усилив наказание. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 368–368 об.
[23] См. полный перечень этих городов в речи на Земском соборе 29 января 1634 г.: КР. Т. 2. Стб. 615. Для изучения начального этапа Смоленской войны большой интерес представляют материалы переписки с воеводами М.Б. Шеиным и кн. С.В. Прозоровским. См.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 85. Л. 411.
[24] См. его расспросные речи о боях под Дорогобужем: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 85. Л. 108.
[25] См. его расспросные речи о боях под Велижем: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 85. Л. 181.
[26] См.: Там же. Л. 320–321.
[27] Множество примеров таких дел можно найти в издании "Актов Московского государства" (Т. 1).
[28] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. № 220. С. 164. См. также послужные списки служилых людей, воевавших под Смоленском: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Столбцы. Д. 51. Л. 126; Дополнительный отдел. Столбцы. Д. 34. Стп. 2. Л. 118.
[29] РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Столбцы. Д. 49. Л. 1–4.
[30] Там же. Л. 63–64. Ср. дело о пожаловании за сеунч брянчанина А. Безобразова: АМГ. Т. 1. № 489. С. 450–455.
[31] См. дело о пожаловании головы вязьмича Т. Вырубова: АМГ. Т. 1. № 562. С. 533.
[32] См.: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Столбцы. Д. 49. Л. 81.
[33] Позднее кашинец П. Секиотов бил челом о пожаловании его за службу и упоминал среди своих заслуг то, что он зажег острог и взорвал пороховую казну в Троицком остроге во время оставления его кн. С.В. Прозоровским. См.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 189. Стп. 6. Л. 6.
[34] См.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 204–222.
[35] См. переписку с воеводами кн. Д.М. Черкасским и кн. Д.М. Пожарским: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Столбцы. Д. 48. Л. 970.
[36] См. смотренный список служилых людей полка кн. Н.И. Одоевского 1634 г.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Столбцы. Д. 49. Л. 279.
[37] КР. Т. 2. Стб. 543–546.
[38] См. документы о высылке на службу и список новгородских дворян и детей боярских разных пятин смотра окольничего кн. С.В. Прозоровского под Смоленском в 1633 г.: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Столбцы. Д. 29. Л. 111; Д. 46. Л. 634.
[39] КР. Т. 2. Стб. 543–544.
[40] Там же. С. 477. 29 ноября 1633 г. был издан специальный указ, запрещавший сбор даточных людей с поместий и вотчин вдов служилых людей, убитых под Смоленском. См.: Законодательные акты.... № 208. С. 160.
[41] КР. Т. 2. Стб. 609–610.
[42] Там же. Стб. 550–551.

[43] Царской казны уже не хватало, поэтому 28 января 1634 г. был созван земский собор, принявший решение о сборе запросных и пятинных денег на нужды войска. См.: *Карпачев А.М.* Пятина 1634 (142) года как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства // ИЗ. М., 1950. Т. 33. С. 232–258; *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства… С. 249–252.

[44] Законодательные акты… № 206. С. 159. Ср. также память об этом указе из Разрядного в Поместный приказ, датированную сентябрем 1633 г. На памяти содержится помета: она "октября по 5-ое число не послана", что отражает сложности с осуществлением указа об отписке поместий нетчиков (АМГ. Т. 1. № 560. С. 531–532).

[45] КР. Т. 2. Стб. 563.

[46] См. список детей боярских кормовых старого верстанья разных городов и солдат, бывших на службе под Смоленском по отход М.Б. Шеина 19 февраля 1634 г. и поверстанных в Казанском дворце поместными и денежными окладами "не в образец, за смоленскую службу и тепенье" – РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. Д. 147. Л. 180.

[47] КР. Т. 2. Стб. 568–578. Десятин денежной раздачи кн. Н.И. Одоевского составлялись, в основном, уже после отвода войска М.Б. Шеина из-под Смоленска. См. сохранившиеся документы в описи дел десятен в РГАДА: Ярославль (Д. 63), Углич (Д. 164), Тверь (Д. 80), Бежецкий Верх (Д. 104), Старица (Д. 203), Волок и Дмитров (Д. 200), Клин и Малоярославец (Д. 212).

[48] КР. Т. 2. Стб. 582–591. Сохранились десятни денежной раздачи в Калуге по Малоярославцу и Карачеву: РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. Д. 62, 269.

[49] РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Столбцы. Д. 49. Л. 189–192.

[50] Список служилых людей (в том числе городовых дворян и детей боярских), "которые были на государеве… службе под Смоленском и в остроге, в осаде от польских и от литовских людей сидели с Михайлом Шеиным да с Ортемьем Измайловым" см.: РГАДА. Ф. 210. Дополнительный отдел. Столбцы. Д. 35. Л. 252.

[51] См. десятню денежной раздачи в Белой стольника кн. Ф.Ф. Волконского: РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. Д. 268. Л. 91. См. также документы о пожаловании за службу кн. Ф.Ф. Волконского: АМГ. Т. 1. № 717. С. 658–661.

[52] Подтверждение этому – огромное число челобитных от служилых людей всех чинов в Поместном приказе, когда в уездах появлялся хоть какой-то свободный кусок земли. Споры иногда продолжались и после решения о передачи таких поместий определенному лицу. Например, ярославский сын боярский Ф. Ураков, получивший выморочное поместье Г. Есипова, обиженно бил челом, что теща Г. Есипова "стакався", по его словам, с еще одним владельцем выморочной земли "беглецом" В. Головниным хотели его "от поместейца отбить и неслугою нарядить". См.: РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Столбцы – "неоклеенные". Ярославский уезд. Д. 755/21494. Л. 107. См., также дело о поместье сына боярского И.С. Дунилова, умершего на службе в апреле–мае 1634 г.: Там же. Л. 73–94.

Е.А. Рыбина

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ О ХОЗЯЙСТВЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ

Берестяные грамоты давно стали незаменимым источником по всем областям жизни средневекового Новгорода: политической и социальной, экономической и торговой, культурной и духовной, бытовой и хозяйственной. К концу сезона 2001 г. в культурном слое Новгорода обнаружено 917 берестяных документов XI–XV вв. Среди них имеются тексты, содержащие самые разнообразные сведения о хозяйстве средневековых новгородцев, в том числе о составе зерновых культур, домашних животных, пушных зверей, ассортименте продуктов. В данном обзоре рассматриваются все грамоты с упоминанием перечисленных групп. Выборка терминов производилась по словоуказателю, составленному А.А. Зализняком (№ 1–752)[1] и по текстам самих грамот (№ 754–917). В Приложении (в конце статьи) представлена таблица, демонстрирующая хронологическое распределение зерновых культур, продуктов, рыбы.

Зерновые культуры. К числу злаков, культивировавшихся в Новгородской земле, относятся жито (ячмень), рожь, пшеница, овес. Что касается проса, зерна которого встречаются при раскопках, то эта культура в грамотах не упоминается ни разу. Ранее предполагалось, что пшенка, которая дважды встречается в берестяных грамотах и есть зерно проса – пшено. Однако интерпретация указанного термина неоднозначна, возможно – пшеничная крупа.

Ячмень, фигурирующий в берестяных текстах под названием *жито*, встречается в 14 грамотах[2] , из которых самые ранние относятся ко второй половине XII в. В трех случаях это или запись долгов (606, 665) или продажа зерна (581), в одном случае речь идет о поле из-под ячменя (805). Позднее жито встречается в грамотах вплоть до XV в., чаще всего в качестве подати, долгов, изредка для варки пива.

Рожь (в том числе *овыдь* – яровая рожь и производное – *ржаный*) упоминается в 34 грамотах, из которых самые ранние относятся к рубежу XII–XIII вв. (219, 334, 510, 609). Особенно часто рожь встречается в грамотах XIV–XV вв. (21 экз.). Как видно из числа упоминаний, рожь была самой распространенной зерновой культурой, из которой выпекали хлеб. Она встречается в грамотах не только в качестве подати или долга, но неоднократно и в связи с различными хозяйственными распоряжениями и заботами землевладельцев. В грамотах до рубежа XIII–XIV вв. рожь, как правило, выступает в качестве товара, которым расплачиваются или который покупают. Кроме того, в то время нередко рожь перечисляется в составе разного имущества. В XIV–XV вв. рожь чаще всего упоминается в качестве оброка.

Пшеница впервые встречается в замечательном тексте (893) первой половины XII в., представляющем собой отрывок литературного произведения. В дальнейшем пшеница еще 13 раз присутствует в документах XII–XV вв. Как и остальные злаки, она чаще всего упоминается в качестве подати.

Овес, отмеченный в 14 грамотах, впервые появляется в перечне податей первой половины XII в. (грамота 863). К числу ранних упоминаний овса относятся еще два долговых списка рубежа XII–XIII вв. (219, 609) и небольшой обрывок последней четверти XII в. Еще в 10 грамотах XIII – начала XV в. овес фигурирует в числе разнообразных крестьянских повинностей, в качестве долга или предмета купли-продажи. Кроме того, встречаются письма, где овес упоминается в качестве корма для коней. В этой связи примечательна грамота 358 (первая половина XIV в.), автор – посадник Юрий Онцифорович – среди прочих хозяйственных указаний распоряжается кормить коней овсом.

Из приведенных данных совершенно очевидно, что самым распространенным злаком была рожь, которая встречается в грамотах гораздо чаще остальных зерновых культур. Обращает внимание, что названия всех зерновых культур присутствуют в грамотах не ранее XII в., однако, несомненно, что все они культивировались и употреблялись в Новгородской земле намного раньше первого упоминания в берестяных текстах[3]. Поскольку зерновые культуры выступают в грамотах преимущественно как предмет купли-продажи, а позднее в качестве податей, вероятно, их появление в деловой берестяной переписке только в XII в. фиксирует в какой-то мере дату организованной торговли зерном и начало взимания податей, что хорошо согласуется со временем установления вотчинной системы в Новгородской земле[4].

Кроме конкретных зерновых культур, неоднократно встречается термин *вершь* (9 раз), обозначающий хлеб, собранный в скирды или зерно. Впервые термин *вершь* фигурирует в грамоте второй половины XII в. (798) в качестве подати.

Наконец, в четырех грамотах , относящихся к XIV–XV вв. упоминается *солод*, обозначающий проросшее зерно, которое употреблялось для изготовления пива (363, 689). Кроме того, солод также взымался в числе других податей с крестьянских хозяйств (1, 136). В грамоте 689 для обозначения солода впервые в берестяных текстах использован термин *молодог*. Под этим названием солод впервые упоминается в грамоте первой половины XII в. (863) также в качестве подати. Еще в небольшом обрывке (847), происходящем из слоя середины XII в., дважды упомянут молодог.

Изредка в грамотах в собирательном смысле употребляется слово *хлеб* (6 грамот), впервые встреченное в двух текстах XII в. (424, 731). В отличие от конкретных названий зерновых (ржи, пшеницы, ячменя, овса) термин *хлеб* употребляется всякий раз или как общее наименование зерновых, или как один из основных продуктов и никогда в качестве товара или подати. Любопытно употребление этого термина в письмах. Трогательна забота сына (письмо 424) о судьбе своих родителей, который предлагает им продать двор в Новгороде и отправиться к нему в Смоленск или Киев, потому что там дешевый хлеб. Несомненно, письмо написано в один из неурожайных годов, которые часто случались в Новгороде, когда цена хлеба поднималась довольно высоко и в городе свирепствовал голод. В другой грамоте (731), рассказывающей о сватовстве, мать жениха обещает свахе достойное вознаграждение очень выразительной емкой фразой: “где мне хлеб, там и тебе”.

Кроме конкретных и собирательных терминов, связанных с зерновыми культурами, трижды упомянута *житница* (358 – XIV в., 352, 496 – XV в.), как место, где хранят хлебные запасы.

Наряду с зерновыми культурами, в грамотах есть упоминания и других сельскохозяйственных культур. Из бобовых по одному разу упоминаются: *греческий боб* (фасоль) в обрывке первой половины XII в. (700) и *горох* в долговом списке XIII в. (220). В трех письмах XIII в. (575, 706, 709) в качестве товара фигурирует *хмель*. Один раз встречается упоминание льна (136 – XIV в.) в качестве натурального оброка.

Разнообразны наименования **мер**, которыми мерилось зерно. Среди них есть как общерусские термины: *кадь* – около 230 кг (уменьшительное – кадьца), *осьмина*, так и типично новгородские названия мер – *дежа*, *дежка*, *короб* (коробья), *улок*, *овин*, из которых самой употребительной единицей измерения зерна был *короб* (или *коробья*), встречающийся в грамотах 18 раз.

Кроме хлеба в грамотах упоминаются и другие **продукты**: с рубежа XI–XII вв.: *соль* (в 10 грамотах), *мед* (в 5 грамотах), *мука* (в 2 грамотах), *гарус* (винный уксус, в 1 грамоте); с XII в.: *масло* (в 5 грамотах), *сыр* (в 3 грамотах), *колбаса* (1 грамота); с XIII в.: *мясо* (в 3 грамотах и 1 раз термин *мясник*) и в грамоте XII в. – *свиные хребты* в числе прочих продуктов. Перечисленные продукты в большинстве случаев также являются частью натурального оброка или предметом купли-продажи. Нередко продукты выступают в качестве арендной платы или упоминаются в долговых списках.

Чаще других продуктов в берестяных грамотах зафиксирована **рыба** (с XII в.), что, очевидно, обусловлено развитым рыболовным промыслом в Новгороде. Отметим, что различные приспособления для промысловой ловли рыбы (разнообразные поплавки и грузила для сетей и другие рыболовные снасти) встречаются при раскопках во всех хронологических периодах практически на каждой раскопанной усадьбе.

Впервые рыба упоминается в грамотах XII в. (682, 799, 882) в качестве продукта. Обращает на себя внимание, что в грамотах XII–XIII вв. названия различных рыб практически не встречаются, за исключением одного документа середины XII в. (831), где упоминается *сиг*. В это время обычно употребляются собирательные термины: *рыба* (349, 799, 882), *рыбица* (682), *черева* (неразделанная рыба, 219, 349). Лишь в XIV в. собирательные термины вытесняются конкретными названиями разнообразных рыбных пород: *лосось* (51, 92, 186, 258, 260), *лещ, щука* (169), *сиг* (144, 147, 280), *таймень* (280), *осетр* (259). Несомненно, этот список не отражает полный состав рыб[5], водившихся в новгородских реках и озерах, но, поскольку все названия рыбных пород обнаружены в грамотах в связи со сбором натурального оброка, очевидно, именно данные породы рыб более других предпочитались в качестве подати.

В качестве оброка рыба зафиксирована первый раз в грамотах середины XII в. (831) и рубежа XII–XIII вв. (219) в числе прочих недоимок. Однако в дальнейшем, судя по берестяным грамотам XIV в., рыбный оброк взымался самостоятельно, что отражено в ряде документов (51, 92, 99,169 и др.). Очевидно, к XIV в. ценные промысловые породы рыб стали в развитом боярском хозяйстве статьями натурального оброка, который собирался с подвластного населения и в дальнейшем шел на продажу.

Изредка в грамотах встречаются названия обработанной рыбы: сушеной – *сушь* (456), малосольной – *просол* (280) и соленой – *посол* (682). Из рыболовных снастей по одному разу встретились *верша* (248) и *юнда* (767) (название разновидности мережи на севере) а из мер, которыми мерилась рыба, – *лендом* (249).

Из напитков в грамотах дважды упоминается *пиво* (3, 689) и один раз *вино* (586 – XII в.). В последней грамоте наряду с вином упоминается *вишня*, косточки этой ягоды неоднократно обнаруживались при раскопках в Новгороде.

Значительную группу документов составляют грамоты с упоминанием **домашних животных**, среди которых, несомненно, самым распространенным был конь. Под этим общим названием он фигурирует в 32 берестяных грамотах, начиная с XI и вплоть до XV в. Кроме того, судя по берестяным документам, существовала развитая терминология в наименовании этого вида животных, которая отражала их пол и возраст. Это – *жеребец* (43, 309), *коничек* (579), *кобыла*

(445, 469, 510), *кобылка* (42, 500), *лошадка* (618), *лошак* (69, 469). Несколько раз упомянута и масть коня: голубой, чалый, шизый, бурый, рыжий, половой.

Содержание грамот с упоминанием коней весьма разнообразно. Коней продают и покупают, завещают по наследству, просят прислать для военных нужд и пахоты, отдают в счет долга и крадут. Они неоднократно перечисляются в списках имущества.

В ряде грамот встречены названия предметов конского снаряжения: *вожжи* (78, 384, 732), *хомут* (78, 445, 500), *попона* (65, 78, 500, 601, 718).

Из других домашних животных несколько раз по разным поводам (в том числе и в качестве подати) упоминается *корова* (8, 138, 532, 831), кроме общего наименования встречаются также термины *телица* (112, 657) и *яловица*. Последняя упоминается в качестве одной из статей погородья (подать, взымавшаяся с городов) в документе XIII в. (718). О наличии в домашнем хозяйстве новгородцев коз свидетельствуют упоминания в грамотах второй половины XIV в. *козьего пуха* (263) и *тима*, т.е. сафьяна (261–264), означающего выделанную кожу козла. Один раз обнаружен термин *выжля* (135), обозначающий гончую собаку. Дважды домашние животные упоминаются под собирательными названиями: *скотина* (510 – рубеж XII/XIII в.) и *животина* (463– вторая половина XIV в.).

Разнообразна номенклатура **пушных зверей**, чьи названия встречаются в берестяных документах. Чаще других упоминается *белка* (с XII до XV в.)[6], но известны также *бобр* (с рубежа XII–XIII вв., в 5 грамотах) и годовалые бобры (*ярцы*), *куница* (с XIV в., – в 7 грамотах), а также упомянутые по одному разу *песец* (724 – XII в.), *лисица* (7 рубеж XII–XIII вв.), *выдра* (713 – XIII в.), *соболь* (722 – XIII в.), *нерпа* (133 – XIV в.), *росомаха* (2 – XIV в.), *заяц* (842 – XII в.). В основном пушные звери упоминаются в связи со сбором дани или податей с подвластных Новгороду северных земель или с боярских владений. Исключительна по содержанию грамота 724, повествующая о драматичной истории сбора песцов на севере, где столкнулись интересы Новгорода и Суздаля. В ряде грамот пушнина выступает в качестве товара. Например, в грамоте 420 XIII в. говорится о продаже 40 бобров за 10 гривен серебра, что равняется 2 кг серебра.

Несколько раз в качестве товара или просто домашнего имущества в грамотах упоминаются **шкуры** домашних и диких животных: *овчина* (129, 500 – XIV в.), *телятина* (500), *лосина* (153 рубеж – XII/XIII в.), *оленина* (174, 681 – XII в.; 275 – XIV в.), *медведно* (722 – XIII в.; 65, 354 – XIV в.).

Трижды в берестяных грамотах встречаются названия **птиц** в связи со сбором податей, что впервые зафиксировано в документе XII в. (842), где упоминаются *тетерева*. В XIV в. в виде оброка дважды названы ловчие птицы: *сокол* (54) и *кречет* (248) – самые ценные из породы соколиных.

Рассмотренные документы из-за их малочисленности, конечно, не могут являться полноценным источником по изучению новгородского хозяйства. Однако они, тем не менее, содержат разнообразные сведения из этой области: ассортимент злаковых культур и продуктов, состав домашних животных, пушных зверей, рыб. Кроме того, благодаря этим грамотам, фиксируются определенные закономерности в развитии новгородского хозяйства. Анализ перечисленных документов показал, что в качестве дани и оброка собирались не только традиционные статьи обложения, какими были зерно и меха, но и начиная с XII в. обычные продукты (мед, соль, масло, сыр, рыба, колбаса). Особенно показательны в этом отношении две грамоты, содержащие перечень сумм, предметов и продуктов, которыми облагалось отдельное хозяйство (грамота 136 – XIV в.) и целый город (грамота 718 – XIII в.). По берестяным грамотам удается установить и дату начала обложения тем или иным продуктом. Например, самостоя-

тельный рыбный оброк устанавливается только с XIV в. И наконец, грамоты дополняют сведения традиционных письменных источников конкретными деталями и живыми подробностями быта и хозяйства средневековых новгородцев.

В заключении заметим, что фонд берестяных грамот ежегодно увеличивается благодаря новым находкам, которые пополняют сведения о хозяйстве новгородцев дополнительными фактами. Особенно показательны в этом отношении находки 1998 г., значительно расширившие хозяйственную номенклатуру новыми позициями. Большой интерес в этой связи представляет целая грамота 842 (XII в.). В ней в перечне продуктов и предметов охоты, которые собирались в качестве ренты, впервые в берестяной письменности упоминаются колбаса, свиные хребты, а из животных и птиц – заяц и тетерева.

[1] *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 594–687.

[2] Ссылки на отдельные номера грамот не даются, поскольку все сведения о грамотах (текст, перевод, дата) читатель найдет в соответствующих разделах книги: *Зализняк А.А.* Указ. соч.

[3] *Кирьянов А.В.* История земледелия Новгородской земли X–XV вв. (по археологическим материалам) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. 2. С. 306–362. (МИА. № 65).

[4] *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1982.

[5] *Сычевская Е.К.* Рыбы древнего Новгорода // СА. 1965. № 1. С. 236–256.

[6] Число грамот с упоминанием белки не поддается точному учету, поскольку по контексту не всегда возможно определить разницу в употреблении термина *бела* – белка, *бела* – денежная единица.

ПРИЛОЖЕНИЕ
СПИСОК ТЕРМИНОВ С УКАЗАНИЕМ НОМЕРОВ ГРАМОТ

В данном списке использованы все, найденные к концу 2001 г., берестяные грамоты (в том числе неопубликованные), содержащие обсуждаемые здесь предметы.

Зерновые: жито: 3, 50, 162, 195, 299, 326, 482, 521, 564, 581, 606, 665, 689, 805
рожь – 1, 17, 23, 97, 122, 136, 142, 161, 162, 179, 191, 196, 220, 242, 254, 299, 310, 334, 350, 358, 364, 391, 412, 442, 471, 481, 492, 500, 510, 521, 609, 689
овыдь (яровая рожь) – 755, ржаный – 297
пшеница – 22, 136, 196, 218а, 220, 254, 366, 471, 521, 606, 636, 805, 863, 893
овес – 1, 50, 162, 219, 266, 271, 299, 320, 358, 482, 609, 689, 793, 863
пшенка – 22, 354, пшено – 108
хлеб (собират.) – 19, 352, 424, 697, 731, 755
солод или молодог (проросшее зерно) – 1, 136, 363, 689, 847, 863
житница – 496, 352, 358
новина (новый урожай) – 136
вершь (хлеб в скирдах или зерно) – 50, 102, 195, 219, 253, 254, 275/266, 322, 361, 798

Хмель – 575, 706, 709

Бобовые: греческий боб (фасоль)– 700; горох – 220

Сено: 53, 358, 372, 416, 532, 697; завал (копна) – 697, стог – 297, 744

Лен – 136

Меры зерна: дежа – 50, 137, 192/191, 220, 253, 320, 322, 353, 606, 863, дежка – 219, 334; кадь (примерно 4 пуда, т.е. 64 кг) – 161, 810; кадьца – 1, 22, 196, 665, коробья – 102, 136, 162, 179, 191, 254, 275, 366, 403, 438, 471, 492, 500, 521, 533, 540, 568, 689, овин – 23, 297, улок – 50, 320, 337, осьмина – 299, 893

Продукты: хлеб – 19, 352, 424, 697, 731; коврига – 404; мука – 363, 586; масло – 220, 406, 528, 718, 842, масло (волога) – 687; мед – 61, 136, 409, 605, 718, медвеное (медовое) – 910; мясо – 2, 363, 575; свиные хребты – 842; соль – 32, 219,

282 (немецкая), 349, 354, 533, 568, 624, 627, 882; сыр – 406, 528, 831; колбаса – 842; гарус (винный уксус) – 586

Рыбы: рыбы (собират.) – 99, 169, 249, 349, 406, 799, 882, рыбица – 682, рыбка – 131, лещ (клещ) – 169, щука – 169, лосось – 51, 92, 186, 258, 260, осетрина – 259, сиг – 144, 147, 280, 831, таймен – 280, посол (соленая рыба) – 682, просол (малосольная рыба) – 280, сушь (сушеная мелкая рыба) – 456, черево или черевья (непластаная рыба) – 219, 349, 893

Рыболовные снасти: верша – 248, лендом (мера количества рыбы) – 249

Напитки: вино – 586, перевара (пиво или мед в качестве пошлины) – 3, пиво – 3, 689

Фрукты: вишня – 586

Бортничество: воск – 439, 129, борть – 390

Шкуры: лосина – 153, медведно – 65, 354, 722, оленина – 174, 275, 681, овчина – 129, 500, телятина – 500

Кожа: 445, 500

Домашние животные, собирательное: животина – 463, скотина – 510; *кони*: конь – 20, 25, 78, 109, 142, 154, 160, 163, 242, 266, 272, 305, 350, 353, 354, 358, 374, 404, 422, 437, 446, 521, 532, 582, 609, 687, 697, 735, 754, 781, 842, 891; жеребец – 43, 309, коничек – 579, кобыла – 445, 469, 510, кобылка – 42, 500, лошадка – 618, лошак – 69, 469, голубой (масть) конь – 142, чалец (чалый конь) – 266, шизый конь – 735; корова – 8, 138, 532, 831, телица – 112, 657, яловица – 718; баран – 136; коза – 11 (знач.?), козий пух – 263; выжля (гончая собака) – 135

Снаряжение коня: вожжи – 78, 384, 732; попона – 65, 78, 500, 601, 718; хомут – 78, 445, 500

Пушные звери: белка (бела, беличьи шкурки) – 40, 225, 322, беле – 52, 683, 722; белка – 1, 2, 52, 55, 92, 136, 179, 218а, 223, 230, 260, 278, 288, 358, 369, 403, 406, 410, 471; выдра – 713 ; горностай – 413; куница – 2, 31, 136, 179, 278, 406, 445; лисица – 7; нерпа – 133, нерпяный – 622; песец – 724; соболь – 722; бобр – 7, 193, 420, 600, 721; ярец (годовалый бобер) – 910; заяц – 842

Птицы: кречетья (собир.) – 248, сокол – 54, тетерева – 842

Дикие звери: зверь – 199, олень (вожжи оленьи) – 384

Таблица

Наименование	XI в.	XI/XII в.	XII в.	XII/XIII в.	XIII в.	XIII/XIV в.	XIV в.	XIV/XV в.	XV в.
Зерновые									
Рожь	–	–	–	4	4	1	13	1	11
Жито	–	–	4	–	1	1	5	1	2
Пшеница	–	–	4	–	3	1	4	1	1
Овес	–	–	2	2	1	–	6	–	3
Продукты									
Соль	–	1	3	1	1	–	4	–	–
Мясо	–	–	–	–	2	–	2	–	–
Колбаса	–	–	1	–	–	–	–	–	–
Масло	–	–	1	–	2	–	2	–	–
Мед	–	1	–	–	3	–	1	–	–
Рыба									
Рыба, рыбка	–	–	2	1	1	–	5	–	–
Рыбица									
Лосось	–	–	–	–	–	–	5	–	–
Лещ, щука	–	–	–	–	–	–	–	1	
Сиг	–	–	1	–	1	–	2	–	–
Таймень	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Осетр	–	–	–	–	–	–	1	–	–

Т.Д. Панова

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ТОПОГРАФИИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ XIV–XVI веков (по данным письменных источников)*

Исследователи, занимающиеся изучением исторической и социальной топографии Кремля, как и Москвы в целом, поставлены в весьма сложные условия. Речь идет, естественно, о раннем периоде жизни города, о XII–XVI столетиях. Во-первых, город в своем развитии, и особенно столичный, уничтожил объекты своей исторической топографии. Во-вторых, археологические свидетельства о древней Москве, обнаруженные во второй половине XX в., слабо характеризуют средневековую застройку и планировку города, так как получены не в ходе раскопок большими площадями, а во время наблюдений при шурфовках, в траншеях, во впускных шахтах коллекторов и в самих коллекторах. В таких условиях сложно выявлять площадь и состав усадеб, их социальный статус и конкретную принадлежность. В археологическом материале древней Москвы отсутствуют (или крайне редки) берестяные грамоты, сфрагистический материал, эпиграфические находки, которые в некоторых древнерусских центрах, наряду с данными письменных источников, помогают восстанавливать и социальную топографию города. Ярким примером в этом отношении является Великий Новгород.

Следует признать, что при разработке проблем реконструкции исторической и социальной топографии московского Кремля, археологические источники и данные памятников письменности служат своим целям. Соединить их для точного определения места конкретного частного владения на территории Кремля XII–XVI вв. не удается.

В исторической литературе XX в. к вопросам топографии древнего центра столицы России обращались лишь в начале столетия. О застройке и заселении Кремля писали И.Е. Забелин[1], Н.А. Скворцов[2], С.П. Бартенев[3]. В историографии второй половины XX в. не встречается ни одного монографического исследования на данную тему. Редкие же отдельные статьи по топографии средневекового Кремля проблемы не решают.

Письменные источники и археологические материалы в комплексе дают возможность выделить на территории Кремля для XII–XVI вв. жилую, хозяйственную и ремесленную застройку, объекты городского хозяйства (житницы, колодцы, части мощеных улиц и т.д.), владения великого князя и членов его семьи, главы Русской церкви – митрополита, церковные владения – храмы (с кладбищами), монастыри, подворья церковных иерархов (епископов) и монастырей, дворы знати, купеческих фамилий, великокняжеских слуг, священнослужителей кремлевских соборов и т.д.

Если учесть, что первоначально, в середине XII – начале XIII вв., вся Москва размещалась на территории верхней террасы Боровицкого холма, то вполне естественно его развитие в дальнейшем как района города со всеми присущими ему чертами. Только с конца XIII в., с появлением в Москве князя и его постоянной резиденции, этот район города начинает приобретать особый характер

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта "История древнерусского города. Москва XII – начало XVI века: историческая топография и торговля", поддержанного РГНФ (проект № 98-01-00374а).

как место размещения светского владыки и его ближайшего окружения. В первой трети XIV столетия Москва становится резиденцией и церковного, духовного владыки – русского митрополита, что еще больше повышает статус укрепленного центра Москвы.

В письменных источниках русского средневековья объекты исторической и социальной топографии московского Кремля появляются впервые только в описаниях событий XIV в. Число данных письменных источников о застройке территории крепости, о конкретных владельцах дворов в ней возрастает в XV–XVI вв.

Анализ материалов позволяет выделить среди светской части населения Кремля несколько групп крупных дворовладельцев. Это, прежде всего, великий князь и члены его семьи – удельные князья, затем служилые князья, нетитулованная знать и представители купеческих фамилий.

В краткой статье сложно полностью охарактеризовать состав каждой из этих групп кремлевских дворовладельцев, точное время появления и место размещения того или иного двора, обстоятельства его образования, судьбу и т.д. Следует отметить, что в современной историографии отсутствуют разработки, посвященные истории формирования системы городского землевладения в средневековой Руси. Это затрудняет понимание принципов, на основе которых формировалось частное землевладение на территории укрепленного центра Москвы в XIV– XVI вв. Между тем анализ актового (пусть и весьма недостаточного) материала – данных духовных грамот членов великокняжеской семьи и некоторых представителей феодальной знати – свидетельствует о том, что в городской крепости – резиденции светского и духовного владык – земля не имела единого хозяина. Частные земельные участки в Кремле переходили по наследству, могли быть проданы владельцем, обменены и т.д. (как это происходило в любом другом районе Москвы).

Проиллюстрировать этот процесс можно несколькими примерами, которые, кроме того, ярко освещают социальный состав населения центрального района города. Не менее важно и то обстоятельство, что данные письменных источников позволяют назвать имена людей, заселявших московский Кремль в период средневековья, проследить судьбу и историю их владений на протяжении длительного периода. В исторической литературе XX в., особенно его второй половины, московский Кремль представлен чаще всего как участок города, где жили и творили русскую историю лишь великие князья, цари и высшие церковные иерархи, создавали свои творения итальянские и русские архитекторы, размещалась администрация великого князя, проходили различные церемонии государственного значения и т.д. Это был район города со сложной частной и церковной застройкой, с разнообразным по составу населением.

Среди самостоятельных князей, по тем или иным причинам оказавшихся в XIV в. на службе в Москве, были и князья Фоминские. История появления этой ветви смоленских князей на московской земле в середине XIV столетия довольна интересна. В 1345 г. овдовевший великий князь Симеон Иванович женился вторично на дочери Федора Святославича, князя вяземского и дорогобужского[4]. Последний получил в кормление Волок Ламский. Но этот брак оказался неудачным. Некоторые летописные своды кратко отметили под 1346 г., что князь Симеон Гордый "отсла княгиню свою Еупраксию к отцу... князю Феодору на Волок"[5], не объясняя причины развода – ситуация очень редкая для русского средневековья. Но сохранились и более подробные свидетельства, объясняющие невозможность дальнейшей совместной жизни князя Симеона и его второй

жены. Естественно, объяснения не касались сферы психологии и физиологии семейных отношений, а были отнесены к влиянию черных сил, которые якобы "испортили" княгиню на свадьбе.

Отослав вторую жену на Волок к отцу, князь Симеон Гордый рекомендовал выдать ее замуж за другого человека. Князь Федор Святославич поспешил отдать дочь за довольно близкого родственника – Федора Большого, или Красного[6], сына своего племянника, Константина Березуйского и Фоминского (двоюродный брат Евпраксии). Кстати, А.А. Зимин, описывая все перипетии этого дела, ошибочно считал временем приезда на Русь Федора Святославича Вяземского 1404 г. Но к началу XV столетия, многих участников событий середины XIV в. не было уже в живых[7] и князь Симеон Гордый, умерший в 1353 г., никак не мог зазывать своего тестя на службу в Москву в 1404 г.

В новом браке княгиня Евпраксия родила четырех сыновей. Ее второй муж, Федор Большой Красный Фоминский, видимо, еще за несколько лет до этой истории с Евпраксией уже служил московским князьям. Так, в 1338/39 г. Иван Калита посылал с Толубеем рать под Смоленск, с князьями и воеводами во главе, среди которых упоминался и князь Федор Фоминский[8]. Княгиня Евпраксия, бывшая жена великого князя Симеона Гордого, вновь оказалась в Москве. Более того, князь Федор Большой Красный обосновался с семьей непосредственно на территории укрепленного центра Москвы. Об этом свидетельствует прежде всего духовная грамота Василия I Дмитриевича, составленная в 1417 г.[9], упоминающая владения потомков князя Фоминского. Самого Федора Фоминского к тому времени в живых уже не было – он умер в 1387 г.: "Тое же весны преставися раб божий Федор Фоминскый в черницах и в скиме, наречено бысть имя ему Семеон, и положен бысть в манастыри у святого Спаса в церкви"[10].

Кремлевский двор Федора Константиновича Фоминского наследовал его второй сын, Иван Федорович, носивший и другое, не очень благозвучное, по современным понятиям, имя – Собака. Было бы весьма логично связать появление в первом каменном Кремле Собакиной башни с деятельностью Ивана Собаки Фоминского. Следует напомнить, что в названиях некоторых башен московского Кремля даже в XV–XVII вв. еще сохранялась память о людях и событиях второй половины XIV столетия (Тимофеевские ворота, Свиблова башня и т.д.).

В 1366–1368 гг. Ивану Федоровичу Собаке вряд ли было более 20 лет от роду, что, впрочем, следует признать для того периода зрелым возрастом. Так, организаторам строительства крепости, великому князю Дмитрию и серпуховскому князю Владимиру было и того меньше. Письменные источники не сохранили упоминаний о Собакиной башне в Кремле, возведенной при Дмитрии Ивановиче. Видимо, это связано с тем, что на месте угловой башни белокаменной крепости XIV в. в конце XV столетия новая не возводилась – мощная кирпичная угловая башня 1492 г. была построена восточнее. Сегодня она известна как Угловая Арсенальная, но в XVI–XVII вв. носила название Собакиной, о чем свидетельствует, например, опись ветхостей московской крепости, составленная в 1667 г.[11]

Вполне возможно, что Иван Собака курировал строительство части городских укреплений вдоль р. Неглинная. Это предположение более логично, чем утверждение некоторых историков прошлого, в том числе и И.Е. Забелина, о том, что названия отдельных башен, и Собакиной в частности, нужно выводить от имен боярских родов, живших рядом[12]. Но владения Собакиных в XV–XVII вв. в Кремле неизвестны. Двор же князей Фоминских, в том числе и

Ивана Собаки, зафиксирован в источниках – он размещался в районе Боровицких ворот. В духовной грамоте великого князя Василия I (около 1417 г.) среди других кремлевских владений, завещанных им сыну Василию, есть на это указание: "...да двор в городе на Москве Фоминский Ивановича оу Боровицких ворот..."[13]

Таким образом, два поколения служилых князей Фоминских – Федор Константинович и Иван Федорович Собака – владели участком в Кремле. Иван Собака Фоминский был боярином великого князя Дмитрия Ивановича и известен как "послух"– свидетель его второй духовной грамоты[14]. Но по какой-то причине двор Ивана Собаки после его смерти перешел не к его потомкам, а попал во владение великого князя Василия I. И в 1417 г. Василий Дмитриевич уже свободно решал судьбу этой кремлевкой усадьбы. "Фоминское место" упоминается и в других документах XV столетия, что лишний раз подтверждает наличие двора этих служилых князей в Кремле. Так, из духовных грамот Софьи Витовтовны, вдовы Василия I (от 1451 и 1453 гг.), мы узнаем, что со временем владение князей Фоминских было передано этой великой княгине: "Да что ми дал сын мой князь великий Василей Васильевич место дворовое Фоминское Ивановича, и яз на том на Фоминском месте поставила житничной двор, да тогож Фоминского места променила есмь была Ивану Старкову на его куплю..."[15] Известно, что великокняжеские житницы размещались на спуске от Боровицкой башни на Подол Кремля – приречную часть холма, на котором стоит крепость. Судя по всему, двор князей Фоминских во второй половине XIV в. был значительным по площади, так как на части этих владений Софья Витовтовна возвела житный двор, а другую обменяла на приобретенный И. Старковым здесь же в Кремле участок.

Письменные источники не сообщают ничего о том, жили ли в крепости Москвы другие дети Федора Красного Фоминского и княгини Евпраксии. Старший сын князя Федора Большого Красного – Михаил Крюк, боярин Василия I Дмитриевича, как "послух" упоминается в правой грамоте Чудову монастырю начала XV в.[16]. Сохранилась купчая Михаила Федоровича Крюка на с. Медна (Новоторжскй уезд) с деревнями, приобретенное у новгородского боярина Юрия Онцыфоровича: "Се купиша Михайло Федорович своим сыном с Ываном..."[17] У Михаила Крюка было два бездетных сына – Борис и Иван. Именно Иван около 1430 г. завещал с. Медна Троице-Сергиевому монастырю, что подтверждает несудимая грамота великого князя Василия II, датированная 1428–1432 гг.[18] Младший сын Федора Фоминского, бездетный Иван Уда, упоминается летописями под 1385 г. среди бояр, приехавших в Новгород за "черным бором", вместе с Федором Свибло и Александром Белеутом[19]. В письменных источниках отражена судьба земельных владений в Кремле служилых князей Фоминских, оставивших на долгие годы имя одного из своих представителей в названии башни средневековой крепости Москвы.

Среди представителей знатных родов, появившихся в Москве в конце XIII – первой половине XIV в., выделялся житель Черниговской земли Федор Бяконт, потомки которого заняли ведущее положение как в администрации великого московского князя, так и в церковной иерархии. Самым известным потомком Федора Бяконта считается его старший сын Алферий (Алевферий), он же митрополит Алексий. Вся его жизнь была связана с Кремлем, где семья Бяконта имела свой двор. В письменных источниках зафиксировано, что перед смертью митрополит Алексий завещал основанному им в Кремле Чудову монастырю "садец свой Подолней"[20], т.е. сад, размещавшийся в приречной части Боровицкого холма – на Подоле. Трудно сказать, принадлежал ли этот участок семье

Бяконта изначально, или был приобретен митрополитом Алексием позднее. Но, учитывая археологически установленный факт, что Подол начал активно осваиваться только после сооружения первой белокаменной крепости в 1366–1368 гг., предпочтение нужно отдать второму варианту.

Представляется несомненным наличие в Кремле двора пятого сына Федора Бяконта, основателя фамилии Плещеевых – Александра Плещея. Наследники Александра Федоровича занимали видное положение при московских великих князьях. Среди них выделяется его правнук боярин Михаил Борисович Плещеев, немало способствовавший победе великого князя Василия II Темного в долгой и сложной войне за престол с галицкими князьями. Именно отряд под командованием Михаила Плещеева неожиданным набегом сумел зимой 1447 г. захватить Москву и решить исход затянувшейся феодальной войны в пользу Василия II[21]. Успех этой операции обеспечил Михаилу Борисовичу прочное положение в составе великокняжеской администрации. Михаил Плещеев оставил службу в 1468 г. и постригся в монахи в Троице-Сергиевой обители[22]. Известны его земельные вклады в этот монастырь – и до и после пострига[23].

В середине XV в. на великокняжеской службе отмечены и дети Михаила Борисовича Плещея, в частности его старший сын Андрей, достигший при Иване III сначала должности окольничего (в 1476 г.), а затем ставший боярином в 1480 г. Окольничим был и другой сын Михаила Плещея, Тимофей Юрло. Нас же интересуют дошедшие до настоящего времени источники второй половины XV столетия – духовные грамоты двух из семи сыновей боярина Михаила Борисовича. Эти грамоты являются важным материалом для изучения системы землевладения в средневековом русском городе.

Духовная инока Ионы Михайловича Плещеева была составлена в августе 1482 г. Это шестой сын Михаила Борисовича, Иван Сухой (или Иван Хромой), который, по примеру своего отца и одного из братьев, принял постриг и долгие годы провел в Троице-Сергиевом монастыре. Вот как звучит один из разделов его духовной грамоты: "А что меня благословил отец мой внутри города двором на Москве – четвертью своего двора, и в той четверти мати моя волна, – кому хочет, тому даст. А у духовной сидел отец мой духовной богоявленский игумен Кипреян, да старец Сергиева монастыря Фегнаст, да брат мой Григорей Михайлович. А приказываю свою душу и сию духовную матери своей Марье да брату своему старцу Сергиева монастыря Вельямину – те мою душу помянут и долг заплатят"[24]. В числе свидетелей в грамоте назван брат Ионы, Григорий Охота (пятый сын Михаила Плещея), а в тексте упоминается "старец Вельямин" – еще один брат Ионы, четвертый из семи сыновей Михаила Борисовича.

Итак, Михаил Плещей, уходя в 1468 г. в монастырь, поделил свой кремлевский двор между детьми. Причем, при наличии семи сыновей, двор был поделен на четверти (возможен вариант, при котором двое или более детей могли получить часть двора в совместное владение). Часть двора потомков Федора Бяконта, принадлежавшая Ивану Михайловичу Сухому – иноку Ионе, перешла по завещанию к его матери Марии. Духовная Ионы Плещеева демонстрирует историю жизни одного из кремлевских частных владений, начало которой нужно отнести к XIV столетию.

Не менее информативно завещание другого сына Михаила Плещея – Андрея. Оно датируется августом 1491 г. и содержит как интересные родословные данные, так и важные материалы о принципах наследования земельных владений в Кремле. В этом документе зафиксировано следующее: "Взяти ми на Марье на Михайлове, на своей мачехе, да на ее сыне на Григорье, сорок рублев и два рубли"[25]. Из духовной Андрея Михайловича Плещея становится ясно, что

Михаил Борисович был женат дважды и постригся в монахи, когда его вторая жена Мария была еще жива. Но наибольший интерес в завещании Андрея Михайловича представляет та его часть, где говориться о кремлевском дворе: "А что мой двор старой московской внутри города, и яз тот двор даю жене своей Олене да сыну своему Ивану: а что есми прикупил к своему двору у Васильевых детей Вельяминова их двор, и яз тот прикупной двор даю детям своим Михаилу и Федору"[26]. Исполнителями воли завещателя были назначены Семен Ряболовский и два брата Андрея – Петр и уже знакомый нам "троицкий старец Веньямин".

В духовной Андрея Михайловича Плещея встречаем, кроме всего прочего, последнее упоминание о владениях в Кремле потомков рода тысяцкого Протасия в XIV в., Вельяминовых – во второй половине XV столетия. В общей сложности эта семья более века сохраняла двор в Кремле, в непосредственной близости от великокняжеского двора.

Потомкам Александра Плещея (XIV в.) в конце XV столетия, как свидетельствуют духовные грамоты его правнуков, не только удалось сохранить фамильное гнездо в Кремле, но даже расширить свои владения, прикупив соседний участок. Многодетность боярина Михаила Борисовича Плещея привела к дроблению двора на четыре части. Его сын Андрей во второй половине XV в. сумел, воспользовавшись, видимо, благоприятной ситуацией, прибавить к своей части двор Вельяминовых, чтобы в достаточной степени обеспечить недвижимостью трех старших (из пяти) сыновей. Некоторые страницы истории рода Плещеевых и их кремлевских владений были рассмотрены еще в трудах И.Е. Забелина, но трактовались несколько упрощенно и с ошибками[27]. В письменных источниках XVI в. упоминаний о Плещеевых в Кремле уже нет. Начало XVI столетия в истории московского Кремля – годы превращения укрепленного центра столицы в пышную великокняжескую резиденцию (ее оформление началось в 80-е годы XV в. при Иване III). Перестройка крепости, возведение новых храмов и дворца, появление новых улиц привели к выводу за пределы Кремля дворов значительной части нетитулованной знати, купеческих фамилий и другого незнатного населения. Не исключено, что именно в начале XVI в. среди выведенных с территории московского Кремля были и дворы Плещеевых.

По иному сложилась судьба владений другого, не менее известного в XV столетии рода – Добрынских. Добрынские возводили свой род к легендарному касожскому герою Редеде (Редеге), которого в 1022 г. "зарезал" тмутараканский князь Мстислав Владимирович[28]. Появившись в Москве во второй половине XIV в., Добрынские сумели занять видные позиции в великокняжеской администрации, что было достаточно сложно, зная корпоративность старой московской знати. Один из них, Семен Иванович, погиб в 1374 г. при осаде Твери[29], сыновья второго – Константина Ивановича (сведений о нем сохранилось немного) – оставили заметный след в событиях русской истории первой половины XV в. В двух браках Константин Добрынский имел девять сыновей, четверо из которых владели дворами на территории московского Кремля – Федор Симский, Петр Хромой, Иван и Никита. Все они оказались активными участниками кровавых событий феодальной войны между Василием II и галицкими князьями, претендовавшими на русский великокняжеский стол.

Один из них, Петр Хромой, участвуя в свадебном пире Василия II, стал инициатором инцидента, омрачившего праздник и давшего толчок началу войны. Он "опознал" на галицком князе Василие Юрьевиче, двоюродном брате Василия II, золотой пояс великого князя Дмитрия Донского (история эта хорошо известна). Результатом скандала был разрыв и без того сложных отношений

Василия II и его окружения с галицким князем Юрием и его сыновьями – Василием Косым, Дмитрием Красным и Дмитрием Шемякой. Братья Добрынские первоначально сохраняли верность великому князю Василию Васильевичу. Но около 1445 г. Петр, Иван и Никита перешли на сторону князя Дмитрия Шемяки, став боярами оппозиционно настроенного к центральной власти Ивана Андреевича Можайского. Можно напомнить эпизод 1446 г. с захватом великого князя Василия II во время его поездки в Троице-Сергиев монастырь, активным участником которого был Никита Добрынский.

Победив в феодальной войне, завершившейся в 1447 г., Василий II Темный конфисковал вотчины князей Добрынских, потеряли они и свои кремлевские дворы. Никита Константинович был даже схвачен, но сумел бежать из заключения вместе с семьей, сначала в Можайск, к князю Ивану Андреевичу, а затем вместе с ним в 1454 г. в Литву[30]. Земельные владения Константиновичей упоминаются в договорной грамоте 1455 г., зафиксировавшей взаимоотношения Василия II Темного с князем Василием Ярославичем[31], в духовной великого князя Василия II[32]. Василий Темный продал или передал земли опальным феодалам, поддержавшим его в борьбе с удельнокняжеской оппозицией. Интересно, что владения Константиновичей, с упоминанием даже имен Петра и Никиты, встречаются в актовом материале второй половины XV – начала XVI в., в частности, в духовной грамоте великого князя Ивана III[33]. Земли, конфискованные у Никиты Добрынского и других бояр, бежавших с Иваном Можайским в Литву, смогли купить, например, князья Семен Оболенский и Федор Челядня[34]. Кремлевские же дворы Петра, Ивана, и Никиты Добрынских великий князь Василий II отдал во владение своей жене. По духовной 1462 г. великая княгиня Мария Ярославна была "в тех дворех волна": "А что дворы оу святого Рожества Петров, и Иванов, и Микитин Костянтиновичих... и в тех дворех волна моя княгини, которым моим детем которое даст, ино то тому и есть"[35]. Затем, после смерти великой княгини Марии, эти участки Кремля вновь перешли к великому князю, теперь уже Ивану III.

В данной грамоте великого князя Ивана III 1504 г. вновь встречается упоминание о бывших дворах детей Константина Добрынского. Причем этот документ позволяет локализовать участок крепости, на котором размещались владения опальных Константиновичей в XV в. Выясняется, что это был северо-восточный угол Кремля, где в новой кирпичной крепости Москвы проложили улицу к Никольским воротам: "дворы внутри города на Москве у Рождества Христова Петровской, да Ивановской да Микитинской Констянтиновичев, и ныне по тем местом учинена улица от площади к Никольским воротам"[36].

Из этой же данной грамоты становится ясно, что под трассу новой улицы попала только часть территории дворов, исчезнувших с исторической сцены Добрынских. На каком-то из участков этих владений разместилась частная застройка: "...да останок мест Петровского, да Ивановского да Микитинского Контантиновичей, где живет протопоп Благовещенской Фома"[37]. Данная 1504 г. фиксирует передачу части территории Кремля с дворами знати купеческих фамилий младшим детям Ивана III – Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею. Так, дворы опальных Петра, Ивана и Никиты Константиновичей прекратили свое существование, пробыв в руках этих ветвей семьи Добрынских со второй половины XIV и до середины XV столетия.

Иначе сложилась судьба пятого сына Константина Добрынского – Федора Симского (он был старшим ребенком во второй семье его отца), владения которого в Кремле еще долгое время оставались за ним и его потомками. Федор Константинович проявил себя смелым и удачливым воеводой. В 1429 г. после

набега татар на Галич, погоня, организованная удельным князем Юрием Дмитриевичем, не увенчалась успехом. И только "един воевода именем Федор Добрынский да князь Федор Пестрый Давыдович, совокупишася своими дворы, и поидоша вниз Волгою после татар, и угониша их за Новым городом Нижним: и татар били, а иные убегли, а полон отполонили. Тем воеводам при животе честь, а по смерти вечная память"[38]. Нечасто можно встретить на страницах летописей столь высокую оценку ратного подвига рядового воеводы, каким был тогда Федор Симский.

В отличие от своих братьев, Федор Добрынский остался до конца верен великому князю Василию II. Он погиб в 1445 г. в известном Суздальском бою московской рати с татарами: в той битве великий князь был ранен и попал в плен. Воеводой, а затем и боярином был и единственный сын Федора Симского – Василий Образец. Именно он и наследовал кремлевский двор отца: в исторической литературе можно найти довольно подробное описание его карьеры в годы правления великого князя Ивана III, в администрации которого Василий Федорович был заметной фигурой[39]. Не вызывает сомнений и хорошее материальное положение этой ветви Добрынских. В 1485 г. в Кремле появляются первые каменные постройки на дворах частных лиц. В их числе, кроме сыновей Владимира Головы Ховрина, купца, казначея и боярина великого князя, оказался и Василий Образец Симский: "Василий Образец и Голова Володимеров сын заложиша полаты кирпичны"[40].

У Василия Образца Добрынского было два сына – Иван Хабар и Михаил Образцов, погибший под Кричевом в 1507 г. И.В. Хабар также проявил себя талантливым полководцем – его деятельность в военных кампаниях и придворная служба подробно описаны в исторической литературе[41]. Последний раз Иван Хабар упоминается в описаниях свадебной церемонии старицкого князя Андрея Ивановича.

М.В. Образцов, брат Ивана Хабара, был бездетным. Известны его вклады в Троице-Сергиев монастырь, за что его имя вписали в Синодик этой обители[42]. Среди этих вкладов выделяется икона Владимирской Богоматери (конец XIV – начало XV в.) в окладе, выполненном в технике басмы, с цатой: возможно, фамильная реликвия[43]. Сохранилась и палица с изображением Спаса в круге с памятной вкладной надписью: "А сию полицу шила Михайлова жена Васильевича Обрасцова Ульяна... в лето 7018 (1510)... при архимандрите Ионе... в Ярославль в манастырь во храм Господа бога и Спаса нашего Исуса Христа"[44]. Жена Михаила Образца известна только по вкладной записи этого памятника.

Иван Васильевич Хабаров Симский был женат на дочери казначея великого князя Д.В. Ховрина. После смерти в 1507 г. бездетного брата Михаила, Иван Хабар стал единоличным владельцем кремлевского двора семьи Добрынских, с каменными палатами, возведенными его отцом Василием Образцом. Интересное свидетельство о дворе Ивана Ивановича Хабарова (внук Василия Образца) в Кремле приведено в "Дневнике литовских послов" под 1556 г. ... генваря 28... у вовторок, в ночи, яко две године, загорелся дом в Замку вышнем боярской, Ивана Хобарева и горел четыре годины, яже до конца згорел: и на обланках замковых покрытья згорело немало"[45].

Иван Иванович Хабаров "вышел в отставку", видимо, еще в начале 50-х годов XVI в. Позже он добровольно постригся в монахи (под именем Иоасафа). Судя по всему, боярин решил избежать опалы и гибели, столь реальных в сложное царствование Ивана IV. Инок Иоасаф Хабаров довольно часто переходил из одной обители в другую по неизвестным причинам. Вкладные монастырские книги свидетельствуют об этом записями о его вкладах. В ноябре 1555 г.

И.И. Хабаров сделал крупные пожертвования в Борисоглебский монастырь в Ростове[46]. В последующие годы (1557–1569) известны многие его вклады в пользу Симонова монастыря[47]. По утверждению князя Андрея Курбского, царь Иван приказал разграбить "великие скарбы" боярина, накопленные "от праотец"[48]. Эти сведения находят подтверждение в письменных источниках. Так, в ноябре 1569 г. царь Иван IV пожертвовал Симонову монастырю "из опришнины ковш серебреной Ивановской Хабарова"[49]. Но и тогда еще семья Ивана Ивановича сохраняла в своих руках значительные земельные владения. В 1571–1572 гг. сын боярина, Федор Иванович Хабаров, вложил несколько сел и деревень в Троицу[50]. Его отец, Иоасаф Хабаров, как раз в то время жил в этой обители. В начале 70-х годов XVI в. он перебрался на север, в Кирилло-Белозерский монастырь.

В своем послании 1573 г. игумену этой обители Козьме Иван Грозный писал: "А Хабаров просит меня перевести его в другой монастырь, но я не стану содействовать его скверной жизни... Три дня в чернецах, а седьмой монастырь меняет! Пока он был в миру, только и знал, что образа одевать в оклады, переплетать книги в бархат с серебряными застежками и жуками, аналои убирать, жить в затворничестве, кельи ставить, вечно четки в руках носить. А ныне ему с братией вместе есть тяжело! Нечего мне писать о Хабарове – пусть как хочет, так и дурачится"[51]. Неудовольствие царя вызвала отнюдь немонашеская жизнь, которую вели в Кирилло-Белозерской обители некоторые представители знатных родов, искавшие в монашестве спасения от гонений (Шереметев, Собакин, Хабаров): "А ныне у вас Шереметев сидит в келье, словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят, и пьют, словно в миру... Я передавал вам устно через старца Антония о Ионе Шереметеве да о Иосафе Хабарове, чтобы ели в общей трапезной с братией"[52]. Наиболее жесткие и хлесткие эпитеты в этом письме Ивана IV обращены к Хабарову, который назван в послании даже дураком и упырем.

И хотя И.И. Хабаров спас свою жизнь в годы опричнины уходом в монахи, все же его семья лишилась значительной части имущества и богатства. Скорее всего, именно тогда же, в 60–70-е годы XVI в., Хабаровы потеряли двор в Кремле. Он размещался недалеко от Фроловских (Спасских) ворот, на спуске на Подол Кремля. Важно, что владения этой ветви древнего рода Добрынских-Симских сохранялись за ними почти два столетия. На планах московской крепости начала XVII в. этот двор обозначен под малопонятным названием "двор Хобро", или "Хобров двор". Это свидетельствует о том, что о бывших владельцах сохранились весьма смутные к тому времени воспоминания. Судя по всему, остатки каменных построек этого двора в конце XVI столетия стали использовать для хранения оружия, как арсенал (каменные палаты, видимо, еще годились для этого). Об этом свидетельствуют записки архиепископа Арсения Еласонского, двор которого временно размещался в Кремле рядом с бывшим владением Хабаровых.

Во время пребывания в крепости Москвы поляков (в 1610–1612 гг. их отряд был осажден в Кремле) в сентябре 1611 г. случился пожар, уничтоживший именно бывший двор Хабаровых-Симских: "...во внутренней крепости (*Кроме*) сгорела палата, в которой находилось сено и всякие воинские запасы"[53].

Федор Иванович Хабаров, уже не имевший былых материальных возможностей своих предков, был вынужден влезть в долги. Известно, что в залог каких-то земельных участков он взял у властей Спасо-Евфимьева монастыря "7 коней и 9 меринов за 64 рубля, 9 доспехов за 30 рублей и 150 деньгами. Кроме того, взял 200 четей ржи, полтретьяста четей овса, да опашень зуфь голуба, а на нем 12 пуговиц серебряных, да людских платьев ценой 53 рубля да 3 кафтана настрафильных, все платье ценой 53 рубля"[54].

Укажем на археологические материалы, связанные с историей рода Добрынских. Во Владимирской области, возлее с. Сима Юрьев-Польского района, есть маленькое городище, до сих пор известное под названием Хабарова Городка. Он был укреплен валом и рвом, на валу стояли деревянные стены – все это выяснилось при раскопках. Городок заброшен был в середине XVI в., о чем свидетельствует обнаруженный керамический материал. Культурный слой здесь незначителен, не более 0,2 м[55]. Само название связывает данный объект с хорошо известным боярином Иваном Хабаром Симским, сыном Василия Образца. Год его рождения неизвестен, но уже в 1506 г. он был наместником в Нижнем Новгороде. Устройство Городка нужно отнести к концу XV – началу XVI в. Видимо, Хабаров Городок является одним из наиболее поздних примеров укрепленных боярских усадеб на Руси. По археологическим данным время его существования совпадает с периодом, наиболее благоприятным в жизни семьи Хабаровых-Симских. В конце XV – начале XVI в. И.В. Хабар-Симский, а затем его сын, Иван Иванович, занимали высокое положение при дворе великого князя Василия III и царя Ивана IV. Бояре Хабаровы отличались в военных походах, где названы в числе воевод, были наместниками в крупных городах и т.д. Так, одна из ветвей рода Добрынских, давшая русской истории немало умелых и храбрых военных, оставила свой след в топографии древнего Кремля и средневековой Руси.

Анализ комплекса письменных источников и привлечение картографического материала позволяют более полно представить историю заселения территории укрепленного центра Москвы в XIV–XVI вв., реконструировать состав его землевладельцев и систему дворовладения этого района города в период средневековья.

[1] *Забелин И.Е.* История г. Москвы. М., 1990.
[2] *Скворцов Н.А.* Археология и топография Москвы. М., 1913.
[3] *Бартенев С.П.* Московский Кремль в старину и теперь. М. 1912. Т. 1; М., 1916. Т. 2.
[4] Владимирский летописец // ПСРЛ. М.; Л., 1965. Т. 30. С. 108.
[5] Там же.
[6] Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VIII. С. 210.
[7] *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 229.
[8] АСЭИ. М., 1964. Т. III. № 31. С. 53.
[9] СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 21. С. 58.
[10] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. М.; Л. 1950. С. 431.
[11] ЧОИДР. М., 1877. Кн. II. Смесь. С. 5–6.
[12] *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 139.
[13] ДДГ. М.; Л., 1950. № 21. С. 58.
[14] Там же. № 12. С. 37.
[15] СГГД. Ч. 1. № 83. С. 193.
[16] АСЭИ. Т. III. № 31. С. 53.
[17] Памятники русского права. М., 1953. Вып. II. С. 190.
[18] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. М., 1929. Т. 1. С. 18–19.
[19] Софийская 1 летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 239.
[20] АСЭИ. Т. III. № 28. С. 50.
[21] Московский летописный свод // ПСРЛ. М.; Л. 1949. Т. 25. С. 268.
[22] *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 195.
[23] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVI вв. Т. 1. С. 146–147; АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 181. С. 131; № 370. С. 270.
[24] Там же. № 499. С. 378.
[25] Там же. № 562. С. 439.

[26] Там же. № 562. С. 442.
[27] *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 438.
[28] *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 214.
[29] Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. С. 121.
[30] ГИМ. Син. Кн. 562. Л. 432 об.–434 об.
[31] ДДГ. № 58. С. 180, 184.
[32] Там же. № 61. С. 196.
[33] Там же. № 89. С. 356.
[34] СГГД. Ч. 1. № 78. С. 178.
[35] ДДГ. № 61. С. 199.
[36] СГГД. Ч. 1. № 135. С. 348.
[37] Там же. С. 348.
[38] УЛС. М.; Л., 1950. С. 74.
[39] *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 220; *Веселовский С.П.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 304–307.
[40] Львовская летопись. Рязань, 1999. С. 456.
[41] *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 221.
[42] Синодик Троице-Сергиевой лавры (2). 1575 г. (РГБ. М-8666. Л. 146 об).
[43] *Николаева Т.В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI вв. М., 1971. С. 50. (САИ. Е1-49.)
[44] Там же. С. 71.
[45] Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 48.
[46] *Титов А.А.* Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря. Ярославль, 1881. С. 22.
[47] Вкладная книга Симонова монастыря (РНБ. IV. S. 4. № 348. Л. 89–91).
[48] Сочинения князя Курбского // РИБ. СПб., 1914. Т. 31. С. 297.
[49] Вкладная книга Симонова монастыря. Л. 17.
[50] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 89.
[51] Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. М., 1986. С. 169.
[52] Там же. С. 159.
[53] Иностранцы о древней Москве. С. 176.
[54] *Сахаров А.М.* Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI–XVII вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С. 81.
[55] *Раппопорт П.А.* Хабаров Городок // СА. 1958. № 3. С. 227.

И.К. Лабутина, И.О. Колосова

ВОЕВОДСКИЙ ДВОР В ПСКОВЕ (XVII–XVIII века)*

В 1973 г. при археологических раскопках в Пскове у главного корпуса Педагогического института была раскрыта часть фундамента крупного здания с пристройками, получившего полевой номер 3. Изучение здания завершилось в 1974 г. Тогда же под его основанием был обнаружен каменный фундамент другого дома (здания 8), разобранного до возведения здания 3. При расширении раскопок на соседней территории в последующие годы (общая площадь раскопов более 0,9 га)[1] были получены интереснейшие данные по истории города в X–XVIII вв., но столь капитальных позднесредневековых сооружений, как в 1973–1974 гг., больше не открывалось.

Уже в ходе раскопок по ряду наблюдений открытый комплекс сооружений был отнесен к XVII–XVIII вв. Одним из основных аргументов для этого был планировочный, градостроительный. Близость ориентировки здания традиционной застройке, существовавшей на участке в средневековье, позволяла отнести его строительство ко времени до перепланировки Пскова в 1778 г. Тогда же предположили, что здание может быть идентифицировано с каменной постройкой, обозначенной на плане 1740 г. и выходившей восточной стороной на улицу. Эта постройка сопровождалась литерой Р (рис. 1). Согласно экспликации, здание являлось Воеводским двором.

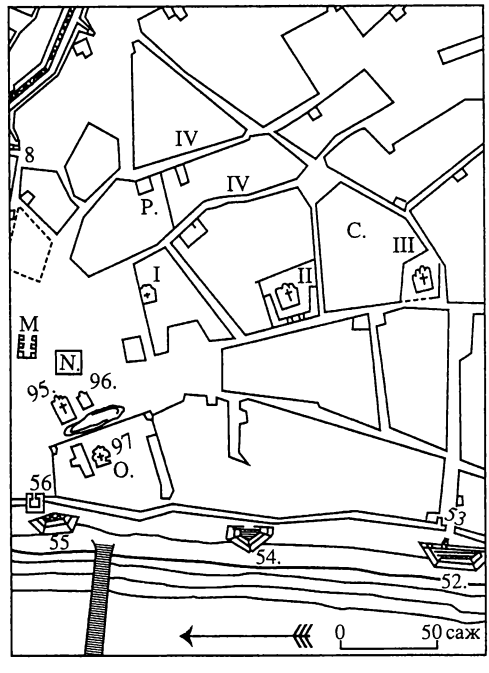


Рис. 1. Фрагмент плана г. Пскова 1740 г. по публикации Н.Ф. Окулич-Казарина (Новые данные по топографии и истории Пскова) // Тр. ПАО. Псков, 1915. Вып. 11. Вклейка)

С – Средний город; М – шатры пушечные; N – канцелярия псковская; О – казенный артиллерийский двор; Р – Воеводский двор

8 – Раковские ворота; I – церковь Георгия на Болоте; II – церковь св. Михаила и Гавриила Архангелов; III – церковь Спаса у Старого костра; IV – улицы, открытые при археологических исследованиях (римские числовые обозначения на плане введены авторами статьи)

52 – Плоская батарея; 53 – Плоские ворота; 54 – Архангельский равелин; 55 – Власьевская батарея; 56 – Власьевские ворота; 95 – церковь св. Георгия с Болота; 96 – церковь Алексея Божьего человека; 97 – церковь Воздвиженья на Княжьем дворе (№ 95–97 проставлены Н.Ф. Окулич-Казариным)

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта "Топография и хронология застройки X–XVII вв. в древней части Среднего города Пскова (по материалам археологических раскопок)", поддержанного РГНФ (проект № 99-01-00260а).

До настоящего времени открытый в 1973-1974 гг. комплекс был известен лишь по кратким публикациям информационного характера[2]. Настоящая статья является попыткой публикации основных археологических данных о памятнике и исторического комментария к ним.

Раскоп 1973–1974 гг. находился с восточной стороны главного корпуса Педагогического института. Он был охранным и совпадал в значительной своей части с проектируемым зданием столовой. Раскоп примыкал с севера и северо-востока к ранее завершенным раскопу 1968–1970 гг. Площадь раскопа 1973–1974 гг. 314 кв.м[3]. Общая мощность культурного слоя 2,8–4,5 м. Поздние отложения XIX–XX вв. вместе с остатками части одновременных сооружений были сняты механизмами. В культурном слое сохранились участки средневековой жилой застройки от рубежа XI–XII до XVI в. Под культурным слоем, в песчаных отложениях, были открыты остатки двух погребений и другие следы древнерусского некрополя Пскова X – начала XI вв.[4]

Здание 3 с пристройками (рис. 2: 1I; рис. 3: 1I, 0VII). Остатки здания 3 с одновременной восточной пристройкой (ярусный номер 1I) и несколько более поздняя юго-восточная пристройка (*здание 4*, ярусный номер 0VII) были открыты в северной части раскопа. В раскоп заходила только южная часть основного объема здания с юго-восточным углом и западная часть здания 4. Конструкции здания 3 были представлены фундаментами и стенами полуподвальных помещений; конструкции восточной пристройки и здания 4 – фундаментами. Остатки сооружений раскапывались на глубинах от 9 до 22–23-го пластов (здание 3) и 9–13-го пластов (здание 4). Вертикальные конструкции здания 3 во многих случаях заглублялись в материк, опускаясь до отметок –460, –480 см и глубже[5]. Строительные конструкции зданий существенно нарушали средневековые отложения культурного слоя.

Здание 3 было представлено фундаментами южной и восточной стен, а также внутренних стен, отделявших центральное помещение от западного и восточного. Наблюдения за соотношением конструкций и слоя позволили установить порядок устройства нижней части здания. Первоначально был вырыт котлован, соответствующий плану здания и предусматривающий сооружение подвального помещения. Дно котлована приходилось на нижнюю часть 14-го, местами – на верхнюю часть 15-го пластов[6]. По периметру котлована и по трассам внутренних стен забивались в шахматном порядке заостренные бревенчатые сваи диаметром 0,1–0,2 м и длиной преимущественно 1,8–2,0 м. Верхние отметки свай располагались в пределах 13-го пласта, с некоторым уклоном к юго-восточному углу здания. Камни-булыжники, которыми были выложены на дне котлована промежутки между сваями, имели в поперечнике 0,14–0,41 м. Они были засыпаны землей, а поверх пролиты известковым раствором и прикрыты щебнем. На плоские верхушки свай опирался нижний ряд массивных известняковых плит. Ширина свайно-валунной части фундамента на уровне 13-го пласта – от 1,7–1,9 м (под южной стеной) до 2,2–2,3 м (на 0,1–0,3 м шире каменной кладки). Выявление каменной части здания завершилось на уровне 13–14-го пластов[7] (рис. 4). Она была частично нарушена более поздней постройкой[8]. Здание 3 было трехчастным. Выявлено западное помещение, входившее в раскоп небольшой частью; его существование устанавливалось по пересечению западной стены центрального помещения с южной, имевшей продолжение к западу. Раскрыты также центральное и восточное помещения. Центральное помещение шириной 3,4–3,6 м имело вдоль южной стены внутреннюю поперечную стену, выделявшую южную внутреннюю камеру (1,8 × 3,4–3,6 м) с полом на глубине 209–225 см, сложенным из крупных известняковых плит. Ширина западной и

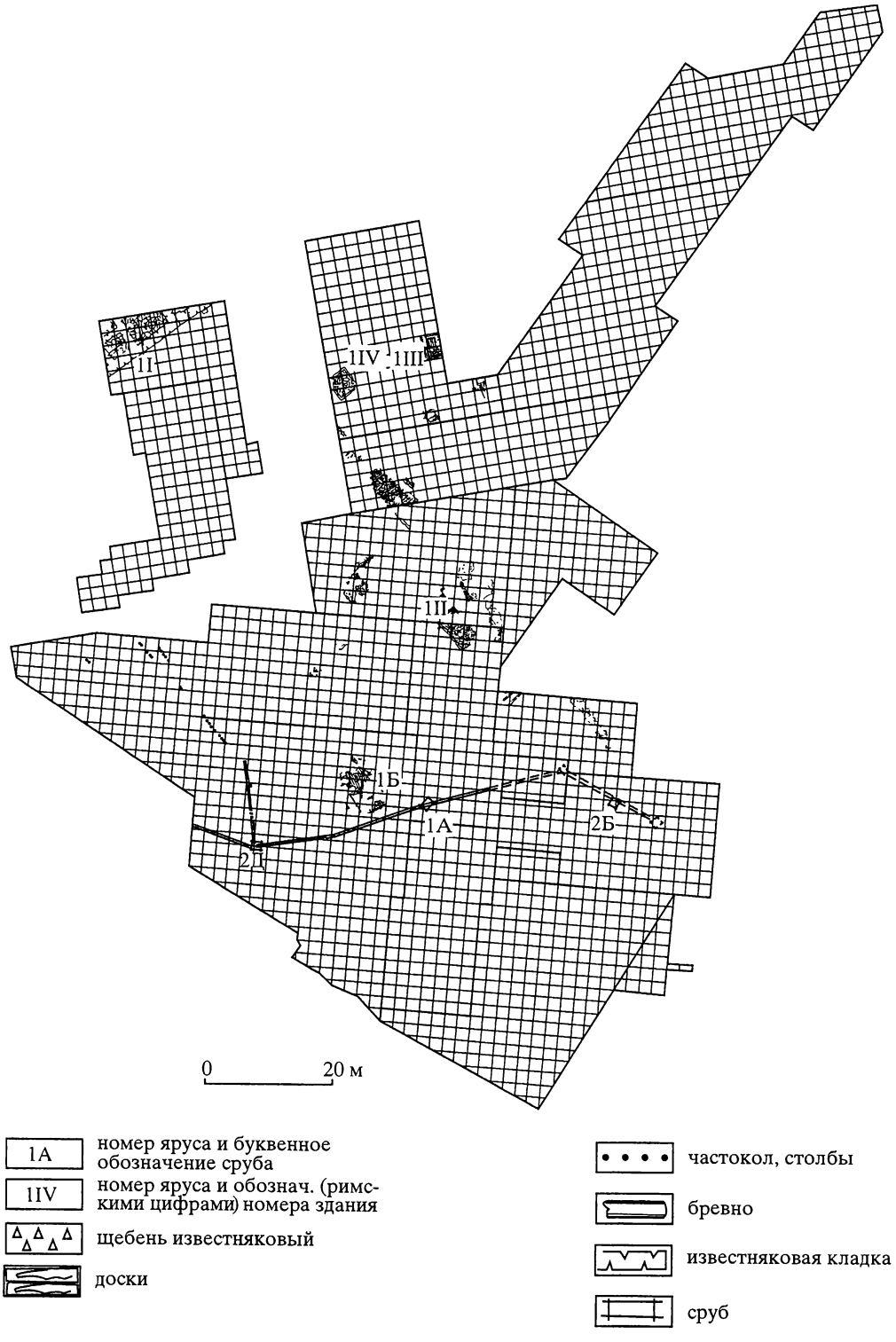


Рис. 2. Ярус 1 (вторая половина XVII в.)

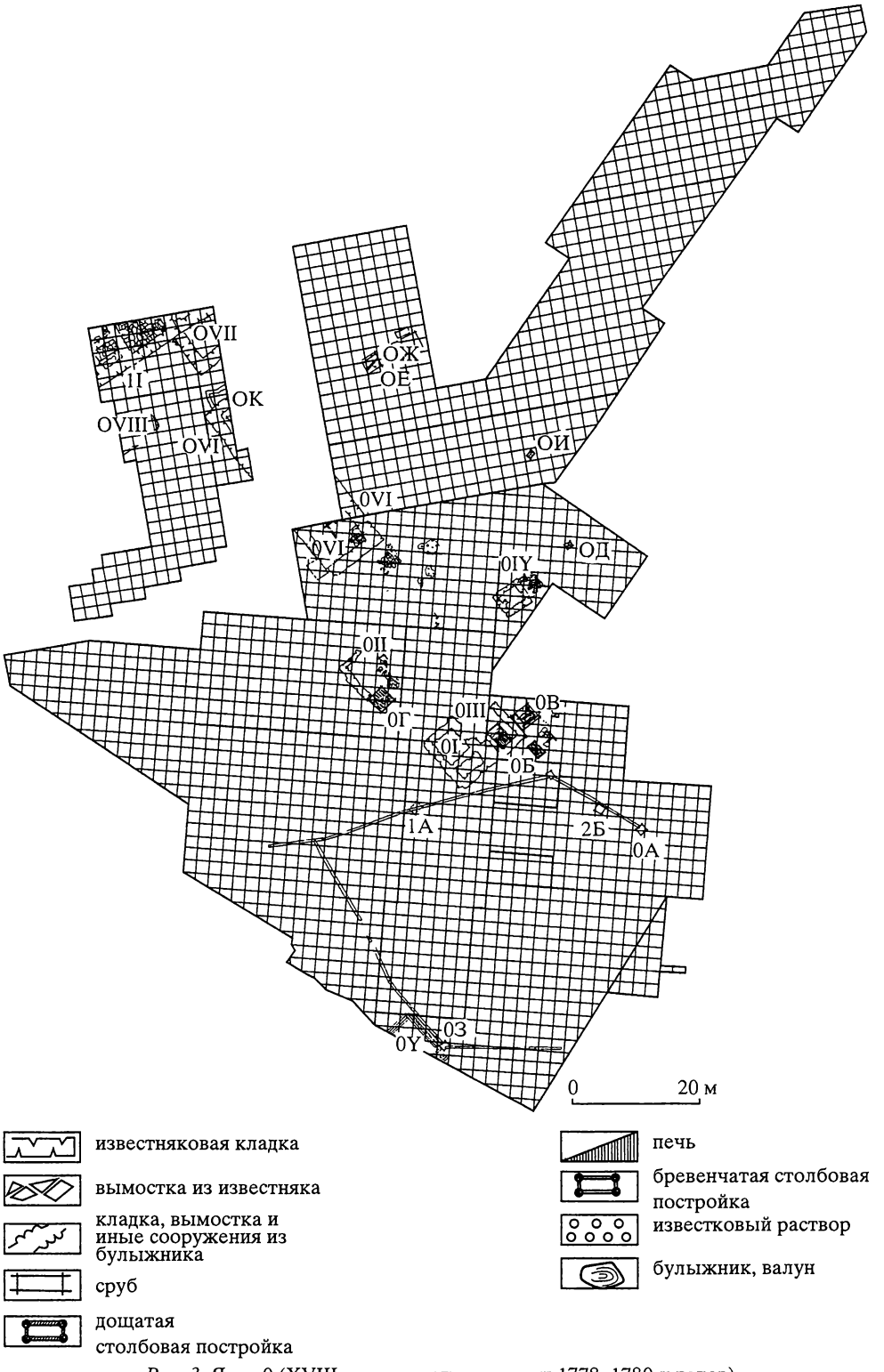


Рис. 3. Ярус 0 (XVIII в., до перепланировки 1778–1780-х годов)

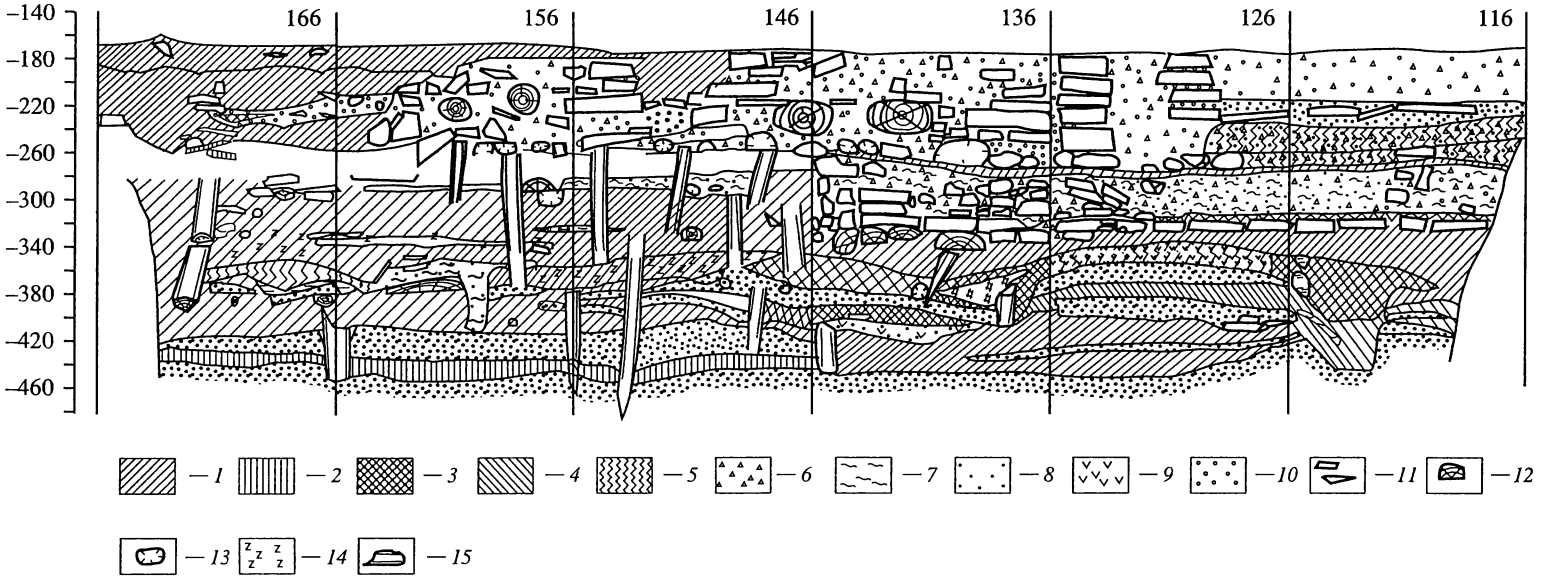


Рис. 4. Раскоп 1973–1974 гг. Профиль западной стены

1 – коричневая земля; 2 – погребенный дерн; 3 – черный углистый слой; 4 – темно-коричневая земля; 5 – серая земля; 6 – известняковый щебень; 7 – необожженная глина; 8 – песок; 9 – древесный уголь; 10 – известь; 11 – известняковые плиты; 12 – бревно или плаха в разрезе; 13 – булыжник; 14 – щепа; 15 – бревно

восточной стен помещения – соответственно 1,4–1,5 м и 1,6–1,8 м. Восточное помещение имело длину по южной стене 6,8 м и ширину по западной стене – более 5,5 м. Верхние отметки плитяного пола – 210–219 см. Плиты толщиной 3,5–4 см были уложены на песчаную подсыпку, подстилавшуюся слоем известнякового щебня с раствором или чистым известковым раствором. Верхние отметки этого песчаного слоя, заполнявшего строительный котлован здания 3, – от 262 до –274 см[9] (рис.4).

Наружные (южная и восточная) стены здания в пределах раскопа имели длину – соответственно 15,6 м (без пристройки) и 3 м. Максимальная ширина здания в пределах раскопа около 6 м. Кладка наружных стен состояла из крупных плитяных блоков на крепком известковом растворе. В центре стен прослеживалась забутовка из средней плиты; по центру же были проложены бревенчатые связи, сильно истлевшие. Аналогичным было устройство внутренних стен. Высота сохранившейся кладки наружных стен – 6–7 рядов; хуже сохранились стены центрального помещения, нарушенные фундаментом здания XIX в. Все сохранившиеся стены связаны с подземной частью здания 3. Дневная поверхность периода жизни этого сооружения относилась ориентировочно к отметкам выше –150 см от условного нуля и археологически не изучалась.

Ко времени разрушения здания 3 относится, по-видимому, слой щебня и другого строительного мусора над полом полуподвала в восточном помещении. Здесь отмечались следы большого пожара, встречались остатки конских костяков.

Для здания 3 получена серия дендродат (всего 13) для бревенчатых связей стен и свай: 1666 г. – 3 образца; 1667 г. – 3; 1668 г. – 4; 1669 г. – 1; 1671 г. –2[2*]. Таким образом, бревна для строительства заготавливались во второй половине 60-х и начале 70-х годов XVII в. По поздней дате очевидно, что строительство здания 3 велось не ранее 1671 г. Не исключено, что работы начинались при одном воеводе, а заканчивались уже при другом. С марта 1671 по апрель 1672 г. воеводой в Пскове был окольничий, князь Константин Осипович Щербатово; с марта 1674 по июль 1675 г. – боярин, князь Иван Андреевич Хованской с сыном, стольником Андреем[10].

Наблюдения А.П. Барсукова могут быть уточнены. Имеются документы, упоминающие князя Константина Осиповича Щербатово как псковского воеводу в ноябре[11] и декабре 1672 г[12]. В опубликованных документах, относящихся к июню 1673 – началу января 1674 г., псковским воеводой называется окольничий Василий Степанович Волынский[13] В октябре 1674 г. на псковском воеводстве был боярин Иван Андреевич Хилков[14], он же известен как воевода – автор отписки в Посольский приказ, датируемой тем же годом, ранее 18 декабря[15].

Восточная пристройка к зданию 3 в раскопе была представлена лишь участком южной стены, размещенной как продолжение южной стены здания. В месте примыкания к восточной стене здания 3 прослеживался шов, что создавало впечатление разновременности сооружений[16]. Каменный фундамент постройки был сложен на довольно рыхлом растворе, кладка была небрежной, что тоже отличало две соседние части комплекса. Однако в ходе разборки стены восточной пристройки были получены свидетельства одновременности ее зданию 3. На уровне 10–11-го пластов в забутовке стены были обнаружены общие деревянные связи стены пристройки с углом основной части здания 3. Стена пристройки была заглублена в траншею (ров) и уложена на сваи, забитые в землю

[2*] Определения Н.Б. Черных.

и укрепленные по дну траншеи булыжниками[17]. Свайно-булыжное основание фундамента пристройки было аналогично с устройством его в основном здании, хотя отличалось сравнительной небрежностью. Дендрохронологическое определение спилов, взятых со свай восточной пристройки было следующим: 1662 г. – 2 образца; 1666 г. – 1; 1668 г. – 3; 1669 г. – 3; 1671 г. – 1.

Одинаковая со зданием 3 поздняя дата, как и в целом близкий диапазон дат, позволяет констатировать одновременность основного здания и восточной пристройки. Очевидно, что пристройка не имела подвального помещения и по-видимому была менее капитальной, чем основное здание. Среди находок, связанных со зданием 3 и восточной пристройкой – фрагменты характерных для XVI–XVII вв. керамических изделий: сосудов-водолеев и фляг с зеленой поливой, дугообразных кирпичей для облицовки свода топки печи, красноглиняных колончатых изразцов, ручек от крышек. Часть из них происходит из забутовки стен; строительная керамика могла быть связана с разрушением более древних зданий. В контурах рассматриваемого здания, а также в забутовке фундамента найдены фрагменты оконных стекол. Интересна находка медной монеты 1771 г. (кв. 146, пл. 12: под фундаментом позднего здания 6) и медной прямоугольной иконки (кв. 126, пл. 12).

По своим размерам (южный фасад с пристройкой превышал, по-видимому, 30 м в длину) здание 3 относилось к числу крупных сооружений. В его плане прослеживаются черты, характерные для многих памятников Пскова XVII в., например, трехчастность[18]. Устройство фундамента здания 3 находит параллели в описаниях строительства каменных палат в Пскове в 80–90-е годы XVII в. Так, в сохранившейся смете 1689 г. на строительство каменной Приказной палаты, взамен прежней деревянной, сгоревшей 14 сентября 1688 г., предусматривались "под полатное строение место очистить и ров выкопать, и сваи набить, и подошва утвердить", а работникам за это уплатить 120 руб. Необходимо было "камня дикого на розбивку меж свай пятьсот возов, по осми денег воз с провозом, итого дватцать рублевъ... на связи сто дерев доброго кромного лесу... на полатное строение шестьсот саженей плиты доброй". Здание Приказной палаты должно было состоять из трех (нижних ?) помещений: первого – в 13 сажен на 6 с 1 аршином; сеней – 4 на 5 сажен, третьего – размерами 6 (3 + 3) сажен на 7 сажен[19]. Воевода П.М. Апраксин, описывая построенное здание, сообщал, что "под полатою рвы копаны до самого самородного каменья и те рвы укреплены лежнями и учинена подошва накрепко"[20] В 1694 г. был построен каменный амбар на площади, "сообщалось, что по стенам того анбару копаны рвы и биты сваи накрепко и кладены лежни"[21]. В росписи построек новгородского Воеводского двора (1693 г.) отмечены "сваи и бут" под стеной между Покровской церковью и "полатой воротней"[22].

В северо-восточной части раскопа 1973–1974 гг. была выявлена более поздняя пристройка к зданию 3 (*здание 4*). В раскоп вошла только западная часть сооружения (рис.3: 0VII). Западная стена здания 4 примыкала торцом к шву между восточной стеной здания 3 и южной стеной восточной пристройки к нему; эта последняя выполняла роль северной стены здания 4 (0VII). На уровне 9-го пласта (глубина 180–200 см от условного нуля) полностью выявились контуры постройки. Ее фундамент был заглублен в траншеи и составлен крупными блоками известняка толщиной 0,1–0,3 м на прочном желтовато-розовом растворе, отличавшемся от раствора, который использовался при строительстве здания 3. Ширина стен здания 4 составляла 1,9 м, длина западной стены по внешней стороне – 7,2 м, по внутренней – 5,2 м; южная стена заходила в раскоп на 3,9 м

(по внешней стороне). Сохранились два-три ряда кладки. Под каменной кладкой фундамент был устроен иначе, чем в здании 3: здесь под каждой из стен были уложены по три массивных продольных бревна, промежутки между ними были заняты валунами и булыжниками, диаметр бревен – 0,2–0,26 м, валуны и булыжники – от 0,1 до 0,5 м в поперечнике. Щели между валунами и бревнами были засыпаны щебнем, раствором; встречались и фрагменты отшлакованных красноглиняных изразцов и киотов из какого-то более раннего сооружения. Траншеи для фундамента обеих стен были вырыты примерно на одну глубину (под западной стеной – на 0,05–0,25 м глубже), дно их находилось на уровне 12–13-го пластов. Стык фундаментов обеих стен отчетливо прослеживался в нижней части 12-го пласта. Южные торцы бревен фундамента западной стены почти вплотную подходили к северному бревну южной стены. На торцах имелись проушины.

Особенностью в устройстве фундамента под западной стеной была закладка булыжником пространства между стенками траншеи и крайними лежнями. Вдоль северного участка западной стены были зафиксированы столбы-сваи, поддерживавшие фундамент. В контурах здания 4 в кв. 125 был раскрыт погреб (?) из вертикальных плах, примыкавший к южной стене пристройки в контурах здания 4; он заглублялся до уровня 20-го пласта. Так называемый погреб пострадал во время пожара. На уровне 11–12-го пластов в его заполнении шел слой глины, в нижней части сооружения – щепа, имеется несколько фрагментов деревянной посуды; найден также массивный железный ключ, характерный для запоров XVI–XVII вв.

Для юго-восточной пристройки к зданию 3 (здания 4) удалось получить четыре дендродаты: 1703 г. – свая, крепящая снаружи западную стену фундамента, 1703, 1704, 1705 гг. – бревна (лежни) фундамента. Данные дендрохронологии свидетельствуют о том, что юго-восточная пристройка была сооружена примерно через 30 лет после здания 3. Ее планировочная связь с прежними постройками Воеводского двора свидетельствует о том, что в начале XVIII в. здание 3 с восточной пристройкой продолжало функционировать. На планах конца XVIII и XIX вв. охарактеризованные выше сооружения отсутствуют. Это позволяет предположить, что здания 3 и 4 прекратили свое существование в ходе перепланировки, начавшейся в 1778 г.

В 6,5 м к юго-востоку от описанного выше комплекса в раскопах Б (1973–1974 гг.), XII (1986–1987 гг.) и XV (1990 г.; не закончен) изучалось основание прямоугольного в плане *здания 5*, вытянутого вдоль улицы (рис. 3: 0VI). Были выявлены фундаментные конструкции частей северо-западной, юго-западной и северо-восточной и южной стен, причем местами удалось проследить и наземные части стен, сложенных из плиты[23]. Длина здания – около 33 м, ширина – 10,2 м. Ширина стен на уровне фундамента – 1,8–2,2 м. В двух местах прослеживались вперевязку с северо-западной стеной небольшие участки внутренних поперечных стен. Устройство фундамента здания 5 – точно такое же, как и у юго-восточной пристройки к зданию 3 (здание 4). В северо-западном углу здания находился дубовый сруб, вероятно, служивший погребом. К северной стене здания примыкала поздняя выгребная яма с облицованными камнем стенками; в ее заполнении – мусор XIX–XX вв. У юго-восточной стены здания выявлена вымостка прямоугольной формы из известняковой плиты. Она отмечает уровень дневной поверхности времени существования здания 5, от –70 до –83 см от условного нуля[24].

Для фундаментных конструкций здания 5 получены три дендродаты: 1687, 1691 гг. – бревна (лежни) фундамента, 1704 г. – подкладка под фундамент западной стены.

К западу от здания 5, в пределах раскопа А (1968–1970 гг.) сохранились остатки еще одной постройки – *здания 2* (рис. 3: 0VIII). Они представлены фрагментом фундамента восточного угла и небольших участков примыкавших к нему стен в виде известняковой кладки на глиняном растворе[25]. Ширина стен 0,6 м, они сохранились на высоту от 1 до 6 рядов. Постройка была разрушена фундаментом здания XIX в.

Итак, и дендродаты, и конструктивные особенности фундаментов указывают на то, что здания 4 и 5 строились одновременно, в начале XVIII в. Вопрос о том, входили ли здания 2 и 5 в комплекс Воеводского двора, остается открытым: границы двора не прослеживаются, его подробные описания пока не известны. Точного соответствия крупному зданию 5 на плане 1740 г. найти не удалось. На плане 1857 г. близкое положение и ориентировку имеет деревянный нежилой дом[26]. Возможно, что это новый дом на старом каменном фундаменте. Не исключено, впрочем, что и здание начала XVIII в. было деревянным на каменном подклете и именно поэтому отсутствует на плане 1740 г. Может быть, и юго-восточная пристройка к зданию 3 (здание 4) также имела только каменный фундамент: палаты Воеводского двора на плане 1740 г. показаны без каких-либо пристроек к ним.

В начале XVIII в. Псков становится базой комплектования и снабжения войск, действовавших в Прибалтике. Были проведены значительные по масштабам работы по перестройке Псковской крепости. Вероятно, после победы русских войск под Нарвой (1704) и последнего большого сбора войск в Пскове (1705) велась реконструкция Воеводского двора. Отметим в связи с этим упоминание в качестве топографического ориентира палат "бывшего ближнего кравчего и обер-коменданта Кирилы Алексеевича Нарышкина" в купчих грамотах 1741 и 1742 гг. В этих документах речь идет о дворе "в Великоулицкой сотне в приходе Петропавловской церкви с буя на болшой улице идучи от площади к означенной... церкви на правой стороне", близ выходивших на р. Пскову Раковских ворот Среднего города (рис. 1:8), в 29 саженях от палат К.А. Нарышкина[27]. Нарышкин был воеводой в Пскове в 1697–1699 гг.[28] В начале XVIII в. он упоминается как ближний кравчий (1705), обер-комендант над Псковом и Нарвой, позднее – как московский губернатор[29]. Известно письмо Петра I К.А. Нарышкину от 24 февраля 1708 г. об опасности подхода шведов к Пскову и необходимости укрепления города[30]. Нарышкину адресовано донесение псковского коменданта Гульца о страшном уроне, нанесенном Пскову эпидемией чумы в 1710 г.[31] Как нам представляется, данные письменных источников и археологические материалы позволяют связывать с именем Нарышкина реконструкцию Воеводского двора и отнести ее к 1705–1710 гг.

В 1974 г. в северной части раскопа Б под фундаментом здания 3 были открыты конструкции более раннего *здания 8*; они являлись опорой для части фундамента здания 3[32]. Здание 8 заходило в раскоп юго-восточным углом и южной стеной, а также частично юго-западным углом. На уровне 15-го пласта остатки здания были представлены пятном строительного мусора – плитой, щебнем, глиной. Ниже выявились контуры стен здания, сложенных на глиняном растворе. Эта черта отличала постройку от здания 3, при строительстве которого применялся известковый раствор.

Южная стена здания сохранилась на высоту 4–6 рядов кладки. Ширина стены около 1,3 м. Стена была сложена из плит разного размера, причем наиболее крупные из них лежали в нижнем ряду кладки, на деревянных конструкциях, и также употреблялись на лицевые части кладки с внутренней стороны здания. По южному фасаду, со стороны котлована, кладка была выполнена неровно.

Центральная часть кладки представляла собой скорее забутовку. В нижнем ряду кладки прослежены плиты и валуны, изнутри в кладке стены – выступ в 15–16 см, который возвышался над полом на 15 см. Здесь же в кладке стены имелась выемка шириной около 120 см, соответствовавшая срединной части выступа; в этом месте, вероятно, находился порог или пята арки. Восточная стена была сложена так же, как и южная. Кладка сохранилась на высоту от 30 до 50 см и опиралась на деревянные лежни. Стена была несколько наклонена внутрь здания. Горизонтальные деревянные конструкции были представлены бревнами (плахами?), подтесанными с одной стороны, уложены круглыми сторонами вверх. В плане эти лежни точно совпадали с кладкой. Диаметр бревен – до 30 см. Под каждой из стен – по три бревна. Под южной стеной, кроме того, лежали еще три плахи, уложенные плоской стороной вверх под северной частью стены; они поддерживали упомянутый выше уступ.

Внутри здания открывался пол из известняковых плит; края плит, как правило, подогнаны друг к другу. Плиты лежали на земле, на уровне нижнего ряда кладки стен. Местами под ними прослеживалась подсыпка из песка и мелкого щебня. Плиты пола перекрывались углистым слоем строительного мусора. В центре открытого помещения, на равном расстоянии от его внешних углов, открывалось круглое основание столба, сохранившее три ряда кладки на очень прочном известковом растворе. Диаметр столба – около 1 м. Он опирался на пол, под которым были устроены деревянные подкладки из плах круглой стороной вверх, залегавших параллельно южной стене здания. Пол под давлением столба осел в швы между подкладками. Этим объясняется его уклон в сторону столба. Для столба под полом была устроена опорная площадка из четырех плах. Под плахами – сваи, забитые довольно плотно друг к другу, которые образовали квадрат со стороной 1,3 м. Всего было выявлено более 100 свай высотой до 40 см.

Итак, в раскоп вошла часть подвального помещения здания и фундаментные конструкции. Уровень дневной поверхности для здания в пределах раскопа проследить не удалось. Отложения этого периода оказались уничтоженными при строительстве более позднего здания 3. Находки в пределах здания 8 были немногочисленными. Среди индивидуальных находок – железный нож, бронзовая пластина с элементами растительного орнамента, костяной скребок и фрагмент красноглиняного печного изразца с рельефным узором. Подобные изразцы встречались и в забутовке здания 3, при строительстве которого мог быть использован материал из разобранного здания 8. Постройка по стратиграфическим наблюдениям была отнесена к второй половине XVI–XVII вв. Для деревянных фундаментных конструкций получены 10 дендродат: 1564, 1570 гг. – сваи; 1568 г. (три образца) – подкладки под столб, 1566, 1568 гг. (четыре образца) – подкладки под фундамент восточной стены.

Не исключено, что здание 8 относилось к раннему этапу существования Воеводского двора. Во всяком случае, каменное гражданское здание для Пскова конца XVI – первой половины XVII в. было редкостью. Возможно, здание пострадало от крупных пожаров начала XVII в. Известно, что в пожарах 1607 и 1609 гг. сгорел весь город[33]. В то же время, между остатками зданий 8 и 3 нет никаких прослоек; видимо, первое из них разбиралось непосредственно перед строительством второго. По особенностям изображения Воеводского двора на плане 1740 г. (почти квадратная в плане каменная постройка), Ю.П. Спегальский датировал палаты концом XVII в.[34]

В 1948 г. Ю.П. Спегальским были произведены обмеры остатков каменной постройки XVII в. у моста через р. Пскову, на месте бывших колясных рядов.

Именно это здание он считал старой резиденцией псковских воевод (до конца XVII в.). Палаты находились у фланговой крепостной стены Среднего города, там, где из города к стене примыкало старое Снетогорское подворье, отведенное в 1510 г. под двор псковских наместников; тогда же монастырский приезжий двор был перенесен на Запсковье. Ю.П. Спегальский предположил, что позднее, когда наместников сменили воеводы, двор стал называться воеводским и, поскольку он был тесен, к нему присоединили участок за пределами крепостной стены, пробив в ней ворота, сохранявшиеся еще в начале XX в.[35]

По писцовой книге И. Вельяминова, к 1627 г. "место дворовое псковского наместника меншого" в Среднем городе на Петровской улице было уже вновь подворьем Снетогорского монастыря; из построек здесь по документам известны только церковь Иоанна Богослова, кельи и монастырские житницы[36]. Об этом подворье как резидеции второго (младшего) псковского наместника в XVI в. упоминает и А.Н. Кирпичников. Он отметил, что в 1621 г. подворье было возвращено монастырю. Мнение Ю.П. Спегальского о том, что после смены псковских наместников воеводами это монастырское подворье стало называться воеводским двором, представлялось А.Н. Кирпичникову неубедительным[37].

Не вносят ясности в вопрос о местоположении воеводских палат и записи в дневнике голландского путешественника Николааса Витсена, посетившего Псков в декабре 1664 г. Он отмечал, что по пути следования в отведенный для постоя посольства двор, он видел жену воеводы, смотревшую на иноземцев из окна. На следующий день после прибытия в Псков члены посольства посетили двор воеводы князя Ф.Г. Ромодановского и были проведены в большой покой. Н. Витсен посетил воеводу и перед отъездом из Пскова; знал он и о том, что в Пскове одновременно управляли два воеводы[38]. Голландское посольство направлялось в город по пути вдоль р. Великой, мимо Снетогорского монастыря, но через какие ворота оно въезжало в город, неясно. Если голландцы проезжали по Запсковью улицей Званицей (Варлаамовской), а далее – по мосту через р. Пскову и по Великой улице к посольскому двору на Полонище, то у моста они могли видеть каменное здание, которое Ю.П. Спегальский считал старыми воеводскими палатами. Часть северного фасада первого этажа палат видна в настоящее время; в 1957 г. второй этаж был разобран, а помещения первого этажа засыпаны. Сохранившаяся часть здания состоит из нескольких (не менее десяти) разновременных сооружений XVII в.[39]

После пожара 1682 г. территория подворья по распоряжению из съезжей избы была роздана "на денежной оброкъ псковскимъ жителемъ на дворовое строенье", что вызвало законный протест монастырских властей, добившихся в 1684 г. грамоты о возвращении ее монастырю[40].

Упоминания о Псковском воеводском дворе содержатся и в других документах 80-х годов XVII в. Среди них – челобитная, поданная псковскими посадскими людьми об освобождении их от строительства воеводского и дьячего дворов, сгоревших в пожаре в ночь с 11 на 12 мая 1682 г. Из отписки воеводы князя Голицына от 22 мая 1682 г. известно, что пожар начался в Окольном городе в монастыре Василия на Болоте, причем погорело множество дворов. Посадские люди жаловались, что сильно пострадали от пожара и ссылались на то, что в Новгороде дворы воевод и дьяков строились на средства казны. Их недовольство вызывало и то, что воеводы и дьяки, уезжая из Пскова, разоряли эти дворы ("все запасы распродают"), а восстанавливали их все горожане[41]. Просьба посадских людей была удовлетворена. С челобитной об освобождении крестьян от постройки воеводского двора обращался также митрополит Маркелл[42]. Стрельцы также просили освободить их от работ на воеводском дворе после

пожара 1682 г.[43] Эти просьбы были удовлетворены властями. Сведений о восстановлении воеводского двора после пожара 1682 г. нет.

В описании ущерба от пожара 1 июля 1687 г. воеводский двор не упоминается[44]. В начале 1688 г. посадские люди вновь подали челобитную об освобождении их от восстановления казенных построек (воеводского и дьячего дворов, тюрем, караулов, моста), так как они сильно пострадали от пожара в 1687 г. При этом посадские люди ссылались на решение, принятое по их делу в 1682 г. В результате было отдано распоряжение о восстановлении этих построек крестьянами, а посадским людям в том строении быть по-прежнему десятой долей"[45]. Предписывалось "городовые и мостовые места и воеводские и дьячии дворы", которые "после пожарного времени не достроены... доделать посадским людям которые не погорели". 13 марта 1688 г. произошел новый крупный пожар. О нем сообщается в отписке воеводы П. Головина и дьяка Б. Корелкина: "В седмом часу дни волею божию учинился пожар на воеводцком дворе на котором жил я холоп ваш Петрушка в караулне в которой стояли стрелцы от печи прогорела стена а от того згорели на том дворе хоромы и всякое строение да беломестцев и всяких чинов людей шесть дворов да посацких людей два двора..." На следующий день большой пожар произошел на Запсковье[46].

Следует отметить также сильнейший пожар 8 ноября 1710 г., во время которого погорел весь город[47]. Огнем были уничтожены все деревянные постройки, частично уцелели лишь каменные палаты и церкви. После пожара и морового поветрия, по данным переписи 1711 г., в Петровской сотне осталось всего 18 дворов, а в Великоулицкой сотне – 23; из 19-тысячного населения города уцелело лишь 5714 человек, т.е. менее трети[48].

Источники 30–40-х гг. XVIII в. свидетельствуют о том, что после этих событий Воеводский двор так и не был восстановлен. 1 мая 1733 г. появился указ Сената, согласно которому воеводы в Пскове должны были жить, как и в других городах, в воеводских или других свободных казенных домах, а если таковых не было, то на монастырских подворьях, "покамест воевоцкие дворы построены будутъ". Во Пскове же, как отмечалось в указе, "имеется Воевоцкой двор немалой зъ доволными каменными и деревянными покои, въ котором изъ давнихъ летъ воеводы жили безъ нужды, такожъ и монастырскихъ городовыхъ подворьевъ с каменнымъ немалымъ строением имеется доволное число". В связи с этим воеводе князю Сонцову предписывалось съехать со двора, принадлежавшего псковскому посадскому человеку Ивану Большому Трубинскому. В челобитной, поданной братом Ивана, отмечалось, что, вопреки воеводской инструкции, еще прежний псковский воевода Давыдов в 1727 г. занял каменный и деревянный "кожевенного заводу" дом Ямского. Здесь же жил после Давыдова и воевода Плещеев, смененный в Пскове князем Сонцовым. Ефим Трубинский писал в челобитной, что от "насилства и своеволного вступления те домы пришли в немалое разорение и пустоту, и в них некоторые сараи погнили и розвалились", а его брату Ивану негде жить. Указом Сената воеводе предлагалось жить на имеющемся в Пскове Воеводском дворе, "а ежели на том воевоцком дворе за ветхостью жить не можно, то пока оной починенъ будетъ, на монастырскихъ городовыхъ подворьяхъ"[49]. Двор Никифора Ямского, в котором жили в 1727–1733 гг. псковские воеводы, находился в северо-восточном углу Среднего города. Остатки двух каменных домов сохранились до наших дней (ул. Воровского, 6). Участки под двор были приобретены Ямским в 80-е – начале 90-х годов XVII в.[50]

Видимо, показанный на плане 1740 г. Воеводский двор все же не был пригоден для жилья. В копиях купчих грамот начала 40-х годов XVIII в. на дворы он

упоминается как пустой. Так, в марте 1740 г. вдовой дьячка ц. Георгия с Болота Лентия Григорьева, Марфой Ильиной, дочерью был продан дворцовому бобылю, псковскому городовому жителю Петру Григорьеву сыну двор в приходе этой церкви, в переулке, ведущем от провинциальной канцелярии (рис. 1: N) к Большому ряду Торга, на правой стороне, "против *бывого воеводцкого пустого двора*". В проданном дворе находились изба с сенями и хлев, а также огород; площадь двора 5 × 8 сажен. В купчей уточнялось, что при входе во двор справа оказывалась ц. Георгия с Болота, а слева – пустой переулок[51]. Это место легко определяется по плану 1740 г. Церковь, не сохранившаяся до наших дней, находилась в юго-восточной части современной площади Ленина[52] (рис. 1: I). В офицерской описи ц. Георгия с Болота в Острой лавице (1763 г.) приводятся сведения о казенном дворе при храме, выходившем на улицу, "которая пошла от канцелярии к торгу"[53]. В XV в. эта улица, вероятно, называлась Острой лавицей; она изучалась археологами в 1968–1970, 1983–1985 гг. В XVIII в. она была безымянной. Воеводский же двор, судя по плану 1740 г. и археологическим данным, выходил на другую улицу, располагавшуюся восточнее и археологически изученную в 1981–1982, 1986–1990 гг.; в XV в. она, возможно, называлась Куклиной лавицей[54]. "*Бывший прежних воевод пустой каменный двор*" назван в купчей грамоте, которая датируется 26 ноября 1741 г. Местоположение этого двора, проданного бобылем, псковским городовым жителем Стефаном Микифоровым сыном Ершовым сыну пономаря Григорьевского Путятина монастыря Анания – Дмитрию, определено в купчей следующим образом: в Среднем городе, в Великоулицкой сотне, в приходе ц. Петра и Павла, "что во Пскове на бую идучи с площади по болшой улице к болшому ряду на левой стороне на белом безоброчном месте". Во дворе отмечается хоромное деревянное строение, а позади двора – яблоневый и вишневый сад и огород. Размеры двора – 10 сажен без полуаршина вдоль улицы (переулка), в глубину от улицы – 21,5 сажен, а позади огорода и сада – 6,5 сажен. Воеводский двор находился от проданного через улицу[55]. 25 июня 1742 г. Дмитрий продал двор дьякону ц. Козмы и Демьяна с Запсковья за 15 руб.; в купчей вновь отмечается, что через улицу от двора – "*псковских воевод пустой каменный двор*"[56].

Судя по описанию проданного двора, его значительный участок приходился на северную часть раскопа XIII (1986–1989 гг.)[57]; отметим, что здесь напластования XVIII в. были разрушены фундаментами поздних зданий. В документах отмечается, что двор находился между огородами псковского купца Осипа Старкова. О приобретении Старковым дворового пустого белого места "в Середнем городе в Петровском сте на болшой улице" у часовщика архиерейского дома Федора Данилова, сына Медникова, известно из купчей от 20 января 1724 г.[58] О том, что в этом документе речь идет именно об участке близ Воеводского двора, свидетельствует запись в книге сбора оброчных денег 1760 г. о получении 20 копеек с четвертью с псковитина посадского человека Осипа Старкова за приписное место, "что напредь было архиерейского чесовщика Федора Данилова, которое имеется в Петровской сотни идучи от площади к Петровской улицы к Петровской церкви на правой стороне *возле воеводского двора*"[59]. Таким образом, Старков владел участками возле воеводского двора и напротив него, через улицу. Двор Осипа Старкова возле воеводского двора упомянут в книге 1760 г. еще раз, но уже в составе Кстовской сотни[60]. В перечне дворов Петровской сотни в этой же книге есть также сведения о находившихся напротив Воеводского двора дворовых местах дьячка ц. Георгия на Болоте Агея Абросимова[61].

В донесении псковского воеводы М. Пущина в Камер-коллегию от 28 июня 1749 г. сообщалось, что за неимением в Пскове Воеводского двора он жил в до-

ме генерал-майора А.Д. Татищева. Этот дом пострадал в пожаре, и Пущин просил выделить деньги на приобретение этого двора и ремонт построек. В указе из Камер-коллегии предписывалось "обыскать место, на котором имеется воеводской двор... то на строение того воеводского двора сколько потребно лесу и других материалов порознь и по какой цене материалов и работным людям... денег дать надлежит, и во что подлинно то строение стать может, учиня верную и исправную смету и тому строению чертеж ..." Предписывалось также обследовать двор Татищева и выяснить, какие средства необходимы на его покупку для воеводы и восстановление после пожара[62]. Сведений о последующем восстановлении Воеводского двора нет.

Открытые при археологических исследованиях фундаментные конструкции каменных зданий включаются в состав трех строительных периодов (ярусов): нулевому (XVIII в.), первому (вторая половина XVII в.) и второму (середина XVI в. – середина XVII в.). В Пскове еще при раскопках 1960–1970-х годов сложилась практика фиксации и детального изучения не только средневековой застройки, но и сооружений раннего нового времени. В XVIII в., до перепланировки 80-х годов, сохранялись почти все особенности традиционной средневековой топографии и микротопонимии города. Комплексное изучение различных типов источников (археологических, письменных, изобразительно-графических) позволяет воссоздать историю застройки в древней части Среднего города на протяжении восьми столетий – с конца X в. до перепланировки екатерининского времени.

Понятие "0 ярус" было введено в полевом сезоне 1981 г., когда были выявлены остатки сгоревших сооружений, сопровождавшиеся нумизматическими находками XVIII в. Гибель сооружений связана, по-видимому, как с перепланировкой, начавшейся в 1778 г., так и с грандиозным пожаром 1788 г., о котором писал Н. Ильинский[63]. Фиксация поздних остатков оказалась полезной прежде всего для изучения стратиграфии в целом, так как позволила выявить, хотя и на ограниченном участке, хронологически маркированный слой, перекрывавший средневековые напластования. В дальнейшем при раскопках еще в нескольких местах были встречены следы наземных сооружений и пятен строительного мусора первой половины и середины XVIII в. В основном же постройки этого времени были представлены фундаментными и подвальными конструкциями, заглубленными в средневековый слой, которые имели сходную со средневековыми постройками ориентировку, согласованную с традиционной уличной планировкой; последняя нашла отражение на планах и иконах XVIII в. Хронологические рамки "0 яруса" – от начала XVIII в. до 1778 г. Состояние исходного материала пока не дает возможности точно определить границу между "первым" и "0 ярусами". Объекты, отнесенные к "0 ярусу" показаны на рис. 3. Они неравнозначны: это и пятна строительного мусора, отражающие уровень дневной поверхности для сооружений XVIII в., и крупные каменные здания, в том числе входившие в комплекс Воеводского двора. На рис. 2 показаны сооружения второй половины XVII в. (ярус 1); некоторые из них сохранялись и в XVIII в.

Постройки, входившие в комплекс Воеводского двора, располагались вдоль юго-западной стороны улицы, показанной на плане 1740 г. (рис. 1). Замощение улицы на уровне "0 яруса" не прослеживалось. Лишь на небольшом участке к юго-западу от здания 0VI (рис. 3) по трассе улицы были выявлены пятна щебня мощностью 10–15 см. Они отмечают уровень дневной поверхности для сооружений XVIII в. в центральной части раскопанной территории: от –71 до –79 см от условного "0". Мощение щебнем отмечено для этой улицы в конце XIII в., а также для отдельных участков в XIV – первой половине XV в. Широкое использо-

вание известняковой плиты следует рассматривать как одну из особенностей замощения средневековых псковских улиц[64]. Во второй половине XVII в. улица имела традиционное замощение из бревен и плах на бревенчатых лагах. В пределах раскопов XII и XIII, к юго-востоку от здания 3 (рис. 2: 1I), открыт участок мостовой протяженностью около 16 м и шириной до 3,3 м (рис. 3). Отметим, что на замощение псковских улиц бревнами обратил внимание Н. Витсен, посетивший город в 1664 г.[65] Далее, к юго-востоку, в пределах раскопа XV, вдоль юго-западного края улицы, открыт участок уличного ограждения, от которого сохранилось бревно и овальные в плане возвышения, из обожженной глины, плиты (до четырех рядов) и бревна высотой около 0,5 м. Уличное замощение представлено здесь пятнами древесного угля с примесью песка и глины, а также щебня. Уровень дневной поверхности для замощения второй половины XVII в. по трассе улицы – от –110 до –126 см от условного "0", что на 30–40 см ниже уровня дневной поверхности для сооружений XVIII в. К западу от этой улицы по плану 1740 г. известна еще одна (рис. 1: IV), но конструкций, относящихся к XVIII в., здесь выявить не удалось, а к XVII в. отнесены только частоколы вдоль ее краев (рис. 2). Более ранние ярусы замощения хорошо сохранились, причем самую лучшую сохранность имели мостовые XIII–XIV вв.

Напротив Воеводского двора, через улицу, от застройки XVIII в. сохранился заглублявшийся в землю погреб (рис. 3: 0Е) и сруб (0Ж) со столбовой пристройкой с северной стороны, а также два сруба-ледника (0И, 0Д). Для сруба 0Д получены две дендродаты – 1741, 1744 гг.[5*] Более значительная постройка – здание 0IV с пристройками с северо-восточной стороны; для столбовой пристройки получена дендродата – 1737 г. Здание не находит соответствия на плане 1740 г.; возможно, это была деревянная постройка на каменном основании. Такое же замечание можно сделать и о здании второй половины XVII в., стоявшем юго-восточнее Воеводского двора, через улицу от него (рис. 2: 1IV). Это квадратная в плане постройка (3,9 × 3,8 м) с тонкими (около 0,3 м) стенами и плитяной вымосткой внутри. Назначение постройки неясно. Конструктивно близкое к ней сооружение было выявлено у юго-западного края улицы, в пределах раскопов I и XV (рис. 2: 1II). Восточнее здания 1IV располагалось еще одно (1 III), имевшее фундамент из лежней и подвальное помещение с бревенчатым полом.

Юго-восточнее Воеводского двора, вдоль юго-западного края улицы, на которую он выходил, в XVIII в. существовали, вероятно, два деревянных здания на каменных фундаментах (рис. 3: 0I, 0II, 0III). К зданию 0III с северо-восточной стороны примыкал сруб 0В; для него получена серия дендродат в диапазоне 1717–1723 гг. Сруб был заглублен в землю примерно на 1,2–1,4 м и имел пол; размеры постройки – 3,2 × 2,9 м, она служила для хранения инвентаря и продовольственных запасов. К юго-востоку от сруба выявлены остатки сгоревших настилов и прямоугольная в плане столбовая постройка, датированная 1734 г. Она была заглублена в землю на 1 м и имела бревенчатый пол.

В южной части раскопанной территории были раскрыты дренажные системы, существовавшие в XVI–XVIII вв. К XVIII в. отнесена дренажная система между двумя улицами (рис. 2). Дендродата получена для соединительного сруба ОБ (1740 г.). По трассе дренажа были и срубы более раннего времени: 2Б (1633 г.) и 1А (1676 г.). Наружный диаметр труб – 30–50 см, в нескольких местах в верхней части труб встретились отверстия – окошки овальной и круглой форм. В плане система, относящаяся к XVIII в., выглядела как два сходящихся коллектора (рис. 3). Северная ветвь, предположительно главная и первоначаль-

---

3* Определения М.И. Кулаковой.

ная, начиналась с накопительного колодца (сруб 0А). Он находился на берегу древнего ручья, русло которого было перекрыто культурным слоем еще в средневековье. Воды ручья и в XVIII в. продолжали, по-видимому, беспокоить окрестных жителей, вынужденных строить водоотводные сооружения. Трубы северной и южной ветвей системы были уложены с плавным уклоном к западу, в сторону р. Великой. Очевидно, дренажная система обслуживала здание 0V, под восточным углом которого был открыт соединительный дренажный колодец 0З (рис. 3). С востока в этот колодец входила труба, продолжавшаяся до границы раскопа; она проходила под фундаментом дома IX/2 конца XVIII в.[66] Труба, врезанная в северо-западную стену сруба 0З, подводила воду к магистральной трубе. В XVII в. продолжала функционировать северная часть системы (рис. 3), причем трубы пересекали трассу улицы. Сходные с открытыми в раскопах на улице Ленина дренажные системы XVII – первой половины XVIII вв. открыты в Новгороде на Ипатьевском раскопе[67]. По новгородским материалам первые водоотводные системы с деревянными цилиндрическими трубами появились не ранее XV в., а наибольшего размаха их строительство достигло в XVI–XVIII вв.[68] Севернее дренажа, в пределах раскопа VI, к 1-му ярусу отнесен сруб 1Б, с примыкавшим к нему дворовым настилом.

Границы дворов XVII–XVIII вв. по археологическим данным не прослеживаются. По документам и планам середины XVIII в. в западной части Среднего города дворы помещиков и чиновников имели площадь от 80 до 260 кв. саженей, дворы лиц духовного звания – от 50 до 130 кв. саж., дворы архиерейских служащих от 45 до 70 кв. саж.; ко всем дворам примыкали сады или огороды площадью от 100 до 500 кв. саж. На каждом дворе отмечается от 2 до 8 построек, как правило, деревянных. Только на четырех богатых дворах указаны каменные палаты[69].

О размерах и характере застройки некоторых дворов Среднего города – Застенья позволяют судить купчие и закладные грамоты конца 30-х – начала 40-х годов XVIII в., сохранившиеся в одновременных копиях. Эти документы интересны как синхронные плану 1740 г. Согласно им, в северо-восточной части Среднего города, близ заброшенного Воеводского двора, располагались усадьбы, принадлежавшие чиновникам, духовенству и служащим архиерейского дома, посадским людям. Преобладали небольшие дворы, имевшие форму неправильных четырехугольников, с садами и огородами. Так, например, купленный в августе 1741 г. солдатской вдовой Настасьей Наумовой двор в приходе ц. Петра и Павла с буя, между этим храмом и площадью, имел размеры 2,5 × 5 саж.; во дворе находились "изба небольшая наземная с сенми" и огород[70]. Площадь некоторых дворов, известных по купчим грамотам, составляла около 200 кв. саж. и более. Так, двор в приходе ц. Спаса Старого костра (рис. 1: III), был продан за значительную сумму (100 руб.) женой копииста Псковской провинциальной канцелярии М.И. Барабанщикова, урожденной Вохиной, прадеду А.С. Пушкина – "господину генерал-майору и ревелскому обер-коменданту Авраму Петрову сыну Ганибалу". Во дворе отмечена каменная жилая палата с двумя кладовыми и железной дверью в сенях, с железными решетками и затворами на окнах, две избы на подклетах с сенями между ними, амбар и деревянная конюшня. Двор имел форму неправильного четырехугольника со сторонами 12, 17, 21 и 7 саж.[71]

Купчие подтверждают данные плана 1740 г. о редкости каменных зданий: в них упоминаются чаще всего деревянные постройки или же деревянные на каменных подклетах. Почти в каждом дворе имелись сад и огород. Застройка в Среднем городе не была сплошной, отмечаются огородные места и запустевшие дворы.

Таким образом, археологические данные позволяют определить время строительства и последующей реконструкции Воеводского двора, а также выявить особенности фундаментных конструкций построек и специфику окружающей застройки XVII–XVIII вв. Они существенно дополняют информацию, содержащуюся в письменных и графических источниках – как опубликованных, так и архивных. Отметим, впрочем, что поиск материалов по истории Воеводского двора в архивах следует продолжить.

[1] *Лабутина И.К.* Раскопки в древней части псковского посада (1967–1991 гг.) // АИП. Псков, 1996. Вып. 3.

[2] *Лабутина И.К.* Раскопки в Пскове // АО 1973 года. М., 1974. С. 17; *Она же.* Раскопки в Пскове // АО 1974 года. М., 1975. С. 21; *Она же.* Раскопки в древней части псковского посада... С. 34–35.

[3] См.: *Лабутина И.К.* Раскопки в древней части псковского посада... С. 28, 29. Рис. 12:Б.

[4] См.: Там же. С. 34, 43. Рис. 25, 44.

[5] *Лабутина И.К.* Отчет о раскопках в Пскове у здания пединститута (1973 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 5379. С. 6–7, 18–21, 36–37, 54–56, 61–69, 92–98, 129–131. Чертежи 2а,б; 3а,б; 4а,б; 5а,б; 6а,б; 7а,б; 10б. Фото 17, 34, 35, 47, 57, 69а, 70, 71, 104, 106, 107; *Там же.* Отчет о раскопках в Пскове (1974 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 5380. С. 5–7, 19–20, 35–37, 53–54, 70, 81, 98, 107. Чертежи 3а,б.

[6] *Лабутина И.К.* Отчет... (1973 г). С. 130.

[7] *Лабутина И.К.* Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // АИП. М., 1983. [Вып. 1]. Вклейка (рис. 2).

[8] *Яковлева Е.А.* Поздние внеярусные сооружения (конец XVIII – начало XX вв.) // АИП. Псков, 1996. Вып. 3. С. 49–51, 64. Рис. 3: I/1, II/6.

[9] *Лабутина И.К.* Изучение начальных отложений... Вклейка (рис. 2).

[10] *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления 17 столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 186. № 32, 33.

[11] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 310. Л. 19.

[12] ПГОИАХМЗ. № 302/49. Книга Сергея Поганкина. Л. 54 (сообщено В.И. Лабутиным).

[13] РШЭО. № 206. С. 333; № 212. С. 345.

[14] ПГОИАХМЗ. № 303/49. Оброчные книги Пскова 1674–1692 гг. Л. 1 (сообщено В.И. Лабутиным).

[15] РШЭО. № 270. С. 379–380.

[16] *Лабутина И.К.* Отчет... (1973 г.). Чертежи 2б, 3б.

[17] *Лабутина И.К.* Изучение начальных отложений... Вклейка (рис. 2, кв. 124–125).

[18] *Спегальский Ю.П.* Псковские каменные жилые здания XVII в. М.; Л., 1963 (МИА. № 119); *Емелина О.В.* Памятники псковского жилого зодчества XVII века: Новые исследования // Псков через века: Памятники Пскова сегодня: Археология. История. Архитектура. СПб., 1994. С. 171; Краткий свод памятников истории и культуры Пскова // Там же. № 126. С. 244; № 129, 130. С. 245; № 132. С. 246;

[19] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ед. хр. 3016. Л. 6–7.

[20] *Плоткин К.М.* Дворы Среднего города Пскова XVIII в. // АИППЗ. Псков, 1988. С. 273.

[21] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 8.

[22] *Воробьев А.В.* Росписи строительства Воеводского двора XVII в. в Новгороде // Реставрация и исследование памятников культуры. М., 1975. Вып. 1. С. 59.

[23] *Лабутина И.К.* Отчет ... (1973 г.). С. 8–11, 21–23, 38–39, 69, 98–99. Чертежи 2в–6в. Фото 13, 19–20, 36, 40–42, 72–75; *Седов В.В., Лабутина И.К., Белецкий С.В.* и *др.* Отчет о раскопках в г. Пскове (1986 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 11298. С. 110, 129. Рис. 83, 89, 93, 96; *Седов В.В., Лабутина И.К., Александров А.А.* и *др.* Отчет о работе Псковской экспедиции (1990 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 15012. С. 365–371. Рис. 246, 250–253, 255.

[24] *Седов В.В., Лабутина И.К., Александров А.А.* и др. Отчет... (1990 г.). С. 371–372. Рис. 253–254.

[25] *Лабутина И.К.* Отчет об обследовании и раскопках в г. Пскове на месте, отведенном под строительство столовой пединститута (1968 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 3797. С. 26–27,

65–67. Ил. 23, 38; *Она же*. Отчет о раскопках в г. Пскове и курганов на территории Псковской области (1969 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 4550. С. 12–14. Чертеж 1а.

[26] См.: *Яковлева Е.А.* Указ. соч. Рис. 2, г.

[27] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 8712. Л. 17об.–18; Ед. хр. 8720. Л. 1–1 об.

[28] *Барсуков А.П.* Указ. соч. С. 187. № 45; Сб. МАМЮ. М., 1914. Т. VI. С. 216, 218, 230, 263, 265, 275, 218 и др. См. также: *Аракчеев В.А.* Псковская Приказная палата в конце XVII века // Псков: Памяти Юрия Павловича Спегальского (1909–1969). Псков, 1999. С. 162.

[29] *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 т. М., 1993. Кн. VIII: История России с древнейших времен. Т. 15/16. С. 66, 192, 313–314. См. также: *Постников А.Б.* Население Пскова по переписным книгам Петровского времени // Псков: Памяти Юрия Павловича Спегальского. С. 172.

[30] *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 192; *Виноградов В.Ф.* Псков в годы Северной войны. Пыталово, 1989. С. 24.

[31] *Постников А.Б.* Псков на изломе судьбы: от Московского государства к Российской империи // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 1998. № 8. С. 65.

[32] *Лабутина И.К.* Отчет... (1974 г.). С. 4, 6, 7, 20, 34, 36, 53–70. Чертежи 2а, 3а, 4а, 4в, 5а, 6а, 7а. Фото 12, 13, 44–46, 62, 63, 66–68, 100; *Она же*. Изучение начальных отложений... Вклейка, рис. 2, кв. 117, 118; *Она же*. Раскопки в древней части псковского посада... С. 35. Рис. 15.

[33] *Кулакова М.И.* Пожары в Пскове XIII–XVII вв. // АИП. М.; Псков, 1994. Вып. 2. С. 180.

[34] *Спегальский Ю.П.* Указ. соч. С. 169. Рис. 126. № 17.

[35] Там же. С. 69, 171. Рис. 126. № 11.

[36] *Токмаков И.Ф.* Снятогорский монастырь: Библиография и материалы. Псков, 1887. С. 50, 51.

[37] *Кирпичников А.Н.* Иностранец о Пскове XVI в.: Сообщение Самуэля Кихеля // Тр. Псковского музея-заповедника. Псков, 1994. Вып. 1. С. 52, 58. Примеч. 23.

[38] *Кирпичников А.Н.* Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1995. С. 25, 29, 30.

[39] Краткий свод памятников истории и культуры Пскова. № 119. С. 242.

[40] *Токмаков И.Ф.* Указ. соч. С. 51–53.

[41] ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. № 35. С. 114–116.

[42] Там же. № 66. С. 226–227.

[43] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ед. хр. 1603. Л. 141–143.

[44] Там же. Ед. хр. 2703. Оп. 3. Л. 90–93.

[45] Там же. Ед. хр. 3031. Л. 1–13.

[46] Там же. Ед. хр. 2712. Л. 114.

[47] *Кулакова М.И.* Указ. соч. С. 185.

[48] *Постников А.Б.* Псков на изломе судьбы... С. 65; *Постников А.Б.* Население Пскова по переписным книгам... С. 173–174.

[49] Сб. МАМЮ. Т. VI. С. 290.

[50] *Емелина О.В.* Указ. соч. С. 178–179; Краткий свод памятников истории и культуры Пскова. № 142. С. 250.

[51] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 8740. Л. 7 об.– 8.

[52] *Голунова И.К.* К топографии Пскова XIV в. // Псковский государственный педагогический институт: Исторические науки: Материалы X научной конференции. Псков, 1968. С. 31–32; *Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М., 1985. С. 208.

[53] РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Ед. хр. 453. Л. 1–3 об.

[54] *Колосова И.О.* Улицы Пскова: Опыт комплексного анализа источников // АИППЗ: Материалы симпозиума, 1991. Псков, 1992. С. 23–25; *Колосова И.О.* Улицы Пскова: средневековье и раннее новое время // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2: Славянский средневековый город. С. 161–162.

[55] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 8712. Л. 26–26 об.

[56] Там же. Ед. хр. 8720. Л. 14 об.–15.

[57] См.: *Лабутина И.К.* Раскопки в древней части псковского посада... Рис. 12.

[58] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 8665. Л. 7 об.

[59] ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 801. Л. 5.

[60] Там же. Л. 17 об.

[61] Там же. Л. 5 об.
[57] ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 497. Л. 399–399 об. Копия: Там же. Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 15.
[58] *Ильинский Н.* Историческое описание Пскова и его древних пригородов. СПб., 1790. С. 11.
[64] *Колосова И.О.* Улицы Пскова. С. 162–163, 166.
[65] См. об этом: *Кирпичников А.Н.* Россия XVII века... С. 257.
[66] *Яковлева Е.А.* Указ. соч. Рис. 3.
[67] *Ершевский Б.Д., Северинов В.Д.* Работы Новгородского педагогического института на Ипатьевском раскопе // Новгород и Новгородская земля: история и археология: Материалы науч. конф. Новгород, 1993. Вып. 7. С. 36–39, 41–42.
[68] *Сорокин А.Н.* Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995. С. 56–61.
[69] *Плоткин К.М.* Дворы Среднего города Пскова XVIII в. // АИППЗ, 1988. Псков, 1989. С. 11.
[70] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ер. хр. 8712. Л. 22 об.–23.
[71] Там же. Ед. хр. 8720. Л. 3 об.–4 об.; *Колосова И.О.* К изучению биографии А.П. Ганнибала // Проблемы экологии и региональной политики Северо-Запада России и сопредельных территорий: Материалы международной конф. Псков, 1999. С. 197–199.

Е.Н. Швейковская

К СОТЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДА НА СЕВЕРЕ РОССИИ В XVII веке

Несомненный исторический интерес представляет данная в свое время А.С. Лаппо-Данилевским зонально-географическая градация городов России XVII в. Он положил в ее основу взаимосвязь политических, экономических и социальных условий. Ученый выделил города северные, центральной полосы государства и южные. Отличие северорусских городов от центрально-русских он видел в большей слитности первых с уездами, в существовании между ними довольно сильной связи, особенно в первой половине XVII в. Такое положение ученый объяснял сосредоточением в северном городе не только местной администрации, но и земского самоуправления, причем как посадского, так и крестьянского. Единство самоуправления способствовало поддержанию на Севере целостности города и уезда как областной единицы, в которой город был "составной органической частью уезда"[1].

В городах центральной и, в особенности, южной России обособленность города от уезда, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, в XVII в. уже проявилась. Сказывались различия между городским и сельским хозяйством, между жителями черной земли – посадскими людьми и помещичьими или вотчинными крестьянами, что определенным образом влияло на их взаимоотношения. Ученый поставил важный вопрос о принципах, которые придавали целостность посадской общине. Он полагал, что и земледельческая, и промышленно-торговая деятельность слабо объединяли посадское население, а экономические интересы вне связи их с тягло-финансовыми не были особенно сильными и "мало способствовали в то время образованию у посадского населения более или менее плотных общественных союзов". Именно тяглая организация, по убеждению ученого, более всего объединяла посадских людей[2].

На новом уровне деление, предложенное А.С. Лаппо-Данилевским, обстоятельно разработал и типологизировал П.П. Смирнов. Он исходил при этом из собственнически владельческой принадлежности городской земли. В своих фундаментальных монографиях он рассмотрел сложность взаимоотношений городских составных частей – собственно города, посада, слобод, а также политику государства в отношении городов в XVII в. и предшествовавших столетий, борьбу посадских людей за социальные права и режим наибольшего благоприятствования в профессиональной сфере[3].

О положении северных городов и о земском самоуправлении на Севере высказывался и М.М. Богословский. Он отметил близость статуса посадских и сельских людей на севере в отличие от центра и юга, где "уезд с его служилым землевладением, холопским населением барских усадеб и крепостным крестьянством, населявшим поместья и вотчины, представлял из себя социальную среду, резко обособленную от посада. На севере этой социальной разницы не было. И в городе, и в уезде жил один и тот же черносошный мужик, занимавшийся одинаково земледелием на посаде и промыслами в деревне"[4]. Из контекста главы о городах ясно, что М.М. Богословскому была близка точка зрения А.С. Лаппо-Данилевского. Естественно, что М.М. Богословский сосредоточился на отличиях северных городов от центральных и южных. Основное отличие состояло в интенсивном взаимодействии северного города с уездом, в связующих их интересах и отношениях[5].

Существовавшее сходство в социальном статусе горожан и крестьян черных волостей в XIV–XVI вв. запечатлено уставными и таможенными грамотами. Как отметила Л.В. Данилова, Двинская уставная грамота 1397 г. адресована ко всем двинянам, а большинство ее норм относится к ситуациям, равно возможным и в городе, и в деревне. Белозерская уставная грамота 1488 г. также обращена к горожанам, становым и волостным людям – всем белозерцам[6].

Привлек внимание ученых и слабо изученный на момент их исследований вопрос о праве городов на землю. А.С. Лаппо-Данилевский, разбирая сюжет о целостности посадской общины, определенно говорил, что "черная посадская земля считалась собственностью государя, как представителя монархической власти, но оставалась в общем владении посадской тяглой общины"[7].

Право собственности на землю в городах обстоятельно рассмотрел П.П. Смирнов. Он справедливо заметил, что термин собственность неизвестен документам "Московской эпохи", а появился в XVIII в., "начиная с 1710 г.", как перевод с немецкого[8]. В XVI же и XVII вв. старинность землевладения посадов должна была подкрепляться, "покрываться государевым пожалованием". Именование посадских земель (как и волостных) черными, по мнению П.П. Смирнова, не случайно имело под собой юридическое основание, "указывая на принадлежность земель московскому государю". Ученый не сомневался в реальности такого права, в силу которого могла прекратиться "власть черного мира" над посадской землей. Он также полагал, что посадский мир вряд ли мог "по своему желанию отчуждать черные посадские земли, выводя их из тягла".

Еще менее таких прав было у отдельного тяглеца, находившегося в тесной зависимости от тяглого мира, который, отводя участки земли посадским людям, становился ответственным за их "платежеспособность перед государем". Заинтересованность посадского мира в количестве плательщиков была его внутренним "связующим началом". Однако, несмотря на такую связанность посадских людей, они "имели право беспрепятственно совершать на свои участки черной земли всякого рода гражданские сделки, признававшиеся юридически правомерными". Непременным условием такого рода сделок была передача приобретателю всех полагающихся "по мирской раскладке платежей и отправления посадских служб". П.П. Смирнов пришел к твердому убеждению об условном коллективном пользовании землями посадских тяглецов, для которых черное землевладение – "землевладение прекарное, русская форма суперфициарной аренды"[9].

В наибольшей мере этой квалификации соответствуют, конечно же, города Севера России. Их характерная особенность – существование на черной земле в окружении черных волостей и в тесной связи с уездами. Город и уезд, однородные по принципу землевладения, органично составляли единое целое, что проявлялось в государственно-административном, самоуправленческом, фискально-податном единстве. Относительно последнего М.М. Богословский отмечал, что на посад и уезд как одну единицу приходилась определенная доля казенного оклада, который распределялся между ними "на основании внутреннего соглашения, устанавливавшегося на общем сходе посадских и уездных людей". В податном отношении между ними правительство не видело различий и приравнивало черносошных крестьян к посадским людям. Это "особенно ясно сказалось при введении стрелецкой подати в начале 80-х годов XVII столетия". Для всей остальной России стрелецкая подать была городским налогом[10].

Внутреннее устройство, присущее всякому городу, в том числе и северному, особенно в XVI–XVII вв., освещено в литературе гораздо слабее, нежели торгово-промышленные занятия посадских людей, их специализация, объемы производства и торговые обороты. Целесообразно поэтому остановиться на сотенной организации города XVII в., документальные свидетельства о которой достаточно редки.

Как известно из истории древнерусских городов, сотенная система восходила к военно-территориальной организации населения, которая постепенно трансформировалась в политико-административную. Сотские обладали высоким социальным статусом, в котором фокусировалось их положение выборных лиц общины и одновременно представителей правящей администрации. Упрочение княжеской власти и государственного аппарата, рост крупного привилегированного землевладения приводили к снижению престижа и роли сотских, занимавших посредствующее положение между формирующейся государственной властью и общинами, которые они представляли. Л.В. Данилова проследила снижение с течением времени роли сотских (пятидесятских, десятских) в государственно-административном аппарате и возвышение старост. Сотские Северо-Восточной Руси в XIII–XVI вв., с определенностью заявляет исследовательница, уже не полномочные представители общины, как ранее, а "деятели низшего звена государственной администрации"[11].

Сотни, претерпев качественные изменения в ходе развития политических институтов государства и усиливающейся специализации городских ремесла и торговли, стали по преимуществу организацией посадских людей. П.П. Смирнов фундаментально охарактеризовал реформирование положения городов при Иване Грозном в 1550–1551 гг. и при Борисе Годунове в 1600–1602 гг. "Посадское строение" последнего сыграло позитивную роль для выделения ремесленников и торговцев в "особое сословие" и для установления признаков, по которым определялась принадлежность к посадским людям. Среди этих признаков наиболее важными были посадская старина (включавшая несение тягла) и профессиональные занятия – торг и промысел. Связь человека с посадом в XVII в. определяли, по мнению ученого, три принципа, заложенные "строением" Бориса Годунова, это – "посадская старина, посадское родство, а равно торги и промыслы"[12].

В XVI–XVII вв. жители посадов – ремесленники и торговцы – компактно расселялись в соответствии со своими занятиями. Внутригородское территориальное деление как бы подстилало организацию по видам труда. Именно профессионально объединенные посадские люди входили в городские сотни и слободы. Каждая из них, по мнению С.К. Богоявленского, составляла самостоятельную податную единицу, а вкупе слободы и сотни были как бы соединением нескольких городов. Их обособленность с привязкой тяглецов к территории определенной слободы стала нарушаться, и в 80–90-е годы XVII в., во всяком случае, в Москве, "оторванность от территории слободы стала считаться явлением нормальным"[13].

О сотенном устройстве северорусских городов возможно судить по материалам повального обыска, проведенного в 1636 г. в Устюге и Сольвычегодске специально посланным сыщиком А.Ф. Акинфиевым.

Но прежде – несколько слов об этих городах. Представление об их посадах дают писцовые описания, проведенные Микитой Вышеславцевым в 1623–1626 гг. в Устюге и Василием Архиповым в 1624/25 г. в Сольвычегодске. В них было соответственно 689 и 285 дворов, которые по своему социальному составу распределялись следующим образом:[14]

Город	Лучшие		Средние		"Молотчие"		Худые	
	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди
Устюг	13	23	92	139	278	343	306	334
Сольвычегодск	7	13	23	58	215	230	40	57

Итак, зажиточных дворов в Устюге было 1,9%, а в Сольвычегодске – 2,5%, средних – 13,4 и 8,1, малосостоятельных ("молотчих") – 40,3 и 75,4 и беднейших ("худых", "самых худых") – 44,4 и 14,0% соответственно по городам. Бросается в глаза явное преобладание в обоих малосостоятельных и бедных дворов, которые составляли в Устюге 84,7%, а в Сольвычегодске 89,4%. Характерно, что "средних" дворов – незначительное число – 13,4% и 8,1%. На этом фоне 2% "лучших" дворов, конечно же, выделялись своими состояниями. Подчеркнем, что торгово-ремесленный Устюг и добывающая Соль Вычегодская были городами малообеспеченных и "худых" посадских людей. Это обстоятельство, было недооценено в отечественной историографии города, ориентированной по преимуществу на вскрытие классовых дифференциаций и противоречий. Однако его осмысление, требующее дополнительных изысканий, выходит за рамки данной статьи.

Причиной расследования А.Ф. Акинфиева стало волнение посадских людей Сольвычегодска, которое произошло 8 июля 1636 г., в праздник Прокопия Устюжского чудотворца[15]. Это выступление, подогретое обильными праздничными возлияниями (в город собрались на "великий съезд" не только сольвычегодские посадские и волостные люди, но и устюжские и даже "с Двины"), было вызвано крупными злоупотреблениями воеводы Ф.С. Левашева. Его многочисленную "вину" всеуездный староста и волостные люди изложили в мирской челобитной на имя государя в Устюжскую четверть от 5 сентября 1636 г. Они инкриминировали воеводе, что, прикрываясь "государевым наказом", который к тому же не был "вычитан" миру, он "выправил" с него "великим правежем" дополнительно деньги "на приезд" – 150 руб., "да на Велик день" доправил 15 руб. на однорядку. Ф.С. Левашев также обязал мирских людей "меня воеводу за смоленскую службу кормити и харчи всякие носить на двор по вся дни", что и делалось. Возмутили же терпение мирских людей неумеренные поборы воеводы, который "правил многие деньги ...с миру на себя", тем самым нанося убытки посадским людям и волостным крестьянам. Назревавшее недовольство и крепнувшее убеждение мира, что впредь "нам с ним воеводою Федором Левашевым жить не мошно", переросли в открытое выступление[16].

Посланный А.Ф. Акинфиев с полученными в Устюге в свое распоряжение 10 стрельцами провел расследование в октябре 1636 – марте 1637 гг. не только в Сольвычегодске, но и в Устюге (с уездами), причем начал с Устюга. Собственно розыск велся в рамках следственного процесса, введенного Судебником 1497 г. Этот процесс был возбужден властью, в данном случае инициирован на самом высшем уровне. Дьяк Пантелей Чириков получил приказ о посылке в Сольвычегодск сыщика от царя Михаила Федоровича "в комнате". Материалы обыска и позволили судить о сотенной организации Устюга, самого крупного из северных городов.

Из них прежде всего следует, что сыск велся по сотням, а внутри них по десяткам. Так, А.Ф. Акинфиев обыскивал "Мироносицкую *сотню* Устюга Великого *сотским* и *петидесяцким* и *десяцким* и рядовыми жильцы"[17]. В Устюге на

вопросы сыщика отвечали сотские, пятидесятские, десятские семи сотен и одной полусотни (Дымковая слобода). Обыск каждой сотни составлен примерно по одному плану. Сначала приводилось имя сотского, затем пятидесятского, десятских и далее перечислялись имена "рядовых жильцов". В Мироносицкой сотне упомянуты 7 десятских и 82 человека, в Никольской поименованы 9 десятских и 75 "жильцов", Леонтьевской – 10 десятских и 75 человек и т.д.

Наибольший интерес представляет обыск Вознесенской сотни, который выделяется среди документов по другим сотням. После упоминания сотского Михаила Булдакова названы "пятидесяцкой Иван Фатьянов" и вслед за ним имена 10 человек, далее – "десяцкой Емельян Путилов" и также имена 10 человек. Таким образом перечислено 10 десятков, в двух из которых по 11 "жильцов" и в одном – 9. Из этого "обыска" ясно, что пятидесятский Вознесенской сотни возглавлял также десяток. Вознесенская сотня предстает абсолютной "сотней".

Учитывая возможное совмещение пятидесятским функций десятского, становится понятным указание для Мироносицкой сотни семи десятских (при 82 "жильцах"), Никольской – девяти десятских (при 75 "жильцах"). В Леонтьевской сотне был полный набор десятских (10), и ее пятидесятский не занимался делами десятского.

Перечисляемые в десятках "рядовые жильцы" не кто иные, как тяглецы – главы посадских дворов. Притом что счетной единицей был тяглый двор, не во всех сотнях указано их полное число (например, Спасской, Рождественской, Никольской, Леонтьевской). Недобор до целого составлял 20–30 дворов. При имевшейся схожести поданных по каждой сотне сведений они все же имеют отклонения, которые свидетельствуют о составлении обыска внутри сотни. Сотские со своими помощниками должны были ответить на определенные вопросы, поставленные сыщиком А.Ф. Акинфиевым. Полный, но не максимальный охват "рядовых жильцов" некоторых сотен был сочтен их должностными лицами достаточным для утверждения, что они "в то время у Соли Вычегодской не были и тово они не ведают и слухом ни от ково про то не слыхали". Не исчерпывающее же перечисление в сотне хозяев вполне объясняется запустением дворов. Писцовое описание Устюга 1623–1626 гг. показало убыль посада в размере более полутора сох в сравнении с приправочными книгами 1619/20 г. и с росписью с приходных книг Устюжской Четверти 1622/23 г.[18] За прошедшие с писцового описания 10 лет число пустых дворов и дворовых мест к 1636 г. могло увеличиться.

Имеющиеся в распоряжении свидетельства об устюжских сотнях сами по себе достаточно уникальны. В свое время С.К. Богоявленский обнаружил (также в связи с судебным делом 1683 г.) случайно сохранившийся список мещан, входивших в состав одного из десятков Московской мещанской слободы. Он идентифицировал лица списка с помощью переписной книги 1684 г. и убедился, что "мещане перечислены в том порядке, как они записаны в переписной книге; если первого из перечисленных обозначим цифрой 1, то порядок по дворам будет следующий: 1, 5, 6, 8, 10, 12, 13, 15, 20, 26. Пробелы до 15-го двора объясняются тем, что среди тяглых дворов оказались дворы, принадлежавшие привилегированным тяглецам Гостиной сотни, один двор был разделен на два, и одно место было занято церковными постройками". Включение в десяток двух дворов (№ 20 и 26), которые не соседствовали с основными его дворами, осталось для автора невыясненным[19].

Факт, приведенный С.К. Богоявленским, интересен как сам по себе, так и своим извлечением из судебного разбирательства. Он показывает единый порядок фиксирования мещанских дворов в официальных документах 1680-х годов –

следственном деле и переписных книгах. Это обстоятельство отражает и одновременно подтверждает территориально-профессиональное расселение в городе.

Из обысков сотен Устюга выявляются: во-первых, номенклатура должностных лиц посада – это сотские, пятидесятские, десятские; во-вторых, использование их в качестве низшего звена выборной администрации в государственном расследовании; в-третьих, исполнение сотскими, пятидесятскими и десятскими фискально-административных и полицейских функций. Несение последних восходит к ст. 72 Судебника 1550 г., которая посвящена порядку наместничьего суда на посадах. Предъявление иска по ней связано не с принадлежностью человека к посаду, а с величиной имущественного состояния и соответствующих ему налоговых платежей. "А по городом наместником городских посадских всех людей промеж их судити, обыскивая по их животом и по промыслом и по розмету: сколке рублев кто цареву и великого князя подать дает, по тому их, обыскивая, судити и управа чинити". Составление окладных "разметных" книг, отсылка их в Москву в соответствующий приказ, проведение самих окладов и их распределение возлагались как раз на старост, сотских и пятидесятских[20].

Обязанности десятских московских слобод подробно охарактеризовал С.К. Богоявленский, в Мещанской слободе десятские следили за тем, чтобы в их десятке царило спокойствие, не было драк, жители не занимались корчемством, не допускали в слободу посторонних без дела, следили за выполнением правил обращения с огнем. За непорядок в десятке им грозил царский гнев, но, в какой форме, точно не определялось. В Немецкой слободе угрозы носили более определенный характер как самому десятскому, так и людям его десятка, вплоть до ссылки с женою и детьми "в сибирские дальные городы на вечное житье, на пашню". Десятские должны были реагировать на ночные крики о помощи и быть на месте происшествия. Их долгом была также организация постоянной караульной службы. С.К. Богоявленский не без основания полагал, что "власти эксплуатировали мещан для выполнения ряда казенных поручений и на мирских должностных лиц смотрели как на бесплатных агентов для сбора налогов, для наблюдения за казенными предприятиями, постройками, ремонтом помещений и т.д." Убедительно и его высказывание, что "мещанский мир имел мало прав и много обязанностей"[21].

Устюжские сотни, как правило, назывались по храмам – Мироносицкая, Спасская, Вознесенская, Рождественская, Никольская, т.е. сотня и церковный приход территориально явно совпадали. Писцовая книга Устюга 1623–1626 гг. свидетельствует, что во всех "церквах образы и книги и свечи и ризы и сосуды церковные и колокола и всякое церковное строенье мирское", в том числе и в церквях жен Мироносиц, Рождества, Вознесения, Николы чудотворца[22].

Сравнение материалов обыска А.Ф. Акинфиева с писцовыми книгами выявило преимущество первого для реконструкции сотенной организации. Писцовое описание следует, как правило, уличной городской топографии, и в Устюге оно отправлялось от острога и "старого города". По его книге практически невозможно судить о налагавшейся на внутригородское расселение сотенной организации. Правда, в одном случае упоминание о ней врывается в текст писцовой книги. При описании тяглых дворов в Большом остроге обозначена "сотня Пречистенская, идучи от науголные от Левонтьивские башни к Пречистенским воротам, дворы по левой стороне". Неподалеку был Дресвянский переулок с дворами на двух сторонах. В остроге же находилась соборная церковь Успения Пречистые Богородицы, каменная "о пяти верхах" с площадью перед нею и дворами напротив церкви. Одни из ворот острога с венчавшей их рубленой башней с тремя уровнями боя назывались "Левонтьевскими". Между ними и соседними

Архангельскими воротами были две башни – глухая Дресвянская и Воскресенская[23]. Не упоминаемая обыском А.Ф. Акинфиева Пречистинская сотня локализовалась, вероятно, в очерченном пространстве. Вместе с тем приведенные писцовой книгой топографические ориентиры – Леонтьевские ворота и башня, склоняют к возможной идентификации Пречистинской сотни писцовой книги и Леонтьевской из расследования А.Ф. Акинфиева.

Писцовая книга, однако, сообщает о "Левонтьивском конце", находившемся "за острогом же вверх по реке Сухоне" с деревянными церквями Ильи Пророка, Зосимы и Савватия Соловецких. Стандартная формула книг о "церковном строенье мирском" в данном случае расширена за счет дополнения: "приходных людей", уточняющего их участие в приходской жизни. Употребив по отношению к "концу" выражение "в той же слободе", писцы перечислили дворы "от острогу по правой стороне" и по левой. После итога тяглым дворам Устюга они переписали белые дворы "в Большом остроге и за острогом по слободам", в том числе и в Леонтьевской[24]. Писцовая книга отразила по отношению к одной и той же части города бытование двух терминов "конец" и "слобода", по-видимому, равно употребительных.

Обратим внимание еще на одну деталь. Как тяглые, так и белые дворы Леонтьевской слободы зафиксированы в описании города последними по левому берегу р. Сухоны. За ними следует перечень дворов Дымковой слободы, находившейся "за рекою Сухоною против посаду"[25]. В следственном деле А.Ф. Акинфиева – обратный порядок: сначала идет обыск Дымковской полусотни, затем Леонтьевской сотни[26]. Примечательно их соседство в документах разного характера, к тому же отстоящих друг от друга на десятилетие. Писцы и сыщик, также, как в случае, приведенном С.К. Богоявленским, перечисляли дворы по городским частям, придерживаясь одной системы. Она, прежде всего, определялась сложившейся городской топографией, и ей следовали правительственные должностные лица. Учитывая сказанное, с наибольшей вероятностью можно полагать, что именно жители Леонтьевской слободы и составляли одноименную сотню. Однако тогда остается неясным, как сыщик А.Ф. Акинфиев, ведя повальный обыск, обошел Пречистинскую сотню.

Упоминание сотни в писцовой книге Устюга, пожалуй, исключение. Наказ из Устюжской четверти от 1623 г., касаясь города, рекомендует описывать его составные части – укрепления, посад, слободы и привлекать старост, целовальников и выборных людей, используя их информированность. "И писцом Миките Вышеславцову да подьячему Агею на Устюге Великом … велеть *старостам и целовальником* и всяким посацким людем и уездным крестьяном для сыску и окладу выбрати на посаде и в волостях лутчих людей", и с их помощью "на *посаде* и в *слободах*" переписать дворы, лавки, амбары и другие торговые заведения[27]. До массового писцового описания 1620–1630 гг., как известно, были проведены дозоры отдельных уездов, в том числе и северных. Наказ из Новгородской четверти от 1619 г. о дозоре Каргополя и Турчасова предписывал писцам привлекать старост, целовальников, старожильцев и лучших людей для учета "на посадех и в слободах дворов посадцких всяких жилетцких торговых людей..."[28]

Из наказов ясно, что писцы должны были адресоваться к старостам и целовальникам, но не к сотским. Ведь именно старосты и целовальники, в особенности денежные, занимались раскладкой налогов, их сбором и доставкой. Они выполняли свои финансовые обязанности, основываясь на писцовом окладе. Старосты хранили, кстати, и сотные грамоты с писцовых книг[29]. Обращение наказов к старостам, целовальникам и сотрудничество с ними писцов находилось в

сфере государственной налогово-окладной деятельности. В ее рамках город с его посадом и слободами был не столько территориально-административным подразделением, сколько целостной финансово-податной совокупностью.

Сотня же представляла собой часть посада или слободы, находясь как бы внутри этих крупных эволюционно сложившихся составных частей города. Примечательно следующее обстоятельство. Сведения о составе десятка в московской Мещанской слободе, приведенные С.К. Богоявленским и рассматриваемые автором настоящей статьи о сотенном устройстве Устюга, почерпнуты из следственных дел. Они самым непосредственным образом связаны с розыскным процессом, причем массовым в северорусских городах. Его успешное ведение, особенно при повальном обыске, основывалось на максимальном охвате свидетелей и получении от них показаний по расследуемому делу[30]. Для этих целей более подходило дробное образование, каковыми были сотня и ее членения. Они-то и выполняли административно-полицейские функции.

Ученые не сомневались в существовании сотенной организации города. Однако источники, которые использовались, не позволяли реконструировать сотню, будь она городской или сельской. Рассматриваемые обычно документы относились к фискально-тягловой деятельности, которая была ориентирована на привлечение местных выборных должностных лиц к отправлению налогово-податных дел. Сказанное убеждает, что в XVII в. сферы действий старост с подчиненными им различного рода целовальниками и сотских с их активным управленческим аппаратом были самостоятельны и функционально не перекрывали друг друга.

В земском самоуправлении на Севере существовали как бы встроенные друг в друга структуры – миры (городские и сельские) и сотни, причем последние входили в состав первых. Сотни были четко организованными, локализованными на местности, они объединялись вокруг своего духовного патрона в церковный приход. Их охранительно-полицейские дела, в корне отличные от тягло-фискальных, обусловили свой специфический набор документации. Полагаю, что сотенную организацию города удается уловить лишь на следственных материалах.

[1] *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения Русского государства со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 113.

[2] Там же. С. 115, 119–120.

[3] *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917. Т. 1, вып. 1; *Он же.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 1.

[4] *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Севере России в XVII в. М., 1909. С. 124.

[5] Там же. С. 124–125.

[6] *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 232.

[7] *Лаппо-Данилевский А.С.* Указ. соч. С.115.

[8] *Смирнов П.П.* Города Московского государства... С. 10.

[9] Там же. С. 51, 53, 55–58, 61.

[10] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 126.

[11] *Данилова Л.В.* Указ. соч. С. 160, 246, 253.

[12] *Смирнов П.П.* Посадские люди... С. 183, 399.

[13] *Богоявленский С.К.* Московская мещанская слобода в XVII в. // *Он же.* Научное наследие. М., 1980. С. 37–38.

[14] *Веселовский С.Б.* Акты писцового дела. М., 1917. Вып. 2. 1917. С. 436–437. Е.В. Чистякова, ссылаясь на роспись 1637 г., приводит для Сольвычегодска цифру в 293 двора. См.: *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е годы). Воронеж. 1975. С. 167.

[15] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1636 г. № 25-1. Л. 13. О праздновании памяти Прокопию Устюжскому в Устюге см.: *Швейковская Е.Н.* Прокопьевская трапеза: праздник и повседневность на Русском Севере в XVII в. // Одиссей. М., 1999.

[16] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1636 г. № 25-1. Л. 9–15. О движении см.: *Чистякова Е.В.* Указ. соч. С. 181–184.

[17] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1636 г. № 25-1. Л. 2 об., 83. Здесь и далее курсив мой. – *Е.Ш.*

[18] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 506. Л. 104–104 об.

[19] *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 104.

[20] Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 113–114.

[21] *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 104–105.

[22] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 506. Л. 4 об., 18 об., 26 об., 53 об.

[23] Там же. Л. 7, 20 об. – 21 об.

[24] Там же. Л. 70, 76–82.

[25] Там же. Л. 70–74 об., 82–82 об.

[26] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1636 г. № 22-1. Л. 106–108.

[27] Акты писцового дела. М., 1913. Т. 1. № 115. С. 206–208, 215–216. См. также: № 118. С. 225; № 104. С. 175, 176.

[28] Там же. № 89. С. 132, 133, 139.

[29] Там же. № 115. С. 206.

[30] В этой связи интересно упоминание сотских, пятидесятских, десятских, которые вели процедуру "сочения следа" в XVII в., восходящую к Русской Правде. См.: *Гейман В.Г.* "Сочение следа" в Белозерском уезде XVII в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1969. С. 91–100.

М.Б. Булгаков

КУЛЬТУРА ЗЕМСКОГО ПОСАДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В XVII веке*

Общеизвестно, что понятие культура охватывает не только духовную и материальную сферы жизни общества, но и самые различные аспекты его политической и правовой жизни. В данной статье остановимся на проблеме культуры посадского самоуправления в России в XVII в.

Городское земское самоуправление в России в послесмутное время обладало рядом специфических черт. Во-первых, оно находилось под жестким контролем государства в лице центральных приказов, во-вторых, до 80-х годов XVII в. посадское земство ощутимо ограничивалось в правах в пользу воеводской власти и, в-третьих, даже минимальные властные прерогативы земства в сугубо внутренней мирской жизни в итоге использовались для государственных интересов[1]. Однако такое положение все же не могло негативно повлиять на издавна сложившуюся культуру организации и функционирования мирского посадского самоуправления – этого феномена народной жизни, а смогло лишь трансформировать ее некоторые элементы.

В культуру самоуправления входили не только традиционные нормы, правила и ритуалы его древнейшей практики, такие, как выборность, очередность, гласность, отчетность выборных перед "миром", поручительство "мира" за своих выборных, но и новые положения, внедренные правительством после отмены наместничества в середине XVI в. С этого времени выборная мирская служба стала элементом государственной службы, т.е. приобрела принудительно обязательный характер с неизменной отчетностью выборных перед государством и с их ориентированностью на выполнение преимущественно казенных потребностей.

Тем не менее в рамках этих новых положений посадская община обладала тремя видами власти: 1) распорядительной в лице мирских сходов, 2) исполнительной в лице выборных представителей – старост, целовальников, дьячков и т.д., составляющих постоянный персонал земских изб, 3) судебной, которая за небольшим исключением действовала в основном в поморских городах, под контролем воевод[2]. Кроме того, часть выборных посадских людей выделялась для нужд губной службы в распоряжение губных старост, где были губные избы: губные целовальники, объезжие целовальники (в крупных городах) и "губных дел сотцкие, пятидесятские и десятские". Все эти представители обязаны были обеспечивать административно-полицейский, санитарный и противопожарный порядок на своих городских участках[3]. Что касается сотских, пятидесятских и десятских в городах, где не было губных изб, то они "работали" как бы на два фронта: в качестве полицейских смотрителей, пресекающих противоправные действия, и в качестве обычных земских выборных, подчиняясь воеводам и земским старостам. В некоторых источниках десятские назывались также целовальниками и привлекались для сбора податей с населения, а сотские иногда замещали земских старост (в Шуе, Лухе, Коломне и других городах)[4]. В этом проявлялась специфика некоторых выборных должностей на посадах в зависимости от местных традиций и политики правительства.

---

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта "Государственная служба посадских людей XVII в.", поддержанного РГНФ (проект № 98-01-00075а).

Культура посадского мирского самоуправления при общественных принципах самоуправления, истоки которого лежали в обычном народном праве, в XVII в. основывалась на двух важнейших элементах: демократическом и бюрократическом.

Древнейший демократический элемент культуры самоуправления предполагал членами общины право избирать и быть избранными на мирские должности, принимать участие в обсуждении и в решении всех вопросов, касающихся жизни общины, просить у "мира" при необходимости различные льготы, земли, защиту и т.д. и, в свою очередь, защищать интересы общины перед "сильными" людьми и перед государством. Все это накладывало на членов общины определенные морально-правовые обязательства друг перед другом и перед посадским "миром". Например, в выборной управленческой структуре необходимо было соблюдать дисциплинарно-иерархический порядок служебного соподчинения по следующей схеме: земские старосты – целовальники – младший персонал (дьячки, ходоки, сторожа), вовремя менять своих предшественников на выборных должностях, заниматься, находясь в должностях, только своими мирскими обязанностями, а не ремеслами и промыслами и т.д.

Важнейший орган, обладающий распорядительной властью, поистине являющийся "сердцевиной" посадского самоуправления – "мирской сход", – решал следующие основные задачи: 1. Выбор на ежегодные мирские должности в земскую избу: старост, целовальников и младшего персонала избы. 2. Выбор на ежегодные казенные должности в государственные финансово-хозяйственные заведения голов и целовальников (в таможни, кабаки, житницы, мельницы и т.д.). 3. Выполнение конкретных правительственных мероприятий, например, сбор сверхокладных податей – "пятой или десятой деньги", проведение повальных сысков о недоборах казенных денег в таможнях и кабаках, составление "миром" различных "сказок" о торговле или неторговле заповедным товаром, о ненахождении на посаде беглых солдат (крестьян, посадских из других городов) и т.д. 4. Защита мирских интересов путем подачи челобитных, отправки в Москву выборных посыльщиков по мирским делам и т.д., вплоть до конфронтации с представителями правительственной власти, когда мирской приговор выражал несогласие с требованиями и решениями приказных людей[5]. Проведение текущих мирских мероприятий в рамках общинной повседневной жизни: переделы земли, новое податное и оброчное обложение, выдача временных льгот, прием на посад в тягло новых членов и т.д.

Правительство, хорошо знакомое с правовыми обычаями народного (мирского) самоуправления, прямо использовало их для удовлетворения своих нужд. Нередко в царских грамотах воеводам приказывалось "велеть" земским старостам и посадским людям собрать мирской сход для решения определенных государственных местных вопросов. Воевода писал об этом "память" земскому старосте, ссылаясь на "государев" указ, контролировал его исполнение[6]. Однако такое вмешательство во внутреннюю жизнь посадской общины, а также оппозиционный настрой беднейшей части посадского населения против податного давления государства создавали трудности для получения кворума на мирских сходах[7]. Поэтому в некоторых городах земство пошло на следующий шаг. На первом сходе каждого года стали выбирать тяглецов для участия во всех сходах от "лутчих, середних и молотчих" людей, которые обязаны были посещать сходы, участвовать в принятии решений и "прикладывать" свои руки к мирским приговорам[8].

В больших городах на таких сходах или мирских советах присутствовали выборные старосты от тяглых слобод, улиц, концов, сотен и сороков, которые

выступали от имени своих избирателей. В этом проявлялась приспосабливаемость посадского самоуправления в рамках демократических начал в новых условиях – в условиях полной правительственной опеки, когда демократические традиции становились простой формальностью или трансформировались. При этом наблюдалось и некоторое сужение выборных демократических начал. Так, низшее звено в системе посадского самоуправления – дьячки, розсыльщики (ходоки) и сторожа зачастую стали не выбираться из числа беднейшей части тяглецов, а наниматься из "охотчих" людей – тех же бедных тяглецов, для которых эти должности превратились в источник существования, что наблюдалось в отдельных городах даже в начале XVII в.[9]

Бюрократический элемент в культуре посадского самоуправления присутствовал всегда, но с превращением последнего в местную государственную структуру роль этого элемента резко возросла. Все взаимоотношения земства и государства стали осуществляться бюрократическим путем. К прежней номенклатуре земской документации (приговоры, выборы, поручные записи, мирские окладные и оброчные книги, расходо-приходные книги целовальников, данные на дворовую землю, рядные, кабальные и т.д.) прибавилась масса документов, исходящих из московских центральных приказов, адресованных земским властям через воевод или даже минуя их. Это прежде всего документы, определяющие долгосрочные взаимоотношения государства и посадов в плане юридических прав и обязанностей посадских людей: уставные жалованные грамоты, послушные грамоты, земельные жалованные грамоты, "сотницы" и "платежницы", составленные на основе дозорных и писцовых книг, а также Судебники, уставные книги Разбойного и Судного приказов.

Другая группа документов из центра состояла из грамот, распоряжений, памятей, запросов из четверти (или приказа), в которой ведался город, а также из других четвертей по различным текущим "государевым" делам.

Документация, исходящая от земских властей в центральные приказы, состояла из отписок, "сказок", обыскных речей, челобитных посадов по разным поводам, всевозможных "росписей" (беглых, пустых дворовых мест и т.д.) по требованию приказов.

Представление об этих разновидностях документов, сосредоточивавшихся у мирских властей, дают опубликованные описи архивов земских изб XVII в. (Шуя, Большесольский посад)[10].

Необходимо отметить, что правительство для контроля деятельности посадских выборных властей такую важнейшую земскую документацию, как приходо-расходные книги и счетные книги выборных ревизоров ("счетчиков"), проверяющих финансовую деятельность старост и целовальников, нередко "изымало" из земских изб и проверяло в соответствующих приказах[11].

На традиционную роль бюрократических процедур в мирской жизни указывает и обязательность составления описи имущества и архива земских изб при смене их выборного персонала[12]. Документы в земских избах хранились в особых помещениях – чуланах[13].

Необходимость беречь мирскую документацию вызывалась частыми спорами посадских общин за окологородные земли и пожни с помещиками-соседями и монастырями, когда жалованные грамоты и выписки из писцовых книг являлись свидетельствами на право законного владения ими посадскими людьми. Этим же обстоятельством вызывалось стремление посадских "миров" провести процедуру подтверждения их прежних уставных грамот новыми государями.

Кроме демократического и бюрократического элементов в культуре земского самоуправления, можно заметить и символический элемент, который

выражался в ритуале принятия клятвы – произнесении присяги и в крестоцеловании. Если раньше выбранный на мирскую должность клялся в верности и честности своему "миру", то со второй половины XVI в. он уже клялся в этом верховному сюзерену – "великому государю, царю и великому князю..." Эта процедура происходила в городской соборной церкви в присутствии воеводы, подьячего, священников и старого состава земской власти. После нее по обычаю в земской избе устраивалась "братчина", т.е. пиршество за мирской счет с участием старого и нового составов земской власти – старост и целовальников, а воеводе, подьячему и священникам соборной церкви от земства делались продовольственные и денежные подарки[14].

Символом прав и обязанностей земского старосты и законности его действий была серебряная печать земской избы, которою он скреплял все исходящие из земской избы документы – отписки в приеме платежей, свои "памяти" младшему персоналу, данные, подрядные, заемные и прочие бумаги[15].

Известно, что показателем развития или упадка земского самоуправления является наличие судебных полномочий у его представителей. С введением воеводского управления судебная власть земства постепенно переходит в руки воевод. В некоторых центральных городах (Шуя, Устюжна Железопольская, Торопец) посадское земство удерживало суд в своем ведении и при воеводах почти четверть века, но затем вынуждена была уступить его последним.

В поморских городах земские судейки занимались в основном текущими земскими делами как обычные целовальники, а к судебным разбирательствам допускались лишь по решению воеводы. В этом случае земские судейки выступали как первая инстанция. Воевода мог судить и сам, отстранив судеек, или сразу отправить дело в московский приказ, когда оно было слишком сложным[16]. Однако фактически, отобрав суд у посадского земства, правительство в своем официальном законодательстве использовало положения народного обычного права, а также нормы и процедуры старинного судопроизводства. Отсюда видно, что культура судоустройства – части земского самоуправления, была приспособлена в интересах государства.

Таким образом, общая культура посадского самоуправления в XVII в. продолжала основываться на старинных традициях, обычаях и ритуалах. Под влиянием развития государственных принципов управления произошло изменение статуса земского самоуправления от свободного и независимого органа, направленного на выполнение внутренних потребностей общины, к зависимому от государства институту, ориентированному на удовлетворение казенных интересов. В то же время государство использовало для задач местного управления готовые формы самоуправления – земские сходы и институт земских старост и целовальников.

При такой ситуации наблюдалась некоторая трансформация демократических и бюрократических начал культуры самоуправления. Например, формализация и сужение демократизма (замена сходов мирскими советами в некоторых городах, отказ от выборных должностей и перевод их в ранг наемных). Усиление бюрократизма выразилось во внимании посадских земств к правовой документации, отражающей взаимоотношение общин с государством и в увеличении объема финансовых земских документов, и в контроле за ними центральных приказов. Значительно уменьшались прерогативы земства в судоуправлении, которое перешло почти целиком в руки приказных людей. Символические начала земского самоуправления также были изменены и ориентированы на государственные цели.

[1] *Дитятин И.И.* Из истории местного управления // *Он же.* Статьи по истории русского права. СПб., 1896. С. 456; *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 321; *Булгаков М.Б.* Сословие посадских людей как инструмент финансовой и экономической политики государства в XVII в. // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII вв.): Тез. Международной конф. 2–3 октября 1998 г. М., 1998. С. 26.

[2] *Богословский М.М.* Земское самоуправление... Т. 1. С. 184–185.

[3] *Курдиновский В.* Губные учреждения Московского государства // ЖМНП. 1895. Окт. Ч. 301. С. 314.

[4] Такое положение наблюдалось в основном в начале XVII в. См.: РГАДА. Ф. 396. Столбцы Оружейной палаты. № 41732. Л. 35–36, 82 (Лух – 1617–1618 гг.); Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1613 г. № 3. Л. 1 (Романов на Волге – 1613 г.); *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. М., 1851. Прил. № 1. С. 224 (Шуя – 1606 г.) и др.

[5] *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е годы). Воронеж, 1975. С. 180.

[6] *Борисов В.А.* Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. М., 1853. № 39. С. 68; № 153. С. 279.

[7] Так, в 1667 г. земские старосты Устюга Великого нанимали четырех стрельцов, чтобы они тяглецов "в земскую избу зазывали для и мирского совету о сене и для выбора городчика и окладчиков" (РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Устюг Великий. Кн. 169. Л. 2).

[8] *Богоявленский С.К.* Состав Московского слободского схода // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 323.

[9] Например, в г. Балахне в 1617/18 г. дьячков в земскую избу, розсыльщиков и сторожа, а также розсыльщиков и сторожа в судебную избу нанимали из посадских людей. См.: РГАДА. Ф. 396. Книги Оружейной палаты. Кн. 1190. Л. 7 об.– 9 об.

[10] *Борисов В.А.* Описание города Шуи... Прил. № 34. С. 315–316 (Описание архива Шуйской земской избы 1659 г.); *Селифонтов Н.И.* Описи документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши XVI–XVIII столетия. СПб., 1902. Прил. Литер А. № 33. С. 6 (Архив Большесольской земской избы, 1639 г.).

[11] РГАДА. Ф. 141. 1631 г. № 26. Л. 214 (Ростов Великий); 1623 г. № 29. Л. 46 (Устюг Великий) и др.

[12] *Селифонтов Н.И.* Описи документов... Прил. Литер А. № 33. С. 6.

[13] РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. № 42. Л. 17 об. (Устюг Великий).

[14] Там же. Кн. 169. Л. 6.

[15] *Борисов В.А.* Описание г. Шуи... С. 46.

[16] *Богословский С.К.* Посадское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 204, 280–281, 303.

А.С. Майорова

САРАТОВ В ПЕРИОД ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ (по документам, собранным Саратовской ученой архивной комиссией)

События Крестьянской войны 1773–1775 гг. имели важное значение в судьбе Саратова. Возможно, именно тогда в правительственных кругах России впервые обратили внимание на роль, которую играл этот город в жизни Нижнего Поволжья. Во всяком случае, уже через пять лет, в 1780 г., Саратов получил статус административного центра наместничества, а еще через два года наместничество стали именовать губернией[1]. Но этому предшествовал период суровых испытаний и для населения города, и для жителей ближайших и дальних сел, и для Петровска и Малыковки, которые стали потом городами Саратовской губернии, и для немецких колоний.

Многие события, происходившие в Саратове в тот период, нашли отражение в исторических сочинениях – передвижения повстанческой армии Пугачева в Поволжье и штурм Саратова, попытки местной администрации организовать оборону города, действия самозванного императора и его приближенных в течение трех дней, когда Саратов находился в их власти, отношение разных слоев городского населения к ним. Об этом писали историки начиная с А.С. Пушкина и до наших дней[2]. Еще более широко освещали данный период исследователи, посвящавшие свои труды непосредственно истории Саратовского края[3]. Они останавливали внимание и на последствиях пребывания в Саратове пугачевцев, изучали причины перехода казаков, солдат и городского населения на сторону самозваного Петра III.

Следует отметить, что далеко не все историки, посвятившие свои труды бурному периоду Крестьянской войны в истории нашего края, были знакомы с документами, которые хранятся ныне в Государственном архиве Саратовской области. А между тем коллекция материалов о Пугачевском восстании существует давно, это один из старейших комплексов документов, которые легли в основу фондов Саратовской ученой архивной комиссии. Основание этой коллекции было положено еще Н.И. Костомаровым. Он проживал в Саратове в ссылке в 1848–1857 гг., работал в губернском статистическом комитете и собирал материалы по истории восстаний Разина и Пугачева[4]. Документы о пугачевщине Н.И. Костомаров передал Д.Л. Мордовцеву, который использовал их в своей книге "Самозванцы и понизовая вольница", и впоследствии, в свою очередь, передал эти материалы Саратовской ученой архивной комиссии. Комиссия пополнила коллекцию "пугачевских" дел, и в настоящее время их насчитывается более 70[5]. Некоторые из этих документов были известны А.Ф. Леопольдову, а в начале уходящего века Е.Н. Кушева изучала их с целью выявления особенностей участия саратовского купечества в восстании.

В последующее время, к сожалению, историки практически не обращались к фондам Саратовского архива для написания работ по истории Крестьянской войны. Так, В.А. Осипов в книге "Саратовский край в XVIII веке" использует документы центральных архивов, а также их известные публикации; очерк В.М. Захарова "В огне крестьянской войны" также написан без привлечения материалов Саратовского архива[6]. Содержание названных исследований легло в основу соответствующих фрагментов первого тома "Очерков истории Сара-

товского Поволжья" и учебного пособия "История Саратовского края"[7]. Таким образом, за последние более чем семь десятилетий местные историки не обращались к документам, собранным их предшественниками о Пугачевском восстании и хранящимся в областном архиве. Чем это объясняется, трудно сказать, но совершенно ясно, что документы областного архива могут дать интересную дополнительную информацию по многим вопросам, связанным с событиями пугачевщины. Многочисленные факты, касающиеся непосредственно судьбы самого Саратова в дни восстания и после него, также отражены в этих документах.

Особенно важны сведения о времени с августа 1774 по сентябрь 1775 г., т.е. о событиях, непосредственно предшествовавших появлению армии Пугачева вблизи Саратова, о взятии города пугачевцами, об отношении разных слоев населения к власти самозванца, и о том положении, в котором оказался город и окрестные села после подавления восстания. Обращение к документам Саратовского архива при изучении этих событий позволяет опровергнуть некоторые ошибки и неточности, которые повторяются в трудах историков в течение более чем полутора столетий. Документы областного архива помогают также ответить на вопросы, стоящие перед исследователями. Без фактов, изложенных в них, остается непонятным, почему саратовский комендант И.К. Бошняк упорно отказывался строить военные укрепления вокруг продовольственных складов конторы опекунства иностранных поселенцев. Не совсем ясна и роль самого Бошняка во время штурма Саратова (еще Д.Л. Мордовцев высказывал серьезные сомнения относительно его героического поведения). Сложно указать причины, которые заставили жителей Саратова (в том числе и состоятельных купцов и духовенство) не просто покинуть поле боя, но и ходить на поклон к самозваному императору. Не определена и степень участия иностранных поселенцев в войске Пугачева. Интересно, что современник событий Г.Р. Державин, а вслед за ним и Пушкин, не сомневались в активном участии колонистов в "злодейской толпе". Этот вопрос поднят в исторической литературе лишь в последнее время[8].

Документы, рассмотренные в настоящей статье, отчасти ранее были использованы историками, но недостаточно эффективно, некоторые из них анализируются впервые. Все они относятся преимущественно к истории самого Саратова и ближайших населенных пунктов – Покровской слободы (ныне г. Энгельс), сел Золотовской волости (ныне Красноармейский район Саратовской области) – и охватывают названный отрезок времени, от августа 1774 до сентября 1775 г. Некоторые документы по истории этого периода в жизни Нижнего Поволжья были опубликованы в сборнике З.Е. Гусаковой и А.С. Майоровой "Саратовский край XVIII века в документах"[9].

Чтобы яснее представить картину событий и уяснить их сущность, нужно знать о том, что представлял собой Саратов в 70-е годы XVIII столетия. С 1769 г. он являлся центром провинции[10]. Незадолго до Пугачевского восстания в городе побывали участники научных экспедиций Академии наук – И.И. Лепехин и П.-С. Паллас. В научных отчетах этому городу посвящено много материалов. Лепехин называет его "одним из лучших волжских провинциальных городов" и особо отмечает значение соляной и рыбной пристаней, которые приносили городу немалые доходы[11]. Каменных зданий в городе было мало, в основном это были церкви и монастыри, но перед восстанием здесь появилось каменное здание воеводской канцелярии и частные каменные лавки в центре города. Паллас отмечает, что в Саратове можно было встретить "прекрасные дома" каменной постройки, принадлежавшие богатым людям, в том числе и

дворянам[12]. Наличие последних он выделяет особо, так как дворянское население не было сколько-нибудь заметным компонентом населения Саратова – дворянское землевладение в Нижнем Поволжье тогда только начинало развиваться, и к дворянскому сословию в городе принадлежали в основном офицеры и чиновники.

Для Саратова, как и для большинства русских городов того времени, непреходящим бедствием были пожары. В течение XVIII в. город несколько раз выгорал полностью. Сильный пожар произошел 13 мая 1774 г., т.е. незадолго до прихода Пугачева[13]. Особый интерес представляет описание городских укреплений, оставленное путешественниками. Паллас упоминает, что через город и предместье проходил глубокий ров и старый вал, которые и разделяли город[14]. Следовательно, Саратов к тому времени уже далеко перешагнул через границы укреплений. Сведения о том, где именно проходили городские укрепления Саратова, собрал Г.С. Саблуков по рассказам старожилов в 1845 г. (Остатки этих укреплений существовали до 30-х годов XIX в.) Вал начинался от Глебучева оврага, шел через Горянскую площадь (значительная часть ее позднее была застроена, она находилась в районе современного сквера на углу улиц Московской и Соляной) и далее примерно по линии нынешней улицы Октябрьской, поворачивая к Волге[15]. Несмотря на то что ров и вал в 70-е годы XVIII столетия могли броситься в глаза путешественнику, для нужд обороны эти сооружения оказались непригодными. Разрушение укреплений происходило не только естественным путем. Еще в 1753 г. воевода Казаринов начал заваливать ров и уничтожать вал[16]. А к 1773 г. территория, по которой ранее проходил вал, местами была поделена на участки, которые городские начальники роздали под строительство домов[17] (естественно, не бесплатно). Разрушение оборонительных сооружений Саратова связано с тем, что во второй четверти XVIII столетия город уже не входил в число пограничных крепостей – линия обороны отодвинулась южнее (Царицынская линия).

Кроме рва и вала, по которому местами проходил частокол, в середине XVIII в. в систему городских укреплений входили семь башен, три из которых являлись проездными – они имели ворота. В документах 1773–1775 гг. башни не упоминаются, речь идет только о воротах – Московских и Царицынских. Ворота были там, где одноименные улицы выходили за пределы вала и где начинались дороги на Москву и Царицын. (Улица Царицынская – улица им. Чернышевского.) За пределами городских укреплений – Глебучевым оврагом – находился мужской монастырь, с 1764 г. носивший название Спасо-Преображенского, вокруг монастыря существовала слободка. Второй упоминаемый современниками монастырь в Саратове – женский Воздвиженский (или Крестовоздвиженский) – существовал в пределах городских укреплений[18].

Саратов привык к роли мирного города, но сообщение о движении войска Пугачева вниз по Волге заставило местных начальников задуматься о возможной опасности нападения и о восстановлении оборонительных сооружений. Впрочем, сведения о начале "бунта" в Оренбургской губернии дошли до Саратова гораздо раньше – в начале осени 1773 г.[19] Однако положение поволжских городов в тот момент могло казаться совершенно безопасным. Такого мнения придерживался астраханский губернатор П.Н. Кречетников, который провел в Саратове примерно более полугода, с осени 1773 до начала лета 1774 г.[20], и при этом, как выяснилось в ходе дальнейших событий, не принял никаких мер к подготовке города к обороне. Объектом усиленного внимания со стороны властей – и в Астрахани, и в Петербурге – был отнюдь не Саратов, а Царицын (оба города тогда входили в состав Астраханской губернии). Это вполне объяснимо –

Царицын являлся узловым пунктом пограничной оборонительной линии, кроме того, он открывал путь к Дону, к донским казакам. Сохранился указ Государственной военной коллегии царицынскому коменданту от 15 октября 1773 г. Кроме мер предосторожности от "злодейской толпы", указ предписывает как следует ловить бунтовщиков и препятствовать их переправе через Волгу на Дон[21]. Указ демонстрирует и полную неосведомленность о действиях Пугачева в тот период, и вполне реальный страх перед возможным соединением армии Пугачева с донскими казаками, что могло означать для правительства настоящую катастрофу в условиях войны с Турцией.

В тот период, когда основной ареной военных действий повстанцев была Оренбургская губерния и Урал, до Саратова доходили самые разнообразные известия о появлении в Поволжье то здесь, то там подозрительных людей, казачьих "партий" и даже самого Пугачева. В ноябре 1773 г. в Саратов из Царицына была отправлена секретная промемория о появлении Пугачева на луговой стороне Волги. Сведения исходили от путешественника П.-С. Палласа, который находился в то время в калмыцких улусах и слышал там разговоры о передвижениях самозваного императора[22]. Слух оказался ложным. Но в начале 1774 г. пришли сообщения о победах правительственных войск над повстанцами. В конце марта Низовая соляная контора, находившаяся в Саратове, получает сообщение о победе генерала П.М. Голицына под Татищевой крепостью с подробным описанием этих событий[23]. Казалось, что теперь остается только ловить разбежавшихся "злодеев" и их предводителя. Для этого астраханским губернатором были разосланы ордера военным командирам с предписанием о поимке пугачевцев. В результате появились интересные сообщения. В Астраханскую губернскую канцелярию из Черного Яра писали, что на Волге появилась подозрительная "партия" яицких казаков, и высказывалось предположение, что среди них есть Пугачев[24]. Однако и на сей раз самозваный император на самом деле был далеко.

Но после отступления Пугачева от Казани стало ясно, что городам Нижнего Поволжья угрожает прямая опасность. События июля–августа 1774 г. отражены во многих документах, собранных в прошлом столетии Саратовской ученой архивной комиссией. Это в основном документы Астраханской губернской и Царицынской комендантской канцелярий. Документы саратовских учреждений за период до пугачевского восстания практически отсутствуют. Не сохранились ни материалы воеводской и комендантской канцелярий, ни магистрата, ни конторы иностранных поселенцев, ни Низовой соляной конторы. Делопроизводство конторы иностранных поселенцев было уничтожено во время пребывания в городе пугачевцев. Материалы соляной конторы были тогда спасены, но в XIX столетии их уничтожили местные чиновники как ненужную макулатуру, и в фонд ученой архивной комиссии они не попали. Неизвестна судьба документов магистрата – некоторые из них были в руках у Мордовцева, что видно из содержания его книг о пугачевщине, однако и они не дошли до наших дней.

Сохранился только один документ конторы опекунства иностранных поселенцев, отражающий события в Саратове, которые непосредственно предшествовали его взятию Пугачевым. Это так называемый журнал конторы, а точнее – извлечения из журнала протоколов заседаний конторы за 24 июля – 6 августа 1774 г. Сохранившийся текст является отпуском, т.е. копией, оставленной в самой конторе, с документа, который был отослан в вышестоящую канцелярию опекунства иностранных поселенцев[25]. Нам не известно, где находится подлинный первичный текст журнала, и сохранился ли он вообще. Хранящийся в саратовском архиве отпуск имеет дефекты – в нем отсутствует концовка и заве-

рительные подписи. Этот документ был известен Я.К. Гроту. Из текста его примечаний к собранию сочинений Г.Р. Державина видно, что он ознакомился с ним во время своего пребывания в Саратове в 1862 г., но не счел необходимым опубликовать его хотя бы фрагментарно[26].

Сохранились сведения о том, когда, при каких обстоятельствах был составлен хранящийся в саратовском архиве журнал. В деле, где он был подшит, ему предшествует выписка из другого, более позднего журнала заседаний конторы от 10 сентября 1774 г. Из выписки видно, что текст о событиях 24 июля – 6 августа был составлен чиновниками конторы, когда они находились в Астрахани после бегства из Саратова, причем этот текст не был полностью идентичен первичному подлинному тексту протоколов заседаний конторы за названные дни, поскольку в него включили то, что "усмотреть изволили"[27]. Как видно из содержания самого документа, главной задачей членов конторы было доказать, что вся ответственность за сдачу города Пугачеву должна быть возложена на саратовского коменданта И.К. Бошняка.

Текст журнала свидетельствует о том, что вопрос о "приведении города в оборонительное состояние" был поставлен местными начальниками впервые только 24 июля 1774 г., когда уже было известно, что Пугачев переправился на правый берег Волги и пошел на Алатырь, от которого до Саратова "только с четыреста верст". Контора опекунства иностранных поселенцев устроила совещание по этому поводу, пригласив на него коменданта Бошняка (он исполнял тогда по совместительству и должность воеводы), а также прибывшего в город "по секретной комиссии" поручика Г.Р. Державина. Будущий великий поэт получил предписание от генерала А.И. Бибикова подстерегать Пугачева на Иргизе, в Малыковке и на Узенях[28]. Державин прибыл в Малыковку (ныне г. Вольск) в начале марта 1774 г. (Следует отметить, что предписание, полученное Державиным, не отличалось ни конкретностью, ни толковостью – в этом можно убедиться, взглянув на карту современной Саратовской области.) Астраханский губернатор отдал распоряжение в июле, чтобы Державин ехал на Иргиз, но поручик, находившийся в то время в Саратове, посчитал необходимым оставаться в городе – ведь тот, кого он должен был искать и подстерегать, сам шел на Саратов[29]. Однако в день штурма войском самозванца Саратова Державина в городе не оказалось, объяснение этого факта он впоследствии дал в своих "Записках"[30]. Главный мотив оправданий – необходимость его личного присутствия в Малыковке, о чем Державин получил известие накануне прибытия к Саратову пугачевского войска. (Кстати, граф П.И. Панин, в конце июля принявший командование карательными войсками вместо умершего Бибикова, остался весьма недоволен поступками Державина – и его участием в совещаниях саратовских начальников накануне падения города, и его бегством из Саратова в решительный момент.)

Сохранившиеся извлечения из журнала конторы опекунства иностранных поселенцев отражают споры местных начальников о том, как оборонять город, стоит ли восстанавливать ров и вал или построить новые укрепления, и кто должен командовать наличными военными силами. Беда Саратова в тот момент заключалась не в том, что не было возможностей к обороне, а в отсутствии в городе четкой системы управления. Саратовский воевода, т.е. глава провинции (он же и комендант) фактически не обладал полнотой власти в городе. Его авторитет оспаривали начальники конторы опекунства иностранных поселенцев (статский советник М.М. Лодыженский) и Низовой соляной конторы (коллежский советник М. Жуков). В их руках были сосредоточены значительные денежные средства, соль, мука и зерно и под их коман-

дованием находились военные люди – казаки и фузелеры, которые должны были охранять и колонии иностранных поселенцев, и конторские магазины (склады муки и зерна).

В разгар споров об обороне города комендант Бошняк жаловался астраханскому губернатору на пренебрежительное отношение к нему со стороны главного судьи опекунской конторы Лодыженского и поручика Державина[31]. Астраханский губернатор, в свою очередь, писал в Сенат и просил, чтобы ему были даны полномочия распоряжаться деятельностью опекунской и соляной контор на период обороны города[32]. Сенат послал соответствующие указы обеим конторам, но они были получены ими 2 и 8 сентября 1774 г.[33], а нападение войска Пугачева на Саратов произошло еще 6 августа. Таким образом, отсутствие согласованности в действиях ведомств и единоначалия в городе повлекли за собой трагические последствия. Военные люди, находившиеся в городе – солдаты батальона, фузелеры и казаки, – были в подчинении у разных командиров. Комендант мог рассчитывать на солдат батальона (в журнале конторы опекунства иностранных поселенцев их численность определена в 127 человек[34]). Артиллерийская команда (по сведениям из рапорта Бошняка она насчитывала 300 человек[35]), волжские и донские казаки находились в подчинении конторы опекунства иностранных поселенцев. В распоряжении Державина была команда из двух сотен донских казаков[36]. Казаки считались самой ненадежной частью военных сил, что и подтвердилось еще до прибытия войска Пугачева к Саратову.

2 августа Державин сообщил конторе иностранных поселенцев, что, по его сведениям, жители г. Петровска "примечены подозрительными в склонности к злодеям" (эту склонность они выразили весьма недвусмысленно, арестовав воеводу).

В г. Петровске не было воинской команды, но там были пушки и порох. Державин предложил выделить ему отряд казаков из "конторской команды" (так сказано в журнале, не понятно, почему поручик не распорядился в данном случае казаками, которые находились под его командованием, скорее всего, они были посланы в разъезды с целью разведки, как было постановлено на совещании в Саратове 24 июля). С командой донских казаков он отправился в г. Петровск, чтобы забрать оттуда орудия, порох и городскую казну. Но, не доехав до города, Державин и его подчиненные узнали, что город уже сдался Пугачеву. Поручик хотел повернуть обратно, но ехавшие с ним казаки не только не повиновались ему, но и пытались его заколоть. Все они перешли на сторону "злодеев" (численность этой казачьей команды определяется разными источниками по-разному – от 70 до 100 человек)[37].

С сообщением об этих событиях и о неумолимом приближении сил Пугачева к Саратову Державин и казачий есаул Фомин вернулись в город в ночь с 4 на 5 августа. И только после этого главный судья конторы опекунства иностранных поселенцев Лодыженский принял решение передать подчиненных ему артиллеристов и казаков под командование коменданта. В тот же день, как сообщает журнал конторы, он отдал распоряжение о спасении денежной казны и документов конторы – нашли речное судно и начали погружать на него мешки с медными монетами и архив[38]. Спасти документы и казну конторы не удалось – все попало в руки пугачевцев. Та же участь постигла казну Низовой соляной конторы, хотя ее начальник М. Жуков не принимал участия в спорах об организации обороны города и занялся отправкой казны и архива своей конторы из Саратова раньше, чем это сделал Лодыженский. Одно из судов с деньгами Низовой соляной конторы было захвачено пугачевцами на Волге выше Саратова[39].

Однако наиболее чувствительный урон "казенному интересу" нанесли не войска самозванца, а местные жители, конечно, не без благоволения Петра Федоровича. Он открыл для них хлебные и соляные магазины, принадлежавшие соляной конторе и конторе иностранных поселенцев. Как говорили потом на допросах сами саратовцы, "сколько кто может, безвозбранно бери и довольствуйся"[40]. Казенные запасы были разграблены, поскольку население Саратова, Покровской слободы и окрестных сел находилось в бедственном положении – предшествующие годы были неурожайными, а лето 1774 г. выдалось очень засушливым, надвигался голод. Вследствие этого убытки от пребывания в Саратове Пугачева оказались довольно чувствительны для государства. Искать виновников сдачи Саратова самозванцу начали, вероятно, сами саратовские начальники, как только им удалось выбраться из города. Именно поэтому в тексте журнала конторы иностранных поселенцев уделено много внимания попыткам начальника конторы построить военные укрепления вокруг магазинов, складов с мукой и зерном.

Любопытно, что никто из исследователей, освещавших этот сюжет, не заинтересовался вопросом, где же размещались эти конторские магазины, хотя из факта отказа коменданта Бошняка создавать укрепления вокруг них можно было предположить, что магазины находились за пределами городской территории. А.С. Пушкин, описывая споры саратовских начальников об обороне города, сообщал следующее: "Державин утверждал, что около конторских магазинов, внутри города, дóлжно было сделать укрепления, перевезти туда казну... Бошняк не соглашался оставить свою крепость и хотел держаться за городом"[41]. Объяснение сути споров, данное Пушкиным, явно противоречиво. Причина противоречий у Пушкина в том, что он пользовался в данном случае материалами личного фонда Г.Р. Державина, текст журнала конторы иностранных поселенцев ему не был знаком. Журнал конторы показывает, что у Бошняка действительно была идея постройки нового укрепления за пределами города, но почти одновременно с этим планом он пытался осуществить и восстановление старых оборонительных сооружений города. Воспоминания и документы Державина, очевидно, не давали определенного представления о топографии Саратова, и Пушкин пришел к заключению, что злополучные конторские магазины находились внутри города. Журнал конторы и здесь помогает внести некоторую ясность: "В том месте близ города, на берегу реки Волги, где построены ведомства конторского провиантские магазейны..."[42] О том же, на каком расстоянии от города находились провиантские склады, можно узнать из допросных речей дьяка Ильи Алексеева, которого допрашивали в Саратове по распоряжению генерала П.И. Панина, наряду с другими саратовскими священнослужителями 10 октября 1774 г. Он показал, что 8 августа был под конвоем доставлен в ставку Пугачева, которая находилась ниже города, в Улешах (т.е. в заливных лугах). Описывая свое возвращение в Саратов, дьяк говорит: "У казенных опекунских магазинов, кои от Саратова состоят с версту..."[43]

Данное свидетельство о местоположении конторских складов с запасами продовольствия помогает понять причину несогласия коменданта Бошняка строить оборонительные укрепления вокруг магазинов. Ведь главной задачей его была защита города, о чем он неоднократно заявлял на совещаниях в конторе иностранных поселенцев. Планы Бошняка о постройке оборонительных сооружений за пределами старого городского вала отражены в журнале конторы – он предполагал построить укрепления у Московской дороги "пред городом, примкнувшись к оврагу". Если принять во внимание сведения о тогдашней топографии Саратова, то укрепления, которые предполагал строить Бошняк,

располагались непосредственно перед выездом из города, а конторские магазины, о защите которых хлопотала контора, – на версту ниже по течению Волги.

Данные о расположении конторских складов позволяют ответить еще на один вопрос из истории Саратова, связанный одновременно и с биографией Пушкина. В XX столетии возникло предположение, усиленно разрабатывавшееся местными историками, о том, что А.С. Пушкин побывал в Саратове в период собирания материала для "Истории Пугачева". В источниках XIX в. нет никаких свидетельств подобного характера. Тот факт, что великий поэт не понял сути споров о сооружении укреплений для обороны города, показывает, что он не был знаком с топографией города, а значит, никогда не бывал в нем. Что же касается материалов фонда Г.Р. Державина, то он и не подозревал, что расположение складов конторы иностранных поселенцев может кого-либо заинтересовать в будущем, и нигде не обмолвился об этом. И, тем более, не утверждал, что конторские магазины были внутри города, как ошибочно сказано у Пушкина.

Отсутствие определенного плана для организации обороны города, ненадежность казачьих команд, разногласия в среде многочисленных начальников тяжело отразились на судьбе саратовских купцов и мещан. В журнале конторы опекунства иностранных поселенцев отражены противоречивые указания, которыми их сбивали с толку и отрывали от хозяйственных забот в горячее время сенокоса. Их заставляли копать рвы то здесь, то там, разламывать речные суда для сооружения рогаток и лафетов для пушек, призывали вооружаться, и периодически обнадеживали непроверенными сообщениями о том, что "от нападения злодеев опасности нет". Именно городским жителям – купечеству, мещанам, крестьянам и пахотным солдатам (эти две категории тоже относились к саратовскому населению) – пришлось претерпеть всю тяжесть неудачных попыток обороны города, позднее понести тяжелые наказания за его сдачу Пугачеву.

Обстоятельства взятия Саратова войском мнимого императора и происшествия последующих трех дней, когда город находился в его руках, описаны в разнообразных документах. Некоторые из них опубликованы, содержание других известно по исследованиям историков. Чаще всего для изучения этих событий привлекаются рапорты Бошняка и других военных людей, принимавших участие в обороне города. Другая группа источников подобного содержания – материалы допросов самого Пугачева и пугачевцев. Описание этих же событий с точки зрения мирных жителей, естественно, должно иметь существенные отличия. Это подтверждается при рассмотрении содержания доношения протопопов саратовского духовного правления Алексея Иродионова и Онисима Герасимова, адресованного астраханскому епископу Мефодию. В Саратовском архиве оно сохранилось в копии, которая была снята сотрудниками Саратовской ученой архивной комиссии в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. с документа, полученного от Астраханской консистории[44]. В доношении указаны важные подробности событий, в частности, то, что вопреки установившемуся представлению, 6 августа 1774 г., после штурма города, Пугачев не въехал в Саратов. Очевидно, он не считал город сдавшимся, это подтверждается фактом, указанным в документе, часть жителей была уведена на ночь к обозу Пугачева в качестве заложников, "в степь расстоянием от города верст с пять"[45].

Интересно то, что мирные жители не заметили, когда и как ретировался Бошняк с немногочисленными "верными" солдатами. Зато из доношения видно, что ворвавшимся в город пугачевским казакам было оказано сопротивление. Следовательно, Бошняк и команда его солдат не были единственными защитниками города. При описании взятия Саратова Пугачевым исследователи в наи-

большей степени использовали два рапорта коменданта И.К. Бошняка на имя астраханского губернатора, от 8 августа и от 12 сентября 1774 г., а также запись показаний капитана Ивана Сапожникова от 25 августа того же года. Сказка Сапожникова и сентябрьский рапорт Бошняка были опубликованы в извлечениях Я.К. Гротом в примечаниях к собранию сочинений Г.Р. Державина, а августовский рапорт коменданта – с сокращениями – в сборнике "Пугачевщина" (1929. Т. 2). Саратовские историки при описании этих же событий часто привлекают материал воспоминаний саратовского жителя Калмыкова, который был приведен Д.Л. Мордовцевым в его монографии "Екатерининские деятели и пугачевцы"[46]. Запись рассказа Калмыкова, которую использовал Мордовцев, не сохранилась. Дату фиксирования этих воспоминаний историк не указывает, сообщает лишь дату смерти Калмыкова – 1825 г. Судя по некоторым признакам, они были записаны в начале XIX в. Рассказ Калмыкова в некоторых деталях согласуется с архивными документами, но есть в нем и такие подробности, которые не совпадают с показаниями названных источников.

Сведения о событиях, происходивших в Саратове с 6 по 11 августа, можно узнать также из упомянутых выше допросных речей саратовских священнослужителей, записанных в сентябре–октябре 1774 г., которые хранятся в областном архиве. Их свидетельства дополняют документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, – запись сообщения саратовского жителя Степана Кузнецова, который бежал в Царицын из Саратова, и материалы допросов пугачевцев. Саратовские жители подтверждают сообщения других участников событий о том, что 6 августа "незадолго до вечерен" конница Пугачева ворвалась в город со стороны Соколовой горы по мосту, который был сооружен через Глебучев овраг. К началу вечерни казаки "злодейской партии" согнали духовенство и "всех жителей" города сначала на Соколову гору, а потом к обозу Пугачева в степь, где они и ночевали на расстоянии "верст с пяти" от города[47]. На следующий день, 7 августа, "все обыватели и чернь" во главе с духовенством с образами и крестами после полудня ходили на поклон к Пугачеву в Улеши, где находилась его ставка[48].

В тот же день, как сообщал Степан Кузнецов, Пугачев "с частью своей толпы въехал в город Саратов", основное же его войско оставалось в Улешах. Кузнецов не был очевидцем, но "услышал", что Пугачев при въезде в город был в соборной церкви, а всех жителей приводили к присяге в Улешах[49]. 8 августа самозваный император снова был в городе, и на сей раз Кузнецов видел его сам: Пугачев "сперва приехал с шестью своими товарищами к Троицкой соборной церкви", в которой хранилась казна конторы опекунства иностранных поселенцев. Казну он велел погрузить на возы, что и было сделано под командованием пахотного солдата Якова Лапшина и отставного пятидесятника казачьего войска Якова Уфинцева (Уфимцева). "А потом во всем городе чинены были великие грабежи и смертныя убивства"[50].

В доношении саратовских протопопов Алексея Иродионова и Онисима Герасимова епископу Мефодию ничего не сказано о том, когда и как Пугачев приезжал в город, зато очень подробно описан приход саратовских жителей во главе с духовенством в его ставку в Улеши. (Это место на берегу Волги, название которого еще в прошлом столетии на местном диалекте означало просто заливные луга, Л.Д. Рысляев почему-то называет загородной слободой[51], но в документах XVIII столетия нет никаких сведений о существовании в том месте какого-либо поселения. Ошибочное указание Рысляева повторил саратовский историк В.А. Осипов[52].) Протопопы описывают внешний вид Пугачева – его казачью одежду, подчеркнуто останавливаются на не слишком уважительном от-

ношении его к иконам и кресту – он "выехал к образам верхом на лошади и не спешился, когда ему был поднесен крест, а только слегка приподнял шапку с одной стороны, целуя крест"[53]. В письменных источниках нет сведений о суде Пугачева над местными дворянами и чиновниками, который был якобы на Соколовой горе – этот эпизод описан Д.Л. Мордовцевым со слов Калмыкова и А.Ф. Леопольдовым с весьма красочными и драматическими подробностями. Саратовские протопопы сообщали только о том, что вечером 6 августа на Соколовой горе перед толпой саратовских жителей, где были и сами протопопы, пугачевцы "разных чинов людей кололи и рубили многое число"[54]. Никакого упоминания о подобии суда и о присутствии самого Пугачева здесь нет. В названном выше сообщении Степана Кузнецова также нет этого эпизода.

Вероятнее всего, его и не было на самом деле. Рассказ о нем, приведенный у А.Ф. Леопольдова, содержит мелодраматические подробности, которые опровергаются письменными источниками. Главное место в рассказе Леопольдова отведено эпизоду столкновения самозванца с сестрами Юнгеровыми (дочерьми покойного коменданта города Юнгера). Они были якобы приведены на Соколову гору вместе с другими дворянами, и старшая из сестер Мария стала обличать самозваного императора, а он то грозил ей казнью, то собирался взять в наложницы, но, в конце концов, велел ее с сестрами посадить на судно, которое отправил под караулом в Царицын[55]. На самом деле сироты полковника Юнгера даже не были в Саратове в те дни, когда там находился Пугачев. Сестры Юнгер 5 августа отплыли из Саратова на судне, на которое были погружены документы и казна Низовой соляной конторы. Судно было вначале захвачено "злодеями", а потом его отбили офицеры саратовского и царицынского батальонов. В результате казна конторы и имущество "партикулярных" – некоторых саратовских семейств – были дважды подвергнуты разграблению, один раз "разбойниками", второй – офицерами. Дело о разграблении судна разбиралось в Царицыне специальной комиссией, и по ее документам известно, что сестры Юнгер находились на этом судне. Интересно, что пугачевские "разбойники" попытались по-своему пожалеть сирот – они подарили малолетним девочкам два маленьких перстенька из своей добычи[56].

Что касается саратовских событий, то в доношении протопопов довольно много места уделено происходившим в городе грабежам, причем говорится об участии в них городских жителей, и особенно подробно – о лицах духовного звания. В целом, доношение Алексея Иродионова и Онисима Герасимова представляют собой содержательный документ, но почему-то оно не вызывало интереса у исследователей, хотя и было опубликовано еще в прошлом столетии Саратовской ученой архивной комиссией[57]. В доношении затронут вопрос, который стал впоследствии предметом особого разбирательства. Для современного исследователя он интересен лишь как один из моментов самозванчества Пугачева, но для участников событий и особенно для самой императрицы Екатерины он имел важнейшее политическое значение.

Саратовские священники и другие духовные лица не только ходили на поклон к Пугачеву в Улеши, но и молились в церквах о здравии императора Петра III и всего его "семейства" – супруги-императрицы Устинии Петровны, наследника Павла Петровича и его супруги Наталии Алексеевны. Этот факт был доведен до сведения местных властей сразу же, как только в Саратов вернулись чиновники вместе с подразделениями войск, преследовавших Пугачева. Должность саратовского коменданта и воеводы временно занимал тогда генерал-аудитор-лейтенант Савельев, он и получил донос о действиях саратовского духовенства от архимандрита местного Спасо-Преображенского монастыря Иеронима, а

затем эти сведения дошли и до генерал-майора П.Д. Мансурова, проводившего в Саратове расследование об участии горожан в бунте. Саратовские протопопы – члены духовного правления Алексей Иродионов и Онисим Герасимов, – вынужденные оправдываться за свои действия и за своих собратьев, как раз по этому поводу и сочинили доношение епископу Астраханскому и Ставропольскому Мефодию, о котором речь шла выше.

Из содержания доношения видно, что архимандрит Иероним сбежал из Саратова за два часа до начала его штурма Пугачевым и вернулся только 11 августа, когда никого из повстанческого войска уже не было в городе. И тут Иероним услышал в своем монастыре во время церковной службы, как поминали здравствующего Петра III и императорскую семью[58]. Услышав эту удивительную молитву о здравии, архимандрит отобрал у иеромонаха записку, по которой совершалось поминовение. Подлинная записка была, видимо, сразу же отправлена в Тайную экспедицию, но с нее были сняты копии (скорее всего, их было несколько, так как в Саратове в настоящее время известно две таких копии). Одна из них хранится среди документов Саратовской архивной комиссии. Записка о поминании на литиях о здравии его императорского величества, составленная кем-то из секретарей Пугачева для саратовских священников, оказалась роковым документом. Она повлекла тяжелые последствия для местного духовенства. Несмотря на попытки протопопов Иродионова и Герасимова оправдаться перед архиепископом, он отказался защищать своих подначальных и отдал всех саратовских священнослужителей на суд светских властей[59]. Их подвергли арестам и допросам, причем, допросы совершались по личному повелению П.И. Панина.

Материалы допросов сохранились, они содержатся в двух томах, в одном из которых есть документы и о духовных лицах других крепостей, станиц и сел Астраханской губернии[60]. Часть из них являются копиями, составленными практически одновременно с подлинниками, так как подлинники были отправлены в вышестоящие инстанции из Астраханской губернской канцелярии. Допросные речи составлены по единой схеме, и документы оформлены в виде таблицы. Главное место в них занимают вопросы о том, принимал ли участие допрашиваемый в шествии на поклон к Пугачеву и кто конкретно совершал моление о здравии самозванца и его "семьи". По содержанию документов можно сделать вывод о том, что некоторые священники, дьяки и причетники пытались спастись от расследования бегством, а некоторые исчезли. Наиболее пространные и интересные показания были даны авторами доношения к архиепископу протопопами Иродионовым и Герасимовым, а также дьяконом Введенской церкви Ильей Алексеевым, которому и была вручена в Улешах злополучная записка для молитв о здравии императора Петра III.

Дело о саратовских священнослужителях, "впадших в преступление", закончилось тем, что всех их лишили сана, разделили на группы по степени участия в преступных действиях и, в соответствии с тяжестью преступлений, подвергли наказаниям, наиболее тяжким из которых была каторга. Наказание плетьми было применено практически ко всем духовным лицам Саратова, остававшимся в городе во время пребывания там Пугачева. Впрочем, расправу над духовными лицами Саратова начал сразу же после своего возвращения в город архимандрит Иероним. Некоторых из них он взял под стражу, а канцеляристу саратовского духовного правления Чеснокову велел отрезать ухо и сечь плетьми.

Саратовские священники и все лица духовного звания подверглись столь жестокому наказанию, вероятно, по той причине, что содержание записки о поминании здравствующего императора вызвало особый гнев Екатерины II. Как и

во всех документах, вышедших из ставки Пугачева, в названной записке присутствует своеобразный "налет легитимности" – наряду с "воскресшим" Петром III и его новой женой Устиньей Петровной предписывается молиться о здравии вполне реального наследника Павла Петровича его супруги Наталии Алексеевны. Здесь две параллельные реальности как бы соединяются с целью доказать истинность личности и законность власти "Петра III". Несмотря на кажущуюся фантасмагоричность, этот документ мог сильно задеть Екатерину II – ее погибший супруг не только воскрес, но и лишил ее звания супруги (на чем, собственно, и основывались ее права на престол) и "отнимал" наследника, тем самым как бы стараясь перетянуть его на свою сторону.

Наказания за нарушение верноподданнической присяги обрушились и на все население города, не говоря уже о военных людях, перешедших на сторону самозванца. Когда в город вошли военные части, направленные на подавление восстания, сторонников "злодеев" начали сажать в острог. Из названных выше документов о расследовании преступлений духовных лиц известно, что в остроге оказались все саратовские священнослужители. Для большинства саратовских горожан степень участия в "бунте" и степень наказания за это определялась военачальниками, которые были уполномочены ловить и карать "злодеев" в Саратове и его окрестностях. В наибольшей степени, насколько можно судить по документам, это осуществлял генерал-майор П.Д. Мансуров. Во второй половине октября 1774 г. в Саратове состоялись массовые казни, на которые были согнаны все жители города. Некоторые подробности об этих событиях можно узнать из фрагмента доношения астраханского священника Маркелова к архиепископу Мефодию. (Выписка из этого документа была сделана протоиереем А.Е. Фиолетовым в конце XIX в.)

Маркелов сообщал в Астрахань о том, что в Саратове 24 октября состоялись казни на Русском базаре "разного звания людем" – экзекуция кнутом и плетьми, "и многим уши резали и продолжалось из утра до самого вечера", причем, действовали одновременно несколько палачей. Пишет он также и о смертных казнях, состоявшихся ранее, но которых он, видимо, не застал – "по ...Соколовой горе многих вешали и колесили". Горожан сгоняли на эти казни в обязательном порядке, "от чего все, как такого наказания не видывали, пришли в большую робость и страх и сожаление"[61]. Хоронить тела казненных было запрещено. (Останки людей, погибших от рук пугачевцев, были похоронены сразу же по приходе в город частей правительственных войск.) В течение зимы 1774/75 г. трупы оставались на виселицах и колесах в назидание живым. В начале весны городские власти получили от губернатора распоряжение убрать тела казненных и зарыть их подальше от города в глубокие ямы[62]. (Обряд погребения не предусматривался для останков сторонников Пугачева.) Но местная полиция почему-то медлила с исполнением этого распоряжения. Повторный документ, посвященный этому же вопросу, из губернской канцелярии был направлен после 11 апреля (сохранился черновик этого указа). Составители этого документа предписывали саратовскому коменданту Бошняку принять срочные меры для предотвращения в городе эпидемии, а еще более – "народного негодования" против местных властей за их пренебрежение к нуждам жителей. И поэтому в указе нарисована довольно яркая и жутковатая картина состояния города ранней весной 1775 г.

В марте начал таять снег, теплый воздух и туманы привели к тому, что тела казненных на виселицах и колесах оттаяли, и проходившие мимо них домашние животные, которых выгоняли пастись, обнюхивали и облизывали трупы. Кроме того, из-под растаявшего снега появились мертвые тела людей и живот-

ных, их находили по улицам, на берегу Волги и в реке валялись тела животных, которых свозили зимой с городских дворов, потому что в городе был падеж скота из-за бескормицы[63]. Зимой 1774/75 г. в Саратове был не только падеж скота, но и высокая смертность среди жителей. Это зафиксировано в журнале конторы иностранных поселенцев за декабрь 1774 г. (Документы конторы за период после восстания Пугачева сохранились.) 30 декабря на заседании конторы комендант города Бошняк докладывал о том, что в Саратове "умирающих людей умножается", и требовал, чтобы лекарь, состоявший при конторе, свидетельствовал тела умерших – очевидно, он опасался эпидемии[64].

Эпидемии в городе все-таки не было, так как в материалах губернской канцелярии сведений об этом нет. Высокая смертность, скорее всего, была следствием голода. Названные документы определенно указывают на бедственное положение саратовских жителей в первую зиму после взятия города Пугачевым. Их подвергли экзекуциям, вешали и колесовали, а остальных заставляли смотреть на казни. Трупы казненных всю зиму были рядом с горожанами – на Соколовой горе. Люди умирали от голода, вероятно, значительно сократилось население. И все же власти боялись запуганных, голодных саратовцев. Основной мотив указа губернаторской канцелярии – страх перед "великим негодованием в народе". Боялись не только саратовцев, но и казаков, и крестьян, разбросанных по редким селам, и немцев-колонистов.

Что касается колонистов, подведомственных конторе опекунства иностранных поселенцев, то их активное участие в "замешательствах" подтверждается некоторыми документами, относящимися непосредственно к истории самого Саратова. (Конечно, нужно иметь в виду, что к пугачевцам примыкали жители не всех колоний, хотя саратовские начальники обвиняли огульно чуть ли не всех иностранцев.) Дело в том, что после подавления восстания губернские власти вдруг решили построить оборонительные укрепления вокруг Саратова. С одной стороны, это означало признание важного значения города и находившихся в нем учреждений, с другой стороны, начальники губернии, видимо, не рассчитывали на спокойную жизнь в ближайшем будущем. По содержанию сохранившихся документов (наиболее информативным из них можно назвать черновик секретного ордера коменданту Бошняку от губернатора[65]) трудно судить, где должен был проходить ров и вал – было ли это восстановление прежде существовавших укреплений или их предполагалось строить на новой линии, учитывая рост территории города.

Распоряжения о строительстве вала и рва были посланы к саратовскому коменданту в октябре 1775 г., а еще ранее, в конце сентября, послан ордер в контору опекунства иностранных поселенцев по этому же вопросу. Строительные работы предполагалось вести исключительно силами "поселившихся тамо колонистов". (Возможно, имеются в виду какие-то группы иностранцев, которые жили не в колониях, а в самом Саратове или близ города – в документах упоминаются казармы, построенные для немцев.) Строительство оборонительных сооружений было назначено на зимний период, когда нет полевых работ. Астраханский губернатор предписывал в качестве зарплаты выдавать колонистам продукты питания, а если они не будут ходить на земляные работы, то не выдавать провизию вообще[66]. Он прекрасно знал о том, что колонисты не имеют никаких собственных запасов продуктов, и выдача их из конторских складов – единственная возможность для подопечных конторы не умереть с голоду. Довольно значительное место в документе уделено вопросу о том, как удержать колонистов в повиновении. Губернатор дает весьма нелестную характеристику их образа жизни, "распутного жития", по его словам, и предвидит возможность

того, что они попытаются от назначенных работ "избыть леностию, дерзостию и непослушанием". Эти оценки никак не согласуются с похвалами трудолюбию и хозяйственности немцев-колонистов, которые стали привычны в следующем столетии. Что касается "непослушания", то губернатор высказывает опасение, что колонисты не только сами могут "притти в смятение", но и "соседних жителей возбудить". Упоминаются неоднократные их попытки к неповиновению и "усмирение" этих попыток. Эти замечания довольно интересны. Они уточняют общую картину социальной нестабильности в Саратове и вокруг него после подавления восстания Пугачева.

Секретный ордер губернатора подтверждает показания Г.Р. Державина о бунте в колониях во время похода Пугачева в саратовском Поволжье. Кроме того, выясняется, что колонисты не только были захвачены общим потоком крестьянской войны, – местные власти опасались, что они могут оказаться если не прямыми подстрекателями к неповиновению для других категорий жителей, то, во всяком случае, спровоцировать население Саратова и близлежащих сел на выступление против власти. И это при том, что иностранные поселенцы практически не знали русского языка. (Данный факт хорошо известен как из описаний колоний, сделанных в XIX столетии, так и из свидетельств очевидцев, живших в колониях уже в первой половине XX в.) Следовательно, у колонистов и у других жителей Саратова и ближайших сел интересы и претензии к местным властям были настолько близки, что это было ясно даже губернатору. Для "успокоения" возможных волнений колонистов и саратовцев губернатор решил прибегнуть к единственному действенному, по его мнению, средству – вызвать дополнительные военные силы, поскольку пехотный батальон, находившийся в Саратове, оказался в половинном составе. Ведь многие солдаты ушли "в злодейскую толпу" и за это подверглись осуждению и ссылке на каторгу. Немногочисленные оставшиеся в городе казаки (значительная часть их тоже ушла к Пугачеву), вероятно, не внушали губернатору никакого доверия[67].

Просьба губернатора Кречетникова об усилении военного контингента в Саратове нашла понимание у руководителей военной коллегии, и в конце октября 1775 г. он уже отправил ордер к саратовским начальникам о размещении в городской округе и в близлежащей Золотовской волости пехотного батальона Казанской дивизии[68]. Таким образом, местным властям удалось обезопасить себя от возможных проявлений недовольства со стороны населения. А работы по восстановлению городских укреплений осуществлялись зимой 1775/76 г., об этом можно найти сведения в журналах конторы иностранных поселенцев за период с декабря по февраль[69]. Судя по этим записям, работы шли медленно и участвовало в них незначительно количество поселенцев. Для завершения картины общего состояния Саратова в период после восстания Пугачева следует сказать, что в результате бедствий, постигших население города, значительная его часть стала неплатежеспособной, что отразилось на взимании налогов. Недоимки саратовцев росли, и через два года после взятия города Пугачевым они превратились в новое бедствие для населения, а вследствие этого появились их жалобы в Сенат на жесткие меры со стороны воеводской канцелярии[70]. Но до активных действий против местных властей на сей раз дело не дошло. Активность городских жителей была сильно ослаблена борьбой за выживание в условиях длительных голодовок и преодолений последствий пожара весны 1774 г.

Документы о пугачевском восстании, собранные Саратовской ученой архивной комиссией, позволяют, хотя бы отчасти, выяснить конкретные причины перехода большинства саратовцев в лагерь самозванного императора. Неспособность городских начальников организовать оборону города, невнимание с их

стороны к интересам и нуждам жителей привели к тому, что они были фактически брошены на произвол судьбы перед угрозой захвата города войском повстанцев. Но, притягательное имя и образ царя – защитника народа от произвола дворян и городских начальников – пробуждали стремление искать у него покровительства. И Пугачев оправдал надежды саратовцев – он дал им хлеб и соль, уничтожил документы конторы иностранных поселенцев, в которых были записаны долги колонистов. Жители города жестоко поплатились за то, что принесли присягу самозваному императору и воспользовались его милостями. Но именно после этих событий, соизмеряя масштабы материальных потерь и ущерба, нанесенных самозванцем авторитету правительства, в Петербурге заметили, что роль Саратова в Нижнем Поволжье значительно выше, чем его тогдашний статус центра провинции и пункта обороны.

[1] Твои четыре века, город. Саратов, 1990. С. 25–26.

[2] *Пушкин А.С.* История Пугачевского бунта. СПб., 1834; *Мордовцев Д.Л.* Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1886. Т. 1; *Он же.* Политические движения русского народа. СПб., 1871. Т. 1; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.: Восстание Е. Пугачева. Л., 1970. Т. 3.

[3] См.: *Леопольдов А.Ф.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848; *Он же.* Исторический очерк Саратова и пугачевщины. Саратов, 1874; *Кушева Е.Н.* Саратов в первой четверти XVIII в. // Тр. Нижне-Волж. обл. науч. об-ва краеведения. Саратов, 1928. Т. 35, вып. 2; *Семенов В.Н., Захаров В.М.* Листая страницы истории. Саратов, 1984; *Осипов В.А.* Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985; Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993. Т. 1.

[4] Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С. 229.

[5] *Майорова А.С.* Документы о Пугачевском восстании, хранящиеся в Саратовском областном архиве // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) М., 1998. С. 99–100.

[6] См. об этом: *Семенов В.Н., Захаров В.М.* Листая страницы истории.

[7] История Саратовского края. Саратов, 1996.

[8] См.: *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998.

[9] *Гусакова З.Е., Майорова А.С.* Саратовский край XVIII века в документах. Саратов, 1997.

[10] Твои четыре века, город. С. 23.

[11] *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795. Ч. 1. С. 360–361.

[12] *Паллас П.-С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3 (2-я пол.). С. 243.

[13] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1360. Л. 17 об.

[14] *Паллас П.-С.* Указ. соч. С. 243.

[15] *Саблуков Г.С.* К истории топографии Саратова (Черновые наброски покойного Г.С. Саблукова, найденные в его бумагах) // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 108–115; *Максимов Е.К.* Имя твоей улицы. Саратов, 1986.

[16] См.: Тр. СУАК. Саратов, 1890. Т. 2, вып. 2. С. 379.

[17] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 595. Ч. 3. Л. 471 об.

[18] *Максимов Е.К., Мезин С.А.* Саратов петровского времени. Саратов, 1997. С. 11, 16, 17.

[19] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1329. Л. 1.

[20] Там же. Д. 1320. Л. 191.

[21] Там же. Д. 1318. Л. 11.

[22] Там же. Д. 1331. Л. 153–154.

[23] Там же. Д. 1337. Л. 30–32.

[24] Там же. Д. 1318. Л. 58 об.– 59, 72.

[25] Там же. Д. 1330. Л. 11.

[26] См.: *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб., 1883. Т. 9. С. 45.

[27] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1330. Л. 11.

[28] *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб., 1876. Т. 6. С. 463.

[29] Там же. С. 482.

[30] Там же. С. 482–483.
[31] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 454. Л. 127.
[32] Там же. Л. 112 об.–113.
[33] Там же. Л. 122–123.
[34] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1330. Л. 8 об.
[35] Выдержки из рапорта Бошняка астраханскому губернатору Кречетникову опубликованы Я.К. Гротом. См. об этом: *Державин Г.Р.* Сочинения. Т. 9. С. 75–76.
[36] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1330. Л. 4.
[37] Там же. Л. 8–8 об.
[38] Там же.
[39] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 454. Л. 154.
[40] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1336. Л. 4.
[41] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М., 1938. Т. 9. С. 72.
[42] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1330. Л. 3 об.
[43] Там же. Л. 22.
[44] Там же. Д. 1336. Л. 1–6.
[45] Там же. Л. 1–2.
[46] *Мордовцев Д.Л.* Екатерининские деятели и пугачевцы // *Он же.* Политические движения русского народа. СПб., 1871. Т. 1. С. 113.
[47] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1336. Л. 1–2.
[48] Там же.
[49] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 454. Л. 154.
[50] Там же.
[51] Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 234.
[52] *Осипов В.А.* Саратовский край в XVIII веке. С. 60.
[53] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1336. Л. 2–2 об.
[54] Там же. Л. 1 об.
[55] *Леопольдов А.Ф.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 101–102.
[56] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1331. Л. 66 об.
[57] См.: Тр. СУАК. 1888. Т. 1, вып. 1. С. 40–48.
[58] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1336. Л. 3 об.
[59] Там же. Д. 1361. Л. 3.
[60] Там же. Д. 1333, 1361.
[61] *Гусакова З.Е., Майорова А.С.* Указ. соч. С. 50.
[62] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1360. Л. 79.
[63] Там же. Л. 79–81.
[64] Журнал Саратовской конторы опекунства иностранных. Саратов, 1996. С. 173.
[65] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1320. Л. 13–13 об.
[66] Там же. Л. 13.
[67] Там же. Л. 13 об.
[68] Там же. Л. 14.
[69] Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 311, 432 об.; Оп. 7. Д. 2. Л. 727, 768.
[70] *Гусакова З.Е., Майорова А.С.* Указ. соч. С. 23–28.

Норберт Ангерманн

РУССКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ КУПЦЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИВОНИИ

В историографии средневековой немецко-русской торговли первостепенное внимание исследователи традиционно уделяют ганзейским купцам и их деятельности в восточнославянских городах. В то же время мало изучается торговля русских и белорусских купцов в ганзейском регионе, т.е. в основном в Ливонии. Это характерно в значительной степени для работ немецких историков, но также, хотя и в гораздо меньшей мере, для исследований их российских коллег. На позицию немецкой историографии повлияли национальный интерес к истории Ганзы (Hanse) и наличие многочисленных письменных источников о Ганзейском дворе в Новгороде (Novgoroder Hansekontor). Российские историки, в особенности в последнее время, также изучают прежде всего Новгород как центр средневековой немецко-русской торговли. Во многом это объясняется тем, что в последние десятилетия источниковая база рассматриваемой темы существенно пополнилась именно новгородскими материалами[1].

Небольшая группа специальных новейших исследований (они будут названы позднее), главным образом латышских и эстонских авторов, посвящена истории наиболее очевидных следов русского присутствия в городах средневековой Ливонии – православных купеческих церквей в Риге (Riga), Ревеле (Reval, Таллинн/Tallinn) и Дерпте (Dorpat, Tartu). Некоторые сведения о восточнославянских купцах в Ливонии содержит классическая немецкая работа о ганзейско-русской торговле – монография Л.К. Гетца. Однако автор недостаточно глубоко исследовал данный аспект темы и сделал ошибочный вывод о преобладании в торговых связях Ганзы и Руси немецких партнеров. Гетц пишет: "Бóльшая активность в немецко-русской торговле всегда принадлежала немецкой стороне", и в соответствии с этим рассматривает заключенные торговые договоры как "все без исключения... приспособленные к нуждам немцев в России"[2]. Тем не менее в действительности в течение XV в. русские купцы играли роль более активного партнера.

Этой точки зрения придерживается Н.А. Казакова в капитальной монографии о русско-ганзейских отношениях позднего средневековья[3]. Автор анализирует ход немецко-русских переговоров и двусторонние договоры с учетом действовавших в то время норм торговли новгородских и псковских купцов в Ливонии. Казакова убедительно показывает, что великий московский князь Иван III (1462–1505) решительно отстаивал интересы русских купцов в ливонских городах. Однако их торговая деятельность в Ливонии рассматривается в монографии эпизодически и лишь для периода конца XIV – начала XVI в. Существенный вклад в изучение отдельных аспектов этой темы внесла А.Л. Хо-

рошкевич, которая исследовала заметную активность русского купечества около 1500 г.[4], морские поездки купцов Северо-Запада Руси в Ревель в первые десятилетия XIV в.[5], рост торговли полоцких купцов в Риге во второй половине XV в.[6] Более того, подготовив комментированное издание средневековых полоцких грамот, А.Л. Хорошкевич создала основу для дальнейших работ по истории белорусской торговли в Ливонии[7]. Среди других исследований следует выделить раздел в книге В. Нитемаа о внутренней торговле в Ливонии, где автор, используя почти исключительно материал конца XV – первой половины XVI в., освещает русскую торговлю в городах и сельской местности[8]. Особого внимания заслуживают интересные замечания Э. Тиберга о торговой политике Ивана III и условиях иноземной торговли в Ливонии на исходе орденской эпохи[9].

Но вместе с тем, деятельность русских и белорусских купцов в Ливонии еще недостаточно исследована и оценена. Полоцкие грамоты, переписка ливонских городов, решения ганзейских съездов и, в особенности, съездов представителей ливонских городских магистратов, другие источники составляют обширную базу для дальнейшего изучения темы[10]. Систематическая разработка вопросов о ходе и динамике русской и белорусской торговли в Прибалтике, происхождении восточнославянских купцов, торговавших в ливонских городах, их правовом положении, объединениях, отношении к ливонцам позволит существенно обогатить сложившиеся представления о ганзейско-русской торговле. В рамках настоящей статьи ограничимся некоторыми замечаниями и наблюдениями по рассматриваемой теме.

Традиция активной русской торговли в балтийском регионе уходит своими корнями еще в доганзейскую эпоху. Раннее развитие новгородского судоходства сделало возможными контакты немецких и русских купцов в областях, которые впоследствии стали немецкими, особенно в Шлезвиге (Schleswig). В НПЛ под 1130 и 1134 гг. сообщается о торговых поездках новгородцев (соответственно успешно завершенной и неудачной) "въ Дони" (Дания/Dänemark)[11]. Возможно, здесь имеется в виду Шлезвиг, посещаемый в то время, в частности, и немецкими купцами. Однако спустя год после постройки в Новгороде русским товариществом заморских купцов церкви св. Параскевы[12], зимой 1156/57 г., по сообщению датского историка Саксона Грамматика (Saxo Grammaticus), новгородские купцы понесли тяжелый урон, когда их суда были ограблены в гавани Шлезвига королем Дании Свеном Грате (Sven Grate)[13]. Несколько позднее новгородцы, по-видимому, все же посетили основанный в 1159 г. Любек (Lübeck), воспользовавшись приглашением основателя города, герцога Генриха Льва (Heinrich der Löwe)[14]. В Новгороде также существовало товарищество купцов, посещавших славянский Щецин (Stettin)[15], члены которого с середины XII в. могли торговать там и с немцами. Однако постоянные торговые связи новгородцы продолжали поддерживать лишь с "Готским берегом" (Gotisches Ufer), т.е. местностью на острове Готланд (Gotland), где позднее возник ганзейский город Висби (Visby). О торговле новгородских купцов на Готланде известно из сообщения НПЛ под 1130 г.[16], а право на свободное плавание к "Готскому берегу" новгородцы получили по договору, заключенному с Ганзой в 1392 г. (Niebur-Frieden/Нибурский мир)[17]. В то время в немецко-скандинавском Висби существовал достаточно большой Русский торговый двор с церковью св. Николая, о котором сохранилось более позднее свидетельство русского посла[18].

В последней четверти XII в. купцы из Северной Германии встречались с русскими торговцами также и в низовьях Западной Двины. Раннеганзейские купцы

добирались туда через Готланд, а их восточнославянские партнеры, вероятно, были родом прежде всего из Полоцка, правители которого владели в то время двинскими княжествами Герцике (Gercike) и Кокенхузен (Kokenhusen, Кокнесе/Koknese) и взимали дань с двинских ливов. За немецкими купцами в этот регион, как известно, последовали католические миссионеры; в 1201 г. была основана Рига, а в течение XIII в. произошло немецко-скандинавское покорение всех земель ливов, латгалов и эстов.

В XIII–XIV вв. в этой области, называемой "Ливония" (Livland), возникли города, в большинстве принадлежавшие к Ганзе, в которых постоянно торговали восточнославянские купцы. Особенно в этом отношении выделялась Рига, где восточные славяне поселились с XIII в.: из них одна часть обладала гражданскими правами, а другая – останавливалась в городе для ведения торговли. С 1299 г. в Риге известен православный храм, освященный, как и церкви русских купцов в Висби, Ревеле и Дерпте, во имя св. Николая, покровителя путешествующих. На "Русской улице" (Russische Strasse), где располагался этот храм, находился также и дом товарищества белорусских купцов (gildestove), называемых в Ливонии "русскими"[19], которым он служил местом общения и, вероятно, корпоративного судопроизводства. Вблизи храма появился особый район, который стал называться "Русской деревней" (Russisches Dorf), где прибывшие из русских земель переселенцы приобретали в собственность дома. О степени интеграции белорусов в Риге свидетельствует и то, что они становились домовладельцами и в других частях города. Со временем в "Русской деревне", кроме белорусов, появились и немцы[20].

В Рижской долговой книге (Rigisches Schuldbuch) 1285–1352 гг., в которой регистрировались кредитные операции, удалось обнаружить около 100 русских, названных в качестве участников торговли (в основном это сведения конца XIII в.)[21]. Среди них 9 купцов явно были рижанами, 5 торговцев – постоянными жителями Кокенхузена, другие – из Икскиля (Üxküll, Ikšķile/Икшкиле) (3 человека), Депрта (2 человека), Вендена (Wenden, Cēsis/Цесис) (1 человек), Трейдена (Treiden, Turaida/Турайды) (1 человек) и Розитена (Rositen, Rēzekne/Резекне) (1 человек). По этому поводу Фридрих Беннингховен (Friedrich Benninghoven) заметил, что география расселения русских купцов связана с перевалочными пунктами на торговых путях Рига–Икскиль–Кокенхузен–Полоцк и Рига–Трейден–Венден–Дерпт–Псков[22].

По своей численности здесь особо выделяются русские купцы, постоянно проживавшие в Кокенхузене. Один из них, Андрей, в Рижской долговой книге обозначен как брат попа (frater clerici)[23]. Таким образом, в конце XIII в. в Кокенхузене действовали православная община и православный храм, освященный, по-видимому, во имя почитаемого купцами св. Николая. Существование этой церкви, которую следует отнести к ряду русских купеческих храмов в Ливонии, подтверждается в материалах польской ревизии 1592 г. Согласно этому источнику, в Кокенхузене, наряду с деревянной "Московской церковью" (Moskauer Kirche), построенной после захвата города русскими войсками во время Ливонской войны (1577–1582), имелась также "старая русская каменная церковь" (templum muratum antiquum rutenicum)[24].

В Ревеле православный храм известен с 1371 г., он располагался на улице Броксберг (Brokusberg), неподалеку от церкви св. Олая (St. Olaikirche). В начале XV в. его перенесли на "Русскую улицу" (Russischen Strasse), где находилось двухэтажное здание, которым пользовались новгородцы и русские купцы из других городов. Свои товары они размещали как в этом здании, так и в купеческой церкви. По свидетельствам, с конца XV в. в товариществе русских торгов-

цев были свои старосты и собственное судопроизводство. Жилье купцы арендовали в домах горожан поблизости от этого торгового двора[25].

В средневековом Дерпте, который являлся наиболее крупным партнером Пскова и значительным транзитным пунктом торговли новгородцев, известны два русских храма – св. Николая, принадлежавший псковичам, и св. Георгия, построенный новгородскими купцами. Упоминаемые в письменных источниках с 1438 г., эти церкви были открыты, очевидно, намного ранее. Район Дерпта вблизи них, где русские торговцы арендовали жилье в домах горожан, получил название "Русский конец" (Russisches Ende)[26]. Как и в "Русской деревне" в Риге, здесь не имелось, в отличие от городов соседних славянских земель, территориального самоуправления русского населения.

Другой ливонский город – Нарва (Narva), расположенная на важных торговых путях, – в XV в. стал значительным центром русской торговли. Однако в средневековье в городе не имелось ни русского торгового двора, ни русской купеческой церкви. В этом не было необходимости, поскольку в пограничную с русскими землями Нарву торговые гости с востока совершали частые, но непродолжительные поездки.

В XIV в. немецко-русский товарообмен в большой степени был сосредоточен в Новгороде, где Ганзейский гостиный двор переживал свой расцвет. Русское мореплавание в Висби в течение этого столетия сокращалось по мере утраты городом своего прежнего экономического значения. Этот процесс ускорило завоевание Висби датским королем Вальдемаром Аттердагом (Waldemar Atterdag) в 1361 г. Ведущую роль в восточной торговле после Висби занял Ревель, что привело к росту сухопутных поездок новгородцев в этот город. Однако новгородское мореходство на Балтике полностью не прерывалось. Сохранились сведения 1371 и 1373 гг.[27] об ущербе, который был нанесен товарам новгородцев морскими разбойниками у Невы и Стокгольма (Stockholm). Следующее свидетельство о нападении на купцов из Новгорода на море относится к 1392 г.[28] Следует учитывать, что новгородцы в XIV в. совершали морские поездки, как правило, в качестве попутчиков на наиболее совершенных в навигационном отношении ганзейских торговых судах. Эта практика нашла отражение уже в тексте ганзейско-готландского договора с Новгородом 1269 г.[29] Позднее, в 1398 г., когда представители ливонских городов сообщали, что русские начали ходить по морю со своими товарами[30], по-видимому, они имели в виду активные поездки русских купцов на собственных судах.

Имеется немало известий о торговых поездках русских купцов по сухопутным и внутренним водным путям в Ливонию. Интерес представляет группа источников, состоящая из решений немецких купцов в Новгороде и положений новгородской скры (Novgoroder Schra) об определенных ограничениях торговли с русскими купцами, в которых названы ливонские центры русско-ганзейской торговли. Так, запрет Немецкого двора в Новгороде (1332 г.) на закупку поддельного воска должен был действовать не только в Новгороде, Пскове, Полоцке и на Готланде, но также в Риге, Дерпте и Ревеле[31]. В соответствующем решении о меховом промысле 1346 г. был назван еще один ливонский город – Феллин (Fellin, Вильянди/Viljandi)[32]. Ссылаясь на скру (устав Ганзейского двора в Новгороде), в Ливонии и позднее, в XV–XVI вв., обосновывали правила торговых отношений с русскими купцами, в частности, постоянно пренебрегаемый купцами запрет на торговлю в кредит[33].

Во второй половине XIV в. стали применяться негативно влиявшие на торговлю силовые меры в разрешении конфликтных ситуаций. В 1367 г. вслед за

арестом купцов из Новгорода в Дерпте и других ливонских городах, новгородцы взяли под стражу находившихся в их городе немцев[34]. В 1375 г. задержанные в Новгороде ганзейцы просили магистрат Ревеля арестовать имевшихся в городе русских подданных, чтобы с помощью давления на их власти вернуть себе свободу[35]. Подобные двухсторонние захваты заложников, иногда предпринимавшиеся лишь на основе подозрений или устных показаний о том или ином событии, имевшем место с соотечественниками за границей, в различных вариантах часто повторялись в XV в.

В XV столетии новгородское судоходство в ливонские портовые города развивалось, по-видимому, в направлении значительного увеличения числа поездок и их регулярности. Источники не содержат данные, позволяющие сделать их количественную оценку. Однако достаточно частые упоминания о фактах морского разбоя дают возможность сделать такое предположение[36]. Очевидно, из соображений безопасности русские суда нередко отправлялись в плавание группами: так, в 1434 г. из Ревеля одновременно отправились четыре ладьи[37]. Кроме того, существовало совместное мореходство ганзейских и русских купцов на немецких судах, а также их фрахт: уже в ганзейско-русском торговом договоре 1487 г. присутствует положение о разделе убытков при нанесении ущерба товарам в подобных случаях[38]. Однако требование полочан предоставить им право на собственную торговлю на море, нередко выдвигавшееся в XV в., не было выполнено. Независимо от сопротивления этому рижан, оказал влияние географический фактор: участок речного пути от Полоцка, расположенного на Двине, до Балтики составлял более 400 км.

Об интенсивном росте торговли русских купцов в Ливонии свидетельствует не только ее детальное регулирование в договорах, заключенных между Новгородом и Псковом с одной стороны и Ливонией, в частности, Дерптским епископством – с другой[39], но и случайно сохранившиеся цифры. В 1438 г. в Дерпте были арестованы 45 псковских купцов (кроме учеников)[40], а в 1501 г. – не менее 150[41]. При том, что к началу XVI в. ганзейская торговля с Новгородом была нарушена, благодаря чему возросла численность участвовавших в торговых связях псковичей, эти количественные данные все же достаточно показательны. Если учесть, что на Ганзейском гостином дворе в Новгороде на момент его закрытия в ноябре 1494 г. находилось 47 немцев, то становятся очевидными изменения в ганзейско-русской торговле, произошедшие в концу XV в. С 1440 г. вследствие многих причин уровень посещаемости новгородского Ганзейского двора, после заметных колебаний, существенно упал. Это побуждало и без того активизировавших свою торговую деятельность русских купцов к непосредственному приобретению ганзейских товаров в ливонских городах, в которых они имели большой выбор и широкие возможности для сбыта. И для ганзейских купцов гостиный двор в Новгороде становился все более ненужным, поскольку для них гораздо удобнее было вести дела с русскими торговцами в Ревеле, Дерпте, Риге и Нарве. Таким образом, упадок двора св. Петра в Новгороде и рост русской торговли в Ливонии в этом отношении были взаимосвязаны.

Понимая это, немецкие купцы – постояльцы торгового двора в Новгороде – пытались препятствовать созданию благоприятных условий в торговле их русских партнеров в Ливонии, к примеру, они выступали против распространения кредитных отношений[42], поскольку для посетителей новгородского Ганзейского гостиного двора постоянно действовал строгий запрет на закупки товаров в долг. Постояльцы двора справедливо указывали, что их положение в Новгороде было менее выгодно по сравнению с тем, которое имели их русские партнеры в Ливонии[43]. Так, в Ливонии русские купцы получили, правда с некоторыми

ограничениями, права гостевой и розничной торговли – немцы в средневековом Новгороде таковыми не пользовались. В ливонских городах дело доходило даже до закрепления в них русских мелких торговцев (Krämer)[44]. Кроме того, пользуясь покровительством немецко-прибалтийского дворянства, русские купцы с конца XV в. вели торговлю в деревнях и малых городах Ливонии[45].

Однако условия, которые сложились для русских купцов в Ливонии, осложнялись стремлением местных горожан к получению исключительных привилегий в торговле. С 1426 г. голландцам было отказано в праве прямой торговли с русскими и в ливонских городах[46], что также отвечало и общеганзейским интересам. Но общий запрет гостевой торговли в Риге в 1459 г. открыл путь, который постепенно привел к почти исключительной монополии ливонских купцов на посредничество в русско-ганзейской торговле. Даже возможность вступать в совместные с ливонцами торговые сообщества и таким образом напрямую торговать с русскими купцами в этой ситуации была в какой-то мере закрыта для "заморских" ганзейцев[47].

В первой половине XVI в. отчетливо обнаружились противоречия между ливонскими городами по вопросу торговли с русскими купцами. В настоящей статье ограничимся лишь кратким обзором этого вопроса, чтобы обозначить богатство аспектов рассматриваемой темы. Так, жители Нарвы стремились ограничить активность недавно вступивших в торговые связи ивангородских и ямгородских купцов лишь пределами собственного приграничного города, не допуская их в Ревель, где именно ивангородцы, часто совершавшие морские поездки на корельских судах, были желанными гостями. Дерпт находился в невыгодном положении, которое было вызвано изменением, примерно с 1520 г., сухопутного пути от Новгорода и Пскова до Риги: если ранее он пролегал только через Дерпт, то теперь вступил в действие более короткий маршрут от русско-ливонской границы, так называемая Мариенбургская дорога (Marienburger Strasse). Пернов (Pernau, Пярну/Pärnu), Нарва и Ревель, процветавшие до этого за счет подвоза товаров из Дерпта, поддерживали его борьбу против переноса торгового пути[48]. Особый интерес Ревеля состоял в том, чтобы не допустить вступления в Ганзу своего конкурента – Нарвы. Недовольство Ревеля, как и ревностное отношение других ливонских городов, вызвал также план магистра Ливонского ордена Вольтера фон Плеттенберга (Wolter von Plettenberg), перенести центр немецко-русской торговли из Новгорода в Нарву, с помощью которого он стремился достичь большей независимости немецких купцов и укрепить приграничный город[49].

Вновь открытый в 1514 г. Ганзейский гостиный двор в Новгороде не смог восстановить своего былого значения, а затянувшийся на два десятилетия процесс его закрытия еще более стимулировал перемещение русско-ганзейской торговли в Ливонию. Торговля с русскими купцами внесла существенный вклад в экономический подъем Ливонии накануне Ливонской войны (1558–1582/83). Ревельский хронист Балтазар Рюссов (Balthasar Russow), уже после военной разрухи, оценивая конец орденской эпохи, которую ему удалось застать, писал: "При всем том, была в ливонских городах с русскими и с ливонским дворянством, и крестьянами столь славная торговля, что ни в каких странах и городах ее лучше быть не могло, но особенно в Риге и Ревеле... и в каждом из них были столь великолепные склады и штапели товаров многих наций, хозяев и земель, как ни в каком ином городе на всем Балтийском море, за исключением единственного города Данцига (Danzig)"[50]. Замечание внимательного хрониста об особой роли русских в торговле Ливонии является вполне справедливым.

[1] См., например: *Рыбина Е.А.* Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978; *Она же.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986.

[2] *Goetz L.K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 221. Автор ошибается, когда пишет: "Новгородцы, в отличие от немцев, не были мореходами" (Ibid. S. 24).

[3] *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975.

[4] *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 47–66.

[5] *Хорошкевич А.Л.* Борьба России за создание флота на Балтийском море в конце XIV – начале XVI века // Воен.-ист. журн. 1974. № 5. С. 82–86.

[6] *Choroškevič A.L.* Die Polozker Urkunden aus dem ehemaligen Stadtarchiv Riga als Quelle zur Geschichte der russisch-hansischen Beziehungen am Ende des 15. Jahrhunderts // Neue Hansische Studien. Berlin, 1970. S. 29–57.

[7] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1977–1989. Вып. [1–6].

[8] *Nittemaa V.* Der Binnenhandel in der Politik der livlandishen Städte im Mittelalter. Helsinki, 1952. S. 322–337.

[9] *Tiberg E.* Moscow, Livonia and the Hanseatic League 1487–1550. Stockholm, 1995.

[10] LUB. Riga; Moskau, 1881–1914. Abt. I. Bd. 1–12; Abt. II. Bd. 1–3; HUB. Leipzig, 1876–1939. Bd. 1–11; HR. Leipzig, 1870–1970. Abt. I. Bd. 1–8; Abt. II. Bd. 1–7; Abt. III. Bd. 1–9; Abt. IV. Bd. 1–2; AR. Riga, 1907–1938. Bd. 1–3.

[11] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 22 и сл.

[12] Там же. С. 30.

[13] Saxonis Gesta Danorum / Ed. J. Olrik und H. Raeder. Kopenhagen, 1931. T. I. S. 399.

[14] *Bosau H., von.* Slawenchronik / Hrsg. von H. Stoob. Darmstadt, 1973. S. 304 f.

[15] НПЛ. С. 31

[16] Там же. С. 22.

[17] ГВНП. М.; Л., 1949. № 46. С. 83.

[18] *Щ[ербачев] Ю.* Два посольства при Иоанне IV Васильевиче // Русский вестник. 1887. Т. 190, ч. 1, июль. С. 88–175; см. с. 120, примеч.

[19] Здесь и далее в ряде случаев понятия "русские" и "русский" используются в широком смысле.

[20] Ср.: *Benninghoven F.* Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961. S. 59 f., 103, 149–155, 164; *Цауне А.* Русский двор в Риге XIII–XVI вв. // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 204 и сл.; *Sterns I.* Latviešī un krievi vidislaiku Rīgā // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 1996. № 2. S. 22–54.

[21] Ср.: *Benninghoven F.* Op. cit. S. 150–155.

[22] Ibid. S. 164.

[23] Das Rigische Schuldbuch (1286–1352) / Hrsg. von H. Hildebrand. SPb., 1872. № 19. S. 2.

[24] *Довнар-Запольский М.В.* К истории поземельной реформы в Ливонии в 1580–1592 гг. // Тр. X Археологического съезда в Риге. 1890. М., 1900. Т. III. С. 38.

[25] Ср.: *Kleinenberg I.* Tallinna vene Kaubahovi ajaloost XV–XVI sajandil // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised: Ühiskonnateaduste seeria. 1962. № 3. S. 241–257. Дополнительный источник по истории товарищества русских купцов в ливонском городе – данные о судебном разбирательстве в отношении русского торговца, который был сожжен в Ревеле в октябре 1494 г., что послужило поводом к закрытию Ганзейского двора в Новгороде (*Nottbeck E.* Die alte Criminalchronik Revals. Reval, 1884. S. 64).

[26] Ср.: *Alttoa K.* Das Russische Ende im mittelalterlichen Dorpat (Tartu) // Steinbrücke: Estnische Historische Zeitschrift. Tartu, 1998. Bd. 1. S. 31–42. Об археологических материалах, позволяющих судить об устройстве церкви св. Георгия во второй половине XIII в., см.: *Труммал В.К.* Связи средневекового Тарту с ремесленно-торговыми центрами Запада и Востока по данным археологии // Международный конгресс славянской археологии (г. Прилеп, Югославия, 1990 г.): Тез. докл., подгот. сов. исследователями. М., 1990. С. 198–200.

[27] LUB. Abt. I. Bd. 6. № 3094. S. 524 f.; HR. Abt. I. Bd. 2. № 68. S. 78.

[28] HR. Abt. I. Bd. 4. № 46. S. 51. Это нападение произошло непосредственно у устья Невы, где купцов-мореходов, по-видимому, часто подстерегали.

[29] ГВНП. № 31. С. 59.

[30] HR. Abt. I. Bd. 4. № 508. S. 469.
[31] HUB. Bd. 3. № 586. S. 363.
[32] Ibid. № 593. S. 370; Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII Jahrhundert / Hrsg. von W. Schlüter. Dorpat, 1911. S. 150. Позднее в числе центров ганзейско-русского товарообмена источники называют Неву (см.: HR. Abt. I. № 3. № 76 (1380). S. 66).
[33] Ср., например: AR. Bd. II. № 117. S. 81; Bd. III. № 23. S. 90.
[34] НПЛ. С. 370.
[35] HR. Abt. I. Bd. 3. № 70. S. 62.
[36] См., например: HR. Abt. I. Bd. 7. № 78. S. 38 f; LUB. Abt. I. Bd. 7. № 149. S. 111; HR. Abt. III. Bd. 3. № 431. S. 337.
[37] LUB. Abt. I. Bd. 8. № 850. S. 494.
[38] Ср.: *Казакова Н.А.* Указ. соч. С. 191. Примеры неудачного совместного фрахта судов в XV в. см.: AR. Bd. I. № 182. S. 145; LUB. Abt. I. Bd. 12. № 80. S. 38.
[39] Условия русской торговли в Ливонии достаточно подробно определены уже в ливонском мирном договоре с Новгородом и Псковом от 25 июля 1448 г. (ГВНП. № 73. С. 119–124). В договоре Дерптского епископства с Новгородом и Псковом от 13 января 1474 г. этой теме посвящено больше внимания, в отличие от условий ганзейской торговли на Руси (Там же. № 78. С. 133–136); о последнем договоре см.: *Казакова Н.А.* Указ. соч. С. 149–154.
[40] LUB. Abt. I. Bd. 9. № 294. S. 176.
[41] ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 84 и сл. В то же время в Дерпте были конфискованы 25 загруженных псковских судов (Там же).
[42] LUB. Abt. I. Bd. 5. № 2205. S. 325.
[43] HR. Abt. II. Bd. 2. № 325. S. 269; LUB. Abt. I. Bd. 12. № 179. S. 100 f.
[44] Материал о торговцах и розничной торговле см.: HR. Abt. II. Bd. 2. № 602. S. 505; LUB. Abt. I. Bd. 12. № 80. S. 38; AR. Bd. I. № 592. S. 660; Bd. III. № 166. S. 461; № 253. S. 656 f.; ср.: *Kivimäe J.* Die Rolle von Dorpat (Tartu) im hansisch-russischen Handel im Spätmittelalter // Steinbrücke: Estnische Historische Zeitschrift. 1998. Bd. 1. S. 12–14.
[45] HR. Abt. II. Bd. 7. № 364. S. 587; *Kivimäe J.* Op. cit. S. 15.
[46] AR. Bd. I. № 352. S. 318.
[47] См.: *Hildebrand H.* Bericht über die im Reval'schen Rathsarchiv für die russish-livlandischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. 1872. Bd. 17. № 627. S. 370.
[48] AR. Bd. III. № 301. S. 769.
[49] Ср.: *Kivimäe J.* Narva küsimus Liivi ordu poliitikas aastail 1494–1535 // Eesti NSN Teaduste Akadeemia Toimestised. Ühiskonnateadused. Tallinn, 1981. Bd. 30. S. 29–42, 179–192.
[50] *Rüssow B.* Livländische Chronik. Reval, 1975. S. 12.

Б.Н. Флоря

О КУПЕЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В НОВГОРОДЕ XII–XV веков

Наиболее ранние сведения о купеческих организациях в Новгороде содержатся в так называемом "Уставе Всеволода" – памятнике новгородского права XIV в. Как показал еще в 20-х годах XX в. С.В. Юшков, при создании "Устава" был использован особый источник более раннего времени[1]. Ряд серьезных аргументов позволяют датировать этот особый источник 70–80 годами XII в.[2] Именно в тексте этого источника обнаруживается ряд важных данных о существовании в Новгороде того времени особой купеческой организации. В статье 4 памятника в числе участников совещания, созванного князем для проведения реформ, касавшихся суда и "мерил" на новгородском торгу, указан староста иванский Васята. Из статьи 6 того же памятника выясняется, что староста стоял во главе "торговцев", которые "докладываа" епископы или князя "строили" "дом святого Ивана"[3] – новгородский храм, известный позднее как храм Ивана на Опоках. Отсюда и наименование главы этого объединения "торговцев" "иванским старостой". Некоторые данные, содержащиеся в ряде статей памятника, позволяют составить более конкретное представление о характере этой организации. Решениями этого совещания князь передал "епископу и старосте иваньскому и всему Новгородоу" "мерила торговаа скалвы вощаныи, пуд медовые и гривенку рублевую и локоть еваньскыи". Другая статья устанавливала, что если будут допущены злоупотребления при пользовании мерилами, то виновный должен быть подвергнут смертной казни, а его имущество поделено на три части между епископской кафедрой, сотскими как представителями Новгорода и святым Иваном[4]. Среди этих мерил на первом месте фигурируют весы для взвешивания воска. Это позволяет предполагать, что купцы, принимавшие участие в надзоре за работой весов, имели отношение к торговле этим товаром. Фигурирующий в перечне "локоть еваньский", использовавшийся для измерения тканей (назван так, вероятно, потому, что образец, по которому изготовлялись эти мерила, хранился в церкви св. Ивана)[5], указывает, вероятно, на участие купеческих патронов храма в торговле и этим товаром.

Очевидно, что уже в 70-х–80-х годах XII в. в Новгороде существовала особая купеческая организация, участвовавшая в надзоре за правильностью использования "мерил", имевшая отношение к торговому суду и связанная с храмом Ивана на Опоках.

Была ли в Новгороде второй половины XII в. лишь одна такая купеческая организация?

Обращает на себя внимание, что среди участников совещания, созванного князем, в особом источнике "Устава Всеволода" отмечен вместе с десятью сотскими, биричем Мирошкой и старостой иванским Васятой еще и некий староста Болеслав. Если в перечне участников иванский староста стоит на последнем месте, то староста Болеслав стоит в этом списке раньше не только Васяты, но и биричи Мирошки, игравшего видную роль в осуществлении суда в Новгороде. Очевидно, староста Болеслав занимал на лестнице новгородской социальной иерархии более высокое место, чем иванский староста Васята. Если староста Васята возглавлял особую купеческую организацию, то и в старосте Болеславе есть основания видеть главу купеческой организации, которая, судя по положе-

нию своего старосты, была, видимо, более влиятельной в Новгороде конца XII в., чем объединение, связанное с церковью Ивана на Опоках.

Это предположение получает определенную опору в некоторых свидетельствах Новгородской первой летописи. Под 1156 г. здесь читаем: "поставиша заморьстии (в младшем изводе пояснено: купци) церковь святыя Пятнице на Търговищи"[6]. "Заморские" купцы – это купцы, которые вели торговлю "за морем", на южном побережье Балтийского моря и в Скандинавии. О размахе их деятельности в середине XII в. красноречиво говорит свидетельство Новгородской первой летописи под 1134 г.: "рубоша новгородць за морем в Дони"[7] (т.е. Дании). Если незадолго до этого, в 1135 г. каменную церковь Богородицы на Торговище заложили совместно князь Всеволод Мстиславич и архиепископ Нифонт[8], то теперь храм на торгу поставили сами купцы. Наличие совместно построенного храма говорит о существовании у "заморских купцов" своей особой организации[9]. Во главе нее, вероятно, стоял организатор строительства, староста – предшественник Болеслава "Устава Всеволода". Под 1207 г. в Новгородской первой летописи снова читается: "съвьршиша церковь Святыя Пятниця заморьскии (в младшем изводе – купце) августа в 30"[10]. Таким образом, объединение заморских купцов продолжало существовать в начале XIII в., и церковь Святой Пятницы на торгу продолжала оставаться под его опекой.

Известно и еще одно важное свидетельство о церкви Св. Пятницы, относящееся к середине XIII в., которое в данной связи должно быть рассмотрено. Оно читается в перечне "свобод и вольностей", которые немецкие купцы хотели получить в Новгороде. Сохранившийся в списке XIII в. этот документ, по общему мнению исследователей, представлял собой программу немецкой стороны на переговорах, завершившихся заключением договора 1269 г. Новгорода с Любеком и Готским берегом. Во всяком случае упоминание в документе "скалв" (libra), которые противопоставляются пуду (pondarium), говорят за то, что он был составлен не ранее 1262–1263 гг.[11]

Среди немецких пожеланий здесь, в частности, читается: "Si hospes veniens de superioribus partibus terrae versus Gotlandiam ire voluerit dabit ecclesiae sancti Vridach marcam argenti non plus"[12] ("Если гости, приходя из верхних частей земли, захотят идти на Готланд, дадут церкви святой Пятницы марку серебра, но не более"). Смысл этого текста убедительно раскрыл А.И. Никитский. Немецкие купцы, посещавшие Новгород, делились на приезжавших по морю и по суше ("водой и горой"). По установившемуся обычаю они должны были возвращаться тем же путем, каким и приехали. Если кто-либо из сухопутных купцов хотел в нарушение обычая ехать назад (на Готланд) морем, он должен был платить определенную пошлину церкви Св. Пятницы. Немецкие купцы лишь добивались, чтобы она не превышала определенного размера[13]. Очевидно, что пошлины уплачивались в пользу церкви Св. Пятницы, потому что она была храмом, находившимся под патронатом "заморских" купцов.

В документе отмечалось, что в случае возникновения какого-либо конфликта спорящие должны обратиться, с одной стороны, к старосте "гостей" (oldermanno hospitum), т.е. немецких купцов, а с другой – к тысяцкому и новгородскому старосте (duce et oldermanno Nogradensium). В таком "старосте", вероятно, следует видеть старосту "заморских" купцов.

Рассмотрение более поздних данных, касающихся церкви Св. Пятницы, показывает, что к середине XIV в. произошла смена ее светских патронов. В 1345 г. "заложи владыка Василий святу Пятницю, что порушилася в великии пожар, повелением раба божия Андрея, сына тысячского и Павла Петриловца"[14].

Очевидно, в положении "заморских" купцов к этому времени произошли какие-то серьезные изменения.

Высказать некоторые соображения о судьбе объединения "заморских" купцов и о характере организации новгородского купечества в XIV–XV вв. можно, сопоставив сведения об организации купцов, связанных с храмом Ивана на Опоках, в особом источнике "Устава Всеволода" с теми данными, которые содержатся в так называемом "Рукописании Всеволода", своеобразном уставе этого объединения. Судя по особенностям денежной терминологии памятника и характеру некоторых фигурирующих в его тексте топонимов, первоначальную редакцию памятника следует датировать серединой–второй половиной XIII в.[15]

При сопоставлении двух источников бросаются в глаза две особенности "Рукописания". Если в "Уставе" упоминается один иванский староста, то согласно "Рукописанию" во главе "иванского купечества" стоят двое старост[16]. Кроме того, компетенция этих старост (которые должны действовать совместно и под руководством тысяцкого) определяется в "Рукописании" самым широким образом: "управливати им всякию дела Иванскаа и торговая и гостиная и суд торговой"[17]. Раздельное упоминание "торговых" и "гостиных" дел, как представляется, говорит о том, что в ведении иванских старост находятся дела, касающиеся не только тех купцов, которые торгуют на месте ("дела торговая"), но и тех, которые занимаются далекой "заморской" торговлей ("дела гостинаа")[18]. Такое толкование источника можно подкрепить некоторыми дополнительными наблюдениями. Двое старост, стоящих согласно "Рукописанию" во главе "Иванского" купечества, неоднократно называются в нем "купецкими старостами"[19]. Между тем хорошо известно, что "купеческие старосты" (как правило – двое) в XIV–XV вв. постоянно участвовали в заключении договоров с немцами, скрепляя их своими печатями[20]. Участие старост в заключении договоров было, очевидно, связано с тем, что в их компетенцию входил разбор споров, возникавших в Новгороде между новгородскими и немецкими купцами.

Все эти наблюдения и соображения позволяют выдвинуть гипотезу, что "Иванское купечество" XV–XVI вв. сформировалось в результате слияния двух существовавших ранее разных купеческих объединений. После этого оно стало фактически не корпорацией купцов – торговцев воском, как это традиционно считается в научной литературе, а организацией, объединявшей в своих рядах все высшие слои новгородского купечества. Соответственно и стоявших во главе этого объединения купеческих старост следовало бы рассматривать как лиц, стоявших во главе новгородского купечества. Такое предположение хорошо объяснило бы, почему до нас не дошло ни одного подобного "Рукописанию" документа какой-либо другой новгородской купеческой корпорации, а сами тексты "Рукописания" сохранились в составе сборников, содержавших тексты наиболее важных общерусских и новгородских памятников права.

Можно предположительно наметить и возможное время слияния двух купеческих организаций. Если в немецких предложениях 60-х годов XIII в., адресованных Новгороду, говорилось об одном старосте, который вместе с тысяцким должен был ведать разбором споров между немцами и новгородцами, то в заключенном весной 1269 г. договоре говорится, что судебные споры должны рассматриваться "перед тысяцким, старостами ("dhen oldermannen") и перед новгородцами, а в другой статье договора отмечено, что споры должны рассматриваться "на дворе святого Ивана"[21].

Разумеется, при этом нет оснований сомневаться в том, что купцам-"вощникам" в среде Иванского купечества принадлежала доминирующая роль. Не случайно согласно "Рукописанию" одной из главных обязанностей старост было

взвешивать воск на весах "в притворе святого Ивана"[22]. Не связано ли утверждение ведущей роли "вощников" в новгородской купеческой корпорации с ослаблением роли и значения "заморских" купцов после установления господства Ганзы на Балтийском море?

[1] *Юшков С.В.* Устав кн. Всеволода // Серафим Владимирович Юшков. [Труды]. М., 1989. С. 358 и сл. (Труды выдающихся юристов). Наблюдения С.В. Юшкова, что речь должна идти об источнике, возникшем гораздо раньше, чем сам "Устав", были существенно уточнены и дополнены В.Л. Яниным (*Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 89–93).

[2] *Флоря Б.Н.* К изучению церковного устава Всеволода // Россия в Средние века и Новое время: Сб. статей к 70-летию члена-кор. РАН Л.В. Милова. М., 1999. С. 90 и сл.

[3] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 155.

[4] Там же. С. 155–156.

[5] Фрагмент такого образца найден при раскопках. См.: *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 48, № 7.

[6] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 30, 216–217.

[7] Там же. С. 28.

[8] Там же.

[9] Так полагает и В.Л. Янин (см. его комментарий к "Рукописанию Всеволода": Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 276).

[10] НПЛ. С. 50, 247.

[11] *Клейненберг И.Э.* Орудия взвешивания в балтийской торговле Великого Новгорода и Полоцка (до конца XV в.) // ВИД. Л., 1973. [Т]. V. С. 148–149.

[12] HUB. Halle a. S., 1876. Bd. 1. № 633. S. 231.

[13] *Никитский А.И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1883. С. 137.

[14] НПЛ. С. 357.

[15] См.: Российское законодательство... Т. 1. С. 278, 287, 289.

[16] Там же. С. 263.

[17] Там же.

[18] Ср. комментарий В.Л. Янина (Там же. С. 274).

[19] Там же. С. 274.

[20] Сводку соответствующих данных см.: *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. II: Новгородские печати XIII–XV вв. С. 108–109.

[21] ГВНП. М.; Л., 1949. № 31. С. 60.

[22] Российское законодательство... Т. 1. С. 263.

Р.К. Ковалев

ГАНЗЕЙСКАЯ ("дюжинная") ДЕРЕВЯННАЯ СЧЕТНАЯ БИРКА С ГОТСКОГО РАСКОПА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

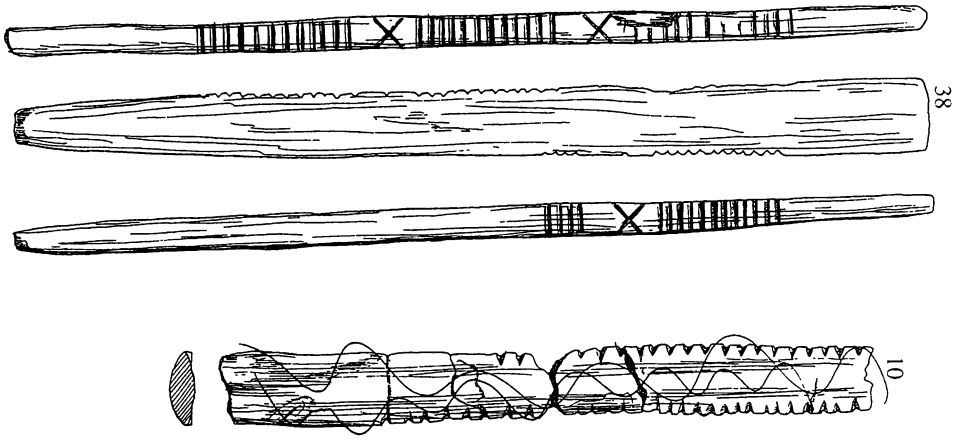
Хорошо известно, что на Готском раскопе, где исследовалось местонахождение ганзейского двора средневекового Новгорода, были найдены различные предметы западноевропейского происхождения[1]. На месте двора и прилегающей к нему территории археологи обнаружили множество вещей, несомненно принадлежавших приезжим ганзейским купцам эпохи позднего средневековья: счетные жетоны, игры, ювелирные изделия, кожаные коробочки-футляры, керамику, берестяную грамоту (№ 488), написанную на латыни готическим шрифтом, и т.д. Все эти находки свидетельствуют о присутствии в Новгороде немецких купцов и об их деятельности[2].

Одной из находок Готского раскопа является деревянная счетная бирка, имеющая уникальные характеристики в ряду новгородских бирок. Она была обнаружена в 1970 г. на уровне пластов 15–16, у выброса, и датируется в рамках XIV–XV столетий. Изделие имеет прямоугольную форму (33 × 1,3–2,7 × × 0,7–1,2 см) и заужено на одном из концов – этот конец вполне мог служить ручкой, за которую бирку держали во время нанесения на нее зарубок.

На бирке имеются 4 отдела по 12 зарубок (т.е. 4 дюжины зарубок), к которым добавлены еще 4 зарубки. Таким образом, на ней насчитывается 48 (4 × 12) + 4 деления. Три дюжины зарубок расположены на одной стороне бирки и одна дюжина, плюс 4 деления – на другой.

Три отдела на первой стороне бирки разделены двумя крестообразными знаками "X" – они высечены между 1–2 и 2–3 отделами, т.е. после 12-й зарубки первого и 12-й зарубки второго отделов; такой же X-знак следует после 12-й зарубки четвертой дюжины на второй стороне бирки, он отделяет от дюжины 4 дополнительные зарубки (см. рис.). Очевидно, израсходовав пространство на одной из сторон бирки, метчик перевернул ее на другую сторону и, добавив последнюю дюжину зарубок, после разделительного знака отметил четырьмя дополнительными делениями общее количество дюжин зарубок на бирке.

Именно деление зарубок на дюжины и делает эту бирку уникальной не только среди новгородских, но и всех найденных на Руси бирок. На ряде бирок, обнаруженных до сих пор в Новгороде (такие бирки составляют около 12% от приблизительно 570 штук), применяются различные системы счета зарубок: по 3, 7, 10, а на некоторых по 20 и 25 единиц. Иными словами, ряды зарубок на этих бирках разделяются на небольшие отделы и общее количество зарубок, нанесенных на такую бирку, обычно либо равно, либо кратно одному из вышеназванных чисел. Преобладающей системой на этих бирках является десятичная – на 15% всех новгородских счетных бирок (датируемых началом XI – серединой XV в.)[3], зарубки сгруппированы в отделы по 10 делений. Подобные бирки с делением зарубок на десятки были найдены в Старой Руссе[4], Москве[5], Ростове Великом[6] и в Вологде[7]. Но, за исключением бирки с Готского раскопа, на территории древнерусских земель до сих пор не было найдено ни одной бирки с 21-значной системой разделения зарубок. Единственным известным нам в настоящее время местом, где была обнаружена бирка, на которой счет велся по 12 единиц (первая половина XII в.), является Ополе – город, расположенный в



Ганзейская "дюжинная счетная бирка". Новгород. Готский раскоп. 1970 г.

верховьях р. Одер, в юго-западной Польше[8]. Однако в данной связи стоит отметить, что до сих пор почти не исследован достаточно большой объем норвежских бирок, найденных в Бриггене в Бергене (ок. 600 шт.)[9], а также бирки из Риги (автор статьи на данный момент не располагает сведениями об их количестве)[10]. Мы находим весьма вероятным, что в этих местах, расположенных к западу от Новгорода и посещаемых ганзейскими купцами, могли быть найдены бирки с такой 12-значной системой обозначений.

Наличие крестообразных знаков "X", которыми отделяются дюжины, – еще одна уникальная характеристика готской бирки. Такие крестообразные знаки совершенно нетипичны для новгородских, так же как и вообще для древнерусских, бирок. Тем не менее известно, что знаки "X" использовались на бирках из других частей Северной Европы. Особый интерес представляет тот факт, что такие крестообразные знаки можно найти на одной из бирок (середина XIV в.)[11], обнаруженных на Бриггене – торговом районе норвежского города Бергена, где, так же как и на Готском дворе в Новгороде, находилась Ганзейская контора[12].

Итак, выше мы отметили те черты бирки с Готского раскопа, благодаря которым она является необычной находкой как для Новгорода, так и для Руси в целом. Как уже говорилось, деление зарубок на дюжины, равно как и наличие крестообразных разделительных знаков, не было характерным для русских бирок; более того, дюжина в качестве счетной единицы в средневековой Руси не использовалась. Необходимо отметить, что слово "дюжина" является в русском языке заимствованным, оно было занесено в Россию вместе с самой этой единицей счета только в XVII в.[13] До этого времени мы вряд ли найдем примеры использования русскими людьми дюжины как стандартной счетной единицы. Однако дюжина была (и является) одной из фундаментальных единиц исчисления латинского Запада; в частности, именно дюжина определила отношение унции к фунту в весовой системе, использующейся во всей католической Северной Европе от средних веков до настоящего времени[14].

Известно, что ганзейские купцы, торговавшие на Руси, использовали дюжину в качестве одной из счетных единиц. Например, в IV Скре Ганзейской конторы в Новгороде (середина XIV в.) сообщается, что немецкие купцы должны были привозить в Новгород упакованные дюжинами четки[15]. Возможно, что опи-

санная нами бирка использовалась для подсчета товара именно такого рода по его прибытии в Новгород.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о взаимовлиянии ганзейской и новгородской счетных единиц. Опираясь на определенные данные (письменные источники, археологические открытия и т.д.), можно утверждать, что ганзейские купцы позаимствовали принцип русского сорочка[16] – стандартной упаковки меховых шкурок, состоявшей из 4 связок по 10 мехов, основывающийся на десятичной системе счета. Однако ганзейская дюжина так и не пустила корни в торгово-счетной практике средневекового Новгорода. Очевидно, новгородские купцы перепаковывали некоторые товары, купленные у немцев оптом, в соответствии с местными, новгородскими стандартами подсчета до того, как эти товары поступали в розничную продажу. Несомненно, что новгородцы отдавали предпочтение скорее традиционной десятичной системе счета, использовавшейся в Новгороде с XI в., чем дюжине. Пока что мы можем только строить предположения на тему, могло ли использование Ганзой дюжины в какой-то степени периодически осложнять коммерческие отношения этого торгового союза с Новгородом.

В заключение еще раз хочется подчеркнуть, что рассмотренная нами бирка, несомненно, является биркой ганзейского происхождения, использовавшейся немецкими купцами для подсчета определенного товара, так как: 1) она была найдена на территории Готского двора Новгорода и 2) ее уникальные в ряду новгородских бирок характеристики – группировка зарубок по дюжинам и наличие крестообразных разделительных знаков – не соответствуют стандартам, использовавшимся на Руси, однако находят параллели среди западноевропейских бирок и, шире, отвечают паттерну счетной системы, применявшейся на Западе. Как и многие другие предметы, обнаруженные на Готском раскопе, эта находка служит одним из доказательств коммерческой деятельности Ганзы в Новгороде в период позднего средневековья, а также, что немаловажно, свидетельствует о некоторых существенных культурных различиях между обоими торговыми партнерами.

[1] *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы в Новгороде в XII–XVII вв. М., 1986. С. 15–23.

[2] *Рыбина Е.А.* Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 197–226; *Варфоломеева Т.С.* Кожаные футляры в виде коробочек // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 192–202; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.) / Под ред. А.В. Арциховского и В.Л. Янина. М., 1978. № 488. С. 80–83.

[3] *Ковалев Р.К.* Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // РА. 2002. № 1. С. 38–56.

[4] 70/71-XI, 20-41-6; 72-XIII, 9-90-72; 87-XV, 25-12-32; 87-XV, 26-1-90; 87-XV, 26-2-97; 87-XV, 26-6-84; 87-XV, 26-20-61.

[5] *Рабинович М.Г.* О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XIV вв. М., 1964. С. 139–141, рис. 65:3.

[6] *Леонтьев А.Е.* Ростов эпохи Ярослава Мудрого: по материалам археологических исследований // История – археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 139–140; 143, рис. 7:1.

[7] ВГД-94, XIV, 3-(D-6)-109.

[8] *Hołubowicz W.* Opole w wiekach X–XII. Katowice, 1956. Rys. 124, a; S. 247, 287.

[9] *Grandell A.* Finds from Bryggen Indicating Business Transactions // The Bryggen Papers. Oslo, 1989. Supplementary Series, 2. S. 66.

[10] *Цауне А.* Рижские деревянные изделия XII–XIV вв. Предметы народного прикладного искусства // Народное прикладное искусство. Рига, 1989. С. 107.

[11] *Grandell A.* Op. cit. S. 67. Bild. 1.

[12] *Christensen A.E.* Scandinavia and the Advance of the Hanseatics // Scandinawian Economic History Review. 1957. Vol. 5. P. 106–108; *Gade J.* Hanseatic Control of Norwegian Commerce during the

Late Middle Ages. Leiden, 1951. P. 1–46. Также см.: *Helle K.* Bergen bys historie, I. Kongssete og kjøpstad: Fra opphavet til 1536. Bergen; Oslo; Tromsø, 1982.

[13] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. I. С. 560. Фасмер полагает, что слово "дюжина" было занесено в Россию во время военно-морских реформ Петра I в 1720-х годах. Однако упоминания этого слова в русских источниках встречаются уже в первой четверти XVII в. См.: Дюжина // Сл РЯ XI–XVII вв. М., 1977. Т. 4. С. 400.

[14] Интересно отметить, что даже в настоящее время яйца – один из основных продуктов питания – в некоторых странах Западной Европы (которые лишь частично подверглись влиянию метрической системы), а также в Северной Америке продаются дюжинами, в то время как в России принято считать яйца десятками.

[15] Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert / Hrsg. von W. Schlüter. Dorpat, 1911. IV. ст. 33.

[16] См.: *Noonan T.S., Kovalev R.K.* The Furry Forties: Packaging Pelts in Medieval Northern Europe. (В печати); *Ковалев Р.К.* Бирки-сорочки: упаковка меховых шкурок в средневековом Новгороде. (В печати.)

П.Г. Гайдуков

НОВГОРОДСКИЕ ЧЕТВЕРЕТЦЫ

Среди русских денег XV в. монеты Великого Новгорода занимают особое место. В течение всего средневековья этот город имел обширные торговые связи с другими русскими землями и с Западом, занимая выгодное положение главного транзитного центра в торговле Руси со странами Западной Европы. Отечественными нумизматами и историками давно установлено, что Новгород был основным пунктом, через который Русь получала драгоценные металлы, и в первую очередь серебро. С XII и до середины XV в. западное серебро в Новгороде переливалось в платежные слитки, которые распространялись по всей Руси[1].

Новгородские монеты всегда привлекали внимание исследователей, но основоположником новгородской нумизматики является И.И. Толстой. В его капитальном труде "Монеты Великого Новгорода", вышедшем в 1884 г., на основе изучения ок. 1500 монет изданы все известные на то время штемпели новгородских монет, снабженные их точными рисунками[2]. С 1965 по 1977 г. изучением новгородских денег ("новгородок") очень успешно занимался М.А. Львов, опубликовавший на эту тему несколько фундаментальных работ[3]. Из-за преждевременной кончины исследователя грандиозная задача, которую он ставил перед собой, – создание полного Свода новгородских монет, – осталась нереализованной. В последние годы отдельные сюжеты новгородской нумизматики активно разрабатывает М.П. Сотникова[4]. Благодаря трудам этих исследователей, основные этапы денежного дела в суверенном Новгороде в общих чертах известны, хотя для выяснения полной картины хронологии денежного чекана предстоит еще очень много работы. Внутренняя хронология чеканки основных типов новгородских денег, отличавшихся друг от друга буквенными обозначениями на лицевой стороне, уже прослежена М.А. Львовым и М.П. Сотниковой, но подробно они еще не изданы[5].

Новгород собственное денежное производство начал позже других эмиссионных центров. Новгородская летопись отмечает это: "В лето 6928. Начаша новгородци торговати денги серебряными"[6]. Таким образом, изготовление монеты началось в Новгороде в 1420 г. и продолжалось непрерывно в течение 58 лет до падения независимости и присоединения Новгородской феодальной республики к Москве в 1478 г. Монеты Новгорода "отличает редкостная верность однажды принятому типу" изображения[7]. На лицевой стороне новгородок помещена характерная двухфигурная композиция со стоящей (тип I) или сидящей (тип II) левой фигурой, которую исследователи рассматривают как символ новгородской государственности, а оборотную сторону занимает надпись "ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА" (Рис. 1: 1–4). Считается, что это продукция двух центров денежного производства (денежных дворов?), существовавших в Новгороде на протяжении всего периода чеканки собственных монет и таким образом помечавших свою продукцию[8]. В заключительный период существования новгородской независимости – ок. 1477 г. – выпускались монеты, на оборотной стороне которых была другая надпись: "ДЕНГА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ" или "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ" (так называемые "великокняжеские" новгородки) (Рис. 1: 5–6)[9]. В это же время начинается изготовление медных монет – пул – с надписью "КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО"[10]. Новгородские денги изготавливались из высокопробного серебра, их вес за все время существования чеканки

Рис. 1. Новгородские монеты (1420–1478 гг.): 1–2 – "малоформатные" (ранние) новгородки (1420–1447 гг.); 3–4 – "крупноформатные" (поздние) новгородки (1447–1478 гг.); 5–6 – "великокняжеские" новгородки (1478 г.). Увеличено в 1,5 раза

претерпел лишь незначительные колебания. Эти монеты можно назвать твердой "валютой", которая распространялась по всей территории средневековой Руси. Новгородки присутствуют практически во всех кладах, зарытых в конце XV–первой трети XVI в. и найденных на громадной территории от Пскова и Вологды до Казани. Масштабы чеканки этих монет были весьма велики. В настоящее время в музейных и частных коллекциях собрано более 15 тысяч денег Великого Новгорода.

В Новгородской летописи под 1447 г. повествуется о денежном бунте[11]. В 1447 г. в Новгороде произошло изъятие старых денег и начался переход к чеканке новых из-за злоупотреблений, обнаруженных в литье слитков и чеканке монеты[12]. Именно поэтому ранних (до 1447 г.) или старых (так называемых "малоформатных") новгородок известно всего ок. 150 экз. (Рис. 1: 1–2). Факт именно преднамеренного изъятия из денежного обращения ранних новгородок доказывается как их явно заниженным весом (0,76 г против "уставного" в 0,80–0,81 г), так и необычайно низким количеством штемпельных связей у этих монет[13]. Ранним новгородкам обоих типов (и с сидящей, и со стоящей левой фигурой) присущи некоторые черты, заметно отличающие их от более поздних новгородских денег. М.П. Сотникова сформулировала эти отличия: «1. Размер поля заметно мал (диаметр бусового ободка колеблется в пределах 11–13 мм против 15–17 мм у новгородок остальных типов). 2. При значительно меньшем в сравнении с остальными новгородками размере, но при том же весе они выглядят более плотными, "толстыми". 3. Визуально эти монеты легко выявляются и по цвету: на общем фоне монет из высокопробного серебра они выделяются темной, почти черной поверхностной пленкой окиси, что производит впечатление их низкой пробы»[14]. Темный цвет этих монет объясняется не низким

качеством серебра, а какой-то другой спецификой металла, поскольку их опробирование в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа показало безукоризненно высокую 960-ю пробу. Средний же вес ранних новгородок составляет всего 0,76 г (против весовой нормы в 0,80–0,81 г).

Поздних (чеканенных после 1447 г.) или новых (так называемых "крупноформатных") новгородских денег насчитывается ок. 15 000 экз.[15] (Рис. 1: 3–4).

Весовая норма новгородских денег, как уже говорилось, составляет около 0,80–0,81 г[16]. Этот вес не был постоянным и несколько раз колебался за период с 1447 по 1478 г. М.А. Львовым установлено три цикла понижения веса новгородок (до 0,77–0,78 г) и обратного его повышения. Последнее по времени повышение веса денги приходится на заключительный этап чеканки "великокняжеских" новгородок. Причину этих колебаний М.А. Львов видит не в изменениях весовой нормы новгородской чеканки, а в злоупотреблениях денежников[17].

По летописным данным, в 1447 г. (и, конечно, до и после этого) весовой нормой новгородской денги был вес в 4 почки: "И посадники, тысяцькіи и весь Новгород оуставиша 5 денежников, и начаша переливати старые денги, а новые ковати в ту же меру, на 4 почки таковы же..."[18] Таким образом, если теоретический вес новгородской денги составлял ок. 0,80–0,81 г (4 почки), то вес почки в Новгороде в XV в. равнялся 0,2000–0,2025 г (следует помнить, что реальный вес монеты всегда ниже "уставного").

На протяжении всего периода собственного денежного производства новгородские денежные мастера в процессе изготовления монет использовали только вырезанные вручную штемпели. Маточник в Новгороде не применяли. Однообразные по своему оформлению новгородские монеты, таким образом, запечатлели огромное количество разных штемпелей лицевой и оборотной сторон, и именно в этом состоит вся сложность работы с ними. Исследователю, берущемуся за изучение новгородок, необходимо научиться различать детали сотен различных штемпелей и на этой основе составить единую схему соотношения монет, изготавливавшихся непрерывно с 1447 по 1478 г. Только такая схема позволит окончательно выяснить хронологию отдельных монетных типов. Эта грандиозная работа, начатая М.А. Львовым и продолженная М.П. Сотниковой, еще очень далека от завершения.

Изложенные выше общие сведения о новгородских денгах необходимы для рассмотрения фракции денги – четверетцы.

* * *

В письменных источниках времени существования новгородской монетной системы нет свидетельств того, что в Великом Новгороде, кроме денги, существовала еще одна серебряная монета – четверетца, которая являлась фракцией денги и составляла 1/4 ее часть.

Такие свидетельства есть в более поздних источниках. Новгородские писцовые книги, составлявшиеся в разных пятинах в самом конце XV в. (1495–1501 гг.), ведут денежный счет "в новгородское число", и в них при обозначении денежного дохода очень часто упоминаются четверетцы. Приведу лишь несколько примеров. "И того корму волостемо съ тиуномъ и съ доводчикомъ на весь годъ на три праздники четыре денги с четверетцею". "А дохода денгами и съ ключникомъ шестънадтцать гривень и пол-пяты денги съ четверетцою". "А новые пошлины ключничи давати ему съ тое полуобжы на Рожество Христово денга московская, а на Великъ день четверетца, а на Петровъ день четверетца"[19]. Фактически в писцовых книгах счет идет на полушки, но называются они четверетцами. Таким образом, писцовые книги устанавливают

тождество этих денежных единиц. Исследователи писцовых книг отмечают упоминание в них следующих фракций денги: полденги (иногда назывались "денга московка" или просто "московка"), четверетцы и даже полчетверетцы[20].

Монетное название "четверетца" на северо-западе Московского государства бытует долго. В середине XVI в. его отметил русско-нижненемецкий словарь Берлинской библиотеки. В нем полушка названа четверетцей, а копейка – денгой: "Setweretz dat ist vierte part ein Dening"[21].

Термин "четверетца" есть и в известном источнике "Память, как торговали доселе новгородцы". Это запись в Минее 1494 г. из собрания Соловецкого монастыря, она датирована рубежом XVI–XVII вв. "Память" – ценный, но неоднозначно толкуемый текст, в котором устанавливаются соотношения между различными денежными единицами, использовавшимися в Новгороде в начале XV в. Четыре раза в нем упоминается термин "четверетца". Этот источник неоднократно рассматривался историками[22]. У исследователей всегда получался разный результат при исчислении веса четверетцы (1,93 г – у И.Э. Клейненберга, 0,567 г – у В.Л. Янина, 2,17 г – у С.Н. Кистерева) и, наверное, прав С.Н. Кистерев, написавший: «...упомянутая "Памятью" четверетца – не четвертая часть денги конца XV в., а, вполне возможно, счетная величина, равная четырем другим единицам»[23]. По крайней мере, вес реальной новгородской четверетцы (0,19 г) не имеет ничего общего с теоретически высчитанными весами, указанными выше.

Новгородские четверетцы в силу своей редкости, никогда не изучались. И.И. Толстому они были вообще не известны, так как в его книге не издано ни одной такой монеты. В ней есть лишь два типа новгородских полушек XVI в. Даже в 1920-е годы крупнейшие отечественные нумизматы еще не знали о существовании фракций новгородской денги периода независимости. Так, А.А. Ильин в письме от 7.XI.1930 г. писал А.В. Орешникову: "Из новогородок необходимо пересмотреть полушки. Последнее время (за революцию) в Эрмитаж поступили новые типы, и есть основание даже предположить, что их чеканили, так же как и псковские, во время самобытия. Пишу это, чтобы Вас заинтересовать, т.к. знаю, что новгородки Вас мало трогают..."[24]

В музейных коллекциях новгородских четверетц очень мало. В двух крупнейших собраниях страны, к примеру, находится всего восемь таких монет (ГЭ – 7 экз., ГИМ – 1 экз.). Основное количество новгородских четверетц появилось в 1970-е–1980-е годы в результате массовых сборов в Новгороде на берегу Волхова. Только благодаря этому сейчас стало возможным изучение этой новой страницы в истории русского монетного чекана XV в.

Новгородские четверетцы отмечены лишь в двух кладах.

В Нередицком кладе, захороненном ок. 1474 г., найденном в 1947 г. и переданном на хранение в Новгородский музей, было 22 четверетцы. В конце 1950-х годов их оставалось 20 экз.[25], а в конце 1970-х годов в музее была обнаружена пропажа всех оставшихся четверетц (см. Прил. № 1). К счастью, имеются некоторые архивные материалы по этому кладу. Д.А. Петров передал мне фотографию части клада и свинцовой кубышки, в которой он был найден, негатив которой хранится в архиве Государственного музея архитектуры им. Щусева (музейный № ГУОП-11976). На ней видны семь четверетц, из которых три повернуты оборотной стороной, а четыре – лицевой стороной. На трех из последних видна птица, стоящая или идущая влево, а на одной – летящая вправо (Рис. 3). По лицевой стороне удалось определить три монеты, по оборотной – две. Данные о весе 20 четверетц обнаружены М.П. Сотниковой в бумагах М.А. Львова (хранятся в архиве Отдела нумизматики ГЭ), который работал с этим кладом в середине 1970-х годов[26].

Рис. 2. 1–5 – новгородские четверетцы, типы I–V (1420–1478 гг.). Увеличено в 1,5 раза

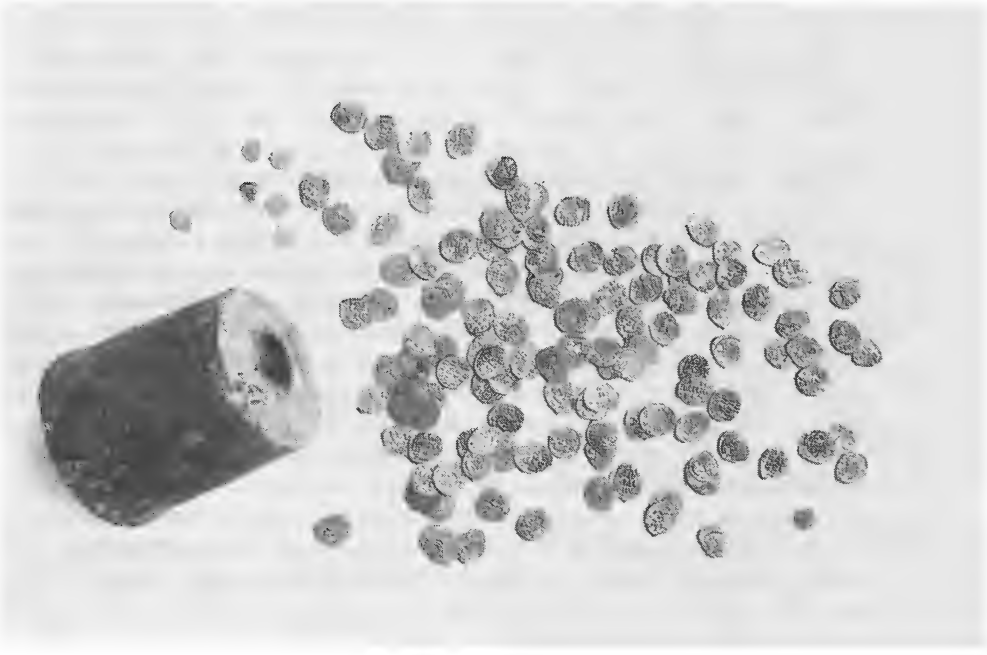


Рис. 3. Клад новгородских монет, найденный в 1947 г. при разборе завалов церкви Спаса на Нередице. Общий вид кубышки и части монет клада. Видны семь четверетц: вверху слева (6 экз.) и внизу справа (1 экз.)

В кладе из д. Проскурка, захороненном в 1608 г., есть одна обрезанная четверетца весом 0,13 г (см. Прил. № 2).

На лицевой стороне новгородских четверетц изображена стоящая или летящая птица, а на оборотной – надпись в несколько строк "ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА". В настоящее время их зарегистрировано 106 экз. По положению птицы они условно разделены на четыре типа: птица летит вправо (тип I), птица летит влево (тип II), птица стоит или идет вправо (тип III) и птица стоит или идет влево (тип IV). Всего в типах I–IV насчитывается 76 вариантов. Есть еще тип V новгородских четверетц, в который выделены монеты с надписью "ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ" (всего 2 варианта, 2 экз.) (Рис. 2).

Монеты типа I разделяются на 14 вариантов, их насчитывается 16 экз. Лишь семь вариантов связаны общими штемпелями, образуя общие группы по две–три монеты. Остальные семь вариантов отчеканены изолированными друг от друга парами штемпелей.

Монеты типа II – самые многочисленные (57 экз.). Они разделяются на 38 вариантов. Наличие штемпельных связей между вариантами здесь также невелико. Можно отметить лишь варианты 15–20 (объединены одним штемпелем лицевой стороны), 31–34 (объединены одним штемпелем оборотной стороны), да варианты 26–28 (два лицевых и два оборотных штемпеля). Для остальных вариантов совпадение штемпелей минимально (варианты 9–10, 15–16 и 31–32). В 19 случаях монеты отчеканены изолированными друг от друга парами штемпелей.

Монет типа III насчитывается 9 экз. Они разделяются на семь вариантов. Штемпельные связи между вариантами типа минимальны (варианты 3–4), однако прослежена взаимосвязь с монетами типов II и IV (варианты 15 и 60). В трех случаях монеты отчеканены изолированными друг от друга парами штемпелей.

Монет типа IV насчитывается 22 экз. Они разделяются на 17 вариантов. Случаи совпадения штемпелей для разных вариантов, как и у монет других типов, нечасты (варианты 1–4, 10–11, 13–14, 15–16). В семи случаях монеты отчеканены изолированными друг от друга парами штемпелей.

Большинство вариантов монет всех типов состоит из одной, реже – двух–трех монет, 7 экз. – максимальное количество новгородских четверетц в одном варианте.

Предложенное разделение монет на типы не хронологическое, а стилистическое. Трудно сказать, сменяли ли типы друг друга или их чеканка осуществлялась одновременно. Вполне возможны оба варианта, однако наличие общих штемпелей у монет трех разных типов (варианты 15, 53, 60) больше свидетельствует в пользу второго предположения. Вполне вероятно также, что по положению птицы (летящая или стоящая) различалась продукция разных денежных дворов (подобно сидящей или стоящей левой фигуре на денгах). Для пяти вариантов четверетц (в типах I, II и IV) установлено использование оборотного штемпеля денег. Это свидетельство того, что четверетцы чеканились одновременно и в одном месте с денгами. Четыре таких штемпеля определены на прорисях новгородских денег, опубликованных И.И. Толстым, пятый атрибутирован лишь приблизительно[27] (Рис. 4). Нередицкий клад подтверждает одновременность нахождения в денежном обращении 1470-х годов нескольких (не менее двух) типов четверетц.

Наблюдение за четверетцами I–IV типов позволяет высказать следующие соображения. В денежном производстве Новгорода было, вероятно, большое количество подобных монет. Незначительные поштемпельные связи между отдельными вариантами указывают лишь на ограниченность материала. Вся практика монетного дела в Новгороде показывает, что при ручной резке монетных штемпелей в денежном производстве одновременно находилось несколько пар этих орудий. Установление максимальных поштемпельных связей между монетами происходит только при привлечении всего возможного материала. Это хорошо проиллюстрировано М.А. Львовым, показавшим, как единичные связи между монетами одного из типов новгородских денег, хранящихся в собраниях трех музеев (ГЭ, ГИМ и НМ), дают непрерывную "цепочку" штемпельных связей только в результате суммирования всех полученных данных[28]. С обнаружением новых монет будут появляться не только новые штемпели, но и выявляться новые поштемпельные связи между уже известными четверетцами.

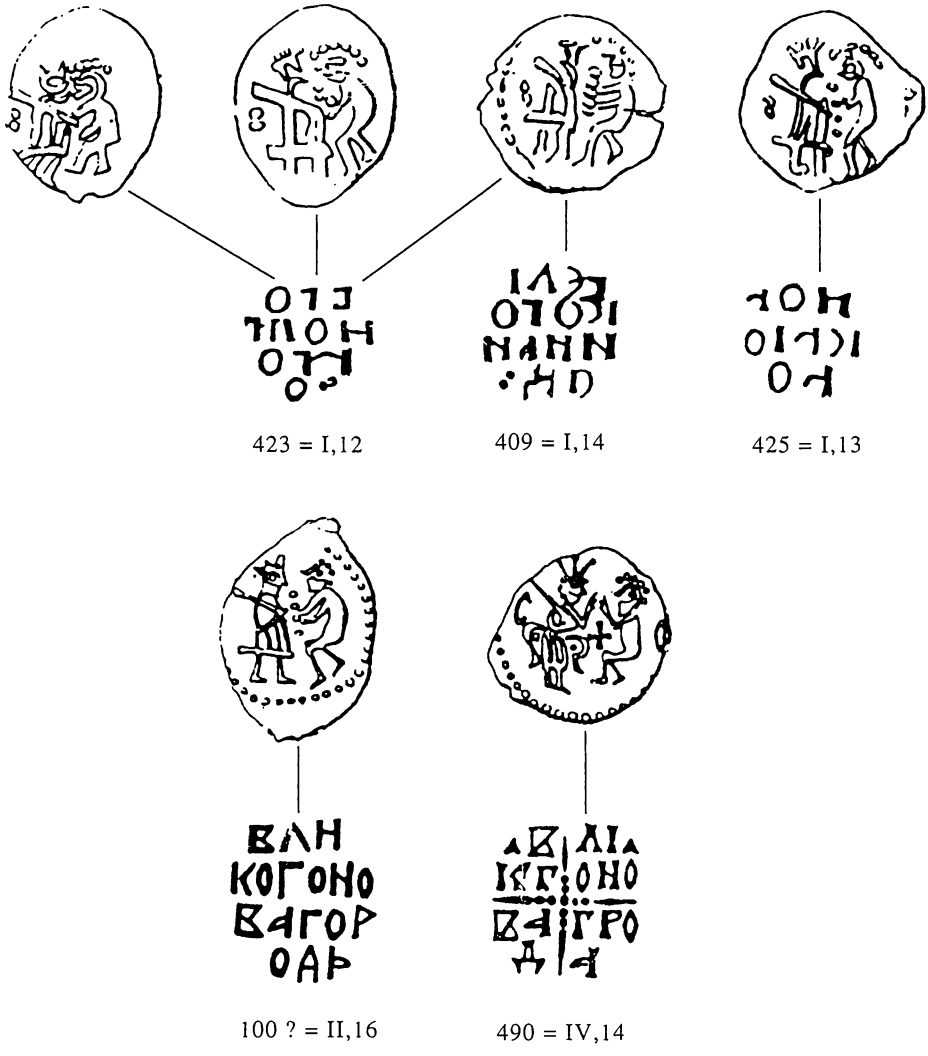


Рис. 4. Новгородские денги, связанные общими штемпелями оборотной стороны с четверетцами (по И.И. Толстому, 1884 г.). Первая цифра под прорисями – номер денги по И.И. Толстому, вторая – тип и вариант четверетцы. Увеличено в 1,5 раза

Монеты типа IV, вероятно, самые поздние по времени чеканки. Об этом говорит тот факт, что оборотная сторона одной из четверетц (вариант 14) выбита штемпелем для денги, надпись которой крестом разделена на четыре части. А денги с оборотной стороной именно такого типа, как доказал М.А. Львов, являются последними выпусками монет суверенного Новгорода. Для чеканки первых "великокняжеских" новгородок были использованы штемпели лицевой стороны денег с крестом на оборотной стороне[29]. Кроме того, на монетах как типа IV, так и типа V, помещено изображение птицы, идущей влево, что также может свидетельствовать о близком времени их выпуска. Таким образом, это самая последняя группа монет независимого Новгорода.

Чеканка новгородских четверетц завершается монетами типа V (2 экз., 2 варианта). Их известно всего две, что указывает на непродолжительность времени их изготовления. Они тесно примыкают к "великокняжеским" денгам и пулам, которых также известно немного: соответственно 367 и 74 экз. Все эти монетные номиналы следует датировать коротким временем сразу после присоединения Новгорода к Москве в 1478 г.[30]

Датировать выпуск большинства новгородских четверетц следует 1447–1478 гг. Среди них, вероятно, очень мало монет, изготовление которых можно было бы отнести к 1420–1447 гг. Ранние ("малоформатные") новгородки, как уже говорилось, несколькими признаками и весом отличаются от более поздних монет. Эти монеты более мелкие по размерам, но более плотные ("толстые") и, главное, визуально легко выявляются по цвету: они очень темные, почти черные. О четверетцах, визуально отличающихся от основной массы монет, и которые можно было бы датировать временем до 1447 г., говорить пока можно лишь предположительно. В такую группу я выделяю монеты вариантов 22–37 типа II. Об их архаичности по отношению к другим четверетцам могут свидетельствовать следующие наблюдения. Во-первых, особенности палеографии надписей, очень близких имеющимся на ранних новгородках. Во-вторых, темный цвет некоторых из них, что тоже весьма похоже на денги, выпущенные до 1447 г. В-третьих, их форма: почти всегда овальные монетные заготовки сильно вытянуты и имеют по краям следы разруба проволоки. Именно такова форма ранних псковских четверетц[31]. Теоретически присутствие в новгородской монетной чеканке 20-х–40-х годов XV в. фракции денги не только возможно, но даже обязательно. Косвенное подтверждение тому мы находим и в монетном деле Пскова, где чеканка четверетц прослеживается с самого начала самостоятельного денежного производства. Однако все эти наблюдения останутся лишь предположениями до тех пор, пока в будущем не найдутся более надежные нумизматические подтверждения. Такими могут быть, к примеру, общие штемпели оборотной стороны у ранних денег и четверетц.

Итак, в настоящее время имеются сведения о 128 новгородских четверетцах. 106 из них осмотрены визуально. Из 22 монет, находившихся в Нередицком кладе, вес известен у 20 экз., а изображение имеется лишь у семи (только с одной стороны). Из 106 монет только 74 сохранились хорошо, а остальные 32 обрезаны (в их числе есть 11 обломанных).

74 полновесные четверетцы имеют средний вес 0,19 г. Такой же вес показывает и четкий пик графика весовой диаграммы (Рис. 5: правая часть). Таким образом, метрология этих монет очень логично увязывается с весом старшего номинала новгородской денежной системы: они действительно составляют четвертую часть денги. Следует считать установленным, что новгородские четверетцы изготавливались в размер почки, вес которой в новгородской метрологии XV в. слегка превышал 0,20 г.

30% всех новгородских четверетц оказались обрезанными. Большинство обрезанных монет (без других видимых дефектов) имеют вес 0,13–0,15 г (18 из 21 экз.) (Рис. 5: левая часть). Вполне вероятно, что некоторые из них – следы денежного кризиса 1520-х годов, когда обрезание монеты приобрело массовый характер[32]. Однако относить всю эту группу монет к периоду денежного кризиса трудно, поскольку обрезанных монет очень много. Можно высказать следующее предположение: новгородские четверетцы находились в денежном обращении Новгорода и после его присоединения к Москве. Они пережили правление Ивана III и Василия III, а в период проведения денежной реформы Елены Глинской 1535–1538 гг., наряду с введением полушек нового образца[33], правительст-

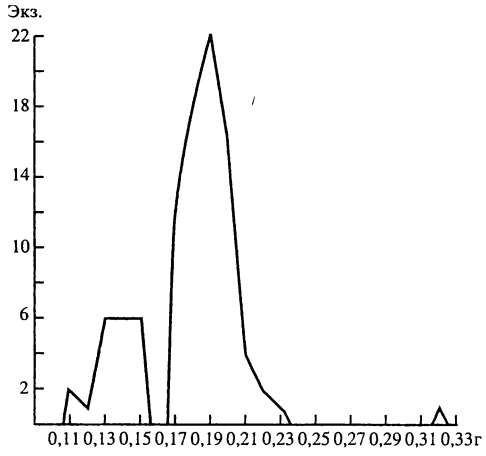


Рис. 5. Весовая диаграмма новгородских четверетц. Типы I–V. 96 экз.

во могло снова оставить старые новгородские четверетцы в денежном обращении Новгорода, предварительно обрезав и подогнав их вес под весовую норму новых монет. Внешний вид этих монет вполне похож на оформление новых новгородских полушек. Старые монеты могли использовать в первые годы проведения реформы, когда новых полушек было еще мало.

Если это так, то мы сталкиваемся с интересным свидетельством длительного массового обращения суверенных новгородских четверетц много позже времени прекращения их изготовления и включения Новгорода в состав Московского государства. Это предположение отчасти подтверждается обрезанной новгородской четверетцей в кладе начала XVII в. Она свидетельствует о том, что часть этих монет находилась в денежном обращении на протяжении всего XVI в. Высказанное предположение смелое, но объяснить по-другому факт массового обрезания этих монет затруднительно.

Таким образом, рассмотрение всех данных, изложенных выше, позволяет сделать следующие выводы. Новгородская монетная система периода независимости состояла из двух денежных номиналов: денги (вес ок. 0,76–0,80 г) и четверетцы (вес ок. 0,19 г). Денги изготавливались в вес четырех, а четверетцы – одной почки. Вес новгородской почки в XV в. слегка превышал 0,20 г. Одновременное обращение этих номиналов надежно установлено для второго периода суверенной новгородской чеканки (1447–1478 гг.), а для первого периода (1420–1447 гг.) чеканка фракций денги предполагается, но пока нумизматически надежно не установлена. Во время изготовления денег с надписью "ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА" параллельно выпускались четыре типа четверетц с такой же надписью. Самым поздним типам новгородок с надписью "ДЕНГА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ" соответствуют фракции денги с надписью "ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ" (тип V).

Новгородским денежным мастерам была вполне доступна техника изготовления монет с небольшим разбросом веса от заданной весовой нормы. Об этом говорит форма весового треугольника на графике четверетц с узким основанием и высокой вершиной (Рис. 5: правая часть).

Новгородские четверетцы очень малочисленны и вошли в сферу внимания нумизматов совсем недавно. Сейчас их известно, как уже говорилось, всего 128 экз., что составляет менее 1% по сравнению с денгой. Такое небольшое количество четверетц свидетельствует о том, что их, возможно, изготавливали гораздо меньше, чем монет основного номинала. С другой стороны, эти монеты, подобно пулам, практически не попадали в клады, а ведь именно клады всегда были основным источником формирования фонда русских монет XV–XVII вв. После присоединения Новгорода к Москве четверетцы, очевидно, оставались в денежном обращении вплоть до реформы Елены Глинской 1535–1538 гг., а может быть, и некоторое время спустя после ее проведения. Топография монетных находок свидетельствует, что эти монеты обслуживали, видимо, только

нужды Новгорода и его земель. По крайней мере до сегодняшнего дня находки новгородских четверетц зарегистрированы только в Новгороде.

Следует признать, что из-за малочисленности монетного материала некоторые из вышеизложенных положений следует признать лишь предварительными рассуждениями, которые, с появлением новых монет, вполне вероятно, будут пересмотрены. Однако рассчитывать на массовые находки новгородских четверетц в ближайшем будущем не приходится.

[1] *Сотникова М.П.* Начальный период (1420–1447) суверенной чеканки Великого Новгорода // Монета. Вологда, 1995. Вып. 3. С. 4. В примеч. 1 на с. 17, 18 литература по вопросу.

[2] *Толстой И.И.* Русская допетровская нумизматика. СПб., 1884. Вып. 1: Монеты Великого Новгорода.

[3] *Львов М.А.* К методике изучения монет Великого Новгорода // НС: Материалы к нумизматическому каталогу собрания ГИМ. М., 1971. Ч. 4, вып. 1. С. 28–42; *Он же.* О некоторых технических особенностях изготовления монетных штемпелей в Великом Новгороде // НЭ. М., 1971. Т. IX. С. 133–143; *Он же.* К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV в. // Мец Н.Д. Монеты великого княжества Московского: 1425–1462. М., 1974. С. 127–141 (НС: Материалы к сводному каталогу [ГИМ]. Ч. 3); *Он же.* "Великокняжеские" новгородки: Опыт поштемпельного анализа русских монет XV в. // Русская нумизматика XI–XX вв. Л., 1979. С. 29–47; *Он же.* О весе денги Новгорода Великого // Советский коллекционер. М., 1981. Вып. 19. С. 97–101.

[4] *Сотникова М.П.* Первые монеты Великого Новгорода: 1420–1447 // ВНК: Тез. докл. и сообщ.: Вологда, 18–21 мая 1993 г. Вологда, 1993. С. 31–35; *Она же.* Новгородский чекан 1447 г. // ВНК: 6–8 апреля 1994 г.: Тез. докл. СПб., 1994. С. 13–14; *Она же.* Начальный период... С. 4–21; *Она же.* Хронология денежного чекана Новгорода: 1420–1478 // Третья ВНК в г. Владимире 17–21 апреля 1995 г.: Тез. докл. М., 1995. С. 42–44; *Она же.* Денежный чекан Великого Новгорода в 1447 г. // Монета. Вологда, 1999. Вып. 6. С. 27–35.

[5] *Сотникова М.П.* Денежный чекан Великого Новгорода... С. 28–33.

[6] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 412.

[7] *Спасский И.Г.* Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк. 4-е изд., доп. Л., 1970. С. 99.

[8] *Сотникова М.П.* Денежный чекан Великого Новгорода... С. 30, 31.

[9] *Львов М.А.* "Великокняжеские" новгородки... С. 29–47.

[10] *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М., 1993. С. 64–66.

[11] ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV, ч. 4. С. 442, 443.

[12] *Сотникова М.П.* Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV–XV вв.: Дело Федора Жеребца, 1447 г. // СА. 1957. № 3. С. 54–59.

[13] *Сотникова М.П.* Начальный период... С. 9, 17.

[14] Там же. С. 9.

[15] *Сотникова М.П.* Начальный период... С. 9; *Она же.* Денежный чекан Великого Новгорода... С. 28.

[16] *Львов М.А.* К вопросу о методике метрологического исследования... С. 139–141; *Он же.* О весе денги Новгорода Великого... С. 100.

[17] *Львов М.А.* О весе денги Новгорода Великого... С. 100.

[18] ПСРЛ. Т. IV, ч. 4. С. 442, 443.

[19] НПК. СПб., 1862. Т. 2. Стб. 99; СПб., 1868. Т. 3. Стб. 142, 6.

[20] *Бассалыго Л.А.* Новгородские писцовые книги рубежа 15–16 вв.: Справочник по статьям доходов, мерам и ценам // Писцовые книги Новгородской земли. СПб., 1999. Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К.В. Баранов. С. 298, 299.

[21] *Потин В.М.* Талеры на территории Русского государства в XVI–XVII вв. // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 83.

[22] *Прозоровский Д.И.* Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865. С. 174–177; *Черепнин А.И.* О гривенной денежной системе по древним кладам // Труды Моск. нумизматического общества. М., 1900. Т. II, вып. 2. С. 208–210; *Орешников А.В.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 22–23 (Тр. ГИМ. Вып. 6); *Клейненберг И.Э.* О денежных единицах в "Памяти, как торговали доселе новгородцы" // ВИД. Л., 1982. [Т]. XIII.

С. 148–155; *Янин В.Л.* "Память, как торговали доселе новгородцы": К вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в. // ВИД. М., 1985. Т. XVI. С. 98–114; *Кистерев С.Н.* Деньги в Новгороде на рубеже XIV–XV вв. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 59–84.

[23] *Кистерев С.Н.* Указ. соч. С. 77.

[24] Переписка А.А. Ильина и А.В. Орешникова. № 19 // Архив Отдела нумизматики ГЭ.

[25] *Янин В.Л.* Монетные клады Новгородского музея // НЭ. М., 1960. Т. II. С. 143. № 4.

[26] Пользуюсь возможностью высказать благодарность за помощь М.П. Сотниковой и Д.А. Петрову.

[27] *Толстой И.И.* Монеты Великого Новгорода... С. 42. № 409, 425, 423; С. 44. № 490; С. 34. № 100.

[28] *Львов М.А.* "Великокняжеские" новгородки... С. 35. Табл. IV.

[29] Там же. С. 38–39. Табл. VI.

[30] Там же. С. 34; *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты... С. 64–66.

[31] *Гайдуков П.Г.* Псковские четверетцы // АИППЗ: Материалы научного семинара за 2000 г. Псков, 2001. С. 102, рис. 1.

[32] *Спасский И.Г.* Русская монетная система... С. 109, 110.

[33] *Гайдуков П.Г.* Младшие монетные номиналы средневековой Руси: Четверетцы, полушки и пула конца XIV–XVII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 20–26.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК КЛАДОВ РУССКИХ МОНЕТ XV – НАЧАЛА XVII в. С НОВГОРОДСКИМИ ЧЕТВЕРЕТЦАМИ

1. Спас–Нередицы, с. (руины Спасо-Нередицкой церкви), Новгородский р-н., Новгородская обл., 1947 г. Количество монет – 533 экз. Количество полушек – 22 экз. Состав: новгородские четверетцы разных типов; вес 20 экз. – 0,15, 0,17 (2 экз.), 0,18 (6), 0,19 (3), 0,20 (6), 0,21, 0,32 г. Дата захоронения – около 1474 г. Место хранения – НМ, № 248 (к концу 1950-х гг. в музее в составе клада хранилось 20 четверетц, а в конце 1970-х годов была обнаружена пропажа всех этих монет).

Изд.: Шуляк Л.М. Раскопки руин церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода // Практика реставрационных работ. М., 1950. Сб. 1. С. 132; *Мельникова А.С.* Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1952–1954 гг.) // КСИИМК. 1957. Вып. 67. С. 155. № 48 (четверетцы не отмечены); *Янин В.Л.* Монетные клады Новгородского музея // НЭ. 1960. Т. II. С. 143. № 4 (отмечено наличие 20 четверетц); *Львов М.А.* "Великокняжеские" новгородки: Опыт поштемпельного анализа русских монет XV в. // Русская нумизматика XI–XX вв.: Материалы и исследования. Л., 1979. С. 31–32. Табл. II; *Шуляк Л.М.* Раскопки руин церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода // Шуляк Л.М. Об архитектуре Новгорода: Сб. статей. Новгород, 1998. С. 10.

2. Проскурка, д., Любытинский р-н, Новгородская обл., до 1970 г. Количество монет – 114 экз. (Часть клада.) Количество полушек – 1 экз. Состав: новгородская четверетца с изображением птицы, летящей влево, вес 0,13 г (обр.). Дата захоронения – 1608 г. Место хранения – НМ, № 31563.

Известен по архиву А.С. Мельниковой. Разобран и датирован А.С. Мельниковой. Четверетца осмотрена автором в 1996 г.

Зигмантас Кяупа

МОСКОВСКИЕ КУПЦЫ В ВИЛЬНЮСЕ В СЕРЕДИНЕ XVI века

При изучении контактов купцов Вильнюса в середине XVI в. были выявлены четыре наиболее многочисленные группы иностранных купцов, посещавших столицу Великого княжества Литовского. Это купцы *земли Московское, цесаря турецкого*, Польши и немецких городов[1]. Ранее нами был опубликован выборочный список купцов *земли Московское*, однако обстоятельства их пребывания в Вильнюсе были прокомментированы только в отдельных случаях[2]. Поэтому представляется полезным более пристально приглядеться к московским купцам в Вильнюсе, по возможности, насколько позволяют источники, всесторонне изучить характер их деятельности, сношения с местными и приезжими купцами, а также людьми других сословных групп, что должно дать новый материал и для истории Вильнюса, и для истории литовской "московской", т.е. русской, торговли.

Главным источником остаются актовые книги *наместника виленского*, хранящиеся в Литовской метрике[3] и входящие в группу книг так называемого Вильнюсского замкового суда[4]. Особо информативными оказались книги наместника Станислава Гамшея по городским делам за 1559–1564 гг.[5] Единичные записи с упоминанием московских купцов встречаются и в других книгах Литовской метрики. Всего в нашем распоряжении имеется 37 записей за 1550–1562 гг., из них 29 записей из *городских* книг наместника.

При характеристике источника необходимо заметить, что до нас дошли имена и сведения о деятельности тех купцов, которые по разным причинам сами обратились в суд наместника или же привлекались по искам других лиц. Но можно полагать, что не все московские купцы, посещавшие в изучаемое время Вильнюс, даже большинство из них, были вынуждены обращаться в упомянутый суд, а посему не оставили следа в источнике и таким образом не попали в поле исследования. Тем более, что другие источники почти ничего о них не сообщают. По этой причине количественные характеристики посещавших Вильнюс московских купцов и объема их торговли не представляются возможными.

* * *

Купцы земли московское – это наиболее часто встречающееся в изучаемых книгах обозначение купцов, прибывших в Вильнюс из Русского государства. Еще встречается *купец московский* и однажды *купец великого князя московского*. Но сколько среди этих купцов москвичей, определить по нашему источнику невозможно. Приведенные определения распространяются на купцов всего Русского государства: *москвитин Васильи Дементеевич старечанин* (т.е. из г. Старицы)[6]; *купец великого князя московского Васко Микитич зо Пскова* в той же записи именуется *Васко москвитин*[7], *москвитин або псковитин Захаръя* в той же записи – *псковитин Захаръя Борусов*, в другой – *купец московский Захаръя Борусов* (варианты фамилии – *Бороус, Бороусов, Боровусов*)[8]. Легче определить купцов из других русских городов, не москвичей. Кроме уже названных, это *Ждан Мартиянов, купец смоленский*[9]; *купец московский Иван везмитин*[10]; *купцы земли московское Василий Козлов, псковитин*[11], *старечанин Васко Фокин (Фофин) сын*; *Яков, псковитин; Никифор, тверчанин*[12]; *купец московский*

Демид, новогородец[13], *Евдоким Михайлов сын Епонечников, псковитин*[14]; *купец московский Яков, лучанин*[15]. Бросается в глаза сравнительная многочисленность купцов из Пскова – 5 человек. Другие города в этом списке представлены одним-двумя купцами. Все названные купцы прибывали в Вильнюс из городов, расположенных в северо-западной части Русского государства, из земель, сопредельных с Великим княжеством Литовским и имевших через Литву или же Ливонию контакты с западноевропейским рынком.

Представляется полезным привести список и других купцов, среди которых, как говорилось, возможны и москвичи, и иногородние: *москвитин Иван Колпачник*[16], *купец московский Василь (Василей) Жылин*[17], *купцы земли московское Петр Нестеров сын, Степан Михайлович, Никифор Воробей*[18], *купец московский Жук Романов сын*[19], *купцы земли московское Трыфон Левонтеевич (Леонтеевич)*[20], *Богдан Иванович Солбелько*[21], *Сава*[22], *Иван Скучор (Кучор)*[23], *Степан Филипов сын Воложын*[24], *Иван Солнечко*[25], *москвитин Мартюш Михайлович*[26], *купец московский Артем Шкоф*[27], *купец земли московское Меншик Мишанин*[28], *купец московский Тимофей Андреевич Волков*[29]. Список заканчивают еще два москвитина: *служебник купца с Кафы Андрея Тохтамыш ормянина Богдан москвитин*[30] и *фурман земли московское Грышко Зуй*[31].

В большинстве случаев время пребывания этих купцов в Вильнюсе точно датируется судебными записями. Только в единичных случаях к *наместнику виленскому* не является *очевисто* сам москвитин, и разговор идет о делах прошлого, как например в занесенном 9 июля 1562 г. в книгу наместника *оповеданьи* вильнюсца Ивана Зарецкого о продаже вина, которое он получил несколько лет тому назад в счет долга *купца московского Захаръи Борусова*[32]. Время пребывания купцов московских в Вильнюсе позволяет сделать интересные выводы. Сначала приведем хронологический список изучаемых записей:

1550 г. – 11 и 14 января, 12 февраля[33];

1559 г. – 21 апреля, 21 и 31 октября, 3, 8, 22, 27, 30 декабря[34];

1560 г. – 27 января, 29 мая, 22 и 27 июля, 8, 23, 30 августа, 26 сентября, 14, 25 октября, 6 и 25 ноября, 31 декабря[35];

1561 г. – 7, 12, 14 (две записи), 27 января, 12 марта, 21 апреля (две записи), 8 июля, 28 сентября, 6, 8 ноября[36].

Основная часть записей, как указывалось, находится в двух книгах *наместника виленского Станислава Гамшея*, в которые заносились записи, касавшиеся дел мещан Вильнюса разных *присудов* и гостей. Обе эти книги охватывают период от 21 сентября 1559 г. по 6 июля 1564 г. Однако последняя запись о московских купцах в Вильнюсе датируется 8 ноября 1561 г.[37] Полагаем, что это следствие начавшейся Ливонской войны (1558–1583) и приближения окончания срока перемирия между Великим княжеством Литовским и Русским государством. Росло политическое напряжение, свидетельством которого является появление в изучаемых книгах с 1560 г. большого количества записей о делах с участием наемных солдат. Купеческая среда как бы не проявляла большого беспокойства до осени 1561 г., но симптоматичным можно полагать случай, когда 12 марта 1561 г. Станислав Гамшей разбирал обстоятельства продажи, вопреки запрету государя, турецкого, т.е. боевого, коня не названному по имени *москвитину*[38]. О *небеспечном або валечном часе* 23 октября вспоминал по случаю отправления в Москву долгового документа *бурмистр виленский Томаш Мартинович*[39]. Великое княжество Литовское явно готовилось к войне, и не удивительно, что купцы московские с осени 1561 г. на некоторое время перестали посещать Вильнюс.

Ритм посещения московскими купцами Вильнюса обусловлен двумя ежегодными ярмарками, которые начинались 7 января и 15 августа[40]. Право на их проведение было предоставлено Вильнюсу еще в 1441 г. привилеем Казимира Ягеллончика. История этих ярмарок из-за скудости источников совершенно не изучена. Анализируемые нами записи упоминают ярмарки только три раза, поэтому не на много расширяют базу для исследования их истории. К этим записям мы еще вернемся, а теперь заметим, что активность московских купцов увеличивается во время подготовки, проведения или вскоре после окончания ярмарок: к январской ярмарке 1550 г. приурочены записи от 11 и 14 января, а также 12 февраля, к январской 1560 г. – 22, 27, 30 декабря 1559 г. и 27 января 1560 г., к августовской 1560 г. – 22 и 27 июля, а также 8, 23, 30 августа, к январской 1561 г. – 31 декабря 1560 г. и 12, 14 (две записи), 27 января 1561 г. и одна договоренность о встрече на этой ярмарке[41]. Возможно, что ритм посещения московскими купцами Вильнюса связан с климатическими факторами, с устоявшимися зимней и летней дорогами, но также возможно, что это слабые и косвенные свидетельства притягательности вильнюсских ярмарок середины XVI в. для купцов из России.

Что же касается ярмарочных дел московских купцов, то, например, 12 февраля 1550 г. *наместник виленский Богдан Епимах* решал отнюдь не торговый спор. К нему обратились *жыд краковский Енис Влох* и *москвитин Василъи Дементеевич, старечанин*. Последний во время январской ярмарки *ходил з ним* (Енисом Влохом. – *З.К.*) *запасы о золотой черленый*. На суде наместника решался спор, возникший из-за этих *запасов*, надо полагать – борцовского поединка[42]. Это интересный штрих, характеризующий ярмарочную атмосферу в городе. Наместником 14 октября 1560 г. был назначен срок вызова свидетеля на праздник *Трех кролей в ярмарок виленский* 1561 г.[43]

Другой случай более сложный. 27 января 1560 г. Станислав Гамшей разбирал обстоятельства торговой сделки, заключенной во время январской ярмарки[44]. *Жыд троцкий* (караим. – *З.К.*) *Еско Мордухаевич* жаловался на *купца великого князя московского Васка Микитича зо Пскова*, утверждая, что *Васко, москвитин,* уклоняется от выполнения уже заключенной сделки. Васко признал, что сделка была заключена во время ярмарки. Но она не была завершена до ее конца, а после нее действует *заказ месткий* (запрет). Перипетии дела в записи изложены путанно, кроме купцов, заключивших сделку, в качестве свидетелей привлекались *барышники жыды берестейские*. Видимо, Ваську требовалось потверждение судом легальности сделки. Основой такого потверждения было заключение торгового соглашения во время ярмарки. Таким образом, подтверждается свобода ярмарочной торговли и ограничения торговли в неярмарочное время.

Встречающиеся в нескольких записях, в которых фигурируют купцы московские, *заказ месткий, барышники, барыш* свидетельствуют о регулировании торговли приезжих, влиявшем на их деятельность. Купцы Вильнюса с середины XV в. добивались ограничения торговли гостей, в том числе прямых торговых сношений вне ярмарок. В 1511 г. привилеем Жигимонта Старого прямая торговля гостей в Вильнюсе была запрещена, бюргерская община получила право посредничества между ними, что давало дополнительные доходы (барыш) вильнюсцам[45], *заказа месткого*. Регламентация торговли гостей с помощью *заказа месткого* видоизменила институт *барышничества*, т.е. торгового посредничества, которое не было обязательным, оно появлялось как дело, выгодное обеим вступающим в торговую сделку сторонам. О таком *барышничестве*, видимо, шел разговор в упомянутой сделке *Васки Микитича зо Пскова*, где *барышни-*

ками были не мещане Вильнюса, а евреи Бреста. Также *жид берестейский Михель Давыдович* барышовал *купцу земли московское Саве* в сделке с точнее не охарактеризованным *Менделем*, возможно, тоже берестянином. Записи об обоих случаях занесены в книгу под той же датой 27 января 1560 г.[46] Первая из них однозначно связана с январской ярмаркой, во время которой требование обязательного *барышничества* мещан Вильнюса не было обязательным. Видимо, и второй случай имеет то же объяснение.

В неярмарочное время действовало требование обязательного *барышничества* мещан Вильнюса между гостями, что потверждает поведение того же *Васки Микитича зо Пскова*. О том же свидетельствует и другой случай. 12 марта 1559 г. *мещане виленские Грицко а Хома* жаловались на *купца московского Жука Романова сына*, который не хотел заплатить им 30 коп грошей от *зборышованья*. Своих претензий они не доказали. Тот же *Гришко* заявлял о *борышованьи* Жуку за 15 коп грошей несколько лет тому назад, но не смог представить письменного договора, и спор проиграл[47]. Год спустя, 29 мая 1560 г. фигурант предыдущего спора, *мещанин виленский Хома Щепанович*, искал на *Ждане Мартиянове, купце смоленском*, 12 с половиной коп грошей *барышу*. Дело уже рассматривалось в 1559 г. предыдущим *наместником виленским Яном Новицким*. Во второй раз Хома не смог представить письменного судебного решения и проиграл спор[48]. Не доказал в ходе разбирательства 30 августа 1560 г. обоснованности своих претензий к московскому купцу *Ивану Солнечко* на *барыш* за торговое посредничество другой вильнюсский мещанин, *Юрко немец*[49]. И хотя все иски о барышах оказались проигранными, разбирательства этих дел однозначно подтверждают существование обязательного посредничества мещан Вильнюса в торговых сделках между гостями в городе. Они также наводят на мысль о возможной специализации некоторых вильнюсских мещан на таком посредничестве – и Грицко-Гришко, и Хома участвовали в двух делах о барыше. Однако эта гипотеза требует тщательной проверки.

Кроме обязательного посредничества в торговых сделках между гостями в городе, мещане Вильнюса имели и другие возможности контролировать торговую деятельность гостей. В 1505 г. они добились разрешения великого князя Александра построить гостиный двор (дом) для купцов из Русского государства и других стран[50]. Гостиный дом к середине XVI в. стал достопримечательностью города и попал в описание Вильнюса в атласе городов мира Георга Брауна: *Также знаменитый Русский дом, в котором купцы выставляют свои товары, привезенные из Московии, а именно прекраснейшие меха волков, лисиц (в большинстве белых), куниц, соболей, горностаев, леопардов и других зверей*[51].

Проживание гостей в этом доме помогало эффективнее следить за их деятельностью. В самом деле, в качестве единственного места проживания в Вильнюсе московских купцов, совершения их сделок или складирования товаров в записях указан только гостиный дом. Так, 21 октября 1559 г. *Иван Полуян, купец полоцкий*, свидетельствовал у наместника, что *купец московский Василь Жилин* вел деловые переговоры с *мещанином виленским Валентином Андреевичем* именно *в дому гостином*[52]. 27 июля 1560 г. *мещанин с Каменца Подольского Стась* утверждал, что *купец земли московское Иван Курчов* одолжил у него 26 коп грошей *в дому гостином*[53]. 23 августа 1560 г. *жыд берестейский Мошко Конь* жаловался *на купца земли московское Степана Филипова сына Воложына*, что тот его ранил *в дому гостином*[54]. 25 октября 1560 г. не названный по имени *купец московский* избил *в дому гостином* осматривавшего

сложенные в этом доме товары *служебника мытника виленского Давыдов Шмерловича Щасного Насановича*[55].

* * *

Выше уже упоминались партнеры московских купцов в Вильнюсе, сведения об их торговой и иной деятельности. При специальном просмотре записей актовых книг наместника виленского обнаруживаются интересные факты, позволяющие пополнить представления историков о литовско-московской торговле. Поэтому обратимся к этому сюжету, оговорившись однако, что сведения эти в некоторой мере случайны и не могут быть основой для каких-либо количественных подсчетов.

Естественно, что среди партнеров московских купцов наиболее часто упоминаются вильнюсцы. 21 октября 1559 г. разбирался спор *мещанина виленского Валентина Андреевича* с *купцом московским Василем Жилиным*, возникший вследствие сделки, совершенной в прошлом году в Великих Луках. Объект сделки – жемчуг на сумму 50 рублей. Василей Жилин был не доволен решением наместника Станислава Гамшея и 14 октября обратился в суд *воеводы виленского Миколая Радивила*. Воевода потребовал свидетелей, спорящие стороны согласились с кандидатурой *Ивана Курчова, купца московского*, и Василей Жилин обязался привести его в суд *на Три кроли в ярмарок виленский* 1561 г.[56]

26 сентября 1560 г. *мещанин виленский Богдан Андреевич* подал жалобу на *купца земли московское Василья Козлова, псковитина*, утверждая, что тот должен ему 5 коп грошей литовских за булатную шкатулку[57]. 31 декабря 1560 г. *расследовалась жалоба мещанина виленского Ивана Ивановича, полочанина*, на *купца земли московское Васка Фофона, старечанина*. Эти двое задумали совершить обмен сукна и слив на 40 шкур волков, но не смогли совершить этот обмен без вмешательства суда[58]. 23 октября 1561 г. *бурмистр виленский Томаш Мартинович* представил в суд воеводы *лист записный* от 27 января 1561 г. на 500 *каменей* воска за 350 коп грошей *купца московского Тимофея Андреевича Волкова* [59].

Несколько раз встречается фамилия Зарецких, известных вильнюсских купцов, поступивших на службу к великому князю и преуспевавших в ней. 3 декабря 1559 г. *пан Зеновий Зарецкий* назван как предполагаемый покупатель товара *купца московского Жука Романова сына*[60]. 21 апреля 1561 г. в суде наместника *приповедался скарбный господарский ключник виленский пан Иван Семенович Зарецкий о долг свой, што ему от колько лет немалую суму пенезей винен остал Евдоким Михайлов сын Епонечников, псковитин, на псковитина ж Захаръя Бороусова*[61]. В тот же день Захаръя Бороусов обратился в суд воеводы, жалуясь на неправильное решение наместника и на разные притеснения[62]. 6 ноября 1561 г. воевода рассматривал это дело. Запись сохранилась неполностью, но из занесенной в книгу составленной в Вильнюсе *кабалы або листу вызнаного Евдокима Епонечникова* от 21 апреля 1559 г. ясно, что последний обязался поставить Ивану Зарецкому в Полоцк 200 *берковцов* льна за 1200 коп грошей, взял на эту операцию 1000 коп грошей (в счет остальных 200 коп грошей Иван Зарецкий, получив лен, должен был отдать *сукном рославским або шолком бурским чырвонным*), но не выполнил договора. Иван Зарецкий решил искать этот долг на Захарье Бороусове, который оказался в Вильнюсе с 27 сороками соболей, якобы принадлежавшими Евдокиму Епонечникову. Воевода потребовал дополнительных доказательств, отправил за ними в Москву Захарью Бороусова и служебника

Ивана Зарецкого и до решения дела запретил вывозить из Вильнюса товар Захарьи Бороусова или вырученные за него деньги[63]. Но Бороусов уже продал свой товар *Томашу Косу, купцу с Кролевца*, за 1800 коп грошей (из них – 1400 коп грошей получил товаром), о чем сообщил в суде воеводы 8 ноября 1561 г.[64] В книгу записано свидетельство магистрата Вильнюса от 28 сентября 1561 г. об осмотре полученного Захарьей Бороусовым товара. Вот сокращенный список этого товара (без указания цен): *атлас на золоте и сребром троха щотковатый локоть 41 и 3 четверти; сукна влоского локоть 75 и пол; тканок золотых гладких и узористых широких и узких фунтов 21 и пол; шоцких поставов 10; кгеринков розных цветов поставов 18; вина розного бочок 10 и пол; фуников каменей 14*, также разные ювелирные изделия. Весь этот товар до решения дела должен был оставаться в Вильнюсе. 7 июля 1562 г. в книге наместника появился отголосок этого незаконченного дела. Иван Зарецкий просил разрешения продать портящееся вино (10 бочек), которое хранилось у него, в счет долга псковичей[65].

Часто купцы московские вступали в торговые и денежные отношения с евреями из разных регионов Великого княжества Литовского. Уже говорилось о некоем *Менделе*, торговавшем *с купцом земли московское Савой*. 8 августа 1560 г. наместник разбирал обстоятельства *обмена конями*, совершенного *жыдом берестейским* и *купцом московским Павлом, везмитином*[66]. 12 января 1561 г. *москвитин Мартюш Михайлович* подал жалобу на *жыда пинского Майра Мойсеевича*. Купец московский не досчитался 312 из 2400 *брусов* мыла, которые ему в обмен на *юхти* должен был поставить партнер[67].

Выше уже говорилось о ярмарочной сделке караима из Тракая, как написано в источнике, *Еска Мордухаевича, жыда троцкого*, и купца *великого князя московского Васка Микитича зо Пскова*. Московский купец поставлял *сукно московское самоделку 9 тисечей*, Еско Мордухаевич же предложил партнеру *16 поставов немецких розмаитой барвы, то есть анкгелский 1, а немецких 15,100 сафъянов, 20 литер шолку*[68].

Меньше зафиксировано контактов московских купцов в Вильнюсе с гостями из дальних стран. В январе 1550 г. *турчин Махмет (Магмет)* добивался у *москвитина Ивана Колпачника* долга, который он должен был получить еще будучи в Москве, – *24 рубли денег московских* (в переводе на литовские грошы – 28 коп)[69]. *Купец московский Демид, новогородец*, 14 января 1561 г. доказал необоснованность обвинений *купца турецкого Есифа, жыда*, в невыдаче товара по договору[70]. В тот же день *купец московский Артем Шкоф* и *купец кгданский Ганус* поспорили из-за цены *юфтей* – 40 или 38 грошей за пару[71]. Уже говорилось о сделке Захарьи Бороусова и купца из Кенигсберга (Кролевца) Томаса Коса[72].

Была еще одна группа людей, с которыми московским купцам, как и любым другим, приходилось часто общаться. Это были необходимые для торговли на обширном восточном и центральновосточном пространстве перевозчики товаров, по терминологии источника – *фурманы*. В том же описании Вильнюса из атласа Георга Брауна говорится, что перевозкой товаров занимаются живущие в Вильнюсе татары, и подчеркивается их верность нанимателям.

Первое сообщение полностью подтверждается нашим материалом – купцы московские в Вильнюсе в качестве *фурманов* нанимали только татар. Однако данные актовых книг заставляют сомневаться в безоговорочной верности *фурманов* нанимателям, так как в них зафиксированы тяжбы между купцами и *фурманами*. 31 октября 1559 г. *купцы московские Петр Нестеров сын, Степан Михайлович и Никифор Воробей* сообщили о нежелании нанятого ими для

перевоза товаров до Великих Лук *татарына Михайла* предоставить им поверительное письмо[73]. Купцам было разрешено нанять другого *фурмана*. Несколько позже, 8 декабря 1559 г. *купец земли московское Трыфон Левонтеевич* заявил, что нанял *Михалка, татарына,* везти товару на 13 возов *фурманьских*. Однако Михалко пропал, хотя и получил задаток, а сам Трифон Левонтеевич спешил в Москву. Но он, по-видимому, задержался в Вильнюсе, так как 22 декабря подал жалобу на других нанятых *татар господарских повету троцкого сорока татарцов* (Сорок татар, деревня близ Вильнюса. – *З.К.*) *Обраша Чортоновича, Щадглета Самбердеевича, Тохтамыша Асинаковича*. Татары обязались на тех же 13 *возах фурманьских* везти товары московского купца до Полоцка, выехали из Вильнюса, но вскоре, ссылаясь на плохую санную дорогу, отказались выполнять условия договора, добиваясь повышения платы за перевоз. Спор не был закончен, и через неделю, 30 декабря 1559 г., выезжая в Москву, Трифон Левонтеевич назначил своего уполномоченного продолжать дело[74]. В последней записи имеется интересная деталь – в Вильнюсе московский купец находился *сам четверт и коней осмь*.

* * *

Сведений, которые удалось обнаружить в нашем источнике о пребывании московских купцов в Вильнюсе в середине XVI в., слишком мало, чтобы составить достаточно полное представление о литовско-русской, вильнюсско-московской торговле и сопутствующих ей явлениях в сфере международной торговли того времени. Информативные для этой темы архивы погибли во время войн – городской архив Вильнюса в 50-х годах XVII в., архив скарба (казны) Великого княжества Литовского – во время второй мировой войны. Остается лишь еще раз напомнить, что московские купцы составляли одну из наиболее многочисленных и активных групп гостей в Вильнюсе середины XVI в., и довольствоваться предложенной мозаикой.

[1] *Кяупа З., Кяупене Ю.* Европейские контакты купцов Вильнюса в XV–XVI вв. // Цивилизация Северной Европы: Средневековый город и культурное взаимодействие. М., 1992. С. 96–107.

[2] Там же. С. 99, 102.

[3] Литовская метрика хранится в РГАДА (ф. 389). Мы пользовались микрофильмами, имеющимися в Государственном историческом архиве Литвы и Институте истории Литвы. При ссылках на неопубликованные книги Литовской метрики используется ее аббревиатура и номер книги по архивной описи: ЛМ-№.

[4] Разбор этих книг см.: *Кяупене Ю.* Книги Вильнюсского замкового суда XVI в. в составе Литовской Метрики // Lietuvos Metrika: 1988 metų tyrinėjimai. Vilnius, 1992. P. 71–84; *Он же.* Состав и деятельность суда и судей высажоных Вильнюсского воеводы в период подготовки II Литовского Статута // 1566 metų antrasis Lietuvos statutas. Vilnius, 1993. P. 107–112; *Kiaupienė J.* XVI a. ikireforminio Vilniaus pilies teismo knygos-kopijos Lietuvos Metrikoje: struktūrine ir informacinė analizė // Lietuvos Metrika: 1991–1996 tyrinėjimai. Vilnius, 1998. P. 36–92.

[5] ЛМ-253; ЛМ-262. Л. 1–153; подробнее см.: *Kiaupiene J.* Vilniaus vietininko Stanislovo Hamšėjaus 1559–1564 m. teismo knygos // Lietuvos miestų istorijos šaltiniai. Vilnius, 1992. T. 2. P. 61–75.

[6] ЛМ-238. Л. 489 об.–490.

[7] ЛМ-253. Л. 46–47.

[8] ЛМ-253. Л. 207; ЛМ-262. Л. 2–2 об.; ЛМ-255. Л. 240 об.–241; ЛМ-259. Л. 23 об.–28 об.

[9] ЛМ-253. Л. 90 об.–91.

[10] ЛМ-253. Л. 115.

[11] ЛМ-253. Л. 139.

[12] ЛМ-253. Л. 162 об.–163.

[13] ЛМ-253. Л. 179.
[14] ЛМ-253. Л. 207; ЛМ-255. Л. 240 об.–241; ЛМ-259. Л. 23 об.–28 об.
[15] ЛМ-253. Л. 242 об.–243.
[16] ЛМ-238. Л. 498–498 об., 546 об.–547 об.
[17] ЛМ-253. Л. 19; ЛМ-255. Л. 158–159 об.
[18] ЛМ-253. Л. 22–22 об.
[19] ЛМ-253. Л. 32 об.–33.
[20] ЛМ-253. Л. 34–34 об., 39–40, 41–41 об.
[21] ЛМ-253. Л. 41.
[22] ЛМ-253. Л. 44 об.–45.
[23] ЛМ-253. Л. 109, 111 об.–112; ЛМ-255. Л. 158–189 об.
[24] ЛМ-253. Л. 123–123 об.
[25] ЛМ-253. Л. 127.
[26] ЛМ-253. Л. 178.
[27] ЛМ-253. Л. 179.
[28] ЛМ-253. Л. 242 об.–243.
[29] ЛМ-255. Л. 309 об.–310 об.
[30] ЛМ-253. Л. 158 об.
[31] ЛМ-253. Л. 256.
[32] ЛМ-262. Л. 2–2 об.
[33] ЛМ-238. Л. 489 об.–490, 498–498 об., 546 об.–547 об.
[34] ЛМ-253. Л. 19, 22–22 об., 32 об.–33, 34–34 об., 39–40, 41, 41–41 об.; ЛМ-259. Л. 23 об.–28.
[35] ЛМ-253. Л. 44 об.–45, 90 об.–91, 109, 111 об.–112, 115, 123–123 об., 127, 139, 154, 158 об., 162 об.–163, 174 об.–175; ЛМ-255. Л. 158–159 об.
[36] ЛМ-253. Л. 178, 179, 199 об., 207, 242 об.–243; ЛМ-255. Л. 158–159 об. (договор о встрече на ярмарке), 240 об.–241, 309 об.–310 об.; ЛМ-259. Л. 23 об.–28 об.
[37] ЛМ-259. Л. 23 об.–28 об.
[38] ЛМ-253. Л. 199 об.
[39] ЛМ-255. Л. 309 об.–310 об.
[40] *Šapoka A.* Senasis Vilnius. Brooklyn; New York, 1963. P. 79.
[41] ЛМ-255. Л. 158–159 об.
[42] ЛМ-238. Л. 489 об.–490.
[43] ЛМ-255. Л. 158–159 об.
[44] ЛМ-253. Л. 46–47.
[45] *Kiaupa Z.* Svečių (pirklių) teisė Vilniuje XV a.–XVI a. pradžioje // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A serija. 1983. T. 4 (85). P. 35–45.
[46] ЛМ-253. Л. 44 об.–45, 46–47.
[47] ЛМ-253. Л. 32 об.–33.
[48] ЛМ-253. Л. 90 об.–91.
[49] ЛМ-253. Л. 127.
[50] См. подробнее: *Кяупа З.* Гостиный двор в Вильнюсе // Наш Радавод. Гродно, 1991. Кн. 3. С. 449–455.
[51] *Quemadmodum et Rutenorum aula, in qua ipsi merces suas ex Moscovia allatas, distrahunt, utputa luporum, vulpium maxime albarum, martrum, zabelarum, hermilinorum, leopardum et nobilissimas id genus alias pelles. Braun G.* Urbium praecipuarum totius mundi. Liber III: Coloniae Agrippinae: 1616. P. 59.
[52] ЛМ-253. Л. 19.
[53] ЛМ-253. Л. 111 об.–112
[54] ЛМ-253. Л. 123–123 об.
[55] ЛМ-253. Л. 154.
[56] ЛМ-253. Л. 19; ЛМ-255. Л. 158–159 об.
[57] ЛМ-253. Л. 139.
[58] ЛМ-253. Л. 174 об.–175.
[59] ЛМ-255. Л. 309 об.–310 об.
[60] ЛМ-253. Л. 32 об.–33.
[61] ЛМ-253. Л. 207.
[62] ЛМ-255. Л. 240 об.–241.

[63] ЛМ-259. Л. 23 об.–28.
[64] ЛМ-259. Л. 28–28 об.
[65] ЛМ-262. Л. 2–2 об.
[66] ЛМ-253. Л. 115.
[67] ЛМ-253. Л. 178.
[68] ЛМ-253. Л. 46–47.
[69] ЛМ-238. Л. 498–498 об., 546 об.–547 об.
[70] ЛМ-253. Л. 179.
[71] ЛМ-253. Л. 179.
[72] ЛМ-259. Л. 28–28 об.
[73] ЛМ-253. Л. 22–22 об.
[74] ЛМ-253. Л. 34–34 об., 39–40, 41–41 об.

Юрате Кяупене

К ВОПРОСУ О КУПЕЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ ВИЛЬНЮСА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII века

В доиндустриальную эпоху во многих городах средневосточной Европы купцы являлись наиболее богатой городской общиной, самой действенной силой мещанского общества. Они не только активно участвовали в хозяйственной жизни государства. Представителей купечества видим принимающими участие в самоуправлении городов, в составе элитных групп, руководивших городской жизнью. Особенно ярко выраженный характер преобладания купечества можно проследить в городах, которые являлись крупными центрами сосредоточения государственной администрации и хозяйственной деятельности.

Таким городом в средневосточном регионе Европы был Вильнюс – столица Великого княжества Литовского, город первым в Литовском государстве в 1387 г. получивший привилей на самоуправление, основанное на магдебургском праве. В столице располагались великокняжеский двор, резиденции высших представителей государственной администрации и духовенства. Одновременно Вильнюс являлся крупным центром хозяйственной жизни, сосредоточением внутренней и внешней торговли. Особенно важное место купцы Вильнюса занимали в европейской транзитной торговле Восток–Запад[1].

Эти обстоятельства способствовали формированию купеческой общины, благоприятствовали как развитию торговой деятельности и росту доходов, так и укреплению позиций вильнюсских купцов в органах городского самоуправления, их проникновению в среду городской элиты[2].

Изучение истории вильнюсского купечества до середины XVII в. затруднено состоянием источников, поскольку летом 1655 г., когда вражеское войско царя Алексея Михайловича впервые в истории существования Вильнюса заняло столицу Великого княжества Литовского, город был разграблен, погиб и городской архив. До наших дней не сохранились книги Вильнюсского магистрата и других органов самоуправления, которые велись до середины XVII в. Остались лишь остатки разнородных источников, дающих ограниченные возможности для изучения деятельности и повседневной жизни городской общины Вильнюса. Поэтому каждый уцелевший источник иследователи, изучающие историю столицы Великого княжества Литовского до середины XVII в., оценивают почти на вес золота.

Состояние источников определило, что А. Рагаускас начал комплексное изучение элиты Вильнюса лишь со второй половины XVII в., т.е. со времени послевоенного упадка и восстановления города. Анализируя профессиональный состав городской элиты, автор установил, что в ней преобладали купцы, составлявшие 63,1%[3].

В контексте исследований А. Рагаускаса уместен вопрос, каковы же могли быть позиции купцов в жизни не тронутого войной города, во времена его благополучия, а по сравнению со второй половиной XVII столетия, даже расцвета? На этот вопрос историки Вильнюса пока что не ответили. До сих пор имеются лишь первые зачаточные исследования, начатые М. Ловмяньской в первой половине XX в.[4]

На основе привлеченных источников М. Ловмяньска обращает внимание на то, что в 1602 г. в Вильнюсе уже существовала профессиональная организация купцов *Communitas mercatoria Vilnensis*, которая представляла и защищала интересы купцов магдебургского города. Важным шагом на пути дальнейшего раз-

вития системы самоуправления Вильнюса, автор, следуя за В. Коваленко, называет принятие в 1629 г. "Артикулов виленских купцов", регулировавших порядок выборов органа купеческого самоуправления "60 мужей" и регламентировавших его взаимодействие с магистратом города. "Артикулы" 1629 г. являются важным свидетельством активной позиции купеческой общины *Communitas mercatoria Vilnensis* в столице. К сожалению, война 1939–1945 гг. заставила М. Ловмяньскую прервать работу, покинуть Вильнюс и оставить незаконченным исследование о купцах Вильнюса[5].

В "Артикулах виленских купцов" 1629 г. находим и именной список представителей общины, избранных в том же году в орган самоуправления магдебургского города, знакомящий нас с представителями купеческой элиты Вильнюса.

Исследователи первой половины XX в. – В. Коваленко[6], М. Ловмяньска[7], В. Жиленас[8] – информацию об "Артикулах" 1629 г., данных вильнюсским купцам, черпали из одного и того же источника – копии этого документа, сделанной в начале XIX в.[9] Сегодня мы располагаем возможностью расширить поле источниковедческого исследования и представить именной список "60 мужей" по записи подтверждения "Артикулов" 1629 г. королем Сигизмундом Вазой в 1630 г., сохранившейся в Литовской Метрике[10] (см. Прил. 1). Одновременно представляется возможность уточнить ошибочно прочтенные или записанные переписчиками XIX в. имена и фамилии "60 мужей".

В историографии до сих пор не ставился вопрос о том, какой по численности была купеческая община Вильнюса в первой половине XVII в., интересы которой представляли в 1629 г. избранные "60 мужей". На мысль о возможности осуществить такой подсчет навела группа таможенных книг Великого княжества Литовского за 1600–1616 гг.[11], данные которых для подобной цели пока что не привлекались, хотя давно известно об их существовании[12].

Таможенные книги Великого княжества Литовского сохранили для историков, на первый взгляд, стандартную и единообразную информацию. В каждой записи указывается: время – год, месяц, день; транспортное средство – судно или повозка; кто является хозяином транспорта (часто на одном судне, реже в одной повозке, свои товары везли несколько купцов); записаны фамилия, имя купца или купцов; место назначения; перечень товаров и величина таможенной пошлины. Часто, хотя и не во всех случаях, находим информацию о месте постоянного проживания купца – страну, город.

Эта информация и дала возможность составить именной список купцов Вильнюса, которые принимали активное участие во внешней торговле Великого княжества Литовского в период 1600–1616 гг. (см. Прил. 2), т.е. до начала разрушительной военной компании 1655 г., во время которой не только погиб архив города, но и существенно пострадала сама купеческая община.

В результате проведенного подсчета установлено, что купеческую общину города составляли не менее 300 активно действовавших купцов. Имея в виду тех, которые не выходили на заграничный рынок, это число должно быть значительно увеличено. Можно предполагать, что орган купеческого самоуправления Вильнюса "60 мужей" в первой половине XVII в. представлял интересы 400–500 купцов, которые являлись полноправными членами городской общины магдебургского города и именовались "мещанами виленскими".

Сопоставив именной список "60 мужей" Вильнюса 1629 г. с данными о купцах, собранными по материалам таможенных книг, можем проследить определенную преемственность. Фамилии девяти членов (Engielbrech Symon, 1613; Gutowski Jendrzey, 1616; Kotowicz Jan, 1616; Borysowicz Bogdan, 1616; Baranowicz Roman, 1613; Stefanowicz Hrehorej, 1616; Kotowicz Matfiej, 1616;

Wasiliewicz Krysztof, 1616; Fiedorowicz Bogdan, 1613, 1616) из состава "60 мужей" Вильнюса полностью совпадают с фамилиями и именами купцов, указанных в таможенных книгах 1613–1616 гг. Еще 13 фамилий (Abramowicz Roman (?), 1613; Rudzieliewicz (Rudzielewicz) Tomasz, 1616; Kluczta Stanislaw, 1616; Dygon Tomas, 1613; Engielbrecht Arents Symon, 1613; Rudzinski Fronc, 1616; Zosinelis (Zusinelicz) Stefan, 1613, 1616; Bałaszkiewicz Jan, 1613; Antonowicz Awlas, 1600; Sikorski Juri, 1616; Filanowicz Atanas (Filonowicz Ofanas), 1616; Zakrewski Filip, 1616; Hrehorowicz Iwan, 1616; Hrehorowicz Jakub, 1616; Hrehorowicz Jan, 1616; Hrehorowicz Kuzma, 1613, 1616; Hrehorowicz Stanislaw, 1616; Hrihorewicz Jakub, 1600; Hrihorowicz Ofanas, 1600; Siemenowicz Wasil, 1616; Siemienowicz Abram, 1616; Siemienowicz Fiedor (Siemionowicz Chwiedor), 1613, 1616; Siemienowicz Jan, 1616; Siemienowicz Ofanas, 1616; Siemienowicz Wasill (Siemienowicz Wasiley), 1613, 1616; Siemionowicz Iwan, 1613), как можно предполагать, свидетельствуют о родственных связях или же о принадлежности к тем же купеческим семьям (родам) Вильнюса. Представленные данные позволяют начать выявление династий купцов Вильнюса. Такими, например, могли бы быть роды Грегоровичей и Семеновичей.

Эти данные, хотя и очень предварительные, дают возможность в будущем сравнить купеческую общину Вильнюса с общинами других городов и составить более определенное представление о месте и значении вильнюсских купцов в восточно-европейской торговле в XVII в.

[1] О купцах Вильнюса в XV–XVI вв. см.: *Кяупа З., Кяупене Ю.* Европейские контакты купцов Вильнюса в XV–XVI вв. // Цивилизация Северной Европы: Средневековый город и культурное взаимодействие. М., 1992. С. 96–107.

[2] Исследования феномена городской элиты Великого княжества Литовского начались недавно. О составе городской элиты Вильнюса и ее руководящей роли в жизни столицы во второй половине XVII в. см.: *Ragauskas A.* Vilniaus miesto valdantysis elitas XVII a. antrojoje pusėje (1662–1702 m.). Vilnius, 2002.

[3] *Ragauskas A.* Op. cit. S. 413.

[4] Об этом свидетельствует ее монография: *Łowmiańska M.* Wilno przed najazdem Moskiewskim 1655 roku. Wilno, 1929, и ее же неопубликованная статья "Udział communitatis mercatoriae w samorządzie Wileńskim", известная по корректуре, хранящейся в Отделе рукописей БАН Литвы (Ф. 9-3039).

[5] Об историке М. Ловмяньской см.: *Kiaupa Z.* Maria i Henryk Łowmiańscy – badacze dziejów miasta Wilna // Profesor Henryk Łowmiański. Życie i dzieło: Materiały z sesji naukowej poświęconej dziesiątej rocznicy śmierci Uczonego (Poznań 7–8 X 1994) / Pod red. A. Kijasa i Kr. Pietkiewicza. Poznań, 1995. S. 58–66.

[6] *Kowalenko W.* Geneza udziału stołecznego miasta Wilna w sejmach Rzeczypospolitej // Ateneum Wileńskie. Wilno, 1927. Rok IV, zesz. 12. S. 79–137.

[7] *Łowmiańska M.* Wilno przed najazdem.... S. 126–127; *Eadem.* Udział communitatis mercatoriae w samorządzie Wilenskim. S. 2.

[8] *Žilenas V.* Vilniaus miesto prekybos bruožai XVI ir XVII šimtmetyje // Mūsų praeitis. Vilnius, 1995. T. 4. P. 90–130.

[9] Она под названием "Porzadek y artykuły kupieckie Sigismundus Tertius Dei Gratia Rex Poloniae magnus Dux Litvaniae, Russie i etc." хранится в Отделе рукописей БАН Литвы (Ф. 78-23), в сборнике копий "Prawa y przywileje kupcom miastu Wilnowi nadane".

[10] Confirmatia pewnych artykułow kupcom Wilenskim y porzadkow ich // РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Ед. хр. 99. Л. 351 об.–359.

[11] В состав данной групы входят семь таможенных книг Великого княжества Литовского, хранящихся в настоящее время в Отделе рукописей БВУ: Reiestr mytha starego w Kownie poczęty sprawowaó przez mię Wacława Więkowicza od Jego Mości Iana Narbutha sekretarza Jego Królewskiey Mości Administratora myth starych Wielkiego Xięstwa Litewskiego w roku 1600 decembra 4 dnia // БВУ. Ф. 4–А 1736; Regestr myta starego komory mytney Grodzienskiey za rok 1600 miesiąca Ianuary 11 dnia za sprawowania mnie Stefana Ilkovicza // БВУ. Ф. 4–А 2106; Reiestr myta starego komori Grodzienskiey na rok 1605 o dnia 11 ianvari // БВУ.

Ф. 4–13161 (А 372); Regestrz mytha starego spraw kieydanskych w roku 1606 na przykomorku Jurborskim odprawowanych // БВУ. Ф. 13153 (А 1699); Regestr spisania towarow rożnych kupcow, ktore ydą portem na wicinach y lądem na woziech do Kowna s prikomorku Jurborskiego, roku 1613 miesiąca january dnia pierwszego // БВУ. Ф. 4–13155а (А 1700); Regestr myta nowo podwyszonego spisania towarow, ktore mymo przikomorek Jurborski niżey Kowna za granicę liądem y portem rzeką Niemnem ydą, roku 1613 msiąca maia dnia 31 // БВУ. Ф. 4–13155 (А 1698); Виленская таможенная книга, в которой не достает титульного листа. 1616 г. // БВУ. Ф. 5-F. 40-13156.

[12] См.: *Копысский З.Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. Минск, 1966. С. 145–199.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СПИСОК ЧЛЕНОВ "60 МУЖЕЙ" – РУКОВОДЯЩЕГО ОРГАНА КУПЕЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ ВИЛЬНЮСА, 1629 г.

Z Rzymskiey strony	Z Greckiej Strony
Andrzey Snarski	Jan Dubowicz
Maurycy Łęcki	Jan Kotowicz
Łukasz Ościło	Eustraci Działowski
Marcin Drgon	Bogdan Turecki
Łukasz Abłamowicz	Bogdan Borysowicz
Thomasz Ridzielewicz	Roman Baranowicz
Symon Engielbrecht	Fiedor Korolkiewicz
Andrzey Kiewlicz	Pawel Dorochwieiewicz
Jerzy Strunk	Marcin Gawtorowicz
Kazimierz Pliscz	Zacharyasz Szycik
Jan Kluczata Daniel	Daniel Parfianowicz
Stephan Dornicki	Cimochwie Safianowicz
Jakub Sadłowski	Wasil Dorochwieiewicz
Marcin Kiewlicz	Hrehory Stephanowicz
Jan Jatel	Maciey Kotowicz
Kazimierz Dygon	Jan Siekierski
Jan Komlewicz	Wasil Fiłonowicz
Tomasz Gitel	Samuel Glinski
Wilhelm Engielbrecht	Jan Korzenkowski
Mykołay Zypla	Marcin Kasztela
Malcher Rudzianski	Krzystop Wasilewicz
Paweł Sklenczewski	Wasili Zakrzewski
Woyciech Janielewicz	Omelian Hrehorowicz
Thomasz Zusinelis	Dimitr Brazyc
Malcher Bylinski	Jan Kreczkowicz
Kazimierz Bałaszko	Ilia Siemionowicz
Andrzey Gutowski	Siemion Szalcewicz
Stanisław Antonowicz	Bogdan Fiedorowicz
Woyciech Burba	Abraham Kuszelicz
Jakub Herman	Siemion Czaplinski

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ИМЕННОЙ СПИСОК КУПЦОВ ВИЛЬНЮСА, СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ЗАПИСЯМ ТАМОЖЕННЫХ КНИГ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1600–1616 гг.

Abramowicz Roman, 1613
Albrychtowicz Witholb, pan, 1616
Andreiewicz Jarmola, 1605; 1616
Andreiewicz Serhej (Andrieiewicz Sierhey), 1600; 1613; 1616
Andreiowicz (Andrzeiowicz) Jan, 1600; 1616
Andreiowicz Wasiley (Andrzeiewicz Wasil), 1616
Anthonowicz Awlas, 1600
Bałaszkiewicz Jan, 1613
Baranowicz Matys, 1613
Baranowicz Izak, 1616
Baranowicz Michal, 1616
Baranowicz Roman, 1613
Baranowicz Wasiley, 1616
Bartkowicz Grygier, pan, 1616
Bernats Augusztin, 1600
Bertel Kristof, pan, 1605
Bildziuk Tomas, 1613
Bildziukowa Mikołaiowa, 1605
Blawdziewicz Jakub, 1613
Blondziewicz Jakub, 1616
Bobuliewicz Stefan, 1616
Bolondzic Siemion, 1616
Borysowicz Bogdan, 1616
Bosa Lukasz, 1613; 1616
Budrikowicz Urban, 1600
Bugiel Jan, 1600
Chodzkiewicz Ofanas, 1613
Chorewski Jan, 1613
Chwiedorowicz Andrzey, 1613
Chwiedorowicz Cimofiey, pan, 1613
Chwiedorowicz Roman, 1613
Cornelius (Kornelius) Jan (Jan Cornelius Winholt; Jan Kornelius Winholt), 1613
Cornelius Winholt (Kornelius Winbult), 1600; 1605; 1613
Czyr Daniel, 1600
Daniłowicz Fidor, 1600
Daniłowicz Timochwiey, 1600
Dawnikiewicz Bartlomiey, 1616
Dygon Tomas, 1613
Dobryanowicz Jan, 1616
Dominikowicz Bartlomiey, 1616
Eler Kondrat, 1616
Engielbracht Arents (Arenth Symon Engielbrecht), 1613
Engielbrecht Symon, 1613
Fedorowicz Alexander, 1600
Fidorowicz Daniel, 1600
Fiedorowicz Andrej, 1616
Fiedorowicz Aphanas, 1613
Fiedorowicz Bogdan, 1613; 1616
Fiedorowicz Cimofey, 1613
Fiedorowicz Jakub, 1616
Fiedorowicz Michal, 1616
Fiedorowicz Ofanas, 1616
Filanowicz Atanas (Filonowicz Ofanas), 1616
Filipowicz Jury, 1613
Filipowicz Pawel, 1605
Fiodorowicz Andrey, 1616
Fondersłoe Lenslot, 1600
Fonenden Endris (Fon Enden Andris), 1613
Fonyz Peter (Fonizy Piotr, Peter), 1600; 1613
Fonpilen Gierts (Fonpiłen Gert; Funpilen Giert; Wonpiłen Giert, Gert), 1613; 1616
Frank Hanus, 1600
Friz Hanuz, 1600
Friz Condrat (Kondrats), 1613
Fryz Wilhelm (Fric; Frycz; Frysz), 1600; 1613
Fronckiewicz Matfiey, 1616
Funzus Hans, 1600
Gabryalowicz Jan, 1616
Gutowski Jendrzey, 1616
Hawriłowicz Filip, 1613
Hawrylowicz Iwan (Hawriłowicz), 1613; 1616
Hegier Hanus, 1616
Hoscilo Lukasz, 1616
Hrehorowicz Iwan, 1616
Hrehorowicz Jakub, 1616
Hrehorowicz Jan, pan, 1616

Hrehorowicz Kuzma, 1613; 1616
Hrehorowicz Stanislaw, 1616
Hrihorewicz Jakub, 1600
Hrihorowicz Ofanas, 1600
Hryckiewicz Iwan, 1616
Hryhorowicz Iwan, 1616
Ihnatowicz Iwan, pan, 1600
Ihnatowicz Jakow, 1600
Iwanowicz Antoni, 1613
Iwanowicz Cimofiey, 1605
Iwanowicz Lawryn, 1600
Iwanowicz Pawel, 1600
Iwanowicz Siemion, 1600; 1613
Jachimowicz Ilja (Jachimowycz), 1616
Jachimowicz Silwester, 1613
Jackowicz Woyciech, 1600
Jakubowicz Ambrozey, 1613
Jakubowicz Lukasz, 1600
Janowicz Andrey, 1616
Janowicz Matys, 1616
Janowicz Mikołay, 1605
Janowicz Pawel, 1616
Janowicz Piotr, 1613
Janowicz Sczasny, 1616
Janowicz Stanislaw, 1605; 1616
Jarmołowicz Iwan, 1613
Jarołowicz Tomas, 1613
Juriewicz Stefan, pan, 1616
Juriewicz Matys, 1616
Jurkiewicz Urban, 1600
Kerszten Jakub, 1613
Kiernowiszkis Matis, 1600
Kiernowiszko Andrej, 1616
Klescza Fiodor, 1600
Kluczata Stanislaw, 1616
Koczynski Marcin, 1600
Koncewicz Izak (Kuncewicz), 1616
Kondratowicz Hrehorey, 1616
Kononowicz Izaak (Konowicz), 1600
Kopec Piotr, 1616
Kosaszkowicz Bartosz, 1616
Kotowicz Jan, pan, 1616
Kotowicz Matfiej, 1616
Kramon Peter (Kramor Piotr?), 1613
Kramor Piotr (Kramon Peter?), 1605
Krasowski Siemion, pan, 1616
Kroszewski Marcin, 1616
Kuczała Jan, 1613
Kulaha Antoni, 1616
Kusznierz Frnkic, 1600
Kuncowicz Izak, 1605
Labulicz Stefan, 1616
Lawrenowicz Marcin, 1616
Lawrynowicz Andrzey, 1606
Lewonowicz Jarmola, 1616
Liazarowicz Moyzes (Lazarowicz Moyzel), żyd, 1605
Liewonowicz Siemion (Lewonowicz), 1616
Lieyski Marcin, 1616
Lopatka Jan, 1600
Łopatczycz Jan, 1600
Lukaszewicz Alexiey, 1600
Lukaszewicz Kasper, 1616
Macieiewicz Jan, 1616
Macieiewicz Piotr, 1616
Macieiowicz Adam, 1613
Maksimowicz Ambrozy, 1613
Maksimowicz Andrzey, 1600; 1613
Malawka Jan, 1613
Mandt Jan, 1613
Marcinowicz Adam, 1616
Marcinowicz Grigier, 1605
Marcinowicz Iwan, 1600
Marcinowicz Jachim, 1616
Marcinowicz Marcin, 1600
Marcinowicz Mikołay, 1613
Marcinowicz Stefan, 1616
Marcinowicz Wasili, 1616
Marec Jakub, 1600
Maryn Arents, 1613
Markowicz Wulf, żyd, 1600
Matfieiewicz Omelian, 1600
Melier Jendrzey, 1616
Michailowicz Fiedor, 1616
Michalowicz Hrehorey (Hryszko), 1616
Michalowicz Urban, 1616
Mickiewicz Piotr (Miskiewicz), 1616
Mikolaiewicz Marcin, 1616
Mikolaiewicz Stefan, 1616
Mincarz Jakub (Myncar), 1616
Moliawka Jan, pan, 1616
Moskiewicz Jan, 1616
Nosowicz Augustyn Hugo, 1616
Nowogrodowicz Siemion, 1616
Okuszkowicz Dzmitro, 1613
Olekseiewicz Choma, 1613
Olieksieiewicz Prokop, 1600
Opanasowicz Nanin, 1600
Ostapowicz Dienis, 1616
Pasamanik Didrih (Paszomanin), 1600; 1605

Paskiewicz Jaronym, pan, 1605
Pawlowicz Jan, 1616
Pawłowicz Matys, 1600
Pieczonka Woyciech, 1613
Pietrowicz Jozef, 1616
Piotrowicz Bałtromiey, 1613
Piotrowicz Krysztof, 1616
Piotrowicz Ławrin, 1613
Piotrowicz Marcin, 1616
Piperman Hanus, 1605
Prochownik Kasper, 1616
Racht Matys, 1613
Raduwinowicz Hrehory, 1616
Ragoza Jan, pan, 1616
Ranter Hanus (Renter), 1601; 1616
Reiz Hans, 1606
Ribnik Aleksy, 1613
Robolewicz Stephan (Pobolewicz?), 1601
Rogowicz Urban, pan, 1616
Rolent Jury, 1601
Romanowicz Choma (Homar), 1616
Rudyensky Fronc, 1616
Rudzieliewicz Tomasz (Rudzielewicz), 1616
Rudzinski Fronc, 1616
Sawicz Jachim, 1613; 1616
Siemenowicz Wasil, 1616
Siemienowicz Abram, 1616
Siemienowicz Fiedor (Siemionowicz Chwiedor), 1613; 1616
Siemienowicz Jan, 1616
Siemienowicz Ofanas, 1616
Siemienowicz Wasill (Siemionowicz Wasiley), 1613; 1616
Siemionowicz Iwan, 1613
Sikorski Juri, 1616
Sobaczi Urban Juriewicz, 1601
Stamukiewicz Krysztof, 1616
Stanislawowicz Griger, 1616
Stanislawowicz Jury, 1616
Stanisławowicz Mikołay, 1613
Stanislawowicz Piotr, 1601; 1616
Stanisławowicz Sebestyan, 1613
Stankiewicz Krysztof, 1616
Stasiewicz Fiedor, 1616
Stefanowicz Hrehorej, 1616
Stefanowicz Kasper, 1616
Stefanowicz Michaiło, 1613
Stefanowicz Woyciech, 1616
Streluda Prokop, 1613
Suliewski Grygier, 1616
Szarkiela Thomasz, 1601
Szykutowicz Walenty, 1600
Szymionowicz Marcin, 1600
Szynk Hans, 1613
Szostka Roman, pan, 1605
Sztrunk Jerzy, 1616
Tarasewicz Wasil, 1616
Tomaszewicz Jan, 1616
Tomaszewicz Michal (Michał), 1613; 1616
Tupuczycz Iwan, 1600
Turzkowicz Safran, 1600
Uphowen Gawter, 1613
Urbanowicz Pawel, 1616
Wacznik Augustin, 1601
Walkowicz Grygier, 1616
Wasiliewicz Krysztof, pan, 1616
Wasilewicz Michaiło, 1613
Wilkowicz Roman, 1600
Wisniewski Mikolay, 1605
Wodaraczewicz Grygier, 1616
Wodka Jan, 1601
Woiciechowicz Hrehory, 1613
Wołkowicz Jas, 1600
Wondermert Wilhelm, 1613
Yndrzeiewyc Kasper, 1616
Ywanowicz Grygier, 1616
Ywanowicz Jendrzey, 1616
Ywanowicz Siemion, 1616
Zaborowicz Hrisko, 1605
Zacharyaszewicz Hryszko, 1616
Zakrewski Filip, 1616
Zosinelis Stefan (Zusinelicz), 1613; 1616
Zubricki Matis, 1605
Zwonkiewicz Kondrat, 1616

А.В. Юрасов

КРЕДИТ В ПСКОВСКО-ПРИБАЛТИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ XVII века

В эпоху средневековья и раннего нового времени кредит являлся одной из важнейших форм торговли. В условиях ограниченности купеческих капиталов, недостатка благородных металлов и денежной массы кредит (как в денежной, так и в товарной форме) существенно расширял возможности для товарного обмена и служил эффективным средством ускорения товарооборота. Для исследователя истории торговли кредит – надежный показатель уровня развития торговых связей и товарно-денежных отношений, внедрения в их сферу юридических норм.

Кредитные операции широко использовались как во внутренней, так и во внешней торговле средневековых городов[1]. С XIII в. кредит известен в русско-ганзейских торговых связях, ключевую роль в развитии которых традиционно играли города Запада и Северо-Запада Руси – Смоленск, Великий Новгород и Псков[2].

Сведения о кредитных операциях в русской торговле XVII столетия содержатся в исследованиях К.В. Базилевича, С.В. Бахрушина, Н.А. Баклановой, К.Н. Сербиной, С.Я. Борового, А.А. Введенского[3]. Роль кредита в деятельности западноевропейского купечества в России XVII в. рассматривал А.В. Демкин[4]. Однако по этой теме отсутствуют специальные работы, и в ее изучении остается немало "белых пятен". Основная часть материалов, использованных исследователями, освещает лишь кредитные операции, где в роли кредиторов выступают иностранные купцы. Причем, это касается почти исключительно купечества из Англии, Нидерландов, немецких городов. Так, кредитные сделки прибалтийских купцов, которые вели активную торговлю в городах Северо-Запада России (в том числе и в Пскове), не рассматривались. Вследствие этого в историографии сложилось несколько ограниченное представление о роли кредита в русской торговле. Считается, что посредством кредита иноземцы стремились активно действовать на внутреннем рынке, подчиняя своему влиянию мелких и средних торговцев. Вне поля зрения историков остались вопросы кредитоспособности самого русского купечества, деятельности его представителей в качестве кредиторов на внутреннем и зарубежных рынках.

Наиболее целесообразно первоначальное изучение кредита строить на локальных материалах определенного торгового центра или небольшого региона, что несомненно облегчит решение проблемы в целом. Особый интерес в этом отношении представляют крупные центры внешней торговли России со странами Северной и Западной Европы XIV–XVII вв. – Архангельск, Великий Новгород, Смоленск, Псков.

После Столбовского мира 1617 г. и вплоть до начала Северной войны (1700–1721) Псков поддерживал торговые связи с Нарвой (Ругодив), Ивангородом (до его ликвидации в 1642 г.), Ригой и Любеком, в меньшей мере – с Ревелем (Колывань, Таллинн) и Дерптом (Юрьев Ливонский, Тарту); эпизодический характер носила его торговля со Стокгольмом, Пярну и др. городами[5]. Торговые операции русских купцов с иноземцами совершались как в Пскове (на Немецко-Шведском и Любекском гостиных дворах), так и в прибалтийских городах, которые активно посещали псковичи и иногородние русские торговцы. Ассорти-

мент псковского экспорта, по объему значительно преобладавший над импортом, состоял в основном из сырьевых продуктов сельскохозяйственного производства и первичной обработки сырья – льна и пеньки, сала, кож, мехов, зерна, воска, а также предметов ремесла – рукавиц, мыла, свечей, холстов. Ввозили через Псков промышленные изделия (черные и цветные металлы, предметы вооружения, ткани, бумагу), драгоценности и ювелирные украшения (жемчуг и драгоценные камни, изделия из золота), продукты питания и пряности (соль, сельдь, изюм, перец), вино, благовония, серебряную и золотую европейскую монету[6].

Кредитные отношения в псковской торговле известны со времени создания Псковской судной грамоты (вторая половина XIV–XV в.), содержащей целый ряд статей, в которых подробно регламентированы долговые отношения, в том числе и торговых партнеров[7]. О нормах кредита сообщают и связанные с Псковом немецко-русские словари-разговорники Томаса Шрове и Тенниса Фенне, первоначальный протограф которых восходит к последней трети XIII – началу XIV в.[8]

История кредита в псковско-прибалтийской торговле XVII в. представлена главным образом в делопроизводственных источниках (челобитные и "сказки" купцов, в основном из книг "обидных дел"; судебные дела по долговым спорам). В них содержатся законодательные установления о нормах кредитных сделок, гарантиях и порядке возвращения ссуд, а также описания конфликтов, вызванных невыполнением долговых обязательств.

Наибольший интерес представляют книги "обидных дел" (ныне хранятся в фонде Посольского приказа РГАДА), которые составлялись в Псковской приказной избе по указанию Посольского приказа в процессе подготовки к очередным русско-шведским переговорам в 1649–1699 гг. (всего было подготовлено 9 книг, записи которых охватывают период с 1622 по 1699 г.). Эти документы, содержащие разноплановую информацию по актуальным вопросам русско-шведских отношений (о перебежчиках, пограничных конфликтах и т.д.), в значительной мере отразили условия торговли. Обычно книги состоят из "росписей обидных дел", подготовленных на основе поданных в приказную избу челобитных и "сказок" (т.е. записей устных сообщений) торговых людей об условиях торговли за рубежом, "обидах", причиненных им иноземцами (весьма часто именно в сфере кредитных отношений). Особый интерес представляют специальные разделы книг "обидных дел" 1666 и 1699 гг., в которые были включены перечни долгов псковичей иностранным купцам за 1663–1666 гг. с информацией о принятых псковскими властями мер по их челобитным и "роспись" долгов по ссудам, предоставленным псковичами иноземцам в Нарве в 1679–1697 гг.

Особая ценность этих документов определяется тем, что в XVII столетии кредитные сделки не подлежали обязательной регистрации в государственных учреждениях, а поэтому исследователь кредита этого времени (в отличие от изучающих кредит первой четверти XVIII в., довольно полно отраженный в книгах крепостных контор[9]) не располагает массовыми источниками, содержащими систематические данные об основной массе кредитных операций. Однако в делопроизводственных источниках (преимущественно в книгах "обидных дел") удалось выявить информацию о 156 случаях кредитных отношений между псковскими и иностранными купцами за период с 1626 по 1699 г. По десятилетиям в количественном выражении эти сведения распределяются следующим образом: 20-е годы – 5; 30-е годы – 3; 40-е годы – 1; 50-е годы – 9; 60-е годы – 83; 70-е годы – 15; 80–90-е годы – 40. Очевидно, что бóльшая их часть приходится на вторую половину XVII в.

В челобитных и "сказках", а также в судебных делах в той или иной мере воспроизводилось основное содержание текстов заемных документов, которые должники выдавали кредиторам, с описанием условий кредитных сделок. В записях отмечались, как правило, имена участников кредитной операции с указанием места жительства и социального статуса (посадский человек, стрелец, "ратман", "бурмистр" и т.д.). Также сообщаются: сумма денежной ссуды (если это денежный кредит), наименования товаров, их объем и общая стоимость (т.е. размер долга), цена за единицу их меры или веса (если это кредит в товарной форме или когда денежный кредит выдавался под поставку товаров), редко – срок и место начала кредитной операции, в большинстве случаев – установленный срок и место возвращения кредита. Иногда указывались сведения о поручителях, участвовавших в сделке.

Практически во всех записях содержится информация о действиях кредиторов по возвращению выданных ими ссуд, о рассмотрении их жалоб в суде и принятых мерах, а также об убытках, понесенных купцами из-за невыполнения условий кредитных сделок их партнерами. Однако в большинстве конфликтных записей отсутствуют данные об окончательном результате усилий кредиторов, направленных на получение своих средств от должников.

Несмотря на несистематический характер привлекаемых источников, количество и разнообразие предоставляемых ими сведений позволяют полагать, что в совокупности с актовыми материалами эти документы отражают реальное положение в сфере кредита и дают возможность составить определенное представление о его роли во внешней торговле Пскова XVII в.

Кредитные операции в торговле псковских купцов с иностранцами происходили как в Пскове, так и в прибалтийских городах – Нарве, Ивангороде, Ревеле, Дерпте и Риге. Партнерами псковичей по кредиту являлись прежде всего прибалтийско-немецкие купцы, а также торговцы, приезжавшие в прибалтийские портовые города и в Псков из Любека, Англии и Нидерландов.

По источникам удалось установить имена 79 иностранцев (в том числе: нарвские купцы – 29; ревельцы – 13; дерптские жители – 14; рижане – 5; любечане, англичане и нидерландцы – 6), из которых кредиторами был 21 купец, а получателями ссуд у псковичей – 58 торговцев. Среди 134 псковских купцов выявлено 64 кредитора и 69 должников. Из 213 участников кредитных операций, отраженных в источниках, оказалось 13 торговцев (7 иноземцев и 6 псковичей), которые одновременно являлись и кредиторами, и должниками: нарвские купцы Юрий Тундер (Jürgen Tunderfeld), Юстр Стевен (Steven), Артемий (Отто) Фабьянов, Иван Иванов сын Анцгрюн (Johan Grön?); ревельцы Ульрих Бодекер (Bodecker), Юрий Мелдер, Константин Бурмистов Кармакин; псковские торговые люди Алексей Бискуп, Иван Афанасьев сын Чирьев, Кузьма Иванов сын Зюнин, Лука Васильев сын Татаринов и Фрол Гаврилов, Алексей Андреев сын Балаксин. К примеру, Юрий Тундер, по нашим данным, дважды брал ссуды у русских купцов (в 1669 г. у псковича Семена Меншикова и в 1673 г. у ярославца Алексея Юрьева сына Игольникова) и в четырех случаях сам являлся кредитором (в 1666 г. его должниками были псковичи Афанасий Паршин, Иван Сергеев, Андрей Щадр; печеряне Иван, Осип и Тимофей Бубневы)[10]. Псковский торговец Алексей Бискуп в 1663–1666 гг. пытался взыскать ссуды, ранее выданные им семи жителям Дерпта, в то же время он сам был в долгу перед нарвским торговцем Анцем Романовым Дейном (Hans Dehn)[11]. Эти данные свидетельствуют о том, что кредитные отношения между псковскими и иноземными торговцами не носили односторонней направленности: псковичи, как и их зарубежные партнеры, одинаково выступали и в роли должников, и в качестве кредиторов.

Кредитные операции между псковичами и иноземцами происходили в товарной и денежной форме. Псковские купцы предоставляли в кредит своим иностранным партнерам преимущественно товары. Известны лишь два случая, когда ими были выданы денежные ссуды. В 1665 г. Тимофей Михайлов сын Русинов предоставил нарвскому купцу Ульриху Бодекеру кредит в сумме 700 ефимков[12] (далее – еф.) под поставку 70 берковцев[13] (далее – берк.) прутового тонкого железа. В том же году его родственник Яков Михайлов сын Русинов выдал в долг ревельцу Ансу Станпелу (Hans Stampehl) деньги на покупку 50 берк. железа[14]. В практике иноземных купцов преобладал кредит в денежной форме.

Расплата по товарным кредитам, выданным псковскими купцами, происходила в основном деньгами (преимущественно – в ефимках). Известно лишь несколько случаев, когда ссуда в полном объеме или частично возвращалась товарами. К примеру, в 1626 г. нарвский купец Тимофей Тиль по условиям сделки с Киприяном Борисовым за поставленную ему ранее партию льна (на сумму 50 руб.) должен был расплатиться деньгами в сумме 42 руб. и 2 мехами белой соли[15]. В 1663 г. нарвскому торговцу Ивану Иванову сыну Анцгрюну следовало поставить Семену Меншикову за проданные в кредит лен и пеньку 67 берк. 2 пуда досчатой меди, 4600 еф. и 2800 руб. серебром[16]. Погашение иноземного кредита псковскими купцами предусматривалось как деньгами (в основном в русской серебряной монете[17]), так и товарами. В 1662 г. нарвский купец Ефим Михайлов сын Паттур продал в кредит Давыду Бахореву 4 бочки "шпанского", заплатить за них требовалось 16 берк. чистой пеньки[18]. В том же году Данила Вилимов сын Стевен (Daniel Steven) предоставил в долг Ивану и Афанасию Дрягилевым 130 берк. соли на сумму 273 руб. 50 коп., в счет погашения кредита им следовало поставить лен и пеньку[19]. Нередко в кредит иноземцы поставляли "подрядное" вино, расплачиваться за которое приходилось, как правило, исключительно деньгами. Так, в 1663 г. рижанин Федор Весселинк (Friedrich Wesseling) поставил в кредит Ивану Афанасьеву сыну Чирьеву "подрядное" вино на сумму 600 руб.[20] Этому же купцу задолжал в 1663 г. за "подрядное" вино Андрей Щадр, он не выплатил 420 руб.[21] Случалось также, что кредитная сделка была безденежной – "товар на товар".

Объектами кредитных сделок были традиционные в тот период экспортные и импортные товары, которых по данным источников насчитывается около 30 наименований. Из товаров псковского вывоза – это в большинстве случаев лен и пенька (а также льняная и пеньковая пакля, полубрак), гораздо реже встречаются сало, юфти, некоторые сорта мехов (норки, лисицы и т.д.). Несколько шире ассортимент ввозных товаров: различные сорта железа и меди, олово, сукно, краски, соль, сельди, вино (в том числе – шампанское, французская окса), мед, рожь, западноевропейская валюта (серебряные ефимки и венгерские дукаты).

С целью рассмотрения размеров кредитных операций анализу подвергнуты 68 сделок, в которых кредиторами были русские купцы, и 55 сделок, когда ссуду предоставили иноземцы (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, минимальные суммы кредитов (до 50 руб.) преобладают у кредиторов-иноземцев (45% случаев). Число кредитных сделок от 50 до 200 руб. приблизительно на одном уровне у псковичей и иноземцев (25% и 29%). Ситуация с кредитными операциями, превышающими 200 руб., вновь резко различается. По каждому показателю (до 500 руб., до 1000 руб., свыше 1000 руб.) количество ссуд, выданных русскими купцами, существенно превышает их число у кредиторов-иноземцев. Так, сделок на сумму от 500 до 1000 руб. псковичами было заключено вдвое больше, чем иноземцами, а свыше 1000 руб. – почти впятеро.

Таблица 1

Размеры ссуд по кредиту

Размер ссуды	Кредиторы-псковичи	Кредиторы-иноземцы
до 50 руб.	21%	45%
до 200 руб.	25%	29%
до 500 руб.	23%	16%
до 1000 руб.	12%	6%
свыше 1000 руб.	19%	4%

Судя по этим данным, иностранные купцы предоставляли псковичам кредиты преимущественно на относительно небольшие суммы (до 200 руб.). По-видимому, их партнерами были в основном мелкие и средние торговцы, весьма ограниченные в свободных средствах. К тому же, иноземцы порой выдавали денежные ссуды под поставку товаров не только купцам, но и напрямую крестьянам. В "сказке" от 6 июля 1663 г. псковские торговые люди отмечали, что иностранные купцы "пашенным де крестьяном в уезды по селам и по деревням впред деньги свои роздают на покупку всяких товаров, льну и пеньки"[22].

Вместе с тем иногда кредитами иноземцев пользовались и весьма состоятельные псковские торговцы, получавшие от них значительные ссуды. Так, в 1666 г. возникла проблема возврата кредита, предоставленного ревельским купцом Ульрихом Бодекером Петру Белоусову, в размере 8800 еф.[23] В мае–октябре 1687/88 г. Иван Шерепин сын Сальников получил товарные и денежные кредиты от нарвского торговца Вилима Стевена (Wilhelm Steven) (сукна и олова на 430 руб., 4 пуда краски крутика на 128 руб., 12 бочек сельдей на 30 руб. и 465 руб. 60 коп.), общая сумма которых составила 1053 руб. 60 коп.[24]

Со стороны псковских купцов показатели размеров кредитных сделок распределились относительно равномерно. При этом наблюдается преобладание ссуд величиной от 200 руб. и выше. Это свидетельствует о том, что кредиторами являлись представители крупного и среднего купечества, которым удавалось сосредоточить в своих руках значительные средства. Среди них, по данным 20–70-х годов, выделяется купец гостиной сотни Семен Меншиков: в 1663 г. нарвский купец Иван Иванов сын Анцгрюн был должен ему за лен и пеньку 4600 еф., 2800 руб. серебром, 67 берк. и 2 пуда досчатой меди[25]; в ноябре 1669 г. дерптский капитан Микулай Пиларьев обязался поставить ему 500 бочек ржи, а в декабре того же года он ожидал от нарвского торговца Юрия Тундера возвращения ссуды в размере 2500 руб. серебром и 848 венгерских дукатов[26]. В 1666 г. Иван Гаврилов сын Спиров пытался получить с жены своего должника нарвского купца Ягана Шнеля (Johann Schnell) долг в размере 2161 еф.[27] В 1652/53 г. Климентий Алексеев сын Балаксин поставил ревельцу Константину Бурмистову Кармакину товара (лен, пенька, пакля, полубрак) на сумму 1820 еф.[28] В феврале 1654 г. Никита Анкидинов Кременщик тому же ревельскому купцу продал в кредит партию юфти на 1800 еф.[29] В числе заметных кредиторов также находились Никита Иевлев Михалев (1673 г. – 800 руб., 170 еф.), Кузьма Солодовник (1654/55 г. – 1495 еф.), Тимофей Михайлов сын Русинов (1666 г. – 700 еф.). По имеющимся данным, наибольших размеров кредитные операции псковских купцов достигали в Нарве в 1679–1697 гг. (см. табл. 2).

Соответственно получателями кредитов у псковичей были иностранные торговцы различного уровня. Однако преобладали крупные и средние купцы,

Таблица 2

Крупные кредиторы-псковичи в Нарве в 1679–1697 гг. (по сведениям "росписи" 1697 г.)[30]

№	Кредиторы	Размеры ссуд (в еф.)
1	Марк Колягин	14 784
2	Леонтий Устьянов	4660
3	Василий Колягин	3675
4	Тимофей Головнев	3800
5	Карп Афонасьев	3432
6	Леонтий Мясников	2734
7	Ульян Балакирев	2500
8	Иван Посников	2150
9	Агафон Юрьев	1470
10	Федор Спиров	1169
11	Панкратий Жарков	1250

которые специализировались на посреднической торговле с Россией: нарвские купцы Юрий Тундер, Яган Шнель, Иван Иванов сын Анцгрюн, Артемий Фабьянов; ревельцы Юрий Рентел (Renteln), Константин Бурмистов Кармакин, Ульрих Бодекер и др. (см. также табл. 3).

Однако не всегда средства, вложенные в кредит, принадлежали исключительно самим купцам-кредиторам. Так, из челобитной псковичей, направленной в 1697 г. в Посольский приказ следует, что часть предоставленных ими в Нарве иноземцам в кредит товаров была закуплена на средства, полученные в долг: "покупали мы... во псковских пригородех и в уездех и в ыных городех лес и пеньку, и сало, и юфти, и иные всякие товары на свои деньги, а иные деньги займуя всяких чинов у людей..."[31]

Иногда из-за недостатка свободных средств несколько купцов объединялись с целью получения или предоставления кредита. Так, в 1663 г. трое

Таблица 3

Крупные иностранные должники псковичей в Нарве в 1679–1697 гг. (по сведениям "росписи" 1697 г.)[32]

№	Должники	Размеры ссуд (в еф.)
1	Крестьян Кет, нарвский купец	12 269
2	Андрей Функ (Heinrich Funck) и Симон Нумменс (Simon Nummens), нарвские купцы	8092
3	Андрей Борисов сын Эрик (Heinrich Erich), нарвский купец	7413
4	Вилим Кетвел (William Johanson Kettlewell), нарвский купец	6537
5	Яган Еллерс (Jagan Ellers), нарвский купец	4157
6	Рамцы и Франц Колинц, англичане	3675
7	Герман Кокк (Hermann Kock), нарвский купец	2734
8	Петр Книп Игал, англичанин	2515
9	Логин Фелтюжин, нарвский купец	1250

псковичей, Ларион и Федор Зупковы, Михаил Рачинский, задолжали рижанину Федору Весселинку 208 руб.[33] В 1663 г. Юстр Стевен предъявил претензии Ивану Дубинину и Самуилу Баеншику, которым полагалось уплатить иноземцу их общий долг в 15 руб.[34] Объединив свои капиталы, Иван Аникеев и Андрей Ананьин в 1666 г. продали в кредит нарвскому купцу Якову Этенгу товар на сумму 204 руб. 68 коп.[35] Это же было характерно и для иностранного купечества. По данным "росписи долгов" 1697 г., в Нарве Василий Колягин предоставил в кредит 210 берк. льна двум английским купцам Рамцы и Францу Колинцу, долг которых составил 3675 еф.[36] По тем же сведениям, двое совместно действовавших нарвских торговцев, Андрей Иванов сын Функ и Симон Логинов сын Нумменс, задолжали Карпу Афонасьеву и Леонтию Устьянову 8092 еф.[37]

О широте кредитных операций между псковским и иностранным купечеством свидетельствуют известные по источникам суммы невыплаченнных долгов за определенный период. В 1663–1666 гг. среди должников семи иноземцев, не выполнивших условия кредитных сделок, оказались 44 псковича, размеры их общих долгов составили около 3042 руб. 10 коп.[38] По данным "росписи долгов" 1697 г., купцы из Нарвы, Ревеля и Англии в 1679–1697 гг. не вернули псковичам долгов на сумму 50 849 еф.[39] По-видимому, эти цифры отражают лишь незначительный процент реального объема кредитов, поскольку в противном случае, когда основная масса кредиторов страдала бы от невозвращения долгов, кредитные отношения не имели бы смысла.

В документах присутствуют некоторые сведения об условиях и нормах кредитных операций. Кредит выдавался на определенный срок, но источники весьма редко сообщают какие-либо прямые сведения на этот счет (как правило, с трудом удается установить дату заключения сделки). Наиболее часто ссуды брались на несколько месяцев, изредка на год. Известны случаи, когда должник выплачивал деньги или поставлял товар не единовременно, а по частям – "на два срока". Срок возвращения долга часто совпадал с определенным церковным праздником. Так, кредит выдавался до Пасхи, Рождества Христова, Рождества Иоанна Предтечи, Ильина дня, Петрова заговенья, Иванова дня, Троицына дня, Масленые заговенья, Воскресения Христова. Шведский капитан Микулай Пиларьев из Дерпта обязался поставить псковскому купцу Семену Меншикову товар (500 бочек ржи) в Псков "на срок по весне водяным путем первого ходу"[40]. Эти сроки связаны с периодами морской и речной навигации (май–октябрь) и действия зимнего санного пути (январь–февраль), когда торговля в Пскове и в городах Восточной Прибалтики приобретала особый размах. В документах встречаются упоминания о выплате долгов "из проданых товаров", т.е. после получения купцом средств для возвращения долга. Кредиторы, как правило, были заинтересованы получить деньги или товары к тому времени, когда необходимо было закупать очередную товарную партию или вести ее к продаже.

В долговых обязательствах среди условий кредита не содержится упоминаний о процентных ставках. Это связано с тем, что согласно российскому законодательству (в частности, Соборному уложению 1649 г., гл. X, ст. 255) взимание процентов запрещалось как несовместимое с заповедями христианской веры: "А править заемные деньги по кабалам и по духовным на заимщиках исцом истину, а росту на те заемные денги не править..."[41] Проценты предусматривались лишь в случае несвоевременного возвращения кредита: "до того сроку деньги без росту, а полягут деньги по сроце, и... на деньги рост платить по розчету... на пять шестой" (в данном случае 20%)[42].

Размеры "штрафных" процентов в каждом конкретном случае оговаривались в тексте заемных документов. Так, по кабале, полученной Кузьмой Беля-

ниновым от своего должника, дерптского жителя Якубмира Александрова, в случае невозвращения в срок (на Рождество Иоанна Предтечи 1634 г.) полученной им ссуды в 50 руб. полагалось: "на нем де по той кабале взяти 100 рублев" (т.е. дополнительно взыскать 50%)[43]. После того как ревельский купец Юрий Рентел своевременно (на Рождество Иоанна Предтечи 1654 г.) не выплатил Кузьме Солодовнику долг в сумме 1495 еф., он вручил кредитору новую заемную кабалу, по которой в случае повторного невыполнения обязательств в установленный срок (12 сентября 1655 г.) сумма его долга должна сразу же увеличиться на 100%[44]. В 1673 г. в крепости на сумму кредита в 170 еф., выданной приказчику Никиты Иевлева Михалева Юрью Григорьеву сыну Врагову рижанкой Яврой Тридорной, было записано о том, что "те долговые ефимки платить ей на сроки, а буде на те сроки тех ефимков не заплатит, и после того платить было ей сверх тех ефимков на всякой месяц по два ефимка любских" (т.е. из расчета 12% годовых)[45]. По условиям сделки, заключенной между Степаном Жильцовым и нарвским купцом Андреем Борисовым сыном Эриком, получившим кредит на сумму 877 еф. 2 орта, в случае невыполнения в срок (сентябрь 1695 г.) своих обязательств кредитор получал право брать "на всякий день по 5 яфимков любских" (т.е. приблизительно по 17–20% в месяц). В итоге, к 6 декабря 1697 г. сумма по процентам, по данным кредитора, составила 3650 еф.[46]

В историографии принято считать, что прибыль кредитора от сделки (проценты) скрывалась путем включения ее в сумму долга, которая заносилась в текст заемного обязательства[47]. Однако практика вычисления прибыли кредитора из "некруглости суммы", зафиксированной в кабале, применительно к нашим документам не дает положительного результата. По-видимому, кредитор извлекал выгоду не только этим, но и другими способами: за счет занижения или завышения цены товара, получения товара необходимого ему сорта и качества, доставки товаров или денег в удобное ему место на средства должника и т.д. Определить размер его прибыли не представляется возможным.

Кредитные отношения оформлялись документами, которые по-разному называются в источниках: "кабалой", "заемной кабалой"[48] – в случае кредита в денежной форме; "записью"[49], "памятью", "заемной памятью", "долговой памятью" – в случае товарного кредита; а также, "письмом", "заемным письмом", "крепостью".

Операции по кредиту, в соответствии с действовавшим законодательством, не подлежали обязательной регистрации в крепостной форме в приказных учреждениях (в книгах сбора пошлин с частных сделок в пользу казны); они могли заключаться как при участии площадных подьячих, земских, церковных, частных лиц, владевших грамотой, так и самими участниками сделки, без привлечения посторонних[50].

Однако любопытно, что при возникновении конфликтов, требуя возвращения долга, кредиторы весьма часто, наряду с долговыми обязательствами, предъявляли выписки из псковских таможенных книг, в которых фиксировался сбор пошлин с поставленных иноземцам в кредит товаров. Так, в 1626 г. Гаврила Спиров пытался получить долг за товары на сумму 240 руб. с нарвского купца Тимофея Тиля "по записке псковских таможенных книг и по кабале, и по записи"[51]. Панкрату Таранову в 1632 г. с того же Тимофея Тиля полагалось "взяти по таможенным псковским книгам" 88 руб. за поставленный лен[52]. Э. Хардер-Герсдорфф, обнаружившая в фондах Таллиннского городского архива выписки из псковских таможенных книг 1624 г. (35 записей), высказала предположение, что все они фиксировали кредитные операции[53].

Заемные документы, как установил А.В. Демкин, в первой половине XVII в. имели определенный формуляр. В них указывались: имена должника или должников, место сделки, имя кредитора, сумма кредита, дата сделки (год, месяц, число), срок возвращения долга, свидетели сделки ("послухи"), составитель кабалы и дата ее составления, а на обороте документа помещались "рукоприкладства" участников сделки (кредитора, должника или должников, свидетелей). Заемные памяти повторяли основные параметры формуляра заемной кабалы, но в более сокращенном варианте; в них заносились: имена должника или должников, кредитора, сумма кредита, срок уплаты долга, имя составителя памяти и дата ее составления[54]. Добавим, что большинство сделок происходило при участии поручителей ("порутчиков"), и их имена и подписи во многих случаях также включались в документы.

Но поскольку акты по кредиту составлялись преимущественно в частном порядке и не подлежали обязательной регистрации, их формуляр не был строгим и носил достаточно свободный характер[55]. Это проявлялось в стиле изложения, включении в текст документа особых условий заключения сделки. Нередко оговаривалась цена товара, который следовало поставить, региональные меры веса, по которым исчислялся его объем (к примеру, "на ругодивской вес" или "на псковский вес") и т.д.

Наряду с действием средневековых форм в оформлении и нормах кредитных операций появляются и черты коммерческого кредита. В практике кредита был распространен перевод долговых обязательств от кредитора другому лицу, который имел право предъявить их к уплате. Для этого на заемном документе делалась специальная запись или составлялись особые "выданые письма" с обязательной подписью лица, совершившего передачу. В этой части заемные акты по своим функциям были близки к векселям, которые появились в России в конце XVII в., а официально – с 1729 г.[56] Благодаря переводу кабал, купцам удавалось избегать рискованной пересылки денежных сумм (к тому же представлявших собою громоздкий груз), своим партнерам из города в город. В 1669 г. нарвский купец Ольбрех Мелдер выдал Якову Васильеву сыну Филатьеву в счет оплаты товара кабалу на псковитина Лариона Зупкова на сумму 70 еф.[57] В 1665 г. нарвский купец Бенедист Фаншетен (Benedikt von Schoten) "перевел взять" долг в сумме 230 еф. 60 коп. и 2 гривен серебром с Никифора Иванова сына Уситовского своему земляку Анцу Романову Дейну[58]. В "росписи" долгов 1697 г. присутствует несколько упоминаний о "выданных кабалах" и "переводных деньгах". Так, Демиду Быкову полагалось получить в Москве "по переводу... к торговому человеку к Якову Ренгольту" от имени своего должника, нарвского купца Андрея Борисова сына Эрика, 849 еф. 10 коп. Таким же образом в Москве следовало получить долг Андрея Борисова сына Эрика псковичу Степану Жильцову. Острат Давыдов добивался расплаты "по выданной кабале псковитина ж посацкого человека Василья Пиминова на колыванце торговом человеке на ратмане на Томасе Стеймерле..."[59].

Иногда русские купцы предоставляли кредит без документального оформления ("бес крепости", "бескабально"), что существенно осложняло процесс разрешения споров при невыполнении обязательств. В русском законодательстве, в котором ранее "бескабальные" сделки считались нормальным явлением (Судебник 1550 г.), в XVII столетии наблюдается явная тенденция к их ограничению[60]. Однако в торговой деятельности купцы нередко стремились избегать оформления своих партнерских отношений, что отчасти связано с желанием обойти уплату таможенных пошлин. В начале 60-х годов Яков Петров сын Мясник и Данила Вилимов сын Стевен заключили сделку, по условиям которой

иноземец предоставил в кредит 500 медных руб. под поставку пеньки. Однако впоследствии возник конфликт из-за того, что кредитор и должник по-разному пытались истолковать их предварительные договоренности. Они разошлись в определении количества пеньки, которую следовало передать в счет погашения долга (8 или 10 берк.). Установить, кто из партнеров прав, было практически невозможно. Яков Петров сын Мясник сообщил псковскому воеводе: "А крепостей меж нами и в таможни записки той торговли не было, верились меж собою по душам"[61]. В 1663 г. Дмитрий Григорьев сын Дрягилев пытался "взять безкабально за 40 норок в Ругодиве на Юрки Толмаче 12 рублев"[62]. По данным "росписи" долгов 1697 г., нарвские купцы Андрей Функ и Симон Нумменс не выплатили в срок Кузьме Афонасьеву "безкабального долгу" 142 еф.[63]

В виде гарантий при заключении кредитной сделки получатель ссуды выставлял поручителей, которые несли материальную ответственность за своих подопечных[64]. Число поручителей, по-видимому, зависело от размеров ссуды и статуса должника; оно колебалось от одного до семи. Так, по данным 1663–1666 гг., за Тимофея Рубенского, задолжавшего Анцу Романову Дейну 6 берк. льна, "поручились" двое псковичей – Алексей Митрофанов и Василий Холмов[65]. Печерянин Василий Свечник, взявший у Анца Романова Дейна ссуду в размере 280 еф., имел семь "порутчиков"[66]. В качестве поручителей обычно выступали торговцы из той же социальной группы, что и должник (например, друг за друга поручались "бывшие иванегородцы псковские жители", "псковичи посадцкие люди", стрельцы). Есть упоминания о том, что поручителями русских купцов за рубежом и иноземных торговцев в Пскове становились их зарубежные партнеры. Поручителями Петра Чирьева в 1673 г. были англичанин Томас Лофтус (Thomas Loftus) и шведский подданный Иван Будынский[67]. В 1668 г. поручителем известного ревельского купца Михаила Михайлова сына Павлусова Молодого (Michael Paulsen) в Пскове являлся его постоянный партнер, пскович Кузьма Иванов сын Зюнин[68].

В случае неуплаты долга заемщиком, к ответу привлекались его поручители и с них в пользу кредитора взыскивалась определенная сумма. Обычно это происходило после того как были проданы движимое и недвижимое имущество самих должников. В 1665/66 г. на четырех поручителях Василия Болотова (Василии Подрябинникове, Григории и Иване Прокофьевых Шапочниках, Галактионе Дмитриеве), задолжавшего Юстру Стевену 40 руб., было "доправлено" 30 руб. (75% долга), а "в достальных в 10 рублях" ответчик стоял "на правеже"[69]. В том же году с Якова Белоусова взыскали часть долга, которую не уплатил рижанину Федору Весселинку сбежавший из Пскова его подопечный Мишка Рачинский (вместе с ним кредит брали Ларион и Федор Зупковы, отдавшие в погашение долга свои дворы)[70].

При окончательном расчете по завершении кредитной операции документ, подтверждавший заемные обязательства, возвращался бывшему должнику. Иногда кредитор вручал своему партнеру "отпись", которая составлялась на основе заемного документа и служила подтверждением уплаты долга. В 1665/66 г. возник конфликт между Иваном Гавриловым сыном Спировым и вдовой нарвского купца Ягана Шнеля по поводу долга ее умершего супруга в размере 500 еф. На суде вдова заявила, что предъявляемая псковским купцом "кабала плаченая". Однако при этом она "отписей... не объявила", отсутствие которых и привело к ее поражению на процессе[71].

Если кредит возвращался частично, то на документе самим должником или по его поручению делалась об этом запись, либо составлялся новый акт с указанием оставшихся обязательств, а прежний возвращался. Так, при выплате

Гавриле Спирову в 1626 г. Тимофеем Тилем части его долга (240 руб.) в сумме 50 руб. "на кабале де ево тимофеевою рукою платеж подписал в Ывангороде земской дьячок Степашко Матвеев"[72]. Вновь заемный документ составлялся и при переносе срока уплаты долга. По условиям сделки, заключенной в 1654 г., Юрий Рентел обязался выплатить Кузьме Солодовнику долг в сумме 1495 еф. ко дню Рождества Иоанна Предтечи. Через два месяца по истечении этого срока в Ревеле партнеры договорились отложить расплату до 12 сентября 1655 г. В связи с этим кредитор со своего должника "взял вторую кабалу" с указанием новой даты[73].

Участие в кредитных операциях было связано для купцов с немалым риском, поскольку далеко не всегда условия сделок выполнялись четко и в срок. Так, в 1694/95 г. в Нарве возникли противоречия между псковскими купцами и их иностранными партнерами (шведскими и английскими подданными), для расплаты с которыми за предоставленный ранее товарный кредит они привезли из Пскова большие партии льна и пеньки. Согласно условиям кредита, эти товары следовало "зачесть" в погашение ссуды "ценою, по чему учнут продавать в Нарве лен и пеньку в первые корабли большие статьи", которая составляла в тот год 11 еф. за берковец. Однако иноземцы, сославшись на то, что ранее их соотечественники – "псковичи маломочные люди продали для своих нужд пеньку розными малыми статьями по 10 яфимков берковец" решили "зачитать пеньку неправдою" по этой же цене. Они нашли поддержку у шведского генерал-губернатора Нарвы, который распорядился запечатать амбары псковских купцов и передать хранящуюся в них пеньку кредиторам по установленной ими заниженной цене. В итоге псковичи понесли значительные убытки[74].

Иногда, в нарушение обязательств, должник, которому следовало расплатиться с кредитором деньгами, возвращал ссуду товарами. Так, в 1697 г. Демид Быков заявил о своих потерях, вызванных тем, что нарвский купец Вилим Иванов сын Кетвел вернул ему кредит "вместо денег товаром"[75]. В 1654 г. Никита Анкидинов Кременщик подал челобитную в Пскове на ревельского купца Константина Бурмистова Кармакина, который с годовым опозданием расплатился с ним за кредит (в сумме 300 еф.) не деньгами, как полагалось, "а всякими товары, которые не по ево руки"[76].

Несмотря на гарантии займов, возвращение ссуды при невыполнении должником своих обязательств сопровождалось существенными трудностями. Кредиторы-иноземцы в таких случаях обычно подавали в Пскове в Съезжую избу исковые челобитные с "росписями с подлинных крепостей", выданных им должниками при заключении сделки ("долговым взяткам роспись"). Причем, в русском законодательстве срок действия долговых обязательств был ограничен пятнадцатью годами; следовательно только в течение этого периода кредитор мог обратиться с иском на своего должника[77]. Иногда иноземные купцы отвозили или пересылали свои обращения в Москву в Посольский приказ, откуда псковскому воеводе направлялась грамота с поручением "безволокитно" разобраться в деле и "отписать" о результате. Отправляясь в Псков для взыскания долгов, шведские подданные в своих городах заручались поддержкой генерал-губернаторов, которые по их письменным обращениям посылали псковским воеводам так называемые "листы" с просьбой "о вспомогательстве их долговых взятков"[78].

В Пскове на основании полученных "листов" и исковых челобитных самих кредиторов по распоряжению воеводы или дьяка проводился "сыск" должников. Вначале к ним домой отправлялся "пристав", по-видимому, чтобы отдать должника на поруки с обязательством явиться в суд к определенному сроку[79].

Случалось, что дело и не доходило до суда: истцу и ответчику удавалось достигнуть соглашения об отсрочке платежа или должник сразу же рассчитывался с кредитором[80]. Так, в 1665/66 г. рижанин Федор Весселинк и задолжавший ему за "подрядное вино" 600 руб. Иван Афанасьев сын Чирьев "не ходя в суд помирилися", договорившись перенести срок возвращения кредита. Тогда же Федор Весселинк и его заемщики Кузьма Иванов сын Зюнин и Иван Городец (сумма долга – 296 руб.) "меж собою розделку учинили"[81].

В суде в присутствии истца и ответчика рассматривались представленные ими документы, результаты очных ставок и т.д. Суд, по-видимому, нередко оказывался на стороне истцов-иноземцев, поскольку они предъявляли бесспорные, четко составленные заемные обязательства своих должников, которые служили первостепенным основанием при решении дел о долгах[82]. Однако приходилось рассматривать дела и о "бескабальных" кредитах, которые не имели какого-либо документального подтверждения[83]. Так, в 1665/66 г. Федор Весселинк по поручению рижанина Германа Беккера (Hermann Becker) "искал судом" на вдове Климентия Алексеева сына Балаксина Овдотье, обвиняя ее в неуплате долга на сумму 110 еф. В процессе крестоцелования "вдова веру на душу дала ему, иноземцу", а истец "к вере по своему иноземскому обычаю присегать не пошол". В результате, в соответствии с нормами Соборного уложения 1649 г. (гл. XIV, ст. 4), суд Федору Весселинку в иске отказал[84].

По решению суда средством взыскания долгов, как правило, становился правеж. На основании судебного приговора составлялась правежная выпись. Поручители были ответственны за ежедневную явку должника на правеж. Случалось, что находясь на правеже должнику удавалось договориться со своим кредитором. В 1665/66 г. Алексей Бискуп смог выплатить "с правежа" ревельскому купцу Анцу Романову Дейну только 30 руб. из своего 370 руб. долга. Однако он смог "мимо порутчика" условиться с иноземцем об отсрочке возврата оставшейся части ссуды; это соглашение было зафиксировано в "договорном письме", и правеж в отношении Алексея Бискупа был прекращен[85]. После смерти должника, находившегося на правеже, его место занимал кто-то из ближайших родственников (жена, дети и т.д.). Так, в 1665/66 г., находясь на правеже за долг нарвскому купцу Юстру Стевену (10 руб. 50 коп.), умер Сафрон Шапочник, и на его месте оказалась жена[86].

У должников, простоявших на правеже месяц и не выплативших долг в полном объеме, в счет его погашения шло имущество, включая дворы, промысловые и торговые заведения, транспортные средства, "животы" и т.д. В таких случаях полагалось произвести оценку объектов недвижимости, находившихся на тяглой земле, продать их посадским людям ("в сотню"), а вырученные средства передать истцу. В 1666 г. в пользу Анца Романова Дейна и Юстра Стевена, которым Михаил Хрястолов задолжал 350 руб., был оценен в 20 руб. и продан его двор[87]. У Давыда Бахорева, стоявшего на правеже в том же году за долг Анцу Романову Дейну, двор был оценен в 70 руб. и продан "в сотню"[88]. В счет уплаты части долга Федору Весселинку, составлявшего 100 руб., в продажу были отданы принадлежавшие Феклисту Стернову "два дворы со всякими заводами"[89]. В погашение оставшейся после уплаты "с правежа" 20 руб. задолженности Василия Фыкалки Юстру Стевену в сумме 70 руб. на продажу было выставлено его лавочное место в Большом ряду псковского торга[90]. За долги Федору Весселинку в сумме 150 руб. у Михаила Алексеева сына Запорова были оценены и проданы двор и "лодья большая и с лодейными заплоты"[91]. Чтобы выплатить часть долга Лариона и Федора Зупковых тому же Федору Весселинку в продажу были отданы не только дворы, но и другие "животы" должников[92].

Однако в большинстве случаев средства от продажи имущества не покрывали размера всего долга, а потому должники еще продолжали находиться на правеже ("а в остальном долгу стоит на правеже")[93]. В случае, если стоя на правеже должник все же не смог полностью рассчитаться со своим кредитором, его могли также перевести в распоряжение последнего "головой до искупу" (т.е. до отработки долга)[94]. Однако по имеющимся данным, таких фактов неизвестно; видимо, в Пскове эта процедура если и применялась, то крайне редко. В 1665/66 г., будучи на правеже в Пскове за долги иноземцам, умер 41 человек, а 15 несостоятельных должников после правежа оказались в тюрьме[95]. Таким образом, участие в кредитной сделке порой оборачивалось для купцов полным разорением, потерей имущества и свободы.

"Доправленные" на псковичах долги иноземцы получали в съезжей избе, о чем они там оставляли "росписку"[96]. Из суммы долгов по кредиту в размере 3042 руб. 10 коп., которые иноземные кредиторы "искали" на псковичах в 1665–1666 гг., в результате действий властей и решений суда должники вернули им 1469 руб. 75 коп. деньгами, не менее 186 руб. 36 коп. – товаром и не менее 167 руб. 24 коп. поступило от продажи имущества ответчиков[97]. Таким образом, иноземным кредиторам удалось вернуть не менее 67% своих средств.

Дела о долговых обязательствах разрешались в Пскове не только в суде, действовавшем при воеводе и дьяке, в приказной избе. С этой целью время от времени созывались третейские суды, традиция которых уходит своими корнями в обычное право. Третейские судьи выбирались по обоюдному соглашению сторон, а их решения, по нормам Уложения 1649 г., имели статус судебного приговора[98]. В 1664 г. третейский суд рассматривал спор между Артемием Фабьяновым, с одной стороны, и Лукой Васильевым сыном Татариновым и Флором Гавриловым – с другой. Предмет конфликта – долг псковичей нарвскому купцу Анцгрюну (4 берк. пеньки). В качестве "третьех" на суде выступали 4 псковских и 3 иноземных торговца из числа находившихся в то время в Пскове. Со стороны псковичей в состав суда вошли: бывшие ивангородцы Савелий Михайлов сын Сыренской, Иван Кулатка и коренные псковичи Фома Терентьев, Яков Сырников. Все они – достаточно известные купцы, обладавшие значительными капиталами. Со стороны Артемия Фабьянова судьями были: любекские купцы Александр Брандес (Alexander Brandes), Вастьян Риттер (Sebastian Ritter), Филипп Фингаген (Philipp Finhagen). Принятое третейским судом решение (в пользу истца) было признано как ответчиками, так и псковским воеводой[99].

Псковичи, будучи в прибалтийских городах, с исками ("челобитными") на своих должников обращались напрямую в магистратские (в Риге – в торговый) суды[100]. В этих судах заседали бюргеры, большинство из которых вело самостоятельные торговые операции или имело родственников среди купцов, поэтому их действия зачастую не были беспристрастными. Псковские купцы в своих челобитных и "сказках" во второй половине XVII в. неоднократно отмечали, что судьи "своим подданным во всем дружат и норовят"[101]. В коллективной челобитной 1697 г. псковичи, добивавшиеся в Нарве возвращения своих долгов, прямо указывали, что иноземцы отказываются выполнять свои обязательства, "надеясь на свои неправые суды". Они же обвиняли секретаря суда Ягана (Иоганна) Теслофа в том, что он "для своих великих взятков" препятствует справедливому разбирательству[102].

По местным законам судопроизводство строилось на основе состязательности сторон; на заседаниях полагалось рассматривать документы (долговые обязательства и др.), результаты очных ставок, заслушивать свидетелей[103]. По данным первой половины XVII в., псковичи, как правило, лично представляли в суде

свои интересы. Иногда они поручали это делать торговым партнерам – иноземцам. К примеру, в 1670 г. рижанин Федор Весселинк в суде, в Дерпте, выступал в качестве истца от имени Анфима Котельника по делу о долговых обязательствах местных жителей[104].

С начала 70-х годов XVII в. в источниках появляются свидетельства о том, что в прибалтийских городах псковским купцам не разрешалось самостоятельно участвовать в судебном заседании, им полагалось нанять адвоката ("одфуката"), который мог бы представлять их интересы. Если купец не нанимал адвоката по своей воле, то его определял суд. В коллективной "сказке" 1676 г. торговые люди отмечали: "коли случитца им... в каком-нибудь в своем деле или по крепости побить челом в ратуше или по чьему челобитью кому отвечать, и им де самим в ратуше искать и отвечать бурмистры и ратманы не дают, а велят наймовати вместо себя к ответу или на ком искать тех городов жителей, уставленных на то отфукатов их, свейских, а по рускому де прозванию стряпчево... А будет де хто не наймет и хочет сам искать и отвечать, и им де без тех отфукатов суда самим не дают, и велят наймовать в неволю"[105]. Размер оплаты услуг адвоката определялся по взаимному соглашению ("по зговору") и зависел от сложности дела ("смотря по делу"). По имеющимся данным, он был в пределах от 20 до 100 еф. Так, в 1673 г. Петр Чирьев жаловался, что судьи в Нарве не позволили ему "искать" в суде в отношении Юстра и Данилы Вилимова сына Стевенов за их долг в 300 руб. его дяде, Ивану Афанасьеву сыну Чирьеву, "а велели... вместо себя нанять... свейского одфуката". Услуги "одфуката" обошлись истцу в 20 еф. Однако дело было проиграно[106].

Псковские купцы постоянно жаловались на то, что суды сознательно затягивают сроки рассмотрения их исков и погашения долгов ответчиками: "их де в челобитье их волочат и свейским людем сроки дают большие, чтоб де им их статками завладеть"[107]. К примеру, в первой половине 70-х годов приказчика Кузьмы Иванова сына Зюнина Ивана Аникеева с иском на его должника Якова Этенга (Jakov Ėteng) "волочили" в ревельском суде 7 месяцев[108]. Афанасий Михайлов сын Русинов "искал" свои долги на рижских купцах Имбряхте Фандаме и Якубе Кроме около десяти лет, с 1667 по 1676 г.[109] Иван Афанасьев сын Чирьев и его племянник Петр в Риге пытались взыскать долг с братьев Юстра и Данилы Вилимова сына Стевенов более шести лет, с 1670 по 1676 г.[110] В 1697 г. Остратко Давыдов сетовал, что он третий год "волочился" в нарвском суде, пытаясь добиться возврата долга с Томаса Стеймерля[111]. Нередко суды отказывали псковичам в удовлетворении исков без соблюдения положенных в судопроизводстве процедур (очных ставок и т.д.)[112].

Неравноправное положение в суде псковских и местных купцов особенно проявлялось, когда последние выступали в качестве истцов. Псковичи жаловались в "сказках" 1663–1676 гг., что в таких случаях нередко "их де без сыску сажают в тюрьму и за караулом держат и бес письменных крепостей и без свидетельства правят на них всякие иски, веря своим челобитчиком, и пени емлют большие"[113]. Причем, в челобитной торговых людей из Пскова, торговавших в Нарве (1697 г.), отмечалось: "за долги своих подданных на товары наши и на деньги кладут арест без суда и без очных ставок"[114].

Но даже если суд и удовлетворял иски псковских купцов, то далеко не всегда удавалось получить с ответчика долг. Практика взыскания долгов с местных торговцев в прибалтийских городах не была выработана (как, например, в Пскове). В "сказках", поданных в псковскую съезжую избу в 1666 и 1676 гг., торговые люди свидетельствовали: "А буде ково за многою волокитою руским людем и обинят в их неросплатах, и буде у ково товаров нет, животов их не

дают, так ж и долгов их в те платежи продать не дадут, и в том срочат им на многие годы, и как те их сроки пройдут, и им по тем крепостям суда не дают, и росправы не учинят"[115]. Так, в 1667 г. торговый суд в Риге удовлетворил иски Афанасия Михайлова сына Русинова на рижан Имбряхта Фандама (долг – 200 еф.) и Якуба Крома "с товарищи" (долг – 50 еф.). Однако, ссылаясь на отсутствие средств, должники отказались выполнять судебный приговор. Истец обратился к суду с предложением действовать по отношению к несостоятельным должникам аналогично тому, как поступают с ними в Пскове: "чтоб в тот ево кабальный долг за их неросплату оценены б были и выданы ему дворы их и животы так же как и великого государя в стороне во Пскове иноземцом свейской стороны по их челобитью ценят в их кабальные долги дворы и животы должников их, псковских жителей торговых людей, и по оценке продают..."[116].

Известны случаи, когда кредитор получал своего должника "взажив, с головой" на неделю или более длительный срок, до уплаты долга. Однако это не всегда приводило к желаемому результату. Так, в торговом суде в Риге по иску приказчика Сергея Иванова сына Поганкина Федора Лукина в отношении задолжавшего ему рижанина (имя в документе не названо) было принято решение: "вместо тюрьмы посадить во двор ево (должника. – *А.Ю.*), где он живет, и из двора ево не пущать. А пока де учнет сидеть и розплату учинит, велели ево в те дни кормить тому приказчику... А давать ему кормы указали на судки по 8 копеек. И тот должник сидел многие недели"[117]. В результате Федор Лукин понес еще бóльшие убытки, потерял надежду вернуть ссуду и "от челобитья своево в том ево долгу отстал..."[118].

Таким образом, процесс судопроизводства по долговым обязательствам в прибалтийских городах не гарантировал быстрого и справедливого разрешения конфликтов. В целом, вследствие невыполнения должниками обязательств по ссудам и попыток вернуть свои средства путем обращения в суды или к властям псковские торговые люди несли значительные убытки. Они складывались из издержек, связанных с судопроизводством (уплата пошлины при подаче иска, вознаграждение толмачам, "ратушным ходаком", секретарям), расходов на проезд и проживание, косвенных потерь от отсутствия вложенного в кредитную сделку капитала ("в посылке..., и в постоялом, и в проести, и в волокиде, и в промыслех"). "Роспись убытков и проторей" купцы обычно включали в иски, подаваемые в суд, а также в челобитные и "сказки", представляемые в Пскове в съезжую избу. В большинстве случаев упоминаний в источниках о суммах убытков, они составляли преимущественно от 10 до 49% (в среднем 13–26%) от размеров кредитной сделки. Так, Евдоким Кирилов в 1632 г. оценил свои убытки "в волоките, что он для того долгу (45 еф. – *А.Ю.*) ездил в Колывань... бить челом трижды" на своего должника Ягана (Иоганна) Ввилбымана, в 10 руб. (44%)[119]. В 1673 г. поручитель ревельского купца Михаила Михайлова сына Павлусова Молодого Кузьма Иванов сын Зюнин выплатил кредитору своего подопечного Никите Иевлеву Михалеву 800 руб. долга и "проторей и убытков и волокиды и за беспромыслицу" 130 руб. (16%)[120]. "Протори и убытки" Василия Шохова, пытавшегося получить с нарвского торговца Андрея Борисова сына Эрика долг за поставленный лен в 500 еф., срок уплаты которого прошел 6 августа 1694 г., к 18 сентября 1697 г. достигли, по мнению кредитора, 150 еф. (30%)[121]. Известны случаи, когда размеры заявленных купцами убытков превышали сумму самого долга. К примеру, Афанасий Лбинин в 1697 г. стремился получить от англичанина Томаса Лофтуса невыплаченную ссуду в 230 еф. и компенсацию потерь в 500 еф. (217%)[122].

* * *

Распространенность кредита, предоставляемого псковскими купцами своим торговым партнерам из прибалтийских городов (Нарвы, Дерпта, Ревеля, Риги), Любека, Англии, Нидерландов, является характерной особенностью внешней торговли Пскова в XVII в., продолжившей традиции русско-ганзейских торговых связей XIV–XVI вв.

Однако нельзя сказать, что псковские и иноземные торговцы всегда выступали в кредитных операциях как равные партнеры. Посредством кредита (как правило, в денежной форме) иноземцы вовлекали в орбиту своих торговых связей русское мелкое и среднее купечество, испытывавшее острый недостаток в оборотном капитале, а также крестьян и ремесленников, диктуя при этом выгодные для себя цены и условия сделок; тем самым, в частности, они преодолевали запрет на ведение розничной торговли и вопреки ограничительным мерам правительства проникали на внутренний рынок. Вследствие этого существенно страдала торговля крупных и средних купцов-оптовиков (сокращались число их поставщиков, размеры торговли, ухудшалась конъюнктура цен и, соответственно, все это сказывалось на прибыли). Неравное положение псковских и иноземных участников кредита проявлялось и при рассмотрении исков по долговым обязательствам в судебных учреждениях в Пскове и в городах Восточной Прибалтики.

Эти проблемы со всей очевидностью обозначились к 60-м годам XVII в. Их решение предложил А.Л. Ордин-Нащокин, ставший инициатором городской реформы в Пскове в 1665 г., определенное место в которых отводилось и преобразованиям в сфере кредита (из 17 статей "псковских памятей" пять посвящены необходимости регулирования кредитных отношений). Он считал, что для мелких торговцев ссуды на закупку товаров, предоставляемые иноземцами, являются необходимым условием их торговой деятельности. В целях укрепления экономической независимости псковских купцов А.Л. Ордин-Нащокин предлагал "маломочных людей по свойству и знакомству" прикрепить к более состоятельным торговцам, чтобы они "добрым устроением у лутчих людей в послушании испоможены" были, т.е. впредь им полагалось брать ссуды не у иноземцев, а у местных оптовиков. Практически это означало создание торговых кампаний. По мысли реформатора, в земской избе – органе управления Псковом, которое должны были осуществлять 12 выборных представителей посада из числа "лутчих людей", следовало создать специальный фонд средств для их кредитования. В таких условиях, как считал А.Л. Ордин-Нащокин, власти могли бы независимо от действий иноземных торговцев устанавливать твердые цены на каждый вид товара ("указные цены"), тем самым защищая внутренний рынок и отечественное купечество[123]. Однако проект реформ, предложенный крупным государственным деятелем и дипломатом, не был осуществлен[124].

Кредитные отношения в псковско-прибалтийской торговле в XVII в. развивались по преимуществу в средневековых формах со сложной системой гарантий прав кредиторов (в частности, необходимость поручительства), наличием неоформленных документально ("бескабальных") сделок, недостаточно эффективной системой судопроизводства по долговым обязательствам и практикой взыскания долгов, наличием неравноправных отношений между партнерами и т.д.

Вместе с тем во внешней торговле Пскова этого периода наблюдаются некоторые черты коммерческого кредита, присущего в то время лишь передовым странам Западной Европы. В частности, это проявилось во взаимности кредит-

ных отношений между псковскими и иноземными купцами и в распространенности практики обращения заемных документов ("выданные письма" выполняли некоторые функции векселей).

Кредит в условиях недостатка у купцов свободных средств способствовал расширению торговых операций, позволял увеличивать их прибыль, активизировал внутреннюю и внешнюю торговлю. Однако для купцов участие в кредитных сделках как в качестве заемщика, так и в роли кредитора было связано с немалым риском; кредит являлся существенным фактором неустойчивости торгового капитала. Так, нередко из-за неудачной рыночной конъюнктуры, высоких издержек, грабежей и стихийных бедствий, приносивших купцам большие убытки, а также неэффективного судопроизводства долговые обязательства приводили к упадку их торговой деятельности, а порой и к полному разорению.

В целом, развитие кредита (как в товарной, так и в денежной форме), который предоставляли друг другу псковские и иноземные купцы в XVII в. свидетельствует о том, что псковско-прибалтийская торговля являлась частью системы европейских торговых связей и испытывала на себе ощутимое влияние норм и правил торговли, действовавших на зарубежных рынках.

[1] The Fontana Economic History of Europe: Middle Ages / Hrsg. von C.M. Cipolla. London; Glasgo, 1972. P. 323; *Postan M.M.* Credit in Medieval Trade // Postan M.M. Medieval trade and finance. Cambridge, 1973. P. 1–27; Kredit im spätmittelalterlichen und frühneuzeitlichen Europa / Hrsg. von M. North. Köln; Wien, 1991; *Jenks S.* War die Hanse Kreditfeindlich? // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1982. Bd. 69. S. 328–332; *Bogucka M.* Obrót wekslowo-kredytowy w Gdańsku w pierwszej połowie XVII wieku // Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych. 1972. T. 33. S. 1–31 и др.

[2] *Клейненберг И.Э.* Заемный процент в Великом Новгороде первой четверти XV в. // ВИД. Л., 1974. [Вып.] 6. С. 241–251; *Хорошкевич А.Л.* Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // История СССР. 1977. № 2. С. 125–140.

[3] *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. // Изв. АН СССР. Сер. 7, Отд. обществ. наук. 1932. № 2. С. 104–108; *Он же.* Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. Л., 1933. С. 27; *Бахрушин С.В.* Торги новгородцев Кошкиных // Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 204; *Бакланова Н.А.* Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: К истории формирования русской буржуазии. М., 1959. С. 27, 32, 176; *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л., 1951. С. 287–288; *Боровой С.Я.* Кредит и банки России (середина XVII в.–1861 г.). М., 1958; *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962. С. 238, 241, 301.

[4] *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 121–129.

[5] Русско-балтийская торговля в XVII столетии развивалась в сложной политико-территориальной ситуации, когда Швеция захватила русское побережье Балтики – в Ижорской земле (Ингерманландии) с устьями р. Невы и Наровы (1611) и заняла Восточную Прибалтику с городами Ревелем (1561), Нарвой (1581), Ригой (1621) и Дерптом (1625). Это привело к окончательному оформлению "прибалтийского барьера", закрепившего посредническую роль этих городов и прибалтийско-немецкого купечества во внешней торговле России на Балтийском море. По условию 14-й статьи Столбовского договора 1617 г. русским купцам было запрещено совершать самостоятельные морские поездки за пределы шведских владений; они получали право свободной торговли только на территории Шведского королевства и исключительно со шведскими подданными. Потеря Россией собственного выхода на Балтику послужила, по-видимому, главной причиной переноса основного направления русско-европейской торговли на Белое море, в Архангельск. Однако торговля на Балтийском море не утратила важного значения для экономики страны (*Шаскольский И.П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964; *Он же.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998;

Troebst S. Handelskontrolle – "Derivation" – Eindammung: Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden, 1997).

[6] О торговле Пскова в XVII в. см.: *Чистякова Е.В.* Псковский торг в середине XVII в. // ИЗ. М., 1950. Т. 34. С. 199–235; *Юрасов А.В.* Внешняя торговля Пскова в XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Он же.* Тенденция развития и динамика объема торговли Пскова в XVII веке // Russische und Ukrainische Geschichte vom 16. – 18. Jahrhundert / Hrsg. R.O. Crummey, N. Sundhaussen, R. Vulpius. Wiesbaden, 2001. S. 301–310.

[7] *Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 78–88; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 127.

[8] *Хорошкевич А.Л.* К истории создания немецко-русских словарей-разговорников Томаса Шрове и Тенниса Фенне // Slavia orientalis. 2000. Т. 49, № 1. S. 77–91.

[9] *Капустина Г.Д.* Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (первая четверть XVIII в.) // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. 7. С. 246–250. Книги крепостных контор послужили источником для целого ряда исследований по истории кредита начала XVIII в.: *Голикова Н.Б.* Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма: К Международному конгрессу экономической истории в Ленинграде в 1970 г.: Сб. статей. М., 1970. С. 242–290; *Тарловская В.Р.* Ростовщические операции московских купцов и торговых крестьян в начале XVIII в. // Вестн. МГУ. Сер. история. 1977. № 3. С. 44–55; *Захаров В.Н.* Товарно-кредитные операции западноевропейских купцов на русском рынке в начале XVIII в. // Русский город (исследования и материалы). М., 1984. Вып. 7. С. 127–149; *Он же.* Денежный кредит западноевропейских купцов в России в первой четверти XVIII века и его роль в развитии русской торговли // Там же. М., 1990. Вып. 9. С. 165–181; *Он же.* Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М., 1996. С. 175–217.

[10] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 177 об.–178, 201 об.–202; Кн. 85. Л. 40 об.–41.

[11] Там же. Кн. 75. Л. 137 об., 182 об.–183.

[12] Ефимки (иоахимсталер, риксдалер, талер) – серебряная монета, чеканилась в Европе с конца XIV – начала XV в. Ввоз ефимков в Россию начался в 30–40-е годы XV в. В 1646 г. русское правительство установило твердый курс ефимка – 50 коп. Отклонение от него произошло во время денежной реформы 1654–1663 гг., когда курс ефимка составил 64 коп.

[13] 1 берковец (Schiffpfund) = 0,72 Last = 10 пуд = 160 кг.

[14] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 68–69.

[15] Там же. Кн. 37. Л. 20 об.–21.

[16] Там же. Кн. 63. Л. 195–196.

[17] Ефимками в России располагали в основном крупные и средние купцы-оптовики, а мелкие и рядовые торговцы, с которыми иноземцы вели наиболее выгодные для себя торговые и кредитные операции, получали в оплату за товар и в ссуду, а также и сами расплачивались преимущественно русскими деньгами. Этому способствовала политика русского правительства, направленная на ограничение свободного хождения европейской монеты среди населения страны (*Потин В.М.* Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI–XVII вв. // Скандинавский сб. Таллин, 1974. Вып. 19. С. 202).

[18] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 63. Л. 263 об.–265.

[19] Там же. Л. 232 об.–233 об.

[20] Там же. Л. 186.

[21] Там же. Л. 187 об.

[22] Там же. Л. 112 об.

[23] Там же. Кн. 75. Л. 157 об.–158.

[24] Там же. Ф. 159. Оп. 1. № 863.

[25] Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 63. Л. 195–196.

[26] Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 85. Л. 40 об.–41.

[27] Там же. Кн. 75. Л. 118 об.–119 об.

[28] Там же. Кн. 37. Л. 144 об.–147.

[29] Там же. Л. 161–162 об.

[30] РШЭО. № 328. С. 547–550.

[31] Там же.

[32] Там же. № 319. С. 532.

[33] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 63. Л. 188.
[34] Там же. Л. 189.
[35] Там же. Кн. 75. Л. 175–175 об.
[36] РШЭО. № 328. С. 547.
[37] Там же. С. 548.
[38] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 136–139, 185–196 об.
[39] РШЭО. № 319. С. 532. Ср.: в 1649 г. к моменту запрещения деятельности в России Московской торговой кампании английских купцов и высылки их за пределы страны сумма долгов по кредитным сделкам и невыполненным договорам со стороны русских купцов составляла 26 857 руб. 15 коп. (*Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 106–107).
[40] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 85. Л. 40 об.
[41] Соборное уложение 1649 года: Текст и комментарии. Л., 1987. С. 61 (гл. X, ст. 255). Это же положение действовало и ранее: указы от 8 марта 1626 г., от 17 ноября 1628 г. и от 25 июля 1646 г. (Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. № 148, 188, 315).
[42] *Демкин А.В.* О формулярах заемных "кабал" и "памятей" первой половины XVII в. // Сов. архивы. 1985. № 5. С. 36.
[43] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 37. Л. 28.
[44] Там же. Л. 154 об.
[45] Там же. Кн. 103. Л. 2 об.–5.
[46] РШЭО. № 328. С. 547.
[47] *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 265–267; *Тарловская В.Р.* Указ. соч. С. 53–54; *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы... С. 197–198.
[48] "Кабала" как документ, которым оформлялись долговые отношения, известна в русских источниках с 30-х годов XV в. (*Хорошкевич А.Л.* Кредит... С. 127).
[49] "Имание по записи" встречается в Псковской судной грамоте (ст. 73); в документах о внешнеторговом кредите XV в. присутствуют: "записная грамота", "запись" (*Хорошкевич А.Л.* Кредит... С. 135–136).
[50] Обязательная регистрация кредитных операций в приказной избе, а затем – в крепостной конторе была введена лишь в конце 90-х годов XVII в. (*Капустина Г.Д.* Указ. соч. С. 216–217).
[51] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 37. Л. 11–11 об.
[52] Там же. Л. 20–21.
[53] *Harder E.* Seehandel zwischen Lübeck und Russland im 17./18. Jahrhundert nach Zollbüchern der Novgorodfahrer // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. 1962. Bd. 42. S. 41.
[54] *Демкин А.В.* О формулярах... С. 36.
[55] *Капустина Г.Д.* Указ. соч. С. 269.
[56] Вексельный устав 1729 года // ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 8. № 5410. С. 147–197.
[57] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 85. Л. 39 об.
[58] Там же. Кн. 75. Л. 136–136 об.
[59] РШЭО. № 328. С. 547–549.
[60] Соборное уложение 1649 г. С. 210.
[61] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 63. Л. 251–252.
[62] Там же. Л. 125.
[63] РШЭО. № 328. С. 548.
[64] Соборное уложение 1649 г. С. 47 (гл. X, ст. 155).
[65] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 415–415 об.
[66] Там же. Л. 416–416 об.
[67] Там же. Кн. 85. Л. 22 об.–23 об.; Кн. 103. Л. 199–199 об.
[68] Там же. Кн. 103. Л. 31–32 об.
[69] Там же. Кн. 75. Л. 191.
[70] Там же. Л. 188.
[71] Там же. Л. 118 об.–119 об.
[72] Там же. Кн. 37. Л. 11–11 об.
[73] Там же. Л. 153 об.–154.

[74] РШЭО. № 328. С. 546.
[75] Там же. С. 547.
[76] Там же. Кн. 37. Л. 161 об.
[77] Эта норма была введена боярским приговором 1588 г., затем повторена в указе 31 октября 1628 г. и, наконец, в Уложении 1649 г. (Законодательные акты... № 315, 45; Соборное уложение 1649 г. С. 61 (гл. X, ст. 256)).
[78] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 458 об.–459, 461 об.–462 и т.д.
[79] Соборное уложение 1649 г. С. 193.
[80] В Уложении 1649 г. (гл. X, ст. 121) предусмотрено право примирения сторон (Соборное уложение 1649 г. С. 41).
[81] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 186–186 об.
[82] Соборное уложение 1649 г. С. 222.
[83] Указом 1635 г. и Уложением 1649 г. было запрещено рассматривать в судебном порядке иски, не подкрепленные крепостными актами (Законодательные акты... № 226; Соборное уложение 1649 г. С. 52 (гл. X, ст. 189)). Однако иски по ссудам, тем более с участием иностранцев, составляли исключение. Вследствие отсутствия доказательств они разрешались путем крестного целования (Соборное уложение 1649 г. С. 71 (гл. XIV, ст. 4)).
[84] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 187.
[85] Там же. Л. 41–41 об.
[86] Там же. Л. 192 об.–193.
[87] Там же. Л. 137.
[88] Там же. Л. 137–137 об.
[89] Там же. Л. 185 об.
[90] Там же. Л. 192.
[91] Там же. Л. 186–186 об.
[92] Там же. Л. 188.
[93] Там же. Л. 186 об., 187 об., 191 об., 192 и т.д.
[94] Расценки отработки: мужчины – 4 руб. в год; женщины – 2,5 руб. (Соборное уложение 1649 г. С. 62 (гл. X, ст. 266)).
[95] ДАИ. СПб., 1853. Т. V. № I/XII. С. 18–21.
[96] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 78. Л. 18–18 об.
[97] Там же. Кн. 75. Л. 185–196 об., 136–139.
[98] Соборное уложение 1649 г. С. 73–74 (гл. XV, ст. 5). Известно, что третейские суды по торговым спорам также действовали в Тихвине и Стокгольме (*Сербина К.Н.* Торговые связи тихвинских торговых людей со Швецией в XVII веке // Скандинавский сборник. Таллин, 1978. Вып. 23. С. 16).
[99] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 144 об.–146 об.
[100] Сведения о торговом суде в Риге сохранились начиная с середины XVI в., хотя существовал он и ранее. В Латвийском государственном историческом архиве хранятся протоколы суда за XVII в. (частично) и за XVIII в. (полностью). В них содержится ряд дел, в которых фигурируют псковские купцы (*Дорошенко В.В.* Протоколы Рижского торгового суда как источник для изучения экономических связей Риги с русскими, белорусскими и литовскими землями в XVII в. // Экономические связи Прибалтики с Россией: Сб. статей. Рига, 1968. С. 120, 122).
[101] РШЭО. № 319. С. 532.
[102] Там же. С. 532–533.
[103] *Дорошенко В.В.* Указ. соч. С. 122.
[104] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 103. Л. 198.
[105] Там же. Л. 189 об.–190 (ст. 3).
[106] Там же. Л. 199–199 об.
[107] См., например: Там же. Кн. 63. Л. 111 (“сказка” 1663 г., ст. 16); Кн. 75. Л. 104 об. (“сказка” 1666 г., ст. 17); Кн. 103. Л. 189–189 об. (“сказка” 1676 г., ст. 3).
[108] Там же. Кн. 103. Л. 39 об.–42.
[109] Там же. Кн. 85. Л. 21 об.–22 об.; Кн. 103. Л. 200–201.
[110] Там же. Кн. 85. Л. 22 об.–23 об.; Кн. 103. Л. 199–199 об.
[111] РШЭО. № 328. С. 549.

[112] См., например: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 63. Л. 111 ("сказка" 1663 г., ст. 16); Кн. 75. Л. 104 об. ("сказка" 1666 г., ст. 17); Кн. 103. Л. 189–189 об. ("сказка" 1676 г., ст. 3).

[113] Там же. Кн. 63. Л. 111–111 об. ("сказка" 1663 г., ст. 17); Кн. 75. Л. 105 ("сказка" 1666 г., ст. 18); Кн. 103. Л. 190–190 об. ("сказка" 1676 г., ст. 3).

[114] РШЭО. № 319. С. 533.

[115] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 104–104 об. ("сказка" 1666 г., ст. 17); Кн. 103. Л. 189–189 об. ("сказка" 1676 г., ст. 3).

[116] Там же. Кн. 85. Л. 21 об.–22 об.; Кн. 103. Л. 200–201.

[117] Там же. Кн. 103. Л. 194–194 об.

[118] Там же. Л. 194 об.–195.

[119] Там же. Кн. 37. Л. 26 об.–27.

[120] Там же. Кн. 103. Л. 31–32 об.

[121] РШЭО. № 328. С. 547.

[122] Там же.

[123] ДАИ. Т. 5. № 1/I–III. С. 1–4.

[124] *Чистякова Е.В.* Социально-экономические взгляды А.Л. Ордина-Нащокина (XVII век) // Тр. Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1950. Т. 20. С. 37.

А.С. Мельникова

ЧЕТЫРЕ КЛАДА РУССКИХ МОНЕТ СЕРЕДИНЫ XVII века*

Современное источниковедение, широко используя данные вспомогательных исторических дисциплин, не часто обращается к монетным кладам, особенно когда речь идет о событиях XVI–XVII вв. Между тем этот вид источника может содержать ценную информацию, в некоторых случаях единственную в своем роде, что мы и попытаемся показать на примере четырех кладов: трех – времени Михаила Федоровича (1613–1645) и одного, спрятанного в самом начале правления Алексея Михайловича (1645–1676).

Эти клады не случайно выбраны из трех сотен монетных комплексов времени Михаила Федоровича, известных современным исследователям. Они происходят из разных регионов и отражают не только особенности местного денежного обращения, но и некоторые специфические процессы социально-экономического развития страны середины XVII в.

Первый клад найден в феврале 1987 г. на территории современной Эстонии в пос. Рынгу (Тамме), расположенном к юго-западу от Тарту. Он состоял из западноевропейских (502 экз.) и русских (1011 экз.) монет. Клад датируется 1621 г. Хранится в местном музее. Поступил на экспертизу в ГИМ в 1987 г.

Второй клад был найден в 1997 г. в г. Клин Московской области, состоял исключительно из русских монет (318 экз.). Время его захоронения приходится на 1643–1644 гг. Хранится в Клинском музее, был на экспертизе в ГИМ в 1997 г.

Третий и четвертый клады происходят из Орловской области, из районного центра Новосиль и д. Семеново Кромского р-на. Новосильский клад, насчитывающий 1048 монет и датируемый 1645 г., был найден в 1960 г., клад из д. Семеново (2140 экз., дата захоронения – 1645–1646) – в 1961 г. Оба клада хранятся в Орловском музее; на экспертизе в ГИМ находились в 1989 г.

Клад № I найден на территории южной Эстонии, которая в XVII в. не входила в состав Русского государства.

Этот клад, время захоронения которого приходится на 1621 г., был зарыт в переломный момент, когда расстановка политических сил в Прибалтике изменилась в пользу Швеции. Территория южной Эстонии, где располагалось место находки клада, после 1583 г. оказавшаяся под властью Речи Посполитой, в результате перманентных войн между Швецией и Польшей за Прибалтику по Альтмаркскому перемирию 1629 г. стала шведской. Граница между Швецией и Польшей пролегла по Западной Двине. К Швеции отошли Рига (1621 г.) и Тарту (1625 г.). Швеция также отобрала у России по Столбовскому миру 1617 г. исконно русские территории – Ижорскую землю и Корельский уезд.

Современные Эстония и Латвия насыщены монетными кладами. Русские монеты стали попадать сюда с XVI в. Приток их усилился на рубеже XVI–XVII вв. и значительно оскудел во второй половине XVII в. В подавляющем большинстве случаев русские монеты встречаются в так называемых смешанных кладах, где большую часть составляют мелкие номиналы западноевропейских монет (преимущественно польско-литовских и прусских), лишь изредка

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта "Русские монетные клады времени Михаила Федоровича (1613–1645)", поддержанного РГНФ (проект № 00-01-00009а).

дополняемые крупными номиналами – талерами. Русские копейки в смешанных кладах иногда составляют до половины количественного состава, иногда насчитывают единицы. Какую-либо закономерность здесь проследить не удается. Ближе к русской границе иногда встречаются клады, состоящие исключительно из русских монет. Но одна особенность этих смешанных кладов бросается в глаза: русские монеты пока не встречены в кладах Северной Эстонии. Они обнаруживаются в центральной и южной Эстонии и далее южнее – в Латвии и Литве.

Топография прибалтийских смешанных кладов, в которые входят русские копейки, определялась двумя факторами. Прежде всего – направлением торговых путей, связывающих балтийские гавани с основными русскими центрами внешней торговли на северо-западе – Новгородом, Псковом, Смоленском. Вторым фактором была военная и экономическая экспансия Швеции, к середине XVII в. прочно утвердившейся на землях бывшего Ливонского ордена и оттеснившей Польшу и Россию от Балтийского побережья.

Находки русских монет, сосредоточенные в центральной и южной Эстонии, Латвии и Литве, дают основание считать, что основным и наиболее притягательным центром торговли для русских была Рига, возле которой концентрировались внешние и внутренние торговые связи. Сюда прибывали огромные количества товаров, охотно поглощаемых Европой – лес, меха, хлеб, лен, пенька, поташ, сало, воск. В роли посредников выступали прибалтийские купцы, которые скупали все эти товары у местного крестьянского населения, а также у псковских и новгородских крестьян – через посредников в лице псковских и новгородских торговых людей. Встречный поток товаров приносил для России серебро в виде слитков и монет, металл, жизненно необходимый для русской экономики и русского денежного дела. Швеция, установившая после 1583 г. жесткий контроль над прибалтийскими гаванями северной Эстонии, стремившаяся взять внешнюю торговлю в свои руки, могла ввозить преимущественно железо и медь – главные продукты собственной экономики. Но расцвет шведского импорта был еще впереди – он пришелся на середину и вторую половину XVII в. В конце XVI – первой половине XVII в. торговля со Швецией не была столь оживленной, как с прибалтийскими городами, попавшими под власть Польши.

Поток русских денег направлялся к юго-западу от Тарту и Пярну, по направлению к Риге, смешиваясь здесь с местными выпусками. Тот факт, что в смешанных кладах преимущественно встречены мелкие номиналы, может служить свидетельством принадлежности этих кладов местному крестьянству, втянутому в товарно-денежные отношения под мощным воздействием рижской внешней торговли.

В Прибалтике сложилось весьма своеобразное денежное хозяйство. Основу денежной массы здесь составляли местные выпуски – польско-литовские деньги, а дополняла их привозная монета – западноевропейские (преимущественно германские) монеты разных достоинств и русские копейки. Во второй половине XVII в. сюда стали активно проникать шведские выпуски.

Клад из Рынгу (№ I) может служить отличной иллюстрацией для характеристики местного денежного обращения. По нему можно составить наглядное представление о том, в какой форме и степени отразились здесь, на периферии русского денежного хозяйства, те процессы, которые формировали состав денежной массы в России.

Дата на западноевропейской монете позволяет считать 1621 г. временем сокрытия клада. Русские копейки, не имеющие в подавляющем большинстве своем дат выпуска, по систематизационной схеме[1] датируются 1619–1620 гг. Таким

образом подтверждается правильность этой схемы, что немаловажно для систематизации русских монет XVI–XVII вв., не имеющих дат.

Наиболее заметной чертой клада из Рынгу является очень большое количество монет второй половины XVI – начала XVII в., которые на русской территории к 20-м годам уже вышли из обращения. Эти монеты времен Ивана Грозного (1533–1584), Федора Ивановича (1584–1598), Бориса Годунова (1598–1605), Дмитрия Ивановича (1605–1606), Василия Шуйского (1606–1610) и Владислава Жигимонтовича (1610–1612), чеканенные по трехрублевой стопе (весовая норма копейки – 0,68 г), сменились копейками четырехрублевой стопы (весовая норма 0,51 г) на рубеже 1612–1613 гг. К концу второго десятилетия XVII в. они почти перестали попадать в русские клады. Здесь же они составляют 38,9% русской части клада. Для местного населения, по всей видимости, не имело большого значения то незначительное различие весовой нормы между монетами, которое стало границей между двумя этапами в истории русского денежного обращения. Скорее всего, одна серебряная русская копейка, чеканенная из чистого серебра (960 пробы), заняла место в системе низших номиналов местного денежного обращения.

В кладе присутствуют 2 монеты (0,29 %), которые, внешне подражая русским копейкам, тем не менее таковыми не являлись. Это так называемые деннинги, чеканенные в Глюкштадте при датском короле Христиане IV (1588–1648) после 7 июня 1619 г.[2] Одна из этих монет представляет собой имитацию русской копейки, на оборотной стороне которой строчная надпись на немецком языке сообщает имя "Всемилостливейшего Христиана IIII короля Дании" (М., т. 11, 9–10); вторая монета несет имя Михаила (М., т. 11, 9–15). Датчане чеканили подражания русским копейкам по королевскому указу. Формальным предлогом для организации подобной чеканки была необходимость обеспечить датских подданных, живущих в Лапландии, на границе с русскими владениями, чтобы они могли расплачиваться с русскими сборщиками дани. Фактической же целью этого чекана была попытка снабдить "туземной монетой" датских купцов, организовавших в Копенгагене Печерскую компанию, намеревавшуюся торговать на русском Севере без посредничества русских купцов. Членами Печорской компании были сам король Христиан IV и королевский монетный мастер Иоганн Пост. Позднее чеканку деннингов передали на откуп монетному мастеру Альберту Дионису, выходцу из Португалии, поселившемуся в Глюкштадте. Монеты вначале выпускались с именем Христиана IV, а затем мастера, особенно последний, переключились на чеканку "воровских" русских копеек, которые стали сбывать в Россию. Деннинги очень широко распространились в русском денежном обращении. Они часто встречаются в кладах, найденных в самых различных областях Русского государства, но более всего – на северо-востоке и в центре страны. В Россию они попадали по большей части через Архангельск. Находка их в кладе из Рынгу свидетельствует также и о западных путях проникновения, через прибалтийскую торговлю.

Находка двух таких монет в кладе 1621 г. из Рынгу датирует время появления именно этих типов первыми годами чеканки деннингов.

Любопытный материал для наблюдений над характером местного денежного обращения дают монеты клада, чеканенные на Псковском и Новгородском денежных дворах. Деятельность этих дворов была восстановлена в марте 1617 г., после заключения Столбовского мира. С 1611 г. по февраль 1617 г. Новгород Великий был оккупирован шведами, которые организовали собственную чеканку на Новгородском денежном дворе штемпелями времени Дмитрия Ивановича и Василия Шуйского. В кладе содержатся 126 шведских подделок с

именем Василия Ивановича и датой РНІ = 1610 г. (М., т. 6,1–1) и 133 экз. – тоже с именем Василия Ивановича, но с датой РГІ = 1605 г. (М., т. 6,2–2). Такой большой процент шведских подделок в кладе характерен лишь для денежного обращения северо-западной окраины Русского государства. В годы шведской оккупации Новгород был изолирован от центральных областей, куда шведские подделки проникали в незначительных количествах. Наличие в кладе № I большого числа новгородских шведских монет 1612–1617 гг. (25%) позволяет сделать вывод о тесных контактах Новгорода с западными соседями в годы шведской оккупации. В то же время в кладе отсутствуют монеты, которые нелегально чеканились в Ижорской земле и Корельском уезде – русских землях, отошедших к Швеции по Столбовскому миру (так называемые "Нефедкины копейки"[3]). Это говорит о том, что между Ижорской землей и Корельским уездом, как и вообще между северной частью прибалтийских окраин после 1617 г. не было интенсивных экономических связей с центральной и южной Прибалтикой. "Нефедкины копейки" встречаются, хотя и редко, на русской территории, преимущественно на северо-западном и северо-восточном направлениях, что может служить свидетельством о непрекращавшихся экономических контактах населения "шведской России" с основной территорией государства[4].

О характере отношений между русской территорией и прибалтийскими землями также свидетельствует количественное соотношение монет Псковского и Новгородского денежных дворов, чеканка на которых, возобновившаяся после шведской оккупации с марта 1617 г., велась до рубежа 1626–1627 гг., когда дворы были закрыты. До 1626 г. в стране работали три денежных двора – Московский (ведущий, выполнявший по преимуществу казенные заказы и наиболее продуктивный), Псковский и Новгородский. В кладе присутствуют 103 монеты московского чекана, 207 – псковского и 21 – новгородского. Цифровые показатели продукции трех денежных дворов в кладе из Рынгу выглядят следующим образом:

Правитель	*Москва*	*Псков*	*Новгород*
Иван IV	63	26	25
Федор Иванович	11	26	6
Борис Федорович	19	65	17
Дмитрий Иванович	–	59	6
Василий Иванович	7	53	14
Владислав Жигимонтович	1	–	–
Михаил Федорович	103	207	21

Начиная с правления Федора Ивановича, неизменно наблюдается превышение количества монет Псковского денежного двора над всеми другими выпусками. До начала правления Михаила Федоровича чекан Московского двора представлен 10,1%, Новгородского – 6,8%, а Псковского – 21,4%. Преобладание монет псковского чекана объясняется изменением роли Пскова после Тявзинского мира 1595 г., расширившего возможности русской внешней торговли на Балтике после тяжелых последствий Ливонской войны и хозяйственного разорения 80-х годов XVI в. К Пскову перешла роль главных ворот, через которые в Россию приходил драгоценный металл (серебро, золото), поступавший из европейских стран через прибалтийские порты, в первую очередь – Ригу . По ряду косвенных данных можно предположить, что с 1595 по 1600 г. Псковский денежный двор целиком переключился на выполнение казенных заказов на чеканку монет, чем и объясняется резкое возрастание продукции этого двора (копеек с буквами ПС под конем, знаком двора)[5].

Начиная с рубежа XVI–XVII вв. Псков попал в сферу торговой активности Риги, Тарту, Пярну – городов, вошедших во владения Речи Посполитой, но в значительной степени сохранивших свою торговую самостоятельность. Полученное в 1601 г. от Бориса Годунова разрешение польским купцам торговать на русской территории, подтвержденное при Дмитрии Самозванце, благоприятствовало развитию торговли на западных границах России. Клады с русскими копейками на территории центральной и южной Эстонии, Латвии и Литвы могут служить наглядной иллюстрацией оживленных торговых отношений России с прибалтийскими землями. Тот факт, что русские монеты встречены преимущественно в кладах, где большую часть составляли мелкие номиналы местных выпусков, найденных в сельской местности, часто в стороне от проторенных торговых дорог, говорит о глубоком проникновении русской монеты в местное денежное обращение.

Торговая ориентация Пскова на прибалтийские гавани, находившиеся под польской властью, по всей видимости, обусловила экономическое процветание города. Об этом можно судить прежде всего по продуктивности Псковского денежного двора. В совершенно ином положении оказался Новгород Великий. Территориально он располагался ближе к шведским прибалтийским владениям, торговые его контакты традиционно ориентировались на Таллинн, Нарву, Выборг, после 1583 г. попавшие под шведский контроль. Шведский экспорт составляли медь и железо. Серебро и собственно шведские монеты не были предметом экспорта. Как показали исследования В.М. Потина, шведские монеты составляли очень незначительный процент в кладах, зарытых на территории шведской и русской Прибалтики[6]. Новгородский денежный двор оказался в худшем положении по сравнению с Псковским – сюда серебро поступало в гораздо меньших количествах. Его продуктивность, во второй половине правления Ивана Грозного весьма высокая, резко снизилась с 80-х годов, с тем, чтобы больше уже не увеличиваться до самого закрытия двора в 1627 г.

Клад из Рынгу сложился в тот момент, когда шведская экспансия распространилась почти на всю Прибалтику, когда после 1629 г. граница между шведскими и польскими владениями прошла по течению Западной Двины. Весьма характерно, что русские монеты почти перестали попадаться в эстонских кладах середины и второй половины XVII в. Разумеется, они в большом количестве использовались в Ижорской земле и Корельском уезде – русских владениях шведской короны, но это было следствием весьма специфического характера местного денежного обращения. Из Прибалтики же русские копейки практически ушли. Этот факт следует связывать с изменившейся экономической конъюнктурой, обусловленной шведским присутствием. Заметим, что в Белоруссии и Украине, на юго-западных границах Русского государства, где денежное обращение обслуживалось преимущественно польской и западноевропейской монетой, русские копейки продолжают присутствовать во многих кладах как обязательный компонент[7].

Состав монет Михаила Федоровича в кладе из Рынгу демонстрирует резкое преобладание псковского чекана над новгородским: 207 псковских (20,5%) и только 21 – новгородских монет (2%). Московские монеты Михаила в кладе представлены 11%. Клад отразил уже устоявшиеся экономические отношения на территории центральной и южной Эстонии, основанные на прочных экономических связях преимущественно жителей Псковской земли с городами Ригой, Тарту, Пярну. Здесь превалировали, по всей видимости, псковские торговые люди, что и нашло выражение в преобладании копеек псковского чекана.

Благодаря тому что в кладе из Рынгу псковский чекан представлен со всей полнотой, удалось решить один из спорных вопросов русской нумизматики времени Смуты. Речь идет о группе монет, известной пока в четырех экземплярах, лицевая сторона которых чеканена псковским штемпелем 1604 г., а оборотная – тоже псковским штемпелем, но относящимся к 1595–1598 гг. и несущим имя Федора Ивановича (М., т. 4, Псков, Б–Б). Так как вес известных четырех экземпляров (происходящих из музейной коллекции) составляет 0,49, 0,50 – 2 экз. и 0,51 г., время появления этих монет может быть установлено не ранее конца 1612 г., когда в русском денежном обращении утвердилась четырехрублевая стопа. Но в кладе 1617 г. из пос. Гаури (Латвия) была обнаружена такая монета с весом 0,67 г, т.е. чеканенная по нормам трехрублевой стопы. В кладе из Рынгу обнаружено шесть подобных монет. Их вес составляет 0,49, 0,51, 0,50, 0,65, 0,66, 0,70, т.е. отражает всю весовую шкалу перехода от трехрублевой стопы к четырехрублевой через промежуточную 3,4 рублевую. Чеканка монет разновременными штемпелями, к тому же по неустойчивой весовой норме, а также помещение имени Федора Ивановича спустя много лет после его царствования, возвращает нас к практике, которая была использована в годы Смуты в политических соображениях. Имя Федора Ивановича, царствование которого закончилось в 1598 г., вновь появилось на монетах Второго Ополчения осенью 1612 г., когда в Ярославле был организован Союз Всей Земли, временно принявший функции управления государством, и налажена чеканка монеты на специально созданном тогда же Ярославском денежном дворе. Когда осенью 1612 г. войска Второго Ополчения освободили Москву от поляков, управление государством перешло к Временному правительству, во главе которого "стали во единачестве" Д.М. Пожарский и Д.Т. Трубецкой. Временное правительство продолжило чеканку монет с именем Федора Ивановича на временном Московском дворе и в Ярославле. Тогда же, по нашему мнению, Временное правительство задействовало Псковский денежный двор, поскольку Псков признал власть правительства Пожарского и Трубецкого. Здесь тоже был налажен выпуск копеек с именем Федора Ивановича, для чего использовались штемпели прежних лет, хранившиеся на денежном дворе. В выборе весовой нормы псковичи неукоснительно следовали за Москвой, где также с конца 1612 г. по февраль 1613 г. был пройден путь от трехрублевой стопы к четырехрублевой через промежуточную 3,4[8]. Клад из Рынгу не только дал возможность определить весовые нормы, по которым были чеканены псковские выпуски Временного правительства Пожарского и Трубецкого, но и утвердил в справедливости самого предположения о возможности этой чеканки.

Нумизматические данные, в том числе и рассматриваемый клад из Рынгу, демонстрируют справедливость высказанного И.П. Шаскольским мнения о двух направлениях русской торговли в Прибалтике: торговлю России со Швецией и русскую торговлю с Прибалтикой и через нее со странами Западной Европы. Русская торговля со Швецией имела преимущественно активный характер, русские купцы сами ездили в города Швеции и там вели прямую торговлю со шведскими купцами. Русская торговля через Прибалтику имела иной характер – немецкое купечество прибалтийских городов взяло в свои руки посредничество в торговле между Россией и Западной Европой, скупало российские товары и перепродавало их на Запад, получая посредническую прибыль[9]. Как показывают монетные клады, территориально русская торговля со Швецией велась главным образом через Новгород Великий, торговля с Западом – через Псков и Смоленск.

Для завершения характеристики клада из Рынгу отметим также, что псковские и новгородские копейки имеют выдержанный вес четырехрублевой стопы,

установившийся здесь после 1617 г. Понижение веса русских копеек, начавшееся в Москве после 1618 г., на псковских и новгородских монетах не отразилось. Оно, очевидно, пришло сюда с запозданием, уже после того, как клад сложился как единый комплекс.

В кладе нашлась одна "воровская" копейка – монета с именем Бориса Федоровича. Грубый рисунок, почти нечитаемая надпись, за которыми все же можно различить попытку подражать популярной копейке времени Бориса Годунова, вес 0,54 г убедительно свидетельствуют о "воровском" ее происхождении. Чеканка фальшивых монет достигла наибольшего расцвета при Михаила Федоровиче, но практика эта сопутствовала чеканке на "государевых" денежных дворах во все времена. Какая-то часть фальшивых ("воровских") монет чеканилась в России, какая-то – за рубежом, особенно – в "порубежных" областях, где ходили русские копейки. Возможно, "воровская" копейка из клада № I имела местное происхождение.

Клад из Рынгу состоял из талеров, польских полтораков и трехгрошевиков, а также из испанских реалов и 1/4 реалов (всего 502 экз.) и 1011 русских копеек и денежек. Русские монеты здесь представляли сумму около 10 рублей. Вкупе с западноевропейскими монетами это было немало. Владельцем клада мог быть зажиточный крестьянин или бюргер. Известно, что рижские купцы вели в хинтерланде большие закупки сельскохозяйственной продукции, которую поставляли западноевропейским купцам к навигации. Известна также практика привлечения местных жителей (так называемых "руссов"), которым рижане (или представители других торговых городов) давали крупные денежные ссуды. Под эти деньги они закупали необходимые товары и сами доставляли их к месту отправки[10]. Возможно, клад из Рынгу принадлежал одному из таких "руссов", получившему ссуду и спрятавшему деньги ввиду грозной обстановки в Прибалтике – переходу Риги (1621 г.) и Тарту (1625 г.) в шведское владение.

Клад № II, найденный в г. Клин Московской области и датируемый 1643–1644 гг., может служить примером типичного монетного комплекса, сложившегося в центральной части Русского государства и отразившего в своем составе характерные особенности русского денежного обращения середины XVII в. Московская область, в XVII в. одна из наиболее заселенных и обжитых территорий, изобилует монетными кладами. Клад из Клина – один их многих московских кладов[11].

Клад попал в руки музейных работников целиком; он насчитывает 318 экземпляров. 314 монет клада представлены монетами Михаила Федоровича и лишь 2 (0,6%) относятся к более раннему периоду. Это – одна копейка Василия Шуйского, чеканенная в Новгороде в 1606 г., и одна московская копейка Владислава Жигимонтовича. К этим монетам следует также присовокупить две копейки времени шведской оккупации Новгорода, относящиеся к 1612–1615 гг. (0,6%). Такое соотношение монет, чеканенных до и после утверждения четырехрублевой стопы, характерно для русских кладов конца правления Михаила Федоровича.

Время захоронения клада следует связывать с теми переменами, которые имели место в русском денежном деле в последние годы его царствования. В 1644 г. произошла смена орудий чеканки на Московском денежном дворе. Новые маточники стали готовиться при помощи новых технических средств, для нас пока неведомых. Мы можем судить лишь по монетам, что резко изменилась стилистика рисунков и надписей, а внешний вид копеек резко ухудшился. Целью изменения технологии в 1644 г. была необходимость увеличить количество монетной продукции, что достигалось упрощением изготовления маточников –

самой трудоемкой и долговременной операции в денежном производстве. По всей видимости, маточники перестали изготавливать ручным способом. Рисунок и надписи представляли собой набор стандартных деталей, которые переносились на заготовку. Монеты приобретали крайне однообразный характер, что, кстати, должно было бы облегчать выявление фальшивых монет, очень засорявших русское денежное обращение[12].

В кладе № II нет монет, изготовленных по новой технологии. Возможно, именно появление новых видов копеек и боязнь дальнейших перемен заставили владельца клада спрятать свои сбережения.

Основную массу монет клада (300 экз., 94,6%) составляют копейки, чеканенные на Московском денежном дворе – основном, а после 1626–1627 гг. и единственном денежном дворе государства. В кладе только семь экз. (2,2%) копеек Псковского денежного двора и четыре экз. (1,2%) – Новгородского. К середине XVII в. продукция Псковского и Новгородского дворов в центральных областях России составляла ничтожный процент от общего состава денежной массы. Зато в кладе появились две монеты (0,6%), чеканенные после 1619 г. на Ярославском денежном дворе. Этот двор, как уже выше указывалось, организованный в 1612 г. Вторым Ополчением, выпускал до октября 1613 г. копейки с именем Федора Ивановича, последнего Рюриковича, и со знаком двора с/ЯР (Ярославль), затем он был закрыт, но в 1618 или 1619 г. его вновь открыли. Здесь была организована тайная откупная (?) чеканка монет пониженных веса и пробы, подражающих выпускам Московского денежного двора. Некоторые выпуски чеканились штемпелями, присланными с Московского двора. Предположительно, чеканка была тайно организована правительством Михаила Федоровича – Филарета исключительно в фискальных целях после прекращения практики сбора пятинных денег[13]. Монеты тайной ярославской чеканки чеканились в очень больших количествах и широко распространились в русском денежном обращении. Присутствие двух экземпляров в небольшом по размеру клинском кладе – достаточно убедительное тому свидетельство.

Выше уже говорилось о проникновении в русское денежное обращение датских деннингов. В кладе № II также обнаружена копейка, чеканенная в Дании. Это – монета с изображением всадника, с буквой Р под ногами коня и с именем Михаила Федоровича на оборотной стороне (М., т. 11, 7–8). Предположительно данный выпуск принадлежит чекану монетного мастера Иоганна Поста, а буква Р является латинской литерой, обозначающей его имя[14].

Датские деннинги с буквой Р под конем принадлежат к числу редких. Пока они известны всего в пяти экземплярах. Клинская находка увеличивает число их до шести.

Следует заметить, что клад № II достаточно "чист" по составу – здесь нет фальшивых ("воровских") копеек, очень засорявших русское денежное обращение к середине XVII в. Две ярославские и одна датская подделка в кладе, конечно, также по сути относились к категории "воровских", поскольку не чеканились на "государевых" денежных дворах, но их обращение было в известной степени легализировано правительством.

В середине и второй половине XVII в. основными владельцами кладов в городах были служилая бюрократия (дьяки и подьячие) и церковные служители, регулярно получающие денежное жалованье, а также стрельцы, которые к тому же имели право заниматься торговлей и ремеслом. Разумеется, прятали клады ремесленники и мелкие торговцы, основные жители городского посада. Клинский клад, скорее всего, принадлежал служителю церкви, возле которой он был найден. Это могло быть и его денежное жалованье ("руга"), и выручка

от мелочной торговли, которой отнюдь не гнушались церковнослужители в городах. Однако больше данных за то, что клад в основе своей состоял из денежного жалованья. Монеты клада имеют сравнительно хорошую сохранность, что было следствием формирования данного монетного комплекса из казенных запасов, а не из денежного обращения. Клады, принадлежащие посадским людям, состоящие из торговой выручки, как правило, представлены очень потертыми монетами, к тому же очень засорены фальшивыми монетами. В клинском кладе, как уже было сказано, фальшивые монеты не встречены.

Следующие клады – III и IV – найдены недалеко друг от друга, к югу от Москвы, в Орловской области. Военное и торгово-хозяйственное освоение этих земель началось во второй половине XVI – начале XVII в. со строительства засечных укреплений и заселения их служилыми людьми. Эти мероприятия обеспечивали военную безопасность центральных областей России и Москвы, способствовали хозяйственному обустройству плодородных земель русского Черноземья, создавали условия для безопасности торговых путей, ведущих к Черному и Азовскому морям. Наиболее интенсивно все эти процессы обозначились с середины и второй половины XVII в. Именно в этот период здесь начинают появляться монетные клады – верные спутники и показатели развития торговли и товарного хозяйства. Два клада середины XVII в. с "украинных" земель Русского государства – типичное явление для этих мест.

Клад № III датируется рубежом 1644–1645 гг., временем, когда произошли изменения в технологии изготовления русских монет на Московском денежном дворе. Место находки клада – г. Новосиль известен по летописным данным с 1155 г. Городом он был объявлен в 1777 г., при Екатерине II. Это древнее поселение располагалось неподалеку от одного из крупнейших торговых путей, ведущих на юг из Москвы – Муравского шляха. В этом же районе с 30-х годов XVII в. интенсивно строились засечные черты. С 1635 г. поновлялись старые укрепления Тульской засеки, с середины 40-х годов началось строительство южной полосы укреплений – Тамбова, Козлова, Ломова и др. Новые города заселялись солдатами и стрельцами, получавшими регулярное денежное жалованье и земельные наделы с правом заниматься торгово-ремесленной деятельностью. К примеру, тамбовских солдат наделяли участками земли по 12–25 четвертей в поле (по 6–12 десятин), а также домами с усадьбой. Устроенные "на вечное житье" в солдатских слободах получали казенную ссуду на "дворовое строение", обзаводились семьями и хозяйством[15]. Стрельцам после Смутного времени были назначены новые оклады денежного жалованья, "перед прежним с прибавкою", сотникам – по 10 рублей в год, пятидесятникам – по 3 рубля с полтиною, десятникам – по 3 рубля 25 копеек, рядовым – по 3 рубля, а "хлеб" (рожь и овес) – "по-прежнему", по 36–42 пуда в год. Кроме того, стрельцы получали пахотные, огородные и усадебные участки, сукно "на кафтаны" и по рублю на дворовое строение[16].

Можно предположить, что новосильский клад сложился в среде городовых, полковых и сторожевых служилых людей, охранявших южные русские рубежи от набегов крымских татар ("по крымским вестям"). Размер его – 10 рублей с полтиной (без двух копеек) соответствует сумме годового жалованья стрелецкого сотника. Впрочем, характер монет клада противоречит такому прямолинейному выводу. Во-первых, клады, составляющие суммы в 10–20 рублей для середины XVII в. – достаточно типичное явление, и владелец клада с таким же успехом может быть отнесен к представителям основного населения города и деревни – посадским людям или крестьянам. Во-вторых, клады, составленные из денег, полученных из казны как денежное жалованье, как правило, имели

достаточно "чистый" состав, так как казенные чиновники следили за чистотой денежных сумм, поступающих в казну, выбраковывая всякого рода "непрямые" деньги, стертые и бракованные (односторонние, гладкие, со сбитым изображением) копейки. Убедительным примером такого клада может служить уже рассмотренный нами монетный комплекс из Клина (клад № II). Здесь же мы встречаемся с большим количеством монет очень плохой сохранности, стертых от длительного употребления. В кладе встречены 15 фальшивых копеек, что составляет 1,4% от состава клада. "Непрямые" деньги (датские подделки, ярославские выпуски после 1619 г., "Нефедкины копейки") также присутствуют в кладе № III. Деннинги встречены в количестве двух экземпляров (0,19%), ярославские выпуски насчитывают семь экземпляров (0,65%), и одна монета (0,09%) относится к выпускам русских денежников, насильственно вывезенных после 1617 г. шведами и поселенных в Ижорской земле или в Корельском уезде (так называемые "Нефедкины копейки").

Вся эта пестрота, неоднородность состава клада как в капле воды отражала состояние русского денежного хозяйства середины XVII в. Структурные соотношения монет, чеканенных на трех основных денежных дворах Российского государства, также были характерны для основной массы кладов этого времени, найденных к югу и юго-востоку от Москвы. "Старые" монеты, выпущенные до 1613 г., здесь составили 1,5%; монеты Московского денежного двора после 1613 г. – 87,7%, псковские выпуски – 2,5%, новгородские – 1,8%. Шведская чеканка в оккупированном Новгороде в кладе представлена 1,05%.

Можно предположить, что владелец клада занимался торговлей. Деньги он получил в результате торговых сделок, заключенных на городском торгу или ярмарках вдалеке от Москвы, где состав денежной массы складывался достаточно стихийно и не подвергался контролю со стороны правительственных чиновников.

И тем не менее, не следует исключать возможности отнесения владельца клада № III к служилым людям. Стрельцы, как известно, имели и право, и возможность заниматься в мирное время хлебопашеством, торговлей и ремеслом. "Новые полки" – солдаты, драгуны, рейтары – после очередной военной компании распускались по домам до нового призыва, чтобы они могли самостоятельно прокормиться, так как правительство не имело возможности содержать их под ружьем в мирное время[17]. Занятия торговлей, ремеслом, сельским хозяйством для городовых, полковых и сторожевых людей, расселенных на черноземных землях к югу от Москвы, были не менее свойственны, чем несение военной службы.

Русское денежное хозяйство в середине XVII в. испытывало серьезные затруднения в связи с оживлением хлебной торговли в стране. Это оживление было вызвано участием России в Тридцатилетней войне на стороне антигабсбургской коалиции. Это выражалось в поставках дешевого хлеба и других продуктов сельского хозяйства, начиная с 20-х годов, Дании и затем – Швеции. Правительственные агенты скупали продукцию сельского хозяйства и свозили ее на продажу в Архангельск для вывоза за рубеж. Для русской экономики, не приспособленной для товарного производства, усиленная продажа хлеба имела негативные последствия. Исследователи отмечали рост цен на хлеб и другие продукты питания внутри страны, что вызвало всеобщее недовольство, выливающееся в народные волнения[18]. Оживление внутренней торговли потребовало увеличения денежной массы в стране. Однако единственный денежный двор государства – Московский – не мог справиться с этой задачей. Не случайно правительство смотрело сквозь пальцы на обращение русско-датских копеек –

Сравнительный анализ кладов I, II, III, IV (в процентных соотношениях*)

№ кладов	Дата захоронения	Старые монеты	Денежные дворы					
			Москва		Псков		Новгород	
			до 1613 г.	после 1613 г.	до 1613 г.	после 1613 г.	до 1613 г.	после 1613 г.
I	1621 г.	38,9	10,1	11	21,4	20,5	6,8	2
II	1643–1644 гг.	0,6	0,3	94,6	–	2,2	0,3	1,2
III	1644–1656 гг.	1,5	0,3	87,7	0,7	2,5	0,5	1,8
IV	1645–1646 гг.	1,2	0,9	87,3	0,37	2,2	0,28	1,6

* Без данных о Тверском денежном дворе и о монетах плохой сохранности.

деннингов. Тайная чеканка в Ярославле, помимо фискальных целей, преследовала в какой-то степени восполнение нужды в денежных знаках. Как следствие нехватки наличных денег началось массовое производство фальшивых монет. Этот промысел не прекращался никогда, но, безусловно, рубеж 20–30-х годов следует считать временем расцвета деятельности фальшивомонетчиков. Состав кладов времени Михаила Федоровича, сложившийся в 30–40-х годах в отдалении от Москвы, показывает, насколько неблагополучным было русское денежное хозяйство. В обращение попадали не только очень стертые монеты, но и явный брак с денежных дворов (гладкие заготовки, односторонние монеты, крохи), не говоря уже о "непрямых" выпусках – деннингах, ярославских подделках и просто фальшивых монетах.

Разумеется, главной причиной всех негативных явлений была архаическая русская денежная система, сложившаяся в 30-х годах XVI в. Попытка коренного переустройства ее была предпринята только в 1654 г. (денежная реформа Алексея Михайловича 1654–1663 гг.). До этого времени правительство принимало ряд мер для изменения положения, но ни ужесточение наказаний для делателей фальшивой монеты, ни назначение подьячих в приказах, старост и целовальников в торговых рядах, которые должны были деньги "наперед осматривать" на явках, не могли ничего существенно изменить. Впрочем, клады второй половины XVII в., особенно сложившиеся в Москве, стали немного "чище" за счет уменьшения в них количества фальшивых денег.

Четвертый клад, найденный в д. Семеново Кромского района Орловской области, по месту находки, составу и размерам близок к новосильскому. Он датируется единственной копейкой с именем Алексея Михайловича началом правления этого царя. Возможно, захоронение клада было связано с переменами в системе обложения и введением новых налогов. 7 февраля 1646 г. была введена "соляная пошлина", а накануне проведена подворная перепись, готовившая подворное обложение новым экстренным налогом – "ратным людем на жалованье" по 2 гривны (20 копеек) со двора. Встревоженное экстренными сборами, подворной переписью, население стало спешно прятать свои сбережения, как всегда делалось в моменты социально-экономического напряжения.

Место находки клада расположено также неподалеку от Муравского шляха, между двумя полосами засечных укреплений. Размер его – 2140 экз., составляющий 21 рубль 4 гривны, вдвое больше новосильского клада. Семеновский клад не выходит из диапазона типичных по размерам кладов середины XVII в., но приближается к более крупной по размеру группе кладов.

Шведы в Новгороде 1611–1617 гг.	Нефедка в Свее после 1617 г.	Деннинги после 1619 гг.	Ярославль после 1619 г.	Воровские монеты
25	–	0,29	–	0,09
0,6	–	0,3	0,6	–
1,05	0,09	0,19	0,65	1,4
0,9	0,04	0,04	0,65	0,32

Состав и структура четвертого и третьего кладов очень близки. В семеновском кладе присутствуют все виды "непрямых" денег: русско-датские деннинги (1 экз., 0,04%), шведские подделки – "Нефедкины копейки" (1 экз., 0,04%), ярославские выпуски (14 экз., 0,65%), "воровские" деньги (7 экз., 0,32%). "Старые" деньги здесь представлены 1,2%. Следует заметить, что несмотря на присутствие в кладе всех "непрямых" денег, количество каждой разновидности меньше по сравнению с предыдущим комплексом. Видимо, сказались результаты правительственного контроля над составом денежной массы, обращавшейся на торгах и ярмарках, организованного в 30-х годах. Уменьшение абсолютных показателей не распространилось на ярославские выпуски, которые, будучи правительственной чеканкой, не выбраковывались.

Московские выпуски Михаила составляют 87,3%, псковские – 2,2%, новгородские – 1,6%. В отличие от новосильского клада, в семеновском кладе появились пять экземпляров денежек (номинала в половину копейки).

Монеты клада имеют очень плохую сохранность, встречаются также совершенно гладкие пластинки, не имеющие изображения – заготовки для монет, попавшие в обращение с денежного двора.

Размеры клада, его состав, присутствие в кладе монет мелкого номинала (денежек) позволяют с большой долей уверенности отнести возможного владельца его к торговому человеку или зажиточному крестьянину, собравшему сравнительно большую сумму денег в результате ряда торговых операций. Клад может служить иллюстрацией имущественного расслоения, крохотной ячейкой первоначального накопления. Конечно, нельзя исключать возможности того, что владельцем клада был служилый человек. Но ясно, что спрятанные деньги не могли быть его денежным жалованьем. Они были получены в результате торговой деятельности.

Оба клада из Орловской области свидетельствуют об интенсивном освоении земель к югу от Москвы в середине XVII в. Они выразительно характеризуют особенности местного денежного обращения этого периода и в целом – состояние русской экономики. Оживление хлебной торговли вызвало массовое выпадение денег в клады. При слабости капиталистических отношений в России XVII в. это была, в сущности, единственная форма сохранения капитала. Деньги обращались в "мертвое сокровище", в монетный резерв. Они лежали в тайниках, пока не возникала потребность потратить их на сиюминутные хозяйственные нужды. Лишь небольшая часть капиталов вкладывалась в "дело", но это было доступно лишь немногим купцам и крупным феодалам. Огромному коли-

честву простолюдинов – крестьянам, ремесленникам, мелким торговым и служилым людям – не оставалось ничего иного, как ссыпать копейки в кубышки и прятать их в укромных местах.

В заключение мы приводим сводную таблицу состава рассмотренных выше кладов, где наглядно представлены различные структуры и состав кладов, которые напрямую отражали особенности местного денежного обращения.

Состояние русского денежного хозяйства середины XVII в. отразило слабость экономических связей внутри страны. По существу, единого денежного обращения еще не существовало, несмотря на то что оно обслуживалось единой по оформлению и весовой норме монетой – серебряной проволочной копейкой. В составе и структуре русских монетных кладов середины XVII в. нашла отражение слабость экономических связей внутри страны. Состав денежной массы различался по региональным особенностям. Клады из Эстонии, из г. Клин Московской области и два клада из Орловской области, состав которых анализируется в настоящей статье, могут служить наглядной иллюстрацией и подтверждением этих наблюдений.

[1] *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. Далее в тексте приводятся ссылки на систематизационные таблицы этой книги (например, М., т. 11, 9–10, где М. означает фамилию автора (Мельникова), т. – таблица, первая цифра 9 – номер лицевой стороны, вторая – 10 – оборотной).

[2] *Hatz G.* Denninge // Zeitschrift für Ostforschung. 1962. Jg. 11. Hf. 1.

[3] *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 145–151.

[4] *Мельникова А.С.* Пулковский клад монет XVII в. и денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах // ВИД (в печати).

[5] *Мельникова А.С.* К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI–XVII вв. // НС. М., 2001. Ч. XIV.

[6] *Потин В.М.* Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI–XVII вв. // Скандинавский сборник. Таллин, 1974. [Вып.] XIX. С. 188–214.

[7] *Котляр Н.Ф.* Денежное обращение на территории Украины эпохи феодализма. Киев, 1971 (на укр. яз.); *Рябцевич В.Н.* Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1963. [Вып.] 1. С. 152–202.

[8] *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 135. Весовая диаграмма 19 и 20.

[9] *Шаскольский И.П.* Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб., 1994. С. 8–9.

[10] *Дорошенко В.В.* Торговля и купечество Риги в XVII веке. Рига, 1985. С. 93 и сл.

[11] *Векслер А., Мельникова А.* Российская история в московских кладах. М. 1999.

[12] *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 179–180.

[13] Там же. С. 184–190.

[14] Там же. С. 192.

[15] *Епифанов П.П.* Войско // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 246.

[16] Там же. С. 136.

[17] Там же. С. 245.

[18] *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 189–246.

Н.В. Козлова

"НА ЧЬЕЙ ОПЕКЕ... ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВОСПИТАНЫ..." ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО В СРЕДЕ МОСКОВСКИХ КУПЦОВ В XVIII веке*

В России институт опеки как "санкционированный законом надзор за каким-либо лицом или его имуществом"[1], хотя и существовал издавна, однако получил подробную правовую разработку лишь в 1775 г. с принятием закона под названием "Учреждения для управления Губерний Всероссийской империи". До XVIII в. государственная власть, в компетенции которой находилась опека, обращалась к ее регулированию лишь от случая к случаю, в связи с потребностью разрешения конфликтных ситуаций. В итоге отсутствовали общие правовые нормы, которые определяли бы порядок назначения опекунов, их состав и полномочия, получаемое вознаграждение. Эти и другие вопросы опеки базировались на обычном праве и в основном регулировались завещаниями.

Начиная с Петра I верховная власть могла назначать опекуна по ходатайству заинтересованных лиц, но общих норм на этот счет по-прежнему не было. Как и раньше, определение опекунов над несовершеннолетними происходило либо по завещанию родителей, либо по праву родства. Изменение возраста совершеннолетия с 15 до 20 лет, означало продление срока опеки. С учреждением магистратов на них была возложена обязанность назначения опекунов и контроля за их деятельностью. В общих чертах полномочия опекунов были определены в Инструкции магистратам 1724 г.: "пожитки не расточать и детей воспитывати"[2]. Расплывчатый характер предписаний, слабость и неустойчивость городовых магистратов[3], отсутствие внимания законодательства к институту опеки по-прежнему оставляли его почти сугубо в сфере внутрисемейных и родственных отношений. Отдельные установления верховной власти, запрещавшие опекунам продавать что-либо из вверенного им имущества без санкции Верховного Тайного Совета, а позднее Сената, касались главным образом дворянских имений[4].

Новый этап в развитии института опеки был связан с учреждением согласно Закону 1775 г. так называемой дворянской опеки, подчинявшейся верхнему земскому суду, и городского сиротского суда, состоявшего при городском магистрате и занимавшегося опекунскими делами "купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот"[5]. Их функции были аналогичны. В законе прописывался порядок определения опекунов и требования, которым должны были соответствовать назначаемые в опекуны лица, обозначались их обязанности и размер вознаграждения. В отдельных случаях опекунскими делами занимались Сенат и Синод[6].

Правовая неразработанность опеки, с одной стороны, закрытость области семейных отношений – с другой, наконец, практическое отсутствие до конца XVIII в. купеческих мемуаров не позволяли до недавнего времени составить хотя бы некоторое представление о том, кем и как на практике осуществлялась забота о воспитании и имуществе несовершеннолетних детей до момента учреждения органов опеки в 1775 г. Имеющиеся в литературе наблюдения в основном

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта "Семейно-имущественные отношения в среде московского купечества в XVIII в.", поддержанного РГНФ (проект № 99-01-00307а).

базировались на законодательных документах и касались правовых норм опеки[7], или же основывались на документах сиротских судов сибирских городов последней четверти XVIII – первой половины XIX в.[8]

Существенный вклад в разработку данного вопроса внесла О.Е. Кошелева, обратившаяся к изучению духовных грамот XIV–XVII вв. с точки зрения внутрисемейных отношений и в первую очередь отражения в них заботы о материальной обеспеченности, опеке, воспитании и душевном спасении детей[9]. В частности, ею впервые поставлен и рассмотрен вопрос о значении института душеприказничества в качестве опеки детей. Правда, специфика сохранившихся от XIV–XVII вв. завещаний, как правило, попавших в монастырские архивы в обоснование вкладов "по душе", очертила объект исследования в пределах великокняжеской, княжеской семьи или семьи служилых землевладельцев.

Впервые возможность увидеть, как в купеческой и разночинной городской среде на практике обеспечивались имущественные интересы малолетних сирот, кому умирающий родитель вверял заботу о них, каковы были обязанности и права опекунов и попечителей особенно в то время, когда правовая сторона опекунства была еще слабо разработана, т.е. до учреждения органов опеки, открывается в связи с выявлением большого массива духовных этих категорий населения Москвы XVIII в. Их удалось обнаружить в фонде Юстиц-коллегии (№ 282) РГАДА, вобравшем в себя документы состоявшей при ней Конторы крепостных дел и существовавшего ранее Приказа крепостных дел, а также в фонде Московского городового магистрата (№ 32) ЦИАМ. Это копии духовных, реже подлинные их тексты, сохранившиеся в делах по регистрации частноправовых актов в крепостных учреждениях, а также в Московском городовом магистрате, или их регистрационные записи в крепостных книгах. Всего удалось выявить тексты 119 духовных, принадлежавших московским купцам, их женам, вдовам и дочерям, и 78 духовных, составленных от имени различных непривилегированных разрядов московского населения за 1702–1799 гг. Правда, реальный объем информации по опеке, содержащийся в духовных, значительно меньше, так как не во всех из них упомянуты дети и предусмотрена забота о них. Помимо духовных, в статье использованы документы сиротского суда, состоявшего при Московском городовом магистрате, за 90-е годы XVIII в. (из собрания ЦИАМ). Среди них дела об учреждении опеки и освобождении от нее, ежегодные отчеты опекунов, представляемые в сиротский суд, с включенными в них счетами приходов и расходов по управлению имением и содержанию малолетних.

Круг душеприказчиков, упоминаемых в духовных, был шире, чем состав лиц, назначаемых в опекуны к малолетним детям. Во-первых, не в каждой семье возникала такая необходимость. Во-вторых, обязанности душеприказчиков, когда их было несколько, оговаривались и распределялись самим завещателем. Одни душеприказчики, как правило духовные отцы, жены, дети, должны были позаботиться о погребении тела и поминании души. На других возлагалась забота сугубо делового свойства, им давались распоряжения о взыскании и выплате долгов, о продаже товара, торговых и складских помещений, имущества и об употреблении вырученных средств, в том числе и в качестве церковных пожертвований. В выполнении столь ответственных поручений завещатели нередко полагались на своих жен. В других случаях, поручив душеприказчику заботу о душе и теле, завещатель адресовал имущественные и хозяйственные распоряжения непосредственно наследнику, который уже от своего имени выполнял указания относительно перечисленных в духовной лиц[10].

Порой исполнение распоряжений имущественного характера, включая раздел наследства между родственниками и выделение доли жены, возлагалось

вовсе на лиц, не состоящих в отношениях родства и свойства, но пользующихся доверием завещателя. Так, в духовной 1709 г. тяглеца Садовой слободы Бориса Клементьева сына Игольникова все распоряжения о погребении, поминании, распределении икон между родственниками, взыскании долгов, выделении доли жены, о продаже товара и лавок, церковных пожертвований и вкладов касались исключительно душеприказчика, купца гостиной сотни Якова Григорьевича сына Фефилова. Абсолютное доверие к нему завещателя выражалось в том, что он, сделав очередное распоряжение, оставлял душеприказчику полную свободу в его осуществлении, как и в раздаче "в поминовение" средств, вырученных от продажи лавок и товара. Брат же Игольникова и сын, которого он упорно называл "Богом данным", от наследства отстранялись и им "до всего вышеписанного ничего дела нет". Отголоском каких-то семейных обид и явного недоверия к сыну является не только требование к душеприказчику взыскать с него заемных 100 рублей с процентами и употребить их "по своему рассмотрению", но и предупреждение не верить объявившимся после смерти Бориса заемным кабалам и распискам, подписанным сыном. Завещатель опасался, что сын, воспользовавшись его неграмотностью, мог составить, якобы от его имени, но "без моего (отца. – *Н.К.*) повеления" некие письма[11].

Другой пример. В 1750 г. владелец ленточной фабрики Иван Никитин сын Садовников в число душеприказчиков, кроме духовника, включил фабриканта Петра Андреева сына Насырева и 2-й гильдии купца Ивана Васильева сына Мочалова. Им были даны подробные указания относительно погребения его тела, обозначены денежные суммы, предназначенные в качестве вклада в конкретные церкви, на поминальные службы и отлитие колокола, а также пожитки и деньги, передаваемые жене, многочисленным племянникам и их детям. Душеприказчикам следовало также отпустить с награждением на волю дворовых людей и "приемыша". В конце духовной Иван предостерегал жену и родственников "судом Божим на показанных душеприкащиков ничего не взыскивать, понеже я... в том на них, душеприкащиков, положился и во всем им поверил"[12].

Привлечение в качестве душеприказчиков лиц, не состоявших в отношениях родства, могло диктоваться чрезвычайностью ситуации, в которой писалось завещание. Так, петербургский купец Петр Федосеев сын Жемеин свою духовную записал в одной из своих конторских тетрадей в августе 1717 г. в Шемахе будучи при смерти "в моровое время". В Персии он находился "для купечества" как приказчик переселенного в Петербург московского купца А.Ф. Щербакова. Свидетелями последней воли умирающего были приказчики купца московской гостиной сотни М.Г. Евреинова и московского же купца И.Ф. Холщевникова. Составляя завещание, Петр Жемеин поручил исполнение его "господскому ж человеку" М.В. Колмыкову, "как ево Бог вынесет в Русь". Произошло это спустя два года, когда в июне 1719 г. по челобитной их общего хозяина Анисима Щербакова духовная роспись П.Ф. Жемеина была принята и записана в Приказе крепостных дел[13].

В этом, как и в ряде других случаев, душеприказчику из числа родственников или приятелей умирающий, помимо обычных распоряжений о душе и теле, вверял заботу о своем имуществе и точном исполнении последней своей воли. В таком смысле любой душеприказчик являлся опекуном, хотя предмет его опеки существенно варьировался, а сама опека прекращалась с завершением всех возложенных на него поручений.

Иными были функции душеприказчика, если в семье оставались малые дети. Тогда душеприказчик становился, по выражению О.Е. Кошелевой, "прямым опекуном"[14].

Согласно "Учреждению для управлений губерний Всероссийской империи" определение опекунов к малолетним сиротам осуществлялось "по воле родителей", выраженной в их духовных, и только за отсутствием таковых дворянская опека или городовой сиротский суд назначал опекунов "к имению и к особе малолетнего". В их числе могли быть родственники, свойственники или лица посторонние, но "добраго, честнаго и порядочнаго поведения".

Кого же сами родители предпочитали видеть в числе лиц, заботящихся о воспитании и сохранении имущества своих малолетних детей? Далеко не всегда в случае смерти отца опека возлагалась на мать оставшихся детей. Объяснение этому на первый взгляд парадоксальному явлению скрывается в возможности повторного брака вдовы и в опасении нежелательного влияния новой семьи[15]. Вполне определенно на этот счет высказался известный московский гость Алексей Остафьевич Филатьев. В своем завещании, написанном незадолго до смерти в сентябре 1731 г., он определил наследником всего своего имения 14-летнего внука Петра, отдав его с сестрою на попечение брата Андрея и "милостивых" свойственников. Матери их, а завещателя снохе позволялось жить с детьми в их доме, если она по смерти тестя вновь не выходила замуж, не желая оставлять детей ("вас сирых"). Со своей стороны, А. Филатьев и сам обещал "просить с прилежанием" ее родственников, "дабы она вас не оставила в сиротстве и от замужества удержалась". В случае же, если невестка несмотря на уговоры вновь выходила замуж, то по выделении ей сыном Петром 500 рублей и возвращении приданого, она должна была покинуть дом Филатьевых ("идти из двора нашего вон, и части ей от дому нашего ничего не давать... *чтоб она вас тем своим замужеством чем не повредила*". – Курсив наш. – *Н.К.*). Контроль за исполнением этой воли завещателя возлагался на попечителей[16]. Понятно, что забота об интересах малолетних детей, определявшая настойчивое стремление удержать их мать – вдову – от нового брака, не располагала к возложению на нее функций опекуна.

В данном случае, как и в тех, что рассмотрены в статье О.Е. Кошелевой, завещателями являлись лица вполне обеспеченные, занимавшие к тому же и прочное социальное положение. Судьба их наследства зависела от степени заинтересованности в его сохранении лиц, окружавших малолетних наследников. Отсюда проистекала столь жесткая альтернатива, предлагаемая Алексеем Филатьевым своей невестке.

Как правило же, после смерти отца дети оставались при матери. Отсутствие в духовной на этот счет особого распоряжения скорее свидетельствует о норме такой практики, не требующей специального подтверждения. На это же указывают и встречающиеся в духовных факты, когда именно женам умирающие мужья поручали все свое, порой немалое, состояние и хозяйство. Они давали им конкретные деловые распоряжения, вполне полагаясь, что в результате умелого распоряжения вверенным им имуществом их жены не только смогут "до возраста" детей сохранить его, но и преумножить[17]. В отдельных случаях, как это сделал московский 2-й гильдии купец Михаил Алексеев сын Москвенков в завещании 1794 г., гарантами выполнения последней воли помимо жены и детей умирающий определял духовника и кого-то из родственников[18]. В помощь матери-опекунше для обеспечения хозяйственных и денежных интересов детей городской сиротский суд мог назначить лиц, близких к семье покойного (по свойству или духовному родству)[19]. При других обстоятельствах муж исключительно жене поручал заботу о погребении тела, достойном поминовении души и попечение над детьми и "благоприобретенным" имением[20].

Когда после смерти отца дети оставались при матери, то в случае ее повторного замужества они оказывались на попечении отчима (то есть как раз в так нежелательной для гостя Алексея Филатьева ситуации). При этом отношения между отчимом и пасынком могли оформляться специальной рядной записью. Ею определялись условия проживания пасынка в доме отчима. Примером такой записи может служить рядная, составленная в 1720 г. тяглецом Казенной слободы Алексеем Алексеевым и его пасынком Прохором Афонасьевым. В ней было записано: "...жить ему, пасынку моему, у меня в доме до возрасту своего. И в те годы ясть и пить, платья и обувь носить все мое и, живучи ему в доме моем, меня и матери своей, а моей жены, слушать и почитать, никаким дурным и воровством не промышлять и под дом мой воров не подвесть, и самому не покрасть и не збежать, и в том убытков никаких мне не доставить"[21]. Эти обязательства пасынка, напоминавшие условия жилой записи, характеризовали по своему смыслу усыновление, продолжавшееся "до возрасту" пасынка (это сближало усыновление с опекой), а его содержание обеспечивалось за счет средств отчима. Последнее обстоятельство отличало отношения отчима – пасынка от отношений опекуна – малолетних.

Отчиму полагалось усыновленных детей иметь "как своих", а детям быть "во всяком послушании и повинности". Вместе с тем власть отчима отличалась от власти и прав отца тем, что срок ее ограничивался возрастом усыновленных детей. Судя по немногим имеющимся в нашем распоряжении данным пасынки были вправе покинуть дом отчима. Законность их ухода и расчета с отчимом удостоверялась оформлением соответствующей рядной записи по примеру тех, что оформляли семейный раздел. Так, в 1722 г. жена тяглеца Сыромятной слободы Ивана Иванова сына Титова Катерина Степанова в духовной не только завещала детям от первого брака Василию и Симиону жить "в страхе Божии и исполнять законные заповеди Христовы со смирением и правдою", но и внушала им быть "во всяком послушании и повинности сожителю ее, а их вотчиму". Ему же поручалась и дальнейшая забота о детях. В случае их добровольного ухода из его двора, в котором они вместе с матерью жили после ее повторного замужества с 1714 г., Катерина просила мужа дать каждому из них по 10 рублей[22]. Братья действительно покинули дом отчима, но лишь спустя 6 лет после смерти матери, о чем в 1728 г. оформили с отчимом запись, что они "из дома его отошли" и отныне могут "жить, где похочем". До этого времени отчим "поил, кормил, одевал, обувал и всячески снабдевал" пасынков. Отпуская их из своего дома, Иван Титов наделил их согласно завещанию жены 20 рублями, суммой в которую оценивалось ее приданое ("платья и всякой скарб"), вероятно, ею же и употребленное. Во всяком случае в своей духовной она о приданом не вспоминала, а указанную сумму денег поручала мужу дать "в поминовение души ее"[23].

В равной степени опекунами несовершеннолетних по завещанию матерей становились их отцы. Так, в 1798 г. жена московского купца Бориса Дмитриева сына Евреинова Анна Васильева поручила мужу употребить приобретенные ею двор с каменным и деревянным строением в приходе церкви Живоначальной Троицы, что в Сыромятниках, и три каменные лавки в Охотном ряду с погребами и палатками на уплату имеющихся на ней вексельных долгов (мужу следовало тот двор и палатки продать или заложить и оформить соответствующие документы от своего имени). Родовое же недвижимое имение – питейный погреб на Старой площади и над ним каменные лавки и палатки, а также в каретном ряду две деревянные лавки – она передала до совершеннолетия их сына Владимира под управление мужа с тем, чтобы получаемые с них доходы он собирал и употреблял "на пристойное сына нашего воспитание и в случае надобности на

починки и поправки того строения". Относительно движимого имущества мужу следовало распорядиться согласно имеющейся между ними словесной договоренности. Причем Анна предостерегала родственников, чтобы они от мужа ее никакого отчета не требовали, "ибо я сына моего и с принадлежащим ему имением препоручаю в полную волю, опеку и попечение, яко родителю, пекущемуся по крови о сыновнем воспитании и призрении"[24]. Таким образом, отцовская (материнская) забота о детях воспринималась как кровное право и обязанность.

О том, что распоряжения относительно опеки и покровительства малолетних детей являлись или должны были являться заботой всяких "благомыслящих" людей и составлять неотъемлемую часть завещания, прямо говорится в прошении переводчика Коллегии иностранных дел Фомы Филимонова в сиротский суд, поданном в июле 1798 г. В нем он оспорил духовную своего бывшего зятя (мужа сестры), московского мещанина Луки Вишнева, по которой тот передавал все свое имение в полное распоряжение своей второй жены, не упоминая о своих несовершеннолетних детях от первого брака. Важнейшим доказательством с точки зрения Фомы подложности предъявленного вдовой завещания являлось отсутствие в нем распоряжения "на чьей опеке... должны быть воспитаны" малолетние дети. "А по родителской любви к детям, – писал далее дядя сирот, – отцы естественную и горячую всегда имеют привязанность, то может ли та духовная на законном порядке и здравом разсудке быть основанною, когда оныя ево дети оставались без покровительства и будучи еще в таком малолетстве, в коем они не толко однородцев, но и сторонних благомыслящих людей всякого сожаления и покровителства достойны"[25].

По прошению Ф. Филимонова сиротский суд назначил опекунами к его племянникам двух московских купцов Семена Иванова сына Елина и Кирилла Константинова сына Колосова. Им была дана инструкция об описи имущества умершего мещанина. По сказке Филимонова в состав движимого имущества Вишнева входили "святые образы", платье, мебель, посуда, лошадь, наличные деньги на сумму 275 руб. и некоторое число долговых денег по распискам. Всем этим завладела вдова, не пустившая опекунов, явившихся с двумя свидетелями в наемный дом покойного для описи имущества. Еще раньше, до назначения опекунов она в своем прошении в сиротский суд просила детей в опеку не отдавать, соглашаясь оставить падчерицу при своем присмотре, а пасынка, обвиненного ею в воровстве (он пытался проникнуть к запертым ею домашним вещам), предлагала, "яко вредного и распутного обществу человека", отослать "куда следует". Доводы вдовы были признаны не резонными, и опекуны были назначены. В дальнейшем они пытались добиться пересмотра решения магистрата, утвердившего духовную Луки Вишнева. Чем завершилась их попытка не известно[26].

Духовные XIV–XVII вв. среди душеприказчиков, выполнявших и обязанности опекунов, называют самых различных родственников. Среди них чаще всего фигурирует брат завещателя, или дядя по отцу наследника, что соответствовало обычаю брать на воспитание племянников. Этот обычай, по предположению О.Е. Кошелевой, возможно, закрепился в характерном названии воспитателей детей "дядьками"[27]. Подобная практика имела место и в XVIII в. В купеческой семье при отсутствии собственных детей усыновление племянника, за которым в дальнейшем закреплялось наследство дяди, служило целям преемственности дела и капиталов. Именно так, например, поступил московский 1-й гильдии купец Никита Алексеев сын Кочанов, оставивший в 1751 г. по духовной все свое имение племяннику Борису (сыну родной сестры Екатерины), взятому во младенчестве "вместо сына", "чего ради и по себе" утвержденному в качестве наследника. Его мать в духовной названа просвирней церкви св. Лазаря.

У нее, помимо Бориса, еще было два сына, из которых старший состоял дьяконом той же церкви. Учитывая несовершеннолетие племянника, завещатель приказал содержать его "и доброму жителству обучать" душеприказчикам, среди которых особенно выделял брата своего двоюродного, купца 2-й гильдии Андрея Иванова. В число душеприказчиков также вошли духовник Кочанова и его шурин, купец 1-й гильдии Сергей Иванов сын Беляев. После своей смерти завещатель обязал душеприказчиков описать все его имение и векселя, запечатав пожитки "за общими печатми", а реестр хранить шурину Сергею Беляеву. Одному из опекунов, а именно Андрею Иванову, следовало жить в доме Кочанова с Борисом семь лет "и всякое купеческое правление исправлять со всяким старателством по сущей христианской должности". В частности, на него возлагалось взыскание вексельных долгов и завершение длившегося уже четвертый год некоего дела "в фальшивых векселях", по которому "оной брат хлопотал, оставя всякая своя дела купеческая". Таким образом, тесное деловое сотрудничество между двоюродными братьями определило высокую степень доверия между ними и побудило умирающего вверить в руки брата судьбу и наследство усыновленного племянника.

Завещатель также просил всех душеприказчиков "от каждого особо всячески наставлять наследника племянника... на доброе житие и видяще ево состояние произвесть в купечество". При этом давались строгие предостережения и опекаемому племяннику, который в случае непослушания и самовольных отлучек из дома лишался наследства. Его (пожитки и двор) следовало употребить на вклады по церквам и раздачу милостыни, на выкуп "из долгов в темнице сидящих". В случае бездетной смерти наследника все имение подлежало такой же раздаче. Жене завещателя на ее указную часть выделялись 500 руб. и переданные ей мужем "низанье и платье". Незначительные суммы получали некоторые боковые родственники. Все они предупреждались об отстранении от оставленного племяннику Борису наследства [28].

По всему видно, что завещатель был вполне состоятельным купцом, о чем свидетельствуют и щедрые церковные пожертвования в сотни рублей на помин души. Распоряжение похоронить себя при гробе второй жены указывает на то, что купец был женат трижды, но так и не дождался собственных детей. Их отсутствие и определило взятие в дом "вместо сына" племянника. К моменту написания завещания ему было около 14 лет. Деловой характер распоряжений купца не передает всех оттенков чувств и отношений упомянутых в духовной лиц. Гарантией выведения племянника-наследника в купечество служило оставленное ему состояние и забота опытных и родственно близких людей. Особенно обращает на себя внимание шурин (купец 1-й гильдии), т.е. брат третьей жены завещателя, которая с малолетства Бориса заменила ему мать. Относительно ее дальнейшего проживания в духовной нет указаний, но назначение ее брата душеприказчиком наследника дает основание предположить сохранение и в дальнейшем между наследником и мачехой близких отношений.

Успех в выполнении возложенных на душеприказчиков обязанностей во многом зависел от согласованности их действий. Обращаясь к душеприказчикам, завещатель просил их "всякое исполнение чинить с общаго своего согласия и во всем иметь благое и должное разсуждение без всякого напрасного друг другу препятствия и друг на друга сетования", чтобы "никакова раздору и несогласия" между ними не было.

Можно привести еще немало примеров, относящихся к разным годам XVIII в., когда в качестве опекуна выступал брат завещателя, или дядя по отношению к наследнику[29]. Но особенно обращают на себя внимание те факты, когда

воспитание и сохранение состояния младших детей умирающий отец поручал брату или другим родственникам по боковой линии в обход старшего сына (хотя и подобная практика не была такой уж редкой). Так, в 1722 г. по духовной кадашевец Петр Савельев сын Третьяков вручал своих младших детей, сына Иякова и дочь Марфу, "в береженье" своему брату Ивану, жителю той же слободы. Наряду с духовником Петра он назначался душеприказчиком. Наследником в недвижимом имении (московского дома со всяким строением) объявлялся младший сын Ияков. Подразумевавшиеся, но не упомянутые в духовной старшие (или старший) сыновья, вероятно, уже отделились и были награждены из движимого имущества, вовсе не упомянутого в наследстве Третьякова[30].

В 1720 г. в своей духовной вдова тяглеца Басманной слободы Афанасия Меркульева сына Холщевникова Афимья Никитина определила душеприказчиками своего племянника, дворцового оброчного крестьянина Г.Е. Холщевникова и его жену. Им же она "приказала на попечение" двух младших сыновей, поручая "до возраста их поить и кормить, а им, детям, слушать и почитать". Старшие два сына, видимо, уже способные позаботиться о себе самостоятельно, под опеку родственников не отдавались. Все дети благословлялись иконами и наделялись равными долями из движимого имущества[31].

Итак, попечение о младших детях умирающие родители предпочитали возлагать на боковых родственников. Старшим сыновьям отцы чаще всего поручали заботу о сестрах-девицах и матерях-вдовах. Закрепление за вдовой после смерти мужа полученной ею доли наследства, строго говоря, снимало с детей-наследников обязанности материальной заботы о матери. Отныне она должна была строить свою дальнейшую жизнь в расчете на этот "указной жеребий", а с переходом дома в собственность сына или дочери их совместное проживание в нем было не обязательным. Как правило, решение этого вопроса зависело от желания самой матери-вдовы, возможность этого предусматривалась в завещании ее мужа. В нем также могло содержаться указание на обязанность наследника недвижимости мать кормить и поить "до ее смерти", а сестру выдать замуж из своей доли наследства или со специально выделенным на это по завещанию приданым. Причем подобное материальное обеспечение матери и сестры-девицы встречается как в духовных, не упоминавших долю вдовы, так и содержащих указания на нее, что означало полную или частичную компенсацию наследства вдовы. В других случаях сын ежегодно выплачивал матери некоторые суммы денег "на прокормление", оформив свои обязательства по отношению к ней специальной записью. При каждой выплате денег бралась соответствующая расписка. Примером одной из таких типичных записей может служить та, что была составлена в феврале 1728 г. в Московской крепостной конторе жителем Алексеевской слободы Анофреем Ивановым сыном Шорой. После смерти отца – дворцового крестьянина Московского уезда – он унаследовал московский двор в Воронцовской слободе в приходе церкви Воскресения Христова с обязательством жить в том дворе с матерью Агафьей Ивановой, построив для нее особую светлицу с сенями, а также "поить и кормить, одевать и обувать и всячески покоить и по смерти ее, матери своей, тело ее погрести и поминование по ней иметь". Все объявившиеся после отца приказные доимки и долги следовало платить Анофрею. В случае какой со стороны сына неустойки с него в пользу матери взыскивались 10 рублей[32]. Подобные обязательства мог брать на себя будущий зять по отношению к матери невесты как условие женитьбы на ее дочери. В случае, если теща не желала жить в одном доме с молодыми, то оговаривался размер ее ежегодного довольствия или денежного содержания[33].

Различные жизненные и семейные обстоятельства могли породить неординарную комбинацию. Сложная ситуация, к примеру, сложилась в семье московского 1-й гильдии купца и московских питейных сборов компанейщика Ивана Ильина сына Рыбинского после его смерти в июне 1742 г. Наследниками остались его старший сын от первого брака Василий, еще в 1737 г. посланный отцом из Москвы "для торговых ево промыслов... в европския государства", двое малолетних детей от третьего брака – сын Иван и дочь Катерина – и третья жена Катерина Григорьевна. В 1743 г. старший сын, находившийся к тому времени в Польше, где, видимо, основательно обжился и развернул собственные торги, письмом к двоюродному брату, московскому купцу 2-й гильдии Андрею Андреева сыну Рыбинскому, передавал ему права на свою долю наследства, а вместе с ней и обязанность заботиться о своих единокровных брате и сестре "до сущаго их возраста". Василий особо подчеркивал необходимость содержать их в доме отца "во всяком потребном научении". По достижении же надлежащего возраста Андрею следовало выделить брату Ивану указную часть из наследства отца, а сестру выдать замуж "за доброго человека с награждением". Обеспечивались и интересы мачехи Василия. Ей разрешалось жить "до возраста" детей в доме их отца, а в случае нового замужества – выдавалась указная часть из имения умершего мужа "без всякой обиды".

Переложение Василием Рыбинским забот опекуна на двоюродного брата было не случайным. После смерти дяди он по письму вдовы Катерины Григорьевой был введен в компанейскую контору московских питейных сборов поверенным над приходом и расходом денежной казны до окончания урочных лет. Такая замена предусматривалась "кондициями" питейной компании. Василий Рыбинский как один из наследников доли отца подтвердил из Польши назначение Андрея и, предписав иметь "прилежное смотрение и старание", передал ему будущую прибыль в части отца, как и положенный в компанию капитал[34].

Встретился единичный случай (1787 г.) опеки замужней сестры с мужем над малолетним братом по духовной матери – вдовы московского 3-й гильдии купца. Определяя дочь и зятя, также московского купца, в качестве душеприказчиков, вдова Екатерина Иванова вручала им малолетнего сына "в свое смотрение и призрение", дабы был он "в точном и верном их распоряжении и охранении". Одновременно им на сохранение до его "возраста" по описи передавалось наследство отца и матери. Помимо многочисленных икон в драгоценных окладах, церковных книг (Четьи Минеи, Псалтырь, Апостол), золотых и серебряных украшений, а также посуды, в том числе серебряной, платья и прочего имущества, оно включало каменную лавку с палаткой и деньги в торге на 2 тыс. руб.[35]

Среди опекунов малолетних детей встречались и лица, не связанные с ними узами родства или свойства. В целом для духовных такой выбор опекунов был не характерным, к нему прибегали в случае крайней необходимости. Так, после смерти московского купца 2-й гильдии Ивана Тихонова, последовавшей в феврале 1752 г., остались его жена – дочь крестьянина дворцового с. Покровского Прасковья Амвросиева с семилетней дочерью Натальей. В своей духовной, составленной незадолго до смерти, купец назначил своим душеприказчиком 2-й гильдии купца Тимофея Иванова сына Котельникова, поручив ему "как доброму человеку и христианской должности рачителю" и "моему благодетелю" заботу о погребении его тела, поминании души, выплате вексельных и безвексельных долгов, продаже в этих целях остававшихся в лавках товаров, а за нехваткой средств – и дома со всяким строением. Платье, жемчуг и "домовая рухлядь", как и иконы, вручались жене и дочери. Собственные же купца иконы "для соблюдения до возраста дочери" следовало поставить в приходскую цер-

ковь. Дальнейшее распоряжение имуществом по достижении дочерью "совершенного возраста" возлагалось на жену и душеприказчика, "яко по приятству... и по должности христианства". Однако вдова не намного пережила мужа, скончавшись через два месяца после его смерти (27 апреля 1752 г.). Малолетняя ее дочь оставалась жить в доме умершего отца с бабушкой по матери, вдовой крестьянина дворцового с. Покровского Афимьей Ивановой. За отсутствием у нее родственников по отцовской линии и по духу завещания опекуном над всем имуществом и сиротой "до совершенного ее возраста" оставался Тимофей Котельников. При освидетельствовании и регистрации духовной в Юстиц-коллегии на этот счет было вынесено решение, чтобы душеприказчик все согласные с завещанием и сопряженные с продажей имущества действия осуществлял не иначе как "под смотрением Московского магистрата" и с его позволения, "дабы на него, душеприкащика, *яко на постороннего*, без смотрения магистратского впредь от кого какого спору не было" (курсив наш. – *Н.К.*)[36]. Характер ремарки Юстиц-коллегии позволяет предположить, что предписанный еще в Инструкции магистратам контроль за действиями опекунов осуществлялся лишь тогда, когда в их роли выступали лица, не состоявшие в родственных отношениях с опекаемыми.

Учрежденные по закону 1775 г. органы опеки и попечительства сосредоточили в своих руках не только контроль за действиями опекунов, но и за их назначением при отсутствии соответствующих распоряжений в духовных. Опекунами, как и раньше, могли быть родственники, свойственники или лица посторонние. Отличие заключалось в том, что теперь происходила проверка личных качеств кандидатов на соответствие требованиям закона. Для этого сиротский суд запрашивал магистрат, или городского старосту о репутации предполагаемых опекунов, требуя подтверждения их добродетельных качеств, честности и отсутствия "зазорного поведения". Особо обращалось внимание на 5 указанных в законе "означений", не приемлемых для опекуна: расточительство собственного имения; банкротство; явные и гласные пороки или наличие судимости; суровость, подтвержденная известными поступками и, наконец, ссоры с родителями малолетнего. В идеале опекуну надлежало быть "кротку, человеколюбиву, попечительну, радиву и усердну к пользе малолетнего" (гл. 21, ст. 300).

Инициатива в возбуждении опеки над вдовами и малолетними могла исходить от самих вдов, родственников или свойственников малолетнего, а также не менее двух посторонних лиц и приходского священника. Основанием для начала дела по учреждению опеки признавалось также ходатайство должностных лиц и учреждений (городского главы, губернского магистрата, губернского правления и его палат). Опеку над малолетними детьми после смерти матери, но при "живых отцах" могли возбуждать родственники матери в целях гарантированного сохранения имущества либо для своего рода (в случае смерти детей), либо до совершеннолетия самих детей, когда они обретали право распоряжения им[37]. В то же время опека могла быть поручена одному из оставшихся в живых родителей без назначения ему в помощь опекунов[38]. При отсутствии у сирот имения, необходимого на их содержание, сиротский суд обязан был стараться "поместить малолетнаго по состоянию его или в общественных для сирых училищах, или у доброхотных людей, дабы научился науке или промыслу, или ремеслу".

Разработанная в законодательстве система контроля за деятельностью опекунов, как показывают дела Московского городового магистрата, осуществлялась на практике. Свое согласие быть опекуном приглашенный в суд кандидат подтверждал письменно. Затем ему вручали некое наставление, содержание

которого сиротский суд разрабатывал исходя из "положения имения малолетнаго". На практике же оно в основном повторяло статьи "Примерного, или повального наставления опекунам" из 21-й главы закона 1775 г. и включало перечень главных направлений и принципов деятельности опекунов. Для записи в течение года "прихода и расхода" выдавалась книга, которую по истечении года "для обревизования" опекун при рапорте подавал в сиротский суд. Там осуществлялась проверка счетов и оценка характера расходной части книги. Из книги счетов составлялся экстракт, который вместе с копиями представленных опекуном погашенных векселей и других документов, являлся основанием приговора суда. В том случае, если суд признавал, что средства из опекаемого имущества были использованы "на самонужнейшие и необходимые надобности", то по утверждении счета опекуну выдавалась книга на очередной год, в приходную часть которой вносилась оставшаяся сумма. О состоянии опеки сиротский суд ежегодно рапортовал Московской губернской палате суда и расправы, которой подчинялся.

В Законе 1775 г. впервые были прописаны основные обязанности опекуна малолетнего. Они складывались из забот по его воспитанию ("в страхе Божии, в познании тоя веры, в которой родился, в правилах добронравия, в удалении от всех злых примеров, сердце и нрав от самого детства развращающих и повреждающих"), обучению "в знании приличнаго его состоянию промысла или ремесла", содержанию ("без излишества и без роскошных прихотей"), сохранению и приращению семейного имущества и капитала, защите прав малолетнего во всех судебных инстанциях.

Несомненно, что и до принятия закона 1775 г. передача малолетних сирот под опеку преследовала те же цели. Как следует из духовных, лица, принявшие на себя заботу об имении и воспитании малолетних детей, должны были их "на доброе житие" наставлять, "доброму жителству обучать", иметь "охранение", "смотрение и призрение", с радением исправлять "всякое купеческое правление", стараться малолетних "произвесть в купечество", содержать "во всяком потребном научении", девиц же "по возрасте" выдать замуж "за доброго человека с награждением".

Обычно в духовных лишь обозначаются функции душеприказчиков-опекунов без конкретизации их действий по сохранению и приумножению вверенного им состояния, а также воспитанию и обучению малолетних детей. Однако встречаются и счастливые исключения. Наиболее подробные и обстоятельные указания душеприказчику-опекуну содержит духовная вдовы московского купца 1-й гильдии А.С. Шелехова Евдокии Семеновой, написанная в 1757 г. Духовная рисует участие вдовы купца в хозяйственных делах мужа, ее способность продолжить непростую область его предпринимательства. С ее страниц встает образ волевой, предусмотрительной и очень рачительной хозяйки, чьи интересы и деятельность не ограничивались пределами собственного дома[39]. Душеприказчиком вдова назначила своего брата, 1-й гильдии московского купца Петра Семенова сына Рыбинского. Он же стал и опекуном ее семилетней дочери – наследницы всего движимого и недвижимого имения. Распоряжения Евдокии Семеновой брату, отличающиеся деловитостью и предусмотрительностью, нацелены на сохранение и приумножение оставляемого дочери наследства. В числе его: дом за Яузой в приходе церкви Космы и Дамиана, "что на Вшивой горке", 12 каменных лавок "в Китае городе в Пуговишном и Мыльном рядах", 3 питейных погреба и палатка, сдаваемые в наем. В состав движимого имения, помимо посуды медной, оловянной и серебряной (вес последней – 7 фунтов 30 золотников), платья и "низанья", "постели", мехов, входили 5 книг (преимущественно

печатные указы – "Уложение в переплете", Торговый Устав и др., а также "Книга писмянная о житии Петра Великого в переплете"), денег 300 рублей и подлежащие взысканию с разных купцов многочисленные вексельные долги на имя умершего купца и его вдовы. В завещании подробно расписаны все заимодавцы, выданные им суммы, срок, дата погашения долга (от 50 руб. до 1,5 тыс. руб.). Ясно, что важной сферой деловой активности покойного купца был коммерческий кредит и сдача в наем принадлежавших ему лавок и питейных погребов. После его смерти эту область предпринимательской деятельности мужа продолжила его вдова. Будучи в курсе всех дел и прекрасно ориентируясь в деловых бумагах, она не только держала под контролем опротестованные векселя, но и выдавала новые, предоставляя разным купцам немалые деньги.

Душеприказчику предписывались обязанности по ведению вверенного ему хозяйства. Он должен был собирать деньги с отданных в наем лавок и погребов, а затем по прошествии указных сроков вновь отдавать торговые заведения в наем разным купцам; взыскивать по векселям долги, а "в неплатеже протестовать... где надлежит по указом". Полученные деньги, за исключением идущих на содержание племянницы (150 руб. в год), душеприказчику следовало использовать на цели приумножения предпринимательства: купить лавки на имя племянницы или же по его усмотрению отдать под процент "доброму человеку". Допуская использование денежного капитала братом-опекуном на собственное купечество, вдова оговорила его условием платы 6% годовых со взятого капитала, поставив самого брата в положение заимодавца. Таким образом, вдова купца, вполне освоив сферу предпринимательской активности мужа, в тех же привычных пределах очертила ее и для душеприказчика-опекуна.

До возраста племянницы все имущество, деньги, векселя, крепости должны были находиться в руках ее дяди. Затем все наследство, все отданные и собранные им деньги или векселя и накопившиеся проценты передавались во владение Пелагее Алексеевне с обстоятельным "в приходе и росходе" счетом.

По сравнению с деловой частью духовной содержащиеся в ней указания личностного порядка были более, чем скромными. Брату-душеприказчику позволялось жить с женою в доме вдовы и содержать племянницу "по христианской должности, яко родную свою дочь и по возрасте отдать ее в замужество". Дочери завещалось дядю до его смерти "почитать и иметь, яко за отца".

Сухое и деловое завещание Евдокии Семеновой концентрирует всю тревогу матери за судьбу дочери почти исключительно на сфере хозяйственных распоряжений. Предметом ее главной заботы является само хозяйство и состояние дочери. Иной мир чувств и переживаний остается не раскрытым. В иной тональности выдержана духовная гостя Алексея Остафьевича Филатьева, написанная незадолго до смерти в 1731 г.[40] Вся она посвящена наставлениям внуку относительно его житейского и делового поведения, отношений с дворовыми людьми, родственниками и опекунами. Остановимся на последних.

В духовной, за исключением возложенной на внука обязанности уплаты долгов, вовсе нет прямых хозяйственных распоряжений, как нет и обычного перечня движимого и недвижимого имения, передаваемого наследникам. Имеется лишь глухая ссылка на ранее заключенные с братом Андреем Остафьевичем и его сыном, а завещателя племянником, Максимом и подписанные ими ("за руками нашими") записи, которые Алексей Остафьевич подтверждал своею духовной. Отсутствует и прямое указание на внука Петра как его единственного наследника, хотя это и вытекает из всех ему советов и наставлений. После беглых распоряжений, данных внуку относительно устроения души и поминовения по себе и родителях, первой заботой гостя было определение его "в послушание

милостывым своим свойственником... дабы они пожаловали оного моего внука, в малолетстве не оставили". Причем сам внук не отстранялся от управления своим имением. Напротив, А.Филатьев внушал ему "в вотчинах смотреть и надзирать всего самому. А на чужие руки и слова не полагаться". Однако все решения, касались ли они семейных и домашних дел, например выдачи замуж сестры, отпуска лишних дворовых людей, или хозяйственных вопросов, наследник должен был согласовывать с указанными ему лицами[41]. Хотя они ни разу не были названы ни опекунами, ни попечителями, а либо "сродниками", "свойственниками", "приятелми", Петру именно у них следовало быть "во всяком послушании и без ведома их ничего не чинить, и о всяких, как домовых, так и прочих делах спрашиватся и советовать с ними, а без ведома, совету их общева самому собою ничего не чинить, и от сторонних людей совету без согласия их ни от кого отнюдь не принимать". Опасаясь влияния молодых служителей, А. Филатьев еще раз напоминал неопытному в житейских делах внуку (в момент составления завещания ему было около 14 лет), чтобы он их советов не слушал. "А хотя тебе от них какой и благой совет придет, – наставлял он Петра, – и тебе б о том их совете спрашиватся с вышеписанными моими сродниками, а без совета их отнюдь собою до возрасту своего ничего не чинить".

На "сродников" А. Филатьев возложил также заботу по защите имущественных интересов, особенно касающихся сохранения родового дома, внуков (Петра и его сестры Екатерины) в случае нового замужества их матери. Об этом он собирался их просить еще при жизни.

Обе духовные объединяет принадлежность завещателей к верхушке московского купечества и то, что опека над имением и наследником поручена родственникам и в, частности, брату завещателя, а наследнику дяде. Однако, в силу разного возраста и пола детей функции опекавших их лиц, степень прав по распоряжению оставшимся имением значительно отличались. Душеприказчик-опекун малолетней дочери Евдокии Семеновой получал доступ и право по своему разумению, но в интересах наследницы распоряжаться ее имением. Напротив, внук Алексея Филатьева оставался полновластным хозяином в доме деда, под его управление поступали как "люди домовые", так и крестьяне вотчин, принадлежавших деду и бабке[42]. Не случайно Филатьев несколько строк в своем завещании предпослал непосредственно оставшимся в доме его людям, от которых требовал "быть им во всяком послушании, за что от Бога они себе получат всякое милосердие, и показать внуку моему всякую верность и услугу". Власть же приставленных к нему лиц была скорее сугубо родственной, не сопряженной с имущественными правами. Гарантом выполнения всех наставлений дед делал самого внука: именно его он предупреждал о взыскании на Страшном Суде за не исполнение завещания.

В то время, когда опекун являлся душеприказчиком, выполнение им возложенных на него поручений воспринималось как христианский долг. Не случайно в иных духовных завещатель, давая наставления душеприказчикам, надеялся на исполнение их в первую очередь "по сущей христианской должности". Упоминаемые же для душеприказчиков денежные суммы, предназначались им, как правило, не в виде вознаграждения за труды, а ради поминания души усопшего. Содержащаяся почти в каждой духовной угроза взыскания с нарушителя ее на Страшном Суде должна была предостеречь как родственников, так и душеприказчиков от неисполнения последней воли завещателя.

В тех случаях, когда у малолетних детей отсутствовало собственное обеспечение, и завещателю нечего было им оставить, единственной его надеждой оставалась забота о них родственников. В 1732 г. санкт-петербургский житель

купецкий человек Борис Иванов сын Корыхалов просил своих душеприказчиков – "государя" дядю Ивана Васильевича Корыхалова, бывшего Главного магистрата ратсгера, и "государыню тетушку" позаботиться о его дочери от первого брака, девице Матрене. Поручая ее в их волю и "во всякое награждение и под волю родительского благословения", умирающий отец слезно просил родственников: "Пожалуйте, государи мои, попомните свое рождение и наши к вам неусыпные работы, призрите ее бедную сироту и не причтите ее во образ с рабы своими, понеже мне ее дочь свою наградить стало нечем от денег и пожитку... Пожалуйте, государи мои, не оставьте слезного моего прошения, дабы по сему завещанию было исполнено не отменно". Нельзя сказать, чтобы сирота оставалась совсем голой и босой. По духовной отца ей передавалось приданое ее матери. Оно состояло из семи икон в серебряных окладах, платья, жемчужной и изумрудной нитей. Но все же собственное имущество завещателя предназначалось не на обеспечение дочери-сироты, а на поминовение его души и награждение второй жены. Ей, помимо ее приданого, включавшего к тому же 3 лавки, передавалась вся мужская одежда и 100 руб.[43]

В то же время в иных случаях многолетние хозяйственные хлопоты, возлагаемые на душеприказчиков-опекунов, вознаграждались особо. Так, по завещанию (1750 г.) ранее упоминаемого первогильдейца Никиты Алексеева сына Кочанова душеприказчиками были назначены его духовный отец, двоюродный брат и шурин. Основная забота о предпринимательском хозяйстве завещателя, воспитании и обучении его усыновленного племянника и наследника падала на двоюродного брата. По истечении семи лет, когда, как считал Кочанов, его племянник "обучится доброму жителству", душеприказчик мог из дома его уйти, получив из имения завещателя "в награждение" 500 руб. Шурину – хранителю реестра движимого имущества – передавалось дворовое место, а духовному отцу "поминовения ради души" вручались 50 руб.[44] Родной брат также уже упоминаемой деловой и предприимчивой вдовы купца 1-й гильдии Алексея Силина сына Шелехова Евдокии Семеновой, назначенный душеприказчиком и опекуном ее малолетней дочери, "за доброе им ее воспитание и труды" награждался 300-ми рублями. Ему также, как уже отмечалось, разрешалось, но при условии платы процентов, использовать средства, выручаемые от сдачи в наем многочисленных торговых и складских помещений и от коммерческого кредита, на собственные торги[45].

В 1775 г. было узаконено вознаграждение опекунам в размере 5% с прибыли от оборота капитала. Тогда же действия опекунов были поставлены под контроль сиротского суда. Счета, представляемые опекунами по истечении очередного года опеки в сиротский суд, сопровождавшие их рапорты, как и запросы о разрешении различных операций имущественного и хозяйственного плана, не позволяя увидеть влияние опекунов на нрав и поведение малолетних, сообщают об их местожительстве и окружавших их лицах, об их обучении и особенно об их состоянии, источниках его приращения и статьях расхода. Например, после смерти московского купца Петра Филипова сына Драншева над его четырьмя детьми в возрасте семи, шести, трех и двух лет и оставшимся имением (дом с движимым имуществом, лавка с товаром, векселя) по прошению их матери Марии Семеновой была учреждена опека в составе московских же купцов Данилы Семенова сына Липенского, Дмитрия Степанова сына Шнуркова и матери малолетних детей. Причем Липенского "как свойственника и благодетеля" покойному мужу, к тому же крестного отца детям и себя в качестве опекунов предложила сама вдова. Второго купца как лица нейтрального определил сиротский суд. Возможно, он принял во внимание наличие иска невестки умершего Петра

Драншева (вдовы брата) на сумму более, чем в 15 тыс. руб., которые следовало взыскать с оставшегося после него имения. В своем прошении в сиротский суд невестка, являвшаяся к тому же опекуншей своей собственной дочери, выражала беспокойство как бы вдова ее деверя не захватила "ей не принадлежащего" и тем не причинила бы ущерба интересам ее (невестки) дочери. После утверждения опеки все дети продолжали жить со своей матерью в ее доме в Яузской части, в приходе церкви Косьмы и Дамиана, "что на Вшивой Горке". В рапорте опекунов за 1799 г. было сказано, что старшие сын и дочь "обучаются российской грамоте и писать", а другие "по малолетству еще не обучаются"[46].

Малолетние дети, находясь после смерти отцов под опекой различных московских купцов (обычно не менее двух), имели жительство либо при матери, или в доме одного из опекунов, либо у родственников. В последнем случае собственный дом умершего купца сдавался в наем. Ранее, на основании духовных, были упомянуты случаи, когда душеприказчик-опекун с женой, напротив, жил в доме малолетнего воспитанника до его совершеннолетия. Мальчики обычно обучались "торговому производству", "торговому промыслу", девочки – чтению и письму, "женскому рукоделию"[47].

На их обеспечение опекунами выделялись различные суммы. В одних случаях они исчислялись сотнями рублей, в других несколькими десятками. Например, расходы на сына купца Степана Кашина, жившего в доме одного из опекунов, за 1798/99 г. составили 32 руб. 50 коп. Они включали плату подушных денег по мещанству, пошлин за взятый для малолетнего билет на жительство в Москве и покупку платья. За год для мальчика были куплены сапоги и к ним сделаны "головы", куплен тулуп, двое шерстяных чулок, а весной в один день – комплект одежды (сюртук, камзол, исподнее платье и картуз). Из наличной суммы годового прихода в 774 руб. 48 коп. весь расход составил около 4,2%[48].

Согласно духовной (1757 г.) вдовы Евдокии Семеновой на пропитание, платье ее малолетней дочери и другие мелкие домовые расходы душеприказчик-опекун (он же брат вдовы) мог употребить 150 руб. в год. Все прочие сверх этой суммы расходы подлежали учету в специально заведенной для этого книге. Записи в ней должен был вести другой брат вдовы, контроль со стороны которого призван был защитить интересы опекаемой племянницы от возможного употребления вверенного дяде состояния на личные нужды. Сама завещательница обоснованными признавала расходы по перестройке и ремонту дома и лавок, на приданое дочери, а также сопряженные со взысканием по делам мужа, или идущие на ее поминовение. Характерно, что "Примерное, или повальное наставление опекунам", включенное в Закон 1775 г., также обращало внимание на недопущение разрушений нужных и полезных малолетнему строений и их починку.

На содержание, платье и обувь двух детей (16 и 9 лет) купца Антона Васильева сына Васильева, проживавших при их тетке в доме ее мужа, купца Григория Аврамова сына Кирьянова, в 1798 г. было дано 555 руб. 65 коп. Еще 113 руб. 96 коп. было истрачено на лекарство и "за приезд доктору" во время болезни мальчика. Опека над ними была установлена в 1790 г., а за год, по которому сохранился счет, была получена прибыль в 2245 руб. Она сложилась из суммы, вырученной от отданных в наем в разных рядах 10 лавок и дома и процентов на остаточный от прошлого года за расходом капитал в 10 187 руб. 69 коп. Из общей суммы в 12 432 руб., бывшей в приходе за год, издержки на содержание и лечение детей составили около 5,4%, а все годовые расходы, включая гильдейские подати (капитальные, накладные, рекрутские, подводные), на содержание съезжего двора с части малолетних, за наем палатки для хранения оставшегося

имущества и мелкие пошлины, – 6,2% (777 руб. 62 коп.). В итоге чистая прибыль выразилась в сумме 1469 руб. 76 коп., или 14,4%[49].

Столь благоприятное соотношение приходной и расходной части находившегося под опекой имения, разумеется, было не всегда. В данном случае сказалось наличие недвижимости в виде торговых помещений и двора, от сдачи которых в наем извлекался немалый доход. Важно также было и отсутствие вексельных долгов, расплата по которым забирала капитал и требовала продажи имущества. Действиям опекунов по очищению вверенного им имения от долгов Закон 1775 г. уделял особое внимание. Он предписывал так опекунам "изворачиваться", чтобы сохранить "доверие, или кредит малолетнего".

Уже упоминаемой ранее опекунше – матери четырех детей Марье Семеновой в 1798 г. на ее и их содержание было выдано 600 руб., что от суммы прихода за год в 20 805 руб. составило около 2,9%. Значительность величины прихода была связана не только с взысканием вексельных долгов, доходом от сдачи в найм двух лавок с палаткою, но и сложилась в результате продажи оставшихся после Петра Драншева пушного товара и краски на сумму более 16 тыс. руб. Реализации товара предшествовала его оценка с участием представителя сиротского суда и свидетелей. Торг производился с аукциона, о чем "охочие люди" оповещались через газеты. Затраченные на организацию аукциона и публикацию объявлений средства вносились в расходную часть годовой счетной книги. В отличие от предыдущего случая, где основная статья расхода заключалась в содержании находившихся под опекой детей, в данном примере выделенная на эти цели даже чуть большая сумма составила менее 3,5%. Главные же траты, поглотившие почти 96,5% расходов и 80% всего прихода, были связаны с уплатой по векселям. Итоговый баланс года составил немногим более 3,5 тыс. руб.[50]

Согласно указу 22 декабря 1785 г. по достижении "малолетними" 17 лет, они могли просить о выходе из-под опеки и передаче им в пользование хранящегося у опекунов имения. С этого момента происходило их вступление в наследство, с которого взимался налог размером в 1%. Однако до 21-летнего возраста они не обладали полной имущественной правомочностью и не могли свободно распоряжаться недвижимостью, оформлять на нее без подписи опекуна или заменявшего его с этого времени попечителя купчие или закладные крепости. Само имение юридически по-прежнему числилось как принадлежавшее умершему родителю. Несовершеннолетние отроки не обладали и правом приобретать на свое имя дворы и лавки, о чем сиротский суд в каждом конкретном случае непременно напоминал городовому магистрату. В число попечителей сиротский суд по просьбе лиц, выходивших из-под опеки, нередко назначал их матерей или отцов, а также других родственников, ранее в число опекунов не входивших[51]. Встречались случаи, когда просившие об освобождении из-под опеки купеческие дочери в дальнейшем "для лучшего управления имением... для советов и защиты себя от... разных кредиторов претензий" избирали себе в попечители собственных мужей. Так, в частности, в 1797 и 1798 гг. поступили по достижению ими 18 и 17 лет две дочери Варвара и Ольга покойного купца Петра Сабельщикова. Будучи замужем, одна за губернским секретарем, а другая – за провинциальным секретарем, каждая из них просила освободить ее от опеки, а до совершеннолетия определить под попечение мужа и (Варвара) его дяди, а Ольга – также и бабки (матери отца). Сиротский суд, исключив их из-под опеки и учитывая, что обе сестры "уж ныне находятся не в купеческом звании", рекомендовал им вопрос о попечителях решать "по званию своему". Находившиеся под наблюдением опекунов принадлежавшие купцу Сабельщикову лавки, а также движимое имение матери сестер было передано под расписку в их общее пользование[52].

По закону попечитель только управлял имением несовершеннолетнего, не имея забот, какие были у опекуна, по его воспитанию и образованию. На практике же между ними больших различий не было. Опекунами чаще были лица, заботящиеся о детях в возрасте до 17 лет, а попечителями – те, кто опекал "малолетних" в дальнейшем до их совершеннолетия[53]. В то же время немало примеров, когда опекунами вплоть до достижения воспитанниками 21 года оставались одни и те же лица.

Итак, до 1775 г. опека и попечительство над малолетними детьми и их имуществом осуществлялись в основном по завещанию родителей и возлагались преимущественно на родственников. Их полномочия и обязанности по отношению к призреваемым могли существенно различаться в зависимости от размера, масштаба и характера состояния, возраста сирот, наличия у них одного из родителей, близких родственников и существующих между ними отношений. Но при всех различиях отношения родства и свойства, дополняемые приятельскими связями, играли исключительную роль в судьбе детей, потерявших одного или обоих родителей. Их забота и опека обеспечивали сохранение хозяйства и состояния умершего купца до совершеннолетия его детей, а следовательно служили средством укрепления стабильности и преемственности социального статуса лиц в крайне зыбкой в плане надежности хозяйственного положения среде. Изучение этого вопроса проливает новый свет и на многие стороны внутрисемейных и родственных отношений, рисует их разнообразные оттенки и нюансы.

[1] *Зуева Е.А.* Опека и попечительство у сибирского купечества в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // Социально-культурное развитие Сибири: Бахрушинские чтения 1991 г. Новосибирск, 1991. С. 25.

[2] ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. VII. № 2205.

[3] В течение 1727–1743 гг. вместо магистратов в городах существовали малочисленные ратуши, подчиненные местной администрации.

[4] ПСЗ-1. Т. VIII. № 5462, 5817, 5975; Т. XI. № 8363, 8637. См. также: *Цатурова М.К.* Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 57.

[5] ПСЗ-1. Т. XX. № 14392.

[6] *Цатурова М.К.* Указ. соч. С. 59–60.

[7] Там же. С. 53–56.

[8] *Зуева Е.А.* Указ. соч. С. 25–32.

[9] *Кошелева О.Е.* Благословляю чада свои: забота о детях (по древнерусским духовным грамотам) // Вестн. Ун-та РАО. 1997. № 2 (3). С. 108–140; *Она же.* "Отходя от света сего...": Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний // Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 339–386.

[10] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1.Ч. 1. Д. 548. Л. 75–76.

[11] Там же. Оп. 1. Ч. 4. Д. 12044. Л. 1–2.

[12] Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6595. Л. 1 об.–2 об.

[13] Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 544. Л. 122 об.–123.

[14] *Кошелева О.Е.* Благославляю чада свои... С. 121.

[15] Там же. С. 117.

[16] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3570. Л. 1 об.–3 об.

[17] О деловой активности купеческих жен и вдов, их умении продолжить предпринимательскую деятельность своих мужей см.: *Козлова Н.В.* Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность жен и вдов Москвы в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: Сб. материалов междунар. научн. конф. (Санкт-Петербург, 17–20 сент. 2001 г.). СПб., 2001. С. 139–144.

[18] ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 3. Т. 3. Д. 8099. Л. 1 об.–4 об.

[19] Там же. Оп. 4. Т. 2. Д. 7064. Л. 10.

[20] Там же. Оп. 3. Т. 3. Д. 6401. Л. 1 об.–2; Оп. 26. Д. 909. Л. 15–16; Оп. 4. Т. 2. Д. 6140. Л. 1 об.

[21] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 545. Ч. 3. Л. 657 об.–658.

[22] Там же. Д. 547. Л. 333.

[23] Там же. Д. 808. Л. 838–839.
[24] ЦИАМ. Оп. 4. Т. 2. Д. 6274. Л. 1 об.–2 об.
[25] Там же. Д. 6431. Л. 1–1 об.
[26] Там же. Л. 3 об.–4.
[27] *Кошелева О.Е.* Благословляю чада свои… С. 118–119.
[28] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6715. Л. 2–3 об.
[29] Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 878. Л. 621–622; Д. 544. Л. 120–121; Оп. 1.Ч. 2. Д. 3686. Л. 2–3; Д. 4101. Л. 2–4; Оп. 1. Ч. 4. Д. 12125. Л. 1–4 об.
[30] Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 547. Л. 347 об.–348.
[31] Там же. Д. 545. Ч. 1. Л. 177.
[32] Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 545. Ч. 2. Л. 649–649 об.; Д. 879. Л. 159–159 об.; Д. 808. Л. 88–89.
[33] Там же. Д. 545. Ч. 3. Л. 693 об.–694; Д. 808. Л. 47.
[34] Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 5421. Л. 2–2 об.
[35] ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 3. Т. 1. Д. 2576. Л. 1 об.–2 об.
[36] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7069. Л. 1–24.
[37] ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 4. Т. 2. Д. 6827. Л. 1–3. См. также: *Зуева Е.А.* Указ. соч. С. 27.
[38] *Зуева Е.А.* Указ. соч. С. 30.
[39] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 4. Д. 12125. Л. 1–4 об.
[40] Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3570. Л. 1 об.–3 об.
[41] В их число входили брат Алексея Остафьева Андрей, Иван Дмитриевич Алмазов, названный в завещании "ближним" свойственником, и дед внука Петра с материнской стороны Иван Иванов сын Мокеев.
[42] Судя по духовной Анны Семеновны Филатьевой ее отец, гость Семен Остафьевич Лузин, оставил своим дочерям в общее владение деревни и пустоши "со всеми крестьяны" в Алатырском, Ярославском и в Костромском уездах. В качестве таковых они сохранялись в течение десятилетий, так что Анна Семеновна в 1730 г. утверждала своего внука наследником недвижимого имения "в половине своей". В сведениях Поместного приказа 1700 г. упомянуты 10 гостей – землевладельцев. Самым крупным из них был А. Филатьев: ему принадлежало 113 дворов, главным образом, в Московском уезде. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3520. Л. 1–2; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 37).
[43] РГАДА. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3686. Л. 2–3.
[44] Там же. Д. 6715. Л. 2–3 об.
[45] Там же. Оп. 1. Ч. 4. Д. 12125. Л. 1–4 об.
[46] ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 4. Т. 2. Д. 7064. Л. 1–10.
[47] Там же. Д. 7071, 7020, 7063, 7077.
[48] Там же. Д. 7020.
[49] Там же. Д. 7063. Подсчет процентов произведен на основании данных счета опекунов.
[50] Там же. Д. 7064.
[51] Там же. Оп. 4. Т. 1. Д. 1843; Оп. 4. Т. 2. Д. 5897, 6156, 6827.
[52] Там же. Оп. 4. Т. 2. Д. 5897. Л. 1–3.
[53] *Зуева Е.А.* Указ. соч. С. 29.

В.Н. Захаров

РОСТОКСКИЕ КУПЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ В XVIII веке

В XVIII в. произошло существенное расширение внешнеторговых связей России. Ведущая роль в этом принадлежала купцам из западноевропейских стран, находившимся в российских портах. С двадцатых годов XVIII в. главной внешнеторговой гаванью страны стал Петербург, где обосновались сотни коммерсантов из более чем десяти стран Западной Европы. По масштабам торговли выделялись англичане, которые сосредоточивали в своих руках до половины и более внешнеторгового оборота Петербурга. Но свой вклад внесли и купцы других стран, среди которых крайне активны были выходцы из многих городов и земель Германии. Немецкое купечество было наиболее многочисленным среди коммерсантов других национальностей, как в России в целом, так и, в частности, в Петербурге.

Среди немецких купцов во внешней торговле России всегда выделялись коммерсанты ведущих ганзейских городов, прежде всего Гамбурга и Любека. Торговым связям России с этими портами, в том числе и в XVIII в., посвящен ряд обстоятельных исследований, разнообразные сведения о любекских и гамбургских купцах в России содержатся и во многих других книгах и статьях по истории российской и европейской торговли XVIII в. Этот интерес вполне оправдан. По нашим подсчетам, на долю любекских и гамбургских купцов во внешней торговле Петербурга в 60-х годах XVIII в. приходилось, как минимум, 14%, а в 70-х годах – 9% всего товарооборота[1].

Однако купцы из Любека и Гамбурга были далеко не единственными представителями немецкого купечества в России. Кроме них, в Петербурге находились коммерсанты из других ганзейских городов, а также из различных внутренних земель Германии. Сохранившиеся источники свидетельствуют о значительной активности, которую проявляли во внешней торговле Петербурга в XVIII в. купцы из Ростока, еще одного значительного ганзейского города, расположенного на южном берегу Балтийского моря, в устье реки Варны. Однако до сих пор торговля ростокских купцов в России не привлекала внимания историков. Исключение составляет труд М. Мюллер, где собраны сведения о выходцах из Мекленбурга, представителей разных специальностей и профессий, в том числе и купцов, поселившихся в странах Восточной Европы, включая Россию[2]. Явно недостаточно изучена и торговля Ростока в XVIII в. Тем не менее в российских архивах сохранились сведения о деятельности ряда ростокских фирм в Петербурге в XVIII в., обобщить которые и составляет задачу данного небольшого очерка. Прежде всего это ведомости о товарообороте купцов, принимавших участие во внешней торговле Петербурга. За вторую половину XVIII в. сохранились ведомости за ряд лет, большая часть из которых опубликована[3]. Большое значение имеют материалы о регистрации торговых судов. Среди них наиболее важны рапорты Кронштадской таможни о приходящих кораблях, которые сохранились за большинство лет, начиная с 1743 г. и до начала XIX в., но редко используются исследователями[4]. За ряд лет первой половины XVIII в. можно привлечь и материалы о регистрации приходящих и уходящих судов, сохранившиеся в архивах военно-морского ведомства[5].

Со времен средневековья Росток наряду с Любеком, Гамбургом, Люнебургом играл видную роль в ганзейской торговле, особенно в восточном секторе Балтики. В период позднего средневековья и раннего нового времени Росток

испытал общую с большинством других ганзейских городов судьбу: упадок торговли и мореплавания в связи с конкуренцией новых морских держав Голландии и Англии, гегемонией Швеции на Балтике, разорительной для многих германских земель Тридцатилетней войной. Особенно снизились обороты торговли Ростока в конце XVII – начале XVIII в., когда общая сумма торгового налога составила 12–17 тыс. флоринов в год (в начале XVII в. – до 30 тыс. флоринов и более)[6]. Кроме прочих причин, сказывалось влияние Северной войны, крайне осложнившей торговлю на Балтике. Но в дальнейшем, в течение XVIII в. ситуация меняется. Происходит оживление торговли Ростока, уже в 20-х–30-х годах ежегодный сбор торгового налога достиг 28–30 тыс. флоринов[7]. К середине XVIII в. обозначается упадок коммерции голландцев, в связи с чем вновь усиливается роль ганзейских городов как посредников в торговле между Западом и Востоком Европы. Активизация внешней торговли России через Петербург является мощным стимулом развития всей коммерции на Балтике, подъема целого ряда балтийских портов, связанных с главной российской гаванью. В целом продолжается углубление международного разделения труда, расширения экспорта с Востока на Запад зерна и других сельскохозяйственных товаров, в связи с чем растет торговля всех портов восточного сектора Балтики, в частности Риги, имевшей обширный хинтерланд в России и в Речи Посполитой. Это способствовало развитию торговли ведущих ганзейских городов на Балтике, прежде всего Любека, торговля которого с Петербургом активно развивается, а в тени любекской торговли с Россией поднимается и коммерция других городов на этом направлении, в том числе и Ростока. В течение второй половины XVIII в. товарооборот порта в устье Варны, судя по данным о сборе торгового налога, удвоился[8].

Непосредственные контакты Ростока и Петербурга возникли еще в начале 20-х годов XVIII в. В 1722 г., сразу по окончании Северной войны в Петербурге побывало три корабля из Ростока[9]. Один из них прибыл к ростокскому купцу Иоганну Генриху Роггенбау, другой – к выходцам из Нарвы Арпсу и Ролфинку, третий – в адрес любекско-голландской фирмы Лимбург и Бетлинг. Очевидно, возникновению прямых контактов Петербурга и Ростока способствовало развитие дипломатических и династических контактов России и герцогства Мекленбург, что было обусловлено внешнеполитическими интересами России в данном регионе[10]. И.Г. Роггенбау был, очевидно, первым ростокским купцом, обосновавшимся в новой российской столице. Вероятно, он был сыном Генриха Париса Роггенбау, пастора из Шенберга, что в Мекленбурге, о котором упоминается в работе М. Мюллер[11]. В середине 20-х годов в Петербурге отмечается деятельность его родственника Якоба Роггенбау[12]. А Иоганн Генрих Роггенбау (Heinrich Roggenbau) во второй половине 20-х годов XVIII в. уже проживал в Москве[13].

Торговые контакты Петербурга и Ростока примерно на одном и том же уровне сохранялись до начала 40-х годов, когда из порта на Варне к устью Невы приходило по два–три корабля в год. Однако в 40-е годы, как показывает статистика движения кораблей, число прибывших оттуда судов существенно возрастает. Наиболее обстоятельными среди сохранившихся документов такого рода являются рапорты Кронштадской таможни о прибывающих иностранных судах за 1742–1800 гг.[14] Так, в 1744 г. в Петербург из Ростока прибыло 10 кораблей, в 1746 г. – 13.

Большинство из них приходили к ростокским купцам, которых всегда было в Петербурге немного. К ним можно отнести Георга Готфрида Газенфеллера, входившего в английскую компанию Непер и Газенфеллер. Большинство

кораблей в адрес этой фирмы прибывали из Англии, но два–три в год – из Ростока. С начала 50-х годов Г.Г. Газенфеллер действует один, видимо, уже в качестве ростокского купца, поскольку он среди английских купцов уже не упоминается. Спектр его заморских связей теперь ограничивается Ростоком, соседними портами (например, Укермюнде), но иногда приходят к нему по старым контактам и суда под британским флагом из Лондона, Ньюкасла, как в 1760 г. В 1762 г. деятельность Газенфеллера прерывается.

Кроме того, в первой половине 40-х годов известны представители семейства Ом (Ohm), а также Иоганн Иоахим Кремпин, Готтлиб Христиан Эшенбах. Именно с деятельностью двух последних и связана в наибольшей степени активизация, начиная с 40-х годов, торговли между Петербургом и Ростоком. В 1742 г. к И.И. Кремпину пришел единственный корабль из Ростока, в 1743 г. он объединяется с Эшенбахом, и к ним приходит уже семь судов, в 1745 г. по неполным данным – также семь (пять – из Ростока, два – с острова Готланд). В последующем торговля фирмы Кремпин и Эшенбах прогрессирует так быстро, как ни одной из других иноземных компаний в XVIII в. В 1749 г. к ним приходит 34 корабля, в 1758 г. – 38, а в 1759 г. – даже 59! В течение 50-х годов количество прибывших судов в несколько раз больше, чем тридцать в год. Конечно, имеют место и некоторые спады, обусловленные конъюнктурными колебаниями.

Чем объяснить подобный быстрый успех коммерсантов из далеко не самого крупного торгового города Европы? Сразу обращает на себя внимание многообразие связей Кремпина и Эшенбаха, но они ограничены определенным регионом, и с рядом портов они особенно плотны и устойчивы. От половины до трети всех судов к ним прибывает из Ростока. Кроме того, их контакты охватывают ряд гаваней, расположенных восточнее Ростока (Штеттин и Гданьск), но более развиты связи с западным сектором Балтики – Данией (Копенгаген, Фленсбург), а также с Голштинией (Киль, Экернфьорде), поскольку в это время в России уже находился наследник престола Петр Федорович. Приходили к ним корабли и из-за Зунда, но это опять-таки были чаще всего порты, находившиеся во владении датской короны, а именно норвежские гавани Берген и Христианзунд, иногда – Гамбург. Спектр связей практически не изменился и в 1760 г. Из 34 кораблей, прибывших тогда к Кремпину и Эшенбаху, 8 вышли из Ростока, 6 – из Любека, 4 – из Гданьска, по одному – из Пиллау и Кёнигсберга, 1 – из Гельсингфорса, 2 – из Киля, 4 – из Фленсбурга, 1 – из Копенгагена, 1 – из Гамбурга, 2 – из Бергена[15]. Но каким образом эта ростокская по происхождению фирма могла установить столь обширные и устойчивые контакты? Дело в том, что Кремпин и Эшенбах находились в тесных партнерских и корреспондентских отношениях с крупными коммерсантами ведущих торговых городов Европы, что прослеживается по сохранившимся фрагментам деловой документации известной любекской фирмы Нёлтинга. Судя по всему, Иоганн Готфрид Нёлтинг обменивался товарами с Кремпином и Эшенбахом, кроме того вел их расчеты с другими партнерами на Западе по счетам conto loro. При этом прослеживаются связи с Копенгагеном, амстердамскими купцами Виллемом ван Бриненом, Петером Христианом Эшенбахом, гамбургской фирмой Лукаса Келлингузена и др.[16] Все упомянутые коммерсанты имели регулярные контакты с Россией, П.Х. Эшенбах приходился, очевидно, родственником Г.Х. Эшенбаха, как и В. ван Бринен, наверняка поддерживал контакты с семейной фирмой ван Бриненов, находившейся в Архангельске.

Совместная деятельность Кремпина и Эшенбаха прекращается в начале 60-х годов. По данным М. Мюллер, Иоганн Иоахим Кремпин прожил довольно долго, он умер в Петербурге в 1798 г. в восьмидесятилетнем возрасте[17]. Почему он

отошел от дел, сказать трудно. Но торговля его семейной фирмы продолжалась. В 1762 г. рапорты Кронштадской таможни зафиксировали прибытие 24 судов к Иоганну Якобу Кремпину. Видимо, он в качестве наследника Иоганна Иоахима Кремпина заменил обоих своих предшественников. О родственных связях в этой семье ничего не известно. Однако в 1767 г. деятельность И.Я. Кремпина внезапно прерывается – в этом году было зафиксировано прибытие 18 судов, а в дальнейшем это имя не упоминается. Возможно, он покинул Петербург.

Но в это же время возникает фирма Рихтер и Мас, продолжает торговлю с Ростоком, а также с другими портами того же региона. Складывается впечатление, что Рихтер и Мас фактически заменили Кремпина и Эшенбаха, заняли нишу, освободившуюся после прекращения деятельности крупнейшей ростокской фирмы 40-х–60-х годов. О происхождении Иоганна Якоба Рихтера определенных сведений нет, из-за распространенности фамилии нелегко найти и его родственников в различных городах Германии. Его компаньона, видимо, не следует отождествлять с выходцами из Гамбурга с аналогичной фамилией (в немецкой транскрипции – Mahs). Очевидно, в данном случае имеется в виду кто-то из представителей фамилии Мас (Maas), происходившей из Альт-Стрелица, скорее всего – либо Иоганн Даниель Мас (умер в 1788 г.), либо Иоганн Фридрих Мас (умер в 1821 г.)[18]. В любом случае в русских источниках фирма Рихтер и Мас неизменно называется ростокской.

Ее деятельность продолжается на протяжении почти двадцати лет, до середины 80-х годов. Наибольших масштабов их товарооборот достигает в начале 80-х годов, когда к ним прибывало по 40–50 и более кораблей в год. Как и у фирмы Кремпин и Эшенбах, до половины кораблей приходят к ним из Ростока, среди прочих портов упомянуты гавани, находившиеся как восточнее (Штеттин, Гданьск, Пиллау), так и в Швеции, Дании и Норвегии. В конце 80-х годов фирма Рихтер и Мас уже не упоминается. Очевидно, ее преемником стал Иоганн Фридрих Мас, торговавший в одиночку в конце 80-х – начале 90-х годов. Но его товарооборот был весьма небольшим. В 1792 г. он продал в Петербурге товары на 18 тыс. руб., в 1792 г. – на 4 тыс. руб. Экспортных операций он не вел[19]. Значительного размаха достигла торговля Иоганна Даниеля Маса. В 1787 г. его товарооборот составлял 300 тыс. руб.[20] Тогда он являлся торговым агентом датского короля. Но в следующем году он умер.

В перечне компаний, торговавших в Петербурге в 90-х годах, точно установить преемников фирмы Рихтер и Мас, а также И.Ф. Маса трудно. По всей видимости, это П.Ф. Рихтер, числившийся тогда в составе нарвского купечества. Его деятельность и по размаху, и по спектру связей была почти копией внешнеторговой активности фирмы Рихтер и Мас. Кроме того, в 1798 г. Рихтер пытался навести справки о происхождении и подданстве ростокского купца И. Кремпина[21]. В 1794 г. П.Ф. Рихтер принял 49 кораблей из-за моря, в 1795 г. – 55, многие из них вышли из Ростока, а также из Штеттина, Вольгаста в Померании, Копенгагена, Бергена, Фленсбурга, шведских гаваней Мастранда и Карлскроны[22].

Таким образом, на каждый момент в течение второй половины XVIII в. в Петербурге имелась одна крупная ростокская фирма, отличавшаяся особой внешнеторговой активностью, концентрировавшая в своих руках почти все связи с портом в устье Варне. Деятельность такой фирмы продолжалась до двух десятилетий, затем ее место занимала новая ростокская компания. Наряду с этими ведущими фирмами в Петербурге действовали одновременно не более двух–трех ростокских компаний, которые существенно уступали им по масштабам торговли. В 50-х годах это был уже упомянутый Георг Готфрид Газенфеллер. С середины 70-х годов действует компания Мезе и Брун, с 1789 г. – Мезе и К°.

В ведомостях по товарообороту она именуется ростокской, хотя Иоганн Христиан Брун был уроженцем Висмара[23], расположенного недалеко от Ростока, также в Мекленбурге. Ежегодно они принимали до десяти судов. По своим связям за морем они отличались, и весьма существенно, от ведущих ростокских фирм. Спектр заморских контактов Мезе и Бруна был во многом аналогичен контактам некоторых любекских и гамбургских компаний, имевших партнеров далеко за Зундом, в том числе и в Средиземноморье. Дело в том, что И.Х. Брун имел тесные связи с Данией, а через датских партнеров – с дальней заморской и колониальной торговлей. Подобные контакты, в свою очередь, объясняются тем, что Копенгаген был одним из главных торговых партнеров Ростока, особенно в конце XVIII в. В 1777–1783 гг. Брун был датским консулом в Петербурге, после чего его сменил уже упомянутый И.Д. Мас. Брун стал администратором вест-индской торговой компании в Копенгагене[24]. В 1783 г. в адрес фирмы Мезе и Брун прибыло четыре корабля из Остенде, Бордо, Гавра, Стокгольма[25]. В 1789 г. отмечаются связи с Мессиной в Сицилии, а в 1795 г. – с Ливорно. Но по интенсивности таких сверхдальних контактов Мезе и Брун все же уступают компаниям из главных ганзейских городов. В конце 90-х годов корабли приходят в адрес фирмы Мезе и К° большей частью из Любека.

Но наряду с чрезвычайной активностью ряда ростокских фирм в развитии заморских контактов, интенсивностью движения зафрахтованных ими судов, масштабы их товарооборота не столь велики. Так, в 50-х и 60-х годах на долю купцов Ростока приходилось 1,5–1,6% товарооборота Петербурга. В 1774 г. к ростокским купцам прибыло 33 корабля, или почти 5% всех пришедших в Петербург. Но их товарооборот составил 144 тыс. руб. или всего лишь 0,8% общего товарооборота Петербурга. Ведущие в то время ростокские купцы Рихтер и Мас получили и отправили товаров всего на 92 тыс. руб., что в три–пять раз меньше товарооборота известных любекских фирм (Брунс и Иве; Миллер и Швадтке), не говоря уже об английских компаниях[26]. Еще более противоречивая картина наблюдается в конце XVIII в. В 1797 г. к ростокским купцам прибыло 69 торговых судов, в том числе к П.Ф. Рихтеру – 64, больше, чем к кому-либо еще из торговых иноземцев. А товарооборот ростокских купцов упал тогда до мизерной величины – 110 тыс. руб., или 0,2% товарооборота Петербурга. Кажется, в этой ситуации товарооборот ростокских купцов вовсе не зависит от зафрахтованных ими судов. В 1799 г. П.Ф. Рихтер уже не числится среди участников внешней торговли Петербурга, зато есть фирма Мезе и Брун, к ней пришло всего восемь кораблей, но ее товарооборот достиг уже 0,7%[27]. Чем объяснить подобное отсутствие корреляции между количеством зафрахтованных судов и стоимостью товарооборота ростокских купцов? Во-первых, это обусловлено меньшим тоннажем судов, используемых ростокскими купцами, поскольку многие из них не выходили за пределы Балтики. В среднем грузоподъемность ростокских торговых судов составляла 56 тонн, в то время как бременские и любекские корабли имели 217 тонн, гданьские – даже 375 тонн[28]. Следовательно, для доставки одного и того же количества товаров любекским судовладельцам требовалось вчетверо меньше судов, чем купцам и судовладельцам Ростока, использовавшим собственные корабли. При всей своей активности ростокские купцы, в отличие от ведущих гамбургских и любекских фирм, имели меньший товарооборот и более ограниченный регион внешнеторговых связей. Во-вторых, значительная часть товаров, доставляемых на этих кораблях, предназначалась купцам из других стран и городов. Таким образом, активность ростокских купцов касалась скорее сферы торгового морского судоходства, они выступали для многих своих партнеров в известном смысле "морскими извозчиками".

Подобные связи ростокских купцов на Балтике и в Северной Германии обусловили и специфику ассортимента товаров, доставляемых ими в Россию. Наиболее обстоятельные сведения на этот счет сохранились за 40-е годы XVIII в., причем только о ввозимых товарах. В адрес ведущей в то время ростокской фирмы Кремпин и Эшенбах поступило 16 партий товаров на разных кораблях, в том числе из Ростока только одна партия, а именно 1675 аршин сукон-стамедов, пять партий прибыло из Любека, в их числе мебель (48 стульев, 8 кресел, 4 канапе), 6 камзолов, 132 пуда сахара, 224 пуда краски скорбил. Из Копенгагена доставлена одна партия товара, в которой фарфоровая посуда на 700 руб., также фарфоровая посуда на 975 руб. и 11 пудов чаю прибыли из Бергена в Норвегии. В трех партиях из Киля преобладал сахар (204 пуда), французская водка, ныне более известная под названием коньяк (225 "стаканов"), а также 4101 дубовое полено, 1456 спиц и 63 буковых дерева, вероятно, предназначенных для изготовления карет и мебели. Из Гданьска поступило 22 "стакана" гданьской водки. В четырех партиях из Амстердама поступили товары для курильщиков (36 пудов табаку и 300 грошей трубок), а также 340 стульев и 260 пудов скипидару. Таким образом, товарооборот Кремпина и Эшенбаха отличался большим разнообразием ассортимента, что было характерно и для многих других известных немецких и голландских купцов, торговавших в Петербурге в XVIII в.[29]

За последующие годы столь подробных данных об ассортименте торговли иностранных купцов не имеется. В рапортах Кронштадской таможни о прибывающих кораблях иногда названы лишь один–два основных товара, преобладающих в составе груза. В 1775 г. к Рихтеру и Масу прибыло 25 кораблей, из них на двух судах из Штеттина, одном из Ростока и одном из Гамбурга груз был обозначен, как "разный товар"[30]. Но иногда все же можно выделить и некоторые характерные товары в импорте ростокских купцов. В 50-х годах к Кремпину и Эшенбаху из норвежских портов Бергена и Христианзунда регулярно поступали сельди, из Ростока – садовые деревья. В адрес фирмы Рихтер и К° наряду с сахаром из Любека приходили устрицы из Фленсбурга, оконные стекла и рассада из Ростока[31].

Таким образом, ростокские купцы внесли свой вклад в развитие контактов Петербурга со странами Западной Европы. Несколько торговых фирм из Ростока обеспечивали связи главной российской внешнеторговой гавани со своим городом, одним из ведущих немецких портов на южном берегу Балтийского моря. Кроме того, их небольшие суда совершали регулярные рейсы между Петербургом и портами южного и западного секторов Балтики от Померании до Голштинии и Дании, а в конце века – и Южной Швеции. Время от времени их корабли проходили и за Зунд, в порты Северного моря – Амстердам или Берген. При этом они доставляли в Россию различные изделия ремесла и промышленности немецких земель (оконное стекло, кареты, мебель, ткани, сахар), продукты морских промыслов из Балтики и Северного моря, а в качестве реэкспорта через Копенгаген или Любек – всевозможные товары из многих стран Европы. Обеспечение подобных связей оказалось возможным благодаря контактам, которые торговавшие в Петербурге ростокские купцы имели с рядом ведущих зарубежных фирм.

[1] *Zacharov V.N.* Der Anteil west- und mitteleuropäischer Kaufleute am Außenhandel Rußlands im 18. Jahrhundert // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte: Unternehmertum in Rußland. 1977. S. 46.

[2] *Müller M.* Mecklenburger in Osteuropa: Ein Beitrag zu ihrer Auswanderung im 16. bis 19. Jahrhudert. Marburg (Lahn), 1972.

[3] Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй половине XVIII – начале XIX в. / Сост. А.И. Комиссаренко, И.С. Шаркова. М., 1981.
[4] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262.
[5] *Захаров В.Н.* Материалы о регистрации торговых судов как источник по истории внешней торговли Петербурга в начале XVIII в. // Воронеж – колыбель Российского Военно-морского флота: Тез. докл. и сообщ. респ. научн. конференции, посвящ. 300-летию русского военно-морского флота. Воронеж, 1996.
[6] *Schultz H.* Soziale und politische Auseinandersetzungen in Rostock im 18. Jahrhundert. Weimar, 1974. S. 47.
[7] Ibid.
[8] Ibid.
[9] РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. 1722 г. Д. 65. Л. 4 об., 40, 104.
[10] *Medinger W.* Ruβland und die Ostsee im 18. Jahrhundert // Jahrbücher für die Geschichte Osteuropa. Neue Folge. 1968. [Bd.] 16. S. 93–94.
[11] *Müller M.* Op. cit. S. 346.
[12] *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М., 1996. С. 316.
[13] *Müller M.* Op. cit. S. 346.
[14] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262. Ч. 1–17.
[15] Там же. Ч. 6. Л. 162–256.
[16] Archiv der Hansestadt Lübeck. Firmenarchiv Nölting. A.l. Kassabuch. S. 31, 35, 36, 63.
[17] *Müller M.* Op. cit. S. 386.
[18] *Amburger E.* Die deutsche Kaufmannschaft St. Petersburgs um 1800 // Der Herold für Geschlechter-Wappen- und Siegelkunde. 1941. Bd. 2. S. 139; *Müller M.* Op. cit. S. 388.
[19] Внешняя торговля России через Петербургский порт... С. 126, 153.
[20] Там же. С. 121, 132.
[21] *Müller M.* Op. cit. S. 386.
[22] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262. Ч. 14.
[23] *Amburger E.* Op. cit. S. 138.
[24] *Müller M.* Op. cit. S. 359.
[25] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262. Ч. 13. Л. 381–600.
[26] Там же. Ч. 11. Л. 118–268; Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 425 об., 427; *Zacharov V.N.* Der Anteil west- und mitteleuropäischer Kaufleute... S. 46.
[27] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262. Ч. 15. Товарооборот подсчитан по: *Tooke W.* View of the Russian Empire during the reign of Catherine the Second, and to the close of the eighteenth century. London, 1800. Vol. 3. P. 524–541.
[28] *Schultz H.* Op. cit. S. 50.
[29] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262. Ч. 3. Л. 363–512.
[30] Там же. Ч. 11. Л. 271–375.
[31] Там же. Ч. 4. Л. 133–255; Ч. 14. Л. 136–277.

Л.В. Столярова

РУКОПИСНАЯ КНИГА ВО ФРАНЦИИ И РОССИИ В XI–XIV веках: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

...разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов?

А.С. Пушкин

Сравнение древнерусской письменной культуры XI–XIV вв. с западной того же времени в отечественной историографии до сих пор не предпринималось. Общим местом в исследованиях древнерусской книжной традиции стал тезис о заимствовании Русью вместе с христианством византийской книжной культуры, а также о проникновении в древнерусскую книгу уже в XI в. некоторых элементов письма и декора, свойственных западноевропейским кодексам. Представляет интерес не только сопоставление палеографических признаков греческой, латинской и древнерусской книги, но и сравнение одновременных книжных культур по линии выяснения их типологических различий и сходства. Не претендуя на всестороннюю реализацию этой задачи, мы хотели бы охарактеризовать основные направления в развитии книжной культуры Древней Руси и Франции в XI–XIV вв.

В истории рукописной книги Франции принято выделять монастырский (VII–XII вв.) и светский (XIII – вторая половина XV в.) периоды, связанные с особенностями организации скрипториев, их профессионального и социального состава и т.д.[1] В монастырский период центрами изготовления и хранения книг являлись монастыри. В светский – центр производства рукописных кодексов переместился в города. Переписывание книг и изготовление отдельных их элементов (пергамена, переплета, декора и т.д.) сосредоточилось в специальных ремесленных цехах или университетских скрипториях. Монополия церкви в области книгописания была нарушена уже в XI в. в связи с возникновением городской культуры. Тем не менее церковь сохраняла главенствующую роль в организации книгопроизводства вплоть до конца XII в.[2] В 70-е годы XV в. во Франции было введено книгопечатание[3].

В развитии древнерусской книги до появления книгопечатания можно выделить два периода: церковный (XI – конец XIV в.) и церковно-монастырский (начало XV – вторая половина XVI в.). Первый период характеризуется абсолютным преобладанием пергаменных кодексов и сосредоточением книгописания в соборах, ктиторских монастырях и церквях. Этот период вплоть до конца XIV в. (а именно до утверждения на Руси общежительного монастырского устава)

связан с развитием книжного дела в городских монастырях и церквях. Второй период характеризуется переменами как в использовании материала для письма (распространение бумаги), так и в организации книгописания (появление с первой половины XV, а особенно в начале XVI в. скрипториев в крупных монастырях-землевладельцах[4]). Обмирщение русской культуры в XVI в. сказалось на особенностях книгописания, но не изменило его основ: духовные корпорации по-прежнему оставались центрами производства и хранения книг. "Светские" скриптории конца XVI–XVII в. (Посольского приказа, Оружейной палаты и др.[5]) существовали наряду с церковными и монастырскими. Крупнейшие скриптории XVI в. (Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Николо-Корельского, Соловецкого и других монастырей) наряду с традиционными литургическими книгами производили сборники светского содержания, обеспечивая потребности общества в четьей литературе[6]. Здесь же переписывались памятники канонического права, сочинения отцов церкви, произведения агиографии.

В XI–XII вв. во Франции изготовление рукописных книг в крупных монастырях осуществлялось в мастерской-скриптории (scriptorium), занимавшей специальное помещение[7]. Особенно интенсивным книгопроизводство было в мастерских северных и восточных монастырей Франции: Корби, Сен-Дени, Сен-Мор-де-Фоссе, Сен-Виктор-де-Пари, Сент-Аман, Сен-Мартен-де-Турне, Мон-Сен-Мишель и Флери в Нормандии, Сен-Тьери и Сен-Реми в Реймсе и др.[8] Изготовление книг велось по строго установленным правилам: писцам предписывалось молчание, а вход в скрипторий во время работы разрешался лишь аббату или приору, а также руководившему книгописанием и заказывающему копии с книг армарию (armarius). Армарий отвечал за годность инструментария и утвари писцов, распределял работу внутри скриптория, отдавал распоряжения о копировании тех или иных кодексов и изготовлении переплетов для них[9]. В обязанности либрария (librarius) вменялось хранение книг. Армарии и либрарии явились первыми составителями каталогов книг монастырских библиотек (см. ниже). Переписыванием книг занимались специально обученные монахи[10].

Сохранившиеся монастырские уставы или статуты позволяют говорить об отношении к книгописанию как делу богоугодному и заслуживающему всяческого уважения и поощрения. Статуты 1116–1139 гг. аббата картезианского ордена Гюга содержат статьи, свидетельствующие о стремлении обучить искусству книжной каллиграфии и привлечь к работе в скриптории "всех, кого мы принимаем к себе, если это окажется возможным"[11]. Уставы бенедиктинских монастырей уравнивали труд пахаря и писца[12].

На рубеже XII–XIII вв. во Франции происходит упадок монастырского книгописания[13]. В городах развивается узкая специализация ремесленных мастерских по изготовлению отдельных частей книги: цехи переплетчиков, пергаменариев, рубрикаторов, иллюминаторов. Так, в 1292 г. в Париже действовало 19 мастерских пергаменариев и 17 переплетных цехов[14]. В XIV в. особую роль играли университетские скриптории, снабжавшие учащихся и магистров специальной литературой[15]. Статус и структура таких скрипториев регламентировались университетскими статутами[16]. Переписывание книг религиозного содержания в XII–XIV вв. осуществлялось в основном в монастырях и велось параллельно со светским книгописанием.

Первое упоминание об организации книгописных работ на Руси помещено в Повести временных лет под 6545 (1037) г. в связи с созданием Ярославом Мудрым при киевском Софийском соборе мастерской для перевода богослужебных книг с греческого на славянский язык, а также их последующей переписки:

"...собра письце многы и прекладаше от грекъ на словеньское письмо, и списаша книгы многы"[17]. Как реализовывались нужды древнерусских церковных книгохранилищ с момента принятия христианства и до 1037 г. – неясно. Не исключено, что в упомянутый период для отправления богослужения в основном использовались привозные югославянские кодексы. Вероятно, под 1037 г. летописец зафиксировал первый опыт организации массового книгопроизводства на территории Древней Руси.

Сенсационная находка в Новгороде деревянного навощенного триптиха с древнерусским текстом Псалтири, датируемого началом 990-х – концом 1010-х годов (т.е. более древнего, чем Остромирово евангелие), не проясняет вопроса об организации книгописания в древнейший период русской истории[18]. Триптих не содержит никаких надписей, свидетельствующих о его писце или об обстоятельствах его изготовления.

Записи на древнерусских пергаменных кодексах XI–XII вв. в качестве места переписки рукописей называют новгородский монастырь св. Лазаря (рубеж XI–XII вв.)[19], Михаило-Выдубицкий монастырь под Киевом (1116 г.)[20], новгородский Юрьевский монастырь (?) (1129 г.)[21], новгородские церкви св. Иоанна Предтечи (1148–1155 гг.), Вознесения Господня (1175–1185 гг.) и св. Власия (XII в.)[22], а также церковь св. Апостолов (1164 г.), местоположение которой неясно[23]. Записи XIII в. сообщают об изготовлении рукописей при соборе св. Богородицы Успения в Ростове (1219, 1220 гг.)[24], новгородских церквях св. Константина и Елены (1226 г.), Михаила Архангела (1229 г.), св. Дмитрия (1271 г.) и св. Иакова (1282 г.)[25], а также в перемышльской (или холмской?) церкви св. Иоанна (1281 г.)[26].

В XIV в. книгописные работы все чаще осуществлялись в монастырях, хотя скриптории при церквях по-прежнему действовали. В источниках этого времени в качестве места изготовления кодексов фигурируют псковские церкви св. Николая (ок. 1330 г.), Воздвижения Честного креста на Княжем дворе (1382 г.) и св. Богородицы (вторая половина XIV в.)[27], новгородский Софийский собор (1386 г.)[28]; монастыри – суздальский Спасо-Евфимьев (1369 г.)[29], подмосковный Троице-Сергиев (1380 г.)[30], серпуховской Богородицы Зачатия (1381 г.)[31], новгородские Святотроицкий на Видогощи (ок. 1386 г.) и Лисицкий (1397 г.)[32], а также переславский монастырь Богородицы Введения (1389–1425 гг.)[33] и др.

Древнерусских установлений, регламентирующих деятельность книгописных мастерских, до XV–XVI вв. нет[34]. Как были организованы эти мастерские, каков был их профессиональный и социальный состав, какие помещения они занимали – источники умалчивают[35]. Во второй половине XIV в. в качестве помещения для переписывания книг упомянута изба ("издба")[36]. В 1461 г. в этом качестве фигурирует даже темница (писец Илья сообщил о том, что написал Минею "седящу в железах")[37]. Однако эти однократные упоминания не могут влиять на наши представления о помещениях, отводимых под скрипторий.

В целом ряде записей писцы сообщают о переписывании ими книг поздним вечером или даже ночью. В связи с этим часты жалобы на плохое освещение: "вечер уже", "тьмно". Ночью работал переписчик Пролога на октябрь–ноябрь первой половины XIV в.: "Нощное дѣло, писано по тмѣ"[38]. Филипп Михалев, переписчик Ирмология 1344 г., указал на свои ошибки, допущенные им из-за сонливости: "...дремота непримѣньная и в семь рядке помѣшахся"[39]. Писец Евангелия второй половины XIV в. пожаловался, что заснул во время работы: "Въздрѣмалъ есмь"[40]. Переписчик Устава Студийского 1398 г. черноризец Иоанн также сокрушался: "Спати ми ся хощете"[41]. "Дремание" (сонливость)

оказывалось причиной, на которую писцы ссылались, извиняясь за допущенные ошибки: "...аще будемъ грубо написали, или кде переступилѣ... въ дрѣмании"[42].

Учитывая, что за один присест писцы переписывали довольно незначительные по объему части текста (от 0,5 л. в одиночку до 4,5 л. совместными усилиями[43]) "ночное бдение" древнерусских книжников следует объяснить их работой в свободное от иных обязанностей время. Если принять во внимание, что участие в богослужении занимало в среднем около восьми часов в сутки, производительность труда писца-священника или монаха не могла быть очень высокой.

Дневниковые записи псковского писца попа Саввы 1372–1373 гг. (т.е. лица, в силу своего священнического сана постоянно занятого в богослужении) оставляют впечатление, что во время работы над книгой (Изборным октоихом) он еще отвлекался по хозяйству, мог отправиться на гумно и радеть за "страдниками" (работниками) или наблюдать за рождением поросят[44]. Подобные отвлечения, на наш взгляд, были возможны только в том случае, если писец работал у себя дома. Будучи священником, он мог жить при монастыре или церкви, материальное существование которых обеспечивалось разного рода хозяйственными работами. Вероятно, в XI–XIV вв. книгописание в Древней Руси было своеобразным духовным обетом, дополнительной обязанностью специально обученных священников, дьяконов, а также монахов.

Исполнению "духовного обета" писцам нередко мешало пьянство. Состояние "попирия" (похмелья) с головной болью и дрожащей ("попирьной") рукой нередко описывается книжниками в их дневниковых записях. "Ох, мнѣ лихаго сего попирия: голова мя болить, и рука ся тепет"[45], – сокрушается писец первой трети XIV в. Козьма Попович. Переписчик Паремейника 1348 г. сам себе повторяет: "Медъ пѣи, а пива не пѣи, а пива не пеи, тако глаголять святии отци"[46]. О своих недвусмысленных намерениях сообщает поп Савва, один из писцов Изборного октоиха 1372–1373 гг., отправляясь в село Зряковичи под Псковом: "Поехати питъ..."[47]

Во время книгописных работ писцы нередко отвлекались для приема пищи. "Сѣсти позаутрыкати, хотя пост", – говорит о своем нарушении одного из постных дней дьяк Козьма Попович[48]. В другой записи он пишет о своей готовности основательно подкрепиться: "Како ли не обьестися: исто поставять кисель с молокомь"[49]. Филипп Михалев сын Морозовича собрался "сѣсти ужинатъ клюкования съ саломь съ рыбьимъ"(1344 г.)[50].

Для письма древнерусские книгописцы нередко пользовались плохо очиненными перьями. Так, Филипп Михалев жалуется: "Погыбель перья сего"[51]. Один из новгородских владычных писцов сообщил: "Лихои перо, неволно имъ писати рабу многогрѣшному Леониду Офонасовичю"[52]. Писец Лаврентьевской летописи сомневался: "добро ли перо"[53].

В отличие от западноевропейских книгописных мастерских, проповедовавших молчание во время работы, древнерусские писцы не были ограничены в потребности общаться между собой. Дружеские беседы нередко являлись причиной ошибок в переписываемом тексте. В выходных записях XIV в. просьбы простить и исправлять писца содержат извинения за ошибки, допущенные "в беседе... с другом", "с другом беседуя", "с другом глаголя", "в глаголании с другом или в дремании".

По данным А. Лабита (1894 г.), во французских монастырях в XII в. переписыванием книг занимались ок. 40 000 писцов[54]. Согласно "Книге тальи" 1292 г. в одном только Париже в это время проживали 24 писца (escrivains) и 17 иллюминаторов. В это число не входили писцы, работавшие в университетском скриптории, так как они были освобождены от уплаты тальи. В начале XIV в. число

писцов (escrivains) в Париже возросло до 60. Развитость их корпоративной организации подчеркивается тем, что они предпочитали селиться на парижской улице Писцов, а иллюминаторы – на улице Eremboure-de-Brie[55].

Предварительный анализ почерков сохранившихся от XI–XIII вв. древнерусских пергаменных кодексов позволяет говорить не более чем о 700 писавших в них книжников[56]. Если подавляющее большинство французских писцов VII–XII вв. было монахами, то в Древней Руси XI–XIII вв. перепиской книг в основном занимались представители белого духовенства и их дети. Из 50 писцов этого времени, известных по имени, свой социальный статус в записях указали 25. В их составе насчитывается 9 священников ("попов", "пресвитеров", "просвутеров", "попинов"), 5 дьяконов, 3 пономаря; 1 игумен, 1 инок; 1 распоп, 4 поповича. Один ограничился самоопределением "писец", никак иначе не определив свою сословную принадлежность. Эта картина существенно изменилась в XIV в. Из 70 книгописцев, известных по имени, 45 указали свой социальный статус. Среди писцов этого времени было: 7 священников, 15 дьяконов, 1 протодьякон, 11 монахов ("иноков", "калугеров", "чернецов", "черноризцев"), 1 распоп, 2 поповича, 8 "писцов", из которых семеро определили себя словом "владычныи". Увеличение в XIV в. среди писцов процента монашествующего духовенства связано с постепенным перемещением в это время центров древнерусского книгописания из церквей в монастыри.

В отличие от практики разделения труда, обычно проводимой в монастырских скрипториях Франции и зафиксированной монастырскими уставами, древнерусские книжники в своих записях часто подчеркивали, что "написах книгы" и "переплол" ("крыл") их один человек[57]. Древнейший автограф переплетчика датируется концом XIII в.[58] Нередко писцы сами писали инициалы, делали маргинальные украшения, а иногда даже иллюминировали кодексы[59]. Подобная практика побудила исследователей древнерусской рукописной книги различать "роскошные" и "заурядные" в художественном отношении кодексы[60]. Как правило, именно в "заурядных" рукописях текст и декор принадлежат руке одного и того же мастера[61].

Никаких сведений об изготовлении пергамена, чернил, перьев и другого инструментария, материалов и средств для письма ранее, чем от конца XV в., в Древней Руси нет. Однако кодикологическое исследование сохранившихся рукописей XI–XIV вв. позволяет говорить об использовании древнерусскими скрипториями материала и средств для письма достаточно низкого качества. Великолепно выделанный, тонкий и прекрасно выбеленный пергамен Остромирова евангелия 1056–1057 гг., Изборника Святослава 1073 г., Мстиславова евангелия 1103–1117 гг. и некоторых других роскошных кодексов мог быть привозным, специально закупленным для осуществления дорогостоящего заказа. По нашим наблюдениям, подавляющее большинство древнерусских кодексов XI–XIV вв. (как иллюминированных, так и декорированных весьма скромно), написано на грубом, жестком, неэластичном, буром (плохо отбеленном) пергамене с неровными краями, многочисленными дырами и следами волосяного покрова животного. Дыры обычно штопались (фактически стягивались) белой ниткой или заклеивались заплатой, вырезанной по форме дыры[62]. Иногда края дыр соединялись крошечными узкими полосками пергамена. С одного края дыры стягивающие ее полоски продергивались в специально сделанные отверстия и затем приклеивались свободным концом у ее другого края.

Дороговизна пергамена сказывалась и на качестве писчего материала, использовавшегося в книгописных мастерских средневековой Франции. Там тоже мог применяться плохо выделанный или даже выбраковывавшийся пергамен

нестандартного размера, порченый дырами и недостаточно отшлифованный, очищенный и выбеленный. Однако крупные монастыри (в Клюни, Корби, Мон-Сен-Мишель, Сен-Реми в Реймсе и др.) стремились организовать при своих скрипториях собственные мастерские пергаменариев. Это, с одной стороны, удешевляло затраты на производство рукописи (пергамен не нужно было закупать), а с другой – способствовало совершенствованию искусства выделки кож[63]. С возникновением городской культуры в XI в. и постепенным перемещением центров книгопроизводства в города, цеха пергаменариев (см. выше) все более улучшали технологию обработки пергамена, соревнуясь между собой в его красоте и качестве и тем самым повышая товарность своей продукции.

В связи с появлением в XIII в. во Франции частных библиотек, книги нередко писались по заказу, удовлетворявшему потребности не только в духовном, но и светском чтении[64]. В Древней Руси XI–XIV вв. книги изготовлялись по заказу ("повелением", "стяжанием", "благословением") светского или духовного лица, как правило, жаловавшего средства на богоугодное дело переписки богослужебного кодекса, предназначенного для последующего церковного вклада.

Древнерусские источники XI–XIV вв. сохранили немного сведений об организации книгописных работ на средства "стяжателей" и о самих заказчиках книг. В записях писцов этого времени отмечено 94 случая изготовления пергаменных рукописей на заказ. Это ничтожно малое число по сравнению с общим количеством сохранившихся кодексов XI–XIV вв. (не менее 800[65]). Однако сообщения о книжных заказах имеются во всех без исключения выходных и вкладных записях писцов, т.е. в тех записях удостоверительного вида, которые содержали сведения либо о факте организации книгописных работ, либо о пожертвовании церкви только что переписанного кодекса. Причины отсутствия в кодексах выходных записей должны выясняться в каждом случае особо.

В целом сохранились сведения о 78 заказчиках XI–XIV вв. Некоторые из них выступали инициаторами изготовления двух, трех и даже четырех пергаменных рукописей. Многократными заказчиками были новгородские архиепископы Климент, Моисей, Алексий и Иоанн. Памятники летописания и некоторые записи отмечают случаи изготовления нескольких книг по княжескому заказу (в. кн. Святослава Ярославича, владимиро-волынского кн. Владимира Васильковича, кнг. Марины и др.), однако эти рукописи утрачены, а сведения об их заказчиках и о самом факте организации книгописания скупы и отрывочны и не позволяют сделать сколько-нибудь определенных заключений.

В подавляющем большинстве случаев в записях писцов сообщается имя заказчика кодекса и (за редким исключением) его социальный статус (в XI–XIV вв., если заказ был единоличным), принадлежность заказчика той или иной духовной корпорации (в XIII–XIV вв., если заказ был коллективным[66]). Более или менее систематические сведения о лицах, инициировавших книгописание, появились в выходных, вкладных, реже – именных записях писцов XIV в.

От XI в. сохранилось семь записей писцов, в которых названы шесть заказчиков пергаменных кодексов: новгородский кн. Владимир Ярославич (1047 г. – Толкование книг св. пророков); новгородский посадник Остромир-Иосиф (1057 г. – Евангелие апракос краткий), киевский в. кн. Святослав Ярославич (1073 г. – Изборник), безымянная игумения монастыря Покрова Богородицы в Зверинце (ок. 1090–1110 гг. – Минея служебная на июль), некто Милята Лукинич (ок. 1092–1115 гг. – так называемое "Милятино" евангелие), прихожане и клир монастыря Покрова Богородицы в Зверинце (1095–1096 гг. – Минея служебная на сентябрь[67]). За исключением Изборника Святослава 1073 г., происхождение которого связано с великокняжеским киевским домом, все остальные

рукописи XI в., имена заказчиков которых сохранились, были изготовлены в Новгороде.

Известны девять заказчиков пергаменных кодексов XII в.: новгородский кн. Федор-Мстислав Владимирович (1103–1117 гг. – Мстиславово евангелие апракос), игумен новгородского Юрьевского монастыря Евфимий (1129 г. – Сборник житий[68]); Пантелеймон и Екатерина, которых мы отождествляем с киевским в. кн. Изяславом-Пантелеймоном Мстиславичем и его женой[69] (1148–1155 гг. – "Пантелеймоново" евангелие); священник церкви Иоанна Предтечи Семен (1164 г. – "Добрилово" евангелие); Георгий (XII в. – Месяцеслов); неизвестный по имени новгородский архиепископ (XII в. – Минея служебная, январь); Стефан Лежень и Мария (конец XII – начало XIII в. – Триодь (?)). В целом сохранились сведения о производстве на заказ шести пергаменных кодексов этого времени[70]. Происхождение четырех из них связано с Новгородом[71].

По именам известны 16 заказчиков кодексов XIII в.; один книжный заказ этого времени (1271 г.; см. ниже) был коллективным. Перечислим всех заказчиков (вкладчиков) книг XIII в. поименно: ростовский епископ Кирилл I (1219 г. – Житие Нифонта; 1220 г. – Толковый апостол); Остафий Васильевич (1229 г. – так называемый "Шенкурский" пролог[72]); новгородский архиепископ Спиридон (1229–1249 гг. – Ирмологий); тиун Петр (1269–1289 гг. – Паренесис Ефрема Сирина[73]); чернец Симон (1270 г. – "Симоновское" евангелие); жители с. Матигоры в Заволочье на Двине (1271 г. – "Захариинский" паремейник); некто Захария Олекшинич (1282 г. – Пролог на сентябрь–январь); рязанский епископ Иосиф, рязанская княгиня Анастасия с сыновьями Ярославом и Федором Романовичами (1284 г. – Кормчая); новгородский архиепископ Климент (1285–1291 гг. – Синодальная кормчая); владимиро-волынский кн. Владимир Василькович и его жена Ольга Романовна (1287 г. – Кормчая[74]); княгиня Марина (1296 г.; Псалтирь); новгородский архиепископ Феоктист (1299–1300 гг. – Сборник житий (Пролог?)[75]); некто Григорий (первая половина XIII в. – Минея служебная, февраль). Этими лицами было инициировано изготовление 14 кодексов. Происхождение по крайней мере семи из них связано с Новгородом. Два из подписанных писцами кодексов изготовлены в Ростове, два – во Владимире Волынском. Безусловно, объяснить происхождение половины кодексов XI–XIII вв. из Новгорода следует не столько более развитой здесь городской и книжной культурой, сколько относительно лучшей сохранностью книжного фонда Северо-Запада Руси, почти не ощутившего на себе катастрофических последствий ига монголо-татар.

В целом, среди заказчиков рукописей XI–XIII вв. насчитывается 7 князей, 4 княгини, 6 епископов (три из них – новгородские архиепископы), 1 посадник, 1 тиун, 2 игумена, 1 священник, 1 чернец. Социальный статус шести заказчиков XI–XIII вв. в записях писцов никак не определен.

В XIV в. социальный состав заказчиков пергаменных кодексов[76], казалось бы, существенно изменился: 1 митрополит, 15 епископов, 9 игуменов (два из которых – юрьевские архимандриты), 7 чернецов, 4 священника, 7 церковных старост (один из которых определил себя как владычный наместник), 1 боярин, 1 князь. Один заказ был коллективным. Социальный статус пяти заказчиков писцы XIV в. никак не определили, назвав их только по имени[77]. Таким образом, в XIV в. книги переписывались в основном по заказу представителей черного и белого духовенства (80,6% от общего числа заказчиков). Ни один княжеский заказ начиная с середины XII в. не связан с Новгородом. В то же время подавляющее большинство кодексов, сопровожденных записями писцов со сведениями о заказчике, также как и кодексы XI–XIII вв., происходят из Северо-Запада Руси.

Очевидно, кажущееся уменьшение роли князей в организации книгописания в XIV в. (7,1% от общего числа заказчиков книг этого времени) по сравнению с предшествующим периодом (37,9% от общего числа заказчиков XI–XIII вв.) следует связать с постепенным изменением статуса и роли князя в Новгородской земле. Однако общая тенденция – заказ на производство рукописи делался в связи с предстоящим вкладом или для удовлетворения внутренних нужд духовной корпорации, представителем которой был заказчик (как правило, игумен, священник или церковный староста) – кажется нам вполне очевидной.

Совершенно иначе выглядит картина изготовления книг по предварительному заказу в средневековой Франции. Уже в XII в., судя по сохранившимся инвентарям монастырского имущества, ряд монастырей (Корби, Сен-Дени, Сент-Аман, Сен-Реми в Реймсе и др.) имел обширные библиотеки. Источники их пополнения были весьма разнообразны. Во-первых, монастыри стремились переписывать необходимую литургическую литературу в собственных скрипториях. Не случайно между монастырями был развит книгообмен или практика предоставления книги за специальную плату на время, необходимое для ее копирования (а не заказ в другом монастыре нужного кодекса![78]). Во-вторых, монастыри проводили практику добровольных или полудобровольных пожертвований. Каждый вновь поступающий в Корби монах обязывался подарить этому монастырю книгу. Во Флери книгами (по два тома в год) расплачивались за обучение в монастырской школе. Как богоугодное дело рассматривались книжные вклады и дарения прихожан[79]. Разумеется, во всех этих случаях книги следовало предварительно заказать или купить.

С XIII в. крупными центрами книгописания во Франции становятся университеты. Там сосредоточиваются и крупные библиотечные собрания. Известно, например, что уже к 1338 г. книгохранилище парижского университета насчитывало 1720 томов[80]. Монастыри, стремясь повысить производительность своих скрипториев, стали привлекать к работе опытных писцов из городских мастерских (scriptores conducti), работавших за плату под контролем монастырского армария[81]. В это же время появляются частные библиотеки. Уже при Людовике VII Молодом[82] формируется королевская библиотека[83]. Известны крупные частные библиотеки середины XIII–XIV в., некоторые из которых насчитывали более 1000 томов: канцлера кафедрального собора в Амьене Ришара де Фурниваля, герцога Беррийского (ок. 1100 томов), Робера де Сорбона (1017 томов) и др. Такие библиотеки пополнялись не только за счет приобретения книг на рынке, но и по специальному заказу[84].

Примерно с середины XIV в. среди французской знати распространилась практика приглашать ко двору известных каллиграфов. Им выплачивалось жалование, давалось звание придворного писца, определялось пожизненное пенсионное содержание. Так, писец Жан д'Овенан, прежде переписывавший книги для герцога Нормандского, в 1364 г. стал королевским писцом (scriptor librorum regis) с ежедневным содержанием в 4 су. Известны придворные писцы герцога Беррийского, герцога Орлеанского и др.[85]

Крупные монастырские библиотеки во Франции известны с XII – начала XIII в.: собрание книг монастыря Сен-Марсиаль насчитывало 450 томов, монастыря Сен-Аман – 389. При кафедральном соборе в Реймсе хранилось 400 книг[86].

Вопрос о существовании библиотечных собраний в России до XVI–XVII вв. спорен. Н.Н. Розов (1981 г.) полагал, что древнерусские библиотеки появились только в XV в., начав формироваться с конца XIV столетия. Для предшествующего периода истории русской книги Розов настаивал на употреблении понятия

"богослужебные книжные наборы"[87]. Оно было предложено М.И. Слуховским (1973 г.) для обозначения минимума литургических книг, необходимых каждой духовной корпорации для отправления церковного культа[88]. Наряду с богослужебной литературой в "наборы" могли входить сочинения отцов церкви, произведения агиографии, сборники памятников канонического права и др. И богослужебные книжные наборы, и первые библиотечные собрания Руси связаны с церковью. Частные библиотеки[89] начали формироваться в России, по-видимому, не ранее XVI в. и особенно распространились лишь с конца XVII – начала XVIII в. Туманное известие записи Изборника 1076 г. о "многих книгах княжих", интерпретируемое некоторыми исследователями как свидетельство существования в XI в. библиотеки великих киевских князей[90], на наш взгляд, не дает оснований для широких выводов и обобщений[91]. Нет оснований считать частной и так называемую "библиотеку" ростовского епископа Кирилла I, изъятую по княжескому суду 1229 г.[92] По-видимому, под "книгами" этого владыки следует понимать богослужебный книжный набор кафедрального ростовского Успенского собора[93], которым Кирилл I владел как глава ростовской епархии. Смещение его с кафедры было равнозначно изъятию из его ведения имущества ростовской церковной организации ("кун, сел и товара"), в том числе – епископской библиотеки[94].

Книжные собрания крупнейших монастырей России даже к середине XVI в. не достигали того количества томов, которое принадлежало крупнейшим монастырям и частным библиотекам Франции уже в XIII–XIV вв. (см. выше). Так, согласно описям монастырского имущества, библиотека Иосифо-Волоколамского монастыря в 1545 г. насчитывала 755 книг; в 1573 г. – ок. 1150 книг; в 1591 г. – 964 книги (из них 952 рукописные)[95]. Библиотека Соловецкого монастыря состояла в 1514 г. из 127 книг; в 1549 г. – из 281 книги; в 1570 г. – из 329 книг; в 1597 г. – из 481 книги[96]. Еще меньшим было библиотечное собрание Антониево-Сийского монастыря, насчитывавшее в 1556 г. – 66, а в 1597 г. – 168 томов[97].

Первые каталоги монастырских библиотек Франции известны с середины XII в. Так, ок. 1150 г. был составлен каталог монастыря Сент-Аман, в конце XII в. – каталог книг аббатства Клерво в Труа, в начале XIII в. – каталог монастыря Сен-Марсиаль и др.[98] Описи церковного и монастырского имущества, в том числе рукописей и печатных книг, появились в России только в XVI–XVII вв.[99]

Большинство древнерусских рукописей, сохранившихся от XI–XIV вв., – богослужебного или богословского характера (96% от общего числа книг). По своему содержанию и в количественном отношении древнерусская рукописная книга XI–XIV вв. соответствует кодексам Франкского государства в период "высокого средневековья" VII–VIII вв.

Становление древнерусской книжной культуры XI–XIV вв. хронологически отстоит примерно на 400–500 лет от начала аналогичного процесса в средневековой Франции (VII–VIII вв.). Это в целом соответствует наблюдениям, касающимся разницы в датах возникновения практики составления грамот на землю и иммунитет во Франкском государстве и на Руси[100].

[1] *Molinier A.* Les manuscrits et les miniatures. Paris, 1892. P. 141; *Febvre L., Martin H.* L'apparition du livre. Paris, 1958. P. 1.

[2] *Романова В.Л.* Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XII–XIV вв. М., 1975. С. 44.

[3] Там же. С. 44–81.

[4] См.: *Дмитриева Р.П.* Светская литература в составе монастырских библиотек XV–XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) //

ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 143–170; *Гальченко М.Г.* Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблема второго южнославянского влияния на Руси в конце XIV–XV в. М., 1994. С. 3–4; *Кукушкина М.В.* Книга в России в XVI веке. СПб., 1999. С. 95–126.

[5] О них см.: *Кондрашкина Е.С.* Кодикология лицевых литургических рукописей Москвы рубежа XVI–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 16–17, 20, 21.

[6] *Дмитриева Р.П.* Светская литература... С. 143–170; *Она же.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 202–230.

[7] *Garrigou G.* Naissanse et splendeurs du manuscrit monastique (du VIIe au XIIe siècle). Paris, 1984. P. 71–83.

[8] *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 45.

[9] Там же. С. 47; см. также примеч. 16–17.

[10] *Molinier A.* Les manuscrits... P. 154; *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 45–47.

[11] *Добиаш-Рождественская О.А.* Из жизни мастерских письма (преимущественно на французском Севере) // Средневековый быт. Л., 1929. С. 239.

[12] *Geo Haven Putnam A.M.* Books and their Makers during the Middle Ages. London, 1896. Vol. 1. P. 12, 16, 65.

[13] *Сидорова Н.А.* Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953. С. 237; *Le Goff J.* Les intellectuels au Moyen âge. Paris, 1957. P. 93–97.

[14] *Wattenbach W.* Das Schriftwesen im Mittelalter. 4. Aufl. Graz, 1958. S. 127; *Martin H.* La miniature française du XIIIe au XIVe siècle. Paris, 1924. P. 13–15.

[15] *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 61, примеч. 84.

[16] Там же. С. 63–64.

[17] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 151–152.

[18] *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Новгородская псалтырь начала XI в. – древнейшая книга Руси (Новгород, 2000) // Вестн. РГНФ. 2001. № 1. С. 153–164.

[19] *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. № 15, 19. (Далее: *Столярова.* Свод).

[20] Там же. № 67.

[21] Там же. № 70.

[22] Там же. № 72, 76, 81.

[23] Там же. № 75.

[24] Там же. № 99, 100.

[25] Там же. № 101, 102, 111, 117.

[26] Там же. № 116.

[27] Там же. № 234, 345, 464.

[28] Там же. № 349.

[29] Там же. № 244.

[30] Там же. № 329.

[31] Там же. № 344.

[32] Там же. № 350, 385.

[33] Там же. № 366.

[34] См.: *Симони П.К.* К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном строении: Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV–XVIII столетий. СПб., 1906. Вып. 1: Тексты и переводы.

[35] Подробнее см.: *Столярова Л.В.* Из истории книжной культуры русского средневекового города: XI–XVII вв. М., 1999. С. 9–68.

[36] РГАДА. Ф. 381. № 61. Л. 43; *Столярова.* Свод. № 183. С. 201–202.

[37] *Розов Н.Н.* Книга в России в XV в. Л., 1981. С. 35. В связи с этим представляет интерес договор XIII в., составленный на латинском языке в Орлеане и заключенный между писцом R. de Normannie и заказчиком книги магистром W. Leonis. В нем имелась специальная статья, где оговаривалось, что писец, прервавший работу, должен быть заключен в доме заказчика, где будет содержаться в плену до ее завершения. Гарантией реализации сделки служило все движимое и недвижимое имущество писца (*Wattenbach W.* Das Schriftwesen im Mittelalter... S. 479; см. также: *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 72, примеч. 138, 139.). В случае с писцом Ильей ни о каком "договоре" и о нарушении его условий из его записи не следует.

[38] РГАДА. Ф. 381. № 164. Л. 5; *Столярова*. Свод. № 397. С. 392.
[39] ГИМ. Син. № 932. Л. 5; *Столярова*. Свод. № 246. С. 265–266.
[40] ГИМ. Син. № 22. Л. 72; *Столярова*. Свод. № 444. С. 407.
[41] ГИМ. Син. № 333. Л. 145; *Столярова*. Свод. № 386. С. 386.
[42] ГИМ. Син. № 70. Л. 176 об.; *Столярова*. Свод. № 272. С. 282–283.
[43] *Столярова Л.В.* Из истории книжной культуры русского средневекового города. С. 43–44.
[44] РГАДА. Ф. 381. № 67. Л. 83, 96; *Столярова*. Свод. № 294. С. 304; № 302. С. 331.
[45] РГАДА. Ф. 381. № 61. Л. 22; *Столярова*. Свод. № 182. С. 200–201.
[46] РГАДА. Ф. 381. № 61. Л. 33; *Столярова*. Свод. № 253. С. 271.
[47] РГАДА. Ф. 381. № 67. Л. 79; *Столярова*. Свод. № 291. С. 301–302.
[48] РГАДА. Ф. 381. № 61. Л. 115; *Столярова*. Свод. № 191. С. 205–206.
[49] ГИМ. Син. № 239. Л. 77 об.; *Столярова*. Свод. № 207. С. 218–219.
[50] ГИМ. Син. № 932. Л. 54; *Столярова*. Свод. № 251. С. 269–270.
[51] ГИМ. Син. № 932. Л. 39 об.; *Столярова*. Свод. № 249. С. 269.
[52] ГИМ. Син. № 70. Л. 97 об.; *Столярова*. Свод. № 269. С. 280–281.
[53] РНБ. F.п.IV.2. Л. 92 об.; *Столярова*. Свод. № 308. С. 318–319.
[54] *Labitte A.* Les livres manuscrits // Le livre à travers les âges. Paris, 1894. P. 13.
[55] *Martin H.* La miniature française... P. 13; *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 70–71.
[56] Предварительные данные о числе древнерусских писцов основаны на материалах картотеки индивидуальных почерков XI–XIV вв., составляемой автором этой статьи.
[57] Самая ранняя из записей такого рода сделана попом Домкой на рубеже XI–XII вв. (см.: *Столярова*. Свод. № 19. С. 42).
[58] РГАДА. Ф. 381. № 110. Л. 16; *Столярова*. Свод. № 142. С. 168.
[59] Отнюдь не неразвитостью книжного дела и низкой организацией труда можно объяснить случаи изготовления французскими писцами целиком всего кодекса. Как правило, это было демонстрацией книжником своих мастерства и искусства и одновременно – своеобразным духовным подвигом. А. Мартен в качестве примера подобной "демонстрации" приводит Библию писца Жана де Монмарта, изготовленную им в 1349 г. и купленную герцогом Нормандским (см.: *Martin H.* La miniature française du XIIIe au XIVe siècle. Paris, 1924. P. 39). Впрочем, общая демократизация основ письма во Франции в связи с развитием средневековых университетов и распространением практики создания так называемых "экземпляров" (exemplar) – копий произведений, изучавшихся студентами, – привели к созданию кодексов, целиком переписанных не профессионалами, а магистрами и учащимися (подробнее об "экземплярах" см.: *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 61–68).
[60] Хотелось бы заметить, что в древнерусских скрипториях практика разделения труда распространялась в основном на распределение между писцами разных частей книги для переписки.
[61] В качестве примера назовем два знаменитых древнерусских кодекса – список 13 Слов Григория Богослова XI в. и "Захариинский" паремейник 1271 г. Примечательно, что в последней из названных рукописей, в создании которой участвовали отец с сыном (поп Захария и Олуферий), сын ("детина") под руководством отца учился не только каллиграфии, но и декору (подробнее см.: *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 136–148; 164–170).
[62] Систематическое изучение пергамена древнерусских рукописей еще ждет своего исследователя. Об отдельных наблюдениях над материалом для письма кодексов новгородско-псковского происхождения см.: *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи... С. 189–190, 206–213.
[63] *Wattenbach W.* Das Schriftwesen... S. 118–127; *Garrigou G.* Naissanse et splendeurs du manuscrit monastique... P. 31–34.
[64] *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 48, 52–55.
[65] Более или менее точное число сохранившихся древнерусских кодексов может быть названо только в случае проведения идентификационных исследований отрывков и цельных кодексов, что на сегодняшний день остается весьма отдаленной перспективой; подробнее см.: *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи... С. 50–55.
[66] "Коллективным" мы условно называем книжный заказ, инициированный прихожанами той или иной церкви, не являвшимися родственниками. Заказ на книгу, сделанный от лица двух, трех, реже четырех представителей одной семьи (мужа и жены, отца семейства и его детей и т.п.), в настоящей работе мы коллективным не считаем.

[67] Выходная запись писца Упыря Лихого 1047 г. с упоминанием кн. Владимира Ярославича в оригинале не сохранилась, но дошла в восьми списках XV–XVI вв.; см.: *Поппэ А.В.* "Ис курилоцѣ" и "ис куриловицѣ" // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31–32. P. 319–350; вероятно, не сохранилась в подлиннике и запись с упоминанием Миляты Лукинича. Остальные записи с именами заказчиков дошли в оригинале: РНБ. F.п.I.15. Л. 294б-г; ГИМ. Син. 31-д. Л. 2 об.–2, 263 об.–264; РГАДА. Ф. 381. № 121. Л. 52 об.; Там же. № 84. Л. 176 об.

[68] Подлинник рукописи утрачен; запись сохранилась в списке второй половины XIV в. (РНБ. Погод. № 71б. Л. 154 об.); подробнее см.: *Столярова.* Свод. № 70. С. 76–78.

[69] См.: *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи... С. 148–163; *Она же.* Кто был заказчиком "Пантелеймонова" евангелия? // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 245–251; *Столярова.* Свод. № 72. С. 79–87.

[70] *Столярова.* Свод. № 65–66, 70, 72, 75, 90, 91, 96.

[71] Там же. № 65–66, 70, 72, 91.

[72] Там же. № 102. С. 116–117.

[73] Подлинник рукописи утрачен; запись писца сохранилась в списке конца XV в. (РНБ. Погод. № 71а. Л. 329–329 об.); см.: *Столярова.* Свод. № 105. С. 119–122.

[74] Подлинник Кормчей утрачен; запись сохранилась в списке начала XVII в. (РГБ. Рум. (Ф. 256). № 235. Л. 269 об.); см.: *Столярова.* Свод. № 121. С. 144–149.

[75] Рукопись утрачена; подробнее см.: *Столярова.* Свод. № 129. С. 161–162.

[76] Данные по бумажным кодексам XIV в. нами в настоящей статье не учитываются.

[77] Сведения о заказчиках книг XI–XIV вв. представлены нами в специальной таблице: *Столярова.* Свод. С. 449–452 (данные о заказчиках XIV в. см. на С. 450–452 (№ 34–78)).

[78] В связи с этим заметим, что в Древней Руси рукопись заказывалась не обязательно в том скриптории, который принадлежал монастырю или церкви – месту вклада и будущему владельцу вновь переписанного кодекса. Причины подобной практики еще нуждаются в осмыслении (см.: *Столярова.* Свод. № 72. С. 85–87).

[79] См.: *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 48.

[80] *Molinier A.* Les manuscrits... P. 193.

[81] *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 55–56.

[82] Представляет интерес, что при Людовике VII и Филиппе II Августе вследствие неразвитости королевской канцелярии для письма грамот привлекались писцы крупных монастырских и епископских скрипториев (см.: *Каштанов С.М.* Письмо французских королевских актов XII – первой четверти XIII в. (О книге Франсуазы Гаспарри) // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 309–318, особенно С. 314–315.).

[83] В период своего расцвета при Карле V Мудром она насчитывала 1200 экземпляров книг; см.: *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 54.

[84] Там же. С. 54–55.

[85] Там же. С. 71–73.

[86] Там же. С. 48.

[87] *Розов Н.Н.* Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 107–108; ср. с точкой зрения Б.В. Сапунова, считавшего, что "книжные собрания Древней Руси (монастырские, церковные и частные) были не беднее, чем библиотеки Западной Европы", но не сумевшего привести ни одного реального факта в пользу этого положения (*Сапунов Б.В.* Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 160; см. также С. 110–162).

[88] *Слуховский М.И.* Русская библиотека XVI–XVII вв. М., 1973. С. 5.

[89] Вслед за М.И. Слуховским под частной библиотекой мы понимаем не всякое книжное собрание, а лишь "собрание книг, предназначенное для чтения" (см.: *Слуховский М.И.* Указ. соч. С. 5).

[90] *Сапунов Б.В.* Указ. соч. С. 145.

[91] *Столярова.* Свод. № 12. С. 30–31.

[92] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452.

[93] Специальной исследовательской проблемой являются попытки реконструкции "библиотеки" Кирилла I и ее состава, начатые еще А.И. Соболевским (1889 г.) и продолженные сегодня Г.И. Вздорновым, О.А. Князевской, В.С. Голышенко, а также автором этих строк; подробнее об этом см.: *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи... С. 222–225.

[94] Подробнее см.: *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи... С. 230–233; *Столярова.* Свод. № 99. С. 108–113.

[95] *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. С. 125–176, особенно с. 169–171. Табл. 10; С. 172–173. Табл. 11; С. 174–176. Табл. 12; *Она же.* Книга в России в XVI веке. С. 99–100.

[96] *Кукушкина М.В.* Книга в России в XVI веке. С. 98.

[97] Там же. С. 97.

[98] *Романова В.Л.* Указ. соч. С. 47, примеч. 19.

[99] См., например: *Кукушкина М.В.* Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 366–370; *Она же.* Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. (продолжение) // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 341–356; *Она же.* Книга в России в XVI веке. С. 96–100.

[100] *Каштанов С.М.* О типе Русского государства в XIV–XVI вв. // Чтения памяти В.Б. Кобрина: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Тез. докл. и сообщ. М., 1992. С. 85–86.

Ю.А. Артамонов

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО АНТОНИЯ ПЕЧЕРСКОГО: ФАКТЫ И ВЫМЫСЛЫ[1]

Интерес к биографии преподобного Антония Печерского (Киевского) имеет многовековую традицию. Повышенное внимание к этой теме со стороны нескольких поколений древнерусских книжников и профессиональных историков определяется значением духовного подвига Антония – основателя Киево-Печерской обители и "отца русского монашества"[2]. Однако изучение жизни преподобного осложнено несколькими обстоятельствами. В первую очередь, к ним следует отнести утрату основного источника сведений о святом – древнейшего Жития Антония Печерского, причиной гибели которого следует считать монгольское нашествие, приведшее к уничтожению многочисленных памятников письменной культуры периода Киевской Руси[3]. Вторая сложность, являясь следствием первой, состоит в том, что на протяжении XV–XVII вв. русские книжники, желая компенсировать утрату древнейшего Жития Антония, неоднократно предпринимали попытки "реконструировать" и "датировать" основные этапы жизни святого. Результатом этой деятельности стало создание: пространного варианта Сказания о начале Печерского монастыря[4]; Жития Антония, читаемого в составе старопечатного Патерика 1661 г.[5] и минеях святителя Дмитрия Ростовского; целого ряда "дополнительных" биографических сведений об Антонии в некоторых более поздних летописных сводах. Убедительная критика достоверности значительной части этих "фактов" и "исчислений" была дана еще в XIX – начале XX в.[6] Несмотря на это, стремление некоторых авторов (в прошлом и настоящем) восполнить "молчание" древнейших памятников за счет данных более поздних источников, привело к появлению и бытованию в литературе ложных фактов биографии Антония. Исходя из этого, данная статья преследует целью критическое рассмотрение фактов, касающихся биографии Антония Печерского.

* * *

Основатель Киево-Печерского монастыря был уроженцем древнего Любеча на Днепре, недалеко от Чернигова[7]. Относительно времени рождения Антония[8] и его мирского имени[9] сказать что-либо определенное не представляется возможным. По мнению Е.Е. Голубинского, Антоний, оставаясь простым монахом, не имел сана священства, поскольку был человеком неграмотным и, скорее всего, происходил из "мещано-крестьянства, чем из боярства"[10]. Согласно же точки зрения Я.Н. Щапова, Антония следует считать "выходцем из состоятельных, возможно, боярских кругов г. Любеча". Аргументируя свой вывод, ученый писал: "Действительно, его (Антония. – *Ю.А.*) поездки в Константинополь и на Афон свидетельствуют о том, что он все же обладал для этого средствами"[11]. (К сожалению, Я.Н. Щапов не объясняет – откуда известно, что Антоний посетил Константинополь[12] и почему непременным условием подобных поездок было наличие крупных денежных сумм.) Эти доводы следует признать малоубедительными, поэтому вопрос о социальном происхождении Антония нельзя считать решенным.

Согласно преданию, святой начал приобщаться к иноческим подвигам еще тогда, когда жил в родном городе. Архиепископ черниговский Лазарь Баранович

в своей грамоте от 15 января 1693 г., выданной на имя иеродиакона Ионы и монаха Иннокентия Щирского, пишет: "Светяше сие светило Российское (Антоний. – *Ю.А.*) еще в младенческом своем бегу, когда в отчествии своем, граде Любеча, пустынножительное любя богомыслие, близ того же града ископа себе в горе пещеру, в нюже повсегда входя молитвы к Богу творяше"[13]. По мнению А.А. Шахматова, Житие "упоминало об этих первых годах подвижничества Антония"[14]. Однако, это – сомнительно. Во-первых, предание о том, что Антоний имел собственную пещерку в окрестностях древнего Любеча, было письменно оформлено только в самом конце XVII в. До этого времени ни один из известных источников подобных сведений не дает. Во-вторых, оно напрямую связано с основанием на этом месте Антоньевского Любечского монастыря (просуществовал до 1786 г.). Поэтому рождение этого предания следует объяснять вполне понятным желанием основателей монастыря отнести историю его возникновения к первым десятилетиям распространения на Руси христианства и связать ее с именем основателя русского монашества ("начальника русским мнихам") – преподобного Антония Печерского. Поэтому доверять подобным сведениям ("фактам") нет оснований.

Ничего определенно не известно нам о времени и месте пострижения Антония. В сороковых годах XIX в. получило распространение известие, что Антоний принял монашество в афонском Есфигменском Вознесенском монастыре и некоторое время проживал близ него в пещере[15]. Впервые сообщение об этом прозвучало из уст архимандрита обители Агафангела, который прибыл в Россию с целью сбора милостыни для своего монастыря. Через некоторое время "предание" о пострижении Антония в монастыре Есфигмена перекочевало в научную литературу[16]. Есфигменцами было написано Житие Антония, где излагались доказательства того, что основатель Печерского монастыря был пострижен именно у них. Первая редакция этого Жития сообщала, что Антоний пришел на Афон в 973 г., то есть почти за пятнадцать лет до крещения Руси. Когда это несоответствие было замечено, были созданы вторая, а затем и третья редакции Жития, которые целиком основывались на старопечатном издании Киево-Печерского патерика. "Когда мы были на Афоне в 1873 г., – писал Е.Е. Голубинский, – собственный автор жития в первой и в последующих редакциях был еще жив". Ученый справедливо отмечал, что рассказ о пострижении Антония в обители Есфигмена был выдуман в самом монастыре с целью "поставить монастырь под патронат России, чтобы привлечь в него нашу известную щедродательность, а, во всяком случае, чтобы испросить право производить в России сборы (в первом монастырь не успел, а в последнем, действительно, весьма успел)"[17].

В начале XX в. к этой проблеме обратился епископ Карион, который попытался связать "начальную историю русского монашества" с Иверским грузинским монастырем. Говоря о пострижении Антония в этом монастыре, автор указал на "древность религиозно-нравственных связей Руси и Иверии", в подтверждение чему привел свидетельство пергаментной рукописи 1074 г., где упоминается некий Иоанн, "бывший русский", который пожертвовал Иверскому монастырю пять "священно-богослужебных книг и духовно-нравственных сочинений"[18]. Конечно, столь раннее известие о пребывании русского монаха в афонском Иверском монастыре заслуживает внимания, но оно не может служить доказательством пострижения Антония в стенах именно этой обители. Так как сам факт присутствия некоего Иоанна на Афоне в XI в. еще не говорит о том, что именно Иверский монастырь был местом сосредоточения и пострижения выходцев из Руси[19]. Поэтому нужно признать, что место пострижения

Антония по-прежнему остается загадкой, которая, на мой взгляд, едва ли будет когда-либо решена[20].

Летописное Сказание о начале Печерского монастыря (статья 6559 г.) сообщает, что афонский игумен, постригший и научивший Антония иноческому житию, отправил его на родину со словами: "Иди в Русь опять, и буди благословленье от Святыя Горы, яко от тебе мнози черньци быти имуть"[21]. Желание монашествовать привело Антония в Киев – христианский центр Руси. Первоначально "афонский постриженик" рассчитывал поселиться в одном из столичных монастырей. Однако вскоре Антоний отказался от этой идеи[22], избрав для своих подвигов холм, который располагался неподалеку от загородного великокняжеского села Берестово. Согласно *монастырскому* преданию[23], здесь находилась пещерка митрополита Илариона, в которой он, еще будучи пресвитером церкви св. Апостолов, искал уединения и проводил время в "тайных молитвах к Богу". Антоний застал эту пещерку уже пустой, так как пришел на холм после возведения Илариона на митрополию[24]. Этот факт дал основания некоторым исследователям предположить, что основатель Печерской обители поселился непосредственно в пещерке Илариона[25]. "Антонию полюбилось это место, – рассуждал П.С. Казанский, – и он поселился тут, конечно, в пещере Илариона, иначе к чему был бы и весь рассказ о его пещере"[26]. Полемизируя с ним, П.Б. Бутков писал: «Ясно, что Антоний вселился не в Иларионову пещеру, а расположился жить на том же холму, на котором она находилась, и это подтверждается далее словами летописи и патерика, что Антоний "поча жити ту копая пещеру"»[27]. Эта точка зрения представляется более правдоподобной[28].

К сожалению, автор Сказания не называет точной даты поселения Антония, определяя ее временем между 1051 г. (поставление Илариона) и 1054 г. (смерть Ярослава). Однако есть основания полагать, что это произошло вскоре после возведения Илариона на митрополию, скорее всего, в 1051/52 г. Во-первых, временной разрыв между этими двумя событиями определяется летописцем незначительным промежутком времени ("не по мнозехъ днехъ"). А, во-вторых, ко времени смерти Ярослава (1054 г.) Антоний имел широкую известность ("прослу яко же великый Антоний"), поэтому его пещерный "стаж" должен был составлять, по меньшей мере, дав – три года. Называя 1051 г. годом рождения Киево-Печерской обители[29], т.е. датируя этим временем поселение здесь Антония, нужно оговориться, что покинуть Афон он мог и несколько раньше. В этой связи заслуживает внимания предположение А.Ю. Карпова о том, что Антоний мог вернуться на Русь уже во второй половине 40-х годов XI в.[30]

После смерти Ярослава на киевский престол взошел его сын Изяслав (1054–1078 гг., с перерывами), который, узнав о богоугодной жизни Антония, пришел к нему вместе со своей дружиной просить благословения. После этого "уведанъ бысть всеми великый Антоний и чтимъ, и начаша приходити к нему братья, и нача приимати и постригати я"[31]. Количество монахов постепенно росло, что стало причиной расширения подземных строений, создания пещерной церкви и келий. Рост популярности подземного монастыря неуклонно возрастал. Об этом красноречиво свидетельствуют факты пострижения в нем представителей привилегированных сословий. В 1059/60 г. здесь приняли монашество Варлаам – сын княжеского боярина Иоанна и Ефрем – княжеский любимец, слуга. Эти события стали причиной конфликта между князем и монастырем. Изяслав требовал возвращения Варлаама и Ефрема, угрожая инокам арестом (заключением) и физическим уничтожением пещерной обители. В этой ситуации Антоний, будучи духовным лидером общины, принимает решение покинуть монастырь. Однако заступничество жены князя Гертруды спасло печерян, и беглецы получили

возможность вернуться назад. Авторитет обители еще более возрос, что, с одной стороны, объясняется моральной победой в данном конфликте, а с другой – укреплением ее связей с великокняжеской властью. По всей видимости, последнее и стало причиной внутреннего раскола общины. Дело в том, что поставление Варлаама на игуменство в 1061 г. нельзя объяснить простой случайностью или свободным выбором самой братии[32]. Думаю, что игуменский пост был получен им не без "помощи" князя или его ближайшего окружения (отца – боярина Иоанна), а, следовательно, в обход принципа "монашеской демократии". О том, что Изяслав не был безразличен к судьбе Варлаама, свидетельствует факт его последующего назначения в игумены княжеского монастыря св. Дмитрия[33]. Не исключено также, что "назначение" Варлаама игуменом было одним из условий достижения компромисса между общиной и великокняжеской властью. Непосредственным следствием этого был протест части иноков, который выразился в уходе их из монастыря (Никон, Ефрем). Антоний, согласно рассказу Жития Феодосия, хотя и самоустранился от всех дел, но какое-то время еще продолжал жить в одной из келий старой пещеры. В 1062 г., когда при Феодосии монахи покинули пещеру и перешли в наземные келии, Антоний уже жил на соседнем холме. Следовательно, он покинул свое старое местожительство ("ветхий" монастырь) в период времени между 1061 и 1062 гг. Произошло это еще при Варлааме, так как известно, что Антоний, благословляя Феодосия на игуменство, уже жил в новой пещере[34].

Сказание о начале Печерского монастыря и Житие Феодосия Печерского, определяя причину удаления Антония на соседний холм, пишут о его любви к уединенному житию[35]. Но уже тот факт, что уход "старца" совпал по времени с серьезными изменениями в самом образе жизни монахов (строительство наземного монастыря, введение Студийского устава), дает повод усомниться в этом. Думаю, что причина была не в стремлении Антония к уединению. Ведь до поставления Варлаама в игумены Антоний охотно принимал всех желающих стать монахами, не опасаясь тем самым нарушить свое "одиночество"[36]. Поэтому сообщения Жития Феодосия и летописного Сказания не следует понимать буквально. Е.Е. Голубинский по этому поводу писал: "Антоний с *неизвестным небольшим числом спутников, желавших в собственном смысле отшельничествовать,* удалился на соседний надреченный холм, отделенный от холма, на котором находилась пещера (теперь Дальние или Феодосиевы пещеры. – *Ю.А.*), глубоким оврагом, и здесь ископал себе новую пещеру (теперь Ближние или Антониевы. – *Ю.А.*)"[37]. Это мнение попытался оспорить Л.К. Гетц. Апеллируя к летописной статье 6559 г., он отмечал, что в рассказе о поселении Антония на новом месте используется исключительно единственное число. Поэтому нет оснований считать, что Антоний переселился на другой холм с какой-то группой монахов[38]. Но этот аргумент известного немецкого слависта достаточно легко может быть оспорен. В статье 6582 г. рассказывается о затворнике Исакии, который был пострижен и опекаем Антонием. Прожив семь лет в затворе, однажды ночью он стал жертвой "дьявольского искушения"[39]. "Расслабленный телом", Исакий не мог самостоятельно встать, сесть, принимать пищу и даже поворачиваться на бок. Антоний ухаживал за ним до мая 1069 г. (бегство в Чернигов[40]). Отсюда вытекает, что Исакий стал монахом-отшельником не позже 1061/62 г. (1069-7=1062). Следовательно, даже если допустить приход Исакия к Антонию уже после его переселения на соседний холм, то и тогда станет ясно, что причина удаления Антония заключалась не в стремлении к абсолютному одиночеству. Об этом говорит и целый ряд других соображений.

1. Упоминание о том, что келья Исакия находилась на одной из улиц Антониевой пещеры ("въ единои оулици"), свидетельствует о наличии нескольких улиц-галерей и, соответственно, большего количества келий уже в первые годы проживания здесь Антония. Создание такого подземного комплекса не имело смысла, если бы Антоний жил в одиночестве, а, кроме того, было одному человеку явно не под силу.

2. Обмолвка летописца о том, что Антоний, почуяв что-то неладное с Исакием, направил сообщить об этом в монастырь Феодосию ("посла в манастырь по Феодосья и по братью"), дает право видеть в посланце одного из членов здешней монашеской общины.

3. Известно, что наряду с общинножитием в Печерском монастыре долгое время существовало отшельничество, о чем свидетельствуют многочисленные рассказы Печерского патерика, посвященные затворникам. Поэтому, если бы Антоний удалился из монастыря в новую пещеру и жил бы там один, то с его смертью отшельничество должно было бы вскоре исчезнуть, так как с введением Студийского устава монахи стали жить по законам строгого общинножития. Между тем, этого не произошло. Поэтому, принимая желающих жить в затворе, Антоний тем самым заложил прочные основы "особножительства" в самом Печерском монастыре.

Косвенное подтверждение тому, что Антоний не искал простого уединения, находим в первом печатном (славянском) издании Киево-Печерского патерика (1665 г.), где сказано, что в новую пещеру вскоре сошлось достаточно много монахов[41]. О наличии вокруг Антония последователей и учеников ("немногих затворников") в то время, когда бóльшая часть братии была переведена Феодосием из пещеры в наземный монастырь, писал Г.П. Федотов[42].

Итак, следует думать, что, покидая старую пещеру, Антоний не искал уединения в прямом смысле этого слова, а желал развивать отшельничество как особый вид монашеского жития. Этот поступок основателя Печерской обители говорит о том, что те нововведения, которые проводились в жизнь Варлаамом, а вслед за ним и Феодосием, не соответствовали взглядам и интересам Антония.

К сожалению, гибель основного памятника "Антониевской традиции" – Жития Антония Печерского и тенденциозное освящение истории монастыря в ПВЛ и в Житии Феодосия[43], не позволяют в полной мере судить о том, как складывалась жизнь общины пещерников ("альтернативного монастыря") после перехода на новое место. Можно только предположить, что их образ жизни соответствовал тому, как жили в монастыре до преобразований Варлаама и Феодосия. Каждый из членов этой общины имел свою келью внутри пещеры, которая со временем становилась местом его погребения[44]. Здесь же располагалась пещерная церковь, в которой братия собиралась петь часы и совершать божественную службу. Вероятно, пещерники занимались изготовлением различных предметов повседневного обихода ("рукоделием"), которые затем продавались на городском рынке с целью приобретения продуктов питания, а какая-то их часть – огородничеством[45]. Особое положение среди братии занимали затворники: закрывая вход в келию, они обрекали себя на добровольное заключение, которое могло продолжаться многие годы[46]. Примером такого вида воздержания может служить Исакий Печерник. Единственной его связью с миром было небольшое оконце, через которое Антоний ежедневно передавал ему необходимый запас пищи. Подходя к отверстию, Антоний говорил: "Господи, благослови, отче Исакие". Вероятно, одним из членов общины пещерников был и преподобный Агапит[47]. Начиная рассказ о его жизни и подвигах, Поликарп пишет: "Бе некто от Киева постриженся, именем Агапитъ, при блаженем отци нашем

Антонии, иже и последствоваше житию его аггельскому, самовидець бывь исправлением его... сий блаженый Агапитъ, ревнуа святому тому старцю, помагаше болным"[48]. Думаю, что к числу людей, находившихся рядом с Антонием в этот период его жизни, можно отнести часть тех монахов, о которых упоминало (рассказывало) Житие святого: Леонтий, Герасим, Дамиан, Иеремия, Матфей, и, возможно, Моисей Угрин[49]. Поскольку Житие Антония сообщало о чудесах исцеления, то нужно полагать, что новая община уже в это время поддерживала тесную связь с мирским обществом (прежде всего, населением столицы), имея там своих почитателей, покровителей и жертвователей[50]. Еще одним свидетельством такого взаимодействия могут служить события 1068–1069 гг. в Киеве, когда спокойная жизнь общины и ее духовного лидера была неожиданно прервана.

В начале осени 1068 г. соединенные полки Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей потерпели тяжелое поражение от половцев на р. Альте. Население Киевской земли (собственно горожане и жители окрестных сел[51]) собралось на вече, где было принято решение направить к Изяславу представителей со словами: "Се половци росулися по земли; даи, княже, оружье и кони и еще бьемся с ними"[52]. Выслушав послов, князь отказался выполнить требования народа. Тогда люди отправились на двор воеводы Коснячка. Не обнаружив его на месте, народ "сташа у двора Брячиславля", где было принято решение освободить из поруба полоцкого князя Всеслава Брячиславича и близких (сочувствующих) ему людей. В числе заключенных находились два старших сына Всеслава – Роман и Глеб[53]. Видя, что ситуация выходит из-под контроля и все более накаляется, Изяслав и Всеволод бежали. Народ освободил Всеслава и провозгласил его великим князем ("прославиша и среде двора къняжа"). "Дворъ жь княжь разграбиша, – замечает летописец, – бещисленое множьство злата и сребра, кунами и белью"[54]. Таким образом, 15 сентября 1068 г. в Киеве произошел переворот, в ходе которого Изяслав был изгнан, а на его место посажен Всеслав.

Изяслав, женатый на сестре польского князя Казимира I (ок. 1038–1058), бежал в Польшу. Спустя почти восемь месяцев, с помощью сына Казимира Болеслава II (1058–1079, король с 1076 г.) ему удалось восстановить свою власть. Возвращение Изяслава на Киевский стол сопровождалось казнями и репрессиями против тех, кто поддерживал Всеслава или оказывал ему какое-либо содействие. Рассказывая о событиях весны 1069 г., летописец пишет: "И пришед Мьстиславъ (сын Изяслава. – *Ю.А.*), исече кияны, иже беша высекли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слепиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ"[55]. Реальная угроза репрессий нависла и над Антонием. В рассказе об Исакие Печернике (статья 6582 г.) находим следующее любопытное свидетельство: "В си же времена приключися прити Изяславу из Ляховъ и нача гневатися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава"[56]. К сожалению, летопись не сообщает, в чем конкретно состояла "вина" Антония.

Следует думать, что напряженность в отношениях между Антонием и Изяславом возникла задолго до описанных выше событий. Действительно, конфликт из-за пострижения Варлаама и Ефрема, который сопровождался угрозами Изяслава уничтожить обитель, мог вызвать у Антония только чувство неприятия (враждебности). Думаю, что эти отношения еще более осложнились после поставления Варлаама игуменом, которое инициировалось княжеской властью, и, в конечном счете, привело к расколу общины. Поэтому уход Антония в новую пещеру, о чем Изяслав, несомненно, был проинформирован, в какой-то степени мог быть жестом демонстративного характера, протестом

против вмешательства князя во внутренние дела монастыря. Таким образом, факт выступления Антония в поддержку Всеслава, политического противника Изяслава, не был случайностью и имел свою предысторию[57].

В чем могла состоять поддержка, оказанная Антонием Всеславу? Однозначно ответить на этот вопрос едва ли возможно. Но ясно, что она базировалась на большой популярности и авторитете Антония в обществе. Будучи человеком не богатым, Антоний стал известен благодаря своему образу жизни, поведению и личным качествам (открытость, принципиальность, верность избранному пути и т.д.)[58]. В конце 60-х годов Антоний был уже в преклонном возрасте (ум. 1073 г.)[59], за его плечами стоял многолетний опыт иноческой жизни, поэтому уважение и почет, которыми он пользовался в обществе, определялся к этому времени достаточно устойчивой традицией. О степени влияния Антония говорит уже то, что с ним считались представители княжеской семьи, которые в этом смысле должны были руководствоваться уже сложившимся в обществе мнением.

1. В числе первых посетителей пещеры был киевский князь Изяслав Ярославич, который, взойдя на престол, отправился к Антонию "за благословением и молитвой".

2. Из Жития Феодосия Печерского известно, что Антоний находился в хороших отношениях с женой Изяслава Гертрудой (Еленой). В конфликте из-за пострижения Варлаама и Ефрема она выступила в роли заступницы печерских монахов перед князем, уговорив мужа сменить гнев на милость. К ней же обратился Антоний по вопросу пострижения матери Феодосия[60].

3. Основатель Печерского монастыря пользовался уважением и покровительством черниговского князя Святослава Ярославича, который, опасаясь за жизнь и судьбу старца после возвращения Изяслава в Киев, принял непосредственное участие в деле его спасения.

Авторитет Антония "в Русьской земли" был достаточно велик, и это обстоятельство заставляло многих современников прислушиваться к его мнению. Поэтому, даже ограничившись простым признанием за Всеславом привилегий нового правителя (де-факто), Антоний рисковал впоследствии вызвать неудовольствие Изяслава. Вероятно, Антоний обвинял Изяслава в нарушении данной им клятвы (утвержденной обрядом крестоцелования) не чинить зла приехавшему на переговоры Всеславу[61]. "Преступив крестоцелование, – писал В.Я. Руденок, – Изяслав дал в руки Антония козырь, которым последний не преминул воспользоваться, объявив вероломство князя причиной Альтинского поражения". (Канун освобождения полоцкого князя из поруба совпал с церковным праздником Воздвижения креста Господня.) Хотя, скорее всего, выступая на стороне Всеслава, Антоний был более деятелен. Свидетельством активной позиции Антония в этом конфликте могут служить близкие отношения, которые впоследствии сложились между Печерским монастырем и сыном Всеслава Глебом. О них говорят следующие факты биографии Всеславича:

– в начале XII в. он выступил инициатором строительства в монастыре каменной трапезной (построена в 1108 г.)[62];

– еще при жизни ("въ животе своемъ") он передал Печерскому монастырю огромную по тем временам сумму, составлявшую 600 гривен серебра и 50 гривен золота;

– после смерти князя, тело которого было положено в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря, его вдова передала в обитель еще 100 гривен серебра и 50 гривен золота[63].

Как можно объяснить такую исключительную щедрость и внимание Глеба по отношению к Печерскому монастырю? Думается, что в данном случае имеет

смысл говорить о существовании семейной преемственности. Любовь Глеба к Печерской обители была воспринята от отца, являясь прямым следствием дружбы Антония и Всеслава, которая могла сложиться в период правления полоцкого князя в Киеве (сентябрь 1068 – апрель 1069 г.)[64]. Кроме того Глеб был свидетелем и непосредственным участником происходящих в городе событий. Вместе с отцом и братом он был вероломно схвачен и посажен Изяславом в поруб (июль 1067 г.). Вместе с ними же он получил свободу 15 сентября 1068 г. Таким образом, оставаясь рядом с Всеславом, Глеб имел возможность не только лично познакомиться с Антонием, но и быть свидетелем его близких отношений с отцом[65]. Поэтому полагаю, что Антоний не был сторонним наблюдателем деятельности Всеслава в Киеве, а оказывал ему существенную поддержку. Так, например, он мог содействовать формированию лояльного отношения киевского духовенства к Всеславу, выполнять функции посредника в урегулировании конфликтов между ним и представителями различных слоев населения города, играть роль советника и т.д. Эта деятельность "отца русского монашества" вызвала сильное раздражение вернувшегося из Польши Изяслава. Над Антонием нависла угроза физической расправы.

В одну из майских ночей 1069 г., при помощи посланных Святославом людей, Антоний тайно покинул Киев и направился в столицу Северской земли. "И прославъ Святославъ, в ночь поя Антонья Чернигову. Антоний же, пришед к Чернигову, възлюби Болдины горы; ископавъ печеру, ту ся всели. И есть ту манастырь святое Богородици, на Болдиных горахъ, и до сего дни", – так повествует об этих событиях летопись. Но если Антоний оставил Киев, то возникает вопрос, что стало с той общиной пещерников, духовным лидером которой он являлся. Думаю, что она временно прекратила свое существование. Подтверждение тому находим в летописном рассказе о судьбе Исакия Печерника. После того, как Исакий подвергся искушению дьявола и был полностью парализован, Антоний взял заботу о нем на себя. ("И положиша и на одре и служаше около его Антоний".) Ситуация изменилась после удаления Антония в Чернигов. Вот как об этом рассказывается в летописи: "Феодосии же ouведавъ, яко Антонии шелъ Чернигову, шедъ с братьею взя Исакия и принесе и к собе в келью, и служаше около его бе, бо раслабленъ теломь"[66]. Упоминание о перенесении Исакия в монастырь Феодосия говорит о том, что Антониева пещера опустела и к моменту прихода туда Феодосия в ней уже не оставалось людей, способных ухаживать за больным. Вероятно, часть монахов Антониевой общины, которые по каким-то причинам не смогли последовать за Антонием (или не захотели этого), как и Исакий, оказались в монастыре Феодосия.

Согласно рассказу летописи, новым местом обитания Антония стали Болдины горы. Выбор этот не был случайным. В литературе неоднократно отмечалось сходство Болдинского (Елецкого) монастыря с Киево-Печерской обителью. Действительно, оба они были посвящены празднику Успения Богородицы и располагались за пределами городских укреплений. Болдинский монастырь, как и Печерский, имел пещерный характер, что и предопределило выбор местности для его обустройства. Известный черниговский археолог В.Я. Руденок, посвятивший изучению подземелий Чернигова не один десяток лет, пишет: "Болдины горы подходили для этого во всех отношениях. Прорезавшие их глубокие, густо заросшие дубовым лесом овраги создавали идеальные условия для рытья пещер"[67]. Общее сходство Болдинского и Печерского монастырей убеждают в том, что Антоний, определяя место нового поселения, оставался верен тем идеалам монашествования, которым следовал ранее. Как и на Днепровских холмах, Антоний начал создавать монастырь с рытья пещеры. По мнению

Е.Е. Голубинского, эта пещера стала основой будущего монастыря, созданного впоследствии учениками Антония[68]. Если признать точку зрения Е.Е. Голубинского справедливой, то получается, что Антоний поселился и жил на Болдиных горах в одиночестве и только после того, как пещера опустела, его ученики построили здесь монастырь. Такая трактовка событий представляется нам ошибочной, поскольку она игнорирует традицию живой монашеской преемственности. Поэтому начать нужно с того, что Антоний покинул Киев не только в сопровождении посланных Святославом людей, но и в окружении собственных (ближайших) учеников и последователей. Об этом свидетельствует преклонный возраст Антония, которому едва ли под силу было одному выкопать новую пещеру и жить в ней в полном одиночестве. В данном случае будет уместно сослаться на то место из Жития Феодосия, где рассказывается о первой попытке Антония покинуть пределы Киева. Описывая это событие, Нестор устами одного из отроков князя Изяслава говорит: "Антоний и *иже с ним* от града сего отходять въ иную область"[69]. Сходство ситуаций позволяет думать, что и в данном случае Антоний отправился в Чернигов не один.

Таким образом, становление новой обители осуществлялось усилиями не только одного Антония, но и части его ближайших учеников (сподвижников), последовавших вслед за своим учителем в Чернигов. (Это утверждение, конечно, не исключает того обстоятельства, что, обосновавшись на Болдиных горах, община могла существенно увеличиться за счет местного монашества и новых постриженников.) Непосредственным покровителем братии был Святослав Ярославич. Отголоском такого отношения князя к Болдинской обители может служить народное предание, которое именно ему приписывает построение монастыря[70]. Материалы археологических исследований, которые активно проводились здесь на протяжении последних тридцати лет, свидетельствуют о том, что пещерный комплекс Болдинского монастыря имеет безусловные черты сходства с подземельями Киево-Печерской обители[71]. Отсюда следует, что образ жизни местного монашества в XI–XII вв. во многом определялся традициями, которые были привнесены сюда Антонием и его последователями. Данная преемственность может свидетельствовать о том, что жизнь "печерских эмигрантов" в новых условиях не претерпела существенных (принципиальных) изменений по сравнению с киевским периодом их жизни.

К сожалению, источники не сообщают о времени и обстоятельствах возвращения Антония в родную обитель. И если бы не свидетельство епископа Симона, который называет Антония непосредственным участником закладки Успенского собора Киево-Печерского монастыря (выбор места), то можно было бы усомниться в самом факте возвращения Антония в Киев. (Данные эти приводятся Симоном со ссылкой на утраченное Житие Антония[72].) О начале строительства Успенского собора ПВЛ сообщает под 1073 г. (статья 6581 г.)[73]. Известно, что возведение каменных сооружений обычно начинали весной, следовательно, к весне 1073 г. Антоний уже был в Киеве. Попытаемся более точно определить время его возможного возвращения. Прежде всего отметим, что период жизни Антония на Болдиных горах должен определяться значительным промежутком времени. Действительно, для того, чтобы выбрать место ("възлюбить Болдины горы"), ископать пещеру и заложить основы новой обители, требовался не один год. Поэтому следует признать справедливым мнение Макария, который, говоря об уходе Антония из Киева, писал, что "великий отшельник должен был расстаться со своею любимою пещерою на довольно значительное время". Однако в литературе бытует и иная точка зрения, согласно которой Изяслав, вскоре осознав несправедливость своего гнева на Антония, попросил старца вернуться

назад. Антоний же, "не помня зла, возвратился на место своего прежнего подвижничества, в Киевские земли, покинутые им из-за неправедных обвинений"[74]. Своим происхождением этот миф обязан литературной деятельности книжников XVII в., которые пытались "реабилитировать" Изяслава в глазах "верующего читателя", руководствуясь той апологией князю, которая была создана Нестором на страницах Жития Феодосия[75].

По мнению М.Д. Приселкова, Антоний вернулся в Киев "когда-то до 1072 г."[76]. Это – бездоказательное предположение едва ли может быть принято. Уже то, что Святослав охотно оказывал помощь тем, кому угрожали репрессии Изяслава, свидетельствует о напряженных отношениях между братьями[77]. Относительное единодушие в отношениях между Изяславом, Святославом и Всеволодом было восстановлено только в 1072 г., когда все трое приняли участие в торжественном перенесении мощей Бориса и Глеба[78]. Поэтому до мая 1072 г. Антоний едва ли решился бы на возвращение в Киев. Более убедительной представляется точка зрения П.С. Казанского, который связывал возвращение Антония с вступлением Святослава на Киевский престол[79].

Незаконно захватив великокняжеский стол, черниговский князь нуждался в поддержке различных слоев населения столицы[80]. Этот очевидный факт говорит о том, что Святослав, прежде всего, должен был использовать помощь тех, кто, как и Антоний, покинул Киев в связи с репрессиями 1069 г. и обосновался в Черниговских землях. В этом смысле Антоний, обладая большим авторитетом и известностью, мог быть особенно полезен князю. Поэтому наиболее вероятным временем возвращения Антония на Киевщину следует считать конец марта 1073 г.[81]

В этой связи не случайно и то, что практически сразу после утверждения Святослава в Киеве принимается решение о строительстве каменного собора Успения. Причем местом его возведения становится именно Антониев холм. Строительство храма требовало значительных материальных затрат. Для этого из княжеской казны была выделена большая по тем временам сумма в 100 гривен золота[82]. Чем объяснить такую поспешность и щедрость князя? Вероятно, дело было не только в хороших взаимоотношениях между Святославом и Антонием. Поэтому думаю, что этим решением князь пытался снискать расположение не только самого "старца" и окружавших его последователей, но и широких слоев населения Киева, для которых Антоний был непререкаемым духовным авторитетом, "святым во плоти". Так, согласно Житию Феодосия, Святослав в присутствии множества людей собственноручно начал копать ров под фундамент будущего храма[83].

Существует мнение, что в последние месяцы (годы) жизни Антоний был безынициативен и "совершенно отошел от монастырских дел, полностью передав руководство обителью своему ученику Феодосию"[84]. Однако это далеко не так. Антоний принимал деятельное участие в реализации проекта возведения Успенского собора. Об этом свидетельствует рассказ его Жития о чудесном выборе места для будущего строительства[85]. Столь же безосновательно утверждение о передаче дел по управлению монастырем (Антониевой общины) Феодосию. Достаточно вспомнить, что на это время приходился пик оппозиционной активности Феодосия, который всеми доступными средствами обличал Святослава в насильственном захвате Киевского стола. Думаю, что в такой ситуации объединение двух общин было принципиально невозможно.

Вскоре после начала строительных работ Антоний скончался. Время его смерти точно не установлено. Дело в том, что единственным источником, способным дать ответ на этот вопрос, являются древнерусские церковные календари

(в первую очередь, месяцесловы). Большая их часть (из сохранившихся!) помещает память Антония под 7 мая, другая – под 10 июля. Вторая дата, по мнению Е.Е. Голубинского, является более достоверной, так как в Киево-Печерской обители память Антония "праздновалась не 7, а 10 июля, и в Киевских богослужебных книгах была записана под вторым, а не под первым числом"[86]. Тело Антония было положено в келье новой пещеры, что, скорее всего, соответствовало желанию самого старца. Управление Антониевой общиной (со всем ее движимым и недвижимым имуществом) перешло к Феодосию, а затем к его преемнику – Стефану, при котором и произошло фактическое объединение двух общин.

[1] Данная статья является продолжением уже опубликованной работы автора, посвященной проблеме реконструкции содержательной части древнейшего Жития Антония (*Артамонов Ю.А.* Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 5–81).

[2] В рассказе о св. Афанасии Затворнике епископ Симон, ссылаясь на не дошедшее до нас Житие Антония, называет его "начальником Русским мнихам" (КПП. С. 112).

[3] *Heppell M.* The "Vita Antonii", a Lost Source of "Patericon" of the Monastery of Caves // Byzantinoslavica. 1952/53. Т. 13. P. 58. В научной литературе распространено мнение, согласно которому действительной причиной утраты Жития Антония было то, что оно "не пользовалось уважением наших предков", так как его создание было инициировано митрополитом-греком, желавшим "смирить Печерский монастырь и его национальный характер". В итоге культ Антония не получил признания на Руси, а его Житие вскоре затерялось и забылось. И только случай нахождения "этого забытого и небрегомого Жития" уже в начале XIII в. послужил толчком к литературной работе Симона и Поликарпа – авторов Киево-Печерского патерика, которые в своих сочинениях прибегали к обширным заимствованиям из этого "малопопулярного на Руси сочинения" (см.: *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 240–274). Эти построения во многом умозрительны и не имеют опоры в источниках. (Подробнее об этом см.: *Артамонов Ю.А.* Указ. соч. С. 35.)

[4] Сказание о начале Печерского монастыря ("Сказание чего ради прозвася Печерский монастырь") известно в двух вариантах: кратком и пространном. Первый – представлен основными списками ПВЛ (статья 6559 г.), второй – Кассиановской II редакцией Киево-Печерского патерика. Согласно патериковой версии, Антоний отправился на Афон еще при Владимире Святославиче. Возвратившись на Русь, "он начал жить в Варяжской пещере, но с вокняжением Святополка Окаянного вновь ушел на Святую гору" и пришел в Киев уже при Ярославе Мудром. Далее патериковая редакция Сказания практически полностью соответствует рассказу летописи. Скорее всего, в своей первой части пространный вариант Сказания является вымыслом составителей Кассиановской II редакции. (Подробнее об этом см.: *Артамонов Ю.А.* Указ. соч. С. 37–41.)

[5] Текст этого Жития не имеет ничего общего с древнейшим Житием Антония Печерского. Как отмечал еще А.М. Кубарев, памятник этот составлен на основе "Сказания чего ради прозвася Печерский монастырь" (в том его виде, в каком оно представлено в Патерике Кассиановской II редакции), Жития Феодосия Печерского и всех тех мест из творений Симона и Поликарпа, где упоминается преп. Антоний (*Кубарев А.М.* О патерике Печерском // ЧОИДР. М., 1847. № 9. С. 18).

[6] См.: *Кубарев А.М.* Указ. соч. С. 1–40; *Он же.* О редакциях Патерика Печерского вообще // ЧОИДР. М., 1858. Вып. 3. С. 95–128; *Казанский П.С.* О времени основания Печерской обители // ВОИДР. М., 1854. Кн. 19. С. 31–42; *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 146–155; *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1881. Т. I, кн. 2.; *Бугославский С.А.* К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. СПб., 1914. Т. XIX, кн. 3. С. 155–160; *Абрамович Д.И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902.

[7] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 156.

[8] В литературе часто можно встретить указание на время рождения Антония, которое определяется 983 г. (см., например: Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника / Под ред. Кибальник Ю.Д. Киев, 1992. С. 8; Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 389). Эта датировка – более чем сомнительна. Происхождение ее связано с сообщениями поздних летописных сводов о 90-летнем возрасте Антония (1073–90=983) (см.: *Карпов А.Ю., Юрьев А.А.* Антоний Печерский // Самые знаменитые святые и чудотворцы России. М., 2000. С. 49).

[9] Из всех известных списков ПВЛ о мирском имени Антония сообщается только в Летописеце Переяславля Суздальского: "Бе некто человекъ мирянин именемъ Антипа от града Любяча, и вложи ему Богъ въ странство поити, онъ же странствуа, и до Святыа горы доиде... и моли игумена единаго от манастырь постриши, и възложи на него образъ мнишски, и нарече имя ему Антонии" (ПСРЛ. М., 1995. Т. 41. С. 56). Это свидетельство неоднократно использовалось исследователями XIX в. в качестве достоверного факта биографии святого (см.: *Филарет (Гумилевский).* История русской церкви. М., 1848. С. 239; *Бутков П.Г.* Разбор трех древних памятников русской духовной литературы // Современник. СПб.. 1852. № 3. Отд. 2. С. 101; *Казанский П.С.* История православного русского монашества от основания печерской обители преподобным Антонием до основания лавры св. Троицы преподобным Сергием. М., 1855. С. 17; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II, т. 3. С. 258; *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 146; *Яковлев В.* Древне-киевские религиозные сказания. Варшава, 1875. С. 92.) Несмотря на убедительную критику Е.Е. Голубинского, оно продолжает использоваться и некоторыми современными авторами (см., например: Очерки истории... С. 8; *Горский В.С.* Святі Київської Русі. Киев, 1994. С. 128; *Чинякова Г.* Афон и Россия: Монастыри – образы Святой Горы на Русской земле // Журнал Московской патриархии. М., 1996. № 11. С. 37; Киево-Печерский патерик. С. 389).

[10] *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 468. Эту точку зрения разделяет В.Н. Топоров (*Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. I. С. 674).

[11] *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 150.

[12] О том, что Антоний посетил Константинополь рассказывает его Житие, составленное в XVII в. (см. примеч. 5). Достоверность этого известия вызывает серьезные сомнения, так как об этом не сообщает ни один из древнейших источников.

[13] Те же сведения находим в грамоте гетмана Ивана Мазепы от 1 февраля 1694 г. (*Милорадович Г.А.* Любеч Черниговской губернии Городницкого уезда: Родина преподобного Антония Печерского. М., 1871. С. 42–44). Кроме того, иноки Иона и Иннокентий получили "благословенные грамоты" на основание монастыря от киевского митрополита Варлаама Ясинского (от 16 августа 1693 г.), архиепископа Феодосия Углицкого (от 24 января 1694 г.) и печерского архимандрита Мелетия Вуяхевича (от 21 сентября 1693 г.). Еще в конце XIX в. эти грамоты считались утраченными. Об их существовании было известно только по оглавлению бумаг Любечского монастыря. Совсем недавно тексты их были обнаружены в сборнике № 226 Библиотеки ПАН в Кракове (см.: *Мицик Ю.* Відновления Антоніевих печер у Любечі (XVII ст.) // Київська старовина. Київ, 1996. № 2–3. С. 78–82). В них упоминается о том, что Антоний еще в юности выкопал себе пещеру недалеко от родного Любеча. Киевский митрополит Варлаам Ясинский добавляет, что Антоний посещал эту пещеру и во время жизни на Болдинских горах (после 1069 г.): "И тамо в гори Болдинской близ града Чернигова ископав пещеру, пребываше тогда и отечество свое град Любеч посещая, паче же ископную свою пещеру, в ней же труждася". Согласно этой же грамоте, Антоний оставил здесь своих учеников.

[14] *Шахматов А.А.* Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898. № 3. С. 141.

[15] "В 1841 г. в нартексе главной церкви монастыря была сделана фреска с изображением преподобного и надписью: преподобный Антоний Есфигмент – русский". В 1845 г. недалеко от монастыря началось строительство часовни в честь преподобного Антония. Иконостас для этой часовни был изготовлен в России по инициативе архимандрита Ювеналия в 1849 г. Через год строительные работы были завершены, и часовня была освящена. В 1858 г. из Киево-Печерской лавры сюда была передана икона с изображением преп. Антония, сделанная из эмали (*Папулидис К.К.* Из истории отношений Киево-Печерского монастыря и Афона: преподобный Антоний Печерский // Византинорусика = Byzantinorussica. М., 1994. № 1. С. 158.)

[16] *Григорович В.И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848. С. 57; *Бутков П.Г.* Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском // Современник. СПб., 1850. Т. 23, отд. III. С. 37; *Казанский П.С.* История ... С. 17; *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 147; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 258.

[17] *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 469. Это же мнение за несколько лет до Е.Е. Голубинского высказали епископ Порфирий, побывавший на Афоне в 1846 г., и архимандрит Антонин, посетивший Святую Гору в 1859 г. *(Порфирий (Успенский).* Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты. Киев, 1877. Ч. 2, отд. 1. С. 243–244; *Антонин (Капустин).* Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 225). По мнению К.К. Папулидиса, монахи монастыря Есфигмена не были авторами данного предания (*Папулидис К.К.* Указ соч. С. 157–160). Однако его аргументация представляется малоубедительной.

[18] *Карион.* Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910. С. 94.

[19] Не следует забывать, что уже в 30-е годы XI в. на Афоне существовал собственно русский монастырь со своей церковью Успения – монастырь Ксилурга (см.: *Мошин В.А.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Byzantinoslavica. 1947–1948. Vol. 9. P. 58; *Кусков В.* Роль Афона в развитии культуры Древней Руси XI–XVII вв. // Культура славян и Русь. М. 1998. С. 239).

[20] Е.Е. Голубинский по этому поводу писал: "Приходил на Афон смиренный русский поклонник, в одном из монастырей постригся в монахи с тем, чтобы потом воротиться домой, что и сделал, – с какой стати могло остаться и сохраниться о нем какое-нибудь предание в месте его пострижения?" (*Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 470).

[21] ПСРЛ. Т. I. Стб. 156.

[22] Известно, что Антоний по своей натуре был ревностным аскетом и любил уединение (отшельничество). Поэтому можно предположить, что, обходя киевские обители, он не был удовлетворен ("не възлюби") условиями и образом жизни столичного монашества.

[23] Нельзя полностью исключать вероятности того, что весь эпизод с пещеркой Илариона был придуман "печерянами", чтобы засвидетельствовать высокий престиж местоположения обители, освятив его присутствием первого русского митрополита.

[24] "Посемь же Богъ князю вложи въ сердце, и постави и (Илариона. – *Ю.А.*) митрополитомь в святей Софьи, *а си печерка тако ста*" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156).

[25] См.: *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 470; *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 147; *Карпов А.Ю., Юрьев А.А.* Указ. соч. С. 47.

[26] *Казанский П.С.* Разбор ответа г-на П.Б. на новый вопрос о Несторе // Отечественные записки. СПб., 1851. Т. 74. С. 90.

[27] *Бутков П.Г.* Ответ... С. 2–3.

[28] "И приде на холмъ, идеже бе Ларионъ ископал печерку, и възлюби *место се*, и *вселися в не*. И нача молитися Богу со слезами, глаголя: Господи! Утверди мя *в месте семь*, и да будеть *на месте семь* благословенье Святыя Горы и моего игумена, иже мя постриглъ". Комментируя этот фрагмент Сказания, архиеп. Филарет (Гумилевский) писал: "Ни в одном лучшем списке летописи не сказано: вселися в ню – в Иларионову пещеру, а сказано: възлюби место се, и вселися в не" (см.: *Филарет (Гумилевский).* Русские святые, чтимые всей Церковью, или местно: Опыт описания жизни их. Чернигов, 1863. С. 68–69). Действительно, слово "место" согласуется со словом "холмъ", упоминание же о пещерке Илариона является определением места, которое в данном случае поясняет – какой именно это был холм. Кроме того, обращаясь к Богу, Антоний просит утвердить его на "месте семь" и закрепить за ним благословение Святой Горы, что, скорее, имеет отношение к "холму", чем к пещерке Илариона. Этой же точки зрения придерживается Р.Д. Босли (*Bosley R.D.* A History of the Cults of SS: Theodosij and Antonij of the Kievan Caves Monastery. Yale, 1980. P. 3. Машинопись дис.).

[29] Сегодня стало общепринятым датировать время возникновения Печерского монастыря 1051 г., о чем свидетельствуют юбилейные торжества в Киеве, посвященные 950-летию Лавры, которые проходили здесь на протяжение всего 2001 г. 7–8 декабря 2000 г. цикл этих торжеств открылся международной научной конференцией – "Киево-Печерская лавра в контексте мировой истории".

[30] Первая половина 40-х годов XI в. была трудной для многих афонских монастырей. В 1042–1043 гг. Святая Гора пострадала от нападения арабов, а уже в следующем году по-

луостров поразил сильнейший неурожай. "В результате этих событий многие афонские обители были разорены, и множество иноков покинуло полуостров". К этому, по мнению А.Ю. Карпова, следует добавить определенную напряженность в русско-византийских отношениях (1043 г.), которая не могла не сказаться "на положении русских насельников Святой Горы" (*Карпов А.Ю., Юрьев А.А.* Антоний Печерский. С. 47. Кроме того, см.: *Карпов А.Ю.* Когда возник Киевский Печерский монастырь? // Очерки феодальной России. М., 1997. Вып. 1. С. 16–18).

[31] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 157.

[32] Трудно представить, чтобы Варлаам пользовался авторитетом среди печерских иноков как человек, познавший все трудности монашеского жития, поскольку принял постриг относительно недавно.

[33] Киевский мужской монастырь в честь св. вмч. Дмитрия Солунского был заложен Изяславом (христианское имя – Дмитрий) Ярославичем около 1060 г. неподалеку от Киево-Печерской обители.

[34] Подробнее о времени переселения Антония на соседний холм см.: *Артамонов Ю.А.* Проблема реконструкции... С. 55–58.

[35] "Преподобьныи же Антонии, яко же обыклъ единъ жити и не трьпя всякого мятежа и мълвы, затворися въ единои келии пещеры... и отътоуда пакы преселися на инъ хълмъ". УС. С. 86. "И се рекъ имъ: Живете же особе и поставлю вы игумена, а самъ хочю въ ону гору ити единъ, яко и преже бяхъ обыклъ оуединивъся жити" (ПСРЛ. Т. I. Стб. 157–158).

[36] Об этом свидетельствует как рассказ Жития о приходе Феодосия к Антонию, так и летописное Сказание (УС. С. 80; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 157).

[37] *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 477.

[38] *Goetz L.K.* Das Kiever Hohlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands. Passau, 1904. S. 29–30.

[39] "И затворися в печере въ единои оулици въ кельици мале, яко четырь лакотъ и ту моляше Бога со слезами... И того створи лет 7, на светъ не вылазя, ни на ребрехъ не легавъ, но седе мало приимаше сна" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 192).

[40] Подробнее об этом см. ниже.

[41] *Евгений* (*Болховитинов*). Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. Киев, 1841. С. 6.

[42] Правда, из общего контекста не вполне ясно, какую из пещер (новую или старую) имел в виду автор (*Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 62).

[43] Подробнее об этом см.: *Артамонов Ю.А.* Княжеская власть и русская агиография XI–XII вв. (История создания агиографических сочинений Киево-Печерской традиции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

[44] *Воронцова Е.А.* Киевские пещеры (к итогам изучения) // Вопр. истории. 1994. № 2. С. 169–171.

[45] Нестор в Житии Феодосия, рассказывая о первых годах существования пещерного монастыря (до создания наземной церкви и келий), пишет: "Еще же и роукама своима делахоуть дело: ово ли копытьца плетоуще и клобоукы, и ина роучьная дела строяще, и тако носяще въ градъ, продаяхоу и темь жито коупяхоу, и се разделяхуть, да къждо въ нощи свою часть измеляшеть на състроение хлебомъ... дроугоици же въ ограде копахоуть зелиинааго ради растения." (УС. С. 87.)

[46] Согласно рассказу Поликарпа, преподобный Иоанн провел в затворе более 30 лет (КПП. С. 138–141).

[47] Подобное предположение было высказано еще митр. Макарием *(Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 161–162).

[48] КПП. С. 128–129. (Правда, потом мы видим Агапита постоянно живущим в монастыре посреди братии. Но здесь необходимо иметь в виду, что события, о которых речь идет ниже, связаны с более поздним периодом жизни подвижника (упоминание о Владимире Мономахе), когда уже произошло объединение двух общин (время игуменства Стефана).

[49] Подробнее об этом см.: *Артамонов Ю.А.* Проблема реконструкции... С. 15–36.

[50] Так, рассказывая о святом Агапите, Поликарп пишет: "И слышно бысть о немь въ граде, яко некто въ манастыри лечець, мнози болящии прихождаху к нему и здрави бываху." (КПП. С. 129). Известно, что лечением больных занимался и преподобный Антоний. Зна-

комый с его житием Поликарп пишет, что легендарный основатель Печерской обители исцелял нуждающихся, подавая им "от своея яди". (Подробнее об этом см.: *Артамонов Ю.А.* Проблема реконструкции... С. 15–36.) Исцеления, как правило, обеспечивали дополнительный приток пожертвований и вкладов, поэтому монахи настойчиво популяризировали эту сторону своей деятельности.

[51] *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. М., 1995. С. 177–178.

[52] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 170.

[53] ПВЛ не называет имен сыновей полоцкого князя, указывая только на то, что 10 июля (июня – по Ипатиевской Летописи) Всеслав был вероломно схвачен Изяславом у Смоленска и заключен в поруб вместе "съ двема сынома" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167). Кроме Романа и Глеба, у Всеслава было еще пятеро сыновей – Борис, Давид, Рогволод, Ростислав, Святослав (*Головин Н.* Родословная роспись великого князя Рюрика. М., 1851. С. 7). Все они умерли в самом конце 20-х годов XII в. (1128–1129), поэтому следует думать, что в момент пленения Всеслава в 1067 г., если они уже и родились, то были еще слишком малы для того, чтобы сопровождать отца в столь рискованном деле. Поэтому, вероятнее всего, Всеслава сопровождали его старшие сыновья Роман (ум. 1114 г.) и Глеб (ум. 1119 г.).

[54] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 171.

[55] Там же. Стб. 172–173.

[56] Там же. Стб. 193. Это свидетельство подтверждает мнение М.С. Грушевского о том, что действительным инициатором репрессий был не Мстислав, а его отец. Говоря о событиях весны 1069 г., исследователь писал: "Эта жестокость и вероломство остались памятными в населении, которое винило в них Изяслава, и летописец позже, защищая последнего, свалил всю вину на Мстислава" (*Грушевский М.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 73).

[57] Характеризуя взаимоотношения Антония и Изяслава, В.А. Руденок пишет: "И без того далеко не теплые взаимоотношения между ним (Антонием. – *Ю.А.*) и старшим Ярославичем до крайности обострились после того, как Антоний принял сторону киевлян во время восстания, вспыхнувшего в 1068 году" (*Руденок В.А.* Тайны монастырских подземелий. Чернигов, 1999. С. 9). Отсюда, конечно, вовсе не следует, что Антония следует считать руководителем или активным участником самого выступления ("вождем восставших").

[58] Наиболее четко эта мысль сформулирована в статье 6559 г.: "Мнози бо манастыри от цесарь и от бояръ и от богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бденьемь. *Антоний бо не име злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемь.*" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 159).

[59] В статье 6559 г. и Житии Феодосия Печерского Антоний неоднократно именуется "старцем".

[60] Узнав от Феодосия о том, что его мать желает стать монахиней, Антоний "прослави Бога, обратившааго сердце ея на такавое покаяние; и шьдъ къ неи и много пооучивъ ю, еже на пользоу и на спасение души, и възвестивъ о неи княгыни; поусти ю въ манастырь женьскыи, именоуемъ святааго Николы" (УС. С. 83).

[61] *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 463. Объясняя причину произошедшего переворота, летописец пишет: "Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ целовавъ крестъ, и я и; темже наведе Богъ поганыя, сего же (т.е. Всеслава. – *Ю.А.*) яве избави крестъ честный. В день бо Въздвиженья Всеславъ, вздохнувъ, рече: О кресте честный! Понеже к тобе веровах, избави мя от рва сего". (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172). Рассказ статьи 6576 г. был написан человеком, который явно сочувствовал Всеславу, зная о восстании 1068 г. не понаслышке. Поэтому в данном отрывке следует видеть отражение реальных умонастроений в киевском обществе того времени. А раз так, то они вполне могли быть созвучны взглядам самого Антония.

[62] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 283.

[63] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 492–493.

[64] К сожалению, источники не сообщают о том, как складывались взаимоотношения между Всеславом и Печерским монастырем после возвращения Изяслава. Летописец, сообщая о смерти Всеслава под 1101 г., не говорит о том, где он был похоронен. Но, на наш взгляд, этим местом вполне мог быть Печерский монастырь. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что летописец – монах Печерского монастыря, работая в Киеве, был способен настолько точно указать день и время смерти Всеслава ("месяца априля въ

14 день, въ 9 час дне, въ среду"). Во-вторых, время смерти Всеслава совпадает с крупными пожертвованиями монастырю его сына Глеба с целью построения каменной трапезной. (Строительство было завершено в 1108 г., следовательно, основание трапезной следует относить к самому началу XII в.) В-третьих, здесь же в 1119 г. хоронили самого Глеба Всеславича, который в этом смысле, возможно, следовал примеру отца (см.: *Артамонов Ю.А.* Формирование родовых некрополей на Руси в XI–XII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти: XIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Материалы конференции. М., 2001. С. 11–20).

[65] При этом, конечно, нельзя исключать факт прямого духовного влияния Антония на Глеба.

[66] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 193–194.

[69] *Руденок В.А.* Указ. соч. С. 10.

[70] "Не совсем определенные слова летописца, который, с одной стороны, ведет монастырь от преп. Антония, а с другой – не называет Антония прямо его основателем, по всей вероятности, нужно понимать так, что при пещере Антония монастырь был построен его учениками" (*Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 628).

[69] КПП. С. 34. (В Успенском сборнике данный фрагмент текста утрачен).

[70] *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 628.

[71] *Руденок В.А.* Указ. соч. С. 8–12.

[72] Подробнее об этом см.: *Артамонов Ю.А.* Проблема реконструкции... С. 19–22.

[73] "В се же лето основана бысть церкы Печерьская игуменомь Феодосьемь и епископомь Михаиломь, и митрополиту Георгию тогда сущю въ Грецехъ, Святославу Кыеве седящю" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183).

[74] *Еремина Т.С.* Указ. соч. С. 41. Ту же трактовку событий, связанных с возвращением Антония в Киев, находим в работе А.Ю. Карпова и А.А. Юрьева. "Вскоре Изяслав, – пишут исследователи, – раскаявшись, упросил Антония вернуться в Киев, что тот с радостью и сделал" (*Карпов А.Ю., Юрьев А.А.* Антоний Печерский. С. 49).

[75] Подробнее об этом см.: *Артамонов Ю.А.* Мнимые реальности биографии Антония Печерского // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в историографии античности и средневековья: XIV чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Материалы конференции. М., 2002.

[76] *Приселков М.Д.* Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. СПб., 1923. С. 27.

[77] "По отношению к другим сторонникам Всеслава, – писал М. Грушевский, – Изяслав, конечно, церемонился гораздо меньше (по сравнению с Антонием. – *Ю.А.*), и, можно думать, не один из них, по примеру св. Антония, ушел к Святославу, пользуясь натянутыми отношениями братьев. У Святослава должна была образоваться партия приверженцев" (*Грушевский М.* Очерк... С. 78).

[78] Мощи святых братьев были перенесены 2 мая 1072 г. Характеризуя взаимоотношения между Ярославичами, летописец пишет: "И отпевше литургию, обедаша братья на скупь, кождо с бояры своими, с любовью великою." (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182).

[79] *Казанский П.С.* История... С. 71.

[80] Об этом достаточно красноречиво свидетельствует рассказ Жития Феодосия, где Нестор пишет, что печерский игумен получил приглашение братьев принять участие в торжественном обеде по случаю захвата Киева. Следует думать, что в число приглашенных входили наиболее влиятельные представители боярских родов, купечества, посадского населения и духовенства.

[81] Захват Киева Святославом и Всеволодом датируется 22 марта 1073 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182). Однако, это обстоятельство не исключает того, что Антоний мог вернуться в столицу и несколько позже, например, в начале апреля 1073 г.

[82] КПП. С. 8.

[83] УС. С. 125. Нестор представляет дело так, что Святослав узнал о начале строительства собора совершенно случайно, проезжая мимо. В данном случае автор Жития Феодосия намеренно грешит против истины (см.: *Артамонов Ю.А.* История основания Успенского собора Киево-Печерского монастыря // Великая Успенская церковь Киево-Печерской лавры: След в веках. Киев, 2002).

[84] *Карпов А.Ю., Юрьев А.А.* Антоний Печерский. С. 49.

[85] *Артамонов Ю.А.* Проблема реконструкции... С. 19–22.

[86] *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 241. К сожалению, даже эти данные не могут считаться вполне точными, так как нельзя полностью исключить вероятности перемещения памяти (праздника) с одного дня на другой. Так, например, в некоторых месяцесловах и прологах XIV в. перенесение мощей Феодосия фиксируется под 31 мая, хотя достоверно известно, что событие это имело место 14 августа (*Лосева О.В.* Русские праздники в древнейших церковных календарях // Русское средневековье. М., 1999. С. 27–28). Между тем, церковь празднует память преп. Антония 10 (23) июля.

Л.И. Лифшиц

ИКОНА "СВ. НИКОЛА" ИЗ СЕЛА ВИДЕЛЕБЬЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО ИКОНОПИСАНИЯ ПСКОВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ – СЕРЕДИНЫ XIV века

Среди немногих дошедших до нас памятников живописи Пскова XIII – XIV вв. существуют только два, чья датировка может быть обоснована, хотя и с разной степенью достоверности, не только стилистически, но и документально. Это росписи собора Снетогорского монастыря, созданные, как свидетельствует запись псковского Паремийника, в 1313 г.[1], и икона "Никола в житии" из погоста Ведилебье, под Псковом, вывезенная в 1958 г. экспедицией Русского музея[2]. Работа над раскрытием памятника еще продолжается в реставрационной мастерской Русского музея, опубликованы только материалы наблюдений, сделанных после первых пробных расчисток.

Плохая сохранность авторской живописи затрудняет проведение исследований. И все же раскрытые фрагменты позволяют сделать ряд замечаний, существенных для понимания памятника и характера процессов, происходящих в искусстве Пскова в первой половине XIV в.

На полях иконы имеется вкладная надпись с именами заказчиков и указанием года ее написания или вклада в храм. Надпись эта, выполненная белилами крупным уставом, к сожалению, наполовину разрушенная, идет по периметру внешнего края доски, опушенной киноварью: "*В лет[о] 6000-ное... 5... икона си стыи Никола стяжанием раба божиа Васи[ли]я и Федора Онаньин... Николе ...сте а собе в [веч]нье отпуще[нь]е [гр]ехов. Въ векы аминь, аминь*"[3]. Вкладной характер иконы, являвшейся личным моленным образом семьи Онаньиных, подтверждают помещенные на фоне средника по сторонам от Николы два медальона с изображениями их святых патронов – Василия Великого и Феодора. В отличие от монументальных житийных образов XIII – начала XIV в., высота которых колеблется от 130 до 145–147 см, а ширина достигает 110–126 см, икона "Николы" имеет относительно небольшие размеры 99,9 × 76,5 см[4].

Икона из Виделебья принадлежит к распространенному в Византии и на Руси типу полуфигурных изображений святого Николая, окруженных клеймами со сценами его жития. Голова Николы с высоко поднимающимся куполообразным лбом, симметрично расположенными прядями волос, обрамляющими его лицо, широко расставленными миндалевидной формы глазницами, очерченными тонкими протяженными дугами бровей, – все эти особенности физиогномического типа хорошо знакомы по памятникам XII–XIII вв.[5] С традициями искусства позднего XII – раннего XIII в. связаны также красный фон средника, медальоны с изображениями святых патронов заказчиков, плоские архитектурные кулисы в клеймах, их яркая раскраска, простые, лишенные пространственной глубины композиционные построения. Но при этом указанные архаические черты лишены яркой стилистической окраски, они уже в большей мере связаны с приемами письма, основами ремесленной практики иконописцев, работавших в Пскове в XIII – первой половине XIV в. Впрочем, до середины XIV в. эта техническая традиция удерживается и в иконописи других провинциальных центров Руси. Но даже и на этом уровне имеются отступления от нее. Так, манера письма волос плотными пятнами белил, слегка подцвеченных серым или голубова-

тым тоном, которые образуют на поверхности иконы подобие матово поблескивающих эмалевидных затеков, известна в основном по памятникам живописи второй половины XIII – начала XIV в. Таковы, например, икона "Николы" из Нессебра в Болгарии последней трети XIII в.[6], новгородская икона "Иван, Георгий и Власий" начала XIV в. (ГРМ)[7].

Можно в целом согласиться с мнением исследователей, усматривающих черты сходства иконы из Виделебья с новгородскими иконами начала – первой трети XIV в. "Николой в житии" из Любони (ГРМ) и "Николой в житии" из Озерево (ГРМ)[8], представляющими "низовой" пласт местного искусства, а также с миниатюрами тверской рукописи "Хроники Георгия Амартола" первой четверти XIV в. (РГБ)[9] и новгородской "Симоновой Псалтири" того же времени (ГИМ)[10]. Есть и более конкретные черты сходства между "Николой" из Виделебья и "Николой" из Озерева – прежде всего это характерная белильная "жемчужка", украшающая лузгу средника и разгранки клейм на полях, расположение отдельных фигур или же групп фигур на фоне темных проемов архитектурных кулис, более грузные, чем в "Николе" из Любони, пропорции. Есть и определенная общность в принципах построения колористической композиции, особенно в предпочтении, оказываемом гамме коричневых и красных тонов, что может свидетельствовать не только о близости времени создания обоих памятников, но и, возможно, о едином круге образцов, с которым были знакомы оба художника. Учитывая происхождение озеревского "Николы" из районов Новгородской земли, граничащих с Тверским княжеством и с владениями Ростова, нельзя исключить, что ими могли быть произведения мастеров Северо-Восточной Руси. Таким образом, можно констатировать, что памятник этот относится к типовым явлениям наиболее широкого пласта искусства провинциальных центров Древней Руси первой половины – середины XIV в.

Вместе с тем, определенный иконографический стандарт изображений в среднике и на полях, яркая цветность как бы раскрашенных житийных клейм, упрощенность композиционных построений сочетается с некоторой живописной раскованностью исполнительской манеры, говорящей об уверенном мастерстве автора. Свободная вариативность, которой отличается письмо клейм псковской иконы, указывает на то, что "комниновская" традиция определяла тот уровень профессиональной подготовки, от которого отталкивались, но не тот, к которому стремились. В самом сочетании традиционных приемов письма со свободной, раскованной манерой их воплощения, ощутимы главные тенденции эпохи.

Новые стилистические черты дают о себе знать в некоторой оживленности движения, в отказе от плотного заполнения плоскости фона, в активизации ритма диагональных линий. В сценах, представленных в клеймах, по сравнению с аналогичными изображениями в иконах XII–XIII вв., несколько повышается линия поземов, фигуры не всегда ставятся на разгранку, чаще сдвигаются от края композиции к центру, уводятся на второй план, их жесты и позы в основном ориентированы под углом к изобразительной плоскости, общее композиционное движение направлено в глубину пространства или же идет из глубины, как это можно видеть в клейме "Никола спасает отрока Димитрия от потопления в море"[11].

Новые стилевые тенденции проявляются в самых неожиданных мелочах, в частности, в том, как по ходу работы мастер увеличивает первоначально намеченный графьей размер нимба. Расширив его границы и опустив их ниже, за линию плечей, введя таким образом дополнительный цветовой план между фигурой Николы и фоном средника, художник смягчил резкость силуэта и перенес

основной зрительный акцент с контурной описи на массивное, глубокое по тону красно-коричневое с багрово-красными светами пятно фелони. Покатая округлая линия плечей и широкая лента белого омофора с большими черными крестами увеличивают ощущение красочного объема. Мастер подчеркнул упругость контурной описи, скруглив ее у локтей и открыв в нижней части композиции узкие пространственные просветы красного фона, благодаря чему фигура Николы зрительно легко отделяется от него. По сравнению с другой псковской иконой – "Спас Елеазаровский", – фигура Николы кажется не столь стесненной в движении и как будто немного отдвинутой от переднего плана в глубину средника.

Несмотря на множество примет искусства традиционного и даже упрощенного, на что указывала М.А. Реформатская[12], в образе Николы уже нет демонстрации властной и чудесной силы, которая хорошо ощутима в новгородских иконах из Любони и Озерева. Явно архаизирующие черты, дающие о себе знать в традиционной иконографии, упрощении пластики, сдержанности движений, уплощенности композиционного пространства, сочетаются в этой иконе с тонкой интонированностью в передаче выражения лица. Его взгляд, внимательный, но устремленный не к молящемуся, а поверх него и в сторону, в даль, чуть заметное обращение головы вправо, усилившаяся роль подвижных световых бликов, которых еще нет в иконе "Спаса", придают легкую оживленность выражению лика, создают ощущение неоднозначности состояния внутреннего мира святого. Не случайно, Э.С. Смирнова, характеризуя псковский памятник, отметила что "яркая, декоративная манера сближает икону с простонародными провинциальными течениями, а лик Николы, его тип, его внутренняя характеристика выдают наличие высокого и утонченного образца, на который ориентировался и которым вдохновлялся псковский иконник... За этим изображением, – пишет она, – угадывается большая художественная традиция, по-своему истолкованная псковским мастером"[13].

Еще одна примета нового стиля – отказ автора иконы от такой важной особенности искусства XIII в. как почти принудительное подчинение размера и ритмического рисунка пластической формы, ее пропорций формату и архитектонике плоскости доски. Это проявляется, в частности, в постоянном отклонении изображения от оси симметрии, в многообразии ритмов разнонаправленных протяженных и коротких линий, то острых и ломких, то плавных и круглящихся, то прихотливо изгибающихся. Фигуры перестают соотноситься с фоном как с твердой материальной поверхностью, что позволяет почувствовать, как он незаметно обретает пространственную выразительность.

Состояние сохранности памятника, особенно завершающих письмо моделирующих красочных слоев, лишает нас возможности составить полное представление о том, как первоначально выглядел лик Николы. Техника живописи этой иконы в чем-то напоминает бессанкирное письмо домонгольской эпохи. Светло-желтого оттенка основу перекрывает не плотный, но ровный серовато-зеленый санкирный тон, проложенный по всей площади лика. Поверх него нанесены слои высветлений, от которых сохранились следы светлого желтоватого охрения и остатки плотных белильных мазков. Характерна общая тональная сближенность подкладочных и верхних слоев живописи, взаимопроникающих друг в друга. В результате такого взаимодействия, видимо, возникал эффект освещенности почти всей поверхности лица, широким, прямым, хотя и не ярким потоком света. Свет не отражался от выпуклых частей формы, не превращался в скользящие по ним рефлексы, но как бы впитывался карнацией. Исключение составляют зоны тонких теневых контурных описей, которые удерживают свет

в пределах пластической формы и одновременно придают чертам лика Николы элемент остроты, а его внешне сдержанному выражению оттенок внутреннего напряжения.

Долгая жизнь света, его движение в пространстве, его сопряжение с объемом лица собственно и составляли главную "новость" того стиля, той художественной проблемы, которую решал автор "Николы" из Виделебья. Со старой иконографической формой, представлявшей как бы известную "мелодическую" тему, живописная разработка карнации, колористическое и ритмическое построение композиции сочетались как тема "гармоническая". Причем начало гармоническое здесь отчетливо отделяется от мелодического и постепенно выходит на первый план. Соотношение же этих двух тем и создает своеобразный эффект постоянно меняющегося выражения казалось бы абсолютно спокойного лика святого.

Такого рода художественные решения известны в памятниках, создававшихся в Византии и на Балканах в 30-е – 40-е годы XIV в. Их также характеризуют обращенные к миру внимательные взгляды из-под поднятых вверх бровей, вдумчивые и одновременно оживленные лики, освященные прямым и ровным потоком света, который оставляет лишь неширокие зоны теней по краям формы, благородная осанка, сочетающаяся с душевной простотой и открытостью. Наиболее близкие псковской иконе изображения мы находим в фигуре Николы в росписи церкви Св. Димитрия в Печи 1345 г.[14] и в иконе "Николы" из церкви Св. Климента в Охриде первой половины – середины XIV в.[15]

Аналогии такого рода вновь ставят вопрос о конкретных образцах, с которыми могли быть знакомы псковские мастера, и о путях их проникновения на Русь. В этой связи можно обратить внимание на то, что период пребывания на русской митрополичьей кафедре грека Феогноста, как ранее никакой другой, был отмечен частыми приходами в разные города греческих художников-стенописцев. В 1338 г. гречин Исайя "с другы" расписывает церковь Входа в Иерусалим в новгородском Детинце[16]. В 1342 г. новгородские владычные мастера, следовавшие византийским образцам, создают иконы праздников для иконостаса Софийского собора[17]. Еще через два года греческие художники по заказу митрополита Феогноста расписывают Успенский собор в Москве[18]. А в 1345 г. русские мастера, "а Гречестии ученицы: Гоитан и Семен, и Иван, и прочии их ученицы" украсили живописью стены собора Спасского монастыря в московском Кремле[19]. В 1340–1350-е гг. греческие или юго-славянские художники и их русские ученики могли работать и в других городах, в том числе и в Твери. В 1349 г. там повелением епископа Федора был расписан алтарь Спасского собора[20]. К тому же известно, что тверская кафедра в первой трети столетия поддерживала тесные связи с духовными центрами Византии и Балкан[21].

Было бы странным, учитывая большую политическую активность Пскова, его многообразные контакты со всеми соседями, начиная от Новгорода, Литвы, Твери и кончая Москвою, чтобы эхо новых явлений в искусстве досюда не докатилось. Пути проникновения в Псков образцов высокого стиля в первой половине столетия, особенно в 30-е годы, когда в городе княжит тверской изгнанник Александр Михайлович, были, конечно, многообразны. Скорее всего, вместе с князем из разоренной после антитатарского восстания 1327 г. Твери сюда приходят и обслуживавшие княжеский двор и епископскую кафедру мастера, художники и зодчие.

Если даже считать, основываясь на весьма скудном материале, который до нас дошел, что в искусстве Пскова этого времени эволюционные процессы, затрагивающие структуру изобразительной формы, происходят на микроуровне,

они все равно приводят к серьезным изменениям образного строя икон. Отсутствие в иконе из Виделебья былой чинности, строгой ритмической упорядоченности, еще вполне заметной в новгородском "Николе" из Озерева, и, что важнее всего, появление интонации личного молитвенного обращения и живого диалога, не сообразующегося с формулами книжного языка, свидетельствует не только об упрощении мастерства, но и о рождении нового отношения к иконному образу. В самом строе форм этой семейной святыни есть ощущение камерности, атмосферы искреннего доверительного диалога, которая впоследствии станет одной из характерных черт псковской иконописи.

Настроение это присуще не только самому образу Николы, оно ощутимо и в клеймах, и даже в том, как расположены в среднике рядом с Николой медальоны с изображением небесных патронов заказчиков. По сравнению с новгородской иконой "Николы Духовского" середины XIII в., где аналогичные медальоны вписаны в строгую архитектурную композицию и подчеркивают ее репрезентативный характер, здесь они более всего похожи на скромные украшения-привесы, которые не отвлекают на себя внимание. А клейма с белыми фонами, окаймленные со всех сторон тонкой черной обнизью, с орнаментом в виде "жемчугов", зрительно хорошо отделяющиеся от краснофонного средника, образуют подобие рамы, как бы приложенной к чтимому образу и украшающей его. Еще один – третий по счету – "приклад" составляет киноварная опушь полей, по которой идет вкладная надпись. Вместе они являют своеобразный живописный комментарий, сделанный художником от лица заказчиков иконы. В этом отношении особенно показательно широкое распространение в Пскове обычая сопровождать личные вклады-моления – иконы и книги – благопожелательными надписями ктиторов. Так, запись в "Явиловом Евангелии", представляющем большой кодекс (размер 32,6 × 24,5 см), написанный в два столбца уставом, называет не только имя вкладчика – владычного наместника, старосты "стаго Ивана" раба божьего Иакова сына Домашина Соумовича, личность которого хорошо известна по другим письменным источникам, но и настоятельницы Улиты Черкасиновой, попа Мануила Петриловича и даже самого писца Явилы, который от себя желает "послушающим" и "чтощим еуа(г)иа сего" "здоровие и спасение"[22]. Надпись, частично сохранившаяся на полях иконы из Виделебья, относится к их числу. Но не только по жанру вкладных образов и надписей, а и по интонации глубоко личного, простосердечного обращения к святому-покровителю, призыва о помощи это очень похоже на пометы, оставлявшиеся псковскими переписчиками книг XIV в. на полях рукописей: *"Святый христовъ мученице Пантелеймоне, поспеши рабоу своему Козме, а начаты быша книгы си мца декобря 16 на память стых 3 отрокъ"* (Паремийник 1313 г. РГАДА. Ф. 381. № 61. Л. 1 об. – 2)[23].

Похоже, что в искусстве первой половины XIV в. тенденция к отходу от строгой репрезентативности, усилению черт камерности становится доминантной. Так, А.И. Комеч отмечает ее в псковской архитектуре того же времени. Характеризуя Никольскую церковь в Изборске, он пишет о том, что "подобные храмы полны смирения и некоторой тревожности атмосферы", которая, вместе с тем, поражает простотой, "удивительной ненапряженностью и открытостью эмоционального состояния". Он обращает внимание на стремление зодчих к созданию в угловых частях храма "укромных камер, рассчитанных на одного–двух человек"[24].

Интенсивный рост города, происходящий именно в этот период, способствовал формированию тесной застройки, при которой церкви стояли практически на территории усадеб. Из Крома и Довмонтова города жилая застройка выно-

сится на территорию Среднего города, здесь идет строительство новых боярских усадеб. Перенос боярских усадеб в Застенье приводит к образованию в пределах тесной застройки своеобразных отдельных районов-концов, которые более напоминали кварталы, чем обширные округа, какими являются городские концы в Новгороде[25]. В каждом из них было по несколько церквей. Примерно к семи храмам, существовавшим к началу XIV в. на территории Крома и Довмонтова города, в первой половине столетия добавились еще девять, "из них семь стояли уже вне стен Довмонтова города на посаде, в Застенье"[26]. О плотности застройки позволяет судить запись составителя летописи, сообщающего о страшном моровом поветрии 1342 г.: "Того же лета бысть мор зол на людех в Пскове и в Изборске: мряху бо мужи и жены и малыя дети, и не бе, где погребати, *вся бо могылиа въскопана бяху по всем церквам* (приходские кладбища располагались на территории вокруг храма. – *ЛЛ.*), *где выкоплют единому мужю яму, то вложат с ним малых деток 7 или 8 в один гроб*" (курсив мой. – *ЛЛ.*)[27].

Складывался совершенно особый микроклимат внутренней жизни церковных общин, напоминающих большие семьи. Время богослужений – "литургическое время" – тут всецело заполняло быт, а повседневный быт был реальностью внутрицерковной жизни.

Домашний масштаб храмов полностью соответствовал и подчеркнуто личностному характеру благочестия псковичей, лишенному черт ритуальной условности, несколько преувеличенной репрезентативности и чинности, столь заметных в строе новгородской живописи. В образах, созданных псковскими мастерами, дистанция между горним и дольним предельно сокращена, постоянно ощутима интонация доверительного обращения молящегося к святому. Яркие свидетельства тому – пометы переписчиков на полях рукописей: "*О стый Пантелеймоне, поспеши. Уже глази спа[ти] хотять*"; "*...сести позаутрыкати хотя пост*" (ГИМ. Син. № 172. Л. 99 об., 115); "*Ох мне лихого сего писания. И еще ох... О стаиа безмездника,* (Козьма и Дамиан. – *ЛЛ.*) *поспешити*" (Шестоднев 1312 г. РГАДА. Ф. 381. № 76. Л. 32, 35)[28].

Уже в первых публикациях иконы из Веделебья было обращено внимание на уникальные подробности иконографии житийного цикла. Так, Э.С. Смирнова определяла центральное клеймо левого поля как очень редкую стену "Исцеления хромого", а второе снизу клеймо правого поля оставила неопределенным в силу неясности изображения[29]. И.С. Родникова, уточняя атрибуцию клейм, ставит под сомнение правильность определения сцены "Исцеления хромого", но не предлагает своего прочтения и определяет нижнее клеймо правого поля как "Никола, оказывающий милость трем бедным девам"[30].

Недоумение ученых вызвало и нетрадиционное изображение безбородого святого воина Феодора, поскольку популярные в Византии и Древней Руси Феодор Тирон и Феодор Стратилат всегда изображались бородатыми. И.С. Родникова, например, считает, что здесь представлен Федор Тирон, но все же вопросительный знак оставляет[31].

Нет никакого сомнения, что фигура в правом медальоне на фоне средника представляет патрона одного из вкладчиков – Федора Онаньина. Сохранились начальные буквы слов "АГИОС" (святой) – АГω и "Феодор" – Ф. Хорошо различимое изображение кольчуги, меча в левой и креста в правой руке не оставляет сомнения, что имеется в виду святой воин-мученик Феодор. Вместе с тем, совершенно очевидно, что это не Тирон и не Стратилат. Но византийская иконография знает и других мучеников, носивших это имя, в том числе и юных воинов, что для нас особенно важно. Широко распространяющиеся в XIII–XIV вв.

тексты Пролога делали известными их жития. Среди этих святых особенно выделяется Феодор Пергийский, юный воин, претерпевший мученическую смерть на кресте (его память отмечается 21 апреля). Судя по некоторым изображениям этого святого в циклах Минология, его иногда путали с Феодором Стратилатом[32]. Такой необычный, явно осмысленный и направленный выбор мало известного, но именно юного святого, значительно уступавшего в популярности своим соименникам, может быть объяснен следующим образом: Федор Онаньин, один из вкладчиков иконы, был человеком юным, а Василий Онаньин, скорее всего, был его отцом.

Образ юного святого Феодора Пергийского, облаченного в красный патрицианский плащ, заставляет по-новому оценить и характерный подбор сцен жития. Обращает на себя внимание, что кроме традиционных житийных эпизодов, связанных с рождением Николы, детством святого, его поставлением в священный сан и погребением, все остальные сцены посвящены событиям чудесного исцеления или же спасения, в центре которых обязательно находится юный персонаж, облаченный, как и святой Феодор, в красные одежды. Его можно видеть среди трех узников, изводимых из темницы, и среди мужей, приговоренных к усекновению главы. В красные одежды одеты: "Агриков сын" Василий; спасаемый от потопления Димитрий; юноша в сцене изгнания беса из древа; а также персонажи двух клейм, определение которых вызывает наибольшее затруднение. Таким образом, история чудесных избавлений от болезней, плена и смерти автором иконы персонифицируется, преобразуясь в историю покровительства Николы одному человеку.

Столь подчеркнутым вниманием автора иконы к эпизодам, связанным с юными персонажами, можно объяснить включение в традиционный житийный цикл двух необычайно редко встречающихся в нем сцен. Одна из них на правом поле представляет собой изображение, ранее прочитывающееся как чудо о трех девах. Хорошо различимая киноварная надпись – *"стыи Ни[кол]а изгнаваіеть [б?]* ѣ *[сы?] исъ цлвка"* – не оставляет сомнений, что здесь изображена сцена изгнания беса. На фоне палаты изображены три юноши, один из них в красном платье с молитвенно сложенными руками обращается к стоящему справа Николе, который его благословляет. Этот эпизод включается в русские редакции Жития Николы[33], но клеймо иконы из Виделебья – первый и единственный известный нам случай его изображения в русской иконописи XI–XV вв. В монографии Н. Патерсен-Шевченко, посвященной изображениям житийного цикла Николы в византийской живописи, можно найти данные также о весьма немногих случаях изображения этой сцены. Таковы композиции в росписи церкви св. Николая в Агориане в Лаконии (Греция) конца XIII в.[34], в росписи Рамачи в Сербии конца XIV в.[35], на иконе "Св. Никола" из монастыря святого Иоанна Богослова на Патмосе XV в.[36] Но во всех названных памятниках в этой сцене перед Николой стоит или лежит один человек, в иконе же из Виделебья перед ним стоят три юноши, что и стало причиной определения этого клейма как чуда о трех девах. Среди множества византийских и восточнохристианских изображений житийного цикла Николы только в одном памятнике – иконе "Николы" из Какопетрии на Кипре, около 1300 г., мы находим похожую композицию[37]. Но это клеймо представляет Николу не перед юношей, одержимым бесом, а воскрешающего убитых отроков. Данный эпизод, как указывает Н. Патерсен-Шевченко, не известен в греческих версиях "Жития", но получил широкое распространение в латинской литературе и искусстве, начиная с XII в.[38] На христианский Восток, судя по кипрской иконе, эта версия могла попасть вместе с крестоносцами. Псковский художник мог быть даже и не знаком с западной версией

"Жития" Николы, но изображения этой сцены ему наверняка были известны. Пришлось лишь дать им собственный комментарий, в котором говорится о чуде изгнания бесов.

Что касается так называемого "Исцеления хромого", то обычно сцены такого рода следовали схемам изображения чудес Христа, где хромые никогда не представлялись сидящими. Отрок же, сидящий в палате, имеет отношение к еще одному эпизоду узничества. Он связан с историей некого вельможи Епифания, который, неправедно заподозрив своего юного слугу в краже золота, заточил его в темницу. Там он был освобожден от уз явившимся по его молитве св. Николаем[39].

Есть еще одна особенность в расположении клейм, подтверждающая мысль о персонификации цикла. В отличие от традиционного расположения двух эпизодов "Избавления Агрикова сына" друг за другом – "Василий прислуживает за трапезой сарацинскому князю" и "Никола возвращает Василия в родительский дом", – как это обычно и делают авторы изображений "Николы с житием", в том числе иконы из Озерева, псковский мастер вставляет между ними сцену "Избавление трех мужей от казни", где, как уже упоминалось, фигурирует юноша в красном платье. Такая редакция "Жития" позволяла ему превратить цикл из трех клейм в повесть о плене некоего юного героя, избавлении от грозившей там ему смерти и о его благополучном возвращении домой.

Становится понятным и появление исключительно редких, а точнее уникальных сцен с изгнанием беса и сцены, определявшейся ранее как исцеление хромого отрока. Все они органично входят в цикл, связанный с темой плена, исцеления, избавления от смертельной опасности и обретения свободы.

Житийный цикл иконы "Николы" из Виделебья, преображенный в бесхитростное повествование, подкупающее поразительной искренностью и доброжелательностью, исполненное чувством простосердечной веры и любви, открывает новую грань в искусстве Пскова. Он дает представление о быстро развивающейся городской культуре и о том, как религиозная жизнь выходит за пределы церковных стен, сколь прочно она переплетена с бурными событиями исторической действительности и как непосредственно эти события питают веру каждого человека. Вполне вероятно, что икона была написана по случаю чудесного избавления юного Федора Онаньина из плена, скорее всего немецкого, и является благодарственным вкладом в церковь села, владельцами которого могла быть его семья. В обстановке почти ежегодных набегов западных соседей такое развитие событий кажется наиболее правдоподобным.

В этой связи особый интерес представляет дата иконы, содержавшаяся во вкладной надписи. Но из-за утраты слоя позднейшей записи мы лишены сегодня возможности проделать новую палеографическую экспертизу. Поэтому данные палеографии необходимо соотносить с данными стилистического и иконографического анализа. В древнейшем слое читались только обозначения тысяч и единиц – 6000 и 5, а в слое конца XV в. в написании даты – 6[8]45, что равно 1337 г., – были пропущены сотни[40]. Так как стиль живописи не оставляет сомнения, что икона была написана в первой половине – середине XIV в., то ее датировку 1337 г. можно было бы считать вполне вероятной. Однако первоначальный текст ко времени чинки мог иметь утраты, отчего, вероятно, и копийная надпись не вполне точно, с пропуском, повторяла оригинал. Можно полагать, что уже и автору поновления пришлось делать частичную реконструкцию. А это, в свою очередь, дает основание предполагать, что буква М, обозначающая число 40, могла при реконструкции текста заменить, например, букву Н, обозначающую число 50. В последнем случае дата иконы должна читаться как 1347 г.

Надежно датированные, но очень общие стилистические аналогии, которым мы отдаем предпочтение, это в основном балканские памятники конца 30-х – начала 40-х годов XIV в. Среди произведений русской иконописи первой половины этого столетия прямых аналогий "Николе" из Виделебья нет. Можно только указать лишь на некоторые черты сходства клейм иконы, в частности "Чуда с изгнанием бесов", с новгородской (?) иконой "Введение во храм" из погоста Кривое (ГРМ). Оно касается типов лиц, принципа развертывания композиционного пространства и очень простых и емких приемов построения пластической формы[41]. Э.С. Смирнова предпочла обобщенную датировку памятника XIV в., хотя в томе свода "Центры художественной культуры средневековой Руси", посвященном новгородской иконописи середины XIII – начала XV в., поставила ее за иконой "Рождество Богоматери" из собрания С.П. Рябушинского, которую отнесла к середине XIV в.[42] Однако провинциальное происхождение иконы "Введение во храм", архаические элементы ее стиля заставляют решать проблему датировки особо осторожно. Следовательно, было бы правильнее раздвинуть хронологические границы датировки нашей иконы от 6847 (1337) до 6855 (1347) г.

Любопытно, что именно на это десятилетие приходится обострение отношений Пскова с Орденом. Особо кровавые события летописец отмечает в записях под 1341 г., когда после убийства псковских послов был организован поход в Летголу, не поддержанный новгородцами[43]. За этим походом следуют военные экспедиции, организуемые обеими сторонами. Очередная вспышка военных действий отмечается в 1343 г., после чего устанавливается мир до 1348 г.[44] Яркий рассказ псковской летописи рисует часто ситуации, поразительно похожие на те, что позволяют представить сцены житийного цикла иконы "Николы" из Виделебья. "*В лето 6851 г. И бысть бо сеча велика плесковичам с Немци, месяца июля в 1, на память святого мученика Иоустина Философа, в самыи Троицын день; и на первом сстоупе оубиша Кюра Констянтиновича и Кормана Постника и Онтона сына посаднича Ильина и инех пскович. И бог поможе мужем псковичем и изборяном, посеокоша Немець помощью святыа Троица... И сташа псковичи на костех; и оубиша пскович на том бои 17 человек* (имеются в виду полноправные граждане Пскова – "мужи псковичи". – *Л.Л.*), *а инии псковичи безсонием издурели, и старыа и молодыа, и тако блоудячи по лесу много их погибло; а иные после рати вышли... а в те время Роуда, поп борисоглебъскыи, Лошаков внук, пригнав в Ызбореск, и поведа им лихую весть: всех псковичь и изборян побили. Тако же и во Псков пришед тоую же весть поведа... И бысть во Пскове плачь велик и кричание, яко же не бывало николи же такого плача*"[45]. Но затем злая весть сменяется доброй: "*и приехаша в Псков вси здрави*"[46].

Анализ иконы "Николы в житии" из Виделебья позволяет нам говорить о ней как о памятнике, в котором в полной мере проявляются черты своеобразного местного художества. Это относится не только к особенностям тяготеющей к монохромности манеры письма ликов, к уже хорошо узнаваемой красочной гамме, сочетающей ярко-желтый аурипигмент, киноварь, багряно-коричневый цвет фелони Николы и пятна изумрудной зелени в клеймах, но и к особенностям псковского художественного вкуса, псковской поэтики, никогда, даже на уровне полуремесленном, не утрачивающих понимания и ощущения ценности личностного начала.

Таким образом, можно было бы заключить, что своеобразные черты псковского художественного менталитета стали проявляться намного раньше, чем окончательно сложился канон, выработалась традиция местного иконописного ремесла, что, по мнению М.А. Реформатской, происходит не ранее конца XIV в.[47]

Аналогичные явления отмечаются и в зодчестве Пскова первой половины – середины XIV в. А.И. Комеч, указывая на близость псковских храмов к новгородским постройкам, все же находит необходимым отметить их "бесспорное своеобразие". По его словам, "оно связано не с вариантами иконографии, а с пропорциями форм, особой выразительностью пространства и массы, трактовкой поверхности"[48].

[1] *Некрасов А.И.* Две заметки из источников по истории древнерусского искусства // Среди коллекционеров. М., 1922. № 11–12. С. 35–36.
[2] *Перцев Н.В.* Обследование Псковской области // Сообщ. ГРМ. Л., 1961. Вып. 6. С. 71.
[3] *Смирнова Э.С.* Живопись Древней Руси: Находки и открытия. Л., 1970. Описание таблиц 4 и 5; Псковская икона XIII–XVI веков / Сост. И.С. Родникова. Л., 1990. Табл. 7–9. С. 292.
[4] Можно сравнить ее с новгородской иконой "Никола" из Любони начала XIV в. (ГРМ), размер которой равен 140 × 97 см. Novgorod icons 12th – 17th century / V. Laurina, L. Pushkarev. L., 1980. Tabl. 25–28).
[5] См., например, икону "Никола" из Духова монастыря в Новгороде середины XIII в. (ГРМ) – *Смирнова Э.С.* Живопись Великого Новгорода: Середина XIII – начало XV в. М., 1976. С. 150–156.
[6] Trésors d'Art médiéval Bulgare VII-e – XVI-e siècle. Genève, 1988. № 147.
[7] *Лазарев В.Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI в. М., 1983. Табл. 15.
[8] *Смирнова Э.С.* Живопись Великого Новгорода. С. 134, 153; *Реформатская М.А.* Псковская иконопись XIII – начала XV в. (К уяснению понятия "местная школа"): Дис. ... канд. искусствоведения. М., МГУ, 1979. С. 61; Псковская икона XIII–XVI веков. С. 292.
[9] *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV в. М., 1980. № 18.
[10] *Popowa O.S.* Altrussische Buchmalerei 11. bis Anfang 16. Jahrhundert. Leningrad, 1984. Taf. 12, 13.
[11] Псковская икона XIII–XVI веков. Табл. 7.
[12] *Реформатская М.А.* Указ. соч. С. 62–66.
[13] *Смирнова Э.С.* Живопись Древней Руси. С. [3].
[14] *Subotić G.* The Church of St. Demetrius in the Patriarchate of Peћ. Beograd, 1964. Ill. 41.
[15] *Djurić V.J.* Icônes de Yougoslavie. Belgrade, 1961. № 22. Tab. XXXII–XXXIII.
[16] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 348.
[17] Там же. С. 353. Большая часть исследователей считает авторами этих икон пришлых балканских мастеров (см.: *Смирнова Э.С.* Живопись Великого Новгорода. С. 64–68).
[18] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 366.
[19] Там же. С. 367.
[20] Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 221.
[21] По мнению Н.Н. Воронина, разгром Твери на десятилетия прекратил ее "художественное развитие" (*Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1961. Т. 2. С. 148; *Попов Г.В., Рындина А.В.* Живопись и прикладное искусство Твери: XIV – XVI века. М., 1979. С. 22–25).
[22] Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 1. С. 129.
[23] *Покровский А.А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ // Тр. XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1916. Т. 2. С. 273.
[24] *Комеч А.И.* Каменная летопись Пскова XII – начала XVI в. М., 1993. С. 91.
[25] Там же. С. 103.
[26] *Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М., 1985. С. 227–228.
[27] ПЛ. М., 1955. Вып. 2. С. 25.
[28] *Покровский А.А.* Указ. соч. С. 273.
[29] *Смирнова Э.С.* Живопись Древней Руси. Описание таблиц.
[30] Псковская икона XIII–XVI веков. С. 292.
[31] Там же.
[32] *Мијовић П.* Менолог. Београд, 1973. С. 289, 297.
[33] *Крутова М.С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997. С. 45–46.

[34] *Ševčenko N.* The Life of Saint Nicholas in Byzaantine Art. Torino, 1983. P. 150, 235.
[35] Ibid. P. 333.
[36] Ibid. P. 340.
[37] *Sophocleous S.* Icons of Cyprus 7th – 20th Century. Nicosia, 1994. № 26. P. 153.
[38] *Ševčenko N.* Op. cit. P. 153, 224.
[39] Указание на рукописи, содержащие разные редакции этого сказания см.: *Крутова М.С.* Указ. соч. С. 195.
[40] *Смирнова Э.С.* Живопись Древней Руси. Описание табл. 4–5.
[41] Novgorod icons 12th – 17th century. Tabl. 39.
[42] *Смирнова Э.С.* Живопись Великого Новгорода. С. 86–88.
[43] ПЛ. Вып. 2. С. 92–93.
[44] Там же. С. 94–98.
[45] Там же. С. 97–98.
[46] Там же. С. 26.
[47] *Реформатская М.А.* Указ. соч.
[48] *Комеч А.И.* Указ. соч. С. 98.

В.А. Кучкин

О ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ СЛОВА ПОХВАЛЬНОГО СЕРГИЮ РАДОНЕЖСКОМУ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

Имя русского средневекового писателя Епифания Премудрого в научной литературе известно со времен Н.М. Карамзина. В пятом томе "Истории государства Российского" Н.М. Карамзин, рассказывая о миссионерской деятельности в Перми епископа Стефана, отметил, что дела последнего были описаны "иноком Епифанием, учеником св. Сергия"[1]. Из этого краткого пояснения делается очевидным, что историографу были известны написанные Епифанием Премудрым Жития Стефана Пермского и Сергия Радонежского, а возможно и Слово похвальное Сергию Радонежскому, поскольку в заголовках к двум последним произведениям было указано, что их автор – ученик знаменитого троицкого настоятеля[2]. Впрочем, строго обосновать знакомство Н.М. Карамзина с Похвальным словом достаточно сложно.

Митрополит Евгений (Болховитинов), издавая в 1818 г. Словарь писателей духовного чина, особую статью посвятил Епифанию Премудрому, сообщив в ней встречавшееся в некоторых рукописях прозвище писателя (Премудрейший) и указав, что Епифаний "сочинил Службу, Житие и Чудеса" Сергия Радонежского, а кроме того Житие Стефана Пермского[3]. Те же труды Епифания были названы и во втором издании Словаря 1827 г.[4]

Трудно точно установить, когда в науке совершенно определенно стало известно то произведение Епифания Премудрого, которому посвящена настоящая статья – Слово похвальное Сергию Радонежскому. Но примерные рамки указать можно. Это 30–50 годы XIX в. Во всяком случае, уже в 1861 г. Филарет (Гумилевский) писал о том, что Епифаний является автором интересующего нас Слова. Филарет поставил вопрос и о времени создания этого сочинения. "Похвальное слово Сергию не упоминает, – указывал он, – как и житие, об открытии мощей Сергия (1422 г.), и следовательно, писано Епифанием около 1418 г."[5]. Другими словами, Гумилевский считал, что над Житием и Словом Епифаний Премудрый трудился одновременно.

Иным было мнение Макария (Булгакова). О Слове похвальном Сергию он писал следующее: "Кроме жития преп. Сергия и, кажется, гораздо прежде Епифаний написал похвальное слово ему, которое, вероятно, читалось св. братии в день его кончины. Здесь, после довольно длинного предисловия, сочинитель кратко излагает жизнь св. старца, в общих чертах изображает его свойства, прославляет его подвиги, говорит о его смерти и погребении и передает весьма многословное и наполненное текстами библии сетование над гробом осиротевших его учеников. Слово это составлено вообще неудачно"[6]. Что побудило Макария думать о более раннем написании Слова по сравнению с Житием Сергия Радонежского, он так и не раскрыл. Не вполне ясно и его заключение о чтении Слова в день кончины Сергия. Имелся ли в виду день 25 сентября 1392 г., когда умер основатель Троицкого монастыря, или разумелся тот же день, но последующих годов, когда отмечалась память Сергия, по приведенной цитате определить трудно.

Внимательнее своих предшественников подошел к характеристике епифаниевского Слова похвального Сергию Радонежскому В.О. Ключевский. Он указал на то, что стиль Слова очень близок стилю Жития Стефана Пермского, бес-

спорно созданного Епифанием Премудрым: «видны приемы и особенности Епифаниевского пера, утомительно-многословного и неистощимого в тавтологическом "плетении словес", умеющего для характеристики нрава Сергия подобрать 18 прилагательных так же легко, как 25 эпитетов для характеристики Стефана в его житии»[7]. Одинаковость литературных приемов, прямое свидетельство Слова о том, что автор воочию видел живого Сергия Радонежского, был его современником, склоняли исследователя к мысли, что Слово действительно принадлежит перу Епифания Премудрого. Поскольку Слово не говорит об открытии мощей Сергия в 1422 г., то В.О. Ключевский соглашался с мнением Филарета о написании Слова до этого события и около 1418 г.[8] Оно должно было предшествовать созданию Епифанием Жития Сергия, поскольку в Слове автор обещал о многочисленных добродетелях и исправлениях Сергия рассказать в другом произведении ("индѣ повѣмъ")[9]. С другой стороны, в Слове похвальном упоминается "рака" Сергия, а она была изготовлена после обретения его мощей в 1422 г. И тогда не Слово должно было предшествовать Житию, а Житие Слову. В Слове обнаруживаются также выражения (например, "къ духовному веселию нынѣ съзвавши"), которые свидетельствуют о чтении Слова в церкви. Но если так и если Слово было написано до составления Епифанием Жития Сергия, то как же мог он писать в последнем, что по прошествии 26 лет по смерти Сергия "никто же не дръзняше писати о немъ, ни далнии, ни ближнии, ни большие, ни меншие"[10]? Ведь Похвала, да еще читавшаяся во всеуслышание в церкви, является, как и Житие, памятником письменным. И тогда какие же основания имел Епифаний утверждать в 1418 г., что до названного времени никто не писал о Сергии? Указав, что один из известных ему списков Слова похвального Сергию автором этого произведения называет не Епифания Премудрого, а Пахомия Логофета, В.О. Ключевский заключал, что "из всех этих противоречий один выход – в признании, что в Епифаниево слово после открытия мощей внесены вставки Пахомием; он же мог сделать и выписанное обещание[11], собираясь после слова подвергнуть переделке и написанное Епифанием житие Сергия, с той же целью – приспособить его к чтению в церкви"[12].

После В.О. Ключевского о Слове похвальном Сергию Радонежскому на протяжении нескольких десятилетий писали мало и не столь вдумчиво и внимательно, как автор "Древнерусских житий святых". В.М. Яблонский, например, вполне принял схему написания и последующего редактирования Слова, предложенную В.О. Ключевским. Он только указал значительно большее число списков памятника и установил, что списки преимущественно указывают на авторство Епифания, а не Пахомия Логофета[13].

Новые и оригинальные мысли относительно авторства и времени написания Слова похвального Сергию Радонежскому были высказаны в 1926 г. А.Д. Седельниковым. Последний нашел, что текст Слова не имеет вставок и текстологических швов, которые бы указывали на вмешательство другого писателя, Пахомия Логофета, как думал В.О. Ключевский, в канву произведения. Разбирая свидетельство Слова о том, что Сергий Радонежский "не взыска Царьствующаго града, ни Святыя горы или Иерусалима, яко же азь, окаанныи и лишеныи разума"[14], которое В.О. Ключевский относил к перу Пахомия Логофета, поскольку этот подвизавшийся на Афонской горе сербский монах легче мог попасть в Константинополь и Иерусалим, чем проводивший дни в небольшом подмосковном монастыре Епифаний, А.Д. Седельников писал следующее: "И с текстуальной, и с стилистической стороны заподозренная фраза безупречна: она налицо уже в древнейшем, вполне исправном списке Похвального слова... следов интерполяции не носит и встречает себе параллели у Епифания"[15]. Далее

А.Д. Седельников отмечал, что Слово было написано после смерти митрополита Киприана, но до написания епифаниевского Жития Сергия Радонежского, иною речью, между 1406 и 1418 гг.[16]

Кроме сопоставлений между собой различных показаний Слова похвального А.Д. Седельников привлек для анализа его свидетельств еще один памятник – Послание иеромонаха Епифания, одно время жившего в Москве, своему другу Кириллу тверскому. Датировав Послание 1414/15 г., А.Д. Седельников показал, что оно принадлежит Епифанию Премудрому[17]. Из Послания следовало, что его автор не видел константинопольского храма св. Софии и стоявшей в Константинополе конной статуи императора Юстиниана, хотя очень ими интересовался. Оба памятника нарисовал Епифанию работавший в Москве с 1395 по 1405 г. знаменитый византийский иконописец Феофан Грек[18]. "Автор Послания ставит себя в положение человека, не видевшего св. Софии, а лишь узнавшего о ней по рассказам", – справедливо заключал А.Д. Седельников[19]. Такой вывод имел кардинальное значение для определения времени составления Слова похвального Сергию Радонежскому, поскольку его автор Епифаний уже побывал в Константинополе и св. Софию видел собственными глазами. Но А.Д. Седельников с чрезвычайной осторожностью подошел к решению проблемы. Так как в Послании Епифаний определенно указывал на время пребывания в Москве Феофана Грека, когда он, Епифаний, еще только знал о Софии по рассказам и описаниям, но сам ее не осматривал и в ней не был, исследователь решил, что Епифаний побывал в Константинополе вскоре после встречи со знаменитым иконописцем, "не ранее самого конца XIV в.", но до обращения к Кириллу тверскому[20]. В итоге получалось, что Слово похвальное могло быть написано после 90-х годов XIV в. Выведенное ранее А.Д. Седельниковым время создания памятника – 1406–1418 гг. – осталось непоколебленным.

Сравнительно недавно Б.М. Клоссом предложена новая датировка Слова похвального Сергию Радонежскому. При ее определении Б.М. Клосс исходил прежде всего из того положения, что Слово написано одним автором – Епифанием Премудрым. После устранения А.Д. Седельниковым сомнений В.О. Ключевского такое положение является признанным[21], но Б.М. Клосс решил доказать его еще раз. Первым доказательством явилось утверждение, что "в заголовках всех списков Похвального слова в качестве автора значится имя Епифания Премудрого"[22]. Утверждение содержит ошибку. В рукописи ГИМ, Епархиальное собрание, № 387, указанной самим Б.М. Клоссом, опустившим, однако, заголовок памятника, Слово похвальное Сергию Радонежскому приписано не Епифанию Премудрому, а Пахомию Логофету. Именно это обстоятельство и дало повод В.О. Ключевскому и В.М. Яблонскому ставить вопрос об участии Пахомия Логофета в окончательном редактировании Слова[23].

Далее Б.М. Клосс попытался показать, что Слово было написано монахом Троице-Сергиева монастыря, современником Сергия, и читалось в главной монастырской церкви[24]. Но об этом уже писал Макарий (Булгаков), а В.О. Ключевский привел соответствующие цитаты из Слова[25].

Третьим доказательством автора "Избранных трудов" явилось стилистическое сходство Слова с бесспорно принадлежавшим перу Епифания Предмудрого Житием Стефана Пермского. Такое сходство было отмечено давно, и по приведенной выше выдержке из труда В.О. Ключевского видно, на чем данное заключение основывалось: на тавтологическом "плетении словес", характерном для обоих памятников. Б.М. Клосс же подменил данный признак сравнением конкретных мест двух произведений, утверждая, что они совпадают, а раз совпадают, то принадлежат одному автору. При этом, однако, сопоставляются

топосы, что совершенно бесполезно для установления каких-либо текстологических отношений между произведениями, тем более для определения их авторства. Так, Б.М. Клосс считает идентичными выражения "да бы былъ гробъ твои в земли нашеи прямо очима нашима" в Житии Стефана Пермского и "се бо мощеи твоих гробъ пред очима нашима видимь есть всегда" Слова похвального Сергию Радонежскому[26]. На самом деле совпадение текстов лишь частичное, к тому же это общее место агиографических писаний. Например, в Слове похвальном митрополиту Алексею, автором которого является Пахомий Логофет, тоже читаем "се бо мощи твоих гробъ пред очима нашима видимъ есть всегда"[27], но отсюда не следует, что весьма плодовитый в своих писаниях серб сочинил еще Житие Стефана Пермского и Слово похвальное Сергию Радонежскому или даже принял участие в их редактировании.

Следом за А.Д. Седельниковым Б.М. Клосс отрицает возможность отнесения фразы о посещении автором Слова Константинополя, Иерусалима и Святой горы к вставке Пахомия Логофета, но делает это не на основании грамматического и текстуального анализа, как его предшественник, а на содержательном и стилистическом уровнях. Он указывает на то, что в другом месте Слова сообщается об известности Сергия Радонежского "не токмо въ Царьствующемь градѣ, нъ и въ Иерусалимѣ"[28], что, на его взгляд, подтверждает принадлежность первой фразы именно Епифанию, а не Пахомию. Но в первой фразе говорится о Святой горе, чего нет во второй. Аналогия оказывается неполной. Во-вторых, Константинополь и Иерусалим называются в связи с совершенно различными обстоятельствами: их посещением автором Слова и известностью в этих городах троицкого настоятеля. Одно здесь не зависит от другого. Об известности, например, Сергия Радонежского в Константинополе и Иерусалиме Епифаний мог узнать от участников патриарших посольств в Москву и в Троицу, в частности, родом происходивших из названных городов или живших там, а не при личном посещении двух знаменитых центров. И никто, конечно, не может гарантировать, что и первая, и вторая фразы не внесены Пахомием Логофетом, если только рассматривать их содержание, а не общий текстуальный контекст и лингвистические параметры, как то предлагал А.Д. Седельников. Поэтому решительная фраза "Избранных трудов", что "сомнения эти лишены всякого основания" (речь идет о сомнениях в единоличном авторстве Слова Епифания Премудрого. – *В.К.*), при той системе доказательств, которую избрал Б.М. Клосс, представляется по меньшей мере поспешной.

Не могут также полностью убедить в принадлежности Слова похвального Сергию Радонежскому перу Епифания те авторские самооценки, что встречаются в Житии Стефана Пермского и в Слове похвальном. Б.М. Клосс настаивает на том, что «выражение "окааныи и лишеныи разума" совершенно несвойственно творчеству Пахомия Логофета», и сближает данный оборот с такими, как "аз многогрѣшныи и неразумныи", "скудоумныи", "грубости моеи", встречающимися в Житии Стефана Пермского и служащими, по мнению Б.М. Клосса, свидетельствами написания рассматриваемого памятника именно Епифанием Премудрым, а не Пахомием Логофетом[29]. Конечно, когда будут созданы частотные словари творений Епифания и Пахомия, тогда легче будет разобраться, какие эпитеты и словосочетания того или другого автора были строго индивидуальны, легче будет судить об особенностях их стиля и принадлежности им тех или иных произведений. Сейчас же можно сказать, что подобный самоуничижительный стиль был характерен не только для Епифания, но и для Пахомия Логофета. Вот как заканчивает ученый серб Похвальное слово митрополиту Алексею: "принесох ти убогыи от пустыа ми душа и съквернаго телесе и сердца,

от нечистаго языка"[30]. Стремление Б.М. Клосса подтвердить новыми аргументами старые, проверенные выводы (которые, правда, при отсутствии ссылок на предшественников могут показаться целиком принадлежащими автору "Избранных трудов") представляется достаточно естественным, но используемые им приемы не могут принести желаемых результатов.

Переходя уже непосредственно к датировке Слова похвального, Б.М. Клосс указал на то, что оно было создано после смерти митрополита Киприана и до написания Епифанием Жития Сергия Радонежского, т.е. между 1406 и 1418 гг.[31], тем самым полностью повторив заключение А.Д. Седельникова. Далее в названных рамках последовало конкретное уточнение времени создания Слова. Приводим ход рассуждений автора полностью. «Некоторые детали изложения проясняют обстоятельства создания памятника. Слово было написано в похвалу Сергию, читалось 25 сентября – в день памяти Преподобного ("от нас *днесь* нынѣ похваляем есть, Сергие блаженыи и преподобныи отець нашь"). Читалось оно в Троицком соборе в праздничный день ("къ духовному веселию нынѣ съзвавши и яко любителя отець *въ свѣтлѣи сеи церкви* радостно приемлющи и любовию веселящи») (Тихонр. № 705. Л. 107)[32].

Итак, Похвальное слово было написано для произнесения в церкви Троицы на память Преподобного Сергия. Как известно, монастырь был сожжен в 1408 г. во время нашествия Едигея, и церковь Троицы была восстановлена только в 1412 г. Об этом читаем в приписке монаха Варлаама: "В лѣто 6920. Написася божестъвнаа Лѣствица мѣсяца октовриа въ 14 день, на память святыхъ мученикъ Назариа, Геврасиа, Протасиа, Келесиа, въ обитѣли преподобнаго иигоумена Сергиа. В то же лѣто и священа бысть церкви в тои же обитѣли мѣсяца семптямриа въ 25 день". (Троиц. № 156, л. 252 об.). 25 сентября 1412 г. мы имеем пересечение следующих событий: 1) день памяти Преподобного Сергия; 2) 20-летний юбилей со дня кончины Преподобного; 3) освящение монастырского храма – церкви Троицы; 4) этот день являлся воскресным – единственный раз в промежутке между 1408 и 1418 гг. Думаю, что самым подходящим случаем для произнесения Похвального слова в честь Сергия был праздничный день 25 сентября 1412 г. – день памяти, причем юбилейный, Преподобного Сергия Радонежского, совпавший с днем освящения Троицкого собора"[33].

Приведенный пассаж явно нуждается в комментариях. Прежде всего следует отметить, что время написания Слова выводится не из анализа содержания памятника, а на основании неких арифметических расчетов. Б.М. Клосс убежден в том, что Слово похвальное Сергию Радонежскому могло быть написано и читаться только на память кончины троицкого игумена – 25 сентября. Все остальное – дело несложной техники. Требуется выяснить, в каком году 25 сентября было воскресным днем (Б.М. Клосс почему-то придает этому дню исключительное значение) и в то же время этот день приходился бы на какую-то ровную дату со дня смерти Сергия в 1392 г. Таких двойных совпадений немного, и Б.М. Клосс уверенно называет точную дату написания Слова – 25 сентября 1412 г. Почему именно эту дату, а не день, например, 25 сентября 1407 г., который (Б.М. Клосс, видимо, сознательно об этом не говорит) тоже приходился на воскресенье и на 15 годовщину смерти Сергия? Помогает запись 6920 г. на троицкой рукописи, свидетельствующая, по утверждению Б.М. Клосса, об освящении "монастырского храма – церкви Троицы". Пересечение в одной хронологической точке нескольких дат и событий становится, по разумению автора "Избранных трудов", причиной написания литературного памятника. Но верны ли все эти соображения Б.М. Клосса?

Что Слово похвальное было написано в похвалу Сергия, в особых доказательствах не нуждается. Это ясно уже из заголовка памятника. Но что оно должно было читаться исключительно в день памяти святого 25 сентября, такого утверждать нельзя. Оно могло читаться и на день обретения мощей Сергия, на день их перенесения, в день освящения церкви или придела в честь святого.

Впрочем, как ни абстрактны приведенные выше выводы Б.М. Клосса, он понимает, что без некоторой опоры на свидетельства источника обойтись нельзя, и прибегает к цитированию. Стремясь показать, что Слово читалось 25 сентября, он приводит цитату из памятника: "от нас *днесь* нынѣ похваляем есть, Сергие блаженыи и преподобныи отець нашь". Но слово *днесь*, выделенное Б.М. Клоссом, означает всего лишь *сегодня*, и вероятность его отнесения к 25 сентября не более, чем 1/365 в обычный год и 1/366 в год високосный. Почти наверное можно сказать, что Слово читалось в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря. Но относительно чтения Слова в праздничный день в приведенной Б.М. Клоссом выдержке из этого памятника ничего не сказано (говорится лишь о духовном веселии в светлой церкви). Нет никаких данных и об освящении Троицкого собора в 1412 г. Утверждение Б.М. Клосса, будто об этом сообщается в записи Варлаама на Лествице, не соответствует действительности. Любой читатель приведенной Б.М. Клоссом записи 1412 г. может убедиться в том, что Варлаам пишет о безымянной церкви, а не о Троицком соборе. Да и вообще странно думать, будто строительство центральной деревянной церкви завершилось в Троице-Сергиевом монастыре спустя целых четыре года после ее сожжения в 1408 г. Едигеем. Где же тогда в течение этих лет отправляли службы троицкие монахи? Известно, что Сергий и его старший брат Стефан поставили первую деревянную церковь в Троицком монастыре в один строительный сезон[34]. Максимум несколько месяцев в 1472 г. потребовалось на то, чтобы для бракосочетания Ивана III с Софьей Палеолог соорудить деревянную церковь внутри возводимого нового каменного кремлевского Успенского собора[35]. Очевидно, что в 1412 г. в Троицком монастыре святили не главную церковь, а иную или даже церковный придел, который в XIV–XV вв. нередко также называли церковью. К тому же Б.М. Клосс не доказал, что 6920 год записи в монастырской книге является мартовским, а не сентябрьским. При сентябрьском же годе, которому часто следовали в своих записях образованные церковные люди, речь должна идти не о 1412 г., а о 1411 г., в котором 25 сентября приходилось на пятницу.

Далеки от исторических реалий рассуждения Б.М. Клосса о празднованиях в средневековой Руси 20-летних и прочих юбилеев со дня смерти деятелей прошлого и освящении церквей только по воскресным дням. Юбилейных дат древнерусские люди не знали. Память усопших не отмечалась через 5, 10, 15, 20 и так далее лет. Этого не нужно было делать, поскольку умерших поминали ежегодно, в день их смерти в церкви им служили службу "за упокой", а затем садились за стол. Взносы на "корм", например, церковной братии по своим родителям и близким родственникам фиксируются многими завещаниями русских людей XIV–XV вв. Что касается дня освящения церквей, то он необязательно был воскресным. Вот как описывает современник освящение в 1479 г. главного храма всей русской православной церкви – Успенского собора московского Кремля: "мѣсяца августа 12 в четверток священна бысть великаа соборнаа апостольскаа церковь"[36].

Два последних довода Б.М. Клосса относительно времени написания Слова похвального Сергию Радонежскому основываются на освящении новой церкви в Троице-Сергиевом монастыре 25 сентября 1412 г. Но если бы так было в дей-

ствительности, мы в праве ожидать упоминаний в произведении Епифания строительства нового храма, новопоставленной церкви, освящения нового собора и т.п. Однако Слово даже не намекает на возведение новой церкви, оно вообще ничего не говорит о церковном строительстве. Очевидно, что связывать появление памятника с новыми постройками в Троице-Сергиевом монастыре в 1412 г. нет оснований.

Тем не менее Б.М. Клосс, пытаясь подкрепить предлагаемую им датировку Слова похвального, пишет, что как раз накануне создания своего произведения Епифаний Премудрый в 1411 г. в составе свиты московской великой княжны Анны Васильевны посетил Царьград, где внучка Дмитрия Донского вышла замуж за сына византийского императора Мануила II Иоанна[37]. Это чистой воды выдумка. В великокняжескую свадебную делегацию не включали не только иеромонахов, но и келарей и настоятелей удельнокняжеских монастырей, каким в рассматриваемое время был Троице-Сергиев монастырь. Исследователь даже не представляет, что за сюрприз он преподнес самому себе этой выдумкой. На самом деле княжна Анна вышла замуж за будущего византийского императора Иоанна VIII Палеолога не в 1411 г., как о том ошибочно сообщают русские летописи, а по единогласному утверждению всех византийских источников – после своего прибытия в Константинополь в 1414 г.[38] Как же мог Епифаний в Слове похвальном Сергию Радонежскому 1412 г. вспоминать, говоря приподнятым языком Б.М. Клосса, "о посещении им Константинополя, Афона и Иерусалима с живым чувством"[39], если такое посещение по собственному разумению автора разбираемой работы имело место в составе свиты княжны Анны в 1414 г.?

Сказанное заставляет по-иному подойти к вопросу о датировке Слова похвального Сергию Радонежскому. Необходимо основываться на показаниях прежде всего самого Слова, не забывая, впрочем, и о связанных с ним памятниках.

Какие же датирующие признаки содержит Слово? Один из них, и при том достаточно существенный, был, как уже отмечалось, указан А.Д. Седельниковым. Это упоминание митрополита Киприана. Сама форма этого упоминания (при отпевании Сергия в 1392 г. присутствовал митрополит Киприан, который "тогда же бѣ въ преславнѣмь и пресловущем в велицѣмь градѣ Москвѣ"[40]) показывает, что речь идет не о действующем, а о действовавшем митрополите, т.е. Слово создавалось после смерти Киприана в 1406 г.

Другим датирующим признаком является написание Слова современником Сергия, очевидно, современником младшим. С одной стороны, автор Слова говорит, что бог "дарова нам видѣти такова мужа свята и велика старца, иже бысть въ дни наша", что Сергий жил "въ дни наша и времена, и лѣта, и въ странѣ и въ языцѣ нашем", с другой – признает, что есть "святому старцу самовидци же и слугы, ученици и таибници, паче же послушници, иже своима очима видѣша его", которые "не требують сего нашего писмене", поскольку "доволни бо суще и иныхь научити, паче же и мене самого наказати"[41]. Очевидно, что автор знал Сергия, но знал его хуже, чем другие, в числе которых были и ученики основателя Троицкого монастыря. Сергия автор Слова видел уже седовласым: "бяше же видѣти его хождением и подобиемь аггелолѣпными сѣдинами честна"[42].

Третьим признаком является упоминание о чудесах, исходивших от Сергия: "яко да молитвами его мнози от болѣзнеи здрави бывааху и мнози от недугь исцѣление приаша, мнози от бѣсовъ избавишася и от многоразличных искушении очистишаяся"[43]. Поскольку ранее в Слове говорилось о молитвах к богу не живого, а уже умершего Сергия ("нъ обаче сподоби мя принести похвалы тебѣ,

приносящаго молбы о моеи худости къ Христу богу нашему"[44]), надо полагать, что речь идет о посмертных чудесах Сергия, и Слово написано, когда о них уже было известно.

Следующим, четвертым признаком служит упоминание церкви, в которой читалось Слово: "въ свѣтлѣи сеи церкви радостно приемлющи и любовию веселящи прежде же плотскыя духовную вамъ предуготовляющи трапезу"[45]. Между тем о церкви, в которой был похоронен Сергий, сказано, что ее Сергий "самь създа и въздвиже, и устрои, и съвръши, и украси ю всякою подобною красотою"[46], но не говорится, что эта церковь была светла. Наоборот, в перечислении добродетелей Сергия подчеркивается, что он "не стяжа себѣ ...ни храмовъ свѣтлых и превысокых"[47]. Очевидно, что Слово произносилось не в той, первоначальной церкви, где был погребен Сергий. Речь может идти или о деревянной Троицкой соборной церкви, построенной после Едигеева нашествия 1408 г., или о каменном соборе, воздвигнутом в 1422 г.

При сравнении Слова с уже упоминавшимся Посланием иеромонаха Епифания своему другу Кириллу тверскому выясняется, что автор Послания сам константинопольской Софии не видел. Незнакомство Епифания с главным храмом православного мира должно относиться не только к концу XIV в., как считал А.Д. Седельников, но и к моменту написания самого Послания. Содержащиеся в Послании хронологические пометы позволяют датировать его достаточно точно. Епифаний писал, что он показывал Кириллу свои копии с рисунка храма св. Софии Феофана Грека "внегда бѣжах от лица Едегеева на Тверь", а Кирилл напомнил ему об этом "за 6 лѣт ... в минувшую зиму сию"[48]. Едигей напал на Москву 1 декабря 1408 г., а через три недели вынужден был снять осаду и уйти восвояси[49]. Прибавление к указанному времени 6 лет дает дату 1414 г. Но поскольку речь идет об уже минувшей "зиме сей", делается очевидным, что Послание было написано не ранее весны 1415 г. Как явствует из этого письма, Епифаний, в свое время беседуя с Феофаном Греком, говорил ему, что церкви Софии "качество и величество нѣции повѣдаша, яко московскии Кремль внутреградия"[50]. Это преувеличенное представление о Софии Епифаний в Послании к Кириллу так и не скорректировал, что довольно странно при условии знакомства к моменту отправления письма в Тверь Епифания с Константинополем и его знаменитым храмом. Очевидно, что к весне 1415 г. он еще не побывал в Константинополе, Иерусалиме и на Афоне, о чем он определенно пишет в Слове похвальном Сергию Радонежскому. Тем самым устанавливается, что Слово написано после весны 1415 г.

Важно также выявить соотношение между Словом и написанным Епифанием Житием Сергия Радонежского. Как показано было выше, в литературе вопроса господствует одна точка зрения: Слово было составлено раньше Жития. Однако в Слове похвальном обнаруживается хорошее знание биографии Сергия Радонежского, хотя факты его жизни часто изложены обобщенно или намеками. Так, о детстве Сергия говорится, что "отець нашь Сергие из дѣтьска възраста и отъ юны врѣсты и от младыхъ ноготъ предасться богу, и от самых пеленъ богу освятися"[51] (ср. рассказы Жития о появлении на свет Варфоломея-Сергия и его поведении в младенческом возрасте), что он "измлада бо възлюби мнишскыи чинъ и въ нь облъкся"[52], сам строил Троицкий собор, что Сергий – "начялныи общежитель"[53], он "велможам же и тысущным, и прочим старѣишинамь и всему синглиту, и христолюбивому всему воинству еже о благочестии твердыи поборникь"[54] (намек на благословение великого князя Дмитрия на борьбу с татарами), "ратующимся и гнѣвающимся миротворець"[55] (вероятно, косвенное указание на дипломатическую поездку Сергия Радонежского к

Олегу Рязанскому в 1385 г.), "насильствующим и хыщником крѣпокъ обличитель"[56] (возможно, имеется в виду чудо о вепре), "не токмо от поученiа его ползеваахуся, нъ и многажды нѣкымь, зрящимь на нь, точию от зрѣниа его приемати ползу многымь"[57] (чудо о поселянине), что Сергий жил в основанном им монастыре "не исходя от мѣста своего во иныя предѣлы, развѣ нужда нѣкыя"[58] (намек на уход в Махрищский монастырь и на Киржач). Свидетельство, что Сергий "преставися от житиа сего лѣт седмидесять, чернечествова же лѣт 50"[59], прямо совпадает с данными ранних списков Жития Сергия Радонежского и является правильным[60].

Все эти довольно туманные указания Слова похвального на факты биографии основателя Троицкого монастыря не могли быть поняты слушателями Слова, если бы они не знали историю жизни Сергия. Конечно, современники старца знали ее не понаслышке, но молодые монахи, пришедшие в монастырь после 1392 г. (а Слово написано как минимум спустя 14 лет после смерти Сергия), могли знать ее скорее по письменному тексту, чем по отрывочным воспоминаниям своих старших товарищей.

Но с XIX в. существует твердая убежденность в том, что Слово похвальное предшествовало Житию. Опорой служило следующее место Слова, которое следует привести не в усеченном, как делалось до сих пор, а в полном виде: "Что же много глаголю и глаголя не престаю, умножая рѣчи, распростираа глаголы и продолжаа слово, не могыи по достоанию написати житиа добраго господина и святого старца, не могыи по подобию нарещи или похвалити достоино? Но обаче прочаа его добродетѣли инде скажемь и многаа его исправлениа инде повѣмь, и похвалу его изложимь, аще богъ вразумить и силу подасть молитвами святого старца"[61]. В.О. Ключевский, приведя слова "прочаа его добродетѣли инде скажемь и многаа его исправлениа инде повѣмь", решительно заключил, что "следовательно, житие еще не было написано, когда писалось слово"[62]. Ему вторит Б.М. Клосс[63]. Но если данные слова расценивать как указание на намерение Епифания написать отдельное произведение о добродетелях и исправлениях Сергия Радонежского, т.е. его Житие, тогда надо признать, что и похвалу Сергию Епифаний не писал, а только собирался "изложить" в будущем. Речь в приведенном отрывке идет о другом. Епифаний укоряет себя за то, что в предшествующей части Слова похвального Сергию он привел мало фактов из биографии Сергия и воздал ему недостаточную хвалу. Он обещает исправиться в дальнейшем. И действительно, через некоторое время он вновь возвращается к своей мысли: "почию от многых помыслъ, смущающих мя, въсхотѣвъ нѣчто от житиа святого повѣдати, сирѣчь от многа малая"[64], а далее приводит более конкретные сведения о Сергии, его 50-летнем монашестве, смерти в 70 лет, желании быть похороненным "внѣ церкви"[65].

Гораздо более показательно другое место Слова похвального. Говоря о своем желании прославить Сергия, Епифаний пишет, что "его же и прежде надписаниемь слова вмѣнихомь и от нас днесь нынѣ похваляемь есть Сергие"[66]. "Днешняя", сегодняшняя Похвала явно отделена от другого произведения, написанного Епифанием "прежде", но служившего также прославлению его учителя. Едва ли могут быть серьезные сомнения в том, что это иное произведение – Житие Сергия Радонежского. А поскольку к написанию Жития Епифаний приступил в 1418 г., делается очевидным, что Слово похвальное было создано после этого года. Тем самым снимается недоумение, впервые высказанное В.О. Ключевским. Он считал, что Слово было написано раньше Жития, а в Житии говорилось, что о Сергии спустя 26 лет после его кончины "никто же нигдѣ же, яко же речеся, не писаше о немъ"[67]. Исследователь находил противоречие

между этим свидетельством и фактом написания до 1418 г. произносившегося в церкви перед троицкой братьею Слова похвального Сергию Радонежскому. Признание более позднего по сравнению с Житием создания Слова устраняет это противоречие.

Существенным моментом в датировке Слова является давно указанное исследователями отсутствие в нем упоминания об обретении мощей Сергия Радонежского. Рассказ об этом событии содержится в одной из редакций Жития Сергия. Согласно этому повествованию, в 1422 г. радонежскому князю Андрею Владимировичу явился во сне Сергий Радонежский с гневным вопросом: "Въскую остависта мя сокровенна под землею на многа лѣта, и водѣ утѣсняющи въ гробѣ тѣло мое?"[68]. Были начаты работы по извлечению из земли гроба Сергия: "и тако роскопашя землю и открывше чюдотворныи онъ гробъ"[69]. "И видяще, – продолжает далее агиограф, – чюдное тѣло и умилениа достоино, зѣло дивляахуся, яко не токмо тѣло святого цѣло и нетлѣнно показася, но и одежда его, в неи же погребенъ бысть, цѣла бяше вся, къ тлѣнию никако же причястися. И вода обоюду странъ гроба стояше зрима, телеси же святого, ни ризы его нимало прикоснуся. ... Сътворишя же празъдникъ радостенъ мѣсяца июля въ 5 день и в раку честно съ псалмопѣниемъ тѣло положишя святого"[70]. Далее по настоянию игумена Никона в Троице-Сергиевом монастыре был возведен каменный собор, в котором "положишя в рацѣ честное и многоцѣлебное тѣло святого, непрестанно точящи исцѣлениа приходящим с вѣрою и до сего дни"[71]. В Слове похвальном подобных деталей нет, но их отсутствие может говорить не только о написании Епифанием Похвалы Сергию до открытия его мощей в 1422 г., но и о создании памятника после этого события.

В этой связи стоит присмотреться к тому, как описываются в Слове гроб и мощи Сергия Радонежского. Еще В.О. Ключевский обратил внимание на фразу памятника "о раке мощей святого, которую целуют верующие", из чего заключил о наличии в Слове поздних вставок[72]. Заключение следует признать интересным, но не вполне доказательным. Кажется, что упоминание раки ведет к 1422 г., когда, как это видно из приведенных выше текстов Жития, останки Сергия были переложены из гроба в раку. Но слово "рака", чаще всего обозначавшее гробницу, сооружение над гробом, употреблялось также и в значении "гроб". Так, в летописи под 1072 г. рассказывается о перенесении останков Бориса и Глеба в Борисоглебскую церковь киевского Вышгорода. Князья Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи "вземше первое Бориса в древянѣ рацѣ... на рама своя, понесоша"[73]. Нести на плечах целую гробницу невозможно. Ясно, что рака здесь означает простой гроб. С другой стороны, последнее слово может означать и гробницу: "есть гробъ блаженыя Олгы, и на верху гроба оконце створено"[74]. Поэтому чтобы судить о том, упоминается ли в Слове похвальном Сергию Радонежскому его рака-гробница, установленная в 1422 г., или рака-гроб, необходимо внимательно проанализировать употребление этих терминов в сочинении Епифания Премудрого.

Оба термина в Слове похвальном встречаются редко. Епифаний говорит, что после смерти Сергия "положиша и въ гробѣ"[75], употребляя слово гроб в его обычном смысле. Фраза "се бо мощии твоих гробъ пред очима нашима видимь есть всегда"[76] является литературным штампом и мало что говорит о значении интересующего нас слова. Однако следующее место Похвалы Сергию Радонежскому представляет несомненный интерес и весьма показательно; "и по смерти къ гробу его присно приходяще, и съ страхомь притѣкающе и вѣрою приступающе, и любовию припадающе и съ умилениемь приничюще, и рукама обьемлюще святолѣпно и благоговѣино, осязающе очима и главами своими прикасаю-

щеся, и любезно цѣлующе раку мощеи его, и устнами чистами лобызающе"[77]. Можно думать, что названные здесь гроб и рака имеют тот же смысл, что и раньше, т.е. обозначают простой гроб. Но Епифаний отмечает, что молившиеся Сергию "рукама обьемлюще" раку Сергия, они прикасались к ней головами, целовали и лобзали ее. Такого нельзя было сделать до лета 1422 г., когда гроб Сергия находился в земле под полом церкви и его обступала вода. Но это было возможно после перенесения 5 июля 1422 г. останков Сергия в раку. Делается очевидным, что Слово похвальное Сергию Радонежскому было написано Епифанием Премудрым после указанной даты. Об этом же свидетельствует еще одна фраза памятника: "ниже дасть видѣти истлѣниа преподобному своему"[78]. Но нетленность останков и даже одежды Сергия была обнаружена только в 1422 г., до той поры об этом не знали.

Таким образом, Слово похвальное Сергию Радонежскому было написано Епифанием Премудрым после 5 июля 1422 г. Поскольку в памятнике упоминается "светлая сия церковь", речь должна идти о новом каменном соборе Троице-Сергиева монастыря. Перенесение мощей Сергия в новую раку в новой церкви и вызвало написание ему Слова похвального.

[1] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 67.

[2] Ср. заголовок одной из ранних редакций Жития Сергия: "Житие и жизнь преподобнаго отца нашего игумена Сергиа. Списано учеником его священноиноком Епифанием. В нем же имат и от божественых чюдес его". (*Тихонравов Н.С.* Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. Отд. I. С. 3; перепечатано: *Клосс Б.М.* Избранные труды. М., 1998. Т. I: Житие Сергия Радонежского. С. 343). Заголовок Похвального слова Сергию Радонежскому: "Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию. Сътворено бысть оучеником его священноинокомъ Епифаниемъ. Благослови, отче". (*Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 131; перепечатано: *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 271).

[3] *Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1818. Ч. I. С. 185.

[4] *Евгений (Болховитинов).* Указ. соч. 2-е изд. СПб., 1827. Т. I. С. 172.

[5] *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. Кн. I. С. 120.

[6] *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. СПб., 1866. Т. V. С. 237.

[7] *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 111.

[8] Там же и примеч. 2.

[9] Там же.

[10] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 286.

[11] Речь идет об обещании в Слове "индѣ" поведать о добродетелях Сергия. – *В.К.*

[12] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 111–112.

[13] *Яблонский В.[М.]* Пахомий Логофет и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 125.

[14] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 146; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 279.

[15] *Седельников А.Д.* Из области литературного общения в начале XV века. (Кирилл тверской и Епифаний "московский") // ИОРЯС. Л., 1926. Т. XXXI. С. 166. Как указывал А.Д. Седельников, возражения против догадки В.О. Ключевского о вставках Пахомия Логофета в Похвальное Слово Сергию Радонежскому высказывал еще в 1916 г. В.П. Красногорский (Там же. С. 166, примеч. 1).

[16] Там же. С. 166 и примеч. 4.

[17] Там же. С. 166–173.

[18] О работе Феофана в Москве в 1405 г. А.Д. Седельников писал предположительно, ссылаясь на Воскресенскую летопись (см.: Там же. С. 167, примеч. 1). В настоящее время известно прямое свидетельство о работе Феофана в Москве в 1405 г. См.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 459 (скорее всего, выписка Н.М. Карамзина из пергаменной Троицкой летописи, утраченной в 1812 г.).

[19] *Седельников А.Д.* Указ. соч. С. 170.

[20] Там же. С. 167.

[21] В опубликованной в 1985 г. интересной работе Е.Н. Балашовой, хотя и прослежено некоторое стилистическое единство Слова похвального Сергию Радонежскому с произведениями Пахомия Логофета, общий вывод исследовательницы таков, что Слово "дошло до нас почти без изменений". См.: *Балашова Е.Н.* Епифаний Премудрый и Пахомий Серб: (к вопросу о формальных характеристиках стиля) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985. С. 210, 213, 216.

[22] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 145.

[23] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 90–91, 110, 112 и примеч. 1 на с. 91; *Яблонский В.* Указ. соч. С. 124. Прежний шифр этой рукописи – Московская епархиальная библиотека, № 606.

[24] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 145.

[25] *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. Т. V. С. 237; *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 111 и примеч. 3. Примеры, найденные В.О. Ключевским, повторил Б.М. Клосс, но без ссылки на работу своего знаменитого предшественника. Собственные же цитации Б.М. Клосса, долженствующие продемонстрировать известные положения, вызывают сомнения. Так, выражения "блаженыи нашь старець от нас къ господу отиде и нас сирых оставивъ", "к гробу его присно приходяще" не могут расцениваться как обращения автора Слова только к монахам Троице-Сергиева монастыря. (См.: *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 145). Это агиографические шаблоны, которые имели в виду вообще верующих.

[26] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 146.

[27] *Кучкин В.А.* Из литературного наследия Пахомия Серба // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 256.

[28] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 147. Цитата Б.М. Клосса не вполне соответствует напечатанному им же тексту. Там же. С. 274.

[29] Там же. С. 147.

[30] *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 257. Новейшее исследование самосознания писателей Древней Руси показало, что самоуничижительные авторские оценки были характерны не только для Епифания Премудрого и Пахомия Логофета, но и для писателей XI–XIII вв. Е.Л. Конявская привела пример таких самооценок, многие из которых Епифаний Премудрый просто скопировал. См.: *Конявская Е.Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000. С. 30, 78, 134, 140–141.

[31] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 147.

[32] В приведенном далее тексте Слова похвального Сергию Радонежскому Б.М. Клосс знаки препинания расставил иначе. См.: Там же. С. 272.

[33] Там же. С. 148.

[34] Там же. С. 307.

[35] Строительство нового каменного Успенского собора в московском Кремле началось 30 апреля 1472 г. Свадьба Ивана III с Софьей Палеолог состоялась 12 ноября того же года. Следовательно, деревянный храм внутри возводившегося каменного собора был построен между 30 апреля и 12 ноября 1472 г. См.: ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 294, 299.

[36] Там же. С. 324.

[37] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 100.

[38] Prosopografisches Lexikon der Palaiologen Zeit. Wien, 1976. T. I, № 1003. S. 94.

[39] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 100.

[40] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 145; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 279.

[41] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 139; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 276.

[42] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 136; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 274.

[43] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 136; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 274.

[44] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 132; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 272.

[45] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 133; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 272.

[46] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 145; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 279.

[47] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 142; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 277.

[48] Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. VI. С. 442.

[49] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 238, 239.

[50] Библиотека литературы Древней Руси. Т. VI. С. 442.

[51] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 141; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 277.

[52] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 141; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 277.

[53] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 135; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 273.

[54] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 135; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 273.
[55] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 135; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 273.
[56] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 135; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 273.
[57] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 137; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 274.
[58] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 146; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 279.
[59] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 144; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 278.
[60] *Кучкин В.А.* Сергий Радонежский // Вопр. истории. 1992. № 10. С. 75–76 и примеч. 7.
[61] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 138; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 275.
[62] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 111.
[63] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 147.
[64] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 140; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 276.
[65] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 144, 145; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 278, 279.
[66] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 133; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 272.
[67] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 286.
[68] Там же. С. 418.
[69] Там же. С. 419.
[70] Там же.
[71] Там же.
[72] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 111.
[73] ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. I. Стб. 181–182.
[74] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I. Стб. 594.
[75] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 147; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 280.
[76] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 149; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 281.
[77] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 148; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 281.
[78] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. Отд. II. С. 150; *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 282.

Э.С. Смирнова

ЧУДО СВ. ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО "О ДВУХ СОЛУНСКИХ ДЕВИЦАХ": ИЗОБРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ИСКУССТВЕ*

Предмет настоящей статьи связан с двумя важными и крупными, однако мало изученными темами в истории русской культуры. Первая – это иконография житийных циклов. Предварительные опыты их сравнения с аналогичными циклами в византийском искусстве обнаруживают глубокое своеобразие русского материала, уникальность многих сцен. Это относится и к самым популярным житиям – св. Николая Мирликийского, св. Георгия, а также св. Димитрия Солунского – воина-мученика, почитание которого приобрело в русском православии оттенок какой-то особой сердечности, национальной родственности[1]. Со святым Димитрием сравниваются в русской письменности величайшие национальные святые – князья-мученики Борис и Глеб, он был св. патроном знаменитых русских князей. Изучение русских версий его житийного цикла, изображавшегося в иконах, раскрывает неизвестные грани средневековой культуры. Думаем, что это будет интересно для Анны Леонидовны Хорошкевич, далеко не чуждой вопросам истории культуры и издавна привязанной к образу св. Димитрия.

Вторая тема – это разнообразные композиции русской средневековой живописи, связанные с почитанием икон. С большой яркостью проявившаяся уже в XIV в., данная сюжетная линия особенно активизируется в XVI в., утверждая исконные традиции православия, посрамляя попытки ересей и возвеличивая древние святыни. Среди сюжетов такого рода большую роль играют сцены посмертных чудесных деяний, совершаемых святыми через свои иконные изображения. Как выясняется, циклы даже наиболее чтившихся христианских святых приобретают на русской почве своеобразный отпечаток: чудеса от икон св. Николая, Георгия и Димитрия изображаются только в русском искусстве, тогда как в Византии они известны в лучшем случае на уровне текстов[2].

В русской письменности сохранился редкий рассказ о посмертном чуде св. Димитрия, который спас двух девушек, жительниц города Фессалоники, искусных вышивальщиц, исполнивших на ткани его икону-портрет.

"Чудо о солунских девицах" появляется в русской письменности не позднее XIV в. Точное время его возникновения еще не изучено филологами, но уже сейчас можно указать на Пролог на сентябрь–февраль, второй половины XIV в., из новгородского Юрьева монастыря (РГАДА. Ф. 381. Тип. № 53. Л. 85 об.–86)[3]. Там оно имеет название: Чудо св. Димитрия о двух девицах, их же принесе от сарацин в церковь.

Его содержание следующее. Во время нашествия врагов на "Селунь" были взяты в плен две девицы из града. Им повелели вышить на плащанице образ св. Димитрия – "Бога вашего", – чтобы побеждать с его помощью врагов и поклоняться ему. Девы не хотели поругания святого и отказывались, но им стали угрожать смертью. Они вышили образ, плача и моля св. Димитрия о прощении. В день памяти святого он перенес их ночью, когда они уснули на плащанице, в свою церковь в Солуни, ко гробу. От образа совершались исцеления бесноватых, хромых и других страждущих.

---

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта "Тема почитания икон в искусстве Древней Руси", поддержанного РГНФ (проект № 01-04-00143а).

Примечательно, что это чудо появляется не в каждом варианте текстов о св. Димитрии. Так, в Прологе, написанном по приказу архиепископа Моисея в 1356 г., этого чуда нет[4], тогда как оно имеется в Сборнике конца XIV в. (РГБ. Ф. 304. Троицк. № 39/2021)[5]. В XVI в. рассказ о чуде вошел в Четьи Минеи, составленные около 1550-х годов по повелению Макария, митрополита Московского и всея Руси, в царствование Ивана Грозного, где он помещен вместе с другими материалами под 26 октября[6]. В XVIII–XIX вв. сюжет встречается в русских духовных стихах. Импульс к популярности рассказа дало, возможно, его включение в Четьи Минеи[7].

Трудно в это поверить, но рассказ не удается найти в более или менее известных циклах греческих чудес св. Димитрия[8]. Его отсутствие (или его невыявленность из-за большой редкости), помимо литературных разысканий, подтверждается консультациями с греческими специалистами – профессорами Хараламбосом Бакирдзисом, Панайотисом Вокотопулосом, Джорджем Галаваримом, которые, в свою очередь, наводили справки у других историков и филологов. Между тем в греческом происхождении сюжета вряд ли можно сомневаться. М.Н. Сперанский полагал, что рассказ был составлен в Македонии или, конкретно, в Салониках[9]. Существует предположение, что легенда сложилась в среде солунских пленников, угнанных арабскими корсарами при захвате Салоник в 904 г. Предводителем арабских пиратов был некий Лев из Трани, принявший мусульманство грек, который мог знать о почитании св. Димитрия[10].

В макарьевских Четьих-Минеях рассказ озаглавлен: "Чюдо святаго мученика Димитрея о двою девицю, еже от срацин в церковь свою пренесе". В начале помещено краткое поучение, где говорится, что Господь напускает на христиан разные беды, ибо он хочет нас научить, как отец учит своих детей, и уберечь от грехов. Далее следует основной рассказ. Приводим весь текст.

"Попущающу Богу на христиан за грехы наша. Овогда поганыя наводя, ово пожаром, а иногда гладом и прочими беды, хотя ны наказати и грехы отлучити, и акы отец наказая чада своя.

Сице убо бысть за грехы наша нашедшим на Селуньскый град поганым, иде же Христов мученик Димитрей лежит, и многы християны взяша около града Селуня, ту же и две девице полонени воеводою, иже бяшеть хитри (т.е. умелы – *Э.С.*) руками пялечному делу; граду же не доспеша ничто же заступлениемь божиим и святого Димитрия молитвами. Приведе же воевода девице те в землю свою и виде, яко хитри еста, и глагола има: слышно, яко велик есть бог ваш Димитрий в земли вашей. И многа творит чюдеса; нашийти ми на плащаници образ его, да и аз покланяюся ему и, пред полком нося, побежаю врагы. Девице же рекоста: Господине, воеводе, не дерзаеве сего сътворити, яко поругатися ему хощеши образу святого. Воевода же рече: воистинну в честь хощю имети его. Они же не дерзнуста шити, блудущися поругания образу святаго от поганых. И рече воевода: се же вама мечь предлежит животу и смерти: или доспевше – живот и честь приимете; аще же не послушаете моего повеления, то мечному посечению готови есте. Они же убояшася страха воеводы, начасте образ святого Димитрия шити на плащанице. И яко исшиста образ святаго, возлегше на пяльцех, начаста плакатися, слезами умочаша образ святаго, глаголасте: не прогневайся, господине наю, мучениче Христов Димитрие! Ведаеве, зане поругатися сему безаконику образу твоему; но веси – неволею, доспехове страха ради мучителя.

Обычай же бе святому мученику Димитрию всегда выносити человеки из поганых в память свою. Бе же в то время праздник святаго Димитрия. И яко плакашеся девице, возлегши на образ, уснусте, и в ту нощь взят ею святый

Димитрий, и с нашитым образом принесе в Селунь, и постави в церкви у гроба своего с нашитым образом. И видеша на утрении чюдо бывшее, прославиша Бога и святого мученика Димитрия, и многи от образа того исцелеша, беснии и хромии, прокажении.

Образ же обесиша над олтарем, идеже и доныне исцеления подает всем, верою приходящим, и праздноваша светло, славяще святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и въ векы веком. Аминь".

Легенда рисует роль св. Димитрия как покровителя своего города – Фессалоник, как святого, который приходит на защиту тем православным христианам, кто, попав в беду, обращается к нему с молитвой. Но рассказ об этом чуде имеет и второй смысловой слой: он напоминает об особой силе иконного изображения как посредника при обращении к святому, о благочестии и вознаграждении тех, кто изготавливает такой образ, т.е. художников. Интересно и то, что рассказ описывает не традиционную икону, исполненную красками, а вышитый образ, давая редкое для православного средневековья описание этого ремесла. Наконец, речь идет о девушках-вышивальщицах, а это дает материал, хотя и скупой, для суждения о роли женщин в художественных ремеслах средневековья.

В легенде есть еще несколько примечательных особенностей. Противопоставляются христиане и сарацины (арабы), которые могут осквернить святыню. Сходная ситуация – и в житиях других святых, в преданиях о чудесах, творимых через посредство иконы. Несколько примеров мы имеем в цикле св. Николая Мирликийского (в том числе наиболее известное чудо, где в греческих текстах фигурирует "сарацинин", а в русских – "половчин"). В житии св. Георгия также рассказывается о сарацине, который оскорбил икону с изображением святого. В этой группе сюжетов, сравнительно небольшой, как в капле воды отражается противостояние двух средневековых миров – византийского христианства и мусульманских завоевателей.

Рассказы о чудесах, совершавшихся через посредство икон, можно разделить на две основных группы. В одних случаях икона помогает физическому спасению человека, в других – его нравственному исцелению, вплоть до обращения язычника в христианина. Уникальность "Чуда о двух солунских девицах" заключается в том, что его героини получили и физическое спасение, и оправдание своего поступка, который им казался безнравственным, причем и то и другое было им даровано через тот образ, который они сами же и вышили.

Насколько нам известно, изображение Чуда о двух солунских девицах не встречается в опубликованных к настоящему времени византийских и поствизантийских произведениях искусства – ни в греческих, ни в южнославянских[11]. Это неудивительно, коль скоро в письменности этих регионов, как мы уже отметили, не сохранилась литературная основа сюжета.

В русском искусстве изображения этого чуда известны в сохранившихся житийных циклах св. Димитрия начиная с XVI в. Однако они встречаются далеко не в каждом житийном цикле. Установить какую-либо закономерность, почему в одних случаях эта сцена включена, а в других того же времени – отсутствует, не удается. В этой статье мы приводим несколько примеров русских изображений данного сюжета, не стремясь исчерпать весь материал (возможно, не все иконы с этим сюжетом, хранящиеся в музеях России, нами учтены).

Первое дошедшее до нас датированное произведение – икона, заказанная боярином Димитрием Ивановичем Годуновым в 1586 г. для богатого Ипатьевского монастыря в Костроме (рис. 1)[12]. Она имеет широкую серебряную раму, на которой помещено 16 рельефов со сценами жития и чудес. В середине лево-

го поля, над длинной ктиторской надписью, находится интересующая нас сцена (рис. 2). Св. Димитрий, в хламиде (хитоне) и плаще, склоняется перед своим изображением. За иконой стоят две девушки, с непокрытыми головами и падающими на плечи локонами. Одну из них святой придерживает за плечо. Плащ Димитрия развевается, как будто святой только что опустился на землю после полета. На втором плане – храм с небольшим куполом, символизирующий базилику Св. Димитрия в Салониках. Надпись на узкой пластиночке, прибитой на верхнем поле клейма: "Стый Дмитрие принесе от срацынь две дев[и]цы". Рельеф пострадал от времени, его нижняя часть утрачена и восполнена гладкой серебряной пластиной. Изображение иконы, которую вышили девицы, гравировано на отдельной серебряной пластинке и прибито к рельефу четырьмя гвоздиками. Это было сделано уже после починки рельефа: пластина с портретом святого частично заходит на надставку. Надпись над сценой: "Святой Димитрий принес от сарацин двух девиц".

Композиция на иконе Димитрия Годунова была не первой в русском искусстве. Икона, как сказано в ктиторской надписи, является копией самого почитавшегося на Руси изображения св. Димитрия – иконы, исполненной на его "доске гробной" и привезенной в 1197 г. из Салоник во Владимир, а оттуда в конце XIV или начале XV в. (?) – в Москву, в Успенский собор Московского Кремля[13]. По своей художественной структуре рельеф на иконе 1586 г. похож не на произведения конца XVI в., а на русские памятники конца XIV и особенно XV в.[14] Возможно, после перевоза салоникской реликвии из Владимира в Москву для нее был исполнен новый оклад, со сценами жития и чудес. С него-то и мог быть скопирован оклад иконы Димитрия Годунова. Мы не заглядываем сейчас в более ранний период, а именно в конец XII в. Когда икона была принесена во Владимир из Салоник в 1197 г., она уже тогда могла иметь серебряный оклад с изображениями, поскольку ее доска имеет очень широкие поля, явно рассчитанные на размещение рельефов (для конца XII в. наиболее вероятно предположить фигуры отдельных святых, а не сцены).

К тому же прототипу, что и сцена на иконе 1586 г., восходит клеймо на иконе первой половины – середины XVI в., происходящей из собрания Г. Прянишникова, сейчас в Музее в Нижнем Новгороде (рис. 3, 4)[15]. В центре иконы изображено Чудо св. Димитрия о царе Калояне – победа конного воина над поверженным противником, а вокруг – 14 клейм жития. В изображении Чуда о солунских девицах (на нижнем поле), совпадают размещение фигур, позы, диагональное расположение чудотворного образа, форма храма, не воспроизведен лишь развевающийся плащ св. Димитрия, столь украшающий композицию на иконе 1586 г. Поскольку и для боярского заказа, и для более скромной иконы был использован общий образец, следует предположить, что он находился в крупном, влиятельном центре, т.е., скорее всего, в Москве.

Как, судя по обеим сохранившимся иконам, изобразили солунские девицы св. Димитрия на своей вышивке? Это фигура в рост, в воинских одеждах, что соответствует уже упомянутой прославленной иконе из Салоник, привезенной во Владимир, а затем в Успенский собор в Москве[16].

В XVI–XVII вв. сюжет с двумя солунскими девицами продолжает жить в искусстве Москвы. Так, в Третьяковской галерее хранится икона "строгановской школы" с изображением Чуда св. Димитрия о царе Калояне в среднике и 24 клеймами деяний и чудес, датированная 1609 г., крупных размеров (141 × 98 см), не часто встречающихся в произведениях этого круга. На нижнем поле представлены пять посмертных чудес св. Димитрия, причем Чудо с солунскими девицами изображено в самой последней сцене[17].

Интересующий нас сюжет проникает даже в далекие русские провинции, в том числе в северные области. На иконе конца XVI – начала XVII в. из деревни Лохотская, хранящейся в музее города Тотьма Вологодской области, святой воин изображен в рост, с 12 сценами вокруг. Сцена с двумя девицами и портретом изображена на левом поле (т.е. как на иконе 1586 г. в Успенском соборе Московского Кремля), но отличается, как и вся икона, упрощенностью рисунка. На шитом образе, исполненном девицами, св. Димитрий изображен не в рост, а, вопреки традиции, по пояс[18]. В Музее изобразительных искусств Карелии в Петрозаводске находится икона около середины XVII в. из села Селецкое в Заонежье: в центре изображено Чудо с царем Калояном, а вокруг – 20 сцен чудес и деяний, среди которых на нижнем поле – Чудо о двух солунских девицах, композиция которого более всего похожа на сцену в иконе из Нижнего Новгорода[19] (рис. 5).

В основе рассмотренных житийных икон св. Димитрия было, очевидно, два прототипа для средника: фигура воина в рост и сцена с конным воином, который поражает царя Калояна. Интересно, что, в отличие от св. Георгия, который изображается обычно на белом коне, св. Димитрия мы видим на коне темной масти. История житийных клейм св. Димитрия требует специального исследования, но уже сейчас очевидно, что Чудо о двух солунских девицах исполнялось вплоть до середины XVII в. в согласии с единственным прототипом. Самые ранние варианты его схемы среди сохранившихся – это клейма иконы из Нижнего Новгорода и иконы 1586 г.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. изображения этого чуда обрастают новыми подробностями. На иконе начала XVIII в. в собрании Государственного Эрмитажа, происходящей с севера, из деревни Вакомино, Верховажского района Вологодской области (рис. 6)[20], в среднике представлено Чудо о царе Калояне, а вокруг – 10 клейм деяний и чудес. Легенда о солунских девицах изображена в двух клеймах. В первом из них (рис. 7) девушки представлены сидящими за работой. На прямоугольную раму (пяльцы) натянута ткань с контурным изображением св. Димитрия до плеч, он напоминает Христа Еммануила. Каждая девушка одной рукой придерживает пяльцы, а другой, пригорюнившись, поддерживает щеку. Надпись: "Девицы вышиста по повелению срацинскаго воеводы образ святого Димитрия, и плакашась, и оусныша сномъ". В следующем клейме (рис. 8) представлена в условной форме базилика в Салониках. Девушки держат вышитый ими портрет, показывая его старцу в мирских одеждах, который поднял руки в молитвенной, благоговейной позе. За спиной девушек стоит св. Димитрий в воинских одеждах. Надпись: "Святый Димитрий принесе девицъ со образом своим, в Селунь град, на празникъ свой".

На иконе 1731 г. в музее Великого Устюга (на севере России), происходящей из церкви Св. Димитрия (иконописец Иван Кондаков)[21], в среднике представлен св. Димитрий в рост, в молении, на фоне панорамы Салоник. В последнем из 18 клейм (рис. 9) изображен во вкусе барокко интерьер храма с низкими сводами (как и в предыдущих произведениях, храм не имеет ничего общего с реальной базиликой в Салониках), служба у гробницы святого, а на первом плане – две девушки, спящие на вышитой ими иконе с поясным изображением юного святого. Подробно нарисована рама, на которую при помощи шнурков натянута ткань с вышивкой. Надпись: "Святый Димитрий вземъ деве те съ образом своимъ и постави в церкви у гроба своего".

В поздней русской иконописи – в зрелом XVIII и XIX вв. – сюжет изображается несколько иначе. Основную часть композиции занимает сцена победы св. Димитрия, изображенного в виде всадника, над поверженным врагом,

причем в надписи имя врага обозначается как Мамай (т.е. имеется в виду золотоордынский хан, над которым была одержана победа на Куликовом поле в 1380 г. московским князем Димитрием Донским благодаря помощи многих святых, в том числе св. Димитрия Солунского). На иконе конца XVIII – начала XIX в. из собрания банка "Интеза", Италия (рис. 10)[22], справа от сцены со св. Димитрием на коне изображена роскошная постройка. В дверях, на ступенях входа, стоят две солунские девицы, держа ткань с вышитым ими образом. Эта маленькая сценка очень похожа на изображение Мандилиона (Нерукотворного образа Спасителя), который начиная с XV в. принято было представлять с ангелами, поддерживающими тонкую, сборчатую ткань св. плата-убруса.

Возможно, в XVIII–XIX вв. в России не только ощущали параллель между св. Мандилионом и вышитым портретом св. Димитрия, но и отразили ее в искусстве. Разумеется, с одной стороны, эти святые образы кардинально различаются: св. Мандилион – "нерукотворный", αχειροποιτος, а образ св. Димитрия создан искусными руками солунских девушек. Но, с другой стороны, между этими изображениями существуют и тонкие ассоциации. Оба они помещены на ткани, которая сама по себе имеет глубокий символический смысл, восходящий к ветхозаветным временам и античным традициям (вечно прядущаяся нить судьбы, завесы-запоны в скинии и др.). Совпадало и их место в храме. Фрески с изображением Нерукотворного образа Спаса начиная с XIII в. в византийских храмах (в том числе в Македонии) часто располагались в алтаре, над престолом, напоминая о теме Инкарнации и искупительной жертве Спасителя[23]. Шитый портрет св. Димитрия (убитого раной в ребра, подобно тому, как был мучим распятый Спаситель[24]), согласно легенде, был повешен в базилике св. Димитрия также над алтарем. Повторяется, наконец, и апотропеический характер культа. Св. Димитрий – защитник Салоник и многих городов, в том числе русских. О победоносном значении его изображения знал арабский военачальник. Св. Димитрий помог русскому князю победить язычника Мамая. Это было аналогично апотропеическому значению Мандилиона, спасавшего Эдессу, Константинополь и многие христианские города[25].

Почитание св. Димитрия, как явствует из многих аллюзий, глубинно связано с темой чудодейственной ткани. Одежда святого, в которую была собрана кровь мученика, хранилась в его базилике в Салониках. В числе реликвий, унесенных из Салоник в Константинополь императором Мануилом Комнином в 1149 г., упоминается некая "прока́лумма" (возможно, покров или шитое изображение). Во Владимир из Салоник в 1197 г. принесли не только "доску гробную", но и "сорочку" святого (возможно, какой-то фрагмент святыни). На печати митрополита Константина Месопотамита начала XIII в. изображен св. Димитрий, накрывающий заказчика своим плащом. Во фреске XIV в. в церкви Св. Димитрия в Пече (Сербия) его гробница накрыта тканью с фигурой святого[26].

Тема священной ткани от св. Димитрия с аллюзией на историю Св. Убруса возникает вновь в источниках XVII в., где она получает отпечаток фольклорности. В 1628 г. архимандрит Димитриевского скита на Афоне, зависящего от монастыря Ватопед, принес в Москву государю "чудотворное полотенце" из базилики Св. Димитрия в Салониках, с рассказом о том, что оно исцелило некоего "воеводу Авгаря" из Волошской земли (тезку персидского царя Авгаря, исцеленного Св. Убрусом). Выздоровев, Авгарь повелел выстроить в Валахии церковь Св. Димитрия и положил там это полотенце. Впоследствии император Андроник Палеолог забрал святыню из Валахии и принес ее на Афон. Афонские же старцы принесли ее в Москву вместе с миром св. Димитрия[27].

Значение сцены Чуда с двумя солунскими девицами в русской иконописи становится более понятным, если рассмотреть его в контексте аналогичных сюжетов в житийных циклах великих христианских святых. В русских изобразительных циклах часто встречаются сцены с изображением чудес, творимых святыми через посредство икон. В цикле св. Николая Мирликийского это Чудо о киевском младенце (утонувшем в Днепре, но назавтра найденном живым перед иконой св. Николая в Софийском соборе в Киеве), Чудо о половчине (по византийской версии – о сарацине, который дал коммерческое обещание перед иконой св. Николая, но не сдержал слова, был наказан святым, после чего обратился в христианство), Чудо о патриархе Афанасии (который не хотел поместить икону св. Николая рядом с иконами Христа и Богоматери, поскольку считал его простым человеком низкого происхождения, но во время бури был спасен св. Николаем и уверовал в него). В цикле св. Георгия это история о сарацине, выстрелившем в икону св. Георгия, наказанном слепотой, исцеленном и принявшем христианство.

Перечисленные рассказы частично известны в греческих текстах, а некоторые созданы на Руси (Чудо о киевском младенце). Но ни в византийском искусстве, ни в искусстве православных стран поствизантийского периода иллюстрации этих легенд не встречаются, за исключением искусства русского. Рассмотренная нами сцена о солунских девицах из цикла св. Димитрия – лишь один из оригинальных сюжетов русской иконографии.

Основой легенд о чудотворной силе иконных изображений является догматика иконопочитания, сформулированная в период иконоборчества и ставшая краеугольным камнем религиозной жизни Византии после победы иконопочитателей в 843 г. Теория иконопочитания нашла яркое отражение на Руси уже в первые века ее христианской жизни, что выразилось, например, в посвящении храмов Новгорода уже в XII в. Нерукотворенному образу Спаса – первой и истинной иконе Спасителя, а также Евангелисту Луке – первому художнику, изобразившему Богородицу с натуры еще при ее жизни.

Во всем византийском мире новый всплеск внимания к подобным мотивам отмечается в XIV в. В разных концах византийского мира, в том числе на Балканах, появляются сцены торжественных процессий с богато украшенными иконами (иллюстрации к циклу Акафиста Богоматери). Реже, но встречаются циклы, иллюстрирующие историю Нерукотворного Образа. По мнению Андрэ Грабара, за интересом к таким сюжетам стояла ностальгия византийской культуры по временам былого могущества Византийской империи, стремление напомнить о святынях православного мира, заступничество которых должно было помочь Византии в борьбе против мусульманского натиска. На Руси, которая в это время находилась в другой, более позитивной политической ситуации, в конце XIV в. также наблюдается распространение тематики иконопочитания, например, формирование предания о чуде новгородской иконы "Богоматерь Знамение", отразившей еще в 1169 г. войска Андрея Боголюбского. В это же время и в Новгороде, и в Москве появляются житийные циклы св. Николая с иллюстрациями преданий о чудесах от его икон.

Особенно же бурно, судя по сохранившимся произведениям, тематика иконопочитания развивается в русском искусстве начиная с XVI в., тогда как в поствизантийском мире этого не наблюдается. Одно из проявлений нового иконографического движения на Руси – рассмотренный сюжет из цикла св. Димитрия с Чудом о двух солунских девицах.

Есть несколько причин распространения названных, а также других подобных сюжетов в русском искусстве. Это и интерес к истории утверждения хри-

стианства подвигами святых, и необходимость борьбы с многочисленными еретическими движениями на Руси в XV–XVI вв., которые носили откровенно иконоборческий характер, и подчеркнуто благоговейное отношение к иконе в России, где, в отличие от Византии и Балкан, большая часть храмов строилась из дерева и украшалась только иконами, а не монументальной настенной живописью.

В XVI–XVII вв. Россия ощущала свою историческую миссию – быть оплотом православия, защитницей его догм в качестве единственной большой православной страны, не попавшей под иноземное иго. Эта идея особенно усилилась во второй половине XVII в., начиная с реформ патриарха Никона. Отсюда повышение интереса не только к русским, но и к другим святыням православного мира, копирование в Москве чудотворных икон, прославленных в других странах ("Богоматерь Киккотисса", "Богоматерь Иверская", "Богоматерь Влахернская" и др.). Может быть, в этом контексте усилился интерес и к Чуду св. Димитрия с двумя девицами, где речь идет не только об изображении святого, благочестивом труде художника, но и о реалиях одного из великих городов православного мира – Салоник.

[1] *Буланин Д.М.* Мучение Димитрия Солунского // СККДР. Л., 1987. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. С. 260–265.

[2] *Smirnova E.* The Veneration Icons in Russian Iconography // Зограф. Београд, 1997. Вып. 26: Споменица Војислава Ј. Ђурића. С. 121–125.

[3] См.: Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 1. Кат. № 128. С. 245–248. Сведения любезно сообщены Е.В. Гладышевой. См.: *Гладышева Е.В.* Иконография новгородской иконы второй половины XIII в. "Спас на престоле, с избранными святыми на полях" (в печати).

[4] РГАДА. Ф. 381. Тип. № 163. См.: Каталог славяно-русских рукописных книг... Ч. 2. С. 132–136. Сообщено Е.В. Гладышевой.

[5] Л. 83 об.–85. См.: *Бегунов Ю.К.* Греко-славянская традиция почитания Димитрия Солунского и русский духовный стих о нем // Byzantinoslavica. Praha, 1975. Vol. 36, fasc. 2. S. 156–157. Фоторепродукция текста – il. 2–4.

[6] Опубл. в кн.: Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1880. Октябрь, дни 19–31. Стб. 1898–1899.

[7] *Каптерев Н.*[*Ф*]. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 99.

[8] *Hemmerdinger-Iliadou D.* Ὁ ἅγιος Δημήτριος καὶ οἱ σλάβοι // Πεπραγμένα τοῦ Θ' Διεθνοῦς Βυζαντινοῦς Συνεδρίου. Αθήναι, 1955. Σελ. 129–130.

[9] *Сперанский М.Н.* Октябрьская Минея-четья до-макарьевского состава // ИОРЯС. СПб., 1901. Т. 6, кн. 1. С. 83–84. Одна из последних работ, характеризующих культ св. Димитрия как покровителя Салоник: *Skedros J.C.* St. Demetrios of Thessaloniki: Civic Patron and Divine Protector (4th–7th cent.) / Doctor of Theology Thesis. Harvard University. Cambridge (mass.), 1996. P. 163–173.

[10] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 156.

[11] См.: *Ξυγγοπουλος Α.* Ὁ εἰκονογραφικὸς κύκλος των Θαυματων της ζωης του αγιου Δημητριου. Θεσσαλονικη, 1970; *Μπουρα Λ.* Δυο εικονες του αγιου Δημητριου του Εμμανυηλ Τζανε και η σχεση τους με ανθιβολα του μουσειου Μπεναχη // Αντιφονον. Αφιερομα στον Καθηγητη Ν.Β. Δρανδακη. Θεσσαλονικη, 1994. Σελ. 361–369. Этих сюжетов не встретилось и в житийных циклах св. Димитрия в монументальной живописи. Остается дождаться завершения работы г-на Евангелиса Кириакудиса по собиранию изображений св. Димитрия в греческой Македонии.

[12] Коллекция Новодевичьего монастыря, филиала ГИМ, в Москве. Размер 162 × 88 см. Опубл.: *Постникова-Лосева М.М.* К вопросу об отражении византийской художественной культуры в золотом и серебряном деле Древней Руси // ВВ. 1969. Т. 30. Рис. 7.

[13] См.: *Smirnova E.* Culte et image de St. Démètre dans la principauté de Vladimir à la fin du XIIe – début du XIIIe siècle // Βυζαντινη Μακεδονια. Διεθνες Συμποσιο. Θεσσαλονικη, 29–31 Οκτοβριου 1992. Θεσσαλονικη, 1995. Σελ. 274–277; *Смирнова Э.С.* Храмовая икона Дмитри-

евского собора: Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М., 1997. С. 220–254.

[14] *Постникова-Лосева М.М.* Указ. соч.

[15] Размер 90 х 68 см. Воспр.: *Розанова Н.В.* Ростово-суздальская живопись XII–XVI веков. М., 1970. Табл. 99 (общий вид), 104 (Чудо о двух солунских девицах); *Балакин П.П.* Древнерусское искусство Нижнего Новгорода: Сводный каталог // Балакин П.П. Древнерусское искусство Нижнего Новгорода: Статьи. Нижний Новгород, 1999. С. 73. Кат. 8. Рис. 6. Надписи в клеймах не сохранились.

[16] *Смирнова Э.С.* Храмовая икона Дмитриевского собора...

[17] См.: *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Государственная Третьяковская галерея: Каталог древнерусской живописи. М., 1963. Т. 2. Кат. 828. С. 347–348.

[18] См.: *Рыбаков А.* Вологодская икона: Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М.. 1995. Табл. 265. Размер иконы 106,5 × 80 см.

[19] Памятник, насколько нам известно, не опубликован. Размер 111 × 93 см. Фотография любезно предоставлена нам сотрудником Музея изобразительных искусств в Петрозаводске В.Г. Платоновым.

[20] Размер 104,5 × 92. См.: Сто икон из фондов Эрмитажа. Живопись русского Севера XIV–XVIII веков. Каталог выставки. / Сост. А.С. Косцова. Л., 1982. Кат. 96. С. 99; Русские житийные иконы XVI – начала XX века: [Каталог выставки в ГЭ] / Сост. А.С. Косцова, А.Г. Побединская. СПб., 1999. Кат. 29. Фотографии клейм любезно предоставлены А.С. Косцовой.

[21] Не опубликована. Фотография предоставлена реставратором Н. Бетиной.

[22] Хранится в Виченце, в галерее Палаццо Леони Монтанари. Инв. 979 D. Размер 35,5 × 31,5 см. Не опубликована.

[23] *Gerstel Sh. E.J.* Beholding the Sacred Mysteries: Programs of the Byzantine Sanctuary. Seattle; London, 1999. P. 68–77.

[24] Климент, епископ Охридский. Похвала св. Димитрию // Великие минеи четии... Стб. 1923.

[25] Еще один пример позднего изображения Чуда с двумя девицами, более или менее похожего на описанное, – икона в Белграде, в Музее русской православной церкви. Опубл.: *Рогов А.И.* Белградская икона с изображениями Дмитрия Солунского и царя Мамая // Сов. славяноведение. 1968. № 5. С. 58–61.

[26] См.: *Смирнова Э.С.* Храмовая икона Димитриевского собора... С. 242–244.

[27] *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 99–100.

Г.Я. Голенченко

ПАМЯТНИК СТАРОБЕЛОРУССКОЙ КНИЖНОСТИ СЕРЕДИНЫ XVII века

История Великого княжества Литовского в контексте ее литературных, культурных и общественно-политических связей изучена чрезвычайно поверхностно и неоднородно. Одна из причин этого хронического отставания (если не упоминать все остальные социальные, политико-идеологические и историографические факторы) в сравнительной узости выявленной источниковой основы и весьма слабой разработанности источниковедческих проблем. Между тем, духовное наследие Беларуси, Литвы, Украины, русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, достаточно богато, своеобразно и заслуживает большего внимания профессиональных историков, медиевистов, филологов, библиографов, книговедов.

На наш взгляд, первичной основой для перспективного достижения нового уровня исследований должна стать и частично уже стала комплексная ретроспективная библиография памятников рукописной и печатной книжности. Сравнительно полно учтены белорусские и украинские кириллические издания, напечатанные в XVI–XVIII вв. на территории Великого княжества Литовского (а частично и за его пределами), значительно хуже обстоит дело с учетом и описанием изданий, напечатанных латинскими и другими шрифтами. Фундаментальная многотомная работа Кароля и Станислава Эстрейхеров не охватывает всех сохранившихся изданий. Кроме того, значительная часть указанных там раритетов погибла в годы второй мировой войны или находится в иных библиотечных, музейных и частных собраниях. Наконец, основное внимание в этих трудах уделено их значению в истории польской литературы и письменности. Некоторые сдвиги в развитии новейшей ретроспективной библиографии заметны главным образом в литовской печати. Не требуется доказывать, что многие книги, напечатанные латинскими шрифтами в XVI–XVIII вв., входят в полиэтничное культурное наследие разных народов Великого княжества Литовского, и часть из них в той или иной мере связана с книжно-литературными традициями Беларуси. Предлагаемое краткое описание одного из известных нам редких изданий старобелорусской польскоязычной книжности середины XVII в. является частным подтверждением этого тезиса и, как представляется, должно побудить исследователей к дальнейшим поискам. Книга выявлена нами в Отделе рукописей и старопечатных изданий Библиотеки Академии наук Литвы в Вильнюсе в 1980-х годах.

Титульный лист по оригиналу: "**BANKIEN** // Albo // **HISTORIA** // Jako Adam bankietował // trzech Synow swoich iuź żonatych // z pokrewnemi y Przjeciómi, // Tudziesz // lana młodzeńca pobożnego y // mądrego i co za koniec te//go Bankietu tak zły iako // y dobry, // Rzecz niemniey ucieszna iako i pożyteczna // ku czytaniu, osobliwie przy bankietach // y biesiadach Przyiacielskich // pezez **Ia iestem, który iestem...** Za dozwoleniem Starszych. // Vilnae, Typis Acad. Soc. IESU., 1650".

На русском языке название книги можно воспроизвести следующим образом: «Банкет, или История о том, как Адам банкетовал трех своих женатых сыновей с родственниками и приятелями, а также набожного и разумного юношу Яна, а также [рассказ о том], каково было окончание этого банкета со всеми его плохими и хорошими последствиями. Сочинение не менее утешительное как и

полезное для чтения, особенно на банкетах и дружеских беседах, написанное [неназванным автором] – "Я есть тот, что есть"».

Формат книги – в восьмую долю листа, размер 152 × 86 мм. Пагинация по верхним углам страниц цифровая. Сигнатуры в основном буквенные, латинским шрифтом: [*]^{2} A^{8} a^{8} B^{8} C^{8} D^{8} E^{8} F^{8} G^{8} H^{8} J^{8} K^{8} L^{8} M^{8} N^{2}, xxx^{8} xxxx^{8} xxxxx^{4} x^{1} xx^{1} xxx^{1} xxxx^{1} xxxxx^{1} 3 листа несигнованные xx^{8} xxx^{1}. Кустоды в нижней части страниц под горизонтальной линией. Сохранилось: 10 ненумерованных листов, 196 нумерованных и 76 ненумерованных страниц. Всего – 146 листов. Экземпляр полный.

Орнамент наборный, в том числе рамочный, ксилографические концовки плетеного орнамента, инициалы. Печать в одну краску.

Переплет бумажный отреставрированный. На оборотной стороне передней обложки наклеен напечатанный экслибрис с изображением пылающего факела и гравированной надписью: "Towarzystwo Przyjaciól NAUK w Wilnie". Ниже экслибриса вручную проставлен старый библиотечный номер книги – I/11090. В верхней части дефектного титульного листа почерком XIX в. записаны сведения о владельце или дарителе книги: "Ad p. Jana Iszczory 27/VIII". В средней части листа – между напечатанных строк заглавия – тем же почерком записан другой регистрационный номер: "№ 341" (?, последняя цифра написана неразборчиво, можно прочитать и "340"). Ниже записана фамилия еще одного владельца книги или даже ее автора: "T. Podgórskiego". Различные записи встречаются также на оборотной стороне титульного листа и на других страницах. В конце книги на отдельном листе почерком XVII в. записаны некоторые актуальные для того времени исторические сведения, не имеющие отношения к основному тексту издания – о Буковине, турках, Литве, поляках и др.

Состав книги: 1) л. 1 нн. а – титульный лист, 1 нн. б – чистая стр. 2) л. 2 нн. а – небольшой текст на одной странице, посвящение книги Исусу Христу от имени ее автора – "PANU IEZUSOWI Zbawicielowi swemu na krzyrzu pragne. Ioan. 19. Do mnie wolaiącemu. O Iesu, Iesu, Iesu", 2 нн. б – чистая стр. 3) 3 нн. а – 7 нн. б, развернутое посвящение книги добродетелям, меценатам "их милостям" пану Петру Тризне, слонимскому маршалку, и пани Анне Кандзежевской Тышкевичевой (Annie Kandzierzawskiej Tyszkiewiczowey). Посвящение начинается с рассказа о том, как знаменитая и поражающая своей набожностью панна, св. Екатерина (Katarzyna Seneńska), будучи совсем юной, пришла к своему дому и узрела необычный дворец с Исусом Христом, апостолами и другими святыми, что ее чрезвычайно обрадовало и утешило. Автор сообщает, что он встретился с подобным же видением, когда направлялся со своей книгой к дворовому дому панов Тышкевичей в Гоще и неожиданно увидел чертог, ареопаг святых во главе с коронованным Исусом Христом на крестоподобном троне. Христос воззвал к нему: Жажду жаждущего! Автор немедленно посвятил и пожертвовал ему свой «"убогий Банкет" для спасения душ наших жаждущих». Господь принял дар и одобрил его желание даровать книгу его опекунам и меценатам панам Тышкевичам. Высоким риторическим стилем автор восхваляет ратные подвиги Тышкевичей в защиту Отчизны, их мудрую и разностороннюю деятельность в Сенате Речи Посполитой. Особо упоминается виленский бискуп Юрий Тышкевич, своими "неописуемыми добродетелями подобный сияющему солнцу". Далее автор обращается непосредственно к своим меценатам, восхваляет слонимского маршалка и особенно его жену Анну из рода Кандзежевских, породненного с Радзивилами. Во время его долгого московского заключения она щедро поддерживала униатские костелы и церкви и дала обет построить новый костел св. Магдалины грешницы. Подписался: "Zakonnik sw. Bazilego, niegodny Między

namnieyszemi ostatny". 4) 10 нн. а – 12 нн. б, предисловие, адресованное читателям – "DO SZYTELNIKA Laskawego", без подписи. Это посвящение лишено каких-либо реальных сведений. Автор сообщает о своей главной цели: наставить читателей на путь истинный в соответствии с заветами апостолов, напомнить им о мимолетности земного и грешного существования и похвальном стремлении к жизни вечной, небесной и беспорочной. Книга интересна именно этим контрастом, яркими зарисовками повседневной жизни, описанием светских забав, роскоши, никчемной погони за преходящим богатством, людской глупости, пьянства, пресыщения и распущенности. Чувствуется, что автор неплохо знал все эти распространенные в его время общественные и индивидуальные пороки и прегрешения. 5) Часть 1, стр. 1–37: "Zaprasza na Bankiet swoich Adam stary, Bankietuie zaproszonych, y o Rozmowach na tym że Bankiecie trzech Synow Adamowych"; 6) часть 2, стр. 37–94: "W ktorey nazaiutrz Adam chcąc sie pochmielić z swoimi, niespodzianie zabawia się z Ianem miłośnikiem IEZUSOWYM"; 7) часть 3, стр. 95–196: "O Bankiecie Duchownym, ktorego IAN radzi Adamowi, y innym zażywać"; 8) л. нн., сигнатуры xxx^{1} а – xxxx^{1} а: "PLACZ abo Siedm boleśći Adama pokutuiącego, ktory naprzod dnia Pierwszego czas marnie strawiony opłakiwał, y poprawę obicuie", 9) сигнатуры xxxx^{1} б – xxxxx^{4} б, "HAMULEC Y Srzodek wielce skuteczny, wszystkim na ustrzeżenie się wszelakiego grzechu y występku. Ktore oraz wielką są pociechą Ludzi pobożnych y cnotliwych"; 10) л. 1 нн. а – 11 нн. б, "PIESN o żywocie Pana IEZUSOWYM y zabawka codzienna z nowym Adamem Chrystusem Iesusem"; 11) 12 нн. а – 17 нн. а, "ZABAWKA Codzienna z nową Ewą PANNA NASWIĘTSZĄ"; 12) 17 нн. б, молитва; лист 18 – чистый с обеих сторон, на лицевой стороне – обширные рукописные записи.

БАН Литвы. Шифр MAB L-17/20.

Книга сохранилась в единственном экземпляре. Исследователям белорусской литературы, истории, фольклора, культурных связей осталась практически неизвестной.

Сочинение анонимного автора чрезвычайно интересно, так как знаменовало собой зарождение нового морально-поучительного жанра (на основе библейских и других церковных притч и сюжетов) с заметными комедийно-фольклорными и беллетристическими чертами. В книге явственно ощущается влияние живого народного языка, тем более что значительная ее часть построена в форме диспутов.

Автор неизвестен, но его принадлежность к базилианскому ордену, поддержка со стороны представителей известного белорусского магнатского рода – Тышкевичей позволяют предполагать, что он был местным уроженцем. Большинство базилианских монахов по своему происхождению были связаны с Беларусью или Украиной.

Литература

Издание зарегистрировано только в библиографии: *Estreicher K.* Bibliografia Polska. Kraków, 1894. T. XII. S. 355; *Cepiene K., Petrauskiene I.* Vilniaus Akademijos spaustuves leidiniai 1576–1805: Bibliografija. Vilnius, 1979. № 170. S. 35.

Daniel H. Kaiser

DEFAULT AND DECEPTION IN MUSCOVITE WEDDINGS

Sigismund von Herberstein reported that in sixteenth-century Muscovy the prospective brides and grooms played but a small part in arranging their own marriages. "Бесчестным и позорным считается для молодого человека самому свататься за девушку, чтобы ее отдали ему в супружество. Дело отца – обратиться к юноше с предложением жениться на его дочери"[1]. If, Herberstein observed, the groom request even so much as a glance at his prospective bride, «то родители обычно отвечают ему: "Спроси у других, кто знает, какова она"». Во всяком случае, доступ к невесте предоставляется ему не иначе, как если обручение не будет раньше подтверждено величайшими обетами, так что жених, даже если бы и пожелал, не мог бы отказаться от нее, не навлекая на себя тяжкого наказания"[2]. The way in which Muscovites married led Herberstein to conclude that marital matches in Russia were not often happy. "Любовь между супругами по большей части умеренна, в особенности у мужей именитых и знатных. Это происходит оттого, что они женятся на девушках, которых раньше никогда не видели"[3].

Subsequent visitors to Muscovy seconded Herberstein's account. Giles Fletcher, who came to Moscow in the 1580s, reported to English readers that Muscovite marriages were "different from the manner of other countries. The man (though he never saw the woman before) is not permitted to have any sight of her all the time of his wooing: which he doth not by himself, but by his mother or some other ancient woman of his kin or acquaintance"[4]. Adam Olearius, who visited Muscovy half a century after Fletcher, also observed that "young men and women are not permitted to become acquainted on their own much less to discuss marriage or become engaged... Under such circumstances, one should not be surprised that husbands and wives often live together like cats and dogs, and that wife-beating is so common in Russia"[5].

Wedding contracts confirm that marriages in Muscovy were arranged by families, and not by the principals[6]. Parents or other relatives would bargain over the match, over the composition and size of the dowry, and over the date of marriage. For example, when the widow of Afanasei Iakovlevich Levashov contemplated marrying off her daughter, she arranged the contract to include her sons: "Се яз, вдова Огрофена Офонасьева, жена Яковлевича Левашова, з детми своими, с Иваном да с Яковым, да с Тимофеем, в нынешнем двести первом году декабря в 17 день зговорила я, вдова Огрофена, с детми своими дочь свою, а мы, Иван и Яков, и Тимофей, сестру свою, девицу Офросинью Офонасьевну, замуж за Ивана Кузмича Груздовцова"[7]. Similarly, in 1671 the three sons of Aleksei Varypaev arranged for the marriage of their niece, Praskov'ia, daughter of their deceased brother[8]. All Muscovy's social orders followed the same practice, as surviving records prove. In 1665 "гость" Ivan Ivanov syn Klimshin arranged for his brother's widow, Elena Rodionova doch', to marry Ivan Iakovlevich Volkov; in 1641–42 the widow Glikeriia, "послуживица" of Nikita Gavrilovich Skobel'tsyn, gave her grand-daughter Olisava in marriage "за человека Варфоломеевича Векентиева за Федора Ортемьева"[9]. Peasants, too, worked through parents or other kin. When in 1663 Lunka Ageev agreed to marry, he undertook arrangements with the girl's father: "А женитца мне, Лунке, на ево Семеновой дочери на срок на Троицын день нынешнего 171-го году к нему, Семену, во двор"[10].

As the preceding cases confirm, often the wedding arrangements would be reduced to writing, fulfillment of which was warranteed by a default payment. If the groom or bride failed to appear at the date specified, or if the dowry was not delivered as prom-

ised, the guilty party could incur a sizable payment, just as Herberstein had first observed.

Because the "сговорная запись" itself does not always survive, not all cases mention a default penalty. But of those that do, most (40%) prescribed a default penalty no higher than 100 rubles. Of course, 100 rubles represented a immense payment in an era when an ordinary laborer might earn no more than 4 or 5 kopecks a day[11]. Consequently, even much smaller penalties might look imposing to a peasant. When the peasant Ivanka Petrov syn married Akilina Ivanovna in 1664/65, a six-ruble penalty secured their agreement[12]. Sums this small were relatively rare, however, perhaps because peasants did not normally reduce their agreement to writing. But even peasants might provide for default penalties of significant dimensions. Lunka Ageev, for example, the peasant whose marriage was cited above, agreed to pay a default fee of 50 rubles if he failed to appear on Trinity Sunday for his wedding to Pologeitsa[13].

As grand as a 100-ruble default penalty might have been, the remaining 60% of the cases required even higher payments, presumably to discourage default, just as Herberstein had suggested. About 20% of wedding contracts prescribed penalties as large as 200 rubles, and only about 12% range as high as 300 rubles. However, at the other end of the spectrum, more and more dowries provided steep financial penalties for default: about 14% prescribed penalties ranging from 401–500 rubles, and another 13% provided for penalties even larger than 500 rubles. Clearly these sums reflected the attempt of contract-makers to enforce compliance among the elite, for whom 100 rubles did not represent a particularly imposing payment.

Whatever the size of the contract penalty, the intention was the same – to enforce compliance, as additional documentation proves. A 1667 petition from the widow Katerina Ozornova sought the Patriach's help in forcing Partomofei Petrov syn Turgenev to pay a 200-ruble default. Ozornova reports in her claim that Turgenev had agreed to marry her May 29, 1667; having failed to appear on this date, Turgenev should be made to pay the sum he agreed to in the wedding contract, the widow reasoned[14]. A 1653 document calls for an even larger payment – 300 rubles[15]. In this case the petitioner complained not about a failure to appear for the wedding, but a failure of the bride's stepfather to provide the dowry. Another case, this one from 1690, seeks no particular sum, but rather solicits from the Vologda archbishop assistance in forcing a monastery's peasant to give his daughter in marriage to the petitioner as earlier promised. Here the issue was not so much the money but the woman, no doubt an accurate reflection of peasant approaches to marriage[16].

Requests to have defendants pay for default were not only or always merely a matter of seeking to enforce the contract. It sometimes happened that petitioners had already expended considerable sums of money in preparing for the wedding, and when one of the parties did not appear, the host was subject not only to humiliation but also to financial loss. For example, a 1690 petition from a peasant of Cherepovets district complained that the church secretary Mikhailo Semenov had failed to present his son to marry the petitioner's daughter as they had earlier agreed. When the wedding day came around, but the younger Semenov did not appear, the bride's father was out a pretty penny; he had already brewed up some beer and mead, he said, had purchased strong alcohol, and had as well provided other delicacies for the guests. His petition asked the archbishop either to enforce the contract, or have the defendant recompense the bride's father the sum of 20.5 rubles, allegedly the value of the goods wasted on wedding preparations[17]. A similar complaint from a Iaitsk Cossack in 1647 alleged that the family of his prospective daughter-in-law had failed to meet the details of the contract, and the petitioners therefore sought twenty rubles compensation for the three tables that they had prepared in anticipation of the wedding celebration[18].

Complaints about default might take other forms, too. For example, sometime around the year 1700 Fedor Petrovich Izmailov prepared a memorandum in which he rehearsed the details of his 1698 wedding to Ul'iana Satina. As part of the bride's dowry Izmailov was promised twenty chetverti of service land in Riask province; but to secure this land, Izmailov himself was obliged to trade to his wife's brothers a smaller plot of land in the same district, promising as part of the bargain never to contest the transfer, and never to petition about failure to fulfill the contract. But the Satin brothers, who had arranged their sister's wedding to Izmailov, had not provided the necessary documentation for him to gain the promised "поместья", had failed to appear at a hearing over the transfer, and had declined to transfer the peasants promised to their brother-in-law. As a result the groom had lost his own land, and had gained no compensating land in return[19].

When default occurred, petitioners were glad to have a written contract with which to prosecute their claims; in its absence, they might have difficulty proving their case. The peasant Danil'ko Sevast'ianov recalled that in arranging for his son's marriage he had foresworn a written contract: "instead of a contract we solemnized the agreement with icons of the life-giving cross and with an icon of the most holy Mother of God." Now, however, he had scant record of his deal, and no way to enforce compliance[20]. Similarly the Krasnoiarsk Cossack Vasilii Kliment'ev had celebrated his agreement to marry the widow Anna Zavalina orally; "we had sworn our troth (sosvatalis'), and her confessor had blessed us, and marked [the agreement] with the cross." Sadly for Kliment'ev, the bride's neighbors had other plans, and the wedding never took place. Now the would-be bridegroom was in debt for all the foodstuffs and drink which he had purchased to mark the wedding; with his indebtedness growing, Kliment'ev sought the tsar's intervention[21]. A church secretary, too, found himself in a difficult position without confirming paper. Mikhail Kazmin had arranged with the widow of a dragoon to marry her daughter; they had sealed their agreement with a clasping of the hands (rukobit'e), and had then celebrated their agreement with a drink and a meal. But Kazmin's wedding did not take place, and his petition complains that he had vainly spent five rubles on the preparations that the dragoon's wife should pay for[22].

In other cases, the documents had been compiled and exchanged, but when difficulties arose, the contracting parties tried to destroy the paper record of the agreement. A 1637 petition from the widow Marfitsa Barancheeva reports that she had arranged to marry her daughter to the son of Bogdan Novokshenov. Everything had gone according to tradition; the two sides had formulated a contract, the groom's matchmakers had inspected the bride, and both sides had signed contracts. But then "that Bogdan tore up my [copy of the] contract, but kept his own copy, [leaving] my torn contract with me"[23]. Consequently, when Novokshenov refused to marry the girl, Barancheeva had no document with which to prosecute enforcement of the contract.

Even with paper, however, an agreement to marry was not always powerful enough to force compliance. Arefa Malevinskii, resident of Tot'ma, had signed a 1686 contract to marry the sister of the church deacon Mikhail Fedotov. Although not all the records of the case survive, it seems that Malevinskii had tried to woo the deacon's sister, Anna Fedotova, for some time. A collection of thirteen love letters attached to the record confirms the suitor's ardor. The deacon reported in his complaint that finally Malevinskii had secretly snuck into the girl's bedroom where he had been captured when Anna's sister fled, locking the door behind her. When the deacon arrived, he apparently forced Malevinskii to compose and sign an agreement to marry Anna. Once freed from this embarrassing situation, however, Malevinskii reneged on his promise. He told the archbishop's court that he had been coerced into the arrangement, fearing for his life, and he refused to marry the girl. Regrettably, the record does not report the outcome of the case,

but it is clear from the materials that Fedotov believed that with contract in hand he stood an excellent chance of winning enforcement of the contract[24].

These cases confirm that, even if most weddings took place as contracted, occasionally deception and default intervened. Other kinds of deceit might also affect the outcome of negotiations. The extant sources are virtually unanimous in recounting the isolation of Muscovy's upper-class women. Consequently, inspecting the bride had some importance for the domestic life of the prospective groom, but relatively little is known about this "bride-show"[25]. Certainly the fact that intermediaries examined the bride, who might remain covered and unseen until after the wedding, allowed for the possibility of deception. Olearius claimed that some Muscovite men were bitterly disappointed to find their new spouse "ugly and sickly" or, worse, not the woman for whom they had bargained. Samuel Collins, one of a series of foreign physicians who served at the tsar's court in the seventeenth century, reported that the enterprising parents of a one-eyed daughter showed her best side for inspection, thereby deceiving the new groom badly. Jan Struys, who spent time in Muscovy in 1668–1669, retails this same story, observing that Muscovite grooms and brides "...live in perpetual Jarrs,and contention, when sometimes in hopes of a sweet, well-shaped, and comely Darling, they are chained to a stinking, crooked and deformed Hag...."[26].

Most of these reports emanate from foreigners' accounts, but Grigorii Kotoshikhin, in describing weddings of the boyars and other members of the seventeenth-century Muscovite elite, maintained that such deception did sometimes occur. Parents of a disabled girl, he reported, were not averse to substituting for her during the bride inspection another daughter in good health. Only later, after the wedding, would the deceived groom discover the trick played on him. Although Kotoshikhin made clear that deceived grooms might petition to escape unwanted spouses, the variety of deceptions he describes suggests that parents sometimes went to extremes to unload ailing daughters on unsuspecting and careless grooms[27].

Was Kotoshikhin here embroidering on reality for the purpose of making his account more attractive? Or did grooms in Muscovy have reason to be careful about the brides their parents and kin arranged for them? Evidence from several cases indicates that the bride show was important, and that in fact parents and "свахи" did sometimes manipulate the circumstances in order to deceive potential grooms.

Composing his last will and testament sometime around the beginning of the seventeenth century, Aleksandr Vasil'evich Volkonskii confirmed that he had been duped at his wedding. As Volkonskii recalled it, his marriage to Mar'ia Dem'ianova had been a disaster because from the beginning her parents had concealed from him the fact that his bride was seriously ill. No record of the marriage negotiations survive, nor does Volkonskii include in his testament the details of exactly how his wife's parents had deceived him. We also do not know whether he had appealed to have the marriage annulled, and if he did, why he remained married to the woman. What is clear from his account is that Volkonskii had lived with his wife for six years, an experience he described as torture. Evidently, Volkonskii had not thrown over his wife at her father's insistence, for when the man died, Mar'ia, knowing about her illness and her husband's unhappiness, immediately sought to escape her marriage; she proposed to take the habit, and enter a convent.

Volkonskii did not oppose the request, since it promised him respite and escape from his unhappiness. Consequently, his mother-in-law soon appeared, took Mar'ia and her dowy with her, promising to use the dowry to secure Mar'ia a place in a convent. Four years later, however, Mar'ia had still not taken a church vocation. Worse, Volkonskii complained, his mother-in-law had claimed property which, though promised him in the dowry, in fact had never been delivered. Now, contemplating death and the consequences

for his estate, Volkonskii worried that his former mother-in-law would try to bring suit against his estate; this the dying man desperately wanted to avoid, arguing that he had suffered enough by being saddled with a seriously ill wife whom her parents had deceptively represented as having been healthy[28].

Not everyone endured, as other cases confirm. A widow complained to the Vologda archbishop that the man who had promised to marry her daughter now declined to do so because the future bride was ill, evidently suffering from epilepsy. How the potential groom had come to know about the woman's illness the record does not say, but evidently the wedding had been at least imminent, since the groom already had possession of the dowry. The bride's mother petitioned to have the dowry returned if the man continued to resist marriage[29].

Another case proves that the bride show was important and usual, but that it could be manipulated for devious ends. A 1653 petition from Efrosin'ia, a nun in the Ascension Convent, claims that she was duped by some unprincipled wedding intermediaries. Efrosin'ia was guardian for an unmarried orphan, Makrinka, who was apparently disabled in some way, as later testimony suggests. Makrinka was already forty years of age, unmarried, and not yet a nun; few women of this age were still unmarried unless they were disabled or disfigured in some way.

This circumstance may explain why Efrosin'ia fell victim to a marriage proposal. In her petition, Efrosin'ia claimed that she had been approached by Ivan Deulia, who, in the company of another woman, alleged to represent none other than the tsaritsa and Grand Princess Mar'ia Il'ichna, wife of tsar Aleksei Mikhailovich. According to Efrosin'ia's complaint, Deulia reported that he had been commissioned by the tsaritsa to find a bride for a clerk in the Tsaritsa's private chapel. Deulia asked that Makrinka be allowed to accompany Deulia in a stroll past the Tsar Boris Palace, where, the man affirmed, the Tsaritsa herself would be stationed to determine Makrinka's suitability as a bride for her clerk (d'iachok).

Flattered by the offer, Efrosin'ia nevertheless declined, pointing out that Makrinka had no dresses or dowry; she was, Efrosin'ia allowed, "barefoot and naked," and therefore it was impossible to submit her to a bride show. When Deulia answered that the Tsaritsa herself would provide a dress for the purpose, Efrosin'ia gave in, overwhelmed, she said, by her Sovereign's mercy and graciousness. When Deulia returned two days later with a woman representing herself as having come from the Tsaritsa's court and with a beautiful dress for Makrinka, Efrosin'ia, much gladdened at this rise in her ward's fortunes, released the girl to accompany Deulia.

However, instead of taking Makrinka to the Boris Palace for a bridal inspection, Deulia and his accomplice took the girl straight to the Church of Saints Cosma and Demian by the back gates of the Ascension Convent, and there had her married to some man whose name Efrosin'ia did not even know. Worse, once married, Makrinka was almost immediately cast off by her new husband who sent her back to Deulia, demanding that the woman be forced to enter a convent. Still naked and barefoot, and now even without food and a protector, Makrinka was in desperate straits. Efrosin'ia begged for the Sovereign Lady's intervention.

Predictably, Deulia denied that he had deceived Efrosin'ia, but he did admit that he had arranged the wedding of Makrinka to a man of limited intellect, Frol Minin. He contended, therefore, that he had been direct with Efrosin'ia from the beginning, suggesting a marriage of convenience between two disabled persons. The record does not report how the case turned out, but even without that resolution the document makes clear how usual it was for others to arrange people's marriages, and that a bride show was not unexpected or unusual. Moreover, the case emphasizes that both parties had to be on the alert for deception when so much depended upon the word of the representatives of the bride and groom[30].

[1] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 110 (Later on: Герберштейн).
[2] Там же. С. 110.
[3] Там же. С. 111.
[4] *Fletcher G.* Of the Russe Commonwealth. Cambridge, 1966. P. 100.
[5] *Olearius Adam.* The Travels of Olearius in 17th – Century Russia / Trans., ed. Samuel H. Baron. Stanford, 1967. P. 165–65. Также см.: *John [Jan] Stuys.* The Perillous and Most Unhapphy Voyages of John Struys through Italy, Greece, Lifeland, Moscovia, Tartary / Trans. John Morrison. London, 1683. P. 141–142; Посольство Кунраада фан-Кленка к Царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 477–78; Посольство Петра Петрея де Ерлезунда // ЧОИДР. М., 1867. Кн. 2. С. 407–408; Описание Московии при реляциях г. Карнелия // Историческая библиотека. 1879. № 5. С. 22–25.
[6] *Olearius.* Travels. P. 165–65; *Collins.* Present State of Russia... London, 1671. P. 37; *Struys.* Perillous Voyages. P. 142; Описание Московии. С. 22–25.
[7] I collected information about 345 matrimonial contracts, based on published and archives sources (http://www.grinnell.edu/individuals/Kaiser/dowry.html). Most of them date from XVI–XVII centuries.
[8] *Егор Трехлетов.* Рядная запись 1692 года // Ярославские губ. вед. 1851. № 12 (часть неофиц.). С. 117.
[9] РНБ. Ф. 532. № 515.
[10] Там же. № 224; Ярославский архив дворян Викентьевых XVII века: Сб. документов. Ярославль, 1989. № 5.
[11] *Кашкин Н.Н.* Столпцы Щербачевых из архива Кашкиных // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1903. [Вып.] 3, № 1.
[12] Richard Hellie thinsk medium month's salary of workers at XVII centuries was about 1 rouble (*Hellie R.* Economy and Material Culture of Russia 1600–1725. [Chicago, 1999]. P. 450).
[13] *Борисов В.* Крестьянская сговорная память 1665 г. // Владимирские губ. вед. 1858. № 12 (часть неофиц.). С. 46–47.
[14] *Кашкин Н.Н.* Указ. соч. С. 25.
[15] Челобитная патриарху Иоасафу, о неисполнении сговорной записи 1667 года // Щукин П.И. Сборник старинных бумаг: В 10 т. М., 1898. Т. 3. С. 69.
[16] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 177. Оп. 1. № 334; ЛЗАК за 1914 год. Пг., 1915. Т. 27. С. 50.
[17] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 117. Оп. 1. № 1858; ЛЗАК за 1914 год. Т. 27. С. 280.
[18] Деловая письменность вологодского края XVII–XVIII вв. Вологда, 1979. С. 15–16.
[19] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 564. Л. 557–561.
[20] Приложения к описи Шацкого архива // Изв. Тамбовской учен. архивной комиссии. 1888. Т. 28. С. 76–77.
[21] Деловая письменность вологодского края. С. 16.
[22] РИБ. СПб., 1908. Т. 25. № 172.
[23] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 585. Л. 165.
[24] Временник Демидовского юридического лицея. 1890. Т. 52. С. 203.
[25] *Панкратова Н.П.* Любовные письма подъячего Арефы Малевинского // ТОДРЛ. Л., 1962. Т. 18. С. 64–69.
[25a] *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 225.
[26] *Olearius.* Travels. P. 164–65; *Collins.* Present State. P. 37; *Struys.* Perillous Voyagaes. P. 142.
[27] *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 155–157.
[28] Духовная кн. Александра Васильевича Волконского, с явочной записью 1601 г. мая 24 патриарху Иову // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 170–171.
[29] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 117. Оп. 1. № 1882; ЛЗАК за 1914 год. С. 284.
[30] *Забелин И.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1901. Т. 2. С. 450–453.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ИНОСТРАНЦЫ О РУСИ, РОССИИ И РУССКИХ

Хенрик Самсонович

РУССКИЕ ЗЕМЛИ ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ ЛЮБЕКА XII–XV веков

Русско-ганзейские отношения времен средневековья уже хорошо изучены. В богатой литературе по этому предмету описывается торговля, которая осуществлялась членами Ганзы между Великим Новгородом и Псковом, с одной стороны, и Фландрией и Англией – с другой, анализируются решения съездов и дипломатические действия союза ганзейских городов[1] – Ганзы. Заслуженный издатель любекских хроник Карл Коппманн[2] уже более ста лет тому назад подчеркивал их значение как источника сведений о главной роли в этом союзе города Любека, власти которого уделяли особое внимание новгородскому купечеству. Ознакомление с этими текстами[3] позволит частично ответить на вопрос, какой видели Русь любекские летописцы, интересы и круг знаний которых отражали уровень знаний жителей Любека, а точнее говоря, его элиты – представителей власти и имущего сословия.

Любекские хроники описывают известный им мир в виде нескольких концентрических кругов: первый очевиден, он охватывает сам город, основной социум его жителей. Второй относится к Ганзе, а точнее – приморским городам, диапазон действия которых охватывает моря "от Испании до Руси"[4]. Это – территория, которой профессионально интересуются купцы, ведущие торговлю на широком пространстве между этими странами, соединяемыми – по представлениям жителей Любека – "Vlameschen reyse" и "Novgorodsche reyse"[5]. Однако существовали также интересовавшие летописцев более широкие круги, одним из которых был круг распространения немецкого языка. Жители описываемых земель делились на немцев и прочих, немцев и не немцев "Undeduschen"[6], причем это не было – вопреки видимости – дихотомическое деление, ибо при упоминаниях о поездках в Новгород речь шла о "de Russen unde Undeduschen in deme kande wonet"[7], подобно тому, как при описании большой войны ордена крестоносцев с Русью и Литвой говорилось о "Thateren, Lettowen unde Undudesche"[8]. Следовательно, может возникнуть впечатление, что из числа упомянутых "не немцев" были исключены народы столь известные, что их можно было назвать собственным именем. Поэтому собственным именем назывались также известные по рассказам паломников и рыцарей "персы, сарацины и турки"[9]. "Не немцы" означали бы остальных, лишь изредка называемых "de Undeduschen, als de Lappen unde de Vynnen unde vele ander wilde lude"[10]. Названные народы создавали политические организации: у татар должен был быть свой "император" ("keiser"), у половцев был свой "regnum", как у армян, и они выступали в сопровождении греков (византийцев, болгар и турков)[11].

В представлении жителей Любека существовал еще более широкий круг человеческого сообщества – христианский круг. А в нем не различались две его

ветви – восточная и западная. Противопоставлением "cristiani" были "pagani"[12]. Христианской страной была Эстония, но и русские были – в противоположность татарам – христианами, и война 1382 г. определялась как столкновение двух религиозных кругов[13].

Русские – "Rutzen", "Russen"[14] – составляли группу, о которой часто упоминают летописцы и которая, разумеется, была им хорошо известна, но отнюдь не просто воссоздать представления о Руси, господствовавшие в Любеке. Ее границы, несомненно, охватывали не только республики Новгорода и Пскова[15]. Татары в 1222 г. пришли "из Азии" на Русь, и из текстов хроник вытекает, что она граничила с землями – государствами печенегов и половцев[16]. К русским городам причисляли, кроме Новгорода и Пскова, также Выборг, Нотебург, Москву[17], через русские земли протекала Нева[18], за нее, как гласят хроники, король Венгрии и Польши – Людовик I сражался с литовцами[19]. Иначе говоря, по представлениям жителей Любека XIV–XV вв., Русь охватывала земли всей Киевской Руси. С этой картиной не совсем созвучны упоминания о "королях" Руси и о "русских королях" Пскова, а эти определения появлялись как равнозначные с титулами королей Швеции, Польши, Дании[20]. Любекские послы, которые, как сообщают летописцы, вели переговоры о спорных вопросах "tuschen Steden der Hanse unde den Russen"[21], беседовали в 1391 г. с правителями Новгорода как с правителями Руси. Более того, шведский король Магнус "intravit Russiam cum exercitu ...divisit castrum Pokkenzit in quo captivavit regem Rucinorum"[22]. Следовательно, в данном случае новгородцы выступали – pars pro toto – от имени всей Руси, так же как и под Грюнвальдом[23]. Этот последний случай тем более заслуживает внимания, что Грюнвальдская битва была событием, хорошо известным в Европе.

Очередные неясные формулировки относились к характеру русско-литовских связей. Русские, что, как правило, не сопровождалось более подробными объяснениями, выступали вместе с литовцами, сообща организуя, в частности, нашествия на земли ливонских рыцарей[24]. Однако представления о совместных действиях обоих народов стираются в свете сообщений о боях между Литвой и Псковом[25], борьбе короля Венгрии за Русь и, наконец, упоминаний о "короле Руси" наряду с "королем" Литвы. Любекский читатель хроник либо хорошо знал из других источников, какова была в действительности политическая карта Восточной Европы, либо у него были весьма неточные сведения об этом.

Можно полагать, что о первой из этих возможностей свидетельствуют записи о событиях, происходивших за восточной границей действий Ганзы. Они относятся главным образом к трем периодам в истории, не связанным друг с другом более тесно в один хронологический ряд. Первый период связан с временами возникновения Любека. К середине XII в.[26] относятся сведения о борьбе между Русью и Швецией за Выборг (1157 г.), о нашествии датчан на Эстонию, а также – что свидетельствует о раннем пробуждении интереса к востоку – о большом голоде на Руси: "hoc anno im Ruthenensi pago...lupei feroces ad uberibus matrum, parvulus rapiebant et divis moribus devorabant"[27]. Эти неточные сообщения могли доходить до Любека через русских купцов, посещавших Готланд, первый серьезный центр крупной торговли во времена возникновения Ганзы. Это подтверждает запись от 1157 г.[28], в которой летописец, говоря о привилегиях, предоставляемых Генрихом Львом Любеку, упоминает о направлении послов в "Normannem, Gaten, Sweden, Denen und Russen" ("transmisit nuncios Danium, Suediam, Norwegiam, Russiam offerunt eis pacem") и освобождении от таможенных пошлин "Rutheni, Gothi, Normanni et cetere gentes orientales". Здесь явно подчеркивается роль торговли с востоком, предметом которой, вероятнее всего, была

пушнина, и наверное не случайно на первом месте называются "русины". Запись, сделанная пятнадцатью годами позже, подтверждала интерес к Руси по случаю семейных связей и выезда "благородных немецких женщин" на Русь[29].

Второй период в истории, когда о русских землях говорилось в любекских хрониках, относится к XIII в., а точнее – к событиям, связанным с монгольским нашествием. Описание этих событий начинается с упоминания о борьбе "валахов" и болгар с половцами, греками и турками в 1205 г.[30], что могло быть каким-то искаженным отголоском событий на Балканах во время IV крестового похода (два "языческих" короля были побеждены "Graeci st Turci congressi cum nostris"). К 1222 г. – "временам императора Фридриха"[31] относится описание нашествия войск из Азии на печенегов ("Balewen"), на помощь которым поспешили русины ("Russen"). В завершившейся поражением битве погибло 100 тысяч человек (по другой версии – 3 тысячи[32]). О захвате Киева не могло быть и речи, а под 1264 г. находится упоминание о том, что "мудрый хан" ("Tatheren keiser") направил свое посольство за море (?) к русинам и половцам для заключения дружбы (Vrunscop) (ad Tathuros in regno Cumanie et Regno Russie et fecit cum illis Tartaris compositionem et pactum[33]).

Больше всего сообщений о Руси относилось к событиям, являвшимся актуальными для авторов хроник. Из них можно было узнать о победе на Дону[34], о реванше татар в следующем году и сожжении Москвы[35], о борьбе со шведами, нападавшими на новгородские земли, об участии Руси в борьбе с орденом крестоносцев[36] или о ведущейся вместе с ним борьбе против Литвы[37]. Описывались трудности в торговле, вызванные пиратами[38], войны с Данией за места рыбной ловли[39]. Хроники содержали также информацию о походе великого князя Витовта (Витаутаса) против татар и о его поражении (на Ворскле)[40], о большой войне с крестоносцами в 1409–1411 гг. и об участии в ней смоленских войск[41], а также о захватах, совершаемых литовцами на территории псковской земли[42]. Хроники сообщали об инициативах Ганзы, касавшихся, в частности, отношений с Русью[43], а также о положении в Новгороде во время эпидемии 1425 г.[44]

Ясно, что больше всего сведений в любекских хрониках относилось к самому городу, его институтам, истории, деятельности его властей. На втором месте находились упоминания о Ганзе, а затем о немецких землях. Довольно много было написано об истории римской Церкви, о крестовых походах, о возведении на Святой престол и назначении церковных иерархов. Эти области интереса летописцев относились к кругу культуры, с которой они сами в разной степени отождествлялись. На втором плане были вопросы, связанные с Фландрией, Англией, скандинавскими странами и странами, принадлежавшими к латинскому кругу. Русские земли находились уже за этой границей. Знания о них были довольно ограниченными и выборочными. Но не подлежит сомнению, что они были известны благодаря постоянным связям, которые позволяли Любеку играть видную роль в европейской торговле.

[1] Важнейшая литература по данной теме: *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963; *Schlüter W.* Schra nach ihrer Rigaer Handschrift. Jurjev, 1883; *Goetz L.K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Leipzig, 1922; *Казакова Н.А.* Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. // ИЗ. М., 1949. Т. 28; *Лесников М.П.* Ганзейская торговля пушниной в начале XV века // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. М., 1948. Т. XIII: Кафедра истории средних веков, вып. 1; *Idem.* Lübeck als Handelsplatz für Osteuropawaren im 14. Jahrhundert // Hansiche Studien: Heinrich Sproemerg zum 70. Geburtstag. Berlin, 1961; *Johansen P.* Umrisse und Aufgaben der hansischen Siedlungsgeschichte und Kartographie // Hansische Geschichtsblätter. 1955. Jg. 75; *Idem.* Novgorod

und die Hanse // Städtewesen und Bürgertum: Gedächtnissschrift f. F. Rörig. Lübeck, 1953; *Daenell E.* Die Blütezeit der deutschen Hanse. Berlin, 1906. Bd. I, II; *Malowist M.* Wschod i Zachod Europy w XIII–XVI w. Warszawa, 1973; Zwiscen Lübeck und Novgorod: Festschrift f. N. Angermann. Oldenburg, 1996.

[2] *Koppmann K.* Übersischt über die Historiographie Lübecks, von 1298–1438 // Die Chroniken der niedersächsischen Städte. Leipzig, 1899. Bd. 26. S. IX.

[3] См.: Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis ins 16. Jahrhundert / Hrsg. von R. Koppman. Leipzig, 1884, 1889, 1892. Bd. 19, 26, 28. В статье ссылки даются на издание: Göttingen, 1967–1968, подготовленное В. Мантельсом, которое включает следующие источники: хронику Детмара за 1105–1276 гг., текст того же автора за 1105–1386 и 1101–1395 гг. с дополнениями – первое от 1395 г. и второе от 1413 г., так называемую Rufus Chronik за 1401–1438 гг. Во втором томе издания помещены также выдержки из хроник и сообщений, относящихся, однако, почти исключительно к внутренним делам города. Далее приводятся: номер тома и страница любекских хроник.

[4] II, 2.

[5] II, 172, 404.

[6] I, 496; II,110. Ср.: *Johanson P., Mühlen H.v.z.* Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen Reval. Köln, 1973.

[7] II, 21.

[8] III, 52.

[9] II, 151.

[10] II, 110.

[11] I, 285, 347, 409, 410; III, 11.

[12] I, 576; II, 151; III, 52.

[13] I, 576.

[14] I, 185, 514, 543, 568, 576; II, 21, 44; III, 417.

[15] I, 64.

[16] I, 13, 514.

[17] I, 576.

[18] II, 799–80.

[19] I, 559.

[20] I, 592; II 79, 151; III, 52, 185, 347, 514, 576.

[21] II, 44.

[22] I, 514.

[23] III, 227.

[24] I, 175, 542, 543, 563, 488; III, 3–4, 260.

[25] I, 185, 445, 572, 592.

[26] I, 13, 45.

[27] II, 252.

[28] I, 15.

[29] I, 35.

[30] I, 285.

[31] I, 64.

[32] I, 301–302.

[33] I, 347.

[34] I, 568.

[35] I, 576.

[36] I, 165, 445, 515.

[37] I, 572.

[38] II, 21, 79–80.

[39] II, 100.

[40] III, 11, 15.

[41] III, 52.

[42] III, 260.

[43] III, 417.

[44] III, 227.

Е.Л. Назарова

ДАНИЯ В НАСТУПЛЕНИИ КРЕСТОНОСЦЕВ В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ (1219 год)

В историографии существует мнение о том, что вступление датских войск в войну за Эстонию в 1219 г. произошло в связи с просьбой о помощи к королю Вальдемару II Рижского епископа Альберта. Это мнение основано на сообщении главного источника для изучения описываемых событий – "Хроники Ливонии" Генриха. Согласно хронике, в 1218 г. епископы Рижский, Эстонский и Земгальский прибыли к королю Дании и убедительно просили его направить в следующем году свое войско на кораблях в Эстонию, чтобы "смирить эстов и заставить их прекратить совместно с русскими нападения на ливонскую церковь"[1]. На этом основании исследователи делали вывод о том, что в 1218 г. под ударом союзных русско-эстонских сил положение крестоносцев в Ливонии стало критическим и только вмешательство датчан спасло их от решающего поражения во всем регионе[2]. Между тем, конкретное изучение хроники Генриха и сопоставление с другими документами приводило к определенным сомнениям в столь уж сложном положении крестоносцев. Например, Л.А. Арбузов замечал, что опасения главы ливонской церкви относительно русской угрозы были преувеличены, хотя полагал, что епископ Альберт смог убедиться в этом, только вернувшись в Ливонию в 1219 г.[3]

Действительно, конкретное изучение исторических фактов подтверждает справедливость сомнений Арбузова. Отношения эстов с Новгородским государством были традиционно сложными. До появления в регионе крестоносцев власти Новгорода не смогли установить контакт с эстонской знатью. Походы в эстонские земли за данью часто встречали сопротивление и заканчивались кровавыми столкновениями. В отместку эсты устраивали набеги на русские земли[4]. Ситуация в целом не изменилась и после начала завоевания региона крестоносцами. Вооруженных столкновений новгородцев с крестоносцами до конца 1216 г. не было. В 1210–1216 гг. походы новгородцев в Эстонию и Северную Латвию имели целью не разгром крестоносцев, а сбор дани с эстов и северных латгалов. Тем самым Новгород подтверждал свои права на эти территории. После таких походов эсты обращались за помощью к Рижскому епископу и меченосцам[5].

Не было единодушия в ливонской политике между Псковом и Новгородом. Псковские земли, расположенные по границе с эстонскими областями, принимали на себя основные удары нападений эстов. Псковичи не без основания опасались, что вместе с эстами в походах на их земли примут участие также и крестоносцы, а потому стремились договариваться с последними независимо от Новгорода. Кроме того, псковичи вместе с князем Владимиром Мстиславичем рассчитывали с помощью ливонцев взять непосредственно под свой контроль восточные районы Эстонии, подвластные Новгороду. Хотя в 1216 г. именно князь Владимир возглавил поход к замку Отепя против эстов и пришедших им на помощь из Риги крестоносцев, он, судя по всему, не стремился к полному вытеснению крестоносцев из Эстонии. После длительной осады крепости князь согласился на заключение с епископом Альбертом и его братом Теодорихом (зятем Владимира) мирного договора, возможно, планируя поделить сферы влияния в Эстонии с крестоносцами без участия Новгорода. Заключению договора в начале 1217 г. помешало внезапное возвращение из Галицкой Руси в Новго-

род князя Мстислава Мстиславича. Вместе с тем, сам князь Мстислав не уделял достаточного внимания новгородским интересам в Прибалтике, активно вмешиваясь в политику Галицкой Руси. В 1217 г. новгородцы, недовольные тем, что князь собирался сесть на Галицкий стол, оставив одновременно за собой и Новгородское княжение, отказали ему в доверии. Вместо него в Новгород был приглашен князь Святослав – сын киевского князя Мстислава Романовича[6].

Согласно рассказу хрониста, в 1217 г. эсты (очевидно, из Западной Эстонии и с о. Сааремаа) отправили в Новгород послов с просьбой о помощи против крестоносцев и получили согласие от князя Святослава. Однако начавшаяся в Новгороде распря между жителями разных концов города отвлекала новгородцев от прибалтийских дел. В городе произошли беспорядки, окончившиеся жестокой битвой, во время которой были убитые и раненые. Зачинщиком беспорядков, по мнению Святослава, был посадник Твердислав. На вече Святослав потребовал от горожан сменить посадника, но те отказались. Хотя разногласие не привело к открытой ссоре между вечем и князем, Мстислав Романович предложил новгородцам принять на княжеский стол другого своего сына – Всеволода. Но и с приходом Всеволода мир в Новгороде установился не сразу. У Твердислава среди новгородского боярства было много противников, которые все же настояли на смене посадника[7]. Пока новгородцы занимались своими внутренними делами, эстам пришлось в одиночку противостоять крупным силам ливонцев, которые сумели нанести им серьезное поражение, опустошить значительные районы страны и восстановить контроль над южными, центральными и западными областями Эстонии. Таким образом, ни до этого, ни в 1217 г. говорить о существовании эстонско-русского военного союза, о котором писали некоторые историки[8], нет оснований.

Хотя епископ Альберт был в это время в Германиии, известие о поражении эстов он получил от одного из участников похода на Эстонию – графа Альберта Левенбургского[9]. Иначе говоря, епископ был в курсе того, что происходило в Ливонии.

Совместное русско-эстонское наступление удалось организовать только в 1218 г., в отсутствие Рижского епископа и свежих сил крестоносцев. Русское войско, к которому присоединились отряды эстов, возглавили новгородский князь Всеволод и Владимир Псковский. По сообщению хрониста, войска прошли через юго-восточные и южные районы Эстонии и вторглись в Ливонию. При этом были разорены северо-латгальская область Имера и область Идумея со смешенным латгальско-ливским населением. Кульминацией этого похода была осада рыцарского замка Венден (Цесис) и соседнего с ним замка вендов. Взять замки, тем не менее, русские не смогли и отступили, понеся большие потери. Уже отойдя в эстонскую область Уганди, русские получили известие о нападении литовцев на южные районы Новгородского государства и поспешили вернуться на Русь[10]. В Новгородской летописи говорится, правда, об осаде некоего замка Пертуев, а не Вендена. Но результат тот же: после двухнедельной осады русское войско отступило. Недовольство новгородцев результатами похода проявилось в том, что в самом Новгороде вновь усилились позиции сторонников бывшего посадника Твердислава. Он снова занял место посадника, сменив ставленника князя Всеволода – Семена Борисовича[11].

Таким образом, ни хроника Генриха, ни Новгородская летопись не содержат сведений о действительно критическом положении для крестоносцев в Ливонии. Следовательно, причины обращения ливонских епископов к королю Дании надо искать не только в угрозе русско-эстонского союза. Тем более, что

Дания не скрывала своих интересов в этом регионе и уже предпринимала в конце XII в. неудачные попытки подчинить себе северные районы Эстонии.

Замыслы датской короны и Лундской церкви крестового похода в Восточную Прибалтику восходят еще ко второй половине XII в., однако сложная для Дании политическая ситуация на Балтике не позволила осуществить эти намерения[12]. Не имели положительных последствий для датчан и походы на о. Сааремаа (Эзель) и в Западную Эстонию в 1194, 1196 (или 1197) и 1206 гг.[13] Бременская церковь сумела перехватить у датчан эту инициативу. Деятельность же епископа Альберта грозила полностью разрушить их надежды занять господствующую позицию в устье Западной Двины (Даугавы) и на восточном побережье Балтийского моря. Так что, зовя на помощь короля Дании, Альберт не мог не осознавать, что он получит в лице Вальдемара II необычайно серьезного противника своей единоличной власти в Ливонии.

Объяснение такому шагу Альберта можно найти в расстановке политических сил на тот момент в Западной Европе. Рижскому епископу приходилось не только воевать в Ливонии, но и постоянно лавировать между светскими и духовными правителями католического мира. Поддержка ими епископа Альберта была напрямую связана с их борьбой за политическую гегемонию в Западной Европе – с противостоянием между германским императором и Римской курией[14]. Даруя епископу Альберту право на ежегодный набор крестоносцев в Европе, т.е. на "перманентный" крестовый поход, папа существенно понижал значимость в данном начинании его сюзерена – Бременского архиепископа. Соответственно, ослаблялась роль Бременского архиепископа как самостоятельного участника в межевропейском противостоянии в случае, если его позиция не устраивала папство. Учитывая политическую ситуацию в Европе, Альберт старался заручиться поддержкой обеих соперничавших сторон. Талантливый политик, Альберт с самого начала своего епископата понял, что стать не только духовным, но и светским главой завоеванных им территорий в Прибалтике, он сможет лишь сохраняя хорошие отношения и с папой, и с императором. Исходя из этой позиции, Альберт счел необходимым присутствовать в 1199 г., накануне начала своей миссии в Ливонии, на коронации нового германского императора – Филиппа[15]. Правда, Г. Глэске полагал, что присутствие Альберта на коронации объяснялось как раз тем, что епископ надеялся на помощь Филиппа против датчан[16]. Думается, однако, что в тот момент вопрос о соперничестве с датчанами из-за Ливонии не приобрел еще достаточную актуальность.

Как кажется, беспокойство датчан вызвали первые реальные признаки утверждения епископа Альберта в Ливонии – основание Риги и Ордена меченосцев. Папская курия была вынуждена считаться с притязаниями Дании, поскольку была заинтересована в поддержке со стороны датчан в европейских делах. Кроме того, в планы папы входило установление непосредственного контроля над Прибалтикой и создание там Папской области (что и было достигнуто в 1226 г.[17]). Поэтому он предпочитал иметь в регионе несколько соперничавших между собой правителей, которые обращались бы к понтифику как к третейскому судье. Чрезмерное усиление в регионе одного правителя, в данном случае – епископа Альберта, не отвечало намерениям папы. Для создания политического равновесия в завоевываемом регионе папа Иннокентий III в 1204 г. дал право объявлять крестовые походы в Ливонию Лундскому архиепископу. В соответствии с этим в 1206 г. датчане организовали военную экспедицию на о. Сааремаа (Эзель). Но закрепиться им на острове не удалось[18].

Недовольный развитием событий епископ Альберт начал срочно искать сильного покровителя. Кроме политической необходимости, существовала еще

и финансовая. Хотя Бременское архиепископство оставалось митрополией ливонской церкви, оно переживало глубокий политический кризис. Поэтому рассчитывать на помощь архиепископа Гартвига II (несмотря на их с Альбертом кровное родство) не приходилось[19]. В начале 1207 г. Альберт предпочел передать Ливонию под покровительство светского сюзерена – императора Филиппа, став его вассалом и имперским князем[20]. Сложившаяся в Германской империи практика взаимоотношений между региональными князьями и императором позволяла не опасаться, что последний отнимет у Альберта его земли. Но конкретная финансовая помощь, которую Филипп пообещал Альберту (100 марок ежегодно), так и осталась нереализованной[21].

Вероятно, наиболее существенным результатом вступления в вассальные отношения с императором было для Альберта то, что, получив статус имперского князя, он как светский правитель сравнялся с Бременским архиепископом, хотя в церковном плане и продолжал от него зависеть. Папа Иннокентий III не возражал против ослабления зависимости Альберта от Бременского архиепископа. Тем более, что в тот момент наметилось сближение папы с императором Филиппом[22]. Мера, предпринятая Альбертом, оказалась весьма своевременной, ибо после смерти архиепископа Гартвига 3 ноября 1207 г. его преемником стал Шлезвигский епископ Вальдемар – дядя короля Дании Кнута VI (1208–1210). Правда, власть датчан в Бременском архиепископстве утвердиться не успела[23].

В 1210 г. папа дал Рижскому епископу право в качестве своего наместника назначать новых ливонских епископов, т.е. наделил его прерогативой архиепископа. Таким образом, Рижский епископ и в церковном отношении выходил из подчинения Бременской митрополии. В 1211 г. Альберт без согласования с Бременским архиепископом назначил епископом Эстонским бывшего аббата монастыря в Дюнамюнде (Даугавгрива) Теодориха[24]. В ответ на самостоятельную политику Альберта новый Бременский архиепископ Герхард I (с 1210 г.) начал чинить препятствия при наборе крестоносцев в Саксонии.

Однако, следуя своей тактике, в 1213 г. папа разрешил Лундскому архиепископу назначить епископа для эстонских земель Сакала и Уганди, находившихся в церковном подчинении Риги[25]. Двусмысленность положения Альберта только усилилась, когда в 1214 г. появилось распоряжение папы, из которого следовало, что рижская церковь якобы никогда не была подчинена какой-либо митрополии[26]. Это еще больше настроило Бременского архиепископа против Альберта. Последним штрихом, определившим разрыв Бременского архиепископа с Рижским епископом, было решение папы в 1218 г. назначить митрополитом ливонской церкви архиепископа Магдебургского. Официальным поводом для этого послужили препятствия, чинимые Бременским архиепископом при сборе крестоносцев для Ливонии в землях архиепископства. Решение имело, однако, обратный эффект: Бременский архиепископ "запер" для Альберта и собранного им войска Любекскую гавань, откуда корабли с крестоносцами должны были отправиться в Ригу[27].

Альберт оказался в чрезвычайно сложной ситуации. Помимо возможного похода русских, у него было много других веских причин, чтобы поскорее попасть в Ливонию. Кончался срок пребывания в Ливонии находившихся там крестоносцев, которые имели право больше не принимать крест и вернуться домой. Сокращение числа крестоносцев в регионе могло подвигнуть местное население на очередное восстание, исход которого в создавшихся условиях был непредсказуем. Кроме того, Орден меченосцев, соперничавший с Альбертом за гегемонию в Ливонии и поддерживаемый в этом папством[28], оказывался там

практически единственной боеспособной силой, защищавшей интересы католической церкви. В случае успешного противостояния Ордена напору русских политические позиции меченосцев значительно бы укреплялись. Единственной возможностью для Альберта в том году добраться до Ливонии было договориться с датчанами об отправке войска из какой-либо другой гавани, контролируемой Данией. Надо полагать, что в качестве платы за это король Вальдемар II потребовал от Альберта согласия на признание за Данией прав на Эстонию, а в церковном плане – на полный переход Эстонии под контроль Лундского архиепископа. Оговаривался также в перспективе переход всей Ливонии под власть Дании[29], хотя, маловероятно, что Альберт на самом деле согласился бы отказаться от своих прав в Ливонии. На стороне Вальдемара был папа Гонорий III, издавший соответствующее распоряжение в октябре 1218 г., а также Эстонский епископ Теодорих, который отправился в Прибалтику вместе с датским войском, а не вместе с Альбертом и его крестоносцами. В итоге весной 1219 г. Вальдемар II с датским войском высадился на севере Эстонии у крепости Линданисе, где начали строить крепость Ревель[30].

Хотя датчанам вместе с тевтонами (т.е., крестоносцами, набираемыми Альбертом в Германии) пришлось неоднократно отражать нападения эстов, в еще большей мере появление датского войска привело к столкновениям его с рижанами и к началу борьбы их за господство в Прибалтике. Миссионеры рижской и лундской церквей спешили опередить друг друга в крещении как можно большего числа эстов. Часто силой заставляли перекрещиваться тех, кто уже принял крещение из рук соперника. Тех эстов, которые сопротивлялись перекрещиванию, казнили в назидание другим. По сообщению хрониста, датчане захватывали, грабили и изгоняли из Эстонии также рижских священников. Кроме того, брали в плен и грабили рижских купцов, проезжавших по территории, контролируемой датчанами[31]. В 1221 г. из Ревеля в Ригу отправился датский посланец Годескальк, чтобы "занять от имени короля должность городского судьи". Однако он встретил сильное сопротивление со стороны не только жителей немецкой колонии и местных ливов, но и со стороны находившихся в Риге иноземных купцов[32]. Только в 1222 г., после неудачной попытки покорить сааремаасцев, датчане поняли, что одним им не справиться с эстами, и пошли на переговоры с епископом Альбертом и магистром Ордена меченосцев. В заключенном договоре Вальдемар II отказался от притязаний на Ливонию и южные районы Эстонии с условием, что датчане и тевтоны будут вместе действовать против русских и эстов[33].

Представляется весьма загадочной гибель Эстонского епископа Теодориха. По рассказу хрониста, Теодорих погиб во время нападения эстов из земли Рявала на лагерь датчан. Они хотели убить короля, но спутали шатры и убили епископа. Эту весть распространили по Ливонии, очевидно, сами датчане; других же свидетельств гибели епископа нет. Не исключено, однако, что Теодориха убили сами датчане. Хотя Теодорих и поддержал короля, он был суфраганом рижской церкви. Вальдемар II же, и это естественно, хотел видеть в должности епископа Эстонского своего человека, а само епископство – в составе Лундского архиепископства. Показательно, что сразу же после смерти Теодориха на его место был назначен датский капеллан Весцелин, посвященный в сан епископа, очевидно, архиепископом Лундским Андреем, который прибыл в Эстонию вместе с датским войском[34]. Ставленника же на эту должность от рижской церкви – брата епископа Альберта Германа, которого посвятил в сан епископа архиепископ Магдебургский, – Вальдемар II не пускал в Ливонию в течение нескольких лет. По словам хрониста, "тому пришлось отправиться к королю с обещанием

принять епископат от него (т.е. от Вальдемара, или, точнее, от главы Лундской церкви. – *Е.Н.*) и быть его верным сторонником"[35]. Правда, в конечном итоге Герману так и не пришлось менять митрополию, ибо в 1223 г. Вальдемар II был пленен в ходе междоусобицы в его королевстве и интерес датчан к прибалтийским делам временно снизился[36].

Об отношении рижской церкви к датчанам наглядно свидетельствует тот факт, что хронист Генрих ставит Вальдемара II в один ряд с такими врагами ливонской церкви, как возглавлявшие сопротивление местных народов старейшины, князья Полоцка и Новгорода и литовцы[37]. Естественен вопрос, почему же хронист, не скрывавший своего отношения к датчанам и, без сомнения, знавший о реальных сложностях, заставивших Альберта обратиться за помощью к Дании, не упоминает о них, а сводит все к необходимости датской помощи в борьбе с русскими и эстами? Думается, причина умолчания заключалась в том, что "Хроника Ливонии" составлялась как своеобразный отчет об утверждении католической церкви в Прибалтике к приезду папского легата Вильгельма Моденского в 1225 г. Вряд ли в таком труде были уместны открытые упоминания о разногласиях между высшими прелатами церкви. Усиление акцента на угрозе русско-эстонского союза, тем более после эстонского восстания с участием новгородцев в 1223–1224 гг., позволило избежать других объяснений вступления Дании в войну. К тому же это лишний раз давало оправдание военным действиям крестоносцев против русских и в целом против православных христиан в данном регионе. Последнее обстоятельство было важно, так как крестоносцы пришли в Прибалтику под знаменем защиты всего христианского мира, а не только католического.

[1] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Пер. и коммент. С.А. Аннинского. М.; Л., 1938. Т. XXIII, 1. (Далее: ГЛ).

[2] История Эстонской ССР. Таллин, 1961. Т. 1. С. 157–161; *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 123; *Johansen P.* Nordische Mission, Revals Grundung und die Schwedensiedlung in Estland. Stockholm, 1951. S. 103; *Christiansen E.* The Northern Crusades: The Baltic and the Catholic Frontiers: 1100–1525. London, 1980. P. 106; Latvijas PSR vēsture. 1 sej. Rīgā, 1986.

[3] *Arbusow L.* Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Riga, 1908. S. 28.

[4] *Назарова Е.Л.* Место Ливонии в отношениях между Новгородом и Псковом // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 350–351.

[5] ГЛ. XIV, 2; XV, 10; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 52–53, 250–251.

[6] *Назарова Е.Л.* Место Ливонии. С. 350–355; НПЛ. С. 57–58, 256–258; *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1952. С. 302.

[7] НПЛ. С. 58–59, 259–260; ГЛ. XXI, 2.

[8] *Зутис Я.* Русско-эстонские отношения в IX–XVI вв. // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 49.

[9] ГЛ. XXI, 2–7; XXII, 1.

[10] ГЛ. XXII, 2–5.

[11] НПЛ. С. 59–60, 261.

[12] *Johansen P.* Nordische Mission. S. 100; *Hauck A.* Kirchengeschichte Deutschlands. Berlin; Leipzig, 1953. Th. IV. S. 653–654; *Christiansen E.* The Northern Crusades. P. 69, 106; *Назарова Е.Л.* Шведские интересы в крестоносном наступлении на Эстонию (вторая половина XII в.). // Северная Европа: Проблемы истории. М., 1999. Вып. 3. С. 24–29.

[13] Annales Danicii medii aevi / Ed. Ellen Jørgensen. Kobenhavn, 1920. P. 95–97; ГЛ. X, 13.

[14] *Glaeske G.* Die Erzbischöfe von Hamburg – Bremen als Reichsfürsten (937–1258). Hildesheim, 1962. S. 194–209; *Назарова Е.Л.* Регион Западной Двины в эпоху смены политичского влияния. Конец XII вв. // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995. С. 74–79.

[15] ГЛ. III, 1–5; LUB, negst Regesten / Hrsg. von F.G. Bunge. Reval, 1853. Bd. 1. № XII–XIV. S. 13–20.

[16] *Glaeske G.* Die Erzbischöfe von Hamburg–Bremen. S. 204.

[17] ГЛ. XXIX, 6, 7.

[18] ГЛ. X, 13.
[19] *Glaeske G.* Die Erzbischöfe von Hamburg-Bremen. S. 206–209.
[20] ГЛ. X, 17; *Hauck A.* Kirchengeschichte Deutschlands. S. 659.
[21] ГЛ. X, 17; *Колесницкий Н.Ф.* "Священная Римская империя": притязания и действительность. М., 1977. С. 119.
[22] *Glaeske G.* Die Erzbischöfe von Hamburg-Bremen. S. 207.
[23] Ibid. S. 207, 210.
[24] ГЛ. XI, 4.
[25] LUB. Bd. 1. № XXIX. S. 32.
[26] Scriptores Rerum Livonicarum. Bd. 15: Silva documentorum. № XX; *Hauck A.* Kirchengeschichte Deutschlands. S. 662.
[27] LUB. Bd 1. Reg. № 48, 49; *Arbusow L.* Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. S. 22, 27.
[28] LUB. Bd 1. № XXVII–XXVIII. S. 30–31. Reg. № 36, 38–41.
[29] ГЛ. XXV, 1.
[30] ГЛ. XXIII, 2; LUB. Reval, 1859. Bd 3. Reg. № 49a.
[31] ГЛ. XXIV, 1–6; XXV, 5.
[32] ГЛ. XXV, 2.
[33] ГЛ. XXVI, 2.
[34] ГЛ. XXIII, 2.
[35] ГЛ. XXIII, 11.
[36] ГЛ. XXVIII, 1; История Дании: С древнейших времен до начала XX в. М., 1996. С. 87.
[37] ГЛ. XXV, 2.

Л.Н. Хорошкевич
Портрет
А.В. Черной-Хорошкевич. 1936 г.
Холст, масло

Л.Н. Хорошкевич
Ася. 1940 г.
Холст, масло

Л.Н. Хорошкевич
Утро в старой Риге
(Домский собор). 1946 г.
Акварель

Л.Н. Хорошкевич
Площадь Пушкина.
1940 г. Акварель

Рис. 1. Димитрий Солунский, с житием. Икона в серебряном окладе, заказанная боярином Димитрием Ивановичем Годуновым. 1586 г. Из Ипатьевского монастыря в Костроме. ГИМ (коллекция Новодевичьего монастыря)

Рис. 2. Чудо о двух солунских девицах. Клеймо (серебряный рельеф с оклада) иконы 1586 г. ГИМ

Рис. 3. Чудо Димитрия Солунского о царе Калояне, с житием. Первая половина – середина XVI в. Из собрания Г.М. Прянишникова в Городце. Нижегородский художественный музей

Рис. 4. Чудо о двух солунских девицах. Клеймо иконы. Нижегородский художественный музей

Рис. 5. Чудо Димитрия Солунского о царе Калояне, с житием. Около середины XVIII в. Из с. Селецкое в Заонежье. Музей изобразительных искусств Карелии, Петрозаводск

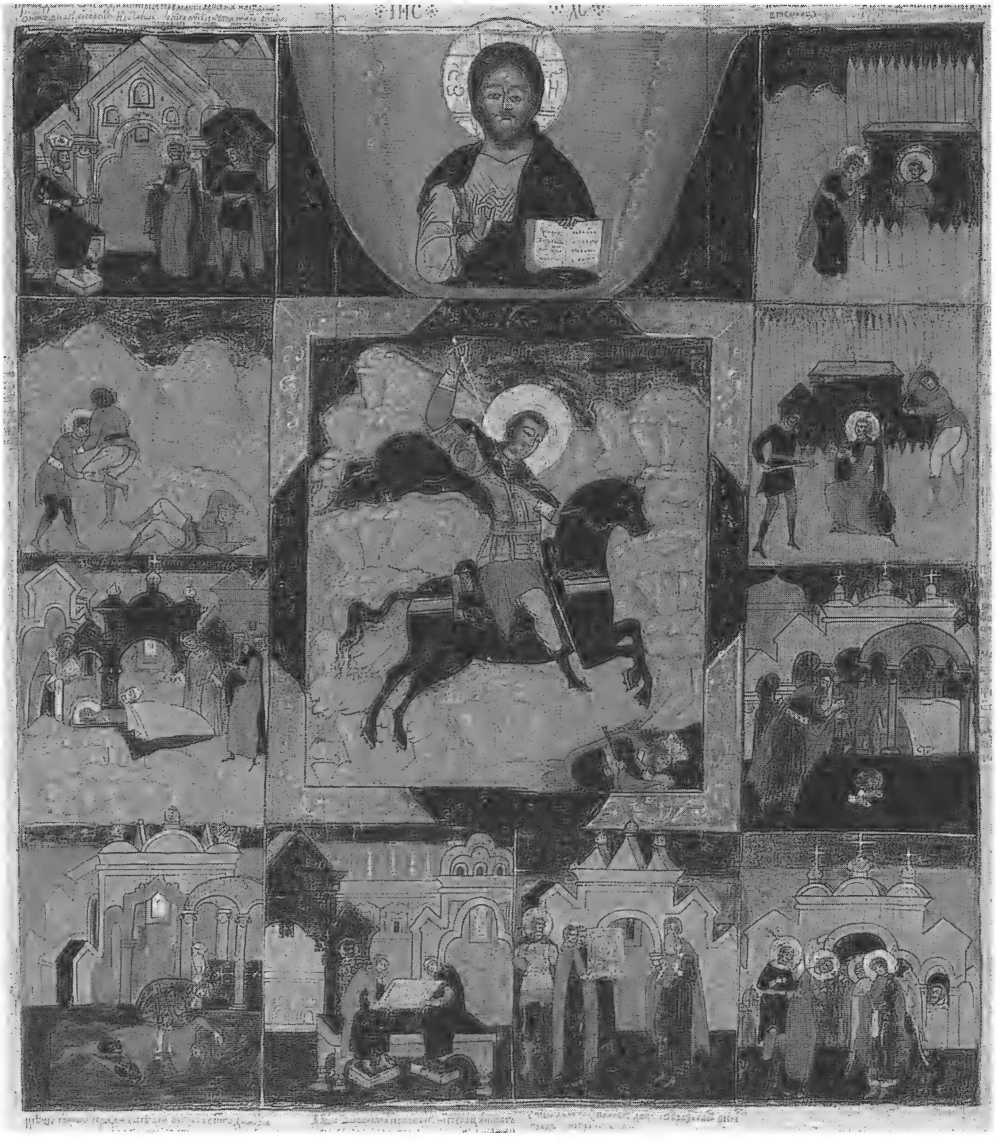


Рис. 6. Чудо Димитрия Солунского о царе Калояне, с житием. Начало XVIII в. Из д. Вакомино Вологодской области. Гос. Эрмитаж

Рис. 7. Девушки вышивают образ св. Димитрия. Клеймо иконы. Гос. Эрмитаж

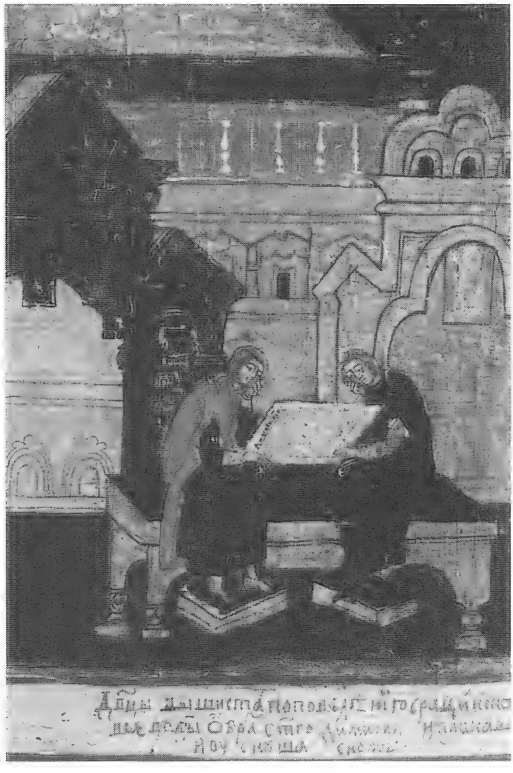


Рис. 8. Св. Димитрий приводит девушек в храм в Салониках вместе с вышитым ими образом. Клеймо иконы. Гос. Эрмитаж

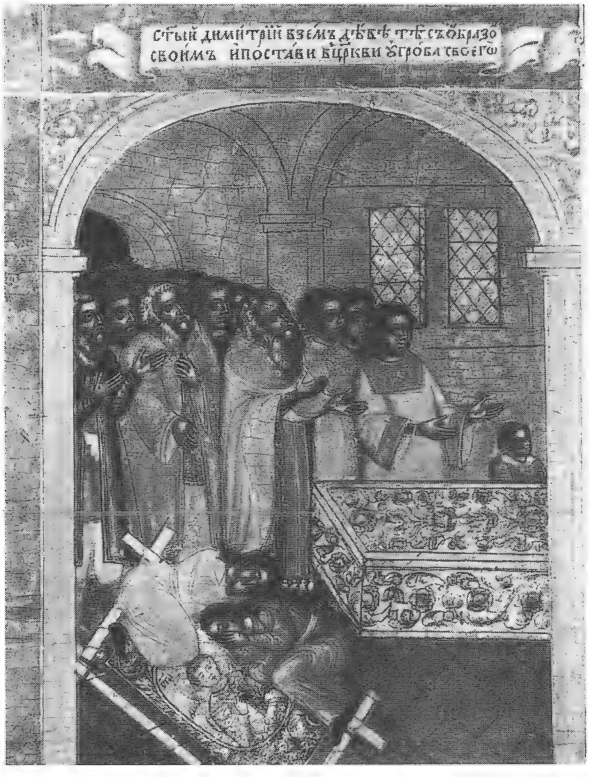


Рис. 9. Девушки, спящие в солунском храме на вышитом ими образе св. Димитрия. Клеймо иконы “Св. Димитрий Солунский, с житием”. Мастер Иван Кондаков. Из церкви Св. Димитрия в Великом Устюге. 1731 г. Великоустюжский музей

Рис. 10. Св. Димитрий, поражающий хана Мамая, и солунские девушки с вышитым ими образом. Конец XVIII – начало XIX в. Собрание банка “Интеза”, Виченца

В.С. Менжинский

МЕТРИКА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ТРУДАХ А.Л. ХОРОШКЕВИЧ

Одним из важнейших источников для изучения социальной, политической, экономической истории Белоруссии, Литвы, Украины, России, Польши является Метрика Великого княжества Литовского. Ее материалы привлекали внимание ученых еще в XVIII в. С того времени интерес к этой архивной коллекции возрастал. В 30-е годы XIX столетия началась публикация документов из Литовской метрики, которая затем была продолжена Археографической комиссией в Актах Западной России (СПб., 1846–1853), Актах Южной и Западной России (СПб., 1865–1892), Русской исторической библиотеке (т. XX, XXVII, XXX, XXXIII – 1903–1915 гг.). В 1928 г. Д.И. Довгялло опубликовал 16 книгу записей Литовской метрики[1], после чего издание ее материалов прекратилось на целые десятилетия.

Среди историков второй половины XX в., которые занимались изучением Литовской метрики, видное место принадлежит А.Л. Хорошкевич. Именно она своими работами пробуждала ослабевший тогда интерес к Литовской метрике и внесла значительный вклад в разработку этой тематики.

Научные труды А.Л. Хорошкевич по Литовской метрике самые разноплановые: это вопросы истории самой Метрики, ее источниковедческие и историографические аспекты, научные публикации, проблемы археографии и описания, методика исследования.

Первой опубликованной работой стал доклад, прочитанный на конференции по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики в 1968 г. в г. Рига – "Литовская метрика как источник по истории Прибалтики и некоторые особенности методики ее изучения"[2]. В другой своей работе А.Л. Хорошкевич, используя новейшие достижения в дипломатике, провела классификацию и подвергла дипломатическому анализу одну из разновидностей документов Литовской метрики – жалованные грамоты (по русской терминологии), проследила изменения их формуляра в последние 20 лет XV в.[3] В статье использовался материал книг записей № 13–6, 24, 41. В заключении автор отметила, что необходимой предпосылкой всех дальнейших исследований Метрики и находящихся в ней документов является возобновление ее публикации[4].

Через три года А.Л. Хорошкевич написала статью по истории издания и изучения Литовской метрики, которая подводит итоги проделанной в течение XVIII – начала XX в. работы по ее систематизации и описанию, публикации ее материалов[5]. Результаты такого обзора дают возможность наметить пути для последующего издания документов.

В дальнейшем опубликованные и новые архивные материалы Литовской метрики широко использовались А.Л. Хорошкевич не только в статьях[6], но также и в диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора исторических наук[7], в монографиях[8].

Большой заслугой А.Л. Хорошкевич явилось издание в конце 70-х–80-х годах XX в. уникального исторического источника – "Полоцкие грамоты"[9]. Публикация сделала их доступными широкому кругу историков. Это облегчило источниковедческое изучение документов и способствовало более глубокой и всесторонней разработке многих вопросов истории Полоцкой земли. "Полоцкие грамоты", изданные, к сожалению, небольшим тиражом, сразу же стали библиографической редкостью и заслуживают скорейшего переиздания. Сбор материалов

по истории Полоцкой земли был начат автором еще в 1960-е годы. Публикация включает 330 документов (основная часть – подлинники), написанных на русском или белорусском, немецком, польском и латинском языках, собранных из многих архивов, 110 из них напечатаны впервые[10]. Более трети всех опубликованных документов извлечены из Литовской метрики (книг записей № 1–40 и книг судных дел 1–5)[11]. Выпуск I содержит 17 грамот Литовской метрики, выпуск II – 63, выпуск III – 44. Часть их представляет собой включенный акт-пересказ более поздних документов книг Литовской метрики.

"Полоцкие грамоты" изданы на высоком археографическом уровне. Все акты расположены по хронологическому принципу, снабжены авторскими заголовками и пространными легендами, большая половина документов датирована автором. Подлинные тексты воспроизводятся с максимальной точностью. Для этого сохраняются старинные буквы в ручном графическом начертании. Выносные буквы выделяются курсивом, восстановленные буквы заключаются в круглые скобки. Мягкий знак восстанавливается перед гласными, в конце слов и в окончаниях глаголов настоящего и будущего времени в 3-м лице. Работа имеет подробные подстрочные палеографические примечания, в которых даны варианты текста, отмечаются ошибки писцов, пропуски, повторы, предлагается правильное чтение букв, слогов, слов, их искажений. Тексты на иностранных языках даются с переводами.

Ко всем грамотам написаны обширные научные комментарии на страницах трех выпусков[12]. Комментарии включают: обоснование датировки актов, пояснения биографического характера о лицах, упомянутых в них и имеющих отношение к истории Полоцкой земли, сведения о локализации географических пунктов, о которых идет речь в грамотах, толкования терминов иноязычных грамот или полоцких, сохранившихся в переводах на иностранные языки. А также большое внимание уделено формулярам актов и его элементам. После комментариев помещен большой теоретический раздел в семи параграфах, названный "Полоцкие грамоты как исторический источник[13]". Завершает работу научно-справочный аппарат, содержащий личный, географический, предметно-терминологический указатели, список водяных знаков[14].

Таким образом, многолетние усилия А.Л. Хорошкевич по отысканию и подготовке к публикации ценнейших источников по истории Северной Белоруссии увенчались изданием капитального труда – "Полоцкие грамоты", сделавшего достоянием научной общественности обширный архивный материал, имеющий первостепенное значение для современных исследователей этого региона.

В начале 1980-х годов была сформулирована международная научная программа возобновления публикации книг Литовской метрики. 17 декабря 1980 г. в Варшаве представителями Института истории СССР АН СССР чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто и Института истории ПАН А. Мадайчиком был подписан рабочий план сотрудничества советских и польских историков на 1981–1985 гг. по изданию материалов государственного архива Великого княжества Литовского – Литовской метрики[15]. С польской стороны в издании собирались принять участие Институт истории ПАН, Институт истории Варшавского университета, с советской стороны – Институт истории СССР АН СССР, Институты истории БССР, УССР, ЛитССР, Главное архивное управление при Совете Министров СССР, ЦГАДА. В Москве сформировали редколлегию Литовской метрики.

А.Л. Хорошкевич была одним из инициаторов и активных участников этих начинаний. На состоявшейся в Варшаве 15–17 декабря 1980 г. встрече советских и польских историков, где обсуждались теоретические и практические вопросы предстоящего издания, был заслушан ее доклад «Состав фонда "Литовская метрика" и история его складывания в XVI–XVII вв.». Большую работу вела

А.Л. Хорошкевич в редколлегии Литовской метрики. Однако намеченным тогда планам не суждено было сбыться. В предисловии к сборнику научных трудов – "Исследования по истории Литовской метрики" – А.Л. Хорошкевич с болью и сожалением писала: "Оптимизм, с которым тогдашний ответственный редактор издания Литовской метрики и настоящего сборника смотрел в будущее, не оправдался. Вместо десятков томов Литовской метрики к 1990 г. мы не имеем ни одного, который был бы издан в СССР... Директору Института истории СССР АН СССР осуществление проекта, касавшегося столь удаленных от современности эпох, как XV–XVIII столетия, не представлялось научно и политически актуальным. Малосущественными считались и сложные проблемы прошлого Восточной Европы, и своеобразие такого государственного образования как Великое княжество Литовское... Живая конкретность прошлого, по мнению администраторов от науки, могла бы нарушить идиллическую картину вечной и нерушимой дружбы народов Восточной Европы. Бюрократам от истории казалось и по сию пору кажется необязательным выполнение договора Института истории СССР с Институтом истории ПАН относительно издания по тому с каждой стороны один раз в пять лет. Польская сторона восприняла свои обязательства всерьез и, несмотря на многочисленные препятствия, издала два отлично подготовленных тома"[16].

Высказанная А.Л. Хорошкевич в конце 1980-х годов озабоченность о судьбе издания Литовской метрики в СССР во многом остается актульной и сейчас, когда на месте СССР образовался ряд самостоятельных государств. Из бывших советских республик, участников договора, только в Литве по-настоящему издается Литовская метрика. На сегодня там уже опубликовано 11 томов. Все еще не издан том Метрики, подготовленный в бывшем Институте истории СССР АН СССР (ныне Институт российской истории РАН). Медленно разворачивается издательская деятельность на Украине. Там П.М. Кулаковский, доцент Острожской Академии, опубликовал 220-й том Волынской метрики. В забвении оказалось издание книг Литовской метрики в Белоруссии. В Белоруссии к настоящему времени опубликованы два тома Литовской метрики – книги № 28, 44. Однако на издание других томов Институт истории НАН Белоруссии, имея скромные финансовые возможности, средств не находит. Государственные структуры, Президиум НАН Белоруссии, которые могли бы оказать финансовую поддержку, как это делают в Литве, остаются равнодушными.

В связи с поставленными в 1980-е годы задачами по возобновлению издания Литовской метрики, возникла необходимость в разработке основных правил издания и описания архивных материалов с учетом специфики этого региона. А.Л. Хорошкевич совместно С.М. Каштановым, опираясь на накопленный опыт издания исторических документов, принимая во внимание возросшие требования, подготовили и опубликовали "Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики"[17]. Предлагаемые ими правила издания касаются в первую очередь документов XVI в.[18] Методические рекомендации включают 569 статей, в которых изложены правила издания и описания материалов Литовской метрики, основные принципы составления научно-справочного аппарата. Появление "Методических рекомендаций..." очень своевременно. До настоящего дня ни один готовящийся к печати том Литовской метрики не обходится без них.

В апреле 1988 г. в Вильнюсе была проведена первая научная конференция, посвященная обобщению уже накопленного опыта изучения Метрики Великого княжества Литовского и определению основных направлений дальнейших исследований[19]. А.Л. Хорошкевич, давний инициатор такого форума, принимала в нем деятельное участие. Ее доклад "Посольская документация Великого княжества Литовского в конце XV – начале XVI в." был посвящен расмотрению

комплекса посольских книг, их классификации. Проведено сравнение с русскими посольскими книгами. Автор указывает на наличие в посольских книгах Метрики ценной ретроспективной информации[20].

В 1998 г. вышел сборник статей, объединивший материалы исследований Литовской метрики, представленных на двух последующих научных конференциях, 1991 и 1996 гг.[21] А.Л. Хорошкевич подготовила статью "Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях". В приложении к ней публикуются четыре документа XV в. Последний из них сравнивается с привилеем великого князя Казимира князю И.А. Можайскому, который находится в третьей книге записей Литовской метрики[22].

В ряду исследовательских публикаций по Литовской метрике особое место занимает сборник научных трудов 1989 г. "Исследования по истории Литовской метрики" в двух выпусках[23]. Публикация имела сложную судьбу. Составительская подготовка рукописей к печати началась еще в начале 1980-х годов В.Т. Пашуто, А.Л. Хорошкевич, Н.И. Щавелевой, затем, после смерти В.Т. Пашуто, была завершена благодаря настойчивости А.Л. Хорошкевич. Причины задержки те же, что и причины невыполнения советско-польского проекта по изданию Литовской метрики, о котором говорилось выше. Помимо большой организационной и редакторской работы, перу А.Л. Хорошкевич в сборнике принадлежат: предисловие, текст статьи "Литовская метрика, состав и пути формирования", перевод статей зарубежных коллег П. Кеннеди Гримстед и И. Сулковской-Курасевой, библиография основных публикаций и исследований Литовской метрики за 1983–1989 гг.[24] Последняя составлена при содействии Э. Банениса и П. Кеннеди Гримстед. Это первый сборник научно-исследовательских публикаций с такой тематикой. В него вошли как новейшие работы ученых из Москвы, Минска, Вильнюса, Киева, Днепропетровска, Варшавы, Гарварда, так и научные статьи Н.Г. Бережкова, Н.Н. Улащика, В.Т. Пашуто, остававшиеся до того времени в рукописях.

А.Л. Хорошкевич внимательно следила за научными исследованиями по Литовской метрике за рубежом. В журнале "Советские архивы" (1986 г., № 2) опубликована ее (совместно с А.С. Светенко) рецензия на исследование П. Кеннеди Гримстед (США) и И. Сулковской-Курасевой (Польша), много сделавших для описания и воссоздания истории Литовской метрики[25].

Подводя итог, следует сказать, что более чем тридцатилетние штудии известного ученого-медиевиста А.Л. Хорошкевич по Литовской метрике дали плоды. Она самоотверженно занималась ее изучением сама и привлекла к этому многих коллег. У одних интерес возрастал, у других рождался впервые. И дело сдвинулось. Появилось много новых публикаций, углубилось источниковедческое исследование Метрики, возобновилась работа по изданию Литовской метрики, главным образом в Литве и Польше. Однако А.Л. Хорошкевич далека от успокоенности. В недавней своей публикации-размышлении о судьбе издания Литовской метрики "Кто поднимет упавшее знамя?" она пишет: "Как бы ни называть и оценивать Литовскую метрику – считать ли ее государственным архивом Великого княжества Литовского или архивом великокняжеской канцелярии, от этого не меняется значение ее материалов – первостепенного источника по истории целого ряда народов Восточной и Центральной Европы – украинского, белорусского, латышского, русского, польского, молдавского, эстонского и др. … Благие плоды сулил договор ПАН и АН СССР о совместном издании Метрики. Однако плоды получили лишь польская и литовская сторона… Археографы Украины, Белоруссии, России столкнулись с серьезными финансовыми проблемами. Преодолеть финансовые трудности и региональную обособленность археографических работ можно, вероятно, на пути совместного обращения

к внегосударственным источникам финансирования науки – к фонду Джорджа Сороса или в ЮНЕСКО. В связи с этим хотелось бы надеяться на то, что историки сопредельных восточноевропейских стран найдут силы для выработки нового совместного проекта издания Литовской метрики, архивной сокровищницы нашего прошлого, чтобы вывести из тупика дело издания Литовской метрики"[26].

[1] Беларускі архіў. Мінск, 1928. Т. 2.

[2] *Хорошкевич А.Л.* Литовская метрика как источник по истории Прибалтики и некоторые особенности методики ее изучения // Тез. докл. и сообщ. конференции по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. Рига, 1968. С. 56–58.

[3] *Хорошкевич А.Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига. 1970. С. 47–74.

[4] Там же. С. 74.

[5] *Хорошкевич А.Л.* К истории издания и изучения Литовской метрики // Acta Baltico-Slavica. 1973. Т. 8. S. 69–94.

[6] *Хорошкевич А.Л.* Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV – начала XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 140–160; *Она же.* Сословное землевладение украинских и белорусских земель XIV – начала XVI в. и древнерусские традиции // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 203–219.

[7] *Хорошкевич А.Л.* Очерки социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1974. С. 57.

[8] *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980; *Она же.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 69–150.

[9] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич М., 1977–1989. Вып. I–VI.

[10] Там же. Вып. I. С. 5–6.

[11] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 1–40, 221–225.

[12] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Вып. III. С. 109–213; Вып. IV. С. 5–217; Вып. V. С. 3–39.

[13] Там же. Вып. V. С. 40–195.

[14] Там же. Вып. VI. С. 2–207.

[15] *Пашуто В.Т., Хорошкевич А.Л.* Совместная публикация советских и польских историков // Вопр. истории. 1981. № 2. С. 158–160; *Бычкова М.Е.* Литовская метрика – совместное издание советских и польских историков // История СССР. 1981. № 4. С. 214–215; *Wasilewski T.* Polsko-Radzieckie prace nad wydanem Metryki Litewskiej // Kwartalnik Historyczny. 1981. № 4. S. 1169–1171; *Kiernowski R.* Prace nad wydaniem Metryki Litewskie: Polsko-Radziecka umowa // Życie Warszawy. 1980. № 303. P. 2.

[16] Исследования по истории Литовской метрики: Сб. научн. тр. М.,1989. Вып. I. С. 3–4.

[17] Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.

[18] Там же. С. 9.

[19] Литовская метрика: Тез. докл. межреспубл. научн. конф. Апрель 1988 г. Вильнюс, 1988; *Думин С.В.* О Литовской метрике // Вопр. истории. 1988. № 10. С. 181–183.

[20] Литовская метрика: Тез. докл. межреспубл. науч. конф. С. 36–38.

[21] Lietuvos Metrika 1991–1996 metų turinejimai. Vilnius, 1998.

[22] Там же. С. 203–228; РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 123.

[23] Исследования по истории Литовской метрики. Вып. 1–2.

[24] Таж же. С. 3–7, 11–31, 118–137, 264–335, 375–380.

[25] *Kennedy Grimsted* P. The Lithuanian Metrica in Moscow and Warsaw: Reconstructiong the Archives of the Grand Duchy of Lithuanian. Including an Annotated Facsimile Edition of the 1887 Ptaszycki Inventori / Ed. with an Introduction by P. Kennedy Grimsted with the Collaboration of I. Sulkowska-Kurasiowa. Cambridge, 1984. I–XVI, 1-73, I–VII, 1–279, A-3 – A-109 s.; Рец.: *Хорошкевич А.Л., Светенко А.С.* // Сов. архивы. 1986. № 2. С. 86–88.

[26] *Хорошкевич А.Л.* Кто поднимет упавшее знамя? (Размышления о судьбе издания Литовской метрики) // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Дніпропетровськ, 1997. Вип. I. С. 126–127.

Артурас Дубонис

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ИЗУЧЕНИИ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ В ЛИТВЕ

Литовская метрика – архив важнейших документов Великого княжества Литовского, который складывался в основном из книг копий, снятых с исходящих и входящих документов за время функционирования канцелярии великого князя литовского с конца XIV до конца XVIII в. До середины XVIII в. она хранилась в Тракае и Вильнюсе, а затем была перевезена в Варшаву. Но по настоянию шляхты Великого княжества Литовского на своих поветовых сеймиках и на вальных сеймах Речи Посполитой в последние годы существования объединенного польско-литовского государства часть Метрики за несколько лет до аннексии государства Российской империей в 1795 г. была возвращена в Вильнюс. После раздела Речи Посполитой главный архив Великого княжества Литовского с Метрикой Короны Польской перевезли в Правительствующий сенат в Санкт-Петербурге, а незначительную его часть передали Пруссии (некоторая часть, вместе с Метрикой Коронной, оказавшаяся в Пруссии в 1799 г., в 1808 г. была перевезена в Варшаву). Уже третье столетие Литовская метрика находится в России. В течение XIX в. ее практическое значение сокращалось и, наконец, исчезло. С первой половины того же века современники стали отмечать огромную научную ценность Литовской метрики как исторического источника для многих стран Восточной и Центральной Европы. Российские, польские, белорусские, украинские ученые много трудились над извлечением из Литовской метрики ценнейшего исторического материала, над его изданием в виде сборников, а в начале XX в. целиком опубликовали несколько отдельных книг Метрики.

В этом сообщении ставится цель осветить новые открытия литовских исследователей по вопросам Литовской метрики за два последних десятилетия.

Целенаправленная работа над исследованием и изданием Литовской метрики в Литве началась примерно в 1985 г. в Институте истории АН ЛитССР. В конце 1980 г. между соответствующими институтами академий наук СССР и Польской Народной Республики (ПНР) был подписан договор о начале публикации Литовской метрики (планировалось по два издания на период 1981–1985 гг.)[1]. В связи с этим литовский Институт истории, частично под контролем Института истории СССР АН СССР, был подключен к советско-польскому проекту по изданию Литовской метрики. Сразу же началась довольно-таки плодотворная работа: были опубликованы методические рекомендации для издателей Литовской метрики[2]; в 1986 г. в Вильнюсе состоялось расширенное заседание советско-польской редколлегии по изданию Литовской метрики; Эгидиюс Банёнис, Альгирдас Балюлис, Зигмантас Кяупа начали готовить к изданию несколько книг Метрики; к изданию Литовской метрики подключились ученые Исторического факультета Вильнюсского университета под руководством проф. Станисловаса Лазутки; в апреле 1988 г. в Вильнюсе была созвана конференция исследователей Литовской метрики. К апрелю 1989 г. в Институте истории АН ЛитССР, благодаря усилиям нового директора академика Витаутаса Мяркиса, исследование, а позднее и публикация книг Литовской метрики приобрели широкий размах – для решения данной задачи специально был учрежден Археографический отдел. Основное направление его деятельности: *Исследование и публикация Литовской метрики и других источников по истории*

Литвы. Оно финансируется правительством Литовской Республики. Работа над проблемами Литовской метрики пользуется интересом и положительным откликом в литовском обществе.

Новые интересные открытия не заставили себя долго ждать. З. Кяупа собрал сведения об отношении шляхты Великого княжества Литовского к вопросам вывоза Литовской метрики в Варшаву в середине XVIII в. Он показал, что с 1786 г. шляхта на своих поветовых сеймиках часто выражала недовольство в связи с затрудненным доступом к материалам Литовской метрики и требовала возвратить канцелярские книги в Вильнюс или, в худшем случае, в Гродно[3]. А. Балюлис обнаружил данные о том, что к концу 1792 г. Литовская метрика была возвращена из Варшавы в Вильнюс и только отсюда была вывезена в Санкт-Петербург в 1795 г. Итак, 23 сентября 1792 г. великий канцлер Великого княжества Литовского и маршалок Тарговицкой конфедерации Александр Сапега приказал с января 1793 г. возобновить ассессорские суды в Вильнюсе и сюда же перевезти Литовскую метрику. Метрику должны были доставить за восемь недель, т.е. к декабрю 1792 г., и поместить в проиезуитском монастыре св. Казимира в Вильнюсе. Приказ был выполнен. Это подтверждают записи в книге расходов Вильнюсского магистрата (заведена 11 августа 1794 г.). Из нее явствует, что при подготовке вывоза Литовской метрики из Вильнюса в Санкт-Петербург, городской магистрат в январе 1795 г. платил плотнику и кузнецу за изготовление двадцати ящиков и за их оковку[4].

К тем событиям следует отнести странным образом в Вильнюсе сохранившуюся книгу Литовской метрики[5]. Данная книга – это описание границ 1546 г. Великого княжества Литовского с Короной Польской от местечка и великокняжеского двора Войни (Берестейский повет) до Брацлава на Украине. Принадлежность книги с описанием границ за 1546 г. к Литовской метрике несомненна – это выдает вклеенный с внутренней стороны обложки стандартный, напечатанный в типографии лист, общий для всех перевезенных в Варшаву книг Литовской метрики, в 1786 г. подготовленный писарем Адамом Нарушевичем. Из содержания книги и из водяных знаков бумаги видно, что она, как и большинство книг Литовской метрики XVI в., была скопирована с оригинальной в 1593–1594 гг., точность работы по копированию в начале XVII в. проверял инстигатор Великого княжества Литовского Андрей Дольский (оригинальная книга бесследно исчезла). Она не известна ни одному реестру Литовской метрики XVII–XVIII вв.[6] Надо думать, что данная книга Литовской метрики, хранившаяся в каком-то монастыре Вильнюса, в XIX в. попала в Виленскую публичную библиотеку, а сейчас находится в Библиотеке Академии наук Литвы. Это не единственная книга Литовской метрики в Вильнюсе. Отдельного исследования ожидает оригинальная рукопись с *Пописом повинностей Жемайтской земли 1537–1538 гг.*, выполненная писарем Андреем Мацковичем[7]. Роскошная обложка рукописной книги с суперэкслибрисом великого князя Жигимонта Августа, с датой 1545 г., дает основание для предположения, что это книга великокняжеской канцелярии: либо из комплекса скарбовых книг (казны), либо – Литовской метрики. Дальнейшие разыскания в данном направлении в Литве должны бы дать интересные результаты[8].

В исследованиях некоторых литовских историков вопрос о Литовской метрике ставился как часть проблемы судьбы культурных, научных и других ценностей, созданных на территории Великого княжества Литовского, в столице Вильнюсе в частности, и в XVIII–XIX вв. вывезенных в другие страны.

Довольно широко освещался вопрос о попытках литовского правительства в 1920-е годы возвратить Литовскую метрику. Правительство вновь образован-

ного Литовского государства в 1920–1921 гг., исходя из соглашения с Советской Россией (июль 1920 г.), попыталось возвратить в Литву как можно больше архивов, библиотек, коллекций, научных, культурных и других ценностей, которые по разным причинам были вывезены в Россию. Некоторая их часть была возвращена. По вопросу о Литовской метрике проходили очень горячие научно-политические споры. Консультанты советской стороны проф. Владимир Пичета и проф. Матвей Любавский научными контраргументами указывали на несостоятельность требования о передаче архива в Литву, так как литовского материала в нем они находили лишь 10%, а Москва утвердилась как главный центр по исследованию и изданию Литовской метрики, к тому же, в Литве с ней просто было бы некому работать. Литовская делегация по переговорам с Советской Россией не имела хорошо подготовленных экспертов по данному вопросу, а каунасское правительство не проявило большой политической воли[9]. В то же время войска польского генерала Люциана Желиговского, при поддержке маршала Юзефа Пилсудского, в октябре 1920 г. оккупировали восточную часть Литовской Республики с городом Вильнюсом, ими проводилась открытая подготовка к присоединению края к Польше. Это обстоятельство тоже стало аргументом для невозвращения Метрики: центр возникновения фонда уже не принадлежал Литве, а стал польским. Советская сторона не собиралась передавать Литовскую метрику, по их мнению, в руки Польши. Во время тех событий участник переговоров с литовской стороны Паулюс Галауне записал неофициальное мнение обоих русских профессоров-экспертов: они думали, что Литовская метрика и архив Вильнюсского университета вправду были бы возвращены Литве, если бы в ее состав входила историческая столица; они не хотели, чтобы архивы попали полякам; но, говорили они, раньше или позже Метрика будет в Вильне – иначе и не может быть, мы верим[10].

Вопрос о передаче Литовской метрики Литве вновь стали обсуждать во время переговоров между Литовской Республикой и СССР о пакте ненападения в 1925–1926 гг.[11] Литовская делегация твердо и решительно настаивала на возвращении культурных и архивных ценностей, за столетия созданных на территории Литовского государства. Советская сторона этому требованию не сопротивлялась, даже разрешила проф. Игнасу Йонинасу проверить по описи наличие Литовской метрики в архиве. Но советская сторона тайно решила ничего не возвращать, так как в этом не было политической необходимости[12]. Заигрывание с неопределенными обещаниями возвратить что-то Литве было связано с задачей сделать более склонным к СССР каунасское правительство и облегчить ратификацию договора в литовском сейме. С другой стороны, твердая позиция литовской делегации вынудила советскую сторону предпринять некоторые защитные шаги. Нарком СССР по иностранным делам обратился в соответствующие органы Белорусской ССР с требованием заявить претензии на Литовскую метрику. Съезд археологов и археографов БССР 17–18 октября 1926 г. принял резолюцию, в которой выражал прямое требование возвратить Литовскую метрику трудящимся Белоруссии[13]. Таким же образом должна была действовать Украинская ССР. В результате главный архив Великого княжества Литовского остался в Москве (РГАДА. Ф. 389). За 1967–1983 гг. весь фонд 389, т.е. Литовская метрика, почти полностью был микрофильмирован для Государственного исторического архива Литовской ССР, благодаря заботе известных архивариусов Сигитаса Егелявичюса и Домаса Бутенаса[14]. Доступ к материалам Литовской метрики для литовских историков был максимально упрощен.

Программа исследования и издания Литовской метрики финансируется литовским правительством, она также включена в список финансируемых проек-

тов на приближающееся празднование Тысячелетия Литвы в 2009 г. (ответственный – Президент Литовской Республики). Можно с уверенностью заключить, что данная программа надолго стала объектом исследований историков Литвы, и о ее сворачивании нет и речи.

[1] *Хорошкевич А.Л.* К истории издания и изучения Литовской Метрики // Acta Baltico-Slavica. 1973. Т. 8. P. 69–94; *Пашуто В.Т., Хорошкевич А.Л.* Совместная публикация советских и польских историков // Вопр. истории. 1981. № 2. С. 158–160; *Бычкова М.Е.* Литовская метрика – совместное издание советских и польских историков // История СССР. 1981. № 4. С. 214–215; *Wasilewski T.* Polsko-radzieckie prace nad wydaniem Metryki Litewskiej // Kwartalnik historyczny. 1981. № 4. S. 1169–1171.

[2] Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.

[3] *Kiaupa Z.* The Lithuanian Metrica and Lithuanian Nobility at the end of the Eighteenth century // Lithuaniam Historical Studies. 1996. № 1. P. 81–83.

[4] *Baliulis A.* Ip Lietuvos Metrikos knygin ir dokumentin leidimo istorijos // Lietuvos archyvai. 1996. № 7. P. 48–49.

[5] Лета Бож[ьего] нарож[енья] 1546 м(е)с(е)ца августъ 3 ден, у волторок, индиктъ 4. За росказаньемъ г(о)с(по)д(а)ря короля его м(и)л(о)сти, великого кн(я)зя Жикгимонта Августа, Васильемъ Тишкевичомъ а Воитехомъ Ленартовичомъ стал ся попис границъ и шкодъ межи Великого Князства Литовского и Коруны Польское // Lietuvos moklsų akademijos Centrinės bibliotekos Rankreščių skyrius F. 16–119. 98 л. (Далее: БАН Литвы). Публикация (без информации о принадлежности к Литовской метрике): Археографический сборник документов, относящихся к Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 1. С. 46–126. Как книгу Литовской метрики ее цитировал Г.Я. Голенченко (*Галенчанка Г.* Метрыка Вялікага Княства Літоўскага // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Минск, 1999. Т. 5. С. 126–127).

[6] *Kennedy Grimsted P.* The "Lithuanian Metrica" in Moscow and Warsaw: reconstructing the Archives of Grand Duchy of Lithuania. Cambridge (Mass.). P. A-40–A-64.

[7] БАН Литвы. F. 16–124.

[8] Например, в БАН Литвы ОР находится выполненная по требованию жемайтийской шляхты в марте 1641 г. копия книги Литовской метрики № 523 (Попис Литовского войска 1528 г.). См.: БАН Литвы. F. 16–123.

[9] *Galaune P.* Lietuvos kultùros turtų likimas // Mųsų žinymas: karo, mokslo ir istorijos žurnalas. 1923. Т. 4, № 10. P. 88–107.

[10] Там же. С. 107.

[11] *Kasparavičius A.* Leituvos Metrikos negražoinimo istorija (1920–1930): intarpai Lietuvos ir SSRS diplomatiniù santykiù mozaikai // Naujasis židinys – Aidai. 1996. № 3. P. 116.

[12] Там же. С. 117–118.

[13] Там же. С. 119.

[14] *Jegelevičius S.* Lietuvos Metrika: kada ir kaip w Lietuva pateko jos mikrofilmai // Naujasis židinys – Aidai. 1999. № 4. P. 174–185.

М.В. Дмитриев

ВЗГЛЯД ПРАВОСЛАВНЫХ И ВЗГЛЯД КАТОЛИКОВ НА ОБЪЕДИНЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ НАКАНУНЕ БРЕСТСКОЙ УНИИ 1596 года

Брестской церковной унии 1595–1596 гг. посвящена обильная историография[1]. Тем не менее, многое остается неясным в том, как родился и сформировался унионный проект, как шли переговоры, в ходе которых подготавливалась уния, какие обстоятельства сопровождали заключение унии, наконец, даже в том, как именно виделась грядущая уния ее православным инициаторам и их партнерам из католического лагеря. Историками априорно принимается, что обе стороны ясно осознавали, в чем будет заключаться объединение церквей, какими рисками и опасностями сопровождается уния, во имя чего этими опасностями и рисками стоило пренебречь и т.д. Все это кажется настолько естественным, что обыкновенно не вызывает никаких вопросов. Однако внимательное и критическое, свободное от априорных посылок и конфессиональной предвзятости прочтение источников – особенно тех, которые введены в оборот сравнительно недавно (прежде всего корреспонденции папских нунциев и Римской курии), – заставляет поставить под сомнение многие из сложившихся стереотипов. Один из них – мнение, что уния, провозглашенная в Риме 23 декабря 1595 г. и подтвержденная Брестским собором в октябре 1596 г., была результатом достигнутого в ходе переговоров католической и православной сторон взаимопонимания, укоронованного актом унии, заключая которую обе стороны отдавали себе отчет, на что и во имя чего они идут. Обращение к источникам порождает сомнения относительно справедливости этого тезиса. Эти сомнения и представлены в настоящей статье.

В 1595 г. подготовка церковной унии в Речи Посполитой вступила в практическую фазу. Значительная часть православного духовенства вступала в этот союз с достаточно определенной готовностью к осуществлению унии, и к середине года были выработаны условия перехода под власть Рима (32 "артикула"); католическая сторона стала в этом году принимать активное участие в осуществлении унионной программы; осенью в Рим отправилось посольство православного духовенства во главе с Ипатием Потеем и Кириллом Тердецким; в декабре 1595 г., под самое Рождество, уния церквей была торжественно провозглашена в Ватикане.

Мы кратко рассмотрим на основе 32 "артикулов", как планируемая уния понималась православной стороной; какую роль "артикулы" сыграли в выработке унионного соглашения; как совершившееся событие понималось в католических кругах.

"Articuli ad unionem cum Ecclesia Romana pertinentes"

О том, кем были составлены и как были утверждены 32 "артикула", определявших условия подчинения Киевской митрополии Риму, известно очень немногое. Обычно считается, что это произошло в июне 1595 г. на церковном соборе в Бресте. Однако, судя по сохранившимся документам, это было не так[2]. Оригинальный текст артикулов, подписанных 1 (11) июня, сохранился в архиве Ватикана вместе с обращением к папе от 12 (22) июня 1595 г. Артикулы были

составлены по-латыни и по-польски; обращение – по-латыни и на "руською мове"[3].

Каково же содержание артикулов, подписанных 1 (11) июня 1595 г.? Вопрос этот имеет принципиальное значение и далеко не всегда получал полное (или хотя бы адекватное) отражение в литературе, посвященной Брестской унии.

В документе дважды – в преамбуле и в заключительных фразах – подчеркнуто, что "артикулы" должны быть подтверждены папой и королем (или "господами католиками") *прежде* чем православные пойдут на унию. Из этого видно, какое огромное значение придавалось православной стороной "артикулам" и сколь решающую роль они должны были, по мысли православных епископов, сыграть в подготовке Брестской унии. "Артикулы" не только суммируют и конкретизируют то, что заявлялось на предварительных переговорах, но и включают в себя важнейшие пункты предлагавшейся на соборах начала 90-х годов XVI в. программы церковных реформ. Не пересказывая содержания отдельных из выдвинутых условий, которые касаются догматических, обрядовых и организационных вопросов, отметим наиболее существенные из мотивов, пронизывающих "артикулы"[4].

Во-первых, догматическая и обрядовая специфика православия должна была быть сохранена едва ли не полностью: спор о "Filioque" предлагалось разрешить на основе компромиссной формулы Флорентийского собора (исхождение Святого Духа "от Отца через Сына"); учение о чистилище должно было быть объяснено православным католической стороной; брак священников и причастие под двумя видами сохранялись; все церковные праздники должны были праздноваться по старому календарю, обряды и церемонии должны были быть сохранены в неприкосновенности (артикулы 1–9). В концовке документа содержится важная формула, показывающая, что авторы его различали "веру", "обряды" ("sacramenta") и "церемонии" и требовали, чтобы папа и король гарантировали неприкосновенность и первого, и второго, и третьего[5].

Во-вторых, уния должна была обеспечить резкое улучшение сословного статуса духовенства. Речь шла не только от неприкосновенности имеющихся и возвращении отнятых земель, о предоставлении мест в сенате и привилегий, идентичных привилегиям католического духовенства, но и о введении двух православных епископов в судебный трибунал для обеспечения защиты прав православной церкви (арт. 20). Оговаривались права собора в выдвижении кандидатов на епископские и митрополичью кафедры (арт. 10: собор предлагает четырех кандидатов, одного из которых утверждает по своему выбору король). При этом епископы должны были происходить непременно из "русского или грецкого народа" и быть "нашей религии". Речь шла и об исключении духовенства, владеющего землями, которые пожалованы шляхтой, из-под всякой судебной юрисдикции последней (арт. 21).

Третий важнейший мотив "артикулов" – защита позиций будущей униатской церкви от распространения влияния католицизма на украинско-белорусских землях: переходы из унии в "латинство" должны быть запрещены (арт. 15), браки между "римлянами и Русью" не должны сопровождаться сменой вероисповедания (арт. 16); не дóлжно допускать обращения православных храмов в костелы и следует отремонтировать попорченные церкви (арт. 25); отлученный от униатской церкви не должен приниматься в католическую и наоборот (арт. 30).

В-четвертых, речь шла об очень существенном укреплении власти епископов внутри церкви: монашество и монастыри должны оставаться в полной власти епископов (арт. 19); братства, школы, типографии должны находиться под контролем епископата (арт. 27); шляхта не должна препятствовать осуществле-

нию епископских административных и судебных полномочий (арт. 28); все храмы должны быть подконтрольны епископам, в чьих бы владениях они ни лежали, а светские люди не могут допускаться к управлению ими (арт. 29).

В-пятых, наконец, предполагалось сохранение фактической церковно-административной независимости епископов и митрополитов от Рима, ибо епископы должны были бы посвящаться митрополитом, а митрополит – получать благословление на эту должность от Рима только в том случае, если он выбран не из числа епископов, при том, что полученное благословление должно было бы быть подтверждено еще двумя православными епископами.

Как и прежде, уния рассматривалась как соглашение, условия которого должны быть гарантированы не только Римом, но и польскими королями.

Сказанное дополним и тем, что "артикулы" выразили определенную манеру понимать, какой должна быть уния христианских церквей. Им присущ не пафос покаяния, а скорее дух экуменического примирения при практически полном сохранении специфики, приобретенной православием в ходе вековой эволюции. Вся уния предпринималась для достижения согласия в "христианской республике" и воспрепятствования дальнейшим раздорам (арт. 13). Фактически уния понималась только как перемена верховной церковной юрисдикции. Именно убежденность в том, "что все свое мы в целости сохраняем", должна была послужить ободрением и побуждением к установлению "святого единства" для тех, кто продолжал сомневаться в его достижимости[6].

Очень существенно и то, что артикулы были одновременно и программой реформ внутри православной церкви Речи Посполитой.

В заключении к артикулам говорилось, что Потий и Терлецкий посылаются в Рим. Маласпина писал 1 июля н.с., что они были единодушно выбраны "собором"[7].

"Артикулы", подписанные (1) 11 июня, тесно связаны с датированным (12) 22 июня сопроводительным обращением митрополита и всех епископов, в том числе Михаила Копыстенского и Гедеона Балабана, выступивших позднее против заключенной унии, к папе. Издатель документов Брестской унии А. Великий считает, что именно обращение от 22 июня "должно быть рассмотрено как важнейший документ всей Брестской унии"[8]. Думается, однако, что этот действительно "важнейший" документ никак не может быть оторван от "32 артикулов". Хотя прямого упоминания "артикулов" обращение от 22 июня не содержит, смысл формулировок этого документа раскрывается именно в "артикулах". Епископы заявляют в нем о желании восстановить существовавшее некогда "согласие и единство" ("unio et concordia"), взаимопонимание, консенсус во всех вопросах ("consensum in omnibus") "в послушании и под управлением Святого Апостольского Римского престола"[9]. Посылаемым в Рим Ипатию Потию и Кириллу Терлецкому поручалось принести "престолу Святого Петра" и папе как "высшему пастырю Христовой церкви" должное послушание при условии, что папа и его преемники от своего и своих потомков имени согласится сохранить в неприкосновенности "порядок свершения таинств, обрядов и церемоний"[10]. Однако наряду с этими словами, на которых обыкновенно сосредотачивается внимание историков, в послании есть и другие: если бы мы получили все "требуемое нами" ("omnia petita a nobis"), мы бы желали всегда быть под управлением Вашего Святейшества[11]. Поскольку одиннадцатью днями раньше были подписаны "32 артикула", переданные так же, как и обращение от 22 июня, нунцию для отсылки в Рим, под "omnia petita a nobis" нужно понимать не только сохранение обрядов и церемоний, но и всю совокупность выдвинутых требований[12].

Оценка "32 артикулов" в Польше и посольство Потея и Терлецкого в Рим в ноябре 1595 – марте 1596 г.

Подготовка к отправке посольства в Рим стала вестись в июле 1595 г.[13] и тогда же, надо полагать, стали изучаться и предложенные епископами артикулы.

1 августа подписан ответ Маласпины на предложения епископов[14]. Поскольку позиция Маласпины пока еще не была согласована с курией, высказывания его весьма уклончивы. Как он сам объяснял, отправляя очередное донесение в Рим и присовокупляя к нему текст "32 артикулов" и копию своего ответа на них, он руководствовался советами, которые были даны участниками правительственного заседания, посвященного инициативе "рутенских" епископов[15]. Как предполагает О. Халецкий, участниками этого совещания могли быть канцлеры Ян Замойский и Лев Сапега, католические епископы Львова и Луцка Д. Соликовский и Б. Мацеевский, ближайший советник нунция краковский епископ Ежи Радзивилл, перемышльский латинский епископ Гослицкий, один или два теолога, среди которых должен был быть Петр Скарга[16]. В это же время в Кракове проводились совещания высших сановников Речи Посполитой, посвященные вопросу об антитурецкой лиге, но вопрос об унии церквей рассматривался отдельно[17].

В своем официальном ответе нунций отозвался лишь на те из артикулов, которые относятся к прерогативам папы. Среди последних догматические вопросы, по его мнению, не вызовут никаких трудностей, ибо предложенное епископами "вполне соответствует католической вере", отвечает решениям Флорентийского собора и потому нет сомнения, что папа будет расположен принять и одобрить предложения православной стороны. Что касается вопросов, подлежащих рассмотрению в Риме, но относящихся к "человеческим делам", то они будут рассмотрены папой благожелательно. Нет сомнения, что он благосклонно согласится на то, что "не отклоняется от нормы правоверия". Маласпина выразил надежду, что и польское государство, рассмотрев относящиеся к его ведению вопросы, согласится на то, что справедливо и достойно подлинно христианской унии. Нунций же со своей стороны будет просить папу поддержать своим авторитетом правильные решения[18].

Что касается короля, то первым его официальным ответом была грамота от 30 июля о подтверждении всех прежних прав православного духовенства и предоставление ему тех же свобод и вольностей, какими было уже наделено католическое духовенство[19]. Двумя днями раньше, 28 июля, король разослал приказ в приграничные области не пропускать на территорию Речи Посполитой никаких посланцев от "греческого" духовенства[20]. 2 августа 1595 г., т.е. практически одновременно с нунцием[21], Сигизмунд III ответил и на "32 артикула". Вряд ли можно сомневаться, что их позиции были согласованы. Король обещал свое согласие и поддержку во всем, что касается внутренней жизни православной церкви и отчасти в защите ее имущественных прав (порядок избрания и утверждения епископов, неотчуждаемость церковных владений, право капитула распоряжаться имуществом епископской кафедры, покуда она пустует, власть епископов над братствами, их контроль над школами и типографиями, которые не должны публиковать ничего, "противного костелови повшехному" и во всем должны следовать его, "повшехного костела" рассудку; запрет "общим людям" распоряжаться отдельными храмами). Из ответа короля видна и ясная заинтересованность государства в устрожении церковной дисциплины, порядка и единоначалия; король не только одобряет укрепление власти епископов над низшим духовенством и мирянами, но и обещает издать постановления, которые сделали

бы такой порядок незыблемым. Однако решение вопроса о местах в сенате поставлено в зависимость от мнения самих сенаторов и сейма; предоставление равного с католическим духовенством статуса и соответствующих прав и привилегий должно быть обсуждено между православной и католической иерархией прежде, чем будут приняты какие-либо решения; вопрос о включении двух православных епископов в судебный трибунал также поставлен в зависимость от согласия католических иерархов; король готов запретить обращение церквей в костелы в своих владениях, но не во владениях шляхты. Бросается в глаза, что все это противоречило данному буквально несколькими днями раньше обещанию полностью уравнять в "правах и вольностях" православное и католическое духовенство[22].

Как мы видим, ответ Маласпины ни к чему не обязывал католическую сторону, ибо даже его суждения о предлагаемом решении догматических противоречий подано как мнение частного лица, одного из католиков. С другой стороны, ответ нунция должен был укрепить надежды православных на компромиссное, примирительно-экуменическое преодоление противостояния двух церквей, так как не закрывал ни одного из путей дальнейших дискуссий. Что касается Сигизмунда III, то он готов был поддержать внутрицерковную реформу в том духе, какой соответствовал интересам православного епископата, но – вопреки первоначальной декларации от 30 июля 1595 г. – не обещал твердо ничего из того, что касается укреплений сословных позиций духовенства и ограждения православных от возможного распространения католицизма в восточных землях Речи Посполитой. В то же время, как и письмо нунция, королевский ответ не мешал епископам надеяться на конструктивное и благожелательное восприятие их требований.

Хотя уже летом 1595 г. стало очевидно, что подготовка унии породила острый кризис в Киевской митрополии и польское правительство одно время было готово отказаться от предпринятого[23], в сентябре посольство во главе с Потеем и Терлецким было отправлено в Рим, куда епископы и прибыли 15 ноября 1595 г. Миссия Потея и Терлецкого в Риме – одно из ключевых событий в истории Брестской церковной унии. О ней не раз писали историки[24], и тем не менее по-прежнему далеко не все ясно[25].

17 ноября Потий и Терлецкий были приняты Климентом VIII, которому были вручены письма короля "и некоторых сенаторов"[26]. По словам Потия, папа принял их, как "ласковый отец принимает своих детей – с такой же любовью и несказанной ласковостью". Однако никаких переговоров не состоялось. Климент VIII отказался сразу же говорить о деле, посоветовав епископам отдохнуть с дороги. Такое течение событий, судя по всему, не удовлетворяло епископов. В последующие дни, по словам Потия, они "часто просили" об аудиенции и переговорах[27]. Судя по документам от 22 и 25 ноября, состоялась их встреча с кардиналами[28]. Из римских донесений тоже видно, что они добивались переговоров об унии. Так, записка одного из секретарей курии (от 23 декабря) сообщает, что переговоры, на которых настаивала " та сторона", не состоялись из-за приступа подагры у папы [29].

В итоге до переговоров дело так и не дошло, хотя специальная комиссия курии, рассматривала предложения, содержавшиеся в артикулах. Но 23 декабря была организована торжественная церемония, которая справедливо рассматривается католическими историками как акт провозглашения унии двух церквей.

Центральным моментом всей церемонии 23 декабря 1595 г. стало подписание Ипатием Потием и Кириллом Терлецким текста исповедания веры и декла-

рации о подчинении Римским папам, подкрепленное присягой на Евангелии. Католическая сторона придавала этому факту решающее значение.

Отметим, что документы были подготовлены не самими епископами, а для них и даже, судя по всему, без всякого их участия. Для подписи были предложены переводы, подготовленные видимо, приехавшим в Рим с епископами их секретарем и переводчиком Лукой. К. Терлецкий, в отличие от образованного Потия, латыни не знал.

Каково содержание подписанного документа[30] и как оно соотносится с предшествовавшими поездке в Рим программными заявлениями православного духовенства и самих Потия и Терлецкого?

Исповедание веры и декларация о подчинении Риму подписывались от имени всего духовенства и порученной ему паствы. В документе также было обещано, что идентичные декларации и исповедения будут подписаны митрополитом и другими епископами и, скрепленные их печатями, будут посланы в Рим. Символ веры, следующий за этой преамбулой, содержал "Filioque". За ним следовало разъяснение о том, каков был компромисс в понимании "Filioque", достигнутый на Флорентийском соборе. Равным образом признавалась возможность употребления опресноков и квасного хлеба в причастии и учение о чистилище. Без каких бы то ни было оговорок признавался примат и полнота церковной власти папы как "викария Христа и главы всей церкви". Наконец, епископы объявляли о признании всего, что было постановлено Римской церковью на Тридентском соборе. Эта декларация конкретизировалась в ряде пунктов. Речь шла, в частности, о признании всех постановлений католической церкви, ее непреложного авторитета в толковании Священного Писания, учения о первородном грехе и оправдании в том толковании, какое дано Тридентским собором, об индульгенциях и чистилище. Документ содержит и заявление о принятии католических обрядов в свершении таинств. Все, что противоречило решениям Тридентского собора, отвергалось как схизма и ересь.

Произошедшее 23 декабря было подтверждено и закреплено папской буллой "Magnus Dominus"[31].

Таким образом, ни о каком компромиссе, ни о какой унии в собственном смысле слова в документах, подписанных Потием и Терлецким 23 декабря 1595 г., речи не было. Равным образом был обойден молчанием и вопрос о "32 артикулах".

Судьба "32 артикулов"

Как отнеслись к артикулам в Ватикане? Это один из загадочных вопросов в предыстории Брестской унии.

Известно, что в августе артикулы были переданы в Конгрегацию инквизиции. В ватиканской рукописи, содержавшей копию ответа нунция на артикулы (от 1 августа 1595) имеется запись, что артикулы переданы 30 августа кардиналом Альдобрандини в консисторию. В конце того же тома помещен латинский меморандум о важности унии и ее исторических корнях. Халецкий предполагает, что этот меморандум был прислан Маласпиной вместе с артикулами и копией его ответа на них[32].

Уже 16 сентября из Рима сообщалось нунцию, что артикулы рассмотрены, но члены конгрегации не выработали пока решения[33]. Позднее, вплоть до приезда Потия и Терлецкого в Рим, нет никаких следов дальнейшего обсуждения артикулов в Риме. В конце ноября 1595 г. рассмотрение "артикулов" начинается как бы по второму кругу, после того, как они были еще раз представлены

Потием и Терлецким вниманию курии. Известно, что конгрегация по греческим делам во главе с кардиналом Ю.А. Санторо дважды, в конце ноября и в начале декабря 1595 г., рассматривала артикулы, что к экспертизе были привлечены некоторые теологи других конгрегаций (а это было делом необычным, "cosa insolita a farsi"), но довести работу до конца не удалось, и окончательный ответ должен был подготовить кардинал Сфондрато[34]. Каков был этот ответ, осталось неизвестным. Правда, известны два других мнения, но и они дошли до нас не в оригинальном изложении, а в пересказе третьих лиц. О первом из них мы узнаем из письма, отправленного 16 декабря 1595 г. одним из сотрудников кардинала-секретаря Ч. Альдобрандини падуанскому епископу В. Пинелли, живо интересовавшемуся унией. В этом письме передано содержание отзыва доминиканского теолога Х. Сарагосы на представленные в Рим "артикулы". Второй отзыв – анонимен, принадлежит перу "некоего" теолога и был опубликован уже в 1613 г. Для понимания общего взгляда католической церковной элиты на унию очень важны оба эти отзыва на "32 артикула"[35].

Доминиканец Х. Сарагоса прежде всего отверг самое возможность поставить унию в зависимость от каких-либо предварительных условий, ибо объединение с католической церковью есть дело, необходимое для спасения. Поэтому преследование каких-либо иных интересов и выгод должно быть исключено[36]. Тем не менее Х. Сарагоса был мнения, что некоторым просьбам можно уступить, другие – следует полностью отвергнуть, некоторые – исполнить в ограниченной мере[37]. Среди требований, которые следовало отвергнуть, было стоявшее под первым номером условие не принуждать православных к изменению взгляда на "Filioque". По мнению Х. Сарагосы, полное согласие с определением латинской церкви – как по сути, так и по форме выражения догмата – было совершенно необходимо для объединения, поскольку этот вопрос затрагивал именно существо вероучения. Не могло быть принято, с его точки зрения, и компромиссное решение вопроса о календаре (6-й артикул). Отвергались также 8-й и 18-й артикулы (о предпасхальных церемониях и о невмешательстве светских властей в распоряжение выморочными церковными имуществами). Артикулы 2, 3, 10, 12, 13, 19, 20–32 Сарагоса считал возможным принять. В 7-м артикуле (нежелание православных вводить процессии в день праздника Тела Христова) и в 9-м (брак священников) Сарагоса считал возможной лишь временную уступку, надеясь, что со временем униаты примут названный праздник и внимательнее отнесутся к каноническим предписаниям католиков относительно целибата. Говоря о 10-м артикуле (о порядке выбора и назначения новых епископов), Х. Сарагоса считал нужным вести дело к тому, чтобы епископы признали впоследствии всю полноту власти папы в церкви. Экспертиза Сарагосы содержала также некоторые оговорки, касающиеся браков между католиками, предлагала в некоторых случаях ограничивать юрисдикцию епископов над монастырями и иные более мелкие уточнения. Отзываясь о требовании православных запретить после заключения унии греко-католикам переход в латинский обряд, Сарагоса не считал возможным принять его безоговорочно, но предлагал склонить епископов к поиску иных, промежуточных решений[38].

Таким образом, ответ на артикулы, подготовленный доминиканским теологом, хотя и выражает согласие с некоторыми из требований православной стороны, в целом исходит из совсем других принципов примирения двух церквей, заранее предусматривает возможность подвергнуть ревизии даже некоторые из тех пунктов, какие могут быть приняты в момент подписания унионного акта, и ставит под сомнение самое идею обусловить унию исполнением каких-либо предварительных требований.

Рассмотрим и вторую пространную оценку артикулов католическим теологом, имя которого осталось неизвестно, но сам отзыв об артикулах был впервые опубликован уже в 1613 г.[39] Бóльшая часть этого отзыва посвящена вопросу о "Filioque". В результате подробного и фундированного рассмотрения вопроса он приходит к выводу, что предложения авторов артикулов грешат против решений Флорентийского собора, Св. Писания, предания, принятых догматов. Они должны яснее сформулировать свои взгляды, привести их в соответствие с решениями Флорентийского собора с тем, чтобы не было риска возмущения со стороны католиков после заключения унии. Что касается песнопений, молитв, литургии, то нет оснований отказывать православным в употреблении сложившихся и разрешенных обрядов, но нужно проверить внимательно их книги на предмет имеющихся заблуждений, особенно тех из книг, которые касаются совершения таинств, ибо некоторые из них требуют исправления. В том случае, если православные готовы принять католическое учение о чистилище, нет оснований колебаться в позитивном отклике на соответствующий пункт их требований.

Вопрос о календаре невозможно оставить без риска скандала в стороне, ибо если православные не примут нового календаря, они неизбежно будут сильно расходиться с католиками в праздновании Пасхи. Поэтому должен быть рассмотрен вопрос, какие именно из их церемоний могут быть сохранены в неприкосновенности, а серия подвижных праздников должна быть приведена в соответствие с католическим календарем.

Автор анонимного отзыва не считает возможным решить без предварительного рассмотрения ни вопрос о празднике Тела Христова, ни об обрядах пасхального богослужения, не соглашаясь, таким образом, с предложением православных сохранить в полной неприкосновенности православную обрядность. Равным образом не готов он принять институт брака священников, считая, что вопрос нужно тщательно изучить. Среди злоупотреблений в этой сфере он видит и само каноническое установление православия о необходимости состоять в браке для положения в сан. С осторожностью автор подходит даже к вопросу о посещении больных и убогих с целью уделения им причастия, подозревая, что и здесь могут быть злоупотребления. В вопросах, касающихся управления монастырями и храмами, как и в вопросе об отлучении согрешивших от церкви, римский эксперт был готов согласиться с православными, при том, однако, условии, что юрисдикция папы римского ни в чем не будет здесь ущемлена. Только допустимость свободных браков католиков и православных не вызывает с его стороны никаких возражений.

В целом мы видим, что позиция автора этого отзыва гораздо более жесткая, чем у Сарагосы. Самое же главное – в ней не заключено никакой склонности к компромиссу, которая хотя бы в некоторой степени присуща Сарагосе.

Из документов, связанных с римской миссией И. Потея и К. Терлецкого, не видно, чтобы отзыв Х. Сарагосы и мнение анонимного теолога имели сколько-нибудь существенные последствия для хода унионных переговоров.

Как это ни удивительно, но за все месяцы пребывания И. Потия и К. Терлецкого в Риме мы не встречаем никаких других откликов на "артикулы". Равным образом в папских документах, посвященных унии[40], в описаниях торжественной церемонии 23 декабря 1595 г. нет упоминаний о поставленных православными условиях. Трудно допустить, что римские архивы не содержат никаких иных следов обсуждения "32 артикулов". Нужно надеяться, что они будут обнаружены. Но и молчание ватиканских источников весьма красноречиво, ибо оно указывает на характер восприятия унии и ее перспектив в Риме.

Так или иначе, хорошо видно, что артикулы так и не стали основой для обсуждения вопроса об унии, поскольку само обсуждение не состоялось и, наверное, не могло состояться. В течение нескольких месяцев пребывания И. Потия и К. Терлецкого в Риме события развивались так, будто и не было никаких предварительно посланных и даже рассмотренных условий православной стороны. Постановка вопроса об унии римской стороной исходила, как выяснилось, из совершенно иных посылок, которые в самом деле исключали самую возможность предъявления Риму каких-бы то ни было условий. Это видно и из того, как именно принимали епископов в Риме и в чем состояли церемонии, знаменовавшие переход православной церкви под юрисдикцию Рима.

Что подразумевала под унией католическая сторона?

Официальные заявления католической церкви и польского правительства по поводу унии в годы ее подготовки (1590–1596) позволяли думать, что уния может быть осуществлена в том виде, в каком она задумывалась православной стороной. Без этого поездка Потея и Терлецкого в Рим вряд ли была бы предпринята.

Но одно дело официальные документы, другое – внутренняя переписка деятелей католического лагеря друг с другом. Она позволяет понять, как понималась уния католическим лагерем и какова была мера готовности католиков к компромиссу с православной церковью. Предназначенные для "служебного пользования" документы хороши не только тем, что они достаточно адекватно передают саму манеру понимать унию, но и употребляют характерную терминологию, которая отражает самые устойчивые и глубинные католические представления о православных и унии с ними.

Д. Соликовский, львовский архиепископ, сообщал Г. Маласпине 17 февраля 1595 г., что предварительные переговоры об унии завершены и что Терлецкий вскоре прибудет в Краков с тем, чтобы, вооружившись письмами нунция и короля, отправиться дальше в Рим. Цель предстоящей поездки – провозглашение послушания папе Римскому, отказ от послушания патриарху и подчинение во всем власти Рима[41]. Трудно допустить, что Соликовский искренно заблуждался относительно намерений православных; но как бы то ни было, он выразил то, что ожидалось от унии польской стороной. В письме к кардиналу Альдобрандини в Рим, сообщая о поездке Потия и Терлецкого в Рим, он называет ее единственной целью "выражение послушания" папскому престолу[42].

Аналогичное пренебрежение к условиям, выставляемым православными и убежденность в том, что уния не может быть ничем, кроме выражения безоговорочного послушания папе, видны из многих других высказываний католиков тех месяцев. Николай Радзивилл Сиротка, староста в Троках, например, в сентябре 1595 г. в письме к папе уверял, что речь идет о намерении православных отдаться во власть Рима[43]. Из донесения нунция в Рим от 10 февраля 1595 г. ясно видно, что и у него, равно как и у высшего польского духовенства, не было никаких иллюзий относительно намерений православных: он доносил в Рим, что православные в самом деле готовы объединиться с Римской церковью, но при этом желают быть непременно кооптированными в сенат и сохранить свою религию ("conservati nella loro religione"), допуская изменения только по воле понтифика[44]. Готов ли был нунций, а вместе с ним и Рим всерьез отнестись к такой постановке вопроса? Чтение корреспонденции убеждает в обратном – в том числе и прочтение этого документа: нунций призывает действовать предельно осторожно (т.е. не объявлять подлинных представлений курии о возможной

унии), "так чтобы еретики, раскрываясь в своем легкомыслии, не обнаружили бы во мне излишней легковерности"[45]. Оба ключевых слова, употребленных нунцием – "еретики" (а не рутены, не греки, даже не схизматики!) и "легкомыслие" – убеждают, что участники предунионных переговоров не отдавали себе отчета в глубине различий в православном и католическом понимании подготавливаемой унии.

С самого начала была выработана линия не на унию как таковую, а на фактическое поглощение украинско-белорусского православия римско-католической церковью. Эта установка нашла однозначное выражение в инструкции (11 марта 1595 г.), которой Ватикан ответил на сообщение нунция Маласпины о переговорах с Кириллом Терлецким: курия надеялась увидеть это предприятие "законченным таким образом, который в наибольшей степени желателен для единства и единообразия церкви"[46]. Слово "единообразие" здесь совершенно не случайно. Оно в большей степени, чем какие-либо другие понятия, выражает взгляд Рима и польского католического духовенства на приближающуюся унию.

При получении сведений о грядущем прибытии православной делегации в Рим в Ватикане не возникало сомнений, что цель православных – "во всем и полностью соединиться с римской церковью"[47]. Маласпина характеризовал позицию Терлецкого и Потия перед их путешествием в Рим: греческие епископы пишут, что в назначенное время явятся в Рим, "полные решимости делать то, что им будет предписано ради служения их душам и душам паствы, которая им препоручена"[48]. А в письме Маласпины, рекомендующем Потия и Терлецкого кардиналу Альдобрандини, от 25 сентября 1595 г. говорится, что Бог просветил епископов, позволил им понять прежние заблуждения, в которых они пребывали столько лет, и побудил их обратиться к папе как единственному викарию на земле[49], хотя на самом деле епископы ехали в Рим не для покаяния, а для переговоров.

Характерно, что во внутренней переписке католиков не проявлялось ни малейшего беспокойства по поводу условий, которые предъявлялись или могли быть предъявлены православными. А ведь православные епископы с самого начала сопровождали свои декларации о готовности пойти на унию рядом предварительных условий, и об этом было хорошо известно и нунциям, и папским сотрудникам. Предыстория Брестского собора показывает, что и католики были прекрасно осведомлены о выдвигаемых православными условиях, и об уверенности православных, что их требования встретят серьезное и уважительное отношение[50]. Этого не случилось. В течение нескольких месяцев пребывания Потия и Терлецкого в Риме присланные православной стороной требования, как мы видели, так и не стали ни разу предметом обсуждения с православными епископами.

Равным образом польский двор и епископат, вопреки официальным декларациям, не придавали серьезного значения выдвинутым православными условиям. Это видно, в частности, из реляции нунция Маласпины о совещании высших государственных и церковных сановников в Кракове в сентябре 1595 г., когда решался вопрос – ехать или не ехать Потию и Терлецкому в Рим.

Характер восприятия унии в Риме и католическими кругами отчетливо отражен в употреблявшихся авторами римской документации понятиях: заключение унии воспринимается как "возвращение к римской католической вере"[51], как "примирение рутенских епископов с латинской церковью"[52], как "подчинение римскому понтифику"[53]. Важно заметить, что мы имеем дело, судя по всему, не с политическим лицемерием или какой-то нарочитой линией в отношени-

ях с православными, а с определенной априорной установкой конфессионального мышления.

Это видно хотя бы из того, что римская администрация, рассылая по городам следования в Рим Ипатия Потия и Кирилла Терлецкого соответствующие предуведомления, исходила из посылки, что православные епископы едут в Рим не для переговоров о возможной унии, а только для того, чтобы признать власть и авторитет Рима и выразить папе надлежащее повиновение[54]. Хотя сам термин "уния" тоже иногда употребляется, идея унии как таковой, т.е. некоего хотя бы относительно равноправного союза двух церквей, совершенно чужда источникам католического происхождения. Уния не мыслится ими иначе как принятие именно католической религии, вхождение в состав католической церкви, подчинение без оговорок власти папского Рима.

С абсолютной прозрачностью это показывает терминология 16 папских бреве, подписанных 7 февраля 1596 г. и обращенных к различным влиятельным лицам Речи Посполитой. В них объявлялось о заключенной унии и выражалась надежда, что папские адресаты поддержат украинско-белорусских епископов в их стремлении обеспечить прочные гарантии унии и, что особенно существенно, в их желании занять кресла сенаторов Речи Посполитой наряду с католическими епископами. Что же касается того, как представлялась в этих документах провозглашенная уния, то три мотива пронизывают все шестнадцать документов: во-первых, епископы заявили о своем послушании папе римскому и признали без каких-либо ограничивающих условий его власть над униатской церковью; во-вторых, епископы от имени украинско-белорусской церкви признали католическое исповедание веры; в-третьих, они отреклись от прежних "заблуждений" и "ересей", вернулись в лоно подлинной церкви. Особенно важно бреве, обращенное киевскому митрополиту Михаилу Рагозе. Оно, в отличие об бреве, направленных католикам, не могло не содержать аллюзий, касающихся требований, привезенных в Рим Потием и Терлецким, и не быть несколько осторожнее в описании того статуса, который отныне украинско-белорусская церковь должна была занять в христианском мире. Но даже в этом тексте курия без сомнений употребила понятие "обращение"[55], которое, строго говоря, приложимо к переходу в "истинную" веру или "еретиков" (например, протестантов), или язычников. И в этом отношении бреве было вполне последовательно: в нем заявлялось, что прибывшие в Рим епископы от имени всего духовенства признали католическое исповедание веры и отреклись от расколов, заблуждений и ересей, которые отделяли православие от Римской церкви[56]. Что же касается условий, выставленных православным духовенством перед заключением унии, то они упоминаются очень глухо, а их содержание в одном случае передается неадекватно[57], а в другом – просто замалчивается[58]. Уния, как и в других случаях, понимается как безоговорочное подчинение власти Рима, которому приносится присяга "вечного послушания"[59], а местный собор православной церкви должен, по мысли и требованию бреве, присоединиться публично к католическому исповеданию веры и подтвердить все, что было провозглашено от имени православного духовенства в Риме[60].

С еще большей однозначностью та же самая позиция выражена в бреве, обращенных к королю и виднейшим сановникам Речи Посполитой: в них речь идет о том, что епископы заявили о "должном послушании" папе, признали католическое исповедание веры, отреклись от старых заблуждений и ересей[61]. Характерно при этом, что даже тогда, когда говорится не только о подчинении православной церкви Риму, но и об унии, то употребляется понятие "unitas", т.е. "единство", а не "unio" ("союз", "объединение")[62].

Отметим еще одну существенную деталь в том, как папство трактовало заключенную унию. Во всех обращениях папы к рождавшемуся униатскому духовенству тон и терминология дискурса об унии оказываются даже еще более жесткими, чем при обращении к польским иерархам и сановникам. Так, в бреве от 23 февраля 1596 г., в котором папы предоставляли униатским митрополитам право назначать епископов, не только снова упоминаются "ереси", от которых отрекается перешедшая под власть папы церковь[63], но и наряду с понятием "послушание" вводится понятие "подчинение", которое отныне и навсегда связывает униатов с Римской курией[64]. Аналогичные формулы и настойчивое упоминание прежних ересей присутствуют в ряде других бреве, направленных Потию и Терлецкому[65].

Даже тогда, когда раскол православного общества Речи Посполитой стал необратимым, папа в письме к польским католическим епископам от 18 января 1597 г. утверждал, что бывшие православные епископы по сути обратились в католицизм, произнеся католическое исповедание веры и объявив о полном послушании папству[66]. Никакой грани между унией и католицизмом, как мы видим, не проводилось.

В документах, изданных Сигизмундом III, мы не найдем столь же подробной и отчетливой терминологии, касающейся заключенной унии. Но по существу король совершенно солидарен с Римом в оценке совершенного. Сохранение православными своей обрядности представлено как единственное и сполна удовлетворенное папой требование православных[67], а провозглашенная в Бресте уния расценивается как выражение подчинения папе и "слияния и соединения" с римской церковью[68].

Не следует также забывать, что Брестская уния рассматривалась лишь как этап на пути дальнейшего распространения власти Рима в православном мире, хотя в историографии часто подчеркивается, что после визита Поссевино в Москву Римская курия по его совету отставила планы "универсальной унии" и решила ограничиться вовлечением под власть пап только украинско-белорусской православной церкви. На самом деле локальная уния рассматривалась не как самоцель, но и как путь к возможному расширению унионного союза за счет привлечения в унию и России. Эта идея неоднократно высказывается в неофициальной и полуофициальной католической документации времен Брестского собора. Уже в ходе подготовки путешествия Терлецкого и Потия в Рим перспектива приобщения к унии России приобретает конкретные очертания в глазах католических лидеров. Маласпина в донесении от 23 февраля 1595 г. писал, что, если план унии с украинско-белорусскими православными осуществится, есть надежда, что и "Московия последует их примеру"[69]. 14 сентября того же года Николай Радзивилл, староста виленский и трокский, в послании папе выражал надежду, что подготавливаемая уния станет толчком к тому, что уже во время понтификата Климента VIII весь мир припадет к ногам преемников апостола Петра[70]. Надежда на то, что пример рутенов побудит и других православных "выйти из темноты" и присоединиться к унии, выражалась и в речи папского секретаря Сильвио Антониани во время торжественной церемонии 23 декабря 1595 г. в Ватикане[71]. В послании Климента VIII Сигизмунду III от 30 декабря 1595 г. после описания церемонии 23 декабря выражалась надежда, что и другие православные последуют примеру украинско-белорусских епископов[72]. Миссия Александра Комуловича предполагала, что вопрос "об унии Рутенов с Римом" будет поднят и в Москве[73]. По мнению польских иезуитов, уния в Белоруссии должна была проложить дорогу распространению унии и на Москву[74].

То, что все эти высказывания не были случайными обмолвками или беспочвенными мечтаниями, видно из анонимного католического сочинения о русских и рутенах, написанного еще до Брестского собора, в 1595 г. Автор этого небольшого трактата рассуждает о возможности распространить унионное движение из "Рутении" на другие православные страны, прежде всего на Россию и "Грецию", а греков, живущих в славянских странах, использовать как агентов такого сближения[75].

Возвращаясь к трем поставленным в начале статьи задачам, мы можем констатировать, что представления православной стороны о том, на каких условиях должна была быть заключена уния, не были взяты во внимание во время провозглашения унии в декабре 1595 г. Соответственно, судя по известным к сегодняшнему дню источникам, "32 артикула" никакого существенного влияния на характер провозглашенной унии не оказали. Представления об унии, зафиксированные в 32 артикулах, остро противоречили тому, как уния понималась католической стороной. Видимо, именно поэтому артикулы не были приняты во внимание. В целом, как показывают наши источники, католики и православные смотрели на унию с двух кардинально разных точек зрения. Провозглашенная в 1595 г. в Риме уния не была результатом взаимопонимания двух сторон.

[1] Обзоры историографии истории Брестской унии см.: *Lewicki K.* Ksiaze Konstanty Ostrogski a Unja Brzeska 1596 r. Lwow, 1933. S. 7–18 (Archiwum Towarzystwa naukowego we Lwowie. Dzial II. T. XI, zesz. 1) *Гудзяк Б.А.* Західна історіографія і Берестейска уния // Богословия. LIV (1990). С. 123–126; *Mironowicz A.* Podlaskie osrodki i organizacje prawoslawne w XVI i XVII wieku. Bialystok, 1991. S. 10–50; *Полуцкая С.В., Федоров И.О.* Послевоенная белорусская советская историография Брестской церковной унии и современность // Актуальные вопроосы научного атеизма и истории религии. Гродно, 1985. С. 60–66; *Chynczewska-Hennel T.* Unia Brzeska XVII stulecia w polskiej historiografii // Bialoruskie zeszyty Historyczne. Bialystok, 1996. № 2 (6). P. 31–40; *Luzny R.* Poklosie naukowe jubileuszu Unii Brzeskiej: Proba bilansu z perspektywy polskiej // Unia Brzeska: Przeszlosc i terazniejszosc: 1596–1996: Materialy miedzynarodowego sympozium. Krakow, 19–20 listopada 1996. Krakow, 1998. S. 141–152; *Дмитриев М.В.* Историография и нерешенные вопросы генезиса Брестской унии церквей // Историко-филологический вестн. Украинского ин-та. М., 1997. Т. 1. С. 254–259; *Он же.* Между Римом и Царьградом: Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2002. Библиография, относящаяся к истории унии и греко-католической церкви очень полно представлена в трудах И. Патрило: *Патрило И.* Жерела и бібліографія історії української церкви. Рім, 1975–1988. Ч. 1–2; *Патрило І.* Бібліографія до Берестейськоі та Ужгородськоі уній // Analecta OSBM. 1996. [Т.] XV. Из старой историографии фундаментальное значение сохраняют исследования П.Н. Жуковича, К. Левицкого, К. Ходыницкого, О. Халецкого (*Жукович П.Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901; *Lewicki K.* Op. cit.; *Chodynicki K.* Kosciol prawoslawny a Rzeczpospolita Polska: Zarys historyczny: 1370–1632. Warszawa, 1934; *Halecki O.* From Florence to Brest (1439–1596). Hamden, 1968). Из многочисленных новейших публикаций следует выделить книги С.Н. Плохия, Б. Гудзяка и группы московских авторов (*Плохий С.Н.* Папство и Украина: Политика Римской курии на украинских землях в XVI–XVII вв. Киев, 1989; *Gudziak B.A.* Crisis and Reform: The Kyivan Metropolinate, the Patriarchate of Constantinople, and the Genesis of the Union of Brest. Cambridge, 1998 (Harvard Series on Ukrainian Studies); *Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. М., 1996. Ч. 1: Брестская уния 1596 г.: Исторические причины).

[2] См.: *Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом.

[3] На существование в ватиканском архиве "руського" текста обращения указывает Г. Гофманн (*Hofmann G.* Ruthenica: I. Die Wiedervereinigung der Ruthenen mit Rom // Orientalia Christiana. III/2, № 12. December, 1924 – Febrearius, 1925. S. 139).

[4] Ср. интерпретацию О. Халецкого (*Halecki O.* Op. cit. P. 289 ff.).

[5] DUB. № 41. P. 67 ("iakobysmy upewnieni bedac o wierze, Sacramentach i Cerimoniach naszych"):

№ 42. P. 74 ("quo certi de fide, sacramentis et caerimoniis nostris... ad sanctam hanc unionem cum Ecclesia Romana accedamus")

[6] DUB. № 41. P. 67.

[7] DUB. № 49. P. 89 ("poiche hanno già fatta una Sinodo, et di consentimento universali eletti due Vescovi molto qualificativi per oratori a Sua Santita per la sopradetta ridutione").

[8] DUB. № 45. P. 80–81.

[9] DUB. № 45. P. 80.

[10] DUB. № 45. P. 81.

[11] "Quae omnia petita a nobis si obtinuerimus, Sanctitati Vestrae cum omnibus successoribus suis nos et successores nostri dicto audientes, subque regimine Sanctitatis Vestrae semper esse volumus" (DUB. № 45. P. 81).

[12] Ср. интерпретацию Халецкого, который тенденциозно опускает в дословном (!) переводе выражение "omnia petita a nobis" и считает, что в тексте обращения речь идет о требовании сохранить в неприкосновенности именно обряды и церемонии (*Halecki O.* Op. cit. P. 289).

[13] См. подробнее: *Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом.

[14] DUB. № 62. P. 112–113. Копия официального ответа Маласпины на предложения православных была приложена к его донесению в Рим от 4 августа (DUB. № 64. С. 117).

[15] Ничего иного об этом совещании до сих пор не известно.

[16] *Halecki O.* Op. cit. P. 301.

[17] Ibid. P. 300–301.

[18] DUB. № 62. P. 112–113.

[19] АЗР. СПб., 1851. Т. IV: 1588–1632. № 78. С. 109–111; DUB. № 57-59 (латинская, польская и украинско-белорусская копии). P. 97–103.

[20] АЗР. № 75. С. 106; DUB. № 54. P. 96.

[21] DUB. № 63.

[22] Как объяснить это противоречие? Не исключено, что что-то произошло между 30 июля и 2 августа. Может быть, как раз совещание, о котором пишет Маласпина, заставило короля отказаться от собственных обещаний?

[23] См. *Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом.

[24] Ср.: *Halecki O.* Op. cit; *Velykyj A.G.* Alle fonti del cattolicesimo ucraino. P. 66–67; *Ammann A.M.* Der Aufenthalt der ruthenischen Bischofe Hypatius Pociej und Cyrillus Terlecki in Rom im Dezember und Januar 1595–1596 // Orientalia Christiana Periodica. 1945. T. XI. P. 103–140; *Жукович П.Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства. С. 173–176; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5: Период разделения Русской Церкви на две митрополии. История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458–1596) / Под ред. Б.Н. Флори. С. 338–347.

[25] *Дмитриев М.В.* Посольство Ипатия Потия и Кирилла Терлецкого в Рим в 1595–1596 гг. // Славяноведение. 1996. № 2.

[26] DUB. № 149. P. 236. Согласно письму Потия и Терлецкого от 29 декабря, епископы были приняты даже дважды ("bylismy u Jego Swietobliwosci przywitani dwa kroc, listy JK. Mosci i Ichmsciow panow niektorych rad Jego Swietobliwosci oddalismy").

[27] DUB. № 149. P. 236.

[28] DUB. № 126. P. 180; 127. P. 181.

[29] DUB. № 138 ("L'importuna podagra di Nostro Signore ha sospese le deliberationi che si dovevano accelarare secondo l'egigenza de negotij di coteste parti").

[30] DUB. № 143. P. 211–215.

[31] DUB. № 145. P. 217–226.

[32] *Welykyj A.G.* Alle fonti del cattolicesimo ucraino. P. 67. *Halecki O.* Op. cit. P. 301. Note 46.

[33] DUB. № 92, 93.

[34] DUB. № 131, 133, 134.

[35] Ряд мнений об этих отзывах см.: *Halecki O.* Op. cit. P. 322–324; *Hoffman G.* Op. cit. S. 130; *Welykyj A.G.* Alle fonti del cattolicesimo ucraino. P. 72–73.

[36] "il venir nel gremio della Santa Chiesa и atto necessario alla salute; chi chiede per venirvi gratie, et conditioni, non par, che resti pienamente capace per questa necessita, et procuri la riunione per interesse, e per altri commodi, e con speranze di conseguirli" (DUB. № 137. P. 194).

[37] "Nel primo, é necessario che si conformino omninemente con la determinatione della Chiesa Latina, e quanto alla sostanza, et quanto alla forma delle parole, non concernendo questo punto riti o cerimonie, nelle quali sarebbe tolerabile qualche alteratione" (DUB. № 137. P. 194)

[38] DUB. № 137. P. 194–197.

[39] *Thomas a Jesu.* De procuranda salute omnium gentium. Antverpiae, 1613. P. 334–345.

[40] В конституции Климента VIII о заключении унии ("Magnus Dominus...", DUB. № 145) упомянуто обращение епископов от 22 июня 1595 г., но не сказано ни слова об "артикулах", подписанных 11 июня того же года (DUB. P. 219). Равным образом в некоторых из бреве, подписанных 7 февраля 1596 г., упомянуты "письма и мандаты, прошения и предложения"), "litterae et mandata" (DUB. № 175. P. 270) "litterae vestrae", "petitiones et oblationes" (DUB. № 181. P. 278–279), но нет ни единой обмолвки об "артикулах" даже в бреве, адресованном митрополиту Рагозе и православным епископам (DUB. № 181).

[41] DUB. № 27. P. 49: "obedientiae praestandae causa, se per omnia subdentes potestati suae Sanctitatis, et renunciantes suo patriarchae".

[42] DUB. № 94. P. 148.

[43] DUB. № 89.

[44] DUB. № 24.

[45] DUB. № 24. P. 46.

[46] DUB. № 30. P. 51: "nel modo che piu si desidera per la unione et uniformita della Chiesa".

[47] "unirsi in tutto et per tutto con la chiesa romana" (DUB. № 67. P. 119).

[48] "resignati di voler far cio, che li sara ordinato per servitio dell'anime loro, et del grege a loro commesso" (DUB. № 37. P. 59).

[49] DUB. № 99.

[50] Характерно, что в универсале о созыве собора в Бресте Сигизмунд III вынужден был пойти на открытую ложь, говоря о результатах визита Потия и Терлецкого в Рим: "Skad nic nowego, i zbawieniu waszemu przeciwnego, a na konec od ceremonii waszych cerkiewnych zwyklych nic roznego uprzejmosciom i wiernosciom waszym nie przynosza. Ale wedlug dawnej nauki Ojcow swietych greckich, ktorych imiona uprzejmosci i wiernosci wasze wielbicie i dni swiecicie i wszystko wedlug swietych Soborow apostolskich wyrokow wam cale zachowano" (DUB. № 214. P. 310–311).

[51] DUB. № 264. P. 413 (25 января 1597 г.)

[52] "la reconcilatione delli Vescovi Ruteni con la chiesa latina", DUB. № 248. P. 388 (11 декабря 1596 г.).

[53] "soggetatione al Pontifice Romano" (DUB. № 247. P. 387).

[54] "alcuni Vescovi Rhuteni gia scismatici vengono in Roma... a riconescere la Chiesa Apostolica et Romana, et rendere a Sua Beatitudine la debita obedienza" (DUB. № 82. P. 129).

[55] "...propter conversionem vestram ad hanc vestram matrem carissimam sanctam Romanam Ecclesiam", DUB. № 181. P. 278; другие случаи употребления термина "conversio": DUB. № 181. P. 281 (бреве Рагозе); DUB. № 183. P. 284 (бреве Б. Мацеевскому).

[56] "...iidem Episcopi duo catholicae fidei professionem de scripto fecerunt, tam suo quam vestro nomine omnesque haereses, et schismata, et errores detestati sunt, et eos praesertim, qui vos hactenus a Sancta Romana Catholica Ecclesia separarunt" (DUB. № 181. P. 279).

[57] Потий и Терлецкий "litteras vestras nobis reddiderunt, quibus significatis, cupere vos vehementer corpori Christi, quod est Ecclesia Catholica, adglutinari, et ad nostram, et Romanae Ecclesiae communionem admitti, quemadmodum olim miores [так в публикации. – *М.Д.*] vestri in sacra generali synodo Florentina admissi sunt" (DUB. № 181. P. 278–279).

[58] "Quare petitionibus, et oblationibus vestris consideratis, quas iidem Episcopi, et procuratores vestri detulerunt, et omnibus gravi, et prudenti consultatione examinatis, et deliberatis...statuimus vos, et clerum, populumque vestrum intra Ecclesiae Catholicae gremium recipere" (DUB. № 181. P. 279).

[59] Терлецкий и Потий "sanctae huic Apostolicae Sedi perpetuam obedientiam praestiterunt" (DUB. № 181. P. 279).

[60] DUB. № 181. P. 280–281.

[61] См., например: "omnes haereses, et schismata detestati sunt, et fidei catholicae professionem rite fecerunt, et nobis...veram obedientiam praestiterunt" (DUB. № 174, P. 269). См. аналогичные формулировки: DUB. № 171. P. 265–266; DUB. № 172. P. 267; DUB. № 173. P. 268; DUB. № 175. P. 271; DUB. № 176. P. 271–272; DUB. № 178. P. 274 и т.д.

[62] См., например, формулировку в бреве львовскому архиепископу Соликовскому: "ipsos praesentes, quam caeteros, a quibus missi sunt, absentes ad communionem et unitatem Ecclesiae

Catholicae admissimus" (DUB. № 182. P. 282); в бреве великому канцлеру Литовскому Льву Сапеге: "Metropilitanum et Episcopos ruthenos, cum clero, et populo ad commuinionem nostram. et unitatem Ecclesiae Catholicae recepimus" (DUB. № 177. P. 273), и др.

63 "omnes suos et ipsorum errores, haereses et schismata damnaverint" (DUB. № 193. P. 292).

64 "nobisque et Apost. Sedi debitam obedientiam et subiectionem praestiterint et perpetuo praestare promiserint" (DUB. № 193. P. 292).

65 DUB. № 194–196. P. 295, 297, 298.

66 "fidei catholicae professionem fecisse" и " veram obedientiam detulisse" (DUB. № 262).

67 DUB. № 214 (29 мая 1595 г.), 215 (14 июня 1595 г.). P. 310–313.

68 DUB. № 249, 250, 15 декабря 1595 г.

69 DUB. № 29. P. 51.

70 "sub pontificatu Sanctitatis Vestrae totus orbis unanimiter ad pedes eiusdem provolvatur" (DUB. № 89. P. 141).

71 DUB. № 153. P. 241: "l'esempio della loro fede fusse anco per provocare altri della salutare emulatione accioché et essi, scacciatte le tenebre, cercassero la luce, seguitassero l'Unione e pace et fiat unum ovile et unus pastor".

72 DUB. № 154. P. 243.

73 DUB. № 213. Донесение нунция из Варшавы в Рим от 27 мая 1596 г. Другой пример идеи расширения унии на Россию – DUB. № 216. P. 316.

74 *Мараш Я.Н.* Идеологическая экспансия католической церкви в Белоруссии и Литве во второй половине XVI в. // Актуальные вопросы научного атеизма и истории религии. Гродно, 1985. С. 53–54.

75 DUB. № 160.

Walter Leitsch

BEMERKUNGEN ZUM NACHLEBEN DER MOSCOVIA HERBERSTEINS

Es ist äußerst schwierig, über die Wirkung der Moscovia Herbersteins genauere Angaben zu machen. Wir können nur nachweisen, daß Autoren später erschienener Bücher über den Moskauer Staat Herbersteins Text kannten und Teile davon in ihre Werke aufnahmen. Doch darüber, wer den Text bzw. die Texte – also Herberstein direkt oder indirekt – gelesen hat, fehlen die Quellen. Wir wissen, daß Herberstein einigen Personen sein Werk schenkte. Doch haben die Empfänger den Text auch gelesen? Nur gelegentlich finden wir Hinweise. So besuchte Krzysztof Warszewicki, ein bildungsbeflissener junger Mann, der als Page am Kaiserhof lebte, den Autor des bekannten Buches[1], doch lobt er ihn nur als Diplomaten, der wegen seiner Missionen zum Sultan und zum Großfürsten des Moskauer Staates Berühmtheit erlangt habe, doch das Buch Herbersteins erwähnte er nicht, hatte er wohl auch nicht gelesen, denn in der Moscovia gibt es ein großes Kapitel über die Tataren, also über einen Teil des Osmanischen Reiches, und dieses ist der Gegenstand des Buches, in dem Warszewicki Herberstein erwähnte. Ein Nürnberger Bürger kaufte in der Mitte des 16. Jahrhunderts ein Buch über die Moskowiter[2]. Er hatte zu dem Zeitpunkt wohl keine Wahl, es muß das Buch Herbersteins gewesen sein. Gelegentlich wird in Schriften, die nicht direkt unserem Thema gewidmet sind, Herbersteins Werk gelobt[3]. Hoffentlich haben diese Personen den Text auch wirklich gelesen.

Manchmal finden wir bei Historikern unserer Zeit Sammlungen von Zitaten aus der Moscovia, die zeigen sollen, daß Herberstein die Moskauer kritisierte, daß er sie in überheblicher Weise verächtlich machte. Es ist die Unart, auf Andersgeartete herabzublicken, leider weit verbreitet. Eben Herberstein war weitgehend frei von solcher Überheblichkeit, doch eben nicht völlig frei davon. Wer nicht nur negative Zitate sammelt und nicht nur die Moscovia Herbersteins, sondern auch später erschienene Beschreibungen des Moskauer Staates gelesen hat, wird sehr bald den Herbersteinschen Text schätzen lernen. Viele spätere Autoren haben von Herberstein abgeschrieben, doch viele von ihnen konnten nicht so gut wie er vermeiden, sich selbst als besser dadurch hinzustellen, daß sie andere abwerteten. Es wäre gut, wenn die Historiker allgemeine Wertungen nur abgeben, wenn sie die entsprechenden allgemeinen Kenntnisse haben, also das ganze Werk kennen und bewerten, und auch das Umfeld berücksichtigen; das sind in unserem Fall die anderen Werke zum Moskauer Staat aus dem 16. und 17. Jahrhundert.

Einige der harten Äußerungen Herbersteins beziehen sich auf die politische Ordnung, auf die große Machtfülle des Fürsten. Dabei muß man bedenken, daß der österreichische Adelige – und als solcher eher ein Fürstendiener und gewiß kein Rebell – die russischen Adeligen wohl bedauerte, daß sie in ihren Lebensäußerungen durch die große Macht des Fürsten beengt waren, eben mehr beengt waren als er selbst. Dieser Unterschied in der politischen Ordnung bestand, das bezeugen auch viele andere Quellen. Auch mit spitzfindigen terminologischen Spielereien kann man diese Unterschiede nicht gleichsam auslöschen. Wer immer sich mit Reiseberichten beschäftigt, schätzt diese Beschreibungen der Unterschiede. Wären ohnedies alle gleich gewesen, dann hätten sich die Reisenden die Mühe sparen können, Berichte zu schreiben. Nur sollten sie eben vermeiden, die anderen abzuwerten, um sich selbst aufzuwerten.

Ich will ein Beispiel anführen. Ein Zitat aus dem Buch Herbersteins zeigt uns, daß

man seinen Text schon in früheren Jahrhunderten mißbrauchen und verfälschen konnte. Bei der Vorbereitung der Wahl eines neuen Königs von Polen nach dem Tod Stefan Báthorys spielte von Anfang an die Kandidatur des einundzwanzigjährigen schwedischen Kronprinzen Sigismund eine große Rolle, da seine Mutter eine polnische Prinzessin gewesen war. Sein Vater, König Johann III., war nicht sonderlich erbaut von der Perspektive, daß sein Sohn nach Polen gehen werde. Es gefiel ihm auch nicht, daß Sigismund König in zwei Königreichen sein werde, denn wußte er um die Schwierigkeit und den Ärger, den man mit einem Reich hatte. Bei zwei Reichen mußte sich das mehr als verdoppeln. Daß er sich schließlich doch dazu überreden ließ, seinem Sohn zu gestatten, bei der Wahl in Polen zu kandidieren, war vor allem bedingt durch die Angst, die Polen und Litauer könnten den Moskauer Zaren zum König wählen[4]. In ihrer Rede auf dem Wahlreichstag am 15. August 1587 widmeten die Gesandten König Johanns mehr Raum den Argumenten, die gegen die Wahl des Zaren Fedor Ivanovič sprachen, als den Lobpreisungen ihres eigenen Kandidaten. Unter den vielen negativen Äußerungen über die Moskauer finden wir auch folgenden Passus: "Gens Moschoviae, scribit Sigismundus ab Herbenstein in sua historia moschovitica, ceteris omnibus astutior et fallacior esse perhibetur, fluxa inprimis in contractibus fide."[5] Nun gibt es zwar in der Moscovia Herbersteins einige Stellen, die mir nicht gefallen, für die ich mir weniger drastische und schonendere Formulierungen gewünscht hätte, doch diese Stelle gehört eigentlich nicht zu dieser Kategorie. Eine Überprüfung ergab, daß die schwedischen Gesandten nur den ersten Teil dieses Passus zitierten und somit die Bedeutung änderten. Herberstein setzte die Argumentation mit folgenden Worten fort: "Cuius rei ipsi haud ignari, si quando cum externis commercia habent, quo maiorem fidem obtineant, non Moscoviticas se, sed advenas esse simulant."[6] In der Übersetzung Pantaleons lautet die Stelle: "Das volck, so zů Moscauw wonet, solle mitt list unnd betrug die anderen alle weyt übertreffen. Vorab halten sy in dem kauften unnd verkauften nit gůthen glauben. Sy wüssend auch dises an inen selbs wol, deßhalben wan sy mit den außlaendischen handlen woellen, thün sy dergeleichen, als wan sy nit Moscoviten, sonder außlaendische waeren, damit inen dester mehr glauben geben werde."[7] Mit *gens Moscoviae* ist nicht unbedingt populus moscoviticus gemeint, sondern es kann auch bedeuten: "Das volck so zů Moscauw wonet". Bei dem zweiten heiklen Terminus übersetzte Pantaleon nicht korrekt. Mit *advena* ist eine Person gemeint, die von außerhalb der Stadt zugereist ist, nicht aber ein Ausländischer; andererseits muß man bedenken, daß der hier gebrauchte Terminus *externus* sowohl der Auswärtige als auch der Ausländer bedeuten kann. In der Übersetzung von 1557 beginnt der Passus auch ganz richtig mit "Das volckh zu der Mosqua..." Allerdings ist die zweite heikle Stelle nicht gut übersetzt, aber besser als in der Ausgabe des Jahres 1563: "...sunder nennen sich außlender und verlaugnen ihres haimat."[8] Nicht Heimatland, sondern *haimat*! Sie verleugnen nicht ihr Land, sondern ihre Stadt.

Aus dem lateinischen Text und den beiden Übersetzungen ins Deutsche geht wohl nicht klar hervor, ob es sich hier um das Verhalten der Kaufleute der Stadt Moskau handelte oder um die schlechte Moral der Gesamtheit der Bewohner des Moskauer Staates. An einer weiteren Stelle ist allerdings davon die Rede, daß die Moskauer "mercantur fallacissime ac dolosissime" (C S. 58); "sy kauffend mitt grossem list unnd betrug" (E S. 64)[9]. Ein weiterer Beweis dafür, daß nicht die Bewohner des Moskauer Staates, sondern nur die Einwohner der Stadt Moskau gemeint waren, können wir .. einer Stelle in dem Abschnitt entnehmen, der Novgorod gewidmet ist. Von den ursprünglichen Bewohnern dieser Stadt, die vom Großfürsten ausgesiedelt und durch Personen ersetzt wurden, die aus Moskau und Umgebung kamen, weiß Herberstein zu berichten: "Gentem quoque humanissimam ac honestam habebat, sed quae nunc procul dubio peste moscovitica, quam eo commeantes Mosci secum invexerunt, corruptissima est." (C S. 75) In der Übersetzung aus 1563: "Vor zeyten hatt es ein freundtlich und ehrlich

volck, dieweil aber ietz, zumal die Moscoviten dahin kommen und ire verderbte gebreuch mit inen gebracht, ist alle boßheit bey inen angangen" (E S. 83). In der anderen Übersetzung, die unter Aufsicht Herbersteins entstand, finden wir eine mildere Form: "Sol ain eerlichs unnd gar menschlichs volckh daselbsin gewest sein. Es ist aber vermischt worden" (F fol. L 4v.). Das ist nicht wirklich eine Übersetzung der lateinischen Urfassung. Klar ist jedoch, daß die Novgoroder wie die Bewohner der Stadt Moskau gleichermaßen Russen und zu Herbersteins Zeiten Bewohner des Moskauer Staates waren. Gemeint waren in zwei der drei Stellen nicht die Bewohner, sondern die Kaufleute Moskaus. Natürlich konnte Herberstein nicht aus eigener Erfahrung festgestellt haben, wie die Bewohner Novgorods vor dem Jahre 1478 beschaffen waren, denn er kam erst 1486 zur Welt. Er gab also im Grunde nur wieder, was man ihm erzählt hatte. Wie genau wußten seine Gesprächspartner, wie sich die Leute 40 oder 50 Jahre zuvor verhalten hatten. Das sind Fragen, die sich der Historiker, der Quellen dieser Art auswertet, stets stellen muß. Wenn wir auch bedenken, daß durch das Lob der Novgoroder vielleicht nur der Tadel an den Moskauern verstärkt werden sollte, so bleibt doch bestehen, daß die Methoden der Moskauer Kaufleute fragwürdig waren, und die hat Herberstein erlebt, von ihnen hat er Waren gekauft. Doch von ihren Praktiken erfuhr er wohl eher von Gesprächspartnern, die nicht Kaufleute waren, sondern am ehesten Beamte und ausländische Fachleute. Von denen kann man annehmen, daß sie gegenüber den Kaufleuten mißtrauisch waren und das auch nicht verbargen.

Es spricht also einiges dafür, daß Herberstein nicht sagen wollte, daß die gesamte Einwohnerschaft des Moskauer Staates in allen Bevölkerungsschichten *ceteris omnibus astutior et fallacior* war. Auch wollte er nicht sagen, daß die staatstragende Schicht und somit der Staat an sich, Vereinbarungen nicht einhalte. Doch in der spezifischen Situation des Jahres 1587 wollten die schwedischen Gesandten eben das suggerieren. Es ist somit klar, daß sie bewußt oder unbewußt den Text durch Weglassung der wesentlichen Einschränkung verfälschten und daher mißbrauchten. Herberstein hat hingegen fast durchgehend vermieden, negative Pauschalurteile zu fällen. Wer einen Text veröffentlicht also auch Personen zugänglich macht, die er nicht kennt, und die ihn nicht kennen, riskiert stets, daß man seine Motive mißversteht. Er muß auch damit rechnen, daß man seinen Namen durch entstellte Zitate mißbraucht, und zwar auch in der politischen Auseinandersetzung, wie ich das anhand des hier beschriebenen Falles zeigen konnte.

[1] *Boczek B.* Krzysztofa Warszewickiego nauka o państwie i dyplomacji // Studia i Materiały z Dziejów Nauki Polskiej. 1957. Zesz. 5. S. 81–199, hier 83–85; *Ferring R.L.* Christopher Varsevicius: Polish Renaissance Diplomat, Statesman and Political Writer // Polish Review. 1960. Fasc. 5. S. 98–109, hier 100. *Christophorus Varsevicius.* Turcicae Quatuordecim. Cracoviae, 1595. S. 90: "Quo loco non possum non meminisse, quod Herberstainum senem, Turcicis, et Moschoviticis legationibus clarum, apud Cardinalem Osium, tum apud Cæsarem Ferdinandum Pii IIII. Pont. Max. legatum, Viennæ una nobiscum assidentem audivi memorantem; cum eiusdem Ferdinandi legatione apud Solymanum in Budensi expugnatione fungeretur..." Dann erzählt er eine Geschichte, die mit der Moscovia keinen Zusammenhang hat.

[2] Der Bürter hieß Paul Behaim. *Dirlmeier U.* Alltag, materielle Kultur, Lebensgewohnheiten im Spiegel spätmittelalterlicher und frühneuzeitlicher Abrechnungen // Mensch und Objekt im Mittelalter und der frühen Neuzeit: Leben – Alltag – Kultur. Wien, 1990. S. 157–180, hier 167. (Veröffentlichungen des Instituts für Realienkunde des Mittelalters und der frühen Neuzeit. 13. Österreichische Akademie der Wissenschaften Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte 568).

[3] *W[ürtemberg], F[ridericus] A[chillis] d[ucis].* Consultatio de principatu inter provincias Europae. Editio tertia prioribus auctior: opera Thomae Lansii. Tubingae, 1626. S. 44.

[4] Siehe dazu vor allem: *Biaudet H.* Les origines de la candidature de Sigismond Vasa au trône de Pologne en 1587. Helsinki, 1911 (Suomalaisen tiedeakatemian toimituksia sarja B, nid. 2, 10. Etudes Romaines 1).

[5] *Mayer E.* Des Olmützer Bischofes Stanislaus Pawłowski Gesandtschaftsreisen nach Polen, aus Anlass der Königswahl nach dem Ableben Stefan I. (1587–1598): Nach den handschriftlichen Quellen des k.

k. geh. Haus-, Hof-, und Staats-Archivs zu Wien und des Olmützer fürsterzbischöflichen Archivs zu Kremsier. Kremsier, 1861. S. 350–363, hier 360. Die Verballhornung des Namens ist eher hamols, wenn wir bedenken, daß der Reichsvizekanzler Hans Ludwig von Ulm den Namen sogar zu Germenstain verunstaltete. Siehe: *Leitsch W.* Moscau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhundert. Graz; Köln, 1960. S. 263. I. Teil: 1604–1654 (Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas. Veröffentlichungen des Instituts für osteuropäische Geschichte und Südostforschung der Universität Wien [Bd.] 4).

[6] Rerum moscoviticarum commentarii Sigismundi liberi baronis... Basel, 1556. S. 64. (Im folgenden: C).

[7] Moscoviter wunderbare Historien... erstlich durch... Sigmunden freyherren żu Herberstein... zů latein beschriben, jetz... durch Heinrich Pantaleon... verteütschet. Basel, 1563. S. 70. (Im Folgenden: E).

[8] Moscovia der hauptstat in Reissen durch herrn Sigmunden Freyherrn zu Herberstain... zusammengetragen... Wien, 1557. Fol. K 3r. (Im folgenden: F).

[9] "Sy khauffen lisstigelich und betrieglich". Fol. F I 4v.

Inge Auerbach

LEBENDE TIERE ALS FÜRSTLICHE GESCHENKE IM 16. UND 17. JAHRHUNDERT

Luxusgüter, speziell die exquisitesten, überschreiten Grenzen nicht nur als Handelsware, sondern auch als Geschenke. Wir befassen uns hier also mit einem Sonderfall der Wirtschaftsgeschichte, der Geschichte des Handels über Kulturgrenzen hinweg, die für uns erkennbar werden, wenn wir uns mit den unterschiedlichen Gattungen fürstlicher Geschenke befassen, die ein Hof an den anderen versandte.

Was nicht verderblich ist, findet sich heute häufig als Kunstgegenstand in fürstlichen Schatzkammern, man denke, da wir uns hier mit Rußland befassen wollen, etwa an das Schatzgewölbe der Zaren im Kreml mit seinem berühmten Silber aus Augsburg, an Kunstuhren, Spielautomaten in der Schatzkammer des Sultans, Prunkwaffen und -rüstungen, Edelsteine, Münzen und Medaillen in allen Schatzgewölben[1]. Verschenkt wurden ausschließlich Spitzenprodukte des in der Regel heimischen Handwerks, gelegentlich auch kostbare Importe wie englisches Tuch[2]. Das europäische Porzellan, eine der Zierden aller fürstlichen Sammlungen, war noch nicht erfunden. Stoffe[3], Gobelins, Teppiche und Möbel waren eigentlich Gebrauchsgegenstände, finden sich heute nur noch in Resten in Museen und bereiten diesen Konservierungsproblem, da Gewebe zerfallen. Das Standardgeschenk aller russischen Gesandtschaften in den Westen und nach Süden, Pelze, speziell Zobel, ist durch den Gebrauch zerschlissen, aber die Pelze werden in den Quellen jedesmal erwähnt und in ihrem Umfang und Arten detailliert aufgezählt[4]. Der Wein aus dem Westen ist längst getrunken, Wildpret und Fische, der Kaviar oder Trockenfisch verspeist. Exotische Tiere und Pflanzen mögen Freude bereitet haben, solange sie lebten. Pflanzen bereicherten auf Dauer den Küchenzettel oder die Gartenanlagen des Empfängerlandes, wenn sie dem Klima gewachsen waren. Lebende Tiere dürften genetische Spuren in den heutigen Haustierrassen hinterlassen haben, wenn es sich um importierte Rassen handelte, die den Höfen zu eigenen Zwecken als nützlich erschienen.

Der Schenker gab nicht alles an jeden. Es gab Tabus. Ikonen und Reliquien konnte man an Ungläubige nicht verschenken, nur an Personen des eigenen Bekenntnisstandes, die man im Glauben stärken wollte und wo man sicher war, daß die Geschenke in die rechten Hände gerieten. Es scheint also kein Zufall, denkt man an die notwendige Händewaschung der Russen nach Kontakten mit Andersgläubigen, daß nur die Zarentochter Elena, nach Litauen verheiratet und orthodox geblieben, von ihren Eltern mit solchen Kultgegenständen bedacht wurde[5]. Protestanten, Mohammedaner standen natürlich völlig außerhalb des Empfängerkreises solcher Geschenke. Und Geschenke konnten und sollten beleidigen. Etwa die von Sigismund II. August an Ivan IV. gesandte große weiße Mähre als Ersatz für die erbetene königliche Braut, die Schwester des Jagiellonen[6].

Die Interessen des Beschenkten waren unterschiedlich, auch abhängig von Moden, die der Schenker nicht immer genau abschätzen konnte. Tierparks mit möglichst exotischen Tieren waren im Westen seit der Renaissance geschätztes Attribut fürstlicher Hofhaltung[7], Russen interessierten sich dafür möglicherweise erst seit der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts[8]. Aber man wußte in Moscovien über Kunstgegenstände und Drucke von der Existenz solcher Tiere[9]. Elefanten, Affen, Kamele[10], wohl aber das Wappentier des Löwen[11], sind aus dem Westen offenbar nicht nach Moscovien verschenkt worden, unter europäischen Fürstenhausern kamen solche Geschenke vor. Es

gab daneben Wildparks, in denen gejagt wurde. Diese bestückte man mit z. T. in Mitteleuropa inzwischen heimisch gewordenem Wild wie Damhirschen, Fasanen, und man freute sich, wenn Bären, Gemsen, Rentiere, Elche, Wildschweine, Auerhähne und Reiher hinzukamen. Ein Elch aus der Gegend von Kazan' mag sogar den Weg nach England, in einen der dortigen Tiergärten, gefunden haben[12]. Selbst für die Fischteiche beschenkten sich westliche Höfe untereinander mit Fischen. Transport- und Ernährungsprobleme mögen für die Geschenkgrenze solcher Tiere, die dann im Falle von Hunden auch mit Kulturgrenzen zwischen dem katholisch geprägten Westen und dem orthodoxen Moscovien oder dem Osmanischen Reich, zusammenfiel, eine Rolle gespielt haben. Etwa auf den Transport und die Verpflegung von Elefanten wären die Russen als Gastgeber, die die Gesandtschaften zu verpflegen und unterzubringen hatten, nicht eingerichtet gewesen. In Adelsgesellschaften mochten Bücher, Karten, Drucke, Bilder ihre Liebhaber unter den Herrschern finden[13], sicherer waren Jagdgeschenke. (Ivan IV. soll sich übrigens nicht besonders für die Jagd interessiert haben[14]). Beides zielte normalerweise ab auf das Gewinnen der persönlichen Sympathie des Beschenkten durch den Schenker, die Pflege des Verhandlungsklimas zu anderen Themen.

Das beliebteste Geschenk von Fürsten untereinander waren Pferde, darunter Zelter. Spitzentiere kamen in die Zucht[15], und man kann vom Hof in Kassel aus, einem zentralen Punkt in Mitteleuropa, "Handelsströme" unter den Fürstenhäusern mit Pferden festmachen.

Die erwähnten Zelter, Paßgänger, daher häufig Damenpferde oder auch bei Geistlichen, Gebrechlichen oder Verletzten brauchbar[16], waren bis nach Moscovien hinein, beliebtes fürstliches Geschenk[17]. Die hessischen Zelter kamen vor allem aus Holstein[18], aber auch aus anderen protestantischen Fürstenhäusern. Aber gewisse Beziehungen zum osteuropäischen Pferdehandel lassen sich wegen eines Geschenks aus dem schlesischen Liegnitz nicht ganz ausschließen. Maulesel und Maultiere waren als Geschenk relativ selten.

Bei den Reitpferden ist zu bedenken, daß wegen der anders als in Osteuropa damals üblichen schweren Rüstungen und z. T. sehr übergewichtigen Reiter keine eleganten, leichten Pferde des kaukasisch-arabischen Typs sondern eher massive Rassen notwending waren[19].

Bei der Durchreise Heinrichs III. nach Polen hatten der hessische Landgraf Wilhelm IV. und der künftige polnische König vereinbart, künftig Pferde auszutauschen und eine gemeinsame Zucht von Reitpferden aufzubauen[20]. Grundlage sollten spanisch-neapolitanische Pferde oder englische sein[21], die das Haus Hessen aus Frankreich bezog, und polnische. Hessen seinerseits wollte jährlich friesische Pferde (vermutlich die unten erwähnten Oldenburger), wohl als Kutschpferde, an den Pariser Hof liefern. Aus der geplanten Einkreuzung von polnischen Pferden, die nur schwer zu bekommen waren, wurde nichts. Heinrich III. blieb zu kurz in Polen[22].

Zumindest kurzfristig hat jedoch eine Kooperation in der Zucht spanischer Reitpferde zwischen dem französischen Hof und Hessen-Kassel stattgefunden, durch die auf privater, fürstlicher Ebene die gemeinsame Religionspolitik im Deutschen Reich untermauert werden sollte. Aus dem lutherischen, aber mit Hessen erbverbrüderten Kursachsen hat Wilhelm später Stuten zum Geschenk bekommen[23], die ihm ebenfalls beim Aufbau einer eigenen Zucht im spanischen Stil helfen sollten. Es fehlte ihm 1590 ein guter spanischer oder neapolitanischer Hengst, den er schließlich, nach vergeblichen Versuchen beim protetantischen Haus Anhalt, aus dem katholischen Bayern über Fürsprache des diesem nahe verwandten protestantischen Pfalzgrafen Philipp Ludwig zu erhalten hoffte[24]. Es fällt auf, daß das Haus Habsburg als direkter Lieferant spanischer Pferde ausfiel, daß man sich für den Erwerb der spanischen und neapolitanischen Pferde an mit dem Haus Habsburg befreundete deutsche Fürsten hielt, vornehmlich an das zwar

protestantische, aber kaiser- bzw. reichstreue Kursachsen oder zunächst an Glaubensgenossen und nur im Ausnahme- und Notfall an das katholische Bayern[25]. Seinen Verbündeten machte der Kaiser Pferdegeschenke, den protestantischen Fürsten im deutschen Reich nicht. Die spanischen Pferde waren offenbar nicht auf dem Pferdemarkt zu erhalten, sondern wurden als Luxusgegenstand auf fürstlicher Ebene nur verschenkt oder vertauscht[26]. Kassel sollte mit diesen aushelfen, wenn es um die Pflege guter Beziehungen fremder Häuser zu anderen Protestanten ging[27]. Kleinere protestantische Fürsten wandten sich dann, da die hessische Zucht um die Wende zum 17. Jahrhundert offensichtlich einen guten Namen hatte nach Kassel, wenn sie ein ansehnliches Reitpferd benötigten, das es mit denen der Katholiken aufnehmen konnte[28]. Auf wertneutralem, unideologischem Felde, dem der alle Adelsgesellschaften interessierenden der Pferdezucht, stehen wir hier vor einem deutlichen Indiz für die gesellschaftliche Spaltung, die die Reformation vor dem Dreißigjährigen Krieg unter den Reichsständen bewirkt hat. Die Tendenz zur Entwicklung von einander unabhängiger katholisch- bzw. kaisertreuer und protestantischer Reitpfderdezucht unterliefen nur einzelne geistliche Herren. Den Bischof Johann von Münster verband seine Jagdleidenschaft mit dem Kasseler Landgrafen Wilhelm IV. Sie tauschten Pferde, beschenkten sich gegenseitig mit Wildpret und lebenden Puten, und der Münsteraner suchte beim Protestanten Unterstützung bei der Einrichtung einer Jagd von Krammetsvögeln[29]. Nicht alle an die Landgrafen geschenkten Leibpferde aus anderen deutschen Fürstenhäusern werden in die Zucht gegangen sein. Aber es gab aber um die Wende zum 17. Jahrhundert sicher noch andere Blutlinien als die französischen und kursächsischen, die die landgräflich-hessische Pferdezucht von Reitpferden beeinflußt haben werden[30]. Der Austausch von Pferdegeschenken konzentrierte also für Hessen auf den deutschen Raum, auch hier mit bestimmten, politisch motivierten Schwerpunkten, und auf bestimmte Rassen. Oldenburger, noch rohe oder ausgebildete, bezogen die Landgrafen in erheblichem Umfang entweder von den dortigen lokalen Pferdemärkten[31] oder aus dem Gestüt des Fürstenhauses selbst. Es handelt sich hier offenbar um Kutschpferde. Dänische Pferde, gelbe, schwarze und weiße vermittelte Holstein nach Kassel – diese sollen übrigens moglichst zu Wasser transportiert werden-, und in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts verschenkte der König von Dänemark neben Falken sechs Blauschimmel als Kutschpferde sowie zwei Hengste für das Gestüt an die Landgräfin Hedwig Sophie[32]. Die Pfalz erhielt 1612 aus Hessen-Kassel 6 leichtbraune Hengste[33]. Hier soll die politische Solidarität protestantischer Mächte ausdrücklich durch Tiergeschenke befestigt werden[34].

Polnische Pferde galten als nervös eigenwillig und schwierig zu erziehen. Aber als Geschenk von einem anderen deutschen Hof, aus Nassau-Weilburg, waren sie den hessischen Landgrafen durchaus willkommen[35]. Man brauchte Pferde arabischen Typs aber zu Ritterspielen[36]. Es gab also einen gewissen Pferdehandel mit polnischen Pferden nach Westen – oder fürstliche Geschenke dorthin.

Moscovien war in diese spezielle Form des Pferdehandels, das fürstliche Geschenk, durchaus integriert. Pferde galten dort wohl als eine Art von heiligem Tier, kamen sie doch nach der Wasserweihe an die Tränke aus dem geweihten Wasser[37]. Pferdegeschenke würden also gut aufgenommen werden. Hier hört man allerdings nichts Eindeutiges von den wertvollen spanischen Tieren, die das Haus Habsburg in der Familie der Könige zu verschenken pflegte. Die Höflichkeitsgeschenke der Habsburger nach Moskau und umgekehrt bestanden in der Regel aus Sachen, unter Boris Godunov fand jedoch in Prag am Kaiserhof u.a. ein Austausch von russischen weißen Falken gegen gute deutsche Pferde statt[38]. Bei den nicht genauer definierten Pferdegeschenken der Könige von Polen und Großfürsten von Litauen mag es sich – wegen der engen familiären Beziehungen aller Jagiellonen zum Haus Habsburg – durchaus auch um Vertreter solcher

Rassen gehandelt haben[39]. Die relativ leichte Bewaffnung der Russen setzte allerdings schwere Pferde nicht voraus. Es wäre nur eine Prestigefrage gewesen, spanische Pferde zu halten. Dennoch, Pferdegeschenke sind in den Quellen selten zu fassen. Ivans IV. Adel ritt bei repräsentativen Gelegenheiten auf türkischen und venezianischen (Iennets?) Pferden[40]. Von vier ungarischen bzw. türkischen Pferden als Geschenk an Boris Godunov 1600 berichtet Massa[41]. Der polnische König hat bekanntlich Pferde an Ivan IV. verschenken wollen, die dieser als Zeichen seiner Ungnade noch vor den Augen der Gesandten in Stücke hauen ließ[42]. Dem ersten falschen Demetrius wurden durch eine polnische Gesandtschaft neben einer Kette und einem Becher auch Pferde, ungenannter Rasse und Zahl, verehrt[43].

Die orientalischen Pferde (Argamak) im Stall des Großfürsten von Moskau erregten Herbersteins Aufmerksamkeit[44]. Argamaki, türkische Pferde mit arabischem Blut, sind elegante hochgewachsene Tiere mit relativ dunnem Schwanzhaar und dünner Mähne und feinem Fell. Als Mangel kann man allein ihre Neigung zu aufgerittenem Rücken bezeichnen, der sie für lange Märsche wenig geeignet macht[45]. Argamaki, im Westen eine Rarität, waren in Ostmitteleuropa und im Orient ein verbreitetes fürstliches Geschenk. Persien exportierte Argamaks auch nach Buchara, und diese gingen selbst als Tribut nach China[46]. Sie wurden über Kaufleute aus dem Mittleren Osten und Kaukasusgebiet auch direkt nach Moscovien importiert[47]. Argamaki kamen wie Wallache aus Moscovien dann auch nach Litauen. Vom zahlenmäßig geringen Umfang dieses Pferdehandels vermittelt die Gesandtschaft von 1571 einen Eindruck, insgesamt wurden 75 Argamaki und 2 Wallache mitgebracht[48]. Argamaki gelangten wohl hauptsächlich über die Moldau nach Polen[49]. Polnische Pferde waren ihrerseits auch Bestandteil der Importe nach Moscovien[50]. Einige von ihnen, durch den Zaren beschlagnahmte[51], waren offenbar im Marstall der Zemščina gelandet[52]. Prachtexemplare werden auch hier fürstliche Geschenke aus Mittelasien gewesen sein. Hier fehlen mir Quellen. Die eindrucksvollen orientalischen Pferde des Zaren dienten bei offiziellen Anlässen offenbar ebenso der Repräsentation wie die an die großen ausgeliehenen Prunkgewänder am Zarenhof[53]. Der potentielle Bräutigam der Tochter des Boris Godunov, ein Dänenprinz, wurde bei seiner Ankunft in Moskau natürlich mit einem Argamak beschenkt[54]. Der Kaiser wurde jedoch russischerseits normalerweise nicht mit einem Argamak bedacht, sondern mit den leichter transportierbaren Pelzen. Wie oben versucht, läßt sich aus den Quellen belegen, welche Pferderassen in Mitteleuropa besonders beliebt waren, wer an wen Pferde verschenkte oder bei wem man Pferde bestellte, offenbar nicht nur zum Gebrauch, sondern auch zur Weiterzucht. Die kleinen, zähen Pferde des russischen Adels hatten Herberstein nicht imponiert[55]. Orientalische Pferde, etwa in den Türkenkriegen erbeutete, haben sicher in der mitteleuropäischen Zucht stets eine gewissen Rolle gespielt, waren aber in den Fürstenhäusern zunächst nur begrenzt einsatzfähig, bei leichten Reitern, auf Turnieren zur Darstellung von Türken. Der Zar hätte also mit Pferden nur Geschenke gemacht, die an den Pelzen gemessen, wenig Aufsehen erregten und schwierig zu transportieren waren. England stand um die Wende vom im 16./17. Jahrhundert, vor dem Einsetzen der Zucht eleganterer Reitpferde, noch am Rande des Geschehens[56]. Dies änderte sich gegen Ende des 17. Jahrhunderts schlagartig, weil die Reiter und deren Ausrüstung leichter wurden. Dann begannen die Franzosen und deutsche Fürsten in England so massiv Pferde einzukaufen, daß der Markt wie leer gefegt schien und der Pferdekauf problematisch wurde. Es geht hier um leichtere, zu Rennen und zur Jagd taugliche Rassen. Allerdings, die in bei englischen Pferden damals üblichen relativ schweren Köpfe finden bei den Kasseler Einkäufern keinen Anklang, die nach einem Hengst für die eigene Zucht suchen sollen[57]. Erst jetzt wäre die Zeit für den Argamak gekommen gewesen.

Englands älterer Exportartikel seit dem 16. Jahrhundert *par excellence* waren Hunde[58]. Ein Geschenk von Bulldoggen und eines geschmückten schwarz gefleckten

englischen Stieres an Boris Godunov gehören in diese Tradition des englischen Exporthandels. Das größere Aufsehen dürften allerdings die zwei Löwen im Käfig erregt haben. 5000 Neugierige sollen dem Aufzug gefolgt sein[59]. Das Hundegeschenk barg allerdings speziell nach Rußland das Risiko in sich, daß die englische Königin hier einen *faux pas* beging. Herberstein hatte ausdrücklich darauf hingewiesen, daß Hunde als unreine Tiere galten[60], und dies ging in Moscovien weiter als selbst im Islam. Die Ausnahme von der Regel waren die Windhunde der Araber: Selbst die "Kurzen", die Herberstein auf der Hasenjagd erwähnt, langharige Windhunde[61], möglicherweise die Vorfahren des heutigen ukrainischen Chortaj mit langem Fell im Winter und kurzem im Sommer, dann Verwandte des Chart Polski und des modernen Barsoj, galten jedenfalls als so unrein, daß man sich beim kaiserlichen Gesandten für deren Einsatz entschuldigte. Englische Bulldoggen, damals noch kleiner als die modernen, wurden tatsächlich zum Stierkampf verwendet. Vielleicht hatte der mitgebrachte Stier keinen anderen Zweck, als die Moskoviter mit diesem englischen Sport bekannt zu machen. Oder kamen sie später in den Bärenkämpfen des russischen Hofes zum Einsatz? Davon berichten alle Ausländer als Sensation. Es handelte sich um den Kampf eines einzelnen Mannes, nur mit einem Spieß bewaffnet, gegen den Bären[62]. Auch dort aber kamen Hunde ins Spiel, denn die bissigsten und besten Hunde ließ der polnische Zar, der 1. falsche Demetrius, zu diesem Vergnügen im ganzen Land sammeln[63]. Daraus muß man aber wohl schließen, daß es sich hier beim Bärenkampf, anders als beim "Kurzen" um keine spezielle Rassen gehandelt hat. Demetrius ließ sich übrigen aus Polen einen "sehr schönen, großen" Hund schenken. War dies ein Jagdhund westlicher, polnischer oder englischer Rasse[64]? Als Gegengeschenk des Boris Godunov kamen aber auch russische Hunde an den Hof der Königin Elisabeth[65]. Waren dies die ersten russischen Windhunde, die in den Westen exportiert wurden? Mitglieder der englischen Kompanie hielten sich nämlich neben Bären auch Hunde. Dies mögen reine Familienhunde gewesen sein[66], wahrscheinlicher, nach dem Zusammenhang zu urteilen, wohl Jagdhunde, da der adlige Lebenstil der Kaufleute in Moscovien aus der Heimat gerugt wurde, also vielleicht wieder die "Kurzen"[67].

Die Jagd der russischen Zaren wird mehrfach geschildert. Es handelt sich um eine Art von "Diplomatenjagd" in einem eingefriedeten Bezirk um die Hauptstadt, in dem das Jagdrecht ausschließlich dem Herrscher vorbehalten worden war[68]. Aus westlicher Sicht war dies nichts Besonderes, denn einer der ständigen Streitpunkte zwischen Adel und Bauern war das Jagdrecht[69] neben den von Wild und den adligen Jagdgesellschaften verursachten Flurschäden. Auch dieser Konflikt wurde im deutschen Bauernkrieg ausgetragen und in der Regel die Jagd für den Adel reserviert[70]. Leidtragende waren die Hunde der Bauern. Hessen schrieb vor, diese müßten durch ein Holz oder schwere Ketten an den Läufen am Rennen gehindert werden, um das Jagen von Wild zu unterbinden[71]. Um große Strecken zu erzielen, ließ man in Rußland vor der Jagd erst Hasen, Wölfe, Füchse oder Bären frei[72], diese lebten also nicht alle natürlich im umhegten Jagdrevier. Die Hasen wurden von Hunden gehetzt[73], und zwar in Netze[74], und dann abgetan. Solche erlegten Hasen waren wie im Westen Höflichkeitsgeschenke des Zaren, etwa an Diplomaten, für deren Tisch[75]. Ähnlich verlief die Jagd zu Pferd auf Wölfe, Elche oder Hirsche[76]. Die Fuchsjagd war ebenfalls Sport der Zaren, über deren Ablauf weiß man nichts (Baujagd ?). Vermutlich war dies jedoch das Einsatzfeld der erwähnten russischen Windhunde.

Die Falkenjagd auf Reiher, Schwäne, also größere Vögel, aus klimatischen Gründen nicht auf Fasanen, Rebhühner, setzt zum Aufstöbern des Wildes Stöber- oder Vorstehhunde voraus, über die wir nicht mehr wissen, als Herberstein berichtet: Der Großfürst besitze unterschiedliche Arten von Hunden[77].

Die Falknerei des Großfürsten hingegen hat Herberstein wegen der dort herrschenden Artenvielfalt tief beeindruckt[78]. Dort gab es unter den Jagdfalken unterschiedliche

Gattungen, darunter die im Westen so begehrten weißen Jagdfalken, die man dort nur unter Schwierigkeiten über Dänemark aus Island oder aus Schweden beziehen konnte[79]. Falken waren überall begehrte fürstliche Geschenke. In seltenen Fällen beteiligte sich der Hof in Moskau an dieser gesamteuropäischen Tradition. Elena, die Tochter Ivans III., bekam von ihren Eltern einen Falken nach Litauen geschenkt[80], und der Sultan in Konstantinopel wurde mit einem Falken beglückt[81], obwohl die mit der Gesandtschaft verbundene diplomatische Mission scheiterte, und vielleicht zum Scheitern verurteilt war. Falkenjagd war nämlich eine der beliebtesten Freizeitbeschäftigungen auch islamischer Herrscher und Edler, und man weiß, daß vor unserer Zeit auch Falken aus Rußland nach Shirvan zum Shah gesandt worden waren[82]. Der König von Polen wünschte wirklich rote Falken. Ein Diplomatengeschenk des Zaren ging an den Spender zurück, es handele sich nicht um korrekt gefärbte und um kranke Tiere, und dies war natürlich ein Ausdruck von Ungnade[83]. Zwar erhielt der Kaiser weiße russische Falken[84], ins Innere Deutschlands scheinen russische Falken aber nicht gelangt zu sein[85]. Boris Godunov ließ eine Auswahl an seinen eigenen Beständen an Greifvögeln, darunter auch zwei weißen Falken an die englische Königin abgehen, die deren Gefallen fanden[86]. Merkwürdigerweise in einer Verpflegungsliste der englischen Kaufleute finden sich als Geschenk des Zaren an diese neben 2 Kranichen, 2 Schwänen, drei jungen Bären auch 4 Falken[87]. Man weiß wegen einer Rüge, daß sich die englischen Kaufleute in eine Art von Tierpark eingerichtet hatten, der Bären und anderes Getier enthielt[88].

Der Austausch von Geschenken hatte im diplomatischen Protokoll mit Moscvien seinen festen Platz: Im diplomatischen Verkehr wurden nach dem Austauschen von Höflichkeiten und von Urkunden Geschenke in der Regel beim ersten Empfang auswärtiger Gesandterdurch den Großfürsten/Zaren/Sultan/Kaiser/König durch die Vertreter der auswärtigen Macht, und zwar von jedem der Sprecher einzeln, gleichsam als dessen persönliche Ehrengabe, überreicht[89]. Der empfangende westliche Hof entließ dann die fremden Diplomaten mit Geschenken oder gab die aus Moscovien mitgebrachten Ehrengaben mit einer Zugabe zurück, sofern die Verhandlungen zu beiderseitiger Zufriedenheit abgelaufen waren[90]. Alle diese Gaben zog der Großfürst oder Zar von seinen Gesandten ein, wie Herberstein berichtet[91]. Über ein solches zweites Geschenk seitens des Zaren schweigen trotz Herberstein übrigens die moskovitischen Quellen des 16. Jahrhunderts[92].

Lebende Tiere waren jedenfalls für den Schenker damals wie heute gute Werbeträger.

[1] Thomas Randolph überreichte Ivan IV. 1568 einen Silberbecher, gefüllt mit Kostbarkeiten. Vgl: Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson / Ed. E.D. Morgan, C.H. Coote // The Hakluyt Society. Early Voyages and Travels to Russia and Persia. Ser. 1. 1886. Bd. 2. № LXXIII. S. 242, 249. (Reprint: N.Y., O.D.), zu den Grundsätzen auch: Die Instruktion für Jenkinson im Hinblick auf die Geschenke an auswärtige Herrscher von 1561, zu Sachgeschenken vgl. auch: Ibid. Bd. 1. S. 114, 122. (Im Folgenden für die gesamte Edition: *Jenkinson*). Elisabeths Gegengeschenk für Boris Godunov waren Silbergefäße, Статейный список Г.И. Микулина, 1600 г. (*Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. / Публ. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1954. С. 204). Vgl. auch zur englischen Gesandtschaft von 1583, die vor allem Geschirr mitgebracht haben sol: *Горсей Дж.* Записки о России: XVI – начало XVII в. / Отв. ред. В.Л. Янин; пер. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 82.

[2] Zu einem englischen Gesandtengeschenk der Königin Elisabeth an Boris Godunov bestehend aus einem Bett, Bechern mit Kostbarkeiten oder Parfum als Inhalt und Tuchen, vgl.: *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Публ. А.А. Морозова. М.; Л., 1937. С. 58. Die regelmäßigen Geschenke Polen-Litauens an das Chanat der Krim bestanden fast ausschließlich aus englischen Tuchen, auch nach Persien exportierten die englischen Kaufleute vor allem Tuch. Vgl. etwa die Geschenkeliste für die Krim: Книга посольская метрики Великого княжества Литовского / Публ. М. Оболенского, И. Даниловича. М., 1843. Т. 1. № 193. С. 313 ff.

[3] Neben Bildern der kgl. Familie bedachten der Hof von Versailles die russische Gesandtschaft vor allem mit wertvollen Stoffen, Teppichen und Uhren und Waffen, aber auch mit 12 Stühlen. Статейный список П.И. Потемкина // Путешествия русских послов... С. 297. Hier kam es noch zum privaten Austausch von Geschenken mit dem französischen Unterkämmerer, der sich um die Gesandtschaft verdient gemacht hatte. Orientalische Stoffe verschenkte der König von Mingrelien Levontij, vgl.: Статейный список Ф. Ельчина (1639/40) // Там же. С. 224.

[4] Elisabeth v. England erhielt Zobelfelle und zwar jeweils einzeln von den beiden Gesandten und vom Dolmetscher. Vgl.: Статейный список Ф.А. Писемского (1582–1583) // Путешествия русских послов... С. 116; Статейный список Г.И. Микулина, 1600 г. // Там же. С. 167. Hier überreicht nur der Gesandte die Zobel, und zwar ungewöhnlich, vor dem Austausch von Höflichkeiten und der Überreichung der Urkunde. Auch der französische König und dessen Sohn erhielten Zobel, einen schwarzen Fuchs und 3 Hermelinfelle neben Prunkwaffen, und türkischen Röcken und Schmuck. Статейный список П.И. Потемкина (1667) // Там же. С. 257.

[5] 1506 ließ Vasilij III. seiner Schwester ein Kreuz mit Reliquien zustellen. Vgl.: Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / Под ред. С.О. Шмидта и Б.Н. Морозова. М., 1997. Т. 2. С. 98.

[6] *Carr F.* Ivan the Terrible. Newton Abbot; London; Totowa (N. J.), 1981. P. 101.

[7] Zu den Tierparks der Habsburger in Wien und Prag unter Ferdinand I., Maximilian II. und Rudolf II. kurz: *Fučikova E.* Die Prager Residenz unter Rudolf II, seinen Vorgängern und Nachfolgern // Rudolf II. und Prag: Ausstellungskatalog Prag etc., 1997. S. 12 f., 54; auch: *Simons M.* Ferdinand I., König von Böhmen, sein Sohn Erzherzog Ferdinand II. und der Prager Königshof in den Jahren 1527–1567 // Ibid. S. 83; vor allem: *Hendrix L.* Naturhistorische Abbildungen am Hofe Rudolfs II. // Ibid. S. 158 f. Übrigens folgten auch kleine Höfe der Mode, etwa im hessischen Raum. Zu einem 1654 geplanten Tierpark des Landgrafen Friedrich aus einer Nebenlinie des Hauses Hessen in Falkenberg, vgl.: *Löwenstein U.* Ein Drittel vom Viertel – Hessen-Eschwege in der Quart // Zeitschrift für hessische Geschichte und Landeskunde. 1989. Bd. 94. S. 113. Nach Staatsarchiv Marburg, Best. 4 a. Landgräfl. Personalia. № 49, 6. Zum Tiergarten der Grafen von Solms-Laubach, 1607/1608, vgl.: Best. 4 f Solms-Lich zu Laubach. № 73, 77. Für diesen verschenkt Landgraf Moritz v. Hessen heimisches Wild aus dem Marburger Forst. Ein an den Landgrafen Wilhelm IV. 1571 aus Anhalt-Zerbst-Dessau geschenkter lebender Bieber mag ebenfalls in einem Tierpark weiter gepflegt worden sein oder er diente zur Blutaufrischung frei lebender heimischer Bieber. Jedenfalls hoffte man auf dessen Weiterleben (Best. 4 f Anhalt-Zerbst. № 4). Alle Signaturen beziehen sich im Folgenden auf Akten des Hessischens Staatsarchivs Marburg.

[8] Путешествия русских послов... С. 333, zum Bericht des Vasilij Ličačev von 1569. Potemkin besichtigt übrigens den Tiergarten des französischen Königs, vgl.: Статейный список П.И. Потемкина // Путешествия русских послов... С. 315.

[9] Zu einem Geschenk der Hanse aus Lübeck von Trinkgefäßen aus vergoldetem Silber in Tiergestalt, darunter auch einem Läöwen, einem Elefanten und einem Nashorn, vgl.: *Масса И.* Указ. соч. С. 70.

[10] Kamele kannten die Moscoviter wohl längst durch ihren Handel nach Persien und Mittelasien. Sie wurden am Südufer des Kaspischen Meers zum Warentransport eingesetzt. Vgl.: A Compendious and Briefe Declaration of the Journey of M. Anthonie Jenkinson (*Jenkinson.* Bd. 1. S. 149 ff.), auch: Another letter of the said Master Arthur Edwards, 1566, April 26 (Ibid. Bd. 2. S. 384).

[11] Horsey zu dessen Mission von 1585 vgl.: *Горсей Дж.* Записки о России XVI – начала XVII в. С. 103.

[12] Anthony Jenkinson an Sir W. Cecil über dessen Einschiffung, 1566, Juni 26 (*Jenkinson.* Bd. 2. S. 188).

[13] Zu den durch Rudolf II. geförderten enzyklopädischen Darstellungen auch der Tierwelt, vgl.: *Hendrix L.* Op. cit. Vor allem S. 157 ff. mit weiterer Literatur.

[14] The Voyage wherein Ossep Napea, the Moscovite Ambassador, Returned Home into his Country... and a Large Description of the Manners of the Country (*Jenkinson.* Bd. 2. S. 368).

[15] Diese wurden nicht auf ihre Tauglichkeit durchgetestet, sondern nach ihrem Äußeren in die Zucht eingesetzt. Zu einem solchen, aber rein weißen Schimmel in der hessischen Zucht, einem Geschenk des Markgrafen Ernst Friedrich von Baden, an Landgraf Moritz, 1595, vgl.: Best. 4 f Holstein. № 167. Daß die Engländer, die ihre Rennpferde übrigens erst im Alter von sechs Jahren zuritten, anders verfuhren, fiel 1680 beim hessischen Pferdekauf dort auf. Vgl.: Best. 4 f England, N 97.

[16] Vgl. etwa die Bitte des Landgrafen Ludwigs III (IV.) aus der Oberhessischen Linie des Hauses

Hessen um einen grauen Zelter für seine Gemahlin an den Grafen Johann von Nassau-Siegen, 1593: Best. 4 f Nassau-Siegen, № 1.

[17] Vgl.:"а посланник явил от себя поминки, аргамак бур да жеребец иноход." 1563, сентября 2, zur Gesandtschaft des Litauers Vasilej Mackeevic nach Moskau (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством / Ред. Г.Ф. Карпов. Т. 3 (1560–1571) // Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 166.

[18] Zum Geschenk von drei Zeltern durch den Erbprinzen von Norwegen Herzog Adolf v. Holstein an Landgraf Wilhelm IV. von Hessen-Kassel und dessen Gemahlin, 1572, vgl.: Best. 4 f Holstein, № 44–45. Die Zelter waren übrigens nicht vom Herzog von Holstein selbst gezogen gewesen, sondern Geschenke an diesen. Dass. 1581, s.: Best. 4 f Holstein, N 88–89. Zu einem falben Zelter und einem Schwarzschimmel als Geschenk an denselben Landgrafen, 1578, vgl.: Best. 4 f Holstein, № 77. Geschenk eines Zelters durch den Herzog Georg von Liegnitz mit einem Angebot sich ggf. um weitere, stärkere Zelter (aus Polen?) zu bemühen, an Landgraf Wilhelm IV. von Hessen-Kassel, 1578, s.: Best. 4 f Liegnitz, № 15. Anmahnung durch Wilhelm IV. versprochener Zelter-Wallache bei Markgraf Georg-Friedrich von Brandenburg, 1584, s.: Best. 4 f Brandenburg (fränkisch), № 30. Absage der Bitte um zwei Zelter des Landgrafen Ludwig III. (IV.) von Marburg durch Graf Wilhelm Ludwig von Nassau, 1601, vgl.: Best, 4 f Nassau-Dillenburg, № 92. Dieser bzw. dessen Frau Hedwig, eine geb. Herzogin v. Württemberg, hatte sich 1575 bei den Verwandten in Holstein Zelter besorgen wollen. Deren Bitte bei Herzog Adolf v. Holstein, s.: Best. 4 f Holstein, N 61.

[19] Landgraf Wilhem IV. von Hessen sendet dem Fürsten von Anhalt dessen ihm zum Geschenk gemachtes eigenes Leibpferd zurück, weil dieses Pferd "vor unsern Leib etwas zu schwach ist". 1573. Vgl.: Best. 4 f Niederlande, № 157.

[20] Instruktion für den Sekretär Landgraf Wilhelms IV. für eine Gesandtschaft an den franösischen Hof zu Heinrich III., 1575, Mai 4, s.: Best. 4 f Frankreich, № 381, f. 2.

[21] Zwei spanische Pferde hatte Heinrich III. als Gastgeschenk nach Hessen mitgebracht. Dazu: Der Courier des Königs v. Polen Caspar Schomberg an Landgraf Wilhelm, 1573, Nov. 13, s.: Best. 4 f Polen, № 58, f. 2, Glosse. Weitere spanische Pferde kamen nach der testamentarischen Verfügung des französischen Königs Karls und Vorgänger Heinrichs III. nach Hessen. Vgl. Dankschreiben Landgraf Wilhelms IV. an Katharina v. Medici, Kassel, 1574, Juli 24: Best. 4 f Frankreich, № 338, f. 1. Die für die gemeinsame Zucht in Frage kommende englische Rasse Haguenée war wie die spanisch-neapolitanische Pferde am französischen Hof vertreten. Vgl. Billet Wilhelms IV. von Hessen, Kassel, 1574, Dez. 8: Best. 4 f Frankreich, № 352, auch mit Bescheidenheitstopos zu den eigenen Friesischen Pferden.

[22] Mit einer Versicherung der Kooperation von Frankreich aus Heinrich III. an Landgrafen Wilhelm IV., Leon, 1574, Okt. 28, s.: Best. 4 f Frankreich, № 352, f. 1 v.

[23] Zum Geschenk zweier Stuten 1590, vgl.: Best. 4 f Anhalt-Dessau, № 4, f. 1.

[24] Wilhelm IV. an Pfalzgrafen Philipp Ludwig, Kassel, 1690, Jan. 28, P.S. s.: Best. 4 f Pfalz, № 916.

[25] Bitte des Landgrafen Wilhelms IV. an Johann Georg III. von Anhalt Dessau um einen grauen spanischen bzw. neapolitanischen, notfalls um einen jenetischen (venedischen ?) Zuchthengst. Der Fürst von Anhalt-Dessau besitzt selbst nur zwei graue Hengste. 1590 (Best. 4 f Anhalt-Dessau, № 4). Vorausgegangen war bereits ein Jahr zuvor die gleiche Bitte. Johann Georg I. von Anhalt-Dessau war dem nicht nachgekommen, da in den letzten zwei Jahren über hundert Fohlen in den fürstlichen Gestüten eingegangen waren, ein Indiz für den Umfang der fürstlichen Pferdezucht auch kleinerer Territorien. 1589 (Best. 4 f Anhalt-Dessau, № 2).

[26] Graf Ernst von Schaumburg (Protestant) bedankt sich bei Landgraf Moritz wegen des Geschenkes von einem spanischen Pferd 1595 denn auch: "und weiβ zwar nicht, womit um Ewer fürstlichen Gnaden ich eine solche stattliche und gnädige Verehrung möge deromal einswieder verdienen..." (Best. 4 f Grafschaft Schaumburg, № 25). Der Schaumburger hilft übrigens Wilhelm IV. von Hessen-Kassel bei dessen Einkäufen von Pferden.

[27] Bitte der Gräfin Katharina von Schwarzburg, geb. v. Nassau-Katzenalnbogen, bei Landgraf Moritz um einen grauen Hengst als Geschenk für den Prinzen von Oranien auf ihrer Reise nach Holland, 1593, s.: Best. 4 f Schwarzburg, № 42, auch: Best. 4 f Nassau-Weilburg, № 102. Deren Bitte schien an ein Ansinnen zu grenzen, jedenfalls verwendet sich deren Bruder Albrecht von Nassau-Weilburg bei Moritz noch zusätzlich für das Geschenk an die Oranier. Der Oranier suchte gute deutsche Pferde. Graf Georg von Nassau-Beilstein verwendet sich bei Landgraf Moritz mit Erfolg für den Prinzen Moritz von Oraniem, Graf zu Nassau. Dieser erhält aus dem Kasseler Stall sogar einen echten braunen Spanier. 1593, vgl.: Best. 4 f Nassau-Beilstein, № 6. Kassels Pferdezucht hatte also bere-

its einen gewissen guten Ruf. Die Grauen bzw. Apfelgrauen scheinen sich zu einer hessischen Spezialitat entwickelt zu haben. Darum bittet der Erbe von Norwegen, Herzog Adolf v. Holstein, 1577 und Herzog Johann III. von Holstein-Sonderburg 1598, sogar mehrfach, hier: zum zweiten Mal, vgl.: Best. 4 f Holstein, № 72, № 176.

28 Bitte des Herzog Julius von Braunschweig-Wolfenbuttel bei Wilhelm IV. um ein ruhiges Pferd (Zelter oder sanfttrabendes Tier) für die Hochzeit der Tochter Sophie Hedwig mit dem Herzog Ernst Ludwig von Pommern. Dem waren ähnliche Pferdegeschenke hessischerseits vorausgegangen. 1577, vgl.: Best. 4 f Braunschweig-Wolfenbüttel, N 91. Bitte des Herzogs Julius von Braunschweig-Wolfenbüttel an Landgraf Wilhelm IV. um vier wilde Hengste zur Neubegründung der Zucht nach einer Seuche in dessen Marstall, 1588, vgl.: Best. 4 f Braunschweig-Wolfenbüttel, N 363. Zu einem Pferdegeschenk des Landgrafen Ludwig III. (IV.) von Marburg an Herzog Christoph von Braunschweig-Lunebürg, 1593, vgl.: Best. 4 f Braunschweig-Harburg, № 27. Landgraf Moritz verschenkt mitten im Dreiβigjährigen Krieg 1629 (?) Herzog Georg von Lüneburg ein schwarzbraunes Pferd, vgl.: Best. 4 f Braunschweig-Calenberg, № 276. Bitte des Herzogs August von Braunschweig-Lüneburg als Kreisoberster bei Landgraf Ludwig von Marburg um ein gutes Pferd für den bevorstehenden Türkenfeldzug, 1597, Mai, vgl.: Best. 4 f Braunschweig-Celle, № 42, dass. an Landgraf Moritz von Hessen, ebenda, № 43.

Die unterschiedlichen Linien des protestantischen Hauses Anhalt unterhalten ebenfalls zu Hessen-Kassel enge Pferdekontakte. Joachim Ernst von Anhalt-Zerbst erbittet von Wilhelm IV. 1579 ein repräsentatives Pferd für einen Ehrenritt (Best. 4 f Anhalt-Zerbst, Dessau etc., № 29). Der am kursächsischen Hofe sich aufhaltende Christian I. von Anhalt-Bernburg erbittet sich 1587 ein Pferd aus Kassel (Best. 4 f Anhalt-Bernburg, № 17). Der zum Kreisobersten ernannte Bernhard von Anhalt-Zerbst sucht bei Landgraf Moritz um ein Reitpferd für den bevorstehenden Zug nach Ungarn nach, 1596 (Best. 4 f Anhalt-Zerbst, № 56); mit dem Versprechen einer Gegengabe dass. noch einmal, 1598, vgl.: Best. 4 f Anhalt, № 16. Joachim Ernst von Anhalt-Dessau erbittet sich 1612 bei Landgraf Moritz ein Pferd (Best. 4 f Anhalt-Dessau, № 39). Dafür will sich Christian I. von Anhalt-Bernburg in den fürstlichen Pferdegeschäften für Landgraf Ludwig von Marburg, speziell in Brandenburg, verwenden. Dieser suchte 1594 einen Zelter (Best. 4 f Anhalt-Bernburg, № 18).

Ähnlich enge Pferdebeziehungen der Kasseler Linie der Landgrafen und der von dieser beerbten Marburger Linie bestehen zur protestantischen Pfalz: Pfalzgraf Ludwig läβt auf dem Pferdemarkt von Kassel Pferde 1576 einkaufen und erbittet einen neuen Zapfenburger (Wildpferd) als Ersatz für einen ihm geschenkten, bald darauf eingegangenen Hengst (Best. 4 f Pfalz, № 133). 1578 folgt eine Bitte um einen Hengst aus dem Stall des Marburger Landgrafen Ludwig für ein Turnier aus Anlaβ einer Pfälzer Hochzeit (Best. 4 f Pfalz, № 667). Pfalzgraf Karl von Birkenfeld mahnt bei Wilhelm IV. von Kassel 1585 ein erbetenes Pferd (Best. 4 f Pfalz, № 221). Wilhelm IV. sendet 1592 als eine Art von Neujahrsglückwunsch an den Kurfürsten Friedrich zwei Pferde ab, vgl.: Best. 4 f Pfalz, № 1453. Die Beziehungen überdauern den 30-jährigen Krieg. Zu einem Pferdegeschenk von 1655, vgl.: Best. 4 f Pfalz, № 1014; auch zur Kooperation bei Pferdekäufen in England: Best. 4 f England, № 97.

29 1571 (Best. 4 f Münster, № 18). 1568 Bitte des Landgrafen Wilhelm IV. an den Bischof von Munster um ein Pferd (Best. 4 f Münster, № 241). Der Landgraf erhofft einen Zelter als Leibpferd, denn er reite nicht gern "schwere Geul". Der Domprobst von Bamberg Wolf Albrecht von Würzburg übersendet aus nicht ersichtlichen Gründen dem Landgrafen Moritz auf dessen Bitten hin sein eigenes Leibpferd. 1596, s.: Best. 4 f Bamberg, № 4.

30 Zum Austausch von Pferden zwischen Georg Friedrich von Brandenburg und Landgraf Moritz, 1593, vgl.: Best. 4 f Brandenburg (fränkisch), № 36.Geschenk eines Leibpferdes durch Georg Friedrich v. Brandenburg zu Onolzbach, 1598, April 11, s.: Best. 4 f Brandenburg (fränkisch), № 48. Gemeinsames Zuchtziel waren bei den Reitpferden "starke, gesetzte Pferde". Kassel, 1593, Juli 21, s.: Best. 4 f Brandenburg (fränkisch), f. 1. Bitte des Markgrafen Christian v. Brandenburg um ein gutes Pferd verbunden mit dem Neujahrsglückwunsch, 1604, s.: Best. 4 f Brandenburg (fränkisch), № 87.

Herzog Julius von Braunschweig-Wolfenbüttel bittet um die Überlassung eines Pferdes, das Landgraf Wilhelm IV. zuvor vom Abt von Hersfeld erhalten hatte, 1571, s.: Best. 4 f Braunschweig-Wolfenbuttel, № 39. Zu einem Hengst aus Pommern, 1601, vgl.: Best. 4 f Pommern, № 71.

31 Zum Ankauf von Pferden im Oldenburgischen, 1594, vgl.: Best. 4 f Oldenburg, № 16. Hessen legte besonderen Wert auf graue Pferde und auf Füchse. Zu einem Tausch von Geschütz gegen Pferde, 1602, vgl.: Best. 4 f Oldenburg, № 24. Zum geplanten und gescheiterten Ankauf von grauen Pferden

durch einen hessischen Rittmeister, 1634, vgl.: Best. 4 f Oldenburg, № 32. Es kann sich um Kutschpferde gehandelt haben, da zuvor ein anderer Käufer zwölf graue Pferde des gewünschten, inzwischen rar gewordenen Schlags exportiert hatte. Graf Anton Günter von Oldenburg verschenkt an Landgraf Wilhelm 1636 selbst Pferde aus seinem eigenen Marstall. Der Kaiser hatte für den Grafen von Schwarzburg gleichzeitig um Pferde aus dem Oldenburger Gestüt gebeten, vgl.: Best. 4 f Oldenburg, № 33–34. Zu weiteren Pferdegeschenken aus Oldenburg an Kassel 1642, 1644, 1647, 1650. Hier wird ein Zugpferd ausdrücklich erwäahnt, vgl.: Best. 4 f Oldenburg, № 44. Die Oldenburger durften also in der Tat Kutschpferde gewesen sein.

32 Friedrich III. von Dänemark an Landgräfin Hedwig Sophie, Kopenhagen, 1667, Juli 30, s.: Best. 4 f Dänemark, № 108. Ein weiteres Pferdegeschenk (ein Reitpferd?) vom König von Dänemark erfolgt erst Mitte des 18. Jahrhunderts, vgl.: Best. 4 f Dänemark, № 229.

33 Zu dem Geschenk an die verwitwete Pfalzgräfin Dorothea Maria von Sulzbach, vgl.: Best. 4 f Pfalz, № 1164.

34 Landgraf Wilhelm IV. an Herzogin Christine von Holstein, Kassel, 1590, Mai 12, s.: Best. 4 f Frankreich, № 953.

35 Zum Geschenk des Grafen Adolf Friedrich von Nassau Weilburg an Landgraf Ludwig III. (IV.) von Hessen-Marburg, 1593, vgl.: Best. 4 f Nassau-Weilburg, № 252.

36 Bischof Ernst von Bamberg war zu Ritterspielen um ein Geschenk von einem spanischen oder neapolitanischen Pferde ersucht worden, wie er sie von einer Reise mitgebracht haben soll, er bietet jedoch nur ein Pferd aus türkischem Gestut an, 1589, s.: Best. 4 f Bamberg, № 2.

37 Napea, s.: *Jenkinson*, Bd. 2. S. 362.

38 *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 106.

39 "А аргамаки и кони велел государь взять на конюшню". 1563, декабрь 6, zur Gesandtschaft des Jurij Aleksandrovič Chotkevič, des Grigorij Volovič und des Michajlo Garaburda nach Moskau, s.: Сб. РИО. Т. 71. С. 197 oder ebenda: "а аргамаки и кони и жеребцы, что явили государю в поминкех, велел государь взяти на конюшню". Zur Gesandtschaft des Jurij Aleksandrovič Chotkevič, des Jurij Tiškevič und des Michajlo Garaburda, 1566, Juni 6, ebenda (*Jenkinson*. Bd, 2. S. 349.

40 Napea, s.: *Jenkinson*, Bd. 2. S. 360.

41 *Масса И.* Указ. соч. С. 57.

42 Vgl. zur Gesandtschaft von 1569, N 188: Литовская метрика. Т. 1. С. 292.

43 *Масса И.* Указ. соч. С. 121; ein weiteres Pferdegeschenk von zwei schönen Pferden , einem Becher und einem Hund erfolgte in einer zweiten Gesandtschaft an diesen (Там же. С. 132).

44 *Herberstein S. von.* Das alte Rußland / Hrsg. W. Leitsch; Übers. W. v.d. Steinen. Zürich, 1984. S. 330 (im Folgenden: Moscovia). Herberstein ordnete den Argamak den türkischen Pferden zu, hielt ihn aber für noch edler.

45 Vgl. dazu: *Jenkinson*. Bd. 2. S. 89, Anm. 1.

46 The Voyage of M. Anthony Jenkinson..., 1558, s.: *Jenkinson*. Bd. 2. S. 89.

47 Horsey wurden als Gegengabe gegen seine eigenen Geschenke, darunter ein Portrait, drei persische Pferde aus dem Stall des Zaren zur Auswahl vorgestellt. Er entschied sich für einen Argamak für 200 Pfund.S.: *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 104, 156. Auch tatarische Pferde wurden den englischen Kaufleuten vom Zaren zur Verfügung gestellt. Dazu: Napea, s.: *Jenkinson*. Bd. 2. S. 358.

48 Vgl. zur Gesandtschaft, die am 25. Februar 1571 in Orša ankam: Сб. РИО. Т. 71. С. 793.

49 Zu einem Konflikt zwischen der Moldau und türkischen, armenischen und jüdischen Kaufleuten, die türkische Pferde in Polen-Litauen verkaufen wollten, vgl.: Отправа волошских послов, 1545, s.: Литовская метрика. Т. 1. № 3. С. 4.

50 Vgl. etwa zu den Kaufleuten in der litauischen Gesandtschaft, 1569, Sept. 7: "Добра велел у гостей и у купцов литовских, которые идут с гонцом, всякие рухляди продажные... и аргамаки, и коней, жеребцы и мерины, и иноходцы, которые будет ко государеву седлю пригодятся, пересмотрити и на список переписати..." (Сб. РИО. Т. 71. С. 611).

51 Dies geschah am 6. Okt. 1567. Dazu: Сб. РИО. Т. 71. С. 71, 561. Die Rückgabe erfolgte im Mai 1568 (Там же. С. 566, 580 ff.).

52 "И по государеву приказу та рухлядь и товары с казенного двора отосланы, а которые лошади их пали, и в тех лошадей место лошади им даны земские конюшни" (Сб. РИО. Т. 71. С. 566).

53 Zu einem Manöver unter Ivan IV., vgl. Napea: *Jenkinson*. Bd. 2. S. 360.

54 *Масса И.* Указ. соч. С. 66.

[55] Moscovia. S. 135.

[56] Landgraf Moritz hat allerdings mit Unterstützung des Grafen Essex in England vor 1596 einige Zelter ankaufen lassen (Best. 4 f England, № 35).

[57] Überdies schienen die Deutschen bei Englandern unbeliebt zu sein, so daß Mylord Craven einen guten Hengst für den Landgrafen schon unter seinem eigenen Namen ankaufen mußte. Vgl. die Berichte des Gesandten an den englischen Hof, Regierungsrats Halcke, von 1680: Best. 4 f England, № 97).

[58] Den englischen Hunden in den deutschen Fürstenhäusern und dem Einfluß des Nationalismus auf die deutsche Jagdhundezucht werde ich an anderer Stelle in Kürze eine eigene Untersuchung mit Abbildungen der landgräflich-hessischen Lieblingshunde widmen.

[59] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 103.

[60] Moscovia. S. 329.

[61] "Manche braucht man nur für die Hasenjagd, die man Kurtzen nennt, schöne Tiere mit haarigen Ohren und Schwänzen, meistens kühn, wiewohl für allzu langes Laufen nicht geschickt". Vgl.: Moscovia. S. 330, auch: S. 325.

[62] Es handelt sich sicher nur um Braunbären, Eisbären wären in den Quellen erwähnt worden. Zu letzteren: *Савельева Е.А.* Олаус Магнус и его "История северных народов". Л., 1983. С. 98, рис.

[63] Vgl.: *Масса И.* Указ. соч. С. 117.

[64] Там же. С. 132.

[65] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 113.

[66] Zu einem Blitzschlag im Haus der englischen Kaufleute in Cholmogory. Erschlagen wurde im Haus ein Kind und ein Hund (*Горсей Дж.* Указ. соч. С. 72).

[67] The Merchant Adventureres of England to their Agents in Russia, London 1567, April 18, s.: *Jenkinson.* Bd. 2. S. 215.

[68] Moscovia. S. 325, auch: *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича / Публ. А. Барсуков. 4-е изд. СПб., 1906. С. 84. (Slavistic Printings and Reprintings. The Hague; Paris, 1969. Bd. 126).

[69] Die Niederjagd und die Jagd auf Singvögel suchten die hessischen Bauern bis ins 18. Jahrhundert hinein gegen alle obrigkeitlichen Verbote als ihr altes Recht weiter wahrzunehmen. Vgl.: Jagdordnung für Hessen-Kassel, 1722, Nov. 26, § 11 // Neue Sammlung der Landesordnungen, Ausschreiben und anderen allgemeinen Verfügungen. Kassel, 1828. Bd. 1: (1524–1735). S. 256.

[70] Landgraf Philipp von Hessen verbietet den Bauern die Jagd auf Hasen, Marder, Dachse und Füchse mit Hunden und die Jagd zu Wasser und zu Lande mit Büchsen und Armbrüsten, außerdem gab es gebannte Wälder und Felder und Wildgehege, die mit Hunden nur betreten werden durften, wenn diesen Schellen und Knüppel angehängt waren. Des durchleuchtigen hochgebornen Fürsten und Herrn, Herrn Philippsen, Landgraven zu Hessen,... Reformation der Ordnung und Satzung so sein Fürstliche Gnaden der Holzfurster und Gewelde (= Wälder) halber ußgehen lassen haben Anno 1532, s.: Staatsarchiv Marburg. Verordnungssammlung, chronologische Serie.

[71] Vgl. Beschränkung des Haltens der Hunde überhaupt und Vorschrift, wie solche für die Jagd unschädlich zu machen, Neue Sammlung... Bd. 1. S 260. Die im 16. Jahrhundert noch auf bestimmte Fluren und Zeiten beschränkte Unbrauchbarmachung der Hunde zur Jagd wurde also allmählich erweitert.

[72] *Масса И.* Указ. соч. С. 117.

[73] Moscovia. S. 330: *Котошихин Г.* Указ. соч. С. 84.

[74] Netzjagd auf Hasen, Füchse, Wölfe, Elche und Vögel war auch bei den Tataren üblich. Vgl.: *Мухаметшин Ю.* Татары-кряшены. М., 1977. С. 52.

[75] Vgl. zu einem solchen Geschenk am 1. April 1570: Сб. РИО. Т. 71. С. 634.

[76] *Масса И.* Указ. соч. С. 117; *Котошихин Г.* Указ. соч. С. 84.

[77] "Auch haben sie gar schöne Leit- und Spürhunde" (Moscovia. S. 330).

[78] "Auch viele schöne Jagdfalken waren mit dabei, weiße und purpurrote, die bei uns Gerfalken heißen, bei ihnen Kretzet" (Moscovia. S. 330 f.).

[79] Vgl. dazu die Überlieferung im Hessischen Staatsarchiv Marburg: Die Landgräfin Hedwig Sophie übersendet 1672 als Dank für die gastliche Aufnahme drei isländische Falken an Herzog Georg Wilhelm von Braunschweig in Celle (Best. 4 f Braunschweig-Celle, N 113); zur Übersendung von fünf und 1676 von drei weiteren frisch gefangenen Falken aus Island durch Christian V. von Dänemark, 1673 (Best. 4 f Dänemark, № 108); dass. 1677, 1684 (vier Stuck) 1685 (zehn Stück,

darunter drei Terzel, dann sechs) (Best. 4 f Dänemark, № 139). Aus Schweden kamen 1603 zwölf Falken nach Kassel, darunter drei Gerfalken als Geschenk des Königs (Best. 4 f Schweden, N 64).

[80] 1504 versandte Ivan III. an seine Tochter Falken (krečet), ein Eichhörnchen und Trockenfisch, vgl.: Выписка из посольских книг... С. 92.

[81] Die Geschenke bestanden aus 40 Zobeln, einem Walroßzahn und einem Falken (krečet), Статейный список И.П. Новосильцова (1570), s.: Путешествия русских послов... С. 76.

[82] Jenkinson wurde dort zu einer Falkenjagd eingeladen. Zu 19 früher dorthin gesandten Falken mit einem Verweis auf Afanasij Nikitin; A Compendious and Briefe Declaration of the Journey of M. Anthonie Jenkinson (*Jenkinson*. Bd. 1. S. 134, Anm. 2).

[83] Vgl. den Bericht über die Moskovitische Gesandtschaft auf den Reichstag von 1554 in Lublin, N 55: Литовская метрика. Т. 1. С. 90. Generell zur sofortigen Rückgabe der Moskovitischen Geschenke als Zeichen außerster Ungnade, 1567, August 16, vgl.: Сб. РИО. Т. 71. С. 553.

[84] Zum bereits erwähnten Geschenk weißer Falken an den Prager Hof: *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 106.

[85] Geschenksendungen Hessen-Kassels von Falken fanden statt mit Braunschweig, 1662, vgl.: Best. 4 f Braunschweig-Celle, № 98, 104. Rote Falken aus Holstein gingen an Brandenburg-Ansbach, 1567 (Best. 4 f Preußen, № 20); zwei Jagdfalken aus der hessischen Falknerei zur Beizjagd auf Reiher an Herzog Albrecht von Bayern, 1567 (Best. 4 f Pfalz, № 1315–1316). Der Ankauf von drei Falken fand in Oldenburg für Hessen statt, 1594 (Best. 4 h Oldenburg № 16). Erneut kamen zehn frisch gefangene Falken unterschiedlicher Art aus dem Herzogtum Preussen als Geschenk an Hessen-Kassel, 1609 (Best. 4 f Preußen, № 179). Es fand auch ein Tausch von Falken unter den deutschen Fürstenhäusern statt: Geschenk einiger Falken aus der Falknerei Wilhelms IV. von Hessen-Kassel an Brandenburg, 1664, s.: Best. 4 f Preußen, № 318. Allerdings kamen nach dem Ableben des Abenteurers Landgraf Friedrich in Polen 1655 auch dessen ca. dreißig Falken und andere Greifvögel nach Eschwege. Diese wurden z. T. verschenkt, nach Braunschweig, Sachsen-Weimar und Kassel. Über deren Herkunft ist nichts bekannt. Darunter mögen unter Umständen auch polnische oder litauische Tiere gewesen sein. Vgl.: *Löwenstein U.* Op. cit. S. 115.

[86] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 109, 113.

[87] Там же. С. 155.

[88] The Merchant Adventures... s.: *Jenkinson*. Bd. 2. S. 215.

[89] Moscovia, S. 315 f.; Статейный список И.М. Воронцова (1569–1572), s.: Путешествия русских послов... С. 11. Wenn keine Geschenke erfolgten, wurde dies in Moskau als Zeichen von Ungnade verstanden. Vgl. beispielsweise 1568: Сб. РИО. Т. 71. С. 578.

[90] Nach Herberstein, s.: Moscovia, S. 335; bedeutet die Zugabe, daß die Verhandlungen noch nicht beendet sind. Das Gegengeschenk Schwedens in Form von Kupfer empfanden die russischen Gesandten als beleidigend: Статейный список И.М. Воронцова (1569–1572), s.: Путешествия русских послов... С. 58.

[91] Moscovia. S. 61 f.

[92] Ibid. S. 333 f.

Gabriele Scheidegger

ZU STRENG ODER ZU MILDE? DIE ALTRUSSISCHE JUSTIZ IN DEN AUGEN ABENDLÄNDISCHER BEOBACHTER

In Sigismund von Herbersteins Russlandschriften werde bisweilen auch der Snobismus eines Europäers spürbar, der das Erbe der Antike vollkommen verinnerlicht habe und nun auf eine Kultur gestossen sei, die einen solchen Zugang zur Alten Welt noch nicht hatte – so schrieb Anna Leonidovna Choroškevič in der Einleitung zu der von ihr betreuten russischen Ausgabe der "Rerum Moscoviticarum Commentarii". Und sie fügte hinzu, dass Herberstein mit einer solchen Haltung keineswegs allein stehe. Denselben Tonfall finde man beispielsweise in italienischen Beschreibungen deutscher Lande und Städte, deren Bewohner ständig als Barbaren apostrophiert worden seien[1]. Die Barbaren – das sing immer die anderen. Sie tun Dinge, die einem die eigenen Anstandsregeln verbieten, und für solch massiven Tabu-Bruch bestraft man sie mit Entwertung. Eine solche Entwertung dient der eigenen psychologischen Abwehr. Hinter all den unzähligen Barbaren-Urteilen wird immer die höchst emotionale Betroffenheit der Beobachter spürbar.

Es ist eine bekannte Tatsache, dass die westeuropäischen Russlandberichte des 16. und 17. Jahrhunderts in ihren negativen Urteilen oft erstaunliche Übereinstimmungen aufweisen. Man kann mühelos ganze Zitatenreihen zu einzelnen Aspekten zusammenstellen; da haben sich die Autoren zum Beispiel einstimming naserümpfend über den Gebrauch des Knoblauchs in der altrussischen Küche und über die angeblich "stinkenden" Russen geäussert, oder sie haben im Chor stets auf dieselben angeblichen Seltsamkeiten hingewiesen, sei dies die Praxis des Mittagsschlafs oder der Umstand, dass russische Priester keine Predigten hielten. Und nicht nur Alltagsdetails sind solchen einhelligen Beurteilungen unterlegen. Auch die russische Staatsstruktur etwa mit dem tyrannischen Herrscher an der Spitze und einem erbärmlich unterwürfigen Adel sind immer wieder aud dieselbe Weise beurteilt worden.

Man kann sich fragen, wie es zu einer solchen Übereinstimmung der Urteils kommen konnte. Zwei Deutungen bieten sich an: Erstens hatten die meisten Berichterstatter ihre Vorgänger (zumindest die berühmten unter ihnen) jeweils gründlich gelesen und tendierten allein schon deshalb dazu, einmal geäusserte Einschätzungen zu wiederholen. Zweitens aber ist davon auszugehen, dass auch ohne die Kenntnis der anderen Autoren in manchen Fällen immer wieder dieselben negativen Reaktionen entstehen mussten. Wenn jemand mit gewissen Vorstellungen über das, was richtig und gut ist, in ein fremders Land reist und feststellt, dass man sich dort an diese Normen nicht hält, reagiert er ganz spontan mit Abwehr. Er verurteilt die angeblichen Norm-Übertreter. Jeder Reisende erlebt eine solche Konfrontation neu, und wenn mehrere Reisende dieselben Normen teilen, werden sie in der fremden Umgebung auch ständig dieselben ungewohnten Dinge als Provokation empfinden. Wahrscheinlich haben manchmal auch beide Faktoren die Wahrnehmung der Berichterstatter gleichzeitig beeinflusst: Aus der Lektüre der Vorgänger nahmen sie bereits gewisse Erwartungen mit nach Russland – und erlebten dann, wenn ihre Tabus verletzt wurden, dass sich dieses mitgebrachte Bild bestätigte.

Die Ähnlichketeit der Urteile ist frappant und zeiht die Aufmerksamkeit der Forscher auf sich. Übersehen wird vor lauter Übereinstimmungen oft die Tatsache, dass es in den Russlandberichten der Ausländer auch Bereiche gibt, die kontrovers beurteilt werden.

Ein solches Thema ist die altrussische Justiz. Man hat aus abendländischer Sicht die russischen Gesetze bald als zu milde, bald als zu streng empfunden. Im folgenden sollen diese widersprüchlichen Stellungnahmen kurz nachgezeichnet werden. Wie konnte es zu so unterschiedlichen Beurteilungen kommen? Die bisherige Forschung hat meines Wissens diese Widersprüche nur ansatzweise thematisiert[2]. Im allgemeinen geht man davon aus, dass die ausländischen Reisenden – wie so oft – auch im Falle der altrussischen Justiz ausschliesslich negativ reagiert hätten[3].

* * *

Sigismund von Herberstein, der Freiherr, der von seinen Standesgenossen wegen seiner Bildung verspottet wurde, hatte in Wien unter anderem Jura studiert. Es verwundert deshalb nicht, dass er in seinem Russlandbuch "Rerum Moscoviticarum Commentarii" auch das russische Justizwesen behandelte. Wie in manch anderen Fällen hat er dabei auch auf russische Quellen zurückgegriffen. Herberstein zitiert in seinem Werk Passagen aus dem Sudebnik von 1497 und – in bezug auf die kirchliche Gerichtsbarkeit – aus dem Statut Vladimirs[4]. In seinen Ausführungen findet man daneben aber auch persönliche Urteile über das Gerichtswesen.

Elisabeth Harder-von Gersdorff hat darauf hingewiesen, dass "die Strafgesetze im Moskauer Reich ungewöhnlich milde gehalten waren. Nur für Mord und Strassenraub gelte die Todesstrafe"[5]. Als Hauptzeugen nennt sie dabei Sigismund von Herberstein. In der Tat hat dieser folgendes geschrieben: "Die diebstal straff man selten mit dem todt / auch die Todtschleger / es sey dann Raubs halben beschehen / Welcher aber ainen dieb / im diebstall begreifft vnd ertödt / der ist on straff / dergestalt / wan er den todten für die Obrigkhait bringt / vnd zaigt an wie die sach ergangen ist."[6] Nicht einmal diejenigen, die mit Tieren umgingen, würden mit dem Tod bestraft, heisst es zudem ziemlich erstaunt in der lateinischen Fassung[7]. Dass für Sodomie nicht die Todesstrafe galt, hat mehr als hundert Jahre später auch der Arzt Samuel Collins noch vorwurfsvoll vermerkt[8]. Im lateinischen Europa galt dieses Verbrechen für so verwerflich, dass im 16. und 17. Jahrhundert selbst Kinder oder jugendliche Täter hingerichtet wurden[9]. Diebstahl, Totschlag, Sodomie – diese Verbrechen hätten aus der Sicht Herbersteins also eigentlich mit dem Tod bestraft werden sollen. In Russland war dies nicht der Fall. Trotzdem ist es keineswegs gerechtfertigt, Herberstein als Kritiker einer allzu milden russischen Justiz darzustellen. Wir finden in seinem Russlandbuch nämlich gleichzeitig ganz andere Aussagen. Über die Räuber schrieb er beispielsweise, diese würden streng bestraft: "Die gröste gerechtigkhait halt man wider die Rauber / so man die vberkhumt / so zerschlecht oder zerkhnuscht man jnen die khnodn an den füssen / lassen dan ain oder zwen tag [im lateinischen Original: zwei oder drei Tage] also ligen / hintzt die geschwelln / dan so bewegt man die hin vnd wider. Mit solcher pein erfragt man bey jnen was man wil [im Original: Sie gebrauchen keine andere Art der Folter, damit die Bösewichte ihren Raub gestehen und ihre Gehilfen angeben] / wan dan ainer dermassen schuldig befunden / so hengt man den / prauchen khain andern todt antzuthuen / Es hab dan ainer gar grosses vbl begangen..."[10] Diese Schilderung macht auf den Leser sicher nicht den Eindruck einer allzu grossen Milde der russischen Justiz.

An anderer Stelle schrieb Herberstein: "Aines Edlmans zeugnuss ist meer / dan viller des gemain volgkhs / haben selten Procuratores oder vorsprecher / muess jeglicher sein sach selbs reden / vnd wiewol der Fürst regulich / nichts minder ist das Recht bey jnen zuerkhauffen / vnd geschiecht offenlich."[11] Diese Behauptung belegte er mit einem konkreter Beispiel: ein Richter hatte von beiden Seiten Gaben eingesteckt und dann zugunsten derjenigen Partei entschieden, die ihm mehr gegeben hatte. Zur Rechenschaft gezogen, verteidigte er sich vor dem Fürsten damit, dass der an Gelb und Einfluss

Reichere höher gestellt und damit auch glaubwürdiger sei. Der Herrscher soll zwar das Urteil revidiert, den bestochenen Richter aber lachend entlassen haben. Die Armut seiner Untergebenen sei ihm bestens bekannt, und so verschliesse er denn die Augen vor solchen Machenschaften.

Sigismund von Herberstein hat somit ein recht differenziertes Bild des altrussischen Justizwesens entworfen. Zum Teil erscheint es ihm (zu) milde, zum Teil (zu) streng. Und der Grossfürst – von Herberstein als "greulich (severissimus)" charakterisiert – unterlässt trotz aller Strenge die Bestrafung bestechlichen Richter. Diese Aussagen lassen sich schwer auf einen Nenner bringen. Wir finden in den "Rerum Moscoviticarum Commentarii" kein eindeutiges, plakativ-klares Urteil über das russische Recht, das man in der Folge bequem und ohne viel Nachdenken übernehmen konnte. Dies bedeutet, dass spätere Russlandreisende, die "ihren" Herberstein gelesen hatten, in diesem Fall nicht mit einem bereits vorgefertigten, simplen Wahrnehmungsmuster ins Land kamen. Im ersten Moment würde man erwarten, dass die Ausländer, die in Russland überal "Barbarisches" entdeckten, auch die russischen Gesetze und Strafen als barbarisch empfinden mussten. Wie die folgenden Beispiele zeigen werden, ist aber oft gerade das Gegenteil der Fall: Man hielt die altrussische Justiz zum Teil für zu milde. Am Barbarenbild änderte dies allerdings nichts. Man drehte die Argumentation einfach um: die Moskowiter waren eben gerade deshalb Barbaren, weil ihr Rechtswesen nicht ausreichent für Ordnung sorgte.

Ein italienischer Reisender, der während der Regierungszeit Ivans IV. in Russland weilte, Raphael Barberini, verwies aud die Willkürjustiz der Herrschers, die sich nicht auf Gesetze stütze. Manchmal könne einer für ein geringes Vergehen den Bären vorgeworfen werden, während ein anderer für ein schweres Delikt überhaupt nicht behelligt werde. Barberini erwähnte im übrigen – wie vor ihm Herberstein – dass es im russischen Rechtswesen weder Anwälte noch Advokaten gebe[12]. Diese unerwartete Andersartigkeit im bezug auf die eigenen Institutionen ist in der Folgezeit auch späteren Reisenden immer wieder aufgefallen. Giles Fletcher, dessen Russlandbuch erstmals 1591 erschien, wies ebenfalls darauf hin[13]. Wie Sigismund von Herberstein hatte Fletcher eine juristische Ausbildung genossen, und so verwundert es nicht, dass er in seinem Werk "Of the Russe Commonwealth" ein ganzes Kapitel dem moskowitischen Justizwesen widmete[14]. Und er entwarf ein ähnlich differenziertes Bild wie vor ihm Herberstein. Bei der Untersuchung von Kriminaldelikten wie Verrat, Mord, Diebstahl werde grundsätzlich die Folter eingesetzt, so schrieb er, und er ergänzte, dass man in Moskau lokale Untersuchungsergebnisse einfach übernehme ohne die Angeschuldigten neu einzuvernehmen. Eine explizite Verurteilung dieser Tatsache oder auch der angewandten Foltermethoden finden wir bei ihm nicht[15]. Prozesse könnten langwierig (und für die Richter einträglich) werden, wenn klare Beweise fehlten, meinte er an anderer Stelle. Hingegen fand Fletcher, dass Schuldangelegenheiten meist gut und rasch abgewickelt würden[16]. Diese Beispiele zeigen, dass auch der Engländer in seinem Buch nicht ein simples, eindimensionales Urteil über die altrussische Justiz verbreitet hat.

Jacques Margeret, der am Hof des Falschen Demetrius diente, berichtete über die Ehrenhändel, die auf juristischem Weg und nicht – wie in seiner Heimat – mit dem Mittel des Duells beigelegt wurden. Er arläuterte auch Massnahmen gegen die Bestechung von Richtern und anderen Beamten; aufgrund seiner Schilderung erhält man den Eindruck, dass diesbezüglich zu Beginn des 17. Jahrhunderts ein strenges Regiment herrschte. Selbst die üblichen Ostergeschenke für die Hochgestellten mussten sich in bescheidenem Rahmen halten und durften nur heimlich übergeben werden[17].

Ausgesprochen negativ äusserte sich 1615 der neiderländische Berichterstatter Johann Danckaert über das russische Rechtswesen. Er war mehrmals in dem von den "Wirren" erschütterten Russland gewesen, zunächst 1609 als Mitglied der schwedischen Interventionstruppen, die bis vor Moskau zogen, später als Sekretär eines niederländis-

chen Abgesandten. 1615 veröffentlichte er seine "Beschrijvinge van Moscovien ofte Ruslant". Dieser Text ist 1619 in gekürzter Form in deutscher Übersetzung in einer Semmelschrift erschienen – anonym – und hat über diesen Umweg auch noch Eingang gefunden in die deutsche Version von Peter Petreius' Russlandbuch[18]. Für Danckaert war die russische Gesetzgebung viel zu nachsichtig. Seiner Ansicht nach gab es kaum ein Verbrechen – es sei denn die Person des "Kaisers" sei betroffen – bei dessen Bestrafung nicht "durch die Finger gesehen wurde". Nur Diebstahl werde hart bestraft. (Das ist gerade das Gegenteil dessen, was Herberstein behaupter hatte.)[19] Morde seien alltäglich: "Sie machen nicht mehr bedencken / einer den andern vmbs Leben zubringen / als wenn sie nur schlechte vnvernünfftige Thir weren", behauptete der Neiderländer dezidiert[20]. Ein Schuldiger könne sich mit wenig Geld loskaufen, falls er den Mord selber anzeige und gute Gründe anführe, könne er auch ganz freigesprochen werden. Wer zuerst klage, habe die grösseren Chancen. Nur für Diebstahl seien schwere Strafen vorgesehen, betonte Danckaert mehrmals – Prügel und unter Umständen auch die Todesstrafe. Und um zu belegen, daß in Moskowien selbst hochrangige Leute zum Diebstahl geneigt waren, fügte er ein persönliches Erlebnis an[21]. Wie Kari Tarkiainen gezeigt hat, stützte sich Danckaert in seinem Russlandbericht stark auf Herbersteins "Rerum Moscoviticarum Commentarii"[22]. Es ist wahrscheinlich, daß er auch in den Passagen über die Justiz Herbersteins Aussagen mitberücksichtigt hat. Allerdings kommt er in einzelnen Fällen – zum Beispiel in bezug auf die Strafen für Diebstahl – durch eigene Anschauung zu ganz anderen Ergebnissen. Herbersteins unterschiedliche Wertungen werden bei Danckaert in ein allgemein negatives Urteil umgemünzt. Während der habsburgische Diplomat beispielsweise noch auf die strenge Bestrafung der Räuber hingewiesen hatte, sind für den viel emotionaleren Niederländer die russischen Strafen generell zu milde.

Auch in den folgenden Jahrzehnten finden wir kein einheitliches ausländisches Urteil über das russische Gerichtswesen. Der berühmteste deutschsprachige Autor des 17. Jahrhunderts, Adam Olearius, hat sich in seinem Reisebericht mit der russischen Justiz nur am Rande beschäftigt. Von seiner Ausbildung her war Olearius kein Jurist, und das Thema interessiert ihn denn auch nicht speziell. Von der Kriminalität in den Strassen Moskaus zeichnete er ein drastisches Bild[23]. Im dritten Buch seines Werkes widmete Olearius immerhin das ganze 20. Kapitel dem Thema "Von der Russen Cerichten / Rechten vnd arten der bestraffungen"[24]. Gemessen am Platz, den derselbe Autor etwa der Kirche einräumte, handelt es sich aber lediglich um kurze Ausführungen. Olearius informierte seine Leser darin über das "Sobornoe Uloženie". Früher habe es in Russland nur wenige geschriebene Gesetze gegeben, so schrieb er. Doch: "Vor wenig Jahren aber / nemblich im Jahr 1647. haben auff Jhr. Zaar. May Befehl / die klügesten Köpfee aus allen Ständen müssen zusammen kommen / etliche Gesetze und Statuten machen vnd beschreiben / welche Jhr. Zaar. May. vnd dero Bojaren bekräfftiget / vnd in offentlichen Russischen Druck aussgehen lassen; ist ein Buch in Folio zweyer guter Finger dicke / wird genandt Soborna Ulosienia, das ist: Das einhellige vnd gesampte Recht / nach welchem sie nunmehr jhre Urtel abfassen / oder doch abfassen sollen. Vnd zwar alles im Nahmen Jhr. Zaar. May. / daher muss se auch vnwidersprechlich darbey bleiben / vnd darff niemand ferner appelliern."[25] Über die üblichen Foltermethoden heisst es einleitend: "Sie haben allerhand grewliche arten die Warheit peinlich heraus zu pressen."[26] Und in bezug auf die Knutenstrafe, die Olearius selber beobachtet hatte, schrieb er: "Die Knut geben war für vnsern Augen eine barbarische art zu straffen..."[27] Andere Strafmassnahmen schilderte der Autor ohne solche deutliche Wertungen. Ein "Todtschläger", der "vorsetzlicher weise einen vmbbracht / wird ins Gefängnuss geworffen / woselbst er sechs Wochen Busse thum muss mit hartem Leben / darauff empfähet er das Abendmahl vnd wird enthaupter." Die Behauptung früherer Berichterstatter, dass

man mit Mördern allgemein milde umgehe, wird hier also indirekt widerlegt. William E. Butler deutete dies als Verschärfung der altrussischen Strafpraxis[28]. Wie Danckaert meinte Olearius, bei den Russen sei der Diebstahl "ein hoch straffbar Laster", und deshalb versuche man häufig, einen Gegner dessen zu beschuldigen. Einzelne Richter würden "selbst etliche heimlich anreitzen / jhren Nechsten in dergleichen Misshandlung zubeschuldigen / damit es jhm was ins Haus bringe"[29]. Über die Strafe für dieses Delikt heisst es: "Wenn einer des Diebstahls angeklaget vnd überwiesen wird / muss er gleichwol auff die Folter / ob er etwa mehr gestohlen / bekennet er nichts mehr / vnd is zum erstenmahl / wird er aus dem Schlosse biss auff den grossen Marckt gepeitschet / da ihm dann der Scharffrichter das eine Ohr abschneidet / vnd wird auff zwey Jahr in den Thurm gesetzt / her nach wieder frey gelassen." Wer anschliessend ein zweites Mal ertappt werde, verliere noch sein zweites Ohr und werde nach Sibirien verschickt. "[...] keiner aber wird des Diebstahls halber / wo er nicht darbey einen Mord begangen / am Leben gestraffet."[30] Adam Olearius bezog sich bei dieser Schilderung eindeuting auf die Bestimmungen des "Uloženie"[31]. Herbersteins Aussage, dass Diebstahl nicht mit dem Tod bestraft werde und Danckaerts Hinweis auf die harte Bestrafung für dieses Verbrechen werden bei Olearius also gewissermassen zusammengeführt. Etliche Folter- und Strafmethoden hielt er für "grewlich" und für "barbarisch", doch ein Gesamturteil über das "Uloženie" oder über das russische Rechtswesen generell fehlt auch bei ihm. Übrigens wurde eine lateinische Übersetzung des "Uloženie" dem abendländischen gelehrten Publikum erstmals in Augustin von Mayerbergs Russlandbuch "Iter in Moscoviam" zugänglich gemacht[32].

Samuel Collins, der Arzt, der am Hofe Aleksej Michajlovičs lebte und 1671 nach seiner Rückkehr in die Heimat einen höchst ungnädigen Bericht veröffentlichte, hielt, wie Danckaert, die russischen Strafen für nicht überaus streng. Man wende selten die Todesstrafe an, schrieb er, vielmehr pflege man die Schuldigen auszupeitschen – was schlimmer sei als die Todesschmerzen. Wer einen Mord begangen habe, könne sich loskaufen, bemerkte er überdies. Wenn ein Mann seine Frau oder einen Sklaven während der Züchtigung töte, unterliege er keiner Strafe. Auch wenn ein Mord geschehen sei und niemand Anklage erhebe, geschehe nichts[33]. Dass hingegen Gattenmörderinnen hingerichtet wurden, indem man sie bis zum Hals in die Erde eingrub, fand er lobenswert; eine Frau, die ihren Mann nicht respektiere, verdiene keine Gnade[34]. Auch im westlichen Europa war das Lebendigbegraben eine typische Frauenstrafe, die unter anderem genenüber den Gattenmörderinnen angewandt wurde. Seit dem früher 17. Jahrhundert wurde sie jedoch im Abendland nicht mehr angewandt[35], sa dass es verständlich wird, weshalb die Russlandreisenden diese Hinrichtungsart als exotisches Detail beschreiben.

Erwähnenswert sind auch Grigorij Kotošichins Stellungnahmen. Sein am schwedischen Hof verfasster Insider-Bericht gehört zwar nicht im engeren Sinn in die Kategorie der Ausländerberichte. Kotošichin, der sich die Gunst seiner Auftraggeber erwerben wollte, hat jedoch häufig die im Westen verbreiteten negativen Klischees über die Russen und ihre Kultur unterstützt. Es ist interessant, dass wir bei ihm ein klares, simples Urteil über die Justiz ebenfalls nicht finden. Er referierte recht ausführlich über einzelne Bestimmungen und verwies immer wieder auf das "Uloženie". Werturteile äusserte er kaum, man erhält den Eindruck, dass der ehemalige Kanzleischreiber offenbar keinen Anlass sah, die Gesetze seiner Heimat zu kritisieren. Eine Ausnahme gibt es jedoch: die Korruption. Kotošichin erwähnte das im Uloženie fixierte strenge Verbot der Bestechung der Richter und fügte dann aber hinzu, dass heimlich eben doch bestochen werde; oft würden die Gaben auf der Hintertreppe einfach der Ehefrau oder einer Tochter oder einem Sohn übergeben[36].

Recht kurz fasste sich der Schweizer Guy Miège, der 1663 und 1664 mit der Gesandtschaft des Earl of Carlisle in Moskau war. In seinem 1669 erschienenen engli-

schen Bericht heisst es: "Es gibt keinen Platz für Feinheiten oder Streitigkeiten in diesem Land; sie erledigen ihre Prozesse in kurzer Zeit, entsprechend der Schlichtheit und Dürftigkeit ihrer Gesetze. So dass Fürsprecher und Anwälte dort ebenso unüblich sind wie die Philosophen. "In der französischen Version, die von Miège selbst erstellt wurde, steht nichts mehr von den Fürsprechern und Anwälten, sondern kurzgefasst heisst es nun, die Prozesse würden in kurzer Zeit abgewickelt, "so dass es die Rechtsverdrehung nicht gibt, ebensowenig wie die Philosophen"[37]. Hinter diesem noch recht dezenten Hinweis auf die in der eigenen Kultur üblichen Rechtsverdrehungen (*chicane*) steckt ein Ansatz zur Kulturkritik: Das Frembe wird als besser dargestellt, das schlechtere Eigene somit indirekt oder auch direkt kritisiert. Ein Landsmann von Guy Miège, Carl Valerius Wichhart, der 1675 ald Mitglied einer kaiserlichen Gesandtschaft nach Moskau kam, hat diese Spur weiter verfolgt. Seine Beschreibung der altrussischen Justiz ist eine explizite Kritik der elgenen Zustände. In den einleitenden Sätzen paraphrasierte Wickhart noch Olearius, doch dann nehmen seine Ausführungen eine unerwartete Wendung: "Ihre Jura vnd Rechts-Sachen bestehen in vnterschidlichen Statuten vnd Gesätzen / welche vor ohngefehr dreyssig Jahren durch die / zu disem Ende auss dem gantzen Reich versamblete witzigste Köpff zusammen getragen / von dem Gzar confirmiert, vnd in offnen Druck gegeben worden: Nach disem gesambten Recht verfassen sie alle Vrthl / vnd wissen im übrigen nichts / von den vilfältig- vnd höchst-schädlichen Auffzügen / durch welche man die arme Partheyen fein langsam vnd Glidweiss zerfetzt vnd verzehret / dissfals glückseelig / dass die / so bey Gericht zu thuen haben / nicht lange Zeit gesprengt / oder mit grossen Vnkosten hin vnd her gezogen / sondern bald sententioniert werden."[38]

Noch massiver als bei Wickhart wurde solche Kulturkritik bei Jakob Reutenfels geäussert. Reutenfels hatte zwischen 1670 und 1672 in Moskau gelebt, sein lateinischer Bericht erschien jedoch erst 1680. Das Kapitel 22 im zweiten Teil seines Werkes eröffnete er mit der Feststellung, dass die Moskowiter es bisher glücklicherweise vermieden hätten, ihren Reichtum, ihr Leben und ihren Glauben in die Hände unwürdiger Personen zu geben, nämlich der Ärzte, der Theologen und der Advokaten. Es folgt ein Lob der raschen Abwicklung der Geschäfte, wie sie im Moskauer Reich üblich sei – ganz im Gegensatz zu den in den anderen Ländern üblichen langwierigen Prozessen. Was in Russland in einer Stunde erledigt werden könne, dauere andernorts ein Jahrhundert, stöhnte der Autor[39].

Beide Autoren, Wickhart wie Reutenfels, fügten ihrem Lob der russischen Verhältnisse allerdings noch ein "aber" an. Wickhart erwähnte die verbreiteten Bestechungen: "Sonsten seynd Sie auch in dem Rechtsprechen / vnd administriern der Justiz, dem allgemeinen Laster der Eigennützigkeit nicht wenig ergeben / vnd werden die Aempter (wie vnserm mitgehabten Medico Laurentio Rinhubero widerfahren ist) auch gemeiniglich vmb Gelt verkauffet."[40] Wir erinnern uns an ähnliche Hinweise bei Herberstein und Kotošichin. Und Jakob Reutenfels liess auf sein grundsätzlich positiv gefärbtes Kapitel 22 ein Kapitel 23 folgen, in dem recht ausführlich die grausamen Straf – und Foltemethoden beschrieben wurden. Auch über die Hinrichtung Sten'ka Razins berichtete eringehend[41].

Die Grausamkeit russischer Strafen wurde auch in anderen Reiseberichten des späten 17. Jahrhunderts thematisiert. Bei Erich Palmquist, der 1674 mit einer schwedischen Gesandtschaft ins Zarenreich reiste, werden die verschiedenen Methoden gar bildlich dargestellt[42]. Georg Adam Schleussing berichtete über den Strelitzen-Aufstand von 1682, dass die Strelitzen die Bestrafung ihrer Obersten gefordert hätten: "welches auch nicht gewägert / sondern die angeklagte Obristen nach Verhör- und Beweisung greulich nach der Reussischen Art gestraffet / ja auch wohl gar jhrer Chargen entsetzet worden seynd."[43] Auch Schleussing prangerte im übrigen die Bestechlichkeit der Richter an. Über die Gesetze schrieb er: "Jhre geschriebene Gesetze seynd an und vor sich selbsten

nicht zu tadeln aber der grosse Missbrauch / der darbey für läuffet / ist augenscheinlich tadelns gnug würdig / und kan einer in Reussland / der den Dativum wohl zu decliniren gelernet hat / das beste Recht haben."[44]

Die Exekutionen nach dem letzten Strelitzen-Aufstand von 1698, and denen sich Zar Peter I. höchstpersönlich beteiligte, haben die Vorstellung von einer grausamen russischen Strafjustiz bestimmt verstärkt. Die Beerdigung der Hingerichteten bezeichnete der habsburgische Gesandtschaftssekretär Johann Georg Korbals "ein grausiges, bei gebildeteren Völkern ungewohntes oder beinahe undenkbares Schauspiel". Mit spitzer Feder notierte er am 17. Oktober 1698: "Heute wurden nur sechs enthaupter. Sie waren glücklicher als die anderen, falls hoher Rang der Henker zum Ruhme gereicht" – eine Anspielung auf die Henkertätigkeit des Zaren[45]. Aus aussenpolitischen Erwägungen wurde das Buch unter anderem wegen dieser Bemerkung in Österreich konfisziert[46].

* * *

Dieser einer groben chronologischen Gliederung folgende Überblick über die Urteile der Ausländer macht es deutlich: Im Gegensatz zu manch anderen Themenbereichen stossen wir im Falle der altrussischen Justiz nicht auf ein einheitliches abendländisches "Russlandbild".

Hinweise auf die Bestechlichkeit der Richter finden wir im gesamten Unterssuchungszeitraum: von Herberstein bis zu Kotošichim, Wickhart und Schleussing. Jacques Margeret unterstrich hingegen die Strenge der Gegenmassnahmen. Georg Adam Schleussing hat es in seinem in Dialogform vertassten Russlandwerk angesprochen: Korruption blühte natürlich auch ausserhalb Russland. Auf die (oben zitierte) Bemerkung "Philanders", dass "einer in Reussland / der den Dativum wohl zu decliniren gelernet hat / das beste Recht haben" könne, meinte der imaginäre Gesprächspartner "Constans": "Ja / mein lieber Herr / das gehet wohl leyder allenthalben in der gantzen Welt also zu!" Darauf meinte "Philander": "Mein Herr / vergebe mir / das wäre ein wenig zu viel geredet / angesehen dann und wann wohl heimlich etwas faules anderswo passiret / aber allhier allzeit und öffentlich."[47] Wie bei so manchen russischen "Lastern"[48] störte den Ausländer hier also vor allem die Sichtbarkeit des Übels.

Ob die russischen Gesetze zu nachsichtig waren oder ob sie zu streng waren – die Ausländer fanden nicht zu einer einheitlichen Beurteilung. Sigismund von Herberstein war erstaunt, dass für Delikte wie Diebstahl, Totschlag und Sodomie die Todesstrafe nicht üblich war, Johann Danckaert meine, man könne in Russland undestraft darauf los morden, und noch bei Samuel Collins finden wir eine ähnliche Grundeinstellung. Andere Autoren kritisierten hingegen die Grausamkeit russischer Strafen. In den behandelten Quellen ist diese Haltung eher in den Texten des späten 17. Jarhhunderts vertreten. Ob sich die Empfindlichkeiten in Westeuropa im Verlauf des jahrhunderts allmählich geändert haben? Folter und öffentliche Hinrichtungen waren auch im lateinischen Europa im 17. Jahrhundert noch an der Tagesordnung, doch die Forscher konstatieren gerade für jenes Jahrhundert einen deutlichen Rückgang[49]. Die Abschaffung der Folter fällt zwar in den meisten westeuropäischen Staaten erst in die zweite Hälfte des 18. Jahrhunderts, und das einflussreiche aufklärerische Traktat über die Strafjustiz von Cesare Beccaria "Dei delitti e delle pene" wurde erst 1764 publiziert[50]. Doch offensichtlich ging diesen Taten ein allmählicher Wandel der Einstellungen voran. In Russland hingegen verlief die Entwicklung damals gerade umgekehrt: Die Strafen wurden immer drastischer. Nach Christoph Schmidt erreichte die Körperstrafe "im Hinblick auf das Verstümmeln im 17. Jahrhundert ihren Höhepunkt"[51]. Im 18. Jahrhundert nahmen dann aber die russischen Kaiserinnen Elisabeth und Katharina II. bei der Abschaffung der Todesstrafe und der Folter eine europäische Vorreiterrolle ein[52].

Wenn Johann Georg Korb die Exekutionen der Strelitzen als "grausiges, bei gebildeteren Völkern ungewohntes oder beinahe undenkbares Schauspiel" bezeichnete, kann man dies wohl als Hinweis auf eine zunehmende Empfindlichkeit deuten. Korbs weitere Ausführungen lassen einen an dieser Interpretation zwar zum Teil wieder zweifeln. Er schrieb nämlich als Begründung: "Denn ohne Ordnung lagen die Leichen auf den Wagen durcheinander, davon viele halbnackt. Wie geschlachtetes Vieh zum Markt, so schleppte man sie zu den Begräbnisgruben."[53] Dass die Ausländer gegen Ende des 17. Jahrhunderts in allen Bereichen der russischen Kultur schmerzlich Symmetrie und Ordnung vermissten, habe ich an anderer Stelle gezeigt[54]. Aus Korbs Äusserung könnte man den Schluss ziehen, daβ das grausame Schauspiel für ihn wohl erträglicher gewesen wäre, wenn die Leichen geordnet und ordentlich bekleidet zu den Massengräbern geführt worden wären.

Es scheint naheliegend, dass eine veränderte abendländische Einstellung zu Folter und Tudesstrafe sich im späten 17. Jahrhundert auch auf das Bild von der altrussischen Justiz ausgewirkt hat. Dass die jeweiligen politischen Umstände in Russland das Urteil der fremden Beobachter mit beeinflusst haben könnten, ist ein weitere Deutung, die sich anbieted. Solche Zusammenhänge sing meines Erachtens jedoch nur in einzelnen Fällen sichtbar. Dass Raphael Berberini zum Schluss kam, das geschriebene Gesetz gelte in Russland nichts, der Wille des Herrschers hingegen alles, verwundert nicht – bereiste er doch in der Regierungszeit Ivans IV. das Moskauer Reich. Johann Danckaerts Abscheu vor den allzu milden russischen Rechtsbräuchen wirkt ebenfalls verständlich angesichts der Tatsache, dass er – als Mitglied einer Interventions-armee- in einer Periode von Anarchie und Krieg ins Land gekommen war.

Neben all diesen historischen Deutungsansätzen scheint es mir jedoch unerlässlich, auch psychologische Erklärungsmuster in Betracht zu ziehen. Es scheint, dass wir beim Thema der gerechten Strafe mit grossen individuellen Unterschieden der Einstellung rechnen müssen. Auch wenn es in den einzelnen Kulturen jeweils generell akzeptierte Erziehungsnormen gibt, so wird doch jedem aufwachsenden Menschen in seiner engsten Umgebung auf ganz unterschiedliche Art beigebracht, was richtiges und was unpassendes Verhalten ist. Dem einen werden diese Normen mit der Rute eingebläut, ein anderer wird vielleicht durch Spott und Bloβstellung "korrigiert", ein dritter mag sich in einer liebevollen Atmosphäre durch Nachahmung die sozial erwünschten Fähigkeiten angeeignet haben. Die Vorstellung davon, was eine "gerechte" Strafe ist, wird sicher durch solche höchstpersönliche Urerlebnisse mitgeprägt. Dabei ist mit einer sehr grossen individuellen Bandbreite zu rechnen. Ein einstmals Geschlagener kann zum Beispiel seinen Kindern gegenüber ebenfalls zum Schläger und generell zu einem Fürsprecher "strenger" Strafen werden – doch ein anderes ehemaliges Prügelopfer reafiert vielleicht gerade umgekehrt und wird aus eigener Betroffenheit zu einem Vertreter "milder" Strafmethoden. Mancher wird möglicherweise auch einmal so und einmal anders reagieren.

Wie viel unverdaute Kindheitsgeschichte, wie viel Emotion und wie wenig Logik wir zum Teil in den ausländischen Urteilen über das altrussische Rechtswesen finden, hat der schwedische Resident in Moskau von 1665–1667, Johann von Lilienthal, in seinen Berichten demonstriert. Im Sommer 1666 beschrieb er in seinem Brief nach Stockholm eine "exemplarische exekution" eines Mörders. Man habe den Schuldigen vor dem Haus des eigentlichen Auftraggebers, eines Fürsten Golicyn, an einem "Galgen, gar Frühe aufhencken und noch andern zweyen, iedem die lincke Hand abgehauen und an selben Galgen anhefften lassen, und hatt drey tage biss an den Pfingst Sonabent bencken müssen"[55]. Mit den aufatmenden Worten: "Wolte gott dass alle heissige Strassenräuber dergestalt belohnet weren", beschloss der Resident seine Schilderung. Doch ein halbes Jahr früher, am 29. Dezember 1665, hatte von Lilienthal noch ganz andere Ansichten vertreten. Damals war ein Ausländer, ein gewisser Leutnant Beaulieu, der im Streit einen

Russen getötet hatte, von den Moskauer Behörden gesucht worden. Der schwedische Resident hatte ihn bei sich versteckt. Seinen Vorgesetzten gegenüber begründete dieses Verhalten mit dem grausamen russischen Rechtswesen. Man pflege sein Word nicht zu halten, Entscheide willkürlich zu widerrufen und unmenschlich zu foltern und zu strafen: "[...] auch ihre examina in allen so ciuilibus, alss criminalibus indifferenter strax ab immani et horrenda corporum tortura angefangen werden. Diesem Beaulieu auch schon gedrawet worden, dass man ihme nach harter Knutung, die Augen ausboren, hände und füsse abhawen und also unmenschlich tractiren wolten, darumb ich ihne nicht von mir stossen können"[56]. Harte Strafen waren aus der Sicht dieses höchst labilen und emotionalen Berichterstatters offenbar nur für russische Mörder angemessen. Mit dem Leutnant Beaulieu identifizierte er sich, der russische Mörder hingegen verkörperte das nach aussen projizierte fremde Böse, das beseitigt werden musste. Johann von Lilienthal ist ein Paradebeispiel dafür, wie das "Eigene" den Blick auf das "Andere" trüben kann[57]. Über seine Kindheit sind keine Details bekannt. Dass er aber bestimmt nicht in einer Atmosphäre der Geborgenheit aufgewachsen ist – diese Tatsache können wir allein schon aus seinen Urteilen über die altrussische Justiz ablesen. So kann ein – vorsichtig praktizierter – psychohistorischer Ansatz die Forschung in Einzelfragen vielleicht weiterführen. Entschieden abzulehnen sind meiner Ansicht nach allerdings alle Aussagen über Kollektiv-Seelen. Dies ist ein extrem gefährliches Denken, das rasch wieder zu Konstrukten von "Nationalcharakteren" oder gar zu rassistischen Ideen führen kann.

Gelassen hat Anna Leonidovna Choroškevič auf den "Snobismus" Sigismund von Herbersteins hingewiesen. Ebenso gelassen sollten die Forscher die Überheblichkeit der späteren Nachfolger und Nachahmer Herbersteins betrachten oder – in umgekehrter Blickrichtung – das russisch-orthodoxe religiöse Überlegenheitsgefühl, das sich etwa in den antilateinischen Polemiken manifestiert hat. Es handelt sich bei diesen Werturteilen ja keineswegs um absolute Wahrheiten. Gerade die unterschiedlichen Ansichten über die altrussische Justiz zeigen dies deutlich. Jede Aussage über die anderen ist zugleich eine Aussage über sich selbst. Manche Historiker sind sich immer noch zu wenig bewusst, wie viel sie auch in ihren eigenen Arbeiten über sich selbst preisgeben.

[1] *Хорошкевич А.Л.* Сигизмунд Герберштейн и его "Записки о Московии" // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 41.

[2] Solche Ansätze findet man bei: *Butler W.E.* Foreign impressions of Russian law to 1800: Some reflections // Russian law: Historical and political perspectives. Leyden, 1977. P. 65–92. Butler untersuchte allerdings lediglich englischsprachige Texte, und die Widersprüchlichkeit der Ansichten wird bei ihm nur kurz erwähnt (z.B. S. 74 f, 81 f.).

[3] So z.B.: *Wreickhardt G.G.* The process and equal justice in the Muscovite codes // The Russian Review. 1992. [T.] 51. P. 464: "The negative evolutions of Muscovite law also reflect the unflattering contemporary accounts written by foreigners". Vgl.: Ibid. P. 480. Der Autor beschränkt sich allerdings auf Stellungnahmen von Giles Fletcher und Adam Olearius. Vgl.: *Ключевский В.* Сказания иноземцев о Московском государстве. Пг., 1918. С. 135–148; hat einzelne Aussagen der Russlandreisenden referiert; wir finden bei ihm jedoch kein Pauschaluteil über "negative" (oder "positive") Haltung der Ausländer.

[4] Die Kommentare vgl.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 316, № 330.

[5] *Gersdorf E.H.-von.* Die neideren Stände im Moskauer Reich in der Sicht deutscher Russlandberichte des 16. Jahrhunderts // Rossica externa: Studien externa: Studien zum. 15.–17. Jahrhundert: Festgabe für Paul Johansen zum 60. Geburtstag. Marburg, 1963. S. 65.

[6] Moscouia der Hauptstat in Reissen / durch Herrn Sigmunden Freyherrn zu Herberstain [...] zusamen getragen. Wien, 1557, fol. 1 I v. Im lateinischen Original: Furta raro capitali poena, imo homicidia raro, nisi praedae gratia facta fuerint, puniuntur. Qui uero furem in furto deprehendit, & occidit, impune id facere potest: ea tamen conditione, si occisum in aulam Principis detulerit, & rem ut acta est exposuerit // Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain [...] Basileae, 1571. S. 52.

[7] Rerum Moscoviticarum Commentarij... S. 52: "Cum brutis congredientes, ne illi quidem ultimo afficiuntur supplicio".

[8] [*Colluns S.*]. The present state of Russia, in a letter to a friend at London: Written by an eminent person residing at the great Tzars court at Moscow for the space of nine years. London, 1671. P. 106.

[9] Vgl.: *Wreber H.* Kinderhexenprozesse. Franfkurta. M.; Leipzig, 1991. S. 233.

[10] Moscouia... 1557, fol. J I v. In der lateinischen Originalfassung: "Iustitiam strenue exercent in praedones: quiebus comprehensis, calcanea primum frangere, dein in biduum aut triduum usque, dum intumescant, quiescere: post, fracta iam ac intumefacta, rursus motare iubent. Non alio genere torquendi & flagitiosos, ad confitenda latrocinia, sociosque scelerum indicandos, utuntur. Caeterum si in quaestionem uocatus, supplicio dignus fuerit repertus, suspenditur. Alio genere poenae sontes raro puniuntur, nisi quid immanius commiserint" (Rerum Moscoviticarum Commentarij... S. 52).

[11] Moscouia... 1557, fol. J 2 v.; im lateinischen Original: "Vnius nobilis testimonium plus ualet, quisque causam suam exponit. Princeps, quanquam seuerissimus sit, nihilominus tamen omnis iustitia, & palam fere, uenalis est" (Rerum Moscoviticarum Commentarij... S. 54).

[12] *Barberini R.* Relazione di Moscovia // Recueil de relations et de mémoires concernant la géodraphie et l'histoire de la Russie avant 1700. Berlin, 1854. S. 39 f.

[13] *Fletcher G.* Of the Russe Commonwealth, 1591: Facsimile edition with variants. Combridge (MA), 1966. Fol. 50 v.

[14] *Fletcher G.* Of the Russe Commonwealth. Fol. 49 v. – 53 ("Of their publique justice, and manner of proceeding in civil, and criminal matters").

[15] Ibid. Fol. 52–52 v.

[16] Ibid. Fol. 51 v.

[17] [*Маржерет Ж.*]. Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета / Сост. Ю.А. Лимонов. М., 1982. С. 107, 70 f, 82.

[18] *Danckaert J.* Beschrijvinge van Moscovien ofte Ruslant. Amsterdam, 1615; die Sammelschrift: Petrus Jansonius [z.T. auch als Autor genannt: Eustathius Swartius], Itinerarium oder Aussführlicher Bericht, welcher gestalt Ihre Königl. Mayest. Von Schweden unlegest Abgesandter [...] Herr Iohan Skytte auss Schweden nach Dennemarcken, von dannen nach Hollandt verreiset [...] Neben Drey andern newen Tractätlein: [...] Das Dritte ist von Rüssen oder Muscowiter Religion I Ceremonien I Gesetzen I Policey I und Kriegshandel I wie von des Landes beschaffenheit. Hamburg, 1619; *Petreius P.* Historien und Bericht von dem grossfürstenthumb Muschkow [...] Leipzig, 1620. Angaben zu Johann Danckaerrt und zum Schicksal seines Teztes bei: *Tarkiainen K.* Studier i Rossica externa // En holländsk Rysslandsskildring i en svensk resedagbok från, 1619. Lychnos, 1969–1970. S. 97–113.

[19] *Danckaert J.* Beschrijvinge can Moscovien... S. 58: "Daer en is gheene misdaet onder de Russen / hoedanich die oock sounde moghen wesen (ten sy dat die gheschiet tot preiuditie des Keysers) die niet door den vinger en werdt ghesien / wtgenomen alleen de dieverye..."

[20] Ibid.: "Sy en maecken gheen meer swarichheyt van d'een den anderen om het leven te brenghen / als oft sy maer onredelijcke dieren en waren". Hier zitiert nach der deutschen Übersetzung vgl.: Jansonius, Itinerarium, Tractat. S. 90.

[21] *Danckaert J.* Beschrijvinge van Moscovien... S. 52, 58.

[22] *Tarkiainen K.* Studier i Rissica externa. S. 108.

[23] *Olearius A.* Vermehrte newe Beschreibung der muscovitischen und persischen Reise, Schleswig, 1656. Tübingen, 1971. S. 199 f. (Deutsche Neudrucke. Reihe Barock. Bd. 21).

[24] *Olearius A.* Vermehrte newe Beschreibung... S. 270–275.

[25] Ibid. S. 271.

[26] Ibid. S. 271.

[27] Ibid. S. 273.

[28] *Butler W.E.* Foregn impressions of Russian law to 1800. P. 82.

[29] *Olearius A.* Vermehrte newe Beschreibung... S. 187.

[30] Ibid. S. 272 f.

[31] Kapitel XXI, Artikel 9 und 10. Vgl.: Акты Земских соборов / Изд. А.Г. Маньков. М., 1985. С. 231 (Российское законодательство X–XX веков. Т. 3). Im Kommentar (S. 413) wird darauf hingewiesen, dass die Bestrafung für Dibe gegenüber den früheren Sudebniki verschärft wurden. Neu war im Uloženie beispilweise die Folter bereits bei der ersten Beschuldigung und die Gefängnisstrafe für die erste Tat; auch das Abschneiden der Ohren war eine neue Strafe, die in der Folge sehr häufig praktiziert wurde. Es ist nicht klar erfassbar, inwiefern sich solche Änderungen der russischen

Gesetze auf das Urteil der ausländischen Reisenden ausgewirkt haben. Samuel Collins, der bereits in der "Ära" des "Uloženie" am Zarenhof wirkte, meinte zum Beispiel immer noch, mit Mördern werde relativ milde imgegangen.

[32] [*Mayerberg A. von*]. Iter in Moscoviam Augustini liberi Baronis de Mayerberg et Horat. Cuil. Caluucci ab August. Rom. Imper. Leipoldo ad Gzarem et Magn. Ducem Alexium Michail A. 1661. Ablegatorum. S.l., S.a. Vgl.: *Butler W.E.* Foreign impressions of Russian law to 1800. P. 69.

[33] [*Collins S.*] The present state of Russia... P. 58; 71, 72–75; über die russischen Folermethoden.

[34] Ibid. P. 37: "Here the crime and the punishment are well accomodated: For it is fit she should die without mercy, who had no bowels nor affection left for her husband". Über die eingegrabenen Gattenmörderinnen vgl.: Z.B. auch: *Coyet B.* Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу; Voyage van den Heere Koenraad van Klenk, Eztraordinaris Ambassadeur van hear H.M. ean Zyne Zaarsche Majesteyt van Moscovien. СПб., 1900. Niederländisch S. 206; Russisch S. 509 f.; *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. / Пер. с лат. И. Ивакина. М., 1891. С. 81 f.; *Korb J.G.* Tagebuch der Reise nach Russland / Hrsg. und eingel. von G. Korb; Übers. und Anmerkungen versehen von E. Leingärtner. Garz., 1968. S. 96.

[35] Vgl.: *Dülmen R. van.* Theater des Schreckens: Gerichtspraxis und Strafrituale der frühen Neweuzeit. München, 1985. S. 118, 121; *Evans R.J.* Rituals of retribution: Capital punishment in Germany, 1600–1988. Oxford, 1996. P. 48.

[36] *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 117 f. (Slavistic printings and reprintings. The Hague; Paris, 1969. Vol. 126). Ausführungen über die Rechtssprechung vgl.: P. 117–123, 135, 140–142.

[37] *Miegel G.* A relation of three embassies from his sacred Majestie Charles II to the great duce of Muscovie, the ring of Sweden and the king of Denmark: Performed by the right noble the Earle of Carlisle in the years 1663 & 1664. London, 1669. P. 67: "There is no room for subtilities of wrangling in this Country, they dispatch their Suits in a short time, according to the plainnes and paucity of their Laws. So that the Atturneys and Sollicitors are there of as little usse and concernment as the Philosophers"; *Idem.* La relation de trois ambassades des Monseigneur le Comte de Charlisle de la part du sérénissime et trés puissant prince Charles II, roi de la Grande-Bretagne [...], commencées en l'an 1663 et finies sur la fin de 1664 / Noev. éd., rev. et annot. par A. Galizin. Paris, 1857. P. 355: "[...] de sorte que la chicane n' y a point de lieu, non plus que la philosiphie".

[38] *Wickhat C.V.* Moscowitische Reiss-Beschreibug I Oder Aussführliche Relation dessen I Was sich Mit der Röm. Kays. Majestät Leopoldi. Abgeordneten I Zu dem Gross Czarn in Moscaw Alexium Michalovitz, Hannibal Frantzen von Bottoni [...] Wie auch Johann Carl Terlinger von Guzman [...] In dem 1675. Jahr denckwürdiges zugetragen. [...] Wien, S.a. S. 248. William E. Butler erwähnt aus seinem englischsprachigen Material als Beispiel einer solchen Kulturkritik nur ein mit Initialen "J.F." gezeichnetes Pamphlet von 1654, in dem das russische Recht als Inbegriff einer reinen Gerechtigkeit dargestellt wurde. Vgl.: *Butler W.E.* Foreign impressions of Russian law to 1800. P. 88 f.

[39] *Ройтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме третьему о Московии, Падуя, 1680 г. / Пер. с лат. А. Станкевич. М., 1905. С. 114 f. Vgl. den lateinischen Text: [*Reutenfels J.*]. De ebus Moscoviticis ad serenissimum nagnum Hetrvriae ducem Cosmum. tertium. Padua, 1680. P. 143.

[40] *Wickhart C.V.* Moscowitische Eiss-Beschreibung. S. 254.

[41] *Ройтенфельс Я.* Сказания... С. 116–119б. Vgl. Lateinisch: [*Reutenfels J.*] De rebus Moscoviticis... P. 144–150.

[42] *Palmquist E.* Någre widh sidste kongl: ambassaden till tzaren i Muskou giorde observationer öfwer wägar, pass medl fästningar och gräntzer. Sammandragne aff E.P. Anno 1674. Stockholm, [1898]. Dargestellt sind: die Knutenstrafe, das Schlagen mit Stöcken (батоги), die Strafe für säumige Schuldner, (правёж: Schlagen auf die Schienbeine) und die Tortur mit dem Eiswasser-Tropfen auf den geschorenen Schädel.

[43] *Schleussing G.A.* Anatomia Russiae deformatae oder historische Beschreibung derer beyden auf einen Throm gesetzen Czaaren oder Gross-Fürsten Iwan und Peter Alexewitz, als Herrn Gebrüdern [...]. S. l., 1688. S. 43.

[44] Ibid. S. 115. (Vgl.: Dativ von lat., "dare" = "geben").

[45] *Korb J.G.* Tagebuch der Reise nach Russland. S. 116, 162.

[46] Ibid. S. 252, Anm. 287.

[47] *Schleussing G.A.* Anatomia Russiae deformatae... S. 115.

[48] *Scheidegger G.* Perverses Abendland – barbarisches Rissland: Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse. Zürich, 1993. S. 148, 155.

[49] Vgl.: *Evans R.J.* Rituals of retribution. P. 42, 27 f., 114; *Dülmen R. van.* Theater des Schreckens. P. 114, 116 f.

[50] Ibid. P. 113 f., 127 f.

[51] *Schmidt Ch.* Sozialkontrolle in Moskau: Justiz, Kriminalität und Leibeigenschaft, 1649–1785. Stuttgart, 1996. S. 381. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 44). Vgl. auch. S. 43 f.

[52] Vgl.: *Butler W.E.* Foreign impressions of Russian law to 1800. P. 83, 87 f.

[53] *Korb J.G.* Tagebuch der Reise nach Rissland. S. 116.

[54] *Scheidegger G.* Das Eigene im Bild vom Anderen: Quellenkritische Überlegungen zur russisch-abendländischen Begegnung im 16. und 17. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1987. Bd. 35, Hf. 3. S. 352.

[55] Reichsarchiv Stockholm. Muscovitica 82. 9. Juni, 1666. Fol. 103 v.

[56] Ibid. Muscovitica 82. 29. Dezember, 1665. Fol. 64.

[57] Vgl.: *Scheidegger G.* Das Eigene im Bild vom Anderen... (Ausgangspunkt für diese Betrachtungen bilden allerdings ganz handfest materielle, nicht etwa psychologische Crundgebenheiten).

Andrzej Rachuba

ROKOWANIA W NIEMIEŻY W 1656 roku W ASPEKCIE TEORII WOJNY SPRAWIEDLIWEJ

Przedmiotem mego zainteresowania będzie dyskusja toczona przez uczestników rokowań w Niemieży w sprawie przyczyn wojny i warunków jej zakończenia. Jest to bowiem, mym zdaniem, bardzo interesujący materiał do zagadnienia zmiany w stosunkach między Moskwą z Rzecząpospolitą w połowie XVII wieku, ilustrujący zupełnie inne sposoby argumentacji, spojrzenia na prawo i jego wartość w konfliktach międzynarodowych, rozbieżności między ideologią a czynem, stanem faktycznym wymuszonym przez siłę militarną. Całość da się krótko ująć w określeniu – zmiana w układzie sił miedzy obu państwami znalazła też odzwierciedlenie na polu dyplomacji. Po raz pierwszy to strona rosyjska dyktowała Rzeczypospolitej warunki zakończenia wojny i już nigdy w stosunkach między obu tymi państwami nie miało być inaczej. Nie zamierzam jednak szczegółowo omawiać toczonych pod Wilnem rokowań, nie jest to bowiem tu dla mnie istotne. Chcę jedynie zaprezentować pewne zjawisko z teorii i praktyki gry dyplomatycznej. Podstawą będą dla mnie głównie dwa oficjalne teksty strony litewskiej, oba autorstwa Cypriana Pawła Brzostowskiego – sprawozdanie (zapewne na potrzeby króla, senatu lub sejmu) i diariusz owych rokowań[1], dotąd nie wykorzystane przez badaczy oraz raporty komisarzy Rzeczypospolitej i ich korespondencja z kierownikami nawy państwowej.

Jak wiadomo, prowadzone od 22 sierpnia 1656 r.[2] i zakończone podpisaniem 3 listopada t.r. traktatu, rokowania w podwileńskiej Niemieży stanowiły zamknięcie pierwszego etapu wojny toczonej od lata 1654 r. z Rzecząpospolitą przez Moskwę, z wielkimi jej sukcesami. Wojska cara Aleksego Michajłowicza zajęły ogromne obszary Wielkiego Księstwa Litewskiego i ziem ruskich Korony Polskiej. Mimo dużej literatury dotyczącej owego konfliktu, brak jest jednak w rzeczywistości nie tylko pełnej jego monografii, z uwzględnieniem wszelkich aspektów ekonomicznych, politycznych, militarnych i społecznych, lecz nawet szerszego zarysu opartego o dość bogate przeciez archiwalia. Wydaje się, że czas już najwyższy i odpowiedni po temu, by wreszcie historycy na nowo zajęli się tym zagadnieniem. O celowości tego i możliwych sukcesach powinny przekonać chociażby prace Lwa Zaborowskiego, poświęcone głównie kwestiom dyplomatycznym w stosunkach Moskwy z Rzeczapospolitą – także w aspekcie międzynarodowym[3]. Tytułowe, a tak istotne rokowania w Niemieży doczekały się zaledwie kilku odrębnych opracowań, po części dość słabych, bo opartych na niewielkim materiale źródłowym, choć oczywiście, były obiektem zainteresowania historyków od dawna – głównie jednak w aspekcie starań o objęcie tronu polskiego przez cara[4]. W tej sytuacji mnie ów problem w zasadzie nie będzie interesował, co nie znaczy, że nie jest on wart nowych badań, zwłaszcza, iż duża część źródeł tyczących się owych rokowan nie była dotąd wykorzystana.

Istniejąca literatura zwalnia mnie też od przedstawiania przyczyn wojny miedzy państwem carów a Rzecząpospolitą i jej przebiegu[5], tytułem jedynie porządku przypomnę, że nie może ulegać wątpliwości, iż agresorem była Moskwa, wykorzystująca ogromne osłabienie Rzeczypospolitej długoletnią wojną domową do realizacji swych mocarstwowych celów jednoczenia ziem ruskich i zdobycia portów na morzu bałtyckim, co miało ułatwić jej handel z Europą Zachodnią. Władze moskiewskie słusznie skonstatowały, iż gdy nadarzyła się wspaniała okazja wzięcia rewanżu za smutę i klęskę w wojnie smoleńskiej 1632–34 r., byłoby błędem z niej nie skorzystać. Rzeczywiste przy-

czyny wojny i jej cele w rzeczy samej niewiele miały jednak wspólnego z głoszonymi hasłami, co zresztą jest naturalne, przeważnie bowiem agresor nie głosi, że napadł na sąsiada dla zdobycia jego ziem i ludności – czyli, że chce "per ambitionem państwa nabywać", jak to zarzucali Rosjanom komisarze Rzeczypospolitej.

Cele delegacji obu państw przybyłych latem 1656 r. do podwileńskiej Niemieży na pierwszy rzut oka były podobne, w rzeczywistości różniły się dość zasadniczo – generalnie chodziło o zawarcie rozejmu i sojuszu antyszwedzkiego, ale każda ze stron inaczej rozumiała warunki, na jakich miało się to odbyć, co było odbiciem różnicy w ich położeniu militarnym[6].

Dla pełnego obrazu należy też przedstawić krótko uczestników zmagań w Niemieży, w których rolę pośrednika odgrywali (a może raczej słuszniej będzie powiedzieć – próbowali odgrywać) dwaj doświadczeni dyplomaci cesarscy Lorbach i Allegretti. W rzeczy samej jednak, mieli oni niewielki wpływ na wydarzenia, choć chołubieni byli przez komisarzy Rzeczypospolitej, a czasami bezceremonialnie i wrogo traktowani (jako zdecydowani przeciwnicy sukcesji objęcia przez cara tronu polskiego) przez dyplomatów strony moskiewskiej, którymi byli kniaź Nikita Iwanowicz Odojewskij, namiestnik astrachański, kniaź Iwan Iwanowicz Łobanow, namiestnik riazański i Wasyl Aleksandrowicz Czohłokow, okolniczy i namiestnik ołotarski. Wszyscy oni mieli spore doświadczenia dyplomatyczne, co odróżniało ich od komisarzy Rzeczypospolitej. Spośród tych Jan Kazimierz Krasiński, wojewoda płocki i Stanisław Sarbiewski, starosta grabowiecki reprezentowali Koronę, a Jan Dowgiałło Zawisza, biskup-nominat wileński, Krzysztof Zawisza, marszałek wielki i Cyprian Paweł Brzostowski, referendarz – Wielkie Księstwo Litewskie. Obaj Koroniarze byli niewątpliwie doświadczonymi, zaprawionymi w bojach parlamentarzystami, ale nigdy nie uczestniczyli w – specyficznych przecież – rokowaniach z Moskwą; podobnie rzecz się miała z Litwinami, chociaż Krzysztof Zawisza i w mniejszym stopniu Brzostowski (dopiero początkujący w dyplomacji) zdecydowanie w tym względzie przewyższali doświadczeniem koronnych kolegów, zwłaszcza, iż bardziej z natury rozumieli specyfikę pertraktacji ze wschodnim sąsiadem. Ów brak doświadczenia widać podczas lektury obu wspomnianych tekstów – komisarze Rzeczypospolitej nie zawsze potrafili radzić sobie z dobrą, lecz przecież znaną, wielokrotnie w przeszłości zmuszaną do ustępstw, szkołą dyplomatyczną reprezentowaną przez Rosjan. Tym nie mniej, ich postawa zasługuje na uznanie, gdyż stawiali swym interlokutorom twardy opór, potrafili niezwykle celnie ripostować i argumentować, zdecydowanie zaś przeważali ich w uzasadnieniach prawnych i moralnych, potrafili posługiwać się szantażem, groźbą i ustępstwem taktycznym. Niestety, nie mieli przysłowiowych armat, co dramatycznie zmniejszało ich szansę na sukces, choć nie można powiedzieć, by osiągnięty przez nich rezultat w ówczesnej sytuacji politycznej i militarnej był zły. Na więcej trudno było liczyć, choć mym zdaniem zdecydowanym zwycięzcą owego dyplomatycznego starcia była strona rosyjska. Z niczego ze swych zdobyczy nie rezygnując uzyskała ona prawo do tronu polskiego (zgoda, że warunkowe), gwarancję zachowania status quo i sojusz militarny. Ów sojusz przeciw Szwecji i Brandenburgii był potrzebny jednak głównie Rzeczypospolitej, która w teorii miała prawo wyboru – ze Szwecją przeciw Moskwie, lub z Moskwą przeciw Szwecji. Dylemat ten podzielił wówczas społeczeństwo i jego elitę władzy, która ostatecznie w 1656 r. skłoniła się ku współpracy z carem. Wydaje się, iż cena za to nie była wcale wygórowana, a że owej szansy nie udało się w pełni wykorzystać, było winą tylko strony polsko-litewskiej. Oczywiście, dyskusyjne jest (choć raczej w kategoriach "gdybania"), czy taki kurs władz Rzeczypospolitej był optymalny, czy nie bardziej korzystny byłby sojusz ze Szwecją przeciw Moskwie. Niewątpliwie, wpływ na opcję rosyjską miała istniejąca u części sterników naszego państwa wiara – niesłuszna mym zdaniem – w możliwość łatwiejszego w przyszłości poradzenia sobie militarnego z państwem carskim

niż z tradycyjnie niewygodnymi Szwedami, naciski dyplomacji habsburskiej i szlacheckiego społeczeństwa (głównie Wielkiego Księstwa Litewskiego).

Według dyplomatów moskiewskich podstawowym powodem wojny były "bezcześcia, bluźnierstwa i nieprawdy wielkie" w tytulaturach carów Michała i Aleksego[7], zawarte w dokumentach, korespondencji i księgach powstałych na terenie Rzeczypospolitej jako efekt działalności jej urzędników różnych szczebli, zwykłej szlachty i ludzi pióra, wykonywanej na polecenie władz – króla i panów rad. Jak wiadomo, w kwestii tytulatury swego władcy Rosjanie byli niezwykle wprost wyczuleni i drażliwi. Jaką wagę do tej sprawy przywiązywali świadczyć może fakt odczytywania przez ponad dwie godziny wszystkich ponad 400, najdrobniejszych nawet, niekiedy – według dzisiejszych standardów – śmiesznych, przykładów owych "bezcześci w tytułach i zhańbieniach w księgach drukowanych". Dyplomacja moskiewska uznała to za naruszenie paktów wieczystych i zerwanie przymierza między ich państwem a Rzecząpospolitą. Nie otrzymawszy satysfakcji za owe zniewagi car zmuszony był zbrojnie mścić się "krzywd i zelżywości swoich". Jest to więc typowy przykład wojny sprawiedliwej według doktryny ś. Augustyna – władca ma prawo wszcząć wojnę z innym państwem, jeśli zaniedbało ono ukarania swych obywateli winnych wyrządzonej sąsiadowi szkody[8]. Że działania cara miały charakter wojny sprawiedliwej świadczy zresztą wsparcie ze strony Boga (widocznie chcial on tej wojny), które umożliwiło wojskom moskiewskim ogromny sukces militarny. Jest to interesujący przykład argumentacji – zwyciężyliśmy dlatego, że nasza sprawa była słuszna, a więc strona przegrana z natury nie ma racji. Do tego doszedł też drugi argument tejże natury – najazd moskiewski "pobłogoslawił Bóg", ponieważ jednym z powodów wojny stało się odzyskanie przez Moskwę ziem oderwanych od niej "za nieprawdą", co – jak wiadomo – ś. Izydor z Sewilli uznal za słuszny powód wszczęcia wojny. Wreszcie, pod wpływem próśb cesarza i króla, car "zatrzymawszy się od wojowania do pokoju się skłonił", co jest kolejnym wyjętym z doktryny chrześcijańskiej (znowu ś. Augustyn) dowodem wojny sprawiedliwej – władca pomściwszy poprzez wojnę swe krzywdy winien dążyć do trwałego pokoju w przyszłości i car w tym kierunku zmierzał – ceną owego trwałego pokoju miało być przekazanie mu przez Jana Kazimierza reszty Wielkiego Księstwa Litewskiego (Żmudź, województwo brzeskie) z całą jego ludnością – także tą, która uciekła przed wojskami moskiewskimi do Korony oraz zaplacenie rekompensaty za wydatki wojenne w ogromnej sumie 1 mln. 700 tys. rubli. Jeśli jednak ostatecznie kwestia odszkodowania, czy też rekompensaty, zeszła z porządku dziennego pertraktacji, to Rosjanie żadną miarą nie godzili się na jakiekolwiek ustępstwa terytorialne w stosunku do założonego i przedstawionego ostatecznie jako kres ustępstw projektu – granica miałaby biec na Dziśnie, Berezynie, Prypeci i Bugu, a więc z utratą ogromnej części terytorium Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony. Obszarem przetargowym uczyniono jedynie samą Litwę z Wilnem, przy czym i tak miała ona przez 20 lat zostawać pod władzą cara.

Wreszcie ważnym argumentem dla strony rosyjskiej tłumaczącym przyczynę najazdu była wymierzona w nią rzekoma liga Rzeczypospolitej z Chanatem Krymskim z 1649 r., na poparcie czego przytoczono dwanaście kopii listów Islama Gireja do Jana Kazimierza i pieczętarzy koronnych, które zresztą dostarczył Aleksemu Michajłowiczowi w 1650 r. poseł polski Stanisław Witowski, kasztelan sandomierski. Strona moskiewska nie zinterpretowala jednak tego faktu jako wyrazu szczerego zamiaru ze strony Rzeczypospolitej zachowania pokoju i ukazania przewrotności tatarskiej, na co liczył dwór warszawski przekazując kopie owych listów. Uważała, że taki sojusz był potajemnie przygotowywany, o czym świadczyło to, iż król nie od razu poinformowal cara o inicjatywie chana, a dopiero po dłuższym czasie. Interesujące, że nie argumentowano przy tym, że sojusz władcy chrześcijańskiego z niewiernymi przeciw chrześcijanom to poważne naruszenie norm moral-

nych w obrębie wspólnoty zwanej christianitas, co mogło stanowić kolejny argument usprawiedliwiający wszczęcie wojny.

Komisarze Rzeczypospolitej odrzucili generalnie argumentację delegacji moskiewskiej. Oni też uważali, że powodem wojny były tytuły carskie (co może nas dziwić i nie było najszczęśliwszym posunięciem taktycznym), ale wyciągając wniosek, iż należy bezwzględnie trzymać się litery prawa (czyli traktatu polanowskiego) w owej tytulaturze "i jednej litery nad pakta nie przyczynić", wpadali w kolejny konflikt, wynikły z przyjęcia przez cara tytułów "wielkiego księcia litewskiego, Białej i Małej Rusi", czego – oczywiście – nie mogli i nie chcieli zaakceptować. Ich sytuację przetargową pogarszał, co prawda, fakt uznania cara za władcę "Białej, Malej i Wielkiej Rusi" przez króla Jana Kazimierza, który zastosował ową tytulaturę w liście zawiezionym do Stolicy przez Piotra Galimskiego wiosną 1656 r., ale twardo obstawali przy swoim, zrzucając winę za umieszczenie tego nieszczęsnego tytułu carskiego na kancelarię, która jednak "nie może Królowi JM, bo by i sam Król JM Rzeczypospolitej i sobie prejudykować". Nie chcąc zaś dawać powodu do skarg na łamanie paktów polanowskich komisarze nie godzili się tytułować cara inaczej niż w nich było zagwarantowane! Ostatecznie kwestię tę załatwiono dość zgrabnie, gdyż obie strony nie chciały z tego powodu tamować rozpoczęcia pertraktacji. Co do zasadniczych pretensji moskiewskich komisarze Rzeczypospolitej przyznawali, co prawda, że "bezcześcia" w tytulaturze carskiej się zdarzały, ale tłumaczyli, iż przecież część winnych tego została ukarana – chodzi tu o głośną sprawę skazania 15 III 1652 r. przez sąd sejmowy na śmierć i konfiskatę mienia kilkudziesięciu osób za naruszenie tytulatury carskiej. Z nich część zmarła w międzyczasie, a tych, którzy, "niewiadomością tytułów zasłaniali się i ci, którzy zgoła ani do listów, ani do pieczęci nie znali się, a brali się do przysięgi, że nie kontempt carskiemu wieliczestwu uczynili"[9], zwolniono od odpowiedzialności. Co zaś tyczyło się różnych ksiąg drukowanych, to komisarze tłumaczyli, iż w Rzeczypospolitej nie drukuje się ich tylko za wiedzą i zgodą władcy, choć "zwyczaj jest, iż bibliopola pisze cum gratio et priuilegio SRM". Nie karze się też autorów i wydawców, ale niszczy same księgi, które "kat pali". Zgodnie z tym spalono więc też i wskazane przez poselstwo moskiewskie księgi. Nie jest winą Rzeczypospolitej, iż władze w Moskwie nie zadowoliły się tym, domagając się literalnego wypełnienia konstytucji sejmu 1637 r. ("Zatrzymanie pokoju z Moskwą"). Zresztą, skala owych występków nie była aż tak wielka, by z tego powodu wszczynać wojnę. Jeśli zaś jednak car już się na nią zdecydował (dyplomaci RP zdawali sobie zapewne sprawę, że w chrześcijańskiej doktrynie wojny sprawiedliwej znajdzie się usprawiedliwienie na każdą okoliczność), to powinien był przedtem o tym poinformować króla polskiego – tego wymaga bowiem od niego prawo międzynarodowe, które tym samym zostało przez cara złamane. Bowiem nawet gdyby Rzeczpospolita była winna złamania paktów przez kwestię tytułów carskich (co – zastrzegali komisarze – jest jednak nieprawdą! ale niepotrzebnie w ogóle taką możliwość dopuszczali), to czyż nie spotkała jej już dostateczna kara poprzez zniszczenie kraju, śmierć i niewolę niewinnych ludzi? Czyż adekwatne jest za "bezczeście cara – człowieka śmiertelnego, wielkie bezczeście Bogu samemu przez zburzenie kościołów, cerkwi, ołtarzów, przybytków bożych, klasztorów, monasterów, przez zesromocenie panienek Bogu poślubionych"? Komisarze Rzeczypospolitej grozili więc za to Moskwie gniewem Bożym, ale trzeba przyznać, że owe argumenty natury religijno-moralnej, zapewne w ówczesnej rzeczywistosci istotne[10], nie znajdowały żadnego odzewu u Rosjan i brzmiały mało przekonywująco w przeciwieństwie do argumentacji stricte prawnej. Były więc bagatelizowane i zbywane zrzucaniem winy na Czerkiesów i Kozaków. Komisarze dość celnie za to zakwestionowali podstawowy argument dotyczący wojny sprawiedliwej; uznano, że nie można powoływać się tu na wolę Boga, bo po pierwsze wojna nie jest jeszcze skończona, a więc nie wiadomo, kto ostatecznie zwycięży; po drugie – nie tyle

przemogła tu potęga moskiewska, co zdrada hetmana Janusza Radziwiłła; po trzecie zaś – nie wszystkie podboje są sprawiedliwe – np. Moskwa kwestionuje (uznaje za niesprawiedliwe) panowania Turcji w Grecji, a przecież ta ją zdobyła (czy to znaczy, że Bóg tak chciał?).

Co zaś się tyczy pomyłek w tytułach carskich, to winę – według komisarzy Rzeczypospolitej – ponoszą za to częściowo sami Rosjanie, który nagminnie mylą się w nich w przesyłanych do Warszawy "gramotach", a z nich to, jako wzorców, korzystają kancelarie Rzeczypospolitej. Na dowód pokazano dyplomatom moskiewskim ich własne, niedawno wysłane do komisarzy Rzeczypospolitej pismo, w którym to cara nazwano Aleksjej Michajlewicz zamiast Michajłowicz. Czy gdyby, opierając się na tej "gramocie", w odpowiedzi zapisano imiona cara tak samo, to strona moskiewska wniosłaby oskarżenie o "nowe bezczeście" i uznałaby to za nowy powód do wojny? Wreszcie, czy poselstwo moskiewskie we Lwowie latem 1653 r. nie obiecało w imieniu Aleksego Michajłowicza puścić w niepamięć sprawę owych błędów w tytułach i do nich nie wracać w zamian za zgodę na przyjęcie mediacji cara w konflikcie z Kozakami? To przeczy przecież traktowaniu kwestii tytułów tak pryncypialnie. Dlaczegóż więc znowu do tego się wraca? Przecież Rzeczpospolita zgodziła się wówczas na mediację cara, a nie doszło do niej tylko z powodu sprzeciwu Kozaków, za co też car deklarował pomoc w przywiedzeniu ich do posłuszeństwa prawowitemu władcy. Przytaczano też przykłady pokojowych w stosunku do Moskwy intencji władz Rzeczypospolitej i ich zabiegi o zachowanie przyjaźni, a więc wydanie ciał Szujskich, wyjaśnianie kwestii tzw. Samozwańców z Janem Faustynem Łubą na czele, ostrzeganie cara o lidze Tatarów z Kozakami, nie wyciąganie daleko idących wniosków z tajnych kontaktow Moskwy z Kozakami i wspomaganie ich w walce z prawowitym monarchą, co było przeciez bezprawną ingerencją w sprawy wewnętrzne sąsiada, a wreszcie traktowanie z pobłażliwością jeszcze liczniejszych przypadków pomyłek w tytulaturze władcy Rzeczypospolitej. Mocno podkreślono też, jakby nawiązując do argumentacji teologicznej Rosjan, że królowie polscy zawsze z przyjaźnią odnosili się do carów, "cokolwiek [się] a principe Christiano i brata najżyczliwszego sperari mogło". Co więcej, to Moskwa naruszyła pakta polanowskie, bo bez przyczyny najechala Rzeczpospolitą, a do tego jej poddanych – Kozaków – "przez praktyki w swoją moc przed zaczęciem wojny objęli". Ten ostatni argument miał niewątpliwie swoją wagę, przeto problem prawa Kozaków do wypowiedzenia posłuszeństwa władcy był wciąż powracającym w dyskusjach delegatów obu państw. Komisarze Rzeczypospolitej kwestionowali, oczywiście, taką możliwość argumentując, iż prawo *de non praestanda oboedientia* przysługuje tylko szlachcie, a Kozacy nią nie są. Godzili się więc jedynie na amnestię dla Kozaków po bezwarunkowym powrocie pod władzę królewską. Rosjanie uważali jednak, że od poddaństwa królowi zwolniło Kozaków złamanie przez Jana Kazimierza przysięgi wykonanej na sejmie koronacyjnym, na dowód czego przedstawiono stosowną konstytucję sejmową. Co prawda nie jest mi takowa konstytucja znana, bo brak jej w Volumina legum, ale że istniała chyba, świadczyć może uchwała sejmu 1649/50 r., która brzmi "Ponieważ podług konstytucyi szczęśliwej Koronacyi naszey, w uspokojeniu Kozaków Zaporowskich dosyć się stało, tedy tę deklaracyą łaski naszey uczynioną pod Zborowem woysku Zaporowskiemu, authoritate Conventus praesentis, za zgodą wszech stanów, approbujemy"[11]. Nie jest jednak jasne, czy rzeczywiście tę konstytucję mieli na myśli dyplomaci moskiewscy, gdyż z późniejszych dyskusji wynika, że w zasadzie chodziło o przysięgę złożoną przez Jana Kazimierza stanom Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego; "stanom", a więc nie Kozakom – argumentowali w odpowiedzi komisarze Rzeczypospolitej. Ponieważ jednak zdaniem dyplomatów rosyjskich Kozacy zgodnie z prawem wypowiedzieli posłuszenstwo władzy królewskiej, a istniała groźba, że poddadzą się sułtanowi lub chanowi, car zmuszony był przyjąć ich pod swe zwierzchnictwo.

Uczynił to jednak dopiero po wybuchu wojny z Rzecząpospolitą, więc nie złamal paktów polanowskich i nic mu w tej kwestii zarzucić nie można. Formalnie wszystko się zgadzało, jeśli się przyjmie za datę rozpoczęcia wojny podjęcie decyzji o niej, co nastąpiło 11 X 1653 r., która rzeczywiści poprzedziła ugodę perejaslawską z 18 I 1654 r. Dla komisarzy Rzeczypospolitej rzeczywistość była jednak zupełnie inna, bo patrzyli na początek wojny poprzez datę wkroczenia wojsk moskiewskich na Litwę późna wiosną 1654 r. Dyplomaci moskiewscy w dalszych rozmowach zdecydowanie sprzeciwiali się rezygnacji z Ukrainy (a nawet dyskusji na jej temat), argumentując obawami o poddanie się Kozaków królowi Szwecji Karolowi X Gustawowi lub władcy Siedmiogrodu Jerzemu Rakoczemu, co stworzyłoby nowe zagrożenie dla Moskwy i Rzeczypospolitej. Uważali więc, że Kozaków trzeba potraktować "jako psów wściekłych", a to może uczynić tylko car.

Komisarze zdziwieni też byli argumentem o zagrożeniu polsko-tatarskim w 1649 r., skoro owe 12 listów, stanowiących tego rzekomy dowód, przeslał carowi sam król, dokumentując swą wolę odrzucenia zabiegów chana o taki sojusz. Jak wiemy, w rzeczywistości rację mieli tu jednak Rosjanie, ale strona litewsko-polska zdecydowanie ten fakt kwestionowala. Przyznawala za to, że taki sojusz zmuszona była zawrzeć już po wybuchu wojny z Moskwą w 1654 r., co wybitny znawca zagadnienia Zbigniew Wójcik słusznie uznał za "najważniejsze porozumienie międzynarodowe Rzeczypospolitej w tym okresie"[12].

W efekcie komisarze za wszczęcie w pelni niesprawiedliwej wojny z punktu widzenia prawa międzynarodowego, zażądali od cara zwrotu zajętych ziem, ludzi, ruchomości, zrzeczenia się bezprawnie używanych tytułów i wynagrodzenia szkód w postaci jakiejś pogranicznej prowincji, a wydatków wojennych przez rekompensatę finansową. Wskazywano, iż Rzeczpospolita nie utraciła siły militarnej i dysponuje obecnie dużą armią, że mając propozycję szwedzką zawarcia pokoju i sojuszu (od stanowiska cara zależy, czy ją król przyjmie), może nastepnie owe siły skierować przeciw Moskwie. Ponieważ w Warszawie uznano jednak, że lepiej będzie zawrzeć pokój i przymierze z carem (ma się rozumieć przeciw Szwecji), to w zamian za to musi on zrezygnować z zajętych siłą ziem. W przeciwnym wypadku nie można liczyć na pokój w przyszłości, gdyż kolejne pokolenia obywateli Rzeczypospolitej będą dążyły do rewanżu i odzyskania utraconych majętności. W ostateczności grożono odnowieniem pretensji do tronu moskiewskiego i ziem leżących na wschód od granicy ustalonej traktatem polanowskim. Tym nie mniej komisarze – nie tylko pod wpływem natarczywych żądań pośredników cesarskich – godzili się na pewne cesje terytorialne na rzecz Moskwy, ograniczone jednak do ziem wschodnich – województwa smoleńskiego po Iwatę i czernihowskiego.

Strona rosyjska zarzut wszczecia wojny bez jej wypowiedzenia odrzuciła twierdząc, iż wojnę zaczęto "po oświadczeniu się panom chrześcijańskim i po wypowiedzeniu KJM przyjaźni". W rzeczy samej w końcu 1653 r. Moskwa wysłała cały szereg poselstw (różnej rangi) do państw europejskich (głównie protestanckich i wrogich Habsburgom) w celu przedstawienia przyczyn konfliktu z Rzeczapospolitą, zorientowania się w ich stanowisku wobec niego oraz uzyskania pomocy i zakupu uzbrojenia. Niektóre z nich (np. Dania) zdecydowanie wrogo odniosły się do wiadomości o mającej nastąpić wojnie Moskwy z Rzeczapospolitą, inne (np. Holandia) – życzyły carowi sukcesów i dały broń. Można to więc przyjąć za owo "oświadczenie się panom chrześcijańskim", choć trudno uznać za wypowiedzenie wojny, podobnie jak list cara do Jana Kazimierza z wyrazami niezadowolenia z zãatwienia kwestii "bezcześć" w jego tytulaturze w 1652 r.[13]

Groźby ze strony komisarzy Rzeczypospolitej spotykały się z podobną reakcją Rosjan – uważali oni, że car może prowadzić wojnę na dwa fronty – przeciw Szwecji i Rzeczypospolitej, a będzie w tym miało nowych, garnących się do protekcji cara,

sojuszników – książąt pruskiego i kurlandzkiego. I jeśli wiara w możliwość zwycięskiego starcia z obu potencjami była chyba nieadekwatna do rzeczywistych możliwości (co pokazała przyszłość), to konszachty między Królewcem i Mitawą a Moskwą nie miały charakteru blefu i stanowiły nie tylko ostrzeżenie, ale i realną groźbę dla Rzeczypospolitej.

Śledząc dyskusję między delegacjami obu stron w gruncie rzeczy wyraźnie widać, że pryncypialne stanowisko Moskwy nie miało prawie nic wspólnego z siłą argumentów prawnych (rozumiejąc je jako prawo międzynarodowe), a służyło jedynie usprawiedliwieniu złamania pokoju, wszczęcia wojny i usankcjonowaniu jej rezultatów. Gdy Rosjanom brakowalo argumentów, to uparcie wracali do tytułów carskich i deklarowali, iż tego, co zdobyli "przez szablę", nie ustąpią. Wynika z tego, że ich cała argumentacja – głównie jak widzieliśmy natury teologiczno-moralnej – miała na celu uzasadnienie podbojów, a nie rozwiązanie konfliktu. Liczył się więc przysłowiowy argument siły, a nie siła argumentów i to jest element, na który chciałbym zwrócić uwagę. Brak było w tej sytuacji płaszczyzny porozumienia, wyjaśnienia przyczyn sporu i ich zakończenia poprzez wzajemne ustępstwa, wynagrodzenie krzywd etc. Rosjanie, mimo iż potrzebowali zawarcia z Rzecząpospolitą rozejmu, zdawali sobie dobrze sprawę z jej slabości militarnej i zamierzali to bezwzględnie wykorzystać. Ich postawa w rokowaniach dobrze odzwierciedlała sukcesy i porażki strony litewsko-polskiej (np. wyraźnie dostrzec można wpływ zwycięstwa nad wojskami szwedzko-brandenburskimi pod Prostkami i klęski pod Filipowem na pertraktacje i propozycje Rosjan co do ewentualnych ustępstw terytorialnych). W przyszłości, a w 1658 r. wojna zostanie wznowiona i potrwa, niekiedy równolegle z toczącymi się przez wiele lat (o czym pisał Zbigniew Wójcik) rokowaniami, do początku 1667 r., argumentacje stosowane w Niemieży (głownie te natury moralno-religijnej) nie będą odgrywały już takiej roli – liczyć się będzie głównie geopolityka.

Jak się zresztą szybko okazało, dla strony rosyjskiej istniał jednak cel, do którego dążono w Niemieży poprzez nieustepliwość w rokowaniach – była nim sukcesja tronu polskiego. Problem ten wysunięty został przez Odojewskiego już 26 sierpnia i stał się odtąd dominującym w rozmowach tak dalece, iż nie poszczególne części terytorium Rzeczypospolitej, a zakres warunków, na jakich car miął otrzymać tron, stanowiły przedmiot ustępstw z obu stron. Od pozytywnej reakcji na swą propozycję Rosjanie uzależniali wszelkie dalsze rozmowy pokojowe, ewentualne (wedlug nich nadspodziewanie wielkie – "tak z wami postapiemy, jako się i sami nie spodziewacie") ustępstwa terytorialne, współpracę militarną etc. W tej sytuacji sens rokowań pokojowych w Niemieży sprowadzał się tylko do negocjacji o tron polski dla cara (nie zaś, jak ostatecznie godził się dwór warszawski, trzyletniego carewicza), przy bardzo mglistych perspektywach korzystnych dla Rzeczypospolitej warunków pokoju. Rosjanie "o żadnej, okrom electionis, materyjej nie chcieli mówić. Deklarowali się i affirmowali, że ta sama pokój gruntowny, stateczny i trwały uczynić i wszystkie dawne, i świeże z obu stron urazy uleczyć i w zapomnienie przywieść może". Jak problem tronu zdominował rokowania, świadczą owe wspomniane przeze mnie źródła, co stoi w sprzeczności z wysuniętą niegdyś przez Zbigniewa Wójcika tezą, że nie był to "problem zasadniczy w pertraktacjach niemieskich"[14]. Dopiero przecież wyrażenie zgody na postawienie kwestii elekcji cara za życia króla na najbliższym sejmie skloniło posłów moskiewskich do zawarcia – cennego dla Wielkiego Księstwa Litewskiego głównie, ale bardzo ograniczonego tematycznie – zawieszenia broni i sojuszu militarnego.

[1] РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). № 598.

[2] См.: *Gawlik M.* Projekt unii rosyjsko-polskiej w drugiej połowie XVII w. // Kwartalnik Historyczny. 1909. T. XXII, № 1/2. S. 86) podaje jako datę rozpoczęcia negocjacji 12 sierpnia, co nie odpowiada prawdzie.

[3] *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. // Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; *Он же.* Начало русско-польской войны и дипломатические контакты России с Австрией, Бранденбургом и другими державами // Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971; *Он же.* Русская дипломатия и начало первой северной войны (январь–октябрь 1655 г.) // Сов. славяноведение. 1973. №. 1.

[4] *Заборовский Л.В.* Русско-литовские переговоры во второй половине 1655 г. // Славяне в эпоху феодализма: К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978; *Kopański Z.* Rokowania w Niemieży i traktat wileński 1656 r.: Próba sojuszu polsko-rosyjskiego przeciw Szwecji // Slupskie Prace Humanistyczne. 1985. № 6a. S. 67–89; *Walewski A.* Historya wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza, 1655–1660. Kraków, 1866. T. 1; *Gawlik M.* Op. cit. S. 78–125; *Kubala L.* Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w r. 1656 i 1657. Lwów 1917; *Wójcik Z.* Polska i Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny pólnocnej, 1655–1660 // Polska w okresie drugiej wojny pólnocnej, 1655–1660. Warszawa, 1957. S. 331–378.

[5] *Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.): Документы, исследование. М., 1994.

[6] *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Из истории русско-польских дипломатических контактов: Посольство Н.И. Одоевского с "товарищи" 1656 г. (посольский архив) // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 153–180.

[7] "O tytulach deklarowaliśmy i jednej litery nad pakta nie przyczynić, ani ująć, bo i kancellaryja KJM nie mogla juribus KJM i całej Rzeczypospolitej prejudykować; o to wojna się zaczęła, po to i te traktaty naznaczone", – pisali komisarze RP do podkanclerzego kor. Andrzeja Trzebickiego, Niemieza 21.VIII 1656 (см.: Lietuvos moklsų akademijos Centrinès bibliotekos Rankreščių skyrius. F. 17–13. S. 2–5).

[8] *R. Regout.* La doctrine de la guerre juste de saint Augustin a nos jours. Paris, 1934. P. 40n.

[9] [*Obuchowicz F.K.*]. Dyaryusz ... Wojewody Smoleńskiego i Marszałka koła Rycerskiego // Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku posługujące, w dziennikach domowych Obuchowiczów i Cedrowskich pozostałe / Wyd. M. Baliński. Wilno, 1859.

[10] *Заборовский Л.В., Захарина Н.С.* Религиозный вопрос в польско-российских переговорах в деревне Немежа в 1656 г. // Славяне и их соседи. М., 1991. Вып. 3.

[11] Volumina legum. S. Pb., 1859. T. IV. F. 285.

[12] *Wójcik Z.* Feudalna Rzeczpospolita wobec umowy w Perejaslawiu // Kwartalnik Historyczny. 1954. T. LXI, №. 3. S. 93–109; *Idem.* Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 20–21.

[13] *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция... С. 30–70; *Он же.* Начало русско-польской войны...

[14] *Wójcik Z.* Polska i Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР	– Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АЕ	– Археографический ежегодник
АИП	– Археологическое изучение Пскова
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли
АМГ	– Акты Московского государства
АН СССР	– Академия наук СССР (ныне – РАН)
АО	– Археологические открытия
АСЭИ	– Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
БАН Литвы	– Библиотека Академии наук Литовской Республики
БВУ	– Библиотека Вильнюсского университета
ВВ	– Византийский временник
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины
ВМОИДР	– Временник Московского общества истории и древностей российских
ВНК	– Всероссийская нумизматическая конференция
ВОИДР	– Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете
ГАПО	– Государственный архив Псковской области
ГАСО	– Государственный архив Саратовской области
ГБЛ	– Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина (ныне – РГБ)
ГВНП	– Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГПБ	– Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – РНБ)
ГРМ	– Государственный Русский музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
д.-в.н.	– древневерхненемецкий
ДАИ	– Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею
ДГ	– Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г. – Древнейшие государства на территории СССР): Материалы и исследования
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ДДР	– Дополнения к т. III Дворцовых разрядов
ДР	– Дворцовые разряды XVII в., по высочайшему повелению изданные II отделением е.и.в. канцелярии
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИЗ	– Исторические записки
ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
кв.	– квадрат (археол.)
кн.	– князь

КПП – Киево-Печерский патерик / Под ред. Д.И. Абрамовича. Киев, 1991. Репринт

КР – Книги разрядные по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II отделением е.и.в. канцелярии

КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР

ЛГИА – Латвийский государственный исторический архив (ранее – ЦГИА Латвийской ССР)

ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии

ЛЛС – Летопись по Лаврентьевскому списку

МГАМИД – Московский главный архив Министерства иностранных дел

МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

Монета – Монета: Международный нумизматический альманах

НАН Белоруссии – Национальная академия наук Республики Беларусь

НМ – Новгородский государственный музей-заповедник

НПК – Новгородские писцовые книги

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов

НС – Нумизматический сборник

НЭ – Нумизматика и эпиграфика

ПАН – Польская академия наук

ПАО – Псковское археологическое общество

ПВЛ – Повесть временных лет

ПГОИАХМЗ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

ПЛ – Псковские летописи

пл. – пласт (археол.)

преп. – преподобный

Погод. – Собрание М.П. Погодина (ф. 583), РНБ

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РАН – Российская академия наук (ранее – АН СССР)

РАО – Российская академия образования

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (ранее – ЦГАДА, ЦГАДА СССР)

РГБ – Российская государственная библиотека (ранее – ГБЛ)

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею

РИИР – Редкие источники по истории России

РИС – Русский исторический сборник

РК – Разрядные книги

РНБ – Российская национальная библиотека (ранее – ГПБ)

Рум. – Собрание Н.П. Румянцева (ф. 256), РГБ

РФА – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в.

РШЭО – Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. документов / Сост. М.Б. Давыдова, И.П. Шаскольский, А.И. Юхт. М.; Л., 1960

СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
Сб. МАМЮ	– Сборник Московского архива Министерства юстиции
Сб. РИО	– Сборник Русского исторического общества
св.	– святой, святая
СГГД	– Собрание государственных грамот и договоров
Син.	– Синодальное собрание, ГИМ
СККДР	– Словарь книжников и книжности Древней Руси
Сл РЯ XI–XVII вв.	– Словарь русского языка XI–XVII веков
СПб. ИИ РАН	– Санкт-Петербургский Институт истории РАН
Тип.	– Типографское собрание, РГАДА
ТК	– Тысячная книга 1550 г.
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Тр. СУАК	– Труды Саратовской ученой архивной комиссии
Троицк.	– Собрание Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), РГБ
УЛС	– Устюжский летописный свод
УС	– Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О.А. Князевская и др. М., 1971
ЦГАДА СССР	– Центральный государственный архив древних актов СССР (ныне – РГАДА)
ЦГИА Латвийской ССР	– Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (ныне – ЛГИА)
ЦИАМ	– Центральный исторический архив г. Москвы
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
AR	– Akten und Rezesse der livlandischen Standetage
DUB	– Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum (1590–1600) / Ed. A.G. Welykyj. Romae, 1970
FOG	– Forschungen zur osteuropaische Geschichte
HR	– Hanzerezesse
HUB	– Hansisches Urkundenbuch
LUB	– Ziv-, Est- und Curlandisches Urkundenbuch
MGH DD	– Monumenta Germaniae Historica. Diplomata
MGH LL	– Monumenta Germaniae Historica. Leges
MGH SS	– Monumenta Germaniae Historica. Scriptores (in folio)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5
А.В. Юрасов (Москва). Анна Леонидовна Хорошкевич 6
А.А. Зимин. Мой истинный друг 17
Список печатных трудов А.Л. Хорошкевич 25

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

А.В. Назаренко (Москва). Еще раз о "Русской марке" (Ruzaramarcha) из грамоты Людовика Немецкого 862/863 года 51
С.М. Каштанов (Москва). Возникновение дани в Древней Руси 57
А.В. Поппэ (Варшава). "А от болгарыне Бориса и Глеба" 72
В.Л. Янин (Москва). К истории административной системы Новгородской земли 77
А.Н. Кирпичников (Санкт-Петербург). О летописном термине "клин" 85
Л.И. Ивина (Санкт-Петербург). Иерархическая структура правящей элиты в княжествах Северо-Восточной Руси и Русском государстве (конец XIV – первая половина XVI века) 88
А.А. Турилов (Москва). "Правило и наказание о душегубстве" и Послание митрополита Ионы Глезны вяземскому попу Давыду 101
Ю.Г. Алексеев (Санкт-Петербург). Морская политика Ивана III (к постановке вопроса) 108
И.П. Старостина (Москва). Некоторые особенности иммунитета в Великом княжестве Литовском в XV веке 126
М.М. Кром (Санкт-Петербург). Неизвестный привилей Сигизмунда I Смоленску (1513 год) 133
А.П. Павлов (Санкт-Петербург). Новгородское дворянство и государев двор XVI–XVII веков 140
Иероним Граля (Варшава). Дьяки и писари: аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI – начало XVIII века) 148
Ю.М. Эскин (Москва). Местничество, родословцы и "родословные пасквили" 165
Н.Ф. Демидова (Москва). Башкирские "посольства" в Москву в XVII веке 179
В.Н. Козляков (Рязань). Служилый "город" в Смоленской войне 1632–1634 годов 188

ИСТОРИЯ РУССКОГО И РОССИЙСКОГО ГОРОДА

Е.А. Рыбина (Москва). Берестяные грамоты о хозяйстве в средневековом Новгороде 198
Т.Д. Панова (Москва). К вопросу о социальной топографии московского Кремля XIV–XVI веков (по данным письменных источников) 204
И.К. Лабутина, И.О. Колосова (Псков). Воеводский двор в Пскове (XVII–XVIII века) 215

Е.Н. Швейковская (Москва). К сотенной организации города на Севере России в XVII веке 234
М.Б. Булгаков (Москва). Культура земского посадского самоуправления в XVII веке 243
А.С. Майорова (Саратов). Саратов в период Пугачевского восстания (по документам, собранным Саратовской ученой архивной комиссией) 248

ТОРГОВЛЯ И КУПЕЧЕСТВО

Норберт Ангерманн (Гамбург). Русские и белорусские купцы в средневековой Ливонии 264
Б.Н. Флоря (Москва). О купеческих организациях в Новгороде XII–XV веков 272
Р.К. Ковалев (Минесота, США). Ганзейская ("дюжинная") деревянная счетная бирка с Готского раскопа средневекового Новгорода 276
П.Г. Гайдуков (Москва). Новгородские четверетцы 280
Зигмантас Кяупа (Вильнюс). Московские купцы в Вильнюсе в середине XVI века 291
Юрате Кяупене (Вильнюс). К вопросу о купеческой общине Вильнюса в первой половине XVII века 300
А.В. Юрасов (Москва). Кредит в псковско-прибалтийской торговле XVII века 307
А.С. Мельникова (Москва). Четыре клада русских монет середины XVII века 328
Н.В. Козлова (Москва). "На чьей опеке... должны быть воспитаны..." Опека и попечительство в среде московских купцов в XVIII веке 341
В.Н. Захаров (Москва). Ростокские купцы в Петербурге в XVIII веке 359

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. КУЛЬТУРА. ИСКУССТВО

Л.В. Столярова (Москва). Рукописная книга во Франции и России в XI–XIV веках: сравнительный аспект 366
Ю.А. Артамонов (Москва). Жизнь и подвиги преподобного Антония Печерского: факты и вымыслы 379
Л.И. Лифшиц (Москва). Икона "Св. Никола" из села Виделебье и проблемы развития местного иконописания Пскова первой половины – середины XIV века 396
В.А. Кучкин (Москва). О времени написания Слова похвального Сергию Радонежскому Епифания Премудрого 407
Э.С. Смирнова (Москва). Чудо св. Димитрия Солунского "о двух солунских девицах": изображения в русском искусстве 420
Г.Я. Голенченко (Минск). Памятник старобелорусской книжности середины XVII века 429
Daniel N. Kaiser (USA). Default and Deception in Muscovite Weddings (Брачные договоры в Московии и их нарушения) 432

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ИНОСТРАНЦЫ О РУСИ, РОССИИ И РУССКИХ

Хенрик Самсонович (Варшава). Русские земли глазами жителей Любека XII–XV веков 438
Е.Л. Назарова (Москва). Дания в наступлении крестоносцев в Восточной Прибалтике (1219 год) 442

В.С. Менжинский (Минск). Метрика Великого княжества Литовского в трудах А.Л. Хорошкевич 449
Артурас Дубонис (Вильнюс). Новые открытия в изучении Литовской метрики в Литве 454
М.В. Дмитриев (Москва). Взгляд православных и взгляд католиков на объединение церквей накануне Брестской унии 1596 года 458
Walter Leitsch (Wien). Bemerkungen zum Nachleben der Moscovia Herbersteins (Замечания о бытовании "Московии" Герберштейна) 474
Inge Auerbach (Marburg/Lahn). Lebende Tiere als fürstliche Geschenke im 16. und 17. Jahrhundert (Живые звери как княжеские дары в XVI и XVII веках) 478
Gabriele Scheidegger (Zürich/Lenk). Zu streng oder zu milde? Die altrussische Justiz in den Augen abendländischer Beobachter (Слишком суровый или слишком мягкий? Древнерусское законодательство глазами западноевропейских наблюдателей) 490
Andrzej Rachuba (Warszawa). Rokowania w Niemieży w 1656 roku w aspekcie teorii wojny sprawiedliwej (Переговоры в Немеже в 1656 году в аспекте теории "войны справедливой") 502
Список сокращений 510

CONTENTS

Preface 5
A.V. Yurasov (Moscow). Anna Leonidovna Khoroshkevich 6
A.A. Zimin. My true friend 17
List of printed works by A.L. Khoroshkevich 25

POWER AND SOCIETY

A.V. Nazarenko (Moscow). Once more about "the Russian mark" (Ruzaramarcha) from the letters patent of Louis German of the years 862–863 51
S.M. Kashtanov (Moscow). Origin of contribution in Old Russia 57
A.V. Poppe (Warsaw). "And from *bolgarina* of Boris and Gleb" 72
V.L. Yanin (Moscow). To the history of administrative system of Novgorod Land 77
A.N. Kirpichnikov (St. Petersburg). On the chronicle term "cuneiform" ... 85
L.I. Ivina (St. Petersburg). Hierarchical structure of the ruling elite in princedoms of the North-Eastern Rus and the Russian state (end of the 14th- the first half of the 16th centuries) 88
Turilov A.A. (Moscow). "Rule and Punishment for Evil Deed" and the Message of Metropolitan Iona Glezny to Vyazemsky Priest Davyd 101
Yu.G. Alekseev (St. Petersburg). Naval policy of Ivan the Third (to the statement of the question) 108
J.P. Starostina (Moscow). Some peculiarities of immunity in the Great Lithuanian Princedom in the 15th century 126
M.M. Kromm (St. Petersburg). Unknown letters patent of Sigismund the First to Smolensk dated 1513 133
A.P. Pavlov (St. Petersburg). Novgorod nobility and the sovereign court in the 16th-17th centuries 140
Ieronim Gralya (Warsaw). Officials and clerks: administration machinery in the Moscow state and the Great Lithuanian Princedom (16th – beginning of 18th centuries) 148
Yu.M. Eskin (Moscow). Order of precedence, family registers and "family libels" 165
N.F. Demidova (Moscow). Bashkir "ambassies" to Moscow in the 17th century 179
V.N. Kozlyakov (Ryazan). Service "town" in the Smolensk War of 1632–1634 188

HISTORY OF THE OLD RUSSIAN AND RUSSIAN TOWNS

Ye.A. Rybina (Moscow). Birch bark letters about economy in the medieval Novgorod 198
T.D. Panova (Moscow). On social topography of the Moscow Kremlin in the 14th–16th centuries (by data of written sources) 204
I.K. Labutina, I.O. Kolosova (Pskov). *Voevoda* court in Pskov (17th–18th centuries) 215

Ye.N. Shveikovskaya (Moscow). On the *sotnia* organisation of town in the Northern Russia in the 17th century 234
M.B. Bulgakov (Moscow). Culture of *zemstvo* trading quarter self-government in the 17th century 243
A.S. Mayorova (Saratov). Saratov during the Pugachov uprising (by documents collected by the Saratov Scientific Archive Commission) 248

TRADE AND THE MERCHANTS

Norbert Angermann (Hamburg). Russian and Belorussian merchants in the medieval Livonia 264
B.N. Florya (Moscow). On merchant organisations in Novgorod in the 12th–15th centuries 272
R.K. Kovalev (Minnesota, USA). Hanse ("dozen") wooden counting tag from the Gothic excavations in Novgorod 276
P.G. Gaidukov (Moscow). Novgorod *chetverets* (monetary unit) 280
Zigmantas Kyaupa (Vilnius). Moscow merchants in Vilnius in the middle of the 16th century 291
Yurate Kyaupene (Vilnius). On merchant community of Vilnius in the first half of the 17th century 300
A.V. Yurasov (Moscow). Credit in Pskov and Baltic trade in the 17th century 307
A.S. Melnikova (Moscow). Four buried treasures of Russian coins of the middle of the 17th century 328
N.V. Kozlova (Moscow). "Under whose guardianship... must be brought up...": Guardianship and trusteeship among Moscow merchants in the 18th century 341
V.N. Zakharov (Moscow). Rostock merchants in Petersburg in the 18th century 359

PUBLIC THOUGHT. CULTURE. ART

L.V. Stolyarova (Moscow). Manuscript book in France and Russia in the 11th–14th centuries: comparativ aspect 366
Yu.A. Artamonov (Moscow). Life and feats of Saint Antony Pechersky: facts and inventions 379
L.I. Lifshits (Moscow). Icon of Saint Nikola from Videlebie village and problems of development of local icon-painting of Pskov in the first half – the middle of the 14th century 396
V.A. Kuchkin (Moscow). On time of writing the Eulogy Encomium of Yepifany Wise to Sergiy Radonezhsky 407
E.S. Smirnova (Moscow). Miracle of Saint Dimitry Solunsky "about two girls": images in Russian art 420
G.Ya. Golenchenko (Minsk). Monument of Old Belorussian book-knowledge of the middle of the 17th century 429
Daniel N. Kaiser (USA). Default and Deception in Muscovite Weddings 432

INTERNATIONAL RELATIONS. FOREIGNERS ABOUT RUS', RUSSIA AND RUSSIANS

Henrick Samsonovich (Warsaw). Russian lands as witnessed by citizens of Luebeck in the 12th–15th centuries 438
Ye.L. Nazarova (Moscow). Denmark and its role in the invasion of crusadors in the Eastern Baltic lands in 1219 442
V.S. Menzhinsky (Minsk). Metrica of the Great Lithuanian Princedom in the works of A.L. Khoroshkevich 449

Arturas Dubonis (Vilnius). New discoveries in study of the Lithuanian metrica in Lithuania 454
M.V. Dmitriev (Moscow). View of Orthodox and Catholic believers on unification of churches on the eve of the Brest Union of 1596 458
Walter Leitsch (Wien). Bemerkungen zum Nachleben der Moscovia Herbersteins 474
Inge Auerbach (Marburg/Lahn). Lebende Tiere als fürstliche Geschenke im 16. und 17. Jahrhundert 478
Gabriele Scheldegger (Zürich/Lenk). Zu streng oder zu milde? Die altrussische Justiz in den Augen abendländischer Beobachter 490
Andrzei Rachuba (Warszawa). Rokowania w Niemieży w 1656 roku w aspekcie teorii wojny sprawiedliwej 502
List of abbreviations 510

Научное издание

От Древней Руси к России нового времени

Сборник статей

К 70-летию
Анны Леонидовны Хорошкевич

Утверждено к печати
Отделением историко-филологических наук РАН

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редакторы *Л.М. Кузнецова, М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова*

Подписано к печати 17.02.2003. Формат 70×100 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 42,3 + 1,0 вкл. Усл.кр.-отт. 44,1. Уч.-изд.л. 43,3
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 4041

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008752-1